АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт языкознания

Сравнительно-историческая ГРАММАТИКА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

МОРФОЛОГИЯ

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
Э.Р. ТЕНИШЕВ

МОСКВА "НАУКА" 1988

ББК 81.2-1
С 75

Авторы:
Э.Р. ТЕНИШЕВ, В.Д. АРАКИН, Г.Ф. БЛАГОВА, А.А. ЧЕЧЕНОВ, Л.А. ПОКРОВСКАЯ, Ф.Д. АШНИН, Л.С. ЛЕВИТСКАЯ, А.А. ЮЛДАШЕВ, Н.А. БАСКАКОВ, И.В. КОРМУШИН, Н.З. ГАДЖИЕВА, К.М. МУСАЕВ

Редакционная коллегия:
Н.А. Баскаков, Н.З. Гаджиева, А.Н. Кононов, Б.А. Серебренников, Э.Р. Тенишев (отв. редактор), А.А. Юлдашев

Рецензенты:
доктора филологических наук *Э.А. Грунина, Г.Ц. Пюрбеев,*
кандидат филологических наук *Е.А. Поцелуевский*

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфо-
С 75 **логия.** — М.: Наука, 1988. — 560 с.
ISBN 5-02-010861-8

Монография представляет собой третью книгу коллективного труда "Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков". В ней дается реконструкция морфологического строя тюркского праязыка и прослеживается его эволюция в современных и древних языках.

Для лингвистов-тюркологов и специалистов по языкам алтайской группы и общему языкознанию.

С $\frac{4602800000\text{-}142}{042(02)\text{-}88}$ 349-88—II

ББК 81.2-1

Научное издание

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ
Морфология

Утверждено к печати Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства *Р.М. Залесковская.* Художник *В.Н. Тикунов*
Художественный редактор *Т.Л. Поленова.* Технический редактор *А.Л. Шелудченко*
Корректор *Т.И. Шеповалова*

Набор выполнен в издательстве на электронной фотонаборной системе

ИБ № 35855

Подписано к печати 16.05.88. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Таймс
Печать офсетная Усл. печ.л. 35,0 + 0,6 вкл. Усл.кр.-отт. 35,6. Уч.-изд.л. 44,3
Тираж 2000 экз. Тип. зак. 119. Цена 6р.40коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

ISBN 5-02-010861-8

© Издательство "Наука", 1988

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ИЗДАНИЯ

ВЯ — Вопросы языкознания (Москва).
ДАН — Доклады АН СССР.
ДТС — Древнетюркский словарь. Л. 1979.
ЗВОРАО — Записки восточного отделения русского археологического общества (Петербург)
ЗКВ — Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР (Ленинград).
ИСГТЯ — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков (Москва).
РЖ — Реферативный журнал ВИНИТИ (Москва).
СТ — Советская тюркология (Баку).
СЭ — Советская этнография (Москва; Ленинград)
ЯН СССР — Языки народов СССР. М., 1966. Т. 2: Тюркские языки.
ABAW — Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse (Berlin).
ALH — Acta Linguistica Hungaricae (Budapest).
AOH — Acta Orientalia Hungaricae (Budapest).
BSL — Bulletin de la Société de linguistique de Paris.
BSOS — Bulletin of the School of Oriental Studies University of London.
CAJ — Central Asiatic Journal (The Hague; Wiesbaden).
FUF — Finnisch-ugrische Forschungen (Helsinki).
EI — Encyclopédie de l'Islam (Leiden; Paris).
JRAS — The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland.
JSFOu — Journal de la Société Finno-Ougrienne (Helsinki, Helsingfors).
KCsA — Körösi Csoma Archivum (Budapest).
KSz — Keleti Szemle (Budapest).
MAs — Mélanges asiatiques (С.-Петербург).
MNy — Mogyar Nyelv (Budapest).
MSFOu — Mémoires de la Société Finno-ougrienne (Helsinki).
MSZP — Mémorial de la Société de Linguistique de Paris.
NyK — Nyelvtudomanyi Közlemények (Budapest).
PhTF — Philologiae Turcicae Fundamenta. Wiesbaden, 1959. Bd. 1.
RO — Rocznik orientalistyczny (Lwow, Kraków, Warszawa).
SPAW (SBAW) — Sitzungberichte der Preussischen (Berlinen) Akademie der Wissenschaften.
STO — Studia Orientalia (Helsinki).
TDAJ-B — Türk Dili Araştırmaları Yıllığı: Belleten (Ankara).
UAJb — Ural-Altaische Jahrbücher (Wiesbaden).
UJB — Ungarische Jahrbücher (Berlin, Leipzig).
WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes (Wien).
ZDMG — Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft (Leipzig; Wiesbaden).

ПАМЯТНИКИ*

БК — памятник Бильге-кагану
Е — Енисейские памятники на территории Тувинской АССР.
КТ (КТм, КТб) — памятник в честь Кюль-Тегина с горного плато Кошо-Цайдам в долине р. Кокшин-Орхон (МНР).
КЧ — Памятник в честь Кули-Чура.
ЛОК — Легенда об Огуз-кагане (список XV в., хранится в Париже).
МБ — два уйгурских документа XIII в. (рукописный отдел ЛО ИВ АН СССР).
МК — Словарь Махмуда Кашгарского ("Дйва́ну луға́т-ит-турк") 1072—1074 гг.

*Сокращения даны по "Древнетюркскому словарю" (Л., 1969).

МЧ — Памятник Моюн-Чуру ("Селенгинский камень").
О — Онгинский памятник.
Т — памятники долины р. Таласс.
Тон. — памятник в честь Тоньюкука (~Тонюкука) (МНР)
Юг (ЮгА, ЮгВ, ЮгС) — 'atābātu 'l-ḥaqājiq ("Врата истин"), или hibātu 'l-ḥaqajiq ("Подарок истин"), сочинение Ахмеда Югненского, XIII в.
Chuast — X^{u}āstvānift ("Покаянная молитва манихейцев", тюркский перевод ираноязычного сочинения, предположительно V—VII вв.).
KP — уйгурская версия о царевичах Kalyāṇamkara и Pāpamkara (список предположительно X в.).
Man — фрагментные тексты из рукописей, найденных в Турфанском оазисе.
QB (QBH, QBK, QBN) — Qutadγu bilig ("Наука о том, как становиться счастливым"), сочинение Юсуфа Баласагунского, 1069—1070 гг.
Rach II — фрагменты пяти различных сочинений медицинского содержания, берлинская коллекция.
Suv — Suvaṇaprabhāsa — Altun jaruq (сутра "Золотой блеск").
ThS — (Томсен-Стейн) — рукописные фрагменты орхоно-енисейским письмом лондонской коллекции.
TT — Türkische Turfantexte:
IV — два сводных текста уйгурским письмом.
V — два буддийских текста уйгурским письмом из берлинской коллекции.
VI — буддийская сутра "Sekiz jükmäk" уйгурским письмом.
VII — 42 фрагмента различного содержания уйгурским письмом, из турфанской коллекции.
X — фрагменты из четырех списков с легендой о демоне Āṭavaka, уйгурским письмом.
Uig I — отрывок христианского содержания ("Поклонение волхвов" и фрагменты из сутры "Золотой блеск") уйгурским письмом;
II — фрагменты буддийского содержания уйгурским письмом.
USp — уйгурские юридические документы XII—XIV вв.

ЯЗЫКИ, ДИАЛЕКТЫ, ГОВОРЫ

ав. — авестийский
аз. — азербайджанский
айск. — айский (говор башкирского языка)
акног. — акногайский (диалект ногайского языка)
акс. — аксуйский (говор центрального диалекта уйгурского языка)
алили — говор туркменского языка
алт — алтайский
алт. абакан. — абаканский (диалект алтайского языка)
алт. куманд. — кумандинский (диалект алтайского языка)
анатол. — анатолийский диалект турецкого языка
анауск. — анауский (говор туркменского языка)
ар. — арабский
аргаяш. — аргаяшский (говор восточного диалекта башкирского языка)
арм. — армянский
арм.-кыпч. — язык армяно-кыпчакских памятников (кыпчакский язык)
асин. — асинский (говор башкирского языка)
бак. — бакинский (диалект азербайджанского языка)
балк. — балкарский
баоань. — баоаньский
бараб. — язык барабинских татар
башк. — башкирский
белорец. — белорецкий (говор башкирского языка)
бельтир. — бельтирский (диалект хакасского языка)
боджн. — боджнурдский диалект
болг. — болгарский
босн. — боснийскотурецкий диалект
буйнак. — буйнакский (диалект кумыкского языка)
булг. — булгарский
бур. — бурятский
бурз. — бурзянский говор башкирского языка
бух. — бухарский (диалект узбекского языка)

варташ. - варташский (говор азербайджанского языка)
вог — вогульский (мансийский)
вост. диал. — восточный диалект (башкирского языка)
вост. тюрк. — восточнотюркское
вот. — вотякский (удмуртский)
вулк. — вулканештский (говор гагаузского языка)
гёклен. — гёкленский (диалект туркменского языка)
гаг. — гагаузский
глаз. — глазовский (говор татарского языка)
гов. — говор(ы)
гольд. — гольдский (нанайский)
греч. — греческий
дагур. — дагурский
дем. — демский (говор южного диалекта башкирского языка)
джиз. — джизакский (говор узбекского языка)
джурч. — джурчженьский
джуш. — джушский говор
дианис. — дианисийский (говор казахского диалекта азербайджанского языка)
др.-англ. — древнеанглийский
др.-евр. — древнееврейский
др.-перс. — древнеперсидский
др.-письм. монг. — древнеписьменный монгольский
др.-тюрк. — древнетюркский
др.-уйг. — древнеуйгурский
дуг. — дугарский
дун.-булг. — дунайско-булгарский
дун. — дунсянский
ен.-орх. — енисейско-орхонский
ен.-сам. — енисейско-самоедский (энецкий)
ёмуд. — ёмудский (диалект туркменского языка)
зап. гов. — западный(ые) говор(ы)
зап. тюрк. — западнотюркское, западнотюркские (языки, диалекты, говоры)
зак. — закатаевский (говор азербайджанского языка)
занг. — зангеланский (говор азербайджанского языка)
и.-е. — индоевропейский
иван. — иванский (говор узбекского языка)
инд. — индийский
инзер. — инзерский (говор южного диалекта башкирского языка)
ик.-сакм. — ик-сакмарский (говор южного диалекта башкирского языка)
иран. — иранский
ирт. — иртышский (диалект сибирских татар)
ист. — исторический, относящийся к устаревшим формам языка
ичкилик. — ичкиликский (диалект киргизского языка)
каз. — казахский
казан. — казанскотатарский
казмаш. — казмашский (говор башкирского языка)
кайт. — кайтакский (диалект кумыкского языка)
калм. — калмыцкий
камас. — камасинский
кар. — караимский
кар.г. — галицкий (диалект караимского языка)
кар. л. — лужицкий (диалект караимского языка)
кар.к — крымский (диалект караимского языка)
кар. т. — тракайский (диалект караимского языка)
карабах. — карабахский (диалект азербайджанского языка)
караг. — карагасский
карах.-уйг. — караханидский
карач. — карачаевский
караяг. — караягинский (говор азербайджанского языка)
каридель. — каридельский (говор южного диалекта башкирского языка)
карин. — каринский (говор татарского языка)
карлук. — карлукский (карлукско-хорезмский)
карш. — каршинский (говор узбекского языка)
касим. — касимовский (диалект татарского языка)
ках. — кахский (говор азербайджанского языка; см. закатальский)
кач. — качинский (диалект хакасского языка)
кашагач. — кашагачский
кашг. — кашгарский (диалект уйгурского языка)
кашк. — кашкайский (диалект)
кбалк. — карачаево-балкарский
кер. — керийский (говор. хотанского диалекта уйгурского языка)
керук. — керукский (говор азербайджанского языка)
кизил. — кизильский (говор башкирского языка)
кирг. — киргизский
кит. — китайский
ккалп. — каракалпакский
ккирг. — каракиргизский
койб. — койбальский (диалект хакасского языка)

коканд. — кокандский (диалект узбекского языка)
ком. — команское наречие (уст.), см. половецкий язык
коми-з. — коми-зырянский
коми-п. — коми-пермяцкий
конд. — кондомский (=шорский) — по Вербицкому
кондак. — кондакский (говор — по Кастрену)
кор. — корейский
ктат. — крымскотатарский
куба — (диалект азербайджанского языка)
кубалак. — кубалякский (говор башкирского языка)
кум. — кумыкский
кум.каз. — казанищенский (говор кумыкского языка)
куман. — куманский
куманд. — кумандинский (диалект алтайского языка)
кур. — курдскотюркский
куч. — кучарский (говор центрального диалекта уйгурского языка)
кыз. — кызыльский (диалект хакасского языка)
кыпч. — кыпчакский, кыпчакские
кыпч. гов. — кыпчакские (говоры узбекского языка)
кырач. — кырачский (говор туркменского языка)
кырк. — кыркский (диалект узбекского языка)
кюэр. — кюэрикский (см. чулымский)
лам. — ламутский (эвенский)
лапп. — лаппский (саамский)
лат. — латинский
леб. — лебединский (диалект алтайского языка)
лобн. — лобнорский
малк. — малкарский (диалект карачаево-балкарского языка)
мамл.-кыпч. — язык мамлюкско-кыпчакских памятников
манк. — манкентский (говор узбекского языка)
маныш. — манышский (говор туркменского языка).
маньчж. — маньчжурский
мар. — марийский
мелет. — см. чулымский
миас. — миасский (говор Восточного диалекта башкирского языка)
миш. — мишарский (диалект татарского языка)
миях — миякский (говор Восточного диалекта башкирского языка)
мог. — могольский
монг. — монгольский
монг. класс. — монгольский классический
монг. письм. — письменный монгольский
монгор. — монгорский
муг. — муганский (говор азербайджанского языка)
н.-перс. — новоперсидский
н.-уйг. — новоуйгурский
н.-чул. — нижнечулымский
наманг. — наманганский (говор узбекского языка)
нанай. — нанайский
нахич. — нахичеванский (группа говоров азербайджанского языка)
небап. — небапский диалект туркменского языка
негид. — негидальский
ниязбаш. — ниязбашский (говор башкирского языка)
ног. — ногайский
ног. кн. — ногайский книжный
ногайбак. — ногайбакский (говор татарского языка)
нохур. — нохурский (говор туркменского языка)
нух. — нухинский (диалект азербайджанского языка)
общеалт. — общеалтайский
общеир. — общеиранский
общетюрк. — общетюркский
огуз. — огузский (диалект узбекского языка)
ойрат. — ойратский (алтайский) язык
ольч. — ольчский (тунгусо-маньчжурский язык)
ордос. — ордосский (диалект монгольского языка)
ордуб. — ордубадский (диалект азербайджанского языка)
орок. — орокский
ороч. — орочский
орх.-ен. — см ен.-орх.
осет. — осетинский
осм. — османский
остяк. — остякский (хантыйский)
ош. — ошский (говор узбекского языка)
памир. — памирский (говор киргизского языка)
паркент. — паркентский (говор узбекского языка)
перех. — переходные (говоры)
перс. — персидский
пехлев. — пехлевийский
полов. — половецкий
прамонг. — прамонгольский
пратюрк. — пратюркский
рум. — румынский
румел. — румелийский (диалект турецкого языка)
рун. тюрк. — руничесий тюркский
рус. — русский
саам. — саамский

саг. — сагайский (диалект хакасского языка)
сак. — сакский
сакмар. — сакмарский (говор башкирского языка)
сал. — саларский
салыр. — салырский (диалект туркменского языка)
сальб. — сальбинский (говор — по Кастрену)
сальют. — сальютский (говор восточного диалекта башкирского языка)
сальян. — сальянский (диалект азербайджанского языка)
самоед. — самоедский (самодийский)
сарык. — сарыкский (диалект туркменского языка)
саян. — саянский
сельдж. — сельджукский
селькуп. — селькупский
серб. — сербский
сиб. тат. — язык сибирских татар
сино-кор. — сино-корейский
сир. — сиро-тюркский (язык несторианских эпиграфических памятников)
снскр. — санскритский
согд. — согдийский
сойон. — сойонский
сойот. — сойотский
солон. — солонский
ср.-монг. — среднемонгольский
ср.-перс. — среднеперсидский
ср.-тюрк. — среднетюркский (тюркский язык "Дивана" Махмуда Кашгарского)
средн. гов. — средний говор (южного диалекта башкирского языка)
ставроп. — ставропольский (язык ставропольских туркмен)
ст.-кыпч. — старокыпчакский
ст.-монг. — старомонгольский
ст.-осм. — староосманский (турецкий)
ст.-письм. монг — старописьменный монгольский
ст.-слав. — старославянский
ст.-тур. — старотурецкий
ст.-туркм. — старотуркменский
ст.-узб. — староузбекский
сурхы — говор туркменского языка
сюг. — сарыг-югурский
тавш-самоед. — тавш-самоедский (нганасанский)
тагиб. — тагибский (говор узбекского языка)
тадж. — таджикский
тадж.-перс. — таджикско-персидский
таежн. — таежный (говор тувинского языка)
танып. — таныпский (говор Таныпских башкир)
таранч. — таранчинский (кульджинский — говор центрального диалекта уйгурского языка)
тат. — татарский
тат. зл. — татарский златоустовский
тат. ЗС — говор татар Западной Сибири
ташк. — ташкентский (говор узбекского языка)
тек. (теке) — текинский (диалект туркменского языка)
тел. — телеутский (диалект алтайского языка)
теленг. — теленгитский
тоб.-ирт. — тобольско-иртышский (диалект сибирских татар)
тоб. тат. — язык тобольских татар
тодж. — тоджинский (диалект тувинского языка)
томск. — томские говоры восточного диалекта татарского языка
тоф. — тофаларский
тохар. — тохарский
туба (-кижи) — туба (диалект алтайского языка)
тув. — тувинский
тунг.-маньч. — тунгусо-маньчжурский, тунгусо-маньчжурские
тур. — турецкий
туркм. — туркменский
тур. ист. — исторические формы слов в турецком языке (Tarama Sözlüğü)
турф. — турфанский (говор центрального диалекта уйгурского языка)
тюм. тат. — говор тюменских татар
тюрк. — тюркский, тюркские
уд. — удэйский
удин. — удинский
удм. — удмуртский
удэг. — удэгейский
узб. — узбекский
уйг. — уйгурский
уйг.-кыпч. — уйгурский кыпчакский
уйг.-урянх. — уйгурский урянхайский
уйг.-ферг. — уйгурский ферганский
ульч. — ульчский
урдин. каз. — урдинский (диалект казахского языка)
фин. — финский
фин.-угр. — финно-угорские
хаз. — хазара
хак. — хакасский
хал. — халаджские говоры
халх. — халхаский
хам. — хамийский (диалект уйгурского языка)
хасар — говор туркменского языка
хетт. — хеттский
хив. — хивинский (диалект узбекского языка)
хорас. — хорасанско-тюркский
хорезм. — хорезмский (напр., хорезмские говоры узбекского языка)

хори-бур. — диалект хоринских бурят
хотан. — хотанский (диалект уйгурского языка)
хуламо-безенг. гов. — хуламо-безенгийский говор балкарского диалекта карачаево-балкарского языка
церк.-сл. — церковнославянский
чаг. — чагатайский
черем. — черемисский (марийский)
черн. — диалект черневых татар
човд. — човдурский (диалект туркменского языка)
чув. — чувашский
чул. — язык чулымских тюрков
шахрисябз. — шахрисябзский (говор узбекского языка)
шв. — шведский
шем. — шемаханский (диалект азербайджанского языка)
шор. — шорский
эвен. — эвенский
эвенк. — эвенкский, эвенкийский
эневи — диалект туркменского языка
эрзя-морд. — эрзя-мордовский
эрсари — диалект туркменского языка
этим. — этимологический
эушт.-чат. — эуштинско-чатский (говор языка западно-сибирских татар)
южн. тюрк. — южнотюркское
юрак.-саам. — юрако-самоедский (ненецкий, саами)
юрт.-тат — язык юртовских татар
ягноб. — ягнобский
як. — якутский
яп. — японский
ярк. — яркендский (говор центрального диалекта уйгурского языка)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Труды по сравнительно-исторической морфологии тюркских языков охватывают как всю систему, так и отдельные ее фрагменты. Обобщающая работа В.А. Богородицкого по тюркской исторической морфологии, включенная в его "Введение в татарское языкознание" (Казань, 1934; М., 1953), ограничивается склонением имен, личными местоимениями и спряжением глагола. Коллективный труд "Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2. Морфология" (М., 1956), хотя и шире охватывает категории и материал, чем работа В.А. Богородицкого, но уступает ему с методической стороны. Книга М. Рясянена "Materialen zur Morphologie der türkischen Sprachen (Helsinki, 1957) — обстоятельное, стройное исследование, однако в нем не выдерживается сравнительная методика.

Строгое применение сравнительной процедуры демонстрируют труды К.Г. Менгеса "The Turkic Languages and Peoples" (Wiesbaden, 1968), А.Н. Кононова "Показатели собирательности — множественности в тюркских языках" (Л., 1969), Л.С. Левитской "Историческая морфология чувашского языка" (М., 1976), А.М. Щербака "Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя, глагол)" (Л., 1977, 1981), Б.А. Серебренникова и Н.З. Гаджиевой "Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Учебное пособие для вузов" (Баку, 1979), Н.А. Баскакова "Историко-типологическая морфология тюркских языков" (М., 1979), А.Н. Кононова "Грамматика языка тюркских рунических памятников" (VII—IX вв.) (Л., 1980). Все эти публикации дают возможность новых обобщений и выводов.

Данная монография ставит задачу обобщить весь исследовательский опыт в данной области с максимальным охватом материала, пересмотреть существующие представления и выявить собственный подход к вопросам реконструкции и эволюции служебных морфем в тюркских языках.

Предлагаемый труд, исследовательский и в то же время справочный, отличается единым подходом к динамике морфологического строя тюркских языков. Цель работы — дать реконструкцию (фонетическую и морфологическую) тюркской морфемики и показать ее развитие в современных и древних языках, объяснить внутреннюю закономерность образования грамматической категории, причины употребления тех или иных формантов.

Методические основы третьей книги коллективного труда остаются прежними (см. введение к "Фонетике" — М., 1984 г.).

Авторы тома: "Предисловие", "Введение", "Категория числа", "Имя числительное" — Э.Р. Тенишев; "Категория принадлежности", "Инфинитив", "Мимемы" — В.Д. Аракин; "Категория падежа", "Склонение личных и указательных местоимений" — Г.Ф. Благова; "Словообразование существительных" — А.А. Чеченов; "Личные и личноуказательные местоимения" — Ф.Д. Ашнин; "Имя прилагательное" — Л.А. Покровская; "Наречие", "Послелоги" — Л.С. Левитская; "Категория залога", "Словообразование глагола" — А.А. Юлдашев; "Категория времени" — И.В. Кормушин; "Категория наклонения" — Н.А. Баскаков; "Причастия", "Деепричастия" — Н.З. Гаджиева; "Частицы", "Союзы" — К.М. Мусаев.

Авторский коллектив приносит благодарность рецензентам Э.А. Груниной, Е.А. Поцелуевскому, Г.Ц. Пюрбееву за ценные советы и замечания, а также сотрудникам Группы обеспечения комплексных работ Е.Г. Архангельской, Е.М. Василевич и А.А. Ковшовой за подготовку рукописи к печати.

ВВЕДЕНИЕ

Морфологическая структура слова не определяется непосредственно его фонетической структурой. Деление слова на морфемы не тождественно с его слоговым составом. Например, морфемный состав туркм. *gel-jär-in* 'я иду', тур. *jaz-y-jor-um* 'я пишу' отличается от слоговой структуры тех же слов: *gel-jä-rin, ja-zy-jo-rum*. Морфемы сочетаются в слове по правилам, не совпадающим с правилами фонемного сочетания. Но тем не менее анализ морфемного строения слова не может быть проведен изолированно от его фонетической структуры. Следование фонем, которое противоречит правилам фонологической сочетаемости тюркских языков (гармонии гласных), является пограничным сигналом, показывающим соединение двух основ, а не основы с формантом. Например, тур. *ağabej* 'старший брат' есть сочетание двух именных основ (*ağa* и *bej*), *affet-* 'прощать' — сочетание именной и глагольной основ (ар. *aff* и *et-*).

В тюркских языках слово в структурном отношении состоит из морфем двух видов: полнозначных и служебных. К первым принадлежат корни (основы), вычленяющиеся при сравнении слов производного и парадигматического рядов, неразложимые в синхронном плане и являющиеся базой для образования слов и их форм. Ко вторым относятся формальные единицы. Подобное деление отличается условностью: служебные морфемы охватывают не только аффиксы (см. пространственные уточнители у существительных и видовые модификаторы в глаголе), некоторые корни также являются служебными морфемами (союзы, послелоги, частицы, междометия, мимемы). В отличие от корней аффиксы выполняют только служебную роль.

Аффиксальные морфемы по функции и назначению делятся на словообразовательные, формообразующие и словоизменительные. Аффиксы словоизменения и формообразования в сочетании с основой образуют словоформу, которая входит в парадигматический ряд и способна выступать как член предложения [Арутюнова 1972, 234; Кубрякова 1974, 177—178]. В процессе словоизменения форма и лексическое значение исходной основы сохраняются, у существительных — это категории числа и склонения, у глаголов — категории лица, времени и наклонения. При формообразовании меняются и форма и значение основы, но только в грамматическом плане: возникающая новая основа выражает не лексическое, а грамматическое значение [Кубрякова 1974].

К формам грамматического основообразования относятся: у суще-

ствительных — формы принадлежности, у прилагательных — формы степеней сравнения, ослабления и усиления качества, у глаголов — инфинитив, аспекты, залоговые, видовые, модальные образования, причастия и деепричастия [Кононов 1956, 190—255; 1960, 232—310]. При словообразовании аффиксы, присоединяясь к основе, образуют новые номинативные единицы (производные слова), которые входят в состав деривационных рядов. Последние представляют собою образования, отличающиеся по значению и форме от основы. Значения их не есть сумма значений составляющих частей: присоединение аффикса приводит к конкретизации или транспозиции — перемене отнесенности исходной семантики к действию, предмету, признаку. Слово *taš* означает 'камень', *tašlyq* 'каменистое место', *tašly(γ)* 'имеющий камень', *tašla-* 'бросать'.

Деривационные единицы, как и грамматические, имеют категориальные значения, способствуя объединению формальных групп слов. Вследствие этого словообразование, будучи самостоятельным предметом исследования, должно рассматриваться и как часть морфологии, в задачу которой входит анализ морфологических структур [Кубрякова 1972, 352—353]. К анализу морфологических структур относится и анализ функций служебных морфем в составе слова.

В тюркологии морфологические показатели — аффиксы (или форманты) — определяются как звуковой комплекс, который фонетически зависит от основы и потому представляет не стандартное звукосочетание, а ряд фонетических вариантов. Не функционируя самостоятельно, аффикс приобретает семантическое единство только в соединении с основой [Дмитриев 1948, 43]. Соединение аффиксов с основой в тюркских языках происходит путем агглютинации. Сущность этого способа связи морфем заключается в относительно полном соответствии числа морфем числу граммем, вследствие этого оформление слова происходит посредством последовательного наращения аффиксов (цепочка аффиксов). Порядок следования аффиксов детерминирован их значением: аффиксы общего значения обычно предшествуют аффиксам более узкого значения. Возможны конкретные, узуальные ограничения, иными словами, место каждого аффикса определяется его рангом: аффиксы подчинены ранговой иерархии [Алпаров 1927; Джикия 1984; Ревзин, Юлдашева 1969, 42—55; Voegelin, Ellinghausen 1943]. При однородных членах предложения, оформленных мн. числом, посессивной формой или падежом, возможно вынесение за скобки именного показателя, что невозможно для глагола. По этой причине морфология тюркского имени оказывается более аналитической, чем морфология глагола.

В тюркских языках происходит совмещение двух или трех аффиксов одного и того же ранга, главным образом падежных, что ведет к двойному и тройному склонениям (якутский, уйгурский, чувашский, древнеуйгурский языки). Возможно и плеонастическое употребление аффиксов [Благова 1968, 81—97; Махкамов 1983].

Количественное равенство служебных морфем и их значений не дает повода для заключения о происхождении морфемного инвен-

таря из полнозначных слов. Отдельные случаи такого рода встречаются в тюркских языках, но возведение этих частностей в принцип неизбежно ведет к поискам в области доагглютинативного строя (если он когда-либо существовал в тюркских языках) и возможностей его трансформации в строй агглютинативный — работе чисто умозрительной и лишенной какого-либо смысла. Необходимо прослеживать реальную историю морфем: их кумуляции и сплавления по смежности значений, сопровождающиеся фузионными процессами, а также изменением в функционировании.

В тюркологии аффиксальными морфемами традиционно признаются лишь связанные формы — те, что не могут быть полнозначными словами и употребляться как самостоятельные единицы. Фактически служебные морфемы в тюркских языках обладают неоднозначными дистрибутивными свойствами, в зависимости от которых их можно делить на три группы [Кубрякова 1974, 118—131].

1. Свободные морфемы — морфемы, употребляющиеся самостоятельно. К ним относятся союзы и послелоги — частицы, которые управляют каким-либо падежом имен: неопределенным или родительным, дательным, исходным.

2. Связанные морфемы — морфемы, употребляющиеся только вместе с некоторыми группами корневых морфем. К ним принадлежат показатели числа, принадлежности, падежей, лица, времен, наклонений, именной и глагольной деривации.

3. Относительно связанные морфемы — морфемы, употребляющиеся в одних типах структур как связанные единицы, а в других типах структур как независимые единицы. Они входят в сочетание с полнозначным словом и принимают аффиксы падежей (дат., местн., исх.), уточняя пространственное положение предмета или лица, выполняя тем самым служебную роль. Аналогичное положение существует и в сфере глагола. Здесь также наблюдаются единицы, которые в одних типах структур проявляют себя как связанные, а в других — как независимые. Это — небольшое количество глаголов, в основном глаголов движения и действия. Соединяясь с деепричастием основного глагола, они образуют аналитические формы вида и модальности. Степень грамматикализации служебных глаголов различна: наибольшей она достигает для *jat-, otur-, jür-, tur-*, остальные глаголы образуют промежуточную, переходную ступень от полнозначных глаголов до полностью грамматикализованных [Юлдашев 1965, 39—114].

Если за аффиксом сохранить традиционное понимание, то служебные имена и глаголы можно именовать относительными аффиксами или полуаффиксами. Такого рода тюркская морфемика, синтетическая и аналитическая, — достояние праязыка.

В тюркских языках довольно многочисленны и разнообразны аналитические формы времен и наклонений, а также аналитические формы производных существительных, прилагательных, глаголов. В праязык возводимы скорее модели этих образований, чем их конкретные наполнения.

В большинстве случаев в тюркских языках аффиксы однозначны. Но существуют и такие аффиксы, которые имеют по два и три значения. Аффиксы, обозначающие лицо и принадлежность, в то же время выражают и число. Аффикс мн. числа *-lar* выражает также 3-е лицо мн. числа. Показатели повелительного наклонения несут на себе значения императива, числа и лица. В чувашском языке конечные *а, е, ӑ, ӗ* именных основ заменяются посессивными аффиксами 2 л. *и, й* и 3 л. *і*. Таким образом, какая-то часть тюркских аффиксов носит флексионный характер. Поскольку данные аффиксы относятся к праязыковому состоянию, вместе с ними принадлежат праязыку и их значения. Данные чувашского языка говорят о том, что флексионные значения у тюркских аффиксов развивались и после распада праязыка, в общетюркскую эпоху.

Принято считать, что префиксы в тюркских языках отсутствуют [Дмитриев 1948, 44; Deny 1920, 51—65; Сепир 1934, 53]. Тем не менее отмечены: а) препозитивные элементы арабского и персидского (реже интернационального) происхождения, которые, присоединяясь к тюркским основам, участвуют в словопроизводстве [Халмурадов 1983; Азимов 1947, 6—16]; б) префиксы тюркского происхождения и слова в стадии превращения в префиксы (полупрефиксы, или префиксоиды); роль такого префикса играют препозитивный элемент *š* в указательных местоимениях и остаточный элемент *ä/e* (от стяжения деепричастия *alyp*) в аналитических формах глаголов; к полупрефиксам относят препозитивную частицу *en/iŋ* в превосходной степени прилагательных, а также числительное *bir* в функции неопределенного артикля [Азимов 1947, 17—24].

Все эти явления носят частный, ограниченный характер и относятся к общетюркскому состоянию, — периоду самостоятельного существования тюркских языков. Они подтверждают известное теоретическое положение, что в недрах одного, ведущего строя (в данном случае агглютинативного) могут присутствовать зачатки иного строя (в данном случае флективного). Тенденции выражения иноструктуры могут быть заложены в самом строе языка и активизированы извне. Нечто подобное можно усмотреть и в других языках алтайской общности — монгольских и тунгусо-маньчжурских.

* * *

При распределении слов по наиболее общим группам — частям речи — главная роль принадлежит самому обобщенному, абстрактному значению основы, с которой соотнесены (хотя и не всегда) и формальные части. Европейская грамматическая традиция связывает наличие частей речи в том или ином языке с наличием в языке развитой или относительно развитой морфологии, причем морфологии прежде всего словоизменительного характера. Условие необходимое, но недостаточное.

Части речи в тюркских, как и в языках других семей, — это группы слов, объединенных общеграмматической (категориальной) семантикой и характеризующихся частными грамматическими признаками: морфологическими (образование и изменение слов) и син-

таксическими (сочетаемость слов) [Щерба 1957, 63—84; Суник 1966, 26—27; 114—115, 119—130; Севортян 1955, 188—225; Telegdi 1958, 1—43]. На основании этих признаков в тюркских языках выделяются следующие полнозначные части речи: существительное, прилагательное, глагол, наречие.

Особое положение занимают числительные и местоимения. При их определении приходится опираться главным образом на семантический признак — формальные признаки отсутствуют. Тюркские числительные, субстантивируясь, выражают обобщенное значение счета, а местоимения, несущие функции существительного и прилагательного, обладают специфической "указательной" семантикой. Особая семантика, а скорее традиция, побуждает включить числительные и местоимения в число номинативных частей речи.

В тюркских языках существует группа слов, не имеющих номинативного значения, служащих средством выражения грамматических отношений. В части речи они могут быть выделены по их обобщенным значениям и критерию сочетаемости с другими словами. К неноминативным частям речи относятся: послелоги, частицы, союзы. Вне указанных частей речи остается небольшая группа слов — предикативы. Они не изменяются и выражают отношение субъекта к речи или речи к действительности. Особую группу слов составляют междометия и звуко- и образоподражательные слова (мимемы). Они не обладают грамматической формой и служат для выражения эмоций и подражания звукам и образам, воспринимаемым человеком.

В данном труде выделяются существительные, прилагательные, числительные, местоимения, глаголы, наречия, послелоги, частицы, союзы и мимемы. Реконструкция архетипов морфем производится только на тюркской почве. Данные же алтайских языков[1] привлекаются для отделения форм с самостоятельным развитием от форм, параллельно развившихся в других языках, и для увеличения временно́й глубины реконструкций.

Этимологический анализ аффиксальных и других служебных морфем не является самоцелью в сравнительно-исторической морфологии тюркских языков. Это — всего лишь дополнительный способ прояснения состава или структуры морфем для их последующего использования в процедуре внешнего или внутреннего сравнения.

[1] Об отношении к алтайскому материалу см. т. 1.

ГЛАВА I
ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

Опираясь на исследования категории числа в языках многих семей, В.З. Панфилов пришел к заключению, что очень важным моментом в развитии категории грамматического числа существительных является историческое развертывание понятия множественности. Многие языки на более ранних этапах развития обладали большим числом показателей собирательной множественности. Эти показатели служили, по-видимому, для оформления существительных, которые обозначали особый вид собирательного множества в зависимости от свойств составляющих его объектов [Панфилов 1977, 250—272, 282].

В тюркских языках сохранились лишь реликты форм собирательной множественности. В давний период эти формы, очевидно, носили действенный характер. Можно выделить следующие форманты собирательной множественности и отнести их к раннему этапу тюркского праязыка — **-z, *-s, *-q (k), *-t, *-š, *-č, *-l, *-m, *-n, *-r* [Левитская 1976, Кононов 1969, Серебренников 1974_1, 159—165; Серебренников, Гаджиева 1979, 89—94; Щербак 1977].

Форма на **-z* > **-s* > *-h*, башк., туркм. *ϑ*, башк. диал. θ

Первая заметка о существовании формы множественности на *-z* принадлежит Б. Мункачи [см. Munkácsi 1918—1919, 125]. Г. Рамстедт выделил элемент *-z* в слове *köküz* 'грудь' [Ramstedt 1906, 20], В. Банг — в словах, которые выражают наличие парности в предметах и частях тела: *ayyz* 'рот, уста', *omuz* 'плечо, плечи', *bäniz* 'лицо', *ikiz* 'двойня' [Bang 1918_2, 307—310]. К этим словам были добавлены еще следующие: *köz~göz* 'глаз, глаза', *köküz~gögüz~köküs* 'грудь, груди', *jotaz* 'бедро, бедра', *tiz~diz* 'колено, колени', *iz* 'след, следы', *boγaz* 'горло', *jüz* 'лицо' [Menges, 1968_2, 61]. Формант *-z* обнаруживается в составе личных местоимений 1 и 2 л. мн. ч. *biz*<*bi*+*z* 'мы', *siz*<*si*+*z* 'вы', формах принадлежности 1 и 2 л. мн.ч. *-myz*<*m*+*yz*, *-ŋ(-n, -γ)yz* < *-ŋ(-ŋ -γ)* + *yz* и в форме сказуемости 2 л. мн.ч. *-syŋ(n)*+*yz*. Предположительно, формант *-z* входит в состав этнических наименований *oγuz*<*oγ* 'род, подразделение' + *uz, qyryyz* (<*qyryy*+*z* или *qyrq* 'сорок' + *yz*) [Кононов 1958, 82—84; 1980, 145]. В остальных случаях формант *-z* может быть сопоставлен с его омонимом, производящим существительные и прилагательные от глаголов, при

этом *r* маркирует глагольные основы, а *z* – именные: *kör-* 'видеть' — *köz~göz* 'глаз', *semir-* 'жиреть' — *semiz* 'жирный', *qudur-* 'беситься' — *quduz~qudyz~ qotoz* 'бешеный' [Дмитриев 1955$_3$, 325].

А.Н. Кононов и Б.А. Серебренников с полным основанием в конечном *-z* парных предметов усматривают реликт тюркской собирательной множественности [Кононов 1969, 56; Серебренников, Гаджиева 1979, 90]. В. Банг колебался в признании подобного статуса *-z* [Bang 1918$_2$, 307], а А.М. Щербак не признает его совсем [1977, 86].

Форма на **-s*

Реликт множественности на **-s* обнаруживается в составе форманта принадлежности 3 л.: **-sy*>алт., тув., хак., шор., чул. *-zy*~як. *-ta*~чув. *-š, -še, -äše, -eše* (при терминах родства, некоторых местоимениях и числительных). Г. Рамстедт и В. Котвич допускали, что афф. **-sy* есть не что иное, как афф. мн.ч. **-s* в сочетании с аффиксом принадлежности 3 л. *y* (=позднему *-lary/-lärï*) [Ramstedt 1906, 19—20; Kotwicz 1936, 20—27]. Вероятно, древний **-s* представлен в чувашском аффиксе *собирательной множественности -sar: jumănsar* 'дубняк' (*jumăn* 'дуб'), *xurynsar* 'березняк' (*xuryn* 'береза'). Он нашел отражение **-s* и в чувашском афф. мн.ч. *-sem: kilsem* 'домá' (*kil* 'дом').

В монгольских языках *-s* как показатель множественности известен с давних пор — он употребляется при именах, оканчивающихся на гласный или дифтонг: калм. *bu:s* 'ружья' (*bu:* 'ружье'), *xulgănăs* 'мыши' (*xulgănă* 'мышь'), халх. *ers* 'мужи' (*er* 'муж'), ст.-письм. монг. *neres* 'имена' (*nere* 'имя'), *ayulas* 'гóры' (*ayula* 'гора'). В ордосском конечный *ŋ*>*s: ęǰis* 'владельцы' (*ęǰiŋ* 'владелец'). В монгольском языке *s*>*z: čino:z* 'волки' (*čino:* 'волк'). В бурятских диалектах формант *s*, развившийся в *h*, сочетается с другим показателем мн.ч. — *u:d*: *erehu:d* 'мужи' (*ere* 'муж'), *sonohu:d* 'волки' (*sono* 'волк') [Санжеев 1953, 128].

Формант множественности *-s* употребляется в тунгусо-маньчжурских языках в форме афф. *-sa/-sa/-so*, восходящего как элемент к показателю мн.числа нанайского и эвенкийского языков: *-sal/-säl/-sol*<мн.ч. *-sa*+мн.ч. *-l* [Василевич 1940, 31; Цинциус 1946, 88; Kotwicz 1936$_2$, 24].

Форма на **-q(*-k)*>як. *-x*

О существовании древнего аффикса множественности **-q(*-k)* свидетельствуют его реликты в современных и книжно-письменных тюркских языках.

В якутском сохранилась форма *talax* 'ива', в других тюркских языках *tal~dal*; первоначально *talax* означало, очевидно, 'ивняк'. Для алтайского, шорского, казахского, чагатайского языков В.В. Радлов приводит слово *qumaq* в значении 'песок' [РСл III, 1044]. В том же значении *qumaq* встречается в киргизском языке (редко). То же слово, вероятно, входит в состав словосочетания *qaraqumaq*, означающего 'много; очень много' в ногайских диалектах. Вариантом *qumaq* является *qubaq* (*m~b*), встречающийся с тем же значением в ле-

бединско-тобольском [РСл II, 1034], кумандинском и туба-кижи диалектах алтайского языка [Баскаков 1966, 227; 1972, 131]. В остальных тюркских языках 'песок' передается словом *qum~xum*. Первичное значение *qumaq* было, по-видимому, 'пески'.

Показатель **-q(*-k)* встречается в составе сложных аффиксов: *-lyq/-lik*, *-luq/-lük* и *-laq/-läk* (см. ниже). Первый формант образует существительные со значением собирательности, изобилия: тат., башк. *tašlyq* 'каменистое место', *sazlyq* 'болотистое место', *almalyq* 'место, обильное яблоками', чув. *jumănləx* 'дубняк'. Второй формант, более редкий в употреблении, чем первый, в производных формах выступает с тем же значением: МК *ašlaq* 'кушанья, яства' (ДТС, 63), *atlaq* 'кони' (ДТС, 67), *ytlaq* 'сборище собак, свора' (ДТС, 221).

Форма на **-t*

По мнению А.Н. Кононова, формант **-t* происходит из согдийского или, что менее вероятно, монгольских языков или из тунг. *-ta* [Кононов 1980, 147]. В этом аффиксе слились заимствованный формант мн.ч. *-t* (ср. монг. *-u:t*, *-d* [Санжеев 1953, 129—130]) и тюркский формант мн.ч. *-t*<**-z(*-s)*, представленный в составе якутских аффиксов принадлежности 1 и 2-го лица мн. числа.

"Монгольский" формант *-t* сохраняется в тюркских языках как составная часть немногих слов, обозначающих высокие титулы, подати, бытовые реалии. Как и в монгольском языке, конечный *-n* этих слов во мн. числе замещается *-t*, если слово оканчивается на гласный, то *-t* наращивается к концу слова: *oylyt* 'потомки', ср. *oylan* 'сын' [Кононов 1980, 147], *erät* 'мужи, воины' — ед.ч. *erän* (ДТС, 176), *tarqat* 'тарханы' (титул) — ед.ч. *tarqan* (ДТС, 538), *tegit* 'принцы' — ед.ч. *tegin* 'титул, присоединяемый к именам младших членов ханской семьи; принц' (ДТС, 547—548), *qyjyt* 'мучения' — ед.ч. *qyjyn* (ДТС, 441—442). Сюда же С.Е. Малов относит чаг. *orut* 'место; жительство' (РСл I, 59) с оговоркой: "если, конечно, *orut* не будет каким-либо прямым заимствованием из монгольского языка" [Малов 1951, 57] — ед.ч. *oryn~orun* (РСл I, 1055, 1057). Почти всегда эти слова получают дополнительно афф. *-lar/-lär: tarqatlar* (КТм, 1), *qyjytlar* 'мучения' (Suv, 117_{15}), *tigitlär* 'принцы' (Suv, 414_{23}, 416_{23}, 608_{10}, 619_5).

Вполне вероятно, что слово *jigit* 'молодец, джигит' представляет собою форму мн. числа от *jigän* 'родство по женской линии' [Poppe 1952, 69]. В слове *süt* 'молоко' (ср. монг. *sü:n*), очевидно, сохраняется формант мн.ч. *-t* [Poppe 1952, 68—69]. В якутском языке формант *-t* осязаемо сохранился в двух словах, превратившихся в архаизмы: *tojot* 'господа' — ед.ч. *tojon* и *xotut* 'госпожи' — ед.ч. *xotun*. В других словах мн. число на *-t*, восстанавливаемое лишь этимологически, присоединяет формант *-tar/-tär: oju:ttar* 'шаманы' — ед.ч. *oju:n*, *ärättär* 'мужи' — ед.ч. *ärän*, *kärgättär* 'члены семьи' — ед.ч. *kärgän* [Харитонов 1947, 102—103; Никифоров 1963, 89—92]. Мн. число на *-t* С.Е. Малов усматривал и в тат. *alpavyt* (уст.), тоб. *alpayut* 'дворяне' (РСл I, 431), также в др.-уйг. МК (ДТС, 37) со

значением 'герой, богатырь' (ед.ч. *alpaγu* 'герой, богатырь' — ДТС, 37), рун. *šadapγt* (? *šaḍ+apa+t*) 'высокий титул' (ДТС, 519), др.-уйг. *uruɳut* (<*uruɳu+t*) 'предводитель' (ДТС, 615, 616) [Малов 1951, 51; Gabain 1974]. К этому ряду можно добавить др.-уйг. *bajaγut* 'богатый, состоятельный, богач' — ед.ч. *baj* (ДТС, 79).

П.М. Мелиоранский считал, что тюрк. *savγat* (чаг., аз. 'дар, награда' — РСл IV, 234) следует признать формой мн. числа от *savγa* (ктат. каз. 'подарок, сбор повинности' — РСл IV, 234), возникший в очень древнее "доорхонское" время [Мелиоранский 1906, 17]. Тюркский формант мн. числа *-t* выделяется в результате реконструкций. Китайскую передачу этнонима тюрков П. Пелльо восстановил в виде *türküt*, где *-üt* — аффикс мн. числа [Pelliot 1915, 687; Menges 1968₁, 111]. Согласно Г. Вамбери, этноним *jomut* означает 'народ' и происходит от слова *jom~jum* 'толпа, масса'+ +афф. мн.ч. *-ut* [Vambery 1885, 391; 1891, 268].

Тюркский формант *-t* используется также в якутских формах принадлежности 1 и 2 лица мн. числа: *aγabyt* 'наш отец' — ед.ч. *aγam* 'мой отец' и *aγaγyt* 'ваш отец' — ед.ч. *aγaŋ* 'твой отец'. *В данном случае -byt<*-byz и -γyt<*-γyz<*ŋyz. Представляется, что* на поставленный С.Е. Маловым вопрос — не является ли тюркская лексика с окончанием *-t(-d)* остатком древней формы мн. числа [*Малов* 1951, 51] — можно ответить утвердительно. Во всяком случае, тюркские формы на *-t* со значением мн. числа присутствуют не только в общей тюрко-монгольской лексике, но и в собственно тюркской, и осязаемы в тюркских языках значительно больше, чем образования на **-z, *-s, *-q (*-k).*

Форма на **-š*>хак., як. *-s*

Реконструкция собирательного мн. числа с формантом **-š* предложена Б.А. Серебренниковым [1979]. Она основывается на данных тувинского и тофаларского языков. В тувинском языке представлены производные слова, образующиеся от терминов родства и свойства посредством сложного афф. *-šky (lar)/-lyšky(lar)* и имеющие значение "группа людей (членов семьи), объединенных данной степенью родства или свойства": *avašky(lar)//avalyšky (lar)* 'мать со своими детьми' (*ava* 'мать'), *adašky(lar)//adalyšky(lar)* 'отец со своими детьми' (*ada* 'отец'), *ugbašky (lar)//ugbalyšky(lar)* 'сестры' (*ugba* 'старшая сестра') [Исхаков, Пальмбах 1961, 171—172]. То же самое значение афф. *-lyšky* имеет в тофаларском языке: *arhalyšky* 'старшие братья' (*arha* 'старший брат'), *duŋmalyšky* 'младшие братья и сестры' (*duŋma* 'младший брат или сестра'), *ubalyšky* 'старшие сестры' (*uba* 'старшая сестра') [Рассадин 1978, 19—20].

Из формантов *-šky* и *-lyšky* вычленяется древний аффикс собирательной множественности **š: -š<-l* (собир. мн.) + *yš* (собир. мн.)+*ky* (афф. относ. прилаг.). К этим данным следует добавить формант разделительного числа **-šar/*-šär<š+ar/är* и причастие с прошедшим неочевидным временем (перфект) **-myš/-miš<* тунг.-маньчж. **-ba/*-bi+*-š(s)* [Кононов 1980, 123], а также от-

дельные слова с конечным *š:* рун. *jyš(jys)* 'чернь, горный лес' [Там же, 72]<**jy* (ср. *jy-yač* 'дерево')+*š(s); oyuš* 'клан, род, племя'<*oy* 'родовое подразделение' + *uš; ödüš* 'время суток'<*öd* 'время'+*üš;* этнонимы *tarduš, türgäs(š)* ~*türgir(š)*<*türk*+*s(š)* [Там же, 146]; титул *yšbaraš* (мн.ч. на *-š*) от *ysbara*<санскр. *išvara* в словосочетании *yšbaraš tarqat* 'ышбары (п.) тарханы' [Там же].

Однако у афф. *-š* есть еще другое значение, наиболее распространенное в тюркских языках, значение уменьшительности и ласкательности — тат. миш. *-(u)š,* каз. *-š,* алт., шор. *-aš/-eš* хак. *-as/-es,* як. *-s: qajneš* 'свекровь, свекор' (от *qajnana* 'свекровь', *qajnata* 'свекор'), *ǯanaš* 'душечка' (от ир. *ǯan* 'душа'), ср. также в именах собственных женского рода: тат. *Afuš* от *Afifa, San'uš* от *Sanijä,* муж.р. *Xajruš* от *Xajrulla* (Махм., 117—118); каз. *Nurjäš* — имя собств. жен.р. от *Nurijä;* алт. *bičigeš* 'книжечка' (от *bičik* 'книга, письмо'); шор. *körügeš* 'маленький бурундук' (<*körük* 'бурундук') (Дыр$_2$., 32); хак. *ajayas* 'чашечка' (от *ajuq* 'чашка'), як. *A:nys* — имя собств. ж.р. от *A:na* <русск. *Анна* (Убр., 269).

Таким образом, морфема **-š* воплощает в себе два омонимичных аффикса: 1) со значением множественности, 2) со значением уменьшительности-ласкательности.

Форма на **-č*>башк. *s*~каз., ног., ккалп. *š*

Б.А. Серебренников восстанавливает морфему *-č* на основании следующей группы слов: тефс. (Eck., 89), туркм. диал., тат., узб., кирг. *barča* 'все, всё, весь'; уйг. *barčä;* каз., ккалп. *barša;* тат. *jäšelčä* 'зелень'; кирг. *ǯašylča* 'овощи'; башк. *jäšelcä* 'овощи, зелень'; ног. *jasylša* 'овощи'.

Форманту *-ča/-čä* соответствует показатель множественности *-lyq/-lik:* тат. *jäšellek* 'зелень', ккалп. *barlyq* 'все'.

Форма на **-l*

Древний формант множественности **-l* может быть реконструирован путем анализа сложных аффиксов, один из которых **-l*, а другой — показатель собирательной множественности. Формант **-l* входит составной частью в афф. мн.ч. **-lar/*-lär: *-la/*-lä*+**r.* Он содержится также в составе форманта собирательной множественности *-lyq/-lik:* **l*+ **yq/*ik* и *-laq/-läk:* **-la/*-lä*+**-q/*-k.* Показатель **-l* встречается в аффиксах, образующих собирательные числительные **-ayula/*-äyülä:* **-ayu/*-äy'ü*+**-la/*-lä* и **-ayulan/*-äy'üläп:* **-ayu/*-äy'ü*+**-la/*-lä*+**-n* (см. ниже).

Афф. *-l* входит в состав показателя *-lyšky,* образующего в тувинском и тофаларском языках слова с собирательным значением: **-l*+**yš*+*ky.* Формант **-l* присутствует также в слове МК *ükil* 'много, множество' (ДТС, 623)<*ük-* 'собирать (ДТС, 623)+**il.*

Формант *-l* является продуктивным в образовании мн. числа имен ряда тунгусских языков [Цинциус 1946, 74—88], а также уральских языков [Sinor 1952, 214—216; Pritsak 1952, 41—49; Menges 1968$_2$, 57—61].

Форма на *-*m*

Древний аффикс множественности *-*m* встречается в производных от числительных именах с собирательно-коллективным и собирательно-разделительным значением: тур. диал. *birem-birem* (<*bir* 'один'+ *em*) 'по-одному' (DS II, 699); аз. диал. *üčäm* (*üč* 'три' + *äm*) 'тройной; игра в кости; овца, родившая трех ягнят', *üčäm-üčàm* 'по-три' (АДДЛ, 401), *dördäm* (<*dörd* 'четыре' + *äm*) 'крученые в одну четыре нити или веревки' (АДДЛ, 202); туркм. *üčem* 'тройня'; каз. диал. *üšem* 'овца или коза, родившая тройню' (КТДС, 364); ног. *birem-birem/birem-sirem* 'поодиночке'; тат. диал. *beräm-salam/ beräm-sàräm* 'поодиночке' (ТДС, 90), *bišäm* (*biš* 'пять'+*äm*) — способ сложения снопов по пять штук' (ТДС, 90); башк. *beräm-beräm/ beräm-höräm* 'поодиночке'.

Показатель *-*m* содержится в составе формантов порядковых числительных *-*mčy: *-*m*+*-*čy* (см. ниже), *-*lamčy: *-*la*+*-*m*+*-*čy* (см. ниже), *-*maš: -m*+*əš* (см. ниже).

Форма на *-*n*

Махмуд Кашгарский первым упомянул об *-n* как показателе множественности: *er* 'муж, мужчина' — мн.ч. *eren*, но это исключение; в соответствии с правилом мн. число образуется с помощью афф. *-lar/-ler* (МК I, 39). По поводу слова *oyul* 'сын' Махмуд Кашгарский замечает, что мн. число от него (как исключение) — *oylan*, хотя должно было быть *oyullar;* также и *eren* 'мужи'. Но эти слова употребляются также в значении ед. числа (МК I, 70). Из замечаний Махмуда Кашгарского следует, что афф. *-n* в значении собирательной множественности в XI в. в тюркских языках активно не использовался [Кононов 1969, 16].

Формант *-n* в значении множественности А. Габэн усматривает в словах *äränn, oylan, örten* 'пламя' [Gabain 1974,171]. Он сохраняется в этнонимах: наименованиях племен *suvar-in* [Pritsak 1957, § 35] и *kuman*<*kuba*<*kub-a*+*n* [Nemeth 1940, 100]. Афф. *-n* содержится в составе сложных показателей порядковых числительных на **nčy: *-n*+ *-*čy*, **-lančy: *-la*+*-*n*+*-*čy* и *-*mine: *-*m*+*-*ine;* в рун. *bodun* 'народ'<*bod* 'племя'+*-un* [Кононов 1980, 146].

Однако К. Брокельманн полагает, что афф. *-*n* имеет значение уменьшительности [Brockelmann 1954, 472]. То же значение у *-*n* в словосочетании *igit elan* 'молодежь' (от *el* 'народ, племя'), как это полагает А. Зайончковский [Zajączkowski 1932, 19]. Анализируя слова *äränn* и *oylan*, Г.И. Рамстедт колеблется в признании за *-*n* значения множественности [1957, 196]. А.Н. Кононов справедливо предлагает, что при толковании значения афф. *-*n* в составе слов *äränn, oylan* следует полагаться на языковое чутье Махмуда Кашгарского и что афф. *-*n* в значении множественности в тюркских языках никогда не был продуктивным [1969, 18].

В монгольских языках формант *-n* является показателем множественности при основах с конечными *-či, -ǯa* [Санжеев 1953, 133]: ст.-письм. монг. *ǯigasučin* 'рыбаки' (*ǯisaguči* 'рыбак'), бур. *mädä:šän*

'знатоки' (*mädä:šä* 'знаток'). Он входит в состав афф. *-tan* [Там же, 133]: ст.-письм. монг. *ǰigürten* 'пернатые' (*ǰigür* 'перо, крыло'); халх. *xöröngötön* 'буржуазия' (*xöröngö* 'капитал'); бур. *maltan* 'скотовладельцы' (*mal* 'скот') [Там же].

В тунгусских языках афф. *-n* в значении мн. числа используется в формантах принадлежности и сказуемости 1 и 2-го лица мн. числа [Sinor 1952, 209—210]. В ульчском и нанайском языках афф. *-n* в составе сложного афф. *-na/-ne*<*-ana/-ene* придает слову значение собирательности-множественности [Цинциус 1946, 83—84; Аврорин 1959, 111, 134—135]. В енисейских языках *-n* означает мн. число существительных одушевленного класса [Дульзон 1972, 4].

Форма на **-r*

Афф. **-r*, выражающий собирательную множественность, вместе с афф. **-la/*-lä* того же значения образует формант известного почти всем тюркским языкам афф. мн.ч. **-lar/*-lär* (см. выше). В киргизском, тувинском и хакасском языках 2-е лицо мн. числа формы принадлежности выражается посредством афф. *-ŋar/-ŋär:* кирг. *qolyŋar* 'ваша рука', *betiŋer* 'ваше лицо'; тув. *tonuŋar* 'ваша шуба'; хак. *turaŋar* 'ваш дом'. В алтайском языке *-ŋar*>*-yar: balayar* 'ваш ребенок', *tiliger* 'ваш язык'.

А.Н. Кононов справедливо полагает, что элемент *-ar/-är* происходит из афф. мн. ч. *-lar/-lär* [1969, 8]. Действительно, в уйгурском языке 2-е лицо мн. числа притяжательной формы — *-ŋlar: qiziŋlar* 'ваши дочери'. То же самое в чулымско-тюркском языке: *kižilärіŋnär* 'ваши люди'. Сочетание *-ŋn-*, подвергаясь действию ассимиляции, превращается в *-ŋŋ-*. Общий вид этого процесса: *-ŋlar*>*-ŋnar*>*-ŋŋ ar*>*-ŋar*. Однако образование -ŋlar (<2 л. ед.ч. *-ŋ* + мн.ч. -lar) является редким — с нарушенной ранговой функцией тюркских формантов.

Более естественный их порядок — как в шор. *čollaryŋ* (<*čol* 'дорога, путь' + мн.ч. *-lar* + афф. принадл. 2 л. ед.ч. *-yŋ*) 'ваш путь' и 'ваши пути'. Возникает предположение, что *-ar/-är* непосредственно выражает множественность [Серебренников, Гаджиева 1979, 92]. Он входит, очевидно, в состав чувашского форманта собирательной множественности *-sar*<**-s*+**ar* (см. выше). Афф. *-ar/-är*, как известно, образует разделительные числительные (см. ниже). По мере развития и усложнения морфологического строя тюркских языков в инвентарь морфем сравнительно позднего периода тюркского праязыка влились сложные аффиксы множественности, состоящие из двух первичных показателей. Среди них имеются редкие, реликтовые и, напротив, живые, более распространенные теперь в тюркских языках: *-qyn/-kin, -γyn/-gin, -qun/-kün, -γun/-gün.*

Форма на **-q*+ **-n*

Этот аффикс в реликтовом виде сохраняется в составе отдельных слов и в именах числительных собирательных. С собирательным значением он представлен в следующих словах: *қадуп қадпаγып* (<*қадуп*+*аγып*) 'тесть и свекор; сваты; мужчины-родственники по браку (зятья,

шурины, деверья)' (ДТС; 404), *käliŋünüm* 'мои невестки' (*käliŋ* 'невестка'), *inijigünüm* 'мои младшие братья' (*ini, *ini:* 'младший брат'), *alquγun* 'вместе' (*alqu* 'все'), *qamaγun* 'все' (<**qamaγ+γun; qamaγ* 'все'). (Gab., 50).

ДТС регистрирует *keliŋün (<?kelin jegün)* в значении 'невестка' (296), а *ini jegün* — 'младшие родичи' (210); слово *jegün* остается без объяснений. С.Е. Малов разъясняет *jigün* (в составе *inijigün*) как название родства [1951, 388]. А.Н. Кононов *inijigün* толкует как *ini* 'младший брат' + *jägin~jägün* 'племянник, внук' [1969, 22—23].

Показатель *-qyn/-kin* вычленяется и в таких словах, как *arqagün* 'семья, родственники' <*arqa* 'спина; колено (родственников), поколение, род'+ +афф. *-gün* и *qyrqyn* 'невольница' <*qyz(r~z)* 'девушка'+афф. *-qyn* [Radloff 1897, 161]. Данный аффикс содержится в словах, имеющих собирательное значение, например: *törkün* 'род, племя; дом кровных родственников' (ДТС, 581); ног. *törkin* 'отчий дом (женщины)'; ккалп. *törkin* 'родня невесты'; кирг. *törkün* 'родители; родня жены' (монг. *törgüd* — мн.ч. от *törgün* 'родственники по матери' или 'родственники жены') [Владимирцов 1934, 48, 59]. Показатель *-qyn/-kin* входит в состав титулов *kol ärki(n)~irki(n), qudarqyn~quderkin* и в название племени *qurygan* [Кононов 1969, 23]. Об афф. *-γun/-gün* в составе собирательных числительных см. ниже.

В нивхском языке, тяготеющем, по мнению специалистов, к алтайским языкам, множественность выражается посредством формантов *-ku(n)/γu(n), -gu(n)/-xu(n)* и *-kunu/-γunu, -gunu/-xunu,* идентичных соответствующим тюркским формантам [Панфилов 1962, 93—97, 113—116; 117—118; 1977, 264—266].

Форма на *-q+ *-n>-γan/-gen, -qan/-ken

Формант *-γan/-gen* — фонетический вариант предыдущего форманта множественности (*-qyn/-kin...*). Он сохранился в составе астронима *Jetigen* (ДТС, 259)~*Jitikän* (Gab., 355) 'Большая медведица' (<'семеро; семерка') и использован в турецких неологизмах: *üčgen* 'треугольник', *dörtgen* 'четырехугольник'.

Данный формант участвует в образовании нанайского афф. *-nkan/ -nken*, который производит существительные, обозначающие людей, проживающих на той или иной территории [Аврорин 1959, 114].

Форма на *-q+*-l>-qyl/-kil, -γyl/-gil

Данный формант сохраняется в словах, образованных от числительных: др.-тюрк. *üčkil/üčkül, üčgil/üčgül (<üč* 'три') 'треугольник' (ДТС, 622), *törtkil/törtkül* 'четырехугольный' (<*tört* 'четыре') (ДТС, 581), *dördül* (<*dörd+qül*) 'четырехугольный' (Tarama , 1240). В кирг. яз. *törtkül* 'четырехугольный; четырехугольник' означает также 'крепость; городище'. Отсюда же происходит и название города Турткуль Каракалпакской АССР, что подкрепляется фактом широкого распространения в Южном Казахстане и Семиречье термина "турткуль" ('четырехугольная крепость') [Бартольд 1963, II, 209; 1966, IV, 31]. По-видимому, племенные названия *izgil, čigil* также содержат афф. *-gil* [Pritsak 1952, 76].

Форма на *-γ+*-t>-γut

Формант *-γut* представлен в немногих словах. К их числу относится слово *urayut* 'женщина' (ДТС, 614), состоящее из **ur*+*γut*. К.Н. Менгес возводит основу слова к *uruγ~uruq~uru* 'семя, поколение' [Menges 1957, 637]. А.Н. Кононов дает следующую этимологию слова: *ur* 'плод, род, поколение, дитя'+афф. уменьш. *-γ/-q*+афф. мн.ч. *γut>uraγ-γut>urayut* (1969, 20, сн. 126), что наиболее правдоподобно. Афф. *-γut* входит в состав этнонимов *manγγt, telengit* [Pritsak 1952, 76].

В древнем письменно-монгольском языке встречается форма мн. числа, содержащая форманты *-γud, -nuγud (-n+-γud), -u:d*, в бурятском языке — *-γu:d* [Санжеев 1953, 130—132; Poppe 1952, 67].

Форма на *-γ+*-r>-qγr/-gir

Данный аффикс предположительно сохранился в нескольких этнонимах: *Üregir, Jazgyr* [Pritsak 1952, § 76]. Известно мнение, что этнонимы на *-γur* имеют в основе причастие с афф. *-γur* [Doerfer 1965, 166—169].

Форма на *-l+*-q>-laq/-läk

Производные с этим формантом встречаются у Махмуда Кашгарского: *ašlaq* 'кушанья, яства' (ДТС, 63), *atlaq* 'кони' (ДТС, 67), *ytlaq* 'свора собак' (ДТС, 221), *öδläk* 'время' (ДТС, 377), *özläk* 'судьба' (ДТС, 395), *tatlaq* 'таты' (ДТС, 541 под словом *tat*), *bilgeleg(k)* (МК I, 207; III, 158). Примеры из "Дивана" Махмуда Кашгарского в оригинальном тексте, за исключением *öδläk/özläk*, даются в дат. падеже: *ašlaqa* (II, 54), *atlaqa* (I, 483), *ytlaqa* (I, 483), *tatlaqa* (I, 483), *bilgelege* (I, 207; III, 158). Этимологически формант *-laqa/-läkä* представляет собой либо **-lar/-*lar+qa/kä*, либо, что вероятнее всего, **-laq/*-läk+-qa/-kä*.

Форма на *l+*q>-lyq/-lik, -luq/-lük

Вместе с другими значениями эта форма имеет значение собирательности, скопления, изобилия. Данный формант входит и в состав некоторых этнонимов: *ytlyq, qarluq* [Pritsak 1952, 78].

К числу сложных формантов множественности О. Прицак относит также **-g+*z, *d+*n, *d+*r, *m+*s, *m+*š, *m+*r, *-l+*n* и нек. др., что требует дальнейшего исследования [Там же, 75—80].

Форма на *-lar

Наиболее распространенной формой мн. числа в древних и современных (кроме чувашского) тюркских языках является форма с афф. *-lar* и его фонетическими вариантами; в чувашском языке множественность передается формантом *-sem*. Первый аффикс реконструируется в виде **-lar/*-ler*. Частое употребление этого аффикса выработало обширную сеть его фонетических дублетов:

1) *-lar/-ler/-lär:* рун. *šad apyt bäglär* 'начальники шад и апа' (КТм, 1), *toquz oyuz bägläri boduny* 'начальники и народ девяти огузов' (КТм, 2), *tabγačγy bäglär* 'табгачские правители' (КТб, 7), *türk bäglär bodun* 'тюркские правители и народ' (БК, 2), — в памятниках рунического письма афф. *-lar/-lär* в большинстве случаев встречается при терминах со значением высшего сословия и в названиях племен и народов [Кононов 1956, 145]: др.-уйг. *burqanlar* 'бурханы' (Chuast, 83), *kišilär* 'люди' (Suv, 5, 16), *jüz miŋ ažunlar* 'сто тысяч миров' (Suv, 611), *qua čäčäklär* 'цветы лотоса' (Suv, 617), *ügüzlär taylar* 'реки и горы' (Suv, 618), *tüšümänlär* 'чиновники' (USp, 9), *bitiglärim* 'мои записи' (USp, 32); карах.-уйг. *qušlar* 'птицы', *bilgälär* 'мудрые' (PhTF, 99—100); хорезм. *'azi:zlar* 'дорогие', *közlär* 'глаза' (PhTF, 122);тефс. *üδgülüklär* 'добрые дела' (Eck. 41), *urayutlar* 'женщины' (Eck., 41), *biz yaryblarmyz* 'мы — странники' (Тефс., 100), *biläzüklär* 'браслеты' (Тефс. 101); чаг. *ayalar* 'старшие братья', *biglär* 'беки' (PhTF, 148; мамл.-кыпч. *munlar* 'эти', *anlar* 'те' (PhTF, 79); арм.-кыпч. *bular* 'эти' (PhTF, 83); СС *arylar* 'святые', *köjler* 'овцы' (PhTF, 59); ст.-осм. *karavašlar* 'рабыни', *gämilär* 'корабли' (Гуз., 40—41); тур. *tašlar* 'камни', *evler* 'дома'; аз. *mešälär* 'леса'; туркм. *i:šler* 'дела'; сал. *paylar* 'сады' (Тен.$_1$, 102), ктат. *jaymurlar* 'дожди'; чаг. *derelär* 'реки'; кум. *terezeler* 'окна'; кар.г. *bijlikler* 'государства' (Мус., 124); кбалк., верхнебалк., хуламо-безенг. гов. (в речи старшего поколения) *adamlar* 'люди', *zatlar* 'вещи', *axšylar* 'хорошие' (МИБД, 18); ног. *üjler* 'дома'; ккалп. сев., южн. гов. *qatyllar* 'женщины' (Нас., 270, 294, 302); каз. *kisiler* 'люди', тат. *tašlar* 'камни'; бараб. *pašlar* 'головы'; башк. *kešelär* 'люди'; узб. *iščilar* 'рабочие'; джиз. гов. узб. яз. *bular* 'эти', *šular* 'те' (ЎДМ I, 93); уйг. *učqunlar* 'искры', *ipäklär* 'шелка'; алт. *ajlar* 'месяцы'; тув. *čerler* 'земли'; тоф. *höller* 'озера' (Расс., 20); уйг. урянх. *selerler* 'вы' (Болд. 21); хак. *xyralar* 'пашни'; шор. *kajalar* 'скалы' (Дыр.$_2$, 38); сюг. *gerler* 'чашки' (Тен.$_2$, 49—50); як. *sylgylar* 'лошади', *kihiler* 'люди';

2) *-lor/-lör:* туркм. диал. *ǵušlor* 'птицы', *gözlör* 'глаза' (Аман., 292); ног. диал. *börülör* 'волки', *künlör* 'дни'; алт. *olor* 'они'; як. *börölör* 'волки';

3) *-laî/-läî/-leî:* уйг. лобн. *inilaî* 'младшие братья' (Асан., 146);

4) *-la(r)/-lä(r)/-lä':* уйг. ферг. *qušla(r)* 'птицы', *öjlä(r)* 'дома', *jüklä(r)* 'грузы' (Садв., 101); хорас. *ärlä'* 'мужчины' (Doerf., 160);

5) *-lä:* узб. тагаб. *xətənlä:* 'женщины', *ǯöǯälä:* 'цыплята' (ЎДМ I, 349);

6) *-la/-le, –la/-lä:* туркм. диал. *kita:plam* 'мои книги', *serčele* 'воробьи' (Аман., 299—300); хорас. *e'vlä* 'дома' (*Doerf.*, 160); бодн. *atlå* 'кони', *geǯälä* 'вечера' (Fázsy, 68); кбалк. *atala* 'отцы' (но: *atalary* 'их отцы'), *qozula* 'ягнята' (но: *qozulary* 'их ягнята'), *küzgüle* 'зеркала' (но: *küzgüleri* 'их зеркала'); узб. бухар. *bəvəjla* 'дедушки', *səla* 'вы' (Мирз., 36); уйг. *adamlä* 'люди', *iščələ* 'служащие' (ЎДМ II, 351); карш. *qojla* 'овцы', *ədəmla* 'люди' (ЎДМ II, 178; Шерм., 26), ташк. *dəllä* 'зерна', *nəllä* 'лепешки' (ЎДМ II, 186), паркент. *əjəmlani* 'наших матерей' (Там же, 140), джиз. *kälxəččələ* 'колхозники' (Там же I, 79);

7) *-lo/-lö:* уйг. лобн. *güllö* 'цветы' (Асан., 146—147);

8) *-lyr/-lir:* алт., куманд., ст.-бард. *aldalyr* 'звери', *karlyr* 'снега' (Баск.$_3$, 78);

9) *-li:* уйг. ферг. *mašinili* 'машины', *mä:lili* 'кварталы', *sili* 'вы, Вы' (Садв., 101);

10) *-alar:* башк. вост. диал., аргаяш. гов. *jeŋgäŋalar* 'твои снохи', *Azatalar* 'Азатовы', *Sayitalar* 'Сагитовы' (Ишб., 46);

11) *-nar/-ner/-när:* туркм. теке, човд. *ovlonnar* 'сыновья' (Аман., 299); сал. *alimner* 'ученые' (Тен.$_1$, 102); чаг. *günnär* 'дни', ккалп. сев. гов. *qatynnar* 'женщины', *senner* 'вы' (Нас., 270, 326); тат. *qujannar* 'зайцы', *imännär* 'дубы'; бараб. *kilennär* 'невестки'; узб. кашк., кыпч. *künnär* 'дни' (Шерм., I, 68), джумск. *ta:mnar* 'мои дяди' (Ахм., 15); алт., туба-кижи *aŋnar* 'звери' (Баск.$_4$, 56), куманд. *kamnar* 'шаманы' (Баск.$_3$, 78); тув. *di:ŋner* 'белки'; тоф. *kyrgannar* 'старики', *hemner* 'реки' (Расс., 19—20); хак. *ta:nnar* 'галки', *imner* 'лекарства', саг. диал. *somnar* 'рисунки' (ДХЯ, 38), шор. диал. *kiregenner* 'кедровки' (ДХЯ, 56); шор. *inner* 'норы' (Дыр.$_2$, 38); сюг. *lomnar* 'книги, каноны', *erenner* 'мужчины' (Тен.$_2$, 50); як. *kunannar* 'бычки', *kulunnar* 'жеребцы';

12) *-nor/-nör:* туркм. теке, човд. *ȯglonnor* 'сыновья', *günnör* 'дни' (Аман., 299); як. *d'onnor* 'люди, народы', *oyonn'or* 'старики', *ürüŋnor* 'светлые';

13) *-ünä:* узб. уйчи *jüzünä* 'лица' (ЎДМ II, 351);

14) *-nyr/-nir:* алт. куманд., ст.-бард. *kamnyr* 'шаманы', *aŋnyr* 'звери', *taŋnyr* 'зори' (Баск.$_3$, 78);

15) *-dar/-der/-där:* аз. куба *arvaddar* 'женщины', *ayaždar* 'деревья', *üküzdär* 'быки' (Руст., 111); башк. *quldar* 'руки', каз. *qyzdar* 'девушки', *sözder* 'слова'; узб. кыпч. *maldar* 'скот', *ojundar* 'игры' (Шерм., 68; ЎДМ I, 334); алт. *baldar* 'дети'; уйг. урянх. *besderler* 'наш' (Болд, 21); як. *sahyldar* 'лисицы', *üörder* 'стада';

16) *-dor/-dör:* алт. *köldör* 'озёра', як. *kötördor* 'птицы';

17) *-dyr/-dir:* алт. куманд., ст.-бард. (Баск.$_3$ 78);

18)*-tar/-ter/-tär:* бараб. *qarttar* 'старики', *jigittär* 'юноши', башк. *ayastar* 'деревья', *juʊüktär* 'браслеты', каз. *zattar* 'вещи', *kiltter* 'ключи', узб. кыпч. *attar* 'кони', *ǯigittär* 'юноши' (Шерм., 68; ЎДМ I, 334); алт. *attar* 'кони', *bister* 'мы'; тув. *a'ttar* 'кони', *inekter* 'коровы'; тоф. *neštar* 'деревья', *ni:tter* 'молодежь' (Расс., 19—20); хак. *xaptar* 'мешки', *pörikter* 'шапки'; шор. *alyptar* 'богатыри', *mü:ster* 'рога' (Дыр.$_2$, 38); сюг. *hattar* 'кони', *terekter* 'деревья' (Тен.$_2$, 50); як. *üolattar* 'юноши', *müŋüretter* 'сваты';

19) *-tor/-tör:* алт. *töstör* 'кусты', туба-кижи *o:ltor* 'мóлодцы' (Баск.$_4$, 56); як. *doyottor* 'друзья';

20) *-tyr/-tir:* алт. куманд., ст.-бард. *taštyr* 'камни' (Баск.$_3$, 78);

21) *-ta/-te/-tä:* уйг. лобн. *jašti* 'молодежь', *iliktäi* 'руки' (Асан., 147—148);

22) *-to/-tö:* уйг. лобн. (Асан., 147—148);

23) *-ta:r/-te:r:* чул. *qarandasta:ryma* 'братьям своим', *äpte:re* 'дома их' (Бирюк., 70);

24) *-to:r:* чул. мелет. *qaryndasto:rym* 'мои братья', *ayacto:ry* 'его палки' (Бирюк., 70);

25) *-zar/-zer/-zär:* аз. куба *ġazzar* 'гуси', *üküzzär* 'быки' (Руст., 111); узб. джуш. *bizzär* 'мы' (Ахм., 15);

26) *-za/-ze/-zä:* уйг. лобн. *qyzza* 'девушки', *üzzei* 'они сами', *bizzä* 'мы' (Асан., 147);

27) *-zo/-zö:* уйг. лобн. *sözzöju* 'слова их' (Асан., 147);

28) *-sar/-ser/-sär:* узб. джуш. (Ахм., 15);

29) *-ðar/-ðär:* башк. *hyuðar* 'вòды', *qarðar* 'снегà', *beððär* 'мы';

30) *-rar/-rär:* аз. куба *doxdurrar* 'доктора', *järrür* 'земли' (Руст., 111);

31) *-ar/-är:* узб. паркент. *bərarrə* 'нас', *səzär* 'вы' (ЎДМ, I, 140);

32) *-a/-e/-ä:* узб. паркент. *bəzägä* 'наш' (ЎДМ, I, 140), уйг. *bəza* 'мы' (Там же, II, 351), ниязбаш. *bəza* 'мы' (Там же, II, 263), джизак. *bəzägäjäm* 'и нам также' (Там же, I, 79).

Вполне естественным оказывается вывод, что формант **-lar/*-ler* представляет собой сращение показателей множественности **-l* и **-r* [Poppe 1952, 73, 75—76; Sinor 1952, 221, 226—228; Menges 1968_1, 111, Bang 1895_2, 220; Кононов 1956, 3—4; Серебренников 1970, 49—52]. Придерживающийся этого взгляда Д. Синор все же не считает элемент **r* алтайским формантом собирательной множественности. Он полагает, что отражение первичного **r* является тюркский **z* [Sinor 1952, 221]. Вследствие этого наиболее вероятной ему представлялась гипотеза М. Рясянена, возводящего **r* к тюркскому слову *är* 'человек' [Räsänen 1939, 1—6].

Г. Рамстедт тюркский афф. **-lar/*-ler* сближал с монгольским формантом *-nar;* последний же возводил к монгольскому слову **nar*, сохранившемуся в якутском *na:r* 'совместно, вместе с' [Ramstedt 1951_2, 35]. В то же время он подчеркивает самостоятельную роль элемента **l*, обладающего комитативным значением [Рамстедт 1957, 46—47]. Вопрос соотношения тюрк. **-lar* и монг. **-nar* вероятнее всего решается в пользу тюркского заимствования в монгольском [Castrén 1857, 11] ввиду крайней редкости др.-письм. монг. *-nar* [Козин 1946, 123].

Существует мнение, едва ли правдоподобное, о китайском источнике для тюрк. **-lar* и монг. **-nar* [Aalto 1952, 15—16].

Представления о составе и происхождении форманта **-lar/*-ler* породили обширную литературу [см., например: Кононов 1969, 4; Щербак 1977, 83], обзор которой занял бы много места, что допустимо в специальном исследовании.

Б.А. Серебренников обратил внимание на две частные детали процесса формирования афф. мн.ч. **-lar/*-ler*.

Первая деталь — наличие двух форм мн.ч. в балкарском языке — на *-la* и на *-lar:* соответственно — от чистых основ и от посессивных образований [Серебренников 1970, 51—52]. В карачаево-балкарском языке, хотя и как будто не наблюдается ослабления и элизии конечного *-r*, как в уйгурском языке, тем не менее нельзя не заметить отпадения конечного *-n* во временных формах 1 и 2-го лица ед. числа. Иными словами, в карачаево-балкарском языке нет фонетического закона отпадения *r* и *n* в конечной позиции слова, но в абсолютном начале служебных морфем этот закон, по-видимому, действует или действовал.

Вторая деталь — влияние высокой степени частотности двух *t* глагольных словоформ на преобразование *-td-*>*-tt-*, что привело

к сложению вариантов афф. *-lar* с начальными *t* и *d* в некоторых тюркских языках [Серебренников 1970, 52—53]. Ассимилятивный процесс на этом не закончился — как было показано выше, в зависимости от конечного звука основы в тюркских языках выработались варианты с начальными *n, z, s, ð, r*, ноль звука.

В чувашском языке мн. число образуется при помощи афф. *-sem*. В говорах верхового диалекта (сундырском [Чуркин 1950, 131], среднем [Канюкова 1965, 62; Цаплина 1969, 51], моргаушском [Сергеев 1965, 156]) он представлен в виде *-sem/-sam* и *sen/-sən* (ковалийский говор [Сергеев 1965, 16]), в говорах низового диалекта *-sem/-səm* и *-sen* [Левитская 1976, 9]. К числу непродуктивных показателей мн. числа в чувашском языке относятся *-semer* и *-semrin* [Кононов 1969, 4; Pritsak 1957, 154].

Пользуясь этими данными, можно реконструировать архетип чувашского мн. числа позднего периода тюркского праязыка в составе четырех звеньев, представляющих собою, по-видимому, диалектные варианты: **-sem, *-sen, *-semer, *-semrin*. Все варианты, сложные по структуре, состоят из двух, трех и четырех первичных показателей мн. числа: **-sem*<**-se*+**-m, *-sen*<**-se*+**n, *-semer*<**-se*+**-me*+**r, semrin*< **-se*+**-m*+**-ri*+**-n*. Подобного взгляда на состав этих формантов придерживаются О. Прицак [Pritsak 1957, 40], А.Н. Кононов [1969, 4], Г.Е. Корнилов [1967, 194].

Часть исследователей считает, что в основе формантов **-sem, *-sen* лежит самостоятельное слово: *qamuγ/qamu* 'все' [Schott 1842, 15—16], *sajyn* 'каждый, весь' [Ramstedt 1922—1923, 22; Räsänen 1939, 167], *sa:n* 'число, счет. большое количество' [Patrubány 1881—1883; Munkácsi 1884; Benzing 1959, 722; Ашмарин 1898, 150—151; Егоров 1954, 36].

Чув. **-sem, *-sen* находит соответствие в селькупском [Корнилов 1967, 195] и камасинском [Кюннаа 1967, 87] форманте мн. ч. *-saŋ* и марийском *-šamə̑ž* [Галкин 1966, 65].

КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Грамматическая категория принадлежности, свойственная имени существительному как особой части речи, представлена во всех тюркских языках. Эту грамматическую категорию в свое время установил Н.К. Дмитриев и определил ее как "такую грамматическую категорию, которая выражает одновременно и предмет обладания и лицо обладателя" [1956₁, 22—37].

Категория принадлежности выражается несколькими способами:

1) морфологически, т.е. с помощью особых морфем, так называемых аффиксов принадлежности, присоединяемых к основе существительного. В зависимости от того, оканчивается ли основа слова на гласный или на согласный, аффиксы принадлежности бывают двух вариантов: после основ на гласный — тат. *-m, -ŋ, -sə(-se), -gəz (-giz), -lari' (-lärə)*; после основ на согласный — башк. *-ым (-əm,- om, -өm), -ыҥ (-əŋ, -oŋ, -өŋ), -ы (-ə -o, -ө), -ыбыҙ (-əbəð, -ọboð, -өbөð)*,

-ïγïδ (-əgəd, -ǫγǫd, -өgөd); -tarï (-tärə, -darï, -därə); ср. башк. *iləbəd* 'наша страна', тат. *a:t-ïm* 'мой конь'; башк. *ət-əbəd* 'наша собака'; *ət-tärə* 'их собаки' и т.д.;

2) морфолого-синтаксически, т.е. с помощью личных местоимений в форме род. падежа, находящихся в препозиции к определяемому, и соответствующих им аффиксов принадлежности, присоединяемых к концу названия предмета обладания; ср. тур. *benim dostum* 'мой друг'; *senin dostun* 'твой друг'; *onun dostu* 'его друг' и т.д.; як. *qï:hïm* 'моя дочь'; *qï:hïŋ* 'твоя дочь'; *qï:hïbït* 'наша дочь';

3) синтаксически, т.е. с помощью сочетания притяжательной формы личных местоимений с названием предмета обладания; ср. узб. *mäniŋ uj* 'мой дом'; *säniŋ uj* 'твой дом'; *uniŋ ujï* 'его (ее) дом' и т.д.

Если основа существительного оканчивается на гласный, то вместо афф. *-ï (-i, -u, -ü)* употребляется афф. *-sï (-si, su, -sü);* ср. узб. *a^{o}tasi* 'его отец'; башк. *bülmähə* 'его комната', *kөdgähə* 'его зеркало' (в башкирском языке *s*>*h*).

Аффиксы принадлежности известны в тюркских языках еще в глубокой древности. Первый случай их использования мы находим в известной фразе на хуннуском языке, сохранившейся в китайской летописи IV в., выполненной китайскими иероглифами. Русский синолог В.П. Васильев [1872, 115—116] прочел эту фразу, дав следующую ее транскрипцию: *сю чжи тилэй гян пугу тугоудан.* Материал языка орхонских надписей дал возможность В.В. Радлову восстановить звучание этой надписи: *süsi sülägän pugu tutkan.* Перевод этой фразы, не поддающейся расшифровке средствами китайского языка, однако сохранившейся в китайской летописи, гласит: 'войско выйдет Пугу будет схвачен'. В этом предложении словоформа *süsi* легко раскрывается как существительное *sü* 'войско', встречающееся поздней в надписи в честь Кюль-Тегина (VII в.): *ol süg anta joqqïsdïmïz* 'то войско мы там уничтожили' (ДТС, 316). Это существительное имеет гласный *у* в исходе, и как и в современных тюркских языках, существительные с таким исходом присоединяют аффикс принадлежности *-si.*

Ни древние, ни современные тюркские языки не дают нам никаких конкретных данных о происхождении аффиксов принадлежности. А.Н. Кононов, рассматривая аффиксы принадлежности в турецком языке, отмечает, что "аффиксы принадлежности 1 и 2 лица мн. числа отличаются от таковых же ед. числа наличием элемента *-iz*<...>, который является древним аффиксом множественного числа" [Кононов 1956, 74]. Это утверждение убедительно подтверждается при сопоставлении с монгольским языком, где местоимение 'я' имеет форму *bi,* а местоимение 'ты' имеет форму *či.* Основной же элемент аффиксов принадлежности для 1-го лица *-m* и для 2-го лица *-n* А.Н. Кононов возводит к личным местоимениям. Однако сопоставление этих двух аффиксов с соответствующими личными местоимениями не раскрывает происхождение элемента *-iz,* так как личное местоимение 1-го лица имеет форму: орх.-ен. *bän*~тат. *min*~каз., кирг. *men,* аз. *män,* т.е. начальный согласный *m* чередуется с *b*; личное же местоимение 2-го лица — орх. *sän*~тат. *sin*~каз., кирг.

sen, аз. *sän*, т.е. начальный согласный *s*, в то время, как аффикс принадлежности 2-го лица — *-n* или *ŋ*. Естественно, возникает вопрос — откуда происходит аффикс *-n(-ŋ)*.

Для того, чтобы положительно ответить на этот вопрос, необходимо выяснить, какое положение по отношению к существительному должно было занимать определяющее его притяжательное местоимение?

Как известно, в современных тюркских языках существует строгий закон, согласно которому всякое определение, какой бы частью речи оно ни было выражено, обязательно предшествует своему определяемому; ср. тур. *güzel hava*~тат. *a°čïq hava* (A^a+K^n)[1] 'хорошая погода'; тур. *bu adam*~тат. *bu kiši* ($A^p_{dem}+K^n$)[2] 'этот человек'; тур. *senin baba*~тат. *sinəŋ a°ta* (A^p+K^n) 'твой отец' и т.д. Между тем, аффиксы принадлежности занимают место после основы существительного, т.е. находятся в постпозиции к основе слова; известно также, что такие аффиксы могли возникнуть только в том случае, если притяжательные местоимения когда-либо занимали место после соответствующего слова, обозначавшего предмет обладания. Подобный случай мы находим в некоторых языках, далеко отстоящих от тюркских. Так, в малагасийском языке, входящем в индонезийскую ветвь обширной малайско-полинезийской семьи языков, развилась категория принадлежности из личных местоимений:

1 л. *aho*	*-ko, -o*	*satroko*	'моя шляпа'
2 л. *hianao*	*-nao, -ao*	*satrokao*	'твоя шляпа'
3 л. *izy*	*-ny*	*satrony*	'его (ее) шляпа'
1 л. *isika*	*-(n)tsika*	*satrotsika*	'наша шляпа'
2 л. *hianareo*	*-(n)areo*	*satrokareo*	'ваша шляпа'
3 л. *izy*	*-ny*	*satrokany*	'их шляпа'

В индонезийском языке (bahasa Indonesia) содержание принадлежности (обладания) передается определительными словосочетаниями со структурой $K^n+A^p_{pers}$[3]; ср. *rumah saja* 'мой дом' (букв. 'дом я'); *anak engkau* 'твой ребенок' ('ребенок ты'). Эти личные местоимения (*saja*, более древнее *aku* 'я', *engkau* 'ты') в функции притяжательности занимают место после того предметного слова, к которому они относятся, т.е. находятся в постпозиции к нему. Очевидно, что со временем в этих языках на базе постпозитивных личных местоимений сложились притяжательные аффиксы *-ko, -(n)ao, -ny, -(n)tsika, -(n)areo* — в малагасийском и *-ku* (<*aku*) 'я', *-kau* (<*engkau*) 'ты' в индонезийском. Таким образом, названное выше атрибутивное словосочетание *rumah saja* = слову *rumahku* 'мой дом' и словосочетание *anak engkau=anakkau* 'твой ребенок' — формы более характерные для разговорного стиля. В литературной речи то же содержание будет иметь форму *anakmu* 'твой ребенок', где афф. *-mu*

---

[1] A^a — зависимый компонент, выраженный прилагательными, а K^n — стержневой компонент, выраженный существительным n;

[2] A^p_{dem} — зависимый компонент, выраженный местоимением *p*, указательным *dem*.

[3] A^p_{pers} — зависимый компонент словосочетания, выраженный личным местоимением.

возник из личного местоимения *kamu* 'ты', которое используется в разговоре между близкими людьми, а также при обращении старшего к младшему [Алиева, Аракин и др. 1972, 231].

Из сказанного выше со всей очевидностью следует, что аффиксы притяжательности в малагасийском и индонезийском языках сложились из личных местоимений в результате их постпозиционного положения и утраты ими самостоятельного ударения, т.е. превращения их в проклитики.

В языке совершенно иной типологии — новогреческом — притяжательные местоимения возникли также из форм косвенных падежей личных местоимений преимущественно дат. падежа: μοῦ 'мне', σοῦ 'тебе', τοῦ 'ему', τῆς 'ей', μᾶς 'нам', σᾶς 'вам', τους 'им'. Функционируя в качестве притяжательных местоимений, личные местоимения теряют свое ударение, становятся энклитиками, так же как и в языках индонезийской ветви; ср. τό βιβλίο 'моя книга', τό βιβλίοσου 'твоя книга', τό βιβλιομας 'наша книга' и т.д.

Проблема происхождения средств выражения категории принадлежности — аффиксов принадлежности, привлекала внимание многих крупнейших тюркологов как отечественных, так и зарубежных. Однако, как замечает Ш.Х. Акбаев, специально исследовавший этот вопрос, в отношении к этой проблеме существует явный разнобой [1976, 5].

Факт местоименного происхождения посессивных аффиксов не вызывает сомнения у тюркологов [см., например: Кононов 1960, 87; Рамстедт 1957, 71—72; Котвич 1962, 167; Щербак 1961, 98]. Существенные расхождения намечаются в частностях этой проблемы. Высказывались мнения о том, что притяжательные аффиксы являются искаженными формами самостоятельных местоимений [Radloff 1897, 72], что аффиксы 1 и 2-го лица ед. и мн. числа имеют отношение к личным местоимениям [Дмитриев 1956₁, 22—37], что наиболее ясным по своему составу является аффикс 1 л. мн. ч. *-myz/-byz*, восходящий вместе с аффиксами сказуемости того же лица и числа к личному метоименению *biz/miz* 'мы' [Севортян 1956, 42], что аффикс 2 л. *-ŋ* возник из сокращенной формы род. падежа самостоятельного местоименения *sän – sänіŋ* [Radloff 1897, 72], что форма 2-го лица ед. числа трудно поддается объяснению [Рамстедт 1957, 72].

Изучив эти различные мнения, равно как и фактический материал тюркских и близких к ним языков, Ш.Х. Акбаев пришел к выводу, что: 1) посессивные аффиксы тюркских языков могут быть возведены только к формам род. падежа личных местоимений; 2) семантическое и функциональное развитие постпозитивных местоимений шло, по всей видимости, по пути постепенного свертывания лексического и усиления формально-грамматического значения, сопровождаемого постепенной утратой ударения; 3) процесс сокращения местоимений, судя по материалам тюркских языков, в 1 и 2-м лице происходил по-разному; местоимение 1-го лица, утратившее самостоятельное ударение, стало терять составлявшие его звуки или даже слоги с конца, вследствие чего сохранился лишь начальный звук *m*, ставший

основной морфемой принадлежности 1-го лица ед. числа; местоимение же 2-го лица, сокращаясь от начала к концу, сохранило конечный *-ŋ* в качестве морфемы принадлежности 2-го лица ед. числа [Акбаев 1976, 7—10].

Приведенные выше выводы представляются достаточно убедительными, однако тут же возникает недоуменный вопрос, почему процесс сокращения энклитических местоимений протекал по-разному для форм 1 и 2-го лица и почему в тюркских языках, в которых определение всегда предшествует определяемому, оказывается, без всяких на то оснований, в постпозиции к своему определяемому.

В тех случаях, когда отсутствуют прямые заключения, основанные на применении принципов сравнительно-исторического метода, приходится прибегать к другим методам установления истины, например к методу установления подобия явлений и процессов — к явлению изоморфизма, который позволяет постулировать некоторые заключения относительно определенных фактов на основании имеющихся в нашем распоряжении конкретных данных.

1. Посессивные аффиксы 1 и 2-го лица восходят к формам род. падежа соответствующих личных местоимений; ср.:

фин. *minä* 'я'; *minum vihko-ni* 'моя тетрадь' (*minum* – род. п.); *sinä* 'ты'; *sinum kelkka-si* 'твои санки' (*sinum* – род. п.); *me* 'мы' *meidän kaupunkimme* 'наш город' (*meidän* – род. п.);

тат. *min* 'я'; *minəm däftärim* (*minəm* – род. п. от *min* 'я'); *sinəŋ sanaŋ* (*sinəŋ* — род. п. от *sin* 'ты'); *bəznəŋ šähärbəz* (*bəznəŋ* — род. п. от *bəz* 'мы'). Эти примеры можно значительно увеличить.

В древнегерманских языках притяжательных местоимений не существовало, их функции выполняла форма род. падежа соответствующих местоимений; ср. др.-англ. *ic* 'я'; *mīn* 'мой, моя, мое', *þū* 'ты', *þīn* 'твой, твоя, твои' и т.д.; аналогичные факты наблюдаются в шведском, норвежском, датском.

2. Во всех германских языках определения, выраженные прилагательными, указательными местоимениями, числительными всегда находятся в препозиции к определяемому, т.е. атрибутивные словосочетания имеют структуру $A^a + K^n$) (ср. шв. *ett grönt blad* 'зеленый лист'), ($A^p_{dem} + K^n$) (ср. шв. *denna tidning* 'эта газета'); $A^{nu} + K^{n4}$ (ср. шв. *tre kronor* 'три кроны').

Что же касается притяжательных местоимений, то, по утверждению М.И. Стеблина-Каменского, "определение, выраженное притяжательным местоимением или личным местоимением в родительном падеже, стоит обычно после определяемого, но перед ним, если смысловое ударение лежит на этом местоимении" [1955, 147]. Приведенное мнение позволяет сделать два существенных вывода: 1) в атрибутивных словосочетаниях структуры $A^a + K^n$ язык допускает отклонения в расположении притяжательных компонентов, т.е. возможна структура $K^n + A^p_{poss}$; 2) в случае же появления смыслового ударения на притяжательном местоимении (типа *это мóй портфель ..., а не твой*),

[4] A^{nu} — зависимый компонент словосочетания, выраженный числительным.

положение определения и определяемого может быть изменено и постпозиция притяжательного местоимения по отношению к своему определяемому может измениться в препозицию, т.е. синтаксический порядок принимает на себя стилистические функции. Удивительное сходство с только что сказанным мы находим в следующих строках учебника монгольского языка [Ринчинэ 1952, 93]: "Но подобные обороты (*миний ном* 'моя книга'), в которых личные местоимения в форме родительного падежа являются притяжательными определениями, могут быть заменены другими, в которых определяемые будут иметь не эти притяжательные определения (впереди себя), а лично-притяжательные частицы, ставящиеся после них, определяемых, и представляющие собой усеченные формы тех же личных местоимений в форме тоже родительного падежа, например: *ном минь* 'книга моя', *номд минь* 'в книге моей' и т.д." [Ринчинэ 1952, 93]. Таким образом, форма род. п. 1 л. ед.ч. (*би* 'я') *миний* превращается в *минь*; *чи* 'ты' — род. п. *чиний*>*чинь*; *ба* 'мы' — род. п. *манай*>*маань*; *энэ* 'это' — род. п. *үүний*>*нь*.

Будучи энклитиками, эти притяжательные частицы, пока что выступающие графически отдельно, превратятся со временем в подлинные притяжательные морфемы-аффиксы, подобные тем, какие мы имеем во всех без исключения современных тюркских языках.

Подводя итог изложенному выше о категории принадлежности в тюркских языках, мы можем сделать следующее заключение.

1. Как свидетельствуют самые различные языки (сами тюркские, древнегерманские, монгольские и др.), в качестве притяжательных местоимений выступают формы род. падежа соответствующих личных местоимений.

2. В названных выше языках (кроме древнеисландского и современного норвежского — нюнорск) притяжательные местоимения, как правило, находится в препозиции к своему определяемому.

3. Судя по материалу древнеисландского языка, препозитивное положение притяжательного местоимения могло меняться в постпозитивное, а в современном монгольском — препозитивное положение изменяется в постпозитивное в том случае, если логическое ударение падало на притяжательное местоименение (*эта ручка моя́, а не твоя*).

4. Как свидетельствует современный монгольский язык, формы род.падежа, притяжательные местоимения, оказываясь в постпозиции, фонетически упрощаются, теряют нормальное ударение, становясь энклитиками с дальнейшей тенденцией превращения в обычные притяжательные морфемы — аффиксы принадлежности.

5. В тюркских языках в глубокой древности протекал описанный выше процесс $P^{pers}>P^{pers}_{gen}>P_{poss}>P_{poss}>p_{poss}>m_{poss}$. Сложившиеся притяжательные аффиксы продолжали постепенно стираться, превращаясь в односложные притяжательные морфемы, подчиняясь действию закона гармонии гласных, что лишний раз говорит об их аффиксальной природе.

6. Оказавшись в положении аффиксальных морфем и приняв на себя второстепенное ударение, эти морфемы стали упрощаться в фонетическом отношении, при этом второстепенное ударение

падавшее на второй слог аффиксальных морфем, по-видимому допускало выпадение первого слога притяжательного аффикса, т.е. форма *mänin̨* сокращается до одного *-m* как результат губной ассимиляции *n̨ > m* под влиянием начального *-m*, а форма *sänin* — сокращается до *-n̨*.

7. Формы притяжательных аффиксов, видимо, сложились в очень древнюю эпоху существования общетюркского языка, когда продуктивным аффиксом формы мн. числа был афф. *-z*, т.е. *m+z=myz*, *n̨+z=n̨yz*.

8. Тот факт, что во всех тюркских языках, которые по классификации С.Е. Малова отнесены к "древнейшим" тюркским языкам, — булгарском, уйгурском, чувашском, якутском [1952, 135—143] — притяжательные аффиксы присоединяются непосредственно к основе слова, до падежных аффиксов, служит показателем очень древнего становления этих аффиксов.

КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА

Система склонения в тюркских языках складывалась на протяжении многих столетий в результате действия тенденций, восходящих к разным хронологическим периодам: 1) к раннему периоду пратюркского языка; 2) к позднему периоду пратюркского состояния, который предшествовал обособлению различных групп тюркских языков; 3) к периодам обособления классификационных групп тюркских языков и диалектов и дальнейшего раздельного их существования (общетюркское языковое состояние).

В тюркологии осуществлены реконструкции двух состояний системы общетюркского склонения — как более позднего, предшествующего распаду тюркского языка [Щербак 1977, 60—61], так и более раннего, характеризовавшего тюркский праязык [Серебренников, Гаджиева 1979, 77, 88; ср. также раннеобщетюркскую и познеобщетюркскую падежные парадигмы: Тенишев 1971 , 15]; реконструкция общетюркского склонения фактически представлена в работе В.А. Богородицкого, который уделял большое внимание генезису падежных окончаний, восстановлению их "древнейших типов" [Богородицкий 1953, 151, 155, 157, 159]. Определены пути развития падежной системы тюркских языков, изменения древнего состояния тюркской падежной системы и их причины [Серебренников, Гаджиева 1979, 77—89]. Этими реконструкциями заложен прочный фундамент сравнительно-исторического исследования склонения в тюркских языках.

Естественно, однако, что при этом изучены далеко не все аспекты формирования тюркского склонения. При реконструкциях пратюркского и общетюркского склонения не учитывалось специфическое взаимодействие категории падежа с другими тюркскими грамматическими категориями и, как следствие этого, далеко не всегда принимался во внимание факт существования различных структурных разновидностей тюркского склонения: за пределами сравнительно-исторического исследования фактически остались парадигматические

(внутрипарадигмные и межпарадигмные) отношения. Требует углубленного исследования также проблема вычленения напластований, относящихся к раннему или позднему периоду тюркского праязыка, и определения их роли в становлении склонения языков тюркской группы.

Задачами предлагаемого раздела являются: а) реконструкция (для раннего и позднего периодов тюркского праязыка[5], а также для периодов обособления различных групп тюркских языков) парадигматических рядов склонения во всех его структурных разновидностях, которые обусловлены взаимодействием категорий принадлежности и падежа, специфичным для тюркских языков (т.е. реконструкция морфологических правил построения падежных словоформ); б) реконструкция фонологического состава падежных морфов с учетом строения слова и слога, а также действия сингармонизма в тюркских языках (т.е. реконструкция фонологических правил выбора алломорфа); в) реконструкция парадигматических отношений, существовавших в раннеобщетюркском и позднеобщетюркском склонении; г) вычленение в склонении напластований, относящихся к раннему или позднему периоду пратюркской языковой общности, а также к историческим периодам раздельного существования тюркских языков, и раскрытие внутренних тенденций исторического развития этого ключевого звена тюркской грамматики.

Предпринимая попытку реконструировать тюркское склонение во всей сложности его структурных разновидностей, парадигматических отношений, доисторических и исторических напластований, мы осознаем, что осуществить такую реконструкцию представляется возможным далеко не всегда [ср. СГГЯ 1963, 132]. Чрезвычайно сложно, например, определить вес и значимость напластований в разные периоды становления и развития системы тюркского склонения. При решении поставленных вопросов особую роль играет наличие общетюркских изоглосс в их противопоставлении региональным изоглоссам. При попытках вычленить древние хронологические напластования естественным представляется обращение к алтайскому, прежде всего монгольскому, материалу с позиций историко-типологического подхода.

В свою очередь, применение приемов фономорфологического анализа к описанию раннеобщетюркской и позднеобщетюркской систем склонения осложнено и затруднено целым рядом объективных обстоятельств. Так, сравнительно-историческая тюркология располагает лишь довольно общими сведениями о действии сингармонизма в тюркском праязыке [Щербак 1970_2, 121, 122; Серебренников, Гаджиева 1979, 26—27]. Изучение тюркского слога и слогоделения в сравнительно-историческом аспекте пока только начато [Щербак 1970_2, 107—110]; структура слова в тюркских языках обследовалась в историко-типологическом [Баскаков 1975_1, 18; 1979] и историческом аспектах

[5]Далее в разделе "Категория падежа" в значении тюркского праязыка используется также термин "пратюркская языковая общность"; в этом же значении говорится о ранне- и позднеобщетюркском склонении.

[Кононов 1980, 76—84]. Более основательная и углубленная работа в этой области тюркологам еще предстоит [Севортян 1973, 141]. Сравнительно-историческая тюркология пока еще не располагает хотя бы частичной реконструкцией фономорфологического строя тюркского праязыка.

СКЛОНЕНИЕ И ЧИСЛО. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАТЕГОРИЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И ПАДЕЖА В СИСТЕМЕ СКЛОНЕНИЯ

Важными составными компонентами описания морфологической структуры слова в современном языкознании признается анализ соотношения разных морфологических единиц в пределах слова, с одной стороны, а с другой — описание правил объединения морфологических единиц в слове [СГГЯ 1963, 7].

Применительно к иносистемным языкам давно установлено, что наличие разных окончаний для одного падежа обусловлено своеобразным взаимодействием категории падежа с категориями рода или числа, одушевленности/неодушевленности или же с грамматическими классами имен [СГГЯ 1963, 135—138; Королев 1973, 16; Дульзон 1968, 63; Вернер... 1974, 212]. В тюркских языках, как известно, грамматические категории рода, одушевленности/неодушевленности, а также грамматические классы имен отсутствуют.

Категория числа в системе субстантивного имени в тюркских языках представлена единственным числом, не имеющим специального показателя, и множественным числом на *-lar* (с фонетическими вариантами). По существующему мнению, "размеры употребления аффикса *-лар*, особенности его дистрибуции и характер выражаемых значений таковы, что можно с уверенностью говорить о нем как о морфологическом элементе, прошедшем длительный путь развития и бесспорно присутствовавшем в тюркском праязыке" [Щербак 1977, 83]. Можно предполагать, однако, что употребление имен, снабженных аффиксом мн.ч. *-лар*, как и их падежных форм, в глубокой древности было менее частым, нежели в настоящее время[6]. Во всяком случае, такие архаические падежи,

[6]На эту мысль наводят нас следующие факты. Во-первых, во многих современных живых тюркских диалектах отсутствует согласование в числе у сказуемых (глагольных финитных форм) с подлежащим (именем существительным, снабженным аффиксом мн. ч. *-lar*). Во-вторых, замечено, что в пословицах и поговорках, записанных как современными фольклористами, так и средневековым филологом Махмудом Кашгарским (XI в.), формы имен мн. числа с афф. *-lar* встречаются очень редко. Так, среди 270 пословиц и поговорок, извлеченных Г.А. Абдурахмановым из "Дивану лугат ит-тюрк" Махмуда Кашгарского, нам встретилась лишь одна пословица, в которой использованы две словоформы мн. числа на *-lar: alplar birlä urušma beglär birlä turušma* [МК 1967, 532] 'С храбрыми не воюй, с князьями не враждуй'. Более обычно здесь употребление имени без афф. *-lar*, причем даже в случаях, когда на мн. число указывает показатель взаимно-совместного залога в глагольной форме сказуемого: *kiši soδläšü jylqy jyδlašu* [МК 1967, 530] 'Люди [узнают друг друга] по разговору (букв. 'разговаривая'), животные — по запаху'.

как приименный инстр. п. *-°n* или приместоименный напр. п. *-yar*, имеют весьма существенные ограничения в отношении мн. числа. С предположением о низкой частотности *-lar* в тюркском праязыке согласуется также точка зрения компаративистов, в соответствии с которой значительно чаще в языке древних эпох применялось так называемое собирательное мн. число, причем в тюркских языках обнаруживаются явные следы его показателей, они "в тюркском праязыке содержат элементы *з, қ (к), л, м, н, р, с, ч* и *ш*" [Серебренников, Гаджиева 1979, 89, 90].

В тюркологии давно уже замечено, что при раздельности выражения падежа и числа категория числа нерелевантна для тюркского склонения: "склонение множественного числа морфологически не отличается от склонения единственного числа, т.е. производится при помощи тех же самых падежных аффиксов" [Дмитриев 1948, 61]. Это положение распространяется и на имена с показателями собирательной множественности. Склонение имен с этими показателями, как и с афф. *-lar*, на всех этапах развития общетюркского языкового состояния подчинялось общим фономорфологическим правилам.

Категория числа в тюркских языках вполне автономна и не взаимодействует непосредственно с категорий падежа; исключения не меняют этого общего правила. Так, в некоторых языках формативы отдельных падежей (чаще всего — дат.) варьируются в зависимости от того, какой аффикс принадлежности имеет при себе склоняемое имя — ед. или мн. числа.

Категория принадлежности в системе субстантивного имени расценивается как проявление специфики грамматического строя тюркских языков [Баскаков 1975$_1$, 18][7]. Благодаря этой категории обеспечивается важное и своеобразное противопоставление тюркских имен существительных "чистые имена — имена с аффиксами принадлежности (посессивные имена)", которое другим, иносистемным языкам не известно [Богородицкий 1953, 143].

По признанию компаративистов, "способность выражения принадлежности при помощи специальных аффиксов была присуща тюркским языкам с древних времен и была унаследована ими от тюркского праязыка. Первичная система притяжательных аффиксов может быть реконструирована в следующем виде:

Ед. число	Мн. число
1. л.-*м*, -*ым*, -*им*	-*быз*, -*биз*, -*ыбыз*, -*ибиз*
2. л. -*ң*, -*ың*, -*иң*	-*ңыз*, -*ңиз*, -*ыңыз*, -*иңиз*
-*ғ*, -*ығ*, -*иғ*	-*ғыз*, -*ғиз*, -*ығыз*, -*иғиз*
3. л. -*ы*, -*и*, -*сы*, -*си*	-*ы*, -*и*, -*сы*, -*си*"

[Серебренников, Гаджиева 1979, 94]. С нашей точки зрения, в раннетюркской языковой общности были представлены лишь аффиксы

[7] В индоевропейских языках, например во французском, существует понятийная категория притяжательности, находящая выражение в ряде синтаксических конструкций [Степанян 1979, 1—22].

принадлежности, выше записанные в левой колонке. При этом аффиксы *-м, -ң, -и* (с вариантами), как и соответствующие личные местоимения, были синкретичными в отношении грамматического числа.

По всей видимости, аффиксы принадлежности и падежные формативы в древности были взаимно упорядочены: в правильной последовательности аффиксов, формирующих ту или иную тюркскую словоформу, притяжательные аффиксы располагались перед падежными формативами, как это имеет место в современных тюркских языках. В позднепратюркской языковой общности произошла числовая дифференциация во взаимосвязанных системах личных местоимений и аффиксов принадлежности: наряду с закреплением специфически обобщенных косвенных основ личных местоимений *pän~bän..., sän* за ед. числом 1 и 2-го лица соответственно аффиксы *(-I)m, -(I)n* также становятся приметами принадлежности ед. числа 1 и 2-го лица; в условиях формирования местоимений мн. числа 1 и 2-го лица *piz~biz, siz* соответственно складываются аффиксы принадлежности мн. числа 1-го лица *-(I)bIz~-(I)mIz*, 2-го лица *-(I)ŋIz*... (аффикс принадлежности 3-го лица *-(s)I* дольше других сохраняет числовой синкретизм — возможность использования его и в ед., и во мн. числе). С учетом вышеизложенного можно полагать, что именно в позднепратюркский период сложилась та двухколонковая система аффиксов принадлежности, которая реконструирована Б.А. Серебренниковым и Н.З. Гаджиевой в качестве первичной.

В период стабилизации и обособления отдельных групп древнетюркских диалектов система притяжательных аффиксов сохраняла устойчивость, допуская лишь отдельные уточнения в отношении 2-го лица ед. и мн. числа (утрата вариантов *-°γ, -°γyz*, выдвижение на первый план *-°ŋ, -°ŋiz*) и 1-го лица мн. числа (появление варианта *-°miz*).

Противопоставление тюркских существительных по линии принадлежности, не свойственное таковым ни в русском, ни в других индоевропейских языках, взаимодействует с категорией падежа и поэтому оказывается весьма влиятельным для тюркского склонения. Н.А. Баскаков, касаясь специфики грамматических категорий тюркский языков, в ряду других приводит "наличие категории притяжательного склонения", но видит отличия его "в некоторых фонетических особенностях" [Баскаков 1975$_1$, 18; 1979, 229; см. также Рассадин 1978, 32]. Две разновидности тюркского склонения, начиная, по крайней мере, с М.А. Казем-Бека, различались и именовались по-разному: "простое", или "безличное", склонение "простых" имен и "притяжательное", "лично-притяжательное", "посессивное" склонение имен с аффиксами принадлежности. Нами внимание обращается на то, в какой мере категория принадлежности принимает участие в оформлении и преобразовании парадигм различных основ в отдельных тюркских языках и их группах, а также в ранне- и позднепратюркской языковой общности.

Взаимодействие категорий принадлежности и падежа в большей части тюркских языков имеет собственный стабильный морфоло-

гический показатель, не знающий ограничений по линии мн. числа[8]. Это так называемый вставной *-n-*, который вычленяется при склонении имен с аффиксом принадлежности 3-го лица особенно четко в локальных (дат., местн., исх.) падежах[9]. До настоящего времени "вставной" *-n-* часто рассматривается в составе посессивно-именных форм 3-го лица как компонент, лишенный грамматического значения. Грамматическая трактовка предложена А.Н. Кононовым, рассматривающим *-n-* в качестве "показателя посессивности" [1980, 164]. Нами дается несколько иная грамматическая трактовка *-n-*, нацеленная на осмысление и показ того противопоставления "простого" и "притяжательного" склонения, которое действует в большинстве тюркских языков.

Аргументом, подтверждающим грамматическую значимость "вставного" *-n-*, могут служить факты склонения в джекающих (кыпчакских) говорах хорезмской группы узбекского языка [Абдуллаев 1967, 70, 71]. В этих говорах в посессивной форме дат. и исх. падежей двухсложных слов с конечными гласными (например, *ata* 'отец' или *äkä* 'младший брат') редукции и выпадению подвергается узкий гласный аффиксов принадлежности 3-го лица как ед., так и мн. числа: *ata-s'-n-a* 'его отцу', *ata-lar'-n-a* 'их отцам', *ata-s'-nan* 'от его отца', ср. также *mäktäp-lär'-nän* 'из их школы' (исх. падеж посессивно-именной парадигмы 3-го лица *-nan<-n-nan<-n-dan*). Аналогичные формы встречаются также в туркменских говорах Турткуля Каракалпакской АССР: *a:ya-lar-n-a* [Аразкулиев 1961]. В интересующем нас плане особенно примечательны словоформы *a:ya-lar-n-a* и *mäktäp-lär'-nän*. Присутствие 'вставного' *-n-* в них, как и в остальных этих словоформах, фонетически совершенно неоправданно: *-n-* здесь присоединяется к конечному согласному аффикса мн. числа. Грамматическая же значимость *-n-* в этих трех словоформах бесспорна: *-n-* здесь единственный показатель, сигнализирующий о том, что мы имеем дело со склонением имен, снабженных аффиксом принадлежности 3-го лица.

Исходя из грамматической значимости "вставного" *-n-* и в соответствии с его грамматической трактовкой, которую дает А.Н. Кононов [1980, 151, 153, 164], мы именуем этот *-n-* "посессивным".

В большинстве языков сфера действия *-n-* имеет ограничения в отношении лица категории принадлежности (его имеют только имена с аффиксами принадлежности 3-го лица). Между тем, в якутском языке можно наблюдать уникальное явление: здесь, как указала нам на это Е.И. Убрятова, рефлексы *-n-* прослеживаются во всей посессивно-именной парадигме — не только 3-го лица, но также 1 и 2-го лица ед. и мн. числа, т.е. здесь нет ограничений по линии лица принадлежности (охвачены все лица ед. и мн. числа) [Убрятова

[8]Соотношение этих двух категорий уже привлекало к себе внимание исследователей, однако трактовалось оно в другом плане — семантическом и синтаксическом [Иванов С.Н. 1973; Нигматов 1977].

[9]В современном тюркском языкознании нет единства в точках зрения на природу формата *-n-*; множественность трактовок, естественно, влечет за собой разнообразие в наименованиях *-n-*. Обзор трактовок и соответствующей терминологии см. в работе [Благова 1982, 33—35].

1976, 119, 123—124, 133 сл.; ЯН СССР 1966, 409; Харитонов 1947, 115, 119; ср. иную трактовку: Севортян 1956, 54].

Распространение *-n-* на парадигму склонения имен с аффиксами принадлежности всех трех лиц ед. и мн. числа в якутском языке наглядно показывает, насколько различным может быть участие категории принадлежности в формировании различных типов тюркского склонения в периоды обособленного развития тюркских языков (подробнее о градациях этих различий см. ниже: "Классификация типов и подтипов тюркского склонения"). Полярно противоположный случай — абсолютное неучастие категории принадлежности в оформлении склонения таких языков, как узбекский, новоуйгурский, лобнорский. Примечательно, что система притяжательных аффиксов в этих языках сохраняется в неприкосновенности. Вместе с тем в некоторых современных живых тюркских языках известны случаи, когда противопоставление этих двух парадигм действует, хотя система притяжательных аффиксов явственно разрушается.

Деформация этой системы произошла в саларском, сарыг-югурском, караимском языках, ишлейском говоре чувашского языка. В саларском, где начало этого процесса датируется Э.Р. Тенишевым не ранее, чем XV в., в системе притяжательных аффиксов не различается ед. и мн. число; в языке сарыг-югуров деформация "продвинулась дальше — от полной парадигмы сохранились устойчиво только 3-е лицо' [Тенишев 1976_2, 104], а для 1 и 2-го лица ед. и мн. числа общим стал форматив, генетически представляющий собой показатель 2-го лица ед. числа [Тенишев 1976_1, 51, 54]. В сарыг-югурской форме дат. падежа посессивно-именной парадигмы 3-го лица *-n-* в результате регрессивной ассимиляции, вызванной воздействием последующего *-g-* — консонантического элемента форматива дат. падежа, переходит в *-ŋ-*: *minig-i-ŋ-ge* ('его, ее, их) деньгам' [Тенишев 1976_1, 59]. Можно предположить также, что на фонетическом облике этой формы сказалось известное аналогическое воздействие дат. падежа унифицированной посессивно-именной парадигмы 1 и 2-го лица ед. и мн. числа: *hat-yŋ-ya* '(моему, твоему, нашему, вашему) коню'. Если принять такое предположение, то получается, что тенденция к единообразному выражению категории принадлежности для всех лиц ед. и мн. числа начинает проникать в отдельные формы склонения 3-го лица.

В ишлейском говоре чувашского языка, напротив, формы принадлежности 3-го лица употребляются в значении 1 и 2-го лица [Щербак 1977, 73]. Подобное же "нарушение согласования в лице", при употреблении аффиксов принадлежности в служебных именах наблюдается в караимском (*menim üst-i-n-ä* 'на меня', *bizin ara-sy-n-a* 'между нами'), где нормативной стала также утрата аффиксов принадлежности 1—2-го лица не только мн., но и ед. числа в случаях, когда служебное имя сочетается с род. падежом соответствующих личных местоимений; что касается притяжательных аффиксов 3-го лица, то они в этих случаях устойчиво сохраняются [Мусаев 1963, 79, 80].

Случаи "нарушения согласования в лице" категории принадлеж-

ности, отмеченные в караимском языке и ишлейском говоре чувашского языка, имеют своим следствием возрастание роли аффикса принадлежности 3-го лица вместе с сопряженным с ним *-n-* в формировании склонения в этих языке и говоре. По своим результатам это явление может быть сопоставлено с положением *-n-* в якутском лично-притяжательном склонении.

Характерно, что во всех тюркских языках и диалектах, где система притяжательных аффиксов в той или иной степени подверглась деформации, тем не менее продолжает устойчиво сохраняться *-n-* в посессивно-именной парадигме. Факт такой устойчивости на фоне деформирующейся системы может свидетельствовать об очень большой древности и изначальной глубокой укорененности *-n-* — средства, выражающего ныне взаимодействие категорий принадлежности и падежа в посессивно-именной парадигме.

О КОЛИЧЕСТВЕ РЕКОНСТРУИРУЕМЫХ ПАДЕЖЕЙ

В сравнительной грамматике тюркских языков общетюркская парадигма склонения разными авторами реконструируется в составе шести или же восьми падежей. В соответствии с реконструкцией 1979 г. в позднем тюркском праязыке наличествовала падежная система, состоящая из шести падежей:

Им.	—
Род.	*-ыӈ, -иӈ*
Вин.	*-ы, -и*
Дат.-напр.	*-ҡа, -гә, -а, -ә*
Мест.	*-та, -тә, -да, -дә*
Исх.	*-тан, -тән, -дан, -дән*

[Серебренников, Гаджиева 1979, 87—88].

В результате историко-типологического исследования морфологии тюркских языков построена общетюркская парадигма склонения с тем же составом продуктивных падежей (в нее не включены пять рудиментарных падежей — сравн. *-day, -daj*, сравн.-предельн. *-ča*, твор. времени °*-n*, исх. места *-tyn*, дат. направления *-qary, -qara*) [Баскаков 1979, 225, 227]:

1) осн.	*-Ø*
2) род.	*-nyӈ/-nyn; -yӈ/-yn; -ny* (с вариантами)
3) вин.	*-yy*; -ny; -y (с вариантами)
4) напр.-дат.	*-ya/-qa, -ja, -a* (с вариантами)
5) местн.	*-da/-ta* (с вариантами)
6) исх.	*-da; -dan; -daӈ; -dyn* (с вариантами)

В реконструкции А.М. Щербака [1977, 61] общетюркская парадигма насчитывает восемь падежей:

1) им.	—
2) род.	**-ïӈ*
3) дат.	**-kā* (<**-kāru*)
4) вин.	**-ïŋ*

5) местн.	**-tā*
6) исх.	**-tā~*tān~*tīn(?<*-tā-jan~*tājīn)*
7) твор.	**-īn*
8) сравн -ограничит.	**-čā.*

Как можно видеть из сравнения приводимых общетюркских парадигм склонения, рассмотрению подлежат следующие вопросы: 1) количественный и качественный состав падежей, включаемых в общетюркскую парадигму; 2) количественный и качественный состав реконструируемых аффиксов для каждого из падежей, включаемых в эту парадигму.

При рассмотрении вопроса о количестве падежей в ранне- и позднеобщетюркских парадигмах нельзя не учитывать компетентных мнений компаративистов, подчеркивающих особый статус как твор., так и срав.-ограничит. (~предельн.) падежей.

Творительный (*инструментальный*, *орудный*, *инструктивный*) *падеж*. А.М. Щербак прямо пишет, что его "настораживает особое положение формы на *-ın* среди других форм, выразившееся в самом факте ее повсеместного исчезновения как падежной формы" [1977, 55]. Х.Г. Нигматов основания для особого подхода к твор. падежу (по его терминологии, орудному падежу, сокращенно ОрП) видит в том, что "ни один глагол не управляет ОрП, в языке памятников нет также явных доказательств того, что между показателем ОрП (афф. -[°]*н*) и основой слова могут находиться другие словоизменительные аффиксы. Одно это доказывает, что ОрП резко отличается от всех остальных падежей. В языке памятников в большинстве случаев объект-орудие действия обозначается не с помощью формы ОрП, а с помощью конструкции с послелогом *бирлә*. В других случаях ОрП дублирует лишь отдельные, оторванные друг от друга значения ДП и МИП" (дат. падежа и местн.-исх. падежа. — *Г.Б.*) [Нигматов 1978, 23—24]. Исходя из учета структурных параметров тюркского склонения, остается добавить, что твор. падеж даже в языке раннесредневековых тюркских памятников, где он считается употребительным, имеет весьма своеобразную парадигмную дистрибуцию. Твор. падеж здесь закреплен за именной (точнее субстантивно-именной) парадигмой и наблюдается преимущественно в именах—субстантивах *ед. числа*.

На основании формально-структурного и синтактико-семантического анализа этого падежа Х.Г. Нигматов приходит к важному выводу: "в XI в ОрП не входил в падежную систему и был своеобразным наречным образованием — "падежом" только с семантической функцией" [1978, 24] Признавая убедительной аргументацию Х.Г. Нигматова, добавим также, что существование твор. падежа, частотность которого в средневековых памятниках была невелика, оборвалось почти столь же резко, как и существование вин. на -°*g*, хотя и несколько позже. Твор. -°*л* эпизодически еще употребляется в XIV в.; так, он отмечен в языке "Кысас ул-анбия" Рабгузи [см. Булатов 1960, 57; Мирзакаримова 1969, 8]. Но он отсутствует в других письменных памятниках XIV в., в том числе в "Codex Cumanicus"

[см. Курышжанов 1958] и сочинениях на мамлюкско-кыпчакском языке [см. Наджип 1965, 46]. Не упоминается о твор. падеже и в арабоязычных грамматическом и филологическом трактатах "Китаб ат-тухфа аз-закийа фи-л-луга ат-туркийа" [см. Фазылов, Зияева 1978, 35—38], "Таржуман туркй ва 'ажамй ва мугалй" [см. Юнусов 1973, 10]. Наличие твор. п. *-°n* в одних памятниках XIV в. и его отсутствие в других (преимущественно кыпчакских) памятниках того же периода объясняется, скорее всего, сугубо ареальным характером распространения этой формы. Такой характер ее распространения фактически не отрицается и при другом предположении, а именно, что литературно-языковая традиция, консервировавшая употребление архаического для XIV в. твор. п. *-°n*, педантично соблюдалась автором "Кысас ул-анбия", между тем как в упомянутых трактатах предмет описания был принципиально иным, свободным от действия литературно-языковой традиции, которая своими корнями уходила к южносибирскому и центральноазиатскому регионам. По всей видимости, в этих трактатах описывается обиходный язык кыпчаков ("потому что он широко употребляется") [Фазылов, Зияева 1978, 91].

Показательно, что этимологизация форматива твор. падежа, как, впрочем, и других падежных формативов, до настоящего времени ведется чаще всего без учета положения, занимаемого ими в системе склонения, и внутрисистемных соотношений. Так, на основании омоморфии форматива твор. п. *-(ı)n* и морфемосочетания *-ı-n* (один из вариантов морфемосочетания "посессивный показатель 3-го лица + форматив вин. падежа") делаются выводы относительно общего происхождения вин. и твор. падежей[10]. Эти выводы подкрепляются также данными семантического характера — "связью между объектом действия и орудием, средством или сопутствующим компонентом действия" [Насилов В.М. 1963, 34]. По одному мнению, в системе склонения языка древнетюркских памятников вин. и инстр. падежи "по существу являются объектными" [Насилов В.М. 1960, 26], а по другому — значение определенного прямого объекта, которое имеет вин. падеж в памятниках древнетюркской письменности, "явилось исходным" для инстр. падежа [Кондратьев 1970, 17]. М.И. Боргояков, опираясь на изложенные выше точки зрения, видит в аффиксе инстр. п. *-in* "не что иное, как усеченную форму винительного, присоединяемую к именам в форме принадлежности", а вин. падеж, по его предположению, в древние периоды мог выражать "значения некоторых современных косвенных падежей" (дат., напр.,

[10] Г.И. Рамстедт говорит о совпадении твор. падежа (по его терминологии, инструктивного падежа) с род. падежом и считает соответственно, что возможность этимологической связи между род. и инструк. падежами "вполне допустима", типологически верифицируя подобную возможность примерами из немецкого языка [1957, 49]. Н. Поппе также склонен считать допустимой этимологическую связь между этими падежами, отмечая при этом материальную идентичность аффиксов твор. (инстр.) и род. падежей в маньчжурском [Poppe 1977, 60]. Сопоставление твор. падежа с род. падежом следует признать более корректным, чем с вин. падежом посессивно-именной парадигмы, поскольку при этом этимологизация ведется в пределах именного склонения и не нарушаются межпарадигмные соотношения.

твор.) [1976, 116]. При этом не учитывается, что В.В. Радлов, например, считал ошибочным восприятие инстр. падежа как поныне употребляемого "в западных диалектах" аккузатива на *-n* [Radloff 1897, 63].

В гипотезе об изначальном синкретизме вин. падежа уязвимым представляется то, что омоморфные *-in* различны по своему составу и принадлежат различным парадигмам. Для вин. падежа имеем морфемное сочетание "аффикс принадлежности 3-го лица *-i* + вин. 3-го лица *-n*"[11], закрепленное за посессивно-именной парадигмой. Инстр. п. *-°n* представляет собой одну морфему и закреплен он преимущественно за именной парадигмой.

Таким образом, при учете парадигмного распределения инстр. *-in* и морфемосочетания вин. падежа и 3-го лица принадлежности *-i-n* гипотеза об общем происхождении обоих падежей воспринимается как недостаточно обоснованная в структурно-системном отношении. При обосновании этой гипотезы следовало бы говорить в первую очередь о довольно необычной гиперкоррекции морфемосочетания *-i-n*, т.е. о таком распространении этого морфемосочетания из посессивно-именной парадигмы только лишь на именную парадигму, которое сопровождалось неспособностью инстр. *-in*, якобы "отпочковавшегося" от этой формы вин. падежа, выступать в составе посессивно-именных форм. Между тем, все известные случаи гиперкоррекции опираются именно на облигаторность трансморфологизуемого падежного форматива для той парадигмы, из которой исходит по этой линии индуцирующее воздействие на другую парадигму.

Вместе с тем, если принять во внимание, что вин. падеж посессивно-именной парадигмы 3-го лица *(-i)n* был, как показала последующая история тюркских языков, формой перспективной, то станет понятным, почему совпадение названного форматива вин. п. *-(i)n* и форматива инстр. п. *-°n* впоследствии могло явиться одной из причин утраты инстр. падежа: таким путем язык преодолевал нежелательную межпарадигмную омоморфию.

Твор. (оруд.) п. *-in* состоит в свободных отношениях с системой тюркского склонения. Употребление этой формы носит явно ареальный характер в противовес род. падежу, изоглоссы которого имеют широчайшее распространение в общетюркском масштабе. Поэтому не представляется корректной гипотеза о том, что "материалом для создания формы родительного падежа послужила форма орудийного падежа на *-ын/-ин*" [Серебренников, Гаджиева 1979, 87].

Для того чтобы оценить характер распространения твор. *-°n* в средневековых тюркских языках, как и его дальнейшую судьбу в эволюции тюркского склонения, с позиций типологического подхода, к сопоставлению привлекались материалы иносистемных языков. Соположение тюркского и монгольского материала при этом оказалось малорезультативным как в отношении распространения твор. падежа по

---

[11] М.И. Боргояков рассматривает *-in* как усеченную форму вин. падежа, считая в то же время, что эта форма "совпала с древней формой принадлежности" [1976, 116].

языкам этих двух групп, так и с точки зрения формальной и семантико-функциональной. В тюркских языках твор. падеж был представлен афф. *-°n*, притом что этот падеж мог считаться относительно продуктивным только в раннем средневековье; в современных же тюркских языках его следы можно найти только в отдельных застывших наречиях. Но даже и для тюркских языков древнего периода были характерны жесткие ограничения в парадигмной дистрибуции этого падежа, разрозненность его значений и соответственно небогатый диапазон синтаксических функций. Напротив, в монгольских языках орудн. падеж являлся и является вполне продуктивным, он широко употребляется в современных монгольских языках. Показателями этого падежа здесь являются *-ra, -(y)aar, -la*. Орудн. падеж в монгольских языках характеризуется разветвленной сетью значений и функций [см. Санжеев 1953, 199—202; ГБЯ 1962, 83—85; Тодаева 1973, 54—55].

В бóльшей мере поддается типологическому сопоставлению положение твор. падежа в тюркских языках и в таких иносистемных языках, как германские. В них, как и в тюркских, твор. падеж имел некоторое распространение только в древности, и в германистике этот падеж признается "ограниченной ареальной инновацией ряда западногерманских диалектов" древности [СГГЯ 1963, 142]. Зафиксированный лишь в древневерхненемецком и древнесаксонском языках твор. падеж здесь, как и в средневековых тюркских языках, имеет весьма жесткие парадигмные ограничения: он засвидетельствован только в ед. числе существительных муж. и ср. рода (лишь в *o-* и *i*-основах с формативом *u/o*), при этом часто его заменяют предложные конструкции [Макаев 1959, 49; СГГЯ 1963, 142].

Исходя из трактовки того языкового материала, которым располагает историческая тюркология, с одной стороны, и опираясь на результаты типологических сопоставлений — с другой, следует признать целесообразным включение твор. падежа в состав лишь раннеобщетюркской парадигмы склонения, в позднеобщеюркскую парадигму он не входит.

Сравнительно-ограничительный, или сравнительно-предельный, падеж (экватив, квантитатив) на *-čа*. Включение этой формы в раннеобщетюркскую парадигму представляется весьма условным, поскольку сопровождается целым рядом оговорок, притом очень знаменательных. "Форма на *-čä* не закрепилась в тюркских языках в падежной парадигме: далеко не все имена присоединяют к себе аффикс *-ча*, и нередко его присутствие обусловлено наличием особого морфологического "контекста" (ср. *-лар-ча, -ча-сï-на* и т.д.). Имеются и другие особенности, отличающие *-ча* от прочих падежных аффиксов" [Щербак 1977, 54].

В числе этих особенностей — безударность афф.*-čа*, который к тому же в составе словоформ не подчиняется закону гармонии гласных [Щербак 1977, 54]. Недаром Н.П. Дыренкова считала *-čа* "аффиксом-послелогом" (или "послелогом-аффиксом") [Дыренкова 1941, 64, 84]. В языке тюркских рунических памятников форма на *-čа* "образует наречия (обстоятельственные слова) со значением одинаковой меры, сте-

пени качества или приблизительного исчисления предметов, что не дает оснований для причисления ее к показателям падежа" [Кононов 1980, 149]. В соответствии с другим мнением, форма так называемого квантитативного падежа на *-ča* находится "на границе словоизменения и словообразования" [Насилов В.М. 1960, 30]. Известная "падежеобразность" *-že, -če* сочетается с тем, что в состав слова "эта морфема включается как словообразовательный аффикс" [Hazai 1973, 381, 441]. Добавим также, что форма на *-ča* не обладает той регулярностью употребления, которая характерна для форм склонения, а ее значения системно не упорядочены (как это отмечено и в отношении твор. падежа).

Перечисленные особенности статуса формы на *-ča* позволяют считать ее "недоразвившимся" падежом в самом раннем периоде пратюркской языковой общности и не включать ее в состав позднеобщетюркской парадигмы склонения.

Для позднеобщетюркского склонения можно считать характерным наличие шести падежей — *осн.* (им.), *род.*, *вин.*, *дат.*, *местн.*, *исх.*, как это предлагают Б.А. Серебренников и Н.З. Гаджиева, а также Н.А. Баскаков.

Приведенные выше реконструкции тюркского склонения имеют, кроме того, известные несовпадения в составе и количестве восстанавливаемых морфов (и их алломорфов) почти всех шести падежей. Особенно заметно это на примере реконструкции вин. падежа — восстанавливаемые разными авторами морфы этого падежа совершенно не совпадают. В реконструкции 1977 г. приводится вин. *-*ïŋ* [Щербак 1977, 61]. В реконструкции 1979 г. этот морф считается свойственным диалектам[1], а в парадигму позднего тюркского праязыка включается только вин. *-ы, -и* [Серебренников, Гаджиева 1979, 78, 88]. В историко-типологической парадигме склонения тюркских языков наряду с *-уγ* представлены еще два алломорфа вин. п. *-у* и *-ну* [Баскаков 1979, 245].

Особое место, отводимое отдельными компаративистами вин. п. *-°g* в общетюркской парадигме, подчеркивается этимологизацией ал- ломорфов вин. падежа. Считается, что этот общий для тюркских и монгольских языков аффикс послужил основой, на которой развивались другие аффиксы вин. п. — *-ny, -ni, -°n<-nyγ, -nig*, где "*-n* — аффикс принадлежности ("местоименный" аффикс *-n*) +*-°γ*, *-°g* — аффикс вин. п. (общий для тюркских и монгольских языков)" [Кононов 1980, 151]. Противоречивость мнений компаративистов по вопросу о месте вин. п. *-°g* в общетюркской парадигме склонения делает необходимым специальное рассмотрение этого спорного вопроса.

Винительный падеж *-°g*. Реконструкция вин. *-°g* как общетюркской праформы опирается на материал древнетюркских памятников, с одной стороны, и на данные монгольских языков — с другой. Поэтому при рассмотрении этой реконструкции необходимо проанализировать и те и другие данные.

Сравнительная таблица формативов вин. падежа в монгольских язы-

---

[12] В этом случае для *-ыг/-иг* необходимо ввести дополнительное указание, в котором бы отразились ограничения в его парадигмном распределении: он употребляется только в именной парадигме

ках и диалектах, составленная Г.Д. Санжеевым, показывает, что *-tg* представлен здесь в немногих языках наряду с другими формативами вин. п. — *-i, -ji, -ni, -g(i), -i(g)i, -gi(g)* [Санжеев 1953, 162]. Г.Д. Санжеев склонен в качестве архетипа перечисленных формативов вин. падежа "предполагать гласный *-i*, тогда как *г~j* является всего лишь вставочным согласным <...>. По-видимому, этот гласный *-i* каким-то образом генетически связывает вин. падеж с родительным" [Там же, 162—163].

В тюркских языках вин. *-°g* засвидетельствован памятниками древнетюркской письменности, самые поздние из которых датируются XIв. Примечательно, что эти памятники либо относятся к южносибирскому и центральноазиатскому регионам, либо в силу исторических и социолингвистических ситуаций тяготеют к этим регионам, находясь под сильным влиянием их литературно-языковой традиции. Учет ареальных характеристик вин. п. *-°g*, как и его распределения в литературно-языковых памятниках раннего средневековья, по своим результатам приближает нас к точке зрения И.А. Батманова: в языке енисейских руническихпамятников вин. падеж "имел основную литературную тюрко-монгольскую форму на Г" [1959, 106]. В соответствии с другой точкой зрения вин. падеж на *-°g* считается огузской чертой [Тенишев 1976_3, 164] и вместе с тем литературной формой [Тенишев 1976_4, 33].

В XI в. положение вин. *-°g* в системе склонения языка памятников, различных по своим жанрам, было очень разным. Так, в "Дивану лугат ит-турк" Махмуда Кашгарского и в переводной сутре "Алтун ярук" для именной парадигмы был характерен высокочастотный вин. падеж на *-°g* [см. Тенишев 1970, 25]. Вместе с тем положение его здесь, как и в языке тюркских рунических памятников [см. Кононов 1980, 151], не было монопольным: хотя и значительно реже, чем *-g°*, употреблялся вин. *-ni*[13]. В отличие от этого в языке "Кутадгу билиг" более употребительной формой вин. падежа в именной парадигме является *-ni*, в то время как *-°g* выступает здесь факультативным вариантом.

Характерно, что в сочинении "Атабату л-хакаик" Ахмада Югнаки, которое датируется не позже первого десятилетия XIII в. и в языке которого нашли отражение специфические черты тюркских языков юго-восточного региона, вин. *-°g* представлен уже единичной словоформой (*sözüg* 'слово') и является изолированным архаизмом.

При сопоставлении положения вин. *-˘g* в системах склонения тюркских и монгольских языков особо следует подчеркнуть различия в парадигмном распределении этой формы в тех и других языках.

В тюркоязычных памятниках вин. *-°g*, как это признают все историки языка, вполне четко закреплен за именной парадигмой.

В монгольских языках вин. *-ig* представлен в склонении имен. Что же касается притяжательного склонения, то при наращивании его показателей отмечаются лишь известные ограничения фонетического характера в употреблении *-ig*: в ойратском языке в вин. падеже "формати *-īг* теряет согласный *г*, или на *-īг* еще наращивается долгий *-ī*; то же самое имеет место и в халхаоких говорах" [Санжеев 1953, 179]; см. также

[13] *Употребление -ni в именной парадигме языка "Алтун ярук" настолько редко, что* С.Е. Малов всякий раз отмечал необычность соответствующих словоформ [Малов 1951, 193].

слитное написание возвратно-притяжательной частицы с формативами род. и вин. п.— *-југан~-јӱген* [Санжеев 1953, 179]. Вин. *-ig* представлен в склонении монгольских местоимений, см. *намайг* 'меня', *чамайг* 'тебя'; в западномонгольской речи средневековья отмечена форма вин. п. *-ни* для местоимения *енені* 'этого', в классическом монгольском *ані* 'их', *іма-ji* 'его' [Санжеев 1953, 142, 152, 154].

*При сопоставлении вин. -ig в тюркских и монгольских языках необ*ходимо руководствоваться одним из правил ареальной лингвистики, гласящим, что инновацию следует признать распространяющейся из того языка, где изучаемое явление представлено полнее и шире, чем в том языке, который эту инновацию воспринял [ср. Серебренников 1973, 148, 158]. Пользуясь этим правилом, можно предположить, что вин. *-°g* в тюркские языки, где сфера его употребления ограничена парадигматически и хронологически, был заимствован из монгольских, где таких ограничений не существует. Можно думать также, что в местоименную парадигму в языке "Кутадгу билиг" вин. *-°g* проник также не без влияния монгольских языков; ср. единичную древнеуйгурскую словоформу *mänig* 'меня' [Gabain 1950, 80].

Видимо, в качестве другой "тюрко-монгольской" формы возможно рассматривать также так называемый "дат. -предельн." на *-ja/-jä* в языке тюркских рунических памятников. На эту мысль наводит специфически ограниченная сфера использования *-ja/-jä* в этих памятниках: "дательный-предельный падеж оформляет наречие места" [Кононов 1980, 161, 138]. А.Н. Кононов выводит алломорфы этого падежа из *-γa/-qa:* "*-ja, -jä*<*-γa/-qa*" [Там же, 138]. Дат. -предельн. *-ja, -jä* в тюркских рунических памятниках можно сравнить с алломорфами древнемонгольского дат. *-ja, -je,* зафиксированными в языке "Сокровенного сказания" наряду с *-a, -e* [см. Gabain 1950, 87]. Не исключено, что *впоследствии эта тюрко-монгольская форма оказала стимулирующее* воздействие на развитие огузского алломорфа дат. п. *-ja.*

При определении места вин. п. *-°g* в системе раннеобщетюркского (по Б.А. Серебренникову и Н.З. Гаджиевой), раннеобщетюркского и позднеобщетюркского (по Э.Р. Тенишеву) и общетюркского (по А.М. Щербаку и Н.А. Баскакову) склонения нельзя не признать чрезвычайно значительным тот факт, что ни в одном из живых тюркских языков не сохранилось рефлекса этой формы. Безусловно, это не может не быть связано с тем обстоятельством, что письменно зафиксированная жизнь вин. *-°g* в тюркских языках резко и бесповоротно оборвалась после XI в.[14]

Если же включать вин. *-°g* и твор. *-γn* как в раннеобщетюркскую, так и в позднеобщетюркскую парадигму склонения, то такой поворот в судьбе вин. падежа *-°g* должен представляться по меньшей мере нелогичным и неоправданным. Ибо при этом нельзя не учитывать ту

[14] В соответствии с нашей гипотезой это может быть связано с тем, что в тюркоязычной литературе, развивавшейся в юго-восточном регионе, иссякли питавшие литературно-языковую традицию глубинные монгольские источники. Естественно, их не могли ни восполнить, ни поддержать языковые контакты с вновь пришедшими в первой трети XIII в. монгольскими завоевателями Средней Азии на том основании, что эти контакты затрагивали принципиально разные иные уровни языка и речи.

"близость по форме" твор. п. *-ун* и вин. п. *-ун* (для имен с аффиксом принадлежности 3-го лица), на которую неоднократно указывали историки тюркских языков [см. Насилов В.М. 1963, 34; 1960, 26; Кондратьев 1970, 17; Боргояков 1976, 116]. Казалось бы, для того чтобы избежать нежелательной омоморфии этих двух падежей, язык в целях сохранения общетюркского твор. *-ун* должен был бы утратить вин. *-ун*. Вместо этого налицо утрата вин. *-°g*, который не входил в эту омоморфию. Утрата вин. *-°g*, в таких условиях может свидетельствовать о том, что он не был ограничен для системы тюркского склонения.

Все вышеизложенное не позволяет включать вин. *-°g* по крайней мере в позднеобщетюркскую парадигму склонения. В литературе признается обоснованной гипотеза о том, что род. падеж "на ранних стадиях существования тюркского праязыка полностью отсутствовал" [Серебренников, Гаджиева 1979, 78]. Мы придерживаемся той точки зрения, в соответствии с которой род. падеж в раннепратюркском находился в стадии становления, причем этот процесс развернулся в склонении личных местоимений. Под индуцирующим воздействием местоименной парадигмы род. падеж только начинал в этот период проникать в именную и посессивно-именную парадигму, не являясь пока еще там сколько-нибудь регулярной формой; это положение род. падежа в раннеобщетюркском склонении передается в табл. 6—8 посредством квадратных скобок, в которые заключены реконструируемые для именной и посессивно-именной парадигм алломорфы род. падежа.

В тюркской компаративистике реконструируют: дат. *-ка* и местн. *-та* (по Щербаку) [1977, 61], но дат. -напр. *-ка, -га, -а, -э* и местн. *-та, -тэ, -да, -дэ* [Серебренников, Гаджиева 1979, 88], напр. -дат.*-ya/-qa,-ja, -a* и местн. *-da/-ta* [Баскаков 1979, 225]. При сопоставлении имеющихся реконструкций раннеобщетюркской и позднеобщетюркской парадигм склонения встает вопрос, следует ли восстанавливать только один морф для каждого данного падежа или же необходим некоторый минимум его алломорфов и какой именно? Обоснованное решение этих вопросов тесно связано с проблемами фонетической структуры общетюркского слова и слога, особенностями слогоделения, а также действием сингармонизма в ранне- и позднепратюркском языках.

ИМЕННАЯ, ПОСЕССИВНО-ИМЕННАЯ И МЕСТОИМЕННАЯ ПАРАДИГМЫ КАК СТРУКТУРНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ СКЛОНЕНИЯ

Реконструкция ранне- и позднеобщетюркского склонения, как правило, даются единой парадигмой, без дифференциации именного и притяжательного склонения, хотя при этом и высказывается предположение "о существовании в истории тюркских языков такой ситуации, когда притяжательное склонение играло более важную роль, чем простое" [Щербак 1977, 33][15]. Пока остаются открытыми вопросы о

[15] Поскольку признается наличие категории притяжательного склонения спецификой грамматического строя тюркских языков, в историко-типологической парадигме

том, какой характер имело притяжательное склонение в ранне- и позднетюркском языковом состоянии, было ли оно противопоставлено склонению простых имен, и, если такое противопоставление проводилось, то по каким признакам. Соответственно остаются невыясненными морфологические правила выбора вариантов падежного форматива для ранне- и позднеобщетюркского склонения; собственно, самый вопрос о том, действовали ли некоторые такие правила в пратюркском языковом состоянии, даже не ставится. Прояснению этих вопросов может способствовать, во-первых, изучение морфологических правил, действующих в склонении современных тюркских языков, и, во-вторых, выявление соответствующих структурных общетюркских изоглосс.

Поскольку падежное изменение имен в тюркских языках происходит агглютинативным путем, присоединением к имени падежного форматива, которое сопровождается в ряде случаев известными фонетическими явлениями [см. Radloff 1906, 23; Кононов 1971, 109], то морфологические правила в значительнейшей своей части касаются того, какими способами категория принадлежности формирует и преобразовывает парадигму склонения в различных группах тюркских языков.

Признание того, что в тюркском склонении взаимодействуют категории принадлежности и падежа, равно как и учет морфологического выражения этого явления, заставляют пересмотреть вопрос о статусе "простого" и "притяжательного" склонения в тюркских языках. Общепризнанное разделение тюркского склонения на "простое" и "притяжательное" предлагается рассматривать на уровне морфологии (а не в плане фонетических чередований, как это зачастую делалось до настоящего времени в тюркологической литетатуре).

На первый план при этом выдвигаются дополнительные "грамматические выразительные возможности" [Реформатский 1955, 112] варьирующихся форм склонения. Так, например, ясно, что в закреплении дат. *-а* за именами с аффиксами принадлежности всех трех лиц ед. числа (3-го лица ед. и мн. чисел) в "северном" типе склонения определяющую роль играет не фонетическая позиция, а морфологический фактор. Располагая грамматическими выразительными возможностями, такие варианты падежных формативов, как, например, дат. *-а* в "северном" типе склонения, превращаются в факт морфологии: практически за их счет осуществляется противопоставление "простого" и "притяжательного" склонения в ряде тюркских языков.

На основании этого предлагается рассматривать "простое" и "притяжательное" склонение как две структурные разновидности тюркского склонения и соответственно называть их "именная парадигма" и "посессивно-именная парадигма". В основе соотношений посессивно-именной и именной парадигм в каждом конкретном тюркском языке лежит оппозиция "наличие взаимодействия категорий принадлежности и падежа — отсутствие такого взаимодействия". Взаимоотношения этих двух парадигм образуют структурную основу тюркского склонения.

общетюркского склонения нашло отражение лишь одно, наиболее универсальное средство выражения взаимодействия категорий принадлежности и падежа, а именно появление "элемента *л*" между именем с аффиксом принадлежности 3-го лица и аффиксами локальных падежей [Баскаков 1979, 231].

Н.А. Баскаков, который наиболее последовательно дифференцирует "склонение имен без аффиксов принадлежности" и "склонение имен с аффиксами принадлежности", усматривает в этой дифференциации лишь "некоторые фонетические особенности" аффиксов падежей в зависимости от основы, к которой они присоединяются [1979, 229]. В соответствии с этим ученый разделяет аффиксы падежей на три группы — 1) аффиксы падежей, присоединяющиеся к именам без аффиксов принадлежности, 2) аффиксы падежей, присоединяющиеся к именам, снабженным аффиксами принадлежности, 3) аффиксы падежей, присоединяющиеся к личным и указательным местоимениям — и именуются получившиеся группы "типами склонения" [Там же, 229]. В данном разделе термин "тип склонения" используется только в классификационных целях.

Дифференциация именной и посессивно-именной парадигм в системе тюркского склонения, по имеющимся наблюдениям, не оставалась неизменной на протяжении письменно зафиксированной истории тюркских языков. Напротив, средства, которыми посессивно-именная парадигма противопоставляется именной парадигме, исторически находились в состоянии динамики. Одни из них с течением времени свертывали свою парадигмную дистрибуцию (такое свертывание по признаку лица в посессивно-именной парадигме претерпел вин. п. -°*n*, который прежде характеризовал все три лица ед. и мн. числа, а впоследствии закрепился в тюркских языках преимущественно кыпчакской группы только за 3-м лицом ед. и мн. числа). Другие из этих средств обнаруживали дифференцированность в отношении принадлежности по признаку ед. или мн. числа 1 и 2-го лица (имеются в виду различные формы дат. п. *-a* и *-ga*, первый из которых в кыпчакских языках закрепился за 1 и 2-м лицом ед. числа и 3-м лицом обоих чисел, а второй — за 1 и 2-м лицом мн. числа посессивно-именной парадигмы; гораздо реже таким путем бывают дефференцированы здесь вин. и род. или же род. -вин. падежи). В довольно узком кругу языков, сосредоточенных главным образом в юго-восточном регионе, противопоставление именной и посессивно-именной парадигм, а следовательно, и средства, его выражающие, были совершенно утрачены.

За исключением случаев утраты посессивной дифференциации в системе склонения новоуйгурского, узбекского и лобнорского языков в тюркских языках устойчивым оказалось одно средство противопоставления двух парадигм, а именно посессивный *-n-*. Недаром это почти универсальное средство, по которому вычленяется посессивно-именная парадигма тюркского склонения, используется как дифференциальный признак в практике классификаций тюркских языков [см., например, Текин 1980, 388].

В зависимости от веса и роли посессивно-именной парадигмы в системах склонения различных тюркских языков и соответственно по характеру противопоставления посессивно-именной и именной парадигм становится возможным классифицировать типы тюркского склонения. Классификация типов тюркского склонения, помимо различных прикладных ее использований (в том числе — экономности изложения), потребовалась в настоящей работе для того, чтобы иметь

возможность осветить ряд важных проблем, которые прежде в тюркологии не ставились, но без решения которых невозможно раскрыть внутренние тенденции развития тюркского склонения

Во-первых, нами ставится задача исследовать неодинаковую роль посессивной дифференциации в системах склонения различных групп тюркских языков. Это важно постольку, поскольку в связи с изменениями характера противопоставлений именной и посессивно-именной парадигм и соответственно в связи с тем, что роль посессивной дифференциации в системе склонения исторически не оставалась неизменной, на протяжении многовекового развития групп тюркских языков (или отдельных языков) происходили известные преобразования системы склонения.

Во-вторых, ставится задача выяснить вопрос о том, какое место занимает выражение категории принадлежности в создании, упрочении и функционировании различных типов склонения не только в отдельных тюркских языках, их группах, но и в ранне- и позднепратюркском состоянии. Соответственно выдвигается вопрос о том, какое место в системах склонения тюркских языков различных групп в разные хронологические периоды занимает посессивно-именная парадигма. Делается, таким образом, попытка описать процесс включения посессивной дифференциации в именную парадигматику при соблюдении принципов относительной хронологии. Вычленение тюркских диалектных явлений, характерных для тех или иных классификационных групп тюркских языков, позволяет обнаружить позднеобщетюркские явления и вести поиск в направлении определения раннеобщетюркских явлений.

О СТРУКТУРЕ ИМЕННЫХ ОСНОВ И ПАДЕЖНЫХ СЛОВОФОРМ, СТРОЕНИИ СЛОГА, ОСОБЕННОСТЯХ СЛОГОДЕЛЕНИЯ И ДЕЙСТВИИ СИНГАРМОНИЗМА*

Классификация типов тюркского склонения, равно как и реконструкция раннеобщетюркской и позднеобщетюркской его парадигм, по необходимости должны строиться с учетом тех фонологических правил выбора алломорфа падежного форманта, которые действуют в различных группах тюркских языков.

Уже Н.К. Дмитриев обратил внимание на то, что в тюркских языках "морфологический процесс оформления слова идет параллельно с фонетическим процессом ассимиляции звуков аффикса звукам корня" [Дмитриев 1960, 16]. "Процесс агглютинации, — отмечает А.Н. Кононов, — сопровождается целым рядом фонетических явлений: появлением соединительного гласного, сплавлением двух встречающихся гласных в дифтонг или долгий гласный, устранением одного из гласных, появлением согласного в целях устранения хиатуса, смягчением глухого согласного в ауслауте корня или анлауте суффикса, ассимиляцией

* Применительно к целям изучения категории падежа ниже обсуждаются и развиваются некоторые положения, сформулированные в кн "Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков Фонетика" (М , 1984) — см разделы "Структура слова", "Структура слога", "Сингармонизм тюркского слова"

ауслаута корня с анлаутом аффикса и др." [Кононов 1971, 109; Radloff 1906, 23].

"Связь фонетического строения слова с его морфологическим строением" выдвигалась в качестве особой проблемы тюркского языкознания Э.В. Севортяном [1972, 133]. Расчленяя тюркское слово на две части (первая, предшествующая второй, — его лексическая основа, вторая — его грамматическое оформление), ученый подчеркивал: "В фонетическом отношении грамматическая часть слова всегда или почти всегда зависит от лексической, так как, за немногими исключениями, в подавляющем большинстве тюркских языков она подчиняется действию небного или небно-губного сингармонизма. Исключения из данного правила единичны, так как асингармонистические грамматические морфемы в тюркских языках нетипичны" [Севортян 1972, 134].

При агглютинативном строе, издавна свойственном тюркским языкам, именные основы при склонении, как правило, не претерпевают изменений, не допуская никаких вставок и никакого перемещения их элементов. Аффиксальные, в том числе падежные, морфемы обычно представлены несколькими алломорфами, варьирующимися фонетически в соответствии со структурой склоняемой основы, со структурой слога. Так, фонетическое взаимодействие между основой падежной формы и падежным морфом по-разному проявляется в случаях, когда основа оканчивается на гласный и когда она оканчивается на согласный.

Различия в падежном оформлении основ, оканчивающихся на гласный и согласный, связаны с целым рядом факторов. Прежде всего, проблема структуры именных основ оказывается сопряженной с вопросами строения тюркского слога, поскольку, в соответствии с распространенным в тюркологии мнением, "структура слогов в тюркских языках <...> совпадает со структурой типичных корней самостоятельных слов" [Баскаков 1955, 333; см. также Баскаков 1975$_1$, 19; Кононов 1980, 76]. В свою очередь, строение тюркских падежных словоформ связано с особенностями слогоделения, с одной стороны, и действием сингармонизма — с другой.

В существующих же реконструкциях общетюркского склонения остается открытым вопрос о том, как, например, присоединялись к основам на гласный морфы род. п. *-уŋ*, дат. *-а*, вин. *-уу* или *-ı*, *-у* [см. Тенишев 1971$_1$, 15; Серебренников, Гаджиева 1979, 88]. Здесь получается так, что указывамый авторами "фонологический состав морфов <...> не позволяет правильно синтезировать словоформу из-за неясности фонологических и морфологических правил" [Барулин 1979, 17].

На необходимость "рассмотрения конкретных типов и видов фонетико-морфологического строения слова в тюркских языках" указывал Э.В. Севортян [1972, 143][16]. Начало синхронному изучению тюркской морфонологии положил Г. Хазаи, который исследовал на материалах памятника османско-турецкого языка XVII в., как осуществляется

[16] В отечественном языкознании анализ морфологической структуры слова (словоформы) подразумевает понимание слова как единицы "сквозной", проходящей одновременно по нескольким уровням (морфологическому, синтаксическому, лексическому и, в известной мере, фонетическому) и связывающей эти уровни воедино [Макаев 1967, 244, Кубрякова 1971, 5]

уподобление гласных аффиксальных морфем вокализму корневой морфемы по признакам палатальности/велярности, губности/негубности [Hazai 1973, 364—438]. Ученый пришел к важному выводу, что "уподобление (гласных. — *Г.Б.*) внутри каждой (грамматической. —*Г.Б.*) категории проявляется различным образом (разрядка наша. — *Г.Б.*). В каждом из случаев это может быть объяснено как конкретным морфемным окружением, так и действующими при этом морфонологическими факторами, которые, вероятнее всего, при развитии не остаются без последствий" [Hazai 1973, 410].

Вместе с тем в работе Г. Хазаи заметно увлечение собственно фонологическим описанием варьирующихся морфов, в то время как морфологическим правилам их дистрибуции, равно как и правилам объединения различных морфологических единиц в пределах словоформы не уделено должного внимания. К примеру, морфосочетания */nE/, /ndE/, /ndEn/* приводятся в ряду остальных морфов дат., местн. и исх. падежей, а правила их использования не объясняются [Hazai 1973, 381—383]. Это классический пример того, насколько важно описание процесса включения посессивной дифференциации в именную парадигматику, которое отсутствует в труде Г. Хазаи, как и во многих работах по тюркской грамматике, в том числе и по сравнительной.

О строении тюркского слога. Основными структурными типами тюркского слога признаются открытые слоги Г и С+Г, а также закрытые Г+С, С+Г+С, Г+С+С, С+Г+С+С [Баскаков 1955, 333; Щербак 1970₂, 109]. Ограниченный набор типов корневых слогов в тюркских языках мог быть обусловлен агглютинативным строем этих языков, а именно самой возможностью присоединения к корневому слогу целой цепочки словообразовательных и словоизменительных морфем, выстраиваемых в строго определенном порядке. Замечено, что в тех языках, где не допускается скопление аффиксов [см. Аветисян 1970, 20], как правило, наборы типов слогов бывают гораздо более разнообразными [см. данные о русском слоге: Постовалова 1967, 4].

Среди тюркологов нет единого мнения по вопросу о том, какой тип слога (какие типы слогов) следует считать более древним. К предложению считать более древним трехэлементный слог С+Г+С [Баскаков 1955, 333] сложилось критическое отношение [Щербак 1970₂, 109; Кононов 1980, 76], поскольку при морфологическом анализе конечный согласный обычно оказывается залоговым показателем (при глагольных корнях) или же словообразовательным аффиксом (при именных корнях) [Кононов 1980, 76]. В языке тюркских рунических памятников А.Н. Кононов вычленяет следующие кратчайшие ("первородные", как он их называет) типы односложного тюркского корня: Г, С+Г, Г+С. Надо думать, что в общетюркском языковом состоянии наборы корневых слогов были не богаче зарегистрированных в языке тюркских рунических памятников[17].

[17] Этот уровень реконструкции, естественно, является значительно более поздним по сравнению с тем, который имеется в виду ниже: "В эпоху существования тюркского праязыка или еще более отдаленную эпоху фонологической единицей был слог. Лексические единицы состояли из силлабофонем, где гласные и согласные фонологически не различались" [Моллова 1966, 59].

В списке моносиллабических слов, которые Г. Дёрфер извлек из "Дивану лугат ит-турк" Махмуда Кашгарского, из 406 слов преобладающая часть приходится на слова типа ГС, СГС (меньше — СГСС) и явно меньшая часть — на слова типа СГ. Этот последний тип представлен в основном глаголами, реже местоимениями (в том числе склоняемыми: *nā̃* 'что', *bū* 'этот') и существительными (*bū* 'пар', *yā* 'лук' (оружие) [Doerfer 1971, 188—204]. Сопоставляя с этим списком соответствующие данные халаджского и туркменского языков, Г. Дёрфер приходит к гипотетическому заключению, что в прототюркском языке могло быть примерно не более, чем 800 моносиллабических корней [Там же, 205]; среди них, естественно, могли быть представлены и слова типа СГ, в том числе существительные, хотя, судя по материалам, приводимым Г. Дёрфером из Словаря Махмуда Кашгарского, их должно было быть намного меньше, чем существительных типа ГС, СГС.

Можно предполагать, таким образом, что односложные основы, в том числе и именные, в ранне- и позднеобщетюркском языковом состоянии могли оканчиваться как на согласный, так и на гласный[18]. Знаменательно, что, призывая отнестись с особой осторожностью к восстановлению структурных типов тюркского слога, А.М. Щербак приводит типологическое правило, сформулированное Р. Якобсоном: "имеются языки, в которых отсутствуют слоги с гласными в начале и/или с согласными в конце, но нет языков, в которых бы отсутствовали бы слоги с начальными согласными и/или слоги с конечными гласными" [Щербак 1970₂, 22] (разрядка наша. — *Г.Б.*). В ряду основных структурных типов тюркского слога А.М. Щербак приводит и те, которые состоят из одного гласного (Г) или сочетания С+Г [Там же, 109].

По наблюдениям Н.К. Дмитриева, "гласные звуки тюркских слов могут употребляться в любой фонетической позиции, т.е., в частности, находиться в абсолютном начале и исходе слова"; "что касается конечных звуков тюркского слова, то здесь могут быть все гласные узкие (а в некоторых языках и широкие) любого качества и количества" [1955₁, 265, 272]. В тюркском праязыке из всех гласных, которые могли употребляться в конце слова, наиболее частотным и устойчивым в этой позиции являлся *а*; остальные гласные — *ə, у, ы, и* — в конце слова были либо неустойчивыми (как *ə*), либо редкоупотреблявшимися [Серебренников, Гаджиева 1979, 12, 15, 21, 23, 25; см. также Т. I].

При рассмотрении вопроса о гласном и согласном окончаниях склоняемых именных слов необходимо принимать во внимание не только одноморфемные, но и многоморфемные модели и иметь в виду доминирующие аффиксальные последовательности в именных словоформах. Падежному формативу в таких аффиксальных цепочках могли предшествовать: 1) показатели собирательной множественности, ко-

[18] А.М. Щербак обоснованно критикует предположение, что всем разновидностям слога с согласным в исходе в тюркских языках якобы могла предшествовать разновидность с конечным гласным и что в тюркском праязыке, так же как в монгольском, преобладали открытые слоги [1970₂, 109—110].

торых, по мнению Б.А. Серебренникова, было около десяти — *з, к (к), л, м, н, р, с, ч, ш* [Там же 1979, 90]; 2) показатель мн. числа *-лар*; 3) притяжательные аффиксы, из которых аффиксы 1 и 2-го лица ед. и мн. числа имеют согласное окончание и только 3-го лица — гласное окончание: *-(s)ı*.

Из вышеизложенного видно, что в тюркских языках, где морфологически различались три парадигмы склонения — именная, посессивно-именная и местоименная, — были также все основания различать фонетические разновидности склонения — согласную и гласную. Количественно доминирующей, по всей видимости, является согласная разновидность склонения, поскольку на согласный, помимо имен, оканчивается бóльшая часть склоняемых местоимений, а также аффиксов принадлежности, присоединяемых к именам.

Особенности тюркского слогоделения и ритмико-слоговое строение падежных словоформ. При реконструкции пратюркского склонения целесообразно попытаться осветить вопросы: каким образом в пределах словоформ осуществлялось фонетическое взаимодействие между основами (в том числе и оснащенными словообразовательными или словоизменительными аффиксами), оканчивающимися как на гласный, так и на согласный, с одной стороны, и падежными морфами — с другой? Какой была ритмико-слоговая организация падежных словоформ?[19]

При рассмотрении этих вопросов приходится учитывать особенности слогоделения в тюркских языках. Исследованиями фонетистов, рассматривающих слог преимущественно как единицу дистрибуции просодических элементов, установлено, что в соответствии с фонологической структурой тюркских языков "основным законом тюркского слогоделения является регулярное чередование гласных и согласных" [Трофимов 1975, 6]. Фонологическая структура тюркских языков налагает запрет на стечения двух согласных особенно в начале слова, а также в его конце[20], на стечения трех и более согласных в середине слова, на сочетания двух гласных (зияние, или хиатус) в любой позиции. Эти запреты действуют также на уровне построения слоговой структуры словоформы [см. Барулин 1979, 20 и сл.]. Слоговое членение далеко не во всех случаях совпадает с морфемным членением и особенно — при склонении основ типа СГС (а также ГСС, СГСС).

С точки зрения правильного тюркского слогоделения должна выдерживаться остающаяся устойчивой в ряде тюркских языков закономерность: если слова заканчиваются на гласный, то следующий прибавляемый аффикс начинается с согласного; если слова заканчиваются на согласный, аффикс начинается с гласного [Джунисбеков 1969, 11][21].

---

[19] По мысли А.Н. Барулина, "на фонологическом уровне сопрягаются два аспекта организации плана выражения словоформы: знаковый, отвечающий за правильное понимание, и ритмико-слоговой, отвечающий за удобство произнесения" [1979, 20].

[20] А.Н. Кононов уточняет, что "современные тюркские языки, преимущественно языки кыпчакско-карлукского круга, не терпят сочетания двух согласных (любого качества) в одном слоге в ауслауте" [1980, 75].

[21] А. Джунисбеков считает эту закономерность устойчивой и для казахского языка: "Ведь не случайно в казахском языке некоторые падежные сочетания (по-видимому,

В том случае, когда для падежного форматива в общетюркской парадигме восстанавливаются только вокалические алломорфы, как, например, для вин. п. — *-ы, -и*, закономерности слогоделения вполне выдерживаются при построении падежных словоформ для основ, оканчивающихся на согласный. Ясно, что для обеспечения ритмико-словогой организации словоформы в пратюркском для основ, оканчивающихся на гласный, требовалось устранить зияние двух встречающихся гласных. Для этих целей использовался вставной согласный.

Фономорфологические условия вставки соединительных элементов в падежных словоформах и определение наиболее ранних из этих элементов. Рассмотрим использование вставных (соединительных) элементов в тюркских языках, не затрагивая пока вопрос о происхождении этих элементов, равно как и вопрос о том, считать ли первичным в тюркских языках алломорф с начальным гласным (для вин. и дат. падежей — алломорф, состоящий из гласного) или же алломорф, начинающийся с согласного[22].

В монгольских языках зияние избегается за счет вставки *-g, j*, а также *-n* [Санжеев 1953, 160, 180, 198]. В частности, для вин. падежа в качестве вставного элемента используются как *-n* (см. монгорск. *-ni* для основ, оканчивающихся на любой звук), так и *-j* (см. класс. монг. *-ji*, дагур. *-jī*, бур. *-jə̆*) [Там же, 162]. В тюркских языках используются материально те же вставные элементы. Разумеется, распределение *n, g, j*, по падежам в них имеет свою специфику; своеобразны здесь количественная характеристика каждого из вставных элементов и распространение их по языкам.

В тюркских языках начальный гласный или согласный могут иметь алломорфы род., вин., дат. падежей. Согласные анлауты алломорфов этих падежей ниже рассматриваются в качестве вставных элементов.

Во всех без исключения тюркских языках алломорф род. падежа, предназначенный для основ, оканчивающихся на гласный, имеет встав-

---

суффиксы или окончания? —*Г.Б.*), суффиксы принадлежности, некоторые глагольные окончания, ряд именных суффиксов имеют два варианта (с гласным и согласным началом)" [1969, 11]. При этом он не замечает, что двухвариантные падежные окончания в казахском языке подчиняются не столько данному фонетическому правилу, сколько фономорфологическим правилам выбора вариантов. В соответствии с ними, например, дат. падеж, имеющий алломорфы *-а* и *-ға*, присоединяет *-а* далеко не к любым именам, оканчивающимся на согласный, но преимущественно к именам, снабженным аффиксами принадлежности 1 и 2-го лица ед. числа и 3-го лица ед. и мн. числа.

[22] Особенно сильно расходятся мнения ученых относительно первичности того или другого из таких морфов для дат. падежа. Н.К. Дмитриев отмечал, что "наличием или отсутствием қ//к и г//г отличаются между собой дательные падежи "севернотюркского" и "южнотюркского" типа склонения" [Дмитриев 1955_2, 87]. В общетюркской парадигме, построенной А.М. Щербаком, представлен только вариант *-kā* (в соответствии с гипотезой о происхождении его из **-kāp*) [1977, 61]. К. Броккельман видел в дат. *-а* утрату начального консонанта; по его мнению, вопрос о том, возникло ли окончание *-ka, -qa*, "как уверяет Банг [UJb, XIV, 203], первоначально благодаря усилению твердой вставки *'a*, остается более чем проблематичным" [Brockelmann 1954, 154]. В новейшее время высказано аргументированное мнение о том, что первоначально анлаутный согласный здесь был значимым элементом в составе формы: "широко распространенное в современных тюркских языках кыпчакской группы окончание дательно-направительного падежа *-қа/-ке* содержит в своем составе окончание древнего направительного падежа *-қ/-к*" [Серебренников, Гаджиева 1979, 80].

ной элемент *n(-nын/-nың)*. В большинстве тюркских языков соответствующий алломорф вин. падежа также имеет вставной элемент *n(-ny)*. В.А. Богородицкий, имея в виду алломорф ("окончание") вин. падежа с вставным *n*, писал: "С фонетической стороны, т.е. со стороны звуков, входящих в состав рассматриваемого окончания, последнее по начальному согласному и своему гласному однородно с окончанием рассмотренного нами род. падежа: в отличие от прочих падежей в состав того и другого окончания в качестве первичных звуков входит начальный согласный *н* с последующим узким гласным *ы/і* с возможными диалектальными изменениями *н* по законам ассимиляции, а гласного по законам сингармонизма, причем гласный этот в вин. падеже является конечным, а в род. сопровождается еще заднеязычным носовым согласным. <...> Более того, и в морфологическом отношении генезис окончаний вин. падежа близко сходится с изложенной выше историей окончаний род. падежа, особенности встречаем лишь в турецком и вообще в юго-западной тюркской языковой группе" (Богородицкий 1953, 154]. Он особо отмечал также "фонетическую однородность диалектальных перемен", происходящих в окончаниях род. и вин. падежей, что "гармонирует с общим допущением в языке так называемых фонетических или звуковых закономерностей" [Там же, 154].

С точки зрения типологической показательно замечание Г.Д. Санжеева "об определенном единстве категорий род. и вин. падежей" в монгольских языках: оно усматривается здесь как в формальном, так и в синтактико-функциональном отношении [1953, 161]. Для тюркских языков юго-западной группы фонетическая однородность алломорфов род. и вин. падежей с начальным согласным характерна лишь в азербайджанском и туркменском языках, ср. аз. род. *-nin*, вин. *-ni*; туркм. род. *-niң*, вин. *-ni*. Отсутствие однородности в отношении начального ("вставного") согласного отмечается в турецком, гагаузском языках и южном диалекте крымскотатарского языка: здесь для родительного падежа используется вставной *-n-*, а для винительного — *-j-*, т.е. род. *-nin*, вин. *-ji*.

Для алломорфов дат. падежа характерно, что при основах, оканчивающихся на гласный, в большинстве тюркских языков используется алломорф с начальными (вставными) *g/k*, *γ/q*; из них В.А. Богородицкий основным считал вариант *-γa* [1953, 157]. Во многих языках юго-западной группы — турецком, азербайджанском, гагаузском, хорасанотюркском, а также в южном диалекте крымскотатарского языка — в этом случае вставным элементом является *j* (дат. *-ja*), туркменский язык при этом обходится без вставного элемента за счет удлинения конечного *a* и перехода *e*, *i*→*э*.

В туркменских диалектах (отчасти также в общенародной разговорной речи) налицо уникальная группировка алломорфов дат. и род. падежей по признаку отсутствия в них вставного элемента при склонении основ на гласный (алломорф род. падежа в таких случаях не имеет в своем составе узкого гласного и представлен одним *-ң*, а находящийся перед *-ң* конечный гласный основы приобретает заместительную долготу). Группа алломорфов дат. и род. падежей без вставно-

го элемента соотносится здесь с алломорфом вин.п. *-ni* (с вставным *n*) [Поцелуевский 1975, 106—108; Атаев 1959, 10]. Используемый в чувашском языке для основ на гласный алломорф род. падежа *-n* по отсутствию в нем вставного *n* (отсутствует также узкий гласный) оказывается соотносимым с алломорфом дат.-вин. п. *-na*, имеющим вставной элемент *n*.

По используемому вставному элементу в его алломорфах дат. падеж в большинстве тюркских языков соотносится с соответствующими алломорфами вин. и род. падежей: если в этих последних представлен вставной элемент *n*, то в дат.—*g* или *j*. В турецком, гагаузском языках и южном диалекте крымскотатарского языка соотнесение этих падежных алломорфов по признаку вставного элемента носит совсем другой характер, поскольку алломорфы дат. и вин. падежей объединены здесь наличием вставного *j* в отличие от алломорфа род. падежа с вставным *n*.

В.А. Богородицкий, для которого первоначальным окончанием дат. падежа было *-ya*, полагал, что "согласный *j* в окончании дат. падежа мог возникать из смягченного *г*, а затем в гармонии с вин. развилось чередование окончаний *-a/-ja* соответственно предшествующим C или V" [1953, 157]. А.Н. Кононов полагает, что при соединении аффикса дат. или вин. падежа с гласной основой "между основой и аффиксом развивается среднеязычный звонкий спирант" [1956, 78, примеч. 1].

По нашему мнению, вставной *j* в алломорфе дат. падежа возник раньше, чем в алломорфе вин. падежа. Алломорф вин. п. *-ji(<-ni)* выпал из своей фонетически однородной группы, где обычно вин. *-ni* находился вместе с род. *-nin/-niŋ* (с ним он был фонетически однороден как по начальному согласному, так и по гласному); *-ji* переместился в другую фонетически однородную группу, благодаря подравниванию своего начального *j* к начальному *j* алломорфа дат. п. *-ja*.

Различение группы алломорфов вин. п. *-ni*, род. п. *-nin/-niŋ* и группы алломорфов дат. п. *-ga/-ka*, *-γa/-qa*, *-ja* по двум фонетическим признакам (начальный согласный и качество слогообразующих гласных, не зависящее от качества начального согласного) имеет широкое межрегиональное распространение, а алломорф *-ni* характерен для большей части тюркских языков.

Что же касается соположения вин. *-ji*, который отмечен в считанном числе тюркских языков и диалектов определенной части юго-западного региона, с дат. *-ja* в одной фонетически однородной группе, то оно опирается на один фонетический признак (наличие начального *j*). Противопоставление алломорфов вин. *-ji* и дат. *-ja* алломорфу род. п. *-nin* по признаку начального согласного является регионально замкнутым и ограниченным (Турция, Крым, районы Молдавии). В типологическом аспекте важно отметить, что при таком характере противопоставления нарушается общая для тюркских и монгольских языков, по-видимому, глубинная сопряженность род. и вин. падежей.

Исходя из сказанного выше, следует признать более ранними, восходящими, возможно, к пратюркскому языковому состоянию, алломорфы вин. *-ni* и род. *-nin/-niŋ*.

В истории отдельных тюркских языков могло происходить расширение сферы не только вставного *j* (индуцирующее воздействие направлено от дат. падежа к вин. падежу), но также и вставного *n*. Пример тому — алломорф дат.-вин. падежа *-na/-ne* в чувашском, возникший, как считает Л.С. Левитская, благодаря "фонетическим процессам" (слиянию формантов вин. и дат. падежей) [Левитская 1976, 29][23]. При чисто фонетическом объяснении этого явления остается открытым вопрос: почему для устранения зияния в случае "имя с вокалическим ауслаутом + *-a/-e* в чувашском использован именно согласный *н*, а не какой-либо другой согласный?" [Серебренников 1971_2, 283].

Ответ на этот вопрос можно получить, если предположить, что дат.-вин. *-na* — результат встречно развивающихся фономорфологических процессов. На этой форме сказалось, с одной стороны, индуцирующее воздействие вин. п. *-ni* на дат. падеж в плане распространения на этот последний вставного *n*, а с другой — трансморфологизация (термин В.К. Журавлева) формы дат. падежа 3-го лица из поссесивно-именной парадигмы в именную.

С такой трансморфологизацией могут быть сопоставлены зафиксированные в литературе случаи утраты посессивного значения формами локальных падежей в чувашской посессивно-именной парадигме 3-го лица [Benzing 1940, 255; Benzing 1942, 462]. Подобную же утрату посессивного значения можно наблюдать у трансморфологизированной формы исх. падежа в якутском, где "простая форма исходного падежа от основ на гласный является по происхождению притяжательной" [Щербак 1971, 87; ср. Харитонов 1947, 110; Radloff 1908, 31; Ястремский 1900, 52].

По-видимому, с аналогичной трансморфологизацией *-n-* мы встречаемся в чулымскотюркском. Судя по словоформам, приведенным в фонетической транскрипции текста [ЯН СССР 1966, 466], *-n-* стал своего рода коаффиксом для форматива дат. п. *-ga* в именной парадигме для тех случаев, когда *-ga* присоединяется к "чистым" именам, оканчивающимся на *-и*: *пер jeːду-н-га* 'на одну неделю' (букв. 'на одну семерку'). Ср. также словоформы дат. и исх. падежа имен, оканчивающихся на дифтонги, в таласском говоре киргизского языка: *tow-u-n-a* 'горе', *tow-u-nan* 'от горы' [Ахматов 1959, 115]. Вставной *n* в дат. падеже имен, оканчивающихся на гласный, отмечен в одном из хорасанотюркских диалектов: *kiši-na* 'человеку'; Г. Дёрфер считает

[23] В. Котвич сопоставляет это явление с совпадением вин. падежа с дат. падежом в анатолийских диалектах турецкого [1962, 185]. Типологически такое совпадение может быть подтверждено данными нижненемецкого диалекта, где отмечена "недифференцированная общая форма дательно-винительного" [Жирмунский 1965, 570, 573], возникшая благодаря тому, что здесь "широко развиваются различные по своему направлению тенденции к аналогической унификации морфологических различий между им. и вин., вин. и дат. падежом" [Там же, 380]. В языках балканского союза (особенно в румынском), а также в среднеармянском языке род.и дат. падежи полностью отождествились по формальной структуре [Серебренников 1973, 151, 152—153; Овсепян 1969, 12]. Для чувашского также предполагается, что с род. падежом слился древний инстр. п. *-ан* (*-ен*) [Иванов А.И. 1967, 83].

эту форму образованной по аналогии с вин. *kiši-ni* 'человека' [Doerfer 1978, 161] (т.е. налицо индуцирующее воздействие группы алломорфов род., вин. падежей на обычно противопоставляемый им алломорф дат. падежа).

При решении вопроса о том, какой из вставных элементов (*n*, *g*, *j*) в тюркских языках был ранним и какой — поздним, необходимо учитывать следующие их характеристики. Во-первых, необычайно широкую распространенность *n* в плане как внутриязыковом (практически *n* в той или иной своей функции пронизывает все три падежных парадигмы), так и внешнелингвистическом (широчайшее географическое распространение элемента *n* в том или ином его качестве). Во-вторых, широкое географическое распространение элемента *g* в составе алломорфа дат. падежа (этот алломорф может быть представлен не только в именной, но и в местоименной и посессивно-именной парадигмах). В-третьих, ограниченность алломорфа дат. п. *-ja* за пределами именной парадигмы; ср. в отдельных хорасанотюркских диалектах формы дат. падежа посессивно-именной парадигмы для 2-го лица ед. числа и 3-го лица ед. и мн. числа (*älijä* вм. *äl-iŋ-ä*) с формами дат. падежа некоторых указательных местоимений (*uja*/*una*) [Doerfer 1978, 163, 165]. Регион распространения вставного *j* — Турция, Крым, районы Молдавии, территории Северо-Восточного Ирана и Южной Туркмении с примыкающими к ним районами Южного Узбекистана. В-четвертых, фонетическую закономерность возникновения вставного *j* из смягченного *g* [Богородицкий 1953, 157]; если принять гипотезу о том, что окончание дат.-напр. п.*-ka*/*-ke* содержит в своем составе окончание древнего напр. п. *-q*/*-k* [Серебренников, Гаджиева, 1979, 80], то окажется, что соответствующий "вставной элемент" семантически значим. Элемент *j* в составе алломорфа дат. падежа *-ja* подобной значимостью не обладает, что также может свидетельствовать о его вторичности.

Итак, анализ вставных *n*, *g*, *j* в плане внутриязыковом и внешнелингвистическом, а также типологическом позволяет охарактеризовать *n* и *g* как более ранние, *j* — как более поздний (вторичный) элементы в составе падежных словоформ.

Действие сингармонизма и фонологические правила выбора падежного алломорфа[24]. В отечественной тюркологии по традиции понятие сингармонизма не ограничивается гармонией гласных. Обычно считается, что "уподобление гласных и согласных звуков, или сингармонизм, проявляется в двух законах: 1) закон гармонии гласных; 2) закон гармонии согласных" [Кононов 1980, 66]. Существует точка зрения, в соответствии с которой "сингармонизм — это единство тембра, которое касается в равной степени гласных и согласных в слове. Здесь нет приоритета гласных перед согласными

[24] Делимитативная функция сингармонизма имеется в виду тогда, когда говорится, что "гармония гласных и согласных", наличие которой в тюркских языках тесно связано с агглютинативным морфологическим строением слова, играет здесь "роль своеобразного словообразующего средства: отрезок речевого потока соответствует отдельному слову так, что все его гласные и согласные звуки находятся в сингармонической взаимозависимости" [Ахматов 1969, 25].

<...> Гласные и согласные в слове одновремено являются или палатальными, или велярно-палатальными, или велярными" [Моллова 1966, 61]. С этой точки зрения хорошо согласуются результаты анализа рунического алфавита, которым выполнены древнейшие тюркские надписи (их датировка начинается с конца VII в.). В том принципе, на котором базируется этот алфавит, по мнению исследователей, отразилось наличие развитого сингармонизма: "Отдельные графемы для палатализованных и непалатализованных согласных отражают <...> комбинаторные варианты согласных фонем, выступающих в словах с характерно выраженной палатальной гармонией гласных, равно как и частично выраженной губной гармонией" [Кобешавидзе 1972, 41; Кононов 1980, 57, 66]. Рунический алфавит, основанный на морфонологическом принципе, позволяет читать текст по сингармоническим комплексам — цельным словам, которые строятся на гармонии входящих в каждое из них гласных и согласных [Кобешавидзе 1972, 43; Кононов 1980, 57—59].

Вместе с тем было бы непозволительной смелостью без серии предварительных исследований судить о том, нашел ли отражение в тюркской рунике слоговой сингармонизм, существование которого предполагается для древнейших периодов развития тюркских языков [см. Моллова 1966, 59 и сл.].

По целому ряду оснований агглютинация и сингармонизм признаются взаимоподдерживающими друг друга [Серебренников 1963_2; Виноградов В.А. 1966, 13]. Признание сингармонизма тюркских языков фундаментальным структурно-типологическим явлением, которое действует как на фонологическом, так и на морфологическом уровнях, и все стороны которого реализуются при аффиксации [Джикия 1975, 11—12], делает необходимым также фономорфологический анализ падежных словоформ в сравнительно-историческом исследовании. Такой анализ должен быть нацелен на описание варьирующихся морфов формативов каждого падежа, равно как и их дистрибуции, с учетом того, как обеспечивается при этом ритмико-слоговая организация падежных словоформ. При анализе выясняется, каким образом процесс ассимиляции звуков аффиксов звукам корня захватывает как согласные, так и гласные звуки аффикса, хотя эти гласные признаются лишь слабым отражением вокализма корня. В фонологической системе данного тюркского языка эти гласные, в зависимости от характера морфем, в которые они входят, группируются в архиморфонемы; понятие "архиморфонема" включает в себя "набор всех гласных, которые возможны в фонетических вариантах данной функциональной морфемы" [Моллова 1966, 62].

Разумеется, невозможно требовать, чтобы в реконструкции раннего позднепратюркского склонения были восстановлены с оптимальной полнотой падежные алломорфы, варьируемые по признаку как гласных, так и согласных. Здесь необходимо умышленно ограничиваться эвристическим выбором определенных инвариантов, существенных для описания склонения. Такое разумное ограничение в подаче падежных алломорфов, варьируемых по признаку палатальности/велярности, представлено в реконструируемой системе склонения позднего тюрк-

ского праязыка [Серебренников, Гаджиева 1979, 88], между тем как моноалломорфная общетюркская парадигма не позволяет составить хотя бы самое схематическое представление о действии сингармонизма в этот период и о фономорфологических правилах построения падежной парадигмы.

КЛАССИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ СКЛОНЕНИЯ И ЕГО СТРУКТУРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ

На основе системного подхода к изучению тюркского склонения выработаны следующие принципы его описания (здесь же излагается система принятых нами понятий и терминов).

Из многообразия вариантов различных падежных форм, зарегистрированных в тюркских языках и диалектах и в языке средневековых текстов, выбирается ряд признаков (опорных единиц) тюркского склонения, по которым в ряде тюркских языков и диалектов проводится противопоставление именной и посессивно-именной парадигм (внутри одного языка). Их же целесообразно использовать, чтобы показать сходства и различия между разными тюркскими языками в области склонения. Это такие признаки, которые по сути своей являются системообразующими, и поэтому их целесообразно рассматривать не разрозненно, а в совокупности и соотношениях. Классифицирующие признаки тюркского склонения — не просто "голые" формы, а формы, связанные между собой в каждом языке сетью соотношений, определенным характером распределения их в именной и посессивно-именной парадигмах.

При вычленении классифицирующих признаков уделяется внимание, в первую очередь, падежным формам, варианты которых (алломорфы) в тех или иных тюркских языках могут располагать дополнительными грамматическими выразительными возможностями. Так, алломорф формативa дат. п. *-a* в "северном" типе склонения закрепился за частью посессивно-именной парадигмы (1 и 2-е лицо ед. числа и 3-е лицо ед. и мн. числа), противопоставляясь здесь алломорфу *-γa* (сфера действия последнего — именная парадигма и посессивно-именная парадигма 1 и 2-го лица мн. числа). В карачаево-балкарском и кумыкском языках алломорф формативa род.-вин. п. *-i* закрепился за посессивно-именной парадигмой 1 и 2-го лица ед. числа, противопоставляясь алломорфу *-ni* в именной парадигме. Дополнительные грамматические выразительные возможности чаще всего обнаруживаются у тех алломорфов, которые отличаются один от другого наличием/отсутствием вставного элемента в анлауте при присоединении к склоняемой основе. Этими различиями обладают алломорфы род., вин., дат. падежей.

Важно выяснить также, в каких языках чередование падежных вариантов с вставным элементом и без него опирается на алломорфическое видоизменение морфемы, обусловленное данным фонетическим окружением. В случае подобной автоматической альтернации можно говорить о фонетических вариантах падежной морфемы. С их помощью реализуется противопоставление разновидностей склоне-

ния имен с гласным окончанием и имен с согласным окончанием.

Для классификационных целей не подходят те из падежей, формативы которых во всех трех парадигмах любого тюркского языка варьируются только в зависимости от фонетической позиции. Таковы местн. п. *-da/-dä, -ta/-tä*, исх. п. *-dan/-dän, -tan/-tän*[25] (гораздо реже *-dyn/-din, -tyn/-tin*: его употребление ограничено чаще всего хронологически, иногда территориально, а различие *-dan~-dyn* ни в коей мере не касается распределения по парадигмам).

В круг классифицирующих признаков должно быть включено такое универсальное для тюркских языков средство выражения взаимодействия категорий принадлежности и падежа (по которому посессивно-именная парадигма противопоставляется именной парадигме), как посессивный *-n-* в локальных падежах имен, снабженных аффиксом принадлежности 3-го лица.

Почти все перечисленные формы склонения традиционно используются в практике общих и частных классификаций тюркских языков, построенных с учетом как фонетических, так и морфологических признаков. Однако при этом формы склонения обычно привлекаются либо по отдельности, либо в неполном наборе [см., например, Doerfer 1978, 160—163].

Ниже в классификационных целях в первую очередь учитываются формы род., вин., дат. падежей как в именной парадигме, так и в различных частях посессивно-именной парадигмы; привлекаются также формы локальных падежей посессивно-именной парадигмы 3-го лица. Совокупность этих "признаковых" форм составляет взаимообусловленный набор форм тюркского склонения. В самом деле, в ряде языков и диалектов падежные формативы одной серии (например, вокалической) активно поддерживают друг друга в парадигме[26] и тем самым воздействуют на падежную парадигму в целом (или в ее частях). Так, в посессивно-именной парадигме 3-го лица *-n-* обычно сопрягается с формативом дат. п. *-a*; при этом подразумевается закрепление того же форматива за посессивно-именной парадигмой 1 и 2-го лица ед. числа или же ед. и мн. числа.

В каждом живом тюркском языке или диалекте устанавливаются вполне конкретные соотношения "признаковых" форм внутри любой из парадигм склонения; такие соотношения мы называем "внутрипарадигмные соотношения". Внутрипарадигмные соотношения чаще всего бывают неодинаковыми для разных парадигм в одном языке; тем более они неодинаковы по разным тюркским языкам.

Распределение любой из признаковых форм в именной и посессивно-именной парадигмах имеет свою специфику в пределах как одного языка, так и той или иной классификационной группы тюркских языков. Распределение "признаковой" формы по названным парадиг-

[25] Э.В. Севортян специально подчеркивал, что местн. и исх. падежи в формальном отношении "в сущности единообразны и общи всем тюркским языкам" [1956, 46]

[26] Это было замечено в свое время В.А. Богородицким [1953, 157 и сл.] и Е.Д. Поливановым [1934, 10—11, примеч. 22]

мам конкретного языка именуется ее "парадигмной дистрибуцией". С неодинаковым характером парадигмной дистрибуции признаковой формы в пределах конкретного языка связан другой параметр изучения, а именно "парадигмная емкость". Этот параметр указывает, на всю ли рассматриваемую парадигму или же на ее часть (например, на ед. число посессивно-именной парадигмы или только на 1-е лицо ед. числа) распространяется изучаемая форма.

При учете парадигмной дистрибуции и парадигмной емкости каждой из таких форм, а также их внутрипарадигмных соотношений в любом живом тюркском языке, диалекте изучаются соотношения между именной и посессивно-именной парадигмами. Эти соотношения именуются "межпарадигмные соотношения". В том случае, когда межпарадигмные соотношения сводимы к противопоставлению именной и посессивно-именной парадигм, мы говорим о "парадигмной оппозиции". Парадигмная оппозиция в разных языках может проводиться по различному (максимальному или минимальному) количеству "признаковых" форм; соответственно она бывает максимальной или минимальной. Когда же именная и посессивно-именная парадигмы друг другу не противопоставляются, говорится, что парадигмная оппозиция отсутствует.

В целях классификации для каждого из живых тюркских языков, диалектов изучаются структурные параметры склонения: устанавливаются парадигмная дистрибуция и парадигмная емкость любой "признаковой" формы, определяются внутрипарадигмные и межпарадигмные соотношения [см. Благова 1978; 1982, 38—43]. Совокупность "признаковых" форм в контексте свойственных им в данном языке внутрипарадигмных и межпарадигмных соотношений составляет классифицирующие признаки тюркского склонения. С помощью предложенных критериев становится возможным достаточно объективно выделять классификационные (межъязыковые) типы и подтипы тюркского склонения.

КЛАССИФИКАЦИЯ ТИПОВ И ПОДТИПОВ СКЛОНЕНИЯ

Классификация типов тюркского склонения строится при учете как фонетических, так и морфологических факторов, неодинаково действующих в различных языках (и их группах) при изменении имен по падежам.

Фонетический фактор обнаруживает себя в том, как проводится в данном языке различение склонения имен, оканчивающихся на гласные, с одной стороны, и на согласные — с другой. Дифференциация основ по такому фонетическому признаку, как глухость/звонкость согласных в ауслауте, касается в основном местн. и исх. падежей и лишь отчасти дат. падежа, а главное, одинаковым образом проводится во всех современных тюркских языках (после глухих согласных имеем алломорфы местн. и исх. п. *-ta, -tan*, после звонких согласных — *-da, -dan*). Поэтому дифференциация основ по этому признаку не является релевантной в классификационных целях.

Морфологический фактор проявляется в том, как категория

принадлежности участвует в формировании и преобразовании парадигм склонения в различных тюркских языках (а также в группах языков).

Предлагаемая классификация, таким образом, строится с учетом двух противопоставлений (гласное склонение — согласное склонение, именная парадигма — посессивно-именная парадигма), которые не изолированы одно от другого, а напротив, взаимодействуют между собой, налагаясь одно на другое, как это можно видеть при рассмотрении конкретных типов склонения. Рассмотрение этих определяющих для тюркского склонения противопоставлений в их различных взаимодействиях по разным языкам позволит осуществить классификацию типов склонения и обеспечить сравнительную характеристику этих типов и подтипов[27].

Учитывая характер противопоставления в различных тюркских языках гласной разновидности и согласной разновидности склонения, с одной стороны, именной парадигмы и посессивно-именной — с другой, мы считаем целесообразным вычленять не два или три классификационных типа тюркского склонения, как это принято в тюркологической практике, а по крайней мере четыре типа. Что же касается смешанных (чаще всего диалектных) подтипов, то в отношении их предлагаемая классификация представляет собой открытый список, который будет пополняться по мере включения в исследование более широкого круга языков и диалектов.

Два из типов тюркского склонения вслед за Э.В. Севортяном, Э.Р. Тенишевым и другими исследователями назовем огузским (по Н.К. Дмитриеву, "южный", или "южнотюркский") и кыпчакским ("северный", или "севернотюркский"), третий будем условно именовать уйгурско-кыпчакским, четвертый — карлукским.

Огузский тип склонения (языки турецкий, азербайджанский, гагаузский, туркменский, хорасанотюркский, южный диалект крымскотатарского) характеризуется противопоставлением при склонении имен, оканчивающихся на гласный, и имен на согласный. Основы, оканчивающиеся на любой согласный, в род., вин., дат. падежах получают алломорфы с начальным гласным (*-in/-iŋ*; *-i*; *-a*). Основы, оканчивающиеся на гласные, в этих же падежах получают алломорфы с тем или другим вставным элементом (см. табл. 1), в туркменском алломорф дат. падежа (гораздо реже в разговорной речи также алломорф род. падежа) может получать заместительную долготу[28], без вставного элемента. Это правило распространяется как на именную, так и на посессивно-именную парадигму. Поскольку аффиксы принадлежности 1, 2-го лица ед. и мн. числа оканчиваются на согласный (*-m*, *-ŋ* или *-n*, а также *-z*), то соответствующие посессивно-падежные

[27] При этом учитывается высказывание И.А. Бодуэна де Куртенэ: "Мы должны стремиться не к классификации языков, а только к их сравнительной характеристике" [1909, 300].

[28] Заместительную долготу в турецком, гагаузском и других языках огузской группы приобретает алломорф дат. падежа при склонении, например, существительных на *-ak*, имен действия на *-mak*.

формы включают в себя алломорфы род., вин., дат. падежей с начальным гласным.

Противопоставление именной и посессивно-именной парадигм проводится только в 3-м лице[29]: посессивно-именные формы дат., местн., исх. падежей 3-го лица имеют в своем составе вставной *-n-*[30] (в соответствии с действующим фономорфологическим правилом, в дат. падеже представлен падежный алломорф *-a*). Таким образом, противопоставление именной и посессивно-именной парадигм в огузском типе склонения носит ограниченный характер: оно охватывает здесь только одну часть посессивно-именной парадигмы (3-е лицо) и выражается только одним признаком, связанным с взаимодействием категорий принадлежности и падежа, — посессивным *-n*.

В табл. 1 представлено склонение огузского типа в действующих противопоставлениях.

Для внутрипарадигмных соотношений склонения огузского типа характерна структурная выдержанность и единообразность оформления как именной, так и посессивно-именной (во всех ее частях) парадигм. Межпарадигмные соотношения отличаются почти полной симметричностью, поскольку вокалические и консонантические формативы в зависимости от фонетических условий могут быть представлены в той и другой парадигмах.

Если учитывать фонетический и морфологический факторы при анализе чувашского склонения, то несмотря на все своеобразие его можно отнести к огузскому типу (или типу, который, по мнению Л.С. Левитской, подвергся сильному огузскому влиянию). В чувашском склонении также действует противопоставление разновидностей склонения имен на гласные и имен на согласные: выбор алломорфа с согласным или гласным в анлауте определяется в целом фонетическими условиями исхода склоняемого слова [Иванов А.И. 1968, 77; Левитская 1976, 17, 18—19]. Противопоставление именной и посессивно-именной парадигм осуществляется в чувашском в 3-лице — за счет посессивного *-n-* в посессивно-именной парадигме 3-го лица [Павлов 1965, 103, 109].

Своеобразные черты, присущие чувашскому склонению, находят себе аналоги в склонении тех языков и диалектов, которые относятся к огузской группе. Чувашский алломорф род. п. *-n* (для имен с гласным в окончании) по отсутствию в нем вставного элемента, равно как и узкого гласного, сближается с туркменским диалектным алломорфом

---

[29] Характерно в этой связи, что А.П. Поцелуевский, например, в составленной им таблице туркменского склонения распределял падежные алломорфы лишь по трем графам: алломорфы для имен с окончанием на согласный звук, на гласный и с аффиксом принадлежности 3-го лица [1975, 106].

[30] Два других падежа — род.и вин. — не упоминаются здесь и ниже потому, что для констатации вставного *-n-* в их падежных формативах требуются известные гипотетические допущения на общетюркском уровне, в то время как при классификации типов современного живого тюркского склонения мы сознательно ограничиваемся планом синхронии. А.М. Щербак при реконструкции соответствующих формативов считает *n* в *-nɨŋ* и *-n* проникшим в падежные формы простого (непритяжательного) склонения из притяжательной парадигмы 3-го лица [Щербак 1977, 33, 61].

Таблица 1*

Именная и посессивно-именная парадигмы склонения огузского типа

Языки	Падежи	Парадигмы			
		именная		посессивно-именная	
		после согласных	после гласных	1, 2 л. ед. и мн. ч.	3 л. ед. и мн. ч.
Тур., аз., гаг.	род.	*-in*	*-nin*	*-in*	*-nin*
Туркм., хорас.		*-iŋ*	*-niŋ*, туркм. диал. *-ŋ***	*-iŋ*	*-niŋ*
Аз., туркм., хорас.	вин.	*-i*	*-ni*	*-i*	*-ni*
Тур., гаг.		*-i*	*-ji*	*-i*	*-ni*
Тур., гаг., аз., хорас.	дат.	*-a*	*-ja*	*-a*	*-i-n-ä*
Туркм.		*-a*	*-a:*	*-a*	*-i-n-ä*
Во всех языках	местн.	*-da/-ta*	*-da*	*-da*	*-i-n-dä*
Во всех языках	исх.	*-dan/-tan*	*-dan*	*-dan*	*-i-n-dän*

* В табл. 1 и во всех последующих для локальных падежей посессивно-именной парадигмы 3-го лица приводятся морфемосочетания, включающие соответствующий аффикс принадлежности, *-n-* и падежный форматив.

** *-ŋ* подразумевает удлинение конечного гласного основы.

род.п. *-ŋ* в той же позиции. Чувашский дат.-вин.п. *-na* сопоставляется с совпадающими вин. и дат. падежами в анатолийских диалектах турецкого языка [Котвич 1962, 185]. Омоморфия алломорфов дат.-вин. падежа именной парадигмы (после основ с гласным в окончании) и посессивно-именной парадигмы 2-го лица ед. числа и 3-го лица ед. и мн. числа в чувашском языке [Павлов 1965, 101, 103] сопоставима с омоморфией алломорфов дат. п. *-ja* именной парадигмы (после основ на гласный) и посессивно-именной парадигмы 2-го лица ед. числа и 3-го лица ед. и мн. числа в некоторых хорасанотюркских диалектах [Doerfer 1978, 161, 163].

Уйгурско-кыпчакский тип склонения характеризуется отсутствием противопоставления для имен на гласные и для имен на согласные. Для тех и других используются падежные алломорфы с согласным в анлауте[31], причем это правило распространяется как на именную, так и на посессивно-именную парадигмы (см. табл. 2).

Для этого типа склонения характерно противопоставление именной

[31] Начальный согласный формативов род. и вин. падежей варьируется в зависимости от окончания склоняемой основы: *n* ~ *t* или же *n* ~ *t* ~ *d*.

Таблица

Именная и посессивно-именная парадигмы склонения уйгурско-кыпчакского типа

Падежи	Парадигмы		
	именная	посессивно-именная	
		1,2 л. ед. и мн. ч.	3 л. ед. и мн. ч.
Род.	*-nyŋ/-tyŋ/-dvŋ*	*-nyŋ/-tvŋ*	*-nyŋ -tvŋ*
Вин.	*ny/-ty/-dy*	*-ny/-tv*	*-v-n*
Дат.	*-ga/-qa*	*-ga/-gä*	*-v-n-ga (-ŋa)*
Местн.	*-da/-ta*	*-da*	*-y-n-da*
Исх.	*-dan/-tan*	*-dan/-tan*	*-y-n-dan*
	(редко: *-dvn/tvn*)		

и посессивно-именной парадигмы только 3-го лица. Это противопоставление выражается в следующем: 1) наличие в вин. 3-го л. *-n*; 2) наличие *-n-* в локальных падежах посессивно-именной парадигмы 3-го лица; 3) так как в уйгурско-кыпчакском типе склонения действует фонологическое правило выбора падежных алломорфов только с начальным согласным, в дат. падеже 3-го лица оказывается представлено своеобразное морфемосочетание *-n-ga* — это один из ярких классифицирующих признаков данного типа склонения. В результате слияния *n* и *g* в один звук — смычный носовой *ŋ* — это морфемосочетание превращается в слитное *-ŋa*. Для наглядности в табл. 2 инф. *-n-* и дат. п. *-ga* в посессивно-именной парадигме 3-го лица даются в раздельном написании: *y-n-ga*.

В чистом виде склонение уйгурско-кыпчакского типа представлено только в сарыг-югурском языке — уникальном представителе "восточного ареала центральноазиатского языкового союза"; в то же время признается, что этот язык "генетически наиболее близок к языкам z-группы — современному хакасскому, шорскому, чулымско-тюркскому и фуюйско-кыргызскому" [Тенишев 1976$_1$, 166, 167, см. также с. 55, 57].

Исторически склонение уйгурско-кыпчакского типа представлено в караханидско-уйгурских текстах XI в.; в более ранних памятниках склонение этого типа зафиксировано наряду с частотными инотипными падежными формами.

Языки, генетически близкие к сарыг-югурскому, демонстрируют смешанный подтип склонения, в целом примыкающий к уйгурско-кыпчакскому типу. В хакасском, шорском, чулымскотюркском и тофаларском языках практически также отсутствует противопоставление гласного и согласного склонения: алломорфы род. и вин. падежей, как правило, в любой позиции выступают с согласными в анлауте. Что же касается дат. падежа, то он находится здесь на исключительном положении: его алломорф с начальным согласным варьируется в строго определенных фономорфологических условиях за счет вокалического алломорфа *-a*.

Таблица 3

Именная и посессивно-именная парадигмы склонения смешанного подтипа (разновидности уйгурско-кыпчакского типа)

Языки	Падежи	Парадигмы		
		именная		
		после гласного основы	после сонорных *m, n, ŋ*	после согласных *r, l, j*
Хак., шор., тоф., чул.	род.	*-niŋ*	*-niŋ*	*-niŋ*
Хак., шор., тоф., чул.	вин.	*-ni*	*-ni* (шор. после *m* и *t* *-i*)	*-ni* (шор. *-di*)
Хак.	дат.	*-a*	*-γa* ~ *-a*	*-γa*
Чул.		*-a*	*-ga*	*-ga*
Шор.		*-ga*	*-a* ~ *-ga*	*-ga*
Тоф.		после кратких гласных *-a*; после долгих *-ga*	*-ga*	*-ga*
Во всех языках	местн.	*-da*	*-da*	*-da*
Тоф.	исх.	*-dan*	*-dan*	*-dan*
Шор.		*-daŋ*	*-naŋ*	*-naŋ*
Хак.		*-daŋ*	*-naŋ*	*-naŋ*
Чул.		*-dyn*	*-dyn*	*-dyn*

Характерно, что парадигмная дистрибуция этих двух алломорфов дат. падежа в склонении смешанного подтипа явно неравномерна за счет тех фонетических ограничений по языкам, которые налагаются здесь на употребление вокалического алломорфа *-a*. Дело в том, что вопреки противопоставлению гласного склонения согласному и в соответствии с отсутствием такого противопоставления в уйгурско-кыпчакском типе склонения основы на согласный присоединяют к себе алломорф с начальным согласным. Исключения индивидуальны по языкам. Так, в шорском дат. *-a* получают основы на *-k* и *-q*, а после *m*-основ варьируются оба алломорфа *-a* ~ *-ga*. В чулымскотюркском в этих условиях представлен алломорф *-qa* (*pudaq-qa* 'на ветку'), а в тофаларском — *-ga*/*-kä* после *m*- и *k*-основ, но *-a* — после *g*-основ.

Парадигмы

именная		посессивно-именная		
после согласных *g, γ, k, q*	после глухих согласных	1, 2 л. ед. ч.	3 л. ед. и мн. ч.	1, 2 л. мн. ч.
-niŋ	*-tiŋ*	*-niŋ* (хак. *-tiŋ*)	*-niŋ*	*-tiŋ* (тоф. 2 л. *-niŋ*)
-ni (хак. после *k, q -ti*)	*-ti*	*-ni* (тоф. *-ni* ~ *-i-n*)	*-n*	1 л. *-ti* 2 л. *-ni*
-a	*-kä*	*-a*	*-i-n-a* ~ *-i-n-ga*	*-ga*
-a ~ *-ga*	*-ka*	1 л. *-a* ~ *-ga* 2 л. *-a*	*-i-n-a*: ~ *-i-n-ga*	*-ka, -ga*
-a	*-ka*	*-a* ~ *-ga*	*-i-n-a* ~ *-i-n-ga*	1 л. *-ka* 2 л. *-a* ~ *-ga*
-a; *-a*: (после *-g*)	*-ka*	*-ma* (< *-ga*) *-na* (< *-ga*)	*-i-ŋa*	*-ka, -ga*
-da, -ta	*-ta*	*-da*	*-i-n-da*	*-ta, -da*
-dan, -tan	*-tan*	*-dan*	*-i-n-dan*	*-tan, -dan*
-naŋ	*-taŋ*	*-naŋ*	*-i-naŋ*	*-taŋ, -daŋ*
-naŋ	*-taŋ*	*-naŋ*	*-i-naŋ*	*-taŋ, -daŋ*
-dyn, -tyn	*-tyn*	*-dyn*	*-i-n-dyn*	*-tyn, -dyn*

В хакасском налицо *-a/-e* после имен, оканчивающихся на *-g, -γ*, и варьирование *-a* ~ *-ga* после *m-, n-, ŋ*-основ.

Основы на гласный в языках со склонением смешанного подтипа имеют в дат. падеже долгий гласный (ср. чул. *тура*: 'в город'). В этом южносибирские языки смыкаются с таким представителем склонения огузского типа, как туркменский язык.

Противопоставление именной и посессивно-именной парадигм в языках со смешанным подтипом склонения четко проводится для 3-го лица: в локальных падежах налицо посессивный *-n-*, вин. имеет форматив *-n*. На посессивно-именную парадигму 1 и 2-го лица ед. числа и 3-го лица распространяются те же фономорфологические правила выбора алломорфа дат. падежа, которые действуют в именной

парадигме; в отдельных языках эти правила соблюдаются здесь более последовательно, чем в именной парадигме. Это важное обстоятельство, например в тофаларском языке, подчеркивает В.И. Рассадин: "В 1 лице ед. числа согласный аффикса (дат. — *Г.Б.*) падежа ассимилируется согласным аффикса принадлежности. Аффикс падежа, таким образом, принимает вид *-ма, -ме* употребляется наряду с *-га* <...> При стыковке этих аффиксов (1-го лица ед. числа принадлежности и дат. падежа. — *Г.Б.*) произносится удвоенный согласный *-мм-*. В простом же склонении это происходит гораздо реже, в единичных случаях" [Рассадин 1978, 33]. Во 2-м лице ед. числа дат. падеж имеет здесь наряду с *-ga* алломорф *-ŋa*, который образует вместе с аффиксом принадлежности удвоенный согласный: *-ŋŋa*. Геминация отличает алломорф дат. падежа 2-го лица ед. числа от алломорфа дат. п. 3 л. *-i-ŋa*, который употребляется здесь чаще, чем *-i-n-ga*.

В хакасском, шорском, чулымскотюркском языках для 1 и 2-го лица ед. числа и 3-го лица характерно варьирование алломорфов дат. п. *-ga~-a*; в 3-м лице, таким образом, варьируются морфемосочетания *-i-n-a~-i-n-ga*. Вин. падеж 3-го лица в склонении смешанного подтипа имеет алломорф *-n*.

Как можно видеть из табл. 3, в склонении смешанного подтипа варьирование алломорфов дат. падежа *-ga~-a* еще не закрепилось только за посессивно-именной парадигмой 1 и 2-го лица ед. числа и 3-го лица и еще не превратилось в средство противопоставления именной и посессивно-именной парадигм, будучи представлено в той и другой парадигмах. Средством противопоставления двух парадигм являются здесь посессивный *-n-* и алломорф вин. п. 3-го л. *-n*.

На основании вышеизложенного мы считаем склонение смешанного подтипа, распространенное в хакасском, шорском, тофаларском и чулымскотюркском языках, разновидностью уйгурско-кыпчакского типа склонения (см. табл. 3).

Кыпчакский тип склонения охватывает наибольшее число тюркских языков. Здесь, как и в склонении уйгурско-кыпчакского типа, в целом отсутствует противопоставление разновидностей склонения имен на гласные и имен на согласные. В именной парадигме независимо от того, оканчиваются ли склоняемые основы на гласный или на согласный, используются только падежные алломорфы с начальным согласным.

Вокалические алломорфы *-a* (дат. п 1, 2-го л. ед. ч. и 3 л. во всех кыпчакских языках) и *-i* (род.-вин. п. 1, 2 л. ед. ч. в кумыкском и карачаево-балкарском) используются, во-первых, для противопоставления посессивно-именной и именной парадигм, во-вторых, для противопоставления внутри самой посессивно-именной парадигмы по признаку числа 1 и 2-го лица принадлежности. В эту же сеть противопоставлений включен вин. п. 3 л. *-n*. Если к тому же учесть, что в склонении этого типа действует противопоставление посессивно-именной парадигмы именной парадигме за счет *-n-* в локальных падежах 3-го лица (в дат. падеже налицо морфемосочетание *-i-n-a*), то парадигмная оппозиция предстает здесь более разветвленной, чем в огузском или уйгурско-кыпчакском типах (см. табл. 4).

Таблица 4

Именная и посессивно-именная парадигмы кыпчакского типа склонения

Языки	Падежи	Парадигмы			
		именная	посессивно-именная		
			1, 2 л. ед. ч.	3 л. ед. и мн. ч.	1, 2 л. мн. ч.
Тат., башк., ккалп., алт., ктат	род.	*-niŋ*	*-niŋ*	*-niŋ*	*-niŋ*
Кар., кирг.		*-nin*	*-din*	*-nin*	*-nin*
Каз., ног., ккалп., алт.		*-diŋ/-tiŋ/-niŋ*	*-niŋ*	*-niŋ*	*-diŋ*, алт. *-tiŋ*, *-diŋ*
Кбалк.		–	–	*-i-n-i*	–
Кум., кбалк.	род.-вин.	*-ni*	*-i*	кум. *-i-n-i*	*-ni*
Каз., ккалп., кирг.	вин.	*-di/-ti/-ni*	*-di*	*-i-n*	*-di*
Алт.		*-di/-ti*	*-di*	*-i-n*	*-ti, -di*
Ног.		*-di/-ti*	*-ni*	*-i-n*	*-di*
Кбалк.		–	–	*-i-n*	–
Для остальных кыпчакских языков		*-ni*	*-ni*	*-i-n*	*-ni*
Тат., ног., кирг.	дат.	*-ga/-ka*	*-a*	*-i-n-a*	*-ga*
Алт.		*-ga/-ka*	*-ga ~ -a*	*-i-n-a*	*-ka/-ga*
Башк., каз., ккалп., кар., кум., кбалк., ктат		*-γa/-ga, -qa/-ka*	*-a*	*-i-n-a*	*-γa/-ga*
Бараб		*-γa/-ga/-kä*	*-γa ~ -a*	*-i-n-a*	*-ga*
Во всех кыпчакских языках	местн.	*-da/-ta*	*-da*	*-i-n-da*	*-da*
Тат., ног., ккалп., кар.	исх.	*-dan/-tan*	*-dan*	*-i-nan* (< *-i-n-nan* < *-i-n-dan*); кар. *-i-n-dan*	*-dan*
Каз., кирг.		*-dan/-nan*	*-nan*	*-i-nan*	*-dan*
Алт.		*-dan/-taŋ/-naŋ*	*-nan*	*-i-naŋ*	*-taŋ*

Из табл. 4 ясно видно, что наиболее специфична та часть кыпчакской посессивно-именной парадигмы, которая охватывает 1 и 2-е лицо ед. числа и 3-е лицо ед. и мн. числа. Для склонения кыпчакского типа характерна неравномерная парадигмная дистрибуция алломорфов дат. падежа с начальным согласным и без него (для кумыкского и карачаево-балкарского языков — также алломорфов род.-вин. падежа с начальным согласным и без него). Алломорфы род., вин. (или род.-вин.) и дат. падежей с начальным согласным имеют здесь значительно бóльшую парадигмную емкость, чем в склонении огузского типа: они распространяются как на именную

парадигму, так и на посессивно-именную 1 и 2-го лица мн. числа. Между тем вокалические алломорфы дат. п. *-a* и род.-вин. п. *-i* (последний — для кумыкского и карачаево-балкарского) имеют здесь весьма ограниченную парадигмную емкость, охватывая часть посессивно-именной парадигмы (для *-a* — 1 и 2-го лица ед. числа и 3-го лица, для *-i* — только 1 и 2-го лица ед. числа).

Касаясь внутрипарадигмных соотношений, можно говорить об их структурной выдержанности только для именной парадигмы. Для посессивно-именной парадигмы характерна внутрипарадигмная оппозиция по ед. — мн. числу первых двух лиц категории принадлежности. Посессивно-именная парадигма 1—3-го лица ед. числа (и 3-го лица мн. числа), характеризуемая некоторыми собственными грамматическими признаками (см. табл. 4), противопоставляется посессивно-именной парадигме 1 и 2-го лица мн. числа, которая строится целиком по образцу именной парадигмы.

Таким образом, в кыпчакском типе склонения собственными дистинктивными признаками располагает не только каждая из падежных парадигм, но также каждая из частей посессивно-именной парадигмы (этим кыпчакский тип отличается от огузского типа склонения, где одним таким признаком располагает только посессивно-именная парадигма 3-го лица). В результате как внутрипарадигмные, так и межпарадигмные соотношения в кыпчакском типе склонения характеризуются асимметричностью.

К кыпчакскому типу примыкает склонение смешанных подтипов, представленных в саларском и якутском языках, хотя в этих языках прослеживаются следы противопоставления гласного и согласного склонения. В саларском это противопоставление затрагивает алломорфы дат. падежа: в именной парадигме после основ на согласные (кроме *γ, g, χ, x, h*) выступает *-a*, после основ на гласные, а также на *γ, g, χ, x, h* — алломорф *-γa/-ga, -qa/-ka*. По остальным своим признакам и их соотношениям саларское склонение вполне подходит под кыпчакский тип[32]. В якутском языке противопоставление гласной и согласной разновидностей склонения рудиментарно[33] отражено только в вин. падеже именной парадигмы: имена с согласным в окончании получают алломорф *-ɤ*, имена на гласный — алломорф *-nu* [ЯН СССР 1966, 409]. В целом же за именной пара-

[32] Э Р Тенишев подчеркивает, что в саларской форме дат падежа "сплелись два типа тюркского склонения огузский (южный) и кыпчакский (северный) Аффиксы, относящиеся к тому или иному типу склонения, разделились, следуя фонетическому принципу показатели огузского типа сохранили свое исконное положение — после согласных, а показатели кыпчакского типа закрепились за основами с конечными гласными или заднеязычными и увулярными согласными" [1976₂, 106] В соответствии с этим фонетическим принципом дат падеж в посессивно-именной парадигме всех трех лиц имеет вокалический формати в *-a* Между тем род и вин падежи в посессивно-именной парадигме на кыпчакский лад представлены консонантическими формативами причем для имен с аффиксом принадлежности 3-го лица в вин падеже используются формативы *-n* и *-nI* [Там же, 108]

[33] Такая характеристика этого противопоставления в якутском склонении вполне согласуется с точкой зрения Е И Убрятовой, считающей якутский язык "более огузским, чем южные огузские языки" (из личного письма автору)

дигмой здесь закреплены падежные алломорфы с начальным согласным.

Противопоставление посессивно-именной парадигмы именной парадигме в якутском склонении является гораздо более сильным и глобальным, чем в кыпчакском типе. Достигается это тремя способами: 1) вин. п. *-(i)n*, который в кыпчакских языках закрепился только за посессивно-именной парадигмой 3-го лица, в якутском сохраняет свое древнее распределение, охватывая посессивно-именную парадигму всех трех лиц ед. и мн. числа, 2) на всю якутскую посессивно-именную парадигму распространился дат.-напр п. *-γar*; 3) в якутском языке, по мнению Е.И. Убрятовой, рефлексы посессивного *-n-* выявляются не только в локальных падежах посессивно-именной парадигмы всех трех лиц ед. и мн. числа, но также и в сравнительном падеже, в редко встречающемся частном падеже и в падежеобразном совместном. Согласные анлауты формативов этих падежей *-ta, -taaγar, -lyyn* были ассимилированы под воздействием инф. *-n-*, а получившиеся геминированные *-n-n-* были упрощены. Заслуживает особого внимания тот факт, что рефлексы посессивного *-n-* в названных падежах могут быть обнаружены в посессивно-именной парадигме всех трех лиц ед. и мн. числа, а не только 3-го лица, как это наблюдается в большинстве тюркских языков.

Карлукский тип склонения характеризуется отсутствием противопоставления гласной и согласной своих разновидностей, равно как и противопоставления посессивно-именной и именной парадигм. В соответствии с этим узбекский, новоуйгурский и лобнорский языки, представляющие этот тип склонения, располагают только одной — консонантической серией падежных формативов для именной и посессивно-именной парадигм Формативы этой серии выступают здесь независимо от фонетических позиций, независимо от того, на гласный или согласный оканчивается склоняемое имя, имеет ли оно при себе аффикс принадлежности или же не имеет.

При такой равномерности парадигмной дистрибуции консонантических формативов их парадигмная емкость максимальна; формативы вокалической серии фактически отсутствуют[34] (см. таб. 5). Отсутствует также в локальных падежах общий для трех названных выше типов склонения дистинктивный признак посессивно-именной парадигмы 3-го лица *-n-*, благодаря чему посессивно-именная парадигма единообразна[35].

---

[34] Об этом свойстве на примере узбекского склонения В В Решетов писал так "Склонение в узбекском языке одно < > Аффиксы одновариантны, т е их фонетический состав не зависит от основы слова" [ЯН СССР 1966, 345, ср , однако, Кононов 1960, 91, 92]

[35] Наличие *-n-* только в местн падеже имен с аффиксом 3-го лица в лобнорском [Асаналиев 1964, 160] и в языке уйгуров Ферганской долины [Садвакасов 1976, 124—125] *не меняет дела, поскольку по всем признакам является недавней инновацией: -n-* присоединяется здесь к местн падежу, т е совершенно очевидны сильные внутрипарадигмные ограничения для *-n-*, к тому же употребление его даже в местн падеже сугубо факультативно, *-n-* здесь не связан системными отношениями ни с одной другой формой склонения и занимает в системе склонения совершенно изолированное место, собственно *никак не влияя на классификационное определение его типа*

Таблица 5

Именная и посессивно-именная парадигмы карлукского типа склонения

Языки	Падежи	Парадигмы	
		именная	посессивно-именная
Узб., н.-уйг.	род.	*-niŋ*	*-niŋ*
Лобн.	род.-вин.	*-ni*	*-ni**
Узб., н.-уйг.	вин.	*-ni*	*-ni*
Узб., н.-уйг.	дат.	*-γa/-gä*	*-γa/-gä*
Лобн.		*-ga*	*-ga* (для 1, 2 л. ед. ч. возможно *-ga* ~ *-a*)
Узб., н.-уйг.	местн.	*-da*	*-i-da* (3 л.)
Лобн.		*-da*	*-i-n-da* (3 л.)
Узб.	исх.	*-dan*	*-i-dan* (3 л.)
Н.-уйг., лобн.		*-dyn*	*-y-dyn* (3 л.)

*В лобнорском консонантический анлаут форматива род.-вин. падежа подвержен прогрессивной ассимиляции, уподобляясь конечному согласному склоняемого имени или аффикса принадлежности [см. Асаналиев 1964, 166–169, 177, 159].

Произведенная классификация типов тюркского склонения, способствуя его сравнительному изучению, показала следующее.

Во-первых, преобладающему большинству тюркских языков свойственно противопоставление посессивно-именной и именной парадигм за счет наличия в первой из них (в локальных падежах 3-го лица) *-n-*; несколько меньшему числу тюркских языков и диалектов присущ другой дистинктивный признак посессивно-именной парадигмы, а именно вин. 3 л- *-n*. По всей вероятности, именно эти два дистинктивных признака могут быть возведены к пратюркскому языковому состоянию, раннему и позднему.

Что же касается использования вокалических алломорфов дат. *-a*, род.-вин. *-i* в качестве дистинктивных признаков части посессивно-именной парадигмы, то они охватывают значительно более ограниченный круг языков и диалектов. На этом основании перечисленные различительные признаки части посессивно-именной парадигмы могут быть возведены к периоду обособления классификационных групп тюркских языков.

Во-вторых, как оказалось, противопоставление гласной и согласной разновидностей склонения в наиболее полном виде присуще тюркским языкам только юго-западного региона. Для склонения остальных тюркских языков это противопоставление либо недействительно, либо, как например в тюркских языках Южной Сибири и отчасти в Центральной Азии, имеет весьма ограниченный диапазон действия. В связи с этим возникает вопрос: можно ли считать, что членение тюркского склонения на гласную и согласную его разновидности было представлено в пратюркском состоянии?

О ПРИНЦИПАХ РЕКОНСТРУКЦИИ ТИПОВЫХ МОДЕЛЕЙ РАННЕ- И ПОЗДНЕПРАТЮРКСКОГО СКЛОНЕНИЯ

Пользуясь специальной методикой реконструкции 1979 г. [Серебренников, Гаджиева 1979, 256] и соблюдая при этом фономорфологические и морфологические правила построения падежных словоформ, мы стремились восстановить общие типовые модели парадигм (именной, посессивно-именной) ранне- и позднеобщетюркского склонения в контексте их основных структурных параметров (в их числе прежде всего — межпарадигмных и внутрипарадигмных соотношений). Цель такой реконструкции — определение наиболее древнего типа тюркского склонения, что естественно предполагает установление набора морфологических единиц (падежей, падежных формативов и их алломорфов), которыми этот тип реализуется.

В соответствии с принятой методикой общая типовая модель склонения для каждой парадигмы — именной, посессивно-именной — должна иметь определенную фономорфологическую опору, для выяснения которой выше была произведена классификация типов тюркского склонения, обеспечившая сравнительную характеристику каждого из типов. При этом считалось необходимым учитывать, во-первых, степень распространенности в тюркских языках соответствующих морфологических единиц, а во-вторых — степень представленности в этих языках различных структурных параметров тюркского склонения [ср. Серебренников, Гаджиева 1979].

Из классификации типов тюркского склонения (см. табл. 1—5) ясно видно, что противопоставление именной парадигмы посессивно-именной парадигме по 3-му лицу имеет почти всеобщее распространение в тюркских языках (исключение составляют языки со склонением карлукского типа). Тотальным средством противопоставления посессивно-именной парадигмы именной парадигме является *-n-*. Это противопоставление с тем же средством его выражения представлено в наиболее древних тюркоязычных памятниках — рунических. На этом основании мы можем с полным правом считать, что противопоставление именной и посессивно-именной парадигм, выражаемое отсутствием/наличием *-n-*, было присуще общетюркскому склонению как в период, предшествующий обособлению групп тюркских языков, так и в эпоху раннепратюркской языковой общности.

Из классификации типов тюркского склонения стало видно также, что другое противопоставление, "согласное склонение — гласное склонение", распространено далеко не во всех тюркских языках. Лишь в языках со склонением огузского типа это противопоставление проводится одинаково регулярно в именной и посессивно-именной парадигмах в полном составе (в род., вин., дат. падежах). Регулярное противопоставление гласного склонения согласному склонению локализуется в тюркских языках на достаточно обширной и компактной территории в юго-западном регионе: это Турция, Южный Крым, Молдавия, Закавказье, Северо-Восточный Иран и Туркмения.

Для значительно большего числа тюркских языков, имеющих

более широкое территориальное распространение (от Сибири и Монголии через Центральную и Среднюю Азию, Казахстан, Поволжье, Северный Кавказ до Северного Крыма и Литвы), можно говорить лишь о частичном противопоставлении согласного склонения гласному. В полном составе оно отсутствует здесь по крайней мере в именной парадигме (для удобства изложения неоднозначные отношения именной и посессивно-именной парадигм к указанному противопоставлению ниже рассматриваются раздельно). В полном составе это противопоставление отсутствует также в именной парадигме языка тюркских рунических памятников.

Тем не менее указанное противопоставление все же нельзя считать специфической огузской особенностью, так как в целом ряде тюркских языков можно найти разрозненное противопоставление гласного склонения согласному хотя бы в одном каком-либо падеже. В языке тюркских рунических памятников, например, такое противопоставление в именной парадигме проводилось только в род. падеже, который имел алломорфы *-iŋ ~ -ig* после согласных и алломорф *-nıŋ* после гласных, в то время как для вин. и дат. падежей нет такой дифференциации: *-°g/-°γ* и *-qa/-ka* [Кононов, 1980, 148—162]. В настоящее время в якутской именной парадигме противопоставление осуществляется в одном лишь вин. падеже, который в зависимости от фонетической позиции может быть представлен алломорфами *-y* и *-ny* [ЯН СССР 1966, 409]. В саларской именной парадигме противопоставление проводится в дат. падеже: алломорф *-a* присоединяется после основ на согласные (кроме *γ, g, χ, x, h*, к ним присоединяются *-qa/-ka*), алломорф *-γa/-ga* представлен после основ на гласные.

В ряде языков со склонением смешанного подтипа, примыкающего к уйгурско-кыпчакскому типу, налицо сдвиги и сильные разрозненные ограничения в распределении вокалических алломорфов дат. или вин. падежей, используемых в именной парадигме. Так, в шорском с помощью алломорфов вин. п. *-y* и род. п. *-yŋ* оформляются далеко не все имена на согласный, а только оканчивающиеся на *n* или *l*, с помощью алломорфа дат. п. *-a* — имена на *m, q* и *k*, а также на гласные (в последнем случае *-a ~ ga*). В хакасском, тофаларском, чулымскотюркском дат. *-a* употребляется после гласных (в тофаларском — только после кратких гласных), а после согласных, наоборот, чаще употребляется алломорф *-ga/-ka*, в то время как *-a* после согласных употребляется очень выборочно, причем в разных фонетических позициях по различным тюркским языкам.

Что касается посессивно-именной парадигмы, то весьма последовательно в тюркских языках со склонением кыпчакского типа (гораздо менее четко, скорее факультативно в языках со склонением уйгурско-кыпчакского типа) проводится частичное противопоставление "гласное склонение — согласное склонение" только в одном дат. падеже; лишь в единичных случаях (специфично только для кумыкского, карачаево-балкарского языков) — еще и в род.-вин. падеже. Вокалические алломорфы дат. *-a*, род.-вин. *-ı* здесь морфологизовались: дат. *-a* в 1, 2-м лице ед. числа и в 3-м лице обоих чисел принадлежности, род.-вин. *-i* в 1, 2-м лице ед. числа. В результате

тот и другой алломорфы приобрели дополнительные грамматические выразительные возможности как еще одно средство выражения противопоставления части посессивно-именной парадигмы именной парадигме, а также противопоставления внутри посессивно-именной парадигмы по признаку числа принадлежности[36].

Проведенный обзор расклассифицированных фактов позволяет считать остаточным явлением частичное противопоставление "гласное склонение — согласное склонение", по-разному проявляющееся в именной и посессивно-именной парадигмах языков со склонением кыпчакского и уйгурско-кыпчакского типов, а также смешанных подтипов. Результатом более поздней трансформации этого противопоставления следует считать а) морфологизацию вокалических алломорфов дат. *-а* и род.-вин. *-ı* в посессивно-именной парадигме ед. числа; б) сдвиги в распределении и прямое перераспределение фонетических позиций для дат. *-а* в именной парадигме таких тюркских языков, как шорский, тофаларский, хакасский, чулымскотюркский; в) индивидуализацию фонетических позиций для вокалических падежных алломорфов по различным тюркским языкам.

Весьма показателен сам по себе факт, что те типы тюркского склонения, в которых отсутствует регулярное противопоставление "согласное склонение — гласное склонение", все же частично используют это противопоставление (особенно в кыпчакской посессивно-именной парадигме) как вспомогательное грамматическое средство выражения межпарадигмных и внутрипарадигмных противопоставлений. Этот факт можно рассматривать в качестве одного из аргументов, свидетельствующих в пользу того, что противопоставление "согласное склонение — гласное склонение" в целом было характерно для общетюркской парадигмы. Другой аргумент, внешнелингвистический — это характер распределения связанных противопоставлением изоглосс "гласное склонение имен — согласное склонение имен" на тюркской языковой территории. Мощная миграционная волна оттеснила изучаемое противопоставление в зону более поздней колонизации — на юго-запад этой территории, обеспечив там его консервацию в полном объеме [см. соответствующую "норму" Бартоли: Серебренников 1973, 131]. На территориях более раннего заселения это противопоставление в той или иной мере поддавалось размыванию, разрушению, морфологизации его остатков.

Учитывая вышесказанное, можно предполагать, что типовая модель ранне- и позднеобщетюркского склонения определялась взаимодействием двух противопоставлений — противопоставления "именная парадигма — посессивно-именная парадигма" (в 3-м лице отсутствие/наличие *-н-*) и противопоставления "согласное склонение — гласное склонение".

---

[36] Показательно, что 3-е лицо ед. числа принадлежности не включено в противопоставление "ед. число — мн. число" принадлежности, осуществляемое внутри кыпчакской посессивно-именной парадигмы. Этот факт можно рассматривать как аргумент в пользу того положения компаративистов, что изначально в аффиксах принадлежности 3-го лица отсутствовало выражение мн. числа [Серебренников, Гаджиева 1979, 94]

Пытаясь установить общую типовую модель склонения в раннепратюркской языковой общности, мы должны прежде всего выяснить, действительны ли были для этого древнейшего периода те основные противопоставления, которые являются определяющими как для общетюркского склонения, так и для большинства типов современного тюркского склонения. При этом необходимо учитывать следующее.

1. В тюркском праязыке существовала материальная база для взаимодействия категорий принадлежности и падежа. Это вытекает из реконструкции категории принадлежности в тюркском праязыке: "первичная система притяжательных аффиксов" реконструируется материально весьма близкой к той системе, которая действует в современных тюркских языках [Серебренников, Гаджиева 1979, 94]. Вместе с тем нет никаких данных, которые позволили бы усомниться в том, что взаимодействие категорий принадлежности и падежа отсутствовало в тюркском праязыке. Напротив, высказано предположение о том, что в истории тюркских языков притяжательное склонение (т.е. именно основанное на таком противопоставлении двух категорий) играло более важную роль, чем простое: склонение терминов родства, названий частей тела и т.д. "было исключительно притяжательным" [Щербак 1977, 33]. "Особое положение" притяжательной парадигмы в тюркском склонении вряд ли было бы осуществимо без сознания того, что эта парадигма противопоставлена именной парадигме.

Без сомнения, уже в тюркском праязыке основным средством выражения этого противопоставления в посессивно-именной парадигме было наличие элемента *-n-*, вставляемого между аффиксом принадлежности 3-го лица и падежным формативом.

2. Обзор имеющихся наблюдений компаративистов над закономерностями конца слова в тюркском праязыке показал, что основ, оканчивающихся на гласный, должно было быть несравненно меньше, чем основ на согласные, но все же они были. Дело в том, что в конце слова в тюркском праязыке наиболее частотным и устойчивым был *a; ə, ı, y, i* были либо неустойчивыми, либо редкоупотребительными [Серебренников, Гаджиева 1979, 12, 15, 21, 23, 25]. Среди аффиксов, применявшихся для образования имен, аффиксы, оканчивающиеся на гласный, явно уступали тем, которые имели согласный в окончании [см. Щербак 1977, 96—108; Серебренников, Гаджиева 1979, 102—112].

Из числа словоизменительных аффиксов, которые в закономерных аффиксальных последовательностях могли занимать позицию непосредственно перед падежным формативом, оканчиваются на гласный только алломорфы аффикса принадлежности 3 л. *-sy, -y*.

Таким образом, возможности имен, простых и аффигированных, иметь гласные окончания в тюркском праязыке были довольно жестко ограничены. Скорее всего гласными окончаниями имен выступали *-a* и *-i*.

Гораздо более широко, по наблюдениям компаративистов, были представлены в конце слова согласные; во всяком случае к числу устойчивых в этой позиции отнесены *r, ŋ, n, l, k, q, t, p, j, š, č* [Серебрен-

ников, Гаджиева 1979, 33, 36, 40, 42, 57, 62, 67, 68, 71, 73, 74]. Преобладание согласных в конце имен усугублялось также за счет того, что основная масса как словообразовательных, так и словоизменительных аффиксов, которые могли находиться в аффиксальных последовательностях непосредственно перед падежным формативом, имели согласный в. ауслауте. Показатели собирательной множественности оканчивались на согласные (*ǯ, q, k, l, m, n, r, s, č, š*) [Серебренников, Гаджиева 1979, 90], как и показатель мн. ч. *-lâr*. Четыре притяжательных аффикса — 1 и 2-го лица ед. и мн. числа — также оканчивались на согласный.

Можно считать, таким образом, что в тюркском праязыке были налицо материальные условия для различения склонения имен, оканчивающихся на согласный, и имен на гласный. Во всяком случае, в "первичной системе притяжательных аффиксов", присущей тюркскому праязыку, реконструируются два ряда алломорфов — для основ на согласный и основ на гласный [Серебренников, Гаджиева 1979, 94; Щербак 1977, 76].

Учитывая неодинаковый, как предполагают, вес согласных и гласных окончаний у имен в тюркском праязыке, можно думать, что склонение имен, оканчивающихся на согласный, занимало доминирующее положение в системе пратюркского склонения. В связи с этим можно предположить также, что изначальными были падежные алломорфы, предназначенные для имен на согласный[37]. Такие алломорфы дат. и вин. падежей отличались своей элементарностью — они состояли из одной архиморфонемы: широкой гласной **-a* для дат. падежа и узкой гласной **-y* для вин. падежа. При учете того, что в монгольских языках восстанавливается род. п. *-n* [Poppe 1977, 57], предлагаемая реконструкция род. падежа для раннепратюркского допускает вариативность, имевшую, скорее всего, диалектный характер. Алломорф род. падежа в раннепратюркском мог состоять либо из одной архиморфонемы (носовой среднеязычной или заднеязычной): **-n*~**-ŋ*, либо из двух архиморфонем — узкой гласной **I* и **n*~*ŋ* — **-In*~**-Iŋ*[38]. Для А.М. Щербака, который подробно проанализировал существующие в тюркологии точки зрения и гипотезы о происхождении алломорфов род. п. *-yŋ/-nyŋ* и вин. *-y/-ny*, нет сомнений в том, что начальный *n* в аффиксах род. и вин. падежей вторичен [1977, 32—33].

---

[37] Мнения о большей древности вариантов род. и вин. падежей без начального *n* получили в тюркологии широкое распространение, хотя вопрос этот продолжает дискутироваться вплоть до настоящего времени. Присоединяясь к мнению о большей древности падежных алломорфов без начального *n*, мы попытаемся рассматривать этот вопрос не отдельно для каждого падежа, а для совокупности род., вин., дат. падежей и при этом связываем его с вопросом о противопоставлении "согласное склонение — гласное склонение".

[38] Переход *ŋ* в *n* в соответствии с одной точкой зрения объясняется аналогизирующим воздействием исх. падежа [Богородицкий 1925, 14]. В соответствии с другой точкой зрения, исходящей из гипотезы о том, что материалом для создания формы род. падежа могла послужить форма орудийн. падежа на *-ын/-ин*, признается, что "заднеязычное *ŋ* могло возникнуть нефонетическим путем в целях отличения нового аффикса родительного падежа *-ын, -ин*" [Серебренников, Гаджиева 1979, 87]. Н. Поппе склонен считать *-n* (или *-ń*?) древнейшим суффиксом род. падежа в тюркских языках [Poppe 1977, 58].

Доказательство того, что именно вокалический алломорф дат. и алломорфы вин., род. падежей с вокалическим анлаутом были изначальными, можно видеть в устойчивости как широкой архиморфонемы во всех существующих алломорфах дат. падежа, так и узких архиморфонем в существующих алломорфах род. и вин. падежей[39], между тем как консонантные анлауты в алломорфах тех же падежей такой устойчивостью не обладают.

3. Для сравнительно немногочисленных именных основ на гласный первоначально использовались те же алломорфы дат., род., вин. падежей, что и для основ, оканчивающихся на согласный. Естественно, при этом не могли не ощущаться неудобства и недостатки ритмико-слоговой организации таких падежных словоформ. Для того чтобы устранить эти неудобства и избежать зияния, использовались вставные (соединительные) элементы. Их неодинаковость и варьирование по различным тюркским языкам (*n* для род., *n* ~ *j* для вин., *g* ~ *j* для дат.) можно рассматривать как свидетельство их явно позднего происхождения (точнее: их более позднего сращения с падежным алломорфом, в результате чего морфемные пограничные сигналы оказались сдвинуты).

А.М. Щербак предложил гипотезу о происхождении одного из перечисленных вставных элементов — *n*. При этом он опирается на "предложение об исконной связи *н* с притяжательной парадигмой, точнее с формой принадлежности 3-го лица, и о существовании в истории тюркских языков такой ситуации, когда притяжательное склонение играло более важную роль, чем простое, когда склонение многих слов, например терминов родства, названий частей тела, названий любых предметов, относящихся к другим предметам как часть к целому и т.д., было исключительно притяжательным. Особое положение притяжательной парадигмы способствовало "проникновению" *н* в падежные формы простого (непритяжательного) склонения: по аналогии начальный *н* стал употребляться в аффиксах родительного и винительного падежей, сначала после основ на гласный <...>, а позднее — после любых основ, во всех тюркских языках, кроме огузских и чувашского" [Щербак 1977, 33]. В гипотезе А.М. Щербака само собой подразумевается, что индуцирующее воздействие на именную парадигму исходит главным образом из посессивно-именной парадигмы 3-го лица. Именно в 3-м лице "происходит сильное ослабление значения принадлежности" [Там же, 79]: из разных тюркских языков подобрано значительное количество примеров употребления посессивных словоформ 3-го лица безотносительно к обычно передаваемому этой категорий значению, случаев удвоения и утроения аффикса принадлежности 3-го лица [Там же, 74, 75]. Десемантизация и слияние посессивного аффикса 3-го лица с именной основой, за которой он непосредственно следует [Там же, 75], не могли не способствовать проникновению падежных форм посессивно-именной парадигмы 3-го лица в именную парадигму.

[39] В случаях, когда в алломорфе, например род или вин. падежа, налицо широкий гласный (др.-уйг. род. *-nAŋ* [Gabain 1950, 87] или чув. дат.-вин. *-na*), можно без особого труда усмотреть вторичность такого алломорфа.

Гипотеза А.М. Щербака о проникновении из посессивно-именной парадигмы в именную вполне достоверна и корректна: в неявной форме она учитывает важное для тюркского склонения противопоставление этих двух парадигм. Возможность аналогизирующего воздействия посессивно-именной парадигмы на именную также не исключается имеющимися фактами тюркского склонения [см. Благова 1982, 46, 48].

В связи с этой гипотезой возникает, однако вопрос: почему *n* из посессивно-именной парадигмы распространилось на род. и вин. падежи, но миновало дат. падеж (хотя именно такое развитие может быть представлено в чувашском дат.-вин. *-na*)? Дело в том, что эта гипотеза вообще обходит молчанием начальные согласные *g* или *j* в дат. падеже.

Между тем, начальный согласный *k* (*>g>ğ>j*) в алломорфах дат. падежа хорошо объясняется в том случае, когда в тюркском праязыке реконструируется напр. падеж на *-q/-k* [Серебренников, Гаджиева 1979, 80]. Рано произошедшей контаминации двух напр. падежей *—q/-k* и *-a/-ä* — обязан своим возникновением напр. падеж с показателем *-qa*, *-kä*, который также возводится к эпохе тюркского праязыка [Там же, 80]. Позднее, когда *-qa/-kä* был включен в фономорфологический ряд алломорфов дат. падежа, произошло озвончение начальных согласных *q>γ*, *k>g*. А это типологически подравнивало некогда грамматически полнозначный *k* под вставной *g*, который был лишен грамматического значения, но зато служил обычным соединительным элементом не только в тюркских, но и в монгольских языках. По В.А. Богородицкому, палатализованный *g* фонетически закономерно мог переходить в *j* [1953, 157]. Так появились вставные *g* и *j* в алломорфе дат. падежа для имен на гласный.

Таким образом, общая типовая модель склонения в тюркском праязыке характеризовалась противопоставлением "именная парадигма — посессивно-именная парадигма" (в 3-м лице: отсутствие/наличие *-n-*) и становлением противопоставления согласное склонение — гласное склонение.

РАННЕПРАТЮРКСКОЕ СКЛОНЕНИЕ ИМЕН

Предлагаемая реконструкция системы склонения исходит из признания того, что раннепратюркский был агглютинативным языком, в котором действовал развитый сингармонизм. В то же время эта реконструкция опирается на выдвинутое С.Д. Кацнельсоном понятие "гипокатегория" применительно к падежу; в соответствии с этим понятием в древнюю падежную систему на правах разновидностей некоторых падежей включаются "недоразвившиеся" падежи, падежеобразные формы [1972, 40]. На существование таких приблизительно совпадающих форм, которые к тому же "не обладают определенностью падежного значения" и имеют "как бы характер наречных форм, а не форм, подобных прочим падежным формам", в свое время обратил особое внимание А. Мейе [1938, 307, 308]. Монгольские падежи ограниченного распространения (наблюдаются лишь в некоторых диалек-

тах различных монгольских языков) и ограниченного лексемного охвата отмечал Г.Д. Санжеев [1953, 175].

Раннепратюркский язык был богат такими недоразвившимися падежами настолько, что, например, применительно даже к древнетюркскому А. фон Габэн полагала возможным употреблять термин "падеж" чисто условно, ради удобства изложения, поскольку этот термин "в древнетюркском для многих форм не подходит" [Gabain 1950$_1$, 86]. Судьба таких падежеобразных форм была неодинаковой в последующие исторические периоды; впрочем, рефлексы таких падежей, как правило, находим среди наречий и послелогов. Наличие большого числа неразвившихся падежей в склонении раннего тюркского праязыка достоверно показано в реконструкции Б.А. Серебренникова и Н.З. Гаджиевой [1979, 77].

Принимая в целом эту реконструкцию и осмысляя ее под углом зрения "гипокатегории" падежа, мы пользуемся распространенными в лингвистике понятиями "центра" и "периферии" изучаемой категории. На периферии падежной системы находились, например, несколько разновидностей напр. падежа (*-q/-k, -ra/-ry, -ča, -q-a-ry, -n*), а также твор. (оруд.) и совместн. падежи, из которых последний также характеризовался целым рядом своих разновидностей.

Специфика системы склонения, развившейся в раннепратюркском, определялась, во-первых, множественностью падежей и их падежеобразных разновидностей (а это, естественно, обусловливало известную аморфность системы) и, во-вторых, — двумя противопоставлениями, действовавшими в ней на фономорфологическом и морфологическом уровнях (см. табл. 6—8). Противопоставление на фономорфологическом уровне — это противопоставление разновидностей склонения имен на согласный и имен на гласный. В реконструкции 1979 г. это противопоставление ярче всего вычленяется на примере напр. падежей на *-k/-q* и *-a/-ä*: первый из них, судя по всему, закреплен за именами на гласный, второй — за именами на согласный. Противопоставление на морфологическом уровне — это противопоставление именной и посессивно-именной парадигм склонения, которое в прежних реконструкциях не отражено.

В соответствии с этими характеристиками древней системы тюркского склонения ниже в отдельных таблицах реконструируется именная парадигма раннепратюркского склонения в двух своих разновидностях — для имен на согласный (табл. 6) и для имен на гласный (табл. 7). Раннепратюркская посессивно-именная парадигма реконструируется в двух своих разновидностях — для имен, снабженных аффиксами принадлежности а) 1, 2-го лица ед. числа, б) 3-го лица (см. табл. 8).

Таблицы 6—8 построены единообразно. В левой части каждой из трех таблиц приводятся алломорфы падежей раннепратюркской системы склонения (графа "раннепратюрк." — алломорфы под знаком астериска). Остальную часть таблицы занимает обобщенный материал, на основе которого производится реконструкция, т.е. склонение в языке тюркских руниче ских памятников (графа "рунич."), склонение в караханидско-уйгурском языке (графа "др.-уйг.-кыпч." — в соответствии с названием типа склонения, представленного в

караханидско-уйгурских текстах), склонение типов уйгурско-кыпчакского ("уйг.-кыпч."), огузского ("огузск.") и кыпчакского ("кыпч."), которые имеют наиболее ранние письменные фиксации. Отдельной графой представлено также склонение карлукского типа ("карлук."), сложившееся в более поздний период и соответственно зафиксированное более поздними памятниками. Падежные алломорфы приводятся в обобщенном виде, причем гласные в их составе различаются только по их принадлежности к А-классу или I-классу. Через тильду приводятся алломорфы, варьирующиеся в одной позиции: в скобках, как правило, даются факультативные, более редкие варианты. Осн. падеж, не имеющий специального форматива, в таблицы не введен.

О ФОНОМОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУППИРОВКЕ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ

Если учитывать действовавшие в раннепратюркском сингармонизм (возможно — слоговой сингармонизм) и агглютинацию, то к реконструкции древней системы склонения на фономорфологическом уровне оказывается малоприменимо положение о том, что при исследовании истории аффиксов в тюркских языках основное внимание следует обращать "только на согласные, без учета сопровождающих их гласных" [Серебренников 1980, 45]. В раннепратюркском гласные непервых слогов уже функционировали как различители форм слова, принимая самое непосредственное участие в оформлении морфем, в данном случае — падежных морфем. Смыслоразличительная функция гласных непервых слогов слова особенно ясно видна в тех случаях, когда падежная морфема манифестируется одной гласной фонемой (вин. *-i*~*-y*, дат. *-a*~*-ä*).

В целях обеспечения цельнооформленности падежной словоформы гласные непервых (аффиксальных) слогов в раннепратюркском (как и на более поздних этапах его развития) находились под двойным воздействием сингармонизма: во-первых, под воздействием правил сочетаемости с предшествующими согласными и, во-вторых, под воздействием гармонии гласных.

Как видно из материалов, привлекаемых к реконструкции (см. табл. 6—8), в падежных формативах чаще всего оказываются связанными зубно-носовой согласный *n* и узкий гласный (см. род. *-niŋ*~*-niŋ*, вин. *-ni*; здесь не учитываются явно вторичные, образовавшиеся под воздействием регрессивной ассимиляции алломорфы исх. *-nan, -naŋ*, равно как и ассимилятивные алломорфы род. п. *-diŋ, -tiŋ*; чувашский дат.-вин. *-na* вторичен). Между тем с аффрикатами *l* и *r* может быть связан гласный как узкий, так и широкий (*-ry, -ri*~*-ra; -la, -lä*~*-ly, -li, -lan, -län*). С аффрикатой *č*, как и со смычными *q, k, t*, здесь связан только широкий гласный (*-qa*/*-kä, -ta*/*-tä, -ča*/*-čä*).

Чрезвычайно знаменательно, что варьирование аффиксальных узкого и широкого гласного в раннепратюркском склонении приходится именно на неразвившиеся падежи, имеющие как бы характер наречных форм (напр. падежи на *-ry, -ri*~*-ra, -rä*; совместн. падежи на

-la-, lä~-ly, -li, -lan, -län), т.е на периферию системы склонения.

В центре же изучаемой системы для гласных, формирующих падежные аффиксы, строго проводится фонологическое противопоставление по одному признаку ширины раствора: узкий гласный / широкий гласный (признак ряда является нейтральным для фонологического противопоставления гласных непервых слогов, поскольку он используется в разных сингармонических моделях модификации падежных морфем и построения падежных словоформ[40]). На основе фонологического противопоставления гласных по признаку ширины раствора произведена следующая группировка падежных морфем: а) род. *-(n)in~-(n)iŋ, -(n)yn ~-(n)yŋ*; вин. *-(n)i~-(n)y*; б) дат. *-a, -ä;* дат.-напр. *-qa, -kä*; (исх.-) местн. *-ta, -tä*.

По Г. Хазаи, это противопоставление формулируется как противопоставление морфем I-класса морфемам A-класса [Hazai 1973, 392 сл.].

Монголисты, предполагая в качестве архетипа формативов вин. падежа в монгольских языках "гласный *-i*", считают, что "этот гласный *-i* каким-то образом генетически связывает вин. п. с родительным" [Санжеев 1953, 162—163].

В тюркских языках противопоставление падежных морфем I-класса и A-класса способствовало включению в его сферу также "периферийных" падежей: твор. *-(i|y)n* подключился к первой группе "центральных" падежных формативов (I-класс), напр.-продольн. падеж (напр. — по Б.А. Серебренникову и Н.З. Гаджиевой [1979]) *-ča, -čä* — ко второй их группе (A-класс).

Объективность произведенной фономорфологической группировки падежных морфем подтверждается тем, что материально она совпадает с общепринятым членением тюркских падежей по другому, семантико-функциональному признаку на "грамматические" и "пространственные" [Дмитриев 1948, 61].

Опираясь на произведенную фономорфологическую группировку падежных морфем, можно считать, что материалом оформления этих морфем уже в раннем тюркском праязыке служили две гласные морфонемы A и I. Манифестации этих морфем — "алломорфоны" (по терминологии В.И. Золхоева [1980, 24]), различавшиеся по признаку ряда (*a – ä, y – i*), служили для модификации состава фонем в падежных алломорфах при связывании их с основой в падежную словоформу.

[40] Н.Д. Дьячковский, исследовавший звуковой строй якутского языка, специально отмечает: "В неначальных слогах, которые обычно представляют собой живые или омертвелые аффиксы, гласные под ассимилирующим действием корневого гласного утрачивают признаки фонологического противопоставления по лабиальности и ряду" [1976, 20].

ДВА ЯЗЫКОВЫХ УРОВНЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ФОРМ РАННЕПРАТЮРКСКОГО СКЛОНЕНИЯ ИМЕН

В раннепратюркском мы стремились последовательно различать два языковых уровня представления соответствующих типовых словоформ — фономорфологический (фонологический) и морфологический (эту теоретическую проблему описания именного словоизменения выдвинул и разработал А.Н. Барулин [1979, 17 и сл.]. Только при таком различении становится осуществим индивидуализированный подход на фономорфологическом уровне к стыкующимся основе и падежному алломорфу в именной парадигме, равно как на фономорфологическом и морфологическом уровне — к стыкующимся разнокатегориальным алломорфам в посессивно-именной парадигме. Принятая методика позволяет при необходимости совершать межуровневый переход [см. там же].

На фономорфологическом уровне реконструкции принималось во внимание как противопоставление "согласное склонение — гласное склонение", так и действие сингармонизма в раннем тюркском праязыке. В табл. 6—8 гласные в падежных морфемах приводятся в обобщенном виде, с различением только их принадлежности к А-классу или I-классу. Сингармонические алломорфы для каждой морфемы могут быть определены при учете следующих факторов. Во-первых, необходимо учитывать, что, как признают тюркологи, "палатальная гармония (гласных. — *Г.Б.*) относится к числу праязыковых явлений и возникла задолго до распада тюркской языковой общности", между тем как губная гармония стала проявляться значительно позже [Щербак 1970_2, 121, 122]. Соответственно "вокализм аффиксов ограничивался только четырьмя фонемами — *а, э, ы, и*" [Серебренников, Гаджиева 1979, 10, см. также 26, 28]. Во-вторых, при определении числа алломорфов для каждого падежа необходимо учитывать структуру как самого падежного форматива, так и данного типа склоняемой основы.

На морфологическом уровне реконструкции учитывается взаимодействие двух противопоставлений, существенных для тюркского склонения, — "согласное склонение — гласное склонение" и "посессивно-именная парадигма — именная парадигма". Соответственно определяется характер межпарадигмных соотношений внутри раннепратюркского склонения, специфика парадигмной оппозиции, ее объем.

Опираясь на показания подавляющего большинства тюркских языков, древних и современных живых, представляется, что на раннепратюркское склонение можно переносить с полным правом почти тотальное для тюркских языков средство противопоставления двух парадигм, а именно посессивный *-n-* в посессивно-именной парадигме 3-го лица. По всей видимости, это средство в раннепратюркском было единственным, которое использовалось также для противопоставления внутри посессивно-именной парадигмы. Имеется в виду противопоставление 1 и 2-го лица 3-му лицу, без различения ед. и мн. числа принадлежности. Существование такого, весьма значимого для тюркских языков, противопоставления в сфере кате-

гории принадлежности объективно подтверждается тем, что оно может быть вычленено не только формально, но также и семантически [см. Бирюкович 1980, 7].

Другим средством, с помощью которого посессивно-именная парадигма в раннепратюркском противопоставлялась именной парадигме, был алломорф вин. п. *-(i)n, -(y)n*. Специфика парадигмной дистрибуции этого алломорфа в тот период состояла в том, что он распространялся на посессивно-именную парадигму в целом, включая 1 и 2-е лицо. Такая реконструкция подтверждается фактами языка древнейших тюркских руниче ских памятников, где *-(i)n, -(y)n* встречается в сочетании с аффиксами принадлежности не только 3-го лица, но также 1 и 2-го лица ед. числа, а также консервацией этого явления в якутском языке, где вин. *-yn, -in* закреплен за посессивно-именной парадигмой всех трех лиц ед. и мн. числа [ЯН СССР, 1966, 409]. Кроме того, аргумент в пользу вероятности древней парадигмной дистрибуции *-(i)n, -(y)n* получаем при анализе внутрипарадигмных соотношений в раннепратюркской посессивно-именной парадигме. Судя по тому, что аффикс 3-го лица не различался для ед. и мн. числа принадлежности, естественно думать, что в раннепратюркском частное противопоставление по признаку "ед. число — мн. число" принадлежности внутри посессивно-именной парадигмы не проводилось. Формирование этого частного противопоставления следует датировать позднепратюркским периодом, а активизировалось это противопоставление не ранее обособления различных групп тюркских языков, поскольку оно релевантно только в группе языков со склонением кыпчакского типа.

С учетом всего вышеизложенного выработаны некоторые фономорфологические и морфологические правила, помогающие реконструировать типовые падежные и падежно-посессивные словоформы в раннетюркском праязыке таким образом, что при этом обеспечивается непротиворечивая ("правильная") структура таких типовых словоформ.

ФОНОМОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВИЛА ПОСТРОЕНИЯ ПАДЕЖНЫХ СЛОВОФОРМ ПРИ РЕКОНСТРУКЦИИ

Фономорфологические правила, обеспечивающие непротиворечивую структуру именных падежных словоформ, а также посессивно-падежных словоформ, опираются, во-первых, на противопоставление "согласное склонение — гласное склонение", охватывающее не только именную, но и посессивно-именную парадигму, и, во-вторых, на действие сингармонизма в раннем тюркском праязыке.

Основы, оканчивающиеся на согласный, в именной парадигме (см. табл. 6) присоединяют:

а) алломорфы род. падежа, начинающиеся на узкий гласный: *-ın, -yn ~ -iŋ, -yŋ*; так же оформлялись имена, снабженные аффиксами принадлежности 1 и 2-го лица (они оканчивались на согласные); хотя ни в именной, ни в посессивно-именной парадигмах род. падеж не являлся еще падежом в полном смысле этого слова;

б) алломорфы вин. падежа, состоящие каждый из узкого гласного *-i* или *-y*;

в) алломорфы дат. падежа, состоящие каждый из широкого гласного *-a* или *-ä*; это правило распространяется также на имена с аффиксами принадлежности;

г) диалектные алломорфы напр. п. *-i-n, -y-n* (с соединительным узким гласным, как это представлено в реликтовых словоформах тофаларского языка);

д) алломорфы напр. п. *-ra, -rä ~ -ry, -ri*;

е) алломорфы усложненного напр. падежа, начинающиеся на широкий гласный: *-a-ry, -ä-ri*;

ж) алломорфы напр.-продольн. *-ča, -čä*;

з) алломорфы твор. падежа с узким гласным в анлауте: *-in, -yn*;

и) диалектные алломорфы совместн. п. *-la, -lä ~ -ly, -li; -lan, -län*.

Напр. падеж с алломорфами *-k,-q* в склонении основ на согласный не представлен, что хорошо согласуется с закрепленностью реликта этого падежа за основами на гласный в туркменских диалектах.

Вопрос об алломорфах исх.-местн. падежа требует предварительного обсуждения. В современных тюркских языках алломорфы местн. и исх. падежей в зависимости от позиции имеют в анлауте смычные звонкий *d* или глухой *t*. Вопрос о том, были ли возможны в тюркском праязыке в начале морфемы, в первую очередь — корневой морфемы, звонкие смычные согласные *d, b, g*, как известно, широко дискутируется в исторической тюркологии [см. об этом: Щербак 1970_2, 88—95; Серебренников, Гаджиева 1979, 30—31].

Тот же вопрос применительно к анлауту аффиксальных морфем остается пока открытым. А.М. Щербак реконструирует алломорфы местн. и исх. падежей только с глухим смычным *t* в анлауте [1977, 61]. При этом он, по всей видимости, исходит из выводов, сделанных им в области сравнительной тюркской фонетики, т.е. из того, что в конце многосложного слова "противопоставление глухих и звонких (resp. сильных и слабых)<согласных. — *Г.Б.*>нейтрализуется", "что в тюркском праязыке звонкие шумные согласные не противопоставлялись глухим (соответственно: слабые — сильным) и в конечной позиции и что, следовательно, признак глухости / звонкости (силы/слабости) не имел фонологического значения" [Щербак 1970_2, 101, 97]. В другой реконструкции падежных систем как раннепратюркского, так и позднепратюркского языка восстановлены алломорфы отложит. местн. (для раннепратюркского), местн. и исх. падежей (для позднепратюркского) как с глухим смычным *t*, так и со звонким *d* в анлауте, без уточнения условий использования тех и других алломорфов [Серебренников, Гаджиева 1979, 77, 88]. В разделе "Фонетика" эти авторы приходят к выводу, "что анлаутных звонких согласных в тюркском праязыке действительно не было" [Там же, 31], и отмечают, что в конце слова не встречались многие звонкие согласные, в том числе *g, d, b* [Там же, 37—38, 41, 44].

Учитывая реконструируемые компаративистами закономерности анлаута корневых и аффиксальных слогов слова, а также консонантного ауслаута корневых морфем, в предлагаемой реконструкции

Таблица 6

Раннепратюркское склонение. Именная парадигма (основы на согласный)

Падежи	Языки (по типу склонения)		
	раннепратюрк.	рун.	др.-уйг.-кыпч.
Род.	[*-*In* ~ *-Inˌ*]	*-In* ~ *-Inˌ*; *-Ig* ~ *-Iγ*	*-nIŋ*; после *n, r, m* — *-Iŋ*
Вин.	*-*I*	*-Ig* ~ *-Uγ*	*-Ig* ~ *-Uγ* (в МК реже *-nI*; в КБ чаще *-nI*)
Дат.	*-*A*	*-qa* ~ *-kä* (в енис. пам. редко *-γa*)	*-qa* ~ *-kä* ~ *-γa* ~ *-gä* (после *m* – *-qa*, *-ka*) В др.-уйг. (Gabain 1950) после *q, g, ŋ* – *-a*, *-ä*
Напр.	*-*rA* ~ *-rI*	*-rA* в нареч. места; *-rI*, *-rU* в нареч. места и отд. словоформах	*-rA* в нареч. места, в МК также в отд. словоформах; *-ru* в нареч.
	*-*A* + *-rI*	*-γArI*, *-gArI*	*-γArU*, *-gArU* в пад. словоформах (редко) и нареч.
	диал. *-*In*	–	*-In* в единичн. словоформах в МК
Напр.-продольн.	диал. *-*čA*	*-čA* в нареч. уподобл., способа, меры	*-čA* в нареч.
Исх.-местн. (в раннепратюрк.; позднее – местн.)	*-*tA*	после звонких согласных *-dA*; после глухих *l, n, r -tA*	*-dA* ~ *-tA*
Твор.	диал. *-*In*	*-In* в пад. словоформах и нареч.	*-In* в отд. пад. словоформах, нареч. времени
Совместн.	*-*lA* ~ *-lI* *-*lAn*	*-lA* в послелогах; *-lI*...*-lI* соед. афф.	*-lA*, *-lAn* в послелогах; *-lI*...*-lI* соед. афф.

	Языки (по типу склонения)			
	уйг.-кыпч.	огуз.	кыпч.	карлук.
	-nIŋ ~ -tIŋ	*-In ~ -Iŋ; -Un ~ -Uŋ*	*-nIŋ ~ -tIŋ ~ dIŋ*; кар., кирг. *-nIn*	*-nIŋ*
	-nI ~ -tI	*-I ~ -U*	*-nI ~ -tI ~ -dI*	*-nI*
	-γa, -gä ~ -qa, -ka; хак., шор. после *m, n, ŋ – -A ~ -gA*, после *q, k, g, γ – -A*; чул. *-A ~ -ga*	*-A*	*-qa, -kä ~ -γa, -ga*; кирг. так же, иногда *-A* (фонетич. позиция не определена)	*-gA ~ -γA*
	-rA, -rI в нареч. и послелогах	*-rA, -rI* в нареч. места и послелогах	*-rA, -rI* в нареч. места и послелогах	*-rA, -rI* в нареч. и послелогах
	-γArI, -qArI в нареч.	в тур., туркм. *-ArI* в составе полн. именн. формы, в туркм. так же нареч.; в тат. нареч. *-ArI* и *-Ar + dAn, -Ar + -dA*; в аз. *-ArI* нареч.	кар. нареч. *-qArI/ -hArI*; *-qAr + -tIn/ -hAr + tIn/-γAr + -tIn/ -kAr- + tIn*; кбалк. нареч. *-hArI*; кирг. нареч. *-gArU*	в узб. *-qArI, -kArI* в составе полн. именн. формы, в нареч.
	тоф. *-Un ~ -In* в единичн. реликт. словоформах		башк., тат. *-Iн* в единичн. нареч. места	
	-čA в нареч.	*-čA* в нареч.	*-čA* в нареч.	*-čA* в нареч., *-gA – -čA* (предел в простр. и времени)
	-dA ~ -tA; сюг. *-tA ~ -dA* после сонантов	*-dA ~ -tA*	*-dA ~ -tA*	*-dA ~ -tA*
	-In в нареч.	*-In* в нареч. времени	*-In* в нареч.	*-In* в нареч., диал. также при именах действ. *-mak*
	-lA, -lI в послелоге, нареч.; инновации: чул. твор. *-wAlA ~ -wylA*; хак. орудн. *-nAŋ*; шор. орудн. *-nAŋ*	*-lA, -lI* в послелоге, нареч., чув. твор. *-pA, -pAlA* - инновация	каз. *-lI... -lI* соед. афф.; башк. *-lI... -lI* в нареч.; инновации: алт. твор.-инстр. *-lA*; каз. твор. *-men ~ -ben ~ -pen*; кар. инстр. *-bA*	*-lA* в послелоге, нареч.

Таблица 7

Раннепратюркское склонение. Именная парадигма (основы на гласный)

Падежи	Языки (по типу склонения)		
	раннепратюркск.	рун.	др.-уйг.-кыпч.
Род.	[*-*n* ~ -n_3]	-*nIŋ*	-*nIŋ*; в *n*-диал. [Gabain 1950, 87] -n_3 ~ -*nIŋ* ~ -*nAŋ*
Вин.	диал. * -*g* ~ -*γ*	-*g* ~ -*γ*	-*g* ~ -*γ*; -*nI*
Напр.	диал. * -*k* ~ -*g*	–	–
Дат.-напр.	* -*qA* ~ -*ka*	-*qa* ~ -*kä*; -*jA* в нареч. места (редко)	-*γa*, -*ga* ~ -*qa*, -*kä*
Напр.	* -*rA*; * -*rI*	-*rA* в нареч. места и послелогах; -*rI*, -*rU* в редких пад. словоформах, в нареч.	-*rA* в КБ в нареч. места; в МК в нареч. и отд. пад. словоформах (*baš-ra'* по голове, *köz-ra'* по глазам'), -*rU* в нареч.
	**qA* + -*rI*, -*kA* + *rI*	-*γArU*/-*gArU* в пад. словоформах и нареч. места	-*γArU*, -*gArU* в отд. словоформах (очень редко), нареч.
	* диал. -*n*	–	–
Напр.-продолын.	* диал. -*čA*	-*čA*	-*čA*
Исх.-местн. (в раннепратюркск; позднее — мест.)	* -*tA*	-*dA* ~ -*tA*	-*dA* ~ -*tA*
Твор.	* диал. -*n*	*n* в пад. словоформах и нареч.	-*n* в пад. словоформах и нареч.
Совместн.	* -*lA* ~ -*lI* * -*lAn*	-*lA* в послелогах; -*lI*... -*lI* соед. афф.	-*lA*, -*lAn* в послелогах; -*lI*... -*lI* соед. афф.

Языки (по типу склонения)			
уйг.-кыпч.	огуз.	кыпч.	карлук.
-nIŋ ~ -tIŋ	*-nIn ~ -nIŋ, -nUn ~ ~ -nUŋ*; в диал. *-n ~ ~ -ŋ* (с удлинением конечного гласного основы)	*-nIŋ*; кар., кирг. *-nIn*	*-nIŋ*
-nI	*-nI ~ -jI*	*-nI*	*-nI*
–	туркм.диал. *- k ~ ~ -g* (удлинением конечного гласного основы), то же в нареч.	кум. в составе единичн. нареч. *-q*	–
-γa, -gä; тоф. *-A* после кратких гласных, *-gA* – после долгих	*-A : ~ -jA*	*-γa, -gä ~-qa, -kä*	*-γA, -gA ~ -qA, -kA*
-rA ~ -rI – в нареч. и послелогах	*-rA ~ -rI* в нареч. места и послелогах	*-rA ~ -rI* в нареч. места и послелогах	*-rA, -rI* в нареч. места и послелогах
-γArI, -qArI, тоф. *-qArI ~ -qA :rI* в нареч.	*-A : rI* в составе полн. именн. формы и в нареч.	кар. в нареч. *-γArI, -γAr + -tyn*	*-γArI ~ -gArI* в составе полн. именн. формы и в нареч.
тоф. *-n* в единичн. реликт. словоформах	–	в ног. в единичн. послелоге (*-γa + -n*)	–
-čA в нареч.	*-čA* в нареч.	*-cA* в нареч.	*-čA* в нареч.; *-gA-čA* (предел в простр. и времени)
-dA; сюг. *-dA ~ -tA*	*-dA ~ -tA*	*-dA ~ -tA*	*-dA*
-n в нареч.	*-n* в нареч.	*-n* в нареч.	*-n* в нареч.
-lA, -lI в послелоге, нареч.; чул.твор. *-wAlA ~ WylA*; хак. оруд. *-nAŋ*, шор. оруд. *-nAŋ*	*-lA, -lI* в послелоге, нареч.; чув .твор. *-pA, -pAlA*	алт. твор.-инстр. *-lA*; каз. *-lI... -lI* соед. афф.; башк. *-lI... -lI* в нареч.; каз. твор. *-men ~ -ben ~ -pen*; кар. инстр. *-bA*	*-lA* в послелоге, нареч.; *-lAn* в послелоге

для основ на согласный восстанавливаются алломорфы исх.-местн. падежей с глухим смычным *t* в анлауте. При этом принимается во внимание также, что алломорфы с начальным *t* в руническом были представлены и после сонорных *l, n, r* [Кононов, 1980, 157].

Исходя из признания того, что в конце многосложного слова противопоставление глухих и звонких согласных нейтрализуется [Щербак, 1970_2, 101]. те же алломорфы исх.-местн. падежа с глухим смычным *t* в анлауте *восстанавливаются и для посессивно-именной* парадигмы.

Основы, оканчивающиеся на гласный, в именной парадигме (см. табл. 7) получают:

а) алломорфы род. п.-*n* ~ -*ŋ*;

б) диалектные алломорфы вин. п. -*g*, -*γ*, имевшие территориально весьма ограниченное распространение; частотность этих алломорфов ограничивалась за счет того, что основы на гласный в количественном отношении сильно уступали основам на согласный;

в) диалектные алломорфы напр. п. -*k*, -*q*;

г) алломорфы усложненного дат.-напр. п. -*k-ä*, -*q-a*, где -*k*, -*q* — алломорфы древнего напр. падежа, предназначенные для основ на гласный; -*a*, -*ä* — алломорфы дат. падежа для основ на согласный [Серебренников, Гаджиева 1979, 80]. Только впоследствии, после утраты напр. падежа на -*q*, -*k* тюркскими языками, произошла десемантизация и озвончение начальных аффиксальных *q, k*, в результате чего эти компоненты в составе алломорфов дат.-напр. падежа по своему статусу были приравнены языковым сознанием к вставным элементам (см., например, вставные *g, γ* в причастиях на -*gän*, -*γan*). Типологически такому переосмыслению содействовало также существование вставного *g* в монгольской падежной системе;

д) диалектный алломорф напр. п. -*n*;

е) алломорфы напр. п. -*ra*, -*rä* ~ -*ry*, -*ri*;

ж) алломорфы усложненного напр. п. -*k-ä-ri*, -*q-a-ry*, в составе которых вычленяются напр. п. -*k*, -*q* и -*ri*, -*ry*, а также дат. -*a*, -*ä*;

з) алломорфы напр.-продольн. п. -*ča*, -*čä*;

и) алломорф твор. п. -*n*;

к) диалектные алломорфы совместн. п. -*la*, -*lä* ~ -*ly*, -*li*; -*lan*, -*län*;

л) алломорфы исх.-местн. п. -*ta*, -*tä*. В соответствии с постулируемой нейтрализацией глухих и звонких согласных в тюркском праязыке принимается гипотеза о том, что алломорфы исх.-местн. падежа, имеющие в анлауте глухой смычный *t*, распространились на основы с гласным в окончании, которые в количественном отношении явно уступали основам на согласный (именная парадигма). Эти же алломорфы распространились на посессивно-именную парадигму 3-го лица, причем реальность морфемосочетания -*I-n-tA* поддерживается здесь обычностью консонантного звукосочетания *nt* в языке тюркских рунических и древнеуйгурских памятников.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВИЛА ПОСТРОЕНИЯ ПАДЕЖНЫХ СЛОВОФОРМ ПРИ РЕКОНСТРУКЦИИ

Морфологические правила, обеспечивающие непротиворечивую структуру главным образом посессивно-падежных форм, опираются на взаимодействие двух противопоставлений: "согласное склонение — гласное склонение" и "посессивно-именная парадигма — именная парадигма".

Имена, снабженные аффиксами принадлежности 1 и 2-го лица и оканчивающиеся поэтому на сонорные *-m, -n ~ -ŋ* (см. табл. 8), присоединяют:

а) алломорфы род. падежа, начинающиеся на узкий гласный: *-in, -yn ~ -iŋ, -yŋ;*

б) алломорфы вин. падежа, начинающиеся на узкий гласный: *-in, -yn;*

в) алломорфы дат. падежа, состоящие каждый из одного широкого гласного: *-a, -ä;*

г) алломорфы исх.-местн. падежа, имеющие в анлауте глухой смычный *t*: *-ta, -tä.*

Имена, снабженные аффиксом принадлежности 3-го лица и в силу этого оканчивающиеся на узкие гласные *-i* или *-y*, присоединяют:

а) алломорфы род. падежа с вычленяемым показателем посессивности *n* в их составе: *-n-in, -n-yn ~ -n-iŋ, -n-yŋ;*

б) алломорф вин. п. *-n;*

в) алломорфы дат. п., состоящие каждый из одного широкого

Таблица 8

Раннепратюркское склонение. Посессивно-именная парадигма

Падежи	Языки (по типу склонения)				
	раннепратюрк.		рун.		
	1, 2 л.	3 л.	1, 2 л. ед. ч.	3 л.	1, 2 л. мн. ч.
Род.	[*-*In* ~ -*Iŋ*]	[*-*nIn* ~ -*nIŋ*]	[-*In* ~ -*Iŋ*]	-*nIn* ~ -*nIŋ*	–
Вин.	*-*In*	*-*n*	-*In*	-*n*	-*nI*
Дат.	*-*A*	*-*n-A*	-*A* (в енис. пам. -*A* ~ -*qA* ~ -*kA*)	-*n-gA* (-*ŋA*), -*n-γA* (-*ŋA*); в енис. пам. ~ -*n-A*	-*qA*, -*kA*
Напр.	*-*rI* (?)	*-*n-rI* (?)	-*rI* (~ -*ArI*?)	–	–
	*-*γArI*	*-*n-γArI*	-*ArU*	-*ŋArU*	–
Напр.-продольн.	*-*ǰA*	*-*n-ǰA*	–	–	–
Исх.-местн.	*-*tA*	*-*n-tA*	-*tA*	-*n-tA*	–
Твор.	*-*In*		-*In* (редко)		-*In* (редко)

Таблица 8 (продолжение)

Падежи	Языки (по типу склонения)					
	др.-уйг.-кыпч.			уйг.-кыпч.		
	1, 2 л. ед. ч.	3 л.	1, 2 л. мн. ч.	1, 2 л. ед. ч.	3 л.	1, 2 л. мн. ч.
Род	*-nIŋ*	*-nIŋ*	*-nIŋ*	*-nIŋ* ~ *-tIŋ*	*-nIŋ* ~ *-nUŋ*	*-tIŋ* (1 л. мн. ч.); *-nIŋ*
Вин	*(-In~)-nI*	*-n* (~ *-nI*)	*-nI*	*-nI* (тоф. *-nI~ -n*)	*-n* ~ *-nI*	*-nI* ~ *-tI* (1 л. мн. ч.) *-nI*
Дат	*-qA, -gA* (~ *-A*)	*-n-γA* (*-ŋA*), *-n-gA* (*-ŋA*)	*-qA, -kA/-γA, -gA*	*-γA* ~ *-gA*	*-n-γA* (*-ŋA*) ~ *-n-gA* (*-ŋă*)	*-qA, -kA* ~ *-γA, -gA*
Напр.	–	–	–	–	–	–
	–	–	*-γArU*	–	–	–
Напр.-продольн.	*-čA*	*-n-čA*	–	–	–	–
Местн.	*-dA*	*-n-dA*	*-dA*	*-dA*	*-n-dA*	*-tA* ~ *-dA*
Твор.	–	–	–	чул. *-wAlA* ~ *-wylA*; хак. *-nAn*, шор. *-bA/-mA*		

Таблица 8 (продолжение)

Падежи	Языки (по типу склонения)						
	огуз.			кыпч.			карлук.
	1, 2 л. ед. ч.	3 л.	1, 2 л. мн. ч.	1, 2 л. ед. ч.	3 л.	1, 2 л. мн. ч.	1–3 л. ед. и мн. ч.
Род.	*-In~-Iŋ*	*-nIn* ~ *-nIŋ*	*-In~-Iŋ*	*-nIŋ*; кар., кирг. *-dIn*	*-nIŋ*; кар., кирг. *-nIn* кбалк. *-nI*	*-nIŋ* ~ *-dIŋ* ~ *-tIŋ*; кирг.,кар. *-dIn*	*-nIŋ*
Вин.	*-I*	*-nI* ~ *-n*	*-I*	*-nI* ~ *-dI*; кум., кбалк. род.-вин. *-I*	*-n* (в т.ч. кбалк.); кум. род.-вин. *-n*	*-nI* ~ *-dI* ~ *-tI*	*-nI*
Дат.	*-A*	*-n-A*	*-A*	*-A*; алт. *-A* ~ *-gA*; бараб. *-A* ~ *-γA*	*-ŋ-A*	*-γA* ~ *-gA* ~ *-kA*	*-gA*
Напр.	–	–	–	–	–	–	–
	–	–	–	–	–	–	–

Таблица 8 (окончание)

Падежи	Языки (по типу склонения)						
	огуз.			кыпч.			карлук.
	1, 2 л. ед. ч.	3 л.	1, 2 л. мн. ч.	1, 2 л. ед. ч.	3 л.	1, 2 л. мн. ч.	1–3 л. ед. и мн. ч.
Напр.-продолн.	–	–	–	–	–	–	*-čA*, *-gA-čA*
Местн.	*-dA*	*-n-dA*	*-dA*	*-dA*; сал. *-tA*	*-n-dA*, сал. *-n-tA*	*-dA*, сал. *-tA*	*-dA*
Твор.	чув. *-pA*, *-pAlA*			кар. *-bA*; *-pen*; алт. *-lA*	каз.- *men* ~ *-ben* ~		–

гласного — *-a*, *-ä*; им предшествует посессивный *n*, который здесь может быть приравнен к вставному элементу;

г) алломорфы исх.-местн. падежа с глухим смычным *t* в анлауте; им предшествует посессивный *n*, который здесь фонетически никак не оправдан.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РАННЕПРАТЮРКСКИХ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ НА ФОНОМОРФОЛОГИЧЕСКОМ И МОРФОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЯХ

Основной падеж, как и в современных живых тюркских языках, не имеет показателя и совпадает по форме с основой имени, а в посессивно-именной парадигме — с именем, снабженным соответствующим аффиксом принадлежности.

Родительный падеж. Вопрос о том, был ли представлен род. падеж в системе раннепратюркского склонения, в тюркской компаративистике решается неоднозначно. С учетом семантико-функциональных особенностей этого падежа, возможности его замены так называемой изафетной конструкцией, а также фактов якутского языка, которому род. падеж не свойствен, была сформулирована гипотеза о том, что род. падеж "на ранних стадиях существования тюркского праязыка полностью отсутствовал" [Серебренников, Гаджиева 1979, 78].

Г. Рамстедт, М. Рясянен, напротив, не сомневаются в изначальности род. падежа в тюркских языках; при этом они широко привлекают материалы тех языков, которые сторонниками алтайской или урало-алтайской теорий языкового родства признаются родственными. Действительно, во многих из этих языков можно усмотреть известную материальную близость формативов род. падежа.

По мнению М. Рясянена, "первоначально древнетюркским суффиксом должен был быть *n* (или *ń*?)<...> Явно родствен уральскому генетиву на *ŋ*?*ń* (и инструктиву *n*) и, вероятно, первоначально окончанию прилагательного<...> После консонантических основ вставлялся соединительный гласный... Этот *n* уже в древнетюркском развился в *ŋ*" [Räsänen 1957, 56—57].

В корейском, считает Г. Рамстедт, "как согласный элемент *j*, так и удвоение восходят, видимо, к слабому смягченному *-ń*", а "в маньчжурском исконное окончание род. падежа четко проявляется в виде *-i, -ni*" [Рамстедт 1957, 35].

Не менее показательны и факты монгольских языков, где, по мнению Г.Д. Санжеева, все формативы род. падежа "сводимы к тому или иному сочетанию "гласный (*ī*~*i*~*ā*~дифтонг) + согласный *n*" [1953, 160]. Н. Поппе возводит все монгольские формативы род. падежа непосредственно к **-n* [Poppe 1977, 57].

Как представляется, при решении вопроса о род. падеже в раннепратюркском нельзя не принимать во внимание изложенные факты языковой типологии (наличие род. падежа в алтайских и урало-алтайских языках), а также известную материальную близость морфем род. падежа в ряде алтайских, а также некоторых урало-алтайских языках. Заметим в этой связи, что, хотя в индоевропейской компаративистике высказывается предположение, что "единая модель форматива (род. падежа. — *Г.Б.*) в общеиндоевропейском отсутствовала" [СГГЯ 1963, 153], однако вопрос о полном отсутствии род. падежа здесь не ставится.

Считать *вполне* вероятным существование род. падежа в раннепратюркском позволяет также факт тотального распространения этого падежа в тюркских языках и диалектах, древних и современных живых, фиксации этого падежа в самых древних тюркских текстах.

Морфему род. падежа генетически связывают с формами принадлежности (в частности, 2-го лица ед. числа [Кононов 1980, 161]), с которыми этот падеж сопряжен своим особым положением в тюркских языках. Это особое положение род. падежа проявляется в том, что "образующий его аффикс функционирует не сам по себе, а как один из элементов двустороннего выражения связи имен" [Щербак 1977, 35]. В более ранней работе, учитывая эту специфику род. падежа, А.М. Щербак даже предлагал именовать его "формой сопряженного состояния" [1962, 112 и сл.].

Разделяя гипотезу А.Н. Кононова о генетической связи морфемы род. падежа с формами принадлежности, мы предлагаем поставить вопрос шире — о генезисе род. падежа в целом. С точки зрения такого подхода происхождение морфемы род. падежа следует связывать с категорией принадлежности не непосредственно, а через словоизменение личных местоимений, в составе которых впервые аффиксы принадлежности могли быть использованы для выражения "сопряженного состояния".

Подтверждением этой внутренней, генетической связи род. падежа со словоизменением личных местоимений могут служить весьма характерные ограничения в лексемном охвате род. падежа, который в языке тюркских рунических памятников (у Кононова ТРП) закреплен за классом лиц: "Форму род. п. принимают в ТРП только имена существительные, обозначающие лицо или совокупность лиц (например, *bodun* 'народ')" [Кононов 1980, 161]. Разумеется, совсем не случайно, что подобное же ограничение в лексемном охвате и функционировании род. падежа отмечено также в корейском языке — здесь род.

падеж используется "лишь в тех случаях, когда речь идет о принадлежности человеку" [Рамстедт 1957, 35].

Исходя из таких знаменательных совпадений для древнетюркского и корейского род. падежа (ограничения в лексемном охвате по признаку личности имен), можно хронологизировать процессы формирования род. падежа периодом, предшествующим сложению раннепратюркского языка. Вместе с тем можно предполагать наличие формировавшегося род. падежа в местоименной парадигме, а под ее индуцирующим воздействием — также и в именной и посессивно-именной парадигмах раннепратюркского склонения. На этом этапе еще обнаруживается большое материальное сходство алломорфов род. падежа (для основ как на гласный, так и на согласный) с алломорфами показателя принадлежности 2-го лица. Здесь восстанавливаются:

а) *-In ~ -Iŋ* для основ на согласный, а также для имен с аффиксами принадлежности, причем для 3-го лица — с посессивным *-n-;*

б) -n ~ -ŋ для основ на гласный.

Алломорфы род. падежа с зубно-носовым *n* и заднеязычным носовым *ŋ* в ауслауте восстанавливаются в раннепратюркском на правах диалектных вариантов. Ср. реконструкцию общетюркского род. п. *-iŋ* [Щербак 1977, 61], хотя зубно-носовой согласный *n* рассматривается тюркологами в числе древнейших, в то время как степень древности заднеязычного носового *ŋ* остается не вполне ясной, а на основании данных, относящихся к частоте его употребления и дистрибуции, делается вывод о вторичности *ŋ* [Щербак 1970_2, 81, 82]. М. Рясянен полагал, что конечный др.-тюрк. *ŋ* в корневых морфемах восходит к **ŋ* "монгольско-тюркского праязыка", а переход *ŋ>n* в турецком литературном языке и его диалектах не является древним [Рясянен 1955, 168, 169]. Что же касается аффиксальных морфем, то, по его мнению, "**-n>-ŋ* в форме род. падежа уже в древнетюркском языке и теперь в большинстве наречий (точнее языков. — *Г.Б.*); по-видимому, в местоименном склонении: *säniŋ;* татарский и киргизский языки сохранили зубно-носовой его вариант" [Там же, 177][41].

Восстанавливая оба варианта, мы принимали во внимание, что именно алломорфы с заднеязычным *ŋ* получили в тюркских языках почти тотальное распространение. Между тем алломорфы с зубно-носовым *n* закреплены в основном за тюркскими языками юго-западного региона — турецким, гагаузским, азербайджанским, крымскотатарским. Изоглоссы алломорфов на *-n* за пределами юго-западного региона образуют разрозненные островные ареалы — в Литве и на Украине (караимский язык), в Поволжье (чувашский) и Средней Азии (киргизский).

Восстанавливая род. падеж в раннепратюркском, важно вместе с тем правильно определить его положение в системе склонения того времени. Судя по языковым данным древнейших памятников тюркской письменности, это положение не было вполне идентичным современному. Помимо характерных ограничений в лексемном охвате род.

[41] В А. Богородицкий [1925, 14], напротив, считал, что *ŋ>n*, и объяснял этот переход влиянием исх. падежа.

падежа по признаку личности имен отметим также известные ограничения в его частотности, зафиксированные раннесредневековыми текстами разных жанров. Так, например, в поэме "Кутадгу билиг" и первом диалектном словаре "Дивану лугат ит-турк" Махмуда Кашгарского ограничений для род. падежа по признаку личности уже не наблюдается, но частотность этого падежа все же заметно ниже, чем в современных тюркских литературных языках. Это объясняется тем, что в раннесредневековых текстах более широко употреблялся осн. падеж, в том числе и в функциях, которые в настоящее время закреплены за род. падежом (например, в различных изафетных конструкциях) — [см. также Щербак 1961, 86].

Приведенные факты ограничений для род. падежа по признаку личности, ограничений функционального порядка, а также его ограниченной частотности в языке древних и раннесредневековых тюркских текстов свидетельствуют о том, что род. падеж по положению, занимаемому им в системе раннепратюркского склонения, мог относиться скорее к периферии этой системы, чем в ее центру; в этом сказалась его изначальная связь со словоизменением местоимений лишь одного разряда — личных местоимений.

Винительный падеж. Среди тюркологов имеет распространение давнее воззрение, в соответствии с которым древнейшей разновидностью показателя вин. падежа признается афф. *-уу*. Важнейший аргумент в пользу этого — широкое употребление *-уу* в тюркских рунических памятниках, при том что форма вин. падежа на *-у* здесь отсутствует, несмотря на наличие четко выраженных языковых особенностей "южного типа". Опираясь на показания тюркских рунических памятников, сторонники *-уу* как древнейшего показателя вин. падежа считают в то же время возможным без какой-либо аргументации допустить, что в древности этот показатель использовался одинаково для всех имен. Такое допущение, однако, противоречит языковым фактам тюркских рунических памятников и раннесредневековых текстов, где вин. *-уу* совершенно четко закреплен за простыми именами-субстантивами (т.е. за именной парадигмой) и не употребляется в составе посессивно-падежных форм, а с местоимениями встречается лишь в порядке исключения (это подчеркивается низкой частотностью таких форм и строгими ограничениями в их текстовом распределении).

Между тем именно допущение об использовании вин. *-уу* "одинаково для всех имен" позволяет сторонникам этого воззрения "без каких-либо трудностей с точки зрения фонетики тюркских языков" выводить *-у* из *-уу*, а также сближать с *-уу* вариант *-ну*. Известно, что В.В. Радлов категорически отрицал возможности таких сближений [Radloff 1897, 77, 85]. Невозможность выведения вин. *-у* из *-уу* с точки зрения фонетической убедительно показана с помощью фактов тувинского и хакасского языков [Серебренников, Гаджиева 1979, 79].

Выведение *-у* из *-уу*, сближение *-ну* с *-уу* сомнительны также в свете результатов системного анализа тюркского склонения, учета его структурных параметров — парадигмной дистрибуции, внутрипарадигмных и межпарадигмных соотношений. Никоим образом нельзя упускать

из виду, что парадигмная дистрибуция *-уу, -ну, -уп* в тюркских рунических памятниках, а также *-у* в раннесредневековых текстах была различной и эти различия строго соблюдались как авторами эпитафий и литературных текстов, так и составителем первого, древнейшего диалектного словаря тюркских языков Махмудом Кашгарским. Древнетюркские межпарадигмные соотношения по признаку различного оформления вин. падежа в именной, посессивно-именной и местоименной парадигмах нарушаются при попытке выведения *-ну* из морфемосочетания "показатель посессивности *-п*+вин. *-уу, -ig*": в памятниках не засвидетельствованы примеры, где бы *-уу, -ig* выступал в посессивно-именной парадигме.

Не менее показательны ограничения во временно́м и территориальном распространении вин. *-уу, -ig*. Жизнь этой формы резко оборвалась в раннем средневековье. Еще в XI в. это была форма, обладавшая высокой частотностью употребления (не одинаковой для текстов различных жанров), а в конце XII в. или самом начале XIII в. ("Атабат ул-хакаик" Югнаки) она превратилась в изолированный архаизм со сверхни́зкой частотностью. Хроноизоглоссы вин. *-уу, -ig* четко связываются с южносибирским и центральноазиатским регионами и отчасти с прилегающими к этому последнему окраинами юго-восточного региона.

Древнетюркский вин. *-уу, -ig* признается тождественным монгольскому вин. падежу [Рамстедт 1957, 37]. Необходимо, однако, считаться с тем, что в качестве архетипа формативов вин. падежа монголисты склонны "предполагать гласный *-i*, тогда как *г*~*j* является всего лишь вставочным согласным ("буфером") между двумя гласными (конечным гласным основы и гласным формативом *-i*)" [Санжеев, 1953, 162; там же см. таблицу формативов вин. падежа в монгольских языках; ср. Рамстедт 1957, 37]. По Г. Рамстедту, "гласный *-i, -i* — исконное окончание винительного падежа" и в других алтайских языках (корейском и тунгусском) [Рамстедт 1957, 38].

Вслед за Б.А. Серебре́нниковым и Н.З. Гаджиевой мы восстанавливаем в раннем тюркском праязыке алломорфы вин. п. *-I* для имен, оканчивающихся на согласный (именная парадигма), и для личных местоимений (местоименная парадигма). Еще одно основание для такой реконструкции — это тотальное распространение вин. *-i, -у* во всех трех парадигмах склонения огузского типа, а также использование этих алломорфов в местоименной парадигме ед. числа большинства тюркских языков и в посессивно-именной парадигме 1 и 2-го лица ед. числа кумыкского и карачаево-балкарского языков.

Для имен, оканчивающихся на гласный (именная парадигма), допускается существование диалектных алломорфов вин. п. *-у, -g*.

В посессивно-именной парадигме реконструируются алломорфы *-уп, -in, -n*.

Сложность парадигмных соотношений при выражении вин. падежа в раннепратюркском явилась стимулом для последующей перестройки этого звена системы тюркского склонения, скорее всего — в период после распада общетюркского языка (возможность такой перестройки подтверждается тем ,что межпарадигмные соотношения

именно в этой своей части не раз подвергались изменениям в исторически обозримые периоды).

Известные затруднения при восстановлении вин. *-I* в именной парадигме склонения раннепратюркского языка связаны с отсутствием соответствующих алломорфов в именных падежных словоформах языка тюркских рунических памятников (если принять реконструкцию личных местоимений 1 и 2-го лица ед.ч. в виде *пән>бән, сән* [Щербак 1977, 127; Серебренников, Гаджиева 1979, 139], то следует признать, что вин. *-i* зафиксирован в тюркских рунических памятниках в словоформах вин. падежа *beni, seni* [Кононов 1980, 165]). Допустимо, однако, предположить, что древнейшие письменные фиксации, выполненные на безусловно обработанном литературном языке [Тенишев 1976₃, 165—171], не покрывали и не могли покрыть всего языкового многообразия тюркоязычного мира. Подтверждением этому являются те ограничения в текстовом распределении, которые сохранились за вин. *-i, -y* в раннесредневековых текстах, происходивших из центральноазиатского региона и сопредельных с ним территорий юго-восточного региона.

Пространственные падежи в раннепратюркском включали в свой состав целый ряд недоразвившихся падежей, словоформы которых находились на границе падежных форм и наречий (неслучайно рефлексы этих форм в современных тюркских языках представлены именно наречиями, а также послелогами). Имея недостаточно абстрагированное, не в полной мере специализированное грамматическое значение, такие недоразвившиеся падежи явно относятся к периферии системы склонения. Недаром К. Броккельман особо подчеркивал, что такие падежи, как экватив, директив, стоят "в еще свободных отношениях к падежной системе" и часто не имеют твердо запечатленного окончания [Brockelmann 1954, 157].

Существует также мнение, что многообразие пространственных и особенно направительных падежей "отражает диалектное дробление тюркского праязыка, и различные направительные падежи принадлежали отдельным диалектам и не были достоянием какой-то общей падежной системы" [Серебренников, Гаджиева 1979, 79].

Дательный падеж на *-A* был, по всей видимости, наиболее древним и наиболее грамматичным из всех пространственных падежей. Нельзя не принимать во внимание, что, как отмечает Г. Рамстедт, во всех алтайских языках, кроме тунгусского, отчетливо распознается дат. падеж (в монгольских и корейском языках — дат.-местн. падеж) с окончанием *-a~-ai* и его вариантом *-ga~-gai* [Рамстедт 1957, 39]. В монгольском классическом языке этот падеж, форматив которого состоит из одного гласного *ā~ē*, "имеет преимущественно локативное значение <...>, но часто этот падеж употребляется и со значением дательного" [Санжеев 1953, 168]; в современных монгольских языках древние образования на *-ā, -ē* часто встречаются в послелогах, некоторых глагольных формах и т.д. [Рамстедт 1957, 39]; **-a* выступает в качестве компонента некоторых составных аффиксов [Poppe 1977, 66]. Дат. п. *-A* и в раннепратюркском мог входить

в состав двух- и трехморфемных падежных показателей, сочленяясь с напр. падежами на *-q, -k, -rI*, имевшими более конкретные значения; см. дат.-напр. *-q-a, -k-ä* или напр. *-A-rI, -q-a-ry, -k-ä-ri*.

Находя суф. *-a* и *-qa/-ya* в тюркских и монгольских языках, Н. Поппе предположил, что некий общий для этих языков суффикс должен был расщепиться надвое в древние времена, поскольку функции названных суффиксов в монгольских и тюркских языках не вполне идентичны [Poppe 1977, 67].

Алломорф дат. п. *-A* в раннепратюркском был закреплен, во-первых, за той частью именной парадигмы, которая охватывала склонение имен, оканчивающихся на согласный, и, во-вторых, — за посессивно-именной парадигмой. Благодаря этому парадигмная дистрибуция алломорфа *-A* характеризуется здесь симметричностью.

Для 3-го лица используется посессивный *n*, благодаря которому алломорф *-A* присоединяется к имени с аффиксом принадлежности 3-го лица, оканчивающимся на гласный, не нарушая правил слоговой структуры тюркской словоформы.

Как можно видеть из табл. 6—8, алломорфы дат. п. *-A* примерно с такой же парадигмной дистрибуцией представлены в современных тюркских языках со склонением огузского типа. Здесь наблюдается даже некоторое расширение сферы их употребления за счет того, что основы на *-a*, также присоединяя алломорф *-A*, получают компенсаторную долготу в ауслауте. Сохранившиеся в языках со склонением кыпчакского типа алломорфы дат. п. *-A* превращены в средство противопоставления внутри посессивно-именной парадигмы по признаку ед. — мн. числа принадлежности 1 и 2-го лица. В языках со склонением уйгурско-кыпчакского типа алломорфы *-A* превратились в позиционные, чисто фонетические варианты морфемы дат. падежа.

Направительный падеж на *-q, -k* имеет весьма ограниченную парадигмную дистрибуцию, присоединяясь только к именам на гласный[42]. Именно с такой дистрибуцией *-q, -k* представлен в западных туркменских диалектах, причем присоединение этого аффикса к гласной основе влечет за собой долготу конечного гласного основы. Алломорфы напр. падежа на *-q, -k* вычленяются в сложных многоморфемных аффиксах дат.-напр. п. *-q-a, -k-ä* и напр. п. *-q-a-ry, -k-ä-ri* [Серебренников, Гаджиева 1979, 80, 81].

Дательно-направительный падеж на *-qa, -kä*. Тюркологи и алтаисты, расчленяя тюркский "падеж направления" *-ka* на два "показателя локатива" — *-a* и *-k*, с одной стороны, а с другой, — находя в нем "тот же самый элемент, что и в *-ja-k* 'сторона'" [Räsänen 1957, 59], сопоставляли этот тюрк. *-ka* с монг. *-ya, -ge* в наречиях. В монгольском языке формати дат.-местн. падежа *ā>ē* также находится в связи с *-ga*, содержащимся в сложных формативах монгольских языков [Санжеев 1953, 168]. Сопоставление тюркского

[42] М Рясянен рассматривает *-k* как "показатель локатива" [Rasanen 1957, 59]. А М Щербак считает "использование *-k* с неизвестным гласным в начале как морфологического или квазиморфологического элемента" относительно поздней региональной инновацией [1977, 51]

датива *-qa/-ya* с тунгусским десигнативом на *-gă*, предложенное Г. Рамстедтом, считается некорректным [Poppe 1977, 69].

Алломорфы дат-напр. *-qa, -kä* в раннепратюркском имеют ту же специализированную (асимметричную) парадигмную дистрибуцию, что и напр. падеж на *-q, -k:* выступая в именной парадигме, эти аффиксы присоединяются только к основам на гласный. Имея в виду присоединение *-k* только к основам на гласный, А.М. Щербак полагает, что "такого рода избирательность необычна при образовании падежных форм в тюркских языках" [1977, 51]. Попытки представления падежных форм как на фономорфологическом, так и на морфологическом уровнях показывают, что алломорфы ряда падежей различались применительно к основам на гласный и основам на согласный, поскольку велся поиск способов соблюсти непротиворечивую слоговую структуру падежных словоформ.

В современном склонении уйгурско-кыпчакского, кыпчакского и карлукского типов парадигмная дистрибуция дат.-напр. *-qa, -kä/-ya, -gä* вполне симметрична: эти алломорфы представлены как в именной парадигме (при основах на гласный и на согласный), так и в посессивно-именной парадигме. В склонении кыпчакского типа исключение составляет посессивно-именная парадигма 1 и 2-го лица ед. числа и 3-го лица ед. и мн. числа, где налицо дат. *-a, -ä.* В башкирских говорах горно-лесных районов Башкирской АССР сохранилась "древняя диссимилятивная форма" дат.-напр. падежа: основы на сонорные *n, m* присоединяют алломорфы *-qa, -kä* (а не *-ya, -gä* как в башкирском литературном языке): *kön-kä* 'дню', *uram-qa* 'на улицу', *han-qa* 'хану' [Киекбаев 1959, 29]. В сарыг-югурском рефлексы морфемы дат-напр. падежа с глухим согласным в анлауте сохранились в посессивно-именной парадигме: anamqa 'моей матери', *qyzaqasyŋqa* 'своей старшей сестре' [Тенишев 1976$_1$; 59].

Направительный падеж на *-ary, -äri/-qary, -käri*[43]. В именной парадигме после основ на согласный употреблялись алломорфы *-ary-, -äri,* после основ на гласный — алломорфы *-qary, -käri.* В посессивно-именной парадигме после аффиксов принадлежности 1 и 2-го лица использовались алломорфы *-ary, -äri,* в 3-м лице этим алломорфам предшествовал посессивный *n.*

В тюркских рунических памятниках налицо озвончение начальных согласных в алломорфах этого падежа и огубление конечного узкого гласного: *-yaru, -gärü.* Эта форма именной парадигмы чаще встречается здесь в устоявшихся штампах: *ilgärü quryyaru süläp* 'Вперед (т.е. на восток), назад (т.е. на запад) двигаясь с войсками'; *ilgärü kün toγsuqda bökli qaγanqa tägi süläjü birmis quryyaru tämir qapyγqa tägi süläjü birmis* 'Вперед, (в страну) солнечного восхода, они ходили войною вплоть до Бёкли-кагана, назад (т.е. на запад) они ходили войною вплоть до Темир-капыга' [Малов 1951, 12, 8, 29 и 37]; см. еще пример употребления словоформ *ilgärü, quryyaru:* [Кононов 1980, 161]. Напр. падеж представлен здесь также в посессивно-именной парадигме:

[43] Обзор различных гипотез о происхождении алломорфов этого падежа см. [Räsänen 1957, 65; Щербак 1977, 48—49].

в 1-м лице ед. числа используется алломорф *-aru/-ru (äbim ärü/ebim-rü bardy* 'пошли к моему стойбищу'), в 3-м лице — алломорф *-yaru/-gäri*, которому предшествует посессивный *n(-n-g>ŋ-: jeriŋärü subyŋaru qonty* 'Он поселился на их земле-воде') [Кононов 1980, 160]. В XI в. Махмуд Кашгарский иллюстративными (преимущественно поэтическими) примерами своего Словаря зарегистрировал употребление напр. падежа на *-yaru* в именной парадигме: *emgäk kärü* (МК I 212_{22}) 'к тяготам', *jayy qaru* (МК II 87_{19}) 'в сторону врага, к врагу', *jaj yaru* (МК III 293_{16}) 'к лету'. В более поздних текстах алломорфы *-ary, -äri, -qary, -yary* вычленяются в наречиях.

Напр. падеж на *-ary, -äri, -qary, -käri, -yary, -gäri* в современных турецком, туркменском, отчасти узбекском подвергся переосмыслению и составляет вместе с основой "полную именную форму" (как и твор. падеж в якутском)[44] [Radloff 1908, 31]: тур. *ičeri* 'внутренняя сторона, туркм. *ileri* 'передняя сторона; южная сторона; юг; вперед', узб. *ičkari* 'внутренняя часть (помещения, двора и т.п.)', *tašqary* 'внешняя, наружная часть (помещения, двора и т.п.)', но *ilgari* 'вперед', *terskari* 'наизнанку'. Чаще же образования с *-qary/-yary* сохранились как наречия места (аз. *juhary* 'вверх', *üzüjuhary* 'по направлению вверх', башк. *juγary* 'высоко', *elgere* 'вперед', тат. *iŋ elgäre* 'прежде всего', гаг. *dyšary* и шор. *tyšqara~tyšqaara* 'наружу'), гораздо реже — как наречия времени, см. тоф. *qyšqaary* 'глубокой осенью, к зиме', *časkaary* 'под весну'; ср. *jaj qaru* (МК III 293_{16}) 'к лету'.

Наречия места на *-qary, -yary* допускают известное распространение за счет присоединения местн. или исх. падежа, см. тур. *ičeri-den* 'со внутренней стороны', гаг. *jukar-da* ' наверху', *dyšar-da* 'снаружи', кар. *aša-yar-tyn* 'вниз'. Любопытно, что в туркменском образование на *-ary* может присоединять к себе напр. падеж на *-k*, с помощью которого производится наречие от "полной именной формы", см.: *ileri:k-gajra:k* 'взад и вперед' при *ileri-gajra* 'задняя и передняя сторона; взад и вперед'. В этих туркменских примерах зафиксирован иной (по сравнению с *-q-a-ry*) порядок следования морфем: *-q, -k* занимает в цепочке морфем крайнее положение справа, а не слева, как обычно.

Направительный падеж на *-rA~rI*. Именуется также "местодательным" или "местным-направительным падежом" [Кононов 1980, 160]. Вопрос о том, включались ли образуемые этими аффиксами формы в систему тюркского склонения, остро дискутируется в тюркологии [подобный анализ существующих точек зрения см.: Щербак 1977, 40—44; см. также Poppe 1977, 70—71]. Характерно, что даже сторонники такого включения считают, что "директив находится в еще свободных отношениях к падежной системе и не имеет твердо запечатленного окончания", а вариант такого окончания с узким огубленным гласным *-rU* используется преимущественно в сочетании с аффиксом дат. падежа — *-yArU* [Brockelmann 1954, 157, 158].

Прояснению вопроса мало способствует типологическое привлече-

[44] Ср. як. *сайын* 'лето; летом' (при наличии лексемы *сай* только в устойчивых словосочетаниях), *күһүн* 'осень; осенью' (**күс* в числе заглавных слов словарных статей отсутствует), *кыһын* 'зима; зимой' (ср. *кыс* 'зима') [ЯРС. 1972, 201, 211, 213, 309].

ние алтаистического и уралоалтаистического материала. Допускалось, например, сопоставление тюрк. *-ra, -rä* с венгерским иллативом *-ra, -re* [Räsänen 1957, 64]. Более подходящим представляется сопоставление с данными монгольских языков, где отмечается "наличие элемента *-pa*<*p*+*a* в локативных словах с омертвелыми основами", причем лишь в монгорском *-pe* является показателем локативного падежа [Санжеев 1953, 172]. К монгольским падежам, имеющим ограничения в лексемном охвате, относится напр. падеж с формативом *-pȳ*~*-pȳ*, который представляет собой усеченную форму послелога-наречия *ypȳ* 'к, вниз по': "Этот "падеж" известен почти всем монгольским языкам и диалектам, кроме классического, <...>употребляется от некоторых слов, в основном имеющих топографическое значение" [Санжеев 1953, 174]. В маньчжурском, нанайском, эвенкийском, ламутском суф. *-rū/-ri* отмечен в словах со значением направления, а также времен года [Poppe 1977, 71].

В тюркских языках афф. *-rA*~*-rI* зафиксированы чаще всего в различных наречиях, об именном или глагольном происхождении которых ведутся споры.

Статус падежных форм могли бы иметь только те немногие словоформы на *-rA*, которые приводит в своем диалектном Словаре Махмуд Кашгарский. Две из них содержатся в пословице, где налицо опущение глагольного сказуемого, управляющего этими словоформами: *tatyγ köz-rä tikänig tüb-rä* (МК II 325_{12}) 'тата по глазам, терн — под корень'. Одна такая словоформа трижды повторена в типовых примерах, представляющих собой понудительную и взаимно-совместную конструкции, а также их нейтральный коррелят. Соответственно глагольными сказуемыми, управляющими словоформой на *-ra*, выступают *qaq-* 'стукнуть', понудительный залог *qaq-tur-* 'заставить стукнуть' и взаимно-совместный залог *qaq-yš-* 'стукнуть друг друга': *any baš-ra qaqty* (МК II 338_{14}) 'Он стукнул его по голове'; *ol any baš-ra qaqturdy* (МК II 222_{14}) 'Он заставил его стукнуть (кого-то) по голове'; *olar ikki baš-ra qaqyšdy* (МК II 116_{1}) 'Они оба стукнули друг друга по голове'.

При рассмотрении этих примеров бросается в глаза, во-первых, их единичность, что может быть обусловлено их сугубо диалектным характером; во-вторых, независимое положение словоформ на *-rA* по отношению к категории принадлежности (во всех трех примерах словоформа *baš-ra* остается неизменной и не включает в себя посессивного показателя). Это обстоятельство наводит на мысль, что сфера действия морфемы *-rA* ограничивалась простыми именами, не снабженными аффиксами принадлежности. Предположение подтверждается также тем, что в единичной посессивно-падежной словоформе зафиксирован только алломорф с узким гласным *-rü*, ср. *ẹb-im-rü bardy* 'Они пошли к моему стойбищу' [Кононов 1980, 160]; при другом чтении здесь представлен составной афф. *-ärü: äbim ärü* [Tekin 1968, 135].

Если вслед за Б.А. Серебренниковым и Н.З. Гаджиевой включать *-rA*~*-rI* в число напр. падежей [1979, 77, 81], то необходимо определить место, которое занимала эта форма в системе склонения раннего тюркского праязыка. Формы на *-rA*~*-rI* находились на крайней периферии системы склонения и из-за своей падежеобразности, свобод-

ных отношений с центром этой системы рано стали подвергаться адвербиализации. Периферийность их положения сказывалась уже в том, что морфемы *-rA~-rI* по своему материальному составу занимали промежуточное положение между морфемами *A*-класса и морфемами *I*-класса. К тому же, судя по всему, существенными были ограниченное число рефлексов форм на *-rA~-rI* — наречий ипослелогов главным образом к простым именам, без аффиксов принадлежности.

Весьма показательно, что в тюркских языках сохранилось весьма ограниченное число рефлексов форм на *-rA~-rI* — наречий и послелогов (список см. в кн.: [Щербак 1977, 43; а также Кононов 1980, 137, 138, 204, 205]).

Направительный падеж на *-n* вычленяется Б.А. Серебренниковым и Н.З. Гаджиевой в результате анализа кыпчакских форм дат. падежа личных и указательных местоимений ед. числа типа *mаγan* 'мне', *sаγan* 'тебе', *оγan* 'ему', *bиγan* 'этому'[45] [1979, 82—83; см. также Кононов, 1980, 158].

Малочисленность рефлексов этой формы и ограниченный характер их распространения в тюркских языках кыпчакской группы говорит о том, что напр. падеж. на *-n* представлял собой узкорегиональный диалектизм. Он также находился на крайней периферии системы тюркского склонения. Судя по сохранившимся рефлексам, напр. п. *-n* мог присоединяться к простым именам и дат.-напр. падежу личных и указательных местоимений ед. числа, но не наращивался на имена, снабженные аффиксами принадлежности. Для основ на гласные использовался алломорф *-n*. Для основ на согласные употреблялся алломорф и с узким (см. тоф. *men suy-yn čörümen* 'Я иду к воде'), и с широким гласным (см. наречия тат. *tüb-än* 'вниз', башк. *baštüb-än* 'вниз головой', ср. др.-тюрк. *üp* 'низ'). Такое промежуточное по их материальному составу положение алломорфов *-In~-An* между морфемами *I*-класса и морфемами *A*-класса, равно как и ограничения в парадигмной дистрибуции, характерны для падежных форм, находящихся на периферии системы тюркского склонения.

Направительно-продольный падеж на *-čA*. Так называла этот падеж Н.П. Дыренкова. В *-čA* она усматривала два падежа: вышеназванный и сравнительно-предельный падеж, или "падеж сравнения (компаратив)", формы которого в шорском "функционируют как прилагательное в значении 'предмет, равный тому-то' и как наречие" [Дыренкова 1941, 64, 67, 68]. Б.А. Серебренников и Н.З. Гаджиева видят здесь два омонимичных аффикса разного происхождения: древний напр. п. *-čA* и афф. *-čA*, употребляемый при сравнении [1979, 82]. Обычно же оба омонимичных афф. *-čA* рассматривались нерасчлененно и именовались эквативом, квантитативом [Radloff 1897, 65], эквативом [Räsänen 1957, 70; Brockelmann 1954, 367, сл.], сравнительно-ограничительным [Щербак 1977, 61], сравнительным падежом [Гузев 1979, 45]. Г. Дёрфер зафиксировал в халаджском употребление *-čA* в локативном значении: *ūčq̄* 'во сне', *jq̄ᵃničq̄* 'на своей стороне'; на этом

[45] По мнению Н.А. Баскакова, местоименные формы дат. падежа, подобные названным, "по-видимому, представляют собой более позднее образование из форм *maŋγa* 'мне', *saŋγa* 'тебе' и пр." [1957, 229].

основании он видит здесь в *-čA* окончание локатива. По его мнению, это рефлекс старого продольн.-предельн. падежа (*old prolative-terminalis*), который в большинстве тюркских языков превратился в экватив (хотя в древнетюркском еще по-прежнему *bêlčä* 'до бедер, до поясницы') [Doerfer 1971, 165].

Само обилие названий для афф. *-čA* в практике описания тюркского склонения наводит на мысль об особом, двойственном и весьма неопределенном положении *-čA* среди других падежных форм. Об этом могут свидетельствовать также необычайно широкие сочетательные возможности *-čA*, способного присоединяться к самым различным словоизменительным и словообразовательным морфемам, а также присоединять их к себе (подробный перечень таких комбинированных морфемосочетаний с участием *-čA* см. [Räsänen 1957, 71; Brockelmann 1954, 77 примеч. 4, с. 367, 368]). Вместе с тем существуют ограничения в лексемном охвате *-čA:* «далеко не все имена присоединяют к себе афф. *-ча*, и нередко его присутствие обусловлено наличием особого морфологического "контекста"» [Щербак 1977, 54].

Н.П. Дыренкова недаром считала *-čA* "послелогом-аффиксом" [1941, 64]. Н.К. Дмитриев, [1948, 114] и М. Рясянен [Räsänen 1957, 70] особо подчеркивали безударность морфемы *-čA*, хотя в целом в ряде языков она подчиняется правилам гармонии гласных[46] и в посессивно-именной парадигме получает перед собой местоименный *п.* Г. Хазаи отмечает "очевидную падежеобразность морфемы *DŹE, <...> če*", словоформы, включающие эту морфему, по его мнению, "с формальной точки зрения соответствуют критериям падежа"; тем не менее, принимая во внимание всю совокупность форм, ученый исключает ее из числа падежей и включает соответствующую морфему в разряд словообразовательных аффиксов [Hazai 1973, 381, 441]. А.М. Щербак, относя аффикс *-čA* к "общетюркским морфологическим элементам, появившимся на уровне праязыка", также не включает эту форму в падежную парадигму. Характерно, что уже в языке тюркских рунических памятников морфема *-ča* образует наречия (обстоятельственные слова) со значением одинаковой меры, степени качества или приблизительного исчисления предметов, что, по мнению А.Н. Кононова, и "не дает оснований для причисления ее к показателям падежа" [1980, 149].

Для решения вопроса о статусе морфемы *-čA* в раннем тюркском праязыке целесообразно привлечь данные типологических сопоставлений. Продольный падеж, основным значением которого признается выражение различного рода пространственных отношений и который активно участвует в образовании наречий, имеется в кетском языке [см. Валл 1970, 15—16]. В монгольских языках в числе падежей ограниченного лексемного охвата и ограниченного распространения по языкам Г.Д. Санжеев приводит "падеж предела". Этот падеж, "известный в ойратских, ордосском и некоторых бурятских диалектах,

[46] В тувинском, хакасском, шорском *-ča* не подчиняется закону гармонии гласных [Щербак 1977, 54).

имеет формати́в *-цӑ~-цӑ̆* (ойратск.), *-чӗ* (ордос.), *-сӑ~-се~-со* (бур.) и образуется от небольшого количества слов, по своему значению могущих определять высоту" [Санжеев 1953, 175].

Представляется, что напр.-продольн. падеж на *-ča* в раннепратюркском находился на периферии системы склонения. Такое его положение определялось, во-первых, известной ущербностью (отсутствие ударения; такой же ущербностью в этот период обладал, видимо, еще только один падеж — твор.); во-вторых, омонимичностью с наречиеобразующим *-čA*, который имеет значения сравнения, одинаковой меры, степени качества и проч.; в-третьих, ограничениями в его лексемном охвате (закрепленность за классом не-лиц, преимущественно за именами с пространственным значением). Недаром К. Броккельман особо подчеркивал, что "экватив стоит в еще свободных отношениях к грамматическим падежам, равно как и локальные падежи" [Brockelmann 1954, 157]. Последующее развитие системы тюркского склонения еще более ослабило эти, без того свободные, отношения и обусловило переход *-čA* в класс словообразовательных аффиксов.

Во всех тюркских языках широко представлены наречия с продуктивным безударным афф. *-ǯA/-ǯA, -čA:* гаг. *káar-ǯa* 'по снегу', аз. *möhkämčä* 'крепко', *gabayčadan* 'заранее', тур. *günlerce, aylarca, senelerce* 'на протяжении многих дней, месяцев, лет', узб. *jyllarča* 'годами', *hozyr-ča* 'до сего времени'.

Исходно-местный падеж на *-tA*. В монгольских (средневековом и неклассическом монгольских, а также в разговорных) языках отмечен датив-локатив на *-da* (в письменном монгольском *-du*) [Poppe 1977, 61—62]. В тюркских языках этот падеж совмещал значения как местонахождения, так и исходного пункта движения. Совмещение этих значений сохранялось за формативом *-tA* в позднепратюркском, после того как сформировался исх. падеж с самостоятельной морфемой *-tAn*, и в тюркских языках последующих периодов. Во всяком случае, лингвисту и диалектологу XI в. Махмуду Кашгарскому было не чуждо представление о большей древности местн. падежа по сравнению с исх. падежом и о связи этих двух падежей. В соответствии с этим представлением он истолковал словоформу *andan* как выводимую из *anda* при подаче в Словаре этих местоименных форм исх. и местн. падежей в качестве заглавных слов. О материальной выводимости *andan* из *anda* в Словаре говорится так: "Огузы для слова со значением 'после (него, того)' заменяют в слове *anda* | اندْ | алиф на нун" (МК I 150_{19-20}), т.е. | اندْ |→ | اندَنْ | Обозначение исходного пункта в пространстве и времени сохраняется за местн. падежом надолго. В частности, такое значение отмечается в чагатайском языке рубежа XV—XVI вв.: *fathyda soŋ* (BN ,326б$_{4-5}$) 'после его победы', см. также БН 108_{21-22}, 229_{10-13}. То же значение продолжает сохраняться за словоформами на *-da* в современном халаджском языке: *hávidà* 'из дома' (в рун. тюрк. *äbindä*) [Doerfer 1971, 165].

Алломорфы с глухим смычным в анлауте *-tA* в раннепратюркской именной парадигме присоединялись к основам, оканчивающимся как на согласный, так и на гласный. Алломорфы *-tA* в посессивно-именной парадигме были представлены во всех трех лицах. В 3-м лице

между аффиксом принадлежности и алломорфом *-tA* помещался посессивный *-n-*.

Творительный падеж на *-(I)n*. В монгольских языках следы этого *-n-* усматриваются в отдельных аффиксах, а также в составе ряда слов, оканчивающихся на *-n;* вопрос о происхождении *-n* здесь остается дискуссионным [Poppe 1977, 60]. Твор. падеж, начиная с раннепратюркского, занимал особое положение в системе тюркского склонения, составляя его периферию. Алломорфы этого падежа в принципе могли присоединяться только к основе, не осложненной аффиксами мн. числа или принадлежности (редкие исключения для имен с аффиксами принадлежности 1 и 2-го лица ед. и мн. числа представлены лишь в тюркских руническим памятниках [Батманов 1959, 107, 111; Батманов и др. 1962, 168; Tekin 1968, 137]). Как можно судить по дошедшим до настоящего времени рефлексам твор. падежа — наречиям времени, алломорфы этого падежа были безу'дарными, подобно алломорфам напр.-продольн. п. *-čA*. Издавна параллельно со словоформами твор. падежа могли употребляться послеложные конструкции (имя+послелог *bilä, birlä* 'с, вместе с'). В Словаре Махмуда Кашгарского зафиксированы сочетаемостные ограничения для твор. падежа: при переходных глаголах предпочтительнее использование послеложных конструкций, а не словоформ твор. падежа.

В именной парадигме раннего пратюркского языка для основ, оканчивающихся на согласный, использовались алломорфы твор. п. *-In;* для основ на гласный —алломорф *-n*. В посессивно-именной парадигме алломорфы твор. п. *-In* могли быть представлены, по всей вероятности, только для 1 и 2-го лица (это подтверждается соответствующими данными рунических памятников). В 3-м лице присоединение этих алломорфов исключается, поскольку оно привело бы к нанизыванию омонимичных морфем: *-(s)I* — аффикс принадлежности 3-го лица+*n* — показатель посессивности, с одной стороны, а с другой — *-In* — твор. п.

В современных тюркских языках представлены наречия времени, в составе которых вычленяется архаический безударный форматив твор. п. *-In*[47]: тур. *gündüzün* 'днем', *jazyn* 'летом', гаг. *qyšyn* 'зимой', *bu jylyn* 'в этом году', аз. *dünän* 'вчера', башк. *jajen* 'летом', *kisen* 'вечером', *tönön* 'ночью', узб. *erta-n* 'завтра', *jazyn-qyšyn* 'зимой и летом', тоф. *küzün* 'осенью'.

---

[47] К Броккельман считал значение времени переносным для твор (инстр) падежа, полагая, что этот падеж служит для указания положения в пространстве [Brockelmann 1954, 365] Приводимые ученым примеры (в основном из МК), призванные иллюстрировать это пространственное значение твор падежа, наводят, однако, на мысль, что здесь представлены омонимичные формативу твор п *-In* алломорфы напр п *-In, -Un, suvlin jaz-yn adarma* 'Не охоться на фазанов в поле', *juz tub-un jyqyldy* 'Он упал лицом на землю' (ср татарское наречие *tub-an*) См также староосманский пример, приводимый В Г Гузевым для иллюстрации локативного значения инстр п *adamlar anyg orub danlašdylar, jer jer-in un etdilar* 'При виде этого люди удивлялись и (букв местами) поднимали крик' [Гузев 1979, 45] Возможно, что об омонимии формативов древних твор и напр п (для основ на согласные) *-In* приходится говорить также применительно к тофаларским наречиям места *ustun* 'наверху, верховьем реки', *aldyn* 'низовьем реки', тем более что о наличии или отсутствии ударения здесь не сообщается [Рассадин 1971, 78]

между. аффиксом принадлежности и алломорфом *-tA* помещался посессивный *-n-*.

Творительный падеж на *-(I)n*. В монгольских языках следы этого *-n-* усматриваются в отдельных аффиксах, а также в составе ряда слов, оканчивающихся на *-n;* вопрос о происхождении *-n* здесь остается дискуссионным [Poppe 1977, 60]. Твор. падеж, начиная с раннепратюркского, занимал особое положение в системе тюркского склонения, составляя его периферию. Алломорфы этого падежа в принципе могли присоединяться только к основе, не осложненной аффиксами мн. числа или принадлежности (редкие исключения для имен с аффиксами принадлежности 1 и 2-го лица ед. и мн. числа представлены лишь в тюркских руни́ческих памятниках [Батманов 1959, 107, 111; Батманов и др. 1962, 168; Tekin 1968, 137]). Как можно судить по дошедшим до настоящего времени рефлексам твор. падежа — наречиям времени, алломорфы этого падежа были безу́дарными, подобно алломорфам напр.-продольн. п. *-čA*. Издавна параллельно со словоформами твор. падежа могли употребляться послеложные конструкции (имя+послелог *bilä, birlä* 'с, вместе с'). В Словаре Махмуда Кашгарского зафиксированы сочетаемостные ограничения для твор. падежа: при переходных глаголах предпочтительнее использование послеложных конструкций, а не словоформ твор. падежа.

В именной парадигме раннего пратюркского языка для основ, оканчивающихся на согласный, использовались алломорфы твор. п. *-In;* для основ на гласный —алломорф *-n*. В посессивно-именной парадигме алломорфы твор. п. *-In* могли быть представлены, по всей вероятности, только для 1 и 2-го лица (это подтверждается соответствующими данными руни́ческих памятников). В 3-м лице присоединение этих алломорфов исключается, поскольку оно привело бы к нанизыванию омонимичных морфем: *-(s)I* — аффикс принадлежности 3-го лица+*n* — показатель посессивности, с одной стороны, а с другой — *-In* — твор. п.

В современных тюркских языках представлены наречия времени, в составе которых вычленяется архаический безударный формати́в твор. п. *-In*[47]: тур. *gündüzün* 'днем', *jazyn* 'летом', гаг. *qyšyn* 'зимой', *bu jylyn* 'в этом году', аз. *dünän* 'вчера', башк. *jajen* 'летом', *kisen* 'вечером', *tönön* 'ночью', узб. *erta-n* 'завтра', *jazyn-qyšyn* 'зимой и летом', тоф. *küzün* 'осенью'.

[47] К. Броккельман считал значение времени переносным для твор. (инстр.) падежа, полагая, что этот падеж служит для указания положения в пространстве [Brockelmann 1954, 365]. Приводимые ученым примеры (в основном из МК), призванные иллюстрировать это пространственное значение твор. падежа, наводят, однако, на мысль, что здесь представлены омонимичные формативу твор. п. *-In* алломорфы напр. п. *-In, -Un, sürlin jaz-yn ädärmä* 'Не охотъся на фазанов в поле', *jüz tüb-ün jyqyldy* 'Он упал лицом на землю' (ср. татарское наречие *tüb-än*). См. также старооосманский пример, приводимый В.Г. Гузевым для иллюстрации локативного значения инстр. п.: *adämlar anygörüb danlašdylar, jer jer-in ün etdilär* 'При виде этого люди удивлялись и (букв.: местами) поднимали крик' [Гузев 1979, 45]. Возможно, что об омонимии формативов древних твор. и напр. п. (для основ на согласные) *-In* приходится говорить также применительно к тофаларским наречиям места *ustun* 'наверху, верховьем реки', *aldyn* 'низовьем реки', тем более что о наличии или отсутствии ударения здесь не сообщается [Рассадин 1971, 78].

Совместный падеж на *-lA~-lI, -lAn* (иначе — комитатив). Ср. эвенкийский комитатив на *-nun*, который возводится к *-*lūn<-*lū-n*, где *-n* считается суффиксом древнего инстр. падежа [Poppe 1977, 60, 72—73]. А.Н. Кононов усматривает комитатив в тюркской морфеме *-l*, между тем как *-lI*, по его мнению, "не имеющий генетических связей с афф. *-lïy, -lig*", он рассматривает как соединительный аффикс, используемый для обозначения сочинительных отношений [1980, 106, 107, 240]. Совместн. падеж по всем своим параметрам должен быть отнесен к самой периферии системы склонения раннего тюркского праязыка. Оснований для такого отнесения несколько.

Во-первых, алломорфы совместн. падежа, по сути дела, предетавляют собой различные аффиксы, которые в совокупности занимают промежуточное положение между морфемами *A*-класса и морфемами *I*-класса.

Во-вторых, для каждого из перечисленных формативов действуют индивидуализированные ограничения в лексемном охвате, которые отмечаются для совместн. падежа всеми исследователями, признающими его существование в тюркских языках. Так, *-lA* и *-lAn* вычленяется преимущественно в послелогах *bir-lä* (*>bi-lä*) 'вместе с; с', *bi-län* (*<bir-län*) 'вместе с; с' [Серебренников, Гаджиева 1979, 84—85; ср. противоположное мнение: Щербак 1977, 55—56]. Весьма специфичны ограничения в лексемном охвате и использовании афф. *-lI*, которым оформляются два рядом стоящих имени, семантически связанные между собой [Мелиоранский 1897, 2; Рамстедт 1957, 46—47]. Такое парное использование *-lI* наблюдается начиная с тюркских рунических памятников до настоящего времени. См. др.-тюрк. *inili äčili* 'младшие и старшие братья', *bägli bodunly* 'князья и народ', каз. *ayaly inili* 'старший брат с младшим братом'[48].

В-третьих, по крайней мере, два из названных формативa *-lA, -lI*, как и показатель напр.-продольн. п. *-čA*, могут выступать в качестве компонентов морфемосочетаний, не совсем обычных для падежного формативa. Так, например, к *-lA* может присоединяться аффикс принадлежности 3-го лица и аффикс дат. падежа: *taŋ-la* 'на рассвете' — *taŋ-la-sy* (БН 43_8) 'утром следующего дня' — *taŋ-la-sy-ya* (БН 99_{22}, 185_4, 395_{12}; BN $305a_{12}$) 'на следующее утро'.

В-четвертых, *-lA~-lI, -lAn* имеют неопределенный морфологический статус и пониженную частотность при функционировании их в качестве падежного формативa. Так, например, *-lI* в туркменском употребляется главным образом как словообразовательная морфема и сохраняет значение падежного показателя "лишь в том случае, если семантика образованной с его помощью формы исключает ее восприятие в атрибутивном плане, а равно не допускает понимания ее как новой лексической единицы" [Поцелуевский 1975, 127, 128]. Известная неопределенность статуса форм на *-lA~-lI*[49] сказалась, например, в том,

[48] Характерно, однако, что, выступая в предложении как подлежащее, эта казахская форма требует добавления числительного *ekeü* 'двое, вдвоем': *ayaly inili ekeüi keldi* 'старший брат с младшим братом пришли'.

[49] Показательно, что в башкирском парные образования типа *irle-bisale* 'совместно с мужем и женой', *ujynly-ysynly* 'и в шутку и всерьез' рассматриваются в качестве наречий [Абсалямов 1974, 14]. См. также туркменское наречие *wagtly-wagtynda* 'время от времени'.

что в чагатайском языке рубежа XV—XVI вв. парные образования, имевшие комитативное значение, явно воспринимались как одна из словообразовательных моделей и на этом основании получали не аффикс совместн. п. *-lI*, а словообразовательный афф. *-lIq: bu ata-lyq oyul-luq* (БН 92_8) 'эти отец с сыном'; естественно, что такое образование могло свободно склоняться: *bu ata-lyq wä oyul-luq-tyn* (БН 97_{12}) 'от этих отца с сыном' (склоняемые формы см. также БН 51_{15-16}, 92_{8-12}).

В пятых, *-lA∼-lI*, *-lAn* имеют ограничения в парадигмной дистрибуции, они используются преимущественно в именной парадигме (с основами как на согласный, так и на гласный). По всей вероятности, такая парадигмная дистрибуция совместн. падежа имела место и в раннепратюркском.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ ПЕРЕСТРОЙКИ ДРЕВНЕЙШЕЙ СИСТЕМЫ РАННЕПРАТЮРКСКОГО СКЛОНЕНИЯ

В период между раннепратюркским и позднепратюркским языками все с большей определенностью выкристаллизовывалась центральная часть системы склонения. Происходил отбор и концентрация падежей, наиболее определившихся семантически и формально. Особую устойчивость проявили те падежи, которые были (или становились в процессе развития) повсеместно распространены и не имели ограничений ни в лексемном охвате, ни в парадигмной дистрибуции. Все более четко проводилось формальное противопоставление падежных морфем по фономорфологическому признаку — по их принадлежности к *A*-классу или *I*-классу. В условиях активизации этого противопоставления становилось все труднее удерживаться в падежном статусе тем морфемам, варианты которых могли содержать как узкие, так и широкие гласные (напр. п. *-rA∼-rI*, совместн. п. *-lA∼-lI*).

В семантике пространственных падежей изживалось излишне дробное выражение оттенков значения, связанного с направлением движения, действия, тем более, что многообразие таких оттенков все более дифференцированно стало передаваться конструкциями с различными послелогами и служебными именами. Процесс свертывания множества недоразвившихся пространственных падежей-вариантов был сопряжен также с активизацией дат. падежа, который не знал ограничений в лексемном охвате и мог единообразно оформлять как имена лиц, так и имена с пространственным значением.

Перестройка древней системы склонения осуществлялась также по линии преодоления узкой специализации падежных морфем — их закрепленности за той или иной парадигмой (частью парадигмы) склонения, за тем или иным тематическим разрядом слов. Такая специализация могла преодолеваться различными способами. Например, род. п. *-(I)n∼-(I)ŋ*, закрепленный в раннепратюркском за местоименной парадигмой, проник в посессивно-именную и именную парадигму и благодаря этому приобрел почти тотальное распространение. Напротив, интенсивно утрачивались диалектные напр. п. *-q*, *-k* и вин. *-g*, *-γ*, закрепленные за именной парадигмой для основ на гласный.

Словоформы напр. падежа на *-rA, -rI*, закрепленного за именами, имевшими преимущественно пространственное значение ("класс не-лиц"), в результате перестройки системы древнего тюркского склонения были оттеснены в разряд наречий места или же стали восприниматься как полная именная форма (по В.В. Радлову). В результате заметно уменьшилось число падежей с сильными ограничениями в парадигмной дистрибуции, обусловливающими ее асимметричность.

Асимметричной была, например, парадигмная дистрибуция алломорфов вин. падежа, варьирование которых вызывалось не столько фонетической позицией, сколько принадлежностью склоняемой основы к тому или иному грамматическому классу слов. Так, вин. *-g, -y* был закреплен исключительно за именной парадигмой, *-(I)n* — за посессивно-именной парадигмой, *-I* — за местоименной парадигмой и частично за именной (для основ на согласный). Эта сложность межпарадигмных соотношений по признаку оформления вин. падежа в раннепратюркском обусловила последующую перестройку системы склонения в этом ее звене.

Таким образом, уже в период между ранне- и позднепратюркским в системе склонения достаточно четко проявлялась тенденция к свертыванию ограничений в парадигмной дистрибуции того или иного падежа, тех или иных алломорфов падежа и прежде всего тех из них, варьирование которых вызывалось не столько фонологическими, сколько морфологическими факторами. Развитие этой тенденции открывало простор аналогизирующему воздействию форм одной парадигмы на формы другой парадигмы (например, распространение род. падежа из местоименнои парадигмы в именную и посессивно-именную).

Система тюркского склонения освобождалась также от тех периферийных форм, падежный статус которых был довольно неопределенным, а морфемы которых были омонимичны некоторым словообразовательным аффиксам. Так, аффикс совместн. п. *-lI* был омонимичен афф. *-lI*, образующему прилагательные; афф. *-čA* напр.-продольн. падежа омонимичен *-čA*, образующему наречия сравнения, уподобления. Нежелательная омоморфия активно изживалась и внутри системы склонения, тем более что здесь она могла быть трехчленной: *-n* напр. п. (в именной и местоименной парадигмах) — *-(I)n* вин. п. (в посессивно-именной парадигме) — *-(I)n* твор. п. (преимущественно в именной парадигме). В результате процессов системной перестройки был утрачен напр. п. *-n*.

Но в языке ничто не пропадает даром. Утраченный системой склонения напр. п. *-n* закрепился в морфемосочетании *-ya-n*, ставшем отличительной чертой дат. падежа личных и указательных местоимений ед. числа в склонении кыпчакского типа. По-видимому, с его же помощью на базе старого исх.-местн. падежа складывался исх. п. *-tAn (-tA+-n)* [Кононов 1980, 158] — одно из новшеств, отличающих позднепратюркское склонение от раннепратюркского. Старый напр. падеж на *-q, -k*, также исчезнувший как самостоятельный падеж, в составе морфемосочетания *-q-A, -k-A* был переосмыслен как "вставной" компонент. Морфемосочетание *-qA(-kA)* стало восприниматься как алломорф дат. падежа, предназначенный в ряде тюркских языков

для основ на гласный. То же произошло с посессивным *n* и алломорфом род. п. *-In~-Iŋ*. Относясь первоначально к местоименной и посессивно-именной парадигмам, морфемосочетание *-n-In~-n-Iŋ* в именной парадигме стало восприниматься как алломорф род. падежа, предназначенный для основ на гласный.

Начал складываться исх. падеж, форматив которого, по общему признанию, является составным: *-tA/-dA+n*. Первым его компонентом, как считал еще Махмуд Кашгарский, является форматив древнего исх.-местн. падежа *tA~-dA*, относительно природы второго компонента единогласия среди тюркологов нет. Одни из них видят в конечном *-n* осколок самостоятельного слова *jan~d'an~ńan* 'сторона' [Рамстедт 1957, 43], другие — присоединяющийся к исх.-мест. падежу инстр. падеж [Räsänen 1957, 62—63], третьи возводят конечное *-n* к аффиксу напр. падежа, сохранившемуся в местоименных словоформах *mayan* 'мне', *sayan* 'тебе', *oyan* 'ему' [Кононов 1980, 158; Гаджиева 1975, 273—274].

Благодаря накапливавшимся изменениям подготовлялась почва для формирования системы склонения в позднепратюркском языке.

ПОЗДНЕПРАТЮРКСКОЕ СКЛОНЕНИЕ ИМЕН

В позднепратюркском накануне обособления различных групп тюркских языков сложилась система склонения имен, которая характеризовалась наличием шести падежей [см. Серебренников, Гад-

Таблица 9

Позднепратюркское склонение. Именная парадигма склонения (основы на согласный)

Падежи	Языки (по типам склонения)		
	позднепратюрк.	рун.	др.-уйг.-кыпч.
Род.	**-In~ -Iŋ*	*-In~ -Iŋ, -Ig~ -Iγ*	*-nIŋ*, после *n, r, m* – *-Iŋ*
Вин.	* *-I*	*-Ig~ -Uγ*	*-Ig~ -Uγ, -nI* (в МК реже *-nI*; в КБ чаще *-nI*)
Дат.	**-A*	*-qa~ -kä* (в енис. пам. редко *-γa*)	*-qa~ -kä~ -γa~ -ga* (после *m* – *-qa, -kä*). В др.-уйг. [Gabain 1950] после *q, g, ŋ* – *-A*
Местн.	**-tA*	после звонких согласных *-dA*; после *l, n, r* – *-tA*	*-dA~-tA*
Исх.	**-tAn*	после звонких согласных *-dAn*, после *l, r, n* – *-tAn*; редко *-dIn~ -tIn*	*-dIn~ -tIn*; диал. *-dAn~ -tAn*

жиева 1979, 88] и двумя противопоставлениями, действовавшими на фономорфологическом и морфологическом уровнях (см. табл. 9—11).

Двумя этими факторами — составом падежей и взаимодействием противопоставлений на фономорфологическом и морфологическом уровнях — определялась специфика позднепратюркского склонения. В соответствии с этим реконструируются следующие парадигмы позднепратюркского склонения: именная в двух своих разновидностях — для имен на согласный (табл. 9) и для имен на гласный (табл. 10) и посессивно-именная парадигма в трех разновидностях — для имен, снабженных аффиксами принадлежности а) 1 и 2-го лица ед. числа, б) 3-го лица, в) 1 и 2-го лица мн. числа (табл. 11).

Табл. 9—11 в целом построены по тому же принципу, что и табл. 6—8. В левой части каждой из таблиц приводятся алломорфы падежей позднепратюркской системы склонения (графа "позднепратюрк." — алломорфы под знаком астериска). Остальную часть таблиц занимает обобщенный материал, на основе которого производится реконструкция.

Как и при реконструкции раннепратюркского склонения, мы стремились здесь последовательно различать два языковых уровня представления соответствующих типовых словоформ — фономорфологический (фонологический) и морфологический.

На фономорфологическом уровне реконструкции принималось во внимание как противопоставление "согласное склонение — гласное склонение", так и действие сингармонизма в позднепратюрк-

	Языки (по типам склонения)			
	уйг.-кыпч.	• огуз	кыпч.	карлук.
	-nIn$_3$~ -tIn$_3$	*-In~ -In$_3$, -Un~ -Un$_3$*	*-nIn$_3$~ -tIn$_3$~ -dIn$_3$*; кар., кирг. *-nIn*	*-nIn$_3$*
	-nI~ -tI	*-I~ -U*	*-nI~ -tI~ -dI*	*-nI*
	-γa, -gâ~ -qa, -kâ; хак., шор. после *m, n, n$_3$ – -A~ -gA*, после *g, k, q, γ – -A*; чул. *-a~ -ga*	*-A*	*-qa, -kâ~ -γa, -gâ*, кирг. так же, иногда *-A* (фонетич. позиция не определена)	*-gA~ -γA*
	-dA~ -tA	*-dA~ -tA*	*-dA~ -tA*	*-dA~ -tA*
	-dAn~ -tAn; чул. *-dIn~ -tIn*	*-dAn~ tAn*	*-dAn~ -tAn*; каз., кирг. *nAn*, алт. *-dAn$_3$~ -tAn$_3$*, кар. (в нареч. после *=r*) *-tIn*	*-dAn~ -tAn*; н.-уйг. *-dIn~ -tIn*

Таблица 10

Позднепратюркское склонение.
Именная парадигма склонения (основы на гласный)

Падежи	Языки (по типам склонения)		
	позднепратюрк.	рун.	др.-уйг.-кыпч.
Род.	**nIn ~ -nIn*$_1$	*-nIn*$_1$	*-nIn*$_1$; в *-n*-диалектах [Gabain 1950, 87] *-n*$_1$ ~ *-nIn*$_1$ ~ *-nan*$_1$
Вин.	**-nI*	*-g ~ -γ*	*-g ~ -γ; -nI*
Дат.	**-qa ~ -kä*	*-qa ~ -ka;* *-ja, -jä* (в нареч., редко)	*-γa, -ga ~ -qa, -kä*
Местн.	**-tA*	*-dA ~ -tA*	*-dA ~ -tA*
Исх.	**-tAn*	редко *-dAn ~ -tAn;* еще реже *-dIn*	*-dIn ~ -tIn;* диал. *-dAn ~ -tAn*

Таблица 11

Позднепратюркское склонение. Посессивно-именная парадигма

Падежи	Языки (по типам склонения)					
	позднепратюрк.			рун.		
	1, 2 л. ед. ч.	3 л.	1, 2 л. мн.ч.	1,2 л. ед.ч.	3 л.	1, 2 л мн. ч.
Род.	**-In ~-In*$_1$	**-nIn ~ -nIn*$_1$	**-In*$_1$	*-In ~ -In*$_1$	*-nIn ~ -nIn*$_1$	–
Вин.	**-In*	**-n*	**-In*	**-In*	*-n*	*-nI*
Дат.	**-A*	**-n-A*	**-A*	*-A* (в енис. пам. *-A ~ -qa ~ -kä...*)	*-n-gä* (*-ŋä*), *-n-γa* (*-ŋa*); в енис. пам. редко *-n-a*	*-qa, -kä*
Местн.	**-tA*	**-n-tA*	**-tA*	*-tA ~ -dA*	*-n-tA*	*-tA ~-dA*
Исх.	**-tAn*	**-n-tAn*	**-tAn*	редко *-dAn;* еще реже *-dIn*	*-n-dAn*	–

Языки (по типам склонения)			
уйг.-кыпч.	огуз	кыпч.	карлук.
-nIn$_3$ ~ -tIn$_3$	*-nIn ~ nIn$_3$, -nUn ~ nUn$_3$* в диал. *-n ~ -n$_3$* (с удлинением конеч. гласного основы)	*-nIn$_3$*; кар., кирг. *-nIn*	*-nIn$_3$*
-nI	*-nI ~ -jI*	*-nI*	*-nI*
-γa, -ga; тоф. *-A*: после кратких гласных, *-gA* после долгих	*-A: ~ -jA*	*-γa ~ -gä*	*-γA, -gA ~ -qA, -kA*
-dA; с юг. *-dA ~ -tA*	*-dA ~ -tA*	*-dA*	*-dA*
-dAn; шор., хак. *-dAn$_3$*; чул. *-dIn*	*-dAn ~ -tAn*	*-dAn*; алт. *-dAn$_3$*	*-dAn*

Таблица 11 (продолжение)

Падежи	Языки (по типам склонения)					
	др.-уйг.-кыпч.			уйг.-кыпч.		
	1, 2 л. ед. ч.	3 л.	1, 2 л. мн. ч.	1, 2 л. ед. ч.	3 л.	1,2 л. мн.ч.
Род.	*-nIn$_3$ ~ -tyn$_3$*	*-nIn$_3$ ~ -nUn$_3$*	*-tIn$_3$* (1 л. мн.ч.) *-nIn$_3$*	*-nIn$_3$ ~ -tIn$_3$*	*-nIn$_3$ ~ -nUn$_3$*	*-tIn$_3$* (для 1 л. мн.ч.) *-nIn$_3$*
Вин.	*-nI*	*-n ~-nI*	*-nI ~-tI* (1 л.мн.ч.) *-nI* (2 л.)	*-nI* (тоф. *-nı ~ -n*)	*-n ~-nI*	1 л. *-nI ~-tI;* 2 л. *-nI*
Дат.	*-γA ~-gA*	*-n-γA* (*-n$_3$A*) ~ *-n-gA* (*-ŋä*)	*-qA, -kA ~ -γA, -gA*	*-γA ~-gA*	*-n-γA* (*-na*) ~ *-n-gA* (*-ŋə*)	*-qA, -kA ~-γA, -gA*
Местн.	*-dA*	*-n-dA*	*-tA ~-dA*	*-dA*	*-n-dA*	*-tA ~-dA*
Исх.	*-dIn;* диал. *-dAn ~ -tAn*	*-n-dIn;* диал. *-n-dAn*	*-tIn ~-dIn;* диал. *-dAn ~ -tAn*	*-dAn;* чул. *-dIn*	*-n-dAn;* чул. *-n-dIn*	*-dAn,* чул. *-dIn*

Таблица 11 (окончание)

Падежи	Языки (по типам склонения)						
	огуз.			кыпч.			карлук.
	1, 2 л. ед.ч.	3 л.	1, 2 л. мн.ч.	1, 2 л. ед. ч.	3 л.	1,2 л. мн.ч.	1, 3 л. ед. и мн. ч.
Род.	*-In ~ -Iŋ*	*-nIn ~ -nIŋ*	*-In ~-Inj*	*-nIŋ*; кар., кирг. *-dIn*	*-nIŋ*; кар., кирг. *-nIn*; кбалк.*-nI*	*nIŋ ~ -dIŋ ~ -tIŋ*	*-nIŋ*
Вин.	*-I*	*-nI ~ -n*	*-I*	*-nI ~-dI*; кум., кбалк. род.-вин. *-I*	*-n* (в т.ч. кбалк.); кум. род.-вин. *-n*	*-nI ~-dI ~- -tI*	*-nI*
Дат.	*-A*	*-n-A*	*-A*	*-A*; алт. *-A ~-gA*; бараб. *-A ~-γA*	*-n-A*	*-γ-A ~-gã ~-kä*	*-γA ~ -gA*
Местн.	*-dA*	*-n-dA*	*-dA*	*-ä̈A*; сал. *-tA*.	*-n-dA*; сал.*-n-tA*	*-dA*; сал.*-tA*	*-dA*
Исх.	*-dAn*	*-n-dAn*	*-dAn*	*-dAn*; каз., кирг. *-nAn*; алт. *-nAŋ*	*-n-dAn*; кар. *-n-dAn ~ -nAn*; алт. *nAnj*	*-dAn*; алт. *-tAŋ*	*-dAn*, н.-уйг. *-dIn*

ском языке. В табл. 9—11, как и в табл. 6—8, гласные в падежных морфемах приводятся в обобщенном виде, с различением только их принадлежности к *A*-классу или *I*-классу.

На морфологическом уровне реконструкции учитывается взаимодействие двух противопоставлений, существенных для тюркского склонения: "согласное склонение — гласное склонение" и "посессивно-именная парадигма — именная парадигма". Соответственно определяется характер межпарадигмных и внутрипарадигмных соотношений позднепратюркского склонения, специфика парадигмной оппозиции, ее объем. Средством противопоставления двух парадигм, как и в раннепратюркском, остается посессивный *-n-*, характеризующий посессивно-именную парадигму 3-го лица. Это средство и в позднепратюркском было единственным, которое использовалось также для противопоставления внутри посессивно-именной парадигмы (противопоставление "1 и 2-е лицо — 3-е лицо", без различения ед. и мн. числа принадлежности). Другим средством противопоставления именной и посессивно-именной парадигм в позднепратюркском,

как и в раннепратюркском, был алломорф вин. п. *-(I)n*. Он распространялся здесь на посессивно-именную парадигму в целом, включая как 3-е лицо, так и 1 и 2-е лицо.

При реконструкции типовых падежных и падежно-посессивных словоформ в позднепратюркском мы пользовались в принципе теми же фономорфологическими и морфологическими правилами, которые были сформулированы для реконструкции раннепратюркского склонения. Фономорфологические правила для реконструкции позднепратюркского склонения дополняются следующими:

1) алломорфы род. и вин. падежей для основ, оканчивающихся на гласный (именная парадигма), имеют в своем составе подвергшийся переосмыслению посессивный *n* (>вставной *n*); посессивно-именная парадигма 3-го лица (из всех аффиксов принадлежности только аффикс 3-го лица оканчивается на гласный) подчиняется этому правилу лишь частично — в отношении род. падежа, между тем как оформление вин. падежа 3-го лица специфично;

2) в соответствии с постулируемой нейтрализацией глухих и звонких согласных в тюркском праязыке принимается гипотеза о том, что алломорфы местн. и исх. падежей, имеющие в анлауте глухой смычный *t*, распространились на основы с согласным и гласным в окончании (именная парадигма), а также на посессивно-именную парадигму 3-го лица.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПОЗДНЕПРАТЮРКСКИХ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ НА ФОНОМОРФОЛОГИЧЕСКОМ И МОРФОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЯХ

Основной падеж совпадает по форме с основой имени, а в посессивно-именной парадигме — с именем, снабженным соответствующим аффиксом принадлежности.

Родительный падеж. Все его алломорфы содержат узкий гласный *I* и зубно-носовой *n* или заднеязычный носовой *ŋ* (эти варианты отражают различия по диалектам позднепратюркского языка). Парадигмная дистрибуция алломорфов род. падежа отличается равномерностью и симметричностью. Алломорфы род. п. *-In*~*-Iŋ* продолжают доминировать в большей части именной парадигмы, где они присоединяются к количественно преобладающим именам на согласный, и в большей части посессивно-именной парадигмы, где эти алломорфы присоединяются к именам с аффиксом принадлежности 1, 2-го лица ед. и мн. числа, также оканчивающимся на согласные (*-m, -ŋ, -z*).

В посессивно-именной парадигме 3-го лица представлены алломорфы род. падежа с посессивным *n*: *-nIn*~*-nIŋ*. Эти алломорфы из посессивно-именной парадигмы 3-го лица, где они выступают после аффикса с узкими гласными *-(s)I*, проникли в именную парадигму, закрепившись здесь сначала за именами, оканчивающимися на узкие гласные, а впоследствии за именами с любым гласным в окончании. Таким образом, аналогизирующим фактором явилось сходство фонетических позиций в посессивно-именной парадигме 3-го лица и части именной парадигмы. Благодаря этому алломорфы род. п. *-nIn*~*-nIŋ* в позднепратюркском также имеют вполне симметричную парадигм-

ную дистрибуцию, охватывая меньшую часть посессивно-именной (для 3-го лица) и именной (для имен на гласный) парадигм.

Винительный падеж. Все его алломорфы содержат узкий гласный *I*. Парадигмная дистрибуция алломорфов этого падежа отличается заметной неравномерностью и асимметричностью. Алломорфы вин. п. *-I* характеризуют бóльшую часть именной парадигмы, присоединяясь к количественно преобладающим именам на согласный.

Противопоставляемая именной парадигме посессивно-именная парадигма 3-го лица имеет алломорф вин. п. *-n*, материально совпадающий с посессивным *-n-*. По признаку оформления вин. падежа посессивно-именная парадигма 1, 2-го лица ед. и мн. числа в позднепратюркском не противопоставлялась посессивно-именной парадигме 3-го лица, но, напротив, подравнивалась под нее. Для имен с аффиксами принадлежности 1, 2-го лица ед. и мн. числа характерен составной алломорф падежа, который включает в себя алломорфы *I*, закрепленный за именами на согласный, и *n*, специфичный для 3-го лица.

Меньшая часть именной парадигмы (имена с гласным в окончании) также испытала на себе в вин. падеже аналогизирующее воздействие посессивно-именной парадигмы 3-го лица. Благодаря этому воздействию для имен с гласным в окончании используется составной алломорф этого падежа *-ni:* посессивный *n*, переосмысливаемый здесь во вставной элемент, + алломорф *I*.

Неравномерность и асимметричность парадигмной дистрибуции алломорфов вин. падежа, различающихся к тому же своей структурой, впоследствии явились причиной и поводом для перестроек в этом звене позднепратюркского склонения.

Дательный падеж. Все его алломорфы содержат широкий гласный *A*. Парадигмная дистрибуция тех алломорфов, которые предназначены для имен с согласным в окончании и которые состоят из одного широкого гласного *A*, характеризуется симметричностью: эти алломорфы не только охватывают именную парадигму, но также распространяются на посессивно-именную парадигму. Для 3-го лица используется посессивный *n*, благодаря посредству которого алломорф *-A* следует за аффиксом принадлежности 3-го лица, оканчивающимся на гласный, не нарушая правил слоговой структуры тюркской словоформы. Аналогизирующее воздействие дат. 3-го лица на ту часть именной парадигмы, где налицо схожая фонетическая позиция (гласный в окончании имен), в позднепратюркском языке отсутствовало, хотя в принципе возможность такого воздействия имеет системную основу и вовсе не исключается категорически (ср. чувашский дат. -вин. *-па* в именной парадигме для имен на гласный или киргизский диал. дат. *-па* в именной парадигме для имен, оканчивающихся на дифтонг). Дело в том, что в позднепратюркском надобности в таком воздействии не возникало, поскольку еще в раннепратюркском был найден иной способ устранения зияния для дат. *-A* в именах с гласным окончанием — образование сложного показателя *-qa/-kä*, который, по мнению Б.А. Серебренникова и Н.З. Гаджиевой, содержит в своем составе окончание древнего напр. п. *-q/-k* [1979, 80]. Раннепратюркский дат.-напр. п. *-qa/-kä* подвергся пере-

осмыслению в позднепратюркском, где он превратился в вариант морфемы дат. падежа.

Местный падеж как в именной, так и в посессивно-именной парадигмах представлен алломорфами с глухим смычным *t* в анлауте: *-tA*. Дистрибуция этих алломорфов совершенно равномерна и симметрична в обеих парадигмах. В посессивно-именной парадигме 3-го лица между аффиксом принадлежности и падежным формативом наличествует посессивный *n*.

Впоследствии, по всей вероятности вскоре после распада позднепратюркского языка, начальный глухой смычный в морфеме *-tA* подвергся озвончению в результате развивавшейся прогрессивной ассимиляции. Благодаря этому число алломорфов увеличилось — *-tA, -dA*. Эти алломорфы местн. падежа имеют тотальное распространение в современных тюркских языках и диалектах.

Рефлексы старой морфемы *-tA* с глухим смычным в анлауте отмечаются в тюркских руничесих памятниках, где после основ на гласные и звонкие согласные (кроме *l, n, r*) представлены алломорфы *-dA*, а после основ на *l, n, r* (за крайне редкими исключениями), как и на глухие согласные, — *-tA* [Кононов 1980, 157].

Исходный падеж как в именной, так и в посессивно-именной парадигмах представлен сингармоническими алломорфами, имеющими в своем составе глухой *t* в анлауте, слогообразующий широкий гласный *A* и носовой аффрикат *n* в ауслауте: *-tAn*. Алломорфы исх. падежа со слогообразующим узким гласным *-I*, судя по их современному распространению, представляли собой региональную инновацию (южносибирский и центральноазиатский регионы, а в средние века также отчасти и юго-восточный регион), возникшую под аналогизирующим воздействием морфем *I*-класса, в частности, возможно, как это предполагал В.А. Богородицкий, под воздействием морфемы род. п. *-nIŋ*. Возможность перекрестных аналогизирующих взаимодействий между морфемами *A*-класса и *I*-класса подтверждается наличием алломорфов род. п. *-nAŋ* (наряду с *-nIŋ*) в древнеуйгурских *n*-диалектах [Gabain 1950$_1$, 87] и исх. п. *-daŋ* в современных шорском, алтайском и хакасском языках (конечный *-n*>*-ŋ* под аналогизирующим воздействием род. п. *-nIŋ*).

Дистрибуция алломорфов исх. п. *-tAn* совершенно равномерна и симметрична в обеих парадигмах. В посессивно-именной парадигме 3-го лица между аффиксом принадлежности и падежным формативом налицо посессивный *n*.

Рефлексы старой морфемы исх. падежа с глухим смычным *-tAn* (а также менее употребительные *-tIn*), как и местн. п. *-tA*, отмечаются после гласных и сонантов в современном сарыгюгурском языке (наряду с более поздними звонкими вариантами): *arata* 'в середине', *qojta* 'у овцы', *jyłta* 'в году', *sutan* 'из воды', *ayyłtan* 'со двора', *aqanyŋqytyn* 'от своего старшего брата' [Тенишев 1976$_1$, 54, 55]. В саларской посессивно-именной парадигме сохранились алломорфы местн. и исх. падежей с начальным глухим смычным: *qōłymta* 'в моей (нашей) руке', *emeginte* 'в твоем (вашем) хлебе', *susynta* 'в их воде'; *qōłymtan, emeginten, susyntan* [Тенишев 1976$_2$, 108].

* * *

Таким образом, в позднепратюркском языке реконструируется непротиворечивая система склонения, формы которой системно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Такая реконструкция стала возможной благодаря тому, что последовательно учитывались оба существенных для тюркского склонения противопоставления: "согласное склонение — гласное склонение" и "посессивно-именная парадигма — именная парадигма".

Восстановление на фономорфологическом уровне тех падежей, алломорфы которых могут иметь в анлауте как гласный, так и согласный, проводилось с учетом противопоставления "согласное склонение — гласное склонение". Поэтому род., вин. и дат. падежи представлены двумя сериями алломорфов: род *-In~-Iŋ* и *-nIn~-nIŋ*, вин. *-I* и *-nI*, дат. *-A* и *-qa, -kä* (первый ряд предназначен для согласного склонения, второй — для гласного склонения). В соответствии с предлагаемой реконструкцией мы не считаем кыпчакскими чертами ни дат. *-ya*, ни вин. *-n*, принадлежность которого к тому или иному типу склонения до недавнего времени признавалась недостаточно выясненной [Баскаков и др. 1966, 17]. Дат. *-ya* может быть признан кыпчакизмом, по нашему мнению, только в строго определенной позиции: после имен с согласным в ауслауте (в том числе и после аффиксов принадлежности 1 и 2-го лица мн. числа).

В реконструциях 1977 и 1979 гг. вопросу о соотношении гласного и согласного склонения уделялось недостаточное внимание, и падежные алломорфы восстанавливались практически без регулярного учета того, на гласный или согласный оканчивалось склоняемое имя. Так, восстанавливались, например, алломорфы, фактически предназначаемые для имен с согласным в окончании,— род. *-Iŋ* и вин. *-Iг*, — и в одном ряду с ними дат. *-ka* (т.е. алломорф для имен с гласным в ауслауте? — условия употребления не указаны) [Щербак 1977, 61], см. также род. *-ың, -иң*, вин. *-ы, -и* (т.е. алломорфы для имен с согласным в ауслауте?) и дат. *-қа, -гә, -а, -ә* (т.е. алломорфы для имен и с гласным, и с согласным в ауслате?) [Серебренников, Гаджиева 1979, 88]. В той и другой реконструкциях не указано, каким путем устранялось зияние в род. и вин. падежах в том случае, когда основа оканчивалась на гласный.

Вслед за А.М. Щербаком [1977, 61] для падежей, алломорфы которых в современных тюркских языках могут иметь как глухие, так и звонкие начальные согласные, в предлагаемой реконструкции приняты алломорфы с глухим согласным в анлауте: дат. *-qa, -kä;* местн. *-tA;* исх. *-tAn*. Ср. другое решение этой проблемы, в соответствии с которым восстанавливаются алломорфы и с глухим, и со звонким согласным в анлауте [Серебренников, Гаджиева 1979, 88].

В предлагаемую реконструкцию общетюркского склонения накануне распада пратюркского языка закономерно включены формы посессивно-именной парадигмы, при этом освещено взаимодействие этой парадигмы с именной. Это взаимодействие особенно заметно на примере род. и вин. падежей; вместе с тем отмечались и случаи, когда такое взаимодействие в принципе могло бы иметь место, но фактически

в подавляющем большинстве языков отсутствует (дат. падеж). Освещение взаимодействия притяжательного и именного склонения находим в реконструкции 1977 г. [Щербак 1977, 33—34], однако, представлению форм притяжательного склонения на морфологическом уровне здесь не уделяется внимания, как, впрочем, и в реконструкции 1979 г.

В соответствии с предлагаемой реконструкцией самостоятельный парадигматический ряд образуют лишь имена, снабженные аффиксом принадлежности 3-го лица. Данная парадигматическая модель в силу своей последовательной структурной обособленности исторически обнаруживает очень большую устойчивость.

Такой обособленности не было у склонения имен с аффиксами принадлежности 1 и 2-го лица ед. и мн. числа. Не имея в позднепратюркском фономорфологических отличий от склонения имен с согласным в ауслауте, оно располагает только одной парадигматической формой, которая отличает его от склонения имен и вместе с тем сближает с посессивно-именной парадигмой 3-го лица, — это вин. на *-(I)n*. Не исключено, что именно это единственное парадигматическое отличие имен с аффиксами принадлежности 1 и 2-го лица ед. и мн. числа впоследствии могло стимулировать возникновение новых парадигматических форм, явившихся предпосылкой к сложению нового парадигматического рода, например в языках кыпчакской группы.

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН ПОСЛЕ РАСПАДА ПРАТЮРКСКОГО ЯЗЫКА

После распада позднепратюркского языка образуются, по крайней мере, три типа склонения, но все они устойчиво характеризуются свойственной пратюркскому склонению чертой — оппозицией "именная парадигма — посессивно-именная парадигма". Это исторические огузский, уйгурско-кыпчакский и кыпчакский типы склонения.

Огузский тип склонения структурно сохраняет наибольшую близость к пратюркскому склонению: в нем продолжают действовать не только названное противопоставление, но и противопоставление по признаку "гласный — согласный окончания основы" (см. табл. 1).

Уйгурско-кыпчакский тип склонения утратил противопоставление по признаку "гласный — согласный окончания основы", сохранив оппозицию "именная парадигма — посессивно-именная парадигма" (см. табл. 2).

Кыпчакский тип склонения также утратил противопоставление по признаку "гласный — согласный основы". Что же касается оппозиции "именная парадигма — посессивно-именная парадигма", то здесь она получила дальнейшее свое развитие. Внутри посессивно-именной парадигмы стало действовать новое числовое противопоставление посессивных форм 1 и 2-го лица ед. и мн. числа, что выразилось в образовании фрагментов нового парадигматического

ряда: стало обычным противопоставление форм дат. падежа I и 2-го лица ед. числа *-a* соответствующим формам мн. числа *-ga* (см. табл. 4). Менее распространено по языкам такое противопоставление в сфере вин. (род.-вин.) падежа, фактически оно отмечено в языке сутры "Алтун ярук", а из современных языков — в кумыкском и карачаево-балкарском. В языке сутры "Алтун ярук" вин. падеж I и 2-го лица ед. числа имеет показатель *-n*, но *-ni* для имен с аффиксом принадлежности 2-го лица мн. числа. В современных кумыкском и карачаево-балкарском языках род.-вин. падеж для I и 2-го лица ед. числа представлен афф. *-i*, но *-ni* для 1 и 2-го лица мн. числа, т.е. посессивно-именная парадигма 1 и 2-го лица мн. числа оказалась выравненной по образцу именной парадигмы и в отношении вин. (род.-вин.) падежа.

Дополнительное противопоставление по признаку "ед. число — мн. число" внутри посессивно-именной парадигмы, скорее всего, могло возникнуть не без индуцирующего воздействия местоименной парадигмы, поскольку числовая дифференциация местоимений (прежде всего личных и лично-указательных) и форм принадлежности осуществлялась, бесспорно, в тесной связи и взаимодействии. Вместе с тем важным материальным условием при сложении нового парадигматического ряда в посессивно-именной парадигме явился межуровневый переход морфологического варианта дат. п. *-a* в статус морфологического форматива дат. падежа I и 2-го лица ед. числа.

Можно думать, что в период непосредственно после распада позднепратюркского языка эти три типа склонения — огузский, уйгурско-кыпчакский и кыпчакский — проявлялись в многочисленных подтипах, представлявших собой как бы переходные ступени от одного типа к другому.

Впоследствии, по всей вероятности — приблизительно к XII в., складывается четвертый тип склонения — карлукский [см. Благова 1982, 200—201, 266]. Для склонения карлукского типа характерна утрата обоих противопоставлений — и по признаку "гласный — согласный окончания основ", и по признаку наличия или отсутствия посессивности (см. табл. 5).

О СООТНОШЕНИИ "ВСТАВНОГО" *-N-* ПОСЕССИВНО-ИМЕННОЙ ПАРАДИГМЫ 3-ГО ЛИЦА И МЕСТОИМЕННОГО ОСНОВООБРАЗУЮЩЕГО *-N*. РЕКОНСТРУКЦИЯ

Применение системного подхода в сравнительно-исторической морфологии тюркских языков позволило осуществить реконструкцию пратюркского склонения во всем его объеме — именной, посессивно-именной и местоименной парадигм. В свою очередь, это помогло поставить вопросы межпарадигмного порядка, важные как в системном, так и генетически интерпретирующем плане, но пока еще системно не изучавшиеся, а именно: а) существуют ли соотношения между "вставным" *-n-* посессивно-именной парадигмы 3-го лица и

местоименным основообразующим *-n*? б) если такие соотношения существуют, то каков их характер на различных этапах развития тюркских языков (в целях удобства исследования — от современного до праязыкового состояния)?

В связи с этимологизацией "вставного" *-n-* посессивно-именной парадигмы 3-го лица в тюркологической литературе высказывались различные мнения [критический обзор см.: Благова 1982, 33—35]. Наибольшее распространение получила гипотеза, так или иначе связывающая *-n* с системой местоимений, прежде всего личных; это сказалось и на существующей терминологии, см. соотношение "именное *-n* — местоименное *n*".

Одна из разновидностей этой гипотезы в наиболее явном виде сформулирована Г.И. Рамстедтом. Ученый считал, что местоимение 3-го лица (им. п. *i*, основа *in-*), которое как самостоятельно воспринимаемое склоняемое слово сохранилось только в маньчжурском языке, в тюркских языках эволюционно превратилось в морфему — современный притяжательный суффикс 3-го лица [Рамстедт 1957, 69, 70][50]. Другую разновидность гипотезы предложил В.А. Богородицкий, когда он связывал *-n-* с индуцирующим воздействием местоименной парадигмы на посессивно-именную 3-го лица: "<...> корневое *н* личных местоимений, сохраняющееся перед окончанием в местн. и исх., распространялось путем аналогии на членное притяжательное склонение 3-го лица, получившее также *н* перед окончаниями названных падежей" [Богородицкий 1953, 153].

Притягательная сила изложенной гипотезы в обеих ее разновидностях состоит в том, что она в неявной форме опирается на соображения системного порядка. Индуцирующее воздействие местоименной парадигмы на именную признается типологически наиболее распространенным ([СГГЯ 1963, 3, 303; 1966, 4, 58—59]. Еще больше существует возможностей для подобного воздействия местоименной парадигмы на посессивно-именную парадигму, поскольку обе эти парадигмы тесно связаны между собой грамматически. В самом деле, для той и другой парадигмы характерны грамматические значения личности и лица (посессивно-именная парадигма склонения строится на взаимодействии категорий падежа и принадлежности, а для этой последней точно так же, как и для личных и некоторых других местоимений, определяющими являются грамматические значения личности и лица).

Вместе с тем в этой гипотезе заложена объективная возможность сделать последующий логический шаг. Строго говоря, в этой гипотезе "вставной" *-n-* должен быть связан не с им. падежом

[50] По мнению Г. Рамстедта, "в пратюркском этот *-n*, *-i* употреблялся после основ как на согласный, так и на гласный" [Там же]. В подтверждение этого приводятся, во-первых, факты утраты конечного гласного чувашскими именами в условиях присоединения к ним аффикса принадлежности 3-го лица (чув. *xura* 'черный', но *xuri* 'его чернота') и, во-вторых, единственный пример, где такой утраты не происходит и тем не менее налицо афф. *-i*: уйг. *süngü* 'к его войску'. Этот пример, однако, вряд ли может быть показательным — ср. мнение о том, что в конце слога типа *su* 'вода', *sü* 'войско' выступает неслоговой полугласный *u* [Трофимов 1978, 110].

местоимения 3-го лица *i*, а с его косвенной основой *in-* (по Г.И. Рамстедту)[51], и это вполне согласуется с предложенной ниже реконструкцией ранне- и позднепратюркского склонения личных и указательных местоимений. С точки зрения этой реконструкции *-n-* перед окончаниями локальных падежей 3-го лица также допустимо связывать не с корневым *-n* личных местоимений (как предлагал В.А. Богородицкий), а с местоименным основообразующим элементом *-n*, как при реконструкции склонения указанных местоимений.

При опоре на системный подход к реконструкции именного и местоименного склонения стала возможна предпринимаемая ниже попытка наглядно показать связь "именного *-n-*" с тем "местоименным *-n-*", который участвует в образовании косвенных основ личных и лично-указательных местоимений, т.е. в конечном счете с местоименным склонением (см. табл. 12, в которой обобщены данные, касающиеся как местоименного склонения, так и склонения имен с аффиксами принадлежности 3-го лица).

В табл. 12 сконцентрирован большой языковой материал. Графы по вертикали "Раннепратюркское языковое состояние" и "Позднепратюркское языковое состояние" содержат реконструируемые формы; для письменно зафиксированных периодов раннего средневековья выделены графы "Древнерунические памятники" и "Древнеуйгурско-кыпчакский тип", а для современного языкового состояния — графы по типам склонения — "Уйгурско-кыпчакский тип", "Огузский тип" (с чувашской и якутской разновидностями склонения), "Кыпчакский тип", "Карлукский тип". Внутри каждой такой большой графы, в свою очередь, приводятся данные по склонению а) личных местоимений 1 и 2-го лица ед. числа; б) лично-указательных местоимений 'он, тот' и 'этот'; в) имен с аффиксами принадлежности 3-го лица. По горизонтали таблица содержит графы по падежам, внутри которых под номерами вычленяются: 1) форма данного падежа с *-n-*; 2) форма данного падежа без *-n-*.

С помощью табл. 12 на разных этапах развития тюркских языков, начиная с раннепратюркского языкового состояния и кончая современными тюркскими языками, проводится сопоставление, с одной стороны, фактов наличия — отсутствия *-n-* в посессивно-именной парадигме 3-го лица, а с другой — фактов наличия — отсутствия основообразующего *-n-* в склонении, во-первых, личных местоимений 1 и 2-го лица и, во-вторых, лично-указательных *u* ~ *o* 'он, тот' и *pu* ~ *bu* 'этот'.

В целях более убедительного обоснования предпринимаемой реконструкции начнем анализ соотношения местоименного *-n-* и именного *-n-* с материала, сосредоточенного в правой стороне табл. 12, т.е. с материала современных тюркских языков. Анализ этих данных позволил вычленить две противопоставляемых друг другу разновидности изучаемого соотношения.

---

[51] Для Г. Рамстедта, изучавшего становление категории принадлежности в связи с развитием системы личных местоимений, было естественным выводить *-n-* в составе притяжательного аффикса 3-го лица из косвенной основы местоимения 3-го лица **in-*.

1. Налицо местоименный *-n-* в склонении как личных местоимений 1 и 2-го лица ед. числа и лично-указательных 'он; тот', 'этот', так и имен с аффиксом принадлежности 3-го лица. Назовем эту разновидность изучаемого соотношения согласованностью местоименной парадигмы и посессивно-именной парадигмы 3-го лица относительно обязательного наличия *-n-*. Такая согласованность в принципе присуща большинству современных тюркских языков и прежде всего тем, которые имеют склонение огузского и кыпчакского типов; сюда же примыкают чувашский и якутский языки. К этому же типу должны быть отнесены в целом также языки со склонением уйгурско-кыпчакского типа.

2. Налицо местоименный *-n-* в склонении личных и лично-указательных местоимений ед. числа при полном отсутствии именного *-n-* в склонении имен с аффиксом принадлежности 3-го лица. Назовем эту разновидность изучаемого соотношения несогласованностью местоименной парадигмы и посессивно-именной парадигмы 3-го лица относительно наличия—отсутствия *-n-*. Такая несогласованность характерна для весьма ограниченного числа современных тюркских языков, имеющих склонение карлукского типа[52].

Группы тюркских языков, вычленяемые по типу склонения, характеризуются определенным для каждой такой группы кругом отступлений (с точки зрения синхронии) от той или другой из двух намеченных разновидностей соотношений местоименной парадигмы и посессивно-именной парадигмы 3-го лица. Целесообразно рассмотреть такие отступления в рамках этих двух разновидностей соотношений в соответствии с установленными выше типами склонения.

В языках со склонением огузского типа, для которых характерна согласованность парадигм местоименной и посессивно-именной 3-го лица относительно обязательного наличия *-n-*, эти отступления, касающиеся только отдельных падежных форм личных и лично-указательных местоимений ед. числа (но не посессивно-именной парадигмы 3-го лица!), довольно немногочисленны и разнородны. Для род. падежа местоимений 1 и 2-го лица ед. числа стяженные формы без местоименного *-n-*, но с заместительной долготой отмечены в турецких диалектах Родоп: *bä:m* 'мой', *sä:n* 'твой' [Hazai 1959, 222]. В дат.-напр. падеже такие отступления характеризуют азербайджанские диалекты и хорасанотюркский язык с его диалектами. См. аз. диал. *mäjä, mä, mägä* 'мне' и хорас.-тюрк. *mäjä* 'мне', *bu̯ja* 'этому', *u̯ja* 'ему; тому'.

В хорасанотюркском зафиксированы согласованные отступления от данной разновидности соотношений местоименного *-n-* и именного *-n-:* наряду с отмеченными местоименными формами дат. падежа

[52] Такое отсутствие *-n-* в посессивно-именной парадигме 3-го лица вряд ли допустимо связывать с фонетическими процессами. Во всяком случае, исследователь фонетики одного из языков, имеющих склонение карлукского типа, — уйгурского языка — отмечает, что "выпадение *n* проявляется в более узкой сфере, нежели другие аналогичные процессы" [Трофимов 1978, 49]; к тому же оно наблюдается только в конце некоторых высокочастотных морфем – аффиксов и служебных слов [Там же].

без *-n-* здесь наблюдается также отсутствие *-n-* в дат. и местн. падежах посессивно-именной парадигмы 3-го лица: *-(s)I-jA*, *-(s)I-dA* [Doerfer 1978, 163—165]. Хорасанотюркский местн. п. 3 л. *-(s)I-dA* имеет явно миграционный характер, будучи обусловлен воздействием чагатайского языка со склонением карлукского типа. Дат. п. 3 л. *-(s)I-jA* – гибридизированная форма, в которой совместились восточно-огузское *-jA* и карлукское отсутствие *-n-* в членно-притяжательной форме 3-го лица [Благова 1982, 70—73, 213—214]. Дат. падеж местоимений без *-n-*: *mäjä* 'мне', *ŭja* 'ему', *bŭja* 'этому', составляющий в хорасанотюркском еще одну связанную изоглоссу этого цикла, возник в результате индуцирующего воздействия именной и посессивно-именной парадигм (дат. п. *-jA* после гласного) на местоименную парадигму.

В степном диалекте крымскотатарского языка местоименные формы дат.-напр. падежа без *-n-* (*mayan ~ maya ~ ma:* 'мне', *sayan ~ saya ~ sa:* 'тебе', *uya* 'ему', *buyar* 'к этому') вызваны к жизни кыпчакским субстратом [Изидинова 1982, 72].

В чувашском склонении при обязательном наличии местоименного *-n-* отсутствие именного *-n-* отмечено только в одном случае: в род. падаже посессивно-именной парадигмы 3-го лица (*-i-n*).

В якутском языке соотношение местоименного *-n-* и именного *-n-* является непропорциональным уже ввиду того, что склонение лично-указательных и личных (вторичных по своему происхождению) местоимений ед. числа строится по-разному. В склонении лично-указательных местоимений *-n-* представлен во всех падежах. В личных местоимениях *-n-* отсутствует в вин. и дат. падежах[53], но налицо в исх. падеже. Характерно, что и в дат. падеже посессивно-именной парадигмы 3-го лица *-n-* отсутствует: *-(ı)I-yAr*, хотя в целом этой парадигме свойственно наличие обязательного *-n-*.

В тюркских языках со склонением кыпчакского типа, характеризующихся согласованностью парадигм местоименной и посессивно-именной 3-го лица в отношении *-n-*, отступления от этой согласованности являются односторонними — они касаются только местоименной парадигмы (но не посессивно-именной 3-го лица!) и отмечаются притом довольно широко, преимущественно в дат.-напр. падеже личных и лично-указательных местоимений ед. числа. Ср. вариантные формы[54]: кирг. *maya* 'мне', *saya* 'тебе', кар. *~ maja|ma:, ~ saja|sa:*, алт. *mege ~ ma:|me:, sege ~ sa:|se:*, каз., ккалп. *mayan, sayan*, тат. диал. *ayary* 'ему', *byyary* 'этому' [МТД 1974, 36], тат. зл. *mijärgä, sijärgä*, кум. *buyar* 'этому; сюда', *oyar* 'ему,

[53] По мнению Е.И. Коркиной, исторически *-n-* в дат. падеже личных местоимений ед. числа был представлен, поскольку, например, "склонение личного местоимения *мин* в косвенных падежах прошло следующую фонетическую трансформацию: *миниэхэ — мийиэхэ — миэхэ* (дат. п.), *минигин — мийигин — миигин* (вин. п.) <...> Еще Бётлингк заметил, что сонант *н* в личных местоимениях *мин* и *эн* перед аффиксами, начинающимися с гласных, ослабляется в *й*" [ГСЯЛЯ 1982, 189—190].

[54] Здесь и ниже тильда перед формой указывает на то, что эта форма является вариантной (варианты с *-n-* не приводятся). Формы, приводимые через тильду и заключенные в скобки, являются редкоупотребительными вариантами.

тому; туда', каз., ккалп. *buyan, oyan,* кирг. диал. *buyan, ayan*[55]. В других падежах подобные отступления зафиксированы только для одного из названных разрядов местоимений единичных тюркских языков: в саларском род. падеж личных местоимений ед. числа *me:* 'мой', *si:* 'твой', в казахском исх. падеж лично-указательного местоимения *budan* 'от этого; отсюда'.

В целом ряде тюркских языков со склонением уйгурско-кыпчакского типа, для которых характерна согласованность парадигм местоименной и посессивно-именной по признаку обязательного наличия *-n-*, отступления касаются склонения местоимений. При обязательном наличии *-n-* в посессивно-именной парадигме 3-го лица личные и лично-указательные местоимения ед. числа допускают отсутствие *-n-* в дат. падеже. Ср. сюг. *maya/ma:* 'мне', *saya/sa:ya/sa:* 'тебе', *goya ~ aya ~ oya* 'ему', *muya ~ puya* 'этому'; тув. *~ mä:, sä:, a:;* хак. *maya:, saya:, aya:, puya:;* шор. *maga* (*~ ma:*), *saga* (*~ sa:*), *poga, aga* (*~ a:*); тоф. *~ mä: ~ mă:, ~ ă:;* чул. *ma:, sa:, aya* (*~ ärä*). Круг языков, допускающих отсутствие *-n-* в местоименных формах род. падежа, значительно уже. Ср. тув., шор. *me:ŋ* 'мой', *se:ŋ* 'твой', шор. *po:ŋ* 'этого', *a:ŋ* 'его; того', тув. *mo:ŋ, o:ŋ*. При этом для отдельных языков — тофаларского, чулымско-тюркского — формы род. падежа без *-n-* зафиксированы только у местоимений 1 и 2-го лица ед. числа: тоф. *mi:ŋ ~ mim, siŋ*, чул. *me:ŋ, sä:ŋ*. Ср. формы местн. и исх. падежей вторичного местоимения 3-го лица ед. числа *oŋ* 'он' в тофаларском: *oŋ-da* 'в нем', *oŋ-dan* 'от него'.

В немногочисленных тюркских языках со склонением карлукского типа, характеризующихся несогласованностью парадигм местоименной и посессивно-именной 3-го лица относительно наличия — отсутствия *-n-*, отступлений от этого правила зафиксировано немного. При обязательном отсутствии *-n-* в посессивно-именной парадигме 3-го лица исключение составляет только лобнорская вариантная (по всей видимости — миграционная) форма местн. падежа с *-n-: -(s)I-n-dA*. В местоименной парадигме *-n-*, как правило, представлен; отмечено его отсутствие только в дат.-напр. падеже личных и лично-указательных местоимений ед. числа. При этом такие случаи обусловлены либо кыпчакским влиянием (см. малочастотную лобнорскую вариантную форму *aya* 'ему' при более обычной форме с *-n-* — *aŋa*), либо кыпчакским субстратом. Так, в узбекских говорах кыпчакского наречия, имеющих склонение кыпчакского типа, для этих говоров характерны местоименные формы дат.-напр. падежа без *-n-* (*mayan* 'мне', *sayan* 'тебе', *oyan* 'ему', *buyan ~ buya* 'этому').

Рассмотренный материал современных живых тюркских языков и диалектов позволяет утверждать, что в большинстве их существует согласованность между парадигмами местоименной и посессив-

[55] Гипотеза о перестановке" из инлаута в ауслаут *-n-* в словоформах типа *oyan, buyan*, которая высказывалась в среднеазиатскотюркской диалектологии, фонетически не мотивирована и исходит из возможности произвольного манипулирования звуками в составе словоформы.

но-именной 3-го лица по признаку обязательного наличия местоименного *-n-* и именного *-n-*. В то же время в языках, где отмечено отсутствие местоименного *-n-* или именного *-n-*, подобной взаимозависимости не наблюдается. Так, в языках со склонением уйгурско-кыпчакского или кыпчакского типа при достаточно широко распространенном отсутствии местоименного *-n-*, особенно в дат. падеже личных и лично-указательных местоимений ед. числа, *-n-* в посессивно-именной парадигме 3-го лица представлен совершенно незыблемо[56]. В языках со склонением карлукского типа отсутствие *-n-* в посессивно-именной парадигме 3-го лица не влечет за собой отсутствия *-n-* в местоименной парадигме.

Эти наблюдения наводят на мысль о том, что согласованность парадигм местоименной и посессивно-именной 3-го лица по обязательному наличию *-n-* в них обеих представляет собою явление системно структурированное, подразумевающее охват всех косвенных падежей. О вторичной системной структурированности отношений между парадигмами местоименной и посессивно-именной 3-го лица можно говорить только в отдельных случаях их несогласованности по рассматриваемому признаку. Речь идет о языках со склонением карлукского типа, в которых наблюдается противопоставление: местоименная парадигма, характеризующаяся обязательным наличием *-n-*, – посессивно-именная парадигма 3-го лица с облигаторным отсутствием *-n-*. Это противопоставление проходит через все косвенные падежи.

Во всех остальных случаях несогласованность в использовании местоименного *-n-* и именного *-n-* носит частичный характер и никоим образом не распространяется на всю парадигму — местоименную или посессивно-именную 3-го лица. Напротив, в охвате падежей по языкам действует достаточно жесткая избирательность. При обязательном наличии *-n-* в посессивно-именной парадигме 3-го лица по языкам, имеющим склонение различных типов (кроме карлукского), без *-n-* могут выступать словоформы личных и лично-указательных местоимений четырех падежей — дат. и род., местн. и исх.; при этом характер распространения каждого ряда таких падежных словоформ по языкам резко различается.

Местоименный дат. падеж без *-n-* фактически не испытывает ограничений в лексемном охвате и имеет широкое распространение по языкам, имеющим склонение не только кыпчакского и уйгур-

[56] А между тем, если бы такая взаимозависимость существовала, то отсутствие именного *-n-* в посессивно-именной парадигме 3-го лица следовало бы ожидать скорее в языках со склонением уйгурско-кыпчакского или кыпчакского типов (где отсутствие местоименного *-n-* в строго определенных условиях, главным образом в дат. падеже, довольно широко распространено), чем в языках со склонением карлукского типа (где отсутствие местоименного *-n-* представлено только в отдельных миграционных формах). Взаимосогласованность по признаку отсутствия *-n-* можно наблюдать в хорасанотюркских местоименных и притяжательных (3-го лица) формах дат. падежа: *maja* 'мне', *uja* 'ему', *buja* 'этому'—*-(s)I-jA*, а также в якутских лично-местоименных и притяжательных формах дат. падежа: *mijehe* 'мне', *ejehe* 'тебе' — *-(t)I-yar*.

ско-кыпчакского типов, но также отчасти огузского типа. Наиболее компактно местоименный дат. падеж без *-n-* представлен в языках Сибири и Алтая (алт. *mege* ~ *ma:/me:*, *sege* ~ *sa:/se:*; тув. ~ *mä:*, *sä:*, *a:*; хак. *maγa:*, *saγa:*, *aγa:*, *puγa:*; шор. *maga* ~ *ma:*, *saga* ~ *sa:*, *poga*, *aga* ~ *a:*; тоф. ~ *mä:* ~ *mä:*, ~ *ä:*; чул. *ma:*, *sa:*, *aγa* ~ *ärä*). Ответвления соответствующей изоглоссы проходят через Центральную Азию (сюг. *maγa/ma:*, *saγa/sa:γa/sä:*, *goγa* ~ *aγa* ~ *oγa*, *muγa* ~ *puγa*), Тяньшань (кирг. *maγa*, *saγa*, кирг. диал. *aγan*, *buγan*), Среднюю Азию и Казахстан (каз., ккалп. *maγan*, *saγan*, *oγan*, *buγan*). Отдельные островные ареалы с помощью этой изоглоссы прорисовываются в Поволжье и на Урале (тат. диал. *aγary*, *byγary*, тат. зл. *mijärgä*, *sijärgä*), в Литве и на Украине (кар. ~ *maja/ma:*, ~ *saja/sa:*), в степных районах Крыма (~ *ma:*, ~ *sa:*, ~ *uγa*), на Северном Кавказе (кум. *oγar*, *buγar*) и в Закавказье (аз. диал. *mäjä/mä/mägä*), а также в Северо-Восточном Иране (хорас. ~ *mäjä*, ~ *bụja*, ~ *ụja*).

Второй падеж местоименной парадигмы, в котором личные и лично-указательные местоимения могут выступать без основообразующего *-n-*, – род. падеж — по языкам представлен уже не столь широко, как дат. падеж. Из языков Сибири род. падеж без *-n-* отмечен в тувинском (*me:ŋ*, *se:ŋ*, *mo:ŋ*, *o:ŋ*), шорском (*me:ŋ*, *se:ŋ*, *po:ŋ*, *a:ŋ*), тофаларском (только для 1—2-го лица ед. числа: *mi:ŋ* ~ *mim*, *si:ŋ*), чулымскотюркском (то же ограничение: *me:ŋ*, *sä:ŋ*). Изолированные островные ареалы эта изоглосса дает в Центральной Азии (сал. ~ *me:*, ~ *si:*), а на территории Европы — в Родопах (тур. диал. *bä:m*, *sä:n*).

Местн. и исх. падежи без *-n-* наблюдаются в тофаларском для вторичного местоимения *oŋ* 'он' (*oŋda*, *oŋdan*); исх. падеж без *-n-* — в казахском для местоимения *bu* 'этот' (*budan*). На основании как специфической избирательности в лексемном охвате (вторичное местоимение *oŋ* 'он', а также *bu* 'этот'), так и единичности тех языков, в которых это явление представлено, и их большой отдаленности друг от друга (изолированные островные ареалы) местоименные формы местн. и исх. падежей без *-n-* следует рассматривать как безусловно поздние инновации.

По тем же характеристикам к этой поздней инновации близок и род. падеж местоимений без *-n-*. Из всех четырех падежей, которые в местоименной парадигме могут не иметь *-n-*, достаточно большой широтой распространения по современным тюркским языкам выделяется только дат. падеж. Если из четырех таких падежей три — местн., исх. и род. падежи без *-n-* — могут быть квалифицированы как безусловно поздняя инновация или достаточно поздняя инновация, то с точки зрения системы и четвертую форму — дат. падеж без *-n-* — следует также считать инновацией. Судя по тому, как широко представлен дат. падеж местоимений без *-n-* в языках со склонением уйгурско-кыпчакского и кыпчакского типов, а отчасти также и огузского типа, по тому, как соответствующая изоглосса охватывает обширные территории распространения тюркских языков, имея четко выраженную направленность с востока на запад, приходится признать рассматриваемую форму

за самую раннюю инновацию в этой области, появившуюся, по всей вероятности, вскоре после распада позднепратюркского языкового состояния.

Чрезвычайно показателен неодинаковый, резко неравномерный характер распределения любого из названных падежей местоименной парадигмы без *-n-* как по языкам со склонением уйгурско-кыпчакского, кыпчакского (отчасти огузского) типов, так и внутри каждого такого языка. Все четыре местоименных падежа без *-n-* – дат., род., местн. и исх. — представлены только в одном языке — тофаларском, притом на лексически различном материале (местн. и исх. падежи только для вторичного местоимения *oŋ* 'он'). Связанные изоглоссы местоименных дат. и род. падежей без *-n-* компактно представлены только в языках Сибири и Алтая (тофаларский, тувинский, шорский, чулымскотюркский), т.е. в регионе, который, по всей видимости, исторически являлся центром инновационной утраты основообразующего *-n-* в местоименных формах дат. и род. падежей. На юго-запад от этого региона — в Центральной Азии — те же две связанные изоглоссы вычленяют территорию распространения саларского языка как островной ареал. На запад от сибирско-алтайского региона территория распространения казахского языка выделяется в качестве изолированного островного ареала двумя своими связанными изоглоссами — местоименными дат.-напр. и исх. падежами без *-n-*. Далее на запад пролегают изоглоссы только одного местоименного феномена без *-n-* – чаще дат., реже род. падежей, что может свидетельствовать об угасании инновационных волн в сильно отдаленных маргинальных зонах.

Такой характер распределения связанных и изолированных изоглосс на тюркоязычных территориях служит еще одним веским подтверждением инновационного статуса местоименных падежных форм без *-n-*.

Что касается отсутствия *-n-* в посессивно-именной парадигме 3-го лица, то как черта системно организованная оно характерно для всех падежей этой парадигмы только в языках со склонением карлукского типа (при том, что в местоименной парадигме *-n-* представлен также во всех падежах). Как доказывалось выше, карлукский тип склонения с его специфически устроенной посессивно-именной парадигмой является результатам эволюции, развернувшейся после распада позднепратюркского языкового состояния.

В остальных тюркских языках, имеющих склонение других типов, при наличии *-n-* в местоименной парадигме именной *-n-* в посессивно-именной парадигме может отсутствовать в редких случаях и только в отдельных падежах. Без *-n-* в посессивно-именной парадигме отмечен род. падеж в чувашском (*-i-n*), дат. — в якутском [*-(t)I-γAr*] и хорасанотюркском [*-(s)I-jA*], местн. — в хорасанотюркском [*-(s)I-dA*]. Из этих форм две (дат. и местн. падежи) в хорасанотюркском составляют соответствующие связанные изоглоссы, правда, в основном миграционного или гибридизированного характера. Другие формы без *-n-* – род. падеж 3-го лица в чувашском и дат. падеж 3-го лица в якутском — состав-

ляют две изолированные изоглоссы. Каждая из названных изоглосс обрисовывает по изолированному островному ареалу в не связанных между собой маргинальных зонах. Связь (непосредственную или затемненную процессами конвергенции) с центральной зоной распространения склонения карлукского типа обнаруживает только хорасанотюркский островной ареал; для чувашского и якутского изолированных островных ареалов такая связь исключается. Такой взаимно не обусловленный разброс единичных изолированных изоглосс по отдельным маргинальным участкам тюркоязычных территорий может свидетельствовать о том, что изучаемое явление представляет собой позднюю инновацию.

* * *

Анализ материала, обобщенного в табл. 12, позволяет предложить следующую реконструкцию соотношения *-n-* местоименного и *-n-* именного.

Раннепратюркское языковое состояние характеризовалось *согласованностью* парадигм *местоименной* и *посессивно-именной* 3-го лица относительно обязательного наличия *-n-* в косвенных падежах.

Осн. падеж. Основообразующий *-n-* отсутствовал в осн. падеже как личных, так и лично-указательных местоимений (**pi ~ bi, *pu ~ bu, *u ~ o*); соответственно именной *-n-* отсутствовал в осн. падеже посессивно-именной парадигмы 3-го лица[57].

Род. падеж[58] образуется от косвенной основы местоимений, оканчивающейся на *-n-*: **pinim ~ pinin ~ piniŋ* 'мой', **sinim ~ sinin ~ siniŋ* 'твой', **punyn ~ punyŋ* 'этого', **onyn ~ anyn ~ onyŋ ~ anyŋ* 'его'. Соответственно в посессивно-именной парадигме 3-го лица представлен род. падеж с *-n:* **-(s)I-nIn~-(s)I-nIŋ*.

Вин. падеж образуется от косвенной основы местоимений: **pini* 'меня', **sini* 'тебя', **puny* 'этого', **ony ~ any* 'его'. Соответственно в посессивно-именной парадигме 3-го лица представлен вин. падеж с *-n-*: **-(s)I-n*. Возможно, что в случае **-(s)I-n* местоименный основообразующий элемент получил переосмысление в качестве алломорфа вин. падежа [ср. Боргояков 1976, 116] посессивно-именной парадигмы в целом с тем, чтобы поддержать существовавшее противопоставление всех трех парадигм по признаку оформления вин. падежа.

Дат. падеж образуется от косвенной основы местоимений: **pinä* 'мне', **sinä* 'тебе', **puna* 'этому', **ona ~ ana* 'ему'. Соответственно содержит *-n-* дат. падеж 3-го лица: **-(s)I-n-A*.

Напр. падеж образуется от косвенной основы местоимений: **pinäri* 'по направлению ко мне', **sinäri* 'по направлению к тебе'. Соответственно содержит *-n-* напр. падеж 3-го лица: **-(s)I-n-ArI*.

Напр.-продольн. падеж образуется от косвенной основы место-

[57] Этому не противоречит выведение аффикса принадлежности 3-го лица из местоимения третьего лица (им. п. *i*, основа *in-*) [Рамстедт 1957, 69].

[58] Здесь и ниже в целях сокращения изложения приводятся варианты с глухим смычным в анлауте местоимений 'я' и 'этот'.

имений: **pinčä* 'по мне', *sinčä* 'по тебе', **punča* 'по этому', **anča* 'по тому'. Соответственно имеется *-n-* в напр.- продольн. падеже 3-го лица: **-(s)I-n-čA*.

Исх.-местн. падеж образуется от косвенной основы местоимений: **pintä* 'у меня; от меня', **sintä* 'у тебя; от тебя', **punta* 'здесь', **anta* 'там'. Соответственно *-n-* представлен в исх.-местн. падеже 3-го лица: **-(s)I-n-tA*.

В позднепратюркском перестройка склонения коснулась, во-первых, изменения числа падежей (см. об этом с. 106—108) и, во-вторых, особенно заметно — структуры личных местоимений (см. об этом ниже, с. 241 и сл., а также табл. 12). Для целей настоящего изложения подчеркнем только, что к моменту становления позднепратюркских местоимений основообразующий *-n*, прежде характеризовавший косвенную основу местоимений, был обобщен до включения его в состав прямой основы личных местоимений 1 и 2-го лица ед. числа, благодаря чему стал восприниматься как "корневое *n* личных местоимений" [Богородицкий 1953, 153][59].

Таким путем была утрачена согласованность в осн. падеже парадигм местоименной и посессивно-именной 3-го лица относительно обязательного наличия *-n* (точнее, для осн. падежа — отсутствия *-n*, как это было в раннепратюркском). Между тем во всех косвенных падежах такая согласованность продолжала сохраняться (см. табл. 12).

В связи с происходившей утратой вин. падежа на *-°g*, специфицировавшего именную парадигму, и в результате сильного индуцирующего воздействия местоименной парадигмы на именную и посессивно-именную в этих последних все большее распространение получали алломорфы вин. падежа *-nI* ~ *-I*. В качестве равноправного алломорфа вин. падежа 3-го лица наряду с *-(s)I-n* укореняется *-(s)I-nI*.

К периоду распада позднепратюркского языкового состояния, когда от него отделились в первую очередь огузские языки и некоторые другие, по-видимому, можно отнести возникновение внесистемной инновации. Имеется в виду утрата основообразующего *-n-* в дат. падеже личных и лично-указательных местоимений ед. числа. Показательно, что этой инновацией в местоименной парадигме затронут дат. падеж — тот именно падеж, которому и за пределами местоименной парадигмы свойственна известная нестандартность оформления (в одних случаях — генетическая затемненность используемых алломорфов *-jA*, *-A*, в других —

[59] Видимо, именно этой перестройкой структуры личных местоимений ед. числа объясняются те трудности, которые возникают при членении соответствующих падежных форм на основу и падежный алломорф. По Рамстедту, эта перестройка имела противоположную направленность: "В тюркских языках *-n*, также первоначально относившийся к основе, ныне отошел к окончаниям" [Рамстедт 1957, 33]. Н.А. Баскаков в своем комментарии к переводу книги Г.И. Рамстедта писал, что "вопрос о так называемом "соединительном" или "вставочном" *-n-* не может быть так категорически решен", и ссылался на существующие в тюркологии точки зрения, по которым *-n-* тем или другим образом связывается с алломорфами род. падежа [Там же, примеч. 16]

системно не оправданная вариантность различных его алломорфов), как и отсутствие *-n-*, например в составе якутской посессивно-именной парадигмы 3-го лица. Позднее по аналогии с этим явлением в местоименной же парадигме по отдельным разрозненным тюркским языкам подобную утрату претерпевает род. падеж при значительных лексемных ограничениях: *-n-* в род. падеже утрачивают преимущественно местоимения 1 и 2-го лица ед. числа (исключение составляет род. падеж лично-указательных местоимений в шорском — *ро:ŋ, а:ŋ*, а также в тувинском — *то:ŋ, о:ŋ*). В еще более поздний период подобную утрату в единичных тюркских языках претерпевают изолированные (причем различные в разных языках) словоформы местн. и исх. падежей лично-указательных местоимений.

После распада позднепратюркского языкового состояния инновация в изучаемой области коснулась также посессивно-именной парадигмы 3-го лица. Наиболее радикальная инновация затронула те языки, в которых под ее стимулирующим воздействием сложилось склонение карлукского типа[60]. Здесь произошла утрата *-n-* в локальных падежах 3-го лица — дат., местн. и исх. Такая утрата именного *-n-* в языках со склонением карлукского типа была системно структурирована, и этому способствовало переразложение, произошедшее в морфемосочетаниях род. и вин. падежей 3-го лица[61]: посессивно-именная парадигма 3-го лица перестала здесь противопоставляться именной парадигме по признаку (*-n-*), выражающему взаимодействие категорий принадлежности и падежа.

Возможность подобной утраты подтверждается еще более поздними инновациями в этой же области, спонтанно произошедшими в разных падежах посессивно-именной парадигмы 3-го лица таких полярно отдаленных друг от друга языков, как чувашский (род. падеж 3-го л. *-l-n*) и якутский. В якутском представлен редкий случай согласованного отсутствия *-n-* в дат. падеже как вторичных местоимений 1 и 2-го лица ед. числа, так и имен с аффиксом принадлежности 3-го лица (ср. аналогичное согласованное отсутствие *-n-* в хорасанотюркских парадигмах местоименной и посессивно-именной 3-го лица, где это было обусловлено миграцией и гибридизацией форм). На инновационный характер такой согласованности в якутском указывает то, что она уже не распространяется ни на дат. падеж лично-указательных местоимений (там *-n-* налицо), ни на другие падежи; к тому же в дат. падеже личных местоимений ед. числа отсутствие *-n-* якутоведами признается за вторичное: *миэхэ* < *миниэхэ* 'мне' [ГСЯЛЯ 1982, 189—190].

[60] Вторичный характер этой инновации становится ясен, если учесть, что ее действием затронута только посессивно-именная парадигма 3-го лица, в то время как местоименная парадигма таким изменениям не подвергалась.

[61] В *род. и вин. падежах к этому времени успело осуществиться переразложение* морфемосочетаний *(s)l-n-lŋ* > *-(s)l-nlŋ* и *-(s)l-n-l* > *-(s)l-nl*, в результате чего *-n-* был включен в состав алломорфов род. и вин. падежей посессивно-именной парадигмы 3-го лица. Тем самым было достигнуто выравнивание алломорфов в этих падежах для двух парадигм — именной и посессивно-именной — по признаку наличия консонантического анлаута.

Соотношение местоименного *-n-* и именного *-n-* в раннепратюркском и позднепратюркском языковых состояниях, языке древнеруни ческих и средневековых памятников, современных тюркских языках с учетом их типа (разновидности типа) склонения

Падежи		Раннепратюркское языковое состояние			Позднепратюркское языковое состояние			Древнерунические памятники			Древнеуйгурско-кыпчакский тип			Уйгурско-кыпчакский тип			Огузский тип (см. далее "а", "б"):		
		личн. местоим.	лично-указат. местоим.	имена с афф. принадл. 3 л.	личн. местоим.	лично-указат. местоим.	имена с афф. принадл. 3 л.	личн. местоим.	лично-указат. местоим.	имена с афф. принадл. 3 л.	личн. местоим.	лично-указат. местоим.	имена с афф. принадл. 3 л.	личн. местоим.	лично-указат. местоим	имена с афф. принадл. 3 л	личн. местоим.	лично-указат. местоим.	имена с афф. принадл. 3 л.
Осн. (прямая основа местоим.)	1) с *-n*	1) —	—	—	1) *pän ~ bän ~ bẹn ~ män ~ mẹn, *sän ~ sẹn	—	—	1) *bẹn ~ mẹn, sẹn ~ sin*	*ol*	—	1) *män ~ min, sän*	*ol*	—	1) сюг., шор., тув., тоф. *men, sen*; чул. *mäṅ, sạn*; хак. *min, sin*	сюг. *oł ~ goł*; хак. *ol*; шор. *ol*; тув. *ol*; чул. *ol*; тоф. *ol* 'тот', *oŋ* 'он'	—	1) тур. *ben, sen*; гаг. *bäṅ, säṅ*; аз., хорас. *mäṅ, säṅ*; ктат., туркм. *men, sen*	туркм. ~ *ol*, хорас. ~ *bun*	—
	2) без *-n*	2) **pi ~ bi, *si*	**pu ~ bu, *u ~ o*	**-(s) I*	2) —	**pu ~bu, *u ~ o*	**-(s)I*	2) —	*bu (~bo)*	*-(s) I*	2) —	*bu*	*-(s) I*	2) —	сюг. *po/pu*, хак. *pu*, тув., тоф. *bo*	*-(s)I*	2) —	тур., аз., ктат. *bu, o*; туркм. *bu, ~ o*; хорас. *bô ~ bu, ô ~ u*	*-(s) I*
Род.	1) с *-n*	1) **pintn ~ binim ~ pinin ~ binin ~ piniŋ ~bi-niŋ, *si-nim ~ si-nin ~ siniŋ*	**punyn ~ bu-nyn ~ ¸pu-nyŋ ~ bunyŋ, *onyn ~ anyn ~ onyŋ ~anyŋ*	**-(s) I-nIn ~ -(s)I-nIŋ*	1) **bänim ~ bä-nin ~ bäniŋ ~ mänim ~ mä-nin ~ mäniŋ, *sänin ~ sä-niŋ*	**bunyn ~ bunyŋ ~ munyn ~ munyŋ, *onyn ~ onyŋ ~ anyn ~ anyŋ*	**-(s) I-nIn ~ -(s) I-nIŋ*	1) —	*a-n-yŋ*	*-(s) I-nIn ~ -(s) I-nIŋ*	1) *mẹniŋ, sẹniŋ*	*mu-n-yŋ; a-n-yŋ*	*-(s) I-nIŋ*	1) сюг. *menyŋ/miniŋ, senyŋ/siniŋ*; хак. *miniŋ, siniŋ*	сюг. *my-n-yŋ/py-n-yŋ, go-n-yŋ/o-n-yŋ*; хак. *my-n -yŋ, a-n-yŋ*; чул. *a-n-yŋ*; тоф. *mo-n-uŋ, o-n-uŋ* 'того', *oŋ-n-uŋ* 'его'	*-(s) I-n-Iŋ*	1) тур., гаг. *benim*; аз. *mänim*; ктат. *menim ~ benim*; тур., гаг. *se-nin*; аз. *sänin*, ктат. *seniŋ ~ senin ~ seni*	тур., аз., гаг. *bu-n-un, o-n-un*; ктат. *bu-n-uŋ, o-n-uŋ* (*o-n-un*); туркм. *mu-n-uŋ, o-n-uŋ*; хорас. *mu-n-uŋ, mu-n-iŋ ~ mi-n-iŋ*	тур., аз., гаг. *-(s) I-n-In*; туркм., хорас. *-(s) I-n-Iŋ*
	2) без *-n*	2) —	—	—	2) —	—	—	2) —	—	—	2) —	—	—	2) тоф. *mi:ŋ ~ mim, siŋ*; тув., шор. *me:ŋ, se:ŋ*, чул. *me:ŋ, sa:ŋ*	шор. *po:ŋ, a:ŋ;* тув. *mo:ŋ, o:ŋ*	—	2) тур. родоп. *bä:m, sä:n*	—	—
Вин.	1) с *-n*	1) **pini ~ bini, *sini*	**puny ~ buny, *ony ~any*	**-(s)I-n*	1) **bäni ~ bẹni ~ mäni ~ mẹni, *säni ~ sẹni*	**buny ~ muny, *ony ~any*	**-(s)I-n ~ -(s)I-nI*	1) *bẹni/bini ~ mẹni, sẹni/sini*	*bu-n-y, a-n-y*	*-(s) In*	1) *mẹni, sẹni*	*bu-n-y/mu-n-y, a-n-y*	*-(s) I-n (~ -(s) I- nI)*	1) шор., тув., тоф., чул. *meni, seni*; сюг. *meny, seny*; хак. *mini, sini*	сюг. *my-n-y/py-n-y, go-n-y ~ a-n-y/o-n-y*; хак. *my-n-y, a-n-y*; шор. *po-n-y, a-n-y*; тув. *mo-n-u, o-n-u*; чул. *a-n-y*; тоф. *mo-n-u, o-n-u* 'того', *oŋ-n-u ~ oŋ-u-n* 'его'	*-(s)I-n*	1) тур., гаг. *beni, seni*; аз., хорас. *mäni, säni*; хорас. ~ *mani ~ mini*; ктат., туркм. *meni, seni*	тур., аз. *bu-n-u, o-n-y*; гаг. *o-n-u*; ктат. *bu-n-y, o-n-y*; туркм. *mu-n-y, o-n-y*; хорас. *mu-n-i, u-n-i*	*-(s) I-n-i*
	2) без *-n*	2) —	—	—	2) —	—	—	2) —	—	—	2) —	—	—	2) —	—	—	2) —	—	—
Дат.	1) с *-n*	1) **pinä ~ binä, *sinä*	**puna ~ buna, *ona ~ ana*	**-(s) I-n-A*	1) **bana ~ mana ~ maŋa, *sana ~ saŋa*	**buna ~ muna ~ buŋa ~ muŋa, *ona ~ ana ~ oŋa ~ aŋa*	**- (s) I-n-A*	1) *baŋa ~ maŋa, saŋa ~ säŋä*	—	*-(s) I-n-γA (/-ŋA), в еник. пам. редко -(s) I-n-a*	1) *mäŋä, säŋä*	*muŋa (mu-n-γa), a-n-γa/oŋa (o-n-γa)*	*-(s) I-n-γA [-(s) I-ŋ A]*	1) сюг. *maŋa, saŋa*; тоф., тув. *meŋä, seŋä*	тув. *maŋa:* (< *ma-n-γa:*), *aŋa:* (< *a-n-γa:*); тоф. *maŋa* (< *ma-n-γa*), *aŋa* (< *a-n-γa*) 'тому'	*-(s) I-n-γA* (> *-IŋA*); хак., шор. *-(s)I-n-A ~ -(s) I-n-gA*; чул. *-(s)I-n-A ~ -(s)I-n-ga*	1) тур., гаг. *bana, sana*; аз. *mänä, sänä*; ктат., туркм. *maŋa, saŋa*; хорас. *mäŋä ~ maŋa ~ mäŋgä ~ minä, sänä ~ sinä*	тур., аз., гаг. *bu-n-a, o-n-a*; ктат. *buŋa* (< *bu-n-γa*), *oŋa* (< *o-n-γa*); туркм. *muŋa* (< *mu-n-γa*), *oŋa* (< *o-n-γa*); хорас. *mu-n-a/mô-n-a ~miŋä, boŋgä; u-n-a*	*-(s) I-n-A*
	2) без *-n*	2) —	—	—	2) —		—	2) —	—	—	2) —	—	—	2) сюг. *~maγa/ma:, saγa/sa:γa/sa:*; тоф. *~ma:*; тув. *~mä:, sa:*; хак. *maγa:, saγa:*; шор. *maga* (*~ma:*), *saga* (*~sa:*), чул. *ma:, sa:*	сюг. *mu-γa/pu-γa, go-γa ~ a-γa/o-γa*; хак. *pu-γa:, a-γa:*; шор. *po-ga, a-ga*(*~a.*), тув. *~a:*; тоф. *~mä:, ~ä:* 'тому', *oŋ-γa* 'ему'; чул. *a-γa* (*~ärä*)	—	2) аз. диал. *mäjä, mä, mägä*; хорас. *~mäjä*; ктат. степ. диал. *~ ma:, ~sa:*	хорас. ~ *bu-ja, ~u-ja*; ктат. диал. *~ uγa*	хорас. ~ *-(s) I-jA*
Напр.	1) с *-n*	1) Напр.-продольн. **pinäri ~ binäri, *sinäri; *pinčä ~ binčä, *sinčä*	**punča ~ bunča, *anča*	**-(s) I-n-A-rI; *-(s) I-n-čA*	1) диал. **baŋa-ru ~maŋar, *saŋaru ~ saŋar*	диал. **muŋaru ~ munγar, *aŋa-ru ~ aŋar*	*-(s)-n-A-rI*	1) *baŋaru*	*aŋar* (< *a-n-γar*), *aŋaru* (< *a-n-γaru*)	—	1) КБ *mäŋar, saŋär*	*muŋar* (< *mu-n-γar*), *aŋar* (< *a-n-γar*)	—	1) —	—	—	1) ктат. *maŋar*	ктат. степ. диал. *aŋaγa* 'ему'	—
	2) без *-n*	2) —	—	—	2) —	—	—	2) —	—	—	2) —	—	—	2) —	—	—	2) ктат. степ. диал. *maγan ~ maγa, saγan ~ saγa*	ктат. степ. диал. *bu-γar*	—
Местн.	1) с *-n*	1) Исх.-местн. **pintä ~ bintä, *sintä*	**punta ~ bunta, *anta*	**-(s) I-n-tA*	1) **bäntä ~ mäntä, *säntä*	**bunta ~ munta, *onta ~ anta*	**-(s) I-n-tA*	1) —	*bu-n-ta, a-n-ta*	*-(s) I-n-tA*	1) *mẹntä ~ mẹndä, sẹntä ~ sẹndä*; КБ *mendä ~ meniŋdä, sendä ~ seniŋdä*	*mu-/bu-n-da* (КБ: *~ mu-n-yŋ-da*), *a-n-da* (КБ: *~ a-n-yŋ-da*)	*-(s) I-n- dA*	1) сюг.,шор., тув. *mende, sende*; тоф. *mendä, sendä*; чул. *mände, sände*, хак. *minde, sinde*	сюг. *my-n-yŋ-da, go-n-da ~ a-n-da/o-n-da ~ a-n-yŋ-da/onyŋda*; хак., шор. *my-n-da, a-n-da*; чул. *a-n-da*; тув. *my-n-da, y-n-da*; тоф. *my-n-da, y-n-dy* 'там'	*-(s) I-n-dA*	1) тур. *bende, sende;* гаг. *bändä, sendä*; аз. *mändä, sändä*; ктат., туркм. *mendä, sendä*	тур., аз., ктат. *bu-n-da, o-n-da*; гаг. *o-n-da*; туркм. *mu-n-da, o-n-da*, хорас. *my-n-da*	*-(s) I-n-dA*
	2) без *-n*	2) —	—	—	2) —	—	—	2) —	—	—	2) —	—	—	2) —	тоф. *oŋ-da* 'в нем'	—	2) —	—	хорас. *~ -(s) I-dA*
Исх.	1) с *-n*	1) —	—	—	1) **bäntän ~ mäntän, *säntän*	**buntan ~ mun-tan, *ontan ~antan*	**-(s) I-n-tAn*	1) —	—	*-(s) I-n-dAn*	1) *mäntin ~mändin, säntin ~sändin* (МК *sändin ~ sändän*); КБ *mendin ~ me-niŋdin; sendin ~ seniŋdin*	МК *mu-n-dan ~ mu-n-dyn, a-n-dan ~ a-n-dyn*; КБ *mu-n-dyn, a-n-dyn ~ a-n-yŋ-dyn*	*-(s)I-n-dAn*	1) тув., тоф. *menden, sen-den*; чул. *mändin, sändin*; хак. *minneŋ, sin-neŋ*; шор. *meneŋ, se-neŋ*; сюг. *menden ~ menyŋden, senden ~ senyŋden*	сюг. *my-n-yŋ-dan, go-n-dan ~ a-n-dan/o-n-dan ~ go-n-yŋ-dan ~ a-n-yŋ-dan/o-n-yŋ-dan*; тув *mo-n-nan*; чул. *ä-n-dyn*; туф. *mu-n-un/my-n-dan, u-n-un/y-n-dan* 'оттуда'; хак. *my-n-naŋ, a-n-naŋ*; шор. *my-naŋ, a-naŋ*; шор. *my-naŋ, a-naŋ*	*-(s)I-n-dAn;* чул. *-(s)I-n-dIn;* хак., шор. *-(s)I-naŋ*	1) тур. *benden, senden*; гаг. *bendän, sendän*; аз. *mändän, sändän*; ктат., туркм. *mendän, sendän*	тур.,аз., ктат. *bu-n-dan, o-n-dan*; гаг. *o-n-dan*; туркм. *mu-n-dan, o-n-dan*; хорас. *my-n-dan*	*-(s) I-n-dAn*
	2) без *-n*	2) —	—	—	2) —	—	—	2) —	—	—	2) —	—	—	2) —	тоф. *oŋ-dan* 'от него'; тув. *o:n*	—	2) —	—	—
Твор.	с *-n*	**pinin ~ binin, *sinin*	**punyn ~ bunyn, *anyn*	—															

Таблица 12 (окончание)

Падежи		Раннепратюркское языковое состояние			Позднепратюркское языковое состояние			а) чувашская разновидность О.т.			б) якутская разновидность О.т.			Кыпчакский тип			Карлукский тип		
		личн. местоим.	лично-указат. местоим.	имена с афф. принадл. 3 л.	личн. местоим.	лично-указат. местоим.	имена с афф. принадл. 3 л.	личн. местоим.	лично-указат. местоим.	имена с афф. принадл. 3 л.	личн. местоим.	лично-указат. местоим.	имена с афф. принадл. 3 л.	личн. местоим.	лично-указат. местоим.	имена с афф. принадл. 3 л.	личн. местоим.	лично-указат. местоим.	имена с афф. принадл. 3 л.
Осн. (прямая основа местоим.)	1) с *-n*	1) —	—	—	1) *pän ~ bän ~ bẹn ~ män ~ mẹn, *sän ~ sẹn	—	—	1) —	*văl*	—	1) *min, en*	*ol*	—	1) каз., ккалп., кбалк., ног., кум., кар., кирг., алт., сал. *men, sen*; тат., башк. *min*, тат. *sin*; башк. *hin*	каз., ккалп. *bul, ol*; кар. *bu(l), ol*; кирг. *bu(l), al/ol*; башк. *byl, ul*; ног., кбалк., алт., бараб. *ol*; тат. *ul*	—	1) узб., лобн. *men, sen*; уйг. *män, sän*	лобн. *ul/ol*	—
	2) без *-n*	2) **pi ~ bi, *si*	**pu ~bu, *u ~ o*	*-*(s)I*	2) —	**pu ~ bu, *u ~ o*	**-(s) I*	2) *äpĕ, äsĕ*	*ku*	*-ĕ, -i*	2) —	*bu*	*-(t) I*	2) —	кбалк., алт., тат. *bu*, кум. *bu, o*; бараб. *pu(po)*; сал. *pu, vu/u*; кар., кирг. *~bu*	*-(s) I*	2) —	узб., уйг. *bu, u* лобн. *bu, ~ u/o*	*-(s) I*
Род.	1) с *-n*	1) **pinim ~ binim ~ pinin ~ bi-nin ~ pi-niŋ ~bi-niŋ, *si-nim ~ si-nin ~ siniŋ*	**punyn ~ bu-nyn ~ pu-nyn ~ bunyŋ, *onyn ~ anyn ~ onyŋ ~anyŋ*	*-*(s) I-nIn ~ -(s)I-nIŋ*	1) **bänim ~ bä-nin ~ bäniŋ ~ mänim ~ mä-nin ~ mäniŋ, *sänin ~ sä-niŋ*	**bunyn ~ bunyŋ ~ munyn ~ munyŋ, *onyn ~ onyn ~ anyn ~ anyŋ*	**-(s) I-nIn ~ -(s) I-nIŋ*	1) *manăn ~ man, sanăn ~ san*	*ku-n-ăn ~ ku-n, u-n-ăn*	—	1) —	—	—	1) каз., ккалп., ног., алт. *meniŋ, seniŋ*; башк. *mi-neŋ, hineŋ*; бараб. *miniŋ, siniŋ*; кирг. *menin, senin*; кар. *menin ~ menim, se-niŋ*; ног. *menim, seniŋ*; тат. *minem, sineŋ*; тат. ЗС *miniŋki ~ miniki, siniŋki ~ siniki*; сал. *menigi ~ meni, senigi ~ seni*; кбалк., кум. *meni, seni*	каз.*bu-n-yŋ/mu-n-yŋ, o-n-yŋ*; ккалп. *bu-n-yŋ, o-n-yŋ*; ног. *mu-n-yŋ, o-n-yŋ*; башк. *by-n-yŋ, u-n-yŋ*; бараб. *mu-n-yŋ/my-n-yŋ, a-n-yŋ*; алт. *my-n-yŋ/mu-n-yŋ, o-n-yŋ*; кум. *mu-n-u/bu-n-u, o-n-u/a-n-y*; кар. *bu-n-un, a-n-yn*; кирг. *mu-n-yn, a-n-yn*; сал. *mu-n-i/pu-n-y ~ mu-n-i-gi/pu-n-i-gi, a-n-i ~ a-n-i-gi*	*-(s) I-n-Iŋ*; кар., кирг. *-(s) I-n-In*; кум., кбалк. *-(s) I-n-I*	1) узб., уйг. *meniŋ, seniŋ*, лобн. *meni (menim/me-niŋ), seni (seniŋ)*	узб. *bu-n-yŋ, u-n-yŋ*; уйг. *mu-n-yŋ, u-n-yŋ*; лобн. *mu-n-u, a-n-iŋ/ o-n-u*	*-(s) I-n-Iŋ*
	2) без *-n*	2) —	—	—	2) —	—	—	2) —	—	*-I-n*	2) —	—	—	2) сал. *~ me: ~ si:*	—	—	2) —	—	—
Вин.	1) с *-n*	1) **pini ~ bini, *sini*	**puny ~ buny, *ony ~any*	**-(s)I-n*	1) **bäni ~ bẹni ~ mäni ~ mẹni, *säni ~ sẹni*	**buny ~ muny, *ony ~any*	**-(s)I-n ~ -(s)I-nI*	дат.-вин. 1) *mana, sana*	*ku-n-a/ kă-n-a, ă-n-a*	—	1) —	*ma-n-y, o-n-u*	*-(t) In*	1) каз., ккалп., кбалк., ног., кум., кар., кирг., алт., сал. *meni, seni*; бараб. *mini, sini*; тат., башк. *mine, sine* (башк. *hine*)	каз. *bu-n-y/mu-n-y, o-n-y*; ккалп. *bu-n-y, o-n-y*; ног. *mu-n-y, o-n-y*; кар. *bu-n-y, a-n-y*; башк. *by-n-y, u-n-y*; кирг., кбалк. *mu-n-y, a-n-y*; бараб. *mu-n-y/my-n-y, a-n-y*; тат. *mo-n-y, a-n-y*; алт. *my-n-y/ mu-n-y, o-n-y/a-n-y*; сал. *mu-n-e/mu-n-y, a-n-e/a-n-y*	*-(s) I-n*	1) узб., уйг., лобн. *meni, seni*	узб. *bu-n-y, u-n-y*; уйг. *mu-n-y, u-n-y*; лобн. *mu-n-u, a-n-i*	*-(s) I-n-I*
	2) без *-n*	2) —	—	—	2) —	—	—	2) —	—	*-n-*	2) *miigin, ejigin*	—	—	2) —	—	—	2) —	—	—
Дат.	1) с *-n*	1) **pinä ~ binä, *sinä*	**puna ~ buna, *ona ~ ana*	**-(s) I-n-A*	1) **bana ~ mana ~ maŋa, *sana ~ saŋa*	**buna ~ muna ~ buŋa ~ muŋa, *ona ~ ana ~ oŋa ~ aŋa*	*-(s) I-n-A*	1) —	—	—	1) —	*ma-n-yaha, o-n-uoha*	—	1) кбалк., бараб. *maŋa, saŋa*; тат., башк. *miŋa*, тат. *siŋa*, башк. *hiŋä*, тат. ЗЛ. *miŋä, siŋä*; кирг. *~ maŋa, ~ saŋa*, кар. *~ mana, ~ sana*	кбалк. *mu-n-ya, a-n-ya*; бараб. *muŋa/myŋa* (< *mu-n-ya*), *aŋa* (< *a-n-ya*); тат. *moŋa, aŋa*; сал. *muŋa, aŋa/aŋy/ana* (< *a-n-(y) a*)	*-(s) I-n-A*	1) узб. *menga, senga* уйг., лобн. *maŋa, saŋa*	узб. *bu-n-ga, u-n-ga*; уйг. *mu-ŋ-ya* (~ *mu-n-yŋ-ya*), *u-ŋ-ya* (~*u-n-yŋ-ya*); лобн. *muŋa/moŋo* (< *mu-/mo-n-ya*), *aŋa*	—
	2) без *-n*	2) —	—	—	2) —	—	—	2) —	—	—	2) *miehe ~ mieheye, ejiehe ~ ejiheye*	—	*-(t) I-yAr*	2) кирг. *~ maya, ~ saya*: кар. *~ maja/ma:, ~ saja/sa:*; алт. *mege ~ ma:/me:, sege ~ sa:/se:*; кум. *maya, saya*; тат. ЗЛ. *~ mijä, ~ sijä*	ног. *bu-ya, o-ya*; башк. *by-ya, u-ya*; кирг. *bu-ya ~ bo:, a-ya ~ a:*; алт. *bo-yo ~ bo:, oyo ~ o:*; сал. *~ mo:*	—	2) —	лобн. *~ a-ya* (редко); ~~узб. диал. (кыпч.) *bu-ya*~~	*-(s) I-gA*
Напр.	1) с *-n*	1) **pinäri ~ binäri, *sinäri* Напр.-про должн. **pinčä ~ bінčä, *sinčä*	— **punča ~ bunča, *anča*	**-(s) I-n-A-rI* **-(s) I-n-čA*	1) диал. **baŋa-ru ~maŋar, *saŋaru ~ saŋar*	диал. **muŋaru ~ munyar, *aŋa-ru ~ aŋar*	*-(s)-n-A-rI*	1) —	—	—	1) —	—	—	1) кар. *maŋar*; тат. ЗЛ. *miŋärgä, siŋärgä* 2) тат. ЗЛ. *~ mijärgä, sijärgä*; каз., ккалп. *maγan, saγan*	кар. *bu-n-ar, a-n-ar*; тат. *aŋarga* кум. *bu-γar, o-γar*; ккалп., каз. *bu-γan, o-γan*; кирг. диал. *bu-γan, a-γan*; тат. диал. *byγaryˌ, aγary*	— —	1) узб. диал. (огуз.) *maŋan* (при *saŋa*) 2) узб. диал. (кыпч.) *maγan, saγan*	— узб. диал. (кыпч.) *oγan, buγan*	— —
	2) без *-n*	2) —	—	—	2) —	—	—	2) —	—	—	2) —	—	—						
Местн.	1) с *-n*	1) Исх.-местн. **pintä ~ bintä, *sintä*	**punta ~ bunta, *anta*	**-(s) I-n-tA*	1) **bäntä ~ mäntä, sẽntä*	**bunta ~ munta, *onta ~ anta*	**-(s) I-n-tA*	1) *manra, sanra*	*ku-n-ta, u-n-ra ~ u-n-ta*	*-ĕ(i)-n-če*	1) —	*(ma-n-na), (o-n-no)*	—	1) каз., ккалп., ног., кар., кбалк., кирг., алт. *mende, sende*; сал. *mente ~ mende, sente ~ sende*; тат., башк., бараб. *miŋdä, sindä*, башк. *hindä*	каз.*bu-n-da, a-n-da*; ккалп., каз. *bu-n-da/my-n-da, o-n-da*; ног. *mu-n-da, o-n-da*; башк. *by-n-da, u-n-da*; бараб. *munda/mynda, anda*; алт. *mynda/munda, ondo/ anda*; тат. *monda, anda*; кбалк., кирг. *mynda, anda*; кум. *munna, onna*; сал. –	*-(s) I-n-dA*	1) узб. *menda, sen-da*; уйг. *mändä ~ me-niŋdä, sändä ~ seniŋdä*; лобн. *mende, sende*	узб. *bu-n-da, u-n-da*; уйг. *munda, u-n-da ~ u-n-yŋ-da*; лобн. *mu-n-da, a-n-da*	лобн. *~ -(s) I-n-dA*
	2) без *-n*	2) —	—	—	2) —	—	—	2) —	—	—	2) —	—	—	2) —	—	—	2) —	—	уйг., узб. *-(s) I-dA*; лобн. *-(s) I-dA*
Исх.	1) с *-n*	1) —	—	—	1) **bäntän ~ mäntän, *säntän*	**buntan ~ mun-tan, *ontan ~antan*	**-(s) I-n-tAn*	1) *manran, sanran*	*ku-n-tan, u-n-ran ~ u-n-tan*	*-(s)e-n-čen*	1) *miigitten* (< *miigi-n-ten*), *ejigitten* (< *ejigi-n-ten*)	*ma-n-tan, o-n-ton*	*-(t) It-tAn* (< *-(t) I-n-tAn*)	1) кбалк., кар. *menden, senden*; бараб. *mindän /minnän/ minän*; кум., ног., ккалп. *mennen, sennen*; каз. *menen, senen*	кар. *bu-n-dan, a-n-dan*; кбалк. *my-n-dan, a-n-dan*; бараб. *mu-n-dan/my-n-dan, a-n-dan*; тат. *mo-n-nan, a-n-nan*; ног., кум., ккалп. *mu-n-nan, o-n-nan*; башк. *by-nan, u-nan*; каз. *o-nan*; алт. *mu-/my-naŋ, o-/a-n-oŋ*	*-(s) I-nAn* (< *-I-n-nAn* < *-I-n-dAn*); кар. *-(s) I-n-dAn*; алт. *-(s) I-nAŋ*	1) узб. *mendan, sendan*; уйг. *mändin ~ me-niŋdin, sändin ~ seniŋdin*; лобн. *mendin, sendin*	узб. *bu-n-dan, u-n-dan*; уйг. *mu-n-dyŋ, u-n-dän ~ u-n-yŋ-dänˌ* лобн. *mu-n-dyŋ, a-n-dyŋ*	—
	2) без *-n*	2) —	—	—	2) —	—	—	2) —	—	—	2) —	—	—	2) —	каз. *bu-dan*	—	2) —	—	2) *-(s) I-dAn*, уйг., лобн. *-(s) I-dIn*
Твор.	с *-n*	**pinin ~ binin, *sinin*	**punyn ~ bunyn, *anyn*	—															

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ТЮРКСКОГО СКЛОНЕНИЯ В ХРОНОЛОГИЧЕСКИ ОБОЗРИМЫЕ ПЕРИОДЫ

Сравнительное исследование категории падежа в тюркских языках, предпринятое Э.В. Севортяном, позволило установить, что в целом "развитие падежной системы шло в направлении количественного сокращения падежей (дательный взамен пространственных падежей на *-ра* и *-ғару*), передачи падежных значений и функций послелогами (послелоги *иле, бирлен, илен* и т.п. взамен орудийного падежа)" [1956, 61]. За истекшие два десятилетия историческое изучение тюркского склонения в парадигматическом плане практически не привело к принципиальному пересмотру результатов, полученных Э.В. Севортяном [ср. Гаджиева 1975, 272—275, 292; Кондратьев 1974, 21, 22, 26]. Помимо отмеченной Э.В. Севортяном утраты напр. п. *-уаru, -уаr, -ra, -ru*, указывается на исчезновение древнего инстр. п. *-°n*, а также на слияние род. и вин. падежей, например в кумыкском и карачаево-балкарском языках, в ряде узбекских говоров. Обращено внимание на инновационное увеличение числа падежей в ряде языков за счет главным образом так называемых аналитических падежей, в словоформах которых еще ясно вычленяются следы включенного в них послелога: это твор. падеж в чувашском, караимском, казахском, чулымскотюркском, хакасском, шорском, якутском, "отрицательный" и "причинно-целевой" падежи в чувашском [ЯН СССР 1966, 51], напр. п. *-зар* в хакасском, сравн. падеж в якутском. Другой, более редкий источник пополнения числа падежей — заимствование из иносистемных языков: якутский совместн. п. *-лыын* из эвенкийского *-нун*. Наблюдаемое в современных тюркских языках многообразие падежных форм объясняется как "следствие поздних процессов, о чем свидетельствует региональность употребления и относительная прозрачность этимологии" [Щербак 1977, 60].

Процессы развития коснулись также тех падежей, состав которых признается совпадающим в абсолютном большинстве современных тюркских языков [Щербак 1977, 29] и которые приблизительно в том же наборе зафиксированы уже в самых древних тюркских письменных памятниках. Пути к установлению этих процессов открывает изучение взаимодействий между именной, посессивно-именной и местоименной парадигмами в разные хронологические периоды.

Аналогическое выравнивание парадигмы склонения по образцу одной из них. Набор признаков, по которым исторически проводилось противопоставление трех парадигм склонения, не оставался неизменным во все времена. Из этого набора стабильностью отличался только один признак — наличие *-n-* "местоименного" и "именного" в склонении личных и лично-указательных местоимений ед. числа, а также имен с аффиксами принадлежности 3-го лица (последнее — для всех типов склонения, за исключением карлукского).

В разное время именная парадигма противопоставлялась посессивно-именной и местоименной парадигмам также за счет специаль-

но именного формативa вин. падежа *-°g* и приименного инстр. падежа *-°n*. Так, в языке тюркских рунических памятников формативы вин. падежа различны для "чистых" имен (*-°g*), имен с аффиксами принадлежности (*-n*), местоимений (*-ni*). Позднее, в караханидско-уйгурском языке XI в. вин. падеж имел те же формативы, однако здесь их парадигмные соотношения уже совсем другие, нежели в тюркском руническом. Не во всех разновидностях этого языка *-°g* доминировал в именной парадигме: в языке "Кутадгу билиг", например, он сильно потеснен формативом *-ni;* ср. иное положение *-°g* в "Словаре" Махмуда Кашгарского и "Алтун ярук". Из этого можно сделать вывод, что процессы изменения парадигмной дистрибуции формативов вин. падежа происходили, по-видимому, неравномерно по разным близкородственным языкам и диалектам. В частности, здесь отражен существенный сдвиг в парадигмной дистрибуции вин. *-ni*. Этот форматив представлен уже не только в местоименной парадигме, но и в большей части посессивно-именной парадигмы, где *-n* более не доминирует, как это было в языке тюркских рунических памятников. В 1 и 2-м лице ед. и мн. числа в текстах XI в. используется *-ni* (в "Алтун ярук" еще отмечен *-n* для 1 и 2-го лица ед. числа), и лишь в 3-м лице облигаторным является *-n* при допущении менее регулярных случаев варьирования его формативом *-ni*. Проникновение *-ni* в именную парадигму было неравномерным, если судить по текстам. Общее направление изменений определено здесь сильным индуцирующим воздействием местоименной парадигмы на именную и посессивно-именную парадигмы. Такая направленность индуцирующего воздействия признается типологически наиболее распространенной.

Варьирование формативов вин. п. *-°g* и *-ni* в одних текстах было более широким, в других — более ограниченным. С точки зрения исторической перспективности ведущее место в этой конкуренции занимал *-ni* с его тенденцией к универсализации, к охвату всех трех парадигм (эта тенденция реализуется в склонении карлукского типа). Вместе с тем *-°g* сохранял здесь известную жизнеспособность, которая может быть проиллюстрирована отдельными случаями его проникновения в местоименную парадигму "Кутадгу билиг": *kim-ig* 'кого', *o-lar-yγ* 'их', *bu-lar-yγ* 'этих'. Подобными случаями засвидетельствована типологически нехарактерная направленность индуцирующего воздействия от именной парадигмы к местоименной.

Таким образом, вин. падеж на *-°g* в языке XI в. представлял собой продукт не изжитого окончательно обособления падежных парадигм: *-°g* оставался маркером именной парадигмы на фоне происходившего выравнивания всех трех падежных парадигм в отношении вин. падежа. В падежной системе языка XI в. запечатлелась некая переходная фаза не только в развитии вин. падежа, но также и в эволюции соотношений трех парадигм склонения. В тексте XII в. "Атабату л-хакаик" зафиксировано последующее полное вытеснение *-°g* формативом *-ni* из именной парадигмы склонения, завершение аналогического выравнивания трех парадигм по признаку вин. падежа.

Чагатайскими текстами (XV — начало XVI в.) представлено то соотношение парадигм склонения, при котором посессивно-именная парадигма полностью, включая 3-е лицо, выравнена по образцу именной парадигмы; во всяком случае, локальные падежи 3-го лица здесь не имеют *-n-*. В отношении оформления вин. падежа здесь также проявляется унификация всех трех падежных парадигм: *-°g* отсутствует, *-ni* занимает монопольное положение в местоименной и именной парадигмах и посессивно-именной парадигме 1 и 2-го лица ед. и мн. числа, а для 3-го лица свободно варьируется с формативом *-n*.

В современных стандартизованных языках со склонением карлукского типа — уйгурском, узбекском, лобнорском — в результате максимальной унификации именной, посессивно-именной и местоименной парадигм вин. падеж имеет один, общий для всех них, форматив *-ni*. Форматив вин. п. *-n* представлен в современных языках и диалектах с кыпчакским и уйгурско-кыпчакским типами склонения в посессивно-именной парадигме 3-го лица, в якутском языке — во всех трех лицах [см. Radloff 1908, 37; ЯН СССР 1966, 409]. Кроме того, в якутском форматив *-n* вычленяется в составе нерегулярных, как их считал В.В. Радлов, словоформ вин. падежа личных местоимений 1 и 2-го лица ед. числа: *mij-igi-n* 'меня', *äj-igi-n* 'тебя', образованных от лично-притяжательных местоимений типа *mäniki* 'мой', *säniki* 'твой'; возникновение названных нерегулярных форм вин. падежа ученый связывал именно с влиянием посессивно-именной парадигмы на местоименную [Radloff 1908, 34].

Как результат индуцирующего воздействия именной парадигмы на местоименную следует рассматривать редкие случаи проникновения в эту последнюю приименного инстр. падежа: см. в караханидско-уйгурских текстах XI в. *mänin* 'со мной', *anyn* 'с ним'. Таким образом, индуцирующее воздействие именной или же посессивно-именной парадигмы на местоименную осуществлялось практически через единичные модели (вин. п. *-°g* или *-°n*, инстр. п. *-°n*) и имело, скорее всего, компенсационный характер: таким путем предоставлялась возможность несколько уравновесить чересчур активную роль местоименной парадигмы в аналогическом выравнивании всех падежных парадигм.

Обособительные тенденции в развитии тюркского склонения. Наблюдения показывают, что обособительные тенденции в тюркском склонении более всего действуют в местоименной парадигме, причем разные способы выражения этих тенденций держатся там наиболее стойко, хотя каждый из способов и не распространяется на все (или большинство) тюркские языки и не охватывает все местоимения внутри того или иного языка [см. подробно: Благова 1982, 239—242 и сл.].

Одним из частных способов обособления местоименной парадигмы, которые неодинаково и неравномерно представлены и в средневековых текстах, и в современных тюркских языках и диалектах, можно считать такую сугубо диалектную черту, как наличие у некоторых местоимений наряду с обычными еще и услож-

ненных форм локальных падежей (об этой инновации, которая в тюркских языках типологически сопоставима с аналогичными явлениями в алтайских, финно-угорских, кавказских и других языках, см. [Благова 1970, 63 и сл.; ср. Poppe 1977, 55 и сл.]). Такие формы, производные от род. падежа соответствующих местоимений, мы относим к первой модели усложненного местоименного склонения. Способность отдельных местоимений к усложненному склонению была зафиксирована в виде единичных форм еще в языке тюркских рунических памятников, ср. род. п. *biziŋ* 'наш' и дат. *biziŋä* 'нам'; местн.-исх. *biznitä* 'у нас' [Tekin 1968, 138; Кондратьев 1970, 23; Кононов 1980, 165]. Ср. иную трактовку словоформы *бизинтэ* 'от наших' [Насилов В.М. 1960, 35].

В караханидско-уйгурских текстах XI в. отразилось неодинаковое отношение различных близкородственных языков и диалектов к дальнейшему развитию названной способности: усложненное местоименное склонение достаточно широко представлено, например, в "Кутадгу билиг", но вовсе отсутствует в "Словаре" Махмуда Кашгарского, а в сутре "Алтун ярук" отмечена единственная форма *biznitä* [Малов 1951, 188, 193]. Можно думать, что потребность в обособлении местоименного склонения не во всех тюркских языках проявлялась одинаково заметно.

Во всяком случае, даже в "Кутадгу билиг" усложнение не было обязательным: оно не охватывало полностью и равномерно локальные падежи всех местоимений, но, допуская более регулярные "одинарные" варианты соответствующих форм, испытывало целый ряд существенных ограничений, которые могут быть сгруппированы следующим образом. Во-первых, из числа локальных падежей усложнение представлено главным образом и чаще всего в местн. и исх. падежах, в то время как дат. падеж подвергается усложнению гораздо реже. Во-вторых, ограничения касались круга тех местоимений, которые допускали усложнение: наряду с личными и указательными местоимениями ед. числа усложнению по первой модели было способно поддаваться вопросительное *kim* 'кто' в ед. числе. Местоимения мн. числа в усложненных формах локальных падежей здесь не зарегистрированы. Особняком стоят усложненные падежные формы местоимения 1-го лица мн. числа *biz* 'мы' в "Кутудгу билиг", как и приводимая А.фон Габэн [Gabain 1950, 92], А.М. Щербаком [1961, 125—126] и В.М. Насиловым [1963, 41] древнеуйгурская форма местоимения 2-го л. мн. ч. *siz-lär-iŋ-ä* [см. также Севортян 1956, 49]. В-третьих, заметную избирательность усложненного местоименного склонения в лексемном охвате может продемонстрировать сам перечень местоимений, которые поддавались усложнению. Это, в основном, личные местоимения 1 и 3-го лица ед. числа, указательные *bu* 'этот', *ol* 'тот' и вопросительное *kim* 'кто' (редко) также в ед. числе.

Эти ограничения возрастали в текстах последующих столетий. Для XIV в. по тексту "Мухаббат-наме" Э.Н. Наджип приводит усложненную форму *аниŋа* 'ему' [1961, 112], Э.И. Фазылов [1971, 14] для памятников хорезмского круга этого же периода — *ме-*

niŋdin 'от меня'. В более поздних письменных памятниках подобные формы не отмечены.

Ограничения в распространении усложненного местоименного склонения по памятникам разных периодов позволяют думать, что это усложнение имело характер довольно поздно развившейся региональной инновации. Подтверждается это тем, что усложненное местоименное склонение (первая модель) шире всего представлено в тех современных тюркских языках и диалектах, которые локализуются в Центральной Азии и в восточных районах Средней Азии, а именно в новоуйгурском стандартизованном языке с его хамийским наречием, в ферганском говоре уйгуров, а также в сарыг-югурском языке. Как и в средневековых текстах, тенденция к усложнению проявляется далеко не одинаково в названных языках и говорах. Колебания вызваны тем, что в разных тюркских языках и говорах при таком усложнении не совпадают: а) лексемный охват местоимений; б) избирательность по признаку "ед. число — мн. число" или ее отсутствие; в) круг локальных падежей, допускающих усложнение.

Так, в новоуйгурском языке варьированием "одинарных" и усложненных форм локальных падежей охвачены только местоимения 1—3-го лица ед. числа и указательные местоимения ед. числа *u* 'тот', *šu* 'вон тот', *anuna* 'во-он тот' [Наджип 1960, 77, 80; Насилов В.М. 1940, 68]. Усложненная форма дат. падежа личных местоимений ед. числа отмечена для местоимения 3-го лица ед. числа, а также ед. числа указательных *bu* 'этот', *šu* 'вон тот', *anuna* 'во-он тот', *mošu* 'вот тот'. Ср., однако, наличие этой формы для местоимений 1—3-го лица ед. числа в хамийском наречии того же языка, хотя здесь ограничения весьма жестки в отношении не только лексемного охвата местоимений, но и круга тех локальных падежей, которые способны усложняться. Помимо дат. падежа здесь представлены еще только усложненные формы исх. падежа местоимения 1-го лица ед. числа и указательного *bu* 'этот' в ед. числе [Малов 1954, 149, 167, 169, 170, 178]. В ферганском говоре уйгурского языка также местоимения 1—3-го лица ед. числа и указательные местоимения ед. числа *bu* 'этот', *šu* 'тот же', *ešu* 'тот', *mawu* 'вот этот' способны иметь усложненные формы, но только в местн. и исх. падежах; местоимение 3-го лица ед. числа располагает к тому же еще и подобной формой дат. падежа (*unuŋya* ~ *unuŋga*) [Садвакасов 1976, 164—166, 170].

В сарыг-югурском языке, напротив, усложнение местоименного склонения по первой модели отличается широким лексемным охватом и не испытывает каких-либо ограничений в отношении категории числа; более того, для местоимений мн. числа круг усложняемых падежей несколько шире, чем для местоимений ед. числа (прежде всего, 1 и 2-го лица ед. числа). Ограничения приходятся главным образом на самый круг падежей, способных к усложнению, — помимо сужения этого круга в целом для всего местоименного склонения (нет усложненных форм дат. падежа), здесь налицо неодинаковый охват падежей для местоимений ед. и мн. числа.

Не испытывает никаких ограничений только усложненная форма исх. падежа — без какой-либо избирательности она охватывает все личные и указательные местоимения ед. и мн. числа, а также ед. число вопросительных *q'ym* 'кто', *ne* 'что' и возвратного (*men, sen, goł*) *uzu* '(я, ты, он) сам'. Для местн. падежа усложненные формы не зарегистрированы у местоимений 1 и 2-го лица ед. числа, но они имеются (в качестве вариантов к одинарным формам) у местоимений всех трех лиц мн. числа (*myś-te/mys-tyŋ-te, mys-ter-te/mys-ter-nyŋ-te* 'у нас'; *siler-te/siler-nyŋ-te* 'у вас'; *gołar-da/gołar-nyŋ-ta, ołar-da/ołar-nyŋ-da* 'у них'), местоимения 3-го лица ед. числа (*anyŋda/onyŋda* 'у него, у нее'), указательного *po/pu* 'этот' в ед. и мн. числе (*mynyŋda* 'у этого', *pułar-nyŋ-ta* 'у этих'), вопросительных *q'ym* 'кто' и *ne* 'что' (*q'ym-de/q'ym-nyŋ-de* 'у кого', *ne-te/ne-nyŋ-te* 'у чего'), возвратных (*men uzunde/uzunyŋde* 'у меня самого') [Тенишев 1976$_1$, 76—78, 81].

За пределами юго-восточного и центральноазиатского регионов усложненные местоименные формы тех или иных локальных падежей (первая модель) отмечены в некоторых башкирских и татарских говорах. Усложнению поддаются личные и указательные местоимения ед. числа. Круг локальных падежей, для которых возможно усложнение по первой модели, не совпадает по названным говорам. Так, в говоре пермских татар от род. падежа личных и указательных местоимений ед. числа могут быть произведены все три локальных падежа — дат., местн., исх.: *mineŋä* 'мне', *mineŋda* 'у меня', *mineŋdän/mineŋnän/mineŋän* 'от меня' [МТД 1974, 100]; в эчкенском говоре татарского языка представлена единственная усложненная форма — местн. падежа для единственного местоимения 3 л. ед.ч. *anyŋda* [МТД 1976, 134]. В башкирских говорах личные и указательные местоимения ед. числа могут иметь усложненные формы только дат. падежа [БДС 1959, 101, 155; БД 1963, 45; Миржанова 1967, 12, 13; Максютова 1976, 229, 272].

В татарском стандартизованном языке, его диалектах и в ряде башкирских говоров преимущественно местоимение 3-го лица ед. числа и указательные местоимения могут иметь усложненные формы локальных падежей, в основе которых лежит древний напр. падеж на *-yar*. Произведенные таким способом падежные формы мы относим ко второй модели усложненного склонения (о сопоставимости этих форм с усложненными формами первой модели см. [Gabain 1966, 153]). Вторая модель усложнения действительна для всех локальных падежей в татарском стандартизованном языке и ряде его говоров, хотя в других его говорах, как и в некоторых башкирских говорах, она представлена только дат. падежом [МТД 1974, 61; БДС 1959, 144]. Таким образом, в татарском языке по усложненным формам всех локальных падежей, а в башкирских говорах — лишь дат. падежа указательные местоимения и местоимение 3-го лица (реже 1 и 2-го лица) ед. числа противопоставляются всем остальным местоимениям.

В поздние периоды при исторически прогрессирующем процессе выравнивания парадигм по образцу одной из них (наиболее полные

результаты чего представлены в карлукском типе склонения) противоположные обособительные тенденции, развертывающиеся главным образом в местоименной парадигме и реже в посессивно-именной, также действовали и действуют самым различным образом и в различном объеме по разным тюркским языкам и диалектам. Так, например, фронтальное обособление якутской посессивно-именной парадигмы идет вразрез с проявлявшейся в других языках (например, уйгурском, узбекском) тенденцией к максимальному выравниванию посессивно-именной парадигмы по образцу именной. В языках со склонением кыпчакского типа тенденция аналогического выравнивания и обособительная тенденция оказались тесно переплетены. С одной стороны, здесь снято противопоставление "согласное склонение — гласное склонение", и соответственно падежные алломорфы именной парадигмы имеют согласный в анлауте независимо от окончания склоняемой основы, а посессивно-именная парадигма 1 и 2-го лица мн. числа выравнена по образцу именной парадигмы. С другой стороны, посессивно-именная парадигма 1 и 2-го лица ед. числа и 3-го лица обоих чисел обособлена за счет вокалических алломорфов дат. падежа (реже — вин. и род. падежей) и тем самым противопоставлена посессивно-именной парадигме 1 и 2-го лица мн. числа и именной парадигме.

В истории тюркского склонения существовал ряд падежей, строго закрепленных за той или иной парадигмой, а иногда к тому же и омоморфных, как вин. *-n* (посессивно-именная парадигма) и инстр. *-°n* (на поздних этапах развития закреплен за именной парадигмой). Подобная узкая специализация каждого из таких падежей вступала в противоречие с неуклонно прогрессировавшей тенденцией к аналогическому выравниванию всех трех падежных парадигм; уже поэтому эти падежи были обречены или на трансморфологизацию (полную или частичную) или же на вымирание (как это случилось, например, с инстр. п. *-°n*, вин. п. *-°g*). Примечательно, что инновационный твор. падеж, возникший в ряде тюркских языков на основе послеложного сочетания, в отличие от архаического инстр. падежа является одинаково универсальным для всех трех парадигм.

При учете процессов аналогического выравнивания той или иной парадигмы по образцу некоторой третьей, в результате чего преобразовывались межпарадигмные соотношения, местоименная парадигма предстает как важнейшая, ключевая область тюркского склонения. Именно из местоименной парадигмы чаще всего исходили импульсы, в конечном счете преобразовывавшие именную и посессивно-именную парадигму по образцу местоименной. В то же время и сама местоименная парадигма не была чужда известных изменений.

Итак, обособленность местоименной парадигмы не во всех своих деталях была задана изначально. Характер такой обособленности ее компонентов исторически изменялся, как изменялись в составе местоименной парадигмы и соотношения специфицирующих падежей и падежей, формально выравненных для всех парадигм.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Именное словообразование является одной из наиболее разработанных проблем тюркологии. Этому вопросу посвящены многочисленные монографии и статьи как по отдельным тюркским языкам, так и по целым группам тюркских языков. Как совершенно справедливо отмечал Э.В. Севортян, "помимо своего собственно языковедческого значения, интерес к данной теме постоянно поддерживался также и нуждами развивающихся литературных языков, необходимостью найти словесные обозначения для новых понятий" [Севортян 1966, 6].

Изучение именного словообразования в тюркских языках насчитывает длительную историю. Еще в знаменитом словаре Махмуда Кашгарского даются краткие сведения о средствах и способах словообразования. Такие же сведения содержатся и в словаре Ибн-Муханны, а также в грамматических трактатах разных веков, написанных на арабском языке. Однако более детально к этому вопросу стали подходить составители первых тюркских грамматик (XIX в.). В "Грамматике татарского языка" И. Гиганова [1801] выделены такие аффиксы, как *-čy, -ly, -lyq, -ač, -čyq* и др. В грамматике М. Казем-Бека [1846] выделено пять словообразующих аффиксов имен существительных. Такое же количество словообразующих аффиксов выделено К. Бётлингком [Böhtlingk 1851; 1879], в "Грамматике алтайского языка" [1869] и других грамматиках[62]. Однако не все аффиксы, отмеченные в этих грамматиках, являются словообразующими и не все образуют имена существительные. В некоторых грамматиках смешиваются имяобразующие аффиксы с глаголообразующими.

Вопросы словообразования стали объектом более глубокого и детального исследования в советский период. Это, конечно, следует объяснить изменением функционального статуса ранее бесписьменных языков и общественными потребностями, вызванными развитием и взаимовлиянием языков, а также потребностями в образовании новых слов. В отличие от дореволюционных исследований в работах советского периода особое внимание уделяется вопросам семантики словообразующих аффиксов и производных, соотношению производного и производящего. К настоящему времени в тюркологических штудиях приводится более или менее полный инвентарь словообразующих аффиксов по отдельным тюркским языкам, а также и по целым группам этих языков. В данном случае следует особо отметить работы, появившиеся в 50—70 годах — этой проблеме посвящаются многочисленные диссертации, монографии и статьи. Отличительной особенностью этих работ является то, что в них впервые в тюркологии сделана попытка компаративистского освещения проблем глагольного и именного словообразования, а также почти во всех работах затрагиваются вопросы происхождения аффиксов. Однако сравнительно-историческое освещение их пока недостаточно.

[62] Об этом см в многочисленных тюркологических работах, посвященных проблемам словообразования [Севортян 1966, 1962; Орузбаева 1964; Кононов 1956; 1960; Гарипов 1959, Хабичев 1971, Ганиев 1974; и др.].

В данном разделе предпринята попытка рассмотреть тюркское именное словообразование в сравнительно-историческом аспекте. Объектом исследования являются только общетюркские имяобразующие аффиксы, так как они, во-первых, не полностью выделены и, во-вторых, нечетко отделены от аффиксов конкретных тюркских языков. Кроме того, *не до конца изучена семантика аффиксов*, хотя данному вопросу в последнее время посвящены многие работы Б.А. Серебренникова, А.Н. Кононова, А.М. Щербака, А.Г. Гулямова, А.А. Юлдашева, Э.В. Севортяна, Н.А. Баскакова и др.

Не до конца решенным остается вопрос о словосложении и его отношении к словосочетанию. Больше того, некоторые тюркологи в принципе отрицают словосложение, хотя, после работы А.А. Юлдашева [1972], наличие этого способа образования имен не должно вызывать сомнения.

АФФИКС *-lyq*

Это один из наиболее продуктивных аффиксов в тюркских языках как древних, так и современных. Исключение составляет только якутский, однако и в нем можно обнаружить имена, образованные посредством этого аффикса. Л.Н. Харитонов [1947, 101] к таким именам относит *ыллык* 'тропа', *уллук* 'ляжка', *дьаллык* 'порок (недостаток)', *утулук* 'рукавица', *уллук* 'покрышка, верх одеяла' (второе одеяло, пальто и т.п.), *тымтык* 'лучина', *кыстык* 'наковальня; оселок', *кустук* 'радуга', *быттык* 'пах', *сырдык* 'свет', *муннук* 'угол', *түүнүк* 'плесень', *туннук* 'окно' и др. Кроме того, "в ряде случаев афф.*-lyq* встречается в словах, в которых можно выделить живую основу, обычно глагольную: *сыттык* 'подушка' (*сыт* 'лежать'), *хабалык* 'игрушка из лучинок' (*хоп* 'ловить'), *кыстык* 'зимняя юрта' (*кыс* 'зима'), *өттүк* 'бедро' (*орут* 'сторона'), *кыалык* 'трутница, чехлик для трута' (*кыа* 'трут'), *эбиилик* 'прибавка' (*эбии* 'прибавление'), *аһылык* 'еда, корм' (*ас* 'пища') и т.д." [Там же].

По мнению Л.Н. Харитонова, когда-то этот аффикс "приставлялся к именным основам и придавал им значение вместилища или орудия: *кыалык, кыстык, иллык*. Позднее он стал приставляться и к глагольным основам (*сытык, хабылык*)" [Там же]. В современном якутском языке была попытка использовать данный аффикс для образования терминов: *эттик* 'тело' (*эт* 'мясо'), *уматык* 'горючее' (*умай* 'гореть') [Там же]. Видимо, все вышеприведенные примеры можно считать доказательством того, что в определенные периоды развития якутского языка модель с афф. *-lyq* была более употребительна, чем сейчас. Может быть, данный аффикс относился к числу продуктивных.

Афф. *-lyq* представлен в различных фонетических вариантах, вызванных ассимилятивным воздействием конечных согласных производящей основы на начальный согласный аффикса: *-lyq/-läk/-lik, -dyq/-dik, -tik/-tyq/-nik/-lyγ* и т.д.

Афф. *-lyq* относится к группе полисемантичных аффиксов, хотя количество значений у производных с данным аффиксом не во всех

языках одинаково. Например, Н.К. Дмитриев в башкирском языке выделяет четыре значения: а) концентрация отдельных конкретных предметов в каком-либо месте; б) абстрактные понятия; в) целеустремленности или направленности; г) название прибора, инструмента или приспособления, связанное с конкретным предметом [1948, 66—67]. Э.В. Севортян выделяет три основных значения: а) *свойство-качество и состояние*; б) *назначение и функция*; в) *местность или место, где имеется множество предметов природы или добытых человеком* [1966, 20—53]. В турецком языке производные с афф. *-lyq* имеют пять значений: а) место, изобилующее предметами природы, выраженными исходной основой; б) хранилище или помещение, предназначенные для предметов, выраженных исходной основой; в) названия предметов, инструментов; г) названия учреждений и должностей; д) отвлеченные имена [Кононов 1956, 106—107]. М.А. Хабичев в карачаево-балкарском языке выделил шесть значений: а) соразмерность; б) место; в) вещь или приспособление, предназначенные для того, что выражено исходной основой; г) обязанность, отношение, состояние и положение; д) род занятий, профессия или должность; е) отвлеченность [1971, 229—231]. В каракалпакском языке выделены три значения: а) изобилие; б) наличие или назначение данного предмета; в) абстрактность — отвлеченность [Баскаков 1952$_1$, 182]. Ф.А. Ганиев в татарском языке выделяет двадцать значений производных с данным аффиксом [1974, 74—81]. В караимском языке производные с данным аффиксом имеют семь значений: а) абстрактные понятия; б) название места, изобилующего предметами, выраженными основой; в) назначение предметов, выраженных основой; г) положение, состояние или занятие; д) мера времени; е) одна из стран света; ж) подражательность [Мусаев 1964, 104—107].

Как видно из далеко неполного перечня, значения производных модели *N + -lyq* в тюркских языках зависят от значения производящей основы. Но какое значение считать первичным — на данный вопрос тюркологи не дали однозначного ответа. Одни тюркологи считают, что наиболее древним значением производных с афф. *-lyq* было значение места, изобилующего предметами, выраженными исходной основой. По этому поводу Н.К. Дмитриев писал: "*при всем многообразии функций природа аффикса -lyq* едина<...>. Нам кажется, что основным содержанием аффикса является идея концентрации или объединения чего-либо: сперва конкретных предметов, а потом и абстрактных" [1948, 67]. Б.А. Серебренников и Н.З. Гаджиева придерживаются этой же точки зрения [1979, 102].

Отмечая обоснованность и убедительность доводов Н.К. Дмитриева, Э.В. Севортян выразил сомнения в возможности выведения остальных значений из значения концентрации или изобилия [1966, 50—51]. А.М. Щербак [1977, 106], Б.О. Орузбаева [1964, 25] считают, что первоначальным значением форм на *-lyq* было значение *обладания, все остальные значения развились из него. По нашему* мнению, определение первичного значения стоит в прямой зависи-

мости от этимологии данного аффикса. К сожалению, в тюркологии и по этому вопросу нет единого мнения. Г. Рамстедт [1957, 203—204] сравнивает данный аффикс с тунг. *-ruk*. Н.А. Баскаков [1951, 216] пишет, что тюркский *-luk/-lük*, возможно, связан с самостоятельным словом *liq*, встречающимся в новоуйгурском и других языках в значении 'обильный, полный'. Этого же мнения придерживался и Н.К. Дмитриев [1948, 68]. По мнению Н.А. Баскакова, нельзя рассматривать афф. *-lyq* в отрыве от афф. *-ly/-lyy* [1951, 216].

В. Банг считал, что афф. *-lyq* произошел от слова *ilen* 'с, вместе' [Bang 1916 II, 922]. Ж. Дени возводил его к самостоятельному слову *ilik* (от *il* 'прибавлять') [Deny 1920, 328, 787]. В. Котвич писал, что "не исключено, что *lyy, lig* – не исконная форма суффикса; исконной формой следует считать *l*; ведь *l* до сих пор является признаком множественного числа в тунгусских языках" [1962, 109]. Точки зрения, высказанной Н.К. Дмитриевым и Н.А. Баскаковым, придерживаются Д.Г. Тумашева [1964, 69], Ф.А. Ганиев [1974, 75]. Л.С. Левитская пишет: "Нам представляется, что аффикс *-lik* составной и включает два элемента: *-l* с собирательным значением, идентичный *l* в аффиксе *-lar/-ler*, и *k*, происхождение которого пока для нас остается неясным" [1976, 128].

По мнению Б.А. Серебренникова [1974$_1$, 162], в афф. *-lyq* присутствует аффикс собирательной множественности *-l*, который встречается в составе некоторых аффиксов тунгусо-маньчжурских языков [см. Константинова 1964]. Например, в современном эвенкийском языке мн. число образуется при помощи афф. *-l*. Аффикс мн. числа *-la* встречается в современных карачаево-балкарском, кумыкском языках, а также в некоторых говорах турецкого языка [см. Дмитриев 1940; 1956$_2$, 65]. Зафиксирован он в "Диване" Махмуда Кашгарского [МК 1967, 433, 436], а также в текстах из Турфана [Gabain 1954, 1959$_2$, 58]. Отмечен он также в баоаньском языке [Тодаева 1964]. Таким образом, можно предположить, что формант *-l* в афф. *-lyq* и *-l* в афф. мн. числа *-lar* или *-la* некогда выполняли одну и ту же функциональную нагрузку — множественности-двойственности.

Что касается второго элемента афф. *-lyq -q*, то, на наш взгляд, Б.А. Серебренников прав, когда пишет, что афф. *-q* некогда был самостоятельным аффиксом мн. числа. "Можно также предполагать, — пишет Б.А. Серебренников, — что суффикс *-q* содержится в составе сложного суффикса собирательной множественности *-lyq/-lik*. Ср. тат. *наратлык* 'сосняк' от *нарат* 'сосна', *коенлык* 'березняк' от *коен* 'береза', чув. *юманлах* 'дубняк' от *юман* 'дуб', *хурăнлăх* 'березняк' от *хурăн* 'береза' и т.д. Суф. *-k(-q)*, по-видимому, имеет общее происхождение с тюркским архаичным суффиксом двойственного числа, обнаруживающегося в таких словах, как *ajaq* 'нога' (первоначально 'две ноги'), *qolaq* 'ухо' (первоначально 'два уха') и т.д." [Серебренников 1974, 162].

Суф. *-q* в современных тюркских языках встречается в составе глагольных форм: аз. и тур. *jazax* 'напишем', як. *барыах* 'пойдем

с тобою' [Там же], кбалк. *келдик* 'пришли', *ойнадыкъ* 'поиграли', *кюлдюк* 'посмеялись', т.е. в составе окончания 1-го лица мн. числа прош. времени [Там же, 163; Кононов 1969, 10]. В современном эвенкийском языке этот аффикс "придает основам существительных собирательное значение, а также некоторые другие значения: *ирӭвӭг* 'лиственный лес' (*ирэктэ* 'лиственница'), *урэгэсӭг* ~ *урэсӭг* 'гористая местность' (*урэгэн* ~ *урэ* 'гора') [Константинова 1964, 89—90; Суник 1982, 52]. Можно предположить, что формант *-q* (*-k*) в афф. *-lyq* является аффиксом собирательной множественности.

Из вышеизложенного следует, что первичным значением афф. *-lyq* было значение множественности, концентрации, совокупности конкретных предметов, выраженных производящей основой. В реконструируемом виде он имеет форму *l°k*(q...) и имеет непосредственную этимологическую связь с афф. *-lyy* (*-lig*) и *-laq* (*-lay*, *-daq* и т.д.) — см. раздел. об афф. *-lyy* (*-lig*, *-ly*). Все остальные значения этого аффикса являются результатом семантического развития. Наш вывод подтверждается также данными тунгусо-маньчжурских языков. В эвенкийском языке, например, производные по модели N+*-рук/-лук* имеют значение вместилища, футляра, тары, средства для переноса конкретных предметов, названных в производящей основе, например: *инмэрук* 'игольница' (*инме* 'игла'), *сэлэрук* 'ящик для различных инструментов' (*сэлэ* 'железо'), *мурлук* 'конюшня' (*мурин* 'лошадь'), *бунирук* 'кладбище' (*буни* 'мертвец, покойник') [Константинова 1964, 89—90].

Подтверждением нашего вывода могут служить данные древнетюркских письменных памятников разных эпох: *arïysïzlïq* 'нечистоты, навоз' (Suv 613_{17}), *otluq* 'корыто для корма' (МК I 98), *aslyq* 'кухня' (МК I 114), *borluq* 'виноградник' (KP 73_3; USp 24_6), *buyralïq* 'стадо верблюдов-самцов' (ThS 11_8), *čečeklik* 'цветник' (МК 253_{15}; QBH 18_{11}; USp 15_6), *jïyačlïq*) 1) 'лесистое место'; 2) 'место, где хранится тёс, дрова' (МК III 51), *bičenlik* 'ясли' (KW 57), *qavlalïq* 'овощное поле' (USp 30_{22}), *tarïqlïq* 'поле, нива' (ЮгВ$_{191}$), *tereklik* 'роща из тополей' (МК I 59), *ügürlük* 'место, где хранят просо' (МК I 52) и т.д.

Что касается современных тюркских языков, то афф. *-lyq* в значении множественности, концентрации, совокупности употребляется почти во всех языках, но оно не выделено исследователями в современном карачаево-балкарском языке, например в следующих словах: *сёзлюк* 'словарь', *кюзлюк* 'место, засеянное озимыми', *будайлыкъ* 'место, где растет пшеница', *биченлик* 'сенокосное угодье, место, где много травы для косьбы', *тузлук* 'солонка' и т.д. Приведем примеры:

аз. *ayačlyq* 'местность, изобилующая насаждениями, лес, роща', *almalyq* 'яблоневый сад', *tozluq* 'пыльное место', *üzümlük* 'виноградник', *čubuqluq* 'хворостняк', *bulutluq* 'облачность' (Сев., 43—44);

кар. *bitiklik* 'библиотека', *tašlyq* 'шоссе', *tanlyx/tallyq* 'заросли вербы', *balčibinlik* 'пасека', *qozlux* 'ореховое дерево', *narlyk* 'гранатовое дерево', *almalyx* 'яблоня' (Мус., 106);

тат. *naratlyk* 'сосняк', *kajenlyk* 'березняк', *tašlyk* 'каменистое место' (Ган., 49);

башк. *qyvaqlyq* 'кустарник', *urmanlyq* 'лесистая местность', *bozloq* 'ледник', *säskälek* 'цветник', *hazlyq* 'болотистое место', *soqorloq* 'овражистая, изрытая местность', *qomloq* 'пески' (Гар., 92);

ног. *ayašlyq* 'лес', *taslyq* 'каменистое место' (Баск$_1$, 59);

кум. *ayačlyq* 'лесистая местность', *böleklik* 'заросли кустарника', *budajlyq* 'пшеничное поле' (Щерб., 105);

як. *qystyq* 'зимовье' (Хар., 101);

чув. *jymanlьx* 'дубняк', *čullăx* 'каменистое место';

сюг. *taštyq* 'каменистое место' (Тен.$_2$, 48), *astyy* 'съестные припасы, зерно';

сал. *ašlyx* 'зерно, хлеба';

узб. *daštlik* 'степная местность', *tepalik* 'возвышенность', *mevazorlik* 'земля, занятая фруктовым садом', *tuzliq* 'солонка', *suvliq* 'поилка' (Кон., 112).

Значение абстрактности, вероятно, возникло непосредственно из значения совокупности и концентрации — "из представлений более конкретных развиваются представления более абстрактные" [Бодуэн де Куртенэ I, 1963, 57]. Существительные с этим значением образуются в основном от имен, означающих "состояние-качество, свойство-качество или явление по определенному признаку, выраженному основой" [Севортян 1966, 26].

Производные *N + lyq* с абстрактным значением получили большое распространение в тюркских языках как древних, так и современных: *arïylïq* 'чистота, опрятность' (МК I 149; QBH 75$_{18}$; QBK 160$_{16}$; QBH 211$_8$), *aχïlïq* 'щедрость, великодушие' (ЮгС$_{249}$; ЮгС$_{230}$), *ämınlık* 'надежность, верность' (QBH. 163$_2$), *bayyrsaqlïq* 'преданность' (QBK 352$_7$), *bajlïq* 'богатство' (QBH 260$_{11}$; QBH 380; ЮгС 303), *bajlïq* 'богатство' (ЛОК 21$_9$), *dostluq* 'дружба' (ЮгВ$_{73}$; ЛОК 23$_3$), *bädüklük* 'величие' (ПДП 369), *kišilik* 'человечность' (ПДП 394), *adgülük* 'благо, добро' (ПДП 363), *kičiglik* 'умаление, уменьшение' (ПДП 394), *issilik* 'жара' (KW 107), *ačyylyq* 'горечь' (МК I 302), *ärlik* 'мужество, храбрость, героизм' (МК I, 18), *oruqluq* 'усталость' (МК I 173), *äsänlik* 'благополучие, здоровье' (Zaj. Qutba 9/3), *anuqluq* 'проявление готовности' (Zaj. Qutba 43/3) и т.д.;

аз. *bašyalyy* 'иное состояние, перемена', *sajmazlyq* 'неуважение, непочитание, равнодушие', *dinčilik* 'спокойствие, покой', *jüksäklik* 'высота, вышина', *azlyy* 'меньшинство', *sarylyy* 'желтизна', *aqlyq* 'белизна' (Сев., 26—29);

алт. *bajlyq* 'богатство', *ajlyq* 'месячник' (Баск.$_1$, 198);

башк. *qartlyq* 'старость', *jäšlek* 'молодость', *batyrlyq* 'героизм', *jegetlik* 'молодечество' Дм.$_1$, 66);

кар. *šatyrlyq* 'радость', *'tarlyk/tarlyx* 'теснота', *aruvlux/aruvluq* 'красота', *uslulux/usluluq* 'мудрость', *ačlyx/ačlyq* 'голод', *tanyšlyx/tanušluq* 'знакомство', *suvuxlux/suvuqluq* 'холод', *jamanlyx/jamanlyq* 'зло' (Мус., 105);

кбалк. *aruvluq* 'красота', *bijiklik* 'высота', *aqlyq* 'белизна', *batyrlyq* 'героизм', *uzaqlyq* 'дальность', *žarlylyq* 'бедность', *terenlik* 'глубина', *sabyrlyq* 'терпеливость', *azatlyq* 'свобода', *dušmanlyq* 'вражда, вредительство', *bijlik* 'княжество';

тат. *sarylyk* 'желтизна', *batynkylyk* 'вогнутость', *sukyrlyk* 'слепота', *batyrlyk* 'героизм' (Ган., 75—77);

ног. *aqlyq* 'белизна', *jamanlyq* 'зло', *tynyšlyq* 'тишина', *savluq* 'здоровье' (Баск.$_1$, 58—59);

узб. *padšoxlik* 'царство', *bojlik* 'богатство', *dustlik* 'дружба', *olalik* 'пестрота', *oqlik* 'белизна', *küplik* 'множественность', *manmanlik* 'эгоизм' (Кон.$_3$, 111);

гаг. *sennik* 'веселье', *čoklyk* 'множество', *ušaklyk* 'детство' (ТЯ, 116);

уйг. *balalik* 'детство', *jaxšilik* 'доброта', *ikilik* 'двойственность' (ТЯ, 372);

кум. *sarilik* 'желтизна', *goglik* 'голубизна' (ТЯ, 199), *arivlik*/*gözellik* 'красота';

каз. *žäŋildik* 'легкость', *balalyq* 'ребячество', *žililik* 'теплота';

кирг. *žašlyq* 'молодость', *žaqšylyq* 'милость', *köptük* 'множественность', *oruntuk* 'устойчивость' (Оруз., 81), *bijlik* 'власть'.

Производные имена существительные с афф. *-lyq* в современных тюркских языках могут также означать название профессии, склонности [Севортян 1966, 31; Щербак 1977, 105; Хабичев 1971, 231 и др.]. Видимо, Э.В. Севортян прав, когда пишет, что "значение занятия и т.д. родственно <...> значению свойства или состояния. Вместо названия признака в качестве основы здесь выступает название лица по его занятию" [Севортян 1966, 31]. Таким образом, можно объединить эти два значения. Значение профессии и склонности отмечено во многих исследованиях [Севортян 1966; Щербак 1977; Хабичев 1971; Баскаков 1940; 1952$_1$; Орузбаева 1964; Ганиев 1974 и др.].

Модель *N* + *lyq* может также передавать значение назначения, функции. Данное значение отмечено в словаре Махмуда Кашгарского и почти во всех памятниках последующих времен [Севортян 1966, 37—41]. На наш взгляд, это значение ближе к значению наличия двух "подобных" предметов, например: *közlük* 'очки', *bašlyq* 'капюшон', *burunluk* 'намордник', т.е. 'вторая голова', 'вторые глаза', 'второй нос'.

О продуктивности модели *N* + *lyq*. В современных тюркских языках наиболее продуктивной и употребительной является модель *N* + *lyq* с абстрактным значением. Однако многие слова, образованные по этой модели в последнее время, не вошли в активный словарный запас.

Наименее продуктивными и непродуктивными являются: а) названия орудий и приспособлений; б) наименования местности по наличию в ней того, что названо производящей основой; в) наименования денежных знаков; г) наиболее употребительные названия материала с типовым значением "предназначенный для того, что названо производящей основой"; д) прилагательные с типовым значением "обладающий достоинством, названным предыдущим именем" [Юлдашев 1972, 112].

В древнетюркских рунических письменных памятниках эта модель

малопродуктивна. Значение рода занятий и профессии в этих памятниках вообще не встречается. Активное словообразование по модели *N* + *lyq* в тюркских языках зафиксировано начиная с "Дивана" Махмуда Кашгарского.

АФФИКС *-čy*

Аффикс встречается во всех тюркских языках, начиная с древнейших времен. В тюркских (шире алтайских) отмечены многочисленные варианты этого аффикса: *-čy/-ču/-čü/-či/-šy/-ši/-su/-sy/-si/-ča/-če/-č/-čin/-žy/-žu/-zi* и т.д. (качество гласного зависит от гласного производящей основы). Изучению данного аффикса посвящена обширная литература. Однако остается нерешенным вопрос о его происхождении и первоначальном значении.

По мнению Н.Ф. Катанова [1903, 172], афф. *-či* восходит к элементу *čik*, который в результате исторического развития утратил *-k*. Г. Рамстедт [1957, 209] данный аффикс выводит из китайско-корейского слова *čaj* 'мужчина, человек, лицо и т.д'. Н.А. Баскаков [1953, 60] афф. *-čy* связывает с аффиксом условного наклонения *-sa/-se*. Ж. Дени сближал его со словообразующим афф. *-čil*, который в некоторых производных словах дает почти такое же значение, что и *-čy* [Deny 1920, 1077—1078; см. также: Щербак 1977, 104]. В.В. Радлов афф. *-čy* генетически связывал с афф. *-sït, -sut* в якутском языке [Radloff 1908, 22]. Такого же мнения придерживался О. Бётлинг, а элемент *-t* возводил к аффиксу мн. числа *-t* в монгольских языках [Böhtlingk 1851, 103]. В.В. Радлов считал *-t* показателем принадлежности 3-го лица *-ta* [Radloff 1908, 22]. На наш взгляд, мнение О. Бётлинга наиболее близко к истине.

В монгольских языках данный аффикс встречается в виде *-č(-čin), -ša, -šan, -šuul*. Афф. *-šuul* в современном бурятском языке образует имена существительные с собирательным значением от имен прилагательных и "выражает различные возрастные и социальные группы людей, объединенных общностью происхождения или идеологии" [Дондуков 1964, 18] (*baqašuul* 'детвора', *bajašuul* 'богачи, кулачье'). Следовательно, данные бурятского языка тоже подтверждают мнение О. Бётлинга. Действительно, можно допустить, что элементы *-l, -n, -t* в составе тюркских аффиксов *-čyn, -čil, -syt* являются показателями собирательной множественности [Серебренников, Гаджиева 1979, 89—94] и генетически связаны с афф. *-čy*.

В тюркских языках при помощи данного аффикса образуются существительные, обозначающие "лицо по характеру занятия, действий или привычек", социальную принадлежность, место жительства [Щербак 1977, 103]. Видимо, наиболее древним из этих значений является значение "лицо по характеру занятий, действий или привычек", т.е. в определенное время развития тюркских и монгольских языков при помощи данного аффикса образовывались имена прилагательные, обозначающие привычку, склонность к чему-либо [Серебренников, Гаджиева 1979, 102]. Позднее в процессе развития этих языков, "из сферы прилагательных этот аффикс был перенесен в сферу суще-

ствительных, где он был в известной степени переосмыслен и был использован для названия профессии" [Там же]. Как писал А.А. Потебня, "многие суффиксы безразлично образуют как существительные, так и прилагательные, а чем далее в старину, тем более здесь сходства между этими частями речи" [Потебня, 1888, 56].

Э.В. Севортян, касаясь значения афф. *-čy*, писал: "существительные на *-čy* приближаются к производным на *-лы*, означая, как и последние, свойства лица или предмета. Действительно, образования типа *инадчы* 'упрямец' от *инад* 'упрямство' по характеру значения весьма близки к прилагательным типа *абырлы* 'стыдливый, нравственный, приличный, порядочный' от *абыр* (*обру*) 'стыд'. Весьма приближаются они также к прилагательным на *-чыл*, означающим постоянное или устойчивое свойство, присущее предмету. В азербайджанском языке имеется, в частности, параллельная с *инадчы* форма *инадчыл* в том же значении" [1966, 84]. В других языках также встречаются производные на *-čy* со значением постоянного свойства, например: кбалк. *тюйюшюучю* 'драчливый, драчун'.

Что касается остальных значений афф. *-čy*, то они появились позднее, в результате его исторического развития.

Значение характера действия, профессии:

др.-тюрк. *bedizsči* 'резчик по дереву, камню; ваятель' (КТм$_{[1,12]}$), *bošγutči* 'наставник, учитель' (ТТ IV$_{48, 52}$), *bitigči* 'писец' (USp 26$_{17}$; QBK 10$_{12}$; 136$_4$), *balïqčïn* 'белая птица, ловящая рыбу, цапля' (МК 255$_{17}$), *balïqcï* 'рыбак' (Suv 602$_6$), *joγčï* 'участники поминального обряда, плакальщик' (КТ 6$_{51}$), *sabčï* 'вестник' (ThS 11$_{16}$), 'прорицатель' (ThS 11$_{86}$), *qoǰčï* 'пастух, чабан' (ThS I c$_5$), *qoγučï* 'проситель, нищий' (КР 7$_3$; QBH 84$_{12}$), *qonutčï* 'дающий приют, хозяин заезжего двора' (QBH 158$_{30}$) и т.д.;

аз. *oγγču* 'плакальщица', *abverči* 'перекупщик, торговец', *bičinči* 'косарь, жнец', *qazmaču* 'шахтер, бурильщик' (Сев., 85);

алт. *dylkyču* 'пастух лошадей', *čanaču* 'лыжник', *komysču* 'музыкант', *küreščі* 'борец', *tögünči* 'лгун' (Дыр.$_1$, 45—46);

башк. *balyksy* 'рыбак', *timerse* 'кузнец', *hunarsy* 'охотник', *košso* 'птичник', *jazyvsy* 'писать, писец' (Дм.$_1$, 71);

гаг. *düüščü* 'драчун', *jolžu* 'путник', *čiftči* 'хлебопашец, земледелец', *χajvanžy* 'животновод' (ТЯ, 116);

кар. *byrγyču* 'бурильщик', *baltaču* 'плотник', *altyncy* 'золотых дел мастер', *karakču* 'разбойник', *anaču* 'акушер', *töräči* 'судья' (Мус., 108).

ккалп. *temirši* 'кузнец', *balyqšy* 'рыбак', *tuzšy* 'торговец солью', *etikši* 'сапожник', *qojšy* 'пастух', *suvšy* 'водонос', *bazaršy* 'торгующий на базаре' (Баск.$_2$, 189).

кбалк. *atču* 'конюх', *jylqyču* 'табунщик', *čuruqču* 'сапожник', *žolču* 'путник', *kümüščü* 'серебряных дел мастер', *tirmenči* 'мельник', *qojču* 'овцевод, пастух', *qajyqču* 'лодочник';

ктат. *odunžy* 'дровосек';

ног. *qojšy* 'пастух', *tuzšy* 'соляник, продавец соли', *balyqšy* 'рыбак, имеющий дело с рыбой, продавец рыбы', *byzavšy* 'пастух телят', *anšy* 'охотник', *jazyvšy* 'писарь' (Баск.$_1$ 56);

сал. *jirtaγčy* 'охотник', *agačči* 'столяр', *malčy* 'пастух', *satyxčy* 'купец', *temirji* 'кузнец' (Тен.$_1$, 113);

сюг. *qoizy* 'пастух', *sobaqǯy* 'плотник, пастух крупного рогатого скота', *poǯy* 'стрелок', *jyrǯý* 'певец', *sütǯü* 'доярка' (Тен.$_2$, 68);

тат. *baqarčy* медник', *taščy* 'каменщик', *altynčy* 'золотых дел мастер', *kümerče* 'угольщик, торговец углем', *nefče* 'нефтяник, *mramorčy* 'мраморщик' (Ган., 71);

тоф. *aŋšy* 'охотник', *išši* 'следопыт', *balyqšy* 'рыбак', *ibelerši* 'оленевод', *ančy* 'колдун', *malsy* 'скотовод' (Расс., 63).

узб. *baliqči* 'рыбак', *traktorči* 'тракторист', *etikči* 'сапожник', *tarixči* 'старик' (Кон.$_3$, 106);

уйг. *ötükči* 'сапожник';

шор. *uršy* 'драчливый' (Дыр.$_2$, 30);

тур. *avčy* 'охотник', *demirči* 'кузнец', *qözčü* 'окулист', *balykčy* 'рыбак', *kušču* 'птицелов' (Кон.$_1$, 103).

Значение социальной принадлежности:

башк. *vatančy* 'патриот', *respublikasy* 'республиканец', *milletse* 'националист', *staxanovsy* 'стахановец' (Гар., 63—64);

кбалк. *staxanovčy* 'стахановец', *iskračy* 'искровец';

узб. *mičurinči* 'мичуринец', *leninči* 'ленинец' (Кон.$_3$, 107).

Данная модель в современных тюркских языках образуется в основном от заимствованных слов.

Значение места жительства встречается в карачаево-балкарском и тувинском языках [Щербак 1977, 103]: кбалк. *köndelenči* 'житель Гунделена', *byllymčy* 'житель Быллыма', *basxančy* 'житель Баксанского ущелья' и т.д.; тув. *kizilči* 'житель Кызыла'. По мнению А.М. Щербака, оно "позднего происхождения и обусловлено возможностью функционирования формы на *čy* ~*či* в качестве определения" [Там же].

АФФИКС *-DAŠ*

Имяобразующий афф. *-daš* в тюркских языках встречается в фонетических вариантах *-daš*/*-dəš*/*-δaš*/*-taš*/*-das*/*-des*/*-laš*/*-läš*/*-läs*/*-doš*/*-δäs* и т.д. Он относится к малопродуктивным аффиксам. С его помощью образуются имена со значением лица-соучастника, указывающие на совместность в чем-либо. Ср.:

др.-тюрк. *qadaš* 'родич, родственник, родня, родные' (E 42$_2$); *qayadaš* 'родственник, родич' (E 41); *amikdaš* 'молочный брат или молочная сестра', *adaš* 'друг, приятель, товарищ' (QBK, 183$_{12}$; MK 42$_{12}$; QBH 35$_3$; 302$_{13}$); *adaš qoldaš* 'друзья, товарищи' (QBH 330$_6$); *erdäš* 'друзья, товарищи, приятели' (QBH 66$_{11}$); *adaš qudaš* ~ *adaš qadaš* 'товарищи, друзья, приятели' (Chuast L 138);

башк. *jaqtaš* 'сторонник', *juldas* 'спутник', *iptäs* 'товарищ', *ildäš* 'земляк' (Дм., 71);

алт. *karyndaš* 'брат', *d'oldas* 'спутник', *ajyldaš* 'односельчанин, сосед' (Дыр.$_1$, 47);

аз. *qardaš* 'брат', *silahdaš* 'соратник', *sirdaš* 'верный друг', *čyyrdaš* попутчик' (Сев., 164);

кбалк. *qaryndaš-qarnaš* 'брат', *kündeš* 'вторая жена мужа';
каз. *žoldas* 'путник', *žerles* 'земляк', *qyzmettes* 'коллега';
кирг. *ajyldaš* 'односельчанин', *zamandaš* 'современник' (Оруз., 156);
кар. *joldaš-joldas* 'спутник, попутчик', *qaryndaš* ~ *qaryndas* 'брат';
ног. *qaryndas* 'сестра, брат, единоутробный';
тат. *utyrdaš* 'собеседник', *hörəštəš* 'соратник', *isemdəš* 'тезка', *tɪŋdəš* 'сверстник', *yrudaš* 'сородич' (Ган., 81);
тур. *čaydaš* 'современник', *qoldaš* 'подручный', *joldaš* 'спутник';
туркм. *bojdaš* 'ровесница, подруга', *ildeš* 'земляк, соплеменник';
шор. *čoldaš* 'спутник', *karyndaš* 'брат' (Дыр.$_2$, 33);
чув. *joltaš* 'спутник, товарищ', *xurəŋtaš* 'родственник' (Левит., 140).

Аффикс *-daš* в основном присоединяется к именам, хотя и бывают случаи присоединения его к глаголам.

По вопросу о происхождении данного аффикса в тюркологии общепринятого мнения нет. К.Г. Залеман [1898, 130] предполагал, что афф. *-daš* состоит из падежного афф. *-da* и самостоятельного слова *eš* 'друг, товарищ'. Этого же мнения придерживались В. Банг [Bang 1916 II, 325; 1934, 41], А. Джафер-оглы [Caferoğlu 1929, 16]. Одинакового мнения о происхождении данного аффикса придерживаются А. Зайончковский [Zajączkowski 1932, 37] и А.Г. Гулямов [1947, 17—19]. По их мнению, афф. *-daš* состоит из двух элементов — глаголообразующего *-la/-da* и залогообразующего афф *-š*. Некоторые исследователи этимологии данного аффикса возводят его к самостоятельному слову *daš* 'друг' [Муратов 1971]. С. Джафаров [1959] данный аффикс считает персидским заимствованием. А.Н. Кононов придерживается точки зрения А. Зайончковского. Он пишет, что "аффикс *-laš/-daš, -täs/-däs* (*-ta~-la*) — глаголообразующий аффикс + *š* — омоаффикс взаимного залога ~ имени действия (масдара) на *-š*" [1980, 87]. На наш взгляд, данный аффикс образован от падежного афф. *-da/-ta* и залогообразующего афф. *-š*, который, в свою очередь, восходит к аффиксу множественности *-š*.

По мнению А.А. Юлдашева, "общетюркское *-s* как показатель взаимного залога исторически является, по всей вероятности, алломорфом исконной морфемы *-l*, рудиментарно дошедшей до нас в разных значениях множественности [1980, 9]. "Форма на *-š* в значении множественности, вне всякого сомнения, входит в сферу основного залога, трансформацию и модификацию которого представляет собой взаимный залог, отделившийся от него и выражающий главным образом особый вид биносубъективности при двух сопряженных активных действиях" [Там же, 11]. Далее, "значение совместности формы на *-š* представляет предельно суженную модификацию ее первоначального значения множественности, в отличие от которого оно, во-первых, касается всего двух или нескольких параллельных действий, соотнесенных со строго определенными их исполнителями (а не с неуточненным множеством)" [Там же, 13]. Таким образом, исходя из бесспорных выводов А.А. Юлдашева, можно сделать вывод о том, что афф. *-daš* состоит из афф. *-da* и аффикса множественности *-š*.

ГЛАВА II

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Семантика. Имя прилагательное — часть речи, обозначающая статические признаки предмета, явления. В тюркских языках большинство прилагательных имеет также значение признака действия (подобно наречию). Наличие значения признака действия зависит от семантики конкретных прилагательных, т.е. от их лексического значения. Прилагательные в зависимости от лексического значения объединяют в лексико-семантические группы. Однако, общая для тюркских языков семантическая классификация прилагательных еще не разработана. В грамматиках современных тюркских языков семантические группы прилагательных большей частью выделены произвольно; поэтому они лишь частично совпадают друг с другом, хотя выделяются авторами различных грамматик тюркских языков на основе сходного лексического материала.

При изучении семантики прилагательных обращает на себя внимание тот факт, что не все прилагательные могут обозначать признак действия т.е. определять глагол, поэтому следует в первую очередь выяснить, какие прилагательные по своему лексическому значению не могут обозначать признак действия, и попытаться объединить их в соответствующие лексико-семантические группы. Выяснение этого вопроса имеет отношение не только к семантике, но и к синтаксису, поскольку прилагательные, не могущие по своему лексическому значению обозначать признак действия, не могут и выполнять в предложении функцию обстоятельства.

Признак действия не могут обозначать прилагательные со значением цвета: *aq* 'белый', *qara* 'черный', *kök* 'синий, голубой', *sary* (*y*) 'желтый' и др. [см. Мусаев 1964, 179]. По нашим наблюдениям, кроме прилагательных, обозначающих цвет (и масть животных), признак действия не могут выражать также прилагательные, обозначающие: а) "внешние физические или телесные качества" [Кононов 1956, 136], например: тур. *sağır* 'глухой', *kör* 'слепой', *yaş* 'свежий, молодой', *koca* 'старый', *şişman* 'толстый, полный', *küçük* 'маленький', *büyük* 'большой'; б) физиологические или физические состояния, например: *ač* 'голодный', *toq* 'сытый', *say* 'здоровый', *diri*(*y*) 'живой', *ölü*(*y*) 'мертвый', *eski* 'старый, ветхий'; в) социальное положение, например: *evli* 'женатый', *subaj* 'холостой', *dul* 'вдовый (-ая)', *baj* 'богатый', *joqsul* 'бедный, неимущий'.

Прилагательные перечисленных семантических групп тяготеют к

субстантивам, характеризуя по выражаемым ими признакам человека, животных, растения, предметы в целом (а не частично) и без оценки.

Прилагательные других семантических групп могут в своей исходной форме обозначать признак и предмета, и действия[1].

Синтаксические функции. Первичными синтаксическими функциями прилагательных являются функции определения и сказуемого (его именной части). Вторичными синтаксическими функциями прилагательных мы считаем функции обстоятельства образа действия и неглагольного предикатива (ср. в русской грамматике категорию состояния). Во всех этих функциях прилагательные выступают в своей исходной форме, сочетаясь с определяемым именем или глаголом способом примыкания. В функции определения прилагательное занимает позицию перед определяемым именем, в функции обстоятельства — перед глаголом-сказуемым, в функции сказуемого — в конце предложения. Ср.: тур. *büyük ev* 'большой дом', *büyük olmak* 'стать большим', *ev büyük* (*tür*) 'дом — большой', *iyi çocuk iyi okuyor* 'хороший мальчик хорошо учится'; гаг. *bana orda islää* 'мне там хорошо', *büün pek suuq* 'сегодня очень холодно' (функция неглагольного предикатива).

Морфологическая структура. Выделяются прилагательные непроизводные (корневые), производные и сложные.

Корневые прилагательные (неразложимые основы) выделяются в большой мере условно. К ним относят общетюркские односложные основы (они немногочисленны): *kök* 'синий, голубой', *aq* 'белый', *az* 'малый, мало', *bek* 'крепкий, крепко', *dar* 'узкий, узко', *deŋ* 'равный, равно', *keŋ* 'широкий, широко', *keč* 'поздний, поздно', *saq* 'чуткий, чутко', *syy* 'частый, густой, часто, густо' и др.

Производные прилагательные образуются с помощью целого ряда аффиксов от именных и глагольных основ. Аффиксами, образующими относительные прилагательные от именных основ, обычно считаются общетюркские афф. *-ly, -lyq, -syz, -ǯy, -ki* и нек. др. Однако эти аффиксы образуют не только прилагательные, но и существительные, а также различные синтаксические формы именных частей речи. Вследствие этого их нельзя считать специфическими аффиксами образования прилагательных. Ср. туркм. *aqylly* 'умный, с умом', *čagaly* 'с ребенком', *baglyq* (*jer*) 'местность, изобилующая садами', *bäšlik* (*baha*) 'пятерка' (оценка); гаг. *sütsüz* 'безмолочный, без молока', *bensiz* 'без меня', *laflčy* 'разговорчивый, говорун', *jalanǯy* 'лживый, лгун'.

Афф. *-ki* образует от некоторых существительных и наречий относительные прилагательные со значением времени и места, например: аз. *ahšamqy* 'вечерний', *bügünkü* 'сегодняшний', *indiki* 'теперешний'.

[1] В отличие от других тюркских языков, прилагательные в тофаларском языке для обозначения признака действия используются с особым грамматическим показателем. Ср., например, хак. *табырах сүг* 'быстрая вода' — *сүг табырах ахча* 'вода быстро течет' и тоф. *тыпырак суг* 'быстрая вода' — *тыпырак-ка аһадыры* 'быстро течет' (т.е прилагательное в обстоятельственной функции обязательно получает грамматический показатель [Рассадин 1978, 84]).

Для образования форм со значением места афф. *-ki* присоединяется к существительным в местн. падеже, например: аз. *joldaki* 'находящийся в пути', *evdeki* 'находящийся в доме' (с помощью афф. *-ki* образуются также предикативные формы притяжательных местоимений типа тур. *benimki* 'мой', *seninki* 'твой').

Аффиксы, образующие прилагательные от глаголов, в основном, малопродуктивны. К ним относятся, например: тат. *-gyr/-ger, -qyr/-ker* (*sizger* 'чуткий, догадливый', *tapqyr* 'находчивый'); *-gyn/-gen, -qyn/-ken* (*ütken* 'острый', *kisken* 'резкий'); *-ğyč/-geč, -qyč/-keč* (*iskitkeč* 'удивительный', *qotočqyč* 'ужасный'); *-yč/-eč* (*ašyğyč* 'срочный, спешный', *ajanyč* 'жалкий'), *-čyq/-ček* (*bäjlänček* 'придирчивый', *qylančyq* 'понятливый'); *-yq/-ek* (*vatyq* 'сломанный', *žimerek* 'разрушенный'); *-ğaq/-gak, -qaq/-kek, -aq/-ek* (*örkek* 'пугливый', *qurqaq* 'трусливый'); *-yŋqy/-eŋke* (*kütäreŋke* 'приподнятый', *qabaryŋqy* 'выпуклый'), *-šaq/-šäk, -šek* (*jomšaq* 'мягкий', *žepšek* 'мокрый'); *-ma/-mä* (*jasalma* 'искусственный', *qušma* 'сложенный') [СТЛЯ 1969, 166].

Перечисленные аффиксы в большинстве своем (в различных фонетических вариантах) есть и в других тюркских языках [см. Севортян 1966].

Сложные прилагательные образуются путем соединения двух прилагательных или других частей речи. Например, в туркменском языке [см. ГТЯ 1970, 144—145] соединением: 1) непроизводного и производного прилагательных — *aq jürekli* (*adam*) 'чистосердечный (человек)'; 2) двух непроизводных прилагательных *doju gök* 'темно-голубой'; 3) двух производных прилагательных — *ovnuq-ušaq* (*dava*) 'мелочные (споры)'; 4) непроизводного прилагательного и существительного — *gymmat baha* 'дорогая (мебель)' 5) существительного с производным прилагательным на *-ly/-li* — *kümüş simli* (*äjnek*) '(очки) в серебряной оправе'; 6) числительного с производным прилагательным — *jüz jašly* (*garry*) 'столетний (старик)'; 7) числительного с существительным — *iki qat* (*žaj*) 'двухэтажное (здание). (букв. 'два этажа дом'); 8) повторением двух одинаковых существительных *örküč-örküč* (*depeler*) 'бугристые (холмы)'; 9) сочетанием двух разных существительных: *elğarama* (*jurt*) 'зависимая (страна)'; 10) местоимения с производным прилагательным (малопродуктивный тип): *özerkli* (*adam*) 'самостоятельный, независимый (человек)'.

Приведенные типы образования сложных прилагательных дают достаточное представление об образовании сложных прилагательных в тюркских языках (см. грамматики современных тюркских языков).

КАЧЕСТВЕННЫЕ И ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

В грамматиках тюркских языков традиционно выделяются эти два основных разряда прилагательных по их грамматическому значению: качественные и относительные.

Качественные прилагательные обозначают признаки, непосредственно присущие предметам и явлениям, и имеют специфические формы, выражающие различную степень наличия этих признаков

(в сравнении с признаками других предметов или безотносительно к ним).

Относительные прилагательные обозначают признаки (или отсутствие их) через отношение к каким-либо предметам, а также — к пространственным или временны́м представлениям. В отличие от качественных прилагательных, которые могут быть как корневыми, так и производными, относительные прилагательные являются только производными. Вместе с тем, четко разграничить качественные и относительные прилагательные в тюркских языках очень трудно, что неоднократно отмечалось в тюркологической литературе [см., например, Исхаков, Пальмбах 1961, 184].

Основными аффиксами, образующими относительные прилагательные, считаются обычно *-ly, -syz, -ki* (и некоторые другие, менее распространенные). Однако афф. *-ly*, выражающий обладание, и афф. *-syz*, выражающий отсутствие, образуют как качественные, так и относительные прилагательные. Например, в турецком языке "Прилагательные на *-li* и *-siz* в зависимости от лексического значения исходной основы могут относиться как к разряду имен прилагательных качественных, так и к разряду имен прилагательных относительных. С другой стороны, одно и то же прилагательное может выступать и как качественное прилагательное, и как относительное: *altın dişli adam* 'человек с золотым зубом' ('золотозубый человек'); *altın yürekli adam* 'человек с золотым сердцем' ('златосердый человек') [Кононов 1956, 142]. В татарском языке афф. *-čyl, -čel* образует и качественные, и относительные прилагательные "обозначающие склонность, приверженность к чему-либо: *кунакчыл* 'гостеприимный', *партиячел* ' партийный', *советчыл* 'советский', *упкәчел* 'обидчивый' и др." [СТЛЯ 1969, 165].

Афф. *-ki*, как уже отмечалось, образует относительные прилагательные только со значениями времени и места. Таким образом, афф. *-ly, -syz, -ki* не удовлетворяют потребности тюркских языков в относительных прилагательных. Кроме того, они не являются специальными показателями относительных прилагательных. Они образуют также синтаксические формы именных частей речи — существительных, местоимений, числительных. Это послужило основанием для утверждения о том, что в тюркских языках вообще не существует категории относительных прилагательных. В частности, И.А. Андреев на основании изучения чувашских форм с афф. *-ри/-ти/-чи/-хи, -лӑ/-лӗ/, -сӑр/-сӗр/, -лӑх/-лӗх/* пришел к выводу, что чувашский язык (равно как и другие тюркские языки) не имеет категории относительных прилагательных. Вместо последних выступают имена существительные, а также некоторые другие разряды слов с особыми функциональными аффиксами [1966, 102; 1970].

Об отсутствии в тюркских языках категории относительных прилагательных писал Н.К. Дмитриев: "По части словообразования прилагательные в башкирском, как и во всех тюркских, почти не имеют формальных показателей: чуть ли не единственным исключением являются формы типа *ҡыш-ҡы* 'зимний', *ҡалала-ғы* 'находящийся в городе', которые характеризуют особую группу прила-

гательных (относительных). Вообще же говоря, категория относительных прилагательных (*морской, горный* и т.д.), а также притяжательных (*волчий, дядин, отцовский* и т.д.) в башкирском языке, как и в других тюркских, до последнего времени отсутствовала. Например, в башкирском языке есть слова 'гора', 'лес', 'поле', 'море', 'птица', 'рыба' и т.д., но формально нет слов 'горный', 'лесной', 'полевой', 'морской', 'птичий', 'рыбный', 'рыбий' и т.д. Такие соотношения, когда вместо качественной оценки (квалификации) предмета дается только указание на его связь (отношение) с другим предметом, по-русски передаются сочетанием "относительное прилагательное + существительное" (*железная дорога, морская вода* и т.д.), а по-башкирски (и вообще в тюркских языках) сочетанием двух существительных ('железо дорога', 'море вода' и т.д.), т.е. *тимер юл, диңгез һыуы* и т.д." *[1948, 79].

В самом деле, если бы в тюркских языках существовали специальные аффиксы образования относительных прилагательных, имена существительные не употреблялись бы так широко в атрибутивной функции, в этом не было бы необходимости. Изафетные сочетания имен существительных считаются, как известно, одной из наиболее характерных особенностей синтаксиса тюркских языков. При этом изафет I типа (безаффиксальный) квалифицируется как один из наиболее старых способов образования определительных словосочетаний (типа *taš köprü* букв. 'камень-мост'). Таким образом, выражение признаков через отношение к предметам, явлениям при помощи имен существительных в их основной форме, т.е. образование и широкое развитие изафетных конструкций I, а также II типа (с аффиксом принадлежности 3-го лица), на наш взгляд, уже само по себе свидетельствует об отсутствии в прошлом в тюркских языках лексико-морфологической категории относительных прилагательных. Вместе с тем, имена существительные в атрибутивной функции не могут полностью заменить относительных прилагательных, так как они обозначают признак только в сочетании с существительным-определяемым, т.е. в связанном состоянии. Именно эти ограниченные возможности тюркского изафета послужили, по мнению Э.В. Севортяна, ключом к объяснению интенсивного развития категории относительных прилагательных в тюркских языках в последние десятилетия [1955, 208].

Нам представляется, что ограниченные возможности тюркского изафета можно рассматривать лишь как одну из причин развития в современных тюркских языках категории относительных прилагательных. В каждом языке существует потребность в выражении относительных признаков, поэтому в нем находятся и соответствующие средства для выражения таких признаков. Поскольку в тюркских языках исторически не выработались специальные морфологические показатели, образующие относительные прилагательные, соответствующие значения передаются в них другими средствами: именами существительными в атрибутивной функции (изафет), формами, выражающими обладание (*-ly*), отсутствие (*-syz*), предназначенность (*-lyq*), отношение ко времени (*-ki*), месту (*-daki*), раз-

личными сложными аффиксальными формами, заимствованными прилагательными.

За последние 40—50 лет число относительных прилагательных увеличилось особенно за счет русских и интернациональных заимствований, что нашло отражение в словарях и грамматиках современных тюркских языков, в статьях и диссертациях, посвященных словообразованию прилагательных. Например, в узбекском языке отмечены следующие пути образования относительных прилагательных:

— усечение родовых окончаний (нормативно установленный способ освоения интернациональных заимствований); так возникли следующие аффиксы: а) *-ik* ~ рус. *-ический* (*socialistik* 'социалистический'; *pedagogik* 'педагогический' и т.п.); б) *-iv* ~ рус. *-ивный* (*objektiv* 'объективный', *progressiv* 'прогрессивный'); в) *-(a)l* ~ рус. *-льный* (*formal* 'формальный', *aktual* 'актуальный');

— заимствование русских прилагательных муж. рода на *-ий, -ний, -альний, -ональный, -овой, -ной, -ской, -ский, -ческий;*

— калькирование (используется при заимствовании сложных прилагательных) — полное (*χalqaro dustlik* 'международная дружба') и частичное (*kuplampali* (*приемник*) *'многоламповый приемник'*; *ilmij polular* 'научно-популярный') [Кононов 1960, 154].

Аналогичное положение с развитием заимствованных относительных прилагательных наблюдается в большинстве тюркских литературных языков Советского Союза.

Что касается исторического развития двух разрядов прилагательных — качественных и относительных, то на основании изученного материала можно предполагать, что в пратюркском языке морфологически не выделялись эти разряды. По семантико-функциональным признакам в тюркских языках исторически выделяются два других разряда прилагательных: 1) прилагательные, обозначающие признаки только предметов (и выступающие как определения при именах существительных); 2) прилагательные, обозначающие признаки и предметов, и действий (соответственно, выступающие в роли определений при именах и обстоятельственных определений при глаголах). Эти семантико-функциональные разряды прилагательных сохраняются и развиваются в современных тюркских языках.

Степени качества. Прилагательные имеют специальные показатели, выражающие различные степени качества, признака, обозначаемого основой (от разных степеней неполноты признака до наиболее интенсивного его проявления). Значение неполноты признака (или ослабленного качества) передается в тюркских языках различными аффиксами. Наиболее распространенным является афф. *-(j)raq/-(j)rak*, обозначающий немного ме́ньшую или бо́льшую степень качества (по сравнению с предполагаемой нормой). В современных тюркских языках *-(j)raq* обычно считается аффиксом сравнительной степени, хотя образования с этим аффиксом, как справедливо отмечает А.М. Щербак [1977, 115], выражают не сравнение качеств разных предметов, а различные степени качества одного предмета безотносительно к другим.

Н.К. Дмитриев назвал афф. *-(j)raq* "количественным модификатором

основного понятия". Направление же этой модификации может быть обращено и в ту, и в другую сторону, т.е. в одних случаях *-(j)raq* может усиливать основное понятие (качества), а в других — ослаблять его. Н.К. Дмитриев также отметил, что афф. *-(j)raq* имеет тенденцию превратиться в обычный показатель сравнительной степени, но в башкирском языке (особенно в разговорной речи) "дело еще не дошло до этого" [1948, 87].

В хакасском, шорском и тувинском языках представлена, по-видимому, более древняя форма показателя *-(j)raq* — это отдельная частица со значением 'чуть-чуть': хак. *araχ*, тув., шор. *a:raq:* хак. *χyzyl araχ* 'красноватый', *kök araχ* 'голубоватый', *saryy araχ* 'желтоватый', *uluy araχ* 'побольше', *kičig araχ* 'поменьше', *uzun araχ* 'подлиннее, длиннее' [ГХЯ 1975, 93]; тув. *saryğ a:raq* 'желтоватый', *kök a:raq* 'синеватый', *čoldaq a:raq* 'коротковатый' и т.п. Частица *a:raq* может употребляться не только с качественными прилагательными, но и с обстоятельственными наречиями и деепричастиями, служащими обстоятельствами образа действия [Исхаков, Пальмбах 1961, 185].

В шорском языке кроме частицы *a:raq* существуют ее аффиксальные варианты *-aryq ~ -araq: qyzyl a:rad ~ qyzylaraq ~ qyzylaryq* 'красноватый, краснее (покраснее)', *qysqa a: raq ~ qyska: raq ~ qyskaaryq* 'коротковатый, покороче' и т.п. [Дыренкова 1941, 76].

В алтайском языке имеется только аффикс (уже не частица) в вариантах с узкими гласными: *-aryq ~ -erik ~ -örik: ağaryq* 'беловатый', *sarğaryq* 'желтоватый', *qyzaryq* 'красноватый', *kögörik* 'синеватый' [Дыренкова 1940, 76].

В других тюркских языках данный аффикс представлен в вариантах только с широкими гласными: *-raq/-räk/-rek,* например: аз. *ködäräk* 'короче, относительно короткий', башк. *äberäk* 'кисловатый', *taryraq* 'уже', гаг. *kürüräk* 'небольшой, маловатый', *büüräk, büüžeräk* 'довольно большой', кар. *jaχšyraq/jaqsyraq* 'лучше', ккалп. *ałaraq* 'пестроватый', каз. *ałasaraq* 'более низкий, пониже', кирг. *qatyraq* 'твердоватый', ног. *qyzylyraq* 'красноватый', кум. *teŋrek* 'более равный', кбалк. agyraq 'белее. беловатый', тат. *maturraq* 'красивее', тур. *inžerek* 'потоньше', туркм. *ovnugraq* 'мельче, мелковатый', узб. *aqllira^{0}q* 'умнее', чув. *ăžăraχ* 'теплее' и т.д.

Значения неполноты признака передаются в тюркских языках целым рядом других аффиксов: *-(y)mtyl, -šyl, -yl, -ylt, -yltym, -yldym* и др.[2]

Аффиксы, образующие формы ослабленной степени качества в тофаларском языке сведены В.И. Рассадиным в таблицу и представлены в сопоставлении с соответствующими формами тувинского, хакасского, шорского, алтайского, якутского, киргизского языков [1978, 90—93]. Комментируя данную таблицу, насчитывающую 29 аффиксов, В.И. Рассадин отмечает, что тюркские языки вообще

[2] Подробный перечень аффиксов, выражающих неполноту признака, их этимологический анализ, примеры форм прилагательных с этими аффиксами в различных тюркских языках см в книге А М Щербака [1977, 115 сл].

не знают одного, единого показателя ослабленного качества, что говорит о позднем развитии этой формы и при этом о развитии самостоятельном в той или иной локальной группе языков — кыпчакской, огузской, карлукской [Там же, 88].

Прилагательные в тюркских языках обладают также формами усиленной степени качества (так называемого интенсива). Эти формы образуются, как известно, путем полной или неполной редупликации основы; они детально описаны в грамматиках тюркских языков. Приведем здесь несколько типичных примеров этих форм.

Удвоение основы: башк.*hary-hary* 'желтый-желтый', *jäšel-jäšel* 'зеленый-зеленый', *himeƺ-himeƺ* 'жирный-жирный'.

Неполная редупликация: аз. *gapgara* 'совершенно черный', *gyp-gyrmyzy* 'краснейший', *gupguru* 'совершенно сухой', *sapsary* 'совершенно желтый', *jamjašyl* 'совершенно зеленый', *kömkök* 'совершенно голубой', *tärtämiz* 'самый чистый', *büsbütün* 'совершенно окончательный, полный'.

Напомним, что Н.К. Дмитриев считал формы ослабления и усиления качества "абстрактными формами сравнения" (по отношению к условной норме проявления качества), а формы степеней сравнения (сравнительную и превосходную), где сравнение основано на сопоставлении качеств разных предметов, — "конкретными формами сравнения". И абстрактные, и конкретные формы сравнения, по мнению Н.К. Дмитриева, исходят от одной нормативной степени качества, которую в грамматиках называют положительной степенью. В тюркских языках положительная степень (или условная норма) не имеет специального морфологического показателя (аффикса) [1948, 83]. Эта концепция широко используется при описании прилагательных в грамматиках современных тюркских языков. Уточнение и развитие положения Н.К. Дмитриева в отношении положительной степени прилагательного как нормы, условной меры качества предпринято Е.А. Поцелуевским [1974]. По его наблюдениям, идеальная норма или усредненная степень качества далеко не всегда играет роль точки отсчета при выражении различных степеней качества. В частности, образования, выражающие малые степени качества, явно ориентированы не на норму, а на нулевую степень качества. На этом основании (и ряде других) Е.А. Поцелуевский предлагает точкой отсчета во всех случаях считать нулевую степень качества. В то же время качественные прилагательные не составляют в семантическом отношении однородной массы, и поэтому понятие нулевой степени качества отсчета получает различную интерпретацию в применении к различным группам качественных прилагательных.

Данная точка зрения представляется интересной и перспективной. Но так как она пока не получила конкретной разработки на тюркском языковом материале, мы ограничились здесь традиционным анализом форм ослабления и усиления качества.

Степени сравнения. Положительная степень прилагательных не имеет специального показателя. Прилагательные в положитель-

ной степени представляют собой исходные формы, например: тур. *bejaz* 'белый', *uzun* 'длинный' и т.п.

Сравнительная степень образуется сочетанием предшествующего имени существительного в исх. падеже с прилагательным, например: узб. *Jaχši sŭz baldan širin* 'Доброе слово слаще меда'. Перед прилагательным может стоять частица *daha* 'еще', например: аз. *daha gyrmyzy* 'более красный'.

Превосходная степень образуется с помощью частицы *eŋ/iŋ* 'самый, наи-', например: тат. *iŋ tirän* 'самый глубокий', тув *eŋ uluy* 'самый большой, наибольший и т.п.

Уменьшительно-ласкательные формы прилагательных в тюркских языках огузской группы образуются афф.*-ǯa/-ǯe, -ǯaq/-ǯek/ -ǯyq/-ǯik* (туркм. *aqǯa ǯüǰǯe* 'беленький цыпленок', *garaǯa guzy* 'черненький ягненок', *mysenǯaq čörek* 'мягонький хлеб', *inǯeǯik galam* 'тоненький карандаш', *daraǯyq jap* 'узенький арык' и др.

В ряде других тюркских языков (главным образом кыпчакских) эти формы образуются с помощью аффикса-частицы *-qyna/-gyna, -kinä/-ginä* (узб. *jaqšigina* 'хорошенький', *kičikkina* 'малюсенький' и др.).

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Вопрос о существовании в тюркском праязыке прилагательного как самостоятельной части речи еще не получил окончательного решения.

А.М. Щербак, детально изучивший все формы прилагательных в современных и древних тюркских языках, считает, что существование в тюркском праязыке прилагательных как самостоятельного лексико-грамматического разряда имен вызывает большие сомнения, так как они не имели особых морфологических показателей. По мнению А.М. Щербака, выделение прилагательных, начавшееся, очевидно, еще в общетюркскую эпоху, происходило двумя путями: путем семантико-функциональной трансформации существительных и путем сложения автономной морфологической системы, отграничивающей прилагательные от других имен на уровне не только исходных, но и производных форм [1977, 109].

Э.В. Севортян [1963], рассмотревший формы прилагательных в древнетюркских памятниках V—VIII вв., писал о развернувшемся в ту эпоху процессе дифференциации прилагательных от существительных. Часть форм была общей как для существительных, так и для прилагательных, другая принадлежала только прилагательным, но не получила дальнейшего развития. К числу последних могут быть отнесены, например, формы со словообразовательным афф. *-ki/-ky/-gi/-yy*, подробно проанализированные Э.В. Севортяном. Имеются в памятниках и некоторые формы наречий, что позволило Э.В. Севортяну говорить о развитии категории наречия с древнейших времен. Он разделял распространенное в 40—60-е годы мнение о том, что морфологическое обособление наречий от прилагательных происходило на еще более раннем этапе, чем эпоха енисей-

ско-орхонских памятников, не завершившемся и в наше время [Там же, 66].

Сравнительно-историческими исследованиями индоевропейских и других языков установлено, что наречие как особая неизменяемая часть речи выделилось поздее, чем имена существительные и прилагательные, и сформировалось в основном за счет различных изолированных форм других частей речи. Что касается происхождения прилагательных как универсальной части речи, то в современной лингвистике получил признание большинства языковедов вывод о том, что в основе имен существительных и прилагательных в прошлом лежало недифференцированное имя с предметно-качественным значением, имя, в дальнейшем ставшее либо названием предмета (по его типичному признаку), либо названием признака (типичного для какого-то предмета) [Маслов 1975, 209].

Исходя из этого положения, В.И. Рассадин считает вполне объяснимым большое внешнее сходство между основами существительных и прилагательных в тюркских языках [1978, 83].

А.М. Щербак привел примеры выделения прилагательных путем семантико-функциональной трансформации существительных: *kòk* 'синий, голубой' (<**kök* 'небо'), *qara* 'черный' (<**qara* 'мрак') [1977, 109]. Однако в первом примере не следовало бы давать слово *kök* 'небо' с астериском, так как оно сохранило это значение и в современных тюркских языках (наряду со значением 'синий, голубой'), следовательно, сохранилось как нерасчлененное предметно-качественное имя (семантико-функциональной трансформации существительного здесь не произошло). Слово *qara* в значении 'мрак, темнота', как будто, не дошло до наших дней (с этим значением известны лишь производные формы, например, *qaranlyq* 'темнота, мрак'), так что в этом слове, действительно, наблюдается историческое "смещение" значения — от субстантивного называния цвета ('чернота') к адъективному ('черный').

По нашим наблюдениям, в лексике современных тюркских языков сохранились и другие явные следы прежнего существования нерасчлененных предметно-качественных имен, в частности со значением "температурного" состояния, например: тув. *sooq* 1) 'холод, мороз'; *ažyg sooq* 'жгучий мороз'; 2) 'холодный, морозный, студеный'; *sooq qyš* 'холодная зима'; *sooq suy* 'студеная вода'; 3) 'холодно, морозно': *bögün sooq-tur* 'сегодня холодно'; *čylyg* 1) 'тепло' (сущ.): *hün čylyy* 'солнечное тепло'; 2) 'теплый'; *čylyg hün* 'теплый день'; 3) 'тепло' (наречие); *ol cylyg kettingen* 'он тепло одет'; *izig* 1) 'жара, жар': *suugudan izig čalymnalyp* (*šonup-*)*tur* 'от печи пышет жаром'; 2) 'жаркий, горячий'; *izig hün* 'жаркий день'; *izig šaj* 'горячий чай'; 3) 'жарко, горячо'; *qurug̀ χovularğa hündüs izig, düne seri:n* 'в пустынях днем жарко, ночью прохладно' [Исхаков, Пальмбах 1961, 179].

В приведенных примерах значения предмета и признака 'холод — холодный', 'тепло — теплый', 'жара — жаркий, горячий' считаем наиболее древними, а значение категории состояния — 'холодно', 'тепло', 'жарко' (в функции неглагольных предикативов в

безличных предложениях[3]) и наречия 'холодно', 'тепло', 'жарко' (в функции обстоятельства образа действия при глаголе-сказуемом) — более поздними, образовавшимися путем постепенного приобретения предметно-качественными именами адвербиальной функции и функции неглагольного предикатива (наряду с сохранением первоначальных их функций: субъектно-объектной и атрибутивной). Такое расширение значений и функций имен, обозначающих "температурные" состояния, при сохранении первичных функций и значений, объясняется, на наш взгляд, семантикой этой группы имен. Другие семантические группы имен исторически утрачивают свое предметное значение, сохраняя лишь значение признака и при этом расширяя его диапазон (приобретают в предложении адвербиальную функцию и значение признака действия).

Процесс постепенной утраты древними предметно-качественными именами значений предметности можно проследить путем сравнительного семантико-функционального анализа ряда общетюркских имен со значением качества.

1. В алтайском языке[4] слово *бош* обозначает: 1) 'досуг', например: *бош дьок* 'недосуг' (букв. 'досуг нет'. — *Л.П.*); 2) 'пустой, порожний, свободный, незанятый': *колым бош дьок* 'я занят' (букв. 'рука-моя свободна нет'. — *Л.П.*); 3) 'праздный, свободный': *бош өй* 'свободное время'; 4) 'слабый': *кылыгы бош* 'слабохарактерный (букв. 'нрав его слабый').

В азербайджанском, башкирском, казахском, каракалпакском, кумыкском, ногайском, татарском, турецком, туркменском, узбекском, уйгурском и других тюркских языках слово *boš* в различных фонетических вариантах имеет значение только признака: 'пустой, порожний, свободный, слабый // пусто, свободно, слабо' и т.д.

Судя по архаическим алтайским конструкциям со словом *boš* в значении 'досуг', это субстантивное значение является старым, в большинстве других тюркских языков слово *boš* уже утратило субстантивное значение и не считается именем существительным, а имеет значение только признака (предмета и действия) и является прилагательным. В Древнетюркском словаре слово *boš* зафиксировано только в адъективном значении (т.е. как имя прилагательное), хотя в современном алтайском (а, может быть, и в других северо-восточных тюркских языках) оно еще сохранилось как нерасчлененное предметно-качественное имя со значением "состояние бездействия".

2. Алт. *дьаман*: 1) 'зло, несчастье, порок'; 2) 'дурной, злой, плохой' и т.д.; 3) 'плохо' (на это значение в словаре приведен пример *дьаман көр-* 'ненавидеть, плохо относиться', но букв. это

[3] "Категорию состояния" в русском языке Ю С Маслов предлагает называть "неглагольными предикативами" [Маслов 1975, 214] В тюркских языках нет "категории состояния" как особой части речи Функцию неглагольных предикативов в этих языках выполняют прилагательные, обозначающие различные состояния Специфическая категория состояния выделена лишь в тофаларском языке В И Рассадиным [1978, 251]

[4] Примеры взяты из ойротско(алтайско)-русского и других тюркско-русских двуязычных словарей

сочетание обозначает 'видеть > считать плохим', т.е. значения 'плохо' здесь фактически нет). Субстантивное значение 'зло' зафиксировано также в каракалпакском языке наряду со значениями 'злой, скверный, плохой, дурной'// 'зло (в значении русского наречия), плохо, скверно, худо'.

В азербайджанском, башкирском, казахском, киргизском, кумыкском, татарском, туркменском, узбекском, уйгурском *jaman* (в различных фонетических вариантах) обозначает только признак: 'плохой, дурной, злой, скверный, очень сильный' // 'плохо, скверно, худо, очень сильно' и т.д.

Таким образом, слово *jaman* 'зло, несчастье, порок' в силу своего абстрактного, "непредметного" значения могло обозначать также признак, и значение признака постепенно закреплялось за ним вследствие постоянного его употребления в функции определения.

3. Алт. *ачу*: 1) 'горький, кислый, едкий'; *ачу согоно* 'горький лук'; 2) 'горе, печаль, неприятность, скорбь, досада'; 3) 'гнев; гневный; гневно': *ачуум тутты* 'я разгневался. (букв. 'гнев-мой схватил'. — *Л.П.*); 4) 'жалко, больно'.

В киргизском, кумыкском, ногайском, турецком, узбекском и некоторых других тюркских языках *аччу* (в различных фонетических вариантах) имеет значения: 'горький//горько//горечь, горький вкус'; 'кислый//кисло//кислота, кислый вкус'; 'едкий, крепкий//едко, крепко//едкость, крепость (о вкусе)'; *перен.* 'горе, тоска, гнев, обида и т.п.//горестный, тоскливый и т.п.//горестно, тоскливо' и т.п

В азербайджанском, башкирском, гагаузском, татарском, туркменском, уйгурском языках зафиксированы значения (в соответствующих фонетических вариантах) 'горький, кислый, едкий // горько, кисло, едко', т.е. значения только признака.

С известной скидкой на неточность и неполноту передачи значений слова *аччу* в двуязычных тюркско-русских словарях, все же можно предположить, что исходным значением этого слова следует считать 'горечь, кислота // горький, кислый (вкус)', т.е. 'неприятное вкусовое ощущение' [см. подробнее Севортян 1974, 89]. Развитие значения происходит от субстанции к признаку (от значения 'горечь, кислота' к значению 'горький, кислый // горько, кисло'), и в то же время им приобретается переносное субстантивное значение — 'горе, тоска' и т.д.

4. Слово *dar/tar* в азербайджанском, алтайском, гагаузском, башкирском, казахском, каракалпакском, киргизском, кумыкском, ногайском, татарском, тувинском, турецком, туркменском, узбекском, уйгурском, хакасском и других тюркских языках имеет основные значения 'узкий, тесный // узко,тесно', т.е. значения признака (алт. *tar d'er* 'тесное, узкое место') и состояния (хак. *mynda tar* 'здесь тесно').

В турецком наряду с адъективным зафиксировано также субстантивное значение — *dar* 'затруднительное положение, затруднение, стеснение': *darda bulunmak ~ olmak* 'находиться в затруднительном положении'; *dara gelmek* 'попасть в затруднительное положение'. Ср. аз. *дара дүшмек* (в том же значении).

Думается, что слово *dar/tar* является одной из очень немногих общетюркских односложных основ с первоначальным значением признака, т.е. одним из древних общетюркских прилагательных, а субстантивное его значение следует считать переносным, вторичным.

5. Слово *geč/kič* в алтайском, башкирском, каракалпакском, киргизском, ногайском, татарском, узбекском и некоторых других тюркских языках имеет и первичные значения 'вечер, поздно', и вторичные — 'поздний, вечерний'.

В азербайджанском, турецком, туркменском, гагаузском, кумыкском (и в некоторых других языках) значение временно́го признака является основным, а субстантивное значение 'вечер' как-будто отсутствует. Однако такие сочетания, как, например, туркм. *giǯä galmaq* 'опаздывать' (букв. 'оставаться на позднее время'. — *Л.П*), свидетельствуют о том, что первичным значением слова *geč/keč* являлось 'позднее время суток, вечер'.

* * *

Анализ общетюркских слов со значением субстанции и признака можно было бы продолжить, но и приведенные примеры, на наш взгляд, дают достаточное представление об эволюционном процессе формирования лексико-семантического (а затем и лексико-грамматического) разряда имен прилагательных. Наши наблюдения позволяют наметить некоторые общие выводы.

Большинство общетюркских имен, сохраняющих субстантивное и адъективное значения в одном или нескольких тюркских языках, а в большинстве тюркских языков имеющих значения только признака предмета или признака и предмета, и действия, а также — состояния, это — древние имена с исходным невещественным, непредметным значением, представленным в виде отвлеченной субстанции. Это общее невещественное значение подразделяется на более частные, которыми обладают определенные семантические группы имен.

1. Имена с общим значением ощущений, воспринимаемых всем организмом человека. К ним относятся в первую очередь имена со значением "температурного" состояния: *soyuq* 'холод', *(j)ylyy* 'тепло, теплота', *yssyy* 'жар, жара'. Эта группа имен дольше других сохраняет субстантивное значение, как будто, во всех современных тюркских языках, наряду со значением признака: 'холодный/холодно', 'теплый//тепло', 'горячий, жаркий // горячо, жарко'.

2. Имена с общим значением ощущений, воспринимаемых отдельными органами чувств — зрением, слухом, вкусом, обонянием, осязанием, а также мышечных ощущений. К этой группе, по-видимому, можно отнести общетюркские названия цвета (*aq* 'белый цвет', *qara* 'черный цвет, чернота', *kök* 'синий, голубой цвет, цвет неба' и т.д.); вкуса (*aččy* 'горький, кислый, едкий (вкус)'); имена со значением слухового восприятия (*tym/dyn* 'тишина, безмолвие, спокойствие//тихий, безмолвный, спокойный').

3. Имена со значениями, отражающими основные пространствен-

ные представления: *derin/teren* 'глубина/глубокий', *uzaq/ (j)yraq* 'даль//далекий' и т.п.

4. Имена со значениями, отражающими основные временные представления: *geč/kič* 'позднее время (суток), вечер//поздний'; *erte* 'раннее время (суток), утро' и т.п.

5. Имена со значениями основных физических состояний: (*boš* 'бездействие, незанятость//незанятый, свободный, пустой и т.п.').

6. Имена со значениями основных количественных представлений: *bol/mul* 'изобилие, достаток, полнота, избыток//обильный, достаточный, полный, избыточный'; *qyt* 'недостаток, малочисленность, скудость//недостаточный, малочисленный, скудный' и т.п.

7. Имена со значениями наиболее общих эмоциональных состояний, моральных представлений: *jaman* 'зло, несчастье, "порок", гнев//злой, плохой, гневный'; *jaqšy* 'добро, благо//добрый, хороший' и т.д.

Данный перечень семантических групп общетюркских имен с "невещественным" значением, тяготеющим к обозначению признака, разумеется, не является полным, так же как не выяснен еще и лексический состав каждой из семантических групп имен, относящихся к общему рязряду "невещественных" имен. Однако сделанные наблюдения и обобщения уже на данной стадии дают возможность внести некоторые коррективы в представление об историческом развитии категории прилагательных в тюркских языках. Так, сравнительное изучение тюркского лексического материала, по нашим наблюдениям, свидетельствует о том, что тюркские прилагательные развивались не только из "предметно-качественных имен" путем семантического преобразования названий конкретных предметов в названия признаков; в основе исторического выделения имен со значением признака (грамматически — прилагательных) лежало также "невещественное" имя со значениями не конкретных предметов, а состояний, ощущений, представлений. Именно такое "непредметное", отвлеченное значение имен способствовало приобретению ими преимущественного обозначения признака, тем более, что в тюркских языках слова, обозначающие признак, выступают в своей исходной форме, морфологически не согласуясь с именем, признак которого они называют. О происхождении какого-то количества общетюркских прилагательных от имен со значениями состояний, ощущений, представлений свидетельствует и их функциональное свойство — выполнение ими в безличных предложениях функции неглагольного предикатива.

По своему морфологическому составу и этимологическому характеру общетюркские имена со значениями состояний, ощущений, представлений, разумеется, неоднородны и, возможно, в свою очередь восходят к древним названиям каких-то более конкретных предметов. Но о такой древнейшей стадии тюркской именной лексики не может идти речь в данном разделе. Наша задача ограничивается тем, чтобы дать более конкретное (чем в предшествующих сравнительных исследованиях) представление об истоках и процессах исторического выделения имен прилагательных как самостоятельной части речи, т.е. образования имен со значением статического признака предмета, а затем и действия.

ГЛАВА III

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

НАЗВАНИЯ ЕДИНИЦ

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ 'ОДИН'

Рун. (КТб 36, 45; БК XI; Тон 4; ЕПТ 79; ThS XXXII), др.-уйг. (Chuast 32; Suv 7, 608, 620; USp 2, 4, 7, 78, 109, 125), карах.-уйг. (КВ III; МК I, II, III). тефс. (Бор., 102—103; Eck., 99, 102), мамл.-кыпч. (Ettuh., 152, 153), арм.-кыпч. (Trujar. I), чаг. (Eck., 149), булг. (Хакимз., 64), тур., аз., туркм., сал.(Тен.$_1$, 121), ктат., чаг., бодж. (Fazsy, 88), кум., кбалк., кар., ног., ккалп., узб., уйг., хам. (Мал.$_1$, 142), уйг. ферг. (Садв., 158), кирг., алт. черн. (Баск.$_4$, 37), атл. куманд. (Баск.$_2$, 206) *bir*; тат., башк. *bĕr*; каз., булг. (Хакимз., 64), уйг. хам. (Мал.$_1$, 142) *ber*; уйг. кашг., турф., хотан. (Мал.$_2$, 99) *be(r)*; уйг. хам. (Мал.$_1$, 142) *bär*; уйг. акс., кашг. куч. (Мал.$_2$, 100), уйг. ферг. (Садв., 158) *biž*; уйг. лобн. (Мал.$_3$, 93), уйг. ферг. (Садв., 158) *bij*; уйг. лобн. (Мал.$_3$, 92) *beĭ*; уйг. хотан. (Мал.$_2$, 99) *bi*; уйг. ферг. (Садв., 158) *bi:*; тоф. (Расс., 111) *birä*; уйг. урянх. (Болд, 18) *bire*; як. *bi:r;* сал. (Тен.$_1$, 121), алт. черн. (Баск.$_4$, 37), алт. куманд. (Баск.$_3$, 49), хак. кыз. (Joki, 21), шор., чул. (Дульз., 451) *pir*; хак. кыз. (Joki, 21) *p·r*; сал. (Тен.$_1$, 121) *pe*; сал. (Тен.$_1$, 121), сюг. (Тен.$_2$, 71) *pyr*; сюг. (Тен.$_2$, 71) *py*; чув. *pər/pəre/pərre.*

Начальный глухой *p* является вторичным относительно звонкого *b* большей части тюркских языков. Гласный *i*: дал рефлексы *e, ĕ, y* в ограниченном числе языков. В отношении чув. *-rr-*: геминация корневых согласных не фонологична в тюркских языках и в общем им не свойственна — это результат передвижения слоговой границы или влияния экспрессии. При счете числительные получают акцентированное ударение на первом слоге, что ведет к передвижению слогораздела на согласный. Не случайно полная форма чувашских числительных [Левитская 1976, 45—47], употребляющаяся при отвлеченном счете, геминирована, а краткая, функционирующая как определение, — не геминирована. Отсюда следует, что удвоенное *r* в чувашском языке — явление позднее. Конечный *r*>*ž, j,* долгота, ноль звука. Тоф. и уйг.-урянх. *birä:/bire:* представляют собою форму собирательного числительного в функции количественного. Учитывая все эти соображения, можно прийти к заключению, что реконструируемая форма тюркского числительного 'один' на поздней стадии праязыка была **bi:r*.

Ранний период в развитии пратюркского языка характеризовался глухим началом. Следовательно, древнейшая форма числительного

'один' была *pi:r*. А.М. Щербак представляет архетип числительного в виде **pi:r* [Щербак 1977, 139], Г. Дёрфер — **bir* [Doerfer 1971, 295], Э.В. Севортян — в виде **bi:r/*bir /*bęr* [Севортян, ЭСТЯ, II, 147], Б.А. Серебренников — в виде **bi:r* (<**pi:r*) [1979, 126].

Прежние и явно устаревшие этимологии числительного 'один' приведены А.Н. Самойловичем [1927, 146—147]. Наличие форм *bir*~*biri* (ср. *biri-si*) дало повод В. Бангу считать, что первоначальная форма для числительного 'один' была *birä* [Bang 1918_1, 9—10], а Г. Рамстедт ограничился сопоставлением *biri* с монг. *büri* 'всё, все, каждый' [1957, 65; ср. также Németh 1912, 560]. В "Корейских этимологиях" Г. Рамстедт предложил другую гипотезу — ряд сопоставлений, целую этимологическую цепочку: кор. *ida-* 'быть' ~ тунг. *bi-/bisi-* 'быть, существовать' ~ монг. письм. *büj/büjü* 'этот, существующий' ~ *bij/bi* ~ тюрк. *bir* [Ramstedt 1949, 68]. Я.А. Чанышев сближает *bir* с др.-тюрк. *berü* и тат. *birgi* [1985, 78].

С учетом наличия реликтов ручного счета в современных системах, было высказано предположение о связи **bi:r* с общим названием пальца в тюркских языках *barmaq*: **bi:r*~**bar* (во избежание омонимии с *bar* 'имеется, есть' и *bar-* 'ехать, идти' гласный претерпел сдвиг *a*>*y*>*i*), вторая морфема *-maq* сравнивалась с бур. *-ban*, дагур. *-ba*, мог. *-bo:n*, хори-бур. *bă(ŋ)* (в числительных типа γurban 'три', *dörben* 'четыре', *arban* 'десять' [Тенишев 1978, 110]).

На основании этимологического анализа числительного 'один' в различных языках В.З. Панфилов показал связь названия 'один' с названием личного местоимения 1-го лица ед. числа. Мотивируется это тем, что понятие 'один' формировалось путем осознания человеком своего собственного 'я' — нечто такого, что обособлено и противополагается как внешнему миру, так и другим членам той общности, к которой он относился [Панфилов 1977, 178—181]. Исследование в типологическом аспекте позволило К.Е. Майтинской высказать предположение о связи личного местоимения и числительного 'один' с указательной частицей [1969, 209]. Истинность этих положений подтверждает тюркский материал: элемент **bi* из **bi:r* 'один', несомненно, имеет прямое отношение к элементу **bi* из тюрк. *ben* 'я' (ср. 1 л. мн. ч. тюрк. *biz* 'мы' — монг. *bi* 'я') и к указательному местоимению *bu* 'этот'. На данной почве возможна новая этимология **bi:r* — **bi* 'я' + *er* 'мужчина, человек'>**bi*ᵉ*r*>**bi:r* 'один'. Элемент *–r* по логическим основаниям едва ли может быть показателем собирательности-множественности [Псянчин 1975, 46]. Другой вариант этимологии: *bi/pi*>*bu* 'этот' + *rä* (показатель простр. падежа) [Эрнитс 1973, 165—167].

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ 'ДВА'

Рун. (БК 34; МЧ 13; ЕПТ 61), др.-уйг. (Suv 2, 7, 609, 615, 620; USp 7, 13, 91, 115), карах.-уйг. (КВ III; МК I, II), тефс. (Бор., 123; Eck., 143, 144), арм.-кыпч. (Tryjar. I), тур., аз., туркм., чаг., кар.г., уйг. лобн. (Мал.$_3$, 113), хак. *iki*; тат., башк., уйг. акс. (Мал.$_2$, 113), уйг. хам. (Мал.$_1$, 152), чув. *ikə* // *ik*; тоф. (Расс., 111) *iьĥi*; тув. *iji*; чул. (Дульз., 451) *igi*; шор.(Дыр.$_2$, 102) *ijgi*; карах.-уйг. (МК I, II, III), мамл.-кыпч. (Ettuh., 176), бодж.

(Fazsy 88), уйг. хам. (Мал.$_1$, 152), уйг. ферг. (Садв., 157), як. *ikki*; уйг. кашг., турф., хотан., ярк. (Мал.$_2$ 113), уйг. хам. (Мал.$_1$, 152), уйг. лобн. (Мал.$_3$, 113), чув. *ikkə*; уйг. акс., кашг., куч., хотан., ярк. (Мал.$_2$, 113, 114) *iške*; сал. (Тен.$_1$, 121) *iʃki/içki*; сюг. (Тен.$_2$, 71) *išqy/šiky/ški*; уйг. ферг. (Садв., 157) iškki; булг. (Хакимз., 65), уйг. ферг. (Садв., 157) äki; рун. (БК 38; МЧ 17, ЕПТ, 38; ThS II, XXV), булг. (Хакимз., 65), кар. т.г., кбалк., кум., ног., алт. черн. (Баск.$_4$, 37), алт. куманд., (Баск.$_3$, 49) *eki // ekki*, алт. черн. (Баск.$_4$ 142) öki/ökü; уйг. хотан. (Мал.$_2$, 167) *üke* (*ïlä* 'вдвоем'); уйг.-урянх. (Болд, 18) *xi;* ккалп. *jeki*; каз. *jekě*.

По начальным гласным числительное 'два' в тюркских языках представлено в четырех вариантах: с открытыми *ä, e, ö* и закрытыми *i, ü*. Э.В. Севортян полагал, что первичным является открытый гласный, так как он сохранился в морфологически изолированном туркм., тур. *ekiz*, аз. *äkiz*, тогда как для 'два' в названных языках существует единственная форма *iki*, форма же *eki* в диалектах всех трех языков в научной литературе не отмечалась [см. Севортян 1974, 338]. Все это было бы верно, если бы начальные *i* и *ä, e* не встречались в большей части тюркских языков. Вследствие этого приходится говорить о параллельном существовании форм с начальными *i* и *e, ä*. Алтайские и уйгурские диалектные формы с начальными *ö* и *ü* надо признать вторичными, образовавшимися на почве соответствий *e*~*ö* и *i*~*ü*, известных в том и другом языках. Начальные *i, e* могут выпадать (как в уйгурско-урянхайском) и приобретать призвук *j* (как в казахском и каракалпакском языках). Конечные гласные являют собою пример того же колебания *i*~*e*, что и в начальном положении слова.

В середине слова следует признать исходным заднеязычный *k*. Геминированные формы, как было замечено, являются позднейшими относительно вариантов с одинарными согласными. Призвук *š* в уйгурском, саларском и сарыг-югурском языках есть следствие оглушения узкого *i* в соседстве с глухим *k*. Тоф. *h*, тув. *j*, шор., чул. *g* — результат развития *k* между гласными. Реконструируемая форма числительного 'два' получается вариативной: **iki/*ike*~**äke/*äki*. Эту форму следует отнести к позднему периоду тюркского праязыка, когда уже наметилось его диалектное дробление. Фонетический облик числительного 'два' в ранний праязыковый период, очевидно, характеризовался начальным узким *ë*, который впоследствии дал рефлексы *e* и *i*, т.е. **ėkė*.

А.М. Щербак восстанавливает числительное 'два' в виде **iki*~**ėki* [1977, 139], Э.В. Севортян — **iki*~**eki* [ЭСТЯ I, 338—339], Б.А. Серебренников — **iki*~*äki* [1979, 126]. Ф. Крелитц-Грейфенхорст высказал мысль о связи значений 'два' и 'следующий' (ср. лат. *secundus* 'второй, следующий' и *sĕqui* 'следовать'). Он выделил корень **kij-* (ср. послелог *kijin* 'затем, после'), от которого и производил *iki* 'два' [Kraelitz 1929, 239—241]. При такой трактовке остается необъясненным появление начального *i*~*e*. Следуя той же идее, Г. Рамстедт предложил такую этимологию: кор. *pęgim* 'ближайший, следующий, второй', восходящий к глаголу **pek-* 'следовать', ср. тюрк. *iki, eki* и т.д., отсюда производные формы: тюрк. *ikiz ekiz*~ монг. *ikire* 'близнецы' и др.-уйг. *ikinti, ekinti* 'второй' [Ramstedt 1949, 195]. В последних работах он уточнил свои

предположения, рассматривая тюрк. *eki* как имя на *-i* от гипотетической глагольной основы **ek-*<**hek-*<**pek-* 'следовать', откуда в корейском имя на *-m* – *pęgim* (<**pęk-im*) 'ближайший, следующий', кор. *pęgim t'ę* 'ближайшее место' и тюрк. *ekinti* 'послеобеденное время' [Ramstedt 1957, 92—93].

Представлению Ф. Крелитц-Грейфенхорста можно следовать, оставаясь и на тюркской почве. В орхонских памятниках встречается редкий в употреблении глагол *er-* 'следовать, преследовать' (ДТС, 175). От него возможна медиальная форма на *-k* (в тюркских языках, правда, не засвидетельствованная): **erik-*. Производное имя от этой основы **erik-i*>**erki*>**e:ki*>**eki* 'следующий, ближайший' > 'два' [Тенишев 1978, 112]. Изучение системы числительных различных языков показало, что на начальном этапе развития счета предельность числа 'два' является общей закономерностью, иными словами, первоначально 'один' — 'не-один (много)', затем 'один' — 'два' — 'много'. Предельные числительные, в свою очередь, связаны со словами, обозначающими какие-то множества [см. Панфилов, 1977, 177, 215—222, 274—275]. Найти исходное слово для тюрк. *iki*~*eki*, хотя и не удается, но связь его с некоторыми словами и грамматическими формами несомненна.

Элемент *-k-* числительного *iki*~*eki* можно найти в словах, обозначающих множество: карах.-уйг. (QBH 62; МК I, 319), каз., ккалп., ног. *köp*, тат., башк. *küp* 'много', рун. *qop* 'весь, все' (ДТС, 456), тур. *čok* 'много'. Элемент *k* присутствует в словах со значением парности: тур. *dudak* 'губа, губы', *qulaq* 'ухо, уши', *dirsek* 'локоть'. *K* обнаруживается в показателе 1-го лица мн. числа прошедшего категорического времени и в настоящем-будущем времени условного наклонения: тат., башк. *aldyq* 'мы взяли', *kildek* 'мы пришли', тур. *jazsak* 'если бы мы написали' [Кононов 1969, 14—15; 1956, 71]. Можно предполагать, что тюркские языки пережили некогда этап предельности числительного 'два', связанного с обозначением какого-то множества. Теперь от этого этапа сохранилась только реликтовая форма.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ 'ТРИ'

Рун. (БК 32; Тон 20; КЧ 15; МЧ 7, 8, 25, 28, 45; С 6; ЕПТ 29, 53, 61, 64; ThS XIX), др.-уйг. (Chuast 71; Suv 5, 608, 609, 616, 620, 623, 627; USp 3, 126), карах.-уйг. (КВ III; МК I, III), тефс. (Бор., 341; Eck., 311), чаг. (Eck. 149), булг. (Хакимз., 65), мамл.-кыпч. (Ettuh., 273), арм.-кыпч. (Tryjar. IV), тур., аз.,туркм., гаг., кар.т., кум., кбалк., уйг. лобн. (Мал.$_3$, 183), алт. *üč*; ктат., кум. диал., узб., сал. (Тен.$_1$, 121) *uč*; бодж. (Fazsy, 88) *i'č*; тат. *öč*; каз., ног., ккалп., тув., тоф. (Расс., 111), шор. (Дыр.$_2$, 102) *üš*; караг. *ujš?*; сюг. (Тен.$_2$, 71) *uš/vyš*; уйг.-урянх. (Болд 18) *üš*; сал. (Тен.$_1$, 121) *uʃ/ʷuʃ*; кар.г. *ic/jic*; кбалк. диал. (МИБД 189), чул. (Дульз., 451) *üc*; башк. *ös*; хак., як. *üs*; чув. *viś/viʂə/viśśə*.

Заднерядное, расширенное, негубное и протезированное начало — следствие модификации первичного *ü* в различных тюркских языках. Конечные *š, ʃ, c, s, ś* восходят к одному источнику — аффрикате *č*. Следовательно, реконструируемая форма числительного 'три' будет **üč*.

У А.М. Щербака реконструкция *üc(*ü:č?) [1977], у Э.В. Севортяна — *uč* (ЭСТЯ I, 641—642), Б.А. Серебренникова — **üc* [1979, 126]. Этот вариант наиболее употребителен в тюркских языках. Ср. также реконструкции А.М. Щербака [1977, 139], Э.В. Севортяна [ЭСТЯ I, 641—642], Б.А. Серебренникова [1979, 126].

В одной из ранних работ Г. Рамстедт ограничился простым сопоставлением тюрк. *üč* с монг. *üčüken* 'маленький, немного' [Ramstedt 1907, 9; ср. Nemeth 1912, 562]. Позже Г. Рамстедт сравнивал тюрк. *üč* с монг. *üčü-ken* 'маленький', тунг. *učи-le-* 'разбивать, делить на куски', гольд. *nučі* и т.д. [Ramstedt 1957, 148]. У Г. Дёрфера эти сопоставления вызывают сомнение [см. Doerfer 1965, 136]. М. Рясянен относит *üč* 'три' к *ü:č*, булг. *väč-əm* [Räsänen 1957, 77]. Возможно и другое сопоставление тюрк. **üč* с монгольскими основами.

Т.А. Бертагаев сделал заманчивое сближение монг. *yuč-/yuš-* 'правнук' и *yuč(in)/yuš-an* 'тридцать' с тюркскими *uč*~*uš* 'три' [1971, 306]. Но этот путь сближения оказывается не без трудностей. Числительное *yučin* 'тридцать' исследователи возводят к **yutin* (ср. тунг. *gutin*), где основой является **yut* [Поппе 1927$_1$, 108; Kotwicz 1930, 157]. Что же касается термина родства, то он представлен в монгольских языках только с начальным γ, формы с начальным *u* не отмечены, хотя и для других случаев Т.А. Бертагаев указывает соответствие начальных γ ~ ноль.

К.К. Юдахин, наблюдавший игру киргизских детей в альчики, записал систему счета с употреблением *üč* в значении предела счета — 'пять'; он установил, что *üč* в первоначальном виде есть не что иное, как *uč* 'конец' или с долгим *u* – *u:č* 'горсть' [1940, 191—193; ср. Бекбергенов 1971, 190]. В первом значении *üč* — конец счета. Это же значение в качестве первоначального удобно допустить и для *üč* 'три', поскольку, как показывает фольклорный материал, у тюрков могла существовать троичная система счета [см. Кеңесбаев 1946, 10]. При оформлении современной десятичной системы первоначальный предел счета получил порядковый номер 'три' и изменил огласовку во избежание омонимии.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ 'ЧЕТЫРЕ'

Рун. (О 1, БК 2, Хв 1, 30; КЧ 11; ЕПТ 26, 54, 61; ThS XXVIII), др.-уйг. (Chuast 79, 83—84; Suv 5, 607; USp 2, 13, 15), карах.-уйг. (КВ III, МК I, III), тефс. (Бор., 310; Eck., 293), чаг. (Бада'й', 165), кбалк., каз., ккалп., кирг., алт. черн. (Баск.$_4$, 37), алт. куманд. (Баск.$_3$, 49), шор. (Дыр.$_2$ 102), сюг. (Тен.$_2$, 71), чул. (Дульз., 451) *tört*; уйг. *tö:t*; узб. *türt*; булг. (Хакимз., 65) *türüt*; уйг. лобн. (Мал.$_3$ 175) *töit*; сал. (Тен.$_1$, 121) *tö't/t'öt/te't*; як. *tüört*; чув. *təvat/tâvatə/tâvattə*; мамл.-кыпч. (Ettuh., 166), тур., аз., чаг., ног., кар.т., кум., тув., тоф. (Рясс., 111), сюг. (Тен.$_2$, 71) *dört*; арм.-кыпч. (Tryjar. I) *dort*; тат., башк. *dürt*; бодж. (Fazsy, 88) *d'ert*; кар.г. *dert*; уйг.-урянх. (Болд, 18) *dó ˇrt*; туркм. *dö:rt*.

На ранней стадии праязыка в начале слова был глухой *t*, в середине слова долгий *ö:*, в конце — глухой *t*, т.е. ранний архетип числительного 'четыре' звучал **tö:rt*. В поздний период произошло озвончение начального согласного, и архетип стал *dö:rt*.

Чув. *têvat* развился из **tüvät*<тюрк. *tö:rt*. Комплекс *-êva-* возник из долгого *ö:*, ср. *kêvak* 'синий'<тюрк. *kö:k*.

Г.И. Рамстедт [1957, 64] и А.Н. Самойлович [1927, 148] сопоставляют числительное 'четыре' в тюркских языках с монг. *dörben* 'четыре'. Ср. еще *dönen* ' четырехгодовалый (о животном)' и *döči* 'правнук правнука'. Из этого сопоставления вычленяется лишь общий элемент *dö*, не ведущий к какой-либо этимологии тюрк. **tö:rt/*dö:rt*.

Быть может этимологически числительное **tö:rt/*dö:rt* связано с четвертым (указательным) пальцем, функция которого состоит в указывании на предметы, что обозначается глаголом *tört-* 'толкнуть'?

Интересно предположение Н.Я. Марра, что в основе числительного 'четыре' находится слово, означающее животное, но не животное вообще, а определенное животное 'олень', 'собака', 'конь' и т.д. [1927, 78]. Применение этого положения к тюркскому 'четыре' означает, что древнейший архетип его — **teve-t* (ср. чув. *têvat*), в котором вычленяется корень **teve*. В современных тюркских языках *teve/deve* имеет значение 'верблюд'. Форма *tö:rt* оказывается производной: **tevet*> *tö:rt*.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ 'ПЯТЬ'

Рун. (ЕПТ 81), др.-уйг. (МК I, III), тефс. (Бор., 100; Eck., 95), мамл.-кыпч. (Ettuh., 151), арм.-кыпч. (Trjar.. I), булг. (Хакимз., 65), тур., ктат., чаг., бодж. (Fázsy, 88); сал. (Тен.$_1$, 121), кар.т., кум., кбалк., кирг., алт., узб., уйг. акс. долан (Мал.$_2$, 99), уйг. хам. (Мал.$_1$, 142), тоф. (Расс., 111), уйг.-урянх. (Болд, 18) *beš*; тур. диал. (Kork., 20) *be:š*; аз., уйг. *bäš*; туркм. *bä:š*; рун. (КТб 44), др.-уйг. (Chuast 32, 35; Suv 13, 14, 615; USp 3, 4, 27, 115), карах.-уйг. (КВ III, 93), тат., башк., алт., куманд. (Баск.$_3$, 206) *biš*; рун. (БК 28; Тон 49; ХТ; КЧ 11, 17), кар.г., каз., ккалп., ног., сюг. (Тен.$_2$, 71) *bes*; як. *biäs*; алт. черн. (Баск.$_4$, 37), тув., шор., чул. (Дульз., 451) *peš*; сал. (Тен.$_1$, 121) *peʃ*; алт. куманд. (Баск.$_3$, 242) *piš*; сюг. (Тен.$_2$, 71), хак. кыз. (Joki, 21) *pes*; хак. *pis*; др.-уйг. брахми (Gab., 330) *pheṣ*; булг. (Rón., 157) *be:l/belizi/bielem*; чув. *pilək/pillək*.

Для раннего периода тюркского проязыка в начале слова 'пять' был глухой *p*, в середине слова по данным туркменского языка — долгий *ä*, в конце — шипящий *š*, представленный в большей части тюркских языков и происходящий из *l* (ср. чув. *pil-ĕk*). Таким образом, архетип числительного 'пять' восстанавливается в виде **pä:š*.

В позднем периоде праязыка происходит озвончение начального согласного и соответственно архетип имеет вид **bä:š*. Ср. этимологию А.М. Щербака — **pä:š* [1977, 139], М. Рясянена — **bä:š* [Räsänen 1969], Г. Дёрфера — *bêš* [Doerfer 1971, 295], Э.В. Севортяна — **bä:š* [ЭСТЯ, II, 126], Б.А. Серебренникова — **bä:š* (из *bä:-l-*) [1979, 126]. Древнечувашская форма реконструируется как *be:l~biel* [Левитская 1976, 39].

В отношении многих языков отмечалось, что числительное 'пять происходит от слов со значением 'рука' [см. Панфилов 1977, 172—173]. Это положение справедливо и для тюркских языков. Так. числительному **pä:s/*bä:š* этимологически родственны аз., уйг. *biläk*, тур., туркм., кум., кирг. *bilek*, башк. тат. *bĕläk*, алт. *belek*, означающее 'предплечье, запястье, кисть руки'. Слово состоит из корня **bel* и

аффикса уменьшительности *-äk*. Производной от **bä:l* является форма **bä:š* (на основании соответствия *l*~*š*).

Ближайшая типологическая параллель приводится Г. Рамстедтом: монг. *tabun* 'пять'~тел., шор., *tabaš* 'кисть руки, ладонь, стопа'~бараб. *tabak*, шор. *taban* 'подошва' [Ramstedt 1907, 11—12; ср. также Kotwicz 1930, 171—172]. Можно думать, что числительным 'пять', которое содержало в основе значение 'рука, одна рука', у тюрков некогда заканчивалась система счета.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ 'ШЕСТЬ'

Рун. (КТб 31, 45; БК 28; МЧ 9; ЕПТ 11, 21, 64, 98), др.-уйг. (Suv 133, 371; USp 4, 13, 18, 125), тефс. (Бор. 49; Eck., 39), чаг. (Eck.,149), булг. (Хакимз., 65), мамл.-кыпч. (Ettuh., 139), арм.-кыпч. (Tryjar., I), тур., аз., туркм., ктат., чаг., бодж. (Fazsy, 88), сал. (Тен.$_1$, 121), кар., кум., кбалк., тат., башк., каз., ккалп., ног., кирг., уйг. лобн. (Мал.$_3$, 84), хак., шор., чул. (Дульз., 451) alty; сал. (Тен.$_1$, 121) *alcy/alʒ'i*; тоф. (Расс., 111) *aʊlty*; уйг. *altä*; уйг. лобн. (Мал.$_3$, 84) *alto*; узб. *olti*; тув. *aldy*, хак. кыз. (Joki, 6) *altti*, сюг. (Тен.$_2$, 71) *alʲty/halty*; уйг. урянх. (Болд, 18), як. *alta*; чув. *ult/ulʒ̂/ulttʃ̂*.

В начале слова за исходную величину следует принять *a*. На стадии существования отдельных языков *a* подвергся огублению: в узбекском он стал *o*, в чувашском — *u*; в тувинском языке *a*>*aъ* (*a* фарингализованное). Согласный *l* в середине слова сохранился во всех языках. Следующий за *l* звук — переднеязычный глухой *t*. В саларском *t* изменился (перед *y*, *i*) в *c/ʒ'*, в тувинском — в *d*, в сарыг-югурском — в *'t*, следствием чего явился вариант с обычным *t* и протезой *h (halty)*, в чувашском *t* подвергся озвончению (*t̬*) и удвоению (*tt*). В конце слова первоначально были *y* и *a*. В уйгурском языке в нарушение гармонии гласных основы *a*>*ä*, вероятно, в результате палатализации *t* (ср. саларский и узбекский языки, где *t* — мягкий), в лобнорском диалекте *a*>*o*. На основе этих соображений для позднего пратюркского периода реконструируется вариативная форма **alty*~*alta*, отражающая диалектные признаки.

В раннем, гомогенном периоде праязыка следует допустить существование *à*, более узкого, чем *a*, вследствие развития которого явились гласные *a* и *y*. Гипотетическая форма раннепратюркского 'шесть' была **altà*. Ср. у А.М. Щербака — **alty* [1977, 139], Э.В. Севортяна — **alty* [ЭСТЯ I, 141—142], Б.А. Серебренникова — **alty* [Серебренников, Гаджиева 1979, 126]. В основе этимологии числительного 'шесть' у М. Хартманна и Г. Рамстедта лежит глагол *al-* 'брать, взять'. У М. Хартманна *al-* выступает в форме побудительного залога *alt-*, отсюда **alt-dy*, т.е. 'он велел брать', и в конечном итоге — *alty* (*-td->-t-*) [Hartmann 1900, 155].

Г. Рамстедт полагает, что *at-*+*ty*>*alty*>**alty* 'шесть' [Ramstedt 1907, 15—16; 1957, 65]; М. Рясянен, следуя за М. Хартманном, восстанавливает архетип **altdy* [Räsänen 1957, 78]. Тюрк. **alty*~**alta* можно трактовать и как форму принадлежности 3-го лица ед. числа от *alt* 'низ; нижний': *alt̬y* 'низ его' [см. Brockelmann 1916, 214—215]. Если допустить существование в прошлом тюркского пятиричного счета, то после

'пяти' начало нового счета приходилось на опущенный (нижний) палец другой руки. Ср. типологическую параллель в эскимосском языке, в котором 'верх; верхний' означает и число 'десять', так как при окончании счета на пальцах руки поднимались кисти рук, ладонью правой руки покрывались поднятые пальцы левой руки [Меновщиков 1962, 288—289; Панфилов 1977, 174].

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ 'СЕМЬ'

Рун. (О 5; КЧ 16, 18; Тон 49; ЕПТ 33, 73), карах.-уйг. (МК III), тефс. (Бор., 152; Eck., 198), ног., уйг. лобн. (Мал.$_3$, 120), уйг. турф. хотан. (Мал.$_2$, 117) *jeti*; башк. *jĕtĕ*; уйг. хам. (Мал.$_1$, 155) *jätä*; арм-кыпч. (Ettuh., 283), тур., туркм., гаг., кар., чул. (Дульз., 451) *jedi;* карах.-уйг. (МК III), кум., узб., уйг. лобн. (Мал.$_3$, 120) *jetti*; уйг. *jättä*; уйг. хотан. (Мал.$_2$, 117) *jettä*; аз., бодж. (Fazsy, 88) *jeddi*; рун. (БК XII), др.-уйг. (Chuast 102; Suv 609, 610; USp 15, 91), карах.-уйг. (КВ III), чаг. (Eck., I, 149), сал. (Тен.$_1$ 121) *jiti*; др.-уйг. (USp 37) *jidi*; сал. (Тен.$_1$, 121) *jizi/jic'i*; сюг. (Тен.$_2$, 71) *jite*; булг. (Хакимз., 65), кбалк., кирг. *ǯeti*; тат. *ǯide*; сюг. (Тен.$_2$, 71) *ǯity*; булг. (Хакимз. 65) *ǯeči*; каз., ккалп. *žeti*; хак. *čite*, шор. *četti*; тув., тоф. (Расс., 111) *čedı*; алт. *ď'eti*; уйг.-урянх. (Болд, 18) *zed*; хак.,кыз. (Joki, 29) *še:tte*; як. *sättä*; чув. *šič/šičə/šiččə*.

В тюркском праязыке в начале слова восстанавливается *j*. Остальные модификации начального согласного (*ǯ, ž, č, ď, z, š, s, ś*) возникают в период раздельного существования тюркских языков. Несомненно, влияние ареального момента: ср. *j* в огузских языках, а также в кумыкском, караимском, узбекском, уйгурском, башкирском, ногайском, *ǯ* в кыпчакских языках и сарыг-югурском, *č* — в хакасском, шорском, тувинском и тофаларском языках.

После *j* восстанавливается *ä* на основании данных уйгурского и якутского языков. Начальные *jä-* дают рефлексы *je-, ji-* в различных тюркских языках. После *jä-* следует реконструировать глухой *t*. В ряде языков *t* получает долготу, озвончение; в саларском *t* (перед *i*)>*z/č*, в чувашском *t* (перед *i*)>*č*. Конечный гласный — широкий *ä* (ср. уйгурский и якутский языки). В отдельных языках *ä*>*e*~*i*.

Таким образом, реконструируется архетип числительного 'семь' **jätä* (ранний период праязыка) и **jäta*~**jäti* (поздний период). Ср. у А.М. Щербака — **ϑäti* [1977, 139]. Г. Рамстедт тюрк. 'семь' возводит к глаголу *je-* 'есть, кушать' [1957, 66]. Афф. *-ti* образует отглагольное имя со значением 'палец-едок', т.е. 'палец для еды'. М. Хартманн [Hartmann 1900, 155] и М. Рясянен [Räsänen1957, 77—78] считают, что *jeti* происходит от глагола *jet-* 'достигать'; *jet-di*>*jeti* 'достигнуто, готово'. Последняя этимология числительного 'семь' наиболее вероятна; она подтверждается типологией образования в различных языках числительных от слов, указывающих на движение при счете, которое совершалось при достижении соответствующего члена множества или которым заканчивается подсчет [Панфилов 1977, 174].

Можно предположить, что в тюркском числительным 'семь' заканчивался подсчет — число 'семь' носило сакральный характер в представлениях многих народов [см. Панфилов 1977, 167].

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ 'ВОСЕМЬ'

Рун. (МЧ 13, 15; ЕПТ 26), др.-уйг. (Suv 476; Uig II, 59), карах.-уйг. (КВ III; МК I), тефс. (Бор., 266; Eck. 1, 251), булг. (Хакимз., 65), мамл.-кыпч. (Ettuh, 235), арм.-кыпч. (Tryjar. IV), тур., туркм., чаг., уйг. лобн. (Мал.$_5$, 161), уйг. кер. (Мал.$_2$, 150), уйг. хам. (Мал.$_1$, 172) *sekiz*; уйг. куч. (Мал.$_2$, 150), уйг. хам. (Мал.$_1$, 172) *sakiz*; сюг. (Тен.$_2$ 71) *sekes*; сал. (Тен.$_1$, 121) *sekis*; булг. (Хакимз., 65) *säker*; чув. *sakə̂r*; карах.-уйг (МК I), чаг. (Eck., 149), аз., уйг. бодж. (Fázsy, 88) *säkkiz*; уйг. лобн. (Мал.$_3$, 161), уйг. хотан. (Мал.$_2$, 150), уйг. ферг. (Садв., 159) *sekkiz*; узб. *sakkiz*; уйг. ферг. (Садв., 159) *säkkis*; сал. (Тен.$_1$, 121) *sa:kkes*; чув. *sakkə̂r*; кум., ног., тат., кар., кбалк., каз., ккалп., алт. черн. (Баск.$_4$, 37) *segiz*; алт., шор. (Дыр.$_2$, 102), чул. (Дульз., 451) *segis*; хак. *sigĕs*; тоф. (Расс., 111) *seъhes*; тув. уйг.-урянх. (Болд, 18) *ses*; башк. *higeð*; як. аууs.

В начальной позиции слова 'восемь' восстанавливается глухой *s*. В башкирском языке *s*>*h*, в якутском>ноль звука (через ступень *h*, т.е. *s*>*h*>ноль). После *s* следуетширокий переднерядный *ä* (см. азербайджанский и уйгурский языки). Рефлексами *ä* в различных языках являются *a, e, i* и *eъ* (фарингализованный *e*).

В середине слова присутствует глухой *k*. Его рефлексами являются *-kk-, -g-, -γ-, -h-*, ноль звука. После *k* следует узкий *i*, дающий в отдельных языках *e, â, y*. В конце слова восстанавливается *z*, отражениями которого являются *s, ð* и *r*. В целом архетип числительного 'восемь' — **säkiz*. Ср. у А.М. Щербака **säkis* [1977, 139], у Б.А. Серебренникова — **säkiz* [1979, 126]. А.Н. Самойлович, не давая своей этимологии числительного 'восемь' [см. 1927, 150], вместе с тем отвергает этимологию Г.Рамстедта, который рассматривает **säkiz* как сочетание *s* (ср. монг. *ese* 'нет') и *äkiz* 'близнецы (=два)' [Ramstedt 1907, 16—17; 1924, 205].

М., Рясянен происхождение числительного 'восемь' связал с глаголом *sek-* 'прыгать, скакать': **sekgiz* 'вели прыгать'>*sekkiz*>*sekiz* [Räsänen 1957, 76]. Нельзя не обратить внимания, что в состав числительного **säkiz* входит обозначение числительного 'два': **s-äki-z*. Случай подобного включения в состав наименования 'восемь' названий 'два' или 'три' отмечен в некоторых индейских языках, что свидетельствует о производности числительных первого десятка от других числительных того же разряда [см. Панфилов 1977, 176]. Но при этом толковании не объясненным остается начальный *s*.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ 'ДЕВЯТЬ'

Рун. (0 6; КТб 46; БК 1, 34, 35; МЧ 3, 5, 13, 15, 22; КЧ 16; ЕПТ 59, 62, 63; ThS LX), др.-уйг. (USp 31), карах.-уйг. (КВ III, МК III), тефс. (Бор., 309), чаг. (Eck., 149), уйг. хам. (Мал.$_1$, 185) *toquz*; уйг. кашг. (Мал.$_2$, 160) *toqoz*, арм.-кыпч. (Tryjar. IV) *t'oxuz*; рун. (ThS L) *to:quz*; уйг. лобн. (Мал.$_3$, 174), уйг. ахс. (Мал.$_2$, 160), уйг. ферг. (Садв., 159) *toqus*; сал. Тен.$_1$, 121) *toqos*; сюг. (Тен.$_2$, 71) *to'qys*; узб. *tŭqqyz*; уйг. лобн. (Мал.$_3$, 173), уйг. акс. (Мал.$_2$ 160), уйг. хам. (Мал.$_1$, 185), уйг. ферг. (Садв., 159) *toqquz*; уйг. лобн. (Мал.$_3$, 173) *toqqus*; кум., кар., кбалк., алт. черн. (Баск.$_4$, 37) *toγuz*; алт. куманд. (Баск.$_3$, 49), шор. (Дыр.$_2$, 102), чул. (Дульз., 451), як., каз., ккалп. *toγyz*; хак. *toγys*; тат. *tuγyz*; башк. *tuγyð*;

тоф. (Расс., 111) *toьhis*; тув., уйг.-урянх. (Болд, 18) *tos*; булг (Хакимз., 65) *toxur*; чув. *tâχâr/tâxxâr*; тур., туркм., чаг. *dokuz*; бодж. (Fazsy, 88) *doqqyz*; аз. *doğğuz*.

В начальной позиции названия 'девять' для тюркского праязыка раннего периода следует допустить глухой *t*. Он подвергается озвончению только в южных языках. После *t* следует широкий *o*. В древнеуйгурских памятниках появляется долгота, в тофаларском языке — фарингализация, в татарском и башкирском — сужение, в чувашском — делабиализация. В середине слова был глухой *q*, модификациями которого являются *-k-, -qq-, 'q, -x-, -xx-, -h-*, ноль звука, *-γ-, -ğğ-*. Рядом с *q* — широкий губной *o* (см. уйгурский, саларский и тофаларский языки), который терял свое губное качество по языкам: *u, y, â*. В конце слова был звонкий *z*, рефлексы его — *s, ϑ, r*. Реконструируемая форма числительного 'девять' в раннем пратюркском была **toqoz*, в позднем пратюркском — **doqoz*. Гласный первого слога, возможно, был долгим; см. единственный, правда, пример из древне-уйгурского (ThS L: *to:quz*). У А.М. Щербака — **toqys* [1977, 139], Б.А. Серебренникова — **toqyz* [1979, 126]. Этимология **toqoz~doqoz* довольно сложная.

Г. Рамстедт относит тюркскую форму к монг. *tokur* (несгибающийся, скрюченный (о пальце)' [1957, 66]; М. Рясянен считает, что числительное 'девять' в конечном итоге связано с побудительной формой от глагола *toky-* 'стучать'; *tokkyz-* 'вели стучать' [Räsänen 1957, 78]. Этимология Г. Рамстедта наиболее надежна: ее подкрепляет материал нивхского языка, в восточно-сахалинском диалекте которого числительное 'девять' понимается при ручном счете как 'один (палец) не загнут, один палец остался, один (палец) до пяти на другой руке' [см. Панфилов 1977, 174—175]. Числительное 'девять' у тюрков было когда-то пределом счета: об этом свидетельствует его значение 'много, несчислимо' в турфанском говоре уйгурского языка и счет на девятки у якутов — *sylgy toyusa* 'калым в размере девяти лошадей, девяти быков и девяти коров' (ПСл III 2702).

* * *

Этимологический анализ тюркских количественных числительных первого десятка показывает полное несовпадение их морфологического строения. Эта особенность свойственна языкам различных систем, что и побудило прийти к общему выводу: этот, казалось бы, цельный ряд распадается на отдельные изолированные слова, связанные между собой помимо значения вряд ли чем иным, кроме случая, привычки и традиции [Брим 1927, 160; Панфилов 1977, 177—178]. Это заключение полностью относится и к тюркским языкам.

НАЗВАНИЯ ДЕСЯТКОВ

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ 'ДЕСЯТЬ'

Рун. (КТб 47; Тон 26; БКХв 15; МЧ 16, 31; ЕПТ 50, 57), др.-уйг. (Chuast 41, 53; Suv 4; USp 3, 4, 31), карах.-уйг. (КВ III; МК I), тефс. (Бор., 237; Eck., 200), мамл.-кыпч. (Ettuh., 221), арм.-кыпч. (Tryjar. III), тур., аз., ктат., чаг., кар., кум., кбалк., кар., каз., ккалп., ног., узб., уйг.,

кирг., алт., тув., тоф. (Расс., 111), уйг.-урянх. (Болд, 19); хак., шор., сюг. (Тен.$_2$, 72); чул. (Дульз., 451) *on*; туркм. *o:n*; сал. (Тен.$_1$, 121) *on/un*; тат., башк. *un*; як. *uon*; чув. *vun/von, vunə̑/vonə̑, vunnə̑/vonnə̑/vənnə̑*.

В тюркском праязыке реконструируется форма **o:n*, совпадающая с вариантом числительного в туркменском языке. Ср. у А.М. Щербака [1977, 139], Э.В. Севортяна [ЭСТЯ I, 455—456], Б.А. Серебренникова — **o:n* [1979, 126]. В большей части тюркских языков долгота утрачена. В поволжских языках **o:n*>*un*. В чувашском языке развилась протеза, а в диалектах произошла долабиализация: **o:n*>*vânnə̑*. В якутском языке долгий *o* преобразовался в дифтонг ou (**o:n*>*uon*).

Г. Рамстедт усматривал связь между тюрк. *on/vun* 'десять', тунг. *on* 'сто' [Ramstedt 1957, 13] и кор. *on* 'сто' [Ramstedt 1951$_1$, 55]. М. Рясянен полагает, что кор. *on* 'сто' есть древнее заимствование из тюркских языков, первоначальная форма которого была с начальным *p* – **po:n* [Räsänen 1957, 79].

Числительное 'десять' означает конец первого десятка и вместе с этим окончание счета на пальцах рук. В связи с этим можно думать, что в основе наименования тюрк. **o:n* лежит слово *oŋ* 'правая сторона, правая рука'.

Вполне возможно, что *o:n* первоначально означало 'много', затем оно было переосмыслено как предел счета 'десять', подобно тому, как енис. *ə^h:n^4/on'^{4}/o:n'^{4}* 'много' в кетском и югском *p'n*^{2} стало означать 'семь' [Вернер 1980, 210].

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ 'ДВАДЦАТЬ'

Рун. (КТб 15; БК 25; МЧ 18, 27, 32; ЕПТ 21, ThS LXV), др.-уйг. (USp 21, 110, 120), карах.-уйг. (МК III), тефс. (Бор. 266), мамл.-кыпч. (Ettuh., 283) *jegirmi*; чаг. (Eck., 149), сал. (Тен.$_1$, 121) *jigirmi*; чаг. (Eck., 149), уйг. хам. (Мал.$_1$, 156), уйг. ферг. (Садв., 159) *jigirmä*; уйг. лобн. (Мал.$_3$, 120) *jigiĩmä*; уйг. хам. (Мал.$_1$, 156) *jigyrma*; уйг. хам. (Мал.$_1$, 156) *jyyyrma*; уйг. хотан. (Мал.$_2$ 117) *ji:gima*; уйг. ферг. (Садв., 159) *jigi:ma*; уйг. хам. (Мал.$_2$, 156) *jirimä*; кум., узб. *jigirma*; тат. *jigerme*; башк. *jegerme*; сюг. (Тен.$_2$, 72) *jiyyrmo*; карт.т. *igirmi*; кар.г. *egirmi*; туркм. *jigrimi*; тур., чаг. *jirmi*; алт. черн. (Баск.$_4$, 37) *jirme*; аз. *ijirmi*; ног. *jyrma*; чул. (Дульз., 451) *järvä*; сюг. (Тен.$_2$, 72) *ǰiyyrmo*; кбалк., кирг. *ǰyjyrma*; уйг. хам. (Мал.$_2$, 150) *ǰigirmä*; уйг. хам. (Мал.$_2$, 150) *ǰigirma*; уйг. лобн. (Мал.$_3$, 110) *ǰigiĩmä*; булг. (Хакимз., 65) *ǰirme/ǰirim/ǰerme*; ккалп. žigirma; уйг. ферг. (Садв., 159) *žigi:mä*; уйг. куч. (Мал.$_2$, 111) *žigimä*; каз. *žyjyrma*; алт. *dirme*; алт. куманд. (Баск.$_3$, 49), шор. *cegirbe*; тув. *če:rbi*; хак. *čibirge*; як. *sü:rbä*; чув. *śirəm*; шор. диал. (Дыр.$_2$, 102) *ijgon*; сюг. (Мал., 178) *iškon*; тоф. (Расс., 142) *iьhën*; уйг. урянх. (Болд, 19) *xion*.

В праязыке в начале слова восстанавливается *j*. Рефлексами его являются *ǰ, ž, d', č, s, ś*. После *j* следует *e*, и его модификации по отдельным языкам *i, iъ, y, ü*. В середине слова — звонкий *g*, превращающийся в различных языках в *j* и ноль звука. После *g* следует *-ir-*, в туркменском *ir*>*ri*, в татарском, башкирском, хакасском *ir*>*er*, в уйгурском *ir*>*i*. Конечный слог восстанавливается так: *mä* и *bä* (поскольку *m*~*b*), *ä*>*a* и *ä*>*e*>*i*.

Исходная форма числительного 'двадцать' получается двухвариант-

ной: **jegirmä~*jegirbä*. Ср. у А.М. Щербака **ϑiyirmä/*ϑäyirmä* [1977, 139], Б.А. Серебренникова *jiγirbä* [1979, 127]. Сарыг-югурский, шорский, тофаларский и уйгурско-урянхский языки дают возможность реконструировать вторую форму числительного 'двадцать': **eko:n~*iko:n* (т.е. 'два×десять').

В. Банг трактовал название 'двадцать' (*jigirmi*) как именное образование на *-mä/-mi* от глагола *ikir-* 'удваивать' [Bang 1918$_2$, 527]. Гипотезу В. Банга поддержал Г. Рамстедт [1957, 66]. М. Рясянен, сохраняя ту же схему образования, предложил другой глагол: *jigür-* 'бегать' — *jigürmä>jigirmä* 'двадцать' [Räsänen 1957, 76]. Ф.Г. Исхаков считал, что в основе *jigirmi* лежит образование *ekir-mi*, где *ekir* 'двойня, пара' и *mi* 'десять' (ср. *-miš* в *jätmiš* 'семьдесят') [1956, 179].

В структуре слова **jegirmä~jegirbä* естественно видеть ту же схему, что и в параллельной форме **eko:n~*ikö:n*, т.е. *egi<*eki* 'два', *r<er* 'мужчина' (ср. числительное 'один') и элемент *mä~bä*, означающий 'десять': **j-eki-er-mä~bä*. Элементу *mä~bä* придавать значение 'десять' можно только предположительно.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ 'ТРИДЦАТЬ'

Рун. (БК 28; ЕПТ, 52), др.-уйг. (USp 2, 4), карах.-уйг. (КВ III), тефс. (Бор. 240; Eck., 205), чаг. (Eck., 149), мамл.-кыпч. (Ettuh., 224), арм.-кыпч. (Tryjar. III), тур., аз., туркм., чаг., кар., кбалк., кум., кирг., уйг. лобн. (Мал.$_3$, 152), уйг. турф. (Мал.$_2$, 42), уйг. хам. (Мал.$_1$, 172), алт. черн. (Баск.$_4$, 37) *otuz*; алт. куманд. (Баск.$_3$, 49) *otus*; ккалп., ног., алт. куманд. (Баск.$_3$, 49) *otyz*; хак. *otys*; булг. (Хакимз., 68) *utuz*; булг. (Хакимз., 65), тат. *utyz*; башк. *utyϑ*; як. *otüt*; карах.-уйг. (МК I), уйг. кашг. (Мал.$_2$, 142), уйг. хам. (Мал.$_1$, 172), уйг. ферг. (Садв., 159) *ottuz*; узб. *üttiz*; алт. черн. (Баск.$_4$, 37) *oduz*; алт. черн. (Баск.$_4$, 37), шор., чул. (Дульз., 451) *odus*; кирг. *ottus*; булг. (Хакимз., 65) *otur*; чув. *vât∂r*; сюг. (Тен.$_2$, 72) *ü'čon/ü'ǯon/üǯon*; тув. *üžen*; тув. тодж., таежн. (Чад., 90) *ud'on*; тоф. (Расс., 142) *üčžon/učžen*; шор. диал. (Дыр.$_2$, 142) *užon*; уйг.-урянх. (Болд , 19) *uzon*.

Из приведенных данных легко восстанавливается праязыковая форма числительного 'тридцать' — **otuz*. Ср. у А.М. Щербака — **otys* (**oltys*), Э.В. Севортяна — **otuz* [ЭСТЯ, I, 489], Б.А. Серебренникова — **otyz* [1979, 127].

В ряде языков широкий начальный *o*, сужаясь, дает рефлексы *u, ü* и делабиализованный *â*. В середине слова *t>tt* и *t>d*. Серединный *-lt-* — результат диссимиляции *-tt-* (*-tt>-lt*). В немногих языках *u* теряет губные качества и предстает в виде *y, i, â*. Конечный *z*, развиваясь, превращается в *s, t, ϑ, r*. Материал сарыг-югурского, тувинского, тофаларского, шорского и уйгурско-урянхайского языков позволяет реконструировать вторую форму числительного 'тридцать' — **üco:n*. А.Н. Самойлович полагает, что **otuz<*ol + tuz*. Г.И. Рамстедт, анализируя число 'тридцать', приводит параллели из корейского: *potari/pottgri* 'пучок, узел' [1957, 66]. М. Рясянен сближает *otuz* с глаголом *oltur-* 'садиться, сесть' [Räsänen 1957, 76]. В.А. Гордлевский рассматривает *otuz* как предельное число, следуя за гипотезой Г.И. Рамстедта [1957, 3—4]. Таким образом, числительное **otuz* надежной этимологии не имеет.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ 'СОРОК'

Рун. (КТб 15, 42, 43; ЕПТ 26, 38, 43, 47, 56), др.-уйг. (Suv 614), карах.-уйг. (КВ III; МК I, II), тефс. (Eck., 228), чаг. (Eck., 149); мамл.-кыпч. (Ettuh., 199), кум., кбалк. башк., кирг., ккалп., ног. *qyrq*; тур., чаг. *kyrk*; кар. *kyrk/kyrx*; аз. *kyrx*; алт. куманд. (Баск.$_3$, 49), шор. (Дыр.$_2$, 102) *kyryk*; булг. (Хакимз., 65), тат., каз., чул. (Дульз., 451) *qyryq*; сал. (Тен.$_1$, 121) *qyryχ*; уйг. ферг. (Садв., 159) *qyryy*; булг. (Хакимз., 65), хак. *xyryx*; узб., уйг. хам. (Мал.$_1$, 160) *qiriq*; чув. *xərəx*; уйг. лобн. (Мал.$_3$, 132), уйг. хотан. (Мал.$_2$, 127), уйг. хам. (Мал.$_1$, 162) *qyq*; уйг. акс., турф. хотан. (Мал.$_2$, 128), уйг. ферг. (Садв., 159) *qyx*; алт. *törtön*; шор. диал. (Дыр.$_2$, 102), сюг. (Тен.$_2$, 72) *törton*; як. *tüört uon*; тув. *dörten*; тув. тодж. таежн. (Чад., 90) *dörton*; тоф. (Расс., 142) *dörtön/dörtän*; уйг.-урянх. (Болд, 19) *dörton*.

Для тюркского праязыка реконструируется форма **qyryq* (см. булгарский, татарский, казахский, чулымский языки). Ср. у А.М. Щербака — **qyrq* [1977, 139], Б.А. Серебренникова — **qyrq* [1979, 127]. Вторая форма числительного имеет архетип для раннего периода праязыка — **tö:rto:n*, для позднего периода — **dö:r-to:n*. По мнению М. Рясянена, числительное **qyryq* означает 'излом, поломку', иными словами 'предел счета' [Räsänen 1957, 76]. В.А. Гордлевский обратил внимание на особую роль числа 'сорок' у тюрок: как и число 'семь', оно носит сакральный характер [1945, 144; см. также Левитская 1976, 43; Панфилов 1977, 207—208].

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ 'ПЯТЬДЕСЯТ'

Рун. (БКХа 7; МЧ 4; ЕПТ 17, 38, 42, 43, 50, 94), др.-уйг. (Chuast 114; USp 8, 61, 122), карах.-уйг. (КВ III, МК I), тефс. (Бор., 75) *älig*; алт. куманд. (Баск.$_2$, 49); шор. (Дыр.$_2$, 102) *elig*; чул. (Дульз., 451) *eliy*; хак. *ilĕg*; булг. (Хакимз., 65) *älä/älü*; кирг. *elü:*; булг. (Хакимз., 65) *älik/elik*, уйг. ферг. (Садв., 159) *jelig*; каз. *jelu*, ккалп, *jelü*; алт. куманд. (Баск.$_3$, 49) *iliŋ*; узб., уйг. ellik; уйг. ферг. (Садв., 152) *ällik/jellik*; булг. (Хакимз., 65) *ällü/älle*; аз. *älli*; чаг., ккалп. *jelli*; тур., туркм., кум., кбалк., ног., сал. (Тен.$_1$, 121) *elli*; тат., башк. *ille*; кар.т. *eŋli*/ кар.г. *enli*, чув. *al/alâ/allâ*; сюг. (Тен.$_2$, 72) *peson*; хак. кыз. (Joki, 21) *pezon*; шор. диал. (Дыр.$_2$, 102) *pežon*; алт. черн. (Баск.$_4$, 37), тув. *bežen*; тув. тодж. таежн. (Чад., 90) *bed'on*; тоф. (Расс., 142) *beššon/beššen*; як. *biäs uon*; уйг.-урянх. (Болд, 19) *bezon*.

В начале слова 'пятьдесят' в тюркском праязыке были диалектно колеблющиеся *ä(e)*~*i*. В середине слова был геминированный *l*, в ряде языков *ll*>*l*. После *ll* восстанавливается *i*, в поволжских языках *i*>*e*, *ê*. В конечной позиции слова был *γ'*, который подвергся изменениям: *γ'*>*k*, *γ'*>*u*>*ü*>ноль звука. Архетип числительного 'пятьдесят' в целом: у В. Севортяна — **elli* [ЭСТЯ I, 266—267], Б.А. Серебренникова — *-älliγ'* [1979, 139] — **älliγ'*~**illiγ'*. Ср. у А.М. Щербака — **älliγ* [1977, 139]. Другая форма архетипа числительного 'пятьдесят' для раннего периода праязыка была **pä:šo:n*, для позднего — *bä:šoin*.

Г.И. Рамстедт [Ramstedt 1949, 57] генетически связывает **alliγ'*~**illiγ* со словом 'рука': др.-тюрк. *elig* (ДТС, 170), тур., туркм. *el*, аз. *äl*, уйг.

лобн. *elik* 'палец' (Мал.$_3$, 107) и уйг. лобн. *ilik* 'рука' (Мал.$_3$, 115), як. *äli:ili:*. М. Рясянен также полагает, что **älliγ* есть *äl* 'рука' + афф. *-lig* (прилаг.) [1955, 109]. Эта идея сохраняется у К. Брокельмана [Brockelmann 1954, §129, прим. 1, 2] и А. Йоки [Joki 1952, 144]. Сводку данных о числительном *älliγ* см. у В.А. Гордлевского [1945].

Таким образом, внутренние формы наименования числительного 'пятьдесят' **pä:š*~**bä:š* и *älliγ*~**illiγ* оказываются сходными — они связаны с представлением 'рука'.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ 'ШЕСТЬДЕСЯТ'

Рун. (ЕПТ 11, 50, 75), др.-уйг. (USp 6, 57), карах.-уйг. (КВ III), тефс. (Бор., 50), мамл.-кыпч. (Ettuh., 144), арм.-кыпч. (Trγjar., 1), тур., аз., туркм., ктат., чаг., кбалк., тат., башк. *altmyš*; кум. *altmuš*; тат. миш. (Махм., 123) *alkmyš*; уйг. *altmiš/atmiš*; чаг. (Eck., 149) *alt(y)myš*; кар.т. *altymyš* / кар.г. *altymys*; кирг. *altymyš*; сал. (Тен.$_1$, 121) *alt'ymuʃ*; каз., ккалп., ног. *alpys*; узб. *oltmiš*; чув. *utmәl*; хак., шор., уйг.-урянх. (Болд, 19), чул. (Дульз., 151) *alton*; сюг. (Тен.$_2$, 72) *alton/halton*; як. *alta uon*; алт. *altan*; тоф. (Расс., 142) *arlton*; алт. куманд. (Баск.$_3$, 49) *alttan*; тув. *aldan*; тув. тодж. таежн. (Чад, 90) *aъldyon*.

Первая форма числительного 'шестьдесят' восстанавливается в тюркском праязыке в виде **altymyš* (ср. чагатайский, караимский, киргизский, саларский языки). Ср. у А.М. Щербака — **altmyš* [1977, 139], Э.В. Севортяна — **altmyš* [ЭСТЯ I, 141], Б.А. Серебренникова — **altpyš* [1979, 127].

Начальный *a* в узбекском стал *o*, в чувашском — *u*. Сочетание *-lt-* подверглось изменениям: звук *l* выпал в уйгурском и чувашском, а *t* — в казахском, каракалпакском и ногайском языках. Следующий после *-lt-* гласный *y* сохранился в караимском, киргизском и саларском языках, в остальных языках он, будучи в безударной позиции, редуцировался и исчез. Вследствие этого группа *-ltm-* в казахском, каракалпакском и ногайском языках изменилась так: *ltm*>*ltp*>*lp* в силу фонетической закономерности, свойственной этим языкам. В мишарском диалекте татарского языка *ltm*>*lkm* (редкий случай *t/k*). Гласный *y* после *m* изменился в узбекском и уйгурском в *i*, в чувашском — в *a*. Конечный шипящий *š* в восточно-кыпчакских языках стал *s*, в чувашском ему соответствует *l*.

Вторая форма числительного 'шестьдесят' в позднетюркский период праязыка восстанавливается в виде **alty o:n*~**alta o:n* (ср. якутский язык), в раннетюркский период она была, по-видимому, **altȧ o:n*.

По аналогии с **altyo:n*, где *o:n* 'десять', в элементе *myš/mâl* исследователи усматривают особое наименование для десяти [см. Самойлович 1927, 151—153]. Согласно М. Рясянену, *altmyš* есть одна из форм прошедшего времени от *alt-* 'заставить брать, взять' [Räsänen 1957, 76]. Равенство *-myš/-mâl=o:n* устанавливается чисто логически, лингвистически оно остается не подкрепленным. Б. Мункачи сопоставлял элемент *-myš* с авестийским и пехлевийским *mas* 'много' [Munkači 1918—1919, 251].

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ 'СЕМЬДЕСЯТ'

Рун. (О; КТб 12; ЕПТ 19, 31, 75, 81), др.-уйг. (USp 74, 83), карах-уйг. (QBN 10), тефс. (Бор., 153; Eck., 342), мамл.-кыпч. (Ettuh., 285), тур., аз., туркм., чаг., кар., кум., узб. *jetmiš*; уйг. *jätmiš*; башк. *jetmeš*; ног. *jetpes*; чаг. (Eck., 49) *jätimiš/jitmiš*; сал. (Тен.$_1$, 121) *jitymuš*; тат. *žitmeš*, тат. миш. (Махм., 123) *žikmeš*; кирг. *žetimiš*; кбалк. *žetmiš*; каз., ккалп. *žetpis*; чув. *sitməl*; чул. (Дульз., 451) *jädon*; сюг. (Тен.$_2$, 72) *jiton/žiton*; хак. *čiton*; шор. *četton*; тув. *čeden*; тоф. (Расс., 142) *čedän*; алт. черн. (Баск.$_4$, 37) *jetten/d'eten*; алт. куманд. (Баск.$_3$, 49) *četen/četten*; ак. *sättä uon*; уйг.-урянх. (Болд, 19) *zedon*.

В качестве первого архетипа числительного 'семьдесят' есть основания считать **jätimis*. Ср. у А.М. Щербака — **ðätmiš* [1977, 139], Б.А. Серебренникова — *jätpiš* [1979, 127]. О реконструкции **jäti* см. раздел "Числительное 'семь'". Гласный *i* в средней позиции слова восстанавливается по типу, сохранившемуся в чагатайском, киргизском и саларском языках (рассуждения об изменении *-i-* и *-miš* см. в предыдущем разделе). Второй архетип числительного 'семьдесят' в раннем пратюркском имел вид **jätä o:n*, в позднем пратюркском — **jäte o:n~jätio:n*. М. Рясянен рассматривает *jetmiš* как субстантивированную форму одного из прошедших времен от глагола *jet-* 'достигать' [Räsänen 1957, 76]. Производное от этого глагола *jetmiš* 'он достиг', впоследствии осознанное как числительное 'семьдесят', есть предел счета.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ 'ВОСЕМЬДЕСЯТ'

Рун. (КЧ 3), др.-уйг. (USp 74), карах.-уйг. (МК I) *säkir on*; карах.-уйг. (МК I) seksün; тефс. (Бор., 267), мамл.-кыпч. (Ettuh., 235), уйг., аз. *säksän*; уйг. ферг. (Садв., 159) *säk'sän*; арм.-кыпч., (Tryjar., IV) *sėk'san*; узб. *sakson*; тур., кар., кбалк., каз., ккалп., ног., кирг. *seksen*; чаг., уйг. лобн. (Мал.$_3$, 161) *seksän*; чаг. (Eck., 149), тат. *siksän*; башк. *hikhän*; сал. (Тен.$_1$, 121) *sehsen/sehsän*; туркм. *θegθen*; алт. *segizen*; хак. *sigezon*; шор. *segizon*; тув. *sezen*; тоф. (Расс., 142) *seьh'ezon*; чул. (Дульз., 451) *sekson*; уйг.-урянх. *seson*; сюг. (Тен.$_2$, 72) *saqyson*; як. aγysuon; чув. *saķərvun/saķərvunə/saķərvunmə*.

Для тюркского праязыка восстанавливается архетип **säkiz o:n*. Рассуждение о **säkiz* см. в разделе "Числительное 'восемь'". Этимология А.М. Щербака — **säkiso:n* [1977, 139], Б.А. Серебренникова — *säksän* [1979, 127]. Этимология числительного **säkizo:n* одна и та же для всех тюркских языков без исключения.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ 'ДЕВЯНОСТО'

Рун. (ThS XXIX), др.-уйг. (TT VII), карах.-уйг. (МК I) *toquzon*; сюг. (Тен.$_2$, 72) *to'qyson/to'son*; тефс. (Бор., 307), чаг. (Eck, 149), мамл.-кыпч. (Ettuh., 260), кум., кбалк., каз., ккалп., ног., кирг., уйг., хотан. (Мал.$_2$, 160), уйг. хам. (Мал.$_1$, 185) *toqsan*; узб., уйг. лобн. (Мал.$_3$, 173), чул. (Дульз., 451) *toqson*; карах.-уйг. (МК I) *toqsun*; тат. *tuqsan*; башк. *tuqhan*; ҡар., уйг. *toχsan*; уйг. ферг. (Садв., 159) *toxsän*; сал. (Тен.$_1$, 121) *toxsen*; алт., шор. *toγuzon*; хак. *toγyzon*; як. *toγusuon*; тув. *tozan*; тоф. (Расс.,

142) *toъozon*; булг. (Хакимз., 65) *toχuron*; чув. *tə̑χə̑rvun/tə̑χə̑rvunə̑/tə̑χə̑rvunnə̑*; тур., чаг. *doksan*; аз. *doχsan*.

Для раннего пратюркского числительное 'девяносто' реконструируется в виде **toqozo:n*, в поздний пратюркский — в виде **doqozo:n*. О реконструкции **toqoz*~**doqoz* см. в разделе "Числительное 'девять'". У А.М. Щербака — **toqus ōn* [1977, 139], Б.А. Серебренникова — **toqsan* [1979, 127]. Этимология числительного 'девяносто' едина для тюркских языков в целом.

* * *

Этимология наименований десятков в тюркских языках обнаруживает сочетание двух систем. Одна система представляет собою этимологически прозрачную структуру: к названиям числительного первого десятка примыкает название числительного 'десять' (**eko:n*~**iko:n*, **učo:n*, **tō:rto:n*~*dö:rto:n* и т.д.). Вторая система ('двадцать' — 'семьдесят') трудно этимологизируется на тюркской и алтайской почве; строго говоря, она представляет собою ряд слов неизвестного происхождения. Обе системы в современных языках (кроме сарыг-югурского) совершенно равноправны. Этого нельзя сказать, однако, в историческом плане (см. раздел "Система счета").

НАЗВАНИЯ ВЫСШИХ РАЗРЯДОВ

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ 'СТО'

Рун. (КТб 13, 33; КБХа 11; Тон 4; МЧ 33; ЕПТ 24, 26, 50, 66, 73, 82; ThS XXXII), др.-уйг. (Suv 16; USp 12, 13, 16, 31, 35, 74, 85, 107), карах.-уйг. (КВ III; МК I), тефс. (Бор., 49), 100, 152, 158, 307; Eck., 354), чаг. (Eck., 149), мамл.-кыпч. (Ettuh., 176, 273, 291), тур., аз., туркм., сал. (Тен.$_1$, 121), кар.т., уйг., сюг. (Тен.$_2$, 72), *jüz*; тат., ног. *jöz*; башк. *jөθ*; алт., черн. (Баск.$_4$, 37); чул. (Дульз., 451) *jüs*; кар.г. *(j)iz*; чаг. *üz*; кбалк., кирг., уйг. кашг. (Мал.$_2$, 111) *ǯüz*; булг. (Хакимз., 65) *ǯür/ǯör*; каз., ккалп. *žüz*; алт. черн. (Баск.$_4$, 37) *d'üs*; алт. куманд. (Баск.$_3$, 49), тув. хак., шор., тоф. (Расс., 111) *čüs*; як. *sü:s*; чув. *śər*.

В тюркском праязыке в начале слова восстанавливается *j*, рефлексы которого — *ǯ, ž, d', č, s, ś* и ноль звука. После *j* в середине слова был *ü*. Отражения его в отдельных языках — *ü, ö, ĕ, i*. В конечной позиции был *z*, дающий рефлексы *s, θ* и соответствующий *r* в чувашском. Таким образом, тюркский архетип числительного 'сто' представляет собою **jü:z*. У А.М. Щербака — *θü:s* [1977, 139], Б.А. Серебренникова — **jü:z* [1979, 128]. Г. Рамстедт возводит **jü:z* к глаголу **jü-* 'нагружать, навьючивать' [1957, 67] (ср. со способом словообразования *tara-z, qymy-z*). Такого же мнения придерживается М. Рясянен [Räsänen 1957, 81].

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ 'ТЫСЯЧА'

Рун. (Тон 14, 16; МЧ, 21, 48, 49; ЕПТ, 19, 49, 73, 77, 82) *biŋ*; рун. (ЕПТ 45; МЧ B_9) *byŋ*; тур., чаг. *bin*; чув. *pin*/диал. *pen*; рун. (ThS XXXII), др.-уйг. (Suv 611; USp 13, 16, 57, 127), сирийск. (ПДПМ, 78—84), карах.-уйг. (КВ III; МК I, III), тефс. (Бор., 75, 153, 224, 341; Eck., 354), чаг.

(Eck., 149), мамл.-кыпч. (Ettuh., 218); арм.-кыпч. (Tryjar. III), кбалк., уйг. лобн. (Мал.$_3$, 144), уйг. хам. (Мал.$_1$, 169), уйг. ферг. (Садв., 159), кирг., сал. (Тен.$_1$, 121) *miŋ*; карах.-уйг. (QBN, 326) *miŋ*; карах-уйг. (Юг Ф 204) *miŋg*; чаг. (Бада' й' 244), аз., кар. *min*; тат., башк., *mĕŋ*; тат. З С(Ах., 158) *möŋ*; туркм. *müŋ*; тув., шор., хак. *muŋ*; уйг. куч., турф., хотан. (Мал.$_2$, 139), уйг. хам. (Мал.$_1$, 170), уйг. ферг. (Садв., 159); чул. (Дульз., 451), сюг. (Тен.$_2$, 72) *muŋ*; хак. кыз. (Joki, 18) *mun /mu:n*.

Для раннего периода пратюркского реконструируется архетип **piŋ*, для позднего периода — **biŋ*. У А.М. Щербака — **puŋ* [1977, 139], Б.А. Серебренникова — **piŋ*~**biŋ* [1979, 128]. Параллельно с этими формами, по-видимому, существовала форма **miŋ*. В середине слова гласный *i*>*e, ĕ, y, o, u, u:* (огубленные варианты — за счет влияния губно-губных *b*~*m*). В редких случаях конечный *ŋ*>*nŋ, ŋg, n*.

В языке чагатайских памятников 'тысяча' обозначается перс. *hăzăr* (Eck., I, 149). В тофаларском языке для этой цели служат заимствованные из русского языка *ty:siĉĉi*~*ty:sin'ĉi* (Расс., 111, 113).

Обращает внимание соответствие *bi*~ *mi/bä*~*mä* в обозначениях **biŋ*, **miŋ* 'тысяча' и **jegirbä*, **jegirmä* 'двадцать'. Если *bi*~*mi* (из **biŋ*, **miŋ*) придать значение 'десять', то конечный *ŋ* — показатель множественности (в данном случае равный 'ста').

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ 'ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ'

Рун. (КТб 31, 52; Тон 36; БК 25, 26; МЧ 21, 46, 48, 49; ThS II, XXXII), др.-уйг. (Man. I, 20; USp 13, 16, 57), карах.-уйг. (КВ III; МК I, Юг А 218), тат., башк., уйг. лобн. (Мал.$_3$, 178), уйг. хам. (Мал.$_1$, 137) *tümän*; уйг. лобн. (Мал.$_3$, 178), тув. *tümen*; кирг. *tümön*; кар.г. *timen*/кар.к. *tumen/tum'an'*; чаг. (Бада 'й', 169) *tumân*; узб. *tuman*; арм.-кыпч. (Tryjar., IV) *t' uman*.

На основании приведенных данных восстанавливается форма **tümän*, представляющая собою адаптирование ср.-перс. *tumān* (ДТС, 596), кбалк. *tümen* 'десять рублей'. Тюрк. **tümän* несет на себе и более старое значение, связанное с представлением о большом количестве, ср. др.-тюрк. *tümän* (ДТС, 596—597) 'множество, большое количество, тысячи, тьма', кирг. *tümön* 'несметное количество, тьма (много)', алт. *tümen* 'несметное количество, тьма, множество', тув. *tümen* 'тьма, множество', хак. *tüben* 'несметное количество, множество, тьма'.

В сибирско-тюркских языках *m*>*b*. Для 'десяти тысяч' еще употреблялось слово *ban* < кит. *wan* [Gabain 1974, 326]. В киргизском фольклоре для этой цели служит общетюрк. *san* 'число' [Чечейбаева 1971, 9]. В саларском языке 'десять тысяч' обозначается кит. *(pir) zanzy* (Тен.$_1$, 121).

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ ДРУГИХ РАЗРЯДОВ

Для 'ста тысяч' в чагатайском (БН, 376) употреблялись *lek*<перс. *lăk* и перс. *ṣad hăza:r*, в значении 'миллион' — чаг. *jüz tümän* (Eck., 149), тув. *saja* (от *saj-* 'считать'), сал. (pir) jüz zanzy (т.е. 100×10000), як. *mülüjüön* (из рус.). В значении 'десять миллионов' употреблялись: карах.-уйг. *tümän miŋ* (КВ III, МК I) и *miŋ tümän* (КВ III), др.-уйг. *kolti* (< скр.

koti), чаг. *korur* (БН 376), сал. (pir) *miη zanzy* (т.е. 1000×10000). Числительное 'миллиард' — чаг. *jüz miη tümän* (Eck., 149), сал. *(pir) zanzy zanzy* (т.е. 10000×10000), як. *milije:r* (из рус.).

Названия числительных, обозначающих числа высокого порядка, связаны со словами, передающими большое количество или большую массу, что прослеживается во многих языках мира [см. Панфилов 1977, 177].

СИСТЕМА СЧЕТА (СЧИСЛЕНИЯ)

В тюркском праязыке господствовала десятеричная система счета. Но эта система была неоднородной. На раннем этапе праязыка действовал принцип счета, названный С.Е. Маловым путем "приближения к следующему десятку": **pi:r *jegirmä~*jegirbä* означало '(десять и еще) единица двадцатого класса, единица второго десятка (сверх полного десятка берется единица из двадцатого класса)', т.е. 'одиннадцать', соответственно **iki *otuz* 'двадцать два', **üc *qyryq* 'тридцать три', **alty *älliy'* 'сорок шесть', **tö:rt *altymyš* 'пятьдесят четыре' и т.д. [Faccani 1983, 161—165].

Самостоятельными числительными для выражения целых десятков были: **eko:n~*iko:n* 'двадцать', **üčo:n* 'тридцать', **tö:rto:n~*dö:rto:n* 'сорок', **pä:šo:n~bä:šo:n* 'пятьдесят', **altäo:n~*altyo:n~altao:n* 'шестьдесят', **jätäo:n~*jäteoin~jätio:n* 'семьдесят', **säkizo:n* 'восемьдесят', **toqozo:n~*doqozo:n* 'девяносто'. Числительные же **jegirmä~*jegirbä* 'двадцать', **otuz* 'тридцать', **qyryq* 'сорок', **älliy'~*illiy'* 'пятьдесят', **altymyš* 'шестьдесят', **jätimiš* 'семьдесят' служили для обозначения порядка или разряда десятка. Такая система счета числительных представлена в языке руниических памятников.

Второй десяток: *bir jägirmi* 'одиннадцать' (МЧ 32), *äki jägirmi* 'двенадцать' (КТб 28, Man III, 6), *üč jägirmi* 'тринадцать' (КТб 18, ЕПТ 21), *bis jägirmi* 'пятнадцать' (МЧ 18, 27) / *bäš jägirmi* (ЕПТ 29, 33) / *biš jigirmi* (ThS LXV; Man III, 8), *alty jägirmi* 'шестнадцать' (КТб 31; ЕПТ 96), *jäti jägirmi* 'семнадцать' (КТб 11, 53; БК 24; Тон 49; ЕПт 24, 49; ПДПМиК 60), *säkiz jägirmi* 'восемнадцать' (БК 24), *toquz jägirmi* 'девятнадцать' (БКХа 9; ЕПТ, 81).

Третий десяток: *bir otuz* 'двадцать один' (МЧ 31, 45; ЕПТ, 38), *äki otuz* 'двадцать два' (БК 25; ПДПМиК 53; Man III, 40); *üč otuz* 'двадцать три' (МЧ 45; Тон 19); *biš otuz* 'двадцать пять' (КТб 18), *alty otuz* 'двадцать шесть' (БК 26, МЧ 4; ЕПТ 67), *jäti otuz* 'двадцать семь' (КТб 41, 53; БК 26), *toquz otuz* 'двадцать девять' (Man III, 7).

Четвертый десяток: *bir qyrq* 'тридцать один' (КТб 42), *bäš qyrq* 'тридцать пять' (ЕПТ, 47), *säkiz qyrq* 'тридцать восемь' (ЕПТ 56), *toquz qyrq* 'тридцать девять' (ЕПТ 26, 43).

Пятый десяток: *äki älig* 'сорок два' (ЕПТ 42), *üč älig* 'сорок три' (ЕПТ 43), *toquz älig* 'сорок девять' (ЕПТ 94), *toquz altmyš* 'пятьдесят девять' (ЕПТ 94).

Шестой десяток: *bir jätmiš* 'шестьдесят один' (ЕПТ, 81), *üč jätmiš* 'шестьдесят три' (ЕПТ 19), *bäs jätmis* 'шестьдесят пять (O_4), *jäti jätmiš* 'шестьдесят семь' (ЕПТ 31), *säkiz jätmiš* 'шестьдесят восемь' (ЕПТ 75).

Такая же система счета имеет место и в языке древнеуйгурских памятников.

Второй десяток: *iki jägirmi* 'двадцать два' (USp 110), *biš jägirmi* 'пятнадцать' (USp 21), *alty jägirmi* 'шестнадцать' (USp 111, 120), *säkiz jägirmi* 'восемнадцать' (USp 28, 33).

Третий десяток: *bir otuz* 'двадцать один' (USp 53), *iki otuz* (USp 1, 14), *üč otuz* 'двадцать три' (USp 108), *tört otuz* 'двадцать четыре' (USp 5), *biš otuz* 'двадцать пять' (USp 10, 36, 117), *säkiz otuz* 'двадцать восемь' (USp 19, 88), *toquz otuz* 'двадцать девять' (USp 3).

Четвертый десяток: *alty qyrq* 'тридцать шесть' (Suv 614).

Пятый десяток: *jäti älig* 'сорок семь' (USp 61).

Аналогичная система счета встречается в некоторых памятниках сирийского письма: *toquz otuz* 'двадцать девять' (ПДП 78). Из современных тюркских языков счисление методом приближения к следующему десятку сохранилось только в языке сарыг-югуров, причем только в пределах второго и третьего десятков.

Второй десяток: *pyryyyrmo* 'одиннадцать', *iškijiyyrmo* 'двенадцать', *üčyyyrmo* 'тринадцать', *tiort ziyyrmo* 'четырнадцать', *pešijiyyrmo* 'пятнадцать', *hal'tyyyrmo* 'шестнадцать', *žityjyyyrmo* 'семнадцать', *saqyšjiyyrmo* 'восемнадцать', *toqyšjiyyrmo* 'девятнадцать'.

Третий десяток: *perio'tys* 'двадцать один', *š'qyo'tys* 'двадцать два', *üʃo'tys* 'двадцать три', *tiorto'tys* 'двадцать четыре', *peso'tys* 'двадцать пять', *al'tyo'tys* 'двадцать шесть', *jityo'tys* 'двадцать семь', *sa:qyso'tys* 'двадцать восемь', *to'qys o'tys* 'двадцать девять' (Тен.$_1$, 72).

Сохранение старого счета от 11 до 29 в сарыг-югурском языке объясняется психологическими условиями — устойчивостью в сознании единиц малых классов (второго—третьего десятков). Ср. в румынских числительных от 11 до 19 — элемент *spre* 'на' (<лат. *super* 'над'): *unsprezece* 'одиннадцать', *doissprezece* 'двенадцать' [Общее языкознание 1970, 226], или в системе русского счета от 11 до 19: *один-на-дцать* (<*один-на-десять*), *две-на-дцать* (<*две-на-десять*) [Там же, 249].

Данная система счета постепенно подверглась перестройке. Часто употребляемые при счислении вспомогательные числа, обозначавшие порядок десятка (**jegirmä*~**jegirbä*, **otuz*, **qyryq*...), вытеснили из употребления и заменили собой самостоятельные десятки (**eko:n*~**iko:n*, **üčo:n*, **tö:rto:n*~**dö:rto:n*...). Изменилась и сама система счета: наименования десятков стали предшествовать названиям единиц, т.е. **jegirmä*~**jegirbä* **pi:r* 'двадцать один', **qyryq* **üč* 'сорок три', **altymyš* **to:rt* 'шестьдесят четыре' и т.д.

Новая система, свойственная позднему периоду праязыка, установилась не сразу. Ей предшествовал переходный этап, который можно обнаружить в памятниках рунической и уйгурской письменностей, — наименования десятков + *artuqy* 'больше, свыше' + названия единиц: *otuz artuqy bir* 'тридцать один' (БК 28—29, БКХа 9), *otuz artuqy üč* 'тридцать три' (БК 34), *otuz artuqy tört* 'тридцать четыре' (БК 38), *otuz artuqy jiti* 'тридцать семь' (КТб 15), *qyrq artuqy jiti* 'сорок семь' (КТб 53), *jüz artuq* 'более ста' (КТб 33). Ср. як. *otot orduya bi:r* 'тридцать один', *ayys uon orduya ikki* 'восемьдесят два' [Харитонов 1947, 145].

Новая система счета получила отражение наряду со старой в древ-

неуйгурских и сиро-тюркских памятниках: *on iki* 'двенадцать' (USp 27, 34, 87), *on biš* 'пятнадцать' (USp 31), *on säkiz* 'восемнадцать' (USp 12), *jägirmi iki* 'двадцать два' (USp 27), *älig bir* (USp 122), *älig biš* 'пятьдесят пять' (USp 8), *jitmiš iki* 'семьдесят два' (USp 83), *jätmiš biš* 'семьдесят пять' (USp 72), *otuz säkiz* 'тридцать восемь' (ПДПМиК, 76), *jitmis sägiz* 'семьдесят восемь' (ПДПМиК, 83).

В караханидско-уйгурских, чагатайских, кыпчакских памятниках, как и во всех современных (кроме сарыг-югурского) языках полностью представлена новая система счета: *on iki* 'двенадцать' (КВ III), *on säkiz* 'восемнадцать' (КВ III), *otuz iki* 'тридцать два' (КВ III), *on iki* (тефс. — Бор., 49); Eck., 200), *jägirmi säkiz* 'восемнадцать' (тефс. — Бор., 266), *jigirmi bir* 'двадцать один' (Ettuh., 283).

Следовательно, переход от старой системы счета к новой произошел в промежутке VIII—XI вв., в течение примерно двух — двух с половиной столетий.

Счет свыше 'ста' в рунических памятниках хранил старую систему: *jüz bäš igirmä* 'сто пятнадцать' (ЕПТ 82). В остальных памятниках счет идет по-новому: *jüz on biš* 'сто пятнадцать' (USp 31), *üč jüz toquzon* 'триста девяносто' (USp 35), *alty jüz altmyš alty* 'триста шестьдесят шесть' (USp 35), *alty jüz äli iki* 'шестьсот пятьдесят два' (тефс. — Бор., 49), *jäti jüz jätmis jäti* 'семьсот семьдесят семь' (тефс. — Бор., 152).

У сарыг-югуров счет между 101 и 109 включает кит. *liŋ* 'другой': *pir jüz pır·liŋ* 'сто один' (Тен.$_1$, 73), *pir jüz liŋ to'qys* 'сто девять' (Тен.$_1$, 73).

Счет более 'тысячи', встречающийся чаще всего в более поздних по времени памятниках, отражает новую систему: *byŋ jyllyq tümän künlik* 'тысяча лет и десять тысяч дней' (МЧ 21), *myn jyl tümän kün* 'тысяча лет (и) десять тысяч дней' (USp 13, 16, 57), *üčmiŋ säkiz jüz iki* 'три тысячи восемьсот два' (тефс. — Бор., 341), *miŋ altyjüz jigirmi säkiz* 'тысяча шестьсот двадцать восемь' (ПДПМиК, 83), *miŋ alty jüz qyrq* 'тысяча шестьсот сорок восемь' (ПДПМиК, 84).

Счет чисел старших порядков: *bir tümän artuqy jäti biŋ* 'семнадцать тысяч' (БКХа 1).

Десятеричная система является не единственной в тюркских количественных числительных.

Этимология числительных **üč, *pä:š *bä:š, *jätä, *jäte∼*jäti, *toqoz∼*doqoz, *qyryq, *älliγ'∼illiγ', *qyryq *jüüz*, указывает на возможность существования древнего счета на тройки, пятерки, семерки, девятки, сороковки, пятидесятки, семидесятки и сотки [Фомин 1980, 5—12], В.А. Гордлевский полагал, что у тюрок в древности существовал счет по пяти, десяти, двадцати, тридцати, сорока и пятидесяти [1945, 135—147]. В отдельных тюркских языках действительно представлены недесятеричные системы счета, которые являются осколками старых систем, но вместе с этим и вполне возможными неологизмами, появившимися в период раздельного существования языков. В "Kitabi Dede Korkut" представлен счет на три, семь, девять и сорок (Gökyay, CCCIII—CCCVII).

Отмечен счет тройками, пятерками, десятками в восточном диалекте башкирского языка: *ike undyq* 'две десятки' (Макс., 52), *ös bištek*

'три пятерки' (Макс., 52), счет на девять в хазараспском говоре узбекского языка: *ikki dokkyz čöräk* 'восемнадцать лепешек' (Джум., 15).

В карачаево-балкарском языке бытуют три системы счета: тюркский десятеричный, тюркский двадцатеричный и иранский десятеричный (хозяйственный) парный. Карачаево-балкарский двадцатеричный счет до 'двадцати' идет как во всех тюркских языках, а после двадцати следующим образом: *žyjyrma bla on* (букв. 'двадцать с десятью') 'тридцать', eki *žyjyrma* 'сорок' (букв. 'две двадцатки') (ГКБЯ, 164).

В туркменском и саларском языках известен счет по пятидесяти: туркм. *iki elli* 'сто', *üč elli* 'сто пятьдесят' (ОДТЯ I, 157), сал. *ellion* 'шестьдесят', *elli jigirmi* 'семьдесят', *elli otos* 'восемьдесят', *elliqy:reχ* 'девяносто' (Тен.$_1$, 121).

В лейлекском говоре киргизского языка употребляется счет на сотни: *om bir ǯüz* 'одна тысяча сто', *on iki ǯüž* 'одна тысяча двести', *on ǯeti ǯüz* 'одна тысяча семьсот', *žyjyrma ǯüz* 'две тысячи' (Абд., Мук., 156). Счет на сотни встречается и в туркменских диалектах: *onki jüz* 'тысяча двести', *on bä:š jüz* 'тысяча пятьсот' (Аман., 314).

В некоторых тюркских языках при счете, приближающемся к десяткам и сотням, употребляется слово *kät* 'мало': узб. наманг. *uč kät qiriy* 'тридцать семь' (букв. 'без трех сорок') (Тул., 15), узб. *jekkätotys* 'двадцать девять' (букв. 'без одного тридцать') (Ахмед., 17), южнокирг. гов. *üč kät jetmuš* ('без трех семьдесят') 'шестьдесят семь' (Шарип.), узб. бухар. *bir kar juz* ('без одного сто') 'девяносто девять' (Мирз., 58), в татарском языке: *un biš minut kim biš* 'без пятнадцати минут пять (часов)'.

В киргизских говорах южной группы (Чаткал, Жерге-Тал и Ноокат): *biri kät on* (букв. 'без одного десять') 'девять', *üčü kät on* ('без трех десять') 'семь', *biri kät toqson* (букв. 'без одного девяносто') 'восемьдесят девять' (Абд., Мук., 156). В говорах уйгурского языка: уйг. кашг. *biž kät qŷx* 'тридцать пять' (Мал.$_2$, 128), *iš kät qŷy* 'тридцать восемь' (Мал.$_2$, 128), уйг. лобн. *ikke kät ottus* 'двадцать восемь' (Мал.$_3$, 133).

В северных говорах ёмудского диалекта туркменского языка: *bir kem qyrq* (букв. 'без одного сорок') 'тридцать девять' (Аман., 11), *o:nusy kem jüz* 'девяносто' (Аман., 314).

В хорезмских памятниках в роли *kät* выступает *äksük* 'недостаток': *ellig äksük miŋ jyl* (букв. 'без пятидесяти тысяча лет') 'девятьсот пятьдесят лет'.

Данная система счета своим ближайшим аналогом имеет иранский и индийский счет: перс. тадж. *jäk kät bist* '19 (без одного двадцать)' [Расторгуева 1952, 69, 84; ЮГТЯ 1979, 47; Эдельман 1965, 30]. Этимологически *kät* > общеир. **kamna-*, ср. ав., др.-перс. *kamna-*.

Тюркскому праязыку была свойственна десятеричная система количественных числительных. В ранний период ряд первого десятка состоял из следующих единиц: **pi:r* 'один', **ėkė* 'два', **üč* 'три', *tö:rt* 'четыре', **pä:š* 'пять', **alta* 'шесть', **jätä* 'семь', **säkiz* 'восемь', **toqoz* 'девять', **o:n* 'десять'.

Остальные десятки по структуре образовали два ряда: а) числительные с неясной этимологией — **jegirmä* ~ **jegirbä* 'двадцать', **otuz* 'тридцать', **qyryq* 'сорок', **älliy'* ~ **illiy'* 'пятьдесят', **altymyš* 'шестьде-

сят', **jätimiš* 'семьдесят'; б) числительные, этимология которых ясна (наименования единиц + *o:n* 'десять'), — **eko:n*~**iko:n* 'двадцать', **üčo:n* 'тридцать', **to:rto:n* 'сорок', *pä:šo:n* 'пятьдесят', **altao:n* 'шестьдесят', **jätäo:n* 'семьдесят', **säkizo:n* 'восемьдесят', *toqozo:n* 'девяносто'.

При счете (счислении) роль самостоятельных числительных, выражающих целые десятки, выполняли члены второго ряда, члены первого ряда служили для обозначения порядка или разряда десятка: **ėkė *jegirmä* 'двадцать', **pä:š *jegirmä* 'пятнадцать', **üč *qyryq* 'тридцать три' и т.д.

С течением времени система количественных числительных претерпела изменения. В поздний период тюркского праязыка изменилась внешняя форма некоторых числительных. В силу озвончения начальных глухих *p, t* появились формы со звонкими смычными: **bi:r* 'один' (<**pi:r*), **bä:š* 'пять' (<**pä:š*), **dö:rt* 'четыре' (<**tö:rt*), **doqoz* 'девять' (<**toqoz*). Из-за диалектного дробления позднего пратюркского возникли варианты с диалектными признаками: **iki/*ike*~**eke/*eki* 'два', **alty*~**alta* 'шесть', **jäte*~**jäti* 'семь', **älliγ'*~**illiγ'*. Стала иной и структура сложных числительных — на первом месте стояли наименования десятков, на втором — названия единиц: **o:n bi:r* 'одиннадцать', **jegirmä dö:rt* 'двадцать четыре', *otuz bä:š* 'тридцать пять'. В отдельных тюркских языках первый ряд числительных в значительной мере заместил второй, и система в целом приобрела вид современный.

Языки, входящие в алтайскую группу, в области количественных числительных имеют мало общих черт. К их числу можно отнести число 'четыре'. Тюрк. **tö:rt/*dö:rt*, монг. *dörben*, тунг. *digin/dujin*, маньчж. *duin*, кор. *turi*, сев.-кор. *naujin/nduin*~*nejin/nej* восходят, вероятно, к некоему праязыковому **do*. Древним и общим для всех алтайских языков является, по-видимому, тюрк. **o:n*, а также монг. *-an/-en* как окончание в *žiran* 'шестьдесят', *dalan* 'семьдесят', *najan* 'восемьдесят', *jiren* 'девяносто' и кор. *on* 'сто'. Старый тюркский счет методом приближения к следующему десятку находит соответствие в джурч. *gurχon* 'тринадцать' (<монг. *gurban* + монг. *qorin*), *durχon* 'четырнадцать', маньчж. *um-šon* 'одиннадцать', *tofoxon* 'пятнадцать'. Тюрк. **jegirmä*~**jegirbä* сближается с ст.-монг. *žirin* 'два, оба, пара', от которого происходит *žirmesün* 'беременная'. Тюрк. **piŋ/*biŋ*~**miŋ*, монг., тунг. *mingan* 'тысяча' и тюрк., монг., тунг. *tümän* 'десять тысяч', кор. *čjmjn* 'тысяча' очень сходны между собой, чтобы быть общим праязыковым достоянием. Они должны рассматриваться как языковое достояние позднего происхождения или, быть может, как заимствования.

Малое количество совпадений среди количественных числительных в языках алтайской группы не может быть показателем отсутствия их родства. Анализ числительных в различных языках показывает, что для отдельных чисел возникают несколько параллельных обозначений. Это зависит либо от использования в качестве множеств-эквивалентов нескольких одинаковых в количественном отношении предметов, либо от применения как исходной точки отсчета нескольких уже существующих числовых обозначений.

Возникновение параллельных наименований одного и того же числительного в языках мира представляет собой распространенное явление (см. Панфилов 1977, 182—183].

По имеющимся материалам можно полагать, что в тюркском праязыке существовали по меньшей мере четыре формы порядковых числительных, свидетельствующие о хронологической, диалектной неоднородности праязыка. В ранний праязыковый период реконструируются следующие формы.

1. Форма с афф. *-*ym/*-im* — встречается в булгарских памятниках Поволжья: *onym* 'десятый', *ütim* 'четвертый', *belim/bilim* 'пятый', *öčem/üčem* (?) 'третий' (Хакимз., 69). Форма на *-m* представлена и в "Списке булгарских князей": *алемь* 'первый', *вѣчемь* 'третий', *тоутомь* 'четвертый', *алтомь* 'шестой', *читемь* 'седьмой', *шехтемь* 'восьмой', *твиремь* 'девятый' [Pritsak 1954, 70]. Встречается эта форма и в чувашском языке: *viz'em kun* 'третьего дня', *tăvadăm kun* 'четвертого дня'. Форма с афф. *-ym/-im* этимологически представляет собою один из видов собирательной множественности в функции обозначения порядка, последовательности предметов. Можно предполагать, что в праязыке была и форма на *-yn/-in* (см. *-ynčy/-inči*), но она в тюркских языках отражена слабо. Ср. в северном говоре верхнего диалекта чувашского языка: *višen* 'третий', *toadăn* 'четвертый' [Матвеев 1960, 11], в памятниках древнетюркской письменности: *äkinsü* 'второе войско' (БК 32), *ikin učuyly* 'оба (второе) крыло' (QB 0673).

2. Форма с афф. **-čy/*-či* — сравнительно с первой формой встречается редко. Она известна в единичных случаях в булгарских памятниках: *belči* 'пятый' (Хакимз., 69), армяно-кыпчакских документах: *ė k'iči* 'второй' (Tryjar. I, см. также Schütz, 109), в эрсаринском диалекте туркменского языка (**-čy/*-či>-ǯy/-ǯi*): *segsenǯi* 'восьмидесятый', *toqsonǯy* 'девяностый', *o:nǯu* 'десятый' (ОДТЯ, 268—269). Хотя в последнем случае возможно действие гаплологии: *segseninǯi>segsenǯi*.

Формант *-čy/-či* представляет один из продуктивных способов тюркского именного словообразования, выражающий признак лица или предмета по его действию. Признаковость форманта сохраняется и в омонимичной форме порядкового числительного, но здесь она обозначает понятие, связанное с определенной последовательностью предметов в их натуральном числовом порядке. Различия между формантами **-m, *-n* и *-čy/-či* исчезли вследствие их комбинирования в поздний период тюркского праязыка.

3. Форма с афф. **-(y)-mčy/*-(t)mči, *-(u)-mču/*-(ü)mčü* — в чагатайских памятниках: *ikimčisi* 'второй его', *jitimčisi* 'седьмой его' (Eck., 149). В современных тюркских языках южной группы **-mčy>-mǯy*: туркм. нохур. эневи, алили, сарык. диал.: *birimǯi* 'первый', *ikimǯi* 'второй', *altymǯy* 'шестой', *jedimǯi* 'седьмой' (Аман., 316); аз. гяндж., гараб., нух. диал., дманис. гов. казах. диал. *üčümǯü* 'третий', *altymǯy* 'шестой', *onumǯu* 'десятый', *otuzumǯu* 'тридцатый' (Шир., 183, Исл., 104—105; Джан., 72).

Исторически форма *-mčy* есть сочетание показателя собирательной множественности *m* и деривационного форманта *-čy*.

4. Форма с афф. **-(y)-nčy/*-(i)nči, *-(u)nču/*-(ü)nčü* — сохранилась во многих тюркских языках: др.-уйг. *üčünči* 'третий' (Suv 608), *törtünči*

'четвертый' (Suv 6), карах.-уйг. *ikinči* 'второй', *törtünči* 'четвертый', *bišinči* 'пятый' (КВ III), тефс. *tortinči* 'четвертый' (Бор., 310), чаг. *birinči* 'первый', *altynčy* 'шестой' (Eck., 149), арм.-кыпч. *birinči* 'первый', *ekinči* 'второй' (ДПЯ, 362; Schütz, 109; Tryjar., III), кар.т. *dörtinči* 'четвертый', кум. *onunču* 'десятый', кбалк. *bešinči* 'пятый', акног. *ekinči* 'второй', тат. *altynčy* 'шестой', узб. *tŭqqizinči* 'девятый', уйг. *onunči* 'десятый', алт. *ekinči* 'второй', шор. *ijginči* 'второй'.

Главным образом в группе южных языков **-nčy>*-nǯy*: мамл.-кыпч. *birinǯi* 'первый', *bačinǯi* 'пятый' (Ettuh., 150—153), ст.-тур. *üčünǯi* 'третий' (Гуз., 50), тур. *ikinǯi* 'второй', аз. *jeddinǯi* 'седьмой', туркм. *altynǯy* 'шестой', ктат. *birinǯi* 'первый', чаг. *ücünǯü* 'третий', кар.к. *bešinǯi* 'пятый' (Прик, 89), акног. *ekinǯi* 'второй', алт. куманд. *üčinǯi* 'третий' (Баск.$_3$, 50), шор. *toγyzynǯy* 'девятый' (Дыр.$_2$, 105—106).

В ограниченном числе языков **-nčy>-ncy:* кар.г. *ücinci* 'третий', бараб. *pirınci* 'первый'. В группе северных языков **-nčy>-nšy:* каз. *jekinši* 'второй', ног. *birinši* 'первый', ккалп. *besinši* 'пятый'. В башкирском языке **-nčy>-nsy: ösönsö* 'третий, *altynsy* 'шестой'. В сарыг-югурском языке *-nčy>-nǯy: pyryn3y* 'первый', *škyn3y* 'второй' (Тен.$_2$, 74).

В историческом плане форма *-nčy* представляет собою сочетание показателя собирательной множественности *n* и деривационного афф. *-cy* [Böthlingk 1851, 167; Brockelmann 1916, 213; Nemeth 1912, 571; Bang 1930, 18—19; Рамстедт 1957, 209; Кононов 1954, 268—273]. В период раздельного существования тюркских языков возникли производные формы порядковых числительных, представляющие собою расширение, сужение и контаминацию исходных форм.

5. Форма с афф. *-imǯijäǯän* — встречается в нухинском диалекте азербайджанского языка в наречном употреблении: *ikimǯijäǯän oxumušam* 'я вторично прочитал' (Исл., 105).

6. Форма с афф. *-(y)nčys/-(i)nčis, -(u)nčus/-(ü)nčüs* — как пример употребления данной формы можно указать на жергетальский говор киргизского языка: *birinčiste* 'первый (во-первых?)', *üčünčüstö* 'третий (в-третьих?)', *törtunčüstö* 'четвертый (в-четвертых?)' (Абд., Мук., 154). Отсутствие перевода и комментариев к приведенным примерам затрудняет их историко-этимологический анализ. Можно предполагать, что здесь формы порядковых числительных осложнены формантами принадлежности и местного падежа. *Birinčiste*, например, представляет собою *birinči* 'первый' + *si* + *te*, где в безударной позиции *si>s*. Следовательно, *birinčiste* не 'первый', а 'во-первых', т.е. не числительное, а наречие.

7. Форма с афф. *-(y)nzylyq'* — представлена в сарыг-югурском языке: *pyrynzylyq'* 'первый', *škynzylyq'* 'второй', *üčünylyq'* 'третий' (Тен.$_2$, 74). Этимологически данная группа числительных является субстантивацией посредством афф. *-lyq* порядковых числительных на **-nčy*.

8. Форма с афф. *-(y)nč/-(i)nč, -(u)nč/-ünč* — достояние языков древнетюркских письменных памятников: рунических — *üčinč* 'третий' (КТб 33; БК 30; ThS V), *jitinč* 'седьмой' (КТб 45; 53 доб.; О 4), *säkizinč* 'восьмой' (МЧ 17, 18, 40), *bir jägirminč* 'одиннадцатый' (МЧ 25);

сирийского письма — *onunč* 'десятый' (ПДПМиК), *miŋ alty jüz älig äkinč* 'тысяча шестьсот пятьдесят второй" (ПДПМиК);

древнеуйгурских — *üčünč* 'третий' (Man III, 15, 18, 21, 32), *bisinč* 'пятый' (Chuast 31, 34), *törtünč* 'четвертый' (Man III, 12, 21, 22; Suv 5; USp 27), *altynč* 'шестой' (Man III, 19), *jitinč* 'седьмой' (Man III, 19; USp 53), *säkizinč* 'восьмой' (Man III, 19; USp 53), *toquzunč* 'девятый' (Man III, 19), *onunč* 'десятый' (Man III, 19);

караханидско-уйгурских — *ikinč* 'второй' (КВ III, МК I, III) *üčünč* 'третий' (КВ III), *bäšinč* 'пятый' (МК I, III), *jigirminč* 'двадцатый' (МК I), *altynč* 'шестой' (Бор., 49, 100), *on bäšinč* 'пятнадцатый' (Бор., 237).

Форма с афф. *-nč* исторически является модификацией исходной *-nčy*. В условиях внешнего сандхи конечный *-y* оказывался в безударной позиции и редуцировался: **-nčy>-nč*, т.е. краткая форма - позднейшая относительно полной [Böhtlingk 1851, 76; Ястремский 1938, 73; Кононов 1954, 272].

9. Форма с афф. *-(y)s/-(i)s, -(u)s/-üs* — встречается в якутском языке: *ikkis* 'второй', *ühus* 'третий', *tördüs* 'четвертый', *behis* 'пятый'. Афф. *-s* является закономерным изменением афф. -nč в условиях якутского языка: *-nč>-s* [Böhtlingk 1851, 76, 104—106].

10. Форма с афф. *-məš/(-măš* 'редко') — свойственна только чувашскому языку. Формант *-məš* является универсальным — он прибавляется и к переднерядным, и к заднерядным основам: *pĕrreməš* 'первый', *sakkarməš* 'восьмой', *âxxârməš* 'девятый'. Развитие данной формы, вероятно, происходило следующим путем: **-mči>-mič>-měš*. Возможность такой эволюции подкрепляется более редкой чувашской же формой *-něš: ikkĕněš* 'второй', *sirĕmeněš* 'двадцатый' [Матвеев 1960, 11—14]. Развитие *-něš* совершалось аналогично: **-nči>-nič>-něš*. Иными словами, в основе чувашских порядковых числительных лежат общетюркские формы **-mči* и **-nči*. Остается неясным фонетический сдвиг *č>š* вместо ожидаемого *č>s'*.

11. Форма с афф. *-(y)łamčy/-(i)lemči, -(u)lamčy/ -(ü)lemči* — отмечена в говорах узбекского языка: каршинском — *bərlämčŷ* 'первый' (Шерм., 32—33), *ušlamči* 'третий' (Шерм., 28), шахрисябзском — *bešlämči* 'пятый' (Джур., 17). Формант *-lamčy* этимологически прост: это наращение показателя собирательной множественности *-la* к аффиксу порядкового числительного *-mčy*. Морфема *-la* присутствует в общетюркском форманте мн.ч. *-la + r*.

12. Форма с афф. *-(y)lančy/-(i)lenči, -(u)lančy/-(ü)lenči* — сохранилась в караханидско-уйгурских и чагатайских памятниках: *törtlänči* 'четвертый' (Бор., 310, см. Юг А 34), *yigirmälänči* 'двадцатый' (Eck., 149). В туркменских и ногайских диалектах *-lančy>-lanžy*: эсирели *bä:silenži* 'пятый', *jedilenži* 'седьмой', ёмуд. *o:nlanžy* 'десятый' (Аман., 316), салыр. *altylanžy* 'шестой' (Аманж., 11), нохур. *üčülänži* 'третий' (Мух., 11), акног. диал. *ĕkĭlenži* 'второй' (Калм., 13). В каракалпакском языке **-lančy>-lanšy: altylanšy* 'шестой' (Баск., 23). По структуре формант *-lančy* аналогичен предыдущему, показатель собирательной множественности *-la* + аффикс порядкового числительного **-nčy*.

13. Форма с афф. *-mine* — представлена в чувашском языке: *viśmine* 'на третий день, послезавтра', *tăvatmine* 'на четвертый день', *pilĕkmine* 'на пятый день', *oltmine* 'на шестой день', *śičmine* 'на седьмой день'. Сходная форма сохранилась в халаджском языке: *üčümün* 'третий'

[Doerfer 1971, 166]. Исторически данная форма есть сложение первичных показателей *-m* и *-n: -mine*<*-m* + *ine*.

14. Форма с афф. *-(i)minči* — старый звуковой вариант этой формы хранит в себе язык халаджей: *birminči* 'первый', *üčminči* 'третий', *törtminči* 'четвертый' [Doerfer 1971, 166]. В азербайджанских диалектах *-minči*> *-minǯi: birimiǯi* 'первый' *ikɪmiǯi* 'второй' (Шир., 183). Афф. *-minči* есть соединение трех первичных показателей *-m, -n, -ci: -minči*<*-m*+*in*+*či*.

15. Лексикализуясь, форма на **-nčy* обозначает названия месяцев. В саларском языке *-nči*>*-nǯi/-nʒi: pirinǯi/pirinʒi* 'январь', *iʃkinǯi/iʃkinzi* 'февраль', *üščinǯi/üčinǯi* 'март' (Тен.$_1$, 124). То же наблюдается в якутском языке — **-nčy*>*-nn'y: toxsunn'u* 'январь', *olunn'u* 'февраль', *setinn'i* 'ноябрь', *axsynn'y* 'декабрь'.

Возможно дальнейшее ослабление формы порядковых числительных, приводящее к полному ее стиранию, как, например, в курмышском говоре чувашского языка, где значение порядковых числительных несут числительные количественные: *vis'ĕ klasra věrenet* 'он учится в третьем классе', *vis's'e lartĕ* 'он поступил в третий класс', *vis'ĕ pürt orlă porănăt, tăvattă šĕnte* 'он живет через три избы, в четвертой' [Ашмарин 1898, 10]. *В тюркских языках существуют порядковые числительные, формы которых не связаны с показателями -m, -n, -čy.*

17. В боджиурском языке для образования порядковых числительных служит формант род.п. *-iŋ: biriŋ (gini)* 'первый (день)', *ikkiniŋ* 'второй', *ičiŋ* 'третий', *derdiŋ* 'четвертый', *bešiŋ* 'пятый' (Fázsy, 89).

18. **Форма с афф. *-indi/-inti* — представлена главным образом в древнетюркских памятниках.** Рунические памятники: *äkinti* 'второй' (КТб 33, 45; БК 30, Ха I; Тон 39; МЧ 19, 43, 46; ThS LXV); древнеуйгурские памятники: *ikinti* (Chuast 32; Suv 608, 624; USp 10)/*ikindi* 'второй' (Suv 5; USp 19, 28); караханидско-уйгурские памятники: *ekindi* (МК III)/*ikindi* (КВ III; МК I, II; Eck., 144); мамлюкско-кыпчакские памятники: *ikkindi* (Ettuh., 176) [Brockelman 1951, 164]. В сочинении Рабгузи отмечена редкая форма *ikindük*. Из современных языков встречается в халаджском: *äkkindi(si), üčindi(si)* [Дёрфер 1972, 93], в связанном словосочетании в татарском и башкирском языках: *ikende namaz* 'второй намаз'.

Формант *-nti* структурно и фонетически близок к форманту **-nči*. Дж. Клосон полагал, что афф. *-nti* является древнейшим, т.е. *-nti*>*-nči* [Clauson 1959, 27]. К. Грёнбек связывал его с афф. *-ti*, выделяющимся в древнетюркских наречиях *ädgüti, tükäti* [Grønbech 1936, 30]. Существует представление о причастном происхождении указанной формы [Emre 1943, 148—149; Bang 1918$_3$, 521—522]. Нетрудно заметить, что форма на *-nti* возможна только от числительного *äki/iki* 'два' (производное от 'трех' отмечено лишь в халаджском). Иными словами, *-nti* образует изолированную форму в тюркских языках, в основном древних. Отсюда наиболее вероятной представляется гипотеза Г. Рамстедта: кор. **pek-* 'следовать'>*pęg-im t'ę* 'ближайшее место'>тюрк. *ekinti* [1957, 65].

19. Форма с афф. *-ky/-ki, -ku/-kü, -gy/-gi, -gu/-gü* — известна в тувинском языке: *birgi* 'первый', *üskü* 'третий', *beški* 'пятый', *aldygy* 'шестой', *tosku* 'девятый. Ср. уйг. кашг. *altynki* 'шестой' (Мал.$_2$, 93). Формант *-ky* представляет собою по происхождению ту же служебную

частицу, что встречается в формах тюркских относительных прилагательных, притяжательных местоимений. Это — исходная функция форманта *-ky*. Использование ее как показателя порядковых числительных, очевидно, относится к более позднему периоду.

20. Формы с афф. *-(y)šky* / *-(i)ški*, *-(u)šku*/*-(ü)škü* и с долготой конечного гласного *-(y)šky:*/*-(i)ški:*, *-(u)šku:*/*-(ü)škü* — обе формы в параллельном употреблении представлены в тофаларском языке: *biräːški/biräːški:* 'первый', *iьńiški/iьńiški:* 'второй', *beššiški/beššiški:* 'пятый' (Рассадин, 118—119). В.И. Рассадин показал, что в основе компонента *-š* составного афф. *-šky* лежит формант древнетюркских порядковых числительных *-nč*, поскольку в тофаларском языке сочетание *-n'čž* в исходе слов переходит в *-š* (Рассадин, 119, 120).

21. Форма с афф. *-duga:r* — в тувинском языке формант *duga:r* не подчиняется гармонии гласных: *bir duga:r* 'первый', *uš duga:r* 'третий', *aldy duga:r* 'шестой'. В уйгурско-урянхайском языке у данного форманта развились фонетические варианты: *dörtdüge:r* 'четвертый', *sesdi:r* 'восьмой' (Болдырев, 18—19). Слово *duga:r* заимствовано из монгольского языка, в котором означает 'номер', и употребляется для образования порядковых числительных.

По наблюдениям Г.И. Рамстедта [1957, 67], во всех алтайских языках наличие общих черт в порядковых числительных весьма незначительно [см. Пашков 1963, 28]. В монгольском языке порядковые числительные не имеют особого показателя, т.е. по форме совпадают с количественными: *gurban sara* 'три месяца' и 'третий месяц'. Но возможны и адъективные образования с афф. *-daki: gurbadaki* 'третий' (букв. 'который около трех находится'). В калмыцком и бурятском языках аффикс имеет вид *-dakiči: gurbadakiči* 'третий'. В тунгусском языке встречаются различные формы, наиболее употребительная из них — на *i: ilan* 'три', *a ili* 'третий'. Сходная форма порядковых числительных встречается в маньчжурском: *uǯu* 'верхний конец, начало, верхушка', *uǯui* 'первый'. Ср. форму на *-ci(či): ulaci* 'третий'. В солонском языке представлена форма на *-či* (ср. тюркские формы на *-či* и *-nči*), обозначающая 'в таком-то году': *ǯüːtči* 'во втором году, двухгодичный', *ilasi* 'в третьем году' (= маньчж. *ilači* 'третий'), *dujusi* 'в четвертом году' (= маньчж. *dujuči* 'четвертый').

СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

В тюркский праязык проецируется пять форм собирательных числительных, различных хронологически и диалектально. В раннем периоде тюркского праязыка были представлены две простейшие формы.

1. Форма с афф. **-ayu/*-äy'ü* — в неизменном виде сохранилась в языках древнетюркских (руническая, древнеуйгурская, караханидско-уйгурская) памятников: *üčägü* 'втроем' (Тон 12), *birägü* 'один из них' (Suv 5), *biz ikägü* 'мы вдвоем' (Suv 403, 620), *ikägü* 'вдвоем' (USp 28), *üčägü (birlä)* 'втроем' (Suv 620, 627; USp 25, 55, 127), *törtägü* 'вчетвером' (KB III), *birägü* 'один, некто, некий' (Бор., 103; Eck., 102), хорезм.

altaγu 'вшестером' (PhTF, 123), ст.-тур. *birägü* 'один, некий' (PhTF, 170). В современных тюркских языках только сарыг-югурский и туркменский удержали интервокальный *γ/*γ': сюг. *-ogo – yškogo* 'вдвоем', *üʒogo* 'втроем', *törtogo* 'вчетвером', *pesogo* 'впятером', *altogo* 'вшестером', *ǰitogo* 'всемером', *saqysogo* 'ввосьмером', *to'qysogo* 'вдевятером', *onogo* 'вдесятером' (Тен.$_2$, 74); туркм. эрсарин. *-egi* (только для числительного 'один') — *bi:regi* 'некий, некто'.

Во многих тюркских языках, в том числе языках памятников, древний *-*ayu/*-*äγ'ü* дал производные: *-av/-ev:* чаг. *birev* 'один, некий' (PhTF, 149), мамл.-кыпч. *üčev* 'втроем' (Ettuh., 273), *dörtev* 'вчетвером' (Ettuh., 166), ктат. *ekev* 'вдвоем', *učev* 'втроем', кум. *birev* 'один, некий', *altav* 'вшестером';

-av/-äv: узб. огуз. *ekäv* 'вдвоем', *onav* 'вдесятером' (Абд., 87);

-av/-ev, -ov/-öv: туркм. човдур. и небап. *ikev* 'вдвоем', *üčöv* 'втроем' (Аман., 316), говор туркмен Ставрополя *bä:šov* 'впятером', *altav* 'вшестером' (ОДТЯ, 269). Туркменскому языку эти формы не свойственны: они появились в результате кыпчакского влияния, ср. кар.т. *ekèv* 'вдвоем', кар.г. *icev* 'втроем', *onov* 'вдесятером' (Мус., 208), ног. *altav* 'вшестером', *üšöv/üšev* 'втроем';

-ɔv: узб. *ikkɔv* 'вдвоем', *türtɔv* 'вчетвером', *bešɔv* 'впятером';

-aw/-ew: диалект арабачи туркменского языка *kew* 'вдвоем', *üčew* 'втроем' (Мав., 19);

-aw/-äw: ктат. *bäšäw* 'впятером', *onaw* 'вдесятером';

-ow/-öw: ичкиликский диалект туркменского языка: *ököv* 'вдвоем', *üčöw* 'втроем', *altow* 'вшестером' (Абд., Мук., 153);

-au/-eu: кбалк. *bereu* 'один, некий', *törteu* 'вчетвером'; каз. *beseu* 'впятером', *altau* 'вшестером', ккалп. *jekeu* 'вдвоем';

-au/-äü: тат. *bišäü* 'впятером', *unau* 'вдесятером', башк. *ösäü* 'втроем', *altau* 'вшестером';

-u:/-ü:, -o:/-ö:, -a:/-e: алт. туба-кижи *birü* 'один, некий', *ekü:/eke:/ege:* 'вдвоем' (Баск.$_4$, 38). В литературном алтайском языке только *u:/ü: – äkü:* 'вдвоем', *üčü:* 'втроем';

-o:/-ö: кирг. *törtö:* 'вчетвером', *bešö:* 'впятером', *alto:* 'вшестером'. В северных говорах киргизского языка *o:/ö+teŋ* 'равный' — *ekö:teŋ* 'вдвоем', *törtö:teŋ* 'вчетвером' (Абд., Мук., 153);

-ö: уйг. хам. *birö* 'один, наедине' (Мал.$_1$, 142);

-ya/-ie, -uo/-üö: як. *ikkie* 'вдвоем', *ühüö* 'втроем', *tördüö* 'вчетвером'. М.Н. Харитонов форму на *-ya* считает наречием. К собственно числительным он относит формы с уменьшительным афф. *-jax/-jex*, образуемые от наречия на *-ya: altyajax* 'всего только шесть', *ikkiejex* 'всего только двое' [1947, 150—151].

Возможно повторное употребление указанных выше форм: башк., тат. *bišäü-bišäü* 'впятером', *altan-altan* 'вшестером', каз. *ikeu-ikeu* 'вдвоем, попарно'. Общим свойством их является способность принимать форманты принадлежности: туркм. арабачи диал. *ikewmiz/iki:miz* 'вдвоем, мы двое', *üčewi* 'они втроем' (Мав., 19), туркм. човдур., лебап. диал. *ikevjmiz* 'мы вдвоем', *üčövjmiz* 'мы втроем' (Аман., 316), ктат. *učevi* 'они втроем', кирг. ичкилик. диал. *ökövü* 'они вдвоем', *altonen* 'они вшестером' (Абд., Мук., 153), алт. *birü:zi* 'один из них, некий'. Собирательные

числительные данного типа встречаются в пределах первого десятка, чаще всего до 'семи—восьми'. Причина этого явления кроется в отсутствии необходимости в жизненной практике употреблять числительные от больших чисел [Рахматуллаев 1962, 69—70]. Возможно влияние обрядовых моментов [Кеңесбаев 1946, 14] или старой системы счета [Чернышев 1946, 46], но едва ли это трудности произношения — факта чисто внешнего [Раҳматуллаев 1962, 70].

Формант **-ayu/*-äy'ü* состоит из двух морфем: глаголообразующей **-a/*-ä* и имяобразующей **-yu/*-y'ü* [Bang 1918$_3$, 519; Crønbech 1936, 29].

2. Форма с афф. *-n(-a:n/-ä:n)* — редко встречающаяся форма: *äkin ara* 'между ними обеими' (КТб 1; М 42; О 2), чув. *ikkĕn* 'вдвоем', *sakkărăn* 'ввосьмером'. Форма на *-n* — один из видов собирательно-коллективной множественности. Образования на *-ayu* и *-n* представляют собой первичные формы.

В поздний период тюркского праязыка образуются кумулятивные формы посредством сочетания первичных и некоторых других.

3. Формы с афф. **-ayun/*-äy'ün* — сочетание **-ayu* + **-n/-äy'ü* + *-n*. В неизменном виде она сохранилась в руниче ских и караханидско-уйгурских памятниках: *üčügün* 'втроем' (Тон 21), *ikigün* 'вдвоем' (КВ III 191), *ikägün/ikigün* 'вдвоем' (Бор., 123—124), *üčägün* 'втроем' (Бор., 341—342). В якутском языке **-ayun* > *-yan, *äy'ün* > *ien: ikkien* 'вдвоем', *ühüön* 'втроем', *türdüön* 'вчетвером'. В лейлекском говоре киргизского языка и в тофаларском **-ayun* > *a:n, *äy'ün* > *ä:n*, ср. кирг. *bira:n/biräп* 'один, некий' (Юн., 190), тоф. *bečžä:n* 'впятером', *ona:n* 'вдесятером' (Расс., 121—124). В уйгурско-урянхайском языке **-ayun* > *a:n, *äy'ün* > *e:n*, ср. *uze:n* 'втроем', *dorte:n* 'вчетвером', *alta:n* 'вшестером' (Болд, 118)

4. Форма с афф. **-ayula/*-äy'ülä* — сочетает два форманта собирательной множественности: **ayu/*äyü* и **-la/*-lä* (+ форманты принадлежности). Афф. **-ayula/-*äy'ülä* оставил ряд фонетических рефлексов в тюркских языках:

-äwlä: чаг. *üčäwlä* 'трое, втроем' (Бада'й', 95);

-ävlä: ст.-тур. *ikävläsi* 'двое, вдвоем', *üčävlämüz* 'мы втроем' (PhTF, 170);

-ala/-älä, -ilä/-ele: чаг. *üčäläsi* 'они втроем', *törtäläsi* 'они вчетвером' (PhTF, 149); хорезм. *üčäläsi* 'они втроем, трое' (PhTF, 123); бодж. *derdäläsi* 'они вчетвером', *bešäläsi* 'они впятером' (Fázsy, 90); узб. наманг. *ikälä* 'вдвоем' (Ал., 82), узб. ташк. гов. *uččälä* 'втроем', *torttälä* 'вчетвером' (УДМ I, 212); кирг. ошск. и жерге-ташк. гов. *ekäläsi/ikäläsi* 'вдвоем, двое' (Абд., Мук., 153—154; Юн., 190); уйг. *üččälemiz* 'нас трое, втроем'; куманд. *pižele* 'впятером', *altala* 'вшестером', *togysala* 'вдевятером' (Баск.$_3$, 49); шор. *ijgele* 'вдвоем', *toguzala* 'вдевятером';

-yla/-ile, -ula/-üle, -la/-le: алт. туба-кижи *ikile* 'вдвоем', *bäžilägi* 'впятером', *üčülezi* 'втроем, трое' (Баск., 38);

-elo/-ela, -eli/-ili: сал. *ehelo/jüxela/ogeli/uhili* 'вдвоем' (Тен.$_1$, 124—125).

5. Форма с афф. **-ayulan/*-äy'ülän* — представляет собою сочетание трех показателей собирательной множественности:

**-ayu/*-äy'ü, -la/-lä* и *-n*. Ее фонетические модификации сохранились в различных тюркских языках:

-owlan/-öwlän: кирг. памир. гов. *ökövlän* 'вдвоем' (Абд., Мук., 154);

-avlan/-ävlän: чаг. *ikävlän* 'вдвоем', *üčävlän* 'втроем' (PhTF, 149);

-ovlan/-ëvl'an: кар. т. *üčevl'an* 'втроем', *altovlan* 'вшестером';

-ovlan/-evlen: кар.г. *icevlen* 'втроем, трое';

-onlan/-anlan/-onlen: кбалк. *ekeulen* 'вдвоем', *altaulan* 'вшестером', *onoulan* 'вдесятером';

-äjlän/-ölän, -ülän/-ilän/-län: уйг. *ikkäjlän* 'вдвоем', *bäšölan* 'впятером', *üčülän* 'втроем', *ikkilän* 'вдвоем, двое'.

-öjlän: уйг. хотан. *ikköilän* 'вдвоем' (Мал.$_2$, 113);

-o:län/-ö:län: уйг. хам. *alto:län* 'вшестером' (Мал.$_1$, 137), *bäšö: län* 'пятеро, впятером' (Мал.$_1$, 142);

-olaŋ/-öleŋ: хак. *altolaŋ* 'вшестером', *onolaŋ* 'вдесятером', *törtöleŋ* 'вчетвером.

-a:lyn/-älin: ona:lyn 'вдесятером', *dörtä:lin* 'вчетвером', *biczä:lin* 'впятером' (Расс., 121, 124).

Итак, для тюркского праязыка могут быть названы пять форм собирательных числительных, представленных в значительном числе современных тюркских языков.

В период раздельного существования тюркских языков возникли формы, встречающиеся в некоторых ареалах или отдельных языках.

В группе кыпчакских языков: каз. *ekeulep* 'двое, вдвоем'; тат. *bišävläp* 'впятером'; башк. вост. диал. *dürtäüðäp* 'вчетвером' (Макс., 51). Формант представляет собою **-ayu/-äy'ü* + глаголообр. афф. *-la/-lä, -ða/-ðä* + + афф. дееприч. *-p.*

В группе кыпчакских и кыпчакизованных языков: тат. *ikävläšep* 'вдвоем', *bišävläšep* 'впятером', башк. айск. *ösävðašep* 'втроем', *altavðašyp* 'вшестером' (Макс., 17), зап.-сиб. тат. *unavlašyp* 'вдесятером' (Ах., 22); узб. шахрисябз. *ekɔvläsip* 'вдвоем' (Джур., 17). Формант является усложненным вариантом предыдущего: **-ayu/*-äy'ü* + глаголообр. афф. *-la/-lä, -ða/-ðä* + афф. взаимн. зал. *-š* + афф. дееприч. *-p.*

В туркменском языке: *ikilešip* 'вдвоем' (Пенж., 136). Формант состоит из глаголообр. афф. *-le* + афф. взаимн. зал. *-š* + афф. деепр. *-p.*

В восточном диалекте башкирского языка употребляется: *ösäüðäp* 'втроем', *dürtäüðäp* 'вчетвером' (Макс., 51). Формант представляет собою соединение аффиксов собирательных числительных на *-äü* + + глаголообр. *-ðä* + дееприч. *-p.*

В огузском диалекте узбекского языка и особенно в алтайском языке: узб. *onlab* 'вдесятером', *jüzläb* 'сотней' (Абд., 87), алт. *üčtep* 'втроем', *mundap* 'тысячами'. Формант числительного состоит из аффиксов глаголообр. *-la/-lä, -lo/-lö, -da/-de, -do/-dö, -ta/-te, -to/-to* и дееприч. *-b/-p.*

В тувинском языке: *iele:n* 'вдвоем', *beželе:n* 'пятером', *aldala:n* 'вшестером'. По мнению Ф.Г. Исхакова, тувинская форма на *-ala:n/-ele:n* есть не что иное, как производное от **-ayulayan/*-äy'üläy'än*, т.е. собир. числ. **-ayü/-*äy'ü* + глаголообр. афф. *-la/-lä* + прич. *-yan/-y'än* [Исхаков, Пальмбах 1961, 211].

В киргизском говоре Чон-Алля: *birgä:r* 'один из' (Абд., Мук., 153). В редком употреблении *-är<gä:r(?)* (Юн., 190).

В южнокиргизских говорах: *birärgilärі* 'некоторые из них' ; ср. *ä:rgi* (Юн., 190). Формант в целом представляет сочетание разделительного числительного *-är* и относительного прилагательного *-gi/-ki.*

В ногайском языке (редко): *segizlik* 'восьмеро'. В данном случае представлена форма отыменного существительного на *-lyq/-lik*.

В эрсаринском и хатанском диалектах туркменского языка: *biri:k* 'по одному', *iki:k* 'вдвоем', *üči:k* 'втроем' (Аман., 316). Формант на *-i:k*, по-видимому, есть остаток древнего направительного падежа [см. Серебренников, Гаджиева 1979, 180].

В теленгитском диалекте алтайского языка: *ekilbezi* 'оба, двое', *üčülbezi* 'трое', *törtülbezi* 'четверо', *bežülbezi* 'пятеро' (Чунж., 43). Н.А. Кучигашева считает эту форму *(-ilbezi/-ülbezi)* стяжением аналитических конструкций: *eki bilezi, üčü bilezi, törtü bilezi* [1961, 63]. Возможно и другое толкование данной формы: *äγü + глаголообр. афф. *-le* + афф. дееприч. *-p* + двойной афф. принадл. 3 л. *-ezi*.

В тувинском языке: *ieldirzi* 'двое', *üželdirzi* 'трое', *dörteldirzi* 'четверо', *beženeldirzi* 'пятеро', *aldaldyrzy* 'шестеро', *onaldyrzy* 'десятеро'. Согласно мнению Ф.Г. Исхакова, формант на *-aldyrzy/-eldirzi* состоит из глаголообр. афф. *-al/-el* + афф. побуд. зал. *-dyr/-dir* + двойной афф. принадл. 3 л. *-yzy/-izi* [Исхаков, Пальмбах 1961, 211—212].

В огузских, кыпчакских и чувашском языках: аз. *ikimiz* 'мы вдвоем', *üčünüz* 'вы втроем., *ikilari* 'они вдвоем', тат. *ŏčebez* 'мы трое', *dörtegez* 'вы четверо'; узб. огуз. диал. *ikkimiz* 'мы вдвоем' (Абд., 88); чув. (краткая форма) *viśśər* 'вы трое', *ultsər* 'вы шестеро', *sičsəmər* 'мы ввосьмером', (полная форма), *ikkəšə* 'их двое', *viśśəšə* 'их трое'. Схема образования числительного: колич. числ. + афф. принадлежности мн.ч.

В некоторых говорах сарыкского диалекта туркменского языка: *iki:m bile gideli* 'пойдем **вдвоем**', возможны еще *üči:m* 'мы втроем', *tö-rdi:ŋ* 'вы вчетвером' (Аман., 316). Схема образования: колич. числ. + + афф. принадлежности ед.ч. в значении мн.ч.

В караханидско-уйгурских памятниках: *birläki* 'совместный, вместе с чем-либо' (Бор., 104). Схема: числ. + афф. собир. множественности.

В азербайджанском языке: *altylyγda* 'шестером', *üčlükdä* 'втроем'. Схема образования: числ. + словообразов. афф. + афф. местного падежа.

В образовании собирательных числительных монгольских языков участвуют те же морфемы, что и в тюркских языках.

1. **-la/*-lä:* монгор. *γorla* 'вдвоем', *derbaŋla* **'вчетвером'** [Тодаева 1973, 92], дунс. *γurala* 'втроем', *tavuala* 'вчетвером' [Тодаева 1961, 37], баоань. *γuralä* 'втроем', *därälä* 'вчетвером' [Тодаева 1964, 65].

2. **-γula/*-güle:* ст.-письм. монг. *γurbaγula* 'втроем', *jisügüle* 'вдевятером' [Санжеев 1964, 75]; монг. *tavu:l* 'впятером', *arvu:l* 'вдесятером' [Тодаева 1951, 23—24]; даг. *najma:l* 'ввосьмером', *durbä:l* 'вчетвером', *dolo:l* 'ввосьмером', *tava:la* 'впятером', *xarba:la:* 'вдесятером' [Тодаева 1960, 62]; баоань *därulä* 'вчетвером', *tavulä* 'впятером' [Тодаева 1964, 65].

3. **-γulan/-gülen:* бур. *xoju:lan* 'вдвоем', *gurbu:lan* 'втроем', *tabu:lan* 'впятером' [Санжеев 1941, 53]; калм. *zurhuln* 'вшестером', *nä-muln* 'ввосьмером', *xoju:rn* 'вдвоем', *hurvuln* 'втроем' [Тодаева 1976, 138].

Г.И. Рамстедт полагает, что монгольская морфема **-aγu* этимологически сближается с монг. *agulǯa-*/калм. *u:lz-* 'совпадать', кор. *aori-* 'собирать', *aolla* 'вместе' [Рамстедт 1957, 138]. В эвенском языке собирательные числительные образуются с помощью морфемы *-ny/-ni* (ср. тюрк. *-n*): *ilnizur* 'втроем', *dyγnyzur* 'вчетвером' [Новикова 1968, 96].

ШТУЧНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Штучные числительные свойственны узбекскому языку. Образуются они посредством присоединения форманта *ta* к количественным числительным: *bitta* (<*birta*) 'одна (штука)', *učta* 'три (штуки)', *tortta* 'четыре (штуки)', *bešta* 'пять (штук)', *juzta* 'сто (штук)', *miŋta* 'тысяча (штук)'. В говорах узбекского языка возможен вариант аффикса с переднерядной гласной *tä: bittä, ikitä, beštä, ontä, qyχtä* (УДМ I, 211).

Штучные числительные встречаются также в подверженных узбекскому и таджикскому влиянию говорах киргизского и туркменского языков. В северных говорах киргизского языка от Таласа-Чаткала до Памира эти числительные образуются при помощи афф. *-ta/-tä* (в Чаткале — до 5, в Жерге-Тале — до 10, а также 20, 30, 50, 100, 1000): *bittä, ekitä, üčta, beštä, ontä* (Абд., Мук., 154). В лебапском говоре туркменского языка штучные числительные имеют приметой афф. *-te~-tä/-ta: ikite~ikitä, juθte~juθtä, miŋte, γyrqta* (Аман., 314).

Штучные числительные в тюркских языках — поздняя категория — она, несомненно, результат иранского влияния, ср. тадж.-перс. *ta* 'штука' (нумератив): *jäkta* 'одна (штука)', *dota* 'две (штуки)', *seta* 'три (штуки)'.

РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

1. В большей части тюркских языков показателем разделительных числительных является афф. *-ar/-er* (после конечной согласной) и *-šar/-šer* (после конечной гласной): др.-уйг. *birär* 'по одному' (USp 18, 47), *üčär* 'по три' (USp 34); Тефс. *törtär törtär* 'по четыре' (Eck., 293), *miŋär* 'по тысяче' (Бор., 224), мамл.-кыпч. *üčär* 'по три' (Ettuh., 273), *ikkisär* 'по два' (Ettuh., 176), bäšär 'по пять' (Ettuh., 151; арм.-кыпч. *ėkišar* 'по два' (Tryjar. I, 233); хорезм. *birär* 'по одному' (PhTF 123); чаг. *jüzär* 'по сотне' (PhTF, 149), *altmyšar* 'по шестидесяти' (PhTF, 149); ст.-тур. *birär* 'по одному' (Гуз., 50), *ikišär* 'по два' (Гуз., 50); тур. *dokuzar* 'по девяти', *ikišer* 'по два', ктак. *birer* 'по одному', *üčer* 'по три', чаг. *dördär* 'по четыре', *jedišär* 'по семь', аз. *birer birer* 'по одному' (только в пределах единицы); кбалк. *birer* 'по одному', *altyšar* 'по шести', кар.к. *birer* 'по одному', *ekišer* 'по два' (Прик, 90); кум. *oŋar* 'по десять', *altyšar* 'по шесть', тат. *dürtär* 'по четыре', *ǯidešär* 'по семь', башк. *öšär* 'по три', *bišär* 'по пять'.

В небольшом числе языков возникли отклонения от приведенной выше схемы. Разделительные числительные чувашского языка образуются посредством присоединения к краткой форме количественных числительных только одной серии аффиксов — *-šar/-šer: śičšer* 'по семь', *ikšer* 'по два'. Исключением является *pĕrer* 'по одному', но в составных числительных *-šer* восстанавливается: *vun pĕršer* 'по одиннадцати'. По правилу чувашской фонетики общетюрк. *š* переходит в *ś*. Это дало основание И. Бенцингу [Benzing 1959, 732] и М. Рясянену [Räsänen 1957, 87] утверждать о заимствованном характере форманта *-šar/-šer* в чувашском языке.

В тракайском диалекте караимского языка для образования разделительных числительных служит формант *-ary/-järi* и *-šary/-š'ari:*

bir'ari 'по одному', *ek(i)š'ari* 'по два' (Мус., 210). В галицком диалекте караимского языка и ногайском языке употребляется общий формант *-ar/-er* и *-sar-/-ser:* кар.г. *icer* 'по три', *ekiser* 'по два' (Мус., 210), ног. *üšer* 'по три', *ekišer* 'по два'.

В ед. числе в памятнике караханидской поры встретилась форма с афф. *-kär: ikikär ikikär* 'по два' (Eck., 144). В редких случаях в древнеуйгурских и чагатайских памятниках встречается вид числительного с афф. *-rar/-rär: aldyrar bŏz* 'по шесть (связок) холста' (USp 84), *ikirär* 'по два' (из "Бабур-намэ" — PhTF, 149).

Некоторые тюркские языки содержат форму с афф. *-lar/-lär:* чаг. *ikilär* 'по два' (из "Бабурнамэ" — PhTF, 149); хак. *ikiler* 'по два', *altylar* 'по шесть', тоф. *iьhiler* 'по два', *aьltylar* 'по шесть', *čediler* 'по семь' (Расс., 124).

Полный вид данного форманта во всей совокупности его вариантов следующий: *-ar/-är* (после конечной согласной) и *-šar/-šär~ -kar~-rar/-rär~-öar/-lär* (после конечной гласной). Во втором ряду аффиксов установилось чередование начальных согласных *š~k~r~l*. Естественно, встают вопросы: какое звено здесь исходное и какая взаимосвязь между двумя вариантами формантов, приведенных выше?

В. Банг полагал, что аффикс первой группы *-ar/-är* представляет собою разновидность направительного падежа [Bang 1918$_3$, 526]: ср. *-aru/-ärü, -yaru/-gärü*. Вероятность предположения В. Банга усиливается наличием афф. *-kär.* (ср. *ikikär ikikär* 'по два'). На этом основании разделительные числительные первого десятка в ранний период тюркского праязыка можно реконструировать следующим образом: 1) **pi:rär*, 2) **ėkėgär*, 3) **učär*, 4) **to:rtär*, 5) **pä:šär*, 6) **altȧyar*, 7) **jätägär*, 8) **säkizär*, 9) **toqozar*, 10) **o:nar*. Но эти формы не оставались неизменными: в них происходили процессы смещения слоговых границ, выравнивания по аналогии. Из **pi:rär* по аналогии возникли формы **ėkėrär* и **altȧrar* (ср. *ikirär* и *aldyrar*). По той же причине **pä:šär* способствовало появлению форм с *-šar/-šär* у числительных выше 'пяти' [Самойлович 1916, 50; Bang 1918$_3$, 526; Кононов 1954, 278].

О силе этого процесса можно судить по современным языкам: афф. *-šar/-šär* замещает "законный" афф. *-ar/-är*: кбалк. *üš–üšer* 'по три', *tört-üšer* 'по четыре', *beš-išer* 'по пять', тат. *siges-ešär* 'по восемь', *tuqsan-ysar* 'по девяносто', башк. *qyrq-ysar* 'по сорок', *hikhän-ešär* 'по восемьдесят', башк. инзер. гов. *utyð-ysar* 'по тридцать', *meŋ-eʷar* 'по тысяче' (БДС, 157).

В позднем пратюркском ряд разделительных числительных до десяти мог быть таким: 1) **bi:rär*, 2) **ikišär~*ikešär~*ekešär~*ekišär*, 3) **učär*, 4) **dö:rtär*, 5) **bä:šär*, 6) **altyšar~*altašar*, 7) **jätešär~*jätišär*, 8) **säkizär*, 9) **doqozar*, 10) **o:nar*.

Форма с афф. *-lar/-lär* развивалась изолированно — она встречается в ограниченном числе языков (чагатайский, хакасский, тофаларский). У А.Н. Кононова есть предположение, что *-lar*<*-la* + *r*, где *-la* — аффикс, образующий глаголы от имен, а *r* — примета настоящего-будущего времени [1954, 279]. Совершенно очевидно, что чередование *š~k~r~l* образовалось не фонетическим путем. Таково положение с основной формой тюркских разделительных числительных. Тем

не менее, можно выдвинуть и другую версию о возникновении форм *-šar/-šär, -kär, -rar/-rär, -lar/lär*, может быть, более вероятную, чем отмеченная выше: все эти форманты состоят из двух частей — общая часть их представляет собою аффикс собирательной множественности *-ar/-är*, а инициали *š, k, r, l*, каждая сама по себе, выражает ту же множественность (см. раздел "Категория числа").

В период раздельного существования тюркских языков сформировались более частые локализованные формы, представляющие собою падежные, деепричастные или отдельные кумулятивные образования.

2. Форма с аффиксом исх. падежа. Она встречается в кыпчакских, среднеазиатских и южносибирских языках: ног. *törtten* 'по четыре', *altydan* 'по шесть'; каз. *üšten* 'по три', *onnan* 'по десять', ккалп. *jekiden* 'по два'; бараб. *pirdän* 'по одному' (ЯЛНС, 162); башк. инзер. гов. *bištän* 'по пяти' (БДС, 157); уйг. *birdin* 'по одному', *üčtin* 'по три'; кирг. *ekiden* 'по два'; сюг. *törtten* 'по четыре', *pešten* 'по пять' (Тен.$_2$, 74); алт. *ekideŋ* 'по два', шор. *pešteŋ* 'по пять', *onnaŋ* 'по десять'.

3. Форма с афф. *-awdan/-evden* (собир. числ. + исх. п.): каз. *biräwdän* 'по одному'; ккалп. *jekewden* 'по два'; узб. диал. *oltowdän* 'по шесть'.

4. Форма с афф. *-ardaŋ/-erdeŋ* (разд. числ. + исх. п.): хак. *törterdeŋ* 'по четыре', *otyzardaŋ* 'по тридцать'.

5. Форма с афф. *-yšyšarδan/-ešešerδen* (<*-yšaršarδan/-ešeršerδen*): башк. айск. *bišešärδän* 'по пять', *unyšyšarδan* 'по десять. (Макс., 52, 90).

6. Форма с афф. *-tadan/-tädän, -tadin/-tädin:* (штучн. числ. + исх. п.): узб. лит. *beštadan* 'по пять', узб. ташк. гов. *oltytädän* 'по шесть' (УДМ I, 213), наманг. гов. *üštädän~üštädä:* 'по три' (Ал., 80), огуз. гов. *beštadin* 'по пять' (Абд., 87).

7. Форма с афф. *-tälä* (штучн. числ. + соб. мн.): узб. шахрисяб. гов. *ontälä* 'по десять' (Джур., 17).

8. Форма с афф. *-lap/-lep* (дееприч. -афф.): ног. *žetilep* 'по семь', *altylap* 'по шесть', *onlap* 'по десять', узб. *bešlab* 'по пять', кирг. *ondop* 'по десять'.

9. Форма с афф. *-awlap/-awläp* (собир. числ. + дееприч.): ккалп. *jekewlep* 'по два' (Нас., 329); тат. *öčäwläp* 'по три'.

10. Форма с афф. *-arlap/-erlep, -šarlap/-šerlep* (разд. числ. + дееприч.): ног. *onarlap* 'по десять'; кум. *ekišerlep* 'по два', хак. *pizerlep* 'по пять'; тоф. *beššerlep* 'по пять', *čüzerlep* 'по сто' (Расс., 125).

11. Форма с афф. *-army/-erni, -larny/-lerni: ıhhilerni* 'по два', *beššerni* 'по пять', *čüzerni* 'по сто' (Расс. 124).

12. Форма с афф. *-imlep* (порядк. числ. + дееприч.): ккалп. *birimlep* 'по одному', *jekimlep* 'по два' (Нас., 329). Форма встречается очень редко.

13. Форма с афф. *-ly:/-ny:, -ty:/-dy:* — як. *altaly:* 'по шесть', *ayysty:* 'по восемь'. Данная форма встречается только в якутском языке и представляет собою либо деепричастное образование [Кононов 1954, 279], либо древний совместный падеж [Серебренников, Гаджиева 1979, 132].

14. Аналитическая форма с повторением одних и тех же чисел: аз. *iki-iki* 'по два', *beš-beš* 'по пять', *on-on* 'по десять', *birär-birär* 'по одному' (реже); тув. *bir-bir* 'по одному', on-on 'по десять', *iji-ijilep* 'по два' (реже).

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Значение приблизительности у тюркских числительных выражается различными способами.

1. В древнетюркских, среднеазиатских и южносибирских языках для этой цели служит афф. **-ča/*-čä:* рун. *äligčä* 'около пятидесяти' (Тон 42), *jüzčä* 'около ста' (БК 41), уйг. *ončä* 'около десяти', кирг. *žüzčö* 'около ста', хак. *čegirbeče* 'около двадцати', *xyryxča* 'около сорока', шор. *segisče* 'около восьми'; як. *uonča* 'около десяти', *su:sče* 'около ста'. Афф. **-ča/*-čä* возводят к послелогу *ča:o* или к аффиксу сравнения *-ča/-čä*, что наиболее правдоподобно [Серебренников, Гаджиева 1979, 132—133]. Это одна из редких форм приблизительных числительных, которую можно проецировать в тюркский праязык.

2. В диалектах татарского языка приблизительность выражается афф. мн.ч. *-lar/-lär:* миш. тат. *üčlär* 'около трех', бараб. *onlar* 'около десяти'.

3. В языках юго-западной и среднеазиатской группы приблизительность выражается посредством афф. *-larǯa/-lärǯä* (мн.ч. + *-ča/-čä*): тур. *onlarǯa* 'приблизительно десять', binlerǯe 'около тысячи'; аз. *altylarǯa* 'около шести', *jürlärǯa* 'приблизительно сто'; ктат. *bešlerǯe* 'около пяти', *biŋlerǯe* 'около тысячи'; туркм. *jüzlerče* 'приблизительно сто', *onlarča* 'около десяти', узб. *jeddilerče* 'около семи', *miŋlarča* 'около тысячи', (в таш. гов.) *juzlärčä* 'около ста', *miŋlärčä* 'около тысячи' (УДМ I, 215), наманг. гов. *-larča>-läččä – mi:läččä* 'около тысячи' (Ал., 81).

4. В узбекском литературном языке и диалектах показателем приблизительности является афф. *-tača/-täčä:* лит. *ontača* 'около десяти', *älliktača* 'около пятидесяти'; таш. гов. *ikki justäčä* 'около двухсот' (УДМ I, 215); наманг. гов. *qixtäčä* 'около сорока' (Ал., 81).

5. В группе кыпчакских языков известен способ: афф. *-lar/-lär* + афф. дат. падежа или исх. (время в часах или возраст): ккалп. *sayat onlada* 'примерно часов в десять'; каз. *ol otyzdarya kelip qaldy* 'ему около тридцати лет'; ног. *altylarya ǯettim* 'я прибыл к шести (часам)'; *qyryglarya jittem* 'я достиг сорока (лет)'; сал. *azeŋ otusläre je'ǯ'i* 'твоей старшей сестре около тридцати лет'; каз. *men sayat ondarda türdym* 'я встал часов в десять'; ног. *onlarda* 'около десяти (часов)'; тат. башк. лит. *ajdyŋ un bištärendä* 'числа пятнадцатого', казмаш. гов. *sislanyŋ undarynda* 'примерно десятого числа' (ДС, 99), инзер. гов. *säyät higeðlärðä* 'примерно в восемь часов' (БДС, 158); сал. *jixitnigi jaʃi ottuslärtä vara* 'юноше идет тридцатый год'.

6. В азербайджанском языке наряду с формой на *-larǯa/-lärǯä* употребляется форма с афф. *-larla/-lärlä* (афф. мн.ч. + афф. собир. множеств.): *onlarla adam* 'десятки людей', *ijirmilärlä alma* 'около двадцати яблок', *jüzlärlä ġuš* 'сотни птиц', *minlärlä hädisä* 'тысячи происшествий'.

7. В говорах башкирского языка — с афф. *-äüðäre* (афф. собир. ч. + + мн.ч. + 3 л. принадл.): казмаш. *bišäüðäre* 'примерно пять' (БДС, 100); кизильск. *jetäüðäre* 'примерно семь' (ДС, 43).

8. В языках различного ареала — с афф. *-ðaj/-ðäj, -taj/-täj, -ðaj/-ðäj, -laj/-läj* (афф. сравнения, уподобления): башк. казмаш. подгов. *altmyštaj* 'примерно шестьдесят', *jöððäj* 'примерно сто' (БДС 98), инзер. гов. *illeläj* 'около пятидесяти' (БДС, 158); каз. *eludej* 'примерно пятьдесят', *žüzdej* 'около ста'; узб. огузск. гов. *oltydaj* 'около шести' (Абд., 87); кир. *otuzdaj* 'примерно тридцать'.

9. В диалектах башкирского языка — с афф. *-au/-äü* + афф. *-ðaj/-ðäj: ikäüðäj* 'около двух', *ösäüðäj* 'около трех' (Макс., 121).

10. В уйгурско-урянхайском языке — с афф. *-ga: onga:* 'около десяти', *altonga:* 'около шестидесяти' (Болд, 18).

11. В кыпчакских и среднеазиатских языках употребляется причастная форма с афф. *-layan/-lägän, -dayan/-dägän, -tayan/tägän, -ðayan/-ðägän, -nayan/-nägän* (для высших разрядов числительных): тат. *jözlägän* 'около сотни', *meŋlägän* 'около тысячи'; башк. восточн. диал. *bištägän* 'около пяти'; *jöððägän* 'около ста' (Макс., 52), казмаш. подгов. кизильск. гов. кувак. диал. *utyðdayan* 'около тридцати', *undayan* 'около десяти' (БДС, 98), инзер. гов. *altylayan* 'примерно шесть' (БДС 158); ног. *onlayan* 'около десяти'; каз. *žüzdegen* 'около сотни'; ккалп. *altylayan* 'около шести', сев. диал. ккалп. *onnayan* (Нас., 272); узб. *miŋligan* 'около тысячи'; уйг. *žüzliyan* 'около ста'; кирг. *ondoyon* 'около десяти'.

12. В татарском и башкирском языках известна форма на *-ar/-är* + + *-layan/-lägän...* (субстантив. прич. *-ar...* + *-layan...*): тат. *jözärlägän* 'около сотни', *meŋärlägän* 'около тысячи'; башк. казмаш. подгов. *meŋärðägän* 'около тысячи' (БДС, 100).

13. В кыпчакской группе языков употребляется деепричастная форма с афф. *-lap/-läp, -dap/-däp, -tap/-täp:* тат. *unlap* 'около десяти'; бараб. *onlap* 'около десяти'; башк. *jüðläp* 'примерно сто'; каз. *bestep* 'около пяти'; узб. *üčläp* 'около трех', *bešläp* 'около пяти', тат. гов. *juzläp* 'около сотни' (УДМ I, 215).

14. В диалектах башкирского языка применяется форма на *-au/-äü* + + *-lap/-läp...:* инзер. гов. *bišäüläp* 'примерно пять' (БДС, 158).

15. В диалектах башкирского языка известна форма с афф. *-ar/-är* + + *-lap/-läp...:* кизильск. гов. *jöðärðäp* 'около сотни' (БДС, 43).

16. В различных языках проявляется общая аналитическая модель приблизительных числительных — колич. числ. + послелоги: аз. *üč mine jaxyn* 'около трех тысяч', *otüza gädär* 'примерно тридцать', *jürädäk* 'около ста'; башк. казмаш. гов. *ike aj samahy* 'примерно два месяца', *biš kön tirähe* 'примерно пять дней' (БДС, 99); каз. *on šamaly* 'около десяти', *elu šaqty* 'примерно пятьдесят', узб. наманг. гов. *jigimä čo:li* (<*čoyli*) 'примерно двадцать', *ottus čämäli* 'около тридцати' (Ал., 82), узб. таш. гов. *juz čo:γluγ adäm* 'около ста человек' (УДМ I, 215); уйг. *ällikkä qädär* 'около пятидесяти', *miŋya jeqin* 'около тысячи'; кирг. *ekige žaqyn* 'около двух'; тув. *on ša:* (< **šag* 'мера') 'около десяти', *miŋ xire* 'примерно тысяча'. Модель образования может быть возведена, очевидно, в поздний период тюркского праязыка.

17. Для шорского языка отмечено сочетание парных числительных с частицей *-pe/-be: ijgi-be, üs-pe* 'примерно два-три', *tört-pe, pes-pe* 'около четырех-пяти'.

18. Для немногих языков свойственна модель — неопред. артикль

bir + колич. числ. (колич. числ. с меньшим значением + колич. числ. с большим значением): кар.г. *bir bes adam* 'около пяти человек', *bir kyrk adam* 'около сорока человек' (Мус., 211); кбалк. *bir beš-alty* 'примерно пять-шесть', *bir toyuz-on* 'примерно девять-десять', башк. казмаш. гов. *beräj biš hum* 'примерно рублей пять' (БДС, 100).

19. Во многих тюркских языках действует аналитическая модель — колич. числ. с меньшим значением + кол. числ. с большим значением: рун. *äki-üč kisilig* [*in*] 'с двумя-тремя людьми' (БК 41); аз. *beš-alty* 'примерно пять-шесть'; чаг. *öndört-onbeš* 'четырнадцать-пятнадцать'; кар. *üc-dört kiši* 'четыре-пять человек' (Мус., 211); кбалк. *eki-üč* 'около двух-трех'; ног. *eki-üš* 'примерно два-три'; тат. *biš-alty* 'пять-шесть (примерно)'; башк. *qyrq-ille* 'сорок-пятьдесят'; узб. *beš-ün* 'около пяти-десяти'; уйг. i^{3}ki-ü 'два-три', *bäš-altä* 'около пяти-шести'; кирг. *beš-on* 'пять-десять (примерно)'; тув. *ijiüš* 'два-три'; тоф. *beš-aʒlty* 'пять-шесть' (Расс., 127); хак. *pis-alty* 'пять-шесть'; шор. *pir-ijgi* 'один-два'; як. *ikki-üs* 'примерно два-три'. Данная модель может быть возведена к одному из древнейших типов образования тюркских приблизительных числительных — к раннему периоду праязыка.

Таким образом, к раннему периоду праязыка относятся формы на *-ča/-čä* и аналитические сочетания количественных числительных с меньшим и большим значениями, к позднему периоду — сочетания количественного числительного с послелогами.

ДРОБНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

В тюркских языках дробные числительные выражаются различными способами — все они аналитического типа.

В древнетюркских и современных языках южной группы дробные числительные образуются сочетанием наименования знаменателя в местн. падеже с наименованием числительного в неопред. падеже или форме принадлежности 3-го лица: Тефс. *ikidä bir* '1/2' (Eck., 99), тефс. *ücdä bir* '1/3' (Бор., 341), тефс. 310, *törtdä bir* '1/4', *bešdä bir* '1/5' (Eck., 95), *onda bir* '1/10' (Eck., 200); хорезм. Рабгузи *ikägüdä birisi* '1/2' *jitägüdä birisi* '1/7' (Мирз., 12); тур. *dörtte üč* '3/4', *onda dört* '4/10', *jüzde on* '10/100' (10%); аз. *bešdä bir* '1/5', *altyda dörd* '4/6', ктат. *bešte üč* '3/5', *jedide eki* '2/7'; чаг. *beštä iki* '2/5', *onda alty* '6/10'; кум. *üčde bir* '1/3', *onda eki* '2/5'. Данную форму дроби Н.К. Дмитриев [1948, 43] справедливо считал древнейшей сравнительно с другими ввиду наличия местного падежа. Именно эта примета и позволяет отнести данную формулу к тюркскому праязыку раннего периода.

Главным образом в кыпчакских языках существует другой способ: сочетание названия знаменателя в исх. падеже с названием числительного в неопределенном падеже в форме принадлежности 3 л.: аз. нахич. *ikidän bir* '1/2', *dörtdän bir* '1/4', *bešdän iki* '2/5' (НГДГАЯ, 106); туркм. *jedidendört* '4/7', *doquʒdan iki* '2/9'; кум. *ekiden biri* '1/2', *üčden ikisi* '2/3'; кбалк. *törtden üčüšü* '3/4', *ǯetiden bešisi* '5/7'; ног. *altydan bir* '1/6', *segizden jeti* '7/8'; каз. *üšten bir* '1/3', *žyjyrmadan üš* '3/20'; тат. *öčtän ike* '2/3', *altydan biš* '5/6', бараб. *pästän üc* '3/5', *jädidän iki* '2/7'; башк. *jegermenän un*

jete '17/20', *utyððan tuγyð* '9/30'; узб. *beшdan ikki* '2/5', *tьrtdan bir* '1/4'; уйг. *bäштinbir* '1/5', *üčtin iшkki* '2/3'; кирг. *bešten üč* '3/5', *toγuzdan bir* '1/9'; сал. *iʃkiten pir* '1/2', *peʃten uʃ* '3/5', *onten jizi* '7/10'. Словосочетание с исх. падежом, будучи очень древним, относится к поздней поре тюркского праязыка, когда оформился исх. падеж.

В кыпчакских и южносибирских языках существует способ изафета — знаменатель в род. падеже, числитель в форме принадлежности 3 л.: кум. *üčnü ikisi* '2/3', *jittini üčü* '3/7', *toγuznu beši* '5/9'; каз. *üštiң biri* '1/3', *törttiң üši* '3/4'; ног. *dörttiң biri* '1/4', *jüzdiң ekisi* '2/100'; уйг. *iшkkiniң biri* '1/2', *bäшniң biri* '1/5'; тув. *beштiң ijizi* '2/5', *onnuң beži* '5/10'; шор. *četтiniң altyzy* '6/7', *törttiң üži* '3/4' (Дыр.$_2$, 108), сюг. *škynyң byr* '1/2', *törttyң vyš* '3/4', *onnyң to'qys* '9/10' (Тен.$_2$, 73).

В определение и определяемое могут входить вспомогательные слова со значением 'доля, пай. (тув. *xu:*, шор. *pölak*): тув. (разг.) *beштiң iji xu:zu* '2/5', *dörttüң uš xu:zu* '3/4'; шор. *tört pölüktiң üzi* (краткая форма), *tört pölüktiң üšpölügi* '3/4' (полная форма) (Дыр.$_2$, 108).

Изафетный способ передачи дробных числительных по широте его распространения и наличию род. падежа также может быть отнесен к позднему периоду тюркского праязыка. Кроме этих трех основных способов обозначения тюркских дробей, существуют и другие, вспомогательные, способы, засвидетельствованные в отдельных тюркских языках — к праязыку они не относятся.

В чувашском и тофаларском языках — сочетание количественного числительного (числитель) с порядковым числительным (знаменатель), очевидно, калька с русского языка: чув. *ikkə vis's'eməš* '2/3', *vis's'ə pilləkməš* '3/5'; тоф. *birä: törtüškü* '1/4', *tört biščiški* '4/5', *čüs ty:siški* '100/1000' (Расс., 129).

В некоторых языках — сочетание количественного числительного (числитель) с количественным числительным в форме на *-lyg/-lik, -dyg/-dik, -tyq/-tik* (знаменатель) (под влиянием русского языка): ног. *bir onlyq* '1/10', *jüzlik* '1/100'; каз. *bir üštik* '1/3', *bes žiyrmalyq* '5/20'; хак. *pır ikılig* '1/2', *üš törttıg* '3/4'.

В тувинском языке — сочетание количественного числительного (числитель) с количественным числительным в уменьшительной форме на *-čuq/-čük* (знаменатель): *bešončuq* '5/10', *üs čüscük* '3/100', *čedi mиnčuq* '7/1000'.

В тракайском и галицком диалектах караимского языка названия дробей отсутствуют, в крымском диалекте отмечен описательный способ: *üčinǯi pajy* '1/3' (букв. 'третья часть'), *dört kere altynǯy pajy* '4/6' (букв. 'четырежды шестая часть') (Прик, 87).

В саларском языке дробные числительные выражаются целым предложением со сказуемым в именной (*var*) или глагольной форме (*vāχyr* 'смотрит, подчиняется'): *uʃtiң iʃinda iʃ̂i t'iң* '2/3' (букв. 'в трех долях две доли (есть)', *iʃki pir va:χyr* '1/2' (букв. 'двум подчиняется один'), *sekis jizi va:χyr* '7/8' (букв. 'восьми подчиняется семь') (Тен.$_1$, 123).

В якутском языке для выражения дробей служит словосочетание с причастием *gymmyt* 'сделанный': *us gymmyt ikkite* '2/3' (букв. 'на три сделанного два'), *tüört gymmyt ühe* '3/4' (букв. 'на четыре сделанного три').

Для дробных числительных характерно существование в одном и

том же языке различных способов номинации дробей: кум. *üčde bir/üčden biri/üčnü biri* '1/3'; каз. *üšten bir/üštiŋ biri/bir üštik* '1/3'; ног. *altydan bir/altynyŋ biri;* уйг. *bäštin bir/bäšniŋ biri* '1/5'; тув. *beštiŋ onn/bešončuq* '5/10'; сал. *uʃten iʃki/uʃt'inten iʃki t'iŋ/uʃt'iŋ iʃinda iʃki t'iŋ* '2/3'.

Одновременное употребление разных наименований дробей в одном языке объясняется особенностями исторического развития синтаксических конструкций в тюркских языках.

НУМЕРАТИВЫ

Нумеративами называются слова, поясняющие существительные при конкретном счете. К ним относятся слова, обозначающие ту счетную группу, к которой принадлежит исчисляемый предмет. Формула функционирования нумеративов такова: количественное числительное — нумератив — существительное [Низомиддинова 1959; Хэлилов 1957; Ҳамдамов 1971]. К нумеративам относятся следующие слова.

1. Др.-тюрк., тур., аз., туркм., ктат., чаг., кар.т., кум., кбалк., тат., башк., уйг. *baš*; узб. *boš*; кар.г., каз., ног., ккалп., як. *bas*; чув. *pús*; сал., сюг. *paš*; хак., шор. *pas* 'голова' — счетное слово для скота: аз. *beš baš mal* 'пять голов скота', башк. *jegerme baš haryq* 'двадцать голов овец', ног. *myŋ bas qoj* 'тысяча голов овец'.

2. Тат., башк. *töp*; туркм. *düjp*; узб. *tup;* уйг. *tüp* 'дерево, куст' — счетное слово для деревьев и растений: тат. *öč töp imän* 'три дерева — дуба', узб. *beš tup ŭrik* 'пять деревьев урюка', туркм. *alty düjp üzüm* 'шесть саженцев винограда'.

3. Чаг. *qat/qata;* тур. лит. *kat*; ног., каз., ккалп., тат., башк. *qat*; тоф. *kada*; аз. *ġat*; хак., шор., як. *xat* 'слой, ряд' — счетное слово для обозначения слоев или рядов ч.-либо или повторяемости действий: алт. *alty kat ak torko* 'белый шелк из шести слоев'; башк. *ʒide qat kagyð* 'бумага из семи слоев'; тат. *ike qat kildem* 'я два раза приходил'.

4. Тур., аз., туркм., чаг. *dilim;* тат., башк., каз., ног., ккалп. *tělěm;* узб., уйг. *tilim* 'кусок' — счетное слово для обозначения куска, ломтя и т.д.: тур. *bir dilim karpuz* 'один кусок арбуза'; тат. *ike tělěm qavyn* 'два куска дыни', башк. *biš tělěm ikmäk* 'пять ломтей хлеба'.

5. Тур., туркм., чаг., ктат. *kašyk*; кар. *kašux*; тат., башк. *gašyq*; каз., ног., ккалп. *qasyq* 'ложка'; аз. *ġašyġ*: тур. *bir kašyk čorba* 'одна ложка супу', аз. *üč ġašyġ xöräk* 'три ложки похлебки', каз. *bes qasyq ajran* 'пять ложек айрана'. Названные нумеративы имеют наиболее общее значение.

Отдельным тюркским языкам свойственна своя система нумеративов, в число которых входят названия мер количества, длины, объема, веса, совокупности однородных предметов или живых существ.

1. Аз. *parča* 'кусок', *tikä* 'кусок, кусочек', *köz* 'число (о комнатах)' букв. 'глаз', диал. *toyullux* '25 овец', *čäpišdix* '15 коз'; *bir parča čöräk* 'кусок хлеба', *beš tikä ät* 'пять кусочков мяса', *iki köz otaġ* 'квартира из двух комнат', *beš toyullux ġojun* '125 овец' (Шир., 183), *üč čäpišdix keči* '45 коз' (Шир., 183).

2. Туркм. диал. мера веса *ba:tman* (в сев. диал.) '20 кг', ккалп., туркм. — '40 кг', в лебан. диал. '160 кг', *mysya:l~my0qa:l* —

'4 гр/20 гр/40 гр' (Аман., 315—316); dä:θi:ri: '40 кг', *penθi:ri* '20 кг', *dunüm* '10 кг' (Менгл., 19); денежные единицы — *bir teŋŋe* сев. диал. '20 коп.', салыр. диал. '12 коп.', лебапск. диал. '60 коп.', *apba:sy* '20 коп.', *sajy* '5 коп.', *mi:ri* '7—8 коп.' (Аман., 315—316).

3. Сал. *ǯerge* 'ряд, шеренга', *pon* 'группа, стадо, косяк', *aran/aren* 'конюшня', *oŋ/uŋa* 'гнездо', *goʃ* 'пара', *pay* 'связка', *χap/χup* 'мешок', *jaŋpor* 'коробка': *peʃ ǯergä kiʃ* 'пять рядов людей', *pir poŋ gart* 'группа животных', *pir qoʃ kulex* 'пара коров', *peʃ pay poydi* 'пять снопов пшеницы', *sekis jaŋpor uruχ* 'восемь коробок семян' (Тен.$_1$, 122—123).

4. Ног. *kosak* 'пара', *batpan* 'мера веса', *üjir* 'стадо, табун': *eki kosak etik* 'две пары сапог', *on üjir at* 'десять табунов коней'.

5. Бараб. тат. *san* 'персона', *tüŋäj* 'пара', *käsäk* 'кусок', *tamyr/tazyl* 'корень': *otys san kiši* 'тридцать персон гостей', *iki tüŋäj mägüläj* 'две пары перчаток', *alty tamyr/tazyl ayac* 'шесть корней деревьев' (ЯЛНС, 162).

6. Башк. диал. *künäk* 'ведро', *haba* 'кожаный мешок', *turhyq* 'сосуд для жидкости', *sana* 'воз', *jotom* 'глоток', *jöktäm* 'охапка': *ber künäk hyn* 'ведро воды', *ike haba qymyθ* 'два кожаных мешка кумыса', *ös turhyq ojtqan* 'три турсыка кислого молока', *ber jöktäm pesän* 'охапка сена' (ДС, 44).

7. В кашкадарьинском говоре узбекского языка *toš* 'камень' (=8 км)', *čaqirim* 'один км', *quloč* 'маховая сажень' — расстояние между концами средних пальцев вытянутых рук, *toppon* — расстояние между пятками вытянутых ног, *gäz* 'аршин (=60 см)', *ǯora* 'друг, приятель; пара (два отрезка кусковой материи одного рисунка по пять газа, которые продавались парами для шитья одного платья или халата)', *qari* '150 см'; *qäjnätim* 'сухой чай на одну заварку' (Шер. I, 33—35), наманг. гов. *qur* 'раз', *jol* 'дорога, раз', *ǯüp* 'пара', *čä:sä* '6 кг', *päjsä* '20 гр', *hoonč/ovuč* 'горсть': *ike-üč qur o:qàt berdi* 'два—три раза угостить', *bir jol bordi* 'один раз пошел', *üč ǯüp päjpo* 'три пары калош' (Ал., 78).

Этим перечнем далеко не исчерпывается список нумеративов в тюркских языках. Состав их чрезвычайно разнообразен и большей частью индивидуализирован по отдельным языкам. Вследствие этого реконструкция тюркских нумеративов требует специального исследования. Но сама модель словосочетания с нумеративом ввиду ее единообразия во всех тюркских языках может быть возведена в праязыковое состояние [Гаджиева 1973$_1$, 65].

* * *

Наиболее трудным для толкования остается разряд количественных числительных — основа для производства других разрядов тюркских числительных. Усилия тюркологов должны быть устремлены на выяснение генезиса тюркских количественных числительных в связи с общей теорией вопроса.

ГЛАВА IV

МЕСТОИМЕНИЕ

ЛИЧНЫЕ И ЛИЧНО-УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Собственно личными по происхождению местоимениями являются местоимения 1 и 2-го лица **bä, *bi* и **sä, *si*. Справедливо считается, что они относятся к наиболее древнему пласту тюркской лексики и восходят если не к прототюркской, то во всяком случае к пратюркской эпохе. Лично-указательное местоимение 3 л. **i* 'он, тот' утрачено как самостоятельное слово. О большой древности личных местоимений свидетельствуют:

1) совпадение корневых элементов личных местоимений во всех тюркских языках; 2) наличие во всех тюркских языках прямой и косвенной основ в парадигме склонения; 3) невозможность достоверной реконструкции общетюркского архетипа падежных аффиксов.

Наличие в древнетюркском (в том числе и древнеуйгурском) языке и, частично, таких "окраинных" языках, как чувашский и якутский, нескольких склоняемых основ у личных местоимений (так называемые "вторичные падежи", по Габен [Gabain 1970, 133, 135—136], и "двойные падежные формы", по Котвичу [1929, 178 и след.] и Поппе [Poppe 1977, 55—74] говорит о том, что древнетюркский язык унаследовал от пратюркского неустоявшуюся, неотработанную, неупорядоченную систему склонения и основообразования при несомненной общности корневого состава личных местоимений. Со всей определенностью можно только утверждать, что аблаут как регулярная фонологическая категория, несущая морфологические функции, на древнетюркском уровне уже не действовал и что можно говорить лишь об остаточных его явлениях: чередовании гласных, различающем ед. и мн. число личных местоимений [Menges 1968_1, 80; см. также Bang 1917_3, 40; Gabain 1939, 56; 1950_2,585; 1970, 132; Pritsak 1959, 285]. Ср., например: *bä-n, mä-n* 'я', *sä-n* 'ты', где *-n* — показатель единичности (по мнению многих ученых) или посессивности (по мнению А.Н. Кононова [1980, §296]), косвенные основы *bän-, män-* и *sän-, bi-z* 'мы' и *si-z* 'вы', которые, помимо аблаута коренной гласной, содержат местоименный аффикс мн. числа *-z*, первоначально, возможно, имевший значение дв. числа (см. обзор точек зрения [Kotwicz 1936, 13—14]). За небольшим исключением, тюркские склоняемые основы *bän-, män-* и *sän-* были обобщены и заменили собой исконные номинативные формы **bi* и **si*, т.е. на месте былых *bä, bi* и *sä, si* в им. падеже в подавляющем большинстве языков стали употребляться *bän* (>*män*) и *sän, biz* и *siz*.

Пратюркское местоимение 3-го лица **i(n)* 'он, тот', будучи утрачен-

ным в качестве самостоятельного слова, сохранилось в виде следов в склонении, а также в аффиксе принадлежности 3-го лица *i, y/si, sy:* чув. *i, e/ĕšĕ, ĕš*, як. *ä, a/tä, ta.* Ср.:

экв.: др.-тюрк. *inčä~ynča* 'так' (Cab. §89; ДТС 210, 219); тоф. *ynčža* 'так' (Расс. 255); тув. *ynča* 'столько, так' (ТРСл. 1968, 597); як. *injä* 'там, тут, туда (указывая)' (ПСл. I, 940);

мест.: як. *innä* 'там, туда (указывая)' (Böhtl. 36); тув. *ynda* 'там' (ТРСл. 1968, 596); тоф. *ynda* 'там' (Расс. 255);

напр.: др.-тюрк. *inärü~ynaru* 'туда, дальше' (Gab. §189; ДТС, 210, 219); уйг. *näri~nari* 'дальше, там, поодаль' (Jar. 207; Наджип$_2$, 740); узб. *närі* 'туда, дальше' (УРСл. 280); карах., чаг. *naru* 'по ту сторону, туда, дальше' (ДТС, 355), тув. *ynaar* 'туда' (ТРСл. 1968, 595), кирг. *nary~nar* 'по ту сторону, дальше' (КРСл. 1965, 553)<**inyaru* [ср. Bang 1917$_3$, 35—49].

Несомненно, производными от *i* являются такие образования, как туркм. *ine* 'вот' (Туркм.-РСл. 1968, 355) и образованные на ее основе частицы *inha~ynha* 'вот, вот же'<*ine+ha* [Ашнин 1958$_2$]; хал. *y'na* 'вон, вот', упаγ 'так', *ynayda, yna'yča* 'таким образом' (Doerfer, Tezcan 135); як. *ini* с не вполне ясным значением: антоним *many* [ПСл. I, 940; Петров 1978, 122—123]; балк. *in-ol* 'вон тот', *inanda* 'вон там'<**ine-ol, *ine-anda* (Pröhle, 184, 225; Bang 1917$_3$, 10, 36; МИБД 174); др.-тюрк. *inčip~yncyp* 'так, таким образом' (ДТС 210, 219; Bang 1917$_3$, 36, N 2; Pritsak 1963, 41); тув. *yndy* 'та сторона', *yndyy* 'такой' (ТРСл., 1968, 596); тоф. *yndyy* 'такой' (Расс. 255); як. *innik* 'такой' (Пекарский, I, 942); во многих тюркских языках *indi~endi* 'теперь' (Буд., 209, 213; РСл. I, 944, 954, 965; Сев. I, 357—358); др.-уйг. *indin* 'противоположный' (ДТС, 210); уйг. *indälik* 'день после послезавтра' при *čindälik* 'день через три дня на четвертый' (Le Coq 84 и 90; РСл. I, 1450; Мал.$_2$ 113 и 172; Мал.$_1$ 152 и 195; Наджип 182 и 415; Котв. 57). Видимо, можно считать производным от **i* якутское указательное местоимение *iti* 'вот этот, тот, там (недалеко), вот' (ПСл. I, 980). Исходя из того, что в тюркских языках указательные местоимения образуются часто путем соединения двух местоимений, В. Котвич высказал предположение, что *iti* образовано из двух местоимений монгольского происхождения: *i* и *ti* [Kotwicz 1936$_2$, 52].

В сущности к тому же выводу пришел и С.В. Ястремский, работая над вторым изданием своей грамматики [Ястремский 1938, 80]: "Приведенное нами якутское указательное местоимение *iti*<...> разлагается так: *i+ti=i* — потерявшаяся основа указательного местоимения 3-го л.". Возможно, не подозревая о существовании такого большого количества косвенных данных и полагаясь больше на интуицию, Э.К. Пекарский — один из самых проницательных отечественных тюркологов-лексикографов — предвосхитил современные сравнительно-исторические и этимологические исследования, заявив в 1912 г. относительно *in-* как об "основе косвенных падежей от утраченной местоименной основы i" [ПСл I, 938].

Таким образом, С.В. Ястремский, Э.К. Пекарский и В. Котвич вернули исследователей к ранней идее О. Бётлингка, согласно которой якутское слово *innä* 'там, туда' представляет собой локатив "утраченного местоименного корня", но от которой он отказался в процессе работы над грамматической частью своего сочинения [Böhtlingk 1851,

267], подтвердив таким образом сказанное им в рецензии на "Общую грамматику турецко-татарского языка" (1846 г.) А.К. Казембека в отношении аффигированных посессивов: "для 3-го лица нельзя вывести соответствующего самостоятельного местоимения" [Böhtlingk 1848, 343].

М. Рясянен нашел, что и так называемая вторая форма прилагательного на *i* в чувашском языке в предикативном употреблении также является аффиксом принадлежности 3-го лица, который "особенно ясно свидетельствует в пользу древнего переднего вокализма", где он "вызвал даже смещение соседних звуков *D* к *ǯ* [Räsänen 1957, 18, 19], что подтверждается диалектными материалами из северо-восточной Анатолии [Räsänen 1932, 1—3] и данными орхонских надписей [Radloff 1895, 185, 401; Grønbech 1903, 117; Thomsen 1916, 31]. Все это, несомненно, говорит об очень большой древности и живучести личноуказательного местоимения **i (in-)*. Поэтому представляется закономерной точка зрения Н.Н. Поппе: "Следы номинативных форм (без конечного *n*), отличные от основы (с конечным *n*), имеются также в тюркских языках, ср. посессивный суффикс 3-го л. *-i*<**i* 'он' (тур. *ev-i* 'его дом', номинатив), который в виде *-in*<**in* (косв. основа) присутствует во всех косвенных формах (ср. тур. *ev-in-de* 'в его доме')" [Poppe 1965, 194; ср. Kotwicz 1936$_2$, 18—22; Gabain 1939, 58; Deny 1921, 228; Дмитриев 1956$_1$, 32—33; Menges 1968$_1$, 158].

К аналогичному выводу пришла и Габен, как в этом можно убедиться, обратившись к ее краткому, но, по словам Менгеса, "убедительному исследованию <...> лучшему из того, что мы до сих пор имеем" [Menges 1968$_1$, 121]; "можно считать установленным, что притяжательный суффикс 3-го л. ед. ч. *i* представляет собой именно это *i* 'он'" [Gabain 1950$_2$, 589].

Учитывая приведенные свидетельства, мы не видим препятствий для реконструкции пратюркского состояния личных местоимений всех трех лиц:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	*bi (*mán-<**bän-*)	*bi-z
2 л.	*si (*sän-)	*si-z
3 л.	*i (*in-)	

О. Бётлингк, как сказано выше, не решился вычленить в адвербе *innà* 'там, туда' "чистую" основу, т.е. **i*, и счел себя вправе только констатировать, что як. "*tyn* или *ta* нельзя возвести к самостоятельному местоимению", указав при этом, что "оно встречается в более полной форме в 3 л. ед. ч. императива" (ср. *bys-tyn* 'пусть режет'), а "*yn* или *a* возникли из *tyn* или *ta*" [Böhtlingk 1851, 265, 267; ср. Böhtlingk 1848, 343], из чего следовало, что *i* — вторичное и восходит к *si*.

В. Радлов признал эту гипотезу О. Бётлингка вполне вероятной, "так как в тюркских языках с древних времен существует именная основа *syn* 'образ, изображение'" [Radloff 1908, 37; ср. Дмитриев 1948, 57]. В работе 1897 г. Радлов [Radloff 1897, 74] нашел не только параллели к якутской форме вин. падежа *tyn* и аналогично звучащей императивной форме, но и "заметные отклонения". Это позволило ему сделать вывод, что "Бётлингк пришел к своей гипотезе главным об-

разом благодаря тому, что вин. падеж снабженного личным аффиксом 3-го лица якутского имени выступает в качестве неопр. падежа, когда он заменяет род. падеж, т.е. что по-якутски нельзя передать 'дом его отца' <...> через *aya-ta ǯiätä*<...>, а только через *aya-tyn ǯiätä*<...> В [других] тюркских языках в этом случае нужно употребить аффикс род. п. *atasynyŋ üji*" [Radloff 1908, 37].

Последнее обстоятельство заставило С.В. Ястремского заподозрить в аффигированном местоимении 2-го лица *tyn* и *yn* следы утраченной формы род. падежа и в процессе работы над "Грамматикой якутского языка" даже усомниться в правильности истолкования О. Бётлингком деталей якутского простого и притяжательного склонения [см. Ястремский 1898]. В итоге мы получили едва ли не самое надежное и правдоподобное разъяснение форм 1 и 2-го л. мн. ч. *bihigi* (<*biziki*<*bizniki*<*biz-iŋ-ki*) 'наш'>'мы' и *ähigi* или *ihigi* (<*siziki*<*sizniki*<*siz-iŋ-ki*) 'ваш'>'вы' и "во всех тех падежах от *min* 'я' и *en* 'ты', где являются слоги *igi*" [Ястремский 1898, 24 и 26; ср. Ястремский 1900, 75—76], и это мнение разделил Э.К. Пекарский [ПСл I, 309, 476], но вопрос о генезисе элемента *s* (якутское соответствие *t*) в его отношении к общетюркскому *t* остался открытым. "Очень трудно выяснить возникновение суффиксированного притяжательного 3-го лица", — писал С.В. Ястремский [1938, 80].

Г. Рамстедт [Ramstedt 1906, 19—20] и В. Котвич [Kotwicz 1936$_2$, 21—28] подошли к этой проблеме с другой стороны. Сопоставляя тюркский аффикс принадлежности 3-го лица с монгольскими местоимениями *inu*~*anu*, Рамстедт высказал соображение о том, что *s* в *si* представлял собой один из показателей мн. числа, который проявляется в *biz* и *siz* и соответствует монг. *-s*~*-d*. Другими словами, *-si*, а точнее *-s-i* — это как бы параллельная форма к *-lari*, точнее, *-lar-i*. Эту идею Г. Рамстедта В. Котвич постарался всесторонне обосновать [Kotwicz 1936$_2$, 23—30]. Вариант *-si* занимал в концепции Котвича такое большое место, что он счел необходимым публично высказать свое сожаление, когда Н.Н. Поппе в работе 1925 г. [Poppe 1925, 427] «только очень кратко коснулся варианта *-si* и не только не высказал никакого мнения о гипотезах Рамстедта и Банга, но совершенно игнорировал их. Очевидно, он в такой мере не отдавал себе полного отчета в вопросе о соотношении между *-i* и *-si*, что заключил свое исследование словами: "Совершенно невозможно установить, может ли суф. *-sy*<**-si* быть сведен к самостоятельному местоимению"» [Kotwicz 1936$_2$, 23]. Своему взгляду об элементе *s* в *si* как показателе множественности В. Котвич остался верен до конца и в своей последней работе [1962, 178] только уточнил: "дополнительный элемент *s* представляет собой старый формант множественного числа *-*δ*>*-z*>*-s*". По этому поводу А. Габен заметила: "Является ли<...> *si*, прибавляемое к существительным, оканчивающимся на гласную, и имеющее ту же функцию, действительным множественным числом от<...> *i*, как утверждает Котвич вслед за Рамстедтом, нельзя сказать с уверенностью. Я бы вернее считала *s* за дейктическую протезу, как в *s*+*än* и *b*+*än*" [Gabain 1950$_2$, 589—590; ср. Поцелуевский 1947, 14—23].

В конце жизни Г. Рамстедт занял другую позицию и в посмертно

изданной работе [см. 1957, 70] говорит об *s* как о своего рода вставочном соединительном согласном: "тюркск. *qara* 'черный', чув. *xura* с суф. 3-го л. тюркск. *qarasy*, но чув. *xuri* 'его чернота, их чернота, чернота того (его)'. Это изменение является, вероятно, результатом совпадения ед. и мн. числа, поскольку первоначальное **qara$_c$i* обозначало 'его или ее черный цвет (чернота)', а **qaras-i* 'его или ее черные (цвета), тот, что из черных (цветов)'; *qaju* 'который', *qajusi* 'который из них, один из которых' и т.д. с тем же самым *-s*, который продолжает и поныне существовать в монгольском языке в качестве показателя мн. числа. Этот же процесс можно представить себе еще и таким образом: слоговому *i* после гласного стал предшествовать в качестве антихиатуса *-h-*, давший *h'i*, изменившееся *в -si*" [Рамстедт 1957, 70].

В. Банг [Bang 1917$_1$, §33] усмотрел в *-sy* отражение указательного местоимения *šu*, а в другой работе [Bang 1916$_1$, 1236—1249] высказал предположение о том, что *-sy* происходит от афф. *-syy* 'снабженный чем-нибудь' (*qayansyy*>*qayansy*>*qayany*), т.е. попытался объяснить происхождение как *i*, так и *si*, но оба предположения не были признаны удовлетворительными: "несмотря на примеры, которые Банг привел на исчезновение *s* после согласного, это явление слишком редкое, чтобы оно могло привести к полному исчезновению *s* в афф. *-si* после всех согласных и создать таким образом новый суф. *-i*" [Kotwicz 1936$_2$, 22]. В самом деле, если признать, что *-sy* восходит к *-syy* 'снабженный чем-либо', то надо, кроме того, допустить, что природа *syy* должна была бы подвергнуться полному изменению и с синтаксической и с морфологической точек зрения: ведь слова, снабженные афф. *-syy, -ly, -syz* и т.п., в норме предшествуют существительному, а не стоят после него, как это бывает всякий раз, когда присоединяется аффикс принадлежности. Более того, сомнительно, чтобы после *-syy* могло стоять *-n-* "местоименное", которым снабжается аффикс принадлежности *-y*~*-sy*. Таким образом, попытку В. Банга решить одновременно вопрос о генезисе аффикса принадлежности 3-го лица *-sy* и вопрос о том, что *i* более позднего происхождения и как бы "вытекает" — в результате и за счет ассимиляции звука *s* конечным согласным основы — из *si*, надо признать неудачной.

Б.А. Серебренников дал несколько решений вопроса о происхождении "вставочного" *s* в аффиксе принадлежности 3 л. *si*. Было высказано предположение, что в роли аффикса принадлежности 3-го лица ед. числа для имен с исходом на гласный "было использовано так называемое выделительное *-sy, -si*, встречающееся в составе таких местоимений, как тат. *qaj-sy* 'который'" [Серебренников 1979, 6]. В более полном виде решение было дано с опорой на футуральное *s*, представленное в причастии буд. времени на *-sy, -si*, когда причастие это в некоторых языках входило в оборот типа тат. *barasym kilä, barasyŋ kilä, barasy kilä* 'мне (тебе, ему) хочется идти' и могло создаться впечатление, будто форма *barasy* содержит особый притяжательный суф. *-sy*, который, стало быть, был призван в качестве заполнителя зияния в случаях типа *atay* 'его отец' [Серебренников 1971$_3$, 114—115]. Позже было добавлено, что перенос выделительного *-sy*~*-si* (в *qaj-sy* 'который из них') для создания второго варианта притяжательного

аффикса 3-го лица ед. и мн. числа "облегчался в известной мере тем, что притяжательный аффикс 3-го лица ед. числа также в ряде случаев мог иметь выделительное значение" [Серебренников, Гаджиева 1979, 101]. В этой интересной концепции смущает одно обстоятельство: полная форма тат. *qaj-sy* соответствует др.-уйг. *qaju-sy* и выглядела бы как *qajy-sy*. А ведь есть еще одна ступень: *qaj(y)-sy-sy*, с двумя аффиксами принадлежности, которые служат целям усиления и выделения [ср. Bang 1921, 3 и сл.; Щербак 1977, 74—75].

А.Н. Кононов высказал предположение, что "афф. *-(s)i* восходит, по-видимому, к указательному местоимению *iti(n)*" [1956, 74]. Однако, как примирить эту гипотезу с мнением О. Бётлингка, что это местоимение отсутствует во всех тюркских языках, кроме якутского [Böhtlingk 1851, §422, 2], и мнением В. Радлова [Radloff 1908, 35], что оно вообще "чуждо тюркскому языку"? [Впрочем, ср. Kotwicz 1936$_2$, 53, Ястремский 1938, 80].

Неприемлемым представляется мнение М. Рясянена, согласно которому "чередование *-si*~*-i* является, по-видимому, влиянием синтаксической фонетики или ударения" [1968, 44]: оно ничего не объясняет.

Наиболее убедительной и, следовательно, приемлемой является, по-видимому, гипотеза, которую последовательно в ряде работ развивал Ж. Дени [Deny 1920, 1096, addenda §310; Deny 1950, 31—32; 1955, §183] и согласно которой *s* в аффиксе принадлежности 3 л. ед. ч. *-(s)i* происходит от древнего *kendöz*<*kendi (käntu)*+*öz* 'он сам' (ср. др-уйг. *ät-öz* собственно 'тело-сердцевина'), которое можно сравнить с англ. *body*. Если мы примем во внимание сравнительно позднее озвончение *k*>*g* (фигурирующее у Дени написание *gendöz* навеяно орфографией его франкоязычного предшественника Вигье (*Viguier*. Elémens de la langue turque. Constantinople, 1790. P. 53), то рассуждение автора можно — mutatis mutandis — представить так: "строение *kendöz* (а образование *kendüz* путем замены *ü* на *ö* допустимо только в первом слоге) дало, в сочетании с посессивным аффиксом, *kendüzü* 'он сам', откуда посредством ошибочного членения (*une fausse coup*) *kendü-m* 'я сам', *kendü-n* 'ты сам', *kendü-zü* и последующего оглушения свистящего *z* в *s* получаем *kendü-sü* 'он сам'; ср. *-zun* (древн.), *-sun* для 3-го лица ед. числа императива. Форма *kendisi* еще очень употребительна (окончание императива *-sin* и притяжательное окончание *-si*, возможно, родственны)" [Deny 1955, §183]. Многочисленные примеры, документирующие употребление *kendü özü, kendözi, kendüzü, kendisi*, в том числе поддержанные рифмой (вроде *gözi* и *kendözi*), богато представлены в турецком историческом словаре „Tarama sözlüğü" (Ankara 1969, IV, 2412—2427).

Гипотеза Дени находит опору в судьбе др.-тюрк. *käntü* в различных тюркских языках: ком. (1330 г.) *kendi* (в ит. части CC) и *kensi* (в нем. части CC) 'сам', Al-qawānī (XV в.) *känsi, kinsi* 'сам', карач., балк. (лит.) *kesi* 'сам', балк. (диал.) *keni* 'сам, он' (удержавшемся, по свидетельству балкарца А.А. Чеченова, у носителей цокающего диалекта в благопожелании *keni ǯolu bolsu!* 'да будет ему дорога!', як. *kini* 'он' (которое представляет собой результат длительного фонетического упрощения структуры слова на якутской почве и, вопреки мнению О. Бётлингка [Böhtlingk 1851, §418], В.В. Радлова [Radloff 1908, 33—34] и

А.М. Щербака [1977, 124, подстр. примеч. 195], восходит к *käntü* 'сам' [Убрятова 1953, 289—291]). О том, что *nt*>*ns, s* см. [Räsänen 1949, 231, Рясянен 1955, 198].

Можно также согласиться и с частным замечанием Е.И. Убрятовой, что конечное *-ü*>*-i* в слове *käntü*>*kändi* "в разных тюркских языках было или могло быть осознано как личное притяжение 3-го лица" для основ на согласную [Убрятова 1953, 290]. Что же касается трудностей семантического перехода 'сам — он', о которых говорит А.М. Щербак [1977, 124], то они несколько преувеличены (ср. тур. *Hissederdi ki bu kadın kendisini sevmiyor* 'Он чувствовал, что эта женщина не любит его'). Характерно, что и М. Рясянен [Räsänen 1957, 39] и К. Менгес [Menges 1968_1, 129] также считают, что як. *kini*<**kantü*. Во всяком случае, теперь уже мало кто разделяет скепсис В.В. Радлова относительно того, что "ни один из тюркских языков не являет и следа якутского местоимения 3-го лица *kini* 'он, она, оно'"[Radloff 1908, 33—34].

Равным образом ни в коей мере не противоречит гипотезе Дени бытование в якутском языке слова *üös* 'сердцевина, центр, средоточие, середина': сдвиг в семантике произошел на якутской почве и отражает поздний этап эволюции общетюрк. *öz* 'сущность, существо', когда якуты заимствовали в качестве лично-возвратного местоимения со значением 'сам, себя' тунг. *bäjä* 'тело'<*beje* 'тело, организм; особа, рост, личность; сам'.

Много сложнее картина в чувашском языке. Здесь "употребление аффиксов принадлежности 1 и 2-го лица весьма ограничено" [Андреев 1966, 49], причем во 2-м и, особенно, в 3-м лице обнаруживаются явные отклонения от общетюркского типа: их присоединение приводит к отпадению конечного гласного основы: ср. *ača* 'ребенок', *ača-m* **'мой ребенок', *ač-u* 'твой ребенок', *ač-i* 'его ребенок'. Наряду с афф. *-i, -ĕ*** здесь закономерное соответствие общетюрк. *-si* ~ чув. *-šĕ, -ăšĕ, -ӳšĕ, -š.*

Основоположник чувашского языкознания Ашмарин [1898, 132 и сл.] выявил, собрал, систематизировал и правильно интерпретировал все случаи употребления афф. *-šĕ* с вариантами, и ныне картина предстает в следующем виде. Аффикс этот употребляется главным образом с терминами родства (*appăšĕ* 'его, их старшая сестра'<*appa* + *šĕ*) и притом прибавляется по большей части к названиям старших по возрасту родственников (названия более молодых членов семьи, таких, как жена, сын, невестка, младшая сестра, принимают обычный аффикс принадлежности *-i, -ĕ*), внедрился в состав аффиксов порядковых и собирательных числительных и входит в некоторые местоимения, а также образует отвлеченные имена существительные в качестве словообразовательного аффикса (ср. *tarăn* 'глубокий' — *tarănăš* 'глубина'). Н.И. Ашмарин заметил также своеобразный супплетивизм: "иногда название известного родственного отношения берется от разных основ, смотря по тому, к которому из трех лиц оно относится" [1898, 136—137]. Это положение иллюстрировалось двумя яркими примерами: 1 л. *atte* (диал. *ati*), 'отец', *attem* 'мой отец', но: 2 л. *aśu* 'твой отец' и 3 л. *aššĕ* (<*aśa* + + *ăšĕ*) 'его отец'; 1 л. *anne* 'мать', но: 2 л. (диал.) *amu* 'твоя мать', 3 л. *amăšĕ* 'его мать', откуда следовало, что здесь объединяются две разные основы в одну парадигму притяжания и что, по-видимому, в

древнейшее время *aśa* и *ama* были в исключительном употреблении в значении 'отец'<'самец' и 'мать'<'самка', но в последующее время оказались вытесненными формами *atte* и *anne* [Егоров 1964, 25, 35; Севортян 1974, 200, 279; Цинциус 1972, 20—27].

Глубокое внедрение афф. *-š* в морфологическую структуру языка, архаичный характер принимающих его "основ" и отмечаемая многими учеными тенденция к разрушению и угасанию чувашской притяжательной системы свидетельствуют об очень большой древности этой системы в чувашском языке, унаследованной от общетюркской эпохи [см. Ашмарин 1898, 136—141, 183; Kotwicz 1936$_2$, 25—27; Benzing 1940, 251—257; 1959, 727—728; Дмитриев, Горский 1951, 877—883; Poppe 1952, 71—72; Андреев 1957, 33—43; Menges 1957, 140—145; 1968, 114; Серебренников 1960, 260; Левитская 1976; 14—16; Щербак 1977, 72—82].

Преимущество гипотезы Ж. Дени представляется очевидным: она учитывает, что "исходный" материал безусловно древен, фонетически легко интерпретируем и семантически вполне мотивируем. То, что при словосложении двух слов-синонимов (древнейший способ тюркского словообразования, при этом второе слово приобрело притяжательный аффикс) *получилось как бы новое слово с потенциальным местоименным* значением, готовое к участию в формировании категории принадлежности, а позже и к тому, чтобы сообщить импульс для переноса *s* в сферу притяжательного аффикса 3-го лица и создания варианта *-(s)i* для основ на гласный, — делает гипотезу Дени наиболее убедительной и привлекательной.

В целом же чувашские личные местоимения отнюдь не противоречат общетюркским. Наоборот, *они помогают восстановить* с большей уверенностью пратюркскую систему. Отклонения же незначительны и поддаются объяснению; основные из них:

префигируемая гласная *e-* в *epĕ (man-)* 'я' — *epir(pir-)* 'мы', *esĕ- (san-)* 'ты' — *esir(sir-)* 'вы', которая носит явно дейктический характер, т.е., как нам представляется, это не что иное, как древняя дейктическая частица со значением 'вот', широко распространенная в алтайском мире и утвердившаяся в чувашском языке в этой функции в им. падеже, будучи его своеобразным, хотя и дополнительным маркером и сделавшая излишним его обобщение по типу косвенных основ;

конечное *-r* (<*ŕ*) в *epir, esir* — показатель множественности.

Реконструированная система личных местоимений в тюркских языках обнаруживает поразительное сходство с монгольской и тунгусо-маньчжурской системами, см. [Poppe 1965, 194; Benzing 1955, 108]:

	Монг.		Тунг.-маньч.	
	Ед. ч.	Мн. ч	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	*bi* (род. п. *min-u*)	*ba(man-u)*	**bi(min-)*	*büä* (искл.), *münti* (вкл.)
2 л.	*či*(<**ti*) (род. п. **čin-u*)	*ta(tan-u)*	**si(sin-)*	**süä*
3 л.	**i.* (род. п. **in-u*)	**a(an-u)*	**i(in-)*	**ti*

СКЛОНЕНИЕ ЛИЧНЫХ И УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Местоимения как носители дейксиса принадлежат к числу древнейших частей речи. По своему происхождению, различной степени древности и значению местоимения в тюркских языках разделяются на две большие группы: "I. Местоимения (личные, указательные, вопросительные). II. Местоименные слова (выделительные, неопределенные, обобщающие, отрицательные)" [Кононов 1980, 163; см. также Щербак 1977, 124; Благова 1982, 252—259]. Целесообразность такого разделения подтверждается тем, что местоимения этих двух групп, как правило, совсем неодинаково ведут себя при склонении. Ввиду различной древности местоимений и местоименных слов, а также наличия различных исторических напластований в их словоизменении падежные формы далеко не всех местоимений и особенно местоименных слов могут быть использованы в качестве основы для хронологизации (так, местоименные слова, имеющие, как правило, более позднее происхождение, обычно склоняются как имена существительные, включаясь при этом в именную или посессивно-именную парадигму[1]).

Знаменательно, что в местоимениях (первая группа) обнаруживается еще одно важное противопоставление, которое особенно явно проявляется при склонении. Имеется в виду противопоставление по признаку личности—неличности. Значение личности в тюркских местоимениях имеет лексико-грамматическое выражение (см. личные местоимения 1—3-го лица ед. и мн. числа, лично-указательные (субстантивированные) местоимения 'тот, этот', а также вопросительное 'кто'). Склонение местоимений со значением личности в тюркских языках, как и в монгольских, заметно отличается от склонения, с одной стороны, простых имен, а с другой — местоимений и местоименных слов, имеющих значение неличности: притом что падежные формативы в принципе используются те же, основы местоимений со значением личности претерпевают существенные изменения внутри самих себя (ср. аналогичное положение в монгольском [Поппе 1937, 79]).

Во всяком случае, уже В. Банг обратил внимание, что *nä* 'что' в тюркских языках не имело косвенной основы **nän-*, в то время как местоимения **bä-*, **sä-*, *bu* имели *n*-формы: *bän, sän, mun-* [Bang 1917$_1$, 15].

На этом основании ниже предпринимается реконструкция склонения именно этих разрядов со значением личности — личных и простых лично-указательных местоимений ед. числа[2]; сама специфичность их

---

[1] Парадигматические модели возвратно-выделительных, субстантивированных притяжательных и определительных местоимений, которые в тюркских языках имеют вторичный характер, подстраиваются под именную либо посессивно-именную парадигму. Возвратно-выделительные и субстантивированные притяжательные местоимения, как правило, втягиваются в ряды посессивно-именной парадигмы. Поскольку склонение этих местоимений не имеет самостоятельного характера, ясно, что их падежные формы не могут быть использованы при реконструкции.

[2] Целям реконструкции не могут служить падежные формы местоимения 3-го лица мн. числа *olar* 'они' и субстантивированных лично-указательных местоимений мн. числа *bular* 'эти', *olar* 'те' — это местоимения поздние, о чем свидетельствует аффикс мн. числа *-lar* в их составе. Наличие аффикса мн. числа *-lar* создает условия для втягивания

склонения может свидетельствовать об их древности. К тому же в ходе исторического развития тюркского склонения именно падежные формы личных и лично-указательных местоимений ед. числа оказывали индуцирующее воздействие на формирование именной и посессивно-именной парадигм. На этом основании к склонению личных и лично-указательных местоимений ед. числа можно применить термин "исторически индуцирующий тип местоименной парадигмы" [ср. СГГЯ 1963, 336 сл.].

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЛИЧНЫХ И ЛИЧНО-УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Реконструкция фонологической структуры личных и лично-указательных местоимений ед. числа по необходимости должна быть предварена ареальным обследованием языковых фактов. Для этого имеющиеся по разным тюркским языкам различия в фонетическом строении изучаемых местоимений рассматриваются в их пространственном распределении на тюркской языковой территории. Материалом для такого рассмотрения послужили данные, содержащиеся в табл. 13, 14, составленных на основе современных научных грамматик тюркских языков, изданий типа "Языки народов СССР" [1966] и специальных работ [Исхаков 1956] (см. ниже, с. 248, 251).

Те различия по языкам в звуковом составе личных местоимений 1 и 2-го лица ед. числа, которые касаются их начального согласного и слогообразующего гласного, очевидны из табл. 13. Для местоимения 1-го лица ед. числа только в современных турецком и гагаузском языках представлены основы с начальным *b-*: тур. *ben* (ср. тур. диал. *pën*), гаг. *bän*. Во всех остальных современных тюркских языках отмечаются основы с начальным *m*. Изоглосса начального *b* вычленяет, таким образом, окраинный компактный ареал на крайнем юго-западе тюркских языковых территорий, особый островок здесь обрисовывается *-p* изоглоссой. Остальная часть территорий, начиная от Якутии на северо-востоке, Хакасии и Тувы на юго-востоке и кончая Азербайджаном и Крымом на юго-западе, характеризуется *m*-изоглоссой (ср. протезу *e-* в чув. *epĕ* 'я').

Такое распределение *b-* и *m*-изоглосс следует интерпретировать, учитывая лингвоисторические факты. В языке различных тюркских рунических памятников, орхонских и енисейских, т.е. памятников крайнего востока тюркских языковых территорий, зафиксированы основы с начальными *b- (bẹn)* и *m- (mẹn)* [Кононов 1980, 165]. Из этого можно заключить, что в древности *ben* и *men* были диалектными формами. Судя по современному распределению этих форм на тюркских языковых территориях формы с *m-* в процессе тотального их распространения на этих территориях оттеснили формы с *b-* на крайний юго-запад.

перечисленных местоимений в именную парадигму, причем настолько, что они могли **окказионально приобретать в XI в. специфичное для имен-субстантивов окончание вин. падежа** *-yγ* (см. в "Кутадгу билиг": *olar-yγ* 'их; тех', *bular-yγ* 'этих' при нормативных *olar-ny, bular-ny*).

Местоимение 2-го лица ед. числа в подавляющем большинстве языков имеет *s-* в анлауте (*sän, sen, sin*) и только в башкирском *h-* (*hin*). Ареал, вычленяемый с помощью *h*-изоглоссы и расположенный в центре тюркских языковых территорий, имеет изолированный характер ("островной ареал"). (Ср. протезу *e-* в чув. *esĕ*).

Слогообразующие гласные в составе местоимений 1 и 2-го лица ед. числа по разным тюркским языкам дифференцируются по признаку "широкий/узкий" (т.е. по степени раствора полости рта): широкий *a* — полуширокий *e* — узкий *i*. Ср. для 1-го лица ед. числа: гаг. *bän*, аз., хорас., уйг., чул. *män* (~ хорас. *man*) — тур. *ben*, ктат., туркм., сюг., шор., тув., тоф., каз., ккалп., узб., кбалк., ног., кум., кар., кирг., алт., сал. *men* (~ хорас. *men*), чув. *ăpe* — тат., башк., хак., як. *min* (~ хорас. *min*); для 2-го лица ед. числа: аз., гаг., хорас., уйг., чул. *sän* — тур., ктат., туркм., сюг., тув., тоф., шор., каз., ккалп., кбалк., ног., кум., кар., кирг., алт., сал., узб. *sen*, як. *en*, чув. *äsĕ* — тат., хак. *sin*, башк. *hin*.

Из табл. 13 видно, что почти тотальное распространение на тюркских языковых территориях имеет изоглосса *-e*-форм (*ben~men, sen*). Изоглосса *-ä*-форм (*bän~män, sän*) образует островные ареалы преимущественно на окраинах этих территорий: на юго-западе (гагаузский, азербайджанский, хорасанотюркский), юго-востоке (уйгурский), а также северо-востоке (чулымскотюркский). Изоглосса *-i*-форм (*min, sin*, башк. *hin*) образует островные ареалы на севере и юге Сибири (Хакасия), а также в Поволжье (Татария, Башкирия). Характерно, что два территориально полярных и автономных друг относительно друга ареала — Якутия и Северо-Восточный Иран — вычленяются по наличию *-i*-формы только у местоимения 1-го лица ед. числа — см. як. *min*, хорас. вариант *min* (при более обычном *män*), в то время как *-i*-форма для местоимения 2-го лица ед. числа здесь не представлена (налицо, таким образом, отсутствие связанных изоглосс).

Такое распределение изоглосс может быть интерпретировано исторически. Тотально распространявшаяся *-e*-изоглосса, возможно, была свойственна некоторым древним тюркским диалектам [см. Кононов 1980, 165]. В своем распространении она оттеснила другие, более древние диалектные изоглоссы *-ä*-форм и *-i*-форм, которые в настоящее время представлены на окраинах тюркских языковых территорий. Вопрос о конечном *-n* в местоимениях 1 и 2-го лица ед. числа рассматривается ниже.

Местоимение 3-го лица ед. числа признается тюркологами более поздним, восходящим к указательному местоимению[3] (лично-указательное местоимение). В тюркских языках оно представлено, как это видно из табл. 14, вариантами, которые различаются между собой, в основном, по двум параметрам.

Первый параметр — это качество слогообразующего гласного. Как правило, в лично-указательном местоимении представлен губной гласный, причем в сравнительно немногих тюркских языках и

[3] Типологическая возможность такого развития подтверждается фактами иносистемных языков "Личные местоимения 3-го лица восходят во всех индоевропейских языках к указательным местоимениям" [СГГЯ 1963, 309]. Сходное явление наблюдается в монгольских языках, в том числе в бурятском и калмыцком [ЯН СССР 1968, 23, 42]

диалектах налицо узкий губной: сал. *vu/u*, узб., уйг. *u*, тат., башк. *ul*, хорас. *u̯* (при более обычных *o*, *ô*, которые, однако, имеют косвенную основу *un-*). Изоглосса узкого гласного в лично-указательном местоимении очерчивает островные ареалы разной величины на различных территориях распространения тюркских языков (от единичных пунктов в Северо-Восточном Иране и Центральной Азии до целых республик в Средней Азии и Поволжье). Такая прерывисто-змеевидная конфигурация изоглоссы местоименного узкого губного *u*, в целом имеющей весьма значительную протяженность, может указывать на остаточный характер данного явления в тюркских языках[4]. Факты чувашского языка также указывают на то, что узкий губной гласный в лично-указательном местоимении имеет здесь остаточный характер. Исходная основа этого местоимения подверглась в чувашском ряду последовательно осуществлявшихся вторичных изменений: узкий губной был заменен широким губным, который, в свою очередь, претерпел делабиализацию, причем былая его лабиализация отразилась в протезе губного щелевого сонанта *v:văl*. Что же касается склоняемой основы, то она сохраняет узкий губной в своем составе: *un-* [Левитская 1976, 30].

Тот факт, что почти во всех остальных тюркских языках лично-указательное местоимение выступает с широкой губной огласовкой, а изоглосса этого явления охватывает территорию от Якутии и Южной Сибири до западных границ Советского Союза и до Босфора, может свидетельствовать, скорее всего, о вторичном тотальном распространении широкого губного в лично-указательном местоимении. При определении возможных центров иррадиации этого явления и направлений его продвижения необходимо исходить из наличия связанных изоглосс: имеется в виду параллельное существование широкого губного гласного в указательном местоимении 'этот'. Такое явление находим в некоторых тюркских языках Южной Сибири. См. шор. *po* и *ol*, тув., тоф. *bo* и *ol*. Характерно, что по мере удаления от Южной Сибири, возможного центра иррадиации этого явления в давние времена, изоглосса *bo* — *po* обрастает более обычными вариантами этого местоимения с узким губным гласным. См. бараб. *pu*~*po* и *ol* сюг. *po*~*pu* и *ol*~*goľ*, хорас. *bô*~*bu̯* и *ô*~*u̯*. В остальных тюркских языках связь между лично-указательным местоимением и указательным 'этот' по признаку широкости/узкости слогообразующего губного гласного отсутствует. См., например: хак. *pu* и *ol* тур., аз., ктат., гаг. *bu* и *o*, туркм. *bu* и *ol*~*o*, каз. *bul* и *ol*, кар. *bu(l)* и *ol*, ног., кбалк., алт. *bu* и *ol*.

Характер распределения изоглосс с узким и широким губными гласными позволяет предполагать, что соответствующие формы лично-указательного местоимения 'тот' были в древности диалектными вариантами. Каждый из этих вариантов имел собственную судьбу: *o*-вариант получил почти тотальное распространение, *u*- вариант был оттеснен в центральные и центрально-окраинные области тюркских языковых территорий, о чем свидетельствует прерывисто-змеевидная конфигурация соответствующей изоглоссы.

[4] Такую трактовку змеевидной ("лентообразной", "кишкообразной") конфигурации в распределении изоглосс предложил А Вейнен [см об этом: Бородина 1979, 183]

На фоне рассмотренных изоглосс, территориальное распределение которых в целом упорядочено характером и направлением развития соответствующих явлений друг относительно друга, своей случайностью и разобщенностью выделяются две другие изоглоссы. В них обобщено явление делабиализации широкого губного в лично-указательном местоимении, по-разному реализующееся на различных территориях. Ср. варьирование губного и негубного *ol*~*al* в киргизском; в чувашском делабиализация широкого губного гласного обусловила протезу начального *v: văl* (при склоняемой основе *un-*) [Левитская 1976, 30]. Территории распределения этих изоглосс автономны друг относительно друга, т.е. образуемые ими ареалы никак не связаны друг с другом.

Второй параметр, по которому лично-указательное местоимение варьируется по разным тюркским языкам, — это тип слога, открытый или закрытый, и соответственно отсутствие/наличие *l* в ауслауте. Открытый слог в виде узкого губного *u* представлен в узбекском, уйгурском, саларском, а также некоторых говорах хорасанотюркского (*u*~*o*), в виде широкого губного *o* — в турецком, азербайджанском, крымскотатарском, гагаузском. Изоглосса *u* и изоглосса *o* образуют довольно компактные ареалы: первая — на юго-востоке (районы Средней и Центральной Азии), вторая — на юге-западе (Турция, Крым и районы Молдавии, Закавказье). Северо-Восточный Иран по вариантной изоглоссе *u*~*o* определяется как переходный между двумя названными. Эти три ареала, разные по своей величине, являются маргинальными по отношению к основным тюркским языковым территориям; наличие в них лично-указательного местоимения в виде открытых слогов может быть истолковано как явление остаточное, сохранившееся на окраинах (или поблизости к окраинам) тюркских языковых территорий.

Изоглосса закрытого слога *ol* (с некоторыми разновидностями — тат., башк. *ul*, сюг. *ot*~*got*, кирг. *ol*~*al*, чув. *văl*) проходит через районы бытования остальных тюркских языков и охватывает территории Якутии, Южной Сибири, частично Центральной и Средней Азии, Казахстана, Северного Кавказа и Предкавказья, Поволжья, отдельных областей Литовской и Украинской ССР. Между этой зоной распространения лично-указательного местоимения в виде закрытого слога и ареалами открытого слога выделяются в качестве промежуточного ареала районы Туркменской ССР, где налицо варьирование закрытого и открытого слогов *ol*~*o*.

По тому, как соотносятся тотальное распространение изоглоссы закрытого слога и остаточное, окраинное бытование изоглоссы открытого слога, можно заключить об инновационном характере структуры закрытого слога для местоимения 'тот' и большей древности структуры открытого слога[5].

Связанные изоглоссы закрытых слогов лично-указательного мес-

[5] Мнения о вторичности *ol* придерживался А.П. Дульзон, полагая, что это местоимение восходит к *o*, представленному в юго-западных тюркских языках, или же "выведено из *он* по форме мн.числа *он-лар*>*ол-лар*" [Дульзон 1975, 14]. У В. Банга в *a*-форме мн. числа этого местоимения отмечается ассимиляция сонорного с последующим упрощением геминаты: "*anlar*>**allar*>*alar*" [Bang 1917₁, 7]; см. также *allar:* [Telegdi 1937, 293].

тоимения и указательного 'этот' приходятся на области распространения казахского, каракалпакского (*ol* и *bul*) и башкирского (*ul* и *byl*) языков, т.е. на центральную часть современных тюркских языковых территорий. Само по себе такое территориальное распределение этих связанных изоглосс может свидетельствовать о том, что ареал аналогического выравнивания *ol, bul* по единому образцу складывался в сравнительно позднее время. Нельзя не отметить, что, чем дальше продвигаться на восток или на запад от этого инновационного, вторично складывавшегося ареала, тем более явно проявляется вариативность *bu~bul* (как в караимском и киргизском) при неизменности закрытого слога лично-указательного местоимения. Этим доказывается, что для указательного местоимения 'этот' структура закрытого слога была инновационной, причем еще более поздней, чем для лично-указательного: она сложилась в результате выравнивания по образцу вторичного же *ul~ol*.

Еще один параметр, по которому от всех других вариантов лично-указательного местоимения отличаются чув. *văl* и сал. *vu*, — это протеза начального *v*. В обоих случаях протеза имеет место в различных, никак не связанных между собой ситуациях, а именно при делабиализации вторичного начального широкого губного гласного в чувашском (*ă<o<u* при склоняемой основе *un-*) и при сохранении начального узкого губного *u* в саларском. Соответствующие островные ареалы, образуемые изоглоссами чув. *văl* и сал. *vu*, при огромной территориальной отдаленности их друг от друга также демонстрируют отсутствие какой-либо связи между ними.

Различия, касающиеся местоимений 1 и 2-го лица мн. числа также весьма показательны. Применительно к местоимению 1-го лица мн. числа эти различия можно разбить на следующие две группы: 1) фонетические: а) в анлауте могут быть представлены звонкий смычный *b* — глухой смычный *p* — носовой смычный *m*; б) в ауслауте могут быть представлены переднеязычные звонкий *z* — глухой *s* — сонантный *r* (последний — в связи с чувашским ротацизмом); в) в инлауте могут быть представлены узкие нелабиализованные мягкорядный *i* — твердорядный *y* — среднеширокий мягкорядный *e*; г) отсутствие протезы — наличие протезы среднеширокого *e*; 2) морфонологические различия в слоговой структуре вариантов местоимения 1-го лица мн. числа: односложная основа — двухсложная основа, включающая в свой состав аффикс мн. числа *-ler~ -der~-ter*, — трехсложная производная основа. Во втором случае не исключены изменения в звуковом составе аффикса мн. числа.

Изоглосса *biz* (односложная основа со звонкими губно-губным *b* в анлауте и зубно-альвеолярным *z* в ауслауте) проходит через обширные пространства распространения тюркских языков, связывая между собой западные и прежде всего юго-западные территории (Малая Азия, Крым, районы Молдавии, Украины и Литвы, Предкавказье, Северный Кавказ и Закавказье) с юго-восточными (районы Средней Азии, Синьцзян) и захватывая Поволжье, где налицо разновидность данной изоглоссы (тат., башк. *bez*). На крайнем юго-востоке тюркских языковых территорий — в Южной Сибири — изоглоссой *bis* (глухой переднеязычный *s* в ауслауте) вычленяется островной ареал: тув. *bis*, тоф.

bi's. С ним связан островной ареал *bis* в Кемеровской области (калмакский говор сибирских татар). Вариантная изоглосса *bis/biz* характеризует островной ареал в Северо-Восточном Иране; этот ареал можно было бы считать промежуточным между вышеназванным, чему, однако, препятствует географическое распределение изоглоссы *bis/biz*.

Весьма показательно, что совпадение начального *b-* в местоимениях 1-го лица ед. и мн. числа обнаруживают турецкий и гагаузский языки. Связанные изоглоссы начального *b-* этих местоимений приходятся, таким образом, на крайний юго-запад тюркских языковых территорий — Турцию и Молдавию, что может свидетельствовать об остаточном характере такого совпадения.

В ряде языков различных классификационных групп, имеющих очень широкое географическое распространение (от Якутии и Сибири через Среднюю Азию и Казахстан вплоть до Кавказа и Поволжья), совпадения начальных согласных в этих местоимениях нет: для местоимения 1-го лица мн. числа в анлауте характерен *b-*, для местоимения 1-го лица ед. числа — *m-*. Возможно, здесь допустимо говорить о вторичности разуподобления начальных *b-*.

Изоглосса *pis* (односложная основа с глухими *p* в анлауте и *s* в ауслауте) вычленяет ряд связанных между собой ареалов в Сибири (см. хак., шор., чул., бараб. *pis*). По признаку глухих *p* в анлауте и *s* в ауслауте к рассмотренной форме примыкает сал. *pise(r)*. Эта двухсложная основа снабжена аффиксом мн. числа -[*l*]*e(r)*, претерпевшем полную или частичную редукцию обоих сонорных. Изоглоссой *pise(r)* в Центральной Азии очерчивается островной ареал, видимо, связанный с сибирскими. По признаку глухого смычного *p* в анлауте (правда, не абсолютному — благодаря протезе *e*) к этим формам примыкает чув. *epir/epĕr; p-* в абсолютном анлауте представлено в склоняемой основе *pir-; -r* в ауслауте появилось в результате чувашского ротацизма. Изоглоссой *epir/epĕr* очерчивается островной ареал в Поволжье.

Изоглоссы *p*-форм (1 л. мн. ч.) имеют, таким образом, широкий территориальный разброс, более или менее компактный в Сибири, в том числе — южных ее районах; что же касается Центральной Азии и Поволжья, то там они обрисовывают островные ареалы. Изоглосса *pĕn* (1 л. ед. ч.) очерчивает изолированный островок на крайнем юго-западе. Не исключено, что такое распределение изоглосс обоих чисел может свидетельствовать об архаичности глухого смычного *p* в анлауте местоимения 1-го лица ед. и мн. числа.

Весьма характерно при этом, что совпадение глухого *p* в составе местоимений 1-го лица ед. и мн. числа наблюдается только в чувашском. Связанные изоглоссы, в которых отражается это совпадение, вычленяют Чувашию как островной ареал. Чувашский островной ареал может быть сопоставлен с двумя маргинальными ареалами — турецким и молдавским, где налицо совпадение начальных *b-* этих местоимений. Что касается языков Сибири и Центральной Азии, по всей видимости, ближе расположенных к центру инноваций (разуподобления начальных согласных обоих местоимений), то здесь начальному *p-* местоимения 1-го лица мн. числа соответствует начальный *m-* местоимения 1-го лица ед. числа.

По признаку *m-* в анлауте местоимения 1-го лица мн. числа изоглосса сюг. *mys(ter)* вычленяет в Центральной Азии островной ареал, который в отношении данного признака является совершенно изолированным. Учет ареальной характеристики этого явления, равно как и сопоставление *mys(ter)* с местоимением 1-го лица ед. числа *men* по признаку начального *m-*, показывают, что местоимение 1-го лица мн. числа было уподоблено по этому признаку местоимению 1-го лица ед. числа после распада позднепратюркского языкового состояния.

Инновационная изоглосса двухсложной основы с аффиксом мн. числа связана с двумя центрами ее распространения — во-первых, ногайско-казахским (см. ног. *biz/bızler*, каз. *biz/bizder*)[6], т.е. Предкавказьем и Казахстаном, а во-вторых — с горноалтайским (см. алт. *bis/bister*). Скорее всего, с этим последним центром могут быть связаны два островных ареала в Центральной Азии, образуемые с помощью специфических изоглосс — сал. *pise(r)* и сюг. *mys(ter)*.

Совершенно изолированным является ареал в Якутии, вычленяемый двумя связанными изоглоссами трехсложных основ местоимений 1-го и 2-го лица мн. числа (як. *bihigi, ehigi* — вторичные образования).

Различия, касающиеся местоимения 2-го лица мн. числа в разных тюркских языках, могут быть объединены в следующие группы: 1) фонетические различия касаются следующих позиций: а) анлаут прямой основы — см. почти тотально представленный в большинстве тюркских языков **начальный *s***, но башк. *heẓ*, а также протеза *e* в чув. *esir/esĕr*; **б) ауслаут прямой основы — обычно звонкий переднеязычный *z*, но наблюдается также глухой *s* (бараб., хорас. *sis*), в единичном случае — сонорный** *r* (чув. *esir/esĕr*); в) инлаутный гласный прямой основы — обычно узкий мягкорядный *i*; в татарском и башкирском — полуширокий *e* (*sez, heẓ*); реже представлен узкий твердорядный *y* (др.-уйг. *syz* [Tekin 1980, 113, 114]); 2) морфонологические различия в слоговой структуре вариантов местоимения 2-го лица мн. числа: односложная основа — **двухсложная основа, включающая в свой состав аффикс мн. числа** (*-ler~-lär~-der*). В этом последнем случае возможны нерегулярные изменения как в основе местоимения (ср. тоф., тув., шор. *siler*, чул. *slär*), **так и в аффиксе мн. числа (хак. *sirer*). При всех этих различиях в местоимении** 2-го лица мн. числа любого языка представлен тот же начальный *s-*, что и в местоимении 2-го лица ед. числа.

Изоглосса прямой основы *siz* (с разновидностями: тат. *sez*, башк. *heẓ*, хорас., бараб. *sis*) проходит по обширным пространствам. На западе и юго-западе — это Малая Азия, Крым, районы Молдавии, Украины, Литвы, Поволжья, Северного Кавказа и Закавказья; на юго-востоке — Средняя Азия (Туркмения, Каракалпакия, Узбекистан), на востоке — Новосибирская область (барабинские татары).

Изоглоссы аффигированного местоимения 2-го лица мн. числа *sızlar>siler* (с разновидностями *slär, slär, sirer*) приходятся в основном на территории Сибири. За пределами Сибири с помощью этих изоглосс

[6] Об этом центре возможно говорить при учете того, что исторически ногайский и казахский народы были тесно связаны с Большой Ногайской Ордой, из которой и выделились ногайцы, казахи и каракалпаки [ЯН СССР 1966, 280]

вычленяются островные ареалы разной величины (иногда — весьма обширные) в Центральной и Средней Азии (сюг., сал., кирг. *siler*, уйг. *silär*, узб. *sizlar*), Казахстана (каз. *sizder*) и Предкавказья (ног. *sizler*).

Целесообразно вычленять по различным тюркским языкам автономные и связанные изоглоссы этого аффигированного местоимения. Автономными мы называем эти изоглоссы в том случае, когда аффигированное местоимение 2-го лица мн. числа не сопряжено с обязательным наличием аффикса мн. числа в местоимении 1-го лица мн. числа. Автономные изоглоссы аффигированного местоимения 2-го лица мн. числа довольно компактно пролегают по территориям Сибири (ср. тув., тоф., шор. *siler* при тув. *bis*, тоф. *bi's*, шор. *pis;* хак. *sirer* при *pis;* чул. *slär* при *pis;* тат. ЗС *silär* при *bis*), а за ее пределами образуют островные ареалы в Средней Азии и Синьцзяне (кирг. *siler*, уйг. *silär* при *biz*).

Связанными называем изоглоссы в том случае, когда аффигированное местоимение 2-го лица мн. числа регулярно сопрягается с обязательным наличием аффикса мн. числа в местоимении 1-го лица мн. числа. Связанные изоглоссы приходятся на Предкавказье (ног. *siz/sizler* при *biz/bizler*) и Казахстан, Узбекистан (каз. *siz/sizder* при *biz/bizder*, узб. *siz/sizlar* при *biz/bizlar*), отдельные районы Центральной Азии и Горного Алтая (сюг. *siler* при *mys/myster*, сал. *siler* при *piser*, алт. *sler/slerler* при *bis/bister*).

Описанное распределение изоглосс, особенно автономных и связанных, может вполне достоверно свидетельствовать о том, что инновационное присоединение аффикса мн. числа к личным местоимениям распространялось с востока тюркских языковых территорий (Сибирь). Эта инновация первоначально касалась, видимо, только местоимения 2-го лица мн. числа. Аналогическое выравнивание местоимения 1-го лица мн. числа по образцу аффигированного местоимения 2-го лица мн. числа стало действовать, видимо, впоследствии. Центры такого выравнивания обоих местоимений по единому образцу возникали, по всей видимости, спонтанно на различных территориях. Исторически связанными были предкавказский и казахстанский ареалы, вычленяемые этими связанными изоглоссами. Вопрос об исторических связях двух центральноазиатских ареалов, саларского и сарыг-югурского, с горноалтайским требует специальных разысканий [см. Тенишев 1976_1, 166, 167; 1976_2, 258].

Для предпринимаемой реконструкции целесообразно также рассмотреть вопрос о соотносимости фонологической структуры как личных местоимений 1—3-го лица ед. числа и 1, 2-го лица мн. числа, так и указательных местоимений 'этот', 'тот' в тюркских языках. В тюркологической литературе достаточно полное освещение получили вопросы соотношения личных и указательных местоимений в плане семантики, равно как и гипотеза об общем происхождении этих местоимений (или элементов их) [см. Bang 1917_1, 11; Kotwicz 1936, 51; Баскаков 1952_2; Щербак 1977, 126; Поцелуевский 1975, 130—144; Серебренников, Гаджиева 1979, 138; Данилова 1979_1, 90 и сл.].

С точки зрения формальной основанием для такой соотносимости является замеченный исследователями параллелизм в материальном (по

Поцелуевскому, в морфологическом) составе личных и указательных местоимений, который становится очевиден, если к сопоставлению привлекать исходные основы этих первых и косвенные основы вторых [Поцелуевский 1975, 138].

Наиболее бросается в глаза соотносимость по начальному согласному личных и указательных местоимений, принадлежащих к "сфере говорящего". В литературе уже обращалось внимание на совпадение начальных *b-* местоимения 1-го лица ед. числа *bän, ben* и указательного местоимения *bu* 'этот' в турецком и гагаузском, а также на совпадение начальных *m-* местоимения 1-го лица ед. числа *män, men, min* и косвенной основы указательного местоимения *mun-/myn-* в остальных тюркских языках (~*min-* — в хорасанотюркском). Следует отметить также прямую соотносимость начального смычного, звонкого (*b*) или глухого (*p-*) в местоимении 1-го лица мн. числа и указательном местоимении 'этот'. В преобладающем большинстве тюркских языков анлаут обоих этих местоимений представлен звонким смычным *b-*, а в тюркских языках Южной Сибири и отчасти Центральной Азии — глухим смычным *p-* (ср. хак. *pu*, шор. *po*, бараб. *pu/po* и хак., шор., бараб. *pis*; сал. *pu* и *pise(r)*. В сарыг-югурском соотносимость по признаку анлаута местоимения 1-го лица мн. числа и указательного 'этот' нарушена, ср. сюг. *po/pu* 'этот', но *mys(ter)* 'мы'.

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЛИЧНЫХ И ЛИЧНО-УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В РАННЕПРАТЮРКСКОМ И ПОЗДНЕПРАТЮРКСКОМ ЯЗЫКОВЫХ СОСТОЯНИЯХ

Реконструкция личных и лично-указательных местоимений в раннепратюркском, равно как и их развития в период между раннепратюркским и позднепратюркским, производится на основе анализа репрезентаций этих местоимений в современных тюркских языках и диалектах, а также их поведения при склонении.

Принятая в настоящем труде реконструкция **bi~pi, *si* для местоимений 1 и 2-го лица в раннепратюркском (ср. [Bang 1917$_1$, 6,9; Малов 1951, 52]) лишь отчасти совпадает с вышеизложенной и представляется более рациональной с экспликативной точки зрения. При такой реконструкции оказывается, во-первых, что в личных местоимениях, как и в категории принадлежности, непосредственно связанной с личными местоимениями, в раннепратюркском отсутствовало различение (противопоставление) по признаку "ед. число — мн. число".

Экспликативность такой реконструкции, во-вторых, проявляется в том, что становится ясным более тесное соотнесение личного местоимения 1-го лица ("сфера говорящего") и указательного местоимения 'этот' ("Hierdeixis")[7]. В реконструкции 1979 г. прямо указывается, что в местоимении 1-го лица "начальный *n* генетически связан с *n* в местоимении *ny* 'этот'. Предполагаемая местоименная основа **б* + неизвестный

[7] А.Н. Кононов сопоставляет коренную морфему личного местоимения 1-го лица *b°* с указательным местоимением *bu~bo* 'этот' ('ближний'), полагая, что исходная форма звучала как **bę~*bi* [Кононов 1980, 164].

гласный обозначала ближний план" [Серебренников, Гаджиева 1979, 138]. Эти два местоимения с точки зрения материальной соотносились по целому ряду существенных признаков: а) по типу слога (в обоих случаях — двухкомпонентный открытый), б) по качественному признаку начального согласного (в обоих случаях налицо смычный *b*~*p*), в) по одному из качественных признаков слогообразующего гласного (в обоих случаях налицо узкие гласные, различающиеся по признаку губности — негубности). Лично-указательное местоимение 'тот', видимо, также в известной мере подстраивалось к этой совокупности местоимений в раннепратюркском: представляя собой однокомпонентный открытый слог, оно имело в своем составе узкий губной гласный **u*.

Первоначально различение местоимения 1-го лица и лично-указательного местоимения 'этот' проводилось только по двум качественным признакам огласовки, а именно "мягкорядность — твердорядность" и "отсутствие огубленности — огубленность", т.е. *i* – *u*. Характерно, что именно такое противопоставление в огласовке местоимений сферы как говорящего, так и собеседника представлено во всех тунгусо-маньчжурских языках. Правда, здесь оно закреплено за противопоставлением "ед. число — мн. число" в сфере 1 и 2-го лица при том, что соответствующие личные местоимения материально не соотносятся с указательными местоимениями. См. эвенк., негид., ульч., удэг. *bi* 'я' — *bu* 'мы', эвенск., ороч. *bi:* – *bu:*, орок. *bi*~*bi:*, нанай. *mi:* – *bue*. Тунгусо-маньчжурские данные представляют интерес в типологическом плане, ими подтверждается, что сочетание таких качественных признаков гласных, как "отсутствие огубленности — огубленность" и "мягкорядность — твердорядность", в принципе может быть использовано для семантического различения в сфере местоимений.

В позднепратюркском различение местоимения 1-го лица и лично-указательного местоимения 'этот' является производным по отношению к возникшей в этот период необходимости различать ед. и мн. число в личных местоимениях. Наметившееся противопоставление местоимений 1 и 2-го лица по числовому признаку нашло свое формальное выражение в следующих различиях. Во-первых, в качестве прямых основ местоимений 1 и 2-го лица ед. числа закрепились их косвенные основы, включающие в себя "показатель посессивности *-n*" [Кононов 1980, 164]; прямые основы местоимений 1 и 2-го лица мн. числа также получили формальное отличие: *pi*~*bi* + аффикс мн. числа *-z*[8]. Во-вторых, для прямых основ местоимений 1 и 2-го лица ед. числа была реализована возможность диалектного варьирования узкой и широкой огласовки: **pin*~*bin*~*pän*~*bän* 'я', **sin*~*sän* 'ты' при наличии только узкой огласовки для местоимений 1 и 2-го лица мн. числа (**piz*~*biz* 'мы', *siz* 'вы').

[8] См. об этом у В. Банга: "Чистый корень *bä-, bi-, sä-, si-* представлен во мн. числе *biz, siz*<*bi-z, si-z*, где *z* должен обладать плюральной силой" [Bang 1917$_1$, 9; см. также Малов 1951, 52]. Заметим, что предложенная нами гипотеза об изначальной синкретичности "чистых корней *bä-, bi-, sä-, si-*" в числовом отношении снимает те возможные возражения против того, что при таком ходе развития личных местоимений "сначала идет единственное число *bi* 'я' (индивидуальный принцип), а потом уже *biz* 'мы' — коллектив, общество", которые считал необходимым оговаривать С.Е. Малов [1951, 52].

Диалектические процессы отталкивания и притягивания развертывались особенно активно в "сфере говорящего". Активно отталкивались друг от друга местоимения 1-го лица ед. и мн. числа, преодолевая былое недифференцированное, материально единое выражение. Необходимость такого отталкивания была обусловлена тем, что и после присоединения специфических окончаний эти местоимения все же имели много сходного в своем фонологическом строении. Оба местоимения **pin~bin* и **piz~biz* стали принадлежать теперь к другому, но все равно одному и тому же для обоих, типу слога - трехкомпонентному закрытому со смычным согласным в анлауте. В обоих местоимениях совпадали также качественные признаки как анлаутных согласных, так и инлаутных гласных. В процессе отталкивания за местоимением 1-го лица ед. числа все более закреплялась широкая (или по диалектам — полуширокая) огласовка, а начальный смычный *p~b* в большинстве древних тюркских диалектов перешел в *m (män, men)*, скорее всего не без воздействия косвенной, склоняемой основы. Впоследствии разуподобление начальных согласных в местоимениях 1-го лица ед. и мн. числа получило широкое распространение по тюркским языкам различных классификационных групп; соответствующие изоглоссы пролегают от Якутии и Сибири на востоке через Среднюю Азию и Казахстан вплоть до Кавказа и Поволжья на западе. Для местоимения 1-го лица мн. числа широкая огласовка была непозволительна; позднейший переход *p>b>m* зафиксирован в единичном случае — сюг. *mys(ter)*.

В позднепратюркском накануне его распада в систему личных местоимений проникло лично-указательное местоимение *u*, ставшее личным местоимением 3-го лица. Позднее его проникновение доказывается тем, что мн. число производится путем присоединения афф. *-lar* наподобие образования мн. числа имен. Втягивание указательного *u* в разряд личных местоимений сопровождалось процессом аналогического подравнивания его под личные местоимения 1 и 2-го лица ед. числа. Во-первых, это расширение узкого гласного: узкий губной *u* переходит в широкий губной *o*. Во-вторых, это изменение типа слога: вместо однокомпонентного открытого слога *u~o* появился двухкомпонентный закрытый слог *ul~ol* за счет дейктического *l*.

Благодаря произошедшим сопряжениям, в результате которых были четко дифференцированы местоимения 1-го лица ед. числа и местоимения 1-го лица мн. числа, в позднепратюркском указательное местоимение *pu~bu* 'этот' уже достаточно отличалось от этих двух личных местоимений. Вместе с тем связь указательного *bu* с местоимениями 1-го лица, а также с указательным *u/o~ul/ol* была настолько ощутимой, что процессы отталкивания сопровождались и известным притягиванием местоимения *pu~bu*. В ряде древних тюркских диалектов это местоимение оказалось вовлеченным в процесс аналогического подравнивания под местоимения 1-го и 2-го лица и лично-указательное *u/o~ul/ol* по типу слога. Так появилось местоимение *bul* 'этот', которое представляет собой трехкомпонентный закрытый слог (т.е. слог такого же типа, как и в местоимениях 1-го лица ед. и мн. числа) и вместе с тем по своему составу имеет известное сходство с личным

местоимением 3-го лица 'он' и указательным местоимением *ul~ol* 'тот'[9]. Параллелизм в фонологическом строении обоих указательных местоимений наблюдается в ряде тюркских языков. Открытый двухкомпонентный слог *bu* и открытый однокомпонентный слог *o* представлены в ряде языков огузской группы — турецком, азербайджанском, гагаузском, крымскотатарском. Закрытый трехкомпонентный слог (каз. *bul*, башк. *byl*) и закрытый двухкомпонентный слог *ol* с сонантом *l* в ауслауте отмечены только в отдельных языках кыпчакской группы — в казахском, каракалпакском, башкирском. В других тюркских языках такого параллелизма в фонологическом строении указательных местоимений не наблюдается.

ПАРАДИГМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЛИЧНЫХ И ЛИЧНО-УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ИХ КОСВЕННЫХ ОСНОВ

Соотнесенность в фонологическом строении личных и лично-указательных местоимений, существовавшая в раннепратюркском, не могла не сказаться на известной общей специфике склонения некоторых из этих местоимений. Специфика состоит в гетероклитичности парадигмы изучаемых местоимений ед. числа: в осн. падеже представлена местоименная основа, по сравнению с которой склоняемая (косвенная) основа либо имеет ряд отличающих ее фонологических признаков, либо представляет собой осколок совсем другой лексемы. М. Рясянен говорил в этом случае о "нарушении таких всеобщих структурных правил древнетюркского языка, как, например, неизменность звуков (склоняемой основы. — *Г.Б.*) в той же самой парадигме" [Räsänen 1957, 9].

Степень гетероклитичности склоняемых основ неодинаково очевидна для изучаемых местоимений. С точки зрения современного языкового сознания для личных местоимений 1 и 2-го лица ед. числа косвенная основа, отличающаяся от прямой, в современных тюркских языках представлена преимущественно в дат. падеже (см. табл. 13), хотя исторически гетероклисия имела здесь место во всей парадигме. Склонению личных местоимений 1 и 2-го лица мн. числа гетероклитичность не свойственна, видимо, в силу сравнительно более позднего формирования и местоимений, и их парадигмы; это же относится к местоимению 3-го лица мн. числа и простым указательным местоимениям мн. числа. Здесь прямая основа и склоняемая основа одна и та же, т.е. *biz~pis, siz~siler, olar~a(n)lar~ular, bu(n)lar.*

Косвенные основы указательного местоимения 'этот'. В современных тюркских языках бросается в глаза гетероклитичность склонения

[9] Взгляды на *bul* как на сложное указательное местоимение, получившееся в результате сложения двух простых указательных местоимений "**bu* + *ol*" [Räsänen, 1957, 27], как представляется, в экспликативном отношении уступают интересной идее В. Котвича о параллелизме в фонологическом строении указательных местоимений по признакам либо начального согласного, либо гласного *u/o*, либо присоединяемого к концу основы *-l* [Котвич 1962, 140].

указательных местоимений *bu (bul)* 'этот', *u~o (ul~ol)* 'тот' (см. табл. 14). Независимо от того, представлена ли прямая основа каждого из этих местоимений слогом открытого или закрытого типа, косвенные основы их являются обычно закрытыми слогами — трехкомпонентными для местоимения 'этот' (*bun-~mun-~myn-*) и двухкомпонентными для лично-указательного местоимения 'он, тот' (*un-~yn-, on-~an-*). Обязательным основообразующим компонентом в этих косвенных основах является конечный *-n* — "показатель посессивности" [Кононов 1980, 164][10]. А.Н. Самойлович специально отметил, что компонент *-n* является общим для местоимения 1 и 2-го лица ед. числа и указательных местоимений: "все указательные местоимения имеют то общее отличие в склонении, что перед всеми падежными приставками у них появляется звук *н*, возникший по аналогии с местоимениями личными 1 и 2-го лица ед. числа" [Самойлович 1916, 44]. Наибольшей стабильностью обладают косвенные основы лично-указательных местоимений ед. числа в большинстве языков со склонением огузского и карлукского типов (исключения составляют: для первого — хорасанотюркский, для второго — лобнорский), а также в якутском языке. В каждом из этих языков формы всех косвенных падежей того или другого из указательных местоимений ед. числа производятся от единой для этого местоимения косвенной основы. См. в турецком, азербайджанском, гагаузском, крымскотатарском *bun-* для местоимения 'этот' и *on-* для 'тот', в туркменском *mun-* и *on-*, в узбекском *bun-* и *un-*, в уйгурском *mun-* и *un-*, в якутском *man-* и *on-*.

В остальных тюркских языках косвенные основы этих местоимений варьируются или более широко — от падежа к падежу, или же, наоборот, более ограниченно — преимущественно в отношении дат. падежа (при известной стабильности косвенной основы для остальных падежей). При этом в косвенной основе варьированию может подвергаться начальный смычный, а также слогообразующий гласный и само наличие или отсутствие основообразующего *-n-*. Например, хорас. дат. *mun-/môn-/min-~bôn-/bu-* — варианты косвенной основы местоимения 'этот'; для местоимения 'тот' показано два варианта *un-/u-* [Doerfer 1978, 165].

Наиболее широкое варьирование косвенных основ указательных местоимений отмечено в тофаларском и тувинском. В тофаларском имеем *mon-* в род. и вин. падежах, *man-/ma-* в дат., *myn-* в местн. и *mun-/myn-* в исх. падежах; соответственно *on-* в род. и вин., *an-/a-* в дат., *yn-* в местн., *un-/yn-* в исх. падежах. Здесь налицо четкая согласованность косвенных основ обоих указательных местоимений в отношении как огласовки, так и наличия/отсутствия основообразующего *-n-*.

---

[10] При атомарном подходе к материалу считается, например, что при склонении личного местоимения *ол* согласный *л* переходит в *н*, хотя фонетически этот переход никак не мотивируется. Интересно, что в отдельных памятниках среднеазиатского тюркй XIX в. местоимение 3-го лица ед. числа *ul* 'он' в род. падеже изредка сохраняет прямую основу: *ul-nyŋ ḫabaryny* 'известие о нем', *ul-nyŋ tasarrufyda* 'в его владении' [Матгозиев 1977, 95]. Это инновационное явление, по всей видимости, было вызвано индуцирующим воздействием именной парадигмы, в которой прямая и косвенная основы не различались.

Районы Саяно-Алтайского нагорья, где локализуется тофаларский язык, характеризуются, таким образом, целым пучком системно связанных изоглосс косвенных основ обоих указательных местоимений. Пучок системно связанных изоглосс проходит через территории расселения тувинцев — южных соседей тофов. В тувинском языке варьирование косвенных основ по падежам предстает в сильно разветвленном виде: для местн. п. *тур-* и *ур-*, дат. *тап-* и *ап-*, вин. *топ-* и *оп-*, род. *то:-* и *о:-* (из числа структурно согласованных внутри себя пар выпадают только косвенные основы исх. п.: *топ-* и *о:-*). В сарыг-югурском языке, где рамки варьирования косвенных основ указательных местоимений по падежам несколько уже, эти основы соотносятся между собой по наличию/отсутствию основообразующего *-п-*. Ср. род., вин. *тур-/рур-* и *гоп-/ап-/оп-*, дат. *ти-/ри-* и *го-/а:-/о:-*, местн., исх. *тур-* и *гоп-/ап-/оп-*.

В ряде языков варьирование косвенных основ у местоимения 'тот' менее разветвлено, чем у местоимения 'этот'. Тем не менее почти во всех тюркских языках косвенные основы этих местоимений связаны между собой попарно по наличию/отсутствию основообразующего *-п-*. Ср. в киргизском род., вин. *тин-*, местн., исх. *тур-* рядом с *ап-* для всех этих падежей; дат. *бу-/бо:-* и *а-/а:-*. В саларском род. *тин-/рин-*, вин. *тин-*, дат. *тин-/то:-* при *ап-* для всех этих падежей. В карачаево-балкарском род.-вин. *тин-*, дат., местн., исх. *тур-* и *ап-* для всех этих падежей. В татарском вин., дат., местн. *топ-*, исх. *тин-/тур-* и *ап-* для всех этих падежей. Тотальное распространение связанных изоглосс косвенных основ указательных местоимений 'этот', 'тот' по тюркским языковым территориям достоверно свидетельствует о том, что основообразующий *-п-* наличествовал в составе этих косвенных основ изначально.

Что касается более дробного варьирования косвенных основ по признаку той или иной огласовки в разных падежах, то здесь дело обстоит далеко не столь очевидно. С учетом историко-географических факторов в тофаларском и тувинском факт такого дробного варьирования мог быть вызван влиянием монгольских языков.

При решении вопроса о том, каким мог быть слогообразующий гласный косвенной основы местоимения 'этот' в ранне- и позднепратюркском, представляется важным учитывать распределение соответствующих изоглосс на тюркской языковой территории. Наибольшее распространение имеют изоглоссы косвенных основ с такими разными слогообразующими гласными, как узкий губной *-и-* и узкий негубной *-у-*. Косвенные основы с широким губным *-о-* отмечены в тувинском, тофаларском, боджнурдском (вариант к *и*-основе) языках. На некоторых территориях изоглоссы с узкими губным *-и-* и негубным *-у-* проходят параллельно; так, в татарском, карачаево-балкарском, хорасанотюркском, киргизском, тофаларском, отчасти в сарыг-югурском, а в боджнурдском — только для дат. падежа [Doerfer 1977$_2$, 83].

В целом же можно вычленить достаточно компактную зону преимущественного распространения изоглосс с узким негубным *-у-*. Это языки Южной Сибири, Алтай, отдельных районов Центральной Азии — тувинский, шорский, тофаларский, хакасский, алтайский, а также сарыг-югур-

ский. Исходящая из восточной зоны изоглосса *-у-* вклинивается на территории, расположенные на запад от этой зоны. С помощью этой изоглоссы вычленяются отдельные, типологически не идентичные островные ареалы, которые включают в себя территории распространения следующих языков: киргизского (косв. основа исх. п. *тун-*), башкирского (косв. основа всех падежей *бун-*, дат. *бу-*), татарского (косв. основа исх. п. *тин-/тын-*), карачаево-балкарского (косв. основа дат., местн., исх. *тун-*), хорасанотюркского (косв. основа дат. *тін-*).

Весьма обширна западная зона, характеризуемая изоглоссой косвенной основы местоимения 'этот' с узким губным *-и-*. Это весь запад тюркских языковых территорий — Малая Азия, Крым, районы Молдавии, Украины, Литвы, отчасти Поволжья, Предкавказье, Северный Кавказ и Закавказье, а также Северо-Восточный Иран, вся Средняя Азия и отдельные районы Центральной Азии. Косвенную основу местоимения 'этот' с узким губным *-и-* имеют все языки, для которых характерно склонение огузского, кыпчакского, карлукского типов. Под этот же ряд подстраивается косвенная основа чувашского местоимения 'этот' (неизвестного происхождения) *кин-*. Изоглосса узкого губного *-и-* вклинивается также в зону распространения изоглоссы узкого негубного *-у-*, образуя отдельные островные ареалы. Ср. косвенные основы исх. п. *тин-/тын-* в тофаларском, дат. *ти-/ты-* в сарыг-югурском и *ры-* в хакасском.

На основании анализа территориального распределения изоглосс косвенных основ с узкими гласными — губным *-и-* и негубным *-у-* — можно думать, что в ранне- и позднепратюркском были представлены такие косвенные основы местоимения 'этот', которые различались по огласовочному признаку огубление/отсутствие огубления в различных древних тюркских диалектах, т.е. были представлены диалектные косвенные основы со слогообразующими гласными *-и-* и *-у-*. Косвенные основы с широкими гласными — губным *-о-* и негубным *-а-* — могли появиться, скорее всего, в результате аналогизирующего воздействия косвенных основ местоимения 'тот', 'он' — *оңа ~ аңа* 'тому, ему' (вслед за В. Бангом именно так объяснял К. Броккельман велярную гласную в *таңа, саңа* по сравнению с *мән, сән* [Brockelmann 1954, 73]). Возможность такого развития подтверждается тем, что в чувашском языке косвенные основы указательного местоимения неизвестного происхождения *ку* 'этот' выравниваются по образцу косвенных основ местоимения *вăл* 'тот', чем, кстати, доказывается более позднее становление *ку* как местоимения. Ср. род. *кунăн* (с вариантом *кун*) — *унăн*, дат.-вин. *кăна* (с вариантом *куна*) — *ăна*, местн. *кунта* – *унта*, исх. *кунтан* – *унтан*.

При обсуждении вопроса о характере начального согласного косвенных основ местоимения 'этот' необходимо учитывать распределение соответствующих изоглосс. Изоглосса начального *б-* позволяет вычленить западную зону. Это Малая Азия (турецкий язык), Крым (крымскотатарский) и Молдавия (гагаузский), Закавказье (азербайджанский). К этой зоне тяготеют островные ареалы, расположенные как в иноязычном окружении (районы Украины и Литвы — караимский язык), так и в соседстве с другими тюркскими языками (Башкирская АССР — баш-

кирский язык). О древности и, по всей вероятности, исторически более широком распространении косвенных основ с начальным *b-* может свидетельствовать тот факт, что именно эти основы зафиксированы в тюркских руни́ческих памятниках на крайнем востоке тюркских языковых территорий — в бассейнах рек Орхон и Енисей.

Изоглосса начального *m* проходит через территорию крайнего востока, начиная от Якутии (як. *man*), Саяно-Алтайского нагорья и Южной Сибири (тофаларский, тувинский, хакасский, шорский, алтайский), охватывает Тянь-Шань (киргизский). К выделенной зоне *m-* тяготеют соответствующие ареалы в Предкавказье и на Северном Кавказе (ногайский, карачаево-балкарский), а также в Поволжье (татарский) и Восточном Иране (боджнурдский).

Вариантная изоглосса *b-/m-* очерчивает несколько переходных ареалов — в степях Казахстана и Каракалпакии (казахский, каракалпакский языки) и в Северо-Восточном Иране (боджнурдский, хорасанотюркский), а также в районах Северного Кавказа (кумыкский). Вариантная изоглосса *m-/p-* позволяет вычленить переходные ареалы в Центральной Азии (сарыг-югурский, саларский языки).

Как показал анализ распределения соответствующих изоглосс, для ранне-и позднепратюркского целесообразна раздельная реконструкция прямой и косвенной основ местоимения 'этот'. Прямая основа восстанавливается в виде вариантов **pu~bu*, косвенная основа — в виде цепочки вариантов **bun-~mun-~tyn-*, каждый из которых был диалектно окрашенным уже в глубокой древности. О косвенных основах указательных местоимений с основообразующим *-n* см. [Котвич 1978, 54; Räsänen 1957, 27; Суюнчев 1980, 58—59].

Сложным является вопрос о косвенной основе местоимения 'этот' для дат. падежа. Вокализм косвенной основы в этом падеже подвергался значительным изменениям. Во-первых, происходило зачастую факультативное расширение слогообразующего губного гласного *u>o* (см. тат. *mon-*, лобн. *mun-/mo:-*, кирг. *bu-/bo:-*, алт. *bo-*, сал. *mun-/mo:-*, шор. *po-*, хорас. *mun-/mõn-~boŋ-*, боджн. *mun-~mon-*). Во-вторых, расширение узкого губного гласного сопровождалось его разогублением: *u>a* (тоф. *man-/ma-*, тув. *man-*), а в других случаях разогубление не было связано с его расширением: *u>i~y* (ср. хорас. *miŋä*, боджн.~*minâ*, башк. *byya*, кбалк. *tyŋa*, юрт.-тат. *byya*).

В ряде тюркских языков налицо структурное совпадение косвенной основы местоимения 'этот' для дат. падежа с прямой основой. Косвенная основа представлена здесь открытым слогом типа С + Г, как и прямая основа. И хотя *m*-основы представлены в большинстве косвенных падежей, в косвенной основе дат. падежа сохраняются смычные *b-* или *p-*. Ср. косвенные основы дат. падежа хак. *pu-* (ср. в шорском для род. п. *po:-*, в боджнурдском для род. п. *bŏ-*, для вин. п. *bu-*), алт. *bo-*, кирг. *bu-/bo:-*, кум., ног., каз., ккалп. *bu-*.

Отмеченное совпадение косвенной основы дат. падежа с прямой основой местоимения 'этот' не было изначальным; оно возникло в результате более поздних процессов. Происходившее переразложение местоименных падежных форм *bun + y>bu-ny, bun + yŋ > bu-nyŋ* происходило в русле вторичного аналогического выравнивания местоименной

парадигмы по образцу именной. Оно влекло за собой подобное же выравнивание формы дат. падежа: как и в именной парадигме, к местоимению, оканчивающемуся на гласный, стал присоединяться алломорф с начальным согласным *-ya*. Ср. шор. *poya*, хак. *puya*; алт. *boyo/bo:*, сюг. *muya/puya*, ног. *buya*, кум. *buyar*. Такое выравнивание происходило здесь в соответствии с структурными правилами тюркского склонения, стабилизирующими неизменность прямой основы в любой из падежных форм.

Выравнивание местоименной парадигмы по образцу именной проявлялось в отсутствии основообразующего *-n-* в косвенной основе дат., а иногда и род. падежей[11], в сохранении начальных смычных *b-* или *p-*. Происходило такое выравнивание в больших языковых объединениях, характеризовавшихся, как правило, склонением кыпчакского и уйгурско-кыпчакского типов, возможно, до обособления соответствующих языков в отдельные подгруппы. Об этом могут свидетельствовать формы дат. падежа местоимения 'этот' в башкирском (*byya*), киргизском (*buya/bo:*), казахском и каракалпакском (*buyan*); см. также *muar* в "Китаб ат-тухфа..." (XV в.). Основообразующий *-n-* в этих словоформах отсутствует. Местоимение 'этот' здесь трехкомпонентно — *bul* (башк. *byl*), оканчивается не на гласный, а на согласный *l*, и с точки зрения фонетической мог бы ожидаться вокалический алломорф *-a* в условиях "перехода *l*>*n*". Вместо этого, однако, в формах *buya, buyan* представлен алломорф с согласным в анлауте[12], т.е. так же, как это имеет место в том языковом объединении, где был распространен двухкомпонентный вариант местоимения 'этот' *bu*~*pu*.

Разнонаправленность и дробность фонетических процессов, затрагивавших как вокализм, так и консонантизм косвенной основы местоимения 'этот' для дат. падежа, неравномерность утраты основообразующего *-n-* по языкам могут свидетельствовать о том, что всяческие дополнительные трансформации этой косвенной основы относятся к периоду после распада позднепратюркского языкового состояния. С учетом этого для дат. падежа, как и для других падежей, реконструируется косвенная основа местоимения 'этот' в виде диалектных вариантов **bun-*~*mun-*~*myn-*.

Косвенные основы лично-указательного местоимения. Реконструкция косвенных основ местоимения 'тот, он' производится также при учете распределения соответствующих изоглосс. Изоглосса косвенной основы с узким губным гласным в анлауте — *un-* — довольно компактно локализуется районами Средней и Центральной Азии (узбекский, уйгурский языки) и Северо-Восточного Ирана (хорасанотюркский).

---

[11] Такое выравнивание лишь в немногих южносибирских тюркских языках распространялось и на род. падеж; характерно, что не во всех этих языках налицо соотнесенность форм род. и дат. падежей обоих указательных местоимений. Ср. в шорском род. *po:ŋ* (при прямой основе *po*) и *a:ŋ* (при *ol*), дат. *poga* и *aga/a:*, в тувинском род. *mo:ŋ* (при *bo*) и *o:ŋ* (при *ol*), но дат. *maŋa:* и *aŋa:/a:*.

[12] По В. Бангу, ауслаутный *-n* в формах типа *buyan, sayan* мог выступать как усиливающий директивно-дативное значение [Bang 1917$_1$, 37]. По Н.З. Гаджиевой, конечный *-n* в подобных местоименных формах является аффиксом исторически существовавшего направит. падежа [1975, 274]; этого же мнения придерживается А.Н. Кононов [1980, 158].

Другие ареалы, вычленяемые этой изоглоссой, приходятся на Поволжье (чувашский язык) и Башкирскую АССР (башкирский). Типологически не подобен этим ареалам весьма своеобразный и ограниченный островной ареал в Саяно-Алтайском нагорье: в тофаларском, где дробность фонетического оформления косвенных основ местоимений 'этот' и 'тот' для разных падежей полностью согласована, *ин-* используется как вариант при *ун-* для образования формы лишь одного исх. падежа. Такое распределение изоглоссы свидетельствует, скорее всего, о спонтанном развитии косвенной основы *ин-* в результате обоюдного фонетического выравнивания ее и косвенной основы другого указательного местоимения — *бын-*.

Совсем иной характер распределения имеет изоглосса косвенной основы с широким губным гласным в анлауте — *он-*. Эта изоглосса проходит чуть ли не по всем тюркским языковым территориям, начиная от Якутии и Саяно-Алтайского нагорья на крайнем востоке: языки якутский, тувинский (для род., вин., исх. падежей), тофаларский (для род., вин. падежей). Далее изоглосса *он-* пролегает по территориям Средней Азии и Казахстана (туркменский, каракалпакский, казахский), Предкавказья (ногайский и отчасти кумыкский), Закавказья (азербайджанский), замыкаясь на крайнем западе Малой Азией (турецкий), в Крыму (крымскотатарский) и районах Молдавии (гагаузский). Описанное распределение изоглоссы *он-* не позволяет согласиться с утверждением о том, что в косвенных падежах наряду с обычной основой *ан-* "в некоторых языках и в отдельных памятниках встречается, как бы в виде исключения (разрядка наша. — *Г.Б.*), еще основа *он-*" [Котвич 1978, 25]. Напротив, описанное распределение этой изоглассы по тюркским языковым территориям, вероятнее всего, может свидетельствовать о некогда тотальном распространении косвенной основы *он-* в тюркских языках.

Изоглосса косвенной основы с широким негубным гласным в анлауте — *ан-* — имеет широкий, но значительно менее компактный разброс. На крайнем востоке это территории распространения чулымскотюркского и шорского языков; затем Тянь-Шань (киргизский) и районы Центральной Азии (саларский, лобнорский), а в еще большем отдалении — островные ареалы на Северном Кавказе (карачаево-балкарский), в Поволжье (татарский), Литве и на Украине (караимский). Такое распределение изоглоссы *ан-* позволяет предполагать почти тотальное ее распространение в историческом прошлом. Именно основа *ан-* признается тюркологами за более древнюю [Котвич 1978, 25].

Изоглосса косвенной основы с узким негубным гласным — *ун-* — совершенно четко локализуется только в языках Саяно-Алтайского нагорья — тувинском и тофаларском. В обоих этих языках основа *ун-*, по всей видимости, развилась не без аналогизирующего воздействия косвенной основы местоимения 'этот' — *тун-*. Ср. в тувинском и тофаларском для местн. падежа *тун-* и *ун-*, в тофаларском для исх. падежа *тин-/тун-* и *ин-/ун-*. Однако в хорасанотюркском представлен вариант *тін-* для дат. падежа, с которым косвенная основа *ін-/і-* не соотносится по признаку разогубления. Исходя из ограниченного распространения изоглоссы *ун-*, можно допустить, что косвенная ос-

нова *уп-* и исторически не имела сколько-нибудь широкого распространения среди тюркских языков.

Характерно, что переходные ареалы, в которых стыкуются различные варианты косвенных основ местоимения 'тот', не являются типологически подобными, так как на разных языковых территориях допускается вариантность в совершенно различных пропорциях. Буквально все варианты косвенной основы представлены по различным падежам в тофаларском и три из них — *оп-*, *ап-*, *уп-* — в тувинском. Варьирование *оп-/ап-* распространяется на вин., местн., исх. падежи в алтайском языке, а в кумыкском — только на род.-вин. падеж. В сарыг-югурском варьирование *ап-/оп-/gоп-* приходится на все падежи, кроме дат., а в чувашском варьирование *ăп-/ип-* характерно для дат.-вин. падежа.

Приведенный анализ распределения изоглосс косвенных основ местоимения 'тот, он', равно как и учет исторических данных позволяет реконструировать наряду с прямой основой **о~и* косвенную основу лично-указательного местоимения в виде двух диалектных вариантов **оп-~ап* в ранне- и позднепратюркском.

Косвенные основы для дат. падежа у местоимения 'тот, он', как и у местоимения 'этот', отличаются большим разнообразием по языкам и могут быть разбиты на следующие три группы. В первую группу отнесены закономерно представленные косвенные основы с основообразующим *-п* (тув. *аңа*, тоф. *аңа/ā*, бараб. *аңа*, сал. *аңа/аңу/ана*, лобн. *аңа*, тат. *аңа*, чув. *ана*; тур., аз., гаг. *она*, ктат. *оңа~она*). Наиболее широкий территориальный разброс имеет изоглосса косвенной основы *ан-*, она охватывает Сибирь (тув. *аңа*, тоф. *аңа/ā*, бараб. *аңа*), районы Центральной Азии (сал. *аңа/ану/ана*, лобн. *аңа*) и Поволжье (тат. *аңа*, чув. *ана*). Характерно, что в Сибири эта изоглосса частично совпадает с изоглоссой косвенной основы указательного местоимения 'этот' *ман-* (тувинский, тофаларский языки).

Изоглосса *он-* вычленяет более компактную зону на юго-западе тюркских языковых территорий (тур., гаг., аз. *она*, ктат. *оңа~она*) и островной ареал в Средней Азии (туркм. *оңа*); совпадений с изоглоссой косвенной основы местоимения 'этот' *тон-* не отмечается. Изоглосса *ин-* вычленяет взаимосвязанные ареалы в Средней и Центральной Азии (узб. *инга*, уйг. *иңга*), в Северо-Восточном Иране (*ңна*).

Во вторую группу зачислены наблюдаемые в различных тюркских языках случаи, когда в дат. падеже лично-указательного местоимения представлена неосложненная прямая основа *о* или *и*, ср. ктат. диал. *иуа* (при прямой основе *о~и*), хорас. *ңа* (при *ң*), кум. *оуаr* (при *о*). Соответствующие изоглоссы вычленяют три разрозненных ареала в юго-западном регионе и примыкающем к нему Северо-Восточном Иране; эти изоглоссы могут быть охарактеризованы как региональные.

Прямая основа *о~и* может быть представлена также в дат. падеже тех тюркских языков, где лично-указательное местоимение 'тот, он' двухкомпонентно и имеет в ауслауте сонорный *l*, ср. алт. *оуо/о:* (при *ol*), кирг. *ая/а:* (при *al/ol*), сюг. *гоуа/оуа* (при *гоł/оł*), каз., ккалп. *оуан* (при *ol*), ног. *оуа* (при *ol*), башк. *иуа* (при *ul*), юрт.-тат. *иуа* (при *ul/u*). Соответствующие изоглоссы имеют широкий разброс — Алтай и Тянь-Шань, Центральная и Средняя Азия, Предкавказье и Поволжье.

Ареальное истолкование результатов, полученных при обследовании второй группы косвенных основ, обнаруживает следующий парадокс в распределении изоглосс обоих типов. Изоглосса с фонетически оправданным отсутствием основообразующего элемента *-n* в дат. падеже местоимения *o~u* имеет явно региональный характер. Между тем изоглоссы с фонетически неоправданным отсутствием *-n* в дат. падеже местоимения *ol~ul~al* свободны от узкой региональности. Из этого парадокса можно заключить, что отсутствие *-n* в косвенной основе лично-указательного местоимения для дат. падежа было не исконным, а вторичным.

В третью группу могут быть отнесены различные переходные случаи между первыми двумя группами. Во-первых, это косвенная основа *a-* без основообразующего элемента *-n* при прямой основе *ol* (см. хак. *aya:*, чул. *aya/ärä*, сюг. *aya*). Во-вторых, это дат. *ä:* в тофаларском языке при прямой основе *ol*. Все эти переходные изоглоссы по своему распространению (Сибирь) являются региональными.

В результате анализа изоглосс каждой из трех выделенных групп можно сделать вывод о том, что выравнивание форм дат. падежа лично-указательного местоимения, как и указательного местоимения 'этот', по образцу дат. падежа именной парадигмы связано со вторичными процессами, осуществлявшимися после распада позднепратюркского языка. На этом основании реконструируется форма косвенной основы лично-указательного местоимения **on- ~ an-* для дат. падежа.

Косвенные основы личных местоимений 1 и 2-го лица. В современных тюркских языках из всех форм склонения личных местоимений 1 и 2-го лица ед. числа своеобразием отличаются чаще всего формы дат. падежа, реже — дат. и род. падежей (см. табл. 13). В дат. падеже обычно представлена косвенная основа с основообразующим *-n* и с широким гласным, причем даже и в тех случаях, когда прямая основа имеет узкий или полуузкий гласный. Изоглоссы косвенных основ местоимений 1 и 2-го лица ед. числа с широким гласным *a~ä* для дат. падежа пролегают через Малую Азию и районы Молдавии (тур., гаг. *bana, sana*), Крым (ктат. *maŋa, saŋa*, ккар. *maŋar*), районы Украины и Литвы (кар. *mana, sana*), Поволжья (чув. дат.-вин. *mana, sana*), Северного Кавказа (кбалк. *manga, sanga*) и Закавказья (аз. *mänä, sänä*), Средней и Центральной Азии (туркм. *maŋa, saŋa*, узб.-огузск. диал. *maŋan, saŋa*, уйг. *maŋa, saŋa*, кирг. *maŋa, saŋa*), Сибири (бараб. *maŋa, saŋa*).

Сама возможность совмещения этих двух однотипных изоглосс служит аргументом в пользу гипотезы о вторичности широкого велярного *a* в дат. падеже местоимений 1 и 2-го лица ед. числа: К. Броккельман был склонен объяснять вслед за В. Бангом велярные гласные в *maŋa, saŋa* при *män, sän* через влияние формы дат. падежа местоимения 3-го лица ед. числа *aŋa* [Brockelmann 1954, 73]. Применительно к этому объяснению следует, однако, иметь в виду, что изоглосса косвенных основ местоимений 1 и 2-го лица ед. числа с широким *a~ä* для дат. падежа и изоглосса косвенной основы лично-указательного местоимения *an-* для дат. падежа совмещаются

лишь в отдельных участках, сильно удаленных один от другого (ср. чув. *ана*, бараб. *аŋа*).

Узкий гласный представлен в дат. падеже местоимений 1 и 2-го лица ед. числа в татарском, башкирском, ногайском и некоторых хорасанотюркских и турецких говорах. Ср. тур. диал. *bije, sije* [Edip 1945, 35], хорас. *minä, sinä*, тат., ног. *miŋa, siŋa*, башк. *minä, hiŋä;* см. также формы с полуширокими гласным: алт. *mege/me:, sege/se:*, тоф. *meŋä, seŋä*, тув. *meŋä:, senä:*.

В дат. и род. падежах возможны случаи, когда склоняемые основы местоимений 1 и 2-го лица ед. числа выступают в виде двухкомпонентных открытых слогов, т.е. не имеют в своем составе основообразующего *-n*. В этих случаях слогообразующий гласный склоняемой основы может получать вторичную (заместительную) долготу. Ср. род. падеж: тув., шор. *me:ŋ* и *se:ŋ*, куманд. *seŋ/se:ŋ*, чул. *me:ŋ* и *sä:ŋ*, тоф. *mi:ŋ/min* и *siŋ;* дат. падеж: сюг. *maγa/ma:* и *saγa/sa:γa/sa:*, шор. *maγa/ma:* и *saga/sa:*, тоф. *ma:*, тув. *mä* и *sä:*, в "Китаб ат-тухфа..." *sa:*. В этих формах вторичная долгота гласного может рассматриваться как возникшая в результате выпадения согласного в присоединяющемся алломорфе дат. падежа или в результате стяжения гласного *a, ä, e* склоняемой местоименной основы, с одной стороны, и гласного алломорфов род и дат. падежа — с другой.

Примерно такого же объяснения требует долгота в сюг. *sa:γa* и хак. *maγa:, saγa:, puγa:, aγa:*. Наличие вторичной долготы *a:* в склоняемой основе местоимения 2-го лица ед. числа (сюг. *sa:γa*) перед алломорфом дат. падежа, имеющим согласный в анлауте, — *-γa*, с ясностью указывает на то, что эта долгота возникла не иначе, как "в результате выпадения любого звука в целях восстановления общей просодической меры слова" [Щербак 1970₁, 48]. Вторичная долгота *a:* в ауслауте падежного алломорфа *-γa*, который в хакасском присоединяется к косвенным основам местоимений 1—3-го лица ед. числа и простых указательных местоимений, не имеющим *-n* в ауслауте (*maγa:, saγa:, aγa:, puγa:*), видимо, также возникла в целях восстановления общей просодической меры слова при утрате *-n* в ауслауте склоняемой основы.

Дат. падеж местоимения 1-го лица ед. числа при отсутствии основообразующего *-n-* в хорасанотюркском не имеет заместительной долготы ни в корневой, ни в аффиксальной морфемах — *mäjä* 'мне' [Doerfer 1978, 164].

Приведенные формы сарыг-югурского и хакасского языков показывают, насколько был прав К. Броккельман, когда он скептически отнесся к стремлению В. Банга видеть в контрактирующих формах *ma:, sa:* следы первичных местоименных основ, не получивших еще распространения за счет окончания *n* [Brockelmann 1954, 73]. В этих формах налицо выпадение *n* (или *ŋ*, как считает К. Броккельман [Там же]) и последующее стяжение гласного местоименной основы и гласного алломорфа дат. падежа. Склоняемые основы местоимений 1 и 2-го лица ед. числа без *-n* в ауслауте распространены в языках со склонением уйгурско-кыпчакского типа,

локализованных в южносибирском и частично центральноазиатском регионах. Изоглоссы без-*n*-овых косвенных основ личных местоимений ед. числа и лично-указательных местоимений для дат. падежа (частично — и для род. падежа) совмещаются на территориях Южной Сибири и Тянь-Шаня (хакасский, шорский, тофаларский, киргизский языки). Именно эти территории могли быть центром регионального распространения инновационных (без *-n*) форм косвенных основ.

Значительнейшей части тюркских языков присущ основообразующий *-n* в косвенных основах (в том числе и для род. и дат. падежей) личных местоимений 1, 2-го лица ед. числа, а также указательных местоимений *bu, o~u* и местоимения 3-го лица ед. числа. Принимая во внимание такое почти тотальное распространение, можно считать, что как в раннем, так и в позднем тюркском праязыке косвенные основы личных местоимений во всех падежах, включая дат. и род., имели в своем составе основообразующий элемент *-n*.

Вопрос об анлаутных согласных косвенных основ местоимений 1,2-го лица требует отдельного рассмотрения. Для местоимения 1-го лица ед. числа этот вопрос связан с соответствием *b~m* в различных тюркских языках. Во всех падежных формах местоимения 1-го лица ед. числа для турецкого и гагаузского языков характерен начальный *b* (см. табл. 13). При этом только в турецком и гагаузском наличие *b* в анлауте прямых и косвенных основ может быть признано чертой, объединяющей местоимение 1-го лица ед. числа и указательное местоимение *bu~pu*. В таких языках огузской группы, как азербайджанский и крымскотатарский, косвенные основы этих двух местоимений по признаку начального согласного оказываются разобщенными: местоимение 1-го лица ед. числа во всех падежах имеет в анлауте *m-*, местоимение 'этот' — *b-*. В языках различных классификационных групп при косвенной основе местоимения 1-го лица ед. числа с *m-* в анлауте косвенная основа указательного местоимения 'этот' варьирует начальный *b-~m-* (хорасанотюркский, кумыкский, каракалпакский) или же *m-~p-* (сарыгюгурский, саларский). В среднеазиатском представителе огузской группы — туркменском, как и в целом ряде языков других групп — якутском, тофаларском, тувинском, хакасском, шорском, алтайском, киргизском, ногайском, карачаево-балкарском, татарском, — косвенные основы местоимения 1-го лица ед. числа и указательного 'этот' сопряжены по наличию *m-* в их анлауте.

Наблюдения над различным поведением анлаутного *b(~p)* прямых и косвенных основ местоимения 1-го лица и указательного местоимения 'этот' в других тюркских языках позволяют сделать следующее заключение. При известной синхронной и диахронической взаимосвязи местоимения 1-го лица и указательного местоимения 'этот' в отношении как семантическом, так и материальном, их анлауты в своем историческом развитии, видимо, подчинялись не вполне идентичным правилам по различным языкам (древним диалектам). Это обстоятельство не может не учитываться при реконструкции исходных

и косвенных основ описываемых местоимений в раннем и позднем тюркском праязыке.

При решении вопроса о реконструкции косвенных основ местоимений 1,2-го лица принимались во внимание три фактора.

Во-первых, показания чувашского и сонкорского, где проводится четкое различение прямых и косвенных основ местоимений 1,2-го лица ед. числа по признаку отсутствия/наличия местоименного *-n*. В чувашском прямая основа местоимения 1-го лица ед. числа представлена без местоименного окончания *-n*, но с протезой начального *ă* перед глухим смычным (обзор точек зрения на происхождение этой прямой основы см. [Левитская 1976, 31—32]) — *ăpĕ*, в то время как косвенная основа *man-* имеет *m-* в анлауте, *n-* в ауслауте и широкий слогообразующий гласный. Такое же различение исходной и косвенной основ в чувашском приводится и для местоимения 2-го лица ед. числа: *ăsĕ* – *san-*. В сонкорском, где отмечается "выпадение *-n* в некоторых суффиксах и местоимениях" [Doerfer 1977$_1$, 46], прямые основы местоимений, 1,2-го лица ед. числа не имеют *-n: mä* 'я', *sä* 'ты', между тем как в их косвенных основах *-n* представлен: *mänim* 'мой', *mänä* 'мне', *sänä* 'тебе' (см. также наличие *-n* в косвенных падежах указательного местоимения *bu* 'этот': род. *bunĭ*, вин.*buny*, дат. *bunа*) [Там же, 46—48].

Во-вторых, учитываются двусторонние взаимосвязи местоимения 1-го лица: а) с местоимением 2-го лица и б) с указательным местоимением *bu*~*pu*, которое в отношении морфологического строения признается аналогичным местоимению 1-го лица [Поцелуевский 1975, 138] и для которого раздельно реконструируются прямая и косвенная основы.

В-третьих, принимаются во внимание также типологические данные, извлекаемые из монгольских и тунгусских языков (М. Рясянен считал возможным даже говорить о "тюрко-тунгусских" праформах [Räsänen 1957, 9]). Дело в том, что почти во всех тунгусских языках исходные основы местоимений 1 и 2-го лица по фонологическому строению представляют собой двухкомпонентные открытые слоги, между тем как их склоняемые основы являют собой трехкомпонентыне закрытые слоги с обязательным *-n* в ауслауте, а для 1-го лица также с переходом начального *b-*>*m-*. Ср. эвенк., ульч., удэг. *bi* 'я' – *min-*, *si* 'ты' – *sin-*, *bu* 'мы' – *mun-*, *su* 'вы' – *sun-*; ульч. *bu:* 'я' — *mun-*, *su:* 'ты' — *sun-*; ороч. *bi:* – *min-*, *si:* – *sin-*, *bu:* – *mun-*, *su:* – *sun-*: эвен. *bi:* – *min-*, *hi:* – *hin-*, *bu:* – *mun-*, *hu:* – *hun-*, орок. *bi/bi:* – *min-*, *si/si:* – *sin-*, *bu* – *mun-*, *su* – *sun*, нанай. *mi:* – *min-*, *si:* – *sin-*, *bue* – *bun-*, *sue* – *sun*. В монгольском письменном языке при исходной основе *bi* 'я' существует несколько склоняемых основ (*nama-*, *nada-*, *na-*), среди которых важно отметить *min-*. Также при исходной основе *či* 'ты' имеется склоняемая основа *čin-* (наряду с *čima-*).

Изложенное позволяет осуществить раздельную реконструкцию прямых и косвенных основ на уровне раннепратюркского языкового состояния. Для местоимения 1-го лица принимается реконструкция прямой основы **pi*~*bi* и косвенной основы **bin-*~*min-*; для местоимения

2-го лица — **si* и **sin-* [см. Räsänen 1957, 9, ср. Рамстедт 1957, 69]; при этом *-n* косвенных основ может рассматриваться в качестве "показателя посессивности (*n*-pronominal)" [Кононов 1980, 164]. Такая раздельная реконструкция прямых и косвенных основ приведена в соответствие с раздельной реконструкцией для указательных местоимений 'этот' и 'тот'.

Допустимо предположить, что в период, отделявший раннепратюркский от позднепратюркского, происходило автономное (в отрыве от указательного местоимения) развитие личных местоимений 1,2-го лица. Этот период характеризовался возникающей надобностью различать ед. и мн. число личных местоимений. В таких условиях склоняемые основы местоимений 1,2-го лица **bin~min-* и **sin-*, еще нейтральные в отношении категории числа и, возможно, обладавшие большей частотностью, нежели прямые основы **bi* и **si*, могли быть обобщены в качестве прямых и склоняемых основ местоимений 1,2-го лица ед. числа[13]. Для 1-го лица связь с первичной исходной основой **bi* сохранялась благодаря существованию диалектных вариантов *bin~ḅen~ bän*[14].

Возможность такого аналогического выравнивания прямой местоименной основы **bi* по образцу косвенной основы типологически подтверждается фактами хорасанотюркского языка. Г. Дёрфер отмечает в отдельных хорасанотюркских говорах два различных случая, когда прямая основа указательного местоимения 'этот' в осн. падеже ("im Nominativ") по своему фонологическому составу различным образом уподобляется косвенной основе (см. уподобление по переходу *b>m* в анлауте: *mu*, а также уподобление по наличию *-n* в ауслауте: *bun* 'этот' [Doerfer 1978, 166]).

О распространении аналогизирующего воздействия косвенной основы (с *m-* в анлауте) на исходную основу местоимения 1-го лица мн. числа может свидетельствовать сюг. *mys(ter)*, имеющее начальный *m-* как в осн. падеже, так и во всех косвенных падежах (во всех остальных тюркских языках в анлауте местоимения 1-го лица мн. числа представлен *b-*, реже *p-*).

Принятая нами гипотеза о развитии современных прямых основ местоимений 1,2-го лица ед. числа из древних косвенных основ местоимений 1,2-го лица, не расчлененных в отношении числа, может объяснить гетероклитичную парадигму склонения личных местоимений 1 и 2-го лица ед. числа в якутском языке. Здесь, по всей видимости, произошла утрата древней общетюркской парадигмы склонения этих местоимений: от всей этой парадигмы сохранились только осколки, которые в соответствии с общетюркской тенденцией были приняты в качестве прямых основ этих местоимений — *min* 'я', *en* 'ты'. Косвенными основами выступают вторичные об-

---

[13] В экспликативных целях малоэффективна гипотеза о том, что "конечный *-n* основы утратился в именительном падеже, вероятно, на очень раннем историческом этапе, так что мы имеем в монг., тунг. форму *bi* 'я', в монг. *či* (древн. **ti*) 'ты', тунг., маньч. *si* 'ты', маньч. *i* 'он' "[Рамстедт 1957, 69, см. также 232].

[14] К. Броккельман рассматривал эту последнюю форму как результат диссимиляции *män* в некоторых древних диалектах [Brockelmann 1954, 72].

разования, произведенные от древних первичных основ без *-n-* в ауслауте: *miigi-(~mie-), ejigi-(~eje-)*[15].

Местоимения 1, 2-го лица мн. числа образовались путем присоединения к исходным основам **bi*, **si* окончания *z*. Для более эффективного противопоставления личных местоимений ед. и мн. числа было использовано чередование *i/ä*, которое "представляет собой на алтайской почве явление довольно обычное и наблюдается довольно часто" [Котвич 1962, 145]. Благодаря этому чередованию *ä* был закреплен за личными местоимениями 1, 2-го лица ед. числа, *i* — за местоимениями 1, 2-го лица мн. числа.

Как уже отмечалось выше, более позднее образование местоимений 1 и 2-го лица мн. числа **piz>biz* 'мы', **siz* 'вы' сказалось в том, что при их склонении изменений в основах не происходит и склонение осуществляется присоединением падежных формативов, которые характерны для именной парадигмы[16].

На основании проведенного анализа в позднепратюркском предлагается реконструировать в качестве прямых и косвенных основ местоимений 1 и 2-го лица ед. числа **pän~bän~män*[17], **sän* и в качестве косвенной основы для дат. падежа **pan-~ban->man-*, **san-*. В позднепратюркском восстанавливаются прямые основы местоимений 1 и 2-го лица мн. числа **piz~biz*, **siz*, которым не были свойственны изменения при склонении.

СКЛОНЕНИЕ ЛИЧНЫХ И ЛИЧНО-УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В РАННЕПРАТЮРКСКОМ

В целях реконструкции раннепратюркской местоименной парадигмы (точнее — склонения личных местоимений 1 и 2-го лица) используются те же фономорфологические правила, которые были сформулированы при реконструкции именного склонения (см. табл. 13 и 14).

Мы исходим из предположения, что при отсутствии числовой дифференциации в местоимениях 1 и 2-го лица в раннепратюрк-

---

[15]Доказательством вторичности, производности этих косвенных основ в якутском языке могут служить нерегулярные, как их считал В.В. Радлов, формы вин. п. *mugin, ejgin*. Как известно, вин. *-n* во всех тюркских языках закреплен за посессивно-именной парадигмой, к которой примыкает также склонение субстантивно-притяжательных образований на *-ikı~-nikı* [см. Батманов 1956, 75].

[16]Усложненные падежные формы этих местоимений различаются в некоторых древнетюркских диалектах [Gabain 1950₂, 92], а также в единичных, территориально между собой никак не связанных современных тюркских языках, по охвату локальных падежей. В древнетюркских диалектах усложнению подвергались дат., местн., исх. падежи личных местоимений. Современные, например, сарыг-югурский и чувашский варьируют простые и усложненные формы местн. и исх. падежей местоимений 1 и 2-го лица ед. и мн. числа. Усложненные формы локальных падежей этих местоимений по всем своим характеристикам должны быть признаны поздней инновацией.

[17]М.И. Исламов, детально рассматривая факты "параллельного употребления форм с начальным *б* и *м* (*мэн/мен, бэн/бен*)", убедительно аргументирует древность обеих форм [Исламов 1973, 6—7].

ском присоединение падежных формативов как I-класса (род., вин. падежи), так и А-класса (дат., напр. падежи) не вызвало еще различной реакции со стороны косвенных основ этих местоимений, как это имело уже в позднепратюркском (см. об этом ниже, с. 243).

Основной падеж, как и в современных живых тюркских языках, не имел показателя. По форме он совпадал с прямыми основами личных местоимений 1 и 2-го лица, еще не претерпевших числовой дифференциации: **pi~bi, *si*. Указательные местоимения **pu~bu* 'этот' и **u~o* 'тот, он'.

Родительный падеж. В этом падеже, как и в других косвенных падежах, использовались косвенные основы личных и указательных местоимений. Косвенные основы всех этих местоимений характеризовались наращением к прямой основе "показателя посессивности" *-n: *pin-~bin-, *sin-, *pun-~bun-, *on-~an-*.

Род. падеж личных местоимений в позднепратюркском выступал в функции определения при имени-определяемом, имевшем в своем составе аффикс принадлежности соответствующего лица. Есть основания думать, однако, что подобная двусторонняя связь в более древнюю эпоху могла выражаться иным способом. Дело в том, что в раннепратюркском род. падеж находился в процессе становления. Процесс этот первоначально развертывался, как можно предположить, в рамках местоимений парадигмы (точнее — склонения личных и указательных местоимений) и был связан с синтаксическим функционированием личных местоимений в качестве определения при имени-определяемом. Составить представление о способе выражения этой синтаксической функции в раннепратюркском и одновременно пролить свет на происхождение алломорфов род. падежа позволяют, во-первых, факты самих тюркских языков, а во-вторых, привлеченные к историко-типологическому сопоставлению соответствующие материалы финно-угорских и, отчасти, самодийских языков.

Как известно, В.В. Радлов называл аффикс род. п. *-In* аффиксом принадлежности, который первоначально присоединялся только к личным и указательным местоимениям [Radloff 1897, 61]. А.Н. Кононов прямо пишет о том, что в языке тюркских рунических памятников "афф. (род. падежа. - *Г.Б.*) *-ïŋ~ïy, -iŋ~-ig* совпадают с афф. принадлежности 2 л. ед. ч., что дает основание считать эти формы общими для выражения принадлежности" [Кононов, 1980, 161; см. также Кононов 1956, 75]. Типологически здесь допустимо сопоставление с данными кетского и селькупского языков: "Аффикс род. падежа совпадает с притяжательным местоимением 3-го лица ед. числа, когда оно употребляется в усеченном виде. Поэтому, как и для селькупского, здесь также вполне уместен вопрос о том, имеем ли мы дело с аффиксом генитива или с формой осн. падежа, на конце которой стоит притяжательный аффикс 3-го лица ед. числа" [Валл 1970, 18].

Совпадение аффиксов род. падежа с аффиксами принадлежности 2-го лица ед. числа в языке тюркских рунических памятников, как нам представляется, стоит в одном ряду с еще более явным совпадением аффикса принадлежности 1-го лица ед. числа с алло-

морфом род. падежа для местоимения 1-го лица ед. числа и отчасти местоимения 1-го лица мн. числа в некоторых современных тюркских языках[18]. Ср. тур., гаг. *ben-im*, аз. *mänim*, ккат., ног. *menim*, кар. *menim/menin*, тат. *minem*, каз. диал. (зап.) *menim*, тоф. *mim/mi:ŋ* 'мой' (букв. 'я+мой'); тур., гаг., аз., ктат., кар., ног. *biz-im* 'наш' (букв. 'мы+мой'). Характерно, что связанные изоглоссы род. падежа *benim~menim* и *bizim* приходятся на юго-запад тюркских языковых территорий и отдельные островки на крайнем западе — это Турция, Молдавия, Крым, Предкавказье и Закавказье, а также районы Литвы и Украины. Автономные изоглоссы *minem~menim~mim* обрисовывают островные ареалы на большом расстоянии друг от друга — Поволжье, Западный Казахстан, Южная Сибирь.

С точки зрения такой трактовки афф. *-im* в составе личных местоимений отмечаемые в языке тюркских рунических памятников формы *siz-im* 'ваш' (букв. 'вы+мой'), *siz-im-ä* 'вам', которые обычно переводятся как 'вы мои', 'вам моим', можно рассматривать как рудимент одного из прообразов род. падежа. Формой *sizimä* представлена усложненная модель дат. падежа, и недаром А.Н. Кононовым она ставится в одном ряду с *biziŋä* 'нам' [1980, 165].

В тофаларском местоимение 3 л. ед. ч. *oŋ* 'он' фактически представляет собой сочетание субстантивированного указательного местоимения ol 'тот'+аффикс принадлежности 2 л. ед.ч. *-ŋ*, т.е. 'тот твой'[19]; местоимение 3-го лица мн. числа также расчленяется на субстантивированное указательное местоимение с афф. мн.ч. *olar*+аффикс принадлежности 2 л. ед. ч. *-уŋ: olaryŋ* 'они' [Рассадин 1978, 256]. Такой способ образования местоимений 3-го лица ед. и мн. числа указывает на особенно важную роль аффикса принадлежности 2-го лица ед. числа в словоизменении и словообразовании личных местоимений (см. еще ст.-кыпч. *säŋ* [Фазылов, Зияева 1978, 42]). Ср. аналогичную роль аффиксов принадлежности 1-го лица ед.числа: др.-уйг. *sä:m* [Gabain 1954, 97], лобн. *sen~sem* 'ты' [Малов 1956, 161].

Приведенные факты совпадения аффиксов принадлежности 1 и 2-го лица ед. числа с алломорфами род. падежа местоимений позволяют высказать предположение, что в древнейшие периоды становления раннепратюркского морфолого-синтаксический способ выражения притяжательных отношений был аналогичен тому способу выражения притяжательности в некоторых финно-угорских языках, который сохранился здесь до настоящего времени. В эрзя-мордовском языке,

[18]Небезынтересно, что в филологическом трактате XIV в. подобные формы отмечены также в предикативной функции: *bu mänüm* 'это мое', *bu bizüm* 'это наше' [Таржумон 1980, 86], см. также *menimdür* [Ergin 1963, 211].

[19]Субстантивированные указательные местоимения в тофаларском могут принимать также аффиксы принадлежности 1-го лица мн. числа: *obus* 'он' (т.е. 'тот наш') [Рассадин 1978, 256]. В карачаево-балкарском языке местоимения 3-го лица ед. и мн. числа способны присоединять к себе аффиксы принадлежности любого лица и числа: *ol-um* 'мой он', *ol-uŋ* 'твой он', *ol-u* 'его он', *ol-ubuz* 'наш он', *ol-uyuz* 'ваш он', *alar-y* 'их он', так же как субстантивированные местоимения: *bylaryyyz, alaryyyz* 'ваши вот эти и вон те' [ГКБЯ 1976, 185, 187, 190]. Присоединение аффиксов к указательным местоимениям в киргизском отмечал К.К. Юдахин [КРСл 1965, 538, 565], в туркменском, ногайском и казахском — А.П. Поцелуевский [1975, 140—141].

например, в этих целях одни и те же лично-притяжательные аффиксы 2 и 3-го лица ед. числа и 1—3-го лица мн. числа наращиваются на оба компонента определительной конструкции — как на определяемое (имя существительное), так и на определение (личное местоимение в исходной форме). Ср. эрзя-морд. диал. *тон-ть веле-ть* 'ты+твой село-твое' (*тон* 'ты', при литер. *тонь кудот* 'твой дом-твой', где *тонь* 'твой' - род.п.), *сонзэ велезэ* 'его село' (*сон* 'он'), *сынст велест* 'их село' (*сынь* 'они') [Феоктистов 1963, 25, 26].

Можно думать, что в древнейшие периоды становления раннепратюркского морфолого-синтаксический способ выражения принадлежности также подразумевал присоединение одних и тех же аффиксов принадлежности как к имени-определяемому, так и к личному местоимению-определению. Поскольку вычленение мн. числа принадлежности на древнейших этапах было нерелевантным, в позднепратюркском, когда уже произошло размежевание личных местоимений 1 и 2-го лица ед. и мн. числа, по действовавшей "языковой инерции" аффиксы принадлежности ед. числа еще продолжали распространяться также и на личные местоимения мн. числа (именно этим могут быть объяснены формы *bizim, sizim* и *bizin, sizin*[20]).

Для личных местоимений 1-го лица реконструируются диалектные варианты формы род. падежа **pinim~binim~pinin~binin~pinin~binin*, для местоимения 2-го лица — **sinim~sinin~sinin*.

Тот факт, что род. падеж лично-указательного местоимения 'тот, он' зафиксирован только с алломорфом *-In~-Iŋ*, может быть истолкован как еще один аргумент, указывающий на более позднее становление этого местоимения: оно сложилось тогда, когда в качестве форматива, присоединяющегося к любому местоимению, окончательно утвердился *-In~-Iŋ*. То же самое следует сказать о субстантивированном (т.е. склоняемом) указательном местоимении 'этот'.

Основываясь на фактах, сохранившихся в тюркских языках, можно предполагать, что в период становления раннепратюркского было два равноправных индуцирующих центра — аффикс принадлежности 2-го лица (с современной точки зрения — ед. числа), который был способен присоединяться к любому личному местоимению, и аффикс принадлежности 1-го лица (ед. числа) (в позднепратюркском этот последний, помимо местоимения 1-го лица ед. числа, мог наращиваться также на местоимения 1 и 2-го лица мн. числа). В результате конкуренции этих двух словоизменительных форм личных местоимений победил аффикс принадлежности 2-го лица (ед. числа), в лексемном охвате которого не было ограничений. В позднепратюркском аффикс принадлежности 1-го лица ед. числа как средство словоизменения личных местоимений позднее был оттеснен к местоимениям 1-го лица ед. числа и отчасти 1-го лица мн. числа, а также 2-го лица мн. числа; в составе этих

[20]Тем самым *bizin*, как и *bizim*, по принятой гипотезе мы соотносим с позднепратюркским, а не с раннепратюркским состоянием, как это предлагает Н.З. Гаджиева [1975, 97].

местоименных словоформ он еще продолжал употребляться как диалектный алломорф род. падежа. В этом отношении показательно, что связанные изоглоссы *benim~mänim~menim* и *bizim* приходятся в настоящее время на крайний запад тюркских языковых территорий — Малую Азию и Крым, районы Молдавии, Украины и Литвы, Предкавказье и Закавказье. Исторически род.п. — *mänim/mänüm* и *bizim* [см. Telegdi 1937, 292]. Ярко выраженный маргинальный характер ареалов, образуемых этими связанными изоглоссами, может свидетельствовать о том, что аффикс принадлежности 1-го лица ед. числа *-Im*, способный выступать в качестве алломорфа род. падежа местоимений 1 и 2-го лица ед. и мн. числа, в этой своей функции был оттеснен на западные окраины победоносным распространением алломорфа род.п. *-In~-Iŋ*. Именно этому последнему позднее суждено было выйти за рамки местоименной парадигмы и проникнуть в посессивно-именную и именную парадигмы, после того как оба эти средства словоизменения личных местоимений — *-Im* и *-In~-Iŋ* — в соответствии с синтаксической функцией, выполняемой соответствующими формами местоимений, были переосмыслены и стали восприниматься в качестве род. падежа.

К моменту становления раннепратюркского языка род. падеж из сферы личных местоимений распространился на именную и посессивно-именную парадигму. В этот период алломорфы род. падежа и для основ на гласные, и для основ на согласные материально совпадают с аффиксом принадлежности 2-го лица. Позднее, в разных диалектах позднепратюркского алломорфами род. падежа стали *-In~-Iŋ*, а также получившиеся в результате морфологического переразложения *-nIn~nIŋ*: благодаря этому переразложению в местоимениях 1, 2-го лица ед. числа к составу алломорфов был отнесен основообразующий элемент *-n*, т.е. *-n+In~-n+Iŋ* [Богородицкий 1953, 155][21].

Винительный падеж. Алломорф вин. п. *-I* присоединялся к косвенным основам местоимений 1 и 2-го лица: **pin-i~bin-i, *sin-i*. Позднее в этих местоимениях к окончанию вин. падежа путем морфологического переразложения отошел основообразующий элемент *-n*; таким образом получилось новое окончание *-nI*, которое впоследствии проникло в посессивно-именную и именную парадигмы [Богородицкий 1953, 155]. Мнение о том, что афф. *-nI* абстрагировался из местоименной парадигмы и распространился затем на склонение имен, разделял также К. Броккельман [Brockelmann 1954, 154—155].

Дательный падеж. Алломорф дат. п. *-A* присоединялся к косвенным основам местоимений 1 и 2-го лица: **pinä~binä, *sinä*. В раннепратюркском еще не начинался тот процесс расширения и веляризации слогообразующего гласного местоименной основы, ко-

---

[21] Предложенная гипотеза снимает недоуменный вопрос К. Броккельмана, который писал про однотипное окончание: "по Грёнбеку..., напротив, получается, что окончание *-n* было перенесено на имена сперва с этих местоимений (1 и 2-го лица ед. числа. — *Г.Б.*), но не должно ли *i* ощущаться как окончание (вин. падежа. — *Г.Б.*) именно здесь, при местоимениях *man, san*?" [Brockelmann 1954, 7].

торый в позднепратюркском оказался связан с числовой дифференциацией — разграничением местоимений 1, 2-го лица ед. числа и 1, 2-го лица мн. числа.

Направительный падеж. Принимая положение, что "при склонении личных местоимений в тюркских языках используются те же падежные формативы, которые обычно используются при склонении имен существительных" [Серебренников, Гаджиева 1979, 139], следует предположить, что в напр. падеже использовался алломорф *-Ar1* (в его палатальном варианте). В таком случае приходится реконструировать для местоимений 1-го лица **pinäri~binäri*, 2-го лица **sinäri*. Последующая веляризация этих форм была связана с процессом числовой дифференциации местоимений 1—2-го лица, который в целом завершился к моменту становления позднепратюркского языкового состояния (см. об этом ниже, с. 241).

Направительно-продольный падеж на *-čA* в местоименной парадигме мог быть представлен формами **pinčä~binčä, *sinčä*, семантика которых ('по-моему; как я', 'по-твоему; как ты') сильно отошла от семантики этого падежа. Возможно, более позднее осознание *-čA* в качестве "послелога-аффикса" сказалось в том, что например, в чагатайском языке редкие формы типа *menčä, senčä*, где *-čä* присоединялся непосредственно к основе личных местоимений, варьировали с вторичными формами, образованными на базе род. падежа, *meniŋčä, seniŋčä* [Eckmann 1966, 112]. В староосманском отмечены формы со звонким алломорфом *-ǰA: bunǰa, šunǰa, anǰa* 'столько, так много' [Гузев 1979, 54]. К. Броккельман наряду с *munča* приводит для *o/ol* вариантные формы *anča/olča* 'столько, так много' [Brockelmann 1954, 77]. Такая вариантность показывает двойственную природу словоформ напр.-продольн. падежа. С одной стороны, по характеру фонетических и морфологических изменений, претерпеваемых косвенной основой местоимения, они встраиваются в парадигму склонения (*anča, munča~bunǰa*). С другой стороны, морфема *-čA* может проявлять себя как словообразующий аффикс, присоединение которого не влечет за собой каких бы то ни было изменений прямой основы местоимения (*olča*).

Исходно-местный падеж. Формативом этого падежа был *-tA*. Исх.-местн. падеж местоимения 1-го лица — **pintä~bintä*, местоимения 2-го лица — **sintä*. Реконструкция этих форм с *t*-анлаутом падежного форматива частично может быть подтверждена как данными тюркских рунических памятников, так и современным чувашским материалом. В языке тюркских рунических памятников засвидетельствованы формы местн.-исх. падежа указательных местоимений с *t*-анлаутом аффикса: *bunta* 'здесь', *anta* 'там' [Кононов 1980, 166]. В современном чувашском формативы местн. и исх. падежей сохраняют *t*-анлаут в местоимении 3-го лица ед. числа (*unra~unta, unran~untan*), а также в местоимениях 1 и 2-го лица мн. числа (*pirönte~pirte, sirönte~sirte, pirönten~pirten, sirënten~sirten*).

Творительный падеж образовался путем наращивания к косвенным основам местоимений 1 и 2-го лица форматива *-In: *pinin~ binin, *sinin*. В период сложения позднепратюркского формы этого падежа

производились, но с существенными ограничениями: для местоимений 1 и 3-го лица образовывался твор. падеж только в ед. числе. Свидетельством этому могут служить формы, зафиксированные в средневековых тюркских текстах (*anyn* [Tekin 1968, 140; Малов 1951, 190, 196, 197; Gabain 1950, 94; Насилов В.М. 1974, 35]; *anyn, munyn* [Brockelmann 1954, 77], а также в средневековых тюркских диалектах: МК *menin* [Тенишев 1963, 199]).

ПЕРЕСТРОЙКА СКЛОНЕНИЯ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ К МОМЕНТУ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЗДНЕПРАТЮРКСКОГО ЯЗЫКА

В период, отделявший раннепратюркский от позднепратюркского, склонение личных местоимений претерпевало перестройку двоякого рода. Во-первых, это была перестройка самих личных местоимений в связи с интенсивным поиском выражения их числовой дифференциации, со становлением лично-указательного местоимения *o*~*u*, имевшего косвенную "синкретичную основу **on*~*an*~*in*~*ïn* 'тот'" [Кононов 1980, 166], с включением в склонение окказионально субстантивировавшихся лично-указательных местоимений 'этот', 'тот'. Во-вторых, это были процессы, которые были связаны с перестройкой древнейшей системы склонения в целом и которые, естественно, не могли не отозваться и на склонении личных местоимений.

Остановимся несколько подробнее на каждой из сторон этой перестройки. В позднепратюркском получила свое оформление числовая дифференциация личных местоимений. Это обстоятельство делает необходимым реконструкцию склонения личных местоимений 1 и 2-го лица как ед., так и мн. числа, лично-указательных местоимений 'он, тот' и 'этот'.

Произошедшая числовая дифференциация активизировала изменения в складывавшихся местоимениях 1 и 2-го лица ед. числа. Дело в том, что местоимения 1 и 2-го лица мн. числа были образованы в результате последующей плюрализации: для этого к прямым основам соответствующих местоимений был наращен форматив *-z*, который принято рассматривать как числовой показатель. В ряд местоимений 1, 2-го лица ед. числа были включены старые косвенные основы некогда синкретичных местоимений, имеющих в своем составе показатель *-n*. Ср. предположение С.Е. Малова о том, что местоимение *biz* 'мы' происходит из местоимения *män* (*men, min*) 'я', в котором "конечный звук *-n* является каким-то поздним ингредиентом, как и в местоимении *sän* 'ты' (*sen, sin*)" [1951, 52]. В. Банг считал, что *bän-, sän-* распространены за счет *-n-*, который употреблен здесь в усиливающей, подчеркивающей функции ("in verstärkender, hervorhebender Funktion") [Bang 1917$_1$, 6, 37].

Возможность такого развития старых косвенных основ на *-n*, в результате которого они были обобщены как прямые основы ед. числа, подтверждается наблюдениями над лично-указательными местоимениями и их поведением при образовании мн. числа. В боджнурдском, например, лично-указательное 'этот' в осн. падеже ед. числа имеет форму *mi*, которую Г. Дёрфер рассматривает как резуль-

тат "ассимиляции косвенным падежам" [Doerfer 1978, 166]. В хорасанотюркском (нас.п. Карабаг) в осн. падеже того же местоимения представлен результат последующего аналогизирования прямой основы косвенным падежам: *bun* 'этот' [Там же]. В этой связи весьма показательно, что в XVIII в. уроженец Астрабада (Хорасан — Северо-Восточный Иран) Мехдихан, описывавший язык Навои, считал *mun*- самостоятельным местоимением [Умаров 1967, 15, примеч. 24]; надо думать, что при этом Мехдихан исходил из материалов современных ему хорасанотюркских диалектов.

Приведенные случаи можно рассматривать как случаи распространения косвенной основы лично-указательного местоимения на осн. падеж, т.е. фактически как приобретение косвенной основой статуса прямой основы.

Такое инновационное изменение статуса косвенной основы на *n*- особенно заметно при образовании мн. числа лично-указательных местоимений в ряде современных юго-западных тюркских языков[22], а также в некоторых средневековых региональных книжно-письменных языках. Как известно, мн. число лично-указательных местоимений было произведено гораздо позднее, нежели для личных местоимений 1, 2-го-лица, и для этого использовался обычный аффикс мн. числа *-lar*. В этих условиях косвенные основы лично-указательных местоимений не включались в противопоставление по признаку числа, и в большинстве тюркских языков косвенные основы в образовании мн. числа не участвовали. В современных юго-западных огузских языках аналогизирующее действие косвенных основ лично-указательных местоимений оказалось настолько сильным, что в результате гиперкоррекции стало возможным инновационное участие косвенных основ *an*-, *bun*-/*mun*- в образовании прямой основы мн. числа[23]. См. тур. *o* 'он, тот' — *onlar* 'они, те', *bu* 'этот' — *bunlar* 'эти', *šu* 'тот' — *šunlar* 'те' [Кононов 1956, 173], гаг. *o* – *onnar*, *bu* – *bunnar* [Покровская 1964, 134], аз. *o* – *onlar*, *bu* – *bunlar* [ГАЯ 1971, 80, 83], диал. тат., диал. башк. *anlar* [Наджип 1975, 120].

Превращение рассматриваемых косвенных основ в прямые имело довольно большую историческую глубину и встречалось в различных средневековых региональных тюркских письменных языках. Оно зафиксировано, например, в арабописьменных грамматических трактатах, посвященных тюркским языкам. См. *bu* 'этот' — *bular*~*mular*[24] 'эти', *ol* 'он, тот' — *al(l)ar*~*onlar* 'те' [Фазылов, Зияева 1978, 43], *munlar*, *anlar* [Файзуллаева 1969, 13; Юнусов 1973, 9; Таржумон 1980, 124, 126]. То же явление наблюдается в памятниках XII — начала XIII в. (*anlar* [ПДТ 1951, 358]), XIV в. (*anlar*, редко *alar*, *munlar* [Наджип 1975, 98]), в чагатайском (*anlar* [Умаров 1967, 24]), среднеазиатском тюрки (*anlar*, *munlar* [Кононов 1958, 131, 135, 136; Иванов 1969, 36; Матгозиев 1977, 93, 94, 96]), поволжском тюрки (*anlar*, *bunlar*~*monlar*~*mynlar* [Галяутдинов 1975, 69; Бурганова 1980, 69; Ахметзянов 1981, 17]), а также в староосманском [Гузев 1979, 51] и староазербайджанском (*anlar* [Садыгов 1972, 130, 131]).

Известной маргинальностью изоглосс *anlar*, *bunlar*//*munlar* (современные изоглоссы сосредоточены преимущественно на крайнем юго-западе территорий с тюркоязычным населением, исторические изоглоссы, помимо юго-западного, захватывают также юго-восточный и поволжский регионы) может быть подтверждена вторичность распространения соответствующих косвенных основ на прямые основы мн. числа этих лично-указательных местоимений.

---

[22] Превращение косвенной местоименной основы в прямую основу ед. числа не влечет за собой обязательного участия ее в образовании прямой основы мн. числа. Так, при наличии в хорасанотюркском прямых местоименных основ *mu* и *bun* мн. число лично-указательных местоимений образуется без участия *-n*, ср. *ɓlar*~*ɓla* [Doerfer 1978, 166]. Отсутствие системной структурированности в таких изменениях статуса косвенных местоименных основ может служить дополнительным подтверждением их инновационного характера.

[23] В.Банг выводит *alar* из *anlar* ("*anlar*>**allar*>**alar*") [Bang 1917$_1$, 7].

[24] Ср. бодж. *mu* 'этот'. Результат подобного неполного аналогизирования косвенной основе в прямой основе мн. числа наблюдается также в северокавказском тюрки XVII в.: *mular* 'эти' [Кушева, Усманов 1978, 100].

Само по себе инновационное использование старых косвенных личноместоименных основ, еще совсем недавно синкретичных в числовом отношении, делало необходимым особенно четко формально выразить их отмежевание от только что сложившихся личных местоимений мн. числа. В этих целях активизируется переход анлаутного смычного согласного *p~b>m* в местоимении 1-го лица ед. числа. Подтверждает такую целенаправленность совершавшегося перехода то, что *m-* в местоимении 1-го лица ед. числа представлен в большинстве тюркских языков (см. табл. 13), между тем *m-* в местоимении 1-го лица мн. числа уникален — он зафиксирован только в сарыг-югурском языке.

Другим средством, за счет которого достигалась непохожесть новых местоимений 1 и 2-го лица ед. числа на старые косвенные основы синкретичных местоимений, было расширение слогообразующего гласного основы: узкий *i* переходил в широкий *ä* или полуширокий *ẹ*[25]. Ср. у Г. Рамстедта: "тюркский язык путем силового ударения либо путем дейктического усиления произвел от *min, sin* форму *män, sän*" [1957, 69]. Благодаря этим фонетическим изменениям в позднем тюркском праязыке местоимение 1-го лица ед. числа могло иметь диалектные варианты **bän~bẹn~män~mẹn*, местоимение 2-го лица ед. числа — варианты **sän~sẹn*.

Именно в период преобразования вокализма местоимений 1 и 2-го лица ед. числа могла возникнуть неодинаковая реакция этих местоимений на присоединение падежных формативов *I*-класса и *A*-класса. Так, при склонении местоимений 1 и 2-го лица ед. числа присоединение падежных формативов *I*-класса (т.е. род. и вин. падежей) сопровождается в ряде современных тюркских языков изменениями в огласовке основ, а именно сужением гласных. Вместо широкого *ä* появляется полуширокий *ẹ*, вместо полуширокого *ẹ* — узкий *ı*. Такие преобразования гласного основы принято объяснять за счет регрессивной ассимиляции, действие которой направлено от морфемы *I*-класса на местоименные основы. Возможно, однако, предположить, что регрессивная ассимиляция здесь проявилась при благоприятном действии остаточной связи со старыми местоименными основами, имевшими узкую огласовку. Это предположение может быть подтверждено своеобразным распределением соответствующих изоглосс. Ими вычленяются островные ареалы на крайнем востоке тюркских языковых территорий, а именно в Сибири и Центральной Азии. Ср. род. п. тоф. *mi:ŋ/mim, si:ŋ* при *men, sen;* уйг. *meniŋ, seniŋ* и чул. *me:ŋ* при *män, sän;* в сарыг-югурском такое сужение факультативно для род. падежа: *meniŋ/miniŋ/seniŋ/siniŋ* при *men, sen* и не происходит в вин. падеже. Сужение гласного в составе местоименной основы при присоединении морфемы вин. падежа имеет еще бóльшие ограничения в своем распространении по языкам. См. уйг., чул. *meni, seni*.

[25] А.Н. Кононов определяет гласный *ẹ* как "более узкий, или закрытый, вариант широкой гласной фонемы *a*", используемый только в первом слоге слова [1980, 60]. Изменение качества звука прямой основы возможно также при образовании мн. числа лично-указательных местоимений. Имеется в виду разогубление узкого губного в местоимении *bu* балкарского языка и его диалектов: *bu – byla(r)* 'эти' [МИБД 1962, 168], а также факультативное разогубление широкого губного в местоимении *o(l)* большинства тюркских языков, ср. *o(l) – olar~alar* 'они'.

Более широко распространены по современным тюркским языкам, а также зафиксированы в средневековых тюркских текстах преобразования вокализма косвенных основ местоимений 1 и 2-го лица ед. числа при наращении тех падежных морфем *A*-класса, которые первоначально, видимо, присоединялись без "консонантического прикрытия"[26]. Имеются в виду дат. п. *-A*, напр. п. *-ArI*, вокализм которого мог непосредственно воздействовать на узкий (или полуширокий) гласный местоименной основы (регрессивная ассимиляция). При этом в падежных словоформах местоимений 1 и 2-го лица ед. числа могло происходить не только расширение узкого *i* или полуширокого *e*, но также и веляризация палатальных гласных. Один из наиболее ярких примеров — хак. *min, sin*, дат. п. *maya:, saya:*. Эти явления, которые, как писал М. Рясянен, "нарушают такие всеобщие правила структуры древнетюркского языка, как, например, неизменность звуков в той же самой парадигме" [Räsänen 1957, 9], суммированы выше, см. также табл. 13. Характерно, что веляризация *i* в местоимениях 1 и 2-го лица мн. числа представлена только по отдельным тюркским языкам и диалектам. Ср. *mys(ter)* во всей парадигме склонения сарыг-югурского языка; в степном диалекте крымскотатарского языка веляризация представлена в род. падеже местоимений 1 и 2-го лица мн. числа (*byzdiŋ, syzyŋ~syzdyŋ*), а также в дат. падеже местоимения 1-го лица мн. числа (*byzge~bza*).

На перестройке склонения местоимений в позднепратюркском сказалась общая перестройка системы склонения по сравнению с тем, как она была представлена в раннепратюркском.

Изменение парадигмной дистрибуции род. падежа и его становление как падежа, присущего не только местоимениям, но также и именам, в том числе и имеющим при себе аффиксы принадлежности, было связано с закреплением в качестве его алломорфов *-In~-Iŋ*, а также *-nIn~nIŋ* (последняя пара алломорфов получилась в результате морфологического переразложения местоименных словоформ старого род. падежа и включения основообразующего элемента *-n* в состав падежного алломорфа). Соответственно афф. *-Im*, в раннепратюркском также выполнявший функцию алломорфа род. падежа местоимений 1-го лица и отчасти 2-го лица, был оттеснен в число сугубо диалектных форм.

Напр. падеж на *-ArI, -qary* к моменту становления позднепратюркского, выпав из именной и посессивно-именной парадигм, постепенно превращался в словообразовательный аффикс, производящий в основном наречия места, а также вторичные имена со значением места. Это не могло не сказаться на статусе местоименных словоформ напр. падежа: они также были оттеснены из заново складывавшейся системы склонения в число сугубо диалектных форм. Для того чтобы не смешивать эти формы с наречиеобразными производными, за местоимениями был закреплен специальный усеченный алломорф

[26] Отсутствие "консонантического прикрытия" оказывается принципиально важным, поскольку вокалических преобразований в местоименных основах 1 и 2-го лица ед. числа не происходит при наращивании, например исх.-мест. п. *-tA* (с согласным в анлауте).

-qar/-kär. Начальный согласный этого алломорфа имел тенденцию к озвончению (*-q-*>*-γ-*, *-k-*>*-g-*) и к слиянию с конечным *-n* местоимений 1 и 2-го лица ед. числа и с основообразующим элементом *-n* лично-указательного и указательных местоимений (*-n-g-/-n-γ-*>*-ŋ-*).

Как в именной и посессивно-именной парадигмах, здесь также были утрачены такие падежи, как напр.-продольн. и твор., а становление самостоятельного исх. падежа сопровождалось нарастающей дифференциацией местн. и исх. падежей в плане как формальном, так и семантическом.

СКЛОНЕНИЕ ЛИЧНЫХ И ЛИЧНО-УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ПОЗДНЕПРАТЮРКСКОМ

Родительный падеж:

местоимения 1-го лица ед. числа: **mänin~mäniŋ~mẹnin~mẹniŋ*; в диалектах представлен рудимент другого прообраза род. падежа — *bänim~bẹnim~manım~mẹnim;* с точки зрения хронологизации приведенных диалектных форм весьма характерно, что в современных тюркских языках род. падеж на *-Im* местоимения 1-го лица ед. числа представлен в тех языках, где в анлауте этого местоимения налицо звонкий смычный *b-* (см. тур., гаг. *benim*), хотя именно в этой форме естественно ожидать активизации регрессивной ассимиляции (ср. аз. *mänim*, ктат. *benim/menim*);

местоимения 2-го лица ед. числа: **sänin~säniŋ~sẹnin~sẹniŋ;*

лично-указательного местоимения: **onun~oniŋ~anvn~anvŋ;*

местоимения 1-го лица мн. числа: **bizin~biziŋ*[27], диал. *bizim;*

местоимения 2-го лица мн. числа: **sizin~siziŋ;* диал. *sizim;*

указательного местоимения 'этот': **bunun~buniŋ~munun~muniŋ.*

Винительный падеж:

местоимения 1-го лица ед. числа: **bäni~bẹni~mäni~mẹni;*

местоимения 2-го лица ед. числа: **säni~sẹni;*

лично-указательного местоимения: **ony~any;*

местоимения 1-го лица мн. числа: **bizi;*

местоимения 2-го лица мн. числа: **sizi;*

указательного местоимения 'этот': **buny~muny.*

В дательном падеже местоимений 1 и 2-го лица ед. числа, а также лично-указательного местоимения ед. числа 'он, тот' налицо "генетический аблаут" соответствующих косвенных основ [см. Кононов 1980, 165, примеч. 54]. Морфологические чередования *ä*>*a* или *ẹ*>*a* в косвенных основах дат. падежа местоимений 1 и 2-го лица ед. числа, *o*>*a* или *u*>*a* в косвенной основе лично-указательного местоимения ед. числа функционируют в качестве внутренней флексии, выступая в сочетании с соответствующими падежными алломорфами *-A~-γA*. Такое сочетание морфонологического и чисто

[27] М Рясянен считал, что окончание род падежа для местоимения 1-го лица мн числа очень рано было распространено за счет *n*, как в склонении субстантивов [Räsänen 1957, 13]: *bizmn~biznıŋ*. По аналогии для местоимения 2-го лица мн числа. *sizmn~siznıŋ*

морфологического средств выражения дат. падежа породило среди тюркологов стремление объяснять эту нерегулярность за счет ассимиляции [Brockelmann 1954, 73; Doerfer 1977, 214; критику см.: Кононов 1980, 165, примеч 54] или "частных случаев "отвердения" мягкорядных гласных" [Щербак 1970₂, 39].

Дательный падеж:

местоимения 1-го лица ед. числа: **bana~mana;*

местоимения 2-го лица ед. числа: **sana;*

лично-указательного местоимения 'он, тот': **ona~ana;* позднее за счет слияния *-n-* основы этих личных и лично-указательного местоимений с начальным согласным падежного алломорфа *-ya<-qa* и благодаря ассимилирующему воздействию *n* сложились формы *maŋa* 'мне', *saŋa* 'тебе', *aŋa* 'ему; тому', *muŋa* 'этому'; тот же процесс происходил и в остаточных местоименных форма напр. падежа (*aŋar, muŋar* [Brockelmann 1954, 38]), которые сохранялись в отдельных диалектах позднего тюркского праязыка;

местоимения 1-го лица мн. числа: **bizä;*

местоимения 2-го лица мн. числа: **sizä;*

указательного местоимения 'этот': **buna~muna (buŋa~muŋa).*

Местный и исходный падежи для основ, оканчивающихся как на сонорные, так и на звонкие согласные, имели алломорфы с глухим согласным в анлауте; рефлексы этого можно найти в барабинском диалекте сибирских татар: местн. п. *mynta/mŏnta/munta* 'здесь', *qajta* 'где' [Тумашева 1968, 105], а также *pistä* 'у нас', *sistä* 'у вас', исх. *pistan* 'от нас', *sistän* 'от вас' [ЯН СССР 1966, 163].

Местный падеж:

местоимения 1-го лица ед. числа **bäntä~mäntä;*

местоимения 2-го лица ед. числа **säntä;*

лично-указательного местоимения **onta~anta;*

местоимения 1-го лица мн. числа **biztä;*

местоимения 2-го лица мн. числа **siztä;*

указательного местоимения 'этот' **bunta~munta.*

Исходный падеж:

местоимения 1-го лица ед. числа **bäntän~mäntän;*

местоимения 2-го лица ед. числа **säntän;*

лично-указательного местоимения **ontan~antan;*

местоимения 1-го лица мн. числа **biztän;*

местоимения 2-го лица мн. числа **siztän;*

указательного местоимения 'этот' **buntan~muntan.*

РАЗВИТИЕ МЕСТОИМЕННОГО СКЛОНЕНИЯ В ПЕРИОД ПОСЛЕ РАСПАДА ПОЗДНЕПРАТЮРКСКОГО ЯЗЫКА

В результате морфологического переразложения местоименных словоформ род. и вин. падежей (*män-iŋ>*mä(n)-niŋ, sän-iŋ>*sä(n)-niŋ, on-uŋ~an-uŋ>o-nuŋ~a-nuŋ, mun-uŋ>mu-nuŋ; män-i>*mä(n)-ni, sän-i>*sä(n)-ni, on-ı~an-ı>o-nı~a-nı*) *-n* основы стал восприниматься как начальный согласный компонент соответствующих падежных алломорфов.

Алломорфы род. *-nIŋ*, вин. *-nI* в ряде тюркских языков стали присоединяться также к личным местоимениям мн. числа, а из местоименной парадигмы распространились на именную и посессивно-именную парадигмы, в чем проявилось индуцирующее воздействие местоименной парадигмы на эти две последние и в конечном итоге — известное стремление тюркского склонения к униформизму.

По аналогии с тем, что личные местоимения (в том числе и 1—3-го лица ед. числа) стали получать алломорфы род. и вин. падежей с консонантическим анлаутом, в ряде тюркских языков произошло выравнивание местоименной парадигмы по признаку начального согласного падежных алломорфов. В результате дат. падеж личных местоимений как ед., так и мн. числа в ряде языков также стал передаваться с помощью алломорфов *-kä/-qa*. Глухое начало алломорфов дат. падежа подтверждается рефлексами, зафиксированными как в средневековых тюркских текстах, так и в некоторых живых тюркских языках. Так, Э.Р. Тенишев вслед за С.Е. Маловым и А. Иноном отмечает, что, например, "для языка XI в. Махмуда Кашгарского дат. падеж нормативно начинается с глухого согласного, т.е. *-ka/-kä*", *см. bizkä, sizkä [Тенишев 1963, 200]. См. также в языке барабинских татар piskä, siskä* [ЯН СССР 1966, 163].

Впоследствии в полном соответствии с общими фонологическими правилами сочетания тюркских согласных внутри местоименной парадигмы происходило озвончение алломорфов дат. п. *-kä/-qa*, местн. п. *-tA*, исх. п. *-tAn*, присоединявшихся к прямым или косвенным местоименным основам на *-n* и *-z*. Подобный процесс развертывался также в именной и посессивно-именной парадигмах.

В достаточно поздний, исторически обозримый период в отдельных тюркских языках произошла сингармонизация (по признаку губного притяжения) словоформ род. и вин. падежей лично-указательного 'он; тот' и указательного местоимений 'этот'. См. вин. п. *onу>onu, buny>bunu*, род. п. *onyn~onyŋ>onun~onuŋ, bunyn~bunyŋ>bunun~bunuŋ*.

После распада позднего тюркского праязыка в отдельных тюркских языках преимущественно Центральной Азии и Поволжья с неодинаковой силой и в разном материальном воплощении (по каждому из этих регионов) проявилась тенденция к усложнению местоименного склонения. Это усложнение касалось, главным образом, локальных падежей и могло осуществляться по двум моделям. В соответствии с первой моделью усложнения локальные падежи (в неодинаковом наборе по разным тюркским языкам) производятся на основе местоименных словоформ род. падежа (по разным языкам имеются ограничения и в отношении тех или иных местоимений, способных подвергаться усложнению). С помощью первой модели усложнения достигалось грамматическое вычленение местоимений со значением личности и их противопоставление местоимениям со значением неличности. Вторая модель усложнения подразумевает, что локальные падежи отдельных местоимений (их наборы для первой и второй моделей усложнения разнятся по языкам) образуются на основе напр. падежа на *-yar*. Относительно грамматического предназначения второй

Таблица 13

Склонение личных местоимений 1–2-го лица ед. числа в современных тюркских языках и местоимений 1–2-го лица в раннепратюркском и позднепратюркском

Падежи	Языки (по типу склонения) /левая сторона/				
	Раннепратюрк.	Поздне-пратюрк.	рун.	др.-уйг.-кыпч.	уйг.-кыпч.
Осн. (прямая основа)	**pi ~ bi*; **si* (косв. основа: **pin- ~ bin-*; **sin-*)	**pän ~ bän ~ ~bẹn ~ män ~ men*; **sän ~ sẹn*	*ben ~ mẹn*; *sẹn ~ sin*	*män ~ mïn*; *sän*	сюг., шор., тув., тоф. *men, sen*; чул. *män, sän*; хак. *min, sin*
Род.	**pinim ~ binim ~ pinin ~ binin ~ piniŋ ~ biniŋ*; **sinim ~ sinin ~ siniŋ*	*ban-im ~ bän-in ~ ban-iŋ ~ man-im ~ man-in ~ män-iŋ*; **sän-in ~ sän-iŋ*	–	*meniŋ*;*seniŋ*	сюг. *menyŋ/ meniŋ/miniŋ*; *senyŋ/seniŋ/ sinin*; тоф. *mi:ŋ ~ mim, siŋ*; хак. *miniŋ, siniŋ*; тув., шор. *me:ŋ, se:ŋ*; чул. *me:ŋ, sä:ŋ*
Вин.	**pini ~ bini*; **sini*	**bän-i ~ bẹn-i~ män-i ~ mẹn-i*; **sän-i ~ sẹn-i*	*bẹni/bini ~ mẹni*;*sẹni/ sini*	*mẹni*; *sẹni*	шор., тув., тоф., чул. *meni, seni*; сюг. *meny, seny*; хак. *mini, sini*
Дат.	**pinä ~ binä*; **sinä*	**bana ~ mana ~ maŋa*; **sana ~ saŋa*	*baŋa ~ maŋa*; *saŋa ~ säŋä*	*mäŋä, säŋä*	сюг. *maγa/maŋa/ ma:, saγa (sa:γa)/ sana/sa:*, тоф. *menä ~ mä:, seŋä*; тув. *menä: ~ mä:, seŋä: ~ sä:*; хак. *maγa:, saγa:*; шор. *maga (~ma:), saga (~sa:)*; чул. *ma:, sa:*
Напр.	**pinäri ~ binäri*; **sinäri* напр.-продольн.: **piňčä ~ biňčä* ; **siňčä*	диал.**baŋaru ~ maŋar*; **saŋa-ru ~ saŋar*	*baŋaru*	КБ *maŋar, saŋar*	–
Местн.	мест.-исх.: **pintä ~ bintä*; **sintä*	**bän-tä ~ män-tä*; **sän-tä*	–	*mentä ~mendä*; *sentä ~ sendä*; КБ: *mendä ~ meniŋdä, sendä ~ seniŋdä*	сюг., шор., тув. *mende, sende*; тоф. *mendä, sendä*; чул. *mände, sände*; хак. *minde, sinde*

Таблица 13 (продолжение)

Падежи	Языки (по типу склонения) /левая сторона/				
	Раннепратюрк.	Позднепратюрк.	рун.	др.-уйг.-кыпч.	уйг.-кыпч.
Исх.	—	*bän-tän ~ män-tän; *san-tän	–	mäntin ~ mändin, säntin ~ sändin (МК: sändin ~ sändän); КБ: mendin ~ meninḍin, sendin ~ seninḍin	тув., тоф. menden, senden; чул. mändin, sändin; хак. minnen, sinnen; шор. menen, senen; сюг. menden ~ menyn̡den, senden ~ senyn̡den
Твор.	*pinin ~ binin; *sinin	—	—	—	—

Таблица 13 (продолжение)

Падежи	Языки (по типу склонения) /правая сторона/				
	огуз.	чув.	як.	кыпч.	карлук.
Осн.	тур. ben (диал. äpe pen), sen; гаг. bän, sän; аз., хорас. män, sän; ктат., туркм. men, sen	äpe äse	min en	каз., ккалп., кбалк., ног., кум., кар., кирг., алт., сал. men, sen; тат., башк. min, тат. sin, башк. hin	узб. men, sen; уйг. män, sän; лобн. men, sen
Род.	тур., гаг. benim, аз. mänim, ктат. menim ~ benim; тур., гаг. senin; аз. sänin, ктат. seniṇ ~senin ~ seni	manăn ~ man sanăn ~ san	–	каз., ккалп., ног., алт. meniṇ, seniṇ; башк. mineṇ, hineṇ; бараб. miniṇ, siniṇ; кирг. menin, senin; кар. menin ~ menim, senin; ног. menim, seniṇ; тат. minem, sineṇ; тат. ЗС miniṇki ~ miniki, sininki ~ siniki; сал. menigi ~ meni ~ me;senigi ~ seni ~ si:; кбалк., кум. meni, seni	узб., уйг., meniṇ, seniṇ; лобн. meni (menim/ meniṇ).
Вин.	тур., гаг. beni, seni; аз. mäni, säni; ктат., туркм. meni, seni; хорас. mäni (~ mani ~ mini), säni	дат.-вин.: mana, sana	miigin ejigin	каз., ккалп., кбалк., ног., кум., кар., кирг., алт., сал. meni, seni; бараб. mini, sini; тат., башк. mine, sine(hine)	узб., уйг. meni, seni; лобн. meni

Таблица 13 (окончание)

Падежи	Языки (по типу склонения) /правая сторона/				
	огуз.	чув.	як.	кыпч.	карлук.
Дат.	тур., гаг. *bana, sana*; аз. *mänä, sanä*, диал. *mäjä, mä:, mägä, mana*; ктат., туркм. *maŋa, saŋa*; хорас. *mänä (~ maŋa ~ minä ~ majä ~ mäŋgä), sänä ~ sinä*	–	*miehe ~ miehe-ge, ejiehe ~ ejihe-ge*	кбалк. *maŋga, saŋga*; бараб. *maŋa, saŋa*; ног., тат. *minä, siŋä*; башк. *miŋä, hiŋä*; кирг. *ma-ga ~ maŋa, sa-ga ~ saŋa*; кум. *ma-ga, sa-ga*; кар. *maja/ma: ~ mana, saja/sa: ~ sana*; алт. *mege ~ ma:/me:, sege ~ sa:/se:*; тат. эл *miŋä/mijä, siŋä/ sijä*	узб. *menga, senga*; уйг. *maŋa, saŋa*; лобн. *maŋa, saŋa*
Напр.	ккар. *maŋar*; ктат. степ. диал. *ma-gan ~ ma-ga (~ ma:), sa-gan ~ sa-ga (~ sa:)*	–	–	каз., ккалп. *ma-gan, sa-gan*; ккар. *maŋar*; тат. эл. *miŋärgä/ mijärgä, siŋärgä/ sijärgä*	узб. диал. (огуз.) *maŋan* (при *saŋa*); узб. диал. (кыпч). *ma-gan, sa-gan*
Местн.	тур. *bende, sende*; гаг. *bända, sendä*; аз. *mändä, sändä*; ктат., туркм. *menda, sendä*	*manra sanra*	–	каз., ккалп., ног., кар., кбалк., кирг., алт. *mende, sende*; сал. *mente ~ mende, sente ~ sende*; тат., башк., бараб. *mindä, sindä*; башк. *hindä*; кум. *menne, senne*; тат. эл. *miŋärdä, siŋärdä*	узб. *menda, senda*; уйг. *mändä ~ meniŋdä, sända ~ seniŋdä*; лобн. *mende, sende*
Исх.	тур. *benden, senden*; гаг. *bendän, sendän*; аз. *mändän, sändän*; ктат., туркм. *mendän, sendän*	*manran sanran*	*miigitten, ejigitten*	кбалк. *menden, senden*; кар. *mendän, sendän*; сал. *menten ~ menden, senten ~ senden*; кирг. *menden/mennen, senden/sennen*; бараб. *mindän/ minnän/minän, sindän/sinnän/sinän*; тат. *minnän, sinnän*; башк. *minän, hinän*; кум., ног., ккалп. *mennen, sennen*; каз. *menen, senen*; тат. эл. *miŋärdän, siŋärdän*	узб. *mendan, sendan*; уйг. *mändin ~ meniŋdin, sändin ~ seniŋdin*; лобн. *mendin, sendin*

модели усложнения ясности нет. Подробнее об обеих моделях усложнения местоименного склонения см. с. 133—135.

Внутри как местоименной, так и именной и посессивно-именной парадигм по отдельным тюркским языкам могли происходить процессы взаимодействия между некоторыми падежами в плане не только их семантики, но также и их формального выражения. Так, близкими в известной части своих значений (например, партитивных значений) являются род. и исх. падежи. Такая близость нашла свое отражение и в плане формального взаимодействия между этими падежами. Считается, что алломорф исх. *-dIn*, известный по средневековым тюркским текстам и сохранившийся в отдельных живых тюркских языках и диалектах, возник не без влияния алломорфа род. п. *-nIn* [Räsänen 1957, 62—63]. Исх. падеж — молодой падеж, корнями своими связанный с *A*-классом падежных морфем, исторически был способен проявлять колебания в своем оформлении между А-классом и *I*-классом морфем. Благодаря аналогизирующему воздействию род. падежа исх. падеж, в части некоторых своих значений близкий этому первому, переводился из *A*-класса в *I*-класс морфем, к которому принадлежит род. падеж. Известны также гораздо более редкие случаи перехода алломорфа род. падежа (*-An, -nAŋ*) из *I*-класса в *A*-класс морфем [см. Gabain 1950$_1$, 87; Покровская 1964, 114].

Исх. падеж *-daŋ/-naŋ* в тюркских языках Южной Сибири сложился также под воздействием алломорфа род. п. *-nIŋ:* здесь это воздействие шло по линии конечного согласного алломорфа (а не его вокализма, как в случае с *-dIn*).

Таблица 14

Склонение лично-указательных местоимений ед. числа и личного местоимения 3-го лица ед. числа в позднепратюркском и в период, предшествующий его сложению

Падежи	Языки (по типу склонения) /левая сторона/				
	Период, предшествующий сложению позднепратюрк.	Позднепратюрк.	рун.	др.-уйг.-кыпч.	уйг.-кыпч.
Осн. (прямая основа)	**pu ~ bu* **u ~ o*	**pu ~ bu* **u ~ o*	*bu* (~*bo*), *ol*	*bu, ol*	сюг. *po/pu, ol ~ gol*; хак. *pu, ol*; шор. *po, ol*; тув. *bo, ol*; чул. *ol*; тоф. *bo, ol* 'тот'; *oŋ* 'он'
Косвенная основа остальных падежей	**pun-~ bun-* **on- ~ an-*	**bun- ~ mun- ~ myn-* **on- ~ an-*	*bun-* *an-*	*bun- ~ mun-* *an- ~ on-*	сюг. *myn-/pyn-, an-/on-/gon-*, дат. *mu-/pu-, go-/a-*; хак. *myn-, an-*, дат. *pu-, a-*; шор. род. *po:-, a-/a:-*, местн., исх. *myn-, an-*; тув. род. *mo:-, o:-*, вин. *mon-, on-*, дат. *man-, an-*, местн. *myn-*,

Таблица 14 (продолжение)

Падежи	Языки (по типу склонения) /левая сторона)				
	Период, предшествующий сложению позднепратюрк.	Позднепратюрк.	рун.	др.-уйг.-кыпч.	уйг.-кыпч.
					уп-, исх. *топ-*, *о*:-; чул. *ап-*, дат. *а-*; тоф. род., вин. *топ-*, *оп-*, дат. *тап-/та-*, *ап-/а-*, местн. *тып-*, *уп-*, исх. *тип-/тып-*, *ип-/уп-*
Род.	**punyn ~ *bunyn ~ *punyŋ ~ *bunyŋ *onyn ~ *anyn ~ *onyŋ ~ *anyŋ	**bunyn ~ *bunyŋ ~ *munyn ~ *munyŋ *onyn ~ *onyŋ ~ *anyn ~ *anyŋ	не представлен *anyŋ	*munyŋ*, *anyŋ*	сюг. *тупуŋ/рупуŋ*, *gonyŋ ~ anyŋ/onyŋ*; хак. *тупуŋ*, *апуŋ*; шор. *ро* : *ŋ*, *а* : *ŋ*; тув. *то* : *ŋ*, *о* : *ŋ*, чул. *апуŋ*; тоф. *топиŋ*, *опиŋ* 'того', *оŋпиŋ* 'его'
Вин.	**puny ~ *buny *ony ~ *any*	**buny ~ *muny *ony ~ *any*	*buny*, *any*	*buny/muny*, *any*	сюг. *туny/руny*, *gony ~ any/ony*; хак. *туny*, *any*; шор. *рony*, *any*; тув. *топи*, *опи*; чул. *апу*; тоф. *тапи*, *опи* 'того', *оŋпи ~ оŋип* 'его'
Дат.	**puna ~ buna *ona ~ ana*	**buna ~ muna ~ buŋa ~ muŋa *ona ~ ana ~ oŋa ~ aŋa*	не представлены	*muŋa*, *anγa/oŋa*	сюг. *тиγа/риγа*, *goγa ~ aγa/oγa*; хак. *риγа:*, *аγа:*; шор. *рода*, *ага* (*~а:*); тув. *таŋа:*, *äŋä:* (*~а:*); чул. *аγа* (*~ärä*); тоф. *таŋа ~ тã:*, *аŋа ~ ã:* 'тому', *оŋγа* 'ему'
Напр.	**puŋaru ~ buŋaru*, **aŋaru* напр.-прод.: **punča ~ bunča*, **anča*	диал. **muŋaru ~ munγar *aŋaru ~ aŋar*	не представлена *aŋar*, *aŋaru* (< **an* + + *γaru*)	*muŋar*, *aŋar*	
Местн.	мест.-исх.: **punta ~ bunta*, **anta*	**bunta ~ munta *onta ~ anta*	*bunta* *anta*	*munda/ bunda* (КБ: ~ *munyŋda*) *anda* (КБ: ~ *anyŋda*)	сюг. *тупуŋда*, *gonda ~ anda/onda ~ anyŋda/onyŋda*; хак., шор. *тупда*, *анда*; чул. *анда*; тув. *тупда*, *упда*; тоф. *упду* 'там', *оŋда* 'в нем'

Таблица 14 (продолжение)

Падежи	Языки (по типу склонения) /левая сторона/				
	Период, предшествующий сложению позднепратюрк.	Позднепратюрк.	рун.	др.-уйг.-кыпч.	уйг.-кыпч.
Исх.	–	**buntan ~ muntan *ontan ~ antan*	не представлены	МК *mundan ~ mundyn, andan ~ andyn*; КБ *mundyn, andyn ~ anyŋdyn*	сюг. *mynyŋdan, gondan ~ andan/ondan ~ gonyŋdan ~ anyŋdan/onyŋdan*; тув. *monnan, o : n*; чул. *ändyn*; тоф. *munun/myndan, unun/yndan* 'оттуда', *oŋdan* 'от него', хак. *mynnaŋ, annaŋ*; шор. *mynaŋ, anaŋ*
Твор	**punyn ~ bunyn *anyn*	–	–	–	–

Таблица 14 (продолжение)

Падежи	Языки (по типу склонения) /правая сторона/				
	огузск.	чув.	як.	кыпч.	карлук.
Осн. (прямая основа)	тур , аз., ктат , гаг *bu, o*: туркм. *bu, ol ~ o*, хорас. *bô ~ bu ~ bun, ô ~ u*	*ku, văl*	*bu, ol*	каз., ккалп *bul, ol*; кар *bu (l); ol*; кирг. *bu (l), al/ol*; башк. *byl, ul*; ног., кбалк., алт. *bu, ol*; тат. *bu, ul*; кум. *bu, o*; бараб *pu (po), ol*; сал. *pu, yu/u* :	узб., уйг. *bu, u*; лобн. *bu, u/o ~ ul/ol*
Косвенная основа	тур., аз., гаг., ктат. *bun-, on-*; туркм. *mun-, on-*; хорас. *mun-, un-*, дат. *mun-/môn-, min- ~ bon-/bu-, un-/u-*	*kun-, un-*: дат.-вин *kun-/kăn-, ăn-, un-*	*man-, on-*	каз , ккалп., *bun-/mun-, on-*, дат. *bu-, o-*; ног *mun-, on-*, дат. *bu-, o-*; кум. род.-вин. *mun-/bun-, on-/an-*, дат. *bu-, o-*, местн., исх. *mun-, on-*; кар. *bun-, an-*; тат. вин., дат., местн. *mon-*, исх. *mun-/myn-, an-*; башк. *byn-, un-*, дат *by-, u-*; кбалк. род.-вин. *mun-*, дат., местн., исх. *myn-, an-*; кирг. род., вин. *mun-*,	узб. *bun-, un-*; уйг. *mun-, un-*; лобн. *mun-*, дат. *mun-/mon-; an-/on-*, род. *on-*, дат. *an-/a-*

Таблица 14 (продолжение)

Падежи	Языки (по типу склонения) /правая сторона/				
	огуз.	чув.	як.	кыпч.	карлук.
				местн., исх. *тур-, ап-*, дат. *ви-/во:-, а-/а:-*; сал. род. *тип-/ pun-*, вин. *тип-*, дат. *тип-/то:, ап-*; алт. *тун-/тип-*, дат. *во-, о-*, род. *он-*, вин., местн., исх. *он-/ап-*	
Род.	тур., аз., гаг. *бипип, опип*; ктат. *бипщ, опщ ~ опип*; туркм. *типуң, опиң*; хорас. *типиң ~ тинің ~ тінің*	*кипӑп/кип, ипӑп*	–	каз. *бипуң/типуң, опуң*; ккалп. *бипуң, опуң*; ног. *типуң, опуң*; башк. *бупуң, ипуң*; бараб. *типуң/ тупуң, апуң*; алт. *тупуң/типиң, опуң*; кум. *типи/бипи; опи/ апу*; кар. *бипип, апун*; кирг. *типип, апун*; сал. *типі/пипу ~ типігі/пипігі, ані ~ анігі*	узб. *бипуң, ипуң*; уйг. *типуң, ипуң*; лобн. *типу, анің/ опи*
Вин.	тур., аз. *бипи, опу*; гаг. *опи*; ктат. *бипу* (степ. диал. *бопу ~ типу*), опу; туркм. *типу, опу*; хорас. *типі, ңпі*	дат.-вин. *кипа/ кӑпа*	*тапу, опи*	каз. *бипу/типу, опу*; ккалп. *бипу, опу*; ног. *типу, опу*; кар. *бипу, апу*; башк. *бупу, ипу*; кирг., кбалк. *типу, апу*; бараб. *типу/тупу, апу*; тат. *топу, апу*; алт. *тупу/типу, опу/апу*; сал. *типа/ типу, апа/апу*	узб. *бипу, ипу*; уйг. *типу, ипу*; лобн. *типи, ані*
Дат.	тур., аз., гаг. *бипа, опа*; ктат. *бипа, опа*, диал. *опа ~ипа ~ иγа*, туркм. *типа, опа*; хорас. *типа/ тôпа ~ тіңä, боңgä, буја, ңпа ~ ңја*	*ӑпа*	*тапуаһа, опиоһа*	кбалк. *тупγа, аппγа*; бараб. *типа/тупа, апа*; тат. *топа, апа*; ног. *биγа, оγа*; башк. *бүγа, иγа*; кирг. *биγа ~ бо:, аγа ~ а:*, алт. *боγо ~ бо:, оγо ~ о:*; сал. *типа ~ то:, апа/апу/апа*	узб. *бипга, ипга*; уйг. *типуγа ~ типуңγа, ипуγа ~ ипуңγа* (уйг. хам. *бипипуγа*); лобн. *типа/ топо, апа/аγа* (редко)

Таблица 14 (окончание)

Падежи	Языки (по типу склонения) /правая сторона/				
	огуз.	чув.	як.	кыпч.	карлук.
Напр.	ктат. степ. диал. *buγar, aŋarγa* 'ему'	–	–	кар. *bunar, anar*; кум. *buγar, oγar*; тат. *aŋarga*; каз. *buγan, oγan*; ккалп. *buγan, oγan*; кирг. диал. *buγan, aγan*	–
Местн.	тур., аз., ктат. *bunda, onda*, ктат. степ. диал. *bonda ~ mynda*; гаг. *onda*; туркм. *munda, onda*, хорас. *mynda*	*kunta, unra ~ unta*	(*manna*) (*onno*)	кар. *bunda, anda*; ккалп. *bunda/mynda, onda*; каз. *bunda/munda, onda*; ног. *munda, onda*; башк. *bynda, unda*; бараб. *munda/mynda, anda*; алт. *mynda/ munda, ondo/ anda*; тат. *monda, anda ~ aŋarda*; кбалк., кирг. *mynda, anda*; кум. *munna, onna*; сал. –	узб. *bunda, unda*; уйг. *munda* (уйг. хам. *bunuŋda*); *unda ~ unyŋda*; лобн. *munda, anda*
Исх.	тур., аз., ктат. *bundan, ondan*; гаг. *ondan*; туркм. *mundan, ondan*; хорас. *mindän*	*kuntan, unran ~ untan*	*mantan, onton*	каз. *budan, onan*; кар. *bundan, andan*, кбалк., кирг. *myndan, andan*; бараб. *mundan/myndan* (*munnan/mynnan, munan/mynan*). *andan/ annan/anan*; тат. *monnan, annan ~ aŋardan*; ног., кум. *munnan, onnan*; башк. *bynan, unan*; ккалп. *munnan, onnan*; алт. *mynaŋ/ munaŋ, onaŋ/anaŋ*; сал. –	узб. *bundan, undan*; уйг. *mundyn* (уйг. хам. *bunuŋdun*); *undyn ~ unyŋdyn*; лобн. *mundin, andin/ annin*

ГЛАВА V

НАРЕЧИЕ

В современных тюркских языках наречие представляет собой класс слов с семантикой признака действия и признака признака, выступающих в предложении главным образом как обстоятельства и реже — как определения. Этот класс постоянно пополняется новыми единицами в результате: а) изоляции падежных форм имени и деепричастных форм глагола; б) словообразования по продуктивным моделям; в) калькирования и заимствования. Одновременно класс наречий все время взаимодействует с именными подклассами (прилагательными и существительными), а также с послелогами (наречия через стадию функционального атрибутива переходят в прилагательные, а также субстантивируются или превращаются в послелоги).

Разряд качественных наречий в основном составляют качественные имена, нередко называемые функциональными наречиями. Материалы древнетюркских памятников показывают, что большинство имен с качественным значением, независимо от их генезиса (именная основа, "деепричастие" и т.д.), были полифункциональны. Закрепленность того или иного разряда имен за определенной синтаксической позицией в предложении возрастает по мере приближения к нашему времени. Нередко этот процесс сопровождается и морфологически выраженной дифференциацией: например, прилагательное — именная основа, наречие — именная основа + аффикс с адвербиальным значением.

Наречия в современных тюркских языках обычно делят на первообразные, морфологически не членимые на современном этапе, и производные: аффиксальные и сложные (в последние включают собственно сложные, парные и, нередко, повторы).

Состав первообразных наречий по языкам не совпадает в силу ряда причин: 1) регионального положения языка, 2) ареальных связей языка, 3) отбора, произведенного различными исследователями.

Общетюркский фонд первообразных наречий пока не выявлен. Аффиксальные наречия образуются по словообразовательным моделям, генетически восходящим к "падежным" формам имени и деепричастиям. Общетюркскими являются наречия на 1) *-laj, -lajïn* и 2) *-ča*.

К ареальным можно отнести формы на *-ǯasïna* (огузские языки), *-lata* (ккалп., башк., тат., ног.), *-lap* (каз., туркм., алт., узб., тат., ног.) и *-daj* (ног., тат., кум., башк., ккал., с.-юг., узб.), хотя последняя, вероятно, в ряде языков входит в современную падежную парадигму.

Во всех тюркских языках представлены наречия — изолированные формы пространственных падежей: дательно-направительного,

местного и исходного, наречия на *-ča, -yaru* и *-ïn*, которые также нередко возводятся исследователями к реликтовым падежным формам. Общетюркскими можно считать и структурные модели сложных наречий, генетически восходящие к словосочетаниям различных типов. Во всех тюркских языках отмечены и парные наречия типа: гаг. *gežä-gündüz* 'ночью и днем', ног. *bügün-erten* 'сегодня-завтра, на-днях', узб. *nari-beri* 'туда и сюда', сал. *anda-sïnda* 'там и сям' и т.п.

В тюркологии пока не существует общепринятой семантической классификации наречий. Однако большинство исследователей распределяют наречия в две группы: качественные и обстоятельственные. Нередко в первой группе выделяют еще количественные наречия. В обстоятельственные наречия включают наречия времени, места, причины и цели.

Формирование класса адвербиальных слов безусловно началось на самых ранних стадиях существования тюркского языка. В этот класс переходили имена с качественным и обстоятельственным значением, имена в формах обстоятельственных падежей, деепричастные формы. Учитывая огромный разрыв во времени между праязыковым состоянием и состоянием, зафиксированным в древнетюркских памятниках[1], попытаемся на материале последних проиллюстрировать типы относительно ранних наречных образований:

падежная форма на *-ti/-di: emdi-oq*[2] *ajdïm* 'и вот теперь я сказал' (МК I, 37); *bu sabïmïn edgüti ešid* 'эти слова мои хорошо слушай' (КТм, 2); *qatïγdï tiŋla* 'крепко внимай' (КТм, 2);

падежная форма на *-la: tünlä* 'ночью' (ДТС, 597), *čïnla* 'действительно' (ДТС, 149), *jaŋïla* 'заново' (МК III, 381);

падежная форма на *-ru: kirü qajdï* 'он обернулся назад' (МК III, 246);

падежная форма на *-tın, -tün: üstün täŋri jeri, altïn tamu jeri* 'вверху страна богов, внизу — страна ада (МК I, 109);

падежная форма на *-ïn: jajïn süläjdim* 'я выступил с войском летом' (БК, 39); *elig bir kün otrup özi jalyuzun* 'однажды правитель сидел сам один' (QBH, 32);

форма на *-laju*, трактуемая некоторыми исследователями как деепричастная: *ulšïp erän börläjü* 'мужи завыли подобно волкам' (МК I, 189), *jemä udlaju sen* 'не ешь подобно корове' (QBH, 135_8);

деепричастие на *-a/-ä: jana keldim* 'я снова пришел' (МК III, 170), *iki neŋ keräklig söz ajdïm kesä* 'две вещи нужны, знай, я сказал ясно' (QBN, 46_4);

деепричастие на: *-ï/-i: arïtï jup* 'чисто вымыв' (Rach, II, 36); *sabïmïn tükäti ešidgil* 'полностью выслушай мою речь' (КТм, 1);

деепричастие на *-u: ol aŋar jayru jorïmas* 'он не подходит близко к нему' (МК III, 31).

В этот период уже функционировали первообразные наречия типа *baja/baja-oq keldim* 'я только что пришел' (МК 31_5), *kečä*[3]*/kečä*

---

[1] Периодизация памятников не является общепринятой.

[2] М. Рясянен [Rasanen 1957, 246] сомневается, что *emdi* относится к этой структурной модели.

[3] Кеча иногда трактуют как дат.-напр. падеж от *keč* 'вечер', иначе у В. Банга [Bang 1918_1, 94].

turup 'встав ночью' (МК III, 219) и сложные: *bïldur* 'прошлый год'/ *bir jïl dir* (у В. Банга: *bir-yïl-tïr* [Bang 1917_1, 18]).

Особенно примечательные местоименные наречия, так же как и отыменные, восходящие к различным падежным формам: *anča* 'столько', *anday* 'так', *anda* 'там', *munda* 'здесь, тут' и т.п. (ДТС 43, 44, 348).

В языке XI в. наблюдается сохраняющаяся до сих пор полифункциональность имен с качественным и обстоятельственным (главным образом с качественно-обстоятельственным) значением:

eδiz 'высота, высокий, высоко' — *eδiz tay* 'высокая гора' (МК I, 53), *aj bu aysa eδiz* 'если эта луна поднимается высоко' (QBN 63_3), *ayïšqa eniš ol, eδizkä batïy* 'за подъемом спуск, за высоким местом низкое' (QBN, 99_8);

jaδay 'пеший, пешком' — *jaδay atï čaruq, küči azuq* 'у пешего лошадь — чарыки, а сила — пища' (МК I, 381); *barma jaδay* 'не ходи пешком' (QBN 277_6);

jayuq 'близкий, близко' — *jat jayuq tüz boltmaz* 'чужой и свой не одно и то же' (МК I, 433); *jayuq jer* 'близкое место' (МК III, 29), *ol otqa barma jayuq* 'не подходи близко к этому огню' (QBN 57_{12});

köni 'верный, правдивый, верно, точно' — *köni jol* 'верный путь', *köni er* 'верный муж' (МК III, 237), но *köni berür men* 'точно дам' (МБ 1_7);

ačuq 'ясный, ясно' — *muŋar meŋzätü ajtï alp er ačuq* 'подобное этому ясно сказал отважный муж' (QBH, 38_{23}), *ačuq kök* 'ясное небо' (МК, 44_{15});

uzaq 'долгий, долго' — *uzaq ïš* 'долгое дело' (МК I, 66), *iglädim andïn uzaq* 'от этого я долго болел' (МК I, 380);

uzun 'длинный, долгий, долго' — *közägü uzun bolsa, elig köjmäs* 'если кочерга будет длинной, рука не сгорит' (МК I, 448), *bu er ol uzun jašayu* 'этот мужчина должен долго жить' (МК III, 36).

При этом отметим, что качественные имена генетически неоднородны: среди них есть и образования, близкие к адъективам-причастиям и адвербиальным словам — деепричастиям. Так, *köni*, несомненно, деепричастие на *-i* от глагола *kön-* 'выпрямляться', а *jaqšï*, вероятно, образовано по той же модели от глагола *jaqïš-* [см. например, Bang 1919, 29] 'подходить, нравиться', Таким образом, атрибутивная функция у этих слов исторически является вторичной. Uzun объясняется исследователями двояко: либо как отглагольное имя на *-n* от глагола **uz-, *uzu-* [Севортян 1974, 571], либо как имя **uz* в инстр. падеже [Bang 1921, 9; Bang, Gabain 1929, 258, примеч. 2]. Если последнее объяснение справедливо, то имя в инстр. падеже с обстоятельственной функцией первично по отношению к современному адъективу с атрибутивной функцией.

Такие имена с качественным значением, как *ačuq* 'ясный', *jayuq* 'близкий' и т.п., несомненно, являются отглагольными прилагательными с первичной атрибутивной функцией. В качестве обстоятельственных слов они стали входить и в подкласс наречий, которые нередко называют функциональными.

Ту же картину синтаксической подвижности качественных имен, их полифункциональности можно наблюдать и в современных тюркских

и даже шире — алтайских языках. Правда, в них, как уже говорилось выше, наблюдается тенденция к дифференциации прилагательного и наречия путем аффиксации: ср. аз. *jawaš – jawašʒa* 'медленный — медленно', *ačïG – ačïGʒasïna* 'открытый — открыто', хак. *čəg – čəge* 'сырой — сыро', тоф. *baj – bajya* 'богатый — богато', монгольские наречия, восходящие к качественным именам в орудн. падеже.

Большая группа современных наречий восходит к именам со значением места (положения в пространстве) и времени: *kün* 'день', *tün* 'ночь', *er* 'рано', *keč* 'поздно', *ät* 'теперь', *baja* 'давеча', *taŋ* 'рассвет', *joq* 'подъем', *il* 'место у двери юрты', *ič* 'нутро', *soŋ* 'конец', *öŋ* 'перед', **as* 'низ', *kiδ* 'конец', *taš* 'внешняя сторона', *ör* 'верх', **üs* 'верх', **ar* 'зад' и т.д. Ко многим из этих имен-наречий восходят и современные "служебные имена" и послелоги.

Значительна группа первообразных наречий отглагольного происхождения: *qaja* 'назад', *qoδï* 'вниз', *tägrä* 'кругом', *utru, qaršï* 'напротив', *üzä*[4] 'вверху, над', *ašnu* 'раньше', *basa* 'после', *oza* 'раньше' [см. также Räsänen 1957, 244]. Почти все они постепенно переходят в класс послелогов.

ПЕРВООБРАЗНЫЕ НАРЕЧИЯ

Качественные наречия, как было показано выше, генетически восходят к качественным именам различного происхождения. Многие из них являются общетюркскими, встречаются в самых ранних письменных памятниках. Их морфемный анализ — задача общетюркского этимологического словаря, а история становления — предмет исторического синтаксиса тюркских языков.

Из группы качественных наречий может быть выделено небольшое количество адвербиальных слов со значением меры и степени: *bek* 'очень, весьма' [см. Севортян 1978, 116 сл], *keδ*[5] 'очень', *az* 'мало', *köp* 'много', *čok* 'много', *jana* 'еще' и нек. др.

К туркм. *a:z* 'мало' (~тур., аз., кирг., ног., др.-тюрк. *az*, алт., хак., тув. *as*, башк. *äδ*, тат. *äz*, булг. **ar*>мар. *or/ur*) многие исследователи, например Г.И. Рамстедт, Н.Н. Поппе, М. Рясянен, приводят монгольские и тунгусо-маньчжурские параллели [см. хотя бы Poppe 1960, 81]: монг. *arai* 'едва', прамонг. **arai*=эвенк. *arakūkan* 'медленно, немного', *arba* 'низкий уровень воды' = др.-тюрк. *az* 'мало'; в ССТМЯ [1975; 1977] *арба* 'мель' и *арай* 'едва' выделены в самостоятельные статьи и не сопоставляются друг с другом.

Туркм. *köp* 'много' (~др.-тюрк., кирг., каз., ног., алт., хак. *köp*, тат., башк., *küp*, тув. *kö^{h}p*) В. Банг [Bang 1918$_2$, 291—292, примеч. 5] идентифицировал с *köp** вздутие', *'куча'[6]; М. Рясянен [Räsänen 1969, 291a]

---

[4]Это слово имеет и другую этимологию.

[5]Заимствовано из согдийского, из современных тюркских языков сохранилось, кажется, лишь в азербайджанском: *géj* [см. также Räsänen 1957, 246].

[6]Типологическую параллель к *köp* 'вздутие'→*köp* 'много' представляет сюг. *q'alyn* 'толстый, много', ср. парное *köp qalïn* (QBN, 393$_{10}$) и *qalïn köp* 'много, множество' (QBN, 126$_{13}$) и чув. *xulən* 'толстый, густой', ср. венг. *šok* 'много', мар. čок 'довольно много', *čoka* 'густой (о волосах, траве)', коми *tʃekid* 'густой'.

сравнивал его с др.-тюрк. *kop* 'много', а последнее А. Габэн [Gabain 1950, 142—143] считает деепричастием на *-p* от основы *ko-* 'setzen' (ср. мнение В. Банга [Bang 1896, 331], по которому *kop*, возможно, имеет тунгусо-маньчжурское происхождение); А.К. Боровков [1952, 186] указывал на согдийское происхождение *köp*.

Тур., гаг. *čok* (~ кар. к . *čoq*, туркм., диал., ст.-туркм., аз. *čox*, ст.-узб. *čo^{u}x*, АФ *čoq*) 'много' относится к юго-западному (огузскому) ареалу, но ср. гов. тат. ЗС *čuq* 'много'.

Тур. *pek* 'весьма, очень, крепкий, твердый' (~др.-тюрк., кар. к., г. *bek* 'сильно, крепко, очень', тат. *bik* 'очень, крайне, весьма', кирг. *bek* 'крепко, очень', сюг. *pïq* 'сила') обычно сопоставляют с монг. *beki* 'сильный, прочный'; к семантике *bek* 'крепко'→'очень' ср. туркм. *qatï* 'твердый, крепкий'→'очень'.

Туркм., тат. *iŋ*, ктат., каз., ног., кирг., *eŋ* и т.д. — усилительная частица со значением 'наи-, самый, весьма, очень' будет рассмотрена в соответствующем разделе.

Исследователи нередко сравнивают туркм. *jene*, тур. *jine*, ног. *jana*, кирг. *ǯana*, тат., башк. *jänä*, кум. *gene* 'опять, еще, снова'; возможно, здесь в одном ряду представлены три основы разного происхождения: 1) *jana* 'снова, опять' — деепричастие на *-a* от глагола *jan-* 'возвращаться', 2) *jene*<*jeme 'еще', сопоставимое с монг. *neme-* 'прибавить' [Санжеев 1930, 674; см. также *Räsänen* 1969, 1966]; 3) *gene*, о которой см. [Bang, Rachmati 1932, 704].

Среди первообразных обстоятельственных наречий наиболее представительной является группа общетюркских наречий времени, которые можно рассматривать как пратюркские: *am, äm* 'теперь, сейчас', *er* 'рано', *keč* 'поздно', *baja* 'давеча'.

am/äm

Хак., тув., др.-тюрк. *am*, кирг., алт. *em*, ст.-тур. *im* 'теперь, сейчас' в большинстве современных тюркских языков входит в состав производного наречия *indi/imdi/emdi* и т.д. [этимологии см. Севортян 1974, 357—358, где приведены и возможные алтайские параллели].

e:r

Туркм. *i:r*, чув. *ir*, узб. диал. *e:r*, тур. *er* 'рано, рано утром' [см. Севортян 1974, 369—370], этимология слова пока не установлена.

ke:č

Туркм. *gi:č*, аз. *geǯ*, кум. *geč*, каз. *keš* 'поздно', чув. *kaś* 'вечер', др.-тюрк. *keč* 'долго, поздно', ср. др.-тюрк. *kеč-* 'опаздывать, задерживаться', этимология слова не ясна [см. Räsänen 1969, 245б]; быть может, **ke:č* первоначально означало 'задержка'. Э.В. Севортян [1980, 51] приводит мнение В. Банга [Bang 1918$_1$, 94, примеч. 3], по которому *keč*, возможно, связано с *keč-* 'проходить'.

Др.-тюрк., кирг., тат., башк., уйг. *baja,* сюг., алт., *ƀaja,* хак. *paja,* як.*ma:* 'давеча'. М. Рясянен [Räsänen 1969, 62a] возводит к **baŋa.*

Все эти наречия (кроме *am, em*), как указывалось выше, по сути дела, имена с временным значением, послужившие основой для образования многих современных (и древних) производных форм:

erte<*er*+*te* афф. местн. п. [Bang 1918$_1$, 94, примеч. 4]

er→*erteŋ* <*er*+*teŋ* афф. адессива[7]

erken<*er*+*ken* афф. *ken*[8]

keč→*keče*<*keč*+ афф. дат. п. (см. также Räsänen 1957, 242— 243])

kečqurun<*keč*+*qur* 'время'+*un* [Bang 1918$_1$, 93]

bajaq<*baja-oq* [см., например, Левитская 1976, 190]

baja→*bajayï*<*baja*+*γï*

bajayənaq, bajnaq< *baja*+*γïna*+*oq; pasʻər*<*paja*+*sïr* [Там же]

Производные наречия времени образованы и от других имен с временным значением: *kün* 'день', *tün* 'ночь', *jïl* 'год', *öd* 'время', *taŋ* 'рассвет' и др. Многие из этих производных являются общетюркскими и, вероятно, появились еще до распада праязыка. Например, *kün* выступает в производных такого типа: кирг. *bir künü* 'однажды', *bul künü* 'в этот день', *kündö* 'каждый день', *künün* 'в течение одного дня', *kündüz* 'днем', *bügün* 'сегодня', *kündön küngö* 'с каждым днем' и т.д. В качестве общетюркского (-пратюркского) из них можно выделить, например, *kündüz*~чув. *kəndər* 'днем' (др.-тюрк. *kündüz/küntüz*) образованное, возможно, из *kün*+*tüz* 'прямо', ср. др.-тюрк. *kün ortu*, тур. диал. *künorta* 'полдень<солнце-середина', но иначе у В. Котвича [1962, 328 сл.].

Первообразные (исторически производные) наречия места — это изолированные падежные формы имен с пространственным значением. Многие из таких имен выступают одновременно и как обстоятельства времени.

ПРОИЗВОДНЫЕ НАРЕЧИЯ

Так как генезис многих производных наречий (например, наречий на *-yaru*) трактуется по-разному, они классифицируются лишь по общности форманта. Большинство производных наречий образованы по общетюркским или ареальным моделям.

Наречия на *-n*

Наречия на *-n*, главным образом с временным и качественным значением, отмечены во всех современных тюркских языках: башк.

[7] См. также [Севортян 1974, 305, Räsänen 1957, 243], где *erteŋ* лишь предположительно рассматривается как инстр. п. от *erte*

[8] М. Рясянен предлагает две трактовки ken: 1) *kün* 'день' или <*ikan* [Räsänen 1957, 243], см. также [Севортян 1974, 370]

qəšən 'зимой', тув. *bo čïlïn* 'в этом году', кар. *jazbašïn* 'весной', алт. *čïnïn* 'истинно', гаг. *güzün* 'осенью', тат. *qərən* 'искоса', тур. *ilkin* 'сначала' и т.д.

Возможно, в этом *-n* в ряде случаев совпали[9] с *-n* вин. падежа после аффикса принадлежности 3-го лица и *-n* с орудийным значением и значением обстоятельства образа действия. Такое предположение вытекает из анализа языка древнетюркских памятников. Например, *barïr men jalïŋïn* 'иду я нагишом' (ДТС, 229); *qïŋïr közün baqïštï* 'посмотрел косым взглядом' (ДТС, 448); *aqru elgin toqïdï qapuy* 'он тихо постучал в дверь рукой' (ДТС, 49); *bir erig oqun urtï* 'одного мужчину он сразил стрелой' (ДТС, 368), *ol oqun urdï* 'он пустил стрелу (ДТС, 369), *er qurïn quršandï* 'мужчина подпоясался поясом'. Вин. на *-n* выступает обычно в тех случаях, когда действие направлено на два объекта, причем один объект подвергается действию через другой объект.

Наречия на *-ča*

Афф. *-ča* имеет сравнительно-уподобительное и временное значение (предельности). Наречия на *-ča* встречаются уже в древнетюркских памятниках: *türkče* 'по-тюркски' (X1 в.).

Афф. *-ča* присоединялся к именам и местоименным основам: *qanïn, subča jügürti, söŋükün tayča jatdï* 'твоя кровь бежала как вода, твои кости лежали как гора' (КПб, 24_2), *anča saqïntïm* 'так с грустью думал я' (КТб, 51-11).

Этимология афф. *-ča* не ясна. В. Котвич [1962, 191 сл.], следуя О. Бётлингку, склонен возводить этот аффикс к самостоятельному слову *čay* 'время, мера'. Г. Рамстедт [1957, 52 сл.] считает первичным уравнительное значение аффикса и производным от него — сравнительное (эквативное). Б.А. Серебренников [1976, 210—211] полагает, что афф. *-ča* генетически связан с омонимичным аффиксом с уменьшительным значением, которое считает первичным по отношению к эквативному[10]. Некоторые исследователи сближают тюркские образования на *-ča* (экватив) с предельн. падежом, встречающимся в ордосском, ойратских и некоторых бурятских диалектах [см., например, Санжеев 1953, 175; Рамстедт 1957, 52].

Наречия на *-dï/-tï*

Наречный афф. *-dï/-tï* отмечен уже в древнетюркских памятниках: орх.-ен. *amtï* 'теперь', *qatïydï* 'крепко', *ädgüti* 'хорошо'. Из современных тюркских языков он сохранился в тофаларском: *qa^{h}tïydï* 'крепко', *e^{h}kidi* 'хорошо' [Рассадин 1978, 249—250] и, по-видимому, в составе якутского наречного афф. *-tïq/-tik:* uhunnuq 'долго', *d'ollo:xtuq* 'счастливо'. К. Менгес [Menges 1968$_1$, 115] сближает афф. *-dï/-tï* с тунгусским аффик-

---

[9] В.Г. Кондратьев [1970, 17] высказывает предположение об общем происхождении вин. и инстр. падежей; ср. также [Насилов 1960, 26 и 1963, 34].

[10] На генетическую связь афф. *-ča* с уменьшительным и сравнительно-уподобительным значением обратил внимание Ж. Дени [Deny 1921, § 917—923], см. также [Севортян 1966, 98—103].

сом твор. падежа, в частности, с эвенкийским *-t* (то же у Рамстедта [1957, 150]). Этот же аффикс А. Габэн [Gabain 1950, 165] отождествляет с *ti* в древнетюркских наречиях типа *öŋdürti* 'на восток', *taštïrtï* ' вне' и т.д. Была предложена и иная интерпретация *öŋdüri, öŋdürti* 'впереди': в них усматривали деепричастную модель [Bang, Gabain 1929, 261].

Наречия на *-tïn/-tin, -dïn/-din*

Наречия на *-dïn/-tïn* встречаются уже в древнетюркских памятниках: *öŋdin* 'раньше, спереди, на востоке' (QB, МК); ср. *ištin sïŋar* 'внутренняя сторона' (МК, TT VII), *taštïn* 'снаружи' (МК), *soldïn* 'слева', *oŋdïn* 'справа' (QB). Возможно, сюда же относятся формы *üstün* 'вверху' и *altïn* 'внизу', которые иногда интерпретируются как инстр. п. от *üst* 'верх' и *alt* 'низ'. По мнению В. Банга [Bang 1917$_1$, 40—41], *üst, alt, ard* и т.д. — результат ложного расчленения по аналогии к *jaq-ïn*, т.е. *üst*<*üst-ün* вм. *üs-tün*. В. Банг считает афф. *-din* показателем аблатива[11]. Несколько иначе его интерпретирует Г.И. Рамстедт [1957, 51]: он полагает, что *-tin*<*ti*+инструктив на *-n*. Окончание *-tin* имело адвербиальное значение и затем уже в ряде тюркских диалектов (главным образом юго-восточных) вытеснило более древний аблативный *-dan*. Близкую к этой точке зрения высказывает и Г. Дёрфер [Doerfer 1976, 92].

В современных тюркских языках и диалектах имеются наречия на *-tïn:* кирг. *tïšqartïn* 'снаружи', *astïrtïn* 'исподтишка', башк. *aθtərtən* 'тайком', тат. диал. *soŋəntən* 'впоследствии', башк. сев. зап. *juγartən* 'выше', *älgärtän* 'раньше', башк. диал. *jaδərtən* 'ошибочно', кум. *gertitin* 'поистине', *alašatin* 'снизу', кбалк. *töbentin* 'понизу', *ǯašïrtïn* 'тайком', кар. *üstürtün* 'сверху' (ср. кирг. *üstür-üst*), *joγartïn* 'наверху', *ičkartin* 'изнутри' *jašïrtïn* 'тайно', каз. *üstərtən* 'поверхностно', *astïrtïn* 'исподтишка', шор. *altïrtïn* 'снизу' *örertin, üstürtin* 'сверху', хак. *ïraxtïn* 'издалека', *čoγartïn* 'сверху', *äskertïn* 'с востока', *xajdartïn* 'откуда', тат. диал. *ǯaŋatən* 'снова', *ərəntən* 'тайно'.

В тувинском языке в наречиях этого типа выступает афф. *-tan/-ten: mïna:rtan* 'отсюда', *kege:rten* 'сверху'.

Как видно из вышеприведенных примеров, афф. *-tïn/-tin* встречается главным образом с именами и с наречными образованиями на *-γar/-ger, -ar/-er, -tur/-tür, -tïr/-tir.*

Формы на *-tur* пыталась интерпретировать А. Габэн [Gabain 1950, 190, 382, 422], усматривая в *-tur/-dur* показатель древнемонгольского датива-локатива *-dur* (~тюрк. *duz* в *kün'düz* 'днем'), см. также [Котвич 1962, 328 сл.].

Афф. *-tür встречается в кирг.* üstür 'верх', *aldïr* 'перед' (см. *aldïr ǯayï* 'переднаяя сторона'), тат. диал. *astər* 'низменность, низина' (*astər ǯir* 'низкое место'), *astərdan baram* 'я иду снизу', но ср. сюг. *aĭtïrï, haltïr* и т.д. 'низ', *ultïrï, altïrï* 'впереди' и вышеупомянутую трактовку др.-тюрк. *öŋdürti.*

Наречия на *-tïn/-tin* 'часто' имеют синонимы с аффиксом исх. паде-

[11]Застывшим аблативом от **as*, представленном в др.-уйг. *asra*, считает К Брокельман [Brockelmann 1954, 167] *astïn* 'внизу'.

жа: кирг. *astïrtïn* 'снизу' и *astïrtan*, шор, *altïrtïn* 'снизу' и *altïnaŋ*, тат. *ǯaŋatən* 'снова' и *ǯaŋatadan* или инстр. падежа: кар. *aqïrtïn* и *aqïrïn*, *jašïrtïn* и *jašïrïn*. Правда, последние могут быть объяснены как древние "деепричастные" образования от *jašru* 'сокровенный, тайный'< *jašur-* 'скрывать' и *aqru* 'тихо, осторожно'<**aqïr-*.

В некоторых тюркских языках: — карачаево-балкарском, кумыкском — сохранились рудименты особого пролативного падежа на *-tïn/-tin:* балк. *ǯoltun keledi* 'идет по дороге'. Афф. *-tïn/-tin* выражает и аблативное значение: башк. диал. *taltən talya urap jul halyan* '(они) от ивы к иве проторили дорогу', кум. *erdentin* 'с земли'.

Аблатив на *-dïn/-din*, характерный для тюркских языков юго-восточной группы: уйгурского, староузбекского, древнеуйгурского, вероятно, сложился на базе древнего локатива-аблатива на *-da/-de* не без влияния словообразовательной модели на *-tïn/-tin, -dïn/-din*, сформировавшейся из "деепричастий" на *-tï/-ti*.

К. Менгес [Menges 1968$_1$, 110] возводит аблативный *-dïn/-tïn* к лативу на *-t* и лативу на *-n* и отделяет его от аблатива на *-dan/-den*<*-da*+*n*. Иногда "вариацию' *-dan*~*-dïn* рассматривают как аблаут. Если учесть вышеприведенное мнение В.Банга о том, что *alt-* — результат ложного расчленения *altïn* (*alt-ïn* вм. *al-tïn*), то гипотеза К. Менгеса оказывается маловероятной.

В языке желтых уйгуров бытуют оба аффикса аблатива: *-dan/den, -tan/ten* и *-dïn/-din, -tïn/-tin*. Вероятно, это результат смешанной природы сарыг-югурского языка: *-din* и т.д. является реликтом его древнеуйгурской основы [Тенишев 1976$_2$, 166]. Эти же аффиксы встречаются и в "Девону луготит турк" Махмуда Кашгарского [МК 1960—1963]: *mendän* (I, 76) и *mendin* (I, 85) 'от меня', *attan* (I, 120) и *attïn* (I, 176) 'от коня, с коня'. Такая "вариативность" объясняется диалектной пестротой зафиксированного в этом памятнике материала.

Наречия на *-yaru/-gärü, -qaru/-kerü, -aru/-erü*

Наречия на *-yaru* образованы от имен, выражающих пространственные отношения: *ilgärü*<*il* 'перед, место у двери', *juqarï*<*joq/juq* 'вершина, верх', *dašarï*<*daš* 'наружная сторона' и т.д. Эти образования встречаются во всех живых тюркских языках (кроме чувашского и якутского), а также в языке древнетюркских памятников: *joqqaru* 'вверх', *ilgärü* 'вперед, на восток', *ičgärü* 'внутрь'.

Афф. *-yaru* чаще всего рассматривают как составной: *-ya* (афф. дат. падежа)+*ru* (афф. напр. падежа, или директива)[12].

В. Банг [Bang 1917$_1$, 53] отметил возможную связь афф. *-ru/-rü* с деепричастием на *-u/-ü* от фактитивных глаголов[13]. Примерами таких образований могут служить *keŋrü* 'широко, свободно вольно'<*keŋir-*,

[12] См.: Г.И. Рамстедт [1957, 44], В. Котвич [1962, 324], К. Менгес [Menges 1968$_1$, 110—111]. Ж. Дени [Deny 1921, 244] *-rï/-ru* рассматривает как древнюю частицу (послелог).

[13] Ср. также параллелизм других показателей директива и каузативных показателей: *-ya*~*-ya-, -dir*~*dır-*.

bütrü 'целиком', *jetrü* 'определенно, точно', *bekrü* 'крепко'<**bäkür-* [Bang, Gabain 1929, 266].

Из наречных образований на *-γaru/-gerü* примечательны др.-тюрк. и т.д. *kirü* 'назад, на запад', кар. *karï* 'куда', кбалк. и т.д. *beri* 'сюда' и *arï* 'туда'. *Kirü, käri* В. Банг производит от **kä, *ki* [Bang 1917$_1$, 7—8, примеч. 3], М. Рясянен [Räsänen 1969, 246a] — от *käδrü*, опираясь на *kejri* в Codex Cumanicus'e (у К. Грёнбека [Grønbech 1942, 139] keri. — *Л.Л.*). Кар. *karï kejre, kajarï, kajri, qajra* имеет параллели в тат. миш. *kar'ə* 'куда'. В.В. Радлов [РСл. II, 1054] выводит караимскую форму из *kaj järgä*. Л.Т. Махмутова [МТД 1962, 148] полагает, что миш. *kar'ə* образовалось из *kaj-rï* (ср. *kaj* в бастанском говоре татарского языка). В. Банг [Bang 1917$_1$, 31] объявляет караимскую форму неясной.

Arï, по мнению М. Рясянена [Räsänen 1969, 256], восходит к указательному местоимению *a(n)*~*o(l)*+аффикс директива. Эта этимология уточняется Э.В. Севортяном [1974, 157], который, учитывая данные ряда тюркских языков, например, туркменского (*aŋrï*), восстанавливает праформу **anγaru*<**an*+*qaru*. К.М. Мусаев [1964, 191] считает, что *arï* — результат эволюции *olγarï* (>*aγarï*>*a:rï*>*arï*). Но *aγar(ï)* (а не *arï! — Л.Л.*) входит в парадигму указательных местоимений кумыкского (*oγar, aγar*), бастанского говора татарского языка (*aγar/ï/*). *Bäri* выводят из **ben-ge-ri* [см., например, Deny 1921, § 906], из **bä-ri*, где **bä* — местоименная основа того же личного местоимения *bän* [Räsänen 1969, 66a; Кононов 1960, 290; Bang 1917$_1$, 11], а также из *bu-γarï*>*beg'arï*>*be:rï*>*beri* [Мусаев 1964, 191]. Последняя этимология маловероятна, так как форма *buγarï* входит в парадигму местоимения *bu*,например, в кумыкском (*buγar*) и в бастанском говоре татарского языка (*bəγar/ə/*).

Помимо образований на *-γarï/-geri, -arï/-eri* в современных тюркских языках встречаются формы на *(-γ)arïq* и т.д. и *-q*, рассматриваемые некоторыми тюркологами как формы напр. падежа на *-q/-k*. Примеры отмечены в туркменских диалектах (*ilerik, dašarïq*) и халаджском (*buraq* 'сюда'). В. Банг в свое время высказал предположение, что -q восходит к утвердительной частице *oq*: например, *näčük*<*näčä-oq* [Bang 1926, 50]. Мнение В. Банга было поддержано А. Габэн: *joqarïq*<*joqarï*+*oq* [Gabain 1959$_1$, 111], а позднее развито А.М. Щербаком [1973, 61—62].

Наречия на *-ra*

К ним относятся такие древнетюркские формы, как *tašra*, 'наружу', *ičrä* 'внутри', *isrä* 'ниже', *soŋra* 'сзади', которые уже в тот период начали переходить в послелоги. Наречные образования на *-ra/-rä* встречаются в современных тюркских языках: тур. *bura* 'здесь', *nere* 'где', аз. *hara* 'куда'.

В. Банг [Bang 1917$_1$, 10] трактует все эти формы как директив на *-ra* и, кажется, отклоняет гипотезу, по которой *ra*<*ara* 'промежуток' [Radloff 1897, 85][14]. А. Габэн [Gabain 1950, 90] от-

[14]Гипотеза В.В. Радлова была поддержана и развита Ф.Д. Ашниным [1963].

мечает, что *-ra* может быть формантом, проникшим из отдаленно родственных языков, например, монгорского, где существует локатив на *-ra*. Она не исключает и другой возможности: *tašra* могло быть образовано из **taš*+*ï-r-a*, т.е. из деепричастия фактитивного глагола[15]. Идея А. Габэн была поддержана А.М. Щербаком [1970₁, 31], который подробно проанализировал языковый материал и существующие его интерпретации [Там же, 29—30].

Ф.Д. Ашнин, видимо, прав, отделяя вопрос о генезисе *ara, bura, ora, hara,* представляющих региональное явление, от проблемы происхождения *-ra* с локативным значением в образованиях типа *soŋra, tašra* и т.д. Убедительна и его аргументация в пользу того, что форма *bura* возникла из *bu*+*ara*, а *nere* — из *ne jer* [1963, 100—105].

Что касается *-ra/-re* в *soŋra, tašra* и т.д., то этот аффикс можно интерпретировать и как *-r-a* (ср. деепричастия типа: хак. *ibər* 'кругом'<*ibər-* 'выворачивать', чув. *tavra* 'вокруг'<*tavər-* 'выворачивать', др.-тюрк. *tegrä*, алт. *ötkürе* 'через'<*ötkür-* 'заставить проходить, пропускать') и как *-ra* с локативным значением.

Локатив на *-ra* от имен зарегистрирован в словаре МК [II, 105, 135, 191, 280, 293] и в старотурецких текстах. Правда, примеры из МК слишком однотипны (*bašra*+глагол *qaq-* с различными залоговыми показателями и приводится лишь один образец, где фигурируют *közrä* и *tübrä*: *tatïy köztä tikäniŋ tübrä* 'чужеземца в глаз, колючку под корень'). Единичны они и в старотурецких текстах: *göksirä, jüzirä* (Zaj. St I, 160); *yolïra, däpärä* и т.д. (PhTF, 170, TS II, 1090), а также древнеуйгурских.

Наречия на *-laj, -laju, -lajïn*

Эти наречия деепричастного происхождения, на что указывали многие исследователи, например В. Банг [Bang 1918₁, 96], который разлагал *lajïn* на аффикс отыменных глаголов *-la*+деепричастный афф. *-u(ï)*+инструментально-адвербиальный *-n*, ср. также у Ж. Дени [Deny 1921, 598, примеч.]; в другом месте (с. 262, примеч. 1) он трактует тур. *-layïn* как *-ile(-le)* и *yin*[16].

Наречия на *-laju*, точнее адвербиальная форма имени с уподобительным значением, встречаются уже в тюркских текстах XI в., например в МК (II, 325): *közlejü* 'подобно глазу', *börläjü* 'подобно волку', *arslanlaju* 'подобно льву', *kelŋizläjü* 'как поток' и т.д.

Некоторые из этих образований несколько изменили семантику: *qurlaju*[17] 'раз', *bašlaju* 'во главе', почти утратив оттенок уподобительности.

---

[15] О деепричастном происхождении *bura, šura, ora, nere* еще в 1925 г. писал А.Н. Самойлович [1925, 91].

[16] Ж. Дени, вероятно, был прав: можно предположить омонимию двух близких по значению афф.: *-laju*+*n* и *la-j-ïn*; последний употребителен в наречиях с временным значением.

[17] В *qurlaju* можно предположить контаминацию с *qurla*<*qur-ile* или *qur-la* (аффикс древнего комитатива).

В современных тюркских языках, особенно кыпчакских, употребительны адвербиальные формы на *-laj, -lajïn* с сравнительно-уподобительным значением: кар. *otlaj* 'как огонь', *oqlajïn* 'как стрела', кум. *almalajïn* 'как яблоня'. В ряде языков, например, карачаево-балкарском, узбекском форма на *-laj, -lajïn* выражает образ или способ действия: узб. *butunläj* 'совсем', туркм. *dirilejin* 'заживо', кбалк. *axčalaj* 'деньгами', башк. *qərəlaj* 'всухую', тат. *tərəläj* 'живым', ног. *jartïlaj* 'пополам'. Формы на *-laj* и *-lajïn* могли контаминироваться с формами на *-daj/-däj*<**deg* с сравнительно-уподобительным значением: ср., например, *arslanlaju* 'как лев' в МК и *arslandaj* 'то же' в современном татарском языке, каз. *solaj* 'так' (сочетается с глаголом) и *sondaj* 'так' (сочетается с именем); то же и в башкирском языке, где афф. *-daj* имеет фонетический вариант *-laj*, совпадающий с *-laj*<*laju* и *-la+j+n* с сопроводительным и орудным значением. К последним образованиям, вероятно, относятся наречия типа: ктат. *aqšamlajïn* 'вечером', тур. *geǯelejin* 'ночью', гаг. *sabajlan* 'утром', являющиеся новообразованиями по сравнению с формами на *-laju*.

Наречия на *-la*

Наречия на *-la* в древнетюркском, как отмечает А. Габэн [Gabain 1950, 65], встречаются очень редко: *körklä* 'прекрасно', *qurla* 'раз', *tünlä* 'ночью'. К этой же модели В. Банг [Bang 1918$_1$, 96] относит *ertälä* 'утром' и осм. *öjlä* 'полдень'; сюда же принадлежит др.-тюрк. *čïnla* 'истинно', аз. [РСл III, 1624] *danla* 'утром, завтра', кар. *jaŋla, janla* 'только что, недавно', кум. *taŋala* 'завтра', ног. кн. *taŋla* 'завтра', чаг. *taŋla* 'завтра'[18].

В. Банг усматривал в *-la/-le* аффикс с инструментально-адвербиальным значением, в то же время он допускал образование наречий типа *qurla* из имени и послелога *ile* 'с' [Bang 1918$_1$, 96 и 93, примеч. 2). Ж. Дени [Deny 1921, 262] также выводит *le*<*ile*. Иначе к проблеме подходит В. Котвич [1962, 318 сл.]: он считает, что *ile* разлагается на *i+le*[19], где *le* — показатель твор.-совместн. падежа. В турецком языке, по мнению В. Котвича, возможно, *ile*<*le* после основ на гласный.

Афф. *-la/-le* с широким адвербиальным значением представлен в современном чувашском языке: *sʼərle* 'ночью', *kajəkla* 'по-птичьи', *pusla* 'по копейке'. В алтайских диалектах употребляется послелог *-la/-le(qïptï-čaqla* 'ножницами', *qalbaqla* 'ложкой'), в котором В. Котвич и усматривает тот же древний формант *la* [1962, 320]. Наречия с афф. *-la/-le* зарегистрированы в словаре Махмуда Кашгарского: *činla* 'в самом деле', *tünle* 'ночью', *ikilä* 'два раза' (адвербиальная форма числительного *iki* 'два'), *öjle, özle* 'полдень', *jaŋïla* 'повторно'.

Даже, если правы исследователи, что *il-e*>*ile*>*le/la*, образования

[18] *taŋla*, возможно, образовалось из *taŋda* (местн. п. от *taŋ* 'заря, рассвет') путем диссимиляции, ср. МК., алт., тел., шор., саг., койб., ком., др.-уйг. *taŋda* 'завтра' или же существовали параллельные формы с близким значением *taŋda* и *taŋla* (с аффиксом инстр. падежа или послелогом); ср. кбалк. *tambla* 'завтра'<*taŋ bïla*.

[19] О других этимологиях ile см. раздел "Послелоги".

типа *tünle* первоначально имели комитативное значение. Таким образом, для понимания структуры и семантики *tünle* и т.д. безразлично, был ли в пратюркском показатель комитатива *le*, либо он имеет послеложное, а в конечном счете деепричастное происхождение.

Алтайские параллели афф. *-la* окончательно не установлены [см., например, Котвич 1962, 322 сл.], хотя допустима связь тюрк. *-la* с монгольским аффиксом совместн. п. *-luγa>-la:>-la* [Санжеев 1953, 174; ср. Рамстедт 1957, 47].

В некоторых тюркских языках вместо образований на -la/-le с временным значением выступают производные на *-laj/-lej:* ср. др.-тюрк. *tünle*~кар. т. *t'unlej* 'ночью', чув. *kunla*~кар. г. *kunlej* 'днем', что могло явиться следствием контаминации и вытеснения одной формы другой.

Ареальные производные наречия

Наречия на *-lap* и *-lata* деепричастного происхождения: судя по их локализации в группах тюркских языков, они являются новообразованиями.

Наречия на *-daj/-dej.* Форма на *-daj/-dej* получила распространение главным образом в кыпчакских языках. Она трактуется разными исследователями по-разному: так, исследователи ногайского языка пишут, что при помощи афф. *-daj/--dej* от прилагательных, глагольных основ и реже других частей речи образуются наречия времени, образа и степени действия [ГНЯ 1973, 193; СТЛЯ 1969, 301]. З.З. Абсалямов [1974, 10; см. также Мусаев 1964, 177] трактует башкирские формы на *-daj/-däj* как имена прилагательные. Г.И. Рамстедт [1957, 56—57] относит *-daj/-dej* к падежеподобным образованиям [см. Закиев 1964, 217]. Генетически *-daj/-dej*, возможно, связано с *dek* — послелогом с компаративным значением (ср., например, варианты *dek, dej*, зарегистрированные в Кодексе Куманикус, и параллелизм таких форм, как сюг. *mïntax, munday* 'так, такой' в МК и тат. *məndij*, ног. *mundaj* и т.п.).

Трактовка образований на *-daj/-dej* как наречий или прилагательных, по всей вероятности, неправомерна. Имя с афф. *-daj/-dej* с учетом позиционных ограничений его употребления (например, в башкирском — приименная позиция) следует включать в категорию падежеобразных образований, подобных формам на *-lï, -sïz* и т.п. Видимо, уподобительное значение у аффикса-послелога *-daj/-dej* было первичным и первоначально не совпадало с более широким адвербиальным значением форм на *-laju, -laj.* Затем в ряде случаев наступило смещение и возникла возможность функционального замещения[20] (ср. тат. *arəslandaj* 'как лев' и *arslanlaju* 'то же' в МК: *arslanlaju kökrälim* 'зарычим подобно льву').

[20]Ср. каз. *qustaj* и кбалк. *quščа* 'как птица'.

ГЛАВА VI

ГЛАГОЛ

КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА

Во всех тюркских языках представлено пять залогов — основной, понудительный, возвратный, страдательный и взаимный, — которые имеют типологическую общность с другими алтайскими языками, что свидетельствует о том, что залог является одной из самых древних категорий тюркского глагола.

Основной залог, представленный нулевой формой глагола, совпадающей с его лексической основой, в соответствии со своим названием являет собой ведущую диатезу. В ней прежде всего и главным образом функционирует любой глагол как часть речи, имплицитно выражая соотнесенность обозначаемого им действия или состояния с подлежащим, которое в глаголах активного действия совпадает с реальным субъектом, а в глаголах состояния олицетворяет носителя данного состояния. Основной залог характеризуется, таким образом, индифферентным выражением субъектных отношений: в его пределах подлежащее, с которым обязательно должно быть соотнесено обозначаемое действие или состояние, предстает как грамматический субъект независимо от того, является ли оно производителем или всего лишь носителем данного действия.

Остальные залоги исторически и по своему существу представляют собой трансформацию и модификацию основного залога по дифференцированному выражению субъективных отношений в рамках самого глагола с помощью специальных аффиксов. Так, взаимный, понудительный и возвратный залоги выделяются прежде всего как маркированные разновидности действительного залога, по разному дифференцирующие субъектные отношения: первые два залога характеризуют строго определенное взаимодействие двух реальных субъектов в осуществлении действия, а последний указывает на направленность активно производимого действия на самого ее исполнителя, что отчасти характерно также и для взаимного залога. Страдательный залог предстает как инверсия действительного залога: предполагает устранение названия агенса (реального субъекта) с позиции подлежащего, где его место занимает название псевдосубъекта, на который направлено данное действие или состояние как на объект. Подлежащее в данном случае оказывается объектом чужого действия, являясь по своему синтаксическому положению грамматическим субъектом на общих основаниях.

Хотя категория залога и сводится по существу к выражению

субъектных отношений, а именно к их унификации (основной залог) или дифференциации (косвенные залоги), она тесно, а отчасти и неразрывно связана с лексико-грамматической категорией переходности/непереходности, весьма осложнившей ее природу: во-первых, залогоизменяемость глагола во многом зависит от его переходности/непереходности, во-вторых, что самое главное, при образовании форм возвратного и отчасти понудительного и взаимного залогов происходит изменение значения переходности (возвратный и отчасти взаимный залоги) и непереходности (значительная часть форм понудительного залога) и соответственно исходное лексическое содержание претерпевает в каждом отдельном случае более или менее заметную модификацию.

Формы косвенных залогов вообще характеризуются полифункциональностью, далеко не укладывающейся в рамках самой категории залога. В составе более или менее широкого круга глаголов они действительно обладают теми собственно залоговыми значениями, которые в существующих лингвистических источниках охарактеризованы без всяких оговорок как универсальное и неизменное содержание данной залоговой формы. В очень многих случаях форма залога, однозначно выражая соответствующую диатезу, одновременно образует качественно новую или обновленную лексическую единицу: ср. башк. *qyryn-* 'бриться' (*qyr-* 'скоблить, тереть'), и общетюрк. *körüs-* 'увидеться, встретиться, здороваться, здороваться за руку' (*kör-* 'видеть'). Еще чаще залогообразующий аффикс, лишаясь значения данного залога, выступает исключительно в словообразовательных целях, самостоятельно или в составе сложного, чисто деривационного аффикса типа *-laš, -lat, -lan,-lən;* ср., например, башк. *toton-*, тат. *totyn-*, чув. *tytăn-* 'приступить' (*tot-*<*tut-* 'держать, ловить'); башк. *ejələš-* / *ejələn-* 'привыкать' (*ejə-* 'хозяин, владелец').

Эта ясно выраженная двоякая (собственно залоговая и словообразовательная) природа залогообразующих форм, которая прослеживается как в древних письменных памятниках тюркских языков, так и в современных тюркских языках, проявляется в том, что косвенные залоги, особенно взаимный и понудительный и в их общепризнанных залоговых значениях не отличаются однородностью, распадаются на семантически и функционально весьма различные разновидности, отдельные из которых тяготеют к словообразованию, сохраняя с данным залогом лишь отдаленную генетическую связь. Так, формы взаимного залога во всех тюркских языках, включая некоторые письменные памятники, делятся на следующие структурно-семантические типы, представляющие собой четко очерченные самостоятельные модели:

1) при многочисленных глаголах непроизвольного (типа *kül-* 'смеяться') или активного (типа *jyrla-* 'петь') действия выделяется как самостоятельная лексико-грамматическая категория, выражающая неопределенное множество одновременно совершающихся однородных действий, соотнесенных обычно с одним и тем же подлежащим в форме мн. числа (*qušlar sajrašdy* (МК III, 194) 'птицы щебетали');

2) при сравнительно меньшем числе глаголов активного действия, особенно в переходных глаголах типа *köter-* 'поднимать' выделяется в типовом значении оказания помощи в осуществлении действия, основным исполнителем которого является отнюдь не подлежащее (оно лишь соучастник кооптации), а другое лицо, названное в позиции косвенного дополнения в форме дат. падежа (*ol maŋa bürmi buruškdi* (МК II, 94) 'Он помог мне собрать складки'; *ol meŋä buγdaj jyγγyšdy* (МК III, 73) 'Он помог мне собирать пшеницу'), что представляет принципиально иную диатезу, чем все остальные диатезы, организуемые формой на *-š*;

3) при узком круге переходных глаголов типа *učra-* 'встретить' форма на *-š* выступает во взаимно-возвратном значении;

4) при более широком составе переходных и отчасти непереходных глаголов та же форма выделяется в совместном значении, не содержащем указания на направленность действия на самих его исполнителей, представленных в предложении, как и в предыдущем случае, двумя раздельно выраженными названиями лиц, как того требует собственно взаимный залог (*ol menin birlä joryšdy* (МК III, 72) 'Он состязался со мной в ходьбе');

5) в некоторых глаголах типа общетюрк. *surä-* 'расспрашивать', *biliš-* 'разузнавать', тат. *urlaš* 'воровать' форма на *-š* выражает повторяемость и интенсификацию действия, совершенно не изменяя исходную залоговую охарактеризованность глагола.

Принципиально различные две диатезы представляет форма понудительного залога, ср.: 1) *ol atyn semritti* (МК II, 385) 'Он откормил свою лошадь', тат. *ul balany ašatty, aŋa su ečertte* 'Она накормила ребенка, напоила его водой', 2) башк. *ul jyrδy beδ hinənjyrlatabyδ* 'Ту песню мы заставим петь тебя'. Во второй своей разновидности, характерной для алтайских языков, понудительный залог в свою очередь обнаруживает многогранную семантическую вариантность (понуждение, побуждение, допущение, разрешение и т.п.). Кроме того, в ряде тюркских языков форма понудительного залога нередко используется для выражения безличного действия типа тат. *tuŋdyra* 'морозит', *öšetə* 'знобит', входя в сферу основного залога.

Гораздо менее разветвленными являются содержание и функции формы возвратного и, особенно, страдательного залогов. Но и они не отличаются однозначностью и монофункциональностью. В возвратном залоге обнаруживается явное семантическое расслоение, а страдательный залог во многих тюркских языках представляет собой по существу две разные диатезы (по преимуществу употребляется в безличном или неопределенно-личном значении и под иноязычным влиянием образует трехчленную пассивную конструкцию индоевропейского типа, не получившую широкого распространения).

Ни один залог, кроме основного, ни одна его разновидность не имеет абсолютного характера. Каждый косвенный залог охватывает в целом лишь незначительную часть глагольной лексики. В одном из своих общих и частных значений он образуется от одного круга глаголов, в другом — от другого в полной зависимости от природы их лексического значения или от охарактеризо-

ванности данного глагола по категории переходности/непереходности, следовательно, тоже в зависимости от характера его лексического содержания.

Большое расхождение обнаруживают косвенные залоги и их функционально-семантические разновидности по охвату глагольной лексики, т.е. по численности глаголов, от которых они могут быть образованы в том или ином из своих значений, а также по степени своей употребительности, зависящей в конечном итоге от коммуникативной значимости каждого залога и его разновидностей. Это различие усугубляется тем, что залоги и их разновидности именно по сфере своего распространения получили на почве отдельных тюркских языков и их групп весьма различное развитие, отраженное еще в их ранних письменных памятниках. Но самые значительные различия обнаруживают тюркские языки по составу так называемых лексикализованных форм косвенных залогов, а также по составу глаголов, в которых форма залога одновременно играет и залогообразующую и словообразовательную роль, проливая свет на историческое развитие категории залога. В своих основных чертах эта категория характеризуется достаточной устойчивостью и идентичностью во всех современных и древних тюркских языках, что дает основание возвести ее с уверенностью к пратюркскому состоянию наших языков.

В то же время среди так называемых лексикализованных форм, составляющих в целом довольно большой пласт глагольной лексики в каждом из тюркских языков, многие носят общетюркский или межтюркский характер и к тому же нередко относятся к номинациям первой необходимости, восходящим, очевидно, к самым отдаленным периодам развития истории тюркских языков, в том числе и к эпохе их нераздельного состояния; ср., например, общетюрк. *jan-* 'гореть' от **ja* (ср. *jaq-* 'развести огонь, сжечь', *jalqyn* 'пламя'), *syn-* 'сломаться' от **sy-* 'ломать', *üjren-* 'научиться', *üjret-* 'научить', *ökün-* 'каяться, сожалеть' от *öm-/ö-* 'думать' (Gab., 351), *dušün-/tüšün-* 'понять, постичь' от *tüš-* 'ниспадать, опуститься, валиться вниз', *juw-* 'мыться, умываться' от *ju-* 'мыть, стирать', *boluš-* 'помочь, принять участие в осуществлении чужого действия (исполняемого другим лицом)' от *bol-* 'быть, становиться, стать', *tanyš-* 'познакомиться, ознакомиться' (ранее 'обговорить, советоваться') от *tany-* 'знать, узнать, распознать, признать' (др.-тюрк. *tanu-* 'информировать'), *tiril-* 'ожить' (*tirig* 'живой'), *sürt-* 'вытирать, втирать, намазать' от *sür-* 'гнать, преследовать, удалить', *kiriš-* 'приступить' от *kir-* 'войти', *keltür-* 'доставить (сюда)' от *kel-* 'прийти, явиться (сюда)', *körün-* 'показаться' от *kör-* 'видеть', межтюрк. *jarat-* 'любить, считать подходящим' от *jara-* 'подходить, годиться', *berkit-* 'укрепить, закрепить' от *berk* 'крепкий', *jaŋylyš-* 'ошибаться' от др.-тюрк. *jaŋyl-* 'ошибаться, заблуждаться', не сохранившегося во многих современных языках, и т.п.

Словообразовательная функция залоговых форм, оставившая во всех тюркских языках глубокие и неизгладимые следы и тем не менее

ускользавшая от внимания исследователей[1], своими корнями уходит, вопреки мнению отдельных тюркологов[2], тоже в древность, органически переплетаясь с самой категорией залога и освещая самые отдаленные ее истоки типа *joqat-/joqad-* 'уничтожить' (Gab., 387), *joqal-* 'потеряться', *kökäd-* 'поднимать' (Там же, 343), *čabyl-* 'прославляться' от *čab* 'слава' (ДТС 135), кирг., узб., уйг. *keliš-*, каз., ног., ккалп. *kelis-*, туркм. *geliš-*, башк., тат., чув. *kileš-*, хак. *kilis-* 'соглашаться, договориться'; (тат., башк.) 'быть к лицу, прийтись по вкусу, понравиться, оказаться полезным' от *kel-* 'прийти, явиться (сюда)', башк. *toton-*, тат. *totyn-*, чув. *tytăn-* 'приступить' от *tot-*>*tut-* 'держать, ловить'.

Приведенные и сходные с ними многочисленные примеры со всей очевидностью свидетельствуют о том, что словообразовательная функция залоговых форм представляет собой отнюдь не побочное спонтанное явление, производное от их залоговых значений, как это себе представляют многие[3], а одно из основных их исконных назначений. Если это и представляется спорным, то только по той причине, что не только грамматисты, но и лексикографы и лексикологи недостаточно изучили и выявили действительные размеры так называемой лексикализации залоговых форм. Лексикографы обычно ограничиваются показом в словарях главным образом наиболее разительных семантических сдвигов, которые происходят при осложнении лексической основы глагола залоговыми аффиксами[4], а грамматисты, описывая залог, как правило, не привлекают материалы словарей, не пользуются этими выборочными показательными

---

[1]Хотя это явление как редкое исключение и было замечено сравнительно давно, практически оно более или менее полно на широком фактическом материале охарактеризовано пока что лишь применительно к башкирскому языку главным образом в связи с рассмотрением категории залога тюркского глагола в лексикографическом плане [см. Юлдашев 1972].

[2]Так, М.З. Закиев утверждает, что "словообразовательную функцию залоговые аффиксы стали выполнять позднее в связи с изменением (развитием) значения слова, вернее, с изменением значения слова некоторые глаголы в том или ином залоге стали пониматься не в залоговом значении, а как новые глаголы" [Закиев 1958, 99]. Того же мнения придерживается Б.А. Серебренников, считающий, что лексические значения залоговых аффиксов в тюркских языках возникают "в течение времени на базе былых грамматических значений" [Серебренников 1958, 113].

[3]Эту точку зрения, опирающуюся на конкретные примеры, впервые наиболее ясно сформулировал Н.А. Баскаков [1952$_1$, 335]. Ее разделяют даже отдельные авторы тех немногих современных грамматик, в которых словообразующая функция залоговых форм истолкована отнюдь не как лексикализация, а как их самостоятельное назначение. Так, Л.А. Покровская в объяснение сущности деривационной функции залоговых форм приводит указанное высказывание Б.А. Серебренникова, хотя и выделяет эту их функцию в отрыве от самого залогообразования [см. Покровская 1964, 170 сл.]

[4]Надлежащее описание залоговых форм во всех их собственно залоговых и деривационных значениях и модификациях лексикографы обычно подменяют пометами типа *понуд.*, *страд.*, которые применительно к многозначным глаголам, составляющим добрую половину глагольной лексики, далеко не полностью соответствуют действительности, ибо они в исходной и залоговой формах, как правило, не совпадают по составу своих лексических значений и их оттенков

примерами употребления залоговых форм в словообразовательных целях[5].

Правда, активность словообразовательной функции залоговых форм в более поздние периоды истории многих тюркских языков резко пошла на убыль, тем более, что она во многом постепенно оторвалась от самого залогообразования и стала развиваться на почве большинства этих языков во внутриглагольном словообразовании в двух основных направлениях:

1) формы на *-t, -tyr, -qar* и т.п. значительно шире, чем ранее стали служить для превращения отыменных глаголов состояния в глаголы активного действия: башк. *nyγajt-* 'укрепить' от *nyγaj* — 'крепнуть' (*nyq* 'крепкий'), *kübəjt-* 'умножить' от *kübəj-* 'увеличиться численно' (*küp* 'много'), *aŋlat-* 'объяснить' от *aŋla-* 'понимать', а формы на *-l, -n* и, отчасти, на *-š*, напротив, прочно утвердились как регулярное средство трансформации производных глаголов активного действия, создаваемых высокопродуктивным афф. *-la/-le(-lə)* от имен, в обычные глаголы состояния, полностью лишаясь залогового значения или (очень редко) сохраняя с ним лишь отдаленную семантическую связь: *ütkerlən-* 'становиться острым; сделаться бойким, шустрым' от *ütkerlə-* 'точить' (*ütker* 'острый'), *maturlan-* 'сделаться красивым' от *maturla-* 'украшать, сделать красивым', *normalaš-~normalan-* 'нормализоваться, войти в норму' от *normala-* 'нормировать', *kraxmallan-~kraxmallaš-* 'превратиться в крахмал (частично)';

2) на базе этих двух структурных типов внутриглагольного словообразования возникли и ныне развивают свою активность сложные формы отыменного словообразования на *-lan/-len (-lən), -laš/-leš (-ləš)* и на *-lat/-let (-lət)*, из которых первые две производят глаголы состояния, а последняя — глаголы активного действия: башк. *qorallan-* 'вооружаться' от *qoral* 'оружие', *iδərlen* 'дуреть' от *iδər* 'глупец', *fajδalan-* 'пользоваться' от *fajδa* 'польза', *kiδkenləš-* 'обостряться' от *kiδken* 'внезапно', *aktivlaś-* 'активизироваться', *sylat-* 'намочить' (ср. *sej* 'сырой'), *tiδlət-/tiδlə-* 'ускорить, убыстрять' от *tiδ* 'быстро', *jellət-* 'проветривать' от *jel* 'ветер'. Первые две широко распространенные в тюркских языках производные формы, в составе которых залоговые аффиксы выделяются лишь на правах неотъемлемого элемента монолитных деривационных аффиксов, в свою очередь, стали взаимодействовать в современных языках с аффиксами *-dyr, -tyr, -t*, которые в этом случае тоже выступают исключительно в целях образования глаголов активного действия типа башк. *qoralhyδlandyr-* 'обезоружить' от *qoralhyδlan-* 'разоружаться, обезоруживаться', *aktivlaštyr-* 'активизировать' от *aktivlaš* 'активизироваться'. А на базе этих образований затем сформировались малопродуктивные усложненные формативы *-landyr/-lender (-ləndər), -laštyr/-lešter(-ləštər)*, создающие глаголы активного действия уже непосредственно от именных основ преимуществен-

[5]Исключений здесь крайне мало: начиная с 60-х годов отдельные тюркологи, в частности А.Н. Кононов, Л.А. Покровская, Э.Р. Тенишев, при грамматическом описании категории залога на выборочных примерах стали в той или иной мере характеризовать словообразовательную функцию залоговых форм, выделяя ее особо.

но иноязычного происхождения: башк. *jyhaδlandyr* 'обставлять, меблировать' от *jyhaδ* 'утварь', *döjömləšter-* 'обобщить' от *döjöm* общий, всеобщий', *jabajlaštyr-* 'упростить' от *jabaj* 'простой'.

Если сходным образом последовательно элиминировать все исторические напластования словообразовательных процессов, связанных с залоговыми формами, от самого залогообразования, то деривационная функция залоговых форм в рамках их использования как показателей собственно диатезы действительно предстает как аномальное спонтанное явление, по мере отдаления от древности к современности все более суживающееся с ясно выраженной тенденцией размежевания и обособления от самой категории залога в результате ее нарастающей стабилизации как таковой. Тем не менее категория залога в тюркских языках даже в современном ее наиболее развитом состоянии не свободна от словообразования. Возникшая в тюркских языках главным образом на основе деривационных форм, оставляя в них ясные следы первоначальной своей двоякой природы, она так и не смогла полностью оторваться от прежних словообразовательных следов.

С одной стороны, даже в составе перечисленных явно поздних высокопродуктивных и малопродуктивных словообразовательных форм, действующих в системе словообразования вне категории залога, можно отметить немало образований типа башк. *iδənləš-* 'здороваться' от *iδən* 'здоровый', *tuyanlaš-* 'породниться' от *tuyan* 'родственник', *berləš-* 'объединиться' от *ber* 'один', *havlaš- (havbullaš-* 'прощаться', *hav* 'здоровый', *hav bul* 'будь здоров'), *telləš-* 'пререкаться' от *tel* 'язык', *duδlaš-* 'подружиться', *sudlaš-* 'судиться', *bəxəsləš-* 'спорить' от *bəxəs* 'спор'; *rizalat- (rizalaštyr-* 'склонить к согласию, вызвать это' от *riza* 'согласен', *miŋrəvlət-), miŋrəvləndər-* 'сделать глупым, бестолковым; оглушить, лишить способности нормально рассуждать' (ср. также *miŋrət-* в том же значении) от *miŋrəv* 'глупый, бестолковый, тупица', *tuyanlaštyr-* 'породнить', *tynys-landyr* 'успокоить' от *tynyslan-* 'успокоиться' (*tynys* 'спокойный'), *šatlandyr-* 'порадовать, обрадовать' от *šatlan-* 'радоваться' (*šat* 'радостный) и т.п., которые входят в сферу соответствующего залога или по крайней мере тяготеют к нему, хотя одновременно и представляют собой безусловную деривацию или лексическую модификацию.

С другой стороны, и при самом залогообразовании, осуществляемом в отрыве от организованного словообразования, характерного для предыдущего случая, тоже не исключена спонтанная деривация или модификация лексического содержания отдельных производящих основ: ср. инновации типа башк. *iδəpləš-*1) взаим. от *iδəyplə-* 'считать, подсчитать' (т.е. 'помочь кому-либо в осуществлении этого действия'), 2) 'разделаться с кем-л., поквитаться с ним', 3) 'считаться с кем-, чем-л.' Правда, в сходных случаях обновление лексического значения исходной основы или его преобразование происходит чаще всего в результате калькирования с русского языка. Но в нем так или иначе участвуют залоговые формы.

Таким образом, залог в тюркских языках ни в его современном состоянии, ни тем более в историческом его прошлом невоз-

можно сколько-нибудь последовательно отграничить от словообразования и квалифицировать как чисто грамматическую категорию глагола.

Залоговые формы обнаруживают весьма резкие колебания также в своем развитии в качестве показателей собственно диатезы, особенно, по сфере своего употребления в этой функции, стабилизовавшейся, очевидно, гораздо раньше, чем началось ее постепенное ясно выраженное размежевание и изоляция от их словообразовательной функции, развивающейся ныне главным образом в отрыве от нее. Если словообразовательная функция залоговых форм по мере ее обособления все более расширяется почти во всех современных тюркских языках, то их собственно залоговая функция по сравнению с ее проявлениями в относительно ранних письменных памятниках и в современных тюркских языках заметно сузилась, особенно сократилась сфера распространения взаимного, понудительного и отчасти возвратного залогов.

В современных языках мы уже не найдем многих залоговых форм типа *kitiš-* 'расходиться' (Gab., 343) от *kit-* 'уходить', *tegiš-* 'касаться друг друга, трогать друг друга' (МК II, 105), *semriš-* 'жиреть (о многих)' (МК II, 213) от *semri-* 'жиреть', *tirgür-* 'оживить', *tit-* 'быть упомянутым' (Gab., 372) от *ti-* 'сказать', *itiл-* возвр. от *эt-* 'делать, совершить' (КПб, 10). *atyn-* 'делать вид, что стреляет' (МК I, 149), особенно много зафиксированных М. Кашгарским. Возвратный залог в симулятивном значении, наиболее широко отмеченном в ДТС, вообще не представлен в современных языках. Абсолютное большинство форм понудительного залога претерпело переосмысление и ныне представляет собой действительный залог в общепринятом его понимании. Только формы на *-t, -tyr, -qar* и т.п. более или менее сохранили свою былую продуктивность в собственно залоговом значении. Из всех косвенных залогов по-прежнему широко употребляется как диатеза лишь пассив, по сравнению с ними менее всего связанный со словообразованием (как нам представляется, он вообще образуется, не затрагивая исходного лексического содержания производящей основы, исключая в какой-то мере лишь глаголы состояния типа башк. *jaryl-* 'расколоться' от *jar-* 'расколоть', *vatyl-* сломаться' от *vat-* 'сломать').

В целом самое большое изменение претерпел основой залог. В ходе исторического развития косвенных залогов, особенно по мере активизации и обособления словообразовательной функции их форм за пределами собственно диатезы, выражаемой ими, накопилось множество лексических единиц, в составе которых залоговые аффиксы выделяются исключительно как дериваторы, вовсе не изменяющие исходной залоговой характеристики производящей основы и соответственно ни в какой мере не препятствующие их естественному тяготению к основному залогу, постепенно вобравшему их в себя целиком и полностью. Сфера распространения основного залога во многих современных тюркских языках с развитой новой глагольной терминологией настолько расширилась за счет этого многочисленного пласта производных глаголов, что теперь уже наличие в составе глагола того

или иного залогового аффикса перестало быть надежным критерием выделения понудительного, возвратного, взаимного и отчасти страдательного залогов, тем более, что по одному внешнему строению глагола и ранее невозможно было различать возвратный и страдательный залоги.

Говоря о сфере распространения залогов в тюркских языках, заметим, что она во многом изменилась также применительно к каждому из них. По залогозаменяемости глагола тюркские языки, по-видимому, вообще всегда различались. Достаточно сказать, что даже в пределах таких двух близких друг другу языков, как башкирский и татарский, прослеживаются расхождения по возможности образования того или иного косвенного залога, в частности, в башкирском языке невозможны многие формы типа тат. *abynyl-, avrylyv, aryl-, asyn-,* отмеченные в специальном исследовании по залогоизменяемости татарского глагола [см. Зинатуллина 1969], и, напротив, в татарском языке не известны некоторые древнейшие формы, например *qasyš-* 'прятаться, разбежаться', представленные также в руниче ских надписях [см. Ахметов 1978, 55], и сравнительно поздние (к примеру, *havlaš-* 'здороваться') формы. По залогоизменяемости отмечены заметные расхождения также на уровне диалектов этих языков.

По составу аффиксальных морфем, выражающих собственно диатезу, тюркские языки, как современные, так и древние, имеют более или менее существенные расхождения лишь в понудительном залоге, в этом отношении необычайно обстоятельно рассмотренном И.В. Кормушиным в широком сравнительно-историческом плане, включающем одинаково полно материалы тунгусо-маньчжурских и монгольских языков [см. Кормушин 1978]. В остальных залогах расхождения в данном аспекте сводятся к явно поздним инновациям сугубо фономорфологического характера, вызванным фонетическими закономерностями отдельных тюркских языков или их групп. Все эти инновации, приведшие к образованию и стабилизации производных алломорфов исконных залоговых аффиксов в результате закономерного чередования в отдельных языках согласных вроде **š̌>s* (каз., ккалп., ног., хак., як., сал., сюг.), *š>s'* (чув.), *š>s>h* (як.) легко объяснимы фонетически и представляют по существу объект исторической фонетики и фономорфологии. (Поэтому их рассмотрение здесь представляется неуместным.)

По составу собственно залоговых значений и функций, равно как и по их соотношению собственно залоговые формы за незначительным исключением (частично изложенным выше) во всех современных тюркских языках и их исторических памятниках обнаруживают, судя по существующим лингвистическим источникам, достаточно большую и устойчивую общность, своими корнями уходящую, очевидно, в глубокую древность. Во всяком случае, ее удовлетворительно нельзя объяснить иначе, тем более что тюркские залоги по своей природе, как это давно замечено, находят во всем главном типологические соответствия не только в монгольских и тунгусо-маньчжурским языкам, но и в японском и корейском языках.

Хотя эти чрезвычайно интересные факты и возникающие в связи

с ними вопросы, в особенности генезис и этимология залоговых аффиксов, давно привлекают внимание исследователей. Сравнительно-историческое изучение категории залога в таком широком алтаистическом плане, начатое Г. Рамстедтом, до сих пор не находит продолжения и углубления. Это прежде всего объясняется, очевидно, отсутствием не только и не столько достойного преемника Г. Рамстедта, сколько многих необходимых сведений как на уровне алтаистики, так и применительно к отдельным группам языков, в частности в тюркском языкознании, где именно из-за этого разработка залога в диахроническом плане, сопряженная с большими трудностями, по необходимости находится пока что в зачаточном состоянии. Здесь широко развернуто (но еще далеко не закончено) первичное описание залога по историческим памятникам тюркских языков, оказавшееся наиболее плодотворным на материале памятников узбекского языка. В обобщающих работах А.фон Габен, М. Рясянена и др. содержатся по залогам лишь отрывочные иллюстрации морфологической структуры залоговых форм без должного раскрытия их содержания. В первых работах по исторической морфологии узбекского и чувашского языков — тоже.

Помимо явной недостаточности накопленных материалов по тюркским залогам, в развертывании надлежащей разработки проблематики категории залога существенным препятствием служит сложность ее природы и исторического развития, а также вызванная всем этим противоречивость суждений о ней.

В связи с этим в 1957 г. в Уфе была проведена специальная дискуссия [см. ВСОГ 1958] с участием широкого круга специалистов и видных грамматиков-теоретиков. Организаторы выдвинули вопрос о признании или отрицании категории залога в тюркских и финно-угорских языках, поскольку традиционный положительный ответ на него никем ранее надлежащим образом не был обоснован, а отрицательный напрашивался сам по себе главным образом по той причине, что многие тюркологи, сами того не замечая, усматривали залоги там, где залоговый аффикс не имеет с ним ничего общего, кроме генетической или лишь отдаленной семантической связи, угадываемой с трудом.

Такой материал к тому времени был выявлен. Если грамматисты вплоть до 50-х годов зачастую ограничивались описанием на материале данного языка того, что в области других языков было отмечено их предшественниками, начиная с О. Бетлингка, то отдельные исследователи позже, особенно с середины 50-х годов стали находить ранее незамеченные типичные частные или даже общие значения залоговых форм, но стремились обязательно увязать их с общепризнанными залоговыми значениями. Постепенно список залоговых значений, особенно перечень значений взаимного, понудительного и возвратного залогов пополнился более частными их значениями и оттенками, квалифицируемыми отдельными учеными как собственно залоговое содержание (в том числе видовое значение повторяемости и интенсивности, безличное значение понудительного залога, значение мн. числа глагола и т.п.) после чего само понятие залога стало крайне расплывчатым (особенно если учесть, что и ранее оно не отличалось достаточной ясностью ни в тюркском языкознании, ни за его пределами).

Дискуссия в Уфе выявила основные направления в трактовке категории залога и показала всю сложность ее грамматической

квалификации, обусловленной полифункциональностью залоговых форм, в частности особенностью их широкого использования в современных тюркских языках в словообразовательной функции, которую, как и залогообразующую, невозможно возвести в абсолют. Положительным результатом дискуссии является, как отметил Б.А. Серебренников в своем заключительном слове, признание этой двоякой природы тюркских залоговых форм [Серебренников 1958, 113], а также обоснованное подтверждение правомерности выделения в тюркских языках залога как самостоятельной категории глагола, которую как такую вынужден был признать в ходе дискуссии и сам Серебренников, отрицавший ее в своем основном докладе [Там же, 61-72].

После дискуссии наметилась тенденция раздельного рассмотрения словообразовательной функции залоговых форм [Кононов 1960, 197] или отграничения ее от самого залогообразования путем перечисления конкретных случаев ее проявления [см. Покровская 1964, 171—174; Тенишев 1976$_1$, 165—168]. Но в самой грамматической квалификации категории залога в тюркских языках единство ученых по-прежнему не достигнуто. Многие отечественные тюркологи, вслед за О. Бетлингком, Н.К. Дмитриевым, А.Н. Кононовым, трактуют ее как грамматическую категорию. К этому направлению по существу примыкает традиционное (и в принципе противоречивое) истолкование ее, идущее от Г. Рамстедта и получившее самое широкое распространение, особенно в зарубежной тюркологии; сторонники этой прочно утвердившейся традиции относят залог без всякого обоснования к внутриглагольному словообразованию, но рассматривают его отнюдь не как собственно деривацию, а именно как категорию залога в общепринятом ее понимании под однозначными терминами "фактитив", или "каузатив", "пассив", "реципрок" и "рефлексив" или под их русскими соответствиями "понудительный залог", "страдательный залог", "взаимный залог" и "возвратный залог" [см. Ramstedt 1912, 3, 23, 26, 29, 53, 62; 1957; PhTF 1959][6]. Вопреки мнению Б.А. Серебренникова [1958, 64—65] залоговые формы охарактеризованы ими как выразители соответствующих диатез и в тех немногих их описаниях, где они поданы под неопределенными терминами "понудительные формы" — "понудительные глаголы", "возвратные, формы" — "возвратные глаголы" и т.д. (Н.П. Дыренкова, В.В. Решетов, В.Г. Егоров и др.). Употребляя такие термины (которые, кстати, впоследствии пересмотрели и А.Н. Кононов и Ж. Дени[7]), эти исследователи также не пытаются сво-

---

[6] В отечественной тюркологии, включая и современные грамматические описания, эта традиция представлена тоже широко [см. ГТЯ 1970; ГНЯ 1973; ГК-БЯ 1976].

[7] В своей знаменитой грамматике Ж. Дени описал залогообразование в терминах verbe causatif (on factitif), verbe reflechi, verbe passif, verbe reciproque [Deni 1921], которые он впоследствии заменил общепринятыми наименованиями собственно залогов (см., например, его статью [Deni 1959, 202]).

Залоговые формы без ясной их грамматической квалификации описал первоначально также А.Н. Кононов [1948]. В более поздних своих трудах А.Н. Кононов рассматривает их под однозначными терминами в разделе не словообразования, а формообразования как грамматическую категорию, состоящую из пяти залогов: основного, взаимного, возвратного, страдательного и понудительного [Кононов 1960, 187—197; 1956, 192—201; 1980, 173].

дить залогообразование к собственно деривации или приравнять его к ней[8].

Из этих двух рассмотренных основных направлений в истолковании категории залога в свете всего вышеизложенного нужно считать справедливым второе, ставшее ныне в тюркском языкознании ведущим. Ибо при всей грамматикализованности категорию залога невозможно рассматривать в отрыве от словообразовательной функции ее форм, как и наоборот, хотя в современных языках собственно залогообразующую и деривационную функции залоговых форм и можно считать изолированными друг от друга, исключая, конечно, то большое и все возрастающее число залоговых форм, в составе которых залоговые аффиксы играют одновременно и словообразовательную и залогообразующую роль.

Суть категории залога сводится к маркировке в пределах самого глагола в грамматически организованном порядке реально-смыслового (понудительный, возвратный, взаимный и основной залог в значении действительного) или номинально-грамматического (страдательный залог и основной залог в значении среднего) предикативного ядра предложения, что означает эксплицитное выражение субъектных отношений, представленных в нулевой форме глагола, т.е. в основном залоге лишь имплицитно[9]. На деле это означает выражение синтаксических отношений между глаголом и именем, представляющем в определенных синтаксически закрепленным за ним позициях в соответствующем падежном оформлении название фактического или номинального (грамматического) субъекта или субъектов.

Глагол как часть речи немыслим вне этих синтаксических отношений, соответственно — вне залога, ибо обозначение живого действия, характерного лишь для глагола, невозможно без указания (скрытого или явного) на его соотнесенность с субъектом.

---

[8]И всеже такие попытки есть. В частности, Н.А. Баскаков, который во всех значениях и синтаксических функциях тюркских залоговых форм, обусловливающих структурную схему двусоставного предложения и его лексическое наполнение, усматривает только словообразование [см. Баскаков 1979, 22 сл.] на том лишь основании, что залогообразующие аффиксы, по его мнению, органически входят в состав лексической основы глагола (с. 11, 21, 25) "и не выражают отношений синтаксических" (с. 21). Предупреждая неизбежное возражение против последнего своего положения, Н.А. Баскаков предлагает те синтаксические отношения, которые выражают тюркские залоги, считать лексическими (с. 25) и соответственно он квалифицирует залог как категорию лексическую.

[9]Противники признания категории залога в качестве одного из доводов ссылались в свое время на то, что субъектные отношения глагол выражает и сам по себе. Так, Н.А. Баскаков утверждал: "В тюркских языках категория залога относится к формам лексического словообразования (как и категория вида) так как значения залога и вида заключены в самом корне или основе глагола до преобразования его в ту или иную функциональную форму" [Баскаков 1979, 333]. Утверждение это верно. Но ведь нулевая форма глагола — это тоже форма, которая в сопоставлении со специальными залоговыми формами обязательно воспринимается как основной залог.

ОСНОВНОЙ ЗАЛОГ

Основной залог представляет собой немаркированную универсальную диатезу, предполагающую синтаксическую соотнесенность глагола с названием реального исполнителя или носителя обозначаемого им действия как с грамматическим субъектом — подлежащим, которое вовсе необязательно должно быть реальным субъектом, хотя и выступает в предложении с точки зрения грамматической на его правах. Ср., с одной стороны, *qyz büδiti* (МК III, 259) 'Девушка плясала', где основной залог по своему значению соответствует действительному залогу, с другой — *Anyŋ tyšy buzdan syzlady* (МК III, 297) 'Его зубы заныли от льда', где основной залог выступает в значении среднего залога, хотя подлежащее формально и соотнесено с глагольным сказуемым на правах субъекта.

Основной залог как диатеза, в которой главным образом функционирует тюркский глагол, реализуется трояко: 1) субъект однозначно назван с помощью личных аффиксов в составе самой словоформы глагола: *aldym* 'я взял', 2) субъект выражен синтаксически *men alyač* 'когда я взял', 3) субъект выражен одновременно и синтаксически, и морфологически: *men alsam* 'если возьму я'.

В письменных памятниках, как и в современных тюркских языках, глагол в основном залоге применительно к 1 и 2-му лицам употребляется преимущественно в первом варианте диатезы, а в 3-м лице, где исполнитель или носитель обозначаемого им действия, в отличие от первых двух лиц, однозначно не назван и обозначен в рамках самого глагольного сказуемого лишь условно, применяется обычно третий или второй вариант диатезы. В наиболее древних письменных памятниках это носит в целом довольно регулярный характер. Плеонастическое синтаксическое выражение субъекта при форме 1 и 2-го лица глагола встречается здесь во всяком случае редко и воспринимается оно в связи с этим как средство актуализации субъекта в предложении: *Biz jämä süläδimiz* (ПДП, 64) 'Мы еще воевали'. В современных тюркских языках такая диатеза связана не только с актуализацией подлежащего, но и стилистическими запросами и наблюдается поэтому гораздо чаще, чем в письменных памятниках.

Основной залог ориентирован главным образом на глаголы активного действия, составляющие половину глагольной лексики, и выступает соответственно по преимуществу в значении действительного залога. Значение среднего залога он имеет лишь в глаголах состояния, которые на синтаксическом уровне выравниваются по аналогии с глаголами активного действия и наравне с ними соотносятся с подлежащим формально как с субъектом, хотя он при них и является лишь носителем, а не производителем обозначаемого состояния: *sökäl igdin evrädi* (МК II, 185) 'Больной избавился от болезни'; *Jyyač syndy* (Там же, 29) 'Дерево сломалось'; *Suv jerkä siŋdi* 'Вода впиталась в землю'; *Anyŋ közi osärdi* (МК I, 178) 'У него потемнело в глазах'; *Köz küčsiräp jaš aqsar* (ДТС, 323) 'Если глаза становятся слабыми и текут слезы'. В основном залоге, таким образом, происходит унификация в выражении субъектных от-

ношений: состояние приравнивается к активному действию, носитель состояния или его объект — к агенсу. Соответственно, существенно важным условием в обозначении действия или состояния в основном залоге является лишь его формальная соотнесенность с грамматическим субъектом — подлежащим.

При всей своей синтаксической унифицированности по аналогии с действительным залогом средний залог последовательно и четко отграничен от него лексико-семантически, а в большинстве случаев также и морфологически — через посредство словообразовательных форм, которые за редким исключением (вернее — за исключением формы на -la производившей в свое время не только переходные глаголы активного действия, но и значительное число непереходных глаголов состояния, входящих в сферу среднего залога) образуют глаголы либо действительного, либо среднего залога, последовательно маркируя их с точки зрения залоговой принадлежности. Очевидно, в связи с этим последним обстоятельством и непроизводные глаголы, составляющие менее одной десятой части глагольной лексики, очень четко распадаются на глаголы действительного (ср. *al-* 'брать', *ber-* 'давать', *kel-* 'явиться, прийти') и среднего (ср. *sez-* 'чувствовать', *quru-* 'сохнуть', *oŋ-* 'линять, бледнеть') залогов, которые различаются в этом случае, конечно, лишь на семантической основе.

Как и в языках иных семей, тюркские глаголы действительного залога за незначительным исключением являются переходными и имеют валентность на прямое дополнение: *Ol any ytlady* (МК I, 285) 'Он мучил его'; *Er qapuy japty* (МК III, 57) 'Мужчина закрыл дверь'. Непереходные глаголы активного действия, как и глаголы среднего залога, лишены этого: *Er evkä keldi* (МК II, 25) Мужчина пришел домой'; *Kün toydy* 'Солнце взошло' (ДТС, 326). По залоговому управлению действительный и средний залоги в остальном отличий не имеют. Но средний залог в значительном составе глагольной лексики, в частности в многочисленных глаголах чувственного восприятия, имеет очень своеобразную маркированную диатезу, в которой ясно прослеживается тенденция его синтаксического выравнивания в предложении по аналогии с действительным залогом.

В древнейших глаголах чувственного восприятия типа общетюрк. *ujqu kel-* 'хотеть спать', *ačyy kel-* 'злиться' и в возникшей на их почве необычайно продуктивной форме оптатива на *-yy/-ge kel-* состояние изображается с помощью предикативной конструкции, в которой подлежащим является само имя действия, а сказуемым — изменяющийся по наклонениям и временам служебный глагол *kel-* в форме 3-го лица ед. числа. При этом подлежащее обычно осложняется изменяющимися по лицам и числам аффиксами принадлежности, которые и соотносят обозначаемое всей предикативной конструкцией состояние с определенным лицом как субъектом, испытывающим данное состояние, ср. *ujqum keldi* 'я хотел спать', *ujqyŋ keldi* 'ты хотел спать', *ujqysy keldi* 'он (она) хотел(а) спать', *ujqyŋ kelsä* 'если захочешь спать', *ujqym kelir edi* 'я бы захотел спать' и т.д. Субъект, испытывающий

обозначаемое состояние, в предложении может быть представлен также и в раздельном лексическом выражении в форме род. падежа:

башк. *(minең) joqo kilə* '(я) хочу спать'

(hinең) joqoŋ kilə '(ты) хочешь спать'

(uның) joqoho kilə '(он, она) хочет спать' и т.д.,

но это носит факультативный характер, тогда как наличие подлежащего и сказуемого в предложении является обязательным условием данной диатезы.

Глаголы чувственного восприятия, вызывающие описанную чрезвычайно интересную рудиментарную диатезу, очень широко распространены и активно употребляются почти во всех современных тюркских языках [см. подробнее: Юлдашев 1961]. Они встречаются также и в письменных памятниках, ср.: *Men bu kün qadašymγa barγum kelür örtügün* (ДТС, 295) 'Я сегодня хочу отправиться тайком к моему родственнику'; *Jana jatty anča usy kelmädi* (Там же) 'Он еще немного полежал, ему не спалось'. Как это хорошо видно из последнего примера, предикативная конструкция, выражающая то или иное состояние, переосмыслена как единая сложная лексическая единица, и ее содержание соотнесено с подлежащим на общих основаниях наряду с содержанием предыдущего глагола активного действия. Несмотря на это, описанная диатеза формально представляет собой предикативную конструкцию особого структурного типа и может быть выделена как маркированная разновидность среднего залога в современных и древних тюркских языках, тем более, что для нее характерны, во-первых, своеобразное спряжение (что Б.А. Серебренников [1958, 62] в свое время считал одним из основных критериев выделения категории залога), во-вторых, что самое главное, — последовательная и строгая противопоставленность как основному залогу, так и, в особенности, взаимному, возвратному и страдательному залогам. Единственным существенным препятствием для ее признания как особой диатезы является тот факт, что она формально выравнивается на синтаксическом уровне по аналогии с действительным залогом.

В действительном залоге формально в тюркских языках выступают даже безличные глаголы, занимающие в системе залогов, как и глаголы чувственного восприятия, особое место (они тоже противопоставлены всем остальным залогам, кроме понудительного, и фактически тоже находятся вне действующей системы спряжения). Они формально соотносятся с 3-м лицом, хотя на деле субъект при них немыслим: *jaγmur jaydy* (ДТС, 223) 'шел дождь'; *Bir tojyn bašy aγyrsa, qamuγ tojyn bašy aγyrmas* (МК 519_{10}) 'Из-за того, что болит голова у одного монаха, не заболит голова у всех монахов'.

Такое тотальное выравнивание среднего залога по аналогии с действительным залогом на синтаксическом уровне, приведшее по существу к индифферентному выражению субъектных отношений в рамках основного залога, получившего в результате этого глобальное распространение на глагольную лексику, послужило, очевидно, существенной предпосылкой для развития косвенных залогов, отличающихся от него главным образом именно дифференцированным

формальным выражением субъектных отношений. Во всяком случае в этом кроется одна из причин широкого развития понудительного, взаимного и возвратного залогов, по разному дифференцирующих действительный залог, а также страдательного залога, противопоставленного им и основному залогу как инверсия действительного залога, при которой субъект действия намеренно устраняется с позиции подлежащего в целях актуализации либо самого действия (безличный страдательный залог, получивший в тюркских языках самое широкое распространение), либо объекта, занимающего позицию подлежащего, представляя с логической точки зрения псевдосубъект.

Основной залог, формально соответствующий действительному залогу и тем не менее представляющий на одинаковых началах и его, и средний залог, внешне уподобленный ему, в своем историческом развитии как диатеза никаких существенных изменений не претерпел. Каким он был ранее, таким по существу и остался в современных тюркских языках, где, однако, значительно расширилась сфера его распространения за счет форм других залогов, отрешенных значений косвенных залогов типа др.-тюрк. *ajt-* 'сказать' (*aj-* 'сказать'), *syn-* 'сломаться' (*sy-* 'ломать'), *ötün-* 'просить, умолять' (*öt-* 'просить'), *suvyš-* 'стать жидким, водянистым' (*suv* 'вода'), *japyš-* 'приклеиться' (*jap-* 'покрыть'), *öčur-* 'гасить, тушить' (*öč-* 'гаснуть'), *ölit-* 'намочить' (*öl-* 'влажный, мокрый'), *közgär-* 'показывать' (*köz* 'глаз').

ПОНУДИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ

По традиции, идущей от составителей первых грамматик тюркских языков, к понудительному залогу, или каузативу, без всяких оговорок принято относить не только структурно, но и функционально разнородные сравнительно продуктивные формы на *-(u/ü, y/i,e)t* и *-tur/-tür/-tir, -tyr/-ter* и целый ряд супплетивных непродуктивных форм на *-(u/ü, y/i, t)r, -(u/ü, y/i, e)z, -qar, -qaz, -yur, -tuz, -sät, -zir, -güt* и т.п.[10], которые объединяются, собственно говоря, лишь по выражению активного[11] и, как правило, переходного действия, в преобладающем большинстве случаев не имеющего отношения к собственно понудительному залогу, предполагающему осуществление действия кем-либо по волеизъявлению подлежащего, обычно не принимающего в его осуществлении непосредственного участия.

---

[10] Перечисленные морфемы имеют разветвленную серию алломорфов, образованных на общих основаниях в соответствии с внутренними законами тюркской фономорфологии, которая имеет ту или иную специфику в каждом из современных тюркских языков. Подробные сведения по фономорфологии каузатива, освещенной в широком сравнительно-историческом плане, см. [Кормушин 1978].

[11] С помощью отдельных из перечисленных аффиксов в свое время были созданы также некоторые глаголы состояния типа башк. *jarat-* 'любить' (*jara-* 'годиться, подходить'), *buldyr-* 'справляться с чем' (*bul-* 'быть'), др.-тюрк отыменные непереходные глаголы типа *bilgat-* 'стать умным' (ДТС, 99) от *bilga* 'мудрый', *jaγut-* 'стать врагом, враждовать' от *jaγy* 'враг' (Там же, 224), *tert-* 'потеть' от *ter* 'пот' 554), *qarar-* 'сделаться черным 'от *qara* 'черный' (ПДП, 412) и т.п

Все эти разнородные формы чаще всего выполняют чисто словообразовательную функцию, отрешенную от собственно понудительного залога: образуют обычно переходные глаголы активного действия либо непосредственно от имен, либо за счет непереходных глаголов состояния, противостоя им по выражению действительного или среднего залога. И только в результате своего все возрастающего употребления в качестве грамматически организованного средства превращения непереходного глагола состояния в переходный глагол активного действия значительная их часть, в особенности афф. *-(y/i, e)t, -tyr/-tir, -qar/-qaz, -yar/-yaz*, постепенно переросли в более или менее регулярные показатели собственно понудительного залога, предназначенного для выражения экстраординарных биносубъектных субординативных отношений.

1. Из этих трех разнородных, но исторически тесно связанных между собой функций, частично переплетающихся и ныне, самой непродуктивной была первая — отыменное словообразование, — характерная лишь для форм на *-qar/-kär/-qyr/-ker, -(y/i, ä)t* и *-tyr/-tir*.

Отыменные глаголы больше всего создавались по древнейшей словообразовательной модели на *-ut* и отчасти *-qar* с типовым деривационным значением 'вызвать свойство, названное производящей основой, сделать тем, что выражено в ней'; ср. др.-тюрк. *berk* 'крепкий' + *-it->berkit* 'укрепить, прикрепить', *sučі(g)* 'сладкий, пресный'+ *-ıt->sučigıt* 'сделать сладким' (ПДП 423), *qut* 'счастье'+*-qar->qutqaz* 'осчастливить'>'освободить' и т.п. Менее продуктивным было образование отыменных глаголов с типовым деривационным значением 'проявлять свойство по основе', а также с более частными деривационными значениями: ср. др.-тюрк., тат. *küz-ät-*, каз. *küzet-*, тур. *gözet-*, 'наблюдать, присматривать, от *küz<köz* 'глаз', др.-тюрк. *köŋülkär-* 'продумать' (Gab., 343) (*köŋül* 'душа'), др.-тюрк. *tüpkär-* 'обосновать' (Там же, 376) (*tüp* 'основа, корень'), др.-тюрк. *čaqyr-* 'звать', *qaqyr-* 'харкать', *qantur-* удовлетворять' (ПДП 411) (*qan* 'кровь'), др.-тюрк. *qyqyr-* 'кричать', *syyyr-* 'свистеть', межтюрк. *qyčqyr-* (тат. *qyčqyr-*, каз. *qyšqyr-*, башк. *qysqyr-*), монг. *xasyarix* 'кричать' от звукоподражания по образцам древнейших глаголов типа башк. *baqyr-/aqyr-* 'вопить, орать', межтюрк. *jaŋyr-* 'звучать, резонировать' от *jaŋ* (туркм. хак.) 'эхо, отзвук', др.-тюрк, *ičkär-* 'ввести внутрь помещения' (ДТС, 202) от *іč-* 'внутренность', *küzgüür-* 'приближиться (об осени)' и т.д.

Все эти и сходные глаголы объединены значением действительного залога, по которому некоторые из них еще в древнейшую пору входили в ясно очерченную оппозицию с средним залогом в качестве ее отмеченного члена; ср. *arut-* 'очистить' — *arun-* 'очиститься' (СС, 42), *bošat-* 'освободить' — *bošan-* 'освободиться' (Там же, 65), *čilät-* 'намочить' — *čilän* 'намокать' (ДТС, 146), *emget-* 'мучить' — *emgen-* 'мучиться' (Там же, 172), *ojat-* 'будить' — *ojan-* 'проснуться' (Фаз. I, 165), *odyur-* 'будить' — *odun* 'проснуться' (ДТС, 362), *ögrät-* 'учить' — *ogran-* 'учиться' (Там же, 380), *qutqar-* 'спасти, освободить' — *qutul-* 'спастись, освободиться' (Там же, 473), *tirgür-* 'оживлять' — *tiril-* 'оживать' (Там же, 562), *qozyat-* 'тронуть с места' — *qozyal-* 'тронуться с места', *pyčrat-* 'пачкать' — *pyčran-* 'испачкаться' и т.п.

Выступая в качестве отмеченного члена сходных коррелятивных пар, эти формы естественно стали осмысливаться как показатели активного действия, противопоставленного пассивному состоянию в рамках двух однокорневых образований. В силу этого аффиксы отыменного словообразования столь же естественно превратились в регулярное средство трансформации непереходного состояния в переходный глагол активного действия: др.-тюрк. *ar-* 'утомляться' — *aryur-* 'утомлять' (ДТС, 50), *arta-* 'портиться' — *artat-* 'портить' (Там же, 56), *semir-* 'жиреть' — *semirt-* 'откармливать' (Там же, 495), *joqad-* 'исчезать, погибнуть' — *joqadtur-* 'уничтожать' (Там же, 273), *jaxšur-* 'улучшаться' — *jaxšurt-* 'улучшать', тур. *eri-* 'раствориться' — *erit-* 'растворить' и т.д. Очевидно, именно в связи с таким переосмыслением этих аффиксов создание глаголов с их помощью за счет именных основ ни в древних, ни в современных тюркских языках сколько-либо значительного развития так и не получило, исключая в какой-то мере только чувашский язык. В остальных тюркских языках мы можем назвать лишь немногие сравнительно поздние отыменные производные с так называемыми каузативными аффиксами типа башк. *bašqar-* 'исполнять', *üdgär-* 'изменяться', *oyat-* 'провожать', да еще отдельные качественно новые инновации типа башк. *eškärt-* 'обрабатывать от *eš* 'работа', *idkärt-* 'предупредить' от *id* 'сознание, память'. Все остальные же отыменные глаголы с каузативными аффиксами носят либо общетюркский, либо межтюркский характер и по происхождению уходят, очевидно, в очень далекую древность.

Отыменное словообразование с помощью так называемых каузативных аффиксов наибольшие следы оставило в чувашском языке, где благодаря этому возросло число бинарных оппозиций, во всех же остальных тюркских языках они представлены лишь считанными парами приведенного выше рода. Ср. чув. *čert-* 'оживить' — *čerel* 'ожить, выздороветь' (*čere* 'живой'), *pušat-* 'освободить' — *pušan-* 'освободиться' (*pušă* 'пустой, свободный'), *s'arat-* 'опустошить, разорять' — *s'aral-* 'оголяться, обнажиться, лишиться растительности' (*s'ara* 'голый'), *s'ărat-* 'сгущать' — *s'ăral-* 'сгущаться' (*s'ăra* 'густой'), *s'enet-* 'обновить' — *s'enel-* 'обновиться' (*s'ene* 'новый'), *s'emset-* 'сделать мягким, смягчить' — *s'emsel-* 'становиться мягким, смягчиться' (*s'emse* 'мягкий'), *suvet-* 'охладить' — *suven-* 'охладиться' (*suve* 'холодный'), *tasat-* 'очистить' — *tasal-* 'очиститься' (*tasa* ' чистый'), *turlet* 'выпрямить' — *turlen-* 'выпрямиться' (*ture* 'прямой'), где прослеживается ярко выраженная оппозиция (по выражению актива и медиопассива, переходности и непереходности), проливающая свет на становление действительного и среднего залогов, из которых последний лег в основу страдательного и возвратного залогов, а первый послужил предпосылкой для формирования каузатива.

Зачатки каузатива прослеживаются в известной мере даже в самом отыменном словообразовании, в частности в отдельных глаголах типа др.-тюрк. *suvγar-* 'поить кого чем', *ičkär-* 'вводить кого (в помещение)', которые благодаря специфике своего исходного лексического содержания приобретают широко распространенное не

только в тюркских языках значение 'осуществить действие при содействии другого лица, на которое оно направлено как на объект, основным его исполнителем': *ol at suvyardy* (МК II, 188) 'Он напоил коня'[12]; *ol atyn evkä ičkardi* (МК I, 227) 'Он ввел лошадь внутрь помещения'; *qyz berišip kelin ičkärip miŋ jyltümän künki saqynč saqynurlar* (ДТС, 202) 'Выдавая дочерей замуж и вводя в дом невест, они обдумывают (все) на тысячу лет и десять тысяч дней', где представлена реальная предпосылка для осмысления обозначаемого действия в казутивном плане. Судя по этим примерам, каузатив мог зародиться еще на почве отыменного словообразования в зависимости от специфики лексического содержания создаваемого глагола.

2. Внутриглагольное словообразование, производимое с помощью так называемых каузативных аффиксов, сводится в основном к превращению непереходных глаголов состояния в переходные глаголы активного действия[13]. Производящая и производимая основы по аналогии с древнейшими коррелятивными парами типа *ögrat-* 'учить' — *ögrän-* 'учиться', представленными во всех тюркских языках, воспринимаются во многих случаях как однокорневая коррелятивная пара, отражающая оппозицию действительного и среднего залога: др.-тюрк. *quru-* 'сохнуть' — *qurut-* 'сушить', *tukä-* 'кончаться' — *tükät-* 'заканчивать, завершить' (ПДП, 435), *qarar-* 'сделаться черным' — *qarart-* 'сделать черным, темным' (Там, же 412), *qajna-* 'кипеть' — *qajnat-* 'кипятить', *jylу-* 'согреваться' — *jylyt-* 'согреть' (ДТС, 266), *soyу-* 'остыть, охладиться' — *soyut-* 'охлаждать' (Там же, 506), *isi-* 'греться' (Там же, 221) — *ysyt-* 'согревать', *köti-* 'подниматься' (Там же, 320) — *kötür-* 'поднимать', *suči-* 'быть сладким' (Там же, 516) — *sučit-* 'сделать сладким' и т.п.

Однако эта явно выраженная тенденция осмысления производных глаголов на *-t, -tyr, -qar-* и т.п. как маркированной разновидности действительного залога, противопоставленной однокорневым непереходным глаголам состояния, последовательного развития не получила, поскольку их образование, неразрывно связанное с изменением их валентности на прямое дополнение, сплошь и рядом сопровождается 1) более или менее значительными модификациями исходного лексического содержания глагола, 2) качественным его преобразованием или семантическими сдвигами. Естественно, что при таком положении данные формы в первую очередь воспринимаются как дери-

---

[12]Здесь прослеживается типологическая общность с многими языками, в том числе с рус. *поить* от *пить*, нем *tränken* от *trinken*, где каузативное значение возникает на базе словообразования. В тюркском соответствии *suvyar-* это значение возникает при словообразовании, но минуя бинарную оппозицию, характерную для собственно каузатива. Поэтому здесь мы имеем дело лишь с зачатками каузатива, что подтверждается возможностью образования каузатива от *suvyar-* на общих основаниях, когда в этом есть коммуникативная необходимость, ср. *suvyart-* 'заставить кого-л. поить лошадь' (МК II, 256).

[13]Первоначальное значение каузативных аффиксов, осложнивших значения древнейших корней глагола, в частности исходное значение и функции афф. *-t*, пока не известно. Ср. др.-тюрк. *jat-* 'лежать; собираться что-л. сделать' и кор. *ča-* 'лежать', тунг. *da-* 'собираться', тюрк. *bat-* 'погружаться' и кор. *pa-* 'падать вниз, погружаться', гольд. *pa-* 'падать' и т.д. [Рамстедт 1957, 148—149]

вационные модели, тем более что многие из них частично участвуют в отыменном словообразовании именно как дериваторы.

В каждом из тюркских языков мы найдем немало производных глаголов с названными аффиксами, заслоняющих своей деривационной природой маркировку действительного залога и коррелятивное соотношение производящей и производимой глагольной основ, их оппозицию по выражению актива и медиопассива. Ср. 1) башк. *avyrt-* 'испытывать боль, болеть (о частях тела)' (*avyr-* 'болеть'), *arttyr-* 'увеличивать, прибавлять, повышать, превышать; *мат.* умножать; усиливать, усугублять, перен. перехватить через край, пересаливать' (*art-* 'увеличиваться, множиться, прибывать, прибавляться численно'), *əset-* 'саднить; квасить тесто' (*əse-* 'киснуть, прокисать, бродить, перебродить'); *baδtyr-* 'травить (зверя на охоте), гнаться, преследовать бегом; заставить встать, придавливать' (*baδ-* 'встать, ступать давить'), *bušat-* 'разгружать, ослаблять, освободить от работы' (*buša-* 'пустеть, слабнуть, расшатываться, освободиться'), *buldyr-* 'справляться с чем-л., приобретать, создавать, предоставить возможность, учреждать' (*bul-* 'быть, становиться'); *jəbešter-* 'заклеить, приклеить, прилепить, залепить' (*jəbeš-* 'прилепать, приклеиваться; цепляться, пристать, привязаться, приниматься за что-л.'); *biδδer-* 'надоедать, приедаться, скучать' (*biδ-* 'охладевать к кому-, чему-л.; надоедать, приедаться'), *jöδət-* 'докучать кому-л., дергать, изводить, изматывать, изнурять, досаждать, измучить' (*jöδə-* 'мучиться'), *nyγyt-* 'чинить, ремонтировать, упрочить, укрепить' (*nyγy-* 'крепнуть'), *oqšat-* 'прийтись по вкусу, понравиться; принимать за кого-л.' (*oqša-* 'быть похожим, подобным, нравиться'), *ülter-* 'убить' (*ül-* 'умирать'), *üδter* 'выращивать, растить, воспитывать, повышать (знания)' (*üδ-* 'расти') и т.п.; 2) др.-тюрк. *turγur-* 'возводить, строить, сооружать' (ДТС, 587) (*tur-* 'стоять, жить'), башк. *tondor-* 'сильно ударить, оглушить ударом' (*ton-* 'отстояться; глохнуть'), *jarat-* 'любить' (*jara-* 'быть пригодным, годиться') и т.п.

Все формы, относимые обычно к каузативу, наряду с тем, что превращают глаголы состояния в глаголы активного действия, искони широко применялись для трансформации непереходных глаголов действия в транзитивные глаголы. Приобретение валентности на прямое дополнение само по себе неизбежно в той или иной мере видоизменяет исходное лексическое значение глагола и всегда носит в конечном счете словообразовательный характер [см. Иванов 1969, 122—123; Кормушин 1966, 70—71], который в зависимости от профиля лексического содержания прямого дополнения нередко варьируется существенным образом: 1) др.-тюрк. *sülät-* 'вести в поход' (*süla-* 'воевать') (ПДП, 423), *ketür-* 'устранять, удалять, относить' (*ket-* 'удалиться'), *keltür-* 'доставить сюда' (*kel-* 'прибыть сюда'), *sürt-* 'втирать, натирать, намазать' (*sür-* 'гнать') (ДТС, 518); башк. *yryyt-* 'бросать, кидать' (*yryy-* 'прыгать') и т.д.; 2) башк. *ayyδ-* (от *aq-* 'течь') 'дать течь, лить, слить (воду), сплавлять по воде (лес), проливать (слезы)', *kilter-* 'принести (книгу), привезти (дрова), перен.: принести (пользу)', *küser-* 'переместить, переписать (текст)'.

Преимущественным использованием этих форм в чисто словообразовательных целях объясняется, очевидно, их нередкое применение для

создания относительно автономных лексических единиц от переходных глаголов[14], ср. башк. *kiser-* 'прощать' (*kis-* 'идти по воде, переправиться через водное пространство'), *ajyrt-* 'сепарировать молоко' (*ajyr-* 'разлучить, отделить, разнимать, разобщить'), *aŋlat-* 'объяснить, истолковать' (*aŋla-* 'понять, осмыслить, осознать'), *bolyat-* 'мешать, перемешивать, размешивать, мутить' (*bolya-* 'махать, помахивать'), *belder-* 'дать знать, извещать, уведомить, информировать, оповещать' (*bel-* 'знать'), *kürhət-* 'показывать' (*kür-* 'видеть'), *jyrt-* 'рвать' (*jyr-* 'прорвать'), *qyðtyr-* 'вкладывать, всовывать, прищемлять (палец)' (*qyð-* 'жать, прижать, теснить, зажать'), *osrat-* 'наткнуться на кого-, что-л., встретить, увидеться, застать кого-л., ища' (*osra-* 'попадаться навстречу, встречаться, подвергаться', *ütkär-* 'проводить, пропускать (дать дорогу), переносить, продевать' (*üt-* 'пройти, проехать, проникать'), *uqyt-* 'учить' (*uqy-* 'учиться, читать'), *tanyt-* 'зарекомендовать себя, неожиданно показать себя с отрицательной стороны') (*tany-* 'узнать, знать грамоту'), *helket-* 'трясти, шатать, шевелить' (*helk-* 'махать, качать'), *hiðder-* 'дать почувствовать, дать знать' (*hið-* 'чувствовать') и т.п.[15].

Как это вытекает из обзора основных направлений в использовании так называемых каузативных форм по деривационному назначению, они за редким исключением предполагают соотнесенность обозначаемого ими действия с реальным его производителем, чаще всего — с названием лица. Это их свойство, особенно последовательно развившееся во внутриглагольном словообразовании, явилось важной предпосылкой для становления и развития на их почве каузатива как особой диатезы, выражающей осуществление активного действия субординативным взаимодействием двух субъектов — основного и вспомогательного. Однако реальные условия для зарождения каузатива появились, очевидно, лишь по мере формирования агентивного прямого дополнения, представляющего одновременно и объект и вспомогательный агенс действия, при активных глаголах действия типа др.-тюрк. *čyqar-*, который применительно к объекту, выраженному неодушевленным предметом, означает 'вынести, вывезти что-л. откуда-л., вынуть что-л. спрятанное или невидное (например, из кармана); перен.: вытравить, забыть', а в отношении к прямому дополнению, выраженному названием одушевленных предметов, обозначает 'выво-

[14]Лексическое значение глагола меняется также и в зависимости от характера соотнесенного с ним подлежащего: ср. *bešerəm* 'варю, пеку', (*qojaš*) *vešwerə* ('солнце) печет', (*qajnar byv menəm barnmqty*) *bešerdem* '(я кипятком) ошпарил (пальцы').

[15]Предупреждая возможное возражение, заметим, что во всех сходных примерах мы имеем дело не с десемантизацией и лексикализацией каузатива, как это себе представляют отдельные тюркологи, а с сознательным использованием форм каузатива в словообразовательных целях.

Осложнение переходных глаголов "каузативными" аффиксами, отнюдь не приводящее к образованию понудительного залога, практиковалось еще в древнейшую эпоху, когда, вероятно, такого залога вообще еще не было: ср. *ajyt-* 'говорить' от *aj-* 'говорить' (ДТС, 29), *qait-* 'вернуться' от *qaj-* 'оборачиваться' (Там же, 406); *tarat-* 'распускать, рассеивать' от *tara-* 'рассеивать' (Там же, 536), производящие основы которых выпали, поскольку они по значению совпадают с производными формами на *-t*. Ср. также тюрк. *türt-* 'тыкать, толкать' и монг. *tört-* 'тыкать, толкать' (Ramsr., 22). Таких десемантизированных древних форм, представленных в современных языках без производящей основы, по-видимому, немало.

дить кого-л., изгнать кого-л., т.е. осуществить действие при участии самого лица, на которое оно направлено как на объект, ср. *kөŋüldin čyqaryul tarar soqluγyn* (ДТС, 150); 'Жадность изгони из сердца' *Men any evden čyqardym* (МК 310_{13}) 'Я вывел его из дома'; *qavuz sucikdan ketär* (МК III, 164) 'Удали осадки из сока'; Ol tašyγ *joldan ketärdi* (Там же, 187) 'Он убрал камень с дороги'; *Azuqlar jolundyn ketärdi meni* (ДТС, 303) 'Он увел меня с дороги заблудших'; *Tašqaru tartyp öntüräjin* Выведу-ка я ее наружу' (Там же, 385) (в своем производном значении 'вытаскивать *öntür-* пользуется обычным дополнением, выраженным названием неодушевленного предмета (зубы, например).

3. Возникший поначалу в глаголах типа др.-тюрк. *čyqar-* 'выводить, выпускать кого-л.' в порядке побочного лексически обусловленного частотного их значения, каузатив в глаголах типа др.-тюрк. *jatyur-* 'уложить кого' от *jat-* 'лежать' (ДТС, 248), соотнесенных, как правило, с агентивным дополнением, носит регулярный характер: *ol any jatyurdy* (МК III, 99) 'Он уложил его'. Но в сходных глаголах каузатив по выражению субъективных отношений однозначностью не отличается, особенно в контексте приведенного рода, где участие вспомогательного агенса (*any*) в действии остается совершенно неосвещенным. В таких формах каузатива, образованных от непереходных глаголов, подлежащее в зависимости от контекста может быть основным, а то и единственным исполнителем действия. Подлежащее здесь воспринимается обычно как основной исполнитель действия, даже если последнее немыслимо без участия вспомогательного агенса: ср. башк. *Töbö həjbət taqyr qom γyna, ana šul tapqyrγa inep, attarδy jөδδөrөgөd* 'Дно хорошее — укатанный песок, заезжайте вон туда и купайте лошадей' (букв. 'заставляйте плавать лошадей').

Неоднозначен каузатив, образуемый от некоторых переходных глаголов типа *-aša-* 'есть, кушать', *ič-* 'поить', *em-* 'сосать'. В зависимости от контекста подлежащее здесь может быть и основным производителем действия и лицом, обеспечивающим исполнение действия по своему волеизъявлению другим субъектом: *al maŋa aš ašatty* (МК I 210) 'Она накормила меня обедом', *ol aŋar suv ičürdi* (Там же, 177) 'Он напоил ее водой', *uzayut oγluna süt emürdi* (Там же, 180) 'Женщина накормила своего сына грудью' (букв. 'дала своему сыну пососать грудного молока'). При отсутствии в предложении исходного прямого объекта его позицию занимает агентивный объект и соответственно ставится в вин. или осн. падеже: *ol at suwγardy* (МК, II 218) ' Он напоил лощадь', башк. *ul balany* (или *bala*) *ašata, at eserə, ulyn imeδə* 'Она кормит ребенка, поит лошадь, кормит своего сына грудью'. Это со всей очевидностью свидетельствует о двойственном положении подлежащего при сходных глаголах — в последних примерах подлежащее на общих основаниях в соответствии с оформлением предложения выравнивается по аналогии с действительным залогом — оно здесь выступает, собственно говоря, как непосредственный исполнитель действия, участие в котором вспомогательного агенса остается совершенно неосвещенным и в лучшем случае угадывается на логической основе (*jedür-* 'кормить', *ičür-* 'поить', *emiδ-* 'кормить грудью' и т.п. в применении к беспомощному ребенку или детенышу животных естественно

предполагают обоюдное участие в действии и основного и вспомогательного агенсов). Фактически мы имеем дело здесь с особой разновидностью действительного залога, осложненной более или менее ясно проявляемым значением каузатива. Каузатив этого типа, где подлежащее осуществляет действие при посильном участии в нем вспомогательного агенса, сколько-либо значительного развития не получил; он охватывает как в древних, так и в современных тюркских языках считанное число форм приведенного рода, количество которых на почве отдельных языков расширилось лишь за счет единичных сравнительно поздних образований типа башк. *kejender-* 'одевать кого-л.' (*kejen-* 'одеваться'), *jyvyndyr-* 'мыть кого-л.' (*jyvyn-* 'мыться, умываться').

На базе рассмотренного типа каузатива, граничащего с действительным залогом, сформировался собственно понудительный залог, выражающий осуществление активного действия (обычно переходного) отнюдь не самим подлежащим при возможном посильном участии в нем вспомогательного агенса (как это имеет место в предыдущем варианте каузатива), а обязательно самим вспомогательным агенсом по воле (побуждению, принуждению, позволению) подлежащего, обеспечивающего или допускающего это действие и на этом основании охарактеризованного как его субъект, хотя оно и не принимает в нем непосредственного участия, ср., с одной стороны, *jedürsä ičürsä kedursä kedim* (ДТС, 293) '[своих воинов] ему следует кормить, поить и одевать', где действие соотносится с 3-м лицом ед. числа как с субъектом по нормам действительного залога, с другой — *Ol any jügürtti* (МК II, 274) 'Он заставил его бежать'; *Men andan jarmaq alturdym* (МК I, 223) 'Я велел взять у него деньги'. Реальный исполнитель действия в первом примере представлен в позиции прямого дополнения в форме вин. п. (что входит в разрез с нормами оформления субъекта в действительном залоге), а во втором примере он даже не упомянут, тогда как инициатор действия — *men*, — по воле которого оно совершается другим лицом, представлен в позиции подлежащего в осн. падеже, хотя он и не принимает производительного участия в совершении данного действия.

В понудительном залоге представлены по существу два действия, производимые двумя субъектами в порядке субординативного взаимодействия: 1) действие, названное производящей основой глагола в имплицитном соотнесении с реальным его субъектом (*jügür-* 'бежать', *al-* 'взять'), 2) проявление инициативы, побуждения к нему, вернее — выполнение роли ответственного его исполнителя путем привлечения действительного субъекта, имплицитно предполагаемого по лексическому содержанию глагола. Второе действие тоже на общих основаниях имплицитно соотнесено со своим производителем-субъектом. Кроме того, оно ясно охарактеризовано как способ совершения первого действия. Помимо двуактности и двусубъектности понудительный залог содержит четкое указание на соотношение как самих действий, так и, в особенности, их исполнителей — актуализируется второе действие (соответственно и его субъект), сливаясь с первым и тем самым первое действие и его реальный исполнитель лиша-

ются информативности. Именно в силу этого последнего обстоятельства реальный исполнитель действия в понудительном залоге в лучшем случае может быть представлен в предложении в позиции дополнения, чаще же всего его название вовсе не упоминается в предложении, особенно, если глагол является переходным: *türk bilgä qayan eliŋä bilitdim* (ДТС, 104) 'Я приказал написать это для народа тюркского Бильге-кагана'; *talaj turur jerni uruγuŋγa berdürsün* (Там же, 95) 'Пусть заставят отдать завоеванные земли твоим потомкам'.

Понудительный залог, выражающий описанное субординативное взаимодействие двух субъектов с актуализацией одного из них и игнорированием другого, получил как в древних, так и в современных тюркских языках в целом очень широкое развитие. Употребляется этот залог преимущественно без упоминания о втором субъекте, хотя именно последний и производит обозначаемое действие: *Ol otuŋ sytyrdy* (МК III, 187) 'Он заставил наломать дров'.

В коммуникативно необходимых случаях действующее лицо (а не инициатор действия, по воле которого оно совершает его) может быть представлено в позиции дополнения — прямого в вин. падеже (если форма образована от непереходного глагола) или косвенного в форме дат. падежа (если форма образована от переходного глагола): *Olanyŋ qulyn kürätti* (МК II, 305) 'Он заставил бежать его раба'; *Ol meŋä bitig oqytty* (МК I, 212) 'Он заставил меня читать книгу'; *Ol maŋa ja qurturdy* (МК II, 190) 'Он велел мне натянуть тетиву'. В татарском и башкирском языках косвенное дополнение, отражающее реального исполнителя действия, вместо дат. падежа выступает в исх. падеже: *Bary üze aŋlamayan nərsə kilep čyqsa γyna Galiədən söjlətə* (Г. Гөбәй) 'Заставляет говорить Галию лишь о вещах, которые сам не понимает'; *Tik sin quryqma, sinnən qyjnatmam, üzem qyjnarmyn* (Г. Әпсәләмов) 'Но ты не бойся, тебя я не заставлю бить, сам изобью'; *Beð ul jyrðy hinən jyrlatabyð* 'Ту песню заставим мы петь тебя'; *Kileneŋdən qyðyu tep munsa jaqtyr* (М. Кәрим) 'Заставь сноху свою жарко истопить баню'. Эта диатеза, как и становление самого исх. падежа, представляет собой, очевидно, сравнительно позднюю инновацию[16].

В письменных памятниках понудительный залог характеризуется в целом сравнительно большим единообразием — выражает главным образом осуществление активного действия кем-л. по волеизъявлению субъекта, которое колеблется в зависимости от речевой ситуации от безаппеляционного распоряжения до позволения, разрешения совершить данное действие, но чаще всего сводиться к принуждению, как это справедливо отражено в опубликованных переводах примеров: *Beg oyryny tutturdy* (МК II, 174) 'Бег приказал схватить вора'; *Er qulyn suvda čapturdy* (МК 356_{16}) 'Мужчина заставил своего раба плыть в воде'; *Ol aŋar tavar qapturdy* (МК II, 220) 'Он заставил его украсть товары'; *Ol atamny meŋä küzgärdi* (Там же, 228) 'Он велел мне встретиться с моим отцом'. Отклонений от этого более или менее единообразного типового значения понудительного залога в памят-

[16] Однако предпосылки для нее были заложены, возможно, еще в примерах типа *Ol məndin nəŋ qulturdy* (МК II, 223), который можно перевести двояко: 1) 'Он выпросил у меня (через кого-то) вещь', 2) 'Он велел мне выпросить вещь'.

никах немного: ср. *Ol tavar aldyzdy* (ДТС, 34) 'У него разграбили имущество', где выражено совершение действия по попустительству субъекта, а не по его воле; *Ol aŋar sajratty sözüg* (МК II, 357) 'Он позволил ему высказаться вдоволь', где субъект обеспечивает условия для совершения данного действия; *Ol ton tiktürdi* (МК II, 201) 'Он дал сшить себе халат', где выражено осуществление действия по поручению.

Во многих примерах, приводимых М. Кашгарским, понудительный залог однозначностью не отличается — в зависимости от изменения контекста или даже речевой ситуации они могут быть осмыслены двояко: ср. *Ol meŋä at mündürdi* (Там же, 229) 'Он велел мне сесть верхом на коня' и 'Он посадил меня верхом на коня' (т.е. помог мне сесть на коня верхом); *Ol meni qučturdu* (МК II, 189) 'Он заставил меня обнять (его)' и 'Он позволил кому-то обнять меня'; *Ol meŋä qučturmady* 'Она не позволила мне обнять (ее)'; *Ol any öptürdi* (МК I, 217) 'Он заставил поцеловать его' и 'Он дал поцеловать его'; *Ol meŋä öptürdi* 'Она заставила поцеловать (себя)' и 'Она позволила мне поцеловать (себя)'.

В современных тюркских языках вариативность значения понудительного залога идет в целом гораздо дальше. Она обусловлена как контекстом и речевой ситуацией, так и характером лексического содержания исходной глагольной основы. Так, в зависимости от условий своего употребления башк. *tottor-* (от *tot-* 'поймать') выражает 'заставить схватить, побудить поймать, дать себя поймать', *ultyrt-* 'посадить, заставить сесть; надуть; разрешить сесть', *urlat-* 'дать себя обворовать по попустительству', *tešlət-* 'дать себя укусить (например, собаке — ногу)', *joqtor-* 'по небрежности подхватить заразную болезнь', *aqhat-* 'из-за небрежного обращения вызвать у лошади хромоту', *qyδδtat-* 'заставлять упрашивать себя' и т.п. Большинство сходных частных значений возникло, очевидно, на почве отдельных тюркских языков уже в исторический период их развития. Но часть их восходит к отдаленным временам и представлена в современных языках в виде наследия праязыка. Таковы, например, значения понудительного залога, отраженные в следующих примерах: туркм. *Araba bilen tovšan tutdurmaz* (погов.) 'Заяц не даст поймать себя, если гоняться за ним на арбе'; *Vax, inim, bəš myŋ manat pulumy aldyrdym* (А. Дурдыев) 'Ах, браток, у меня украли (по моему попустительству) пять тысяч рублей', где прослеживаются производные частные значения каузативных форм, широко распространенные во всех тюркских языках, очевидно, в порядке наследия далекого прошлого.

Все эти и сходные лексически или контекстно обусловленные частные значения понудительного залога при всей их разветвленности отнюдь не умаляют и не заслоняют его ведущего значения, в конечном итоге сводимого к выражению в предложении особых субъектных отношений, характерных только для него, ср. туркм. *Artyq ondan aŋyrsyny ojlanman, yulanlary atlaryŋ syrtyna daŋdyrdy* (Б. Кербабаев) 'Артык, не думая о последствиях, велел привязать куланов к лошадям'; *Ony Ajsoltanyŋ xajyšyŋa görə jyynatdym* (Б. Кербабаев) 'По просьбе Айсолтан я заставил убрать его'; тат. *Menə šuny tarattyryyyz* (Г. Ибрагимов)

'Распространяйте (через посредство других) вот это', где в наиболее типичном синтаксическом выражении представлено именно профилирующее значение понудительного залога — 'заставить кого-л. совершить данное действие'.

Характеризующееся большой устойчивостью и широкой распространенностью во всех древних и современных тюркских языках, это ведущее значение понудительного залога находит типологическое соответствие в формах каузатива в монгольских языках [см. Санжеев 1963, 19]. Все это позволяет заключить, что понудительный залог как особая диатеза может быть возведен к тюркскому праязыку.

В письменных памятниках прослеживается широкое употребление понудительной формы для выражения безличного действия (его проявление приписывается волеизъявление бога): *Təŋri səni meŋä sävtürdi* (МК II, 215) 'Богу было угодно, чтобы я любил тебя'; *Təŋri ayul tuyturdy* (Там же, 200) 'Богу было угодно, чтобы родился сын'. На базе сходных конструкций, структурно организованных по каузативной диатезе на общих основаниях как личное двусоставное предложение, форма понудительного залога стала употребляться в глаголах, выражающих явления природы, чувственное восприятие и т.п., в частности в башк. *halqynajt-* 'похолодать (о погоде)' (*halqynaj-* 'охладиться'), *tuŋdyr-* 'морозить (о явлении природы)' (*tuŋ-* замерзнуть'), *öšöt-* 'знобить, испытывать озноб' (*öšö-* 'зябнуть'), *uqšyt-* 'испытывать тошноту' (*uqšy-* — то же значение), *kikert-* 'испытывать отрыжку, рыгать' (*kiker-* — то же), без всякого подлежащего, образуя, таким образом, собственно безличные предложения, ср. башк. *Ajaq aδty jeveš, aδyyna tajyaqlata* (С. Агиш) ' Под ногами сыро, немного скользко'; *Byna taŋya taban tuŋdyra* (Д. Юктый) 'К утру бывают заморозки'; тат. *Bügen eretə, irtəgə tayyn salqynajtyr tösle* (Г. Әпсәләмов) 'Сегодня тает (снег), завтра, судя по всему, наступит похолодание'; *Aryldy da, ačyqtyrdy da* (А. Расих) 'Чувствуется и усталость и голод'; *syzylyp taŋnar atqan čaqta žyrlata da jylata* (фольк.) 'На заре хочется и петь и плакать'.

Предпосылкой для использования формы понудительного залога в целях выражения безличного действия послужило, очевидно, также и обозначение в каузативе действия в отвлечении от его исполнителя (ср. *meni rənžitmə* (Фаз., II, 228) 'не обижай меня', который явно игнорируется, если далее он представлен в предложении на положении косвенного объекта. Наибольшее развитие форм понудительного залога для выражения безличного действия отмечено в татарском и башкирском языках. В письменных памятниках их употребление по данному назначению отмечено лишь в единичных примерах типа *kir juqturmaj* (СС, 129) 'не позволяет загрязняться (немаркий)', где глагол соотнесен с 3-м лицом ед. числа.

Понудительный залог в современных тюркских языках характеризуется устойчивостью и сравнительно большим единообразием своего значения, имеет примерно одинаково широкую сферу применения, но далеко не совпадает в разных тюркских языках по структуре своих форм — многие формы в разных языках образуются с помощью разных аффиксов. Такие расхождения обнаруживают также и памятники тюркских языков: ср. др.-тюрк. *čyqar-* (МК 310_{13}) — *čyqtur-* (Там же, 357_9)

'выводить, изгонять', *olturt-* (СС, 177) — *oltuzyuz-* (Там же) 'сажать, предложить сесть'. В памятниках нередко встречаются архаичные формы каузатива, неупотребительные в современных тюркских языках: *kuzgär-* 'приближаться (об осени)' (ДТС, 331), *qutqaz-* 'спасти, освободить' (Jar., 257), *alduz-* вм. *aldur-* (ДТС, 34) 'заставить взять', *ajyt-* 'заставить говорить' (ПДП, 356).

ВОЗВРАТНЫЙ ЗАЛОГ

Возвратный залог представлен в тюркских языках формой на *-un/-yn* (после конечных согласных в велярном сингармоническом варианте), *-ün/-in/-en* (после конечных согласных в палатальном сингармоническом варианте), *-n* (после конечных гласных основы глагола[17]. Он выражает направленность действия на самого его производителя как на прямой объект и в этом классическом значении, характерном для языков самых различных семей, образуется от ограниченного круга переходных глаголов активного действия типа *beza-* 'украшать', *ju-* 'мыть, стирать', *key-* 'одевать', *qašy-* 'чесать', которые, принимая его форму, обычно лишаются способности иметь при себе раздельно выраженное прямое дополнение, поскольку в данном случае подлежащее, являясь реальным субъектом, одновременно становится объектом своего же действия: *Urayat bezändi* (МК 338_{13}) 'Женщина нарядилась'; *Er suda jundy* (МК III, 66) 'Мужчина мылся в воде'; *Er suda kirindi* (МК II, 156) 'Мужчина купался в реке'; *Er suda čapundy* (МК 341_3) 'Мужчина плавал в воде'; *Er emländi* (МК I, 259) 'Мужчина лечил себя'; *At jyyačqa sürtündi* (МК II, 245) 'Конь терся об дерево'; *Ol tamqa tirändi* (Там же, 146) ' Он прислонился к стене'; *Ol meṇä tajandy* (МК III, 190) 'Он опирался на меня'.

Возвратный залог может быть образован также от отдельных глаголов состояния типа башк. *kip-* 'сохнуть', *qysy-* 'зудеть', *qyδ-* 'накаляться', которые в его сфере становятся глаголами активного действия, направленного на его исполнителя как на объект на общих

---

[17] Помимо морфемы *-n*, возвратный залог представлен тув. и як. афф. *-tyn/-tin*, кирг. *-lyn/-lin*, аз. *-yš/-iš*; кбалк., аз. *-yl/-il/-l*, которые в сферу возвратного залога вовлекают, однако, лишь небольшое число основ.

В отдельных случаях типа др.-тюрк. *sočul-* 'раздеться (СС, 221) возвратный залог образуется с помощью афф. *-l: ilig emläldi* (МК I, 259) 'Больной лечился', но: *Er emländi* (Там же) 'Мужчина лечился'. В некоторых глаголах типа др.-тюрк. *bügül-* 'согнуться', при которых подлежащим может быть как одушевленный, так и неодушевленный предмет, форма на *-l* выступает в значении возвратного залога только при условии, если подлежащее является реальным исполнителем обозначаемого действия, в остальных же случаях этой формой выражается либо страдательный залог, либо — непереходное состояние в медиопассивном значении, входящем в сферу основного залога: 1) *Er kerildi* (МК II, 136) 'Мужчина потягивался'; *Boδun jyyyldy* (МК III, 80) 'Народ собрался'; 2) *Bilig jyyyldy* (Там же, 81) 'Знания накопились'; 3) *Butyg bükildi* (МК II, 132) 'Ветка согнулась'; *Jyyač egildi* (МК II, 165) 'Дерево нагнулось'. В современных тюркских языках форма на *-l* в значении возвратного залога встречается в считанном числе сходных глаголов типа башк. *bügel-* 'нагибаться', *ejel-* 'наклониться', *ajyryl-* 'разъединиться, разлучаться, расставаться', *jyjyl-* 'собираться', *taral-* 'расходиться', *tebel-* 'выстроиться', *tuqtal-* 'остановиться', *qyšyl-* 'присоединиться', соотнесенных с названием лица (если же подлежащее выражено названием неодушевленного предмета, то форма на *-l* значения возвратного залога не имеет).

основаниях (ср. башк. *qysyn-* 'чесаться', *kiben-* 'сушиться', *qydyn-* 'греться', т.е. 'чесать себя, сушить себя, греть себя'): *Er qurundy-* (МК II, 155) 'Мужчина вытерся' (*quru-* 'сохнуть').

Частную разновидность возвратного залога, имеющую свое залоговое управление, представляют распространенные как в древних, так и в современных тюркских языках формы типа др.-тюрк. *bürün-* (башк., тат. *börkän-*) 'закутываться, закрываться' (*bür-* 'стягивать, затягивать, сделать складки'), архаич. *börkä-* 'накрывать, покрывать'), *sürtün-* 'втирать, намазывать себе' (*sürt-* 'намазать, натирать'), межтюрк. *japun-* (башк., тат. *jabyn-*) 'покрываться, накрываться чем' (*jap-* 'покрывать'), которые при прочих равных условиях сохраняют свою исконную валентность на прямое дополнение, выражающее обычно средство действия: *Urayut joyurqan büründi* (МК II, 141) 'Женщина закуталась в одеяло'; *Er özinä jay sürtündi* (Там же, 245) 'Мужчина натерся жиром'; *Er qalqan japundu* (МК III, 82) 'Мужчина прикрылся щитом'; *Ol özinä jay türtündi* (МК II, 240) 'Он натер себя жиром'; *Er suvluq urundy* (МК I, 201) 'Мужчина повязал себе чалму'; *Kiši öz jinin süründi* (МК II, 151) 'Человек чесал свое тело'; *Urayut jüzin örtündi* (МК I, 250) 'Женщина закрыла себе лицо'; *Saryndy körklük aq xulla bašynya* (Фаз. II, 255) 'Обвязал свою голову красивой белой чалмой'; *Barča sahaba tonlar taqy kizlär örtindilär* (Там же, 198) 'Все сподвижники накрылись одеждой и войлоком'.

Хотя возвратный залог и образуется в принципе от одного и того же круга глаголов в зависимости от характера их лексического содержания и синтаксических потенций, он имеет как в древних, так и в современных тюркских языках весьма различную сферу распространения. Общетюркский и межтюркский характер носят в целом лишь немногие его формы типа *bezän-* 'наряжаться', *jun-* 'мыться, умываться', *japun-* 'накрываться чем-л.', *jayun-, sürtün-* 'натираться, намазаться чем-л.', *bürün-* 'закутаться' завернуться' и т.п., по образцу которых в отдельных языках или их группах в исторический период развития созданы многие формы типа башк. *börkän-* 'накрываться', *bujan-* 'нарумяниться, намазаться', *jayyn-* 'натираться', *jahan-* 'наряжаться', *jəšeren-* 'прятаться', *kejen-* 'одеваться', *uran-* 'укутаться', *sisen-* 'раздеться', *sabyn-* 'париться веником' и т.п., устойчиво обнаруживающие описанное значение возвратного залога, характеризующегося семантическим и синтаксическим единообразием как в древних, так и в современных тюркских языках, ср. башк. *Baj bisələr kejendelər, jahandylar* (А. Таһиров) 'Барыни оделись, нарядились'; *Min haran tügel, əjdə, hyjlan* (Ә. Бикчәнтаев) 'Я не скупой, давай, угощайся'; *Ul ešlən aryp qajta Pəxətlənep jyvyna* (Ә. Вәли) 'Он возвращается с работы усталый. С удовольствием моется'. Часть древнейших форм типа *kirin-* 'купаться', зафиксированных в письменных памятниках, до наших дней не дошла. Древние формы *čapun-* 'плавать', *qurun-* 'вытираться', *örtün-* 'прикрываться, накрыться и т.п. в большинстве современных тюркских языков заменены соответствующими вновь образованными формами.

По характеру своего значения возвратный залог представляет собой одну из давно стабилизовавшихся разновидностей действи-

тельного залога как в современном состоянии, так и в историческом плане неразрывно связанную со словообразованием.

Обозначая объект действия не синтаксическим, а морфологическим способом внутри самого глагола, в своей исходной форме предполагающего его синтаксическое выражение, возвратный залог обогащает и обособляет содержание переходного глагола настолько, что он в пределах возвратного залога воспринимается как относительно автономное производное лексическое образование, если даже модификация его лексического значения носит минимальный характер: ср., с одной стороны, *Er joyurqanya jörgändi* (МК III, 387) 'Мужчина завернулся в одеяло', с другой — *Ol aδaqyn jörgädi* (Там же, 387) 'Он обернул свою ногу'. Даже формы типа *japyn-* 'закрываться, накрываться (одеялом и т.п.)', *sürtin-* 'намазаться, вытираться', сохраняющие свою валентность на прямое дополнение, не составляют в этом отношении исключения. Значительно более заметную модификацию своего лексического значения имеют переходные глаголы, лишенные в возвратном залоге способности иметь отдельно выраженное прямое дополнение: ср. др.-тюрк. *bezä-* 'украшать' и *bezän-* 'наряжаться' и т.п. Особенно резкое изменение своего исходного лексического содержания претерпевают в возвратном залоге непереходные глаголы состояния, превращаясь в глаголы активного действия, ср. др.-тюрк. *qurun-* 'сушиться' и *quru-* 'сохнуть', башк. *qysyn-* 'чесаться' и *qysy-* — 'зудеть', *kiben-* сушиться' и *kip-* 'сохнуть', *qyδyn-* 'греться (на солнце и т.п.)' и *qyδ-* 'накаляться' и т.п.

Характерная для всякой формы собственно возвратного залога модификация лексического содержания производящей основы довольно часто усугубляется несовпадением количественного состава ее лексических значений с лексическим содержанием образованной от нее формы на *-r*, не позволяющая считать их одной и той же лексической единицей: ср. др.-тюрк. *bür-* 'сделать складки, стягивать, затягивать' и *bürün-* 'закутываться, покрываться, накрываться', *bezä-* 'украшать' и *bezän-* 'быть наряженным, наряжаться, румяниться (о женщинах)' (ДТС, 96); *ev bezändi* (Там же) 'Дом был украшен'; *jap-* 'закрывать, покрывать' и *japyn-* прикрываться, накрыться' (Там же, 236); *jörgä-* 'заворачивать, обертывать, наматывать' и *jörgän-* 'завернуться' (Там же, 276); *ju-* 'мыть, стирать' (Там же, 277) и *jun-* 'мыться, делать омовение' (Там же, 280); *kir-* 'входить; проникать внутрь; погружаться; присоединиться, вступать и т.д.' и *kirin-* 'мыться, делать вид, что моешься' (Там же, 183).

Образование возвратного залога нередко сопровождается резкими семантическими сдвигами, качественным преобразованием исходного лексического значения производящей основы, ср. др.-тюрк. *bürün-* 'кутаться' и *bür-* 'стягивать, затягивать, сделать складки'; *kirin-* 'купаться' и *kir-* 'входить', башк., тат. *qyryn-*, чув. *xyrđn-* 'бриться' и *qyr-* 'скоблить' (чув. *xyr-*); тат. *jasan-*, башк. *jahan-* 'наряжаться' и *jasa-* (башк. *jaha-*) 'сделать, смастерить'; тат. *čabyn-*, башк. *sabyn-* 'париться веником' и *čap-* (башк. *sap-*) 'хлестать чем-л., ударять со звоном, косить (сено)', тат. *čïšen-*, башк. *sisen-*, кбалк. *tisen-* 'раздеться' и *čiš-* (башк. *sis-*, кбалк. *tiš-*) 'развязать' и т.п.

Словообразовательному осмыслению возвратного залога помимо всего прочего способствует тот факт, что его формы на общих основаниях, как и ординарная глагольная лексическая единица, во всех современных языках используются в качестве производящей основы для дальнейшего словообразования, в частности, для образования имени действия, от которого, в свою очередь, могут быть свободно образованы имена деятеля, не говоря уже о широком их использовании в форме причастия, выполняющего функцию прилагательного: ср. башк. *qyrynyv* 'бритье', *qyrynyvsy* 'бреющийся', *qyrynyan (keše)* 'бреющийся (человек)', *qyrynyr (uryn)* '(место) для бритья'.

Возвратные формы с точки зрения логической в принципе сходны с непереходными глаголами активного действия с внутренним объектом типа др.-тюрк. *min-* 'подниматься' (т.е. 'поднять себя'), *tüš-* 'спускаться, слезать' (т.е. 'спустить себя'), в совокупности с которыми составляют особый лексико-семантический разряд.

При всем своем тяготении к лексике, особенно к внутриглагольному словообразованию, возвратный залог в тюркских языках как особая диатеза характеризуется в целом гораздо большей развитостью, чем в индоевропейских языках, особенно в историческом плане (судя по письменным памятникам, он включал в свою сферу ранее гораздо большее число глаголов, чем в современных тюркских языках).

Обозначение возвратного залога, обнаруживающего устойчивое семантическое и синтаксическое единообразие как в древних, так и в современных тюркских языках, составляет лишь одну, причем отнюдь не основную, функцию формы на *-n*.

В письменных памятниках, особенно в "Диване" М. Кашгарского эта форма необычайно широко употреблена при обозначении активного действия, совершаемого субъектом 1) для себя или 2) в своих интересах: 1) *Er tonun jamandy* (МК III, 35) 'Мужчина залатал себе одежду'; *Urayut un eländi* (МК I, 255) 'Женщина просеяла для себя муку'; 2) *Er atyn čapyndy* (МК 341_{15}) 'Мужчина похлестывал своего коня'; *Er atyn tepinli* (МК II, 140) 'Мужчина погонял своего коня'; *Er taruy taryndy* (Там же, 195) 'Он сеял хлеб'. В данном значении, радикально отличающемся от возвратного залога отсутствием указания на совпадение субъекта и объекта действия в одном и том же лице, форма на *-n* сохранилась лишь в якутском языке: ср. *ylyn-* 'брать себе' (*yl-* 'брать'), *byčyn-* 'резать себе' (*byč-* 'резать'), *tigin-* 'шить себе' (*tik-* 'шить') и т.п. В остальных же языках это ее древнейшее значение фактически исчезло и угадывается лишь путем логизирования в отдельных словообразовательных формах типа межтюрк. *tilän-* 'попрошайничать, клянчить' (*tilä-* 'желать, хотеть'), башк. *tyγyn-* 'торопливо есть' (*tyq-* 'совать, набивать, заталкивать, затыкать'). Поэтому с точки зрения современных тюркских языков формы на *-n* в данном значении в их отношении к их производящим основам представляются чаще всего плеонастическими: ср. *Er bašyn tanundy* (МК III, 395) 'Мужчина повязал себе голову' и *Ol anyŋ bašyn tandy* (Там же, 395) 'Он повязал его голову', где *tandy* и *tanyndy* выступают как синонимы.

Возможно, сходные формы типа др.-тюрк. *baq~baqyn-* 'взглянуть,

посмотреть, обозревать, разглядывать' (ДТС, 81—82), *aša-~ašan-* 'есть, кушать' (Там же, 52), *ary-~aryn-* 'очищаться', *qarva-~qarvan-* 'шарить, искать на ощупь' (Там же, 430), *öt-~ötün-* 'просить, умолять' (Gab., 352—353), *su-~sun-* 'тянуть, протянуть, ощупывать' (ДТС, 514), *ulu-~ulun-* 'выть, стонать' (Там же, 609) еще в самих памятниках зафиксированы в десемантизированном виде. Только десемантизацией можно объяснить появление таких форм, как *qorqun-* 'бояться' (*Er yšdan qorgundy* — МК II, 250 'Мужчина боялся работы'), *terlän-* 'потеть' (*At terländi-* — Там же, 242 'Лошадь потела'), *turun-* 'исхудать' (*At turundy* — Там же, 146 'Лошадь исхудала'), где значение осуществления действия субъектом для себя или в своих интересах исключено по логическим основаниям, а также форм типа *ašan-* 'есть, кушать' (ДТС 52), *kevšän-* 'жевать' (Там же, 304), где, напротив, действие субъекта обычно не может быть совершено не в его интересах и где, следовательно, нет нужды в употреблении формы на *-n* в данном ее значении.

Десемантизацией форм на *-n* объясняется, очевидно, и тот факт, что в современных языках некоторые из них закрепились в значении своих производящих основ, вышедших из употребления именно в силу их синонимичности с ними: ср. др.-тюрк. *talby-~talbyn-* 'метаться, трепыхаться (о птицах)' (Фаз. II, 331) и др.-тюрк. *talpyn-* 'биться, трепыхаться (о птице)' (ДТС, 529)>совр. башк., тат. и пр. *talpyn-* 'махать крыльями (о птице); рваться, тянуться, стремиться к чему-л.'; др.-тюрк. *tap-* 'служить, прислуживать', *tapyn-* 'служить, прислуживать; поклоняться, молиться'>совр. башк., тат. и др. *tabyn-* религ. 'поклоняться; чрезмерно почитать кого-л., раболепствовать перед кем-л.', др.-тюрк., башк. *jyly-~jylyn-* 'согреться'>совр. тат. и др. *jylyn-* 'согреться', др.-тюрк. *soyy-~soyun-*, башк. *hyvy~hyvyn-* 'остыть, охладиться'>совр. тат. и др. *suyn-* 'остыть, охладиться'; др.-тюрк. *emga-~emgan-* 'мучиться' (ДТС, 172)>совр. башк., тат. *imgən-* 'калечиться'[18].

Десемантизация формы на *-n* в данном ее значении косвенно прослеживается в письменных памятниках XI в. Во-первых, наблюдаются колебания в оформлении глагола в случаях, где нет нужды в обозначении совершения действия субъектом для себя или в своих интересах, т.е. где глагол должен быть поставлен в форме основного залога, ср. МК II: *At turdy* (182)~*At turundy* (146) 'Лошадь исхудала'; *Er adaqyn buqundy* (142)~*Ol adaqyn buqdy* (16) 'Мужчина подобрал ноги, подогнул ноги (усаживаясь по-турецки)'. Во-вторых, когда необходимо выразить совершение активного действия субъектом для себя или в своих интересах, эта форма сопровождается местоимением öziŋä, лексически однозначно выражающим исчезающее ее значение совершения действия для себя: ср. *Ol öziŋä quduq qazyndy* (ДТС, 439) 'Он выкопал себе колодец'; *Er özin qaryandy* (МК II, 249) 'Мужчина проклинал себя'; *Er oziŋä avlandy* (МК I, 298) 'Мужчина охотился для себя'; *Ol öziŋä suv qujundy* (МК III, 191) 'Он налил себе воды'; *Ol özin ögündi* (МК I, 203) 'Он хвалил себя', где мы имеем дело, по-видимому, не с плеоназмом, а с десемантиза-

[18] Этим же путем возникла, наверное, общетюрк. форма *ögrän-* 'научиться', производящая основа которой (*ög-rä-*), представлявшая собой отыменный производный глагол (от *ög* 'разум, мысль'; ср. др.-тюрк. *öglaš-* 'рассуждать', *ögut* 'совет, наставление'), давно выпала — не отмечена ни в письменных памятниках, ни в живых тюркских языках.

цией формы на *-n* (иначе явно избыточное употребление местоимения *özıŋä* трудно объяснить).

Применение формы на *-n* в целях выражения осуществления активного действия для себя или в своих интересах пошло на убыль и постепенно совсем прекратилось, очевидно, по той причине, что это ее значение легло в основу возвратного залога, получившего в целом сравнительно большое развитие. Применительно ко всем глаголам, входящим в сферу возвратного залога, форма на *-n* обнаруживает это объединяющее их значение, которое в их составе в силу специфики их лексического содержания и синтаксических потенций, и переросло в типичное значение возвратного залога.

Развиваясь в значении собственно возвратного залога, форма на *-n* постепенно перестала употребляться также и в симулятивном значении, в котором она довольно широко зафиксирована в письменных памятниках, особенно в Диване М. Кашгарского: *Er išländi* (МК I, 297) 'Мужчина делал вид, что он работает'; *Ol oq atyndy* (Там же, 149) 'Он делал вид, что стреляет из лука'; *Ol jyyač jonundy* (МК III, 75) 'Он делал вид, что строгает себе дерево'; *Er atyn satyndy* (МК II, 150) 'Мужчина делал вид, что продает свою лошадь'. Данное архаичное значение формы на *-n*, не дошедшее до нас, лишь отдаленно связано с ее значением совершить действие для себя или в своих интересах. В ряде глаголов типа *bitin-* форма на *-n* в Диване М. Кашгарского выступает в обоих этих исторически связанных значениях ('писать для себя; делать вид пишущего'). История становления этих двух частных значений формы на *-n* остается для нас загадкой.

К сожалению, мы не можем судить о времени зарождения и стабилизации самого возвратного залога на *-n*, форму которого Г. Рамстедт возводит к праязыку, справедливо считая первоначальным ее назначением словообразование и исторически связывая ее с монг. формой на *-ni* [Рамстедт 1957, 151].

Во многих древнейших производных глаголах типа *sevin-* 'радоваться' от *sev-* 'любить', *soyun-* 'чувствовать холод, мерзнуть' (ДТС, 507) от *soyy-* 'остыть' (Там же), *qysun-* 'скупиться' (Там же, 448) от *qys-* 'сжимать, стискивать, сдавливать' (Там же, 447), *sezin-* 'сомневаться' (Там же, 499) от *sez-* 'чувствовать, иметь подозрение, замечать', *alqyn-* 'исчезать, исчерпываться, погибать, умирать' (Там же, 38) от *alq-* 'губить, уничтожить, положить предел, прекращать' (Там же, 37) форма на *-n* вовсе не имеет значения возвратного залога и выступает в чисто деривационной функции. В отдельных еще более древних формах типа общетюрк. *jan-* 'гореть' она представляет собой необратимую лексическую единицу, производный характер которой угадывается уже лишь по косвенным данным — корень *ja-* не уцелел, восстанавливается лишь с помощью производных слов *jaq-* 'жечь, топить', *jalqvn* 'пламя'. До нас не дошли также архаичные корни *sy-* 'ломать, разбить, уничтожить' (ДТС, 502), *sa-* 'считать' (478), *ba-* 'привязывать' (76), которые наряду с производными на *-n*, образованными от них, зафиксированы в письменных памятниках: *syn* 'сломаться, разломаться, переломаться' (Там же, 503), *ban-* 'привязывать' (81), *san-* 'считаться, причисляться'.

Судя по самым древним образованиям на *-n*,эта форма первоначально служила как средство превращения переходных глаголов активного действия в непереходные глаголы состояния: ср. др.-тюрк. *bertin-* 'повреждаться, быть вывихнутым' от *bert-* 'увечить, портить, наносить вред' (ДТС, 96) и т.п. С ее помощью созданы древнейшие маркированные пары типа *ögrän-* 'научиться' — *ögrät-* 'научить', *syn-* ломаться' — *syt-* 'ломать' (ПДП, 424), *emgän-* 'мучиться' — *emgät-* 'мучить', *jan-* 'гореть' — *jax-* 'сжечь', *qulvan-* 'собираться' — *qulvat-* 'собирать', обнаруживающие явно выраженную тенденцию оформления действительного и среднего залогов.

При трансформации переходного глагола в непереходный глагол состояния с медиопассивным значением в той или иной мере видоизменялось его лексическое содержание: ср. др.-тюрк. *sevin-, sezin-, alqyn-* и т.д. в их отношении к лексическому содержанию их производящих основ *sev-, sez-, alq* и т.д. В силу этого форма на *-n* в отдельных случаях употреблена в чисто словообразовательных целях для образования производного непереходного глагола от непереходного глагола состояния: ср. др.-тюрк. *qatyn-* 'становиться сильным, крепнуть' от *qat* 'становиться твердым, твердеть' (ДТС, 415).

Свою деривационную функцию форма на *-n* еще в древнюю пору развивала, взаимодействуя с активным отыменным словообразованием на *-la:* ср. др.-тюрк. *bašlan-* 'направляться, быть направленным; начинать' от *bašla-* 'начинать' (Там же, 88), *erlän-* 'жениться, обзавестись домом, семьей', от др.-тюрк. архаич. *erlä-* 'женить, наделить жилищем, имуществом' и т.д. Форма на *-n* впоследствии слилась с ним и стала производить глаголы непосредственно от именных основ с типовым деривационным значением 'приобрести свойство, названное производящей основой': ср. др.-тюрк. *bašlan-* 'колоситься': *Tary bašlandy* (МК 385$_4$) 'Хлеба заколосились'; *čičeklen-* 'цвести' (СС, 75) (*čiček* 'цветы'); ДТС: *erlan-* 'выйти замуж' (*er* 'муж, мужчина'), *javašlan-* 'стать кротким, мягким' (*javas* 'кроткий, мягкий'), *küčlen-* 'стать сильным' (*küč* 'сила'), *qyrtyšlan-* 'хорошеть' (*qyrtyš* 'облик, наружность'), *urylan-* 'рожать мальчика' (*ury* 'сын'), *uruylan-* 'завязаться, появляться (о завязи, зернах, плодах)' (*uryy* 'семя, плод') и т.д.

Во многих тюркских языках эта древнейшая модель развивает свою активность и ныне: ср. башк. *jalqavlan-* 'обленииться' (*jalqav* 'лентяй, ленивый'), *jaqšylan-* 'улучшать' (*jaqšy* 'хорошо'), *nasarlan-* 'ухудшаться' (*nasar* 'плохо') и т.д. В основе данной деривационной модели в конечном итоге лежит обычная трансформация переходного глагола действия в непереходный глагол состояния типа др.-тюрк. *suvlan-* 'намокать, набухать' от *suvla-* 'смочить водой' (515).

Менее продуктивной оказалась тоже очень древняя деривационная модель на *-lan* с типовым значением 'проявлять свойство по основе'; ср. др.-тюрк. *küäzlän-* 'гордиться, проявлять гордость' от *küäz* 'гордый, высокомерный' (ДТС, 330), по образцу которого созданы башк., тат. *yorurlan-* 'гордиться' (*yorur* 'гордый'), *avmaqajlan-* 'проявлять непостоянство' (*avmaqaj* 'неустойчивый'), *biδalan-* 'капризничать' (*biδa* 'беда'), *jaramhaqlan-* 'заискивать, угодничать' (*jaramhaq* 'угодник, подхалим'), *jenlən-* 'бесноваться' (*jen* 'черт, бес'), *jomaqajlan-* 'подлизываться'

(*jomaqaı* 'лизоблюд, подхалим'), *kirelən-* 'упрямиться' (*kire* 'обратно; упрямец, строптивый'), *tulqunlan-* 'волноваться' (*tulqyn* 'волна').

Как видно из примеров, по этой модели образуются глаголы со значением несовершенного вида, в котором форма на *-n* создает в башкирском и татарском языках видовые образования без заметного изменения исходного лексического содержания производящей основы типа башк. *hikeren-* 'подпрыгивать, припрыгивать' (*hiker-* 'прыгать'), *horan-* 'расспрашивать, разузнавать' (*hora-* 'спрашивать, спросить'), *qaran-* 'озираться, оглядываться, разглядывать' (*qara-* 'смотреть'), *tökörön-* 'плеваться' (*tökör-* 'плевать'), *jekeren-* 'раскричаться' (*jeker-* 'кричать'), *aqtaryn-* 'шарить', разг. 'рыться' (*aqtar-* 'шарить, переворошить'). Но во многих случаях при этом происходит заметное изменение исходного значения производящей основы: ср. башк. *tartyn-* 'стесняться' (*tart-* 'тянуть, дергать'), *tapan-* 'топтаться на месте' (*tapa-* 'топтать, давить, месить ногами'), *telən-* 'клянчить, попрошайничать' (*telə-* 'хотеть, желать'), *uqyn-* 'читать что-л. про себя' (*uqy-* 'читать'), *səjnən-* 'охаивать кого-л. за глаза' (*səjnə-* 'жевать') и т.п.

Продукция внутриглагольного и отыменного словообразования на *-n* во многом далеко не укладывается в описанные более или менее типичные деривационные модели: ср. др.-тюрк. *atlan-* 'садиться на коня верхом' (ДТС, 17), общетюрк. *tüšün-* 'понять, постичь' (*tüš* 'спуститься'), башк. *suqyn-* 'креститься, гибнуть' (*suqy* 'копать, долбить') и т.п.

В отыменном словообразовании глагола форма на *-n* в самостоятельном употреблении оставила лишь редкие рудиментарные следы, не отличающиеся деривационным единством: др.-тюрк. *bögün-* 'уразуметь, постичь' (ДТС, 116) (*bögü* 'мудрый, мудрец'), *közün-* 'показаться' (Там же, 321) 'быть осторожным, современным' (Gab., 344) (*köz* 'глаз'); тур. *bašyn-* (противостоять, противиться', каз. *basyn-* 'не считаться' *(baš>bas* 'голова'); кирг. *qamyn-* 'заботиться' (иран. *qam* 'забота'). По аналогии с ними и отыменными глаголами на *-lan* некоторые древнейшие отглагольные формы типа общетюрк. *suvyn-* 'охладиться, остыть', *jylyn-* 'согреться', воспринимаются как отыменные глаголы, хотя они и образованы от глаголов *suvy-* 'охладиться', *jyly-* 'согреться'.

Таким образом, основным назначением формы на *-n*, образуемой в целом от широкого круга глагольных основ, является как в древних, так и в современных тюркских языках превращение переходного глагола в непереходный с модификацией в той или иной мере его исходного лексического содержания.

В значении собственно возвратного залога, стабилизовавшегося давно и во всех тюркских языках сравнительно одинаково хорошо развитого, форма на *-n* тоже связана со словообразованием. Тем не менее в этом значении она устойчиво вызывает строго определенную диатезу и на этом основании справедливо квалифицирована в грамматических описаниях как собственно возвратный залог.

СТРАДАТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ

Во всех тюркских языках, исключая якутский[19], страдательный залог представлен формой на *-(u/ü, y/i, e, o/ö)l,* отчасти формой на *-(u/ü, i, y/i, e)n;* вторая образуется в современных языках обычно только от основ, содержащих в ауслауте или инлауте *-l(al-yn-* 'быть взятым', *bašla-n-* 'начинаться')[20]. Очевидная фонетическая обусловленность употребления формы на *-n* говорит о вторичности ее происхождения по диссимиляции в порядке алломорфа[21].

Форма на *-l* выражает не только страдательный, но и отчасти возвратный залог и широко употребляется в словообразовательных целях, входя в сферу основного залога. Исконным ее назначением является создание отыменных глаголов состояния (следовательно, непереходных) с типовым словообразовательным значением 'приобрести свойство, названное именной производящей основой', в котором она сохранилась не только в тюркских, но и в тунгусских языках, отражая первоначальное свое древнейшее состояние: 1) др.-тюрк. *amryl-* 'успокоиться' (ДТС, 42) от *amry* 'всегда, постоянно'; *čabyl-* 'прославляться' (Там же, 135) от *čab* 'слава', известность'; *qutul-* 'освободиться' от *qut* 'счастье'; *joqal-* 'пропасть, погибать' (ПДП, 389; Фаз. I, 542); *tüzül-* (Gab., 276), *tüzül-* (Фаз. II, 422), аз. *düzəl-*, кбалк., кум., ног. *tüzel-*, тат. *tözəl-*, башк. *töðəl-* 'выпрямиться, исправиться; поправиться' от *tüz>tëz~töð* 'прямой'; др.-тюрк. *tomyl-* 'охладиться' (ДТС, 574) (*tom* 'холод'), аз. *soyal-*, тур. *soyal-*, чув. *sybăl-* 'выздороветь' (*say(a)>soy, sybă* 'здоровый'), тур. *doyrul-* 'выпрямиться' (*doyru* 'прямой'), *jüksel-* 'повыситься' (*jükse(k)* 'высокий'); 2) тунг. *namal-* 'стать теплым' (*nam* 'теплый'), *hekul-* 'становиться горячим' (*heku* 'горячий'); монг. *ötel-* 'стариться' (ср. *ote-gü* 'старец').

Древнейшая деривационная форма на *-l,* оставившая в тюркских и тунгусских языках рудиментарный след, наиболее продуктивна в чувашском языке. В значении же страдательного залога она в чувашском почти совсем не употребляется и представлена здесь лишь отдельными образованиями: чув. *čerel-*, 'выздороветь' (*čere* 'здоровый'), *makal-* 'тупеть' (*maka* 'тупой'), *s'aral-* 'оголяться (*s'ara* 'голый'), *s'emsel-* 'обмякнуть (*s'emse* 'мягкий'), *s'enel-* 'обновиться' (*s'ene* 'новый'), *s'utal-* 'освежиться' (*s'uta* 'свет, сияние, блеск'), *s'ürel-* 'остыть' (архаич. *s'üre* 'сырой, вялый'), *s'yval-* 'выздороветь' (*s'yva* 'здоровый'), *tamal-* остыть,

---

[19] В якутском языке страдательный залог образуется с помощью афф. *-n* и *-lyn/-ylyn,* из которых второй в данной функции отмечен также и в отдельных письменных памятниках и турецком языке [Рясянен 1955, 161].

[20] Однако в письменных памятниках в отличие от современных тюркских языков форма на *-n* выступает в значении страдательного залога в ряде случаев также и при отсутствии *-l* в составе производящей основы: *Qoj bandy* (МК 273_3) 'Овца была связана'; *Bitig oqundy* (МК I, 202) 'Книга читалась'; *Kitabqa bitmdi bu xaqan aty* (ДТС, 104) 'Имя этого кагана было записано в книге'; *At boyundi* (МК II, 192) 'Лошадь задохнулась'; *Tügün sešindi*(ДТС, 497) 'Узел развязался'; *Ev bezändi* (МК 338_{14}) 'Дом был украшен'; *Kün tutundy* (Фаз. II, 166) 'Произошло затмение солнца'; *Tôšänmiš tekmä* (Там же, 409) 'Ковры были расстелены'.

[21] Это, помимо всего прочего, подтверждается зафиксированными в памятниках колебаниями в употреблении форм на *-l* и на *-n* в значении страдательного залога: *Er tavary üplädi* (МК I, 295) 'Имущество мужчины было похищено' и *Anyŋ tavary üpländi* (Там же, 255) 'Его имущество было похищено'.

охладиться' (*tam* 'мороз, заморозки'), *tasal-* 'стать чистым' (*tasa* 'чистый'), *tesel-* 'стать здоровым, окрепнуть' (*tese* 'крепкий, здоровый'), *vătăl-* 'состариться' (*vătă* 'старый') и т.п.

По словообразовательной структуре и типовому значению все эти и сходные отыменные глаголы, как и отыменные глаголы на *-n*, искони последовательно противопоставлены переходным глаголам активного действия на *-t*, *-tur* и т.п. по выражению среднего и действительного залогов. Это противопоставление особенно четко прослеживается еще в древнейших однокорневых парах глаголов типа *joqal-* 'исчезнуть, погибать, потеряться' — *joqat-* 'уничтожить' (Gab., 387), *qutul-* 'спасаться' — *qutqar-* 'спасти', *tüzäl-* выпрямиться' — *tüzät-* 'выпрямить', на базе которых в силу их противопоставленности форма на *-l* получила осмысление как регулярное средство трансформации переходных глаголов действия в глаголы состояния, подобно тому, как в однокоренных древнейших коррелятивных парах типа *ojan-* 'проснуться' — *ojat-* 'разбудить', *üjren-* 'научиться' — *ujret-* 'научиться', *syn-* 'сломаться' — *syt-* 'сломать' (ПДП, 424) именно противопоставленность форм на *-n* и на *-t* привела к их осмыслению как средство трансформации глагола действия в глагол состояния и, наоборот, — переходного глагола действия в непереходный глагол состояния.

Переосмыслению отыменных форм деривации на *-l* и на *-t* как средства внутриглагольной модификации лексем мог способствовать и тот факт, что в ряде древнейших однокорневых коррелятивных пар типа башк. *quδyal-* 'трогаться с места' — *quδyat-* 'сдвинуть с места, шевелить, тормошить' категориальная принадлежность производящих основ неясна.

Судя по таким архаизмам, как *taryl-* 'рассеиваться' (*tary-* 'сеять'), *tiril-* 'ожить' (не от *tirig* 'живой', как это представляется на первый взгляд, а от архаич. *tir-* 'жить', отмеченного в памятниках [Gabain 1974, 371]), форма на *-l* как регулярное средство трансформации глагола активного действия в медиопассив использовалась очень давно и в этом качестве получила впоследствии во всех тюркских языках широкое развитие, входя в тесное взаимодействие с противопоставленными формами внутриглагольного словообразования на *-t* и т.п., как об этом позволяют судить однокоренные пары типа башк. *tirbəl-* 'колебаться, колыхаться', *tirbət-* 'качать, баюкать', *taral-* 'расходиться', *tarat-* 'распускать, раздавать', образованные от архаичных глагольных корней.

В отличие от отыменных глаголов на *-l*, в составе которых значение медиопассива проступает лишь как побочный результат словообразовательного процесса, в данном случае медиопассивное значение этой формы актуализировано, оно в большинстве случаев составляет основное ее содержание, по которому она противопоставлена действительному залогу, в сфере которого представлена ее производящая основа. Вместе с тем форма на *-l* в ее отношении к своей производящей глагольной основе даже при минимальных семантических различиях предстает в конечном итоге как относительно автономия лексическая единица: во-первых, форма на *-l* параллельно используется в чисто словообразовательных целях в оты-

менном словообразовании, во-вторых, изменение переходности/непереходности глагола в тюркских языках само по себе являет собой словообразование, в-третьих, трансформация переходного глагола активного действия в непереходный глагол состояния, как и наоборот, нередко сопутствует коренному преобразованию его исходного лексического значения, ср. др.-тюрк. *itil-* 'вырасти, пробиться' от *it-* 'толкать' (*oylan itildi* — МК I, 193 'ребенок вырос'), *sancyl-* 'быть побежденным' от *sanč-* 'вонзить' (*sü sančyldy* — ДТС, 484 'Войско было побеждено'), *üzäl-* 'мучиться, умирать' (КВ II, 63) от *üz-* 'рвать, прервать', *jajyl-* 'разливаться' (о воде); разгоняться' (Фаз. I, 464) от *jaj-* 'распространять, распускать, расстилать', уйг., тат. *čayyl-*, монг. *čakil-* 'блестеть, ослепляться (от сильного света)' от *čaq-* 'высекать искры', тат., башк. *әvrel-* 'превращаться' от архаич. *evir* 'вращаться', тат., башк. *qayyl-* 'трогать, коснуться' от *qaq-* 'забить, заколотить, выколачивать, выбивать, стучать, звонить, притеснять', *otol-* 'проиграть, прогадать, оказаться в убытке' от *ot-* выиграть', *suyyl-* (башк. *huyyl-*) 'заходить, заехать по пути, забрести нечаянно' от *suq-* (башк. *huq-*) 'ударить', *basyl-* (башк. *baδyl-*) 'затихать, стихать, успокоиться (о боли)' от *bas-* (башк. *baδ-*) 'вставать, ступать, нажать, давить, усмирять, заглушать' и т.д.

За исключением сходных семантических сдвигов при трансформации переходного глагола в непереходный глагол состояния в целом происходит обычно лишь частичное обновление его исходного лексического содержания, вызванное изменением его прежнего значения переходности, ср. др.-тюрк. *qyr* 'уничтожить' (ПДП, 417); 'истреблять, убивать' (Фаз. II, 626) и *qyryl-* 'погибать, умирать, издохнуть' (СС, 207); башк. *bərel-* 'удариться' и *bər-* 'ударить', *borsol-* 'беспокоиться' и *borso-* 'беспокоить', *boδol-* 'испортиться' и *boδ-* 'портить', *jaryl-* 'расколоться' и *jar-* 'расколоть', *kitel-* 'отломиться' от *kit-* 'отломить', *qojol-* 'литься' от *qoj-* 'лить', *sisel-* 'развязаться' от *sis-* 'развязать', *öδöl-* 'оторваться' от *öδ-* 'оторвать, рвать', *vatyl-* 'сломаться' от *vat-* 'ломать' и т.п., где форма на *-l* выступает как регулярное средство трансформации переходного глагола активного действия в медиопассив, заслоняющее частичное изменение его исходного лексического значения.

Именно в таком своем употреблении, как маркированный медиопассив, форма на *-l* легла в основу страдательного залога, в котором подлежащее тоже является отнюдь не производителем, а всего лишь носителем-объектом действия: ср., с одной стороны, медиопассив типа *suv jerkä siŋdi* (МК III, 391) 'вода впиталась в землю', башк. *Ayas üδä* 'дерево растет', выделяемый на семантической основе, с другой — маркированный медиопассив типа *jyyač syndy* (МК II, 29) 'дерево сломалось', башк. *ayas helkenə* 'дерево качается', с третьей — самый распространенный в тюркских языках безагентный страдательный залог, мало чем отличающийся от медиопассива, типа *Ton jyrtyldy* (МК III, 106) 'одежда порвалась', *qap jaryldy* (Там же, 77) 'мешок лопнул', башк. *Ber törle səskələr irtən asyla, ikense törleləre — köndöδ, ösönsöləre — kis* (Ә. Вәли) 'Одни цветы раскрываются утром, другие — днем, третьи — вечером', где в форме на *-l* действие обозначено в полном отвлече-

нии от его производителя как самопроизвольный процесс, характерный для медиопассива. Во всех трех случаях производитель или источник состояния не назван и остается неизвестным. Действие изображается как самопроизвольный акт.

Наряду с обозначением таких безличных действий, как *jyrtyl-* 'порваться', *jaryl-* 'лопнуть', *jačyl-* 'открываться', где форма на *-l* выполняет свою функцию превращения глагола действия в глагол состояния, близко стоящий к страдательному залогу, она стала обозначать также и активно производимое действие в отвлечении от его производителя и постепенно совершенно оторвалась в этом значении от собственно медиопассива, ср. *Tam telindi* (ДТС, 550) 'Стена была пробита', где в зависимости от речевой ситуации действие может быть осмыслено и как самопроизвольный процесс, характерный для медиопассива, и как сознательный акт, выполненный кем-то, не названным в данном высказывании, с другой — *Üzüm syqyldy* (МК II, 125) 'Виноград был выжат кем-то'; *Bitig bürüldi* (Там же, 131) 'Письмо было сложено (кем-то)', *Süt öpäldi* (МК I, 193) 'Молоко было выпито'; башк. *tuyyð qatly jort halyna bašlandy* (Ә. Бикчәнтәев) 'Началось строительство девятиэтажного дома (кем-то)'. В первом случае мы имеем дело с промежуточным явлением, перекидывающим мостик от медиопассива к пассиву, во втором — с собственно страдательным залогом, противостоящим медиопассиву по выражению активно производимого действия.

Хотя развитие маркированного медиопассива как регулярного средства трансформации глаголов активного действия в глаголы состояния и послужило предпосылкой для зарождения и формирования на его базе безагентного страдательного залога, эти два залога полярно противопоставлены друг другу по выражению состояния (медиопассив) и активного действия (пассив) и отчасти по его соотнесенности с субъектом и объектом. Если в медиопассиве источник действия не назван и остается неизвестным (*su burdu* — МК III, 180 'Вода испарилась') и если источником его иногда может быть само подлежащее (ср. башк. *borsolma* 'не волнуйся'), то в страдательном залоге подлежащее является обычно всего лишь объектом приложения чужого действия, выраженного в полном отвлечении от его производителя: *Qapuy japyldy* (МК III, 76) 'Дверь закрылась'; *Aqar jarmaq berildi* (МК 334_1) 'Ему были выданы деньги'; *Aš jeldi* (МК III, 185) 'Кушанье было съедено'. Вне этого последовательно и четко проведенного противопоставления находятся лишь немногие глаголы типа *qysyl-* 'прищемить (палец и т.п.)', которые преимущественно обозначают безличные действия и поэтому близко стоят к медиопассиву, отражая первоначальный этап становления страдательного залога (ср. *Elig qapuyqa qysyldy* — МК II, 135 'Рука была зажата в дверях, руку прищемило дверью'). Глаголы же действия, имплицитно соотнесенные с одушевленным предметом как с субъектом, все очень четко противостоят медиопассиву.

Ясно и последовательно противопоставлен страдательный залог также действительному залогу; ср., с одной стороны, *Ev bezäldi* (МК 334_5) 'Дом был украшен', с другой — *Ol evin bezädi* (МК 560_9) 'Он украшал

свой дом'. Страдательный залог, как видно из этого примера, представляет собой по существу инверсию действительного залога, особенно в переходных глаголах: субъект устраняется из высказывания, позицию подлежащего вместо него занимает название прямого объекта в форме осн. падежа и глагол, лишаясь соотнесенности с реальным субъектом, становится неопределенно-личным или безличным, хотя он формально по категории лица и соотнесен с подлежащим-объектом: 1) *Aš jeldi* (ДТС, 254) 'Кушанье было съедено'; башк. *Iң matur jyrdar jyrlanasaq, iң güdəl hynly hürəttər töšörələsək, in moŋlo köjdər ujnalasaq* (М. Кәрим) 'Спеты будут самые хорошие песни, будут созданы самые прекрасные картины, прозвучат самые мелодичные мотивы'; 2) *Bu söz išitildi* (МК I, 246) 'Это слово было услышано'; башк. *Ošo köndən alyp donja ikegə bülenə — kapitalizm həm sozialism donjalaryna* (Ғ. Әмири) 'С этого времени мир разделился надвое: на капиталистический и социалистический'.

Некоторые широкораспространенные формы на *-l* типа др.-тюрк. *ačyl-* 'быть открытым, открыться', *bašlan-* 'начинаться, быть начатым', *buzul-* 'разрушаться, портиться', *jemiril-* 'рухнуть, разрушаться', *üzül-* 'рваться' искони лишены даже имплицитной соотнесенности с реальным субъектом, принципиально не допускают субъекта обозначаемого ими действия, неизменно представляют действие как самопроизвольный акт: *Kök ačyldy* (ДТС, 5) 'Небо прояснилось'; *Ev buzuldu* (МК II, 131) 'Дом разрушился'; *Isig özüm üzülgäli turun* (ДТС, 631) 'Моя жизнь готова оборваться'; *Jol aδruldy* (Там же, 30) 'Дорога разделилась надвое'. Остальные глаголы, которых не касается это строгое правило, употребляются в форме страдательного залога обычно тоже без субъекта, выражая активное действие в полном отвлечении от его производителя и тем самым характеризуя это действие как неопределенно-личный акт: *Söz ajtyldy* (МК 138_{15}) 'Слово было сказано'; *jer tüzüldi* (ДТС, 6, 603) 'Земля была выравнена'; *Yš tüzüldi* (Там же, 603) 'Дело уладилось'.

Такие бессубъектные конструкции пассива являют собой самую типичную диатезу, которую организует страдательный залог не только в древних, но и во всех современных тюркских языках. Они характерны для всех жанров устной и письменной речи: башк. *Qazan tultyryp it halyndy, biš-alty jəjem halma jəjelde, tultyrma, jyvasa, ləvəš, kümәs — berehe lə qalmaj bešerelde* (З. Биишева) 'Мяса было положено полный котел, раскатано пять-шесть кусков теста на клецки, приготовлено много всяких кушаний'; *Kəŋəšmə jyjyldy* (Ғ. Әмири) 'Совещание созвано'; *Ošo vaqiyənən bašlap uqytyvsy Bədər Josopova ösön səxnə pərdəhe ber baqytta la jabylmaδ ösön asyla* (С. Агиш) 'После этого события занавес сцены для учительницы Бязер Юсуповой открылся навсегда'. Широкая употребительность сходных пассивных конструкций во всех древних и современных тюркских языках и их семантическое единообразие позволяют заключить, что бессубъектный страдательный залог, семантически близко стоящий к медиопассиву, который лег в его основу, своими корнями уходит в глубокую предысторию современных тюркских языков.

Наряду с бессубъектным страдательным залогом, характеризу-

ющимся во всех древних и современных тюркских языках необычайно широкой развитостью и устойчивостью, под влиянием "тюрки" в ряде литературных тюркских языков с древней письменной традицией уже в исторический период их развития появились и закрепились в книжном стиле трехчленные пассивные конструкции, включающие в себя название субъекта в форме род. падежа (когда он выражен личным местоимением) или осн. падежа (когда он выражен существительным) в сопровождении послелога *tarafynan* (если субъект являет собой название лица) или *bilen* (если субъект представлен названием неодушевленного существительного); ср. башк. *Prikaz komandir tarafynan birelde* 'Приказ дан командиром'; *Počta samolet menən kilterelə* 'Почта доставляется самолетом', где имеется возможность трансформации пассива в действительный залог (ср. *Prikazdy komandir birδe* 'Приказ дал командир'; *Počtany samolet kilterə* 'Почту доставляет самолет').

Но эти страдательные конструкции, зародившиеся на почве тюркских языков, очевидно, под влиянием иранских языков, представляются до сих пор несколько искусственными, а иногда и надуманными и, вероятно, по этой причине широкого распространения в общенародном языке не получили, закрепившись более или менее прочно главным образом за книжным стилем письменного языка, сохраняя свою калькированную природу, особенно в переводах с русского языка. Во всяком случае, они представляют явно позднюю и наименее употребительную разновидность страдательного залога, но в то же время — наиболее грамматикализованную, т.е. не затрагивающую лексического значения глагола: тат. *Xat yaliulla quly belən jazylyan ide* (А. Шамов) 'Письмо было написано рукой Галиуллы'; 1928 *jylda y. Ibrahimovqa VCSPS Prezidiumy tarafynnan Xezmət gerojy iseme birelde* 'В 1928 году Президиумом ВЦСПС Г. Ибрагимову было присуждено звание Героя труда'.

Особую и, очевидно, рудиментарную разновидность страдательного залога представляют весьма редкие формы на *-l*, образованные от некоторых непереходных глаголов движения и от отдельных глаголов состояния типа башк. *ary-* 'уставать', *joqla-* 'спать': башк. *Il giδep küpme jöröldö* (Я. Хамматов) 'Сколько (мне) пришлось совершить путешествий; *Irtənsək tə jəjəu kilengən. Nyq qyna arylyan* (З. Биишева) 'Да и утром пришлось, оказывается, придти пешком. Дает знать сильная усталость'; *Kisə bik küp ultyrlyan, artyq küp joqlanyan* 'Вчера пришлось очень долго сидеть, (мне), оказывается, (я) слишком много спал'.В этом случае страдательный залог формально обозначает тоже неопределенно-личное или безличное действие. Но на деле действие или состояние здесь обычно соотносится с 1-м лицом как с говорящим.

Происхождение рассмотренных безличных конструкций связано, очевидно, с развитием промежуточных форм на *-l* типа др.-тюрк. *ačyl-* 'открываться', *sešil-* 'развязаться', исключающих соотнесенность с субъектом и имеющих отношение не только к страдательному залогу, но и к медиопассиву, на базе которого он зародился (ср. *Bu arada izäri šešildi* (Фаз. II, 538) 'Тем временем развязался его пояс'.

Страдательный залог во всех тюркских языках характеризуется устойчивостью и высокой употребительностью, а также своей противо-

поставленностью всем остальным залогам. В отличие от всех остальных косвенных залогов, он не затрагивает лексического содержания производящей основы. Несмотря на это страдательный залог трудно квалифицировать как чисто грамматическую категорию. Нередко одна и та же форма выступает в современном языке и как страдательный залог (а) и как производная лексическая единица, из состава которой афф. *-l* не может быть устранен без ущерба для данной лексемы (б): ср. башк. *bujal-* а) 'быть покрашенным', б) 'вымазаться (краской), пачкаться (грязью)'; *birel-* а) 'быть данным', б) 'сдаться, пасть, увлекаться'; *byuyl-* а) 'быть запруженным, быть затянутым (перевязавшись)', б) 'давиться, удавиться, задыхаться'; *asyl-* а) 'быть открытым, открыться', б) 'проясниться, очиститься, раскрыться'.

Существующее общеизвестное положение о том, что страдательный залог появился гораздо позже остальных залогов, на почве тюркских языков подтверждения не получает. Широко распространенный во всех древних и современных тюркских языках безагентный страдательный залог с полным основанием может быть возведен к нераздельному состоянию тюркских языков.

ВЗАИМНЫЙ ЗАЛОГ

Взаимный залог представлен в тюркских языках единой морфемой, наиболее древние алломорфы которой отмечены в ранних письменных памятниках и сохранились в турецком, туркменском, гагаузском, узбекском и уйгурском языках: *-š* (после конечных гласных основы глагола), *-uš/-yš* (после конечных согласных в твердом сингармоническом варианте), *-üš/-iš* (после конечных согласных в мягком сингармоническом варианте). Все остальные алломорфы этой морфемы предстают как фономорфологические инновации, возникшие на почве эволюции **š>s* (каз., ног., ккалп., хак., сал., як. и др.)>*h* (як. **š>z* (тув.) и варьирования аффиксального гласного по небной (*y — e, i; u — ü*) и губной (башк. *y>ӫ, e>ӫ*) гармонии или его расширения (аз. *-aš<-yš<*-uš, -əš<-iš<-*üs*).

Форма на *-š* в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках прямых соответствий не имеет[22]. Тем не менее в своих основных значениях она находит в монгольских и манчжурских языках полную типологическую общность, свидетельствующую о древности становления и стабилизации взаимного залога. О том же еще более убедительно говорит семантическая идентичность формы на *-š* почти во всех древних и современных тюркских языках.

В основе взаимного залога лежит, вероятно, форма мн. числа, как это предполагают отдельные тюркологи, возводя морфему *-š* к руди-

[22] Правда, отдельные алтаисты генетически связывают ее с монгольской (Г. Рамстедт, В. Котвич) и маньчжурской (В. Котвич) формой на *-ča* [Ramstedt 1913, 29; Котвич 1962, 206]. Но правомерность этого сопоставления, как и гипотезы *-š>aš* 'сотоварищ, соучастник' (Н. Остроумов, В. Банг и др.), нуждается еще в доказательствах, тем более что монг. *-ča* выражает только совместный залог (а взаимный имеет другие формы) и то обычно в сочетании с афф. *-l(-lča/-lče)*.

ментарному показателю множественности *-z(>s>š)*[23] и ссылаясь на широкое ее употребление в киргизском и узбекском языках для выражения мн. числа глагола [см. Кондратьев 1970, 25; Азнабаев, Псянчин 1976, 156].

В пользу этой гипотезы могут быть приняты во внимание следующие доводы: 1) значение мн. числа выражает афф. *-š* довольно часто почти во всех современных и древних тюркских языках, особенно широко — в киргизском, казахском, узбекском; 2) явно производная и относительно поздняя морфема *-lar* проникла в систему глагола гораздо позже, чем уцелевшая в 1-м и 2-м лицах форма мн. числа на *-z* и дошедшая до нас рудиментарная морфема мн. числа *-q/-k* (1-е лицо условного и желательного наклонений прошедшего категорического времени индикатива); 3) в разделительных числительных на *-šar/-šər*, образуемых от количественных числительных, начиная с *eki* (башк. *ikešər* 'по два', *altyšar* 'по шести' и т.п.) и в аффиксе кратности *-štyr* (башк. *uqyštyr-* 'читать время от времени'), связанных с выражением множественности, инициальный элемент *š-* представляет эту форму; 4) в др.-тюрк. *toquš* 'скот, предназначенный на убой' (ДТС, 577); *oyus* (Там же, 365)~*uhuš* (Gab., 377) 'племя, род, родственник' (*oyušly ər-* — МК I, 163 'человек, имеющий родственников', *oyušlan-*—Там же, 288 'заиметь родственников, семью, детей'), *arquš* 'караван' (ДТС, 54), *jarmaš* (МК III, 47, ср. совр. *jarma* 'крупа', *ekiš* 'отходы после расплавления металла' (МК I, 143) и в более поздних образованиях типа *jemiš* 'фрукты' (*jem* 'корм, еда'), созданных по их образцу, морфема *-š* выражает собирательную множественность, характерную также для чув. *pineš* 'вся тысяча' (*pin* 'тысяча'); 5) в письменных памятниках XVI—XIX вв. и в отдельных узбекских говорах, афф. *-š*, как и форма множественности на *-lar* в узбекском и некоторых др. языках, употребляется при вежливом обращении на "Вы" [см. Фазылов 1965$_2$, 88—89]; 6) алломорф *-š*[24], представляющий по данной гипотезе промежуточное звено между **-z* и *-š* и имеющий в тюркских языках довольно широкое распространение, в якутском языке по отношению к алломорфу *-h*, производному от него, выступает как исконная морфема и иногда употребляется в значении взаимного залога в рамках одного и того же глагола дважды, не внося никакого дополнительного значения и отражая, очевидно, какое-то свое былое состояние.

Самым убедительным доводом служит здесь тот факт, что морфема *-š* действительно обозначает мн. число в др.-тюрк. *üküš* (ДТС, 624)~*ügüš* (РСл I, 1811)~*öküš* (МК I, 93) 'много, множество' (от *ük-* 'собирать, накапливать' — ДТС, 624, ср. также *ükül-* 'увеличиваться' — накапливаться' — Там же). Поскольку, однако, по выражению множественности в том же самом слове с морфемой *-š* конкурирует *-l* (ср. др.-тюрк. *ükül* 'мно-

[23] Эту гипотезу в порядке постановки вопроса выдвинул А.Н. Кононов [1980, 188], отметивший регулярное использование афф. *-š* в 3-м лице для выражения мн. числа [Там же, 83].

[24] Алломорф *-s*, представляющий морфему мн. ч. **-z*, можно усмотреть в чувашском аффиксе мн. ч. *-sem/-sam, -sen/-san*, где *-em/-am*, быть может, представляет собой плеоназм (ср. др.-тюрк. *är-än* 'люди' от *är* 'мужчина').

го, множество' — ДТС, 623 'куча, множество' — РСл I, 1180), форму на *-š* можно возвести к *-l* в значении множественности с большим основанием, чем к *-z*.

Во-первых, гипотеза *-š*>*-l* согласуется с древнейшим чередованием *l*~*š*, оставившим рудиментарные следы и в ауслауте (ср., например, общетюрк. *qoš* 'слить, соединить, сложить вместе'>*qoš* 'двойной, состоящий из двух слитых частей' и монг. *xol-ix*, калм. *xol-x-* 'смешать, перемешать').

Во-вторых, морфема *-l* служит основой для ряда производных аффиксов, связанных с обозначением множественности: 1) афф. мн. ч. *-lar-/-ler*, где она выделяется, очевидно, в одном из значений множественности, а *-ar* — в другом[25], представленном в аффиксе разделительного множества *-šar/-šer, -ar/-er* (ср. др.-тюрк. *törter* 'по четыре', *juzär* 'по сто, сотнями', — Фаз. II, 697), а также в афф. *-ar/-är*, выделяемом в значении собирательной множественности (ср. др.-тюрк. *tat* 'чужеземец'+*ar*>*tatar* 'татарин, татары', др.-тюрк. *ügür* 'стадо, табун' от *ök-* 'накапливать, собирать')[26]; 2) афф. *-lyq/-lik* с деривационным значением 'место, изобилующее тем, что обозначено производящей основой' (башк. *urmanlyq* 'местность, покрытая лесом', *qajynlyq* 'березовая роща'), где *-l* выделяется в значении собирательной множественности, а *-yq/-ik* обнаруживает генетическую связь с отглагольными именами на *-uq/-ik*, обозначающими место (ср. др.-тюрк. *kečüg* 'переправа, брод' от *keč* 'переправиться', *aryq* 'арык' от др.-тюрк. *ar-* 'отделять'); 3) афф. *-lap/-lep* в значении приблизительного множества (ср. башк. *utyδlap* 'около тридцати', *unlap* 'примерно десять'); 4) афф. *-ly/-li* в значении комитатива (др.-тюрк. *täŋili jerli* 'небо и земля', — ДТС, 319); 5) афф. *-qala/-kälä* (башк. *kilgela-* 'приходить, приезжать время от времени'), *-ala/-älä* (башк. *huqqyla-*, тат. *suqqala-* 'постукивать'), *-lda-/-ldä* (башк. *qytqylda-* 'кудахтать', *qyimylda-* 'шевелиться, пошевеливаться'), *-len* (чув. *küllen* 'ежедневно', *sullen* 'ежегодно') со значением кратной множественности[27].

В-третьих, что самое важное, морфемы *-l* и *-š* дублировали друг друга не только в др.-тюрк. *ükül*~*üküš* 'много, множество' (от *ük-* 'копить, собирать'), но и в глагольных формах в значении собирательной множественности, легшем в основу взаимного залога, а также в значении самого взаимного залога: 1) ср. др.-тюрк. *teril-*~*teriš* 'собираться (о многих)' от *ter-* 'копить, собирать': *Imram tärišdi* (МК I, 107) 'Народ собрался'; *On tümän sü tärilti* (Тон. 36; ПДП, 429) 'Собралось десять тысяч войска'; 2) др.-тюрк. и межтюрк. *tanyš*~монг. *tanilčaqu-* 'познакомиться друг с другом' от *tany-* 'узнать' (отсюда межтюрк. и

[25] Категория множественности как в логическом ее понимании, так и в лингвистическом преломлении многогранна [см. Холодович 1979, 173—195]. Таким образом, наличие в одной и той же словоформе двух разных ее показателей вполне допустимо, тем более, если они выражают разные аспекты понятия множественности.

[26] Относительно этимологии афф. *-lar/-ler* существует целый ряд гипотез, из которых за отсутствием доказательств пока что ни одну нельзя считать сколько-либо убедительной [см. Щербак 1977, 83 сл.].

[27] В значении множественности морфема *-l* отмечена также в некоторых других алтайских языках в составе ряда производных аффиксов [см. Котвич 1962, 109].

др.-тюрк. *tanyš*~монг. *tanil* 'знакомый'); др.-тюрк. *uruš-* 'сражаться' (ДТС, 616)~*urun-* 'бороться, спорить друг с другом' (СС 266)>*urul-* сражаться'; др.-тюрк. *jitil-* 'идти вместе' от *jit-* 'достигать, дойти' (Фаз. I, 520) (ср. также межтюрк. *jätiš*, каз. *žetis-*, башк. *jeteš-*~др.-тюрк. *jetil-* — Там же 'созреть, зреть') и др.

Судя по всему, общетюрк. афф. *-š* как показатель взаимного залога исторически являет собой алломорф исконной морфемы *-l* рудиментарно дошедшей до нас в разных значениях множественности не только в перечисленных образованиях, но и в составе монг. афф. взаимного залога *-lda/-lde* и совместного залога *-lča-*, которые нередко выражают просто множественность действий и их производителей [см. Санжеев 1963, 60]. Морфема *-l* в значении множественности, соответствующем тюрк. форме на *-lar-/-ler*, сохранилась в тунгусо-маньчжурских языках [Котвич 1962, 110], характеризующихся, как известно, консервативность своего строя.

Форма на *-š* характеризуется как в древних, так и в современных тюркских языках многозначностью. Она употребляется в них: 1) в значении мн. числа, 2) в трех основных значениях взаимного залога: а) совершение действия сопряженными субъектами по отношению друг к другу (взаимного значение), б) совершение параллельных однородных действий двумя или несколькими субъктами (совместное значение), в) оказание помощи одного субъекта другому в осуществлении данного действия (значение соучастия в действии), 3) в деривационных целях: а) в значении среднего залога, б) в значении действительного залога. Из этих значений исходным является, очевидно, значение множественности передаваемое глаголом действия, с которым так или иначе связаны все остальные значения формы на *-š* как с инвариантом, послужившим для них истоком[28].

Приведенные при рассмотрении происхождения формы на *-š* доводы подтверждаются следующими фактами.

1. Во всех тюркских языках форма на *-š* устойчиво проявляет зна-

---

[28] Противоположное суждение высказал Э.В. Севортян. По его мнению, от значения совместности отделилось так называемое значение совокупности, послужившее базой для становления и развития впоследствии значения множественности, которого, как он категорически утверждает, еще не было в эпоху М. Кашгарского [Севортян 1962, 156]. К этому заключению Э.В. Севортян пришел, очевидно, на том лишь основания, что М. Кашгарский, перечисляя основные значения формы на *-š*, не упомянул значение множественности, хотя на примерах широко отметил однозначное его проявление, которое непредубежденный читатель не может не заметить, если он, конечно, пользуется материалами М. Кашгарского не со вторых рук: *qušlar sajrašdy* (МК III, 194) 'Птицы пели', *budun qamuy külüšdi* (МК II, 124) 'Все люди смеялись'; *böri barča ulušdy* (МК I, 197) 'Все волки выли'; *oylan jügrüšdi* (МК III, 112) 'Дети бежали'; *kiši qamuy syxrašdy* (МК I, 123) 'Все люди горько плакали'; *jund qamuy oqrašdy* (МК I, 238) 'Все лошади ржали'; *at azyyr qalyšdy* (МК II, 122) 'Кобылицы и жеребцы прыгали'; *atlar qamuy sočušdy* (Там же, 98) 'Все лошади ржали' и мн. др.

Изложенную точку зрения Э.В. Севортяна разделяют, по существу, Л.Н. Харитонов и Х.Г. Нигматов, считающие первоначальным содержанием формы на *-š* взаимно-возвратное значение [Харитонов 1963, 50; Нигматов 1973, 51]. Взаимно-возвратное значение на деле представляет ее частное производное значение, закономерно возникающее лишь у строго определенного круга глаголов типа *kör-* 'видеть' в полной зависимости от их лексического значения и синтаксических потенций.

чение множественности в одних и тех же древнейших глаголах типа *sajraš-* 'щебетать, петь (о многих птицах)', *jyylaš-*>*jylaš* 'плакать (о многих)', *külüš-* 'смеяться (о многих)', *jügürüš-* 'бежать (о многих)', *jyrlaš-* 'петь (о многих)' и в многочисленных звукоподражательных глаголах, созданных по древним моделям на *-la, -qyr/-ker, -lda, -rda*[29], что едва ли может быть случайным совпадением результатов ее исторического развития на почве отдельных языков.

2. В письменных памятниках форма на *-š* в значении множественности употребляется в целом гораздо шире, чем в большинстве современных тюркских языков[30], исключая узбекский[31], киргизский и отчасти казахский языки, где она сплошь и рядом выступает в значении формы на *-lar,* особенно в глаголах движения (ср. кирг. *Studenter leksijeya kelišti* 'Студенты пришли на лекцию').

3. Как в древних, так и в современных тюркских языках категория мн. числа располагает специальными формами и характеризуется в системе глагола достаточной развитостью, исключающей возможность сколько-нибудь убедительно объяснить такое широкое использование формы на *-š* для ее выражения как следствие относительно позднего, а тем более конечного этапа в историческом развитии этой формы на почве отдельных тюркских языков.

4. При форме на *-š* аффикса мн. числа *-lar* обычно не бывает[32]: *Ol qan joq bolduqqa käsrä äl jätmis, yčyymys, qačyšmys* (Ахм., 55) 'Затем, когда хана не стало, народ наш погиб, рассеялся, разбежался'; *Erän qamuy küsäšdi* (МК II, 110) 'Все люди хотели приобрести (имущество)'.

5. Форма на *-š* в значении множественности, вне всякого сомнения, входит в сферу основного залога, трансформацию и модификацию которого представляет собой взаимный залог, отделившийся от него, выражая главным образом особый вид биносубъектности при двух сопряженных активных действиях. Форма на *-š* в значении множественности, как и основной залог в форме мн. числа, пред-

---

[29] Примеры: 1) на *-la:* башк. *šavlaš-* 'шуметь (о многих)', *qöžləš-* 'жужжать (о многих)', *yyžlaš-* 'шипеть (о многих)'; 2) на *-yyr:* башк. *aqyryš-/baqyryš-* 'орать, вопить (о многих)', *qysqyryš-* 'кричать, горланить (о многих)'; 3) на *-lda:* кирг. *baqyldaš-* 'орать (о многих)', *qaqyldaš-* 'кудахтать (о многих)', *barqyldaš-* 'галдеть (о многих)', тат. *baqyldaš-* 'квакать (о многих)', *bezeldaš-* 'визжать (о многих)', *byzyldaš-/byzlaš-* 'жужжать (о многих)', 4) на *-rda:* башк. *lyyyrdaš-* 'тараторить (о многих)', *tapyrdaš-* 'стучать ногами (о многих)', *typyrdaš-* 'выбивать дробь ногами (о многих)'.

[30] Х.Г. Нигматов, рассматривая залоги глагола на материалах письменных памятников XI—XII вв., отметил, что форма на *-š* в совместно-множественном значении, отражающем простую множественность действующих лиц, может быть образована чуть ли не от всякого глагола [см. Нигматов 1973, 55]. По мнению Э.И. Фазылова, в письменных памятниках XIII в. в данном значении форма на *-š* находит еще более широкое применение, чем в источниках XII в. [см. Фазылов 1965$_1$, 85—86].

[31] В узбекском языке форма на *-š* в значении множественности доминирует над всеми ее остальными значениями, как это отметил Э.И. Фазылов [1965$_1$, 95].

[32] Например, М. Кашгарский, отметивший форму на *-š* во всех ее основных значениях, употребляет при ней афф. *-lar* лишь в отдельных случаях: *Olar telim sajrašdylar* (МК III, 194) 'Они отвели душу разговорами'. Но это в других источниках, как и в современных языках соблюдается далеко не последовательно, ср. *Anday axatutup jyylaštylar* (Ив., 120) '(Они) так горько плакали'. Здесь определенную роль играют, конечно, сложившиеся традиции, стилистические запросы и т.п., а главное — неполное совпадение форм на *-š* и на *-lar* по выражению множественности.

полагает обобщенное выражение однородных сопряженных субъектов одним и тем же названием в форме мн. числа, тогда как при взаимном залоге во всех его трех значениях сопряженные субъекты обычно имеют раздельное лексическое выражение и к тому же название одного из субъектов занимает в определенных случаях позицию косвенного дополнения в форме дат. падежа (при значении соучастия) или род. падежа (при взаимном и совместном значениях, если название второго субъекта выражено личным местоимением: ср., с одной стороны, *sü qamuy jyylyšdy* (МК II, 115) 'Все войска собрались', с другой — *Inim Kül Tegin birlä sözläšdimiz* (КТб, 26) '(Мы) переговорили с моим младшим братом Кюль-Тегином', где эллипсис одного из однородных подлежащих обусловлен формой 1-го лица глагола-сказуемого, отражающей его: *Ol anyŋ birlä eligik imläšdi* (МК I, 242) 'Он обменялся с ним знаком с помощью рук' (взаимное значение); *Ol meniŋ birlä tayqa ayyšdy* (ДТС 20) 'Он поднимался со мной на гору' (совместное значение); *Ol meŋä üzüm syqyšdy* (МК II, 115) 'Он помог мне давить виноград (на сок)' (значение соучастия).

6. Залоговые значения совместности и взаимности по существу представляют собой сужение значения множественности, т.е. количественное ограничение как самих сопряженных действий, так и их исполнителей, вызванное прежде всего синтаксическими потенциями глагола (взаимное значение) или условиями контекста (совместное значение), в конечном итоге тоже зависящими от синтаксических потенций глагола и коммуникативных запросов. Во многих формах типа *qaraš-* 'смотреть друг на друга' (о двух или нескольких сопряженных субъектах, но не более того), *qavyš-* 'сойтись, соединиться, вступить в брак', *öpüš-* 'целоваться' (только о двух сопряженных субъектах), взятых вне контекста, значение множественности исключено, зато неизбежно возникает значение взаимности, которое при всей его стабилизованности было и остается лексически обусловленным значением формы на *-š*, производным от ее значения множественности. В формах же типа *külüš-* 'смеяться (о многих)', *jyrlaš-* 'петь (о многих)', *uluš-* 'плакать, вопить' (ПДП, 438), 'выть' (ДТС, 609), образуемых в преобладающем большинстве тюркских языков от большого числа глаголов, связанных главным образом со звучанием, шумом, чувственным восприятием, вне контекста неизменно проявляется значение множественности, в котором они функционируют преимущественно и в контексте. Но в зависимости от условий контекста многие из таких форм в коммуникативно необходимых случаях используются для выражения двух или нескольких сопряженных параллельных действий, т.е. для выражения залогового значения совместности. Ср.: *Oylan yylašdy* (ДТС, 218) 'Дети плакали' и *Ekki qaryndašy bir birini qučušub jyylaštylar* (Фаз. II, 652) 'Два брата, обнявшись, плакали'.

Что касается третьего залогового значения формы на *-š* (соучастие в действии в качестве помощника основного субъекта), то оно как по своему характеру, так и по реализации на синтаксическом уровне стоит особняком и поэтому не может быть первоначальным ее содержанием, как не могут быть им по той же причине и деривационные ее значения.

7. Ни одно из трех основных залоговых значений формы на *-š* даже отдаленно не связано с ее деривационными значениями, в основе которых тоже лежит значение множественности, вернее его оттенки.

При рассмотрении каждого из значений формы на *-š* в отдельности нужно иметь в виду, что они все представлены во всех современных тюркских языках, но имеют в них весьма различную сферу распространения, исключая разве значение взаимности, охватывающее примерно одинаковый состав глаголов не только в современных, но и в древних тюркских языках.

1. Значение множественности выражает форма на *-š* главным образом в глаголах активного действия, связанных с обозначением звучания, шума (в особенности в звукоподражательных глаголах), в отдельных глаголах движения типа *jügürüš-* 'бежать (о многих)' и чувственного восприятия типа *külüš-* 'смеяться (о многих)', в которых оно сопровождается обычно двумя оттенками: 1) неуточненное множество действий, совершаемых одновременно, предстает как некая совокупность, которая по сравнению с ее составляющими в отдельности естественно приобретает ясно выраженный оттенок интенсивности и *результативности: башк. Balalar ilaša, ərləšə, qotoroša, uxyldaša, xixyldaša, lyqyldaša, beješə, avnaša, aďyša, dulaša, qajnaša, baqyryša, šyrqyldaša* 'дети плачут, ссорятся, беснуются, охают, хихикают, тараторят, пляшут, валяются, дурачатся, капризничают, суетятся, вопят, визжат'; 2) в значительном числе сходных глаголов типа башк. *byšyldaš-* 'шептаться, шушукаться' одновременно прослеживается значение повторяемости, кратности в зависимости от характера их лексического содержания (ср. башк. *jylmajyš-* 'улыбаться', *qajyyryš-* 'горевать', *jügereš-* 'бежать' и т.п., где его нет). Первый из этих оттенков сопровождает значение множественности формы на *-š* неизменно, исключая ее употребление в узбекском, киргизском и казахском языках в глаголах движения и некоторых других семантических разрядах глагола для выражения мн. числа в принятом его лингвистическом понимании вместо афф. *-lar*[33]. Второй оттенок при всей его лексической обусловленности в целом имеет во всех тюркских языках широкое распространение, особенно в составе звукоподражательных глаголов. В силу этого формы на *-š* и на *-lar* по выражению множественности ныне взаимозаменяемостью не обладают (исключая в известной мере лишь узбекский, киргизский и казахский языки).

Значение интенсивности и результативности совокупного проявления неуточненного множества однородных разрозненных действий переросло в регулярное внутриглагольное деривационное значение в глаголах состояния типа *ačyš-* 'закисать, перебродить' от *ačy-* 'киснуть, бродить' (ДТС, 6), *süčiš-* 'становиться сладким' от *süči-* 'быть сладким' (Там же, 516), *quruš-* 'пересохнуть' от *quru-* 'сохнуть', на базе которых, в свою очередь, возникли последующие производные словообразовательные модели, генетически связанные с ними типовым деривацион-

[33] Форма на *-lar* выступает как маркированный член бинарного противопоставления единичности и неединичности в самом общем их понимании, пронизывая глагольную парадигму глобально. Это свойство сохранила форма на *-š* в названных трех языках лишь в составе ограниченного круга глаголов движения.

ным значением результативности в изменении состояния или приобретения свойства, названного производящей основой.

Значение повторяемости действия послужило началом в зарождении лексикализованных форм типа межтюрк. *oyurlaš-* 'заниматься воровством' (*oyurla-* 'воровать, грабить'), *soraš-* 'расспрашивать, разузнавать, наводить справки' (*sora-*<**sor-* 'спрашивать'), на базе которых впоследствии наметилась тенденция использования афф. *-š* для выражения кратности, отрешенной от его значения множественности.

Форма на *-š* в значении множественности в современных тюркских языках за редким исключением прочно утвердилась как одна из разновидностей действительного залога, тогда как в письменных памятниках она нередко выражает его и в глаголах состояния: *Atlar qamuy semrišdi* (МК II, 213) 'Все лошади жирели'; *kišilar bu uyuy tanlašdy* (МК III, 398) 'Люди удивились этому обстоятельству'; *erän qamuy qaqyšdy* (МК II, 104) 'Все люди сердились'[34].

2. Значение совместности формы на *-š* — это предельно суженная модификация ее первоначального значения множественности, в отличие от которого оно, во-первых, касается всего двух или нескольких параллельных действий, соотнесенных со строго определенными их исполнителями (а не с неуточненным множеством), во-вторых, лишено оттенка интенсивности и результативности, характерного для значения множественности, в-третьих, обычно изменяет состав предикативного ядра предложения — как правило, предполагает наличие в нем лексически раздельно выраженных двух сопряженных активных субъектов. Из них название первого независимо от своей категориальной принадлежности всегда занимает в предложении позицию подлежащего в форме осн. падежа, а название второго субъекта, сопровождаемое соединительным послелогом или союзом, выступает либо как однородное подлежащее в форме осн. падежа (если оно выражено существительным), либо как косвенное дополнение в форме род. падежа (если оно выражено местоимением).

Значение совместности в данном строгом его понимании представлено формой на *-š* в письменных памятниках в целом гораздо шире, чем в большинстве современных тюркских языков (исключая узбекский, киргизский, казахский, якутский), где оно имеет и ныне довольно большую сферу распространения. Во многих тюркских языках мы уже не найдем в собственно совместном значении форму на *-š* в глаголах движения типа *čyqyš-* 'выйти вместе с кем', в глаголах состояния типа *jatyš-* 'лежать вместе с кем', тем более в переходных глаголах типа *ičiš-* 'пить вместе с кем': *Ol menin birlä süt ičišdi* (МК I, 190)... *suv kišišdi* (МК II, 93) 'Он со мной пил молоко..., переправлялся через реку'; *Olar ikki evdin čyqyšdy* (МК, II, 115) 'Они вдвоем вышли из дома'; *Ol anyn birla jatyašdy* (МК III, 113) 'Он лежал вместе с ним'; *Ol menin birlä išläšdi* (МК I, 240) 'Он со мной работал'.

В современных тюркских языках совместное значение формы на

[34] В современных языках в значении множественности она распространяется лишь на отдельные глаголы состояния типа башк. *qayyrys-* 'гореватъ', *qurqyš-* 'бояться', *ıđereš* 'пьянеть' и практически употребляется крайне редко.

-š устойчиво проявляется главным образом в непереходных глаголах активного или непроизвольного действия, большинство которых преимущественно выступает в этой форме в значении множественности: башк. *Jərmöxəmmet menən Timeryolov šunda uq, jylmajyšyp, Šəfiq janyna sügələne* (З. Биишева) 'Ярмухаммет с Тимергуловым тут же присели к Шафику, улыбаясь'. Но в некоторых тюркских языках форма на *-š* в значении совместности широко употребляется также в переходных глаголах и в отдельных глаголах состояния: як. *Kini migin qytta ot tiəjištə* 'Он со мной возил сено' (Хар$_2$, 24), туркм. *Šunduqda, Gurt bu iki jigit bilen jašašmaaya bašlady* (А. Говдунов) 'Таким образом, Гурт начал жить вместе с этими двумя юношами'.

В глаголах движения форма на *-š* в значении совместности, тесно переплетаясь с взаимным значением, приобрела частное дополнительное лексическое значение соревнования, состязания, широко отмеченное М. Кашгарским, в современных же тюркских языках оно представлено лишь отдельными древними формами типа *jügürüš-* 'бежать на перегонки', *joruš~jaryš-* (кирг. *žaryš-*) 'состязаться в ходьбе'>'бежать на перегонки' (кирг.)>'соревноваться' (тат., башк.), *uzuš-* 'обгонять друг друга', на базе которых в отдельных языках создано лишь несколько новообразований типа кирг. *čabyš-* 'принять участие в скачках' (кирг. 'состязаться в беге'): *Ol menin birlä joruždy* (МК III, 72); *at ozuždy* (МК I, 184) 'Он состязался со мной в ходьбе, в скачках на лошадях'; туркм. *Ine sejisler atlaryny sejisep geldiler, mejdana čyqyp at čapyššaqlar* (А. Говдунов) 'Вот, приготовив коней, прибыли тренеры, они на площади будут состязаться в скачках на лошадях'; тат. *Küktəge joldyzlar ber bersen quyšyp čyyyp betkəč, Rəvfə də jata* (А. Шамов) 'Когда на небе, обгоняя друг друга, появились звезды, легла спать и Рауфа'.

В глаголах движения *baryš-* 'идти (туда) с кем-л.', *kileš-* 'прийти (сюда)', *jürüš-* 'ходить' значение совместности неразрывно переплетается со значением взаимности: *Olarya qatylyyl kelišhäm baryš* (QBN 318$_9$) 'Встречайся с ними, общайся'; башк. *(Ul) məzin menən qunaqqa jörөšə* (З. Биишева) '(Они) ходят друг к другу в гости'; тат. *Šul könnən alyp bez anyn belən jorešə bašladyq* (Г. Ибраһимов) 'Начиная с того дня, мы стали ухаживать друг за другом' (букв. 'ходить вместе').

За исключением глаголов движения, приобретающих дополнительное лексическое значение соревнования, форма на *-š* в значении совместности лексикализуется крайне редко: *Ol menin birla yšqa kirišdi* (МК II, 161) 'Он со мной приступил к работе'; *Olar bu yšqa ayryšdylar* (МК 124$_9$) 'Они мучались из-за этого дела'.

Форма на *-š* в значении совместности, характерном также для взаимно-совместного залога в монгольских и маньчжурских языках, стабилизовалась, очевидно, еще в период неразделенного состояния тюркских языков, о чем помимо устойчивого проявления этого значения во всех современных тюркских языках, свидетельствуют: 1) заметное расширение сферы распространения формы на *-š* в данном ее значении по мере углубления в древность; 2) максимальная близость значения совместности к исходному ее значению множественности, чего нельзя сказать ни об одном из остальных значений формы на *-š*, рассмотренных ниже; 3) наличие в территориально и исторически

отдаленных друг от друга тюркских языках отдельных межтюркских лексикализованных форм с данным значением типа *kiriš* 'приступить к чему-л.' (*kir-* 'войти'), *ozuš-* 'обгонять друг друга' (*oz-* 'пройти мимо'), *jügürüš-* 'бежать наперегонки'<'бежать с кем-л.' (*jügür* 'бежать'), происхождение которых в том или ином языке независимо от другого языка трудно себе представить, тем более что *kiriš-* в его отношении к *kir-* не отличается достаточно ясной мотивированностью, чтобы считать его зарождение в значении 'приступить к действию' закономерным явлением, которое могло произойти в туркм. (*giriš-*), узб., кирг. (*kiriš*), ккалп., ног. (*kiris-*), тат., башк. (*kereš-*) и т.п. параллельно и независимо.

Форма на *-š* в значении совместности утвердилась во всех современных тюркских языках как одна из трех основных разновидностей взаимного залога.

3. Взаимное значение формы на *-š*, т.е. совершение двух или (реже) нескольких однородных действий их исполнителями по отношению друг к другу на паритетных началах, представляет собой количественно до предела суженную модификацию ее исходного значения множественности, обусловленную характером лексического содержания самих глаголов, от которых она образуется. Во многих прямопереходных (*öpüš-* 'целоваться с кем-л.', *qučuš-* 'обниматься с кем-л.'), косвеннопереходных (*qaraš-* 'смотреть друг на друга') и непереходных (*sözläš-* 'беседовать, говорить с кем-л.', *kaŋaš-* 'советоваться с кем-л.') глаголах активного действия значение множественности в силу семантического их своеобразия проявляется в его количественно предельно ограниченном варианте: глаголы типа *öpuš-*, *qučuš-* предполагают совершение однородных действий только двумя сопряженными их исполнителями, а *qaraš*, *sözläš-*, *käŋäš-* и т.п. соотносятся с двумя или (реже) несколькими (а не со множеством!) сопряженными активными субъектами, но практически чаще всего выражают совершение двух однородных действий их исполнителями по отношению друг к другу. Закономерно сформировавшееся на базе сходных глаголов взаимное значение формы на *-š* при всей своей лексической обусловленности характеризуется как в древних, так и в современных тюркских языках устойчивостью и имеет в целом весьма широкую и примерно одинаковую сферу распространения.

Прямопереходные глаголы типа *körüš-* 'встречаться, видеться' во взаимном залоге теряют свою способность иметь при себе раздельно выраженное прямое дополнение, ибо в этом случае каждый из двух сопряженных субъектов одновременно оказывается объектом действия взаимодействующего с ним другого субъекта, т.е. объектом чужого действия: *Ol meniŋ birlä körüšdi* (МК II, 107)... *öpüšdi* (МК I, 189)... *qučušdy* (МК II, 98) 'Он со мной встретился..., поцеловался..., обнялся'; *Iki qadaš esän tükäl qavyšyp öpüšdi qučušdy* (ДТС, 463) 'Два брата, встретившись здоровыми и невредимыми, поцеловались, обнялись'. Некоторые же прямопереходные глаголы типа *sözlä-* 'говорить', *tala-* 'грабить', принимая форму на *-š*, вообще становятся непереходными и к тому же в той или иной мере обновляют свое исходное лексическое содержание: *Öz nafsy birlä anday sözläšür* (Фаз. II, 299)

'Так беседует он со своим сердцем'; *Beš jek talašur* (ДТС, 528) 'Пять демонов сражаются друг с другом'. Но часть глаголов типа др.-тюрк. *batryš-* 'топить друг друга', башк. *alyš-* 'получать друг от друга' сохраняет свою переходность: башк. *Beð unyŋ menən xat alyšabyð* 'Мы с ним переписываемся'; *Olar ikki bir birig suvqa batrušdy* (ДТС, 89) 'Они топили друг друга в воде'. Косвеннопереходные и непереходные глаголы тоже полностью сохраняют свои исходные синтаксические характеристики: *Olar bir birkä baqyšdy* (МК II, 113) 'Они посмотрели друг на друга (перегянулись)'; *Olar bir birdin qačyšdy* (Там же, 98) 'Они спрятались друг от друга'; *Meniŋ birlä keŋäšdi* (ДТС, 299) 'Он советовался со мной'.

Сопряженные субъекты во взаимном залоге обычно имеют раздельное лексическое выражение, оформленное как и в совместном залоге, двояко: 1) оба субъекта представлены в позиции однородного подлежащего в форме основного залога, если второй из них выражен именем существительным или личным местоимением 3-го лица мн. числа: *Tün kün birlä qaryšty* (ДТС, 428) 'Ночь и день противостояли (друг другу)'; туркм. *Biz olar bilən düjn dušušdyq* (Б. Кербабаев) 'Мы с ними встретились вчера'; 2) если второй субъект выражен личным местоимением (исключая личное местоимение 3-го лица мн. числа), то его название ставится в позицию косвенного дополнения в форме род. падежа, а название первого субъекта занимает позицию подлежащего в форме осн. падежа: *Ol meniŋ birlä biliširdi* (МК II, 120) 'Он познакомился со мной'. В первом случае свободно допускается контекстуальный эллипсис одного из однородных подлежащих, особенно если его название отражено в личной форме глагола-сказуемого: башк. *Nadeždа Konstantinovna Krupskaja menən jyš osraštym* (Э. Бикчәнтәев) 'С Надежной Константиновной Крупской я встречался часто'; *Elekke tanyšym Žəlil Kiekbajov menən tayy kilep osraštyq* (С. Кулибай) 'Мы снова встретились с моим прежним знакомым Джалилем Киекбаевым'.

Сопряженные субъекты в предложении могут быть представлены также одним и тем же подлежащим в форме мн. числа: *olar iki aðryšdy* (ДТС, 15) 'Они оба разлучились'. При наличии перед подлежащим количественного определения, исключающего морфологическое выражение мн. числа при определяемом слове, это носит регулярный характер, особенно когда в осуществлении действий принимают участие более двух лиц: *Ekki qočŋar sösušdi* (МК II, 110) 'Два барана бодались'; *Üč özüt öklәšür* (ДТС, 382) 'Три духа сражаются друг с другом'.

Описанное залоговое управление характерно и для современных тюркских языков. В отличие от них, в письменных памятниках в отдельных случаях взаимный залог управляет инструментальным падежом в значении совместности, в котором обычно выступает соединительный послелог birlä: *Täŋili jerli tebräšdi (künli) ajly körüšdi* (Там же, 319) 'Небо и земля двинулись, солнце и луна встретились'.

В большинстве современных языков форма на *-š* гораздо чаще выступает в значении взаимности, чем совместности. Во многих языках сфера распространения взаимного залога значительно расширилась за счет словообразовательных форм на *-laš/-läš (-la/-lä+-š)* типа башк. *bəxilləš-* 'распрощаться', *iðənləš-* 'здороваться', *duðlaš-* 'подружиться', *səlәmləš-* 'здороваться', *havbullaš-* 'распрощаться', *tatulaš-* 'помириться',

tuγanlaš- 'породниться',*rizalaš-* 'соглашаться', в составе которых афф. *-š*, выделяемый лишь как неотъемлемый элемент монолитной аффиксальной морфемы *-laš/-läš*, сохраняет значение взаимного залога.

Форма на *-š* и в свободном употреблении, выражая значение взаимности, нередко обнаруживает словообразовательный характер: ср. общетюрк. *körüš-* 'видеться, встречаться', (тат., башк.) 'здороваться за руку с кем-л.' (*kör-* 'видеть'), др.-тюрк., гаг., як. *biliš-* 'познакомиться' (*bil-* 'знать'), *tanyš-* 'познакомиться, ознакомиться с чем-л.' (*tany-* 'знать, узнать, признать, опознать') и т.п. Сходные двоякофункционирующие формы, представленные в древних и современных тюркских языках, во многих случаях прямого отношения к взаимному залогу не имеют, ибо они за редким исключением возникли, очевидно, на базе значения взаимного залога в порядке его дальнейшего развития в соответствии с семантическими потенциями каждой из них: ср. др.-тюрк. *toquš-* 'сражаться' (ДТС, 576)<'драться'<'бить, ударить друг друга' (*toq-* 'бить, ударить'); *uruš-* 'сражаться, воевать' (Там же, 616)<<'драться, вступить в рукопашный бой'<'бить, ударить друг друга' (*ur-* 'бить, ударить'); *tutuš-* 'схватиться (с врагом)' (ПДП, 436)<(кбалк.) 'бороться'<(хак. *tudys*) 'держать, схватить друг друга, поймать друг друга' (*tut-* 'держать, схватить, поймать'), *tepiš-* 'драться' (ДТС, 553)<'лягаться; драться, лягая друг друга (о лошадях, копытных животных)' (*tep-* 'лягать'), *tegiš-* 'сражаться' (Там же, 548)< 'соприкасаться друг с другом; трогать друг друга' (*teg-* 'трогать, соприкасаться'); тат., башк. и др. *suγyš-*>*soyuš-* 'воевать'<(тув.) 'драться, вступить в рукопашный бой'<'ударить, бить друг друга' (*soq-* 'ударить, бить'), где не исключена возможность образования одной формы по образцу другой по аналогии, как это широко практикуется в словообразовании.

Иную историю имеют крайне редкие собственно залоговые формы типа *ajaγyš* (СС, 31) 'вплотную касаться ногами друг друга', *alar ajaγyšyp jattylar* 'они легли вместе, обхватив друг друга ногами', *biriš-* 'объединиться' (ПДП, 372), *süŋüš-* 'сражаться, враждовать' (ДТС, 517), образованные, по-видимому, непосредственно от именных основ в порядке исключения и поэтому тоже представляющие по существу объект исторической лексикологии[35]. Некоторые древние формы типа *käŋäš-* 'советоваться' (*keŋä-* 'советоваться') во многих современных языках представлены без их производящих основ и в связи с этим функционируют в них на правах самостоятельных лексических единиц, хотя по-прежнему выражают взаимный залог на общих основаниях.

В ходе исторического развития отдельные формы на *-š* на почве

[35] Форма *ajaγyš-* образована, вероятно, по аналогии с древнейшими редкими формами типа як. *bas-taš-* (*baš-laš*) 'класть голову к голове' (*bastahan syt-* 'ложиться головами друг к другу'). *Biriš-* по своей словообразовательной структуре близко к др.-тюрк. *jaγyš-* 'стать врагами' и т.п., созданным по единой модели "приобрести свойство по основе". Происхождение *süŋüš-* остается неясным, если даже признать, что эта форма восходит к **suŋu* 'копье'+*š* – 'драться на копьях', как это предполагают отдельные исследователи. Ибо такой глагол пока что не отмечен ни в древних, ни в современных тюркских языках.

современных тюркских языков лишились своего первоначального залогового значения. Так, древняя форма *ündäš-* 'звать друг друга' от *ündä-* 'звать' (ДТС, 625) в башкирском и татарском языках означает 'окликать кого-л., откликнуться, подать голос', а ее производящая основа здесь, как и в ряде других тюркских языков, имеет значение 'уговаривать, обращаться с призывом, агитировать'.

Форма на *-š* в значении взаимности, управлявшая в этом значении в свое время древним инстр. падежом, стабилизовалась, очевидно, еще в пору нераздельного состояния тюркских языков.

4. Среди значений формы на *-š* особое место занимает явно производное устойчивое ее значение соучастия в действии, вернее — значение оказания помощи одним субъектом другому в осуществлении переходного активного действия, выраженного производящей основой. В данном значении форма на *-š* вызывает принципиально иную диатезу, чем во всех остальных случаях своего употребления: название ведущего исполнителя действия устраняется с позиции подлежащего, которую занимает название соучастника действия в форме осн. падежа, и ставится в позицию косвенного дополнения в форме дат. падежа. Соответственно в предложении актуализируется соучастие в действии как акт, а осуществление действия основным его производителем, напротив, теряет свою информативность. Это практически означает, что переходный глагол активного действия, принимая форму на *-š*, радикально меняет не только свою соотнесенность с субъектом, характерную для основного залога, но и свое исходное лексическое содержание. В самом деле, оказание помощи кому-либо в осуществлении действия, названного производящей основой — это совсем другой акт, чем само это действие, тем более, что долевое участие соучастника в осуществлении этого действия, выполняемого основным его исполнителем, остается при этом неуточненным.

В рассматриваемом значении форма на *-š* широко представлена в письменных памятниках, начиная с XI в.[36], причем особенно — в "Диване" М. Кашгарского: *Ol maŋa bitig bitišdi* (ДТС, 104) 'Он помог мне написать письмо'; *Ol maŋa bürmä bürüšdi* (Там же, 132) 'Он помог мне собрать складки'; *Ol aŋar ev jamlašdy* (МК III, 105) 'Он помог ей прибирать в доме'; *Ol meŋä taruy ekišdi* (МК I, 212)... *qar küräšdi* (МК II, 99)... *buydaj jyyyšdy* (МК III, 73) 'Он помог мне сеять злаки..., сгребать снег..., собрать пшеницу (в уборке пшеницы)'.

В большинстве современных тюркских языков, особенно в огузской группе языков, в карачаево-балкарском и караимском языках форма на *-š* в значении оказания помощи имеет в целом весьма ограниченную сферу распространения, чего нельзя сказать относительно татарского[37], башкирского, якутского, киргизского, казахского, узбекского, уйгурского и некоторых других современных тюркских языков.

Зарождение значения оказания помощи в форме на *-š* связано,

[36] По наблюдениям Э.И. Фазылова, в памятниках XI—XII вв. форма на *-š* в данном своем значении употребляется гораздо шире, чем в значении взаимно-совместного залога [Фазылов 1965₁, 81].

[37] Здесь, по наблюдениям К.З. Зиннатуллиной, форма на *-š* в этом значении охватывает половину глагольной лексики [см. Зиннатуллина 1969, 90].

очевидно, с ее переосмыслением лишь в составе какого-нибудь отдельного глагола в силу специфики его лексического содержания в порядке частной лексикализации типа *boluš-* 'помочь, поддержать, заступиться' от *bol-* 'быть', отмеченной еще М. Кашгарским. Да и становление и развитие его применительно к определенному кругу переходных глаголов шло, должно быть, первоначально тоже лишь на лексико-семантическом уровне, пока форма на *-š* окончательно не утвердилась в данном своем значении как регулярное средство не только модификации лексического содержания переходных глаголов активного действия, но и выражения определенных синтаксических отношений, а именно — своеобразной диатезы, радикально отличающейся не только от основного, но и взаимносовместного залога. Судя по устойчивости, единообразию залогового управления и, в особенности, по географии своего распространения как в древних (от МК, QB и др. до СС), так и в современных тюркских языках (от тувинского, якутского, узбекского, башкирского, татарского, чувашского до азербайджанского, туркменского, турецкого), форма на *-š* в рассмотренном значении стабилизовалась, очевидно, задолго до XI в.

5. Форма на *-š* употребляется в тюркских языках не только для выражения рассмотренных трех регулярных значений взаимного залога и значения множественности, от которого они произошли, но и в целях модификации или (реже) преобразования исходного лексического содержания производящей основы, лишаясь значения взаимного залога. Ее развитие по данному назначению, отрешенному от взаимного залога, тоже связано со значением множественности и шло в двух основных направлениях:

1) значение интенсивности одновременно производимых однородных действий и их результативности[38], неизменно сопровождающее значение множественности формы на *-š* переросло в самостоятельное производное деривационное значение результативности в изменении состояния, выражаемого данным глаголом: ср. *quruš-* пересохнуть' (МК II, 98) от *quru-* 'сохнуть', *buruš-* 'сморщиться, пересыхая' (ДТС, 127) от *bur-* 'крутить, поворачивать, закручивать'>*(bir-)* 'сморщить, сделать складки' (ср. башк. *bör-* — то же и *böröš-* 'сморщиться'), *öliš-* 'намокнуть' (МК I, 189) от *öli-* 'мокнуть' (МК III, 256), *qaqraš-* 'пересохнуть' (МК II, 255) от (узб.) *qaqra-* 'сохнуть', *soluš-* 'завязнуть' (Там же, 122) от *sol-* 'уменьшаться, убывать' (ДТС, 508), *ačyš-* 'прокиснуть, перебродить' (МК 100_4) от *ačy-* 'киснуть, бродить', *erüš* 'растаять, расплавиться' (МК I, 191) от *erü-* 'таять, расплавиться' (МК III, 269) и мн. др., часть которых как наследие далекого прошлого представлена во всех современных тюркских языках;

2) значение повторяемости, кратности однородных действий, сопровождающее значение множественности формы на *-š* в составе большинства образований типа башк. *šavlaš-* 'шуметь (о многих)', *hajraš* 'петь (о многих птицах)', в свою очередь, тоже превратилось в само-

[38] Ср. башк. *Bəlәkəs qaδδar qaηyyldaštylar* 'Гусята гоготали'; *Bisələr kölöšöp jebərδelər* 'Бабы дружно засмеялись'; *Balalar ilaša, qysqyryša* 'Дети плачут, шумят'.

стоятельное деривационное значение кратности единственного действия, выполняемого одним и тем же субъектом (а не множества однородных действий, как это было первоначально), представленное главным образом в письменных памятниках XI—XII вв. [см. Фазылов 1965₂, 89]; значение кратности в современных тюркских языках рудиментарно прослеживается в форме на *-š* лишь в небольшом числе сравнительно поздних образований типа башк. *aldaš-* 'обманывать, иметь обыкновение врать' от *alda-* 'обманывать, обмануть', *davlaš-* 'сутяжничать, добиваться своего, поднимая скандал' (*davla-* 'претендовать, притязать, требовать настойчиво'), *jalyanlaš-* 'обманывать, заниматься обманом' (*jalyaanla-* 'обманывать, обмануть'), *jaδyš-* 'заниматься письмом' (*jaδ-* 'писать'), *junyš-* 'обтесывать ножом, иметь обыкновение делать это' (*jun-* 'тесать'), *könləš-* 'ревновать, проявлять ревность как типичное свойство' (*könlə-* 'ревновать'), *xəjlələš-* 'проявлять хитрость как свойство' (*xəjlələ-* 'хитрить'), *hatyš-* 'заниматься торговлей, торговаться' (*hat-* 'продавать, продать').

Первое направление, еще в пору М. Кашгарского представлявшее довольно продуктивную модель внутриглагольного словообразования, оставившую наибольшие следы именно в его знаменитом "Диване", проявляется в редких отыменных глаголах состояния типа др.-тюрк. *suvyš-* 'стать водянистым, жидким' (ДТС, 515), *biriš-* 'сплотиться, объединиться' (ПДП, 372), туркм. *bərkiš-* 'закаляться, окрепнуть' (*berk* 'крепкий'), на базе которых, очевидно, давно сформировалась самостоятельная деривационная модель, тесно взаимодействующая с отыменным словообразованием на *-la,* впоследствии слившаяся с ним в единую сравнительно продуктивную производную форму отыменного словообразования: 1) башк. *alyδlaš* 'сделаться далеким' (*alyδla-* 'сделать далеким'), *bron-zalaš-* 'приобрести свойство бронзы' (*bronzala-* 'покрыть бронзой'), *jabajlaš-* 'упроститься' (*jabajla-* 'упростить'), *jajlaš-* 'сделаться удобным (*jajla-* 'сделать удобным'); 2) башк. *berləš-* 'сплотиться, объединиться' (*ber-* 'один'), *kiδkenləš-* 'обостриться' (*kiδken* 'резкий, ожесточенный'). Обе эти модели, как и лежащие в их основе разрозненные древние образования типа *biriš-* 'объединиться', *tišläš-* 'прорезаться (о зубах)': *Oylan tišläšdi* (МК II, 283) 'У ребенка прорезались зубы', объединяются типовым деривационным значением 'приобрести свойство, названное производящей именной основой'.

Особое разветвление в деривационном развитии формы на *-š,* базирующееся тоже на значении результативности, составляют: 1) редкие отглагольные имена типа др.-тюрк. *byčyš-* 'отрез (шелковой материи)' (ДТС, 105), *kečiš-* 'переправа, переход, мост' (Там же, 291) и поздние образования вроде башк. *kileš* лингв. падеж; 2) редкие имена деятеля типа межтюрк. *biliš* (узб., кирг., архаич.) > *beleš* (тат., башк.) 'знакомый', *tanyš* 'знакомый', *tanyš* 'знакомый' (узб., тат., башк. и др.); 3) имена действия, выступающие преимущественно как субстантивы типа *kiriš* вступление' (узб., тат., башк., *kereš*), *köriniš* 'вид, акт в пьесе (узб., тат., башк. *küreneš*), а также название действия как процесса типа др.-тюрк. *keliš-baryš* 'посещения' (Там же, 296) и типа *alyš* взимание долга' (Там же, 36), башк. *ososh* 'полет', *jügereš* 'бег', *jörösh* 'ход'; 4) редкие названия качества, признака, представляющие дальнейшее развитие имен действия, типа

межтюрк. *tanyš (kiši)* 'знакомый (человек)', башк. *qatyš* 'смешанный', а также еще более редкие образования вроде башк. *teješ* 'должен' (**teg-* 'касаться, трогать', *teješ* 'почитать, воздать должное' (СС 239)> 'дар в знак почитания'>'должное'>'должен').

Менее продуктивным оказалось второе направление в деривационном развитии формы на *-š*, которое завершилось ее слиянием в значении кратности с каузативом на *-tyr/-tir*, в результате чего возникла непродуктивная форма выражения эпизодической повторяемости активного действия, первоначально обозначавшая лишь кратность: башк., тат. *qara-štyr-* 'наблюдать, смотреть время от времени', *uqyštyr-* 'читать время от времени'; узб. архаич. *suruštir-*, башк. *horaš-/horaštyr-* 'расспрашивать, разузнавать, справляться'.

Деривационная функция формы на *-š* этим далеко не исчерпывается. Во всех остальных многочисленных случаях она носит индивидуальный характер и к тому же, за редким исключением, представляет вторичное явление — лексикализацию или переосмысление залогового значения взаимности и (реже) совместности в порядке его дальдальнейшего развития на почве отдельных тюркских языков или их групп, а также в древнюю пору их истории, ср. 1) башк., тат. *ireš-* 'дразниться'>*eriš* 'дразнить друг друга' (*er-* 'выражать неприязнь, относиться с пренебрежением'), башк. *aδaš-*, тат. *adaš-* 'заблудиться'>др.-тюрк. *aδyš-* 'отойти друг от друга' (ДТС, 15) от утерянного корня **ad-* или **aδ* (ср. *ad-yr>ajyr-* 'разлучать', *aδ-ry* 'разделенный, разветвленный, раздвоенный — Там же); 2) межтюрк. *japyš-* 'приклеиваться, приставать'>'покрыть друг друга' (*jap-* 'покрывать'), *jetiš-* созревать'> настигать друг друга, соприкасаться друг с другом, достигать что-л., соприкасаясь с ним' (*jet-* 'доходить, настигать'); 3) др.-тюрк. *qabyš-* 'воевать' (ПДП, 409)>'схватиться хватать друг друга, попасться друг другу' от *qap-* 'хватать, захватывать' (ДТС, 420), *alyš-* 'обменяться' (СС, 36)>'взять друг у друга' от *al-* 'брать'.

Описанным не исчерпываются также и более частные значения и функции формы на *-š*. Но и они предстают перед нами как результат ее развития главным образом на почве отдельных тюркских языков, исключая отдельные крайне редкие древние явления типа *joq-qy-š-* 'уничтожить' (КТб$_{32}$), не имеющие прямого отношения к вышеизложенному.

КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ

Категории изъявительного и косвенных наклонений и времен[39] присущи не только спрягаемым личным формам глагола, но и неличным функциональным формам — причастиям. Если категории вида и залога в той или иной степени характерны для каждой основы глагола, то категории наклонения и времени характерны только для производных функциональных форм глагола и именно для первичных причастий,

[39] См. об этом: [Баскаков 1956; Коклянова 1963; Урусбиев 1963; Юлдашев 1965; Рагимов 1966; Агазаде 1968; Чарыяров 1969; Коркина 1970; Баскаков 1971; Шукуров 1974; Гаджиева 1973; Мочос 1976].

а также для производных от первичных причастий вторичных функциональных форм — масдаров и деепричастий.

К своеобразию категорий наклонения и времени относится также и то, что они не имеют специальных формантов и формальных показателей, отличных от формантов, определяющих причастия. Форманты же, образующие причастные глагольные формы, оказываются в этом отношении синкретичными, так как они не только выражают собственно причастные формы глагола, но вместе с тем являются показателями соответствующих категорий наклонения и времени одновременно. Следовательно, категории как изъявительного, так и косвенных наклонений, а вместе с тем и соответствующие им категории времени характерны только для первичных причастий и производных от них форм независимо от того, в какой функции эти причастия и производные от них формы выступают в составе словосочетания или предложения.

Так, если мы возьмем форму причастия на *-yan* в каком-либо языке, например в казахском, то она в одинаковой степени может выступать и в качестве сказуемого, т.е. как verbum finitum, например *ol žazyan* 'он написал', где это причастие имеет значение глагольной формы 3-го лица прошедшего времени изъявительного наклонения, и в качестве определения — *žazyan kisi* 'человек, который написал', или 'написавший человек', где значение прошедшего времени изъявительного наклонения также сохраняется, и в качестве дополнения — *ol kisiniŋ žazyanyn kördi* 'он видел, что написал человек" и в качестве подлежащего — *kisiniŋ žazyany žaqsy* 'хорошо то, что написал человек' и т.п.

То же можно сказать и о соответствующих причастных формах всех других тюркских языков, ср., например, в азербайджанском языке, где значение времени и наклонения сохраняется в причастных формах, выступающих не только в функции сказуемого, но и в функции других членов словосочетаний и предложений; ср., например, в азербайджанском языке такие словосочетания, как *oxumaly kitap* 'книга, которую должны прочитать', или *synmyš ayač* 'сломанное дерево', или *dejiläžäk söz* 'речь, которая будет произнесена', где в причастиях, выступающих в функции определения, семантика времени и модальности (наклонения) сохраняется [см. Рагимов 1966; Агазаде 1967].

Следовательно, категории времени и наклонения присущи не только формам *verbum finitum*, но и неличным формам глагола.

Правда, некоторые причастные формы приобрели специфическое назначение быть только личными формами, verbum finitum, которые не выступают уже в других синтаксических функциях, но большинство причастных форм, обладающих категориями времени и наклонения, могут в современных языках в одинаковой мере быть в функции сказуемого и в функции других членов словосочетаний и предложений.

Любопытно, что и те причастные формы, которые в современных языках закрепились только в функции сказуемого, прежде, как показывают памятники письменности, выступали также и в других синтаксических функциях. Ср., например, современную условную форму, которая в древнеуйгурском языке, имея более полное фонетическое оформление *sar*, употреблялась также в агентивном значении:

kelser 'тот, кто пойдет', *atsar* 'стрелок' ('тот, кто стреляет'), т.е. генетически причастие на *-r/-ar/-er* восходит к глаголам: *kel-se-*< *kel-ig-se-*<*kel-ig-seg-*<'желать прийти' *kel-ig-seg-er*>*kel-se-r* 'тот, кто придет'; *at-sa-*<*at-yy-sa-* <**at-yy-say-* 'желать стрелять' >*at-yy-say-ar*>*at-sa-r* 'тот, кто стреляет' [см. Малов 1951, 46, 89].

Категории наклонения и времени в тюркских языках выражаются единой синкретичной формой, т.е. являются категориями недифференцированными. При образовании любого первичного причастия вместе с присоединением причастного аффикса к глагольной основе, содержащей уже категории вида из залогов, включаются также и категории наклонения и времени. Это подтверждается тем, что в тюркских языках отсутствуют специальные аффиксы отдельно для наклонений и для времени. Вместе с присоединением причастного аффикса данная причастная форма приобретает значение того или иного наклонения и времени. Правда, в современных тюркских языках, как уже отмечалось выше, встречаются некоторые глагольные спрягаемые основы, причастный характер которых можно определить только путем лингвистического анализа и реконструкции, но тем не менее все спрягаемые формы тюркского глагола все же восходят к причастиям. Даже форма повелительного наклонения 2-го лица, которая в большинстве тюркских языков совпадает с чистой основой, исторически восходит к причастиям на *-yyl/-qyl* или *-yyn/-qyn*.

Исторически категории наклонения и времени произошли из словообразовательных форм, распадающихся на две основные группы:

1) формы, обозначающие пассивные результаты или объекты действия, а также пассивные имена действующего лица, подвергавшиеся данному действию со стороны активного действующего лица; из этих пассивных словообразовательных форм глагола образовались позже более отвлеченные причастные формы: сначала с семантикой результата или факта совершения данного действия, а затем и с еще более отвлеченным значением причастий прошедшего времени;

2) формы, обозначающие активные субъекты действия или орудия действия, из которых позже образовались категории отвлеченных причастий: сначала с семантикой обычности, привычности действия, затем желания, стремления, влечения к совершению данного действия, далее с семантикой побудительности, желательности и, наконец, временны́х форм настоящего, настояще-будущего и будущего времени, слабо дифференцированных во временном плане и в современных языках [см. Баскаков 1952$_1$, 390—413].

Действительно, если мы привлечем словообразовательные модели, полученные в результате присоединения аффикса словообразования имени от глагола, то увидим, что они составляют две группы:

1) форм пассивных, обозначающих результат действия, например алт. *köč-* 'кочевать' — *köč-kin* 'кочующий, кочевник', *qač-* 'убегать' — *qač-qyn* 'убегающий, беглец', *djaj-* 'расстилать' — *djaj-yyn* 'расстилающийся, разливающийся, разлив', *qaz-* 'копать' — *qazynty* 'то, что выкопано, колодец', которые в семантическом и морфологическом планах развились в абстрактные формы причастий прошедшего времени, например на *-yan/-qan;*

2) форм активных, обозначающих активный субъект действия или орудие, например алт. *bil-* 'знать' — *bilgir* 'знаток, способный знать, стремящийся, желающий знать', *uč-* 'летать' — *učqyr* 'способный летать', *uruš-* 'драться' — *uruš-čaq* 'драчливый, дерущийся, любящий драться', *ačyn* 'сердиться' — *ačyn-čaaq* 'сердитый, любящий сердиться', которые в семантическом и морфологическом планах развились в абстрактные формы причастий будущего времени, например на *-ar* и *-adžaq*.

Из наличия указанных словообразовательных моделей можно предположить, что современные причастия, обладающие категорией времени и наклонения, произошли от словообразовательных моделей, имевших более сложное значение — первые имевшие значение результата действия, объекта действия, пассивного действующего лица, из которых позже образовалось причастие прошедшего времени, а вторые, имевшие значение активного действующего лица, субъекта действия, выражающего желание, стремление, склонность к совершению действия, из которых позже образовались причастия будущего и настояще-будущего времени [см. Баскаков 1952_1, 390—413].

Категории наклонения и времени формировались одновременно и только позже в глаголе образовалась определенная система наклонений и времен, состоящая в современных тюркских языках из двух основных групп наклонений и различного количества видовременных оттенков, входящих в систему каждой группы наклонений: 1) изъявительного наклонения, т.е. наклонения, выражающего объективную констатацию совершившегося, совершающегося или имеющего быть совершенным в будущем действии и объединяющего две группы различных видовременных форм: а) настоящего, настояще-будущего и будущего времени и б) прошедшего времени; 2) повелительно-желательно-условного наклонения, которое выражает соответственно — повеление, желание или условие, побуждающее к совершению данного действия и объединяющее также две группы видовременных оттенков: а) настоящего, настояще-будущего и будущего времени и б) прошедшего времени, которое, как правило, для данного наклонения образуется синтаксическим способом.

Если изъявительное наклонение в современных языках является наиболее продуктивным и имеющим разветвленную систему временных форм, то повелительно-желательно-условное наклонение в различных тюркских языках представлено более бедной системой временных форм, с варьирующимся количеством модальных оттенков.

В большинстве современных тюркских языков в этом наклонении различаются по крайней мере три группы форм: а) повелительно-побудительные, б) желательные и в) условные формы с условными, уступительными и сослагательными модальными оттенками. Первая группа форм имеет только один временной аспект — настояще-будущего времени, две же другие группы имеют формы и настояще-будущего и прошедшего времени, хотя последнее обычно выражается аналитически.

Как в системе временных форм изъявительного, так и повелительно-желательно-условного наклонения в более полном виде диф-

ференцированы только две группы временных форм: а) настоящего, настояще-будущего и будущего времени, с одной стороны и б) прошедшего времени — с другой. Что касается первой группы, то дифференциация на настоящее, с одной стороны, и будущее время — с другой, усложняется наличием большого количества видовременных форм, временное значение которых часто обусловлено видовым аспектом.

Так, в большинстве тюркских языков настоящее время, как правило, формируется из причастия на *-ar/-er* сложного глагола, состоящего, в свою очередь, из деепричастия на *-yp/-ip/-p* или на *-a/-e/-j* основного глагола + вспомогательный глагол (*jat-, tur-, jata tur-, jür-* в различной степени морфологической редукции этих конструктивных морфологических элементов), т.е. от *kel-e jatar man* 'я подхожу (в данный момент)' в староузбекском языке до *gel-j-ar yn*<*gel-e-jat-ar-man* в современном туркменском языке. Таким образом, по существу данная форма является не чисто временной, а видовременной, в которой категория вида выражена либо аналитически в виде вспомогательного глагола *jat-* в форме причастия будущего времени или комплекса *jat-a tur-ur* либо синтетически (из стяжения вспомогательного глагола) в виде афф. *-j* в туркменском языке.

Состав форм наклонения в современных тюркских языках, выделяемых в грамматиках варьирует от четырех (изъявительное, желательное, повелительно-побудительное и условное) до шести (изъявительное, желательное, повелительно-побудительное, условное, долженствовательное и сослагательное). Отмечают также большое количество видовременных форм, особенно в составе изъявительного наклонения. Но полную грамматическую и семантическую дифференциацию в большинстве тюркских языков имеют только четыре наклонения: изъявительное, желательное, повелительно-побудительное и условное и два основных времени: настояще-будущее и прошедшее. В некоторых языках кроме указанных четырех основных наклонений выделяются также долженствовательное-необходимостное и сослагательное наклонения, которые представляют собой скорее спрягаемые словообразовательные модели с соответствующими модальными оттенками, хотя и отличаются от других модальных основ глагола только тем, что кроме модального значения они содержат значения временных форм и выступают в качестве verbum finitum [Шукуров 1974].

Таким образом, в отношении категорий наклонения и времени мы приходим к следующим основным выводам.

1. Категории наклонений и времени, поскольку они характерны только для первичных причастий и вторичных производных от них функциональных форм глагола, относятся к формам функционально-грамматического словообразования, но не к формам словоизменения, которые включают только четыре категории: числа, принадлежности, падежа и лица.

2. Категории наклонения и времени, как словообразовательные категории, характерные для первичных причастий, характеризуются не только в тех случаях, когда причастия выступают в функции

сказуемого, но и тогда, когда причастия служат основой для других членов предложения. Следовательно они относятся не только к спрягаемым, но и к склоняемым формам, поскольку причастия, выступающие в функции дополнения или обстоятельства, могут изменяться по падежам, т.е. склоняться. Это свойство причастий как носителей категорий наклонения и времени указывает на то, что эти категории не относятся к сфере словоизменения, но включаются в систему функционально-грамматического словообразования.

3. Категории наклонения и времени не имеют специальных дифференцированных формантов морфем. Эти категории только обязательно сопутствуют всем формам первичных причастий. Таким образом, морфемы, служащие для образования первичных причастий, являются синкретичными: вместе с образованием первичных причастных форм эти морферы привносят также и значение наклонения (модальности) и времени.

4. Категории наклонения и времени присущи предикативным формам глагола только потому, что в основе всех предикативных форм глагола лежат первичные причастия. Они не являются категориями, специфичными для сказуемого, в отличие от категории лица, которая специфична только для сказуемого, но вместе с тем они характерны и обязательны для сказуемого, поскольку в составе сказуемого реально или имплицитно присутствует причастная форма.

Итак, для тюркских языков характерно наличие вполне сформировавшихся следующих трех основных категорий косвенных наклонений, проивопоставленных изъявительному: 1) желательного (Optativus), 2) повелительно-побудительного (Impertivus—Jussivus), 3) условного (Condicionalis) и двух вторичных косвенных наклонений: 4) долженствовательного (Devitivus) и 5) сослагательного (Conjuctivus). Два последних, однако, не являются вполне грамматически оформленными и представляют собой изолированные парадигмы именных моделей словообразования (с оформленной связкой или без связки) с соответствующими, присоединяющимися аффиксами лица в ед. и мн. числе [см. Мочос 1976].

В существующих грамматиках конкретных тюркских языков к категориям наклонения иногда неоправданно отнесены субстантивные функциональные формы глагола — масдары (формы на *-maq, -yš,/-ys, -yu/-yy, -uw* и проч.), что объясняется воздействием традиций русской грамматики, устанавливающей, например, категорию так называемого неопределенного наклонения (Infinitivus), которая в тюркских языках отсутствует.

Ниже будет дан подробный анализ трех основных наклонений, относящихся к так называемым косвенным наклонениям: 1) желательного, 2) повелительно-побудительного и 3) условного (с существующими модальными модификациями) и двух дополнительных: 4) долженствовательного[40] и 5) сослагательного.

[40] В некоторых языках, в том числе якутском, долженствовательное наклонение объединяется также с так называемым необходимостным наклонением.

ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Желательное наклонение[41] в тюркских языках образуется посредством форманта *-yaj/-gej~ -qaj/-kej*. В некоторых языках эта форма по традиции имеет иные названия. Так, П.М. Мелиоранский выделяет эту форму в изъявительном наклонении, называя ее особой формой будущего времени на *-yaj/-qaj* [Мелиоранский 1894], в грамматиках хакасского и тувинского языков форма на *-yaj/-qaj* выделена в так называемое сослагательное наклонение, другие грамматисты называют ее желательно-побудительной в алтайском и ногайском языках, желательно-сослагательной в караимском языке — и т.д. Однако в большинстве тюркских языков форму на *-yaj/-qaj* относят к основной форме желательного наклонения.

Особенностью формы желательного наклонения на *-yaj/-qaj* является то, что во всех тюркских языках как древних и средневековых, так и в современных она характеризуется везде единством фонетического выражения. Только в древнетюркском, чагатайском [PhTF, 156] и в языке Codex Cumanicus (PhTF, 68) эта форма встречается не только в полном ее фонетическом оформлении — *-yaj/-qaj*, но и в усеченном — *-ya(j)/-qa(j)*.

В парадигмах спряжения форма желательного наклонения на *-yaj/-qaj* имеет две основные разновидности. Первая из них характеризуется наличием полных аффиксов лица, т.е. образуется путем присоединения аффиксов:

1 л. ед. ч. *-man/-män~-men~-ban/-ben~-pan/-pen~-myn/-min~-byn/-bin~-pyn/-pin*
мн. ч. *-byz/-biz~-myz/-miz*
2 л.ед.ч. *-san/-sen~-saŋ/-sen~-syn/-sin*
мн. ч. *-syz/-siz~-siler/-silär*
3 л. ед. ч. —
мн. ч. —~*-lar/-ler*

Эта разновидность характерна для большинства древних и средневековых языков, а также для современных: казахского, ногайского, каракалпакского, киргизского, тувинского, хакасского и некоторых других языков. Ср., например:

Хакасский язык

Ед. число

1 л. *min al-yaj-byn* 'пожалуй, возьму я; возьму-ка я'
2 л. *sin al-yaj-zyŋ* 'пожалуй, возьмешь ты; ладно, возьмешь ты'
3 л. *ol al-yaj-* 'пожалуй, возьмет он; пусть возьмет он

Мн. число

1 л. *pis al-yaj-bys* 'пожалуй, возьмем мы; возьмем-ка мы'
2 л. *sirer al-yaj-zar* 'пожалуй, возьмете вы; ладно, возьмете вы'
3 л. *olar al-yaj-lar* 'пожалуй, возьмут они; пусть возьмут они'

[41] См. об этом: Deny 1921, 396, 923; Gabain 1950$_1$; Кононов 1956, 246; Батыров 1966; Благова 1973; Баскаков 1975$_2$; Щербак 1976$_1$.

Вторая разновидность характеризуется наличем усеченных аффиксов лица:

1 л. ед. ч. *-ym/-im, -m*
мн. ч. *-byz/-biz~-myz/-miz~-pyz/-piz~bys/-bis~-mys/-mis~-pys/-pis~ybys~-ivis~lyq/-lik*

2 л. ед. ч. *-yŋ/-iŋ, -ŋ~-yn/-in, -n~-zyŋ/-ziŋ~-s*
мн. ч. *-yŋyz/-iŋiz~-yyar/-iger*

3 л. ед. ч. —
мн. ч. —~*-lar/-ler*

Алтайский (ойротский) язык

Ед. число

1 л. *men al-yaj-ym*	'желательно, чтобы я взял; пожалуй я возьму'
2 л. *sen al-yaj-yŋ*	'желательно, чтобы ты взял; пожалуй возьмешь ты'
3 л. *ol al-yaj–*	'желательно, чтобы он взял; пусть он возьмет'

Мн. число

1 л. *bis al-yaj-ybys*	'желательно, чтобы мы взяли; пожалуй возьмем мы'
2 л. *sler al-yaj-yyar*	'желательно, чтобы вы взяли; пожалуй возьмете вы'
3 л. *olor al-yaj*	'желательно, чтобы они взяли, пусть возьмут они'

Происхождение афф. *-qaj/-yaj* до настоящего времени твердо не установлено. Существующие этимологии этого аффикса не раскрывают его происхождение и обычно только сближают его с другими аффиксами словообразования. Так Ж. Дени [Deny 1921, 396] указывает на общность происхождения аффикса формы желательного наклонения с аффиксом, образующим прилагательное: **-qaj/-yaj>-qa~-aj~-ja~-a;* Г. Рамстедт [Ramstedt 1903, 9, 70] сближает афф. *-yaj* с монгольской формой *-yasaj* и считает его вариантом афф. *-ya/-qa* в таких моделях словообразования, как др.-тюрк. *bil-gä* 'знающий, мудрец, правитель'; каз. *qys-qa,* аз., тур. *qys-a* 'короткий' и проч. [Рамстедт 1957, 87]; А. Габэн считает афф. *-yaj/-qaj* производным от *-ya/-qa* посредством присоединения *-j* [Gabain 1950_1, 114]; А.М. Щербак [1976_1, 186] производит афф. *-yaj/-qaj* из имени действия на *-a,* лежащего в основе таких форм как *al-a* 'беря', *bar-a* 'идя' и генетически связанного с именем действия на *-ya(j)/-qa(j);* Ш. Шукуров по существу повторяет этимологию А. Габэн, т.е. прозводит форму на *-yaj/-qaj* из словообразовательной модели на *-ya/-qa,* к которой при измененьи по лицам в 3-м лице, а затем и в 1-м и 2-м лицах присоединяется элемент *-j.*

Некоторые исследователи считают, что афф. *-yaj/-qaj* лежит в основе различных глагольных форм, имеющих значение настояще-будущего и будущего времени или различных оттенков пожелания в других формах наклонений. Этот аффикс служит также основой для 1-го лица ед. и мн. числа повелительно-желательного наклонения, но уже в несколько измененном фонетическом оформлении.

Г. Рамстедт допускает также, что афф. *-yaj/-gej* в редуцированной

фонетической форме лежит в основе причастия на *-ažaq~-ajaq<-yaj+-aq* и в основе деепричастия на *-yale<-yaj+-ly* [Рамстедт 1957, 88], семантика которых подтверждает это предположение.

Весьма вероятна гипотеза [см. Баскаков 1952₁, 446—448] о происхождении от той же формы на *-yaj/-gej* — деепричастия на *-a/-e/-j*, общего для всех тюркских языков, хотя Г. Рамстедт и не сближает эти формы.

Деепричастие на *-a/-e/-j* имеет в тюркских языках следующие фонетические варианты: *-a/-e/-j~-ja/-je~ju/-jü~-ya/-ge*, которые в монгольских языках соответствуют формам *-a/-e~-aj/-ej* и *-ga/-ge~-ga:/-ge:*, причем в последней форме, т.е. в *-ga/-ge~-ga:/-ge:*, согласный g, по мнению Г. Рамстедта, "не имеет историко-фонетического значения, потому что он возник между гласными как заполнитель зияния" [Рамстедт 1957, 109].

Однако наличие того же варианта *-ya/-ge* в некоторых тюркских языках [см. Kowalski 1929] в составе деепричастия настояще-будущего времени и общность семантики формы этого деепричастия и причастия будущего времени на *-yaj/-gei* с оттенками пожелания, позволяют допустить гипотезу об общности происхождения этих форм, которая в значительной мере подтверждается семантикой настояще-будущего времени во многих тюркских языках, образующегося из деепричастия основного глагола на *-a/-e, -j* и вспомогательного глагола *tur-*, т.е. форм типа *al-a-man<al-a-tur-ur-man<al-yaj tur-ur-man* 'я обычно беру, я возьму' и т.д.

Итак, все имеющиеся гипотезы о происхождении афф. *-a/-e, -j* сводятся к тому, что этот аффикс генетически является общим с афф. *-ya/-qa*, образующим модели отглагольного имени действующего лица или прилагательного. Вместе с тем при системном сопоставлении различных словообразовательных моделей можно гипотетически установить основной его состав и значение путем морфологического или вернее морфосемасиологического разложения афф. *-yaj/-qaj* на его основные морфемы.

Из существующих и вполне доказанных этимологий таких словообразовательных моделей, как др.-тюрк. *al-yu-čy~al-yy-čy*>каз. *al-uw-šy* 'берущий' или др.-тюрк. карах. *al-yy-sa-r*>ст.-осм., ст.-аз. *al-y-sa-r*>*al-sa-r* 'желающий взять' или>*al-sa* 'если он возьмет' и т.д., можно предположить, что первоначально форма на *-yaj/-qaj*, например *al-yaj* 'да возьмет он', состояла также из бóльшего количества элементов и что форма на *-yaj/-qai* представляет собой как результат фузии сложный аффикс, состоящий из *-yy+aj/-yq+aj*, в котором первый элемент *-yq/-yy~-yy/-qy* представляет собой формант, восходящий к служебному слову, образующему субстантивную функциональную форму глагола со значением результата или орудия действия, сохранившуюся в таких словообразовательных моделях, как карах. *bil-ig~bil-ik* 'знание', уйг. *jaz-yq* 'писание, письмо' (ср. каз. *žaz-uw*), а второй элемент *-aj* семантически соответствовал значению аффикса, образующего имя действующего лица с оттенком желания, по аналогии с *al-yy-čy~al-uw-šy* 'берущий', т.е. со значением *al-yy-aj* 'желающий взять', из которой позже образовались последующие формы словообразования, как, например *al-yy-aj*>*al-yaj*>*al-ya*>*al-a*. Последняя фор-

ма — *al-ɣa~al-a* — в современных тюркских языках лежит в основе настояще-будущего времени, например в кар. *al-ɣa-man* 'я возьму', *al-ɣa-san* 'ты возьмешь' и т.д. или каз. *al-a-man* 'я возьму', *al-a-syn* 'ты возьмешь' и т.д., восходя, таким образом, к сложному сочетанию: *al-yɣ-aj tur-ur>al-ɣaj-tur>al-ɣa-dy>al-a-dy* 'он является тем, кто желает взять'>'он берет'.

Те же процессы фузии можно видеть в таких моделях словообразования, как отглагольное имя на *-ɣyr/-qyr~ɣar/-qar;* ср., например, *bil-ig-er>bil-gir>bil-ir~bil-er* 'он будет знать', где сочетание *bil-ig* семантически соответствует понятию "знание", а элемент *er~ir* имеет значение "действующее лицо, человек" (ср. возможное соответствие слову *er~är* 'мужчина'); ср. также каз., ног. *al-ɣyr* 'способный взять', *uš-qyr* 'способный лететь' и т.д., из которых в процессе морфологического развития образовались причастные формы на *-ar/yr (bil-ig-er>bil-g-ir>biler~bilir* тот, кто знает' или *al-yɣ-ar>al-ɣyr>al-yr~al-ar* 'тот, кто возьмет'), равно как из словообразовательной модели на *-ɣyn/-qyn* (например, каз. *uš-yɣ-yn >uš-qyn* 'то, что летит'>'искра') образовались причастия прошедшего времени (*uš-yɣ-yn>uš-qyn~uš-qan* 'тот, кто подвергнут полету'>'летевший').

Вся эта серия словообразовательных моделей и в том числе причастие на *-ɣaj<yɣ-aj,* таким образом, восходит к сложным образованиям, состоящим из афф. *-yɣ~-ɣy~-uw,* образующего субстантивную функциональную форму глагола, который произошел в свою очередь из самостоятельной основы слова со значением результата или орудия действия и различных по фонетическому оформлению аффиксов, восходящих также к самостоятельному слову с семантикой имени действующего лица или человека, например, типа *är~er* 'мужчина человек'.

ПОВЕЛИТЕЛЬНО-ПОБУДИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Повелительно-побудительное наклонение[42] тесно связано своим происхождением с желательным наклонением, т.е. формой на *-ɣaj.* Оно объединяет личные формы 1-го, 2-го и 3-го лица ед. и мн. числа, из которых 1-е и 3-е лицо выражает побуждение к действию, а 2-е лицо — побуждение и повеление.

Для выражения личных форм глагола в повелительно-побудительном наклонении существует большое многообразие аффиксов, которые однако сводятся тюркологами в генетическом плане к ограниченному количеству, из которого в большинстве форм этого наклонения выделяются аффиксы: 1) *-qaj/-ɣaj* во множестве его фонетических вариантов — для 1-го лица ед. и мн. числа, в некоторых случаях в сочетании с другими аффиксами; 2) *-ɣyn~-ɣyl* для 2-го лица в различных вариациях с другими аффиксами и 3) *-syn/-sun* для 3-го лица в сочетании с аффиксами мн. числа *-lar/-ler* для 3-го лица мн. числа.

Таким образом, парадигма повелительно-побудительного наклоне-

[42] См об этом: [Räsänen 1957, PhTF 1959; ЯН СССР 1966; Сауранбаев 1954; Ишанов 1963; Агламова 1966; Гарданов 1969; Патачакова 1977, 73—92].

ния состоит из сочетаний различных по природе форм, объединенных общим значением повеления и побуждения.

Современное состояние изучения отдельных языков и наличие обобщающих исследований позволяют с большей полнотой привлечь конкретные данные по языкам и диалектам и более полно осветить все многообразие форм повелительно-побудительного наклонения.

1-е лицо

Формы 1-го лица ед. числа

Наиболее полными в отношении фонетического оформления формами 1-го лица ед. числа повелительно-желательного наклонения являются следующие:

-aj-m̄yn[43] — в староузбекском
-γaj-γt — в хорезмийско-тюркском
-aj-γt — в турецком
-γaj-γn — в хорезмийско-тюркском и староузбекском
-a:j-γn — в туркменском

Уже эти формы позволяют установить, что их прототипом и наиболее архаичным вариантом была форма **-γaj-mγn*, которая полностью в данной парадигме не встречается ни в одном из современных тюркских языков и ни в одном из памятников древне-тюркской письменности, но является обычной для многих как древних, так и современных тюркских языков в парадигме желательного наклонения, в основе которого лежит причастие на *-γaj*. Следует отметить, что фонетически полные варианты данного форманта *-γaj-γt, -γaj-γn, -aj-γt, -a:j-γn* представляют собой довольно редкие случаи как для старых тюркоязычных памятников, так и для современных тюркских языков. Наиболее характерными для повелительно-побудительного наклонения 1-го лица ед. числа в современных языках являются фонетически более редуцированные форманты, причем любопытно, что фонетическое их развитие и постепенное фонетическое стирание (редукция) идет в четырех основных направлениях.

Все фонетические варианты формантов 1-го лица ед. числа могли бы быть разделены прежде всего по типу редукции местоименного окончания на две группы: а) *-γt*-варианты, т.е. на типы *-γaj-γt~-a:j-γt>-aj-γt~-γj-γt* и т.д. и б) *-γn*-варианты, т.е. на типы *-γaj-γn~-a:j-γn~-aj-γn~γj-γn* и т.д., а по типу оформления афф. *-(γ)aj* широкими или узкими гласными еще на два подтипа: а) *-aj-γt, -aj-γn* и б) *-γj-γt, -γj-γn* и т.д.

Обратимся сначала к вариантам первого типа, т.е. с местоименным окончанием *-γt* и с широким гласным в аффиксе:

-aj-γt~-aj-t — ног., башк., кум., кар., ктат., кбалк., тур., ст.-осм. *(-aj-ut)*, ст.-узб., хорезм.,

-aj — чул., шор., н.-уйг., узб., каз.,

[43] Здесь и далее за основное фонетическое оформление аффиксов берется вариант для основ с задними негубными гласными и конечными задними согласными.

-aajabyn — як.,
-ăbyn — чув.,
-a·m — ктат.,
-am — чув., ктат., аз. ст.-осм.

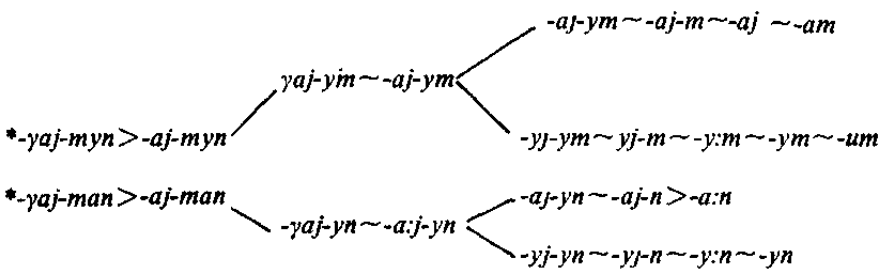
Варианты первого же типа, но с узким гласным в аффиксе:
-yj-ym~*-yj-m* — ктат., кум., гаг., мамл.-кыпч.,
-y:m — як., хак., чул., шор.,
-ym — аз., гаг.

Варианты второго типа, т.е. с местоименным окончанием *-yn* и с широким гласным в аффиксе:
-aj-yn~*-aj-n* — тув., тоф., хак., чул., шор., алт., узб., кирг., ккалп., каз., кбалк., тур., туркм. (*-a:j+yn*), ст.-осм., ст.-узб., хорезм., тюрк., карах., куман., др.-тюрк. (*-ajan*), полов.,
-a:n~*-an* — тоф.

Варианты второго же типа, но с узким гласным в аффиксе:
-yj-yn~*yj-n* — тув., тоф.,
-yn — сюг.

Как уже было установлено выше, этимоном или архетипом данного формата является сложный аффикс *-*yaj-man(~-myn)*, который в процессе фонетического развития дал серию различных фонетических вариантов своего оформления с одной стороны — с сохранением полного местоименного афф. *aj-myn* (но с утратой начального *y* в первом элементе *-yaj*), а с другой — с сокращенными личными показателями в различных типах, т.е. редукцией либо начального *m*, либо конечного *n*, но с полным сохранением фонетического облика первого элемента, т.е. *-yaj-ym* или *-yaj-yn*.

Итак, фонетическое развитие данного форманта может быть представлено в следующей схеме:

Обзор всех существующих модификаций и вариантов аффиксов, образующих 1-е лицо повелительно-побудительного наклонения позволяет реконструировать общий для всех тюркских языков архетип афф. **-qaj-myn(~man)* ~**-yaj-myn(~man)*, т.е. сложного аффикса, состоящего из причастной формы на *-gaj/-yaj* и личного местоимения 1-го лица ед. числа *-myn*~*-man* (<*men* 'я').

Большинство тюркологов склоняется именно к данной гипотезе [см. Deny 1921, 923—924], хотя существуют и иные точки зрения, оспаривающие данное предположение. Так, Ш. Шукуров выдвинули другую гипотезу о происхождении формы 1-го лица ед. числа повелительно-побудительного наклонения из причастия на *-ya/-qa* [Шукуров

1974], а А.М. Щербак [1976₁] считает архетипом этой формы аффикс имени действия на *-a*. Однако как афф. *-qa/-ya*, так и имя действия на *-a*, представляют собой все же дериваты более полной той же формы на *-qaj-/-yaj, -yaj-yn* или *-yaj-yn*. В дальнейшем фонетическое развитие этого сложного форманта пошло по линии, с одной стороны сохранения широкого вокализма архетипа, т.е. образования вариантов типа *-aj-yn/-aj-n/-aj/-an*, либо *aj-yn/-ajn/-y:n/-yn*, с другой стороны по линии сужения вокализма, т.е. образования вариантов типа *-yjyn/-yjn/-y:n/-yn* и *-yj-yn/-yj:n/-y:n/-yn*.

Таков процесс фонетического развития форманта 1-го лица повелительно-побудительного наклонения в тюркских языках.

Из общего обзора всех типов форманта 1-го лица ед. числа повелительно-побудительного наклонения во всем множестве фонетических его вариантов мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, формант этот является единым и общим для всех языков и состоит из двух элементов: а) аффикса причастия побудительного наклонения *-yaj* в различных степенях его фонетической редукции и б) аффикса лица, восходящего к форме личного местоимения *man/myn* также в различных степенях редукции. Во-вторых, фонетическое развитие аффикса причастия *-yaj* в форме 1-го лица ед. числа повелительно-побудительного наклонения характеризуется в первой степени редукции исчезновением начального согласного *γ* и в последующей — исчезновением конечного *j*. В-третьих, редукция местоименного окончания в данном аффиксе имеет различный характер и характеризуется либо стиранием начального согласного *m*, либо конечного *n*.

Исторически засвидетельствованные тюркские языки по существующим письменным памятникам и современные языки и диалекты отмечают развитие формы на *qaj/-yaj*, как это было установлено выше, в следующих ее вариантах от более полного сохранения древнего архетипа до крайне фонетически редуцированных вариантов аффикса:

***-yaj-man(~myn)>**	
-yaj-yn ~ -yaj-n	— ст.-узб.
-yaj-ym ~ -yaj-m	— хорезм. тюрк.
-a:j-yn ~ -a:j-n	— туркм.
-a:m ~ -am	— ктат., чув.
-a:n ~ -an	— тоф.
-aj-myn	— ст.-узб.
-aj-ym ~ -aj-m	— хорезм. тюрк., ст.-узб., ст.-осм., тур., кбалк., ктат., кар., узб., башк., ног.
-aj-yn ~ -aj-n	— др.-тюрк., карах., хорезм. тюрк., кум., ст.-узб., ст.-осм., тур., кбалк., ккалп., каз., кирг., узб., алт., шор., чул., хак., тоф., тув.
-aj	— чул., шор., н.-уйг., узб., каз.
-yj-yn ~ -yj-n —	— тув., тоф.
-yj-ym ~ -yj-m —	— мамл.-кыпч., гаг., кум., ктат.
-y:m	— як., хак., чул., шор.
-ym	— аз., гаг.
-yn	— сюг.

Более фонетически полными вариантами данного форманта являются:

-aj-lyq — узб., н.-уйг., алт.
-aj-yq — аз., тур. диал., ст.-осм.
-aj-ly — н.-уйг., алт.
-ya-lyŋ — хорезм.

Фонетический состав этих вариантов позволяет реконструировать полную форму этого сложного аффикса в виде **-yaj-lyq*, т.е. сложного аффикса, состоящего из двух элементов: а) аффикса причастия желательного наклонения *-yaj* и афф. *-lyq*, выражающего коллективное мн. число. Эта полная форма аффикса в процессе фонетического развития дала множество вариантов и по конкретным тюркским языкам.

Все варианты данного форманта по результатам фонетического преобразования можно разделить на четыре основных типа.

Первый тип характеризуется постепенной редукцией первого элемента сложного афф. *-yaj-lyq:* сначала исчезновением начального *y*, затем конечного *j* и, наконец, полной его редукцией, но с сохранением второго элемента *-lyq*, выражающего идею мн. числа:

-aj-lyq — алт., н.-уйг., узб. диал.
-a-lyq — туркм., кирг., каз., алт., хак., чул., шор.
-a-lux — анатол. диал. (тур.)
-lyq — ст.-кыпч. (куман.)

Второй тип характеризуется теми же особенностями развития первого элемента, но уже с большей степенью редукции второго элемента *-lyq*, а именно — сначала переходом конечного *q* в слабый сонорный *ŋ* или *n*, а затем и исчезновением начального *l:*

-ya-lyŋ — хорезм.,
-a-lyŋ-(n)ar~*-y:-lyŋ-(n)ar* — тув., тоф.,
-a-lyŋ — хорезм., ст.-узб., туркм.,
-a-lyŋ~*-aj-nyŋ*~*-aj-ny*~*-a-ny*~*-y-ny* — н.-уйг.,
-y-n-a — сюг.,
-a:-ŋ — гаг., алт.,
-a:-ŋ+(-n)ar~*-a-ŋ+-(n)ar*~*-y-ŋ+(-nar)* — хак., чул., шор., алт.,
-a+-r — чув.

Третий тип характеризуется наличием рудиментов первого элемента *-yaj* в виде *-aj* или *-a:*~*-a* и рудиментов второго элемента *-ly* или *-l*, а для некоторых форм также включением третьего элемента в виде либо аффикса мн. числа *-lar*, либо аффикса принадлежности *-m*, *-myz*, либо усилительной частицы *-yš*~*-ys:*

-aj-ly (+-lar) — алт., н.-уйг.,
-aj-lu+m (т.е. тот же аффикс, но с прибавлением личного окончания *-m*) — анатол. диал. (тур.),
-a:-ly — тув., тоф.,
-a-ly — тув., тоф., алт., н.-уйг., кирг., туркм., ст.-узб., ст.-кыпч.,
-a-ly+-wys (тот же аффикс, но с прибавлением полного аффикса 1-го лица мн. числа) — лобн.,

-a-ly+-m (т.е. тот же аффикс, что и в предыдущем варианте, но с прибавлением редуцированного личного окончания *-myz>-m*) — др.-тюрк., ст.-кыпч., карах., хор., ст.-осм. (*-a-lu+-m*); тур., гаг., хак., полов.,

-a-ly+-š/-s (тот же аффикс с присоединением усилительной частицы *-čy~-šy~-sy>š~s*) — хак., чул., диал., шор. диал.,

-y:-ly — тув.,

-y:-lyŋ+(n)ar — тув.,

-âbăryn — чув.,

-y-ly — тув. диал. *(~-aa-l(y)* — тоф.,

-a:-l — тув., тоф., чул., шор., хак., гаг.,

-a:-l+-dar - алт.,

-a-l — тув., тоф., чул., шор., хак.,

-y:l — тув.

Четвертый — последний тип вариантов аффикса 1-го лица мн. числа повелительно-побудительного наклонения характеризуется наличием рудиментов первого элемента *-γaj* в виде *-aj~-a* и рудиментов второго элемента *-lyq* в виде *-yq~-yx~-yax~-uox~-q~-g*, а для некоторых форм также включением третьего элемента — либо аффикса мн. числа *-lar~-tar*, либо усилительной частицы *-čy:*

-aj-yq — узб., ног., ккалп., каз., башк., кум., кар., (*~-aj-yx*), ктат., кбалк. (*~-aj-uq*),

-aj-yq+čy — кум.,

-yj-(y)q — тат., башк.,

-ya-x~-ya-x+yŋ~-ym-yax~-ya-x-ty-byt~-aaja-byt — як.

-a:-g~-a-ġ — аз.,

-a:-q — чул., алт., хак., шор.,

-a:-q+tar — алт.,

-a-q — тур., хак., шор., чул.,

-a-q+-tar — хак., чул.

С.С. Джикия приводит интересную форму 1-го лица мн. числа из диалектов Восточной Анатолии:*g'ed-a-γ-än* 'идемте я и вы (многие)' и *jaz-a-γ-än* 'напишем-ка я и вы (многие)', состоящую из обычной формы обращения к одному лицу *g'ed-a-x* 'пойдемте', *jaz-a-x* 'напишем' и афф. 2 л. мн. *-än*, образующего форму обращения ко многим лицам [Джикия, 1974, 831—839].

Из обзора всех вариантов фонетического оформления сложного аффикса 1-го лица мн. числа повелительно-побудительного наклонения можно сделать следующие выводы.

Во-первых, формант этот является общим по своему происхождению для всех тюркских языков и состоит из двух основных элементов: а) первого, общего и для 1-го лица ед. числа аффикса причастия на *-yaj/-gej* — в различных степенях его фонетической редукции и б) второго коллективного множества *-lyq/-lik* — и дополнительных и факультативных, либо аффикса мн. числа *-lar/-ler* в различном по языкам фонетическом оформлении, либо личного аффикса 1-го лица мн. числа *-myz/-miz* также в различном фонетическом оформлении, либо усилительной частицы *-čy~-šy~-sy>š~-s*.

Формант	Типы редукции	Варианты
	I	*-aj-lyq>-a-lyq~-a-lux>-(y)-lyq*
	II	*-ya-lyŋ>-a:-lyŋ+-(n)ar~-y:-lyŋ+-(n)ar>-a-lyŋ>-a-lyn~-aj-nyŋ ~-j-ny~-a-ny~-y-ny>-y-n+a>-a:-ŋ>-y-ŋ>-a:-ŋ+-(n)ar~ -a-ŋ+-(n)ar>-a:+r>-a+r*
**-yaj-lyq>*	III	*-aj-ly(+~-lar)~-aj-lu+m>-a:-ly>-a-ly~-a-ly+-wys~-a-ly+-m~ -a-ly+-š~s>-y:-ly~y:-ly+-ŋar>-y-ly>-a:-l~-a:-l+-dar>-a-l*
	IV	*-aj-yq~-aj-yx~-aj-uq>-ya-x~-ya-x-yŋ~-ym-ya-x>-a-ǧ~-a-q> -a:-q~-a:-q+-tar>-a-q~-a-q+tar*

Во-вторых, фонетическое развитие этого сложного аффикса в отношении первого элемента *-yaj/-gej* как и для того же элемента аффикса 1-го лица ед. числа происходило в направлении редукции либо начального *-y/-g*, либо конечного *-j;* в отношении же второго, основного элемента *-lyq/-lik* — в направлении также либо стирания первого начального согласного афф. *-l*, либо — конечного согласного *-q/-k*.

В-третьих, по характеру фонетического развития основных элементов форманта *-yaj* и *-lyq* и факультативных дополнительных элементов сложного аффикса, образующего формант 1-го лица мн. числа повелительно-побудительного наклонения существует четыре основных типа редукции его фонетического состава.

Все фонетические варианты данного форманта могут быть представлены в следующей сводной таблице (см. табл. 15).

Итак, сложные форманты 1-го лица ед. и мн. числа повелительно-побудительного наклонения в тюркских языках исторически имеют своим общим элементом единый афф. *-yaj/-gej*, который по языкам различается только фонетическим оформлением вариантов личного аффикса 1-го лица ед. числа. Во мн. числе, кроме соответствующего личного аффикса 1-го лица мн. числа (который является по существу факультативным) афф. *-yaj/-gej* сочетается с общим для всех тюркских языков вторым элементом — аффиксом коллективного множества *-lyq/ -lik*, к которому и присоединяются факультативные для конкретных языков дополнительные элементы сложного форманта — либо аффикс 1-го лица мн. числа *-myz/-miz*, либо аффикс мн. числа *-lar/-ler* — оба в различном по языкам фонетическом оформлении.

В некоторых конкретных языках, например чулымском и диалектах хакасского и шорского языков, к обычной форме повелительно-побудительного наклонения 1-го лица мн. числа присоединяется частица побуждения *-čy~-šy~-sy>-š~-s;* сложный аффикс этой формы приобретает вид *-a-ly+š~s<-yaj-lyq+šy~sy*, например: хак. *par-a-ly-s* 'пойдемте-ка '.

Формы 2-го лица ед. числа

Если формы 1-го лица ед. и мн. числа имели для всех тюркских языков единую по происхождению основу **-yaj* и отличались только различными личными показателями (**-man* для ед. ч. и **-lyq~+-lar~-myz* для мн. ч.), то формы 2-го лица ед. и мн. числа имеют генетически различные основы не только в различных тюркских языках, но и в одном конкретном языке.

К формам 2-го лица ед. числа повелительно-побудительного наклонения относится прежде всего наиболее продуктивная и общая для всех тюркских языков так называемая нулевая форма, совпадающая с основной глагола (√),например *al*! 'возьми!'.

Нулевая форма иногда усложняется побудительными частицами в различных фонетических вариантах:

√+*-čy/-či* — кирг., кбалк., кум.

√+*šy/-ši* — ног., ккалп., каз.

√+*-sy/-si* — башк.,

например: кирг. *al*+*čy*, каз., ног. *al-šy*, башк. *al*+*sy* 'возьми же'.

Нулевая, безаффиксальная форма, употребляющаяся как простейшее повеление, является как бы естественной формой краткого повеления или приказания и встречается не только в тюркских, но и во многих других, а может быть, и во всех языках.

Второй по частоте встречающейся в тюркских языках формой 2-го лица ед. числа повелительно-побудительного наклонения является форма на **-yaj+-syŋ* т.е. с общей основной для 1-го лица ед. и мн. числа, но в значительно редуцированных фонетических вариантах.

Наиболее фонетически полный ее вариант представлен в языке караханидских памятников — *-a+ŋ*[*<-(γ)a(j)(-sy)-ŋ*]

В большинстве же языков формант *-yaj* полностью исчез, и все фонетические варианты данного типа формы состоят из основы глагола и сокращенного аффикса лица:

-y+ŋ — др.-тюрк., як. (общий с формой мн. числа), кирг., карах., хорезм., ст.-узб., н.-уйг., узб., тур. (диал.), туркм., аз. (диал.), ст.-кыпч., ктат., каз., ккалп., ног., як. (*~-aar-yŋ*),

-yn — тур., аз., гаг., мамл.-кыпч., кар.,

-y~-u — ст.-узб.,

-a — карах.

Все эти формы слабо дифференцированы по формам 2-го лица мн. числа, хотя в большинстве языков последние различаются дополнительным аффиксом множественности (см. соответствующие формы мн. числа).

Третьим типом формы 2-го лица ед. числа повелительно-побудительной формы является форма, имеющая своей основой общую форму с условным наклонением, т.е. форму на *-sa/-se* в различных фонетических вариантах с личным усеченным аффиксом 2-го лица. Исторически полным фонетическим вариантом этой формы был аффикс, общий с формой 2-го лица условного наклонения глагола **-yγ+-sa+-r+-syŋ*, который в процессе фонетического развития редуци-

ровался и в современных языках получил следующее оформление: *-γγ+-sa +-r+-syn>-(γγ)+sa(r)+(-sy)ŋ>-sa+ŋ. В том же фонетическом оформлении этот аффикс служит одной из форм повелительного наклонения и встречается по конкретным языкам в следующих вариантах:

-sa+-n – н.-уйг., кум.,

-sa+ŋ ~ -za+-ŋ — хак., чул. шор., алт.,

-sa+ *ŋ+a* — н.-уйг., тур. (диал.), кбалк., туркм. (*ŝa+ŋ+a*), т.е. та же форма, но с дополнительной частицей поощрения,

-sa+-n+a — тур., кум., ктат. (~*-saŋa*), тот же вариант с замещением *ŋ>n*.

-sa+-ŋ+ču — н.-уйг., тот же вариант с дополнительной частицей *ču*.

-sa+-ŋ+šy ~ -sa+*j*+*šy* — каз.

Кроме указанных выше основных форм в тюркских языках используются следующие аффиксы для образования форм повелительно-побудительного наклонения:

-γyl ~ -qyl ~ -xyl — н.-уйг., ст.-осм., ст.-узб., хорезм. (~*-γul*), карах., ст.-кыпч., др.-тюрк., каз., узб., тат., бараб., чул., хак., полов.,

-γyn ~ -qyn ~ -xyn — *ст.-узб., мамл.-кыпч., туркм., н.-уйг., узб., кирг.*, алт., кар., (~*-γun*), кум., ккалп., каз., тат., бараб., кбалк., (~*-xyn*),

-γyn+a ~ -qyn+a — н.-уйг.,

-γyr ~ -qyr — н.-уйг., узб., бараб., кум.,

-a:r — як. (для повеления в будущем времени).

Формы на *-γyl, -γyn, -γyr ~ -a:r*, как правило, употребляются без аффиксов лица и представляют собой причастные по своему происхождению спрягаемые глагольные формы. В некоторых языках эти формы сохранились только в поэтическом стиле и в архаичных выражениях, например в формулах проклятия (афф. *-γyr/-qyr*), в других языках и, главным образом, в древних формы на *-γyr, -γyn, -γyl* были живыми и продуктивными.

Из обзора всех типов форм 2-го лица ед. числа повелительно-побудительного наклонения можно сделать следующие выводы.

Данная форма, в отличие от форм 1-го лица ед. числа того же наклонения представлена не одним общим типом, а шестью типами различного происхождения:

1) нулевой формой, т.е. основой глагола, которая выражает простое приказание или повеление, с двумя вариантами: а) $\sqrt{}$ без каких-либо дополнительных формантов; б) $\sqrt{}$+ частица понуждения: *ǯy ~ šy ~ sy // yš ~ ys;*

2) формой на *-γaj* + усеченный аффикс 2-го лица в вариантах: а) *-a+-ŋ[<-(γ)a(j)+-(sy)ŋ]*; б) *-y+-ŋ ~ -y+-n[<-(γaj+s)yŋ]*; в) *-y ~ -u[< <-(γaj+s)y(ŋ);* г) *-a[<-(γ)a(j)+(syŋ);*

3) формой на *-sa/-es*, общей, с условным наклонением + аффикс 2-го лица в вариантах: а) *-sa+ŋ ~ -za+ŋ-[<(γγ)+sa+(r)+(sy)ŋ]*; б) *-sa+ŋ -sa+n+a<[-(γγ)+sa(r)+(sy)ŋ-a!]*; в) *-sa+ŋ(~j)+ču(~ǯy//šy)<[-(γγ)+sa+ (r)+-(sy)ŋ+ǯy!]*;

4) формой на *-γyl ~ -qyl ~ -xyl;*

5) формой на *-γyn ~ -qyn ~ -xyn* с вариантом *-γyn+a ~ -qyn+a;*

6) формой на *-γyr ~ -qyr ~ -a:r.*

Не останавливаясь на вопросе о происхождении форм на *-γaj/-gej* (см. с. 332) и на *-sa/-se* [см. Баскаков 1953, 35—63], которые лежат в основе современных продуктивных моделей повелительно-побудительного наклонения глагола тюркских языков, перейдем к анализу трех архаичных форм 2-го лица ед. числа того же наклонения, т.е. форм на *-γγl, -γγn* и *-γγr~-a:r*.

Форма на *-γγl* является наиболее загадочной для тюркских языков, хотя, как отмечает Г. Рамстедт, она имеет, по-видимому общее происхождение с тунгусской формой на *-kal/-kǫl* с тем же значением [Рамстедт 1957, 82]. Из существующих гипотез об ее происхождении следует отметить сближение этого аффикса с побудительной частицей со значением 'же, все же' и предположение о том, что этот аффикс произошел от вспомогательного глагола *qyl-*.

Наиболее близкой по значению к форме на *-γγl* из глагольных форм древних языков является форма на *-yuluq*, встречающаяся в языке древних уйгуров, ср. др.-уйг. *ol tut-yuluq erdi* 'он намеревался схватить', или *ol satγu-luq turur* 'он намеревается продать' (МК II, 297)[44]. Эта форма в современных языках сохранилась в причастной форме на *-yuluq*, ср. н.-уйг. *qilyuluq* 'предназначенный для дела'; *jegülük* 'предназначенный для еды' [см. Баскаков 1939, 222] и в форме деепричастия цели *-γγly* в том же языке, например, *alγγly* 'чтобы взять', *kelgili* 'чтобы придти' и т.п.

Современная повелительная форма 2-го лица на *-γγl* представляет собой вероятнее всего усеченную аналитическую спрягаемую форму причастия на *-γaly/-γγly*, происходящего, в свою очередь от причастия на *-γaj* без личного постпозитивного форманта, т.е. *(sen) alγγl*< <[*sen alγγl(γ)*<*sen al-*+*-γajly* 'ты, долженствующий взять'> 'ты возьми'.

Весьма вероятна и другая гипотеза происхождения формы на *-γγl*, которую можно предложить, опираясь на встречающуюся в некоторых тюркских языках (например, в киргизском и алтайском) форму 2-го лица мн. числа повелительно-побудительного наклонения на *-γγla* (см. с. 333), а именно рассматривать эту форму как состоящую из основы глагола и аффикса многократного вида *-γγla*, тем более, что формы 2-го лица мн. числа часто используются также и для того же лица ед. числа в тех случаях, когда придается оттенок вежливости. В ед. числе форма на *-γγla* может иметь фонетически усеченное оформление *-γγl*.

Форма на *-γγn* также может быть возведена к древнему причастию на *-γγn~-qγn*, которое в тюркских языках сохранилось либо только в застывших изолированных формах типа ккалп. *qaš-qγn* 'беглый', или каз. *öt-kin* 'пронзительный, острый' и т.д., либо в деепричастных формах типа н.-уйг. *kälgincä* 'пока не придет' или тур. *görinže* 'лишь только он увидел' [Рамстедт 1957, 137—138]. В качестве повеления 2-го лица форма на *-γγn* представляет собой, по-видимому, аналитическую спрягаемую форму древнего причастия без постпоз. личного форманта *alγγn* 'ты должен взять'>'ты возьми'.

---

[44]Цит. по DLT 1940, 297; ср. также Radloff 1897, 91; Deny 1921, 387; Brockelmann 1954, 225.

Таблица 16

Типы	Варианты формантов
I	*√ 1. √ во всех тюркских языках 2. √ + -čy ~ -šy ~ -sy // -yš ~ -ys
II	*-γaj-syη [> -(γ)a(j)-(sy)η] > -a-η ~ -y-η ~ -y-n ~ -y ~ -u ~ -a
III	*-γy-saγ-ar-syη [> (γg)-sa(r)-(sy)η] > -sa-η ~ -za-η ~ -sa-n-a // -sa-η-ču ~ -sa-η-šy ~ -sa-y-šy
IV	*-γu-luq ~ -γy-ly ~ -γa-ly ~ -γy-ly ~ -γy-la > -γy-l(y) > -γyl
V	*-γyn ~ -γyn-a > -γyn(a) > -γyn
VI	*-γyr ~ -γur ~ моног. -γaraj ~ -a:raj > -γyr ~ -a:r

Другая гипотеза, которую можно привести в связи с употреблением во 2-м лице ед. числа простого повеления с частицей понуждения *-γyna*, ср. н.-уйг. *al-γyna* 'уж возьми-ка ты, пожалуйста' [Баскаков 1939, 220]: образование усеченной формы *al-γyn(a)* из *al-γyna*, т.е. формы по аналогии с предыдущей: *al-γyl(a)* < *al-γyla*.

Наконец, форма на *-γyr-a:r*, встречающаяся главным образом в формулах проклятия, имеет своей основой древнюю причастную форму на *-γyr*, сохранившуюся только в застывших изолированных формах, ср., например, ккалп. *körin-gir* 'все время попадающийся на глаза', *ser-gir* 'чуткий', *al-γyr* 'хваткий', *il-gir* 'цепкий' [Баскаков 1952₁, 399].

Форма повелительно-побудительного наклонения на *-γyr*, таким образом, представляет собой бессвязочную форму спрягаемой основы на *-γyr* без постпозиционного показателя лица, т.е. по схеме *sen quru-γur* 'ты пропащий' > 'ты пропади'.

По своему происхождению форма на *-γyr* безусловно связана с монгольской повелительно-побудительной формой на *-γaraj ~ a:raj* [Котвич 1962, 219]. В тюркских языках эта форма имеет три основных фонетических варианта: 1) *-γyr* (в большинстве языков), 2) *-a:r* — в якутском языке для 2-го лица ед. числа повелительно-побудительного наклонения будущего времени (мн. ч. *-a:ryη*) и *a:r* в шорском языке для 2-го лица мн. числа повелительно-побудительного наклонения и 3) форма на *-ăr* 2-го лица мн. числа в чувашском соответствует форме на *-ηyz ~ -yr* других тюркских языков.

Таким образом, все формы 2-го лица ед. числа имеют своей основой либо причастные формы, либо формы исторически относящихся к причастным образованиям. Типы и варианты формантов 2-го лица ед. числа повелительно-побудительного наклонения могут быть представлены следующей сводной таблицей (см. табл. 16).

Формы 2-го лица мн. числа

Формы 2-го лица мн. числа по существу совпадают с формантами того же лица ед. числа и отличаются от последних наличием дополнительного форманта мн. числа. Кроме того для 2-го лица мн. числа в некоторых тюркских языках (шорском и якут-

ском) встречается форма на *-a:r*, заимствованная из монгольских языков.

Итак к формам 2-го лица мн. числа относятся формы простого повеления, усложненные аффиксом взаимного залога, выражающего в данном случае мн. число. Эти формы встречаются только в хакасском, чулымском и шорском языках: *-yš*[<√+*-yš*] — чул.; *-ys*[<√+ +*-ys*] — шор., хак.

Наиболее продуктивной моделью формы 2-го лица мн. числа повелительно-побудительного наклонения в тюркских языках является форма, генетически происходящая из √+*-yaj-syŋ* с прибавлением аффиксов мн. ч. *-lar* или *-yz*, различной степени фонетической редукции по конкретным языкам:

1) с аффиксом мн. ч. *-lar*:

-a:ŋ-ar[<*(γ)a(j)-(sy)ŋ-(l)ar*] — хак., чул., шор.,

-a:-lar[<*-(γ)a(j)(-syŋ)-lar*] — хак., чул., шор.,

-a:ŋ[<*-(γ)a(j)-(sy)ŋ(-lar)*] — туркм.,

-yŋ-lar(~-dar~-nar)[<*(-yaj)(-s)yŋ-lar*] — др.-тюрк. карах., хорезм., ст.-узб., н.-уйг. (*~-yŋ-lar-a*), узб., ст.-кыпч., ккалп. (*-yŋ-lar~-dar~-nar*), каз. (*-yŋ-dar*), полов.,

-yŋ-ar[<*(-γaj)-(s)yŋ-(l>n)ar* – др.-тюрк., тув., тоф., хак., чул., шор.,

-yγ-ar[<*-(γaj)-(s)y(ŋ>γ)-(l)ar*] — алт.,

-yŋ[<*-(γaj)-(s)yŋ(-lar)* — др.-тюрк., як., кирг., карах., хорезм., ст.-узб., туркм., тур., (*~-yn*), аз. (*~-yn*), гаг., (*-yn*), каз., ног., ккалп.,

-yŋ-čy[<*(-γaj)-(s)yŋ -šy*] — узб.;

2) с аффиксом мн. ч. *-yz:*

-a-syŋ-yz[<*-(γ)a(j)-syŋ-yz*] — гаг.,

-j-yŋ-yz[<*-(γa)j-(s)yn-yz*] — тур., гаг., аз.,

-syŋ-yz[<*-(γaj)-syŋ-yz*] — кбалк.,

-yŋ-yz[<*-(γaj)-(s)yŋ-yz*] — др.-тюрк., кирг., хорезм., ст.-узб., узб., ст.-осм., тур. (*~-yn-yz*), аз. (*~-yn-yz*), ст.-кыпч., мамл.-кыпч. (*-yŋ-yz~ -yn-yz*), ктат., кар., (*-yi-yz~-yn-yz*), тат. (*-yŋ-ys*), каз., ккалп., ног., полов.,

-yγ-yz[<*-(γaj)-(s)y(ŋ>γ)-yz*] — ст.-кыпч., кум., кбалк., тат. (*-yγ-yz~ ~-yaj-yγ-yz*), башк. (*-yγ-yẑ*), полов.,

-ăr — чув.;

3) с двумя аффиксами мн.ч. — *-yz* и *-lar:*

-yŋ-yz-lar[<*(γaj)-(s)yŋ-yz-lar*] — узб., кирг. (*-yŋ-yz-dar*).

Реже для формы 2-го лица мн. числа используется модель с включением аффикса, общего с условной формой *-sa/-se*, т.е. типа:

√+ *-sa-ŋ-lar*[<*-(yγ)-sa(r)-(sy)ŋ-lar*], встречающаяся в узб., н.-уйг. и алт.,

-sa-ŋ-lar-a[<*-(yγ)-sa(r)-(sy)ŋ-lar-a*] — узб., н.-уйг.,

-za-γ-ar[<*-(yγ)-sa(r)-(sy)-(ŋ<γ)-(l)ar*] — алт.

В новоуйгурском языке встречается форма 2-го лица мн. ч. на *-γγn~-γγn-lar.*

Для киргизского и алтайского языков характерны также формы на:

-γγla~-qγla[<*-γγla*] — кирг.,

-γγla~-qγla~-γγla-γar~-qγla-γar[<*-γγla-(sy)-(ŋ>γ)-(l)ar*] — алт.

Для хакасского, чулымского и шорского языков характерна форма на *-a:l-yŋ-ar*[<*-(γγ>a:)l-(s)yŋ-(l)ar*].

Наконец, последним типом форм 2-го лица мн. числа являются

формы на *-a:ryŋ* [*<-(γy>a:)r-(s)yŋ-(lar)*] — як. (повелительно-побудительное наклонение в будущем времени) и *-a:r*[*<-(γy>)a:r*] — хак., чул. и шор.

Обзор всех форм 2-го лица мн. числа повелительно-побудительного наклонения показывает идентичность происхождения основных формантов для мн. и ед. числа и отличие этих форм между собой только в показателе мн. числа, присоединяющегося к формам мн. числа.

3-е лицо

Формы 3-го лица ед. и мн. числа

Общей формой 3-го лица ед. и мн. числа повелительно-побудительного наклонения для всех тюркских языков является форма на *-syn* в различных фонетических вариациях. Мн. число этой формы в некоторых языках имеет дополнительный формант *-lar/-ler*.

По конкретным языкам форма 3-го лица имеет следующие фонетические и морфологические варианты:

-zun(~-zunlar) — др.-тюрк. (*~-čun*),

-sun(-sunlar~-sullar) — ст.-осм., ст.-узб., н.-уйг., хорезм. (*~-su~-suny*), карах. (*~-su~-suny*),

-syn~-zyn(-synlar~-zynlar)(*~-synnar ~-zunnar*) — алт., хак., шор., чул., тув., тоф.,

-syn(-synlar~-synnar~syllar) — ног., ккалп., кирг., тат., ктат., кум., кар., ст.-кыпч., гаг., тур., аз., узб., кирг., (*~-syndar*), каз., (*~-syndar*), кбалк. (*~-synla~-sylla*),

-šyn(-šynlar) – туркм.,

-hyn(-hyndar) — башк.,

-tyn~-dyn~-lyn(-tynnar, -dynnar, -lynnar) — як.,

-tăr(-ččar) — чув.

Некоторым отклонением от общей нормы характеризуются отдельные варианты форм, встречающиеся в ряде языков, например:

-yš+syn — криг., н.-уйг., во мн. числе, где аффикс *-yš/-iš*, общий с аффиксом взаимно-совместного залога, указывает на мн. число,

-sun-ćo~-sun-ču — в н.-уйг., где частица *-čo~-ču* выражает побуждение.

К более сложным и затемненным формантам 3-го лица мн. числа относится аффикс *-yaxtyn~-ytyn(-yaxtynnar~-ytynnar)* в якутском языке.

Из обзора всех разновидностей форм повелительно-побудительного наклонения 3-го лица ед. и мн. числа можно сделать следующие выводы.

Общей для всех тюркских языков формой 3-го лица является форма на *-syn* в фонетических вариантах *-syn(-sun)~ -zyn(-zun), -šyn~-hyn~-tyn(-dyn~-lyn), -su*, и с некоторой модификацией чув. *-tăr*[*-(č)čăr)*].

Кроме этой основной и общей для всех тюркских языков формы встречаются формы усложненные либо дополнительными аффиксами множественности, например аффиксом, общим с залоговым, указывающим на совместность или взаимность действия *-yš, (-yš-syn)*, который

характерен для киргизского и новоуйгурского языков, либо частицей побуждения *čo~ču*, например в новоуйгурском языке (*-syn-čo~ču*).

Встречаются как исключения некоторе параллельные с основной формой формы на *-sun-y* — карах. и *-yax-tyn~-ytyn* — як.

В отношении выяснения происхождения форм 3-го лица вызывают интерес: 1) основная форма на *-syn* во всем многообразии ее фонетического оформления; 2) формант *-y* в форме ед. и мн. числа *-sun-y*, встречающийся в памятниках караханидской эпохи и в частности в "Qutadγu-Bulig" и 3) форма 3-го лица ед. и мн. числа будущего времени *-yaxtyn~-ytyn (-yaxtynnar~-ytynnar)* в якутском языке.

Формант *-syn~-sun*, по мнению В.В. Радлова и О. Бётлинга, представляет собой сочетание аффикса принадлежности 3-го лица *-sy*+архаический формант лично-указательного местоимения **-in*> *-sy-in*, например *al-a-sy-yn* 'пусть он возьмет'. Эта этимология вытекает из отнесения данной формы к формам посессивного спряжения, что вызывает определенное сомнение, так как все спрягаемые формы, как это ныне установлено для тюркских языков, по своей сущности и основному значению могут быть отнесены только к личным, но не посессивным, притяжательным формам.

Касаясь происхождения аффикса 3-го лица повелительно-побудительного наклонения *-syn~-zyn~-ŝyn ~-tyn~-hyn (~-sun~-zun~-ŝun)*, Г. Рамстедт считал его производным причастием от общеалтайской формы древнего желательного наклонения на *-su* и приводил соответствующие формы из тюркских, монгольских, тунгусского и корейского языков [Рамстедт 1957, 83].

В. Котвич отмечает, что форма на *-sy~-su* как в некоторых тюркских (якутском *-sy*>*-ty*), так и в монгольских языках не является характерной только для 3-го лица. Она, как утверждает В. Котвич, встречается и в других лицах. Он приходит к выводу о том, что этот аффикс возник на тюркской почве как формант желательного наклонения [Котвич 1962, 261—262]. Здесь, безусловно, следует согласиться с господствующим в тюркологии мнением о связях афф. *-syn* с афф. -sy/-sa, образующим многообразие словообразовательных моделей и в том числе условной формы и формы 3-го лица повелительно-побудительного наклонения в тюркских языках [см. Bang 1916; Рамстедт 1957, 83; Котвич 1962, 261—262; Баскаков 1953, 35—63].

Форма *-syn*, как предполагает большинство исследователей, состоит из сложного аффикса, в котором элемент *-sy* имеет значение показателя желательного наклонения, а элемент *-n* — причастное значение с пассивным оттенком [Баскаков 1953, 47, 58, 59]. Афф. *-syn*, образующий повеление 3-го лица, исторически был более сложным, так как элемент *-sy* мог сочетаться только с именной формой, но не с основой глагола. Присоединяясь к глаголу, этот элемент имел посредствующее звено — аффикс имени действия на *-γy~-γy* и таким образом причастие, образующее форму повеления 3-го лица, было вторичным и состояло, по-видимому, из основы глагола + сложный афф. *-γy*+*sy-n* [Баскаков 1952₁, 456—457].

Что касается чувашской формы *-tăr* (мн. ч. *-čăr*), в которой

Г.И. Рамстедт видит иную, чем в других тюркских языках форму, а именно "повелительное наклонение фактитивного глагола на *-tur (puldar-<boltur* — букв. 'заставить быть сделать'>'чтобы стал' [Рамстедт 1957, 83]), нам, как и В. Котвичу [Котвич 1962, 262], представляется, что она в первой своей части имеет общий элемент *-tă/-čă<-sy~-ty*, а во второй — аффикс причастия на *-r*.

Только частицей побуждения *-y~-a* характеризуется модификация той же основы формы на *-syn* форма 3-го лица повелительно-побудительного наклонения на *-syn-y* в памятниках караханидской эпохи и, в частности, в "Qutadγu-Bilig".

Более сложной формой является якутская форма того же лица и наклонения в будущем времени на *-yax-tyn~-y-tyn*. Здесь не вызывает сомнения второй элемент этого сложного аффикса — *-tyn*, представляющий собой фонетическое соответствие *-tyn~-syn;* что же касается первого элемента *-yax-y*, общего, кстати, с инклюзивной формой 1-го лица повелительно-побудительного наклонения *-yax* в том же якутском языке, то, как уже отмечалось выше, при анализе форм 1-го лица этот элемент безусловно восходит к аффиксу коллективного множества *-lyq*.

Обзор и анализ всех форм повелительно-побудительного наклонения в тюркских языках приводит к выводу о причастной природе всех личных форм этого наклонения, которое конструируется посредством сочетания супплетивных причастных форм различного происхождения для каждого лица.

Итак, повелительно-побудительное наклонение в тюркских языках может быть представлено следующими реконструированными общими формами:

1 л. ед. ч. **-γaj-man(~myn)*

мн.ч. **-γaj-luq~*-γaj-lyq-lar~*-γyj-lyq-myz~*-γaj-lyq-čy(~šy).*

2 л. ед. ч. 1. **-γaj-syŋ;* 2. **-γy-sa-r-syŋ (<*-γy-saγ-ar-syŋ);* 3. **-γy-lyq;* 4. **-γyr;* 5. **-γyn*

мн. ч. 1. **-γaj-syŋ~*-γaj-syŋ-lar~*-γaj-syn-yz;* *2. *-γy-saγ-ar-syŋ--lar(-dar);* 3. *-γy-lyq-syŋ-lar*

3 л. ед.ч. 1 **-γy-sy-γyn(<-γy-saγ-γyn)* 2. **-γy*-syγ-ar*

мн. ч. 1 **-γy-sy-γyn-lar(<-γy-saγ-γyn-lar);* 2. **-γy-saγ-ar.*

УСЛОВНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Условная форма[45] в большинстве тюркских языков выражается афф. *-sa/-se* (с межзубным его вариантом *-ŝa/-ŝe* в туркменском языке и звонким *-za/-ze* в алтайском и некоторых других языках). Значительным отклонением в фонетическом отношении является форма на *-ha/-he* в башкирском языке, представляющая собой закономерное в данном языке соответствие сочетанию *-sa/-se*. В тувинском языке условная форма образуется посредством повторения формантов: 1) с узким гласным *-sy/-si, –zy/-zi* перед аффиксом

[45]См. об этом: [Азизова 1952; Баскаков 1953; Bazin 1966; Тенишев 1971$_2$, 447—448; Щербак 1976$_2$; Кудайбергенов 1970, 163—173].

лица и 2) с широким гласным *-sa/-se, –za/-ze* после аффикса лица, т.е. по типу *par-zy-m-za* 'если я пойду', *par-zyŋ-za* 'если ты пойдешь', *par-za* 'если он пойдет' и т.д. Наконец, в якутском языке условная форма образуется, в зависимости от конечного согласного основы глагола, посредством более полных по звуковому составу афф. *-tar/-ter, -dar/-der, -lar/-ler, -nar/-ner* (с губными вариантами), из которых основными являются варианты *-tar/-ter, -dar/-der*, исторически представляющие собой также фонетические соответствия афф. *-sar/-ser*, встречающемуся в значении форманта условной формы в языке орхонских надписей и реже — в древнеуйгурских текстах.

Прочие различия в оформлении спрягаемой условной формы по конкретным тюркским языкам заключается главным образом в специфике формантов категории лица, которые вместе с тем, как правило являются общими также для прошедшего времени на *-dy/-ty* изъявительного наклонения в том же языке.

Форма а *-sa/-se* в семантическом аспекте, кроме значения условного наклонения в системе словообразования и словоизменения в тюркских языках сохранила также как более древние конкретные значения различных моделей и форм, выражающих стремление, желание, влечение, привычку к совершению данного действия, так и более абстрактные значения форм намерения, долженствования, побуждения и повеления.

Наиболее ранние осмысления форм на *-sa/-se, -sy/-si*, зарегистрированные Махмудом Кашгарским и сохранившиеся в застывших формах современных языков, показывают, например, что развитие этой формы в семантическом аспекте брало начало от основного значения, выражающего стремление, желание, влечение, привычку к данному предмету или действию. Затем эта основная семантика развивалась радиально в следующих направлениях. Одна линия развития дала прежде всего значение намерения, затем — долженствования и, наконец, наиболее абстрактное грамматическое понятие будущего времени. Вторая линия развития осуществлялась от значения намерения, неосуществленного желания — к отвлеченной категории отрицания, отсутствия данного предмета или признака. Третья линия развития — от значения желания, влечения к значению категорий, выражающих подражание, подобие, и к еще более отвлеченным категориям уменьшительных имен. Четвертая линия — от значения желания, стремления к значению отвлеченных категорий повелительного и желательного наклонений глагола и к еще более абстрактным значениям условной формы.

Все эти процессы развития грамматических категорий и форм протекали не параллельно и не изолированно друг от друга, а в тесном взаимодействии, обусловливая развитие других категорий.

Соответствующие процессы происходили и в фонетическом оформлении каждой грамматической формы, фонетическое развитие которой представляло собой либо закономерное фонетическое соответствие, либо различную степень фонетической эволюции в направлении от более полных форм к усеченным, редуцированным формам.

Все указанные выше значения, равно как и различные фонетические модификации их выражения, отложились в языке в виде различных продуктивных и непродуктивных форм, функционирующих в большинстве современных тюркских языков.

Как уже отмечалось ранее [см. Баскаков 1953], реконструированным архетипом условной формы на *-sa/-se~-za/-ze, -ha-/-he~-tar/-ter* (с различными консонантными и вокальными вариантами[46]) наиболее вероятным, имеющим убедительные подтверждения и доказательства, является архетип в виде **-yy-sa-r*[<*-yy-say-ar*], который состоит из трех элементов: 1) аффикса, образующего субстантив от глагольной основы *-yy~-yq;* 2) аффикса, восходящего к основе вспомогательного глагола *sa-(<*say-)* 'желать, думать, считать', и 3) аффикса причастия на *-ar/-r.*

Данная гипотеза является результатом длительного исследования формы на *-sa/-se.* В.В. Радлов предполагал архетип формы на *-sa/-se* из следующего состава элементов: 1) причастия на *-syq* и 2) причастия на *-ar* [Radloff 1897, 96]. В. Банг считал, что форма на *-sa/-se* состоит из вспомогательного глагола *sa-* 'хотеть, желать' и утраченного в современных языках аффикса причастия на *-ar* [Bang 1916]. Наконец к наиболее вероятной и ныне твердо установленной гипотезе подошел Г.И. Рамстедт, который находил возможным реконструировать форму на *-sa/-se,* как состоящую из указанных выше трех элементов: 1) *-yy>-yw,* 2) вспомогательного глагола *sa-* 'любить, охотно иметь' и 3) причастной формы на *-r* [Рамстедт 1957, 168]; хотя окончательным его предположением было иное, по которому элемент *-sa* он считал более вероятным по происхождению от бывшего глагола *se* 'говорить, полагать, желать делать', а формы др.-тюрк. *käl-sär män* 'если я приду' или *öl-sär män* 'если я умру' он толковал как "придти говорящий я", "умереть полагающий я" [Там же, 121, 168].

Последующие исследователи, касающиеся данной проблемы, либо присоединялись к той или иной гипотезе, как например Ш. Шукуров и М.Ш. Рагимов, которые разделяли точку зрения Г.И. Рамстедта о происхождении элемента *-sa/-se* от основы глагола *se-* 'говорить, считать, хотеть, желать' или поддерживали с некоторыми дополнительными данными гипотезу В. Радлова, возводя форму на *-sa* к причастию на *-sar,* — см., например, работы Э.Р. Тенишева [1971$_7$] и А.М. Щербака [1976$_2$], либо предлагали новые гипотезы, как, например, Н.З. Гаджиева, которая предполагает, что элемент *-sa* состоит из "контаминации двух форм пожелания — на *-s* и на *-a*" [Гаджиева 1973$_1$].

Однако высказанное Г.И. Рамстедтом предположение о возможности реконструировать условную форму на *-sa* как состоящую из трех основных элементов: 1) *-yy~-y/-uw~u* глагольного субстанта, 2) глагола *sa-* 'думать, считать, желать, хотеть', и 3) аффикса при-

[46]Здесь и далее все аффиксы, образующие те или иные грамматические формы и словообразовательные модели, будут даны в консонантных вариантах с задними гласными

частия на *-r/-ar*, как показывает фактический материал всех древних, средневековых и современных тюркских языков и диалектов, является наиболее вероятным.

Ярким доказательством данного предположения о происхождении формы на *-sa* и установленного ее архетипа являются конкретные примеры из известного "Словаря" Махмуда Кашгарского, где представлены две основные формы с семантикой пожелания, хотения и условия. В одной форме афф. *-sa* присоединяется к именным основам, ср., например, *er suwsady* 'человек хотел пить' (МК III, 284); *er balyqsady* 'человек хотел (есть) рыбу', *ol evge baryysady* 'он хотел уйти домой', *ol munda turuysady* 'он здесь хотел стоять', *oylan biligsedi* 'ребенок хотел быть умным' (МК III, 333, 334). В другой форме афф. *-sa/-se* присоединяется непосредственно к корням и основам глагола; ср., например, *ol etmek jejsedi* 'он хотел поесть хлеба' (МК III, 304); *ol joqaru qopsady* 'он хотел подняться вверх' (МК III, 285); *er qapu ačsady* 'человек хотел открыть двери'; *ol suw ičsedi* 'он хотел пить воду' (МК I, 276); *ol atyn satsady* 'он хотел продать лошадь'; *ol atyy sürsedi* 'он хотел прогнать лошадь' (МК III, 284); *men any körsedim* 'я хотел его видеть' (ср. понудительную форму *körset* 'показывать'); *men sanya keligsedim* 'я хотел придти к тебе' и наряду с этим имеются формы *kelsermen* 'я хочу прийти', *kelsemek* 'хотел прийти' (МК III, 285).

Эти параллельные формы, а также застывшие формы словообразования глагола от имен позволяют предполагать, что первоначально афф. *-sa/-se* присоединялся только к именам и именной форме глагола на *-yy/-ig*, образуя основу желательного наклонения глагола, например: *bil-* 'звать' (*bilig* 'знание'), *bil-ig-se-* 'желать, хотеть, знать', ср. *oylan biligsedi* 'ребенок хотел быть умным' (МК III, 333, 334), а затем формант *-yy/-ig*, фонетически неустойчивый, стал факультативным, и во времена Махмуда Кашгарского афф. *-sa/-se* уже присоединялся и к форме на *yy/-*ig и непосредственно к корню или основе глагола; ср., например: *men sanya keligsedim* 'я хочу придти к тебе' и формы *kelsermen* 'я хочу придти' (*kelsemek* 'хотеть придти'). В некоторых языках, например в современном тувинском, форма желания на *-yqsa/-ikse*, состоящая также из имени действия на *-yq/-ik* и аффикса, образующего желательную форму глагола *-sa/-se*, сохранилась до настоящего времени, ср., например: *bar-yq-sa-* 'хотеть идти, желать пойти', *bil-ik-se-* 'хотеть знать, желать знать'.

Таким образом, первоначально формант *-sa/-se* представлял собой аффикс образования глагола от имени, затем тот же формант с утратой в глагольной основе элемента *-yy/-ig* стал как бы параллельно также и аффиксом образования глагола от глагола, т.е. аффиксом, образующим модальную форму глагола — форму желания. От этой модальной формы на *-sa/-se* по аналогии с простой основой глагола произошли и производные формы имени, в частности — форма на *-ar/-er* ~ *-yr/-ir*, т.е. *-sar/-ser*, например орх. *saqynsar sän* 'если (когда) ты предполагаешь', которая и легла в основу современной условной формы. Данная форма желательного наклонения близка и семантически к условной форме, так как значе-

ние *sen kelseŋ, men de kelemen* 'если ты придешь, то и я приду' = 'ты пожелаешь, задумаешь, захочешь прийти, и я приду'.

Таким образом, основа условной формы в древних языках на *-sar/-ser* (а также в якутском языке на *-tar/-ter*~*-dar/-der*) — это не что иное, как причастие на *-ar/-er, -yr/-ir* от особой видовой формы глагола на *-sa/-se* (як. *-ta/-te*), представлявшей собой вторичную от имени действия на *-yy/-ig* глагольную основу, от которой возможны производные временные и прочие формы глагола, например: формы будущего времени — орх. *saqynsar sän* 'если (когда) ты предполагаешь'; формы прошедшего времени — *ol evge baryysady* 'он хотел уйти домой' (МК III, 333).

В процессе дальнейшего развития глагольных форм видовая форма на *-sa/-se* в будущем (неопределенном) времени на *-ar/-er*, т.е. со сложным афф. *-sar/-ser*, приобрела значение условной формы, и в этом значении формант *-sar/-ser* выступает, например, в языке орхонских надписей;

Форма на *-saq*, представляющая собой словообразовательную модель от глагольного субстантива со значением результата действия причастия, состоящего из той же основы *sa-* (<**say-*) + аффикс результата действия > причастия *-yq*~*-q: ol munda byryysaq erdi* 'он думал пойти сюда' (МК II, 57), *ol evge kirigsek ol* 'он хочет войти в дом' (МК II, 55), *ol any tutuysaq erdi* 'он хотел схватить его' (МК II, 297), *ol at suwyaryysak erdi* 'он хотел напоить лошадь' (МК II, 257). Ср. и другие формы от основ глаголов, содержащих элемент *-sa: ič-se-*(<*ič-ig-se-*) 'хотеть, желать пить' (МК I, 276), *al-sa-*(<*al-yy-sa-*) 'желать, взять' (МК I, 278), *sat-sa-* 'желать продать' (МК III, 284)~*sat-yy-sa-* 'желать продать' (МК III, 333) и мн. др. Практически от данных основ, по Махмуду Кашгарскому, образуются все глагольные формы и модели словообразования.

В современных языках большинство тех же словообразовательных моделей сохранилось, ср., например, основы глаголов с элементом *-sa,* от которых могут быть образованы все глагольные формы и модели словообразования: а) алт. *suu-za-* 'жаждать, хотеть пить', *suu-za-t-* 'вызывать жажду', *aŋ-za-q* 'желающий, любящий охотиться', *ujqu-za-q* 'любящий поспать, соня', *mal-za-q* 'любитель скота', *syj-za-q* 'любящий подарки'; б) тур. *qül-üm-se-* 'улыбаться' (<'желать хотеть смеяться'), *ay-la-m-sa-* 'притворно хныкать, плакать'; *ben-im-se-* 'считать своим'; в) ккалп. *suw-sa-* 'жаждать', *suw-sa-t-* 'вызывать жажду', *suw-sa-r* 'бобер' (<'любящий воду'), *üjir- se-k* 'привязчивый', *tamaq-sa-w* 'обжора' (<'любящий поесть'), *ǯara-m-sa-q* 'желающий понравиться', *sora-m-sa-q* 'попрошайка' (<'любящий просить') ср. также глагольную основу с элементом *-sa: teŋ-se-l* 'держать равновесие, покачиваться (иметь стремление к равенству)'.

В процессе семантического развития эти грамматические формы получили не только дифференциацию значений, но и соответствующую фонетическую дифференциацию формантов. В орбиту данной группы грамматических категорий и формантов, их обозначающих, вошли форманты-аффиксы с различными семантическими и грамматическими значениями: *-sa/-se* с фонетическими вариантами для разных языков,

например: *-ta/-te, -da/-de, -la/-le, -na/-ne* — для якутского: *-ha/-hä* — для башкирского; *-za/-ze, -sa/-se* — для алтайского, *-ŝa/-ŝe* — для туркменского и проч. Исторически он представлен собой аффикс образования глагола от имени и имен действия с оттенком желания, хотения, а также подражания и подобия или неполного совершения данного действия.

Производные с указанным модальным значением глаголы и отглагольные имена образовали ряд грамматических форм, на которых часть сохранила только глагольное значение, часть — и глагольное и именное и, наконец, часть — только именное значение.

1. Только с глагольным значением употребляются аффиксы:

-sa-l/-se-l, посредством которого образуется страдательный залог от основы глагола на *-sa/-se*, например: *teŋ* 'равный', *teŋ-se-l-* 'покачиваться, держать равновесие (иметь стремление к равенству)';

-sa-n/-se-n, посредством которого образуется возвратный залог от основы на *-sa/-se,* например: *buw* 'пар', *buw-sa-n-* 'покрываться испариной, слегка потеть (иметь стремление к пару)';

-sa-t/-se-t, посредством которого образуются понудительный залог от основы на *-sa/-se*, например: алт. *suu* 'вода', *suu–za-t-* 'вызвать жажду (заставить стремиться к воде)'.

Исторически сюда же следует отнести современную основу *kör-se-t* (<*kör-(ig)-se-t-*) 'показывать'. Все производные формы вторичных глаголов, таким образом, сохраняют основную семантику афф. *-sa/-se*, образующего глаголы желания от имен существительных. Дифференциация значений ограничивается только их залоговыми формами.

2. С глагольным и именным значением употребляется аффикс:

-sa-r — в глагольном значении, например: *ǯum-sa-r* 'смягчать, делать мягким' (от *ǯumsa-* 'смягчаться');

-sa-r — в именном значении активной формы причастия на *-r;* афф. *-sa-r/-se-r* в застывших формах встречается как редкое исключение (ср. ккалп. *ǯap-* 'закрывать', *ǯap-sa-r* [<*ǯap-(yγ)-sa-r*] 'место соединения смежных предметов, паз'.

Этот аффикс в редуцированном виде с выпадением конечного *-r* получил значение форманта условной формы глагола. Переход этот был последовательным и в семантическом аспекте — от более конкретного значения причастия будущего времени глагола желания к отвлеченной условной форме, и в фонетическом аспекте — от полной фонетической формы √+*-yγ/-ig*+*-sa/-se-r* к редуцированной √+*(-yγ/ig)-sa/ -se(-r)*. В современном языке процесс развития условной формы оставил следы этого развития в различных значениях этой формы от семантики желания, хотения к семантике повеления, долженствования, подобия и, наконец, условия и времени.

3. Только с именным значением употребляются аффиксы:

-sa-q/-se-k, -sa-w/-se-w, -sa-ŋ/-se-ŋ. Это именные формы от глагола желания на *-sa/-se* с пассивным значением имени — результата желания, стремления, объекта стремления, например: ккалп. *ǯum-* 'сжимать, мять, жмуриться', *ǯum-sa-q̂*[<*ǯum-(yγ)-sa-q*] 'мягкий' (результат действия, выражаемого глаголом *ǯum-* 'сжимать, мять'), *bür-* 'морщиться', *bür-se-ŋ ̂(<bür-ig-se-ŋ)* 'съежившийся, сморщенный' (результат дейст-

вия от глагола *bür-* 'морщиться'), *tamaq* 'пища', *ta-maq-sa-w* 'обжора, любящий поесть (имеющий желание постоянно есть)'.

Как уже отмечалось выше, специфика выражения условной формы на *-sa* во всех ее значениях заключается в различиях оформления личных форм 1, 2, 3-го лица ед. и мн. числа в древних, средневековых и современных тюркских языках:

1-е лицо ед. числа

-y-sa-r man~*-sa-m* — ст.-осм.
-sa-r man~*-sa-m* — др.-тюрк.
-ta-r byn~*-la-r byn*~*-na-r byn* — як.
-sa-m — в большинстве древних и современных языков
-sa-m~*-zam* — алт., хак., шор., чул., тув.
-ŝa-m — туркм.
-ha-m — башк.
-sy-m-za~*-zy-m-za*[<*sa-m er-se*]~*sa-m* — тув.

2-е лицо ед. числа

-y-sa-r san~ *-sa-n* — ст.-осм.
-sa-r san~*-sa-n* — др.-тюрк.
-ta-r syn~*-la-r syn* ~*-na-r-syn* — як.
-sa-ŋ — в большинстве языков
-sa-n — тур., аз., таг., кар., ст.-узб.
-sa-j~*-sa-ŋ*~*-san* — кар.
-sa-ŋ~*-za-ŋ* — алт., хак., шор., чул., тув.
-ŝa-ŋ — туркм.
-ha-ŋ — башк.
-sy-ŋ-za~*-zy-ŋ-za* [<*-sa-ŋ er-se*]~*-sa-ŋ*~*-za-ŋ* — тув.

3-е лицо ед. числа

-y-sa-r~*-sa* — ст.-осм.
-sa-r~*-sa* — др.-тюрк.
-ta-r~*-la-r*~*-na-r* — як.
-sa — в большинстве языков
-sa~*-za* — алт., хак., шор., чул., тув.
-ŝa — туркм.
-ha — башк.

1-е лицо мн. числа

-y-sa-r-myz~*-sa-q* —ст.-осм.
-sa-r-myz~*-sa-q* — др.-тюрк.
-ta-r-byt — як.
-sa-vuz~*-sa-juz*~*-sa-q* — ст.-узб.
-sa-q — в большинстве языков
-sa-g~*-sa-q* — аз.
-sa-byz~*-sa-q/-za-byz*~*-za-q/-sa-vys*~*-za-vys* — алт., хак., шор., чул., тув.

-ŝa-q — туркм.
-ha-q — башк.
-sy-vys-sa~-zy -vys-sa[<*-sa-myz e-se*] — тув.

2-е лицо мн. числа

-y-sa-r-syz~-sa-nyz — ст.-осм.
-sa-r-syz~-sa-nyz — др.-тюрк.
-ta-r-yyt — як.
-sa-ŋyz — ст.-узб., хорезм.-тюрк., узб., н.-уйг., ккалп., каз., ктат., ног.
-sa-nyz — тур., гаг., кар.
-sa-jyz~-sa-nyz — кар.
-sa-ŋyz~-sa-ŋyz-lar~-sa-ŋyz-dar — ккалп., каз., ног.
-ŝa-ŋyż — туркм.
-sa-ŋys –бараб.
-sa-ŋ-la(r)~-sa-nyz — н.-уйг.
-sa-n-ar — кирг.
-sa-yyz — кбалк., кум., тат.
-ha-yyz~-ha-ŋyz — башк.
-sa-yar~-za-yar~-za-ar~-zar — алт., шор., хак., чул.
-sy-ŋar-za~-zy-ŋar-za[<*sa-ŋar e-se*]*~-sa-ŋar~-za-ŋar* — тув.

3-е лицо мн. числа

-y-sa-r~-y-sa-r-lar — ст.-осм.
-sa-r~-sa-lar — др.-тюрк.
-tar — як.
-sa~-sa-lar — в большинстве языков
-sa~-za~-sa-lar~-za-lar — алт., шор., чул.
-ŝa~-ŝa-lar — туркм.
-ha~-ha-lar — башк.

Некоторую специфику имеет парадигма спряжения глагола в условной форме в тувинском языке, где в первых двух лицах основа спрягаемого глагола состоит из самого спрягаемого глагола+афф. *-sy/-si* + аффикс принадлежности соответствующего лица + формант условной формы *-sa/-se, -za/-ze*, например:

Ед. число

1 л. *al-zy-m-za* 'если я возьму'
2 л. *al-zy-ŋ-za* 'если ты возьмешь'
3 л. *al-za* 'если он возьмет'

Мн. число

1 л. *al-zy-vys-sa* 'если мы возьмем'
2 л. *al-zy-ŋar-za* 'если вы возьмете'
3 л. *al-za-lar* 'если они возьмут'

Еще более сложный состав условной формы глагола характерен для тофаларского языка, спрягаемая основа в котором в 1 и 2-м лице ед. и мн. числа состоит из самого спрягаемого глагола + афф. *-dy/-di* +

аффикс принадлежности соответствующего лица + основа вспомогательного глагола *er-/ir-* 'быть' + формант условной формы *-sa/-se:*

Ед. число

1 л. *al-dy-m er-se*	'если я возьму'
2 л. *al-dy-ŋ er-se*	'если ты возьмешь'
3 л. *al-sa*	'если он возьмет'

Мн. число

1 л. *al-dy-vys er-se*	'если мы возьмем'
2 л. *al-dy-ŋar er-se*	'если вы возьмете'
3 л. *al-sa-lar*	'если они возьмут'

Как видно из сопоставления состава условной формы в разных языках, именная часть этих аналитических спрягаемых форм 1 и 2-го лица ед. и мн. числа условного наклонения складывается из основы самого спрягаемого глагола + аффикс причастия на *-dy/-di<-dyγ/-dig* + аффикс принадлежности соответствующего лица + связка, состоящая из основы вспомогательного глагола *er-/ir-* в условной форме на *-sa/-se*. Элемент *-sy/-si, -zy/-zi* в тувинском языке и элемент *-dy/-di* в тофаларском восходят к причастию на *-dy/-di<-dyγ/-dig*. Афф. *-sy/-si, -zy/-zi* этой формы в тувинском, следовательно представляет собой результат регрессивной ассимиляции афф. *-dy/-di<-dyγ/-dig* под влиянием последующего аффикса условной формы *-sa/-se*.

Итак, условная форма на *-sa~-za~-ta~-ha*[47] восходит к более полному варианту *-sa-r~-ta-r*, реально существующему и встречающемуся в древнетюркском языке *ač-sa-r* 'если голоден', *tod-sa-r* 'если сыт', *jaj bol-sa-r* 'когда наступает лето' и в современном якутском *al-da-r* 'если возьмет' и т.д., представляющему собой исторически причастие на *-ar/-r* от соответствующей основы глагола с элементом *-sa* с семантикой желания, стремления, из которого развилась позже форма условного наклонения.

Основа глагола с элементом *-sa/-se* исторически произошла от глагольного субстантива на *-yy*, т.е. от сочетания основы первичного глаголв и сложного афф. *-yy-sa*. Следы аффикса, образующего глагольный субстантив *-yy*, сохранились, например, в старотурецком языке в форме условного причастия *-y-sa-r* [см. Pritsak 1960], а также в значении будущего желательного времени в старотурецких и золотоордынских памятниках. См. [Щербак 1976$_3$, 17], где приведены соответствующие примеры и специальная литература.

Что же касается элемента *-sa* в составе условной формы, то, как это отмечалось выше, он происходит от основы глагола *-sa-* 'желать, хотеть, думать, считать', которая восходит к более полной форме **say-*; ср. алт. абакан. *say-yn-* 'думать, размышлять про себя', *say-ys* 'ум, мысль' [Вербицкий 1884, 282]; *say-yš* 'счет, арифметика' [Малов 1951, 419; Баскаков 1962, 16].

Таким образом, архетипом аффикса условной формы *-sa/-za~-ta~-ha* последовательно от наиболее позднего к более раннему является

[47] Фонетические соответствия *s>h* и *s>t*.

-sar<*-y-sar*<*-yγ-sa-r*<*-yγ-saγ-ar*, т.е. причастие на *-ar/-r* от аналитической основы глагола, состоящей из сочетания глагольного субстантива основного глагола на *-yγ* и вспомогательного глагола **saγ-* 'желать, хотеть, думать, считать'. Семантика данного вспомогательного глагола *sa(γ)-* в составе условной формы в тюркских языках сохранилась в современных формах глагола и некоторых моделях словообразования.

К основным значениям формы на *-sa* в современных тюркских языках относятся следующие:

1) форма на *-sa* в функции основы спрягаемого глагола в условной форме, например: *al-sa* 'если он возьмет, если он берет, если он будет брать';

2) форма на *-sa* с аффиксом 2-го лица в значении повелительно-побудительной формы, например: *kel sa-ŋ-a* 'приди же', *kel-se-ŋ-či* 'приди-ка';

3) форма на *-sa* в сочетании с вспомогательным глаголом *e-/i-(*<*er-/ir-)* 'быть' в форме прошедшего времени в значении сослагательной формы, например: *bar-sa edi* 'пошел бы', *qal-sa-m edim* 'я остался бы';

4) форма на *-sa* в сочетании с союзом *da*~*häm* 'и' в значении уступительной формы, например: ккалп. *ber-se de*~узб. уйг. *ber-se häm* 'хотя и дает он';

5) форма на *-sa* в стилистическом плане выступает также в значении временной формы, например: ккалп. *közin ašyp qarasa* 'когда он открыл глаза';

6) форма на *-sa* вспомогательного глагола *e-/i-(*<*er-/ir-)* 'быть' или *bol-*~*ol-* 'стать' в сочетании с причастием прошедшего времени основного глагола имеет значение условного прошедшего времени, например: ккалп. *tut-qan bol-sa* 'если он схватил', узб. диал. *bar-yan bol-sa* 'если он пошел', кбалк. *kel-gen ese* 'если он пришел';

7) форма на *-sa* тех же вспомогательных глаголов в сочетании с причастием основного глагола выражает условную модальность в будущем времени, например: др.-тюрк. *kel-ir ese*< *kel-ir er-se* 'если придет', н.-уйг. *jaz-ar bol-sa* 'если он напишет';

8) форма на *-sa* употребляется в различных перифрастических сочетаниях, например: др.-тюрк. *sök-sä bolmas* 'нельзя ругаться' (ср. *tap-sa bolur* 'можно найти'), ккалп. *al-sa kerek* 'он должен взять, он должно быть возьмет';

9) форма на *-sa* употребляется в значении желательной формы, например: ккалп. *al-sa-ŋ*~*-al-ayoj* 'бери же, если хочешь взять'; *köter-se köter-e almajdy* 'хотел было поднять, но не мог'.

ДОЛЖЕНСТВОВАТЕЛЬНО-НЕОБХОДИМОСТНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Долженствовательно-необходимостное наклонение[48] относится к категории наклонений, которые еще не полностью грамматикализовались и занимают среднее место между обычным спрягаемым именем со

[48]См. об этом: [Deny 1921, 927; Korkmaz 1968; 1969, 31; Кононов 1956, 244; Михайлов 1958; Андреев 1858, 161—189; Гаджиева 1961, 20; Боржаков 1970; Зейнуллин 1973].

связкой или без связки и вполне грамматически сформировавшейся категорией наклонения. В тех тюркских языках, где это наклонение выделяется в самостоятельную категорию, оно выражается следующими показателями:

-maly — аз., тур., туркм., гаг., ктат., чув.

-asy — аз., тур.

-yyhy — як.

-ahy — башк.

Спряжение форм долженствовательно-необходимостного наклонения реализуется присоединением полных или усеченных аффиксов лица, которые в современных языках присоединяются непосредственно к спрягаемой основе, исторически же формы этого наклонения восходят к сочетанию со связкой *-dyr*(<*tur-ur*) для настоящего и настояще-будущего времени и *edi*~*idi* (<*er-di*~*ir-di*) для прошедшего времени, ср.; например:

Форма на *-maly*

Настояще-будущее время

		1 л.	2 л.	3 л.
аз.	ед. ч.	*-maly-jam*	*-maly-san*	*-maly-dyr*
	мн. ч.	*-maly-jyġ*	*-maly-synyz*	*-maly-dyr-lar*
тур.	ед. ч.	*-maly-j-ym*	*-maly-syn*	*-maly –*
ктат.	ед. ч.	*-maly-m*	*-maly-syn*	*-maly –*
гаг.	ед. ч.	*-maly-bän*	*-maly-sän*	*-maly –*
туркм.	ед. ч	*-maly –*	*-maly –*	*-maly –*

В туркменском языке личные окончания отсутствуют и категория лица оформляется только соответствующими личными местоимениями в препозиции, т.е. *men jäẑ-maly* 'ты должен написать' и т.д.

Прошедшее время

		1 л.	2 л.	3 л.
аз.	ед. ч.	*- maly idim*	*-maly idin*	*-maly-idi;*
	мн. ч.	*-maly idik*	*-maly-idiniz*	*-maly-idiler*
тур.	ед.ч.	*-maly-j-dim*	*-maly-j-din*	*-maly-j-di*
ктат.	ед. ч.	*-maly edim*	*-maly edin*	*-maly edi*

В гагаузском и туркменском языках формы прошедшего времени, как правило, отсутствуют.

Форма на *-ma-ly*, состоит из современных продуктивных аффиксов словообразования: *-ma* — аффикса, образующего масдарную форму от глагола, например *al-* 'вязть', *al-ma* 'взятие', и аффикса обладания *-ly/-lyq*, например *al-ma* 'взятие', *al-ma-ly* 'обладающий взятием > долженствующий взять'.

Иную этимологию этой формы предлагает И. Бенцинг, который считает, что второй элемент этой формы происходит от бо-

лее сложного сочетания *-laju/-lejü*, состоящего из аффикса образования глагола от имени *-la/-le* и адвербализующего афф. *-ju/-jü* [Benzing 1942, 466—467].

Наиболее полная этимология афф. *-maly*<*-m-a-ly* представлена Г.И. Рамстедтом, который находит этот аффикс состоящим из следующих трех элементов: 1) *-m* — аффикс, указывающий на образование отглагольного имени со значением "объемности деятельности или события", т.е. аффикс типа *-m* в слове *ič-im* 'глоток', ср., например, *bir ičim su* 'один глоток воды'; 2) адъективизирующий афф. *-a*, образующий вместе с первым афф. *-m-a* — сложный аффикс образования субстантива или адъектива от глагола типа *jaz-ma* 'рукопись, написанный' и 3) *-ly/-li* или *-lyq/-lik* — аффикс обладания, образующий вместе с первыми двумя афф. *-m-a-ly*~*-m-alyγ* (чув. *mal-la*) формы долженствования, а также другие модели словообразования, например каз. *keš-me-lik* 'переправа' [Рамстедт 1957, 101].

Наличие в некоторых тюркских языках формы *-ma-ly/-me-li* с близким значением цели и долженствования позволяет предположить, что форма долженствования *-ma-ly/-me-li* происходит из *-maq/-mek*, т.е. из формы на *-maq/-mek* со значением 'чему-либо служащий, к чему-либо склонный' [Там же].

Форма на *-asy/-esi* ~ *-ahy*~*yyhy*

Эта форма долженствовательного наклонения, характерная для ограниченного количества тюркских языков, восходит также к причастию, которое, однако, в современных языках чаще выступает в предикативной функции и реже — в аттрибутивной. Причастная форма глагола на *-asy/-esi*~*-ahy*~*-yyhy* встречается в турецком, азербайджанском, башкирском и якутском языках и служит основой спряжения только настояще-будущего времени долженствовательного наклонения, например:

тур. *al-asy-jym* 'я должен взять'; *al-asy-syn* 'ты должен взять'; *al-asy-dyr* 'он должен взять';

аз. *al-asy-jam, al-asy-san, al-asy-dyr;*

башк. *al-ahy-m bar, al-ahy-ŋ bar, al-ahy bar;*

як. *yl-yyhy-byn, yl-yyhy-yyn, yl-yyhy.*

В других тюркских языках эта форма чаще представлена афф. *-yysy*, но как спрягаемая основа — малопродуктивна.

Происхождение формы на *-asy/-esi*~*-ahy*~*yyhy* тесно связано с происхождением формы условного наклонения. Обе формы имеют общий второй элемент в составе той и другой сложной основы, восходящий, в свою очередь, к самостоятельному глагольному корню *sa-/sy-*<*say-*~*syγ-* 'желать, хотеть, думать, считать' и т.д. Существуют различные гипотезы реконструкции формы на *-asy/-esi*.

Одной из первых была гипотеза В. Банга, который возводил эту форму к сочетанию вспомогательного глагола *a(l)-* 'взять ' с именем действия на *-syq* [Band 1916, I, 531—535]. Ж. Дени предполагал, что форма на *-asy/-esi* происходит из сочетания причастия на *-γaj/-qaj* с афф. *-sy*>*-γaj-sy*>*-a-sy* [Deny 1921, 396, 925, 932]. Эта гипотеза

была принята также в последующих исследованиях советских тюркологов [см. Рагимов 1966[14]; Боржаков 1970]. Г. Рамстедт соотносил эту форму с монгольским афф. *-si*, образующим отглагольное имя, указывающее на возможность или невозможность совершения данного действия [Рамстедт 1957, 130], а А.М. Щербак предполагал, что эта форма слагается из имени действия на *-a* с аффиксом принадлежности 3-го лица *-sy/-si* [Щербак 1976$_1$, 188].

Совершенно очевидно, что формант данной формы, имеющий варианты *-asy*~*-ɣysy*~*-ahy*~*-ɣyhy*, представляет собой результат длительного процесса морфологического развития.

Как показывают обширные словообразовательные модели, содержащие те же элементы, что и форма на *-ā́sy/-esi*~*-ɣysy/-gisi*, представляется возможной их реконструкция и приведение к следующему относительно более древнему архетипу, состоящему из двух основных элементов: *-ɣy/-ig*~*-ɣy/-gi*>*-aa/-ee*>*-a/-e*+*-sy/-si*, т.е. первого — восходящего к масдару на *-ɣy/-gi*~*-ɣy/-ig* (>*-uw/-üw*>*-u/-ü*>*-y/-ı*~*-a/-e*), который, возможно, является генетически общим с формой причастия будущего (желательного) времени на *-ɣaj*~*-qaj* (>*ɣy*~*-a*), как предполагал Ж. Дени, и второго — древнего причастия на *-syq*, восходящего к вспомогательному глаголу *syɣ-*<*saɣ-* 'думать, считать, хотеть, желать' с афф. *-yq*, образующим сначала результат действия, а затем причастие, т.е. *saɣ-ȳq*>*syq*, восходящего к сложной аналитической глагольной основе, состоящей из следующих элементов: 1) основного глагола, 2) афф. *-a* или *-ɣy*(<*-ɣaj*), 3) афф. *-sy* (<*syq-*, вспомогательный глагол *syɣ-*~*saɣ-* с афф. *-yq*).

Элемент *-sy*, без восстановленного причастного окончания *-q*, восходящий к вспомогательному глаголу *saɣ-* 'думать, считать, желать, хотеть', весьма продуктивен в системе словообразования всех тюркских языков. Характерно, что как в глагольном, так и в именном словообразовании элемент *-sy* сохраняет последовательно свое как отвлеченное грамматическое, так и связанное с ним реальное значение.

Основное свойство этого словообразовательного элемента заключается в том, что он (равно как и его вариант *-sa*, восходящий к глаголу *saɣ-* 'думать, желать') присоединялся исторически либо к имени, либо к субстантивной форме глагола.

В своем изолированном виде элемент *-sy/-si* как результат морфологического развития из глагольной основы *saɣ-* сохраняет свое глагольное значение и в современных языках, служа средством словообразования глагола от имени, ср., например, ккалп. *šešen* 'оратор', *šešen-si-*(<*šešen saɣ-*) 'походить на оратора, хотеть, желать быть оратором, считать себя оратором', н.-уйг. *adam* 'человек', *adam-sy* (<*-adam saɣ-*) 'считать себя человеком'.

То же значение элемента *-sy/-si* (<*saɣ-*) сохраняется и во всех сложных моделях словообразования, ср., например, ккалп. *kem* 'мало', *kem-si*(<*kem saɣ-*) 'считать малым', *kem-si-t-*(<*kem saɣ-yt-*) 'умалять унижать', *awyr* 'тяжелый', *awyr-sy-*(<*awyr saɣ-*) 'считать тяжелым', *awyr-sy-n* (<*awyr saɣ-yn-*) 'тяготиться, считать для себя тяжелым', н.-уйг. *arzan* 'дешевый', *arzan-si-*(>*arzan saɣ-*) 'считать дешевым', *arzan sy-n*(<*ar-*

zan say-yn-) 'считаться дешевым'; алт. *uluq* 'великий', *uluq-sy* (<*uluq say-*) 'считать великим', *uluq-sy-n* (<*uluq say-yn-*) 'считать себя, считаться великим', *bala* 'ребенок', *bala-sy-yh-*) 'считать себя, считаться ребенком' и т.п.

То же значение имеет элемент *-sy/-si* в причастии на *-syn/-sin*~ *-sun/-sün*, выступающем в большинстве тюркских языков в функции формы повелительно-побудительного наклонения 3-го лица, ср., например, ккалп. *kel-sin* 'пусть он придет', *al-syn* 'пусть он возьмет'. Если основа *awyr-sy-n* 'тяготиться, считать для себя тяжелым', имея по существу фонетически тот же состав аффиксов, восходит к аналитическому сочетанию *awyr-s(ay)-yn* т.е. состоит из имени *awyr* 'тяжелый', основы глагола *say-* 'думать, считать, хотеть, желать' и аффикса возвратного залога *-yn* то основа *al-syn* 'пусть он возьмет' восходит к сочетанию *al(-yy)s(ay-y)yn*, т.е. состоит из основного глагола *al-* 'брать, взять', исторически редуцированного аффикса масдара *-yy*, вспомогательного глагола *say-* 'думать, желать' и причастного афф. *-yyn*, встречающегося в формах типа *uč-qyn* 'тот, кто постоянно летает', *al-yyn* 'тот, кто постоянно берет, хватает'. Форма *al-(yy)-s(ay-)-yyn*, таким образом, соответствует по значению 'тот, кто хочет, кто стремится взять>пусть возьмет.

С тем же значением элемент *-sy/-si* (<*say-*) выступает в сочетании с аффиксами различных производных форм глагола, ср. например, в каракалпакском языке:

1) в сочетании *-sy-p/-si-p* т.е. в деепричастной форме на *-yp/-ip, -p: ol buny kör-me-gen-si-p ketti* 'он ушел, точно этого и не видел' (букв. 'он ушел, считая (думая) не видевшим это'), где форма на *-sy-p/-si-p* от причастия на *-yan/-gen* основного глагола восходит к деепричастию вспомогательного глагола *say-yp* 'считая, думая';

2) в сочетании *-sy-yan/-si-gen*, т.е. в причастной форме на *-yan/-gen: sora-yan-sy-yan köz-qaras* 'вопросительный взгляд' (букв. 'спрашивавшим считавшийся взгляд'), где форма на *-sy-yan/-si-gen* от причастия на *-yan/-gen* основного глагола восходит к причастию также на *-yan/-gen* вспомогательного глагола *say-yan* 'считавшийся';

3) в сочетании *-sy-maq/-si-mek*, т.е. в масдарной форме на *-maq/-mek: maj-sy-mag* 'маслообразный', *tolqyn-sy-maq* 'волнообразный', где сочетание *-sy-maq* восходит к масдарной форме вспомогательного глагола *say-maq*;

4) в сочетании *-sy-ra/-si-re*, т.е. в словообразовательной модели, образующий глагол от глагола <*say-ra: kül-im-si-re-* (<*kül-im say-ra-*) 'улыбаться, делать вид, что смеешься' (букв. 'считать за смех'); *ǯylam-sy-za-* (<*ǯyla-m say-ra-*) 'хныкать, делать вид, что плачешь' (букв. 'считать за плач');

5) в сочетании *-sy-ra-myš/-si-re-miš*, т.е. та же основа в причастной форме на *-myš/-miš*, ср. др.-тюрк. *qayan-sy-ra-myš* 'считать себя ханом'; *äl-si-rä-miš* 'считать себя отдельным племенным союзом'.

Элемент *-sy/-si* (<*say-*) сохраняет свое основное значение и в производных именах от глаголов, образовавшихся посредством этого элемента, ср. например, ккалп. *-sy-n/-si-n* сложный аффикс, состоящий из *-sy/-si* + аффикс, образующий пассивный результат действия, объект

действия *-γyn>-yn>-n: suw* 'вода', *suw-sy-~suw-sa-* 'жаждать', *suw-sy-n (<suw-saγ-yn-)* 'напиток (то, к чему стремится жаждущий)'; *tür* 'вид', *tür-si-* 'стремиться к тому или иному виду', *tür-si-n (<tür-saγ-yn)* 'похожий< тот, кто стремится к данному виду';

Афф. *-sy-z/-si-z*, состоящий из *-sy/-si* + афф. *-γyz>-yz>-z*, образующий активный результат действия — орудие или субъект действия: *suw* 'вода', *suw-sy-z (<suw saγ-yz)* 'безводный' (<'то (тот), что (кто) хочет, желает воды > безводный, не имеющий воды'); *at* 'лошадь', *at-sy-z (<at saγ-yz)* 'безлошадный' (тот, кто хочет (иметь) лошадь');

Афф. *-sy-q/-si-k*, состоящий из элемента *-sy/si-~-sa/-se* + афф. *-q/-k~-aq/-ek~-γaq/-gek*, образующий результат действия или понятие предмета или лица, обладающего свойством стремления или желания, например: ккалп. *bawyr* 'печень, сердце', *bawyr-sa-q (<bawyr saγ-aq)* 'печенье (то, что приятно сердцу)' или алт. *aŋ* 'зверь', *aŋ-za-q (<aŋ saγ-aq)* 'любящий охотиться'; *suu* 'вода', *suu-za-q (<suu saγ-aq)* 'жаждущий'; *uj-qu* 'сон', *ujqu-za-q (<ujqu saγ-aq)* 'соня, любящий поспать' и др.

Афф. *-sa-q/-se-k* и узкий его вариант *-sy-q/-si-k*, присоединяясь к субстантивным функциональным формам глагола (масдарам) на *-γy/-ig~-γy/-gi*, образуют причастия с теми же значениями стремления, желания совершить соответствующее действие, ср., например: др.-тюрк. *ol berü kel-ig-se-k (kel-ig saγ-γaq) erdi* 'он хотел прийти сюда' (МК III, 55); *ol any sat-γy-sa-q (sat-γy-saγ-aq)* 'он хочет его продать' (МК II, 297); в некоторых современных тюркских языках данная форма встречается уже с деформировавшимся афф. *-γy/-ig>-a/-e* с утратившимся конечным *q>-sy(q)/-si(k)*, т.е. в фонетически редуцированном форманте *-a-sy/-e-si*, который образует те же причастия и атрибутивные имена с семантикой долженствования и свойства, связанного с понятием производящей основы, ср., например, ккалп. *kel-e-si*[*<kel-ig(~gi)-si(k)*] 'следующий, грядущий, долженствующий прийти', то, что должно прийти', *öl-e-si*[*<öl-ig(~gi)-si(k)*]' смертный, долженствующий умереть; то, что должно умереть'.

Данная форма и лежит в основе наклонения, долженствования или необходимости, например, в азербайджанском языке: *gör-ä-si-m gäl-ir* 'я хочу, мне хочется видеть'.

Параллельной формой с тем же значением служит форма на *-γy-sy/-gi-si*, ср., например, ккалп. *al-γy-sy* 'то, что хочется взять; то, что должен взять, например: *alγysyŋdy aldrym* 'я получил то, что ты хотел, что ты должен получить', а также форма сокращенная на *-γy(-sy)/-gi(-si)* ср., например, *al-γy-m bar* 'мне хочется взять, я хочу взять<есть то мое, что хочется взять', но *al-γy-sy bar* 'ему хочется взять < есть то его, что хочется взять'. Все эти формы были первоначально более сложными, ср. *al-γy-(saγ-γy)m, al-γy-(saγ-γy)-sy*, но в процессе морфологического развития они соответствующим образом фонетически редуцировались.

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Сослагательное наклонение выражает действие желаемое, необходимое, возможное и проч., зависимое от другого действия. Оно имеется в большинстве тюркских языков, хотя не всегда включается в систему глагольных форм наклонений в описательных грамматиках конкретных языков.

По своему формальному выражению сослагательное наклонение относится к аналитическим формам, так как состоит из формы причастия будущего времени на *-ar/-er, -yr/-ir* основного глагола и вспомогательного глагола *-er-/ir-~-l-/i* в форме прошедшего времени на *-dy/-ty* в соответствующих спрягаемых личных формах ед. и мн. числа, т.е. по схеме: √ + *-ar/-er, -yr/-ir* + вспомогательный глагол *er-/ir-~e-/i-* + *-dy/-dı, -ty/-ti* + аффиксы лица, например *al-ar e-di-m* 'я взял бы'.

Второй элемент, т.е. вспомогательный глагол *er-~ir-* в форме прошедшего времени на *-dy/-di, -ty/-ti* варьирует по языкам, например в башк. *al-yr i-nim* 'я взял бы', а в других языках, например в хакасском — замещается формой на *-čyx-pyn*, например, *al-ar-čyx-pyn* 'я взял бы, я брал бы'.

Таким образом, сослагательное наклонение представляет собой аналитическую форму глагола, образующуюся посредством формантов, общих для изъявительного наклонения. Из формантов, специфических для образования сослагательного наклонения, следует отметить только формант *-čyx/-čik*, встречающийся в современных тюркских языках: хакасском, тувинском, тофаларском и киргизском, который в различных фонетических вариантах служит также для образования формы прошедшего времени изъявительного наклонения [см. Батманов 1940, 50; Орузбаева 1955, 39—40; Серебренников 1974$_2$, 13—15; Баскаков, Инкижекова-Грекул 1953, 359—487; Баскаков 1965; 1978, 3—8; Рассадин 1978, 212, 216].

Форма эта встречается в следующих вариантах по указанным выше языкам:

хак. *-čyx/-čik~-ǯyx/-ǯik*, например, *syx-čyx* 'он поднялся', *par-ǯyx* 'он ехал', а также в формах: *par-ar-ǯyx* 'пошел бы', *par-γaj-ǯyx* 'пожалуй, пошел бы'; в последних двух примерах в стяженной форме *<par-ar(ir)/-ǯyx, par-γaj(ir)-ǯyx;*

тув. *-čyq/-čik~-čuq/-čük~ǯyq/-ǯik~-ǯuq/-ǯük*, например: *kel-čik* 'он (ведь) пришел', *kel-be-čik* 'он (ведь) не пришел', *-qas-čyq* 'он (ведь) выкопал';

кирг. *-ču)-čü*, например: *öt-čü* 'он проходил', *qarma-ču* 'он ловил'; *čyx-ču* 'он поднимался', а также в сложных формам: *kör-ün-čü ele* 'он тогда казался'; *bar-ču emes min* 'я не хаживал'; *tyn-ču emes* 'он не отдыхал'; *bar-čü eken* 'оказывается давал';

тоф. *-jyq/-jik~ -čyq/-čik*, например: *soodaǯyq~soodajyq* 'он рассказал';

монг. *-džee/-čee~-ǯi/-či~-ʒ/-č>-ǯuk-uj~čuk-uj*, например: *ir-ǯee* 'приехал', *al-ǯee* 'убил'.

Ср. парадигму спряжения глагола в сослагательном наклонении в хакасском языке:

Ед. число

1 л. *min al-ar-ǯyx-pyn*	'я взял бы'
2 л. *sin al-ar-ǯyx-syn*	'ты взял бы'
3 л. *ol al-ar-ǯyx –*	'он взял бы'

Мн. число

1 л. *pis al-ar-ǯux-pus*	'мы взяли бы'
2 л. *sirer al-ar-ǯyx-sar*	'вы взяли бы'
3 л. *olar al-ar-ǯyx –*	'они взяли бы'

Происхождение данной формы до настоящего времени не выяснено, хотя существует несколько предположений о природе суф. *-čyx/-ču* (с вариантами) и его связей с другими глагольными формами. Менее вероятной гипотезой представляется стремление видеть в этой форме агентивный суффикс профессии *-čy*~*-šy*. Гипотеза эта была предложена только для данной формы в киргизском языке учета тех же форм на *-čyx/-ču* в тувинском и хакасском языках. Сущность этой гипотезы заключается в том, что киргизский глагольный аффикс прошедшего времени *-ču/-čü* в конечном итоге восходит к именному аффиксу профессии *čy/-či*, например в словах *qoj* 'баран', *qoj-čy* 'пастух', *balyq* 'рыба' — *balyq-čy* 'рыбак'.

Сторонники этой гипотезы видят в развитии этой глагольной формы на *-ču/-čü* (из сочетания агентивной формы на *-čy/-či* с отглагольным именем на *-yu/-gü-yy/-*ig) следующие стадии: *-yu-ču*>*-uču*>*-ču* [см. Батманов 1940, 50]. Те же обоснования приводит в отношении киргизской формы прошедшего времени на *-ču/-čü* и Б.А. Серебренников, выделяя киргизскую форму и считая, что аналогичные тувинская и хакасская формы имеют другое происхождение. Киргизская же форма, например, *men dǯaz-ču tyn* 'я писал всегда', *al al-ču* 'он брал постоянно и обычно' по его мнению образовалась в результате элизии *al-ču* из *al-u-ču* [см. Серебренников 1974_2, 15]. Переход же агентивного афф. *-čy/-či* в его губной вариант *-ču/-čü* в киргизском языке Б.А. Серебренников объясняет губным сингармонизмом, т.е. *al-ču* 'он взял' из *al-uw-ču* 'он берущий' с некоторым, правда, сомнением, "почему подобного рода образования были соотнесены со сферой прошедшего времени" [Там же].

Сомнения эти являются вполне закономерными, так как формы на *-yu-ču/-yy-čy* (в карлукских и хакасском языках), *-uw-ču/-uw-čy* (в кыпчакских языках), *-uu-ču* (в киргизском языке), *-aa-čy* (в тувинском языке и некоторых других языках), с одной стороны, и формы на *-čyq/-čuq, -žyq/-žuq* (в тувинском), *-čyx/-džyq* (в хакасском) и *-ču* (в киргизском) — с другой, ничего общего между собой не имеют как по своему значению и составу, так и по своему происхождению.

Прежде всего бросается в глаза абсолютное различие значений форм *al-ču* 'он брал' и *al-uu-ču* 'берущий', существующих параллельно и имеющих продуктивное употребление в современном киргизском языке. Первая форма типа *al-ču* 'он брал, он постоянно брал' — прошедшего времени, имеет в составе только два элемента: основу

глагола и афф. *-čи* прошедшего времени; вторая — *al-uu-čи* 'берущий' — не имеет временного оттенка, но указывает на действующее лицо без отношения ко времени (так как происходит от масдара на *-uu*> *al-uu* 'взятие', не обладающего категорией времени) и состоит из трех элементов: 1) основы глагола: 2) аффикса масдара и 3) аффикса профессии.

Смешение этих кажущихся близкими по составу форм *al-čи* и *al-uu-čи* было и у прежних исследователей. Не различал в свое время эти две формы, как уже отмечалось выше, И.А. Батманов [1940, 39—40], а в более позднее время Б.О. Орузбаева [1955, 50], в то время как происхождение этих форм при кажущейся фонетической близости совершенно различно.

Форма типа *al-уu-čу*~*al-уу-čу*~*al-uw-čи*, происходящая из масдара на *-уу*~*-uw*~*-uu* и аффикса профессии *-čу/-či*, является общей для большинства кыпчакских и отчасти карлукских тюркских языков, но ни в одном из них не имеет значения прошедшего времени и не образует соответственных производных с временным значением. Она образуется от субстантивной глагольной формы, не имеющей временного оттенка и соотнесенной грамматически с предметным значением, путем обычного присоединения аффикса профессии *-čу/-či;* по значению она соответствует сочетаниям имен с аффиксом профессии *-čу/-či*, т.е., например, модель кирг. *ǯaz-uu* 'писание' + *-čу*>*ǯaz- uu-čи* 'писатель' грамматически идентичная модели *temir* 'железо'+*-či*>*temir-či* 'кузнец'. Как модель, производная от глагольного масдара, так и модель от имени не имеют временного значения. Та и другая модели приобретают временное значение только в сочетание со связками *edi, ele, eken, emes, turur* и др., например, *ǯaz-uu-čи tur* 'является писателем', *ǯaz-uu-č edi* 'был писателем' и *temir-či tur* 'является кузнецом', *temir-či edi* 'был кузнецом'.

Форма же типа *-čи/-čй*, 'он написал, он писал' образуется непосредственно присоединением афф. *-čи/-čй (al-čи* 'он взял') к глагольному корню или к глагольной производной форме (залоговой, видовой), но не к масдарной основе и имеет значение глагольной, спрягаемой формы 3 л. прош. вр. *ǯaz-čи* 'он писал, написал', т.е. образует исторически причастную форму с четко выраженным временным значением в отличие от формы *ǯaz-uu-čи* 'писатель', которая лишена временного значения. К характеристике формы на *-čи/-čй* следует еще добавить, что она имеет ограниченное распространение и встречается только в киргизском, хакасском, тувинском и тофаларском языках, т.е. в языках, наиболее подвергнувшихся влиянию монгольских языков.

Аффикс профессии *-čу/-či* и аффикс, образующий глагольную форму прошедшего времени *-čи/-čй* также имеют различное происхождение, что подтверждается и тем, что первый из них *-čу/-či* присоединяется только к имени и глагольному масдару (имени действия), а второй — неосредственно к глагольной основе.

Более близкой к истине в отношении происхождения глагольной формы на *-čух/-čи* (с вариантами) является гипотеза Ф.Г. Исхакова и А.А. Пальмбаха, которая была предложена ими в "Грамматике

тувинского языка' [см. Исхаков, Пальмбах 1961, 379], где тувинская форма глагола прошедшего времени на *-čyx/-čux*, общая с киргизской формой на *-čy/-čü*, объяснялась стяжением синонимичной для тувинского языка формы на *-γan ijik* (соответствующей в других тюркских языках форме на *-γan edi*. — *Н.Б.*). Опираясь на якобы однозначность этих форм, авторы предполагали, что параллельно существующая форма на *-γan ijik* в некоторых случаях стягивалась в форму на *-čyq/-čik*~*-žyq/-žik* (например, *čora-(γ)an ijik*>*čor- ijik*>*čor-jik*~*čor-žuq*); ср. параллельные формы: *siler xoorajya čoraan ijik siler čop* и *siler xoorajya čoržuq siler čop* с общим значением 'вы ведь ездили в город', где, как писали авторы, "конструкция *čoraan ijik* преобразуется в синтетическую форму *čoršuq*, причем к последней переходит значение обоих слагаемых, т.е. значение прошедшего неопределенного (результативного) времени на *-qan* и значение частицы *ijik*, не только участвующей в образовании условно-сослагательной формы глагола ("бы"), но и придающей глаголу эмоционально-экспрессивное значение: ведь, же" [Там же, 379].

Однако и данная гипотеза все же не объясняет до конца происхождение формы на *-čyq/-žyq*~*-čuq/-žuq* в тувинском языке, равно как и ее вариантов в киргизском и хакасском языках. Она напоминает нам предположение А.Казембека о происхождении формы прошедшего времени на *-dy/-di* от вспомогательного глагола *edi*, т.е. по существу объяснявшего форму на *-dy/-di* той же самой формой от вспомогательного глагола *e-*(<*er-/ir-)* [Казем-Бек 1846], в то время как формы, например, *al-dy* 'он взял' и *e-di*~*i-di* (<*er-di*~*ir-di)* имеют общий, не объясненный А. Казембеком афф. *-dy/-di*, точно так же, как и в сопоставляемых формах *čoraan ijik* и *čor-žuq* остается не объясненным афф. *-jik* и *-žuq*, образующий одну и ту же форму прошедшего времени.

Авторы тувинской грамматики так же, как и А. Казембек, форму на *-čyq/-žyq* выводят из сочетания *-γan ijik*, в котором "первое слагаемое усекается (*čoraan*>*čor*), редуцированный *i* в начале *ijik* выпадает (*ijik*>*jik*), *j*>*ž* на основе чередования *j/č(ž)*>*(ijik*>*žik); j*>*u* по закону сингармонизма гласных после "твердого" губного о (*žik*>*žuq*) [Исхаков, Пальмбах 1961, 379], т.е. по существу форму на *-čuq/-čuq*~*-žyq/-žuq* объясняют формой *-jyq/-jik*, которая, как мы увидим далее, является инвариантом формы на *-dyq/-dik*~*-dy/-di*, а также и инвариантом *-čyq/-žyq*. Это подтверждается тем, что тувинская форма *i-jik* во всех других тюркских языках соответствует форме *e-di*~*i-di*, т.е. форме прошедшего времени от недостаточного глагола *e-(*<*er-/ir-)*<*e-(*~*i-)*+*-di*.

Что касается перехода *idik*>*ijik* или *idi*>*iji*, то явление это встречается довольно часто в различных тюркских языках. Ср., например, в татарском языке: "вспомогательный глагол *idi*, — пишет Н.Б. Бурганова, — превратился в четырехвариантный аффикс *-yjy/-iji* (после согласных) и *-jy/-ji* (после гласных)" [1974, 23—24]. Ср. в сочетаниях *mın bara idim*>*min*>*bara jum* 'я пошел бы' или в форме на *-yr idi; min baryr yjym* 'я пошел бы', *bis baryr yjyq* 'мы пошли бы'; *min barmas yjym* 'я не пошел бы', *bis barmas yjyq* 'мы не пошли бы' и проч.

Кроме татарского языка соответствие причастных форм на *-dyq/-dyγ~-juq/-jük* встречается в древне-уйгурском языке, например: *bol-ma-juq-qa* 'по небыванию', *bol-ma-juq-lar-y* 'не найденные они', *tägä-mä-jük ärmis* 'не выполнялись (годы и времена)' [Малов 1951, 190]. Все эти формы древнеуйгурского языка по своему значению и происхождению соответствуют формам на *-duγ/-duq* в других древних и современных языках; ср. те же параллельно употребляющиеся формы прошедшего времени на *-duq/-jik* от недостаточного глагола *er-/ir-* в самом тувинском языке, например, *suγ höj bolγan bolza, tarylarγa eki bolγaj ertik* (форма на *-dyq*) 'было бы хорошо для посевов, если бы было много воды' или *bilgen bolza kelgej ertik* 'если бы он знал, то он пришел бы' [ТРСл 1955, 588, 713] — с одной стороны, и *sen düün kelgen bolunza eki bolur ijik* (форма на *-jik*) 'было бы хорошо, если бы ты вчера пришел' или *daarta ajas xün bolur bolza eki bolur ijik* 'было бы хорошо, если бы завтра был ясный день' — с другой [Там же, 189]. В этих примерах частицы *ertik* и *ijik* имеют общее происхождение, из которых первая — *ertik* — является более древней по своему фонетическому составу.

Частицы *ijik(<i-jik)* и *ertik(<er-tik)*, встречающиеся в тувинском языке, первая как с причастиями прошедшего времени, например, *Aqqys kelgen ijik be* 'пришла ли Аккыс?', *qym kelgen ijik* 'кто пришел?', так и в сочетаниях с причастиями будущего времени, например, *bolur ijik* 'был бы', *parar ijik* 'пошел бы', вторая же с причастиями на *-γaj/-gej – bol-γaj ertik* 'было бы', а также частица *(ir-) čyx*, встречающаяся в хакасском языке, например, *parar (ir-)čyx* 'он пошел бы', *par-γaj(ir-)čyx* 'он возможно пошел бы' — все они вполне соответствуют по своему значению частице *e-di* в других тюркских языках, ср., каз. *kel-gen edi* 'он пришел', *bar-ar edi* 'пошел бы'.

Таким образом, в тюркских языках частицы *er-tik~(ir-)čyx~i-jik*, как производные глагольные формы прошедшего времени от недостаточного глагола *e-~i-(<er-~ir-)* 'быть', судя по приведенным примерам, имеют не только единое лексическое значение, но и общее происхождение, так как афф. *-tyq/-tik~-dyγ/-dik>-ty(q)/-ti(k)~-dy(γ)/-di(k)~-čyx/-ǯyq* являются инвариантами одного и того же аффикса, образующего форму прошедшего времени, ср., например, тув. *er-tik~i(r)-jik*, хак. *(ir-)ǯyx*, др.-уйг. *er-ti(k)* во всех других тюркских языках *e(r)-di~i(r)di*. Что же касается конечного *x/q/k* афф. *-tyq/-čyx-jik* в формах *er-tik~i(r)-jik~(ir-)-ǯyx* и отсутствия их в формах *e-di~i-di* в других тюркских языках, то известно, что форма прошедшего времени на *-dy/-ty* произошла из причастия *-dyγ/-ty*, которое полностью сохранилось в той же форме прошедшего времени в древнеуйгурском языке [Баскаков 1951, 205—217; 1971, 41—44], равно как и в форме *er-tik* – в тувинском языке.

Любопытно, что тюркским формам прошедшего времени на *-dyγ/-dyq~-tyγ/-tyq~-jyq/-jyγ~-ǯyx/-ǯyq~-čyx/-čyq~-čy/-čy* соответствуют монгольские формы также прошедшего времени на *-ǯee/-čee~-ǯi/-či~-ǯ/-č*, восходящие, по мнению Г.Д. Санжеева, к более полной фонетической форме *-ǯuγ-uj/-čuk-uj* [Санжеев 1953, 59; Бобровников 1849, 356—363], в которой окончание *-uj* возможно придает данной

форме модальное значение аудитива. "Форма на *-ǯee/-čee* в монгольских языках — пишет Б.Х. Тодаева — служит спрягаемой основой третьего прошедшего времени, обозначающего давно прошедшее действие, неизвестное до момента говорения слушателю" [Тодаева 1951, 108—110], т.е. с семантикой, весьма близкой к семантике формы на *-čyx/-čyq~-ču/-čü* также прошедшего времени в хакасском, тувинском и киргизском языках; ср. примеры на монгольском современном языке: *önöödör Bat hotoos irǯee* 'Сегодня Бат приехал, оказывается, из города'; *ǯamjan gancaara jawǯ baja 33 čono alǯee* 'Жемьян, оказывается, один убил 33 волка'.

Г. Рамстедт, отмечая эту форму в монгольском литературном языке, также считал ее общей по происхождению с общетюркской формой прошедшего времени на *-dy/-ty*. Как утверждает Г. Рамстедт, аффикс этой формы *-ǯu/-ču~-ǯi/-či*, имея видоизмененный исконный *-di/-tj* с последующим гласным, соответствует тюрк. *-dy/-ty* [см. Рамстедт 1957, 117]. Вместе с тем он считает ошибочным возведение афф. *-ǯu/-ču* к полной форме *-ǯukuj/-čukuj*.

Итак, можно придти к общему выводу о том, что все указанные выше фонетические варианты аффиксов, встречающиеся в тюркских и монгольских языках:

-diyyi/-tiyy

-dyy/-tyy(>-dy/-ty)

*-ǯyx/-ǯik~-čyx/-čik(>-ǯy/-ǯi~-čy/-či~*монг. *-zee/-čee~-ži/-č*

-jyy/-jik~-jyq/-jik(-jy/-ji в татарских диалектах), а также все их губные модификации, восходят к единому их архетипу **-djyyi*/**-dyy*, причем формы с конечным гласным *-dy/-di, -ty/-ti,-ǯy/-ži~čy/-či~-ču/-čü* и т.д. являются более новыми образованиями по отношению к более древним формам, имеющим аффиксы с конечным согласным, т.е. *djyy~-ǯyx~-čyx~-čux~-jyy*; последние же в старописьменном монгольском языке соответствуют еще более полным, сложным формам *-ǯuk-uj~-čuk-uj*, в которых, впрочем, вторая часть афф. *-uj* имеет иное модальное значение.

Как видно из общего обзора формы на *-čyx~-ču* (с вариантами), одной из основных ее функций является выражение значения сослагательного наклонения, которое для хакасского, тувинского и тофаларского (карагасского) языков образуется по схеме:

хак. *-ar(-ir)-ǯyx*, например: *par-ar(-ir)-ǯyx* 'он пошел бы' или *-yaj(-ir)-ǯyx*, *par-yaj(-ir)-ǯyx* 'он, пожалуй, пошел бы' [см. Баскаков, Инкижекова-Грекул 1953, 462];

тув. *-ur-i(r)-jik*, например: *eki bolur (i(r)-jik* 'хорошо было бы' [ТРСл. 1955, 713];

тоф. *-ar-i(r)-(j)ik~-yr-i(r)-(j)ik*, например: *al-yr i(r)-(j)ik* 'он взял бы' [Рассадин 1978, 231—232].

Все эти формы в других тюркских языках, как это указано выше, соответствуют аналогичным по происхождению формам на *-ar e-di~-yr e-di(<-ar e(r)dik~-yr i(r)-dik)* или *-yaj/gej e-di (<-yaj/-gej e(r)~i(r)-dik*) ср., например, параллельные формы, встречающиеся в тувинском языке: *bilgen bolza kelgej ertik* 'если бы он знал, то пришел бы' или *suy höj bolyan bolza tarylarya eki bolyaj ertik* 'было бы хорошо для посевов, если бы было много воды' [ТРСл. 1955, 588, 713].

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ

Формы глагольных времен в тюркских языках уже с древнейших памятников предстают разветвленной системой, различающей три неотносительных, или абсолютных, времени — настоящее, прошедшее и будущее и ряд относительных.

В языках, имеющих наряду с абсолютными временами также и относительные, система граммем организуется таким образом, что в каждой из сфер абсолютного времени подсистема относительных времен как бы дублирует всю систему в целом. Например, в сфере прошедшего помимо прошедшего абсолютного (претерита) могут быть представлены следующие прошедшие относительные: настоящее в прошедшем (имперфект), прошедшее в прошедшем, или предпрошедшее (плюсквамперфект), и будущее в прошедшем. В сфере настоящего помимо настоящего абсолютного (настоящего общего) возможны настоящее в настоящем (настоящее актуальное, настоящее данного момента), прошедшее в настоящем, или преднастоящее (перфект), будущее в настоящем, или посленастоящее. Аналогична триада граммем относительных будущих. Максимально возможная модель при такой организации системы — 12 граммем [Бунина 1970, 25 и след.].

В тюркских языках реализуются системы из 7—10 граммем, однако число обслуживающих их синтетических и аналитических форм заметно больше, достигая в целом по семье за обозримый период порядка нескольких десятков показателей. Синонимия формантов порождается двумя факторами. Во-первых, фактором синхронической конвергенции, совмещением в одном идиолекте разнодиалектных форм. Во-вторых, фактором диахронической конвергенции, т.е. процессами смены (в одном и том же диалекте) одних форм другими, сопровождающимися часто сохранением вытесняемых показателей на периферии репертуара выразительных средств. Синонимичные по основному грамматическому содержанию "новые" и "старые" формы используются для разграничения модальных и экспрессивно-стилистических значений.

Особенности выражения (морфемного состава) ряда времен — относительных и абсолютных — и типичные семантические изменения, "сдвиги" форм в рамках системы за доступный для наблюдений период — от первых памятников (начало VIII в.) до современных языков — позволяют обозначить пути разрастания временной системы. Редукция "линий разрастания", отсечение заведомо поздних форм, дает возможность произвести реконструкцию первого порядка, обозначив состояние системы, оптимальное по отношению ко всем последующим (засвидетельствованным) языкам. Такое состояние условно принимается как позднепратюркское, т.е. последнее по времени качественно общее всем будущим идиолектам. Основными морфологическими "показателями" для подобной операции в системе форм времени являются следующие факты.

В сфере настоящего. Настоящее актуальное в большинстве языков обнаруживает следы позднего происхождения из перифрастических перфектно-дуративных конструкций. Посленастоящее как особая форма встречается в немногих языках, и обычно в этой роли

выступают формы настоящего общего, отодвигаемые с позиции абсолютного времени новыми показателями. Преднастоящее и настоящее общее как наличное в подавляющем большинстве современных и древних тюркских языков, выражаемые краткими (не составными) формами древнейшего по некоторым морфологическим признакам состава, должны быть постулированы для морфологии позднепратюркского.

В сфере будущего. Показатели как абсолютного, так и относительных времен разнятся по языкам, а также обнаруживают явные следы происхождения из эмфатических или модальных форм, разных в различных ареалах. Поэтому можно думать, что граммемы будущих времен не были представлены в пратюркском. Потребности в выражении будущего действия в первоначальной, еще детально не дифференцированной системе покрывали формы настоящего общего времени.

В сфере прошедшего. Будущее в прошедшем, а также настоящее в прошедшем строятся как аналитические (лишь впоследствии — как сложные синтетические) формы на основе сочетания настоящего общего с прошедшим общим. Преднастоящее в прошедшем (предпрошедшее), как и остальные прошедшие относительные, везде имеет составной характер, соединяя перфект с прошедшим общим. Следовательно, лишь прошедшее общее оказывается исконным в данной подсистеме, а все прошедшие относительные времена предстают вторичными образованиями на базе прошедшего общего как результат переноса в сферу прошедшего подсистемы настоящих времен.

Таким образом, структурные особенности тюркских временных форм задают направленность и степень реконструкционной редукции, в результате которой можно получить тот минимум граммем, при каковом система не перестает оставаться самой собой и содержит в себе как в зародыше возможности экспонентного развития. Как очевидно, подобная операция на тюркском материале привела к известной семантической триаде: презенс — перфект — претерит, которая в качестве минимальной модели типологически подтверждена реконструкцией индоевропейского.

В имеющихся в литературе опытах системной реконструкции в состав праязыкового фонда глагольных времен предлагалось включить разное число граммем и различные формы. Б.А. Серебренников видит "первичное ядро тюркской глагольной системы" состоящим из четырех времен: 1) настоящее-будущее с показателем *-a, -y*, которое "одновременно имело значение настоящего и будущего"; 2) настоящее-будущее с показателем *-ar, -yr;* 3) прошедшее с показателем *-dy, -ty;* 4) неопределенный имперфект типа *alyrdym* 'я брал постоянно' [Серебренников, Гаджиева 1979, 204—205]. Ранее Б.А. Серебренников упоминал несколько иной перечень форм: вместо настояще-будущего на *-a, -y* он включал "настоящее без показателя", а вместо неопределенного имперфекта — прошедшее на *-dyq* [1959, 214].

А.М. Щербак считает, что "праязыковая схема временных форм изъявительного наклонения должна была выглядеть следующим образом:

а) собственно временные формы: форма прошедшего времени

(претерит) — **-ty(γ)~*-dy(γ)*, форма настоящего времени — **-a*, форма будущего времени — **-ka(j)~*-ga(j)*;

б) "вневременные" формы: форма неограниченного во времени действия (аорист) — **(α)r*, форма неограниченного во времени состояния (перфект) — **-kan~*-gan* и **-pyš~*-byš~*myš*" [1981, 94—95].

Как можно заметить, формы на *-r* и *-dy* присутствуют во всех вариантах реконструкции. Включение или невключение остальных форм связано с интуитивной, а потому и, возможно, достаточно субъективной оценкой как степени распространенности той или иной формы по ареалам, так и, главным образом, глубины (времени) проникновения ее в систему. Та или иная ареально ограниченная форма (речь идет здесь прежде всего о формах на *-myš*, *-gan* и *-gaj*), будучи общетюркской, может не быть ею в качестве временной. Иными словами, она может стать формой времени после распада праязыка. Если позднепраязыковое состояние принимать за характеризующееся диалектным расчленением, то втягивание такой формы в систему времен могло происходить до распада праязыка, но лишь в одной (или нескольких, но не во всех) диалектной зоне.

Конструктивный выход из данной неопределенности может быть найден лишь при отказе от "точечного", статического представления праязыкового состояния, в особенности позднепраязыкового состояния. Реконструируемые фрагменты языкового механизма необходимо рассматривать не как исходные для последующего развития реестры форм, лишенные логических противоречий экономные, минимальные системы, но как системы живые, прошедшие длительный путь исторического развития и потому несущие в себе черты определенной логической противоречивости и формальной избыточности.

Реконструкция позднепратюркского состояния достигается внешним сравнением данных современных и древних языков и в определенной части облегчается прозрачной агглютинативной структурой составных и тем самым заведомо более поздних форм. Анализ же позднепраязыкового достояния и переход к реконструкции раннетюркского праязыкового состояния осуществляется методом внутренней реконструкции. Эти процедуры оказываются возможными благодаря другой важнейшей черте строя тюркских языков — наличию функциональных форм глагола и их предполагаемому, а в ряде случаев и достаточно ясному, генетическому единству.

Функциональная форма позволяет глаголу со всеми относящимися к нему словами, в том числе и в случае образования им особой предикативной синтагмы, стать либо определением к имени в главной предикативной синтагме, либо обстоятельством образа действия, либо прямым или косвенным объектом, а также обстоятельствами локально-временного плана. В каждой из трех названных функций — определения, дополнения, обстоятельства — глагол в дополнение к своему постоянному категориальному содержанию действия добавочно приобретает в данном синтаксическом построении, окказионально, семантические свойства остальных основных номинативных частей речи — прилагательного, наречия и существительного. Соответственно, глагол, окказионально приобретающий дополнительное значение адъ-

ективности, в грамматической традиции обозначается как причастие, глагол с дополнительными свойствами наречия — как деепричастие, а с дополнительными свойствами существительного — как имя действия или масдар. Если первые два функциональных разряда широко представлены в самых разнообразных, в том числе индоевропейских, языках, то последний — более редкий класс форм. В целом же, видимо, сама возможность напластования нового категориально-семантического содержания на основное частеречное значение, — универсальная черта всех языков, обеспечивающая гибкость и цельность при построении сложной фразы.

В истории тюркских языков реализация указанного универсального свойства имела свои особенности. Если брать синхронное состояние современных тюркских языков, то в них мало специализированных монофункциональных форм, т.е. таких, которые были бы либо только собственно глаголом, либо только одной из его функциональных форм — причастием, деепричастием или масдаром. Если же продвигаться в глубь истории, к средневековым и древним языкам, то в них подобная монофункциональность исчезнет (почти для всех форм) и заменится совмещенностью различных функций в одном показателе. Например, общетюркская форма на *-r* (с алломорфами *-ar, -är, -yr, -ir, -ur, -ür, -jur, -jür*) во всех современных языках присутствует как собственно-вербальная форма (времени индикатива или косвенного наклонения); в большинстве их них она сохраняется — с различной, правда, степенью продуктивности — в качестве причастия. Обе эти функции широко представлены в языке древних памятников; средневековые тексты чаще всего дают ослабление адъективной функции; однако как в памятниках рунического письма, так и в последующее время, отмечается употребление формы на *-r* в функции масдара [Кононов 1980, 123; В. Насилов 1974, 62; Фазылов 1967, 98]; в ряде современных языков кыпчакской группы активно употребляются формы *-r* + дат. пад. в функции, "очень близкой к инфинитиву" [Щербак 1977, 170]. И только в порядке единичного примера можно указать на конвербиальную функцию формы на *-r: isig kučin birür bunča törüg qazyanyp inim Kül tigin özinčä kärgäk boldy* ($КТ_{30-31}$) 'столько приобретя прав на власть над народами, отдавая (~отдав) [при этом] труды и силы, мой младший брат Кюль-тигин сам скончался'. (Не случайно, различное понимание синтаксической роли первой синтагмы нашло отражение в едва заметной, но все же существенной разнице переводов, при всей ясности общего смысла фразы и каждой ее формы в отдельности.)

Другая широко известная глагольная форма — на *-duq/-tuq* — в языке орхоно-енисейских и древнеуйгурских памятников в качестве ведущих имеет функции масдара и причастия (причастная функция, возможно, здесь уже малопродуктивна). В функции же деепричастия и конечного сказуемого она употребляется только в отрицательном аспекте. Для сравнения скажем, что несколько позже (XI в.) Махмуд Кашгарский еще приводит примеры на употребление формы на *-duq* в финитной позиции и без отрицания, но как характерные для диалектной речи.

В целом можно сказать, что почти все глагольные формы древ-

нейшего состава полифункциональны и речь идет лишь о том, чтобы определить ведущую функцию, а также степень продуктивности остальных функций. Из сказанного следует важнейший для целей дальней, раннепратюркской реконструкции постулат: все общетюркские вербальные формы — и те, что ныне монофункциональны, и те, что совмещают в себе несколько функций — первично были синкретичными в своем функционалитете. Т.е. каждая такая форма могла выступать в позициях предикативной, полупредикативной, определительной, обстоятельственной и объектной, функционируя и как собственно глагол, и как причастие, деепричастие и масдар. Та или иная функция выявлялась в синтаксическом контексте. Различия же подобных первичных полифункциональных в грамматическом отношении форм носили вначале, как можно думать, несколько иной, вероятно, лексико-семантический характер. Развитие грамматического строя шло по линии переосмысления лексико-семантического содержания в грамматическое. В дальнейшем осуществлялась специализация функциональных форм, т.е. утрата грамматическим показателем синкретичного характера путем сужения числа функций вплоть до какой-либо одной, когда тот или иной формант можно считать маркером определенной категории. В любом отдельно взятом современном тюркском языке можно указать на монофункциональные формы, однако в масштабах всей семьи подобных форм почти нет: причастная — в одном языке, исследуемая форма в другом языке совмещает функции причастные и вербально-временные, а в третьем она оказывается еще и именем действия.

Важным свидетельством былой полифункциональности глагольных форм является целый ряд их семантико-синтаксических особенностей. В первую очередь отметим возможность выражения при причастии, деепричастии и имени действия своего, не совпадающего с субъектом подчиняющей синтагмы агенса. Этот агенс передается либо синтетически, через посессивные показатели в глагольной форме (а также в слове, от которого эта форма зависит), либо аналитически, в синтаксически эксплицированном субъекте, т.е. имеют место абсолютные причастные, деепричастные и масдарные обороты.

Яркой чертой синкретичного прошлого вербальных форм является двуплановость тюркского деепричастия. С одной стороны, этот разряд форм выражает действие, подчиненное другому предикативному центру предложения. С другой стороны, тюркские деепричастия могут передавать действия, совершенно независимые от последующей синтагмы. В этом случае деепричастие является, по существу, своеобразным грамматическим "местоимением" и указывает лишь на то, что глагольный центр данной синтагмы имеет те же самые значения времени и накопления, что и глагол последующей синтагмы. Причем, и при таком употреблении деепричастие может заменять не только категории глагольной финитности, но и категории функциональные. В подобной опосредованной дейктикограмматической роли (исключая случаи замены, указания на глагольно-функциональные формы) деепричастие с категориально-семантической стороны остается таким же "чистым" глаголом, как и финитно-вербальные формы, в отличие от тех

случаев когда оно выступает в роли обстоятельственно-функциональной формы глагола, т.е. глагола с наслоением адвербиальной семантики.

Итак, благодаря очевидным свидетельствам и явным чертам синкретизма функциональных форм глагола — что можно охарактеризовать как архаическую особенность грамматического строя тюркских языков, впрочем, особенность, до конца изжитую, разрешившуюся образованием монофункциональных форм лишь в небольшом числе случаев — в историко-сравнительном плане оказывается возможным вести сопоставление широкого круга показателей причастий, деепричастий, масдаров с собственно вербальными временными формантами. При этом вероятно, что форма менее синкретичная, более специализированная окажется и относительно старше в системе. Однако здесь важно учесть, что преодоление синкретизма шло не только по линии монофункционализации (ослабления или отпадения ряда функций, кроме одной), о чем упоминалось выше, но и благодаря дополнительному формальному обозначению какой-либо функции, т.е. появлению вторичных усложненных аффиксов, таких, как, например, др. -уйг. причастие на *-γalyr* (<*-*γaly*+*-r*), др.-огуз. причастие на *-ysar* (<*-*yy*+*-sar*), орх. и др.-уйг. деепричастие на *-yban* (<*δy+ *-ba*+*-n(y)*. Эти последние монофункционалы, понятно, не могут считаться старше тех форм, что не избавились от синкретизма, но по ряду других признаков — формальной структуры, характеру представленности в древних и современных языках — должны быть отнесены к формантам наиболее архаичного слоя. Обращение к межфункциональным связям архаичных морфологических показателей глагола дает возможность произвести — весьма приблизительно и схематично — реконструкцию второго порядка (более глубокую, условно определяемую как реконструкция раннепратюркского состояния), наметив в ней не только перечень форм, их наиболее общие семантические характеристики, но и процесс формирования категорий позднепратюркского этапа. Общий смысл и направление этого процесса ясен: он заключался в постепенном обособлении системы более специализированных, монофункциональных в тенденции временных форм из состава полифункциональных глагольных форм универсального порядка.

При всей сложности подходов и гипотетичности построений только с помощью раннепратюркской реконструкции возможно, с одной стороны, верифицировать позднепратюркские морфологические системы, а с другой стороны, обеспечить корректность глубокого генетического зондажа тюркского материала в алтаистических (и иных) сопоставлениях.

ПРОШЕДШЕЕ НА *-dy*

Парадигма спряжения

		Ед. число	
1 л.	орх.	*bar-dym*	'я отправился'
	тув.	*al-dym*	'я взял'

Ед. число

	чув.	*wula-rəm*	'я прочитал'
		syr-təm	'я написал'
	тур.	*aldym*	'я взял'
	н.-уйг.	*jaz-dim*	'я написал'
	башк.	*aldym*	'я взял'
2 л.	орх.	*bar-dyγ// bar-dyn*	'ты отправился'
	тув.	*al-dyŋ*	'ты взял'
	чув.	*wula-rən*	'ты прочитал'
		syr-tən	'ты написал'
	тур.	*al-dyn*	'ты взял'
	н.-уйг.	*jaz-diŋ*	'ты написал'
		(вежл. *jaz-di-ŋiz//jazdila*)	'Вы написали'
	башк.	*al-dyŋ*	'ты взял'
3 л.	орх.	*bar-dy*	'он отправился'
	тув.	*al-dy*	'он взял'
	чув.	*wula-rə*	'он прочитал'
		syr-čə	'он написал'
	тур.	*al-dy*	'он взял'
	н.-уйг.	*jaz-di*	'он написал'
	башк.	*al-dy*	'он взял'

Мн. число

1 л.	орх.	*bar-dymyz*	'мы отправились'
	тув.	*al-dywys*	'мы взяли'
	чув.	*wula-rəmər*	'мы прочитали'
		syr-təmər	'мы написали'
	тур.	*al-dyk*	'мы взяли'
	н.-уйг.	*jaz-duk*	'мы написали'
	башк.	*al-dyk*	'мы взяли'
2 л.	орх.	*bar-dyγyz// bar-dyŋyz*	'вы отправились'
	тув.	*al-dyŋar*	'вы взяли'
	чув.	*wula-rər*	'вы прочитали'
		syr-tər	'вы написали'
	тур.	*al-dynyz*	'вы взяли'
	н.-уйг.	*jaz-dyŋlar*	'вы написали'
	башк.	*al-dyγyz*	'вы взяли'
3 л.	орх.	*bardy*	'он(и) отправились'
	тув.	*al-dylar*	'они взяли'
	чув.	*wula-rəs*	'они прочитали'
		syr-čəs	'они написали'
	тур.	*al-dylar*	'они взяли'
	н.-уйг.	*jaz-dy*	'он(и) написали'
	башк.	*al-dylar*	'они взяли'

Личные окончания (в 1-х и 2-х лицах) в данной временной форме, употребляемые во всех древних и новых языках, за исключением саларского и сарыг-югурского, где личные показатели в глаголе утрачены, совпадают с притяжательными окончаниями существительных и функционально-номинативных форм, в отличие от окончаний другого типа, материально совпадающих с личными местоимениями и используемых в остальных временных формах индикатива. Многие исследователи убеждены в том, что посессивные окончания возникли в результате редукции окончаний местоименных. Распределение типов окончаний по глагольным формам не позволяет согласиться с таким предположением. Иначе получилось бы, что наиболее древние временные и функциональные формы глагола, такие, как формы на *-dy, -duk, -sa*, имеют более "молодые" личные окончания, а временные формы заведомо более поздние оказались бы с окончаниями "полными", "не стершимися", т.е. как бы более древними. По-видимому, оба типа личных окончаний независимы друг от друга, во всяком случае, оба способа маркировки носителя действия являются автономными и одинаково древними в истории тюркского глагола. Использование того или иного типа личных окончаний в составе показателей времен, вероятно, связано с тем, к какому функциональному разряду относилась форма, грамматизовавшаяся впоследствии в качестве временной.

В 1-м лице мн. числа окончание, совпадающее с посессивным показателем имен, отмечается лишь в языке древних памятников и современных языках северо-восточной группы, в остальных же языках в качестве личного окончания здесь выступает формант *-k*, функционирующий также в личных формах условного и желательного наклонения. Наличие форманта *-k* в данной парадигме исследователи объясняют различным образом. В одних случаях предполагают, что *-k* — не какой-либо особый показатель лица; старая личная, регулярная форма на *-dymyz* в какое-то время, но уже позднее эпохи древних памятников была вытеснена неличной формой на *-duk*, после чего *-k* был виртуально вычленен и по аналогии распространился на некоторые другие формы [Поцелуевский 1946, 5; Рамстедт 1957, 117]. Согласно другой точке зрения, формант *-k* первоначально находился в составе желательного наклонения, оттуда распространился на формы на *-dy* и *-sa*; по мнению В. Котвича это, вероятно, был личный показатель [1962, 266—267]; по мнению Л.С. Левитской, синтезировавшей гипотезу Котвича с прежней гипотезой А.Н. Кононова о собирательном значении данного показателя [Кононов 1956, 71; 1969, 15], афф. *-k* являлся в формах желательного наклонения показателем собирательности, коррелируя в парадигме оптатива с показателем единичности *-n* [Левитская 1976, 69].

В соответствии с третьей точкой зрения, наличие двух, фонетически не сводимых друг к другу и к какому-либо общему источнику (общей праформе) показателей отражает различение включительной и исключительной форм в местоимениях и глаголе, утраченное большинством тюркских языков, но сохраненное рядом языков северо-восточной

группы в парадигме императива [Menges 1959; Щербак 1981; Кормушин 1984, 16].

В 3-м лице ед. числа (а в некоторых языках и памятниках, где не образована особая форма с показателем *-lar*, –и во мн. числе) личное окончание отсутствует — значащее отсутствие показателя, нулевая морфема. Лишь с точки зрения историко-этимологической некоторые исследователи предлагают собственно временным показателем, основой времени считать *-d-*, а гласные относить к формантам лица: 1л. *-ym*, 2л. *-yŋ*, а 3л. *-y* — алломорф посессивного показателя 3-го лица ед. числа, употребляемый после основ на согласный. Это предположение как будто бы согласуется с чувашскими (см. выше) и якутскими данными: 1л. *bys-tym* 'я отрезал', 2 л. *bys-tyŋ* 'ты отрезал', но 3л. *bys-ta* 'он отрезал'. Характер огласовки формы 3-го лица совпадает с притяжательным аффиксом: чув. *ӗ*, як. *-a/-ä*. Однако можно думать, что подобное совпадение свидетельствует не о наличии, например, в якутской форме *-ta* форманта принадлежности (<**-t-*+*-a*), а скорее о том, что данное якутское передвижение гласных (а также тувинское [Щербак 1970$_2$, 145; Серебренников, Гаджиева 1979, 12] и тофаларское [Рассадин 1971, 25—26]) имело чисто фонетический характер и происходило в ограниченном ареале — порознь в якутском и тувинском с тофаларским, либо совместно в части северо-восточного ареала, но в любом случае гораздо позже эпохи формирования временного показателя *-dy*.

В чувашском совпадение личного показателя посессива и временной формы знаменательно, как считают сторонники данной точки зрения, еще и тем, что оба форманта представлены единственным алломорфом — переднерядным *ӗ*. Именно эта особенность, по мнению Г. Рамстедта, указывает на отражение здесь "древнего местоимения **i*" [1957, 117], поскольку чувашское *ӗ* является рефлексом общетюркского *i*. Возможно, впрочем (как и для аналогичного якутского факта), истолкование особенностей огласовки соответствующих чувашских форм не как архаизма и реликта генезиса, а как инновации, происшедшей на собственно чувашской почве и, вероятнее всего, по чисто фонетическим причинам. Общетюркские *y*, *ı*, как в корнях, так и в аффиксах, отразились в чувашском как редуцированные *ə*, *ӑ*, причем нередки случаи перехода слов из одного ряда в другой, так что рефлексы этих гласных отчасти смешаны [Щербак 1970$_2$, 152, 156—157]. Поскольку замечено, например, что обычным рефлексом **a* в чувашском выступает *u*, и лишь в небольшой группе слов на месте общетюркского **a* встречается редуцированный гласный *ӑ(ĕ)*, среди которых "большое количество явных заимствований из татарского языка" [Там же, 146], то, очевидно, образование указанных редуцированных и случаи смешения и смены рядности необходимо отнести к позднему времени.

Если все же допустить, что показатель времени на *-dy/-di* произошел из **-d*+*i*-прономинальное, то этот процесс надо отнести к раннепратюркскому состоянию; позиция в слове способствовала тому, что в позднепратюркском данная форма воспринималась, как и в современных языках, как не имеющая специального личного окончания, аналогично форме на *-sa* и некоторым другим.

Первоначальным гласным, сопровождавшим "характеристику" времени, был по всем данным узкий неогубленный *y/i* (что давало дополнительный аргумент Г. Рамстедту для гипотезы об *i*-прономинальном в составе *-dy*). Гласный *y/i* постепенно стал подвергаться губной аттракции. Как свидетельствуют данные древнеуйгурских и караханидско-уйгурских памятников, в 1 и 2-м лицах обоих чисел происходило уподобление гласного аффикса гласному (последнему) основы. Примеры (из "Кутадгу билиг"): *kyl-dym* 'я сделал', *kyl-dyŋ* 'ты сделал', *kyl-dy* 'он сделал', *kyldymyz* 'мы сделали' (при причастии *kyl-ur* 'делающий'); *ög-düm* 'я (по)хвалил', *ög-düŋ* 'ты (по)хвалил', но: *ög-di* 'он (по)хвалил' (при причастии *ög-är* 'хвалящий' и деепричастии *ög-ä* 'хваля'); *bol-dum* 'я стал, сделался', *bol-duŋ* 'ты стал', но: *bol-dy* 'он стал', *bol-dylar* 'они стали' (при причастии *bol-ur* 'становящийся' и деепричастии *bol-u* 'становясь'). Редкие примеры на форму 1-го лица мн. числа после основ с огубленным гласным (правда, в парадигмах иных категорий, но использующих аналогичные личные показатели; соответствующие примеры на формы прошедшего на *-dy* отсутствуют) показывают, что губная гармония еще не захватывала последнего слога: *öz-ümiz* 'мы сами', *söz-ümiz* 'наше слово', *tur-urmyz* 'мы встаем'. В памятнике того же языка и того же периода, отражающем, по всей видимости, литературную, но в отличие от "Кутадгу билиг" устную речь, наблюдаются колебания в написаниях алломорфов показателя времени *-dy* в 1-м и 2-м лицах после основ с губным вокализмом: *bol-dym* и *bol-dum* 'я стал' (по одному примеру), *kör-dim* и *kör-düm* 'я увидел' (соответственно 1 и 3 примера), *toδyur-dum* 'я накормил', *tušur-dum* 'я устроил встречу', но: *tut-tym* 'я схватил', *uč-tymyz* 'мы улетели' и т.п. (МК).

По-видимому, аналогичным было положение в языке рунических памятников, хотя об этом нельзя судить с достоверностью: в 3-м лице времени на *-dy* гласный выписывался, и это — всегда узкий неогубленный (*ölti* 'он умер' *bolty* 'он стал' — $КТ_{20}$, $Тон_3$); гласный в закрытых слогах грамматических показателей не выписывался, единичные же примеры с выписанным гласным из енисейских памятников, в меньшей степени следовавших строгим правилам "орхонской" орфографии, показывают противоречивую картину, свидетельствующую, о начале губной гармонии: *öldim* 'я умер' (48_8), но *boltum* 'я стал' (45_1).

В литературных памятниках последующего времени правописание исследуемой формы показывает нарастание губной гармонии, в особенности в тех случаях, когда язык произведений, по-видимому, находился под влиянием диалектов огузского типа. В контрасте с этим средневековые филологические трактаты, в значительной степени ориентировавшиеся на живую речь, в большинстве случаев фиксируют в составе аффиксов неогубленные гласные: так в "*Tarǰuman turki*" (XIV в., по Б. Флемминг, XV в. — ?) и в "*At-tuhfat az-zakiya*" (XIV в.); у Ибн Муханны (конец XIII в.) говорится о факультативности губной огласовки при основной негубной; лишь Абу Хаййан фиксирует последовательную губную гармонию в данном показателе, в том числе и в 3-м лице, отмечая отсутствие ее в "языке туркмен" [Чайковская 1981, 113, 116, 123, 130].

Современные (литературные) языки не представляют единой картины

в данном отношении даже в пределах генетико-классификационных групп, что как раз и свидетельствует о достаточно позднем развитии процесса изменения гласного показателя по огубленности. Так, в азербайджанском, турецком и гагаузском — четыре алломорфа по гласному, но в туркменском, как и согласно свидетельству Абу Хаййана, — только два, т.е. только с неогубленными гласными. В северо-восточной группе в тувинском и тофаларском четыре, в остальных языках — два алломорфа; в сарыг-югурском три алломорфа *-te/-ty/-ti* также лишь с неогубленными гласными. В большинстве языков северо-западной группы в огласовке аффикса нет огубленных вариантов, но в кумыкском, карачаево-балкарском и караимском — языках с возможным огузским суб- или адстратом, изменение по огубленности происходит. В языках юго-восточной группы также неодинаковое положение: в узбекском и саларском используется только по одному алломорфу с неогубленным гласным (в связи с нейтрализацией противопоставления *y/i*), соответственно *-di, -ǰi;* в уйгурском — два алломорфа, по одному с неогубленными и огубленными гласными: *-di, -du.*

Согласный показателя времени на *-dy* изменяется почти во всех языках под ассимилятивным воздействием последнего звука основы по глухости/звонкости. Гоморганные или близкие по образованию щелевые выступают на месте общетюркского *d/t* в саларском *(ǯ)*, в чувашском в 3-м лице *(s̆)*, в башкирском (межзубные δ/ϑ, наряду с *d/t*). В якутском в связи с более широкой ассимиляцией согласных на стыке морфем наряду с *d/t* встречаются *n, l.* В чувашском исконный тюркский *d* сохранился в позиции после сонантов *l, n, r,* а в остальных позициях **d*>**δ*>*r.* Все виды варьирования согласного *d/t* (→ *ǯ, s̆*, δ/ϑ, *n, l, r*) носят явно поздний характер, и, таким образом, исконным согласным показателя представляется переднеязычный смычный; но какой — звонкий или глухой? Своеобразные в этом отношении данные предоставляют рунические памятники.

Согласно орхонской орфографии, сохранившей основные особенности в орфографии памятников последующих эпох — древнеуйгурских, караханидско-уйгурских, хорезмийских, чагатайских, староузбекских, вплоть до современной узбекской и туркменской орфографии — после глухих согласных *p, t, q, š, č* выписывался звонкий согласный *d,* а после звонких, в том числе и сонантов, следовал глухой *t*; после гласных — шел звонкий *d.* В каждой из подгрупп были свои немногочисленные исключения. Правописание в позиции после согласных подчиняется диссимилятивному принципу, благодаря которому как бы акцентируется автономность показателя времени, что могло бы отражать морфонологию самого раннего этапа его морфологизации, включения в слово. Однако по некоторым предположениям позицию после гласных следует считать исконной для временной формы на *-dy*, откуда и вытекает, что первоначальным согласным здесь был звонкий. По-видимому, диссимилятивное соединение показателя с основой в позиции после согласных возникло позднее, после редукции основ типа СГСГ>СГС, как фонетическое явление акцентировки показателя, не допускающей слияния его с основой. Не исключено также, что как фонетическая данная особенность характерна лишь

для части тюркской языковой области, а именно для диалекта (диалектов), легших в основу орхонского литературного языка, но через традиции в орфографических приемах имеет более широкое распространение.

Переходя к анализу значения и функциональных особенностей формы на *-dy*, отметим, что данная форма, представленная во всех без исключения древних, средневековых и современных тюркских языках, одна из немногих, а в масштабе всей тюркской языковой семьи — почти единственная, имеющая ныне монофункциональный статус. Однако можно указать на целый ряд фактов, свидетельствующих о ее былой, а в известной мере и современной, полифункциональности.

Во-первых, образование в ряде языков составных форм по модели *-dy+-dy*. В турецком языке так образуется плюсквамперфект: *jazdyjdym//jazdy idim*. В аналитической композите, являющейся, несомненно исходной, основной глагол можно квалифицировать либо как причастие ('написавший был' >'написал (к определенному моменту в прошлом)'), либо, что вероятнее, как полупредикатив (деепричастие) ('написав был'). О собственно вербальном характере формы первого в данном сочетании глагола свидетельствует возможность построения параллельных рядов форм, в которых личные показатели оказываются при основном глаголе: *jazdymdy // jazdym idi* [Кононов 1956, 240]. Подобное расположение личных показателей объяснимо тем, что они — посессивные, все прочие формы, сопрягающиеся в финитной позиции с местоименными показателями, дают составные образования по единственной модели: основной глагол в форме на *-r, -myš, -gan, -ažak* и т.д. плюс вспомогательный глагол *e-//er-* в форме на *-dy* с личными показателями. Посессивные же показатели в полупредикативной позиции могут иметь лишь имена действия, что для них вообще характерно, либо деепричастия: условная форма на *-sa* в лично-посессивном оформлении здесь будет единственной аналогией, т.к. остальным тюркским деепричастиям изменение по лицам не свойственно; однако причастие, как и любой атрибутивный член, в тюркских языках личными посессивными аффиксами никогда не оформляется.

В туркменском языке по аналогичной модели образуются лишь аспектуально осложненные временные формы, но не плюсквамперфекта, как в турецком, а иные. Модель "*-dy*+один из четырех дуративных глаголов — (*dur-* 'стоять', *otur-* 'сидеть', *jor-* 'ходить', *jat-* 'лежать' также в форме на *-dy*" передает "прошедшее очевидное продолжительное" со значением действия, которое повторялось почти беспрерывно или протекало с кратковременными перерывами" [ГТЯ 1970, 258], т.е. имперфект с созначением многократности/дуративности в зависимости от предельности/непредельности глагола. Модель "*-dy*+глагол *git-* 'уходить' в форме на *-dy*" передает "прошедшее очевидное моментальное" [Там же], которую можно оценить как аспектуальную разновидность прошедшего неотносительного со значением, скорее не моментальности, а исчерпываемости действия. Составленная из обеих моделей усложненная троичная форма по формуле *-dy+gitdi+jordi* передает, как можно судить по примерам [Там же], прошедшее

"исчерпывающе-многократное". Характерно, что смысловой глагол в первых двух моделях, а также смысловой глагол и первый вспомогательный в "троичной" модели могут стоять в форме деепричастия на *-ур*, что и свидетельствует в пользу трактовки формы *-dy* в аспектуальных разновидностях имперфекта и прошедшего неотносительного как функционально полупредикативной.

Однако исключать полностью трактовку формы на *-dy* в подобных сочетаниях как имени действия нельзя, о чем говорит конструкция *-dy*+*juk* в мишарском диалекте татарского языка: *bardym juk* 'никогда и ни при каких обстоятельствах я не пойду' [Махмутова 1978, 147—148] — если это только по происхождению не синтаксическое сочетание типа рус. разг. *чтоб я пошел? нет!,* или *пошел я — жди,* — которые передают значения экспрессивного отказа совершить или совершать какое-либо действие в будущем.

Во-вторых, о былой полифункциональности формы на *-dy* свидетельствует целая серия непродуктивных имен на *-ty, -dy* [Севортян 1966, 284—288], которые необходимо интерпретировать как лексикализовавшиеся субстантивные и атрибутивные формы глагола. Имена действия отложились в производных с типовыми значениями названий *процесса, объекта и результата действия; причастия (при элиминировании* их последующей субстантивации) можно усмотреть в названиях носителя процесса (субъекта) слов с семантикой орудийности и активного признака. В отличие от последнего пассивный признак должен быть соотнесен с именем действия, так как здесь налицо значение объектно-результативного плана, например: *ödürdi* 'избранное' (='то, что избрано', имя результата от глагола *ödür-* 'избрать'), 'избранный' (носящий признак "избранности').

В словаре Махмуда Кашгарского приведено несколько примеров словосочетаний, построенных по модели" форма на *-dy* в препозиции+*neŋ* 'вещь, нечто"': *jyδydy neŋ* (III 260), *sasydy neŋ* (III 265), *jüksädi neŋ* (III 306), *jumšady neŋ* (III 306), *tyqyłady neŋ* (III 326). Иногда эти словосочетания трактуются исследователями как атрибутивные, в которых форма на *-dy* как бы сохраняет свои древние причастные функции [Баскаков 1952$_1$, 441; Щербак 1981, 79]. Однако в действительности необычная позиция слова *neŋ* вызвана его вспомогательной (а не конструктивной) ролью абстрактно-лексического указателя на приложимость данного непроизвольного неблагоприятного действия к какому-либо предмету; цитированные примеры следовало бы переводить таким образом: 'запахло, завоняло (что-л.)'; 'протухло (что-л.)'; 'поднялось (что-л.)'; 'смягчилось (что-л.)'; 'стукнулось, издало стук (что-л.)',

В отличие от только что разобранных образований на *-dy* многочисленные производные на *-yndy,* встречающиеся в словаре Махмуда Кашгарского и других средневековых источниках [Севортян 1966, 293—294; Brockelmann 1954, 98] в атрибутивной функции, имеют, на первый взгляд, характер причастных форм: *ekindi taryy* 'посеянное зерно', *keδindi ton* 'повседневная (>надеваемая ежедневно) одежда' (ДТС, 168, 294). Все же и здесь пассивное значение всех без исключения производных заставляет видеть в них вторичные атри-

бутивы, семантически производные от имен действия со значениями объекта/результата.

Однако приведенные черты полифункциональности формы на *-dy* являются, фактически, реликтовыми и пережиточными; современный ее семантический облик характеризуется значительным преобладанием собственно вербальных свойств, т.е. принадлежностью почти исключительно к морфологической системе времен, которые репрезентируют в едином показателе триаду категорий глагольной финитности: лицо, время и модальность.

Во временном плане рассматриваемая форма в большинстве современных языков имеет значение прошедшего неотносительного (абсолютного) времени, или претерита, т.е. в сравнении с настоящим подчеркивает отнесенность действия к прошлому, являясь в корреляции претерит—презенс отмеченной формой; в сравнении же с другими прошедшими как неотмеченная данная форма может выражать всевозможные, в том числе аспектуально разнородные разновидности действия: мгновенное, многократное, длительное, недавно и давно прошедшее, предшествующее другому прошедшему и т.п., без подчеркивания в самой форме указанных моментов, проясняемых в контексте. *Однако в языках северо-восточной группы форма на -dy/-ty, как* указывают многие исследователи, передает действие, совершенное недавно, незадолго до момента речи и т.п.; так обстоит дело в тувинском [Исхаков, Пальмбах 1961, 367—368; Монгуш 1963, 36], тофаларском [Рассадин 1978, 210], якутском [Коркина 1970, 71—72], хакасском [ГХЯ 1975, 208], шорском [Дыренкова 1941, 180; Бабушкин, Донидзе 1966, 474]. Если проанализировать данного типа употребления, то релевантным для семантики формы на *-dy* в них окажется не хронологический признак давности/недавности действия, а признак, в сущности, фазисный: передается факт относительного (давнего или недавнего) предшествования действия и наличие результата действия в настоящем; результат действия реально может относиться также к прошлому (давнему или недавнему), но он как бы воспринимается, ощущается или осмысливается в момент речи. Во всех подобных случаях форма на *-dy* имеет значение перфекта, точнее: настоящего перфективного времени, или преднастоящего. В употреблениях, о которых исследователи обычно говорят, что форма на *-dy* передает действия реально давние, но говорящий как бы "приближает" их в своем рассказе, — мы сталкиваемся с транспозицией перфекта как преднастоящего в область прошедшего, семантический механизм которой разобран в разделе "Перфект" (с. 412 и след.).

Модальный потенциал формы на *-dy* определяется ее корреляцией с различными формами перфекта, имеющими пересказывательное ("заглазное") значение. Маркированными здесь являются формы пересказывания: юго-зап. *-myš*, сев.-зап., юго-вост. *-gan*, чув. *-nd*; форма на *-dy* как немаркированная либо нейтральна в отношении источника информации, либо — по контрасту с формами "заглазности" — фиксирует достоверный характер передаваемого события. Разнообразная номенклатура названий прошедшего времени на *-dy* чаще всего подчеркивает эту последнюю сторону модальной реализации: прошед-

шее категорическое, прошедшее определенное, прошедшее достоверное, прошедшее объективное и т.п.

Состояние модальной неотмеченности формы на *-dy* совпадает с ее временны́м статусом прошедшего неотносительного — таков семантический облик временной формы на *-dy* в современных языках северо-западной, юго-восточной и булгарской групп, а также во всех доступных нам памятниках. В языках же северо-восточной группы, где данную форму отличает перфектное значение, она имеет также, как это можно судить по многим описаниям, модальную отмеченность очевидного действия,. свидетелем или участником которого был говорящий. Такое значение скорее можно бы назвать "удостоверительным", поскольку данная форма используется, в частности, в исторических и фольклорных текстах, создавая "эффект присутствия" рассказчика при действиях, которым он заведомо не был очевидцем, но которые желает преподнести как достоверные.

В противовес "модально отмеченному перфекту на *-dy*" коррелирующие с ним формы перфекта — тув., тоф., хак., шор., чул. *-gan*, як. *-byt* — являются модально неотмеченными и передают действия, в которых "для говорящего безразлично, известен ли этот факт ему из личного наблюдения или же только со слов" [ГХЯ 1975, 212; см. также Монгуш 1963, 90—91; Коркина 1970, 86; Рассадин 1978, 211]. Именно в силу модальной двуплановости — нейтральной и ненейтральной ("заглазной") — указанных форм на *-gan, -byt* и при отсутствии модально-нейтральных реализаций в употреблениях формы на *-dy*, формы на *-gan, -byt* занимают, или близки к тому, чтобы занять, место прошедшего неотносительного, так как в своих нейтральных реализациях они способны передавать просто отнесенность действия к прошлому с явным и неявным (нейтрализованным) результатом на определенный момент настоящего или прошлого, о котором идет речь. В связи с тем, что форма на *-dy* в северо-восточных языках не является, как в остальных тюркских языках, претеритом, ее употребительность здесь заметно уступает формам *-gan, -byt*, а в чулымском языке в обоих его диалектах — нижнечулымском и среднечулымском, форма на *-dy* почти не функционирует [Дульзон 1966, 455; Бирюкович, 1981, 62—63].

Таким образом, анализ временного и модального компонентов формы на *-dy* выявил ее принципиально различную корреляцию с формами на *-myš/-byt* и *-gan/-nă* в разных тюркоязычных ареалах. Оба ряда форм модально окрашены: *-dy* имеет значение "очевидности" ("незаглазности"), *-myš* и *-gan* — значение "заглазности". Однако в разных ареалах грамматически отмеченными оказались разные модальности: в северо-восточных языках — план "очевидности", в остальных группах — план "заглазности". Модально отмеченные формы во временном плане стоят на позициях перфекта; модально неотмеченные — являются претеритом. Подобная импликация вместе с некоторыми иными, несомненно архаичными, особенностями функционирования формы на *-dy* служит важнейшей предпосылкой решения проблемы ее происхождения.

Проблема "происхождения" формы на *-dy*, которой посвящена

обширная литература[49], включает в себя целый комплекс взаимосвязанных, но в исследовательском плане поддающихся расчленению вопросов. Прежде всего, возможно в известной мере автономное рассмотрение истории (в основном, реконструированной) семантического становления и развития формы, и генезиса ее структурных элементов. По каждому из названных аспектов предлагаются самые различные решения. Часть из них может указывать на различную хронологическую глубину реконструкции, другая же часть является взаимоисключающими альтернативами.

Поиски материального состава праформы велись в нескольких направлениях. Согласно гипотезе, выдвинутой еще О. Бётлингком [Böhtlingk 1851, 210], форма *-dy*+личные окончания произошла путем редукции более полной формы *-dyk/* як. *-tax*+личные окончания через стадию выпадения озвонченного в интервокальной позиции $x>\gamma$ и последующего стяжения соседних гласных. Редукционную версию, несмотря на критику П.М. Мелиоранского [1900, LXX], поддержали впоследствии многие ученые: Ж. Дени [Deny 1921, 1110—1111], А.П. Поцелуевский [1946; 1975, 270 сл.], Н.А. Баскаков [1951, 205 сл.; 1952$_1$, 442—443] и др. А.М. Щербак, учтя возражения П.М. Мелиоранского, подчеркивавшего устойчивый характер *-k* в тюркских языках, придал новый поворот данной гипотезе, указав, что прототипом формы на *-dy* могло быть имя действия на **-dyy*, которое, по его предположению, существовало наряду с именем действия на *-dyk*. Хотя, как пишет автор, "не ясно, как соотносились между собой имена действия с шумным согласным в исходе и с конечным сонантом и различались ли они семантически", ничего неприемлемого в постулировании такой гипотетической формы нет, поскольку ученый правомерно ссылается на аналогию недостаточно определенного соотношения реальных форм имен действия на *-yk* и *-yy* и относительных прилагательных на *-lyk* и *-lyy* [Щербак 1981, 80]. И все же, как считает А.М. Щербак, "нельзя исключать возможность реконструкции формы прошедшего категорического и без сонанта в исходе, т.е. с конечным гласным" [Там же].

Последнее предположение относится уже к построениям противоположного направления, основывающимся на гипотезе П.М. Мелиоранского, согласно которой прошедшее на *-dy* восходит к имени действия на *-yt/-t* или *-dy*. Версия о показателе с консонантным исходом вызвана необходимостью обосновать наличие посессивного форманта в 3-м лице; точку зрения об исконности прототипа *-yt/-t* разделяли В. Банг и В. Брокельманн[50], Н.К. Дмитриев [1940, 107—108], А. Габэн [Gabain 1950$_1$, 112], В.М. Насилов [1960, 60] и др., в том числе Г. Рамстедт, о чем говорилось выше, при рассмотрении личных формантов. Между тем, как указывал еще В.А. Богородицкий [1953, 180—181], некоторые временные формы, например настоящее на *-a*,

[49] Укажем лишь на работы, содержащие достаточно полный обзор гипотез: [Баскаков 1951; Кононов 1951; Кузнецов 1960; Щербак 1981; Кормушин 1984].

[50] Цит. по: [Щербак 1981, 78—79], впоследствии Брокельманн разделил точку зрения Ж. Дени

в целом ряде языков в 3-м лице не принимает личного показателя; самой же близкой аналогией здесь, по-видимому, является форма на *-sa*.

Поэтому с точки зрения структуры "основа времени+личный показатель" не обязательно отыскивать в *-dy* притяжательный формант, эта морфема могла на содержать его при своем генезисе, как не содержит она его с точки зрения современных противопоставлений членов парадигмы. Гипотеза об исконном характере морфемы *-dy* как показателе определенной глагольной формы, не образовавшейся в результате какой бы то ни было редукции формы более полного состава (*-dyk* или **-dyγ*), так и не происшедшей путем сплавления разноструктурных элементов (*-d+-y*), высказанная впервые, как уже отмечено, П.М. Мелиоранским, была поддержана и развита в ряде работ [Севортян 1966, 294; Иллич-Свитыч 1971, 218; Кормушин 1984, 16 сл.].

Вопросы изначального семантического статуса формы на *-dy* с последующим преобразованием ее значения во временное, находили, в общем, столь же разнообразные решения, как и вопросы формальной структуры. Особняком здесь стоит гипотеза А.Н. Кононова [1951, 115 сл.], в которой форма на *-dy* сближается с аффиксом принадлежности 3-го лица *-sy* через соответствие общетюрк. *s/як. t*. У всех остальных авторов речь идет о трансформации каких-либо глагольных показателей. Точки зрения В.В. Радлова и А. Казем-Бека (их анализ см. [Мелиоранский 1900, LXIX]), связывавших *-dy* соответственно с глаголом *tur-* 'стоять' в служебном функционировании и формами недостаточного глагола 'быть' — *idim, idiŋ, idi* и т.д., не нашли поддержки у специалистов. В первом случае с подобным предположением не согласуется общеизвестное развитие *tur-* в показатель 3-го лица настоящего времени. Во втором случае нельзя пройти мимо того факта, что формы *idi* и т.д. не являются морфологически цельными, они как раз и содержат искомый показатель *-di*, поскольку так же широко представлены связки с иными глагольными формантами: *imiš//ermiš, iken//erken* и др.

Большинство же исследователей, и тех, кто возводит *-dy* к *-dyk/*-dyγ*, и тех, кто связывает его образование с преобразованием афф. *-yt/t, -dy*, сходятся во мнении, что прототип временного показателя *-dy* семантически был, как выше многократно упоминалось, именем действия. "Вряд ли можно сомневаться в том, — считает Б.А. Серебренников, — что в основу форм прошедшего времени на *-dy, -di* могло лечь отглагольное имя. Об этом лучше всего свидетельствуют его личные окончания, восходящие к притяжательным аффиксам" [Серебренников, Гаджиева 1979, 176]. Столь же категорична оценка данной версии в "Сравнительной грамматике" А.М. Щербака: "в настоящее время, — полагает автор, — мало кто сомневается в ... именной природе формы прошедшего времени на *dy*. Аргументы, которые часто приводят и которые можно дополнительно привести в пользу этой точки зрения, достаточно убедительны. ... Поскольку развитие рассматриваемой формы из имени действия является более чем вероятным, нет необходимости приводить доводы против предположений, высказанных тюркологами второй группы (имеются в виду гипотезы В.В. Радлова, А. Казембека и А.Н. Кононова. — *И.К.*), тем более, что они уже подвергались критическому разбору" [1981, 79].

В разрез со столь единодушно поддерживаемым постулатом прозвучали немногие голоса. П.И. Кузнецов, исходя из концепции первоначальности финитного глагола, занимавшего в предложении лишь позицию сказуемого [1983, 16], определял исходный статус формы на *-dy* не как имени действия, а как собственно вербального образования [1951, 44 сл.]. Многозначительное замечание сделал С.Е. Малов, анализируя редкую деепричастную форму на *-ty* в текстах "орхонских" надписей (Тон$_{51-52}$, КТб$_{10}$): "Можно думать, что эта форма на *-ty* имеет связь с формой прошедшего времени (на *-ty, -dy*) и с формой деепричастия (отрицательного) *-matyn*" [1951, 72]. Здесь же С.Е. Малов отметил, что "в Suv очень часты формы наречия из этого деепричастия"; многочисленность и "свежесть", почти окказиональность целого ряда древнеуйгурских отглагольных наречий на *-ty*, таких как *nätägläti* 'как, каким образом' [Малов 1951, 195], позволяют предполагать для того времени продуктивность деепричастия на *-ty* в его адвербальной функции и угасание производящих возможностей в функции вербально-полупредикативной, однако и в первой из названных функций афф.*-ty* нигде в современных языках не продуцирует.

Определенно вербалистскую позицию занял В.М. Иллич-Свитыч, у которого как на глубине праязыков-звеньев ностратического единства, так и на самом этом сверхглубоком (и весьма гипотетичном) срезе данная форма выступает в качестве чисто глагольной. Ностратическую форму *-di* суффикса форм прошедшего времени у него отражают картвельский суффикс имперфекта *-di*, дравидийский суффикс претерита *-tt/-t-* и алтайский суффикс претерита *-di;* в алтайском звене тюркский претерит имеет праформы **-δi/-δy* и вторичный вариант после основ с *-r, -l, -n – *-ti/-ty*; тюркское **-δi/-δy* фонетически хорошо сходится с монгольским показателем имперфективного деепричастия **-ǯi/-ɛ̌i* (<**-di*) [Иллич-Свитыч 1971, 218].

Как оценить расхождение этих двух основных семантических версий: имя действия или вербально-финитная форма? Для ответа на этот вопрос необходимо увязать представление о семантическом облике формы на *-dy* на стадии позднепратюркского состояния по фактам засвидетельствованных языков с теоретическими выкладками относительно системы функциональных форм глагола на стадии раннепратюркского состояния и возможных линиях преобразования подобной системы, линиях, которые могли бы и должны были бы сойтись с данными ближней реконструкции.

Для выяснения сущности функциональных форм и места в системе глагола, их изначального статуса и направлений развития важнейшее значение имеет синтаксическая сторона дела. Функциональные формы служат для выражения зависимой предикации в полипредикативных конструкциях. Синтагмы с функциональными формами построены аналогичным образом, что и синтагмы основной предикации: формально в них тоже сопрягается предикативной связью субъект (носитель действия) и признак. Однако, будучи включенной в число членов (актантов) или атрибутивных распространителей членов основной предикативной синтагмы, синтагма подчиненная в большей или меньшей степени (в зависимости от всевозможных факторов

своего содержания и средств выражения) нейтрализует свою предикацию, предикативность остается в ней лишь на семантическом (денотативном) уровне, тогда как на уровне грамматическом (сигнификативном) предикативные отношения трансформируются в ней в отношения атрибутивные (адъективные или адвербиальные).

Подобные формально-структурные и глубинно-семантические особенности зависимых предикаций позволили обосновать убедительную гипотезу их возникновения в теории трансформ Н.З. Гаджиевой [1973$_1$, 207 сл.], дающей, на наш взгляд, ключ к пониманию и чисто морфологических процессов. Указанная теория строится на том допущении, что исходной полипредикативной структурой было соположение, примыкание друг к другу простых предложений, в котором передавались различные виды сочинительной и подчинительной связи. Семантическая связанность одного предложения с другим, рядом стоящим, находила свое выражение, прежде всего, в интонационном их объединении в контур цельной коммуникативной единицы; постепенно определялись грамматические и лексические средства выявления и уточнения, resp. уточнения и выявления характера сочинения и подчинения, тем самым происходила отработка структурных типов сложного и — далее — простого осложненного предложений как устойчивых соединений или воплощений определенного вида синтаксического значения с формально-грамматическими моделями.

Таким образом, теория трансформ показывает, что формы зависимой предикации первоначально, на стадии соположения простых предложений были формами предикации независимой. Отсюда следует важнейший морфологический постулат: на этой стадии, следовательно, не было разделения на формы функциональные и собственно вербальные (как уже сказано выше, различие материально неодинаковых форм носило, по-видимому, семантико-грамматический характер: аспектуальный, модальный и т.п.).

Как можно представить себе дальнейшие этапы развития форм глагола? На начальном этапе возникновения зависимой предикации при интонационном объединении простых предложений функциональные формы — это понятия синтаксические. Лишь впоследствии, когда у синтаксических функций морфологических форм стал образовываться неодинаковый удельный вес, и в формах начался процесс специализации (в большинстве случаев так до конца и не завершенный), только тогда эти понятия стали наполняться морфологическим содержанием благодаря тому, что значение синтаксической функции становилось не контекстуально-свободным, а связанным значением формы.

Наметившееся принципиальное различие форм в собственно вербальном и функциональном употреблениях, а впоследствии и самих форм, не разгородило их непроницаемой стеной друг от друга. По-видимому, с одной стороны какая-то часть временных форм, встречающаяся в ограниченных ареалах или даже отдельных языках, была втянута в процесс вербализации из числа функциональных (например, *-ур* как перфект из деепричастия в ряде языков) достаточно поздно, заведомо после "первого" разделения на собственно-вербальные и функциональные формы. С другой стороны, вероятно, достаточно регулярно проис-

ходило преобразование специализированных уже в известной мере функциональных форм в собственно вербальные — ревербализация, что осуществлялось на базе устойчивого их предикативного употребления. Среди функциональных образований формы атрибутивного плана — адъективные (причастия) и адвербиальные (деепричастия) — категориально ближе к собственно глаголу как выражающие подобно ему признак; они свободно могут выступать в предикативной и полупредикативной функциях.

Формы же номинативного плана (имена действия или масдары) наиболее оторваны от собственно глагола как предметные представления признака. В локативных падежах, придающих процессному признаку темпоральные значения, имена действия на *-mak, -dyk/-tax, -r, -gan* и др. широко используются в функции основных и зависимых предикатов, а некоторые устойчивые для финитной предикации модели, например, *-makta* в ряде языков, укоренились как формы настоящего времени с дуративным значением. Однако в непадежных и иных именных образованиях имена действия в силу своей (частично) именной семантики не могут быть предикатами квалифицирующего типа (ср.: *он — ищущий*, но невозможно: **он — искание*), которые только и способны (при условии роста употребительности) превратиться в формы узуальной предикативности, т.е. ревербализироваться. В силу этого обстоятельства совершенно невероятно, чтобы прошедшее на *-dy* представляло собой ревербализацию имени действия; как раз поэтому распространенное мнение об "именном" происхождении на *-dy* приходится отвергнуть. Кстати, синтаксическая несообразность положения об имени действия в функции предиката улавливалась теми, кто полагал, как Н.К. Дмитриев, что исходный предикат строился обязательно со словами *bar* 'имеется'/*jok* 'нет, не имеется' [1940, 108], либо как Н.А. Баскаков, что исходная форма семантически являлась причастием (см. выше). Серьезным подтверждением не именной, а собственно вербальной природы прошедшего на *-dy* является возможность достаточно достоверной семантической интерпретации данной формы на этапе позднепратюркского состояния как перфекта.

Впервые такую теорию предложил Б.А. Серебренников [Serebrennikow 1961, 164 folg.], связывая при этом перфектность с именным характером формы на *-dy*. "Если, — писал он, — в основе его (времени на *-dy*. – *И.К.*) лежало действительно отглагольное имя существительное, то первое прошедшее время первоначально имело значение перфекта" [Серебренников 1963_3, 16]. Данную точку зрения поддерживает А.М. Щербак [1981, 81—82]. Думается все же, жесткой зависимости между указанными семантическими чертами формы на *-dy* нет. Не проходит, как было показано, и версия об именной ее природе. Но версия первоначальной перфектности хорошо согласуется и с представлением о системе функциональных форм глагола на стадии раннепратюркского, и с отражениями перфектного "прошлого" формы на *-dy* в современных языках. Последнее особенно наглядно демонстрируется описанным выше положением формы на *-dy* в системе времен северо-восточных языков. Однако невозможно пройти мимо и тех осколочных свидетельств ее перфектности, которые сохраняются в не-

системных, нерегулярных, ограниченных лексически употреблениях данной формы во многих тюркских языках. Так, не только в северо-восточных языках, но и в ряде других отмечено употребление формы на *-dy* в предостерегательном значении, например тув. *tajdyŋ, xalak*! 'ой, поскользнешься' (букв.: ты поскользнулся) [Исхаков, Пальмбах 1961, 369]. В подобных случаях форма на *-dy* сохраняет свое значение будущего перфективного, или предбудущего, которое транспонируется на сферу настоящего; если бы транспозиция шла из прошлого в настоящее или будущее, было бы невозможно передать неосуществленное действие. Именно в таком ключе следует интерпретировать факты употребления формы на *-dy* для выражения оттенков категоричности б у д у щ е г о действия: тат. Мич турында цехның киңәшмәсе була, хәзер туры шунда кузгалдык (Ф. Кэрим) 'В цеху будет совещание по поводу печи, сейчас же направимся прямо туда' [Современный татарский литературный язык 1969, 222].

Архетипом для рассматриваемой формы для позднепратюркского, учитывая ее развитие в чувашском, следует считать либо *-δy, как предлагал В.М. Иллич-Свитыч (см. выше), либо иную фонетическую форму, охватывающую альтернацию *d/j*, в рамках которой возможно объяснить возникновение чувашских *r*-форм: *-D-> *-δ- > чув. -r-. В таком случае к рефлексам архетипа на *-Dy подключается ряд других форм, упрочивающих перфектную версию происхождения формы претерита на *-dy* (см. ниже, в разделе "Перфект" подраздел "Древнейшая перфектная форма на *-Dy").

ВРЕМЕНА СФЕРЫ НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО

Несмотря на совершенно четкую грамматическую разграниченность настоящего и будущего времен (как общих, так и относительных) в синхронном плане в каждом из тюркских языков, в плане диахроническом формы, обслуживающие данную сферу, оказываются столь тесно взаимосвязанными, что сепаратное решение историко-этимологических проблем для каждой из них не может быть эффективным. Доминирующими здесь являются формы с показателями *-r/-(v)r* и *-a/-y/u*. В системе глагола их весомость подчеркивается не только широким самостоятельным функционированием на месте различных граммем сферы непрошедшего, но и участием в образовании ряда сложных построений, как сохраняющих актуально свою аналитическую природу, так и переходящих или окончательно перешедших в разряд синтетических форм.

В определенных формах последнего типа более или менее уверенно распознается лишь предшествующая структурность форм, но процессы сращения, как и стоящие за ними исходные элементы устанавливаются достаточно гипотетично. Степень недостоверности тут велика, в частности, и в связи с вокалической природой второго из двух названных основных показателей, легко трансформировавшегося под влиянием или в результате взаимодействия с гласными соединившихся с ним служебных слов или аффиксов. Поэтому уста-

новление первичных моделей опирается на тщательный и всесторонний учет фактов, деталей, нюансов фонетического, морфологического и семантического облика всего круга образований, что только и позволяет вскрыть сложную, неоднородную по своим истокам картину формирования временных парадигм.

ФОРМА НА *-r*

Временные образования, в составе которых так или иначе обнаруживается показатель *-r*, разнообразны в тюркских языках как по морфологическому составу, так и по семантике. Среди всех этих синтетических и аналитических форм центральное место занимают такие, в которых показатель *-r* (в виде различных алломорфов с огласовкой и без огласовки) выступает без видимых наращений иных морфологических элементов, т.е. в них представлена собственно форма на *-r* как самостоятельная морфологическая сущность.

Собственно форму на *-r* отличает от производных на ее базе прежде всего ее ярко выраженная полифункциональность. Помимо того, что во всех засвидетельствованных тюркских языках (по-видимому, также и в чувашском, о чем особо ниже) она функционирует как: а) вербально-финитная форма времени индикатива, в подавляющем большинстве из них, за исключением современных чувашского, кумыкского и караимского; б) причастие; во многих языках различных классификационных групп, особенно в северо-западных, форма на *-r* продуцирует, хотя и не везде одинаково активно; в) номинативная форма глагола — имя действия; в некоторых других языках подобная ее функция может считаться непродуктивной, но следы такого функционального статуса формы отчетливо видны в застывших, по существу, грамматических конструкциях типа *-r*+дат. пад. в значении, близком к супину, иногда к инфинитиву. Спорадически, и то быть может, лишь в старых текстах, удается разглядеть конвербиальное положение глагола в форме на *-r* (см. выше, а также [Мамедов 1967, 9—10]).

В некоторых языках во временной системе представлены сразу две формы на *-r*, различающиеся огласовкой, так что их можно принять за фонетические или морфонологические вариации одной и той же формы, получившие функциональное размежевание, где аффикс с широким гласным передает будущее, а с узким — настоящее. В таком случае приметой собственно формы на *-r* в отличие от ее филиаций служит корреляция с ней особой негативной формы, не содержащей *-r* (во 2 и 3 л. ед. и мн. ч. *-maz*/*-mas*, в 1 л. ед. ч. часто *-mam*). Отрицательный коррелят на *-maz* характеризует полифункциональную форму на *-r* в общетюркском масштабе, так как не только проходит за редкими, объяснимыми исключениями по всем языкам по временной парадигме, но выступает также в причастии, имени действия и деепричастной позиции. В известном смысле можно говорить о форме на *-r*/*-maz* для отличия от формы на *-r* иного функционального свойства, хотя, как будет показано ниже, коррелятивные формы *-r* и *-maz*, вероятно, гетерогенного происхождения.

Уже такие факты, как представленность формы на *-r*/*-maz* во всех

языках и памятниках, ее в значительной степени сохраняющаяся полифункциональность при минимальности собственного морфологического состава и устойчивой нестандартности негативной парадигмы, позволяют уверенно относить данную форму к пратюркскому состоянию. Однако помимо перечисленных характеристик достаточно общего свойства рассматривается форма обладает рядом конкретных морфолого-семантических особенностей, таких, как варьирование места и характера огласовки, соотношение различных значений настоящего и будущего и т.п.; все эти особенности синхронно предстают как нерегулярности, причем, при неизбежных отличиях в проявлении от языка к языку, в целом, в своей совокупности они общи всем тюркским языкам, совпадая в них в характерных деталях. Детальное совпадение нерегулярных языковых явлений в отличие от совпадения явлений регулярных не может быть продуктом параллельного конвергентного развития. Будучи представленными во всех классификационных группах семьи, т.е. и в таких различных частях тюркской языковой области, само разъединение которых ознаменовало распадение праязыка, подобные особенности в силу своей одинаковости, несомненно, восходят к эпохе до процесса распада, т.е. к праязыку. Более того, в позднем праязыке эти особенности, являясь совокупностью нерегулярных черт, очевидно, были сформированы в результате предшествующего развития, связанного с большим кругом морфонологических, морфологических и семантических фактов в системе глагола и даже шире — в морфологической системе языка.

Анализ показывает, что именно такое широкое взаимодействие демонстрирует форма на *-r/-maz* как в генезисе своих морфологических особенностей, так и в последующей способности образования сложных временных форм. Перечисленные и некоторые другие, связанные с ними, черты формы на *-r* тесно переплетены не только с предысторией целого ряда таких же как она, праязыковых морфологических образований, но и с более глобальными процессами выработки современных типов взаимокоррелирующих корневых и аффиксальных морфем в результате их вероятной перестройки за период от эпохи более раннего к эпохе более позднего праязыкового состояния.

Парадигма спряжения

Ед число

1 л. тоф.	*baar män* 'я пойду' (*bar-* 'уходить') *aŋna-ar män* 'я буду охотиться'
як.	*bar-a-byn* 'я иду, ухожу'
шор.	*kör-är-im/|kör-är-bim/|kör-är-bin* 'я буду смотреть' *ištä-är-im/|ištä-är-bim/|ištä+är+bin* 'я буду работать'
туркм.	*jaz-ar-yn* 'я напишу, буду писать (пожалуй, возможно)' *oqa:r-yn* 'я буду читать (пожалуй, возможно)' (*oqa-* 'читать')
гаг.	*al-ar-ym/|al-yr-ym* 'я беру, возьму' *bašla-r-ym* 'я начну'

узб.	*joz-ar-man* 'я напишу, буду писать (возможно)'
	ŭqy-r-man 'я буду читать (возможно)'
тат.	*jar-yr-myn* // разг. *jar-yr-ym* // разг. *jar-y-m* 'я буду колоть (возможно)'
	uqy-r-myn 'я буду читать (возможно)'
2 л. тоф.	*baar sän* 'ты пойдешь'
	aŋna-ar sän 'ты будешь охотиться'
як.	*bar-a-γyn* 'ты идешь, уходишь'
шор.	*kör-är-ziŋ* 'ты увидишь,будешь смотреть'
	ištä-är-ziŋ//ištä-är-iŋ 'ты будешь работать'
туркм.	*jaz-ar-syŋ* 'ты напишешь, будешь писать (пожалуй, возможно)'
	oqa:r-syŋ 'ты будешь читать (пожалуй, возможно)'
гаг.	*al-ar-syn//al-yr-syn* 'ты берешь, возьмешь'
	bašla-r-syn 'ты начнешь'
узб.	*joz-ar-san* 'ты напишешь, будешь писать (возможно)'
	ŭqy-r-san 'ты будешь читать (возможно)'
тат.	*jar-yr-syŋ* 'ты будешь колоть (возможно)'
	uqy-r-syn 'ты будешь читать (возможно)'
3 л. тоф.	*baar* 'он(а) пойдет'
	aŋna-ar 'он(а) будет охотиться'
як.	*bar-ar* 'он(а) идет, уходит'
шор.	*kör-är* 'он(а) увидит, будет смотреть'
	ištä-är 'он(а) будет работать'
туркм.	*jaz-ar* 'он(а) напишет, будет писать (пожалуй, возможно)'
	oqa:r 'он(а) будет читать (пожалуй, возможно)'
гаг.	*al-ar//al-yr* 'он(а) берет, возьмет'
	bašla-r 'он(а) начнет'
узб.	*joz-ar* 'он(а) напишет, будет писать (возможно)'
	ŭqy-r 'он(а) будет читать (возможно)'
тат.	*jar-yr* 'он(а) будет колоть (возможно)'
	uqy-r 'он(а) будет читать (возможно)'
	Мн. число
1 л. тоф.	*baar bis* 'мы пойдем'
	aŋna-ar bis 'мы будем охотиться'
як.	*bar-a-byt* 'мы идем, уходим'
шор.	*kör-är-bis* 'мы увидим, будем смотреть'
	ištä-är-bis 'мы будем работать'
туркм.	*jaz-ar-ys* 'мы напишем, будем писать (пожалуй, возможно)'
	oqa:r-ys 'мы будем читать (пожалуй, возможно)'
гаг.	*al-ar-yz//al-yr-yz* 'мы берем, возьмем'
	bašla-r-ys 'мы начнем'
узб.	*joz-ar-miz* 'мы напишем, будем писать (возможно)'
	ŭqy-r-miz 'мы будем читать (возможно)'
тат.	*jar-yr-byz* 'мы будем колоть (возможно)'
	uqy-r-byz 'мы будем читать (возможно)'
2 л. тоф.	*baar silär* 'вы пойдете'
	aŋna-ar silär 'вы будете охотиться'
як.	*bar-aγyt* 'вы идете, уходите'
шор.	*kör-är-zar//kör-är-zaar* 'вы увидите, будете смотреть
	ištä-är-zar//ištä-är-zaar 'вы будете работать'
туркм.	*jaz-ar-syŋyz* 'вы напишете, будете писать (возможно, пожалуй)'

	oqa:r-syŋyz 'вы будете читать (пожалуй, возможно)'
гаг.	*al-ar-synyz||al-yr-synyz* 'вы берете, возьмете'
	bašla-r-synyz 'вы начнете'
узб.	*joz-ar-siz* 'вы напишете, будете писать (возможно)'
	ŭqy-r-siz 'вы будете читать (возможно)'
тат.	*jar-yr-syz* 'вы будете колоть (возможно)'
	uqy-r-syz 'вы будете читать (возможно)'
3 л. тоф.	*baar(lar)* 'они пойдут'
	aŋna-ar(lar) 'они будут охотиться'
як.	*bar-al-lar* 'они идут, уходят'
шор.	*kör-är-lär* 'они увидят, будут смотреть'
	išti-är-lär 'они будут работать'
туркм.	*jaz-ar-lar* 'они напишут, будут писать (пожалуй, возможно)'
	oqa:r-lar они будут читать (пожалуй, возможно)'
гаг.	*al-ar-lar||al-yr-lar* 'они берут, возьмут'
	bašla-r-lar 'они начнут'
узб.	*joz-ar-lar* 'они напишут, будут писать (возможно)'
	ŭqy-r-lar 'они будут читать (возможно)'
тат.	*jar-yr-lar* 'они будут колоть (возможно)'
	uqy-r-lar 'они будут читать (возможно)'

Личные показатели

В качестве личных показателей временной формы на *-r/maz*, употребляемых во всех древних и современных языках за исключением саларского и сарыг-югурского, где личные окончания в глаголе вообще утрачены во всех временных формах, в большинстве случаев выступают так называемые показатели сказуемости, или предикативности. Данный термин отражает ту их особенность, что помимо глагольно-временных форм они оформляют существительные и прилагательные в функции предиката в конструкциях идентифицирующего типа *я — рыбак, ты — высокий* и т.п. Состав личнопредикативных показателей синхронно в каждом языке строго определен (хотя и здесь встречаются случаи вариативной дублетности), тем не менее от языка к языку он способен меняться, обнаруживая форманты явно гетерогенного свойства [ср. Дмитриев 1940, 45; 1956; Севортян 1956; Баскаков 1956, 264—272; 1979, 223—225, 232—246]. Некоторые из показателей этой категории материально точно совпадают с личными местоимениями, почему иногда вся серия квалифицируется как местоименная, однако среди них есть целая группа квазиместоименных аффиксов, таких как *-(v)z, -(v)k, -syŋys/-synyz, -syγar* и т.д., которые, конечно, содержат структурные элементы прономинального характера (например, *z* в *-(v)z* и *-syŋyz*, как в *biz* и *siz*), но не тождественны актуальным формам местоимений.

Местоименные показатели, оформляющие именную предикативность и личный характер парадигм соответствующих времен глагола, в большинстве языков окончательно превратились в аффиксы, что выражается, в частности, в возможности их фонетического варьирования в соответствии с морфонологическими правилами каждого языка. В тувинском же и тофаларском личные местоимения в преди-

кативной функции, сохраняя фонетическую самостоятельность, не перешли в разряд морфологических средств, оставшись на положении служебных слов [Исхаков, Пальмбах 1961, 222, 361; Рассадин 1978, 171], почему в масштабе всех тюркских языков следует говорить о лично-предикативных показателях, а не только о лично-предикативных аффиксах.

Личные показатели другой серии (категории, группы), используемые в форме на *-r/maz* в значительно меньшей степени, но характерные для временной формы на *-dy*, в основном совпадают с посессивными окончаниями имен — существительных и функционально-номинативных форм других частей речи, хотя и здесь есть формы, не мотивируемые современными формантами именного притяжения. Лично-посессивные показатели выступают в форме на *-r/maz* в небольшом числе языков и лишь в отдельных звеньях парадигмы, чаще всего как дублеты форм с лично-предикативными показателями, реже — в качестве единственно возможных форм. Если при этом учесть еще тот факт, что в некоторых языках отдельные лично-предикативные показатели фонетически (материально) не отличаются от показателей лично-посессивных, совпали с ними, то получится следующая своеобразная картина частичного совмещения обеих серий личных показателей.

Максимумом посессивных окончаний обладают халаджский и алтайский (ойротский) — в 1 и 2-м лице обоих чисел; но и это еще не полностью посессивная парадигма, так как в третьих лицах здесь, как и во всех языках, кроме чувашского, нет притяжательных формантов, а значение лица выражается древнейшим способом — синтаксической позицией при нулевом морфологическом показателе в 3-м лице ед. числа и при *-lar* во мн. числе. Впрочем, и для этих языков приводились дублетные образования, которые как раз и содержат лично-предикативные окончания: хал. *tut-ar-uq* 'мы схватим' [Doerfer 1972, 295]; алт. туба, куманд. *kör-ör-iṇ // kör-ör-ziṇ* // 'ты увидишь', *kör-ör-bis // kör-ör-is* 'мы увидим', *kör-ör-zigar // kör-ör-säe* 'вы увидите' (Баскаков 1966, 76—77; 1972, 101—103].

В чувашском по всем парадигмам индикатива лично-предикативная и лично-посессивная серии различаются только в 1-м лице ед. и мн. числа, в остальных лицах здесь выступают посессивные форманты [Левитская 1976, 57—58]. В чувашском будущем времени (соотносимом, предположительно, с общетюркской формой на *-r*) в позиции различения — в первых лицах — функционируют показатели предикативного типа.

Характерно, что в немногих языках, а именно во всех огузских и караимском, в 1-м лице мн. числа формы на *-r*, как в чувашском, употребляются личные показатели предикативного типа, сохраняющие дистанцированность, хотя и неодинаковую в материальном (формантном) отношении, от посессивного аффикса: тур., туркм., гаг *-yz/-iz*, аз. *-k*, кар. *-byz/-biz* при притяжательном для этих языков *-myz/-miz*. В остальных языках разграниченность этих личных показателей оказалась снятой в силу разнонаправленных процессов: в узбекском, уйгурском, казахском, каракалпакском, ногайском, крымскотатар-

ском для глагола и притяжательной формы имени установился общий показатель *-myz/-miz* с носовым согласным, т.е. возобладал посессивный тип; в алтайском, киргизском, башкирском, татарском, барабинском, кумыкском, карачаево-балкарском, а также в северо-восточных — общий показатель с неносовым *b*, т.е. *-byz, -byt*. В 1 и 2-м лице ед. числа и 2-м лице мн. числа обе серии личных окончаний в форме на *-r* (как и других временных формах) разграничены повсюду и в подавляющем числе случаев (языков и членов парадигм) выступают показатели предикативной серии.

В 1-м лице ед. числа в турецком, азербайджанском, гагаузском, крымскотатарском и алтайском материальное отличие минимально: предикативный *-ym/-im* (после согласных основ), *-jim/-jym* (после гласных основ) — безударен, тогда как притяжательный *-ym/-ím* (как и в предикативной серии — после согласных основ), *-m* (после гласных основ) всегда оказывается в ударном слоге, — но и оно позволяет констатировать, что в перечисленных языках в форме времени на *-r* используются лично-предикативные окончания [ГАЯ 1869, 54]. В остальных тюркских языках, где притяжательный формант *-m* рельефнее противостоит предикативным формантам: чув. *-p*, турк. *-n* и местоименному *-män* (с вариациями гласного) северо-западных, юго-восточных и северо-восточных языков (с начальным *b* в якутском, хакасском, шорском), преимущественное положение занимают лично-предикативные показатели, так что из всех этих языков дублетные формы с посессивными показателями отмечены только в башкирском, татарском с барабинским, караимском, хакасском и шорском, причем лишь в шорском форма с посессивным окончанием выглядит основной, в пяти других — неосновной, в остальных же языках показатель предикативной серии является единственным личным формантом в рассматриваемой форме на *-r*.

Во 2-м лице ед. числа посессивные форманты в качестве единственных личных показателей во временной форме на *-r* выступают, как уже упоминалось, в алтайском, халаджском и чувашском, в качестве неосновных дублетов — в башкирском, шорском; в остальных языках лично-предикативные показатели в этом члене парадигматического ряда являются основными и единственными: для всех, кроме якутского, — местоименный *-sän, -sin/-syn, -siŋ/-syŋ*; в якутском — показатель особого происхождения — *-kɨn/-qyn~gin/-gyn*, не равный местоимению *än* 'ты' (<**hän*<**san*) [ср. Дульзон 1976, 129—130].

Во 2-м лице мн. числа посессивные форманты фиксируются в алтайском (*-γar/-gar*), халаджском (*-īz*) и чувашском (*-r*); в якутском аффиксе *-γɨt* нейтрализовалось различие посессивных и предикативных формантов. В остальных языках употребляются предикативные форманты: местоименные — узб., уйг., тат., бараб., каз., ног., ккалп., кум., кбалк., кар., ктат. *-sɨz*, тув. и тоф. *silär*, квазиместоименные — тур., аз., гаг., *-synyz*, туркм., ктат. *-syŋyz* (ктат. как дублет к местоименному *-siz*), башк. *-syyyz*, кирг., чул. *-syŋar*, хак., шор. *-zar* (<*-zaar*<**s/zyγar*).

В третьих лицах во временной форме на *-r/-maz*, как и в других парадигмах времен, личные окончания отсутствуют во всех языках (кроме, возможно, чувашского) — нулевая морфема как значащее

отсутствие показателя. Абсолютное большинство тюркских языков маркирует форму 3-го лица мн. числа в отличие от формы 3-го лица ед. числа показателями числа: общетюрк. *-lar*, чув. *-ś*; в киргизском в этой функции выступает аффикс взаимно-совместного залога: *ǯaz-ar* 'он(а) напишет' *ǯaz-yš-ar* 'они напишут'.

Все эти показатели, не являясь собственно личными, указывают на множественность субъектов. В уйгурском и каракалпакском языках, бахмальском говоре (одном из кыпчакских) узбекского языка [Данияров 1975, 158] показатели множественности субъектов в форме 3-го лица мн. ч. отсутствуют, и она совпадает с формой 3-го лица ед. числа; в тувинском, тофаларском, чулымском, крымскотатарском, ряде диалектов других тюркских языков форма с *lar* является дублетом к нулевой форме в функции 3-го лица мн. числа. В чувашском в форме 3-го лица будущего времени (*pyrə-* 'он(а) пойдет', *kal-ə* 'он(а) скажет)' виртуально вычленяется *ə*, совпадающее фонетически с аффиксом принадлежности, однако имеющее, по всей видимости, иное происхождение (*см. ниже*).

Таким образом, из проведенного анализа видно, что в парадигме временной формы на *-r/-maz* в качестве показателей лица абсолютное преобладание имеют показатели предикативного плана. По спорадическому и неодинаковому для различных тюркских языков характеру использования показателей посессивного плана можно думать, что последние не являются исконными элементами в рассматриваемой парадигме, а каким-то образом проникали в нее, чаще всего оставаясь на правах дублетов и очень редко вообще вытесняя основную форму. О том, что подобный процесс происходил недавно, свидетельствуют не только разнобой в генетически близких языках и даже диалектах одного языка, но и данные древних и средневековых тюркских памятников.

Так, в орхонских и древнеуйгурских текстах VIII—X вв. форма на *-r/-maz* оформляется исключительно местоименно-предикативно [Насилов 1960, 62—63; Tekin 1968, 191—192; Кононов 1980, 186; В. Насилов 1963, 58]. При этом, благодаря особенностям руницческой графики, обладавшей отдельными знаками палатальных и велярных аллофонов согласных, выясняется, что местоименное спряжение в языке орхоно-енисейских надписей, как справедливо заметил В.Г. Кондратьев [1970, 26], имеет аналитический характер (по типу тувинско-тофаларского), поскольку местоимения в роли личных энклитик здесь не меняют своего палатального консонантного состава и после основ с велярными согласными.

В караханидско-уйгурском литературном языке XI в. показатели лица в форме времени на *-r/-maz* также тождественны личным местоимениям, однако для языка огузов Махмуд Кашгарский приводит особые формы 1 л. ед. ч.: *män käliräп* 'я приду', *män baryran//baran* 'я пойду', *män külärän* 'я смеюсь' (МК II) [Абдурахманов, Шукуров 1967, 501].

Средневековые филологические трактаты XIII—XIV вв., описывающие факты кыпчакских языков среднего периода в отличие от древнекыпчакских данных, приводимых Махмудом Кашгарским, также подтверждают принадлежность квазиместоименного типа личного

оформления языкам огузской группы. В "At-tuhfat az-zakiya" XIV в. в параллель ординарным кыпчакским формам с местоименными показателями лица (*kal-ir-män,kal-ir-biz*) приводятся формы с квазиместоименными предикативными (или посессивными? — для 1 л. ед. ч.) показателями лица и широкой огласовкой во временном аффиксе (по типу туркменско-азербайджанского, см. ниже): *käl-är-im, käl-är-iz//käl-ä-vüz* [Фазылов, Зияева 1978, 50; Чайковская 1981, 134]. Характерно, что в несколько более раннем сочинении Абу Хаййана (1312 г.) в качестве варианта к полно-местоименным формам приводится лишь форма 1 л. ед. ч. *käl-ür-üm* с квалификацией ее как свойственной туркменскому языку; вариативна также форма 1 л. мн. ч. *käl-ür-biz//käl-ür-miz*, но уже в самом языке описания [Чайковская 1981, 127].

В староосманских памятниках XIII—XV вв. личные показатели во 2-м лице ед. и мн. числа тождественны местоимениям *sän* (~ *sin*) и *siz*, а в 1-х лицах фонетически трансформированы: формы 1 л. ед. ч. *-vän* и 1 л. мн. ч. *-väz* [Гузев 1979, 55] являют собственно огузский переход *b>v* и оправдывают связь личных местоимений *ben* и *biz* с "краткими" лично-предикативными огузскими формами соответственно *-(v)n* и *-(v)z*. Однако форма ед. ч. *-(v)m* не укладывается в подобное развитие. Скорее всего эта форма проникла сюда как в турецком, так и в азербайджанском и гагаузском из посессивной серии как аналогическая замена *-(v)n* в целях разграничения со 2-м лицом, поскольку в указанных языках, в отличие от туркменского, *ŋ>n*, в том числе посессивный показатель 2-го л. ед. ч. *-ŋ>-n*.

В литературных текстах языка столь сложной (смешанной) генетической ориентации, как староуйгурско-узбекский язык чагатайского периода (конец XIV—начало XVI вв.), частое появление в качестве личных показателей 1-го лица *-am/äm* (ед. ч.) и *-(v)z* (мн. ч.) в форме времени на *-r* [Щербак 1962, 146; Абдурахманов, Шукуров 1973, 176] также скорее всего объясняется влиянием огузской языковой формы. Однако не всегда появление "краткой" формы с *-m* — результат смешения разногенетических, хотя и однопорядковых по функции — лично-предикативных парадигм; в определенных случаях мы должны рассматривать формант *-m* как посессивный, особенно если в других членах парадигмы тоже выступают посессивные, а не предикативные показатели. Наиболее ясную картину в этом отношении предоставляют не памятники, но современные языки, на материале которых и поставлен был выше вопрос о проникновении посессивных показателей во временную парадигму формы на *-r*.

Условия для подобного проникновения коренились в том, что форма на *-r*, по нашему убеждению, имела две парадигмы личного спряжения: одну, с личными показателями предикативного характера — при функционировании в качестве вербально-временной, другую, с посессивно-личным оформлением — при функционировании в качестве номинализованной формы.

Внимательный анализ употребления формы на *-r//-maz* в различных синтаксических позициях и конструкциях убеждает, что здесь в целом ряде случаев остаточно сохраняется указанное функциональное рас-

пределение личных окончаний. В таких северо-восточных языках, как тувинский, тофаларский, якутский, в которых во временной парадигме применяются лишь предикативные окончания, примеры на употребление "причастий", как обычно квалифицируют данную функцию формы на *-r*, в роли "развернутого" дополнения или подлежащего при личном оформлении агенса при них содержат только притяжательные форманты, например: тоф. *men aŋnaarym soodääjn* 'расскажу-ка я о том, как буду охотиться' (пример из кн.: [Рассадин 1978, 195]). В якутском это особенно наглядно, так как в косвенных падежах притяжательное склонение имеет фонетически особые формы, которые никак не "пересекаются" с показателями местоименного характера [ГСЯЛЯ 1982, 229—230].

В вопросительных предложениях типа тоф. *čünü tiläärin* 'что просишь?', *čügä baaryŋ* 'куда идешь?' вопросительное местоимение является предикатом, а глагол в форме на *-r* выполняет при нем роль подлежащего, следовательно выступает в номинативной форме. Поэтому-то во многих тюркских языках, в частности башкирском [Юлдашев 1958, 121], в вопросительных предложениях отмечается оформленность лица притяжательными формантами.

Имя действия на *-r*, а не собственно глагольная форма выступает также в модальных конструкциях и конструкциях наличия/отсутствия со словами *bar* 'есть, имеется', *joq* 'нет, не имеется,' поскольку предикатом в подобных структурах являются модальные слова и *bar*//*joq*, а подлежащим — действие, которое для выполнения своей синтаксической функции выступает в номинализованном облике. В якутском языке описаны серии модальных конструкций, с различными модальными предикативами, в которых действие-подлежащее имеет не неопределенно-личный, а личный (конкретный) агенс, выражаемый аффиксами притяжания как при положительной форме на *-r*, так и при отрицательной на *-bat*(<**-mas*), например: *än bilbatiŋ buoluo* 'ты, наверное' не знаешь'; *bararym duu, barbatym duu* 'идти мне (что ли), (или) не идти, и др. [Коркина 1970, 37—41]. На месте модальных слов может стоять полноценная глагольная форма, подчеркивающая номинативный статус глагола-подлежащего, хотя семантически она эквивалентна модальному слову: *bararym čuγahaata* 'скоро мне уходить' ('уход-мой приблизился') [ГСЯЛЯ 1982, 129]. Характерно, что в модальных вариациях данной временной формы в якутском языке в 1-х и 2-х лицах употребляется форма на *-r*, а не вытеснившая ее в основной (немодальной) временной парадигме форма на *-a*.

Если для указанных языков принципиальное различие в характере окончаний глагола в форме на *-r* в субъектно-объектной и предикативной позициях очевидно благодаря их почти последовательной автономности, то в языках, где во временной парадигме допускается совмещение обоих типов личных формантов, вопрос об их природе решался с позиций "редукционной" теории и сводился к тезису о свободном (и не мотивированном) варьировании "усеченных", "кратких" показателей с "неусеченными", "полными". Между тем, и в этих языках дублетность личного оформления допустима лишь в предикативной позиции, т.е. в формах времени, тогда как в позиции допол-

нения, в условиях последующего падежного аффикса, как, например, в башк. *kilereŋde aldan belgän bulham...* 'если бы я знал о твоем приезде...' [ГСБЛЯ 1981, 317], иные личные показатели, кроме притяжательных и невозможны.

По-видимому, начало процесса проникновения посессивных показателей во временную парадигму при, в общем, достаточно явной распределенности типов личного оформления в зависимости от функционального статуса формы на *-r* оказалось зафиксированным на обширном тексте "Кутадгу билиг" (XI в.). При номинативном функционировании формы на *-r* в качестве личных формантов здесь совершенно отчетливо употребление притяжательных аффиксов, например: *ölürüŋ ne bildiŋ?.. tüšädim tüšümdin ačyldy maŋa/ölürüm uquldy maŋa* (QB 5985, 5987) 'откуда ты узнал, что ты (скоро) умрешь? ... Я видел сон, из сна открылось мне, /стало понятно мне, что я (скоро) умру'. В вербально-временной функции формы на *-r* заведомо преобладают местоименные показатели, но в небольшом числе случаев встречаются и показатели посессивные: *nägü iš qylurŋ kisikä kiŋäš* (QB 5659) 'какое бы дело ни стал ты вершить, посоветуйся с людьми'.

Представленные выше наблюдения подводят к следующим важным положениям.

Во-первых, употребление двух серий личных показателей в форме на *-r* связано не с "фонетической" вариантностью "гомогенных", по мнению многих исследователей, формантов, но основано на функционально-грамматическом различии двух типов морфо-синтаксического сочетания глагола в форме на *-r* с маркером лица при нем. Перед личным местоимением как именем глагол выступал в качестве определения, т.е. в атрибутивной форме (причастии), но все сочетание занимало позицию предиката по отношению ко всем зависимым от глагола словам. Категория принадлежности релевантна только для имени как номинативно-предметной сущности; следовательно, посессивные аффиксы в глаголе указывают на форму его номинализации, но уже сама эта категориальная форма предопределяет иные субъектно-объектные синтаксические функции глагола.

Во-вторых, хотя синтаксические функции обеих функциональных форм глагола по самой природе этого понятия принципиально разнились, однако, можно думать, что в речевой практике при самостоятельном (парцеллированном) употреблении зависимых синтагм с масдаром, где он контекстуально оказывался единственным предикатом, а также в предложениях вопросительных, оценочных и т.п., где масдар также оставался единственной глагольной формой, создавались условия для восприятия имени действия как чисто вербальной формы, ср. вышеприведенный пример: *ölürüŋ ne bildiŋ?>ölürüŋ ne?~ne ölürüŋ* 'откуда ты узнал про умирание-твое?>умирание-твое откуда?~откуда/почему умирание-твое/ты умрешь?'; ср. еще: деланиетвое хорошо>'хорошо делание твое/ты делаешь'. Именно в силу подобным образом моделируемого процесса окказионального в сущности замещения масдаром предикативной позиции характерное для него оформление лица деятеля спорадически и непоследовательно проникало в предикативную парадигму глагола, т.е. в форму времени.

Процесс этот однонаправленный, поэтому речь не может идти о смешении двух типов личных показателей и тем более о семантическом сближении двух функциональных форм, но всегда только, как красноречиво говорит об этом разобранное выше конкретное соотношение личных показателей обоих типов, об экспансии посессивного оформления.

Оба установленных здесь положения относительно роли двух типов личного оформления формы на *-r* и путях возможного смешения этих типов во временной парадигме должны быть использованы и при анализе аналогичных явлений в парадигмах других глагольных времен. С другой стороны, характер взаимоотношений временного показателя (*-r* или других форм) с обоими типами личных окончаний проливает свет на семантические аспекты становления временной системы тюркского глагола.

Показатель времени -r

В структурном и фонетическом облике собственно-временного показателя *-r* обнаруживается, как уже сказано выше, ряд аномальных особенностей, стойко удерживающихся в различных классификационных группах тюркских языков, прослеживаемых до эпохи первых письменных памятников и восходящих, вероятно, к пратюркскому языковому состоянию.

Одна из указанных особенностей касается структуры показателя времени. В языках турецком и гагаузском из юго-западной группы, в языках юго-восточных и северо-западных (кроме алтайского) соблюдается принцип структурной альтернативности состава данного аффикса (как и других одноконсонантных) показателей, например, залоговых *-š, -n*) в зависимости от характера основы: после основ с закрытым (конечным или единственным слогом) типа (С)ГС, (С)ГСГС и т.п., при характеристике *-r* в препозиции находится гласный; после основ на гласный типа (С)Г, (С)ГСГ и т.п. в качестве показателя времени выступает одна консонантная характеристика *-r* без сопровождения собственного гласного. В языках же северо-восточных, алтайском, азербайджанском и туркменском указанный принцип не соблюдается: собственный препозиционный гласный показатель времени имеет при любом типе основ с исходом как на согласный, так и на гласный.

В последнем случае в языках северо-восточных и туркменском происходят процессы взаимодействия гласных основы и аффикса, несколько различающиеся по результатам в пределах указанных языков. Подобное же фузионное сплавление наблюдается в этих языках в целом ряде основ на сонаты *ŕ, g, l* и др., которые при аффигировании показателя *-(v)r* выпадают. При этом характерно, что залоговые одноконсонантные показатели принципу альтернативности состава здесь подчиняются. Алтайский и азербайджанский языки в отличие от названных занимают в данном отношении своеобразное положение: огласовка временного показателя сохраняется во всех случаях, но и фузии открытосложной основы и

аффикса не происходит благодаря вставочному неэтимологическому *j*.

Вторая — морфонологическая — особенность показателя времени на *-r* заключается в немотивированной для современного состояния вариативности качества огласовки: почти в любом из тюркских языков данный показатель содержит алломорфы двух типов — с широкими и с узкими гласными, что для продуктивных формантов как глагола, так и имени не является нормой. В определенных моментах структурная и морфонологическая особенности перекрывают друг друга, поэтому конкретный материал по ним целесообразно представить вместе.

В тувинском и тофаларском последний гласный в основе типа СГСГ определяет по принципу прогрессивного уподобления характер огласовки: после широкого в основе следует широкий в аффиксе, после узкого — узкий (*bodaar* 'он думает' — от *boda-* 'думать', *čoruur* — от *čoru-* 'ходить', *taryyr* от *tary-* 'сеять'). После основ типа СГС вне зависимости от характера гласного корня следует аффикс с широкой огласовкой. При этом в основах на сонанты γ (всегда), *l* и *r* (в ряде случаев) указанные конечные согласные выпадают, а гласные основы и аффикса подвергаются фузионному сплавлению; у нескольких глаголов образуются дублетные формы с выпадением и без выпадения сонанта: тув., тоф. *kalir||käär* 'он приходит' — от *käl* 'приходить', *bolur||boor* от *bol-* 'быть, являться', тоф. *bilir||biir* — от *bil-* 'знать', тув. *alyr||aar* — от *al-* 'брать'. В глаголах, сохраняющих конечные сонанты, в том числе и в дублетах с невыпавшим сонантом, применяется различная огласовка: широкая — после основ на *-r* (*urar* — от *ur-* 'сыпать, насыпать', *kirär* — от *kir-* 'входить'); после основ на *-l-* в преобладающем числе случаев огласовка показателя напротив — узкая, но есть и образования с широким гласным в аффиксе (*salyr* — от *sal-* 'класть', *qalyr* — от *qal-* 'оставаться', но: *čylar* — от *čyl-* 'ползать'). В многосложных основах, и прежде всего после различных показателей залогов, в тувинском преобладает показатель с узким гласным, при этом происходит преобразование производной основы (С)ГСГС + *-(v)r*>(С)ГСС(*v*)*r* (*körnür* 'оглядывается' — от *körün-* 'оглядываться', *uštur* 'вынимает' — от *užul-* 'вынимать'[51]); но есть случаи дублетности форм с узкой и широкой огласовкой (*solčur||soložar* 'обменивается' от *soluš-* 'обмениваться'). В тофаларском широкая огласовка применяется несколько чаще, в частности, после каузативных показателей *-(v)r,* + *-t(v)r, -q(v)r,* показателя возвратности *-dyn* и единично после показателя взаимного залога *-(v)š* [Рассадин 1978, 194], однако и здесь, по-видимому, ведущей формой показателя времени на *-r* является алломорф с узким гласным в препозиции.

В якутском языке после основ на согласный выступают алломорфы с широким препозитивным гласным *-ar|-är|-or|-ör*; после основ на гласные, которые в этой позиции в якутском получили долготу, происходящее здесь фузионное сплавление гласных основы и показа-

[51] В производной форме *šï*<*žl*, где *l* переходит в дентальный **d* перед шипящим, и все сочетание оглушается.

теля времени приводит к образованию долгих узких гласных *-y:/-i:/-u:/-ü:* вне зависимости от качества конечного гласного основы: *bastyyr* 'начинает первым' — от *bastaa-* 'начинать первым', *söbülüür* 'нравится' — от *söbülää-* 'нравиться' (аналогичный результат при аффигировании деепричастия на *-a: bastyy* 'начиная', *söbülüü* 'нравясь') [ГСЯЛЯ 1982, 228, 245].

В *z*-подгруппе северо-восточной группы тюркских языков после основ на согласный, как односложных, так и многосложных отмечаются лишь алломорфы с широкими гласными *-ar/är*. После основ на гласные взаимодействие гласного показателя времени с гласным основы приводит, как и в подгруппе *d/t-* языков, к неодинаковым результатам. В шорском по тувинско-тофаларскому образцу образуются долгие гласные того качества, которое представлено в основе, правда долгота эта — факультативна, особенно в отношении узких гласных [Дыренкова 1941, 188]. В хакасском, напротив, как и в якутском, результатом взаимодействия являются узкие гласные, причем в отличие от якутского гласные во всех случаях по качеству — неогубленные, по количеству — недолгие: *uzir* 'он будет спать' — от *uzu* 'спать', *tölir* 'он заплатит' — от *tölä-* 'платить'. В чулымском в данной позиции долгота узкого неогубленного сохраняется, но отсутствует уже сама консонантная характеристика *r: sanı:* 'он сосчитает' — *sana-* 'считать'; при глаголах на *-r* как непроизводных, так и производных, показателем времени выступает морфема *-aj*: *parajmän* 'я пойду', *osqurajmän* 'я разбужу'.

Морфологический и морфонологический облик показателя рассматриваемой временной формы в юго-западных языках в определенных и характерных чертах, хотя и неодинаково по языкам, перекликается с обликом его в северо-восточных языках. В турецком и гагаузском после основ на гласный, в противоположность северо-восточным, в соответствии с принципом структурной альтернативности аффикса выступает характеристика *-r* без сопровождающего гласного; после согласных основ показатель времени имеет структуру *-(v)r*, где гласным бывает и широкий, и узкий. Турецкий в этом отношении обладает следующим распределением: после многосложных основ на согласный огласовка формы на *-r* — узкая (в соответствии с гармонией гласных выступают четыре алломорфа *-yr, -ir, -ur, -ür*), после односложных основ в большинстве случаев употребляются алломорф с широкими гласными, т.е. *-ar/-är*, однако с основами около двух десятков весьма употребительных односложных глаголов на сонанты *l, r, n, γ* в виде исключения функционируют алломорфы с узкими гласными. Отсутствие случайности в указанной аномальной двухтипности огласовки демонстрирует сопоставление списков глаголов исключения в современном литературном турецком (составлен по кн.: [Deny 1921, 393—394, 1109; Кононов 1956, 225; ТурРСл 1977]) и не имеющим с ним непосредственной генетической связи и значительно отстоящем от него по времени караханидско-уйгурском литературном языке по тексту "Кутадгу билиг" [Arat 1979].

1. тур., карах.-уйг. *al-yr* 'берет' (// карах-уйг. *al-ur*); 2. карах.-уйг. *aj-ur* 'говорит' (// *aj-ar* единично); 3. тур. *var-yr*, карах.-уйг. *bar-yr*//

bar-ur (реже) 'уходит'; 4. карах-уйг. *bat-ur*//карах.-уйг., тур. *bat-ar* 'погружается'; 5. тур., карах.-уйг. *bil-ir* (// карах.-уйг. *bil-ür* — реже) 'знает'; 6. тур. *ver-ir,* карах-уйг. *bir-ür* 'дает'; 7. тур. *ol-ur* карах.-уйг. *bol-ur* 'будет; бывает, есть'; 8. тур., карах.-уйг. *bul-ur* 'находит'; 9. карах.-уйг. *er-ür* 'бывает, есть'; 10. тур. *er-ir* (Deny 1921) // *er-är* (ТурРС 1977) 'достигает'; 11. карах.-уйг. *уδ-ur* 'посылает'; 12. карах.-уйг. *il-ür* // карах.-уйг., тур. *il-är* 'связывает'; 13. карах.-уйг. *jan-ur* //*jan-ar* 'возвращается, поворачивает'; 14. тур. уст. *jat-yr,* карах.-уйг. *jat-ur* // тур., карах.-уйг. — единично *jat-ar* 'ложится; лежит'; 15. тур., карах.-уйг. *qal-yr* (// карах.-уйг. *qal-ur* – реже) 'остается'; 16. тур. *gel-ir,* карах.-уйг. *käl-ir*//*käl-ür* (реже) 'приходит', 17. тур. уст., карах.-уйг. *qyl-ur* // тур. *qyl-ar* 'делает'; 18. карах.-уйг. *kir-ür* // тур. *gir-är* 'входит'; 19. карах.-уйг. qoδ-ur // тур. *qoj-ar* 'кладет'; 20. карах.-уйг. *qol-ur* 'желает'; 21. тур. *gör-ür,* карах.-уйг. *kör-ür* //*kör-är* (единично) 'видит'; 22. тур., карах.-уйг. *öl-ür* 'умирает'; 23. карах.-уйг. *ön-ür* // *ön-är* (реже) 'выступает (наружу, вовне)'; 24. тур. *sor-ur* уст.//карах.-уйг. *sor-ar* 'сосет'; 25. тур. *değ-ür* уст., карах.-уйг. *teg-ir* // тур. *değ-er,* карах.-уйг. *teg-er* (единично) 'касается, задевает, достигает'; 26. карах.-уйг. *tyn-ur* // тур. *din-är,* карах.-уйг. *tyn-ar* 'отдохнет; перестанет'; 27. карах.-уйг. *toδ-ur* // тур. *doj-ar,* карах.-уйг. *toδ-ar* 'насытится'; 28. карах.-уйг. *tol-yr*//*tol-ur* (реже) // тур. *dol-ar* 'наполняется'; 29. тур. *dur-ur,* карах.-уйг. *tur-ur* 'встает, стоит'; 30. тур. *vur-ur,* карах.-уйг. *ur-ur* 'бьет, ударяет'.

Знаменательно, что в приведенном списке 11 глаголов (N 1, 3, 5—8, 15, 16, 22, 29, 30) имеют в обоих языках одинаковый и единственный вариант огласовки — узкие гласные. Еще четыре глагола должны быть отнесены в эту же рубрику: N 21, 17, 14, 25 — т.к. по ситуации ясно, что широкая огласовка не была здесь исконной, но постепенно вошла в употребление и вытеснила (в турецком) первоначальную узкую. В целом же можно определенно говорить о нарастании удельного веса алломорфов с широким гласным после основ типа СГС: современный турецкий обладает лишь 12-ю глаголами с узкой огласовкой (N 1, 3, 5, 8, 15, 16, 21, 22, 29, 30)[52], тогда как в тексте "Кутадгу билиг" встретилось 28 подобных форм из общего списка в 30 глаголах[53]. Последнее подтверждается данными ряда других современных языков, не имевших, подобно турецкому длительной традиции литературной нормированности.

В гагаузском рассматриваемая распределенность алломорфов, очевидно, имела место, но позднее была нарушена в сторону полного смешения морфонологических типов, так что все основы на согласный, как односложные, так и многосложные имеют параллельные ряды дублетных образований с показателем в узкой и широкой огласовке: *gid-är*//*gid-ir* 'он пойдет', *dojur-ar*//*dojur-ur* 'он накормит' и т.д. [Покровская 1964, 184].

---

[52] В список не включены второобразные глаголы: *den-* 'говориться, называться (безличн.)', *jen-* 'быть съеденным', *san-* 'думать', также образующие данную форму времени с алломорфами *-yr/-ir* [Кононов 1956, 225].

[53] В список не включены единичные формы: *qan-ur* 'насыщается', *keδ-ür* 'надевает', *tuš-ur* 'встречает', — все имеющие дублеты с широкими гласными и в которых узкая огласовка, возможно, была навязана требованиями рифмы.

В туркменском и азербайджанском в облике показателя времени наблюдаются заметные отличия от турецкого и гагаузского. После основ на согласный здесь выступают алломорфы только с широкими неогубленными гласными *-ar/-är*, ни в многосложных основах, ни в части односложных алломорфы с узкой огласовкой как в турецком, гагаузском, а также в северо-восточных, не фиксируются. После основ на гласный здесь, в противовес турецкому и гагаузскому, но по модели северо-восточных языков, собственная огласовка аффикса сохраняется. При этом в азербайджанском появляется "заградительный' *j* (т.е. алломорфы в этом случае имеют вид *=jar/-jär*), тогда как в туркменском между гласными основы и временного аффикса происходит фузионное взаимодействие, в результате которого устанавливается широкий неогубленный гласный под воздействием аффиксальной огласовки: *ota:r* 'он попасет' — от *oto-* 'пасти'; в туркменском, как в тувинском и тофаларском, в формах анализируемого времени от определенного числа основ глаголов на *r, l* происходит выпадение корневых сонантов и сплавление оказавшихся в соседстве гласных, причем все редуцированные формы имеют дублеты полного вида: *a:r||alar* 'он(а) возьмет', *be:r~bi:r||berer* 'он(а) даст', *ge:r||geler* 'он(а) придет', *bo:r||bolar* 'он(а) будет, станет', в эту же рубрику попал ряд заведомо вторичных двусложных основ: *ačdy:r||ačdyrar* 'он(а) заставит открыть, *jiti:r||jitirer* 'он(а) потеряет' и т.д. [ГТЯ 1970, 282].

В юго-восточных языках так же, как в туркменском и азербайджанском, после многосложных и односложных основ на согласный обобщен один тип алломорфов — с широкой огласовкой *-ar|-är*. В литературном уйгурском под влиянием староуйгурско-узбекского языка сохраняется вариантная аффиксация с *-ur|-ür*, что делается также иногда в целях исторической стилизации и в современном узбекском.

В северо-западной группе наблюдается действие двух противоположных тенденций — сохранения/устранения синхронно не сочетающихся типов огласовки с неодинаковыми результатами по языкам. Крайние точки представляют казахский с киргизским и башкирский языки. В казахском и киргизском, как в юго-восточных и части юго-западных, принят один тип алломорфов — с широкой огласовкой (каз. *-ar/-är*, кирг. *-ar|-är|-or|-ör*), в башкирском — тоже один тип, но напротив, — с узкой огласовкой (*-yr/-er/-or/-ör* с учетом передвижения гласных), в остальных языках сохраняются оба типа алломорфов в разной пропорции.

Ногайский и каракалпакский примыкают к казахскому, почти всегда имея в форме на *-r* алломорфы с широкой огласовкой, во всяком случае всегда после многосложных основ, но спорадически допуская и с узкими гласными после односложных основ, по-видимому, из числа глаголов аномальной группы.

Алтайский после закрытосложных основ имеет те же алломорфы, что и киргизский, но в отличие от него после основ на гласный, как уже сказано выше, применяются "неальтернативные" алломорфы *-jyr/-jir*, которые как раз и сохраняют узкие гласные; по сведениям

"Грамматики алтайского языка" [1869, 58] в текстах некоторых алтайских поднаречий встречается форма *јадыры*, т.е. презентна форма с узкой огласовкой, однако во всех более новых материалах [Дыренкова 1940; Баскаков 1966; 1972] этот глагол, как и три других постоянно-презентных глагола, реально функционирует всегда только в форме основы без форманта *-yr*.

В татарском и языках так называемой половецкой подгруппы, как можно судить по приводимым описаниям, не всегда, впрочем, определенным, к многосложным основам присоединяются алломорфы с узкими гласными (это определенно для караимского [Мусаев 1964, 281], вероятно для татарского и кумыкского, но, возможно, недействительно для крымскотатарского); односложные основы допускают оба типа огласовок, причем, судя по списку, приводимому Н.К. Дмитриевым для кумыкского [1940, 98—99], и сведениям Л.Т. Махмутовой для мишарско-татарского [1978, 144], дублетное образование по типу *ač-ar*//*ač-yr* 'откроет' распространено, по крайней мере, в некоторых из названных языков на большое число односложных основ. В кумыкском к тому же дублетность обнаруживают и многосложные основы, так что здесь в целом можно констатировать положение, аналогичное гагаузскому.

Семантика временных форм с показателем *-r*

В системе глагольных времен во всех тюркских языках форма на *-r* может выражать три граммемы: 1) настоящее неотносительное, 2) будущее неотносительное, 3) настоящее в будущем. Однако исходной для этой формы по многим данным, является только первая функция, две другие возникли в ходе исторического развития языков. Тем не менее из числа современных большая часть тюркских языков использует форму на *-r* для выражения времен плана будущего.

Настоящее неотносительное передает два типа значений: конкретное — действие охватывает настоящий момент в более или менее широком временном отрезке, начинаясь в прошлом и простираясь в будущее; общее, или характеризующее, — умение или склонность субъекта производить действие, обычность или повторяемость действия. В значении настоящего неотносительного форма на *-r* функционирует в турецком, гагаузском, тофаларском; в саларском и, очевидно, тувинском она выступает преимущественно в значении настоящего в будущем, но сохраняются и употребления, свойственные настоящему неотносительному; в якутском и халаджском форма на *-r* сохранилась в парадигме настоящего неотносительного только в 3 л. ед. и мн. числа, в остальных лицах заместившись формой на *-a;* в азербайджанском данная форма расслоилась, и вариант с узким гласным сохранился как настоящее неотносительное, а вариант с широким гласным стал передавать будущее время.

Сочетание конкретного и характеризующего значений в форме на *-r* является противоречием системы, поскольку в чисто темпоральном отношении эти два типа значений принципиально разобщены, так как конкретные значения привязаны к моменту речи, а характе-

ризующие — выключают актуальный план [подробнее см.: Кормушин, 1984, 69—702]. Двойственная семантическая природа формы на *-r* послужила причиной ее развития: с одной стороны, на ее основе создавались конструкции, передающие настоящее актуальное; с другой стороны, во многих языках в ней стали превалировать значения плана будущего, пригасив или совершенно элиминируя план настоящего. Очень условно можно определить, что наиболее общей по значению, неотмеченной формой будущего неотносительного (абсолютного) форма на *-r* стала в караимском, барабинском, хакасском, шорском, киргизском. В языках кумыкском, карачаево-балкарском, крымскотатарском, татарском, башкирском, казахском, каракалпакском, ногайском, узбекском, новоуйгурском, алтайском, чулымском форма на *-r* осталась семантически ближе к настоящему неотносительному, заняв позицию настоящего в будущем — действие обычное, повторяющееся в пределах плана будущего.

В ряде языков — турецком, азербайджанском, гагаузском, узбекском, новоуйгурском, казахском, ногайском, карачаево-балкарском и др. — форма на *-r* в своих футурумных употреблениях сопровождается модальными значениями предположительности, возможности действия, некоторой неуверенности в его осуществлении, чем данная форма противостоит будущему категорическому. В части языков — тувинском, хакасском, шорском — модального значения во временной форме на *-r* не наблюдается [Исхаков, Пальмбах, 1961, 387—388]. Модальное значение или его отсутствие не связано с положением формы в системе граммем.

Происхождение и развитие формы на *-r*

Приведенные выше данные об особенностях фонетической реализации временного показателя на *-r* по современным и древним языкам подтверждают вывод о существовании двух структурно-морфонологических аномалий. Какова же природа этих аномалий? Первая, как уже сказано, состоит в том, что в ряде языков после основ на гласный этот показатель выступает не в чистом консонантном виде (как это нормально для других показателей, например залоговых), а с собственной предгласовкой; сосуществование нормальных и аномальных структур типа *tir*//*tijür* 'говорит' в самых древних памятниках не дает возможности принимать вторую из них за форму, фонетически исходную для первой, т.е. предполагать их гомогенность. Вторая аномалия заключается в том, что почти во всех языках в качестве огласовки показателя выступают, перемежаясь или образуя дублеты, широкие и узкие гласные. Такое сочетание широкой и узкой огласовок не может быть объяснено действием факторов фонетического или морфонологического порядка: если характер гласного как зависел от основы, то почему от одной и той же основы образовывались формы — в разных языках или как дублеты в одном и том же языке — с альтернативными алломорфами?

Таким образом, обе аномалии, не укладываясь в рамки синхронного морфонологического механизма, имеют какую-то иную природу.

Разнообразие картины алломорфии по языкам при общности самих типов структурно-морфонологических аномалий указывает на то, что это явление зародилось еще в праязыке, а в последующие периоды здесь накапливались частичные изменения. По-видимому, можно вскрыть несколько хронологических слоев (периодов) таких изменений.

Сначала по поводу второй аномалии. Один из таких слоев составляют изменения, приведшие к тому распределению (условно обозначим это как состояние В), которое демонстрируют тувинский с тофаларским, турецкий, караимский, кумыкский, древние языки, в частности караханидско-уйгурский, имея после непроизводных односложных основ в качестве ведущего показатель *-r* с широкими гласными, в небольшой части односложных и после залоговых и других многосложных основ — показатель с узкими гласными. Далее, сравнительно-исторический анализ словообразовательных и залоговых формантов показал, что почти во всех случаях, когда речь идет об аффиксальных морфемах древнейшего состава, таковые фиксируются с алломорфами обоих типов — с широкими и узкими гласными, причем один из типов обычно низведен в разряд непродуктивных, чему предшествовала продуктивность обоих типов [Севортян 1966; Кормушин 1978]. В свете этих фактов состояние Б, предшествующее состоянию В, в части алломорфии показателя *-r* обрисовывается как характеризующееся применением обоих типов алломорфов — с широкой и узкой огласовкой; изменения от состояния Б к состоянию В заключались, следовательно, в преодолении указанной двутипности алломорфов, которое до конца удалось лишь в некоторых языках (см. выше), тогда как в части других остались явные свидетельства этой двутипности.

При этом обнаруживается следующая импликация: устранение двутипности алломорфов у односложных основ в пользу одного из типов (везде, за исключением башкирского, широкого), привело и к смене типа алломорфов у многосложных основ с узкого на широкий (в хакасском, шорском, киргизском, казахском, уйгурском, узбекском, туркменском, азербайджанском — в последнем с оговоркой о распределении типов по двум формам времени; в ногайском и каракалпакском, как можно судить, положение близко к казахскому); в башкирском в свое время установилась однотипность узкой огласовки, так как башкирские алломорфы с полуузкими неогубленными *-yr/-er* и полуширокими огубленными *-ɵr/-ör* восходят к узким гласным до передвижения [СИГТЯ. Фонетика, 108 и след.]. Процесс монотипизации алломорфов в указанных языках происходил в период после состояния В.

По поводу первой аномалии. Фузионное присоединение показателя *-(v)r* к открыто-сложным основам, наблюдаемое в северо-восточной группе, алтайском и туркменском, необходимо отнести к инновациям, хотя наличие собственного гласного, составляющее данную аномалию, является глубоким архаизмом (об этом см. ниже). Другой формой отражения этой архаичной черты является появление заградительного *j* и образование неальтернативных алломорфов —

в азербайджанском, алтайском, древне- и караханидско-уйгурском, причем древние языки обладали дублетностью альтернативных и неальтернативных алломорфов (*-r/-jur*), что представляется относящимся хронологически к состоянию Б, тогда фузионное присоединение в ряде указанных выше языков — к состоянию В и более поздним этапам развития.

Таким образом, после отслоения заведомо поздних инноваций обе аномалии алломорфной реализации показателя *-r* остаются, что указывает на их глубокую укорененность, связанную с самим генезисом данной глагольной формы. Хотя в литературе широкому обсуждению подвергалась вторая аномалия и почти не придавалось значения первой, обе они важны в равной мере как свидетельства и следы, дающие точки опоры для реконструкции раннепраязыковых процессов периода вхождения формы на *-r* в механизм глагольной морфологии.

Вытекающая из первой аномалии несводимость друг к другу структурных типов поствокальных алломорфов (*-r/-jur*) отражает существование каких-то двух разнохарактерных образований. Нормальные структуры типа др.-тюрк. *tir*, тур. *der* 'говорит', *jer* 'ест' следует признать относительно более древними. В пользу этого говорят два факта: аналогичная структура залоговых формантов и ряд предполагаемых сращений, таких, как *er-* (<**e-*+*-r-*) 'быть', *bar* (<**ba-*+*-r-*) 'имеется' (собственно-вербальная форма 3-го лица), 'имеющийся' (причастие), 'имеющееся, наличное' (имя действия), возможно, также *tur-* (<**tu-*+*-r-*) 'стоять' и др. [Котвич 1962, 278—285].

Функциональный смысл аномальных структур (в обеих разновидностях — с заградительным *j* по огузскому образцу и без *j* с фузией гласных основы и аффикса по образцу языков северо-восточной группы) состоит в том, чтобы сохранить гласный, находящийся перед консонантом *r*. Если бы такой гласный имел "техническое" значение огласовки, необходимости в его сохранении не было бы; из этого вытекает, что данный гласный имеет самостоятельную значимость, что возможно только в одном случае: если гласный является элементом лексической морфемы. Подобный вывод указывает на то, что первая аномалия отражает процесс превращения в аффиксальную морфему служебной части какой-то аналитической конструкции. Согласно гипотезам, разрабатывавшимся В. Котвичем [1962, 213—218], Г. Дёрфером [Doerfer 1972, 331], Э.А. Груниной [1976$_2$, 104 и след.], в основе показателя времени *-r* лежит — преобразованный впоследствии — глагол *e-* 'быть' в форме презенса на *-r: er*. Данное предположение было призвано объяснить факты вариативности гласных в показателе (широкие/узкие; вторая аномалия); как представляется, одного этого положения для объяснения фактов второй аномалии недостаточно, но объяснению первой аномалии оно полностью удовлетворяет.

Огубленный гласный алломорфа *-jur* в древнетюркском объясняется — благодаря аналогии ряда форм, например *-duq, -γur*, — как фонетико-стилистическая примета литературной речи; следовательно, в действительности *-jur*<**-jir*, в котором *i*<**e* под влиянием заградительного *j*, т.е. **-jir*<**(j)er*. Фузионное присоединение показателя к открытой

основе и мена гласного показателя под влиянием гласного основы, как это происходит в тувинском, тофаларском и шорском, — более новое морфонологическое явление, пришедшее на смену заградительной йотации; следы последней можно видеть в якутском, хакасском и чулымском в том факте, что при фузии гласных основы и показателя на стыке всегда возникает узкий гласный.

Вытекающая из второй аномалии невозможность фонетического объяснения вариативности типов широкой/узкой огласовки привела к необходимости функциональной интерпретации этого чередования, в обоснование чего Г. Дёрфер выдвинул гипотезу о существовании в пратюркском наряду с темпоральными суффиксами или тензорами времени: *-d-* (претерит), *-g-*, *-č-* (футурум), нулевой или *-r-* (аорист-презенс) — тензоров пространства: *u* — с "инверсальным" значением, когда действие остается в сфере субъекта, *a* — с "адверсальным", или переходным, значением, *i* — с реверсальным значением, когда действие возвращается на субъект [Doerfer 1972, 332—335; см. также: Грунина, 1976_2, 103 и след.].

Э.А. Грунина в порядке конкретной и конструктивной критики гипотезы Дёрфера предложила следующие поправки, фактически выдвинув новую гипотезу: из числа тензоров должен быть исключен показатель *u* как связанный с относительно поздним становлением лабиальной гармонии [Грунина 1976_2, 107]; необходимо оставить двоичное чередование широких/узких, в котором "можно усмотреть древний лексико-грамматический способ перфективного/имперфективного рассмотрения действия, предшествовавшего аспектуальной функции темпоральной системы" [Там же, 108].

Обе гипотезы (как и многие другие построения сравнительно-исторической грамматики тюркских языков) исходят из "незыблемости" постулата о структуре корня в пратюркском по типу СГС. Между тем есть основания допускать, вслед за Г.И. Рамстедтом и В.М. Илличем-Свитычем [подробнее см.: Кормушин, 1984, 66—67], что ряд корней, традиционно рассматриваемых как тип СГС, имели структуру СГСГ. При таком допущении многие факты, в том числе факты рассмотренных аномалий, можно объяснить по-иному, не отвергая при этом рационального зерна гипотез Дёрфера и Груниной относительно функционального характера варьирования гласных показателя *-r* и гипотезы Котвича—Дёрфера—Груниной относительно возможной аналитичности форм времени с *-r*.

Принимая за исходную структуру корня тип СГСГ, мы тем самым должны включать тензоры в состав этого архаичного корня, а не в состав аффиксов. К открыто-сложной основе присоединялись залоговые, временные и другие аффиксы, состоявшие из консонантной характеристики и последующего огласовочного элемента. Сам факт изменчивости позиционно последнего элемента корня при двоичном тензорном варьировании облегчил наступившее впоследствии, при изменении характера ударения в слове, морфологическое переразложение, когда тензорный гласный корня отошел к показателям времени (залога и т.д.), а огласовочный элемент ближних к основе аффиксальных показателей (т.е. времени, залога и т.д.) отошел

к последующим показателям. Процесс переразложения был подготовлен и сопровождался десемантизацией тензоров, обусловленной тем, что нарождавшаяся темпоральная система "перекрывала" и обесценивала грамматический характер более старой системы перфективности/имперфективности. При этом первоначально более грамматичными были как раз тензоры, а показатель *-r(v)* присоединялся к основам с тем и другим тензорами в лексико-грамматическом значении характеризующего типа, но постепенно в показателе *-r(v)* грамматизовалось значение отнесенности действия к временному плану, включающему момент речи. В результате общего морфологического переразложения пратюркского слова возникли основы типа СГС и аффиксы типа ГС, при этом глаголы долго сохраняли тот конкретный фонетический вид аффикса ГС (с узким или широким гласным), который задавался взаимодействием лексической семантики глагола с лексико-грамматической системой тензоров. Можно предполагать, что часть глаголов имела основу с тензором *a-ä* и впоследствии обладала афф. *--ar/-är* (равно как и *-an/-än, -at/-ät* и т.д. в залоге), часть глаголов имела основу с тензором *-y/-i* и впоследствии обладала афф. *-yr/-ir*, а часть глаголов могла иметь две основы с каждым из тензоров и потому впоследствии обладала дублетной аффиксацией с алломорфами обоих типов. Таково, на наш взгляд, происхождение второй аномалии.

Что касается первой аномалии, то и она, по всей очевидности, связана с древнейшими процессами перестройки корня. По-видимому, аналитические конструкции с *er* (глаголом *e-* 'быть' в форме на *-r*) в значении настоящего актуального возникали еще на стадии пространного (вокалически-тензорного) корня, т.е. имели вид СГСГ *er* (**käli er* 'идет (сейчас)' и т.п.), и такие формы были наряду с более ранними синтетическими структурами типа СГСГ+-СГ (**kalirä*). Семантико-грамматический тип аналитического построения впоследствии, при появлении "нового поколения" основ типа СГСГ, не мотивированных включением тензоров (или, в каких-то случаях, с опрощенными тензорами), в определенной части тюркской языковой области был обобщен как морфонологическое правило присоединения показателя *-r* к основам на гласный. Дублеты типа *oqyr//oqyjur* (КБ) и *tir//tijür* (др.-уйг.) показывают, что процесс обобщения был связан с нейтрализацией семантического различия в указанных формах и происходил достаточно поздно.

ФОРМА НА *-a*

В большинстве современных тюркских языков граммема настоящего неотносительного выражается формой на *-a* — таково положение в северо-восточных языках, исключая тофаларский и сарыг-югурский, в юго-восточных, исключая саларский, во всех без исключения языках кыпчакской группы. Форма на *-a* отсутствует в современных огузских языках, что является классификационной приметой этой группы, но фиксируется в турецких и азербайджанских средневековых памятниках, из языка которых она к XVI—XVII вв. постепенно выходит [Грунина 1966_2, 78—91].

Парадигма спряжения

Ед число

1 л. тат.	*bar-a-m(yn)* 'я иду'
узб.	*kel-a-man* 'я приду'
тув.	*kör-à-dir men* 'я смотрю, я вижу'
2 л. тат.	*bar-a-syŋ* 'ты идешь'
узб.	*kel-a-san* 'ты придешь'
тув.	*kör-ä-dir sen* 'ты смотришь, видишь'
3 л. тат.	*bar-a* 'он идет'
узб.	*kel-a-di* 'он придет'
тув.	*kör-à-dır* 'он смотрит, видит'

Мн число

1 л. тат.	*bar-a-byz* 'мы идем'
узб.	*kel-a-mız* 'мы придем'
тув.	*kör-ä-dir bis* 'мы смотрим, видим'
2 л. тат.	*bar-a-syz* 'вы идете'
узб.	*kel-a-sız* 'вы придете'
тув.	*kor-a-dır silär* 'вы смотрите, видите'
3 л. тат.	*bar-a(lar)* 'они идут'
узб.	*kel-a-dilar* 'они придут'
ту.	*kör-ä-dır lär* 'они смотрят, видят'

Происхождение формы на *-a*

Форма настоящего времени на *-a* гомогенна со слитным (одновременным) деепричастием на *-a/-y/-u*, и обе они представляют собой функционально специализировавшиеся разновидности одной и той же формы, несомненно восходящей к пратюркскому состоянию. Ранее нами было высказано предположение о возникновении этой формы путем вычленения конечного гласного корня в процессе морфологического переразложения структур СГСГ в условиях функционирования такой основы на правах "нулевого" презенса [Кормушин 1984, 75]. Представляется необходимым дополнить это положение сказанным выше о тензорном характере конечного гласного корня. При таком подходе целесообразнее полагать, что нуль-аффиксальная основа СГСГ в действительности имела грамматический показатель в виде одного из двух тензоров фазовости (перфективности/имперфективности); отношение к процессуальности в семантике тензоров *a/y* помогло переосмыслить их в темпоральной системе как презентные показатели с нейтрализацией семы перфективности.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ ПРЕЗЕНСА НА *-r*

С презентной формой на *-r* в положительном (утвердительном, неотрицательном) аспекте в отрицательном аспекте коррелирует парадигма, в разных частях которой в разных тюркских языках содержатся показатели различного материального состава, при этом в 3-м лице (в праязыке была единая форма 3-го лица для ед. и мн. числа) во всех языках выступает единый (с чисто фонетическими вариантами) алломорф: тур., аз., туркм., ктат., кбалк., уйг., алт., хал., орх.-ен., др.-уйг. *-maz/-maz*, остальные языки — с глухим сибилянтом,

т.е. *-mas/-mäs* (*-bas/-bäs*), причем закономерно башк. *-maɣ/-mäɣ*, як. *-bat/-bat*. Как уже говорилось выше, алломорф *-maz* является характерной приметой презенса на *-r*. В других членах негативного парадигматического ряда происходит варьирование показателей. В 1-м лице ед. числа исконной формой был показатель *-mam*, который в одних языках сохранился (например, в тур., ктат., тат., башк., хал.), а в других заместился либо показателем с *-r* (аз. *-ma-r-am*), либо показателем 3-го лица *-maz~-mas* (ног., хак., чул., як., чув. и др.), причем в ряде языков образовались морфологические дублеты: *-mam//-maz-mvn* (туркм., кар., кбалк.); в гагаузском же дублетность форм установилась за счет формы на *-r* не только в 1-м лице ед. числа (*-mam//-ma-r-ym*), но и в остальных лицах [Покровская 1964, 189]. Показатель *-mam* невозможно рассматривать иначе, как состоящий из отрицания *-ma* плюс притяжательный формант 1-го лица ед. числа, т.е. собственно временной формант здесь отсутствует. Можно предполагать, что и в остальных формах не третьих лиц также первоначально были показатели с нуль-формантом времени, но впоследствии почти везде они заместились распространившейся из 3-го лица формой *-maz~-mas* в сочетании с личными показателями 1-го лица и 2-го лица; на прежние структуры указывают немногие формы: для 2-го лица ед. и мн. числа, пожалуй, только халаджские *kal-mä-y* 'ты не приходишь' и *kal-ma-y-ıs* 'вы не приходите', а для 1-го лица мн. числа таких свидетельств больше — тат., башк., кбалк. и др. *-ma-byz*, хал. и др. *-ma-myz*.

Таким образом, для пратюркского состояния мы констатируем в негативной парадигме схождение двух типов показателей: "нулевого" в 1-м и 2-м лице ед. и мн. числа и *-z/-s* в 3-м лице. Подобная гетероклитичность данной парадигмы, проходящая столь же последовательно по всем языкам, как и аномальность алломорфии форманта *-r* в положительном аспекте, показывает, что мы имеем дело с исключительно архаичным явлением. Этому соответствует и такое наблюдение: негативная парадигма иногда консервирует показатели предшествующей эпохи, из-за того что при смене форманта в положительном аспекте аналогичной замены в отрицательном не происходит: например, в чувашском показатель *-maz* коррелируем с формой на *-a*, которая явно сменила здесь форму на *-r*, или же в орхонском, где с формой на *-myš* в положительном аспекте в отрицательном коррелирует форма на *-duq*, тоже воспринимаемая как относительно более древняя, чем *-myš*. На основании этого можно предполагать, что показатели "нулевой" и *-z/-s* являются даже более архаичными типами презенсов, чем форма на *-r*, которая заместила их в положительном аспекте.

В соответствии с изложенной выше теорией "нулевые" негативные формы отражают исходную структуру глагольного словоизменения, когда за корневым тензором как грамматическим показателем ставилось отрицание, а затем показатели лица. При грамматичности тензора другого грамматического показателя не требовалось. Форма на *-maz* может быть истолкована как сращение отрицания либо с посессивным показателем 3-го лица *-sy*, либо, как попытался ранее показать автор этого раздела, с особым типом презенса

на *-s*, сохранившемся в чувашском причастии на *-as*/*-äs* и деепричастии на *-sa*, общетюркской условной форме на *-sa*, в особенности в ее так называемых несопряженных употреблениях общемодального (неусловного) плана [см. подробнее: Кормушин 1984, 29—36]. Еще раньше Б.А. Серебренников высказывал в общем виде идею "о форманте *s* с футуральным значением в тюркских языках", усматривая его в составе таких показателей, как: *-syn* — побуждение к действию, *-s* — чувашское причастие, *-asy* — форма, например в татарском *barasy*, со значением 'чтобы идти', *-sa* — условная форма [Серебренников 1971_2, 285—287]; правда, в дальнейшем эта идея о футуральном **-s* в систематическом изложении сравнительно-исторической грамматики не получила развития и была трансформирована в положение о пратюркском оптативе на *-asy* [Серебренников, Гаджиева 1979, 200]. И в случае посессивного, и в случае собственно презентного **-s* как источника форманта *-z* в показателе *-maz*/*-mas* правомерность возведения звонкого сибилянта к глухому в чисто фонетическом отношении [ср.: Грунина, Поцелуевский 1985, 87] можно видеть в том, что в раннепратюркском существовала только /*s/, а /*z/ появляется лишь на стадии позднепратюркского [СИГТЯ. Фонетика, 213 и след.], причем в реконструкции А.М. Щербака *z* является позиционно-комбинаторным аллофоном **s* после долгих гласных [Щербак 1970_2, 162].

ПЕРФЕКТ

Перфект как содержательный элемент грамматической системы (граммему) с полным основанием можно постулировать для пратюркского состояния, поскольку он наличествует абсолютно во всех (без исключения) современных, средневековых и древних тюркских языках. Однако помимо этого общего вывода многие конкретные вопросы реконструкции данного узла категории времени остаются довольно неопределенными. Так, в части аффиксальных показателей тюркские языки располагают по крайней мере восемью формами, которые должны быть отнесены к кругу перфектных и в подавляющем большинстве языков на правах дублетов выступают по две, реже — по три формы. Все они далеко не равной активности, причем формы более распространенные по языкам и в большей степени продуцирующие из числа дублетов в одном языке по признакам морфологической усложненности оказываются заведомо позднейшими образованиями, хотя по целому ряду других показаний они также существовали в пратюркскую эпоху. Формы же, выглядящие более ранними прежде всего в структурно-морфологическом отношении сохраняются лишь в немногих, главным образом, периферийных языках (что и свидетельствует в пользу их архаичности), однако достоверность заключений на таком ограниченном материале часто оказывается не вполне убедительной.

Далеко не так прост, как это могло бы представиться сначала, вопрос о семантическом потенциале и закономерностях сдвигов, переходов и развития значений перфектных форм — столь разнообразен материал их реального функционирования. При его анализе обращают на себя внимание две важнейшие особенности: участие

перфектов в образовании форм настоящего актуального и употребление перфектов для выражения плюсквамперфектного значения. Обе эти особенности оказываются решающими не только для семантической реконструкции, но и для правильной грамматической интерпретации всего круга относящихся сюда форм; причины же их появления и проявления коренятся в характере и способах организации семантической структуры данной языковой категории.

Перфект как особая глагольно-временная форма представляет передаваемое им действие весьма специфическим образом: действие закончилось до какого-то определенного момента и на (в) этот определенный момент преподносится и рассматривается результат этого действия, каковым оказывается состояние или положение объекта (например, тат. *malaj ujenčγγn juγaltqan* 'мальчик потерял свою игрушку', результат: игрушки нет) или субъекта (например, *malaj kitkän* 'мальчик ушел', результат: мальчика нет). Подобное фазисное членение действия вступает во взаимодействие с темпоральными характеристиками, которые касаются двух аспектов: положения рубежа или границы фаз на хронологической оси (здесь три возможности — рубеж совпадает с моментом речи или располагается в плоскости прошлого либо будущего) и хронологического соотношения фаз (здесь две возможности — первая фаза переходит во вторую непосредственно или, напротив, вторая фаза хронологически отстоит от первой, между ними имеется определенный разрыв). Комбинации указанных темпоральных признаков дают шесть граммем, однако их число должно быть увеличено до девяти за счет тех случаев, когда рубеж фаз либо совсем не фиксирован, т.е. может располагаться в любой из плоскостей прошлого, настоящего и будущего, либо охватывает две плоскости из трех.

Наряду с фазисно-темпоральными характеристиками перфектные формы могут грамматизовать и определенные модальные значения: неожиданности для говорящего второй фазы или недостоверности — первой; здесь также возможны безмодальное сочетание и сочетание обеих модальностей.

Очевидно, теоретически исчислимое число семантических блоков, сочетающих фазисно-темпоральные и модальные характеристики действия, может быть достаточно велико. Из этого реестра конкретная перфектная форма обладает каким-то определенным блоком в качестве ведущего и продуктивного (это и есть содержание данной граммемы в данном языке) и одним или несколькими (либо вообще ни одним) блоками в качестве неосновных. Однако определение семантической структуры перфектных значений не исчерпывает проблемы определения значений перфектных форм. Дело в том, что тюркские формы, относимые обычно (по их более заметной роли) к перфектным, в действительности заключают в себе две семантические категории: перфект и инфект.

Инфект, в отличие от перфекта, производит не постакциональное членение действия (по схеме: действие — результат), но внутриакциональное (по схеме начальная — последующая или конечная фазы). При подобной мысленной и условной разбивке действие представлено таким образом, что оно началось до определенного

момента и продолжалось или заканчивалось после или в этот определенный момент. Различие перфекта и инфекта грамматизуется в тех случаях, когда "перфектные" показатели в сочетании с какими-либо показателями дуративности (чаще всего вспомогательными глаголами соответствующей семантики) образуют формы настоящего актуального, противопоставляемые тем же формам, но без дуративных глаголов, в функции настоящего перфектного времени, например: каз. *män žazyptan* 'я написал (вот результат)' — *män žazyp žürmän* 'я пишу (в данное время)'. Тюркские формы настоящего актуального, образованные по подобным моделям, являются полной структурно-семантической аналогией английским временам группы Perfect Continious, грамматически противопоставленным группе обычных Perfect.

ФОРМА НА *-myš*

Парадигма спряжения

Ед. число

1 л.	гаг.	*al-myš-ym* 'я взял (оказывается, будто бы)'
	тур.	*jaz-myš-ym* 'я (говорят, кажется, видимо, оказывается и т.д.) (на)писал'
		jaz-myš-ym-dyr 'я (уже) написал' (я уверен в этом, результат налицо)
	як.	*bar-byp-pyn* 'я, оказывается, ушел'
		bar-byt-ym 'я ушел'
	тув.	*al-byšaan men* 'я еще беру, получаю; продолжаю брать, получать'.
2 л.	гаг.	*al-myš-yn* 'ты взял будто бы'
	тур.	*jaz-myš-syn* 'ты (говорят,... и т.д.) (на)писал'
		jaz-myš-syn-dyr 'ты (уже) написал'
	як.	*bar-byq-qyn* 'ты, оказывается, ушел'
		bar-byt-yŋ 'ты ушел'
	тув.	*al-byšaan sen* 'ты еще берешь, продолжаешь брать'
3 л.	гаг.	*al-myš* 'он (она) взял(а) будто бы'
	тур.	*jaz-myš* 'он (она) (говорят, ... и т.д.) (на)писал(а)'
		jaz-myš-tyr 'он (она) (уже) написал(а)'
	як.	*bar-byt* 'он(она), оказывается ушел (ушла)'
		bar-byt-a 'он (она) ушел (ушла)'
	тув.	*al-byšaan* 'он (она) еще берет, продолжает брать'.

Мн. число

1 л.	гаг.	*al-myš-yq* 'мы взяли (оказывается, будто бы)'
	тур.	*jaz-myš-yz* 'мы (говорят, ... и т.д.), (на)писали'
		jaz-myš- yz-dyz 'мы (уже) написали'
	як.[54]	*bar-byp-pyt* 'мы оказывается, ушли'
		bar-byp-pyt 'мы ушли'
	тув.	*al-byšaan bis* 'мы еще берем, продолжаем брать'
2 л.	гаг.	*al-myš-yŋyz* 'вы взяли (будто бы)'
	тур.	*jaz-myš-synyz* 'вы (говорят, ... и т.д.) (на)писали'
		jaz-myš-synyz-dyr 'вы (уже) написали'
	як.	*bar-byq-qyt* 'вы, оказывается, ушли'
		bar-byq-qyt 'вы ушли'
	тув.	*al-byšaan siler* 'вы еще берете, продолжаете брать'

[54] В 1 и 2-м лицах мн. числа обе формы времени формально не различаются из-за совпадения личных окончаний, см. выше

3 л. саг.	*al-myš-lar* 'они взяли будто бы'
тур.	*jaz-myš-lar* 'они (говорят, ... и т.д.) (на)писали'
	jaz-myš-lar-dyr/|jaz-myš-tyr-lar 'они (уже) написали'
як.	*bar-byt-tar* 'они, оказывается, ушли'
	bar-byt-tara 'они ушли'
тув.	*al-byš-aan-nar* 'они еще берут, продолжают брать'.

В качестве финитной глагольно-временной формы с перфективным значением форма на *-myš* активно продуцирует, имея полную личную парадигму, в огузских языках — турецком, гагаузском, азербайджанском. Во всех этих языках для данной формы характерна также роль причастия; в гагаузском, кроме того, отмечается ее употребление как имени действия [Покровская 1964, 236]. Деепричастная функция форме на *-myš* не свойственна, но окказионально она может выступать в полупредикативной позиции.

В туркменском языке, в отличие от остальных огузских, форма на *-myš* вытеснена кыпчакской по происхождению формой на *-a:n* (см. ниже) с места перфекта индикатива и причастия, но сохранилась все же на периферии временной системы, употребляясь при перфекте на *-a:n* идругих временах как модальная частица. Аналогичное употребление формы на *-myš* характерно и для остальных огузских языков, причем, видимо, даже в большей степени, чем туркменскому, поскольку таким способом здесь, в этих трех языках образуется целая система пересказывательных форм [Покровская 1964, 224; Грунина 1975, 18; 1976$_1$, 14 сл.]. Образование подобной модальной энклитики происходит за счет стирания вспомогательного глагола *i-~e-* 'быть', принимавшего показатель *-miš* и образовывавшего аналитическую конструкцию с полнозначным глаголом. Этот процесс наглядно демонстрирует, например, турецкий, где исходные построения типа *jazyjor imišim* сохраняются наряду с синтетическими *jazyormušum* во всех временах индикатива и косвенных наклонениях [Кононов 1956, 250—251]; исходность аналитических дублетов подчеркивается их стилистически несколько архаической и книжной окрашенностью.

В халаджском, по материалам В.Ф. Минорского [Minorsky 1940, 422—423], форма на *-myš* функционирует как финитная, хотя личное спряжение при этом отсутствует, однако выступает ли она здесь в других функциональных разрядах — пока неизвестно. Если признавать халаджский субстратно *d*-языком с сильным огузо-азербайджанским наложением, то форму на *-myš* здесь нельзя определенно отнести к адстрату, поскольку в других современных *d*-языках северо-восточной группы эта форма также присутствует. Особенно активна она в якутском (в закономерном звуковом облике *-byt*), где во временной системе представлена в нескольких морфологических вариациях, а кроме того весьма продуктивна как имя действия. В тувинском же и тофаларском рассматриваемая форма сохраняется только в составе морфологических композит тув. *-byšaan* и тоф. *-byšaaŋa*, которые выступают в двух функциях: как собственно вербальные, выражающие определенную граммему времени, и как причастные.

В современных языках юго-восточной группы форма на *-myš* в зна-

чительной мере утратила свои позиции, хотя и не в одинаковой степени в разных языках. В узбекском положение *-myš* аналогично описанному для туркменского; в уйгурском она полностью непродуктивна и отложилась в застывших субстантивированных формах причастий [Наджип 1960, 111]. В саларском (если его относить к данной группе, считая все же огузские элементы поздним наложением) форма на *myš* вытеснена с места перфекта кыпчакской суперстратной формой на *-γan* и сохраняется в семантически преобразованном виде как дублет к претериту на *-ǰi* (<**-di*), главным образом, во 2 и 3-м лице [Тенишев 1976$_1$, 148—150].

Исконная принадлежность формы на *-myš* данной группе языков могла бы быть оспорена, поскольку юго-восточные языки подверглись основательному влиянию языков огузского типа, особенно в средний период XII—XIV вв., что отражено литературными памятниками хорезмийского круга, если бы решающие свидетельства на этом счет не предоставляли памятники уйгуроязычного генетического типа более древней поры — древнеуйгурские (буддийские и манихейские) VIII—X вв. и караханидско-уйгурские XI в., где рассматриваемая форма отличается полнокровным функционированием. В приводимом бейте из "Кутадгу билиг" сочетаются предикативно-финитное и адъективно-причастное употребления формы на *-myš*: *synamyš jaγγučy kiši teŋlämiš/on iki miŋ er sü öküš sü temiš* (QB 2334)' испытанный воитель говорил: можно управиться (букв. управился) с войском, если оно будет самое большее 12 тыс. человек'; обычны у нее в этом памятнике и функции номенализации действия: *közüm körmišinni jitургil qatyn* (QB 4102) 'скрывай виденное тобой'. Аналогична развитая полифункциональность данной формы в древнеуйгурском [Насилов В.М. 1963, 56—58, 72—73].

Сказанное о распространении формы на *-myš* дает основание утверждать, что эта форма в исторически засвидетельствованное время, начиная с древнейших памятников, характерна не для всех, но для определенной части тюркских языков: юго-западных, юго-восточных и северо-восточных. Северо-западные языки содержат лишь спорадические включения субстантиватов на *-myš*, которые, по всей видимости, проникли из средневековых литературных языков, формировавшихся при участии огузских структурных элементов; северо-западные, таким образом, принципиально отличаются отсутствием данной формы в системе глагола. Могло ли сложиться такое положение в результате утраты формы на *-myš* подобно тому, как ее утратили туркменский, уйгурский и вся *z*-подгруппа (хакасский и др.) из числа *-myš*-языков? Вряд ли, поскольку в столь обширной части тюркской языковой области, какой являются кыпчакские языки, должны были бы сохраниться рудименты грамматического функционирования данной формы, а не лексемные свидетельства. Распространенность в кыпчакских языках названий для 60 и 70, содержащих показатель *-myš* (см. раздел "Числительные"), общий, как думают, с показателем глагольной формы, можно предположительно трактовать как уйгуро-огузские культурные заимствования. При таком допущении форму на *-myš* приходится признать ареально ограниченной и, если и восходящей

к праязыку (в связи с определенной древностью, показываемой вхождением в упоминавшиеся числительные), то и там являвшейся "диалектным" новообразованием. В пользу такой трактовки исторического положения формы на *-myš* говорят данные о ее происхождении, содержащиеся в особенностях ее функционально-семантического развития и морфологического состава.

Сравнение функционального облика формы на *-myš* в современных и древних языках определенно проявляет тенденцию нарастания у нее свойств имени действия по направлению к прошлому. Уже гагаузские данные в сравнении с турецко-азербайджанскими должны указывать на сохранение ареально-периферийным языком архаической черты. Еще более наглядны данные древних языков. Множество внешне разрозненных фактов укладывается в эту общую тенденцию.

В древнеуйгурском и караханидско-уйгурском регулярны и многочисленны употребления форм с *-myš* в роли номинализованных зависимых предикаций, выступающих как дополнение или подлежащее при другом сказуемом. Это наиболее яркие, но не единственные сферы применения имен действия, в частности имени действия на *-myš*. Последнее, как и другие масдары, способно употребляться в позициях сказуемого и определения, имея принципиальные семантические отличия от собственно глагола и от причастия. Подобные отличия не всегда эксплицитно выражены на формальном уровне. В предложении *bitinmiš üčün söz unytmaz qalur* (QB 2697) 'будучи записанным, сказанное не забывается' номинативность второго сказуемого в форме на *-myš* опознается по послелогу.

Глагольная форма в позиции определения в тюркологии традиционно считается причастием. Действительно, когда такая форма служит определением к своему агенсу (читающий~читавший человек) или в страдательном залоге — к своему пациенсу (читаемая ~ читавшаяся книга), она — причастие. Тюркские языки давно выработали данную категорию, и уже в "Кутадгу билиг" встречаются действительные и страдательные причастия, однако во многих даже современных языках сохранилась более древняя система, обнаруживающая себя прежде всего в постановке формы действительного залога глагола—определения к объекту, благодаря чему подобная форма как бы приобретает "пассивное значение" и это приводит якобы к неразличению здесь залогов [Дмитриев 1948, 190].

В действительности с исторической точки зрения в подобных структурах мы имеем дело не с причастием, а с именем действия, которое как имя может применяться в тюркских языках без изменения своей морфологической формы в качестве определения к другому имени: *tilin sözlämiš söz ešittin* (QB 3812) 'ты слышал речь, переданную на словах (букв.: слово, сказанное языком)'; *tilämiš tiläkin beg andyn bulur* (QB 2416) 'удовлетворение желаний находят в них беки (букв.: желаемое желание)'; в обоих примерах вместо "пассивных" 'сказанное' и 'желаемое' в тюркском тексте присутствует имя действия, т.е. в совершенно буквальном понимании имеем здесь: 'говорения (в прошлом) слово', 'пожелания (в прошлом) желание'. Именная природа подобных определений доказывается еще и тем, что в некоторых

языках отдельные имена действия получают аффиксы принадлежности, указывающие на агенс: тур. *okuduğum kitap* 'книга, которую я читал', т.е. 'книга моего чтения (в прошлом)'.

В отличие от древнеуйгурского и караханидско-уйгурского в языке орхоно-енисейских надписей, собственно номинализованные употребления формы на *-myš*, т.е. употребления в роли подлежащего, дополнения и обстоятельств, отсутствуют, но употребления адъективно-именные обычны: *anča qazγanmyš itmiš ilimiz törümiz erti* ($КТ_{22}$) 'таковы были добывавшиеся и устраивавшиеся нами государство и закон (букв.: добывания, устраивания наше государство, наш закон)'. Следовательно, сохраняется важнейшее свидетельство именного характера данной глагольной формы, однако в целом форма на *-myš* выглядит в орхонском "менее именной" и "более глагольной", и такой ее облик аналогичен облику формы в турецком и азербайджанском. Гагаузский в этом плане отражает тенденцию сохранения собственно-номинализованных употреблений аналогично древним уйгурским языкам.

Большую степень глагольности формы на *-myš* видят в образовании полной личной парадигмы. Это справедливо для современных огузских и, отчасти, якутского языков, где личная парадигма перфекта семантически однородна. Однако в древних языках семантико-функциональный статус формы по лицам принципиально разнороден. В древнеуйгурском и караханидско-уйгурском в 1 и 2-м лице употребляется фактически еще имя действия: *telim körmišim bar tegimsiz kiši* (QB 2516) 'много я видел недостойных людей'; *bajat fazly erdi sini bulmyšym* (QB 3120) 'милостью бога было то, что я нашел тебя'. Подобные личные образования, будучи именными, не составляют поэтому единой парадигмы с глагольными употреблениями в 3-м лице, но, несомненно, являются источником формирования личной глагольной парадигмы.

Приведенные примеры указывают на два возможных пути оглаголивания личных форм: первый — путем элиминирования предикатива *bar* (эту гипотезу предлагал для объяснения происхождения формы на *-dy* с ее посессивными окончаниями еще Н.К. Дмитриев [1948, 141]; второй путь — через независимое, несопряженное с главной частью употребление зависимой номинализованной синтагмы (этот путь как один из допустимых, наряду с первым, предлагается впервые в настоящей работе (см. с. 396 и сл.). В 3-м лице в финитной позиции форма на *-myš* не несла на себе видимых примет глагольного имени, полностью, вероятно, оглаголившись, что можно видеть особенно наглядно в таких контекстах, когда она выполняет роль своеобразного пересказывательного или модального претерита [Грунина 1976_1, 19]. В качестве примеров здесь можно указать на повествование в форме на *-myš* о событиях прошлого от лица Бильге-кагана, в которых рассказчик не участвовал и знает о них с чужих слов ($КТб_{1-16}$), либо аналогичного типа пассаж о правителях, которые жили "прежде нас" (QB 251—258; см. также 282, 2334—2337, 2517 и др.).

Таким образом, чисто глагольная линия функционирования формы на *-myš*, проявляющаяся только в 3-м лице, совпадает во всех древних языках. Тот же факт, что в финитивной позиции форма на *-myš* употребляется в орхонском только в 3-м лице [Кондратьев 1970, 33; Кононов

1980, 189], следует объяснять тем, что в орхонском по сравнению с древними уйгурскими языками произошла редукция именного функционирования, сказавшаяся на отсутствии личных форм 1-го и 2-го лиц, являвшихся в действительности именными.

Указанное различие в сохранении/устранении именного функционирования формы на *-myš* в орхонском, с одной стороны, и уйгурских, с другой, коррелирует с неодинаковым функциональным объемом в этих языках формы на *-dyq*: в орхонском все именные функции, которые в уйгурских приняла форма на *-myš*, исполняет форма на *-dyq*, которая в уйгурских, начиная с буддийско-манихейских текстов, заметно теряет свою продуктивность.

В якутском именная природа формы на *-myš* (>як. *-byt*) сохраняется, наряду с глагольной, в полной мере, поскольку здесь помимо прежде-прошедшего повествовательного на *byt* + аффиксы принадлежности (см. выше образцы парадигмы), получили регулярный статус особой временной формы прошедшего эпизодического морфологические образования на *byt* + аффикс обладания *-laax* + аффиксы принадлежности + предикатив *baar*. Вариантная модель этой структуры (*-byt* + *laax* + афф. сказуемости), а также структура прошедшего результативного на *-byt* + местоименные аффиксы базируются на причастной разновидности формы на *-byt* [ГСЯЛЯ 1982, 309—314].

Тувинская форма на *-byšaan* и тофаларская на *-byšaaŋga,* имеющие значение настоящего перфективно-продолженного времени (аналогичного английскому Present Perfect Continious), перфективную часть этой комплексной семантики обеспечивают показателем *-byš*, а дуративную — показателем *-aan* (см. ниже, раздел о форме на *-γan*). На именной характер форм здесь наиболее явно указывает включенный в тофаларское образование аффикс дательного падежа: *-byš* + *-aan* + *-ga* = *byšaaŋga*.

Вопрос о морфологическом составе показателя *-myš* не считается в тюркологии решенным удовлетворительным образом [Кононов 1956, 231; Котвич 1962, 297]. Между тем, продолжая аналитический ход этимологизирования Г. Рамстедта, считавшего, что данный аффикс "представляет собой древнее сложносоставное образование из имени на *-m* и существительного *-iš* 'предмет, вещь, дело, работа, факт'" [Рамстедт 1957, 101], можно допустить, что второй элемент аффикса есть также показатель имени действия на *-š*. Оба исходных для *-myš* имени действия являются действительно древнейшими общетюркскими формами; сам факт плеоназма этих форм в композите удостоверяет относительно позднее возникновение форманта *-myš* и "сходится", во-первых, с фактом известной ареальной ограниченности формы на *-myš*, во-вторых, с довольно поздним, происходившим еще в историческое время, ее оглаголиванием — включением в личную парадигму, выработкой форм действительного/страдательного причастия, затуханием или элиминированием именных употреблений, давшим к тому же, неодинаковые результаты по языкам.

Форма на *-yan* в качестве прошедшего перфективного времени характерна для всех групп современных тюркских языков за исключением огузской. Во всех языках, где форма на *-yan* функционирует как глагольно-временная, она активна также в качестве причастия и имени действия. При этом наряду с корреляцией действительное/страдательное причастие на *-yan* (как и форма на *-myš*) при имени, выражающем агенс или, соответственно, пациенс, употребляется в "действительном залоге", что, как выше было сказано, диагностирует не причастие (с "неразличением" залогов), а имя действия. Особенности же личного оформления временной парадигмы формы на *-yan* ясно указывают, что она составлялась в большинстве случаев на базе причастия, в ряде других случаев — на базе имени действия. При таком положении в некоторых языках парадигма времени глагола с показателем *-yan* в плане личных окончаний оказалась смешанной.

Формы на *-myš* и на *-yan* издавна воспринимаются в тюркологии как ареально распределенные, ср., например, дифференциальность этих форм в классификации Ф.Е. Корша; [ср. также Котвич 1962, 293; Грунина 1983]. Такое положение верно лишь отчасти даже для современных языков, поскольку не учитывает сосуществование этих форм в дентальной подгруппе северо-восточной группы; аналогичная совмещенность форм на *-myš* и *-yan* открывается и в караханидско-уйгурском.

В "Диване" Махмуда Кашгарского форма на *-yan/-gan* имеет во всех иллюстративных примерах значение причастия вневременного характера, выражающего действие длящееся, а также обычное или постоянное; это причастие приводится исключительно в предикативной позиции квалифицирующих предложений, из-за чего оно получает дополнительный оттенок склонности к совершению данного действия: *ol kiši ol joldan azytyan* 'этот человек сбивает с этого пути' (за пределами перевода остается коннотация, характеризующая субъект действия: он "сбивающий" с пути, т.е. он намерен сбивать кого бы то ни было с этого пути). Аналогичные контексты обычны и для "Кутадгу билиг": *söz uqγan kërak bolsa* (QB 2648) '(послу) надо быть понимающим речь (т.е. смысл речей, к нему обращаемых)'; *bajat aty birla sözüg bašladym/törütgän igidgän kečürgän iδim* (QB 1) 'с именем бога начал я речь, мой господь — творящий, поддерживающий, проводящий по жизни' (ср. перевод данных глагольных форм на *-gan* прошедшим временем у С.Е. Малова [1951, 235]).

Таким образом, характеризующая семантика формы на *-yan* в приведенных употреблениях во временном плане естественно является не столько презентной, сколько вообще вневременной, близкой семантике прилагательного. Временную прикрепленность эта форма получает в предложении путем соотнесения с другими, лексическими или грамматическими средствами выражения времени, прежде всего в предикате: *erdi ašγn taturγan/*javlaq *jaγγy qačurgan* (MK I 515) 'он был хлебосольным (букв.: угощающим, дающим отведать свои кушанья) / обращал в бегство злых врагов/отгонял войска ограков' (связка в прошедшем времени в первом стихе относится также и ко второму и третьему стихам: 'он был обращающим в бегство, он был отгоняю-

щим); *Negü tir ešitgil qaryšyan kur er/seringil seringen jayysyn urar* (QB 2379) 'послушай, что говорит не раз выходивший на битву смелый муж:/ упорствуй, упорствующий победит врага'. В стихах бейта форма на *-yan* имеет различную временную ориентировку: в первом — план настоящего в обоих сказуемых, главном и придаточном "оттесняет" реальность действия, передаваемого вневременным причастием('многократно сходящийся для битвы') в план прошлого; во втором — будущее время предиката, само лишь коннотативно присутствующее во вневременной форме на *-ur* окрашивает и причастие значением будущего (победит тот, кто будет упорствующим).

Приведенные примеры показывают, что вневременное причастие на *-yan* могло при выработке временного значения развиться в разных направлениях, что в действительности и имело место в различных частях тюркской языковой области. В той части ее, которой наследовали кыпчакские языки, форма на *-yan* развила значение прошедшего времени; в остальной же части тюркской языковой области форма на *-yan* выработала презентные значения.

В огузских языках рефлексом вневременного причастия на **-yan* [Deny 1920, 470] является продуктивное причастие настоящее на *-an*~*-jan*, туркм. *-jan*; "непродуктивными" рефлексами, сохранившими гуттуральное начало, являются связка тур., гаг., аз. *iken* и серия субстантиватов (типа тур. *unutqan* 'забывчивый') [Deny 1921, 567—568]. В туркменском наряду с собственной огузской формой на **-yan* (>*-jan*) активна также форма причастия прошедшего на *-an*, также из **-yan*, но уже не исконная, а относительно поздно проникшая из кыпчакских языков; кыпчакской же по происхождению следует считать здесь модальную связку *äkän*.

ФОРМА НА *-yb*

Форма на *-yb*, представленная почти во всех тюркских языках (кроме чувашского и якутского) как деепричастие предшествования, в подавляющем большинстве из них является также основой спрягаемой (личной) формы перфекта: таково положение в языках северо-восточной группы (тув., хак., шор., чул., с.-юг.), юго-восточной (уйг., узб.), северо-западной (тат., башк., казах., ккалп., ног., кирг., алт., кбалк.), а в огузской — в туркменском, но также в диалектах азербайджанского и турецкого языков. Не следует думать, что в значении перфекта выступает форма деепричастия, в действительности это две линии специализированного развития одной и той же формы, семантика предшествования действия (другому действию) в которой в обеих функциях — перфективного времени и деепричастия — подчеркивает их гомогенность. Семантико-грамматически филиация общей для этих форм исходной формы состояла в том, что в деепричастной функции форма на *-yb* ограничила свою синтаксическую позицию, но сохранила первоначальное значение относительного предшествования действия любому хронологическому периоду, тогда как в функции времени, напротив, форма на *-yb* сохранила свободу синтаксического применения, но получила локализацию на временной оси в области настоящего.

Древняя форма этого деепричастия, *-ban/-yban*~*pan/-ypan*, спорадиче-

ски встречающаяся в орхонских и древнеуйгурских памятниках, позднее в среднеазиатском литературном языке чагатайского периода, а также еще реже в современных огузских диалектах [подробнее см.: Кононов 1965, 101—102; 105; 1980, 128—130], дает основание восстанавливать здесь в качестве исходной полногласную структуру типа СГ (второй согласный — иной форматив, о нем см. ниже), предполагая форму на *-yb* (с последующим закономерным оглушением *-yp*) результатом морфологического переразложения — отпадения собственного широкого гласного и сращения с тензорным гласным корня: СГСГ + *ba* > СГС + *yb*(*a*), — причем перфективности показателя **-ba* соответствовало перфективное значение узкого гласного тензора (к особенностям семантики см. также ниже). Впрочем, возможно и иное объяснение происхождения гласного в составе формы *-yban* (см. ниже).

ФОРМА НА **-n*

В качестве элемента временной системы пратюркского данную форму можно назвать лишь предположительно. В несращенном виде она сохранилась в якутском как деепричастие на *-an*, выражающее предшествующее действие, и — без особой уверенности — в чувашском, как и в случае с гипотетическим презенсом на *-z/-s*, в двух семантико-морфологических разновидностях — с предшествующим и последующим гласным: *-an* — причастие настоящее и *-nə/-nӑ* — причастие прошедшее, оба имеющие общую негативную форму *-man*, позволяющую виртуально вычленить показатель **-n*.

Именно в таком виде — без сопровождающего гласного — этот формант отложился в целом ряде форм, возможно хронологически неоднородных: в древней форме перфектного деепричастия на *-yban* (см. выше), в негативной форме деепричастия *-majyn // -madyn* (см. ниже), в перфектной форме на *-yan*. По древним лексикализовавшимся отглагольным образованиям на *-n* для данного форманта можно постулировать особый характер семантики $\frac{}{i}$ предшествующе-соединительное значение в отличие от предшествующе-разделительного значения **-ba* [подробнее см.: Кормушин 1984, 45—47].

ДРЕВНЕЙШАЯ ПЕРФЕКТНАЯ ФОРМА НА **-Dy*

В ряде древних и современных языков с формой деепричастия на *-yb* в положительном аспекте в отрицательном аспекте коррелируют иные структурные образования: орх. *-maty/-matyn*, тув. *-bajn* (<**-bajyn*), хак. *-bin* (<**-bajyn*), ктат., ног., ккалп. *-maj*, тат. *-myj/-myjča*, бараб. *-majyn*. Формы с *j* из состава перечисленных часто пытаются объяснить как гомогенные форме на *-a* (в позиции после гласного отрицания *a*>*j*), что невозможно семантически из-за ожидавшегося бы в этом случае одновременного значения формы. Скорее всего негативная форма законсервировала более архаичный, чем сама форма на *-yb*, показатель, фонетический архетип которого задается альтернацией *d/j*, т.е. имеет вид **-Dy*. Реальное подтверждение этой реконструируемой формы находим в караханидско-уйгурском языке, по данным "Дивана" Мах-

муда Кашгарского, в котором несколько раз встречается форма *-mаδyb*. В последней более старая форма, восходящая к *-Dy, получила сращение с более новой формой *-b*.

В свете приведенной караханидской формы в структуре форманта аз., тур. *-majyb* не обязательно видеть "заградительный *j*" (как и в форманте *-jyb* после гласных основ в положительном аспекте той же формы деепричастия), возможно, мы имеем дело с *j*-рефлексом *D и в целом формант *-majyb* сохраняет в своем составе показатель *-Dy.

К числу форм, предположительно содержащих формант *-Dy, следует отнести древнеуйгурско-тувинско-хакасскую форму на *-juq*~*-čyq* [Насилов Д.М. 1966, 101—104], рассматривая указанные формы не как закономерные рефлексы, но как проникновение из *j*-языков (с закономерным более поздним переходом общетюрк. *j*=> тув., хак. *č*-) в специфическом семантико-грамматическом облике модально окрашенной с оттенком категоричности и законченности действия [подробнее см. там же, 95—96].

Относительно большая древность формы на *-Dy в сравнении с формами на *-ba* и на *-n* означает в то же время, что это — самая древняя форма в темпоральной системе глагола. Можно думать, что именно поэтому форма на *-Dy при образовании нескольких перфектных форм была вытеснена более поздними формами на место претерита.

К РЕКОНСТРУКЦИИ ЯДРА ТЕМПОРАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В ПРАТЮРКСКОМ

В позднепратюркском реконструируются: претерит на *-*dy* (или *-*δy*), презенсы на *-*r* и *-*a*, перфекты на *-*yb* и *-*an*. Переход к дальней реконструкции раннепратюркского состояния оказался возможен благодаря сохранившимся остаточным явлениям на периферии временно́й системы. Анализ этих явлений позволил постулировать для раннепратюркского систему иного порядка, качественно отличную от любой из систем, зафиксированных в древних и современных языках-потомках: перфект на *-Dy, презенсы на *-*s* и с нуль-формантами времени, представлявшими собой переработку еще более архаичной системы тензоров перфективности/имперфективности.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ

Наибольшее число производных глаголов, характеризующихся устойчивостью и высокой употребительностью, образовано во всех тюркских языках от других частей речи, в частности, от имен существительных, имен прилагательных, наречий и звукоподражательных слов. Образованы они главным образом с помощью деривационных аффиксов, имеющих типологическое или прямое соответствие в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Весьма значительная часть производной глагольной лексики создана за счет имен существительных и звукоподражательных слов способом словосложения (тесно

взаимодействовавшим с деривацией), образуя давно сложившуюся единую систему словопроизводства, которая во всех своих основных чертах сохранилась в живых тюркских языках и получила на их почве дальнейшее развитие.

АФФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Аффиксальное словообразование тюркского глагола от других частей речи обнаруживает большую общность с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками [см. Рамстедт 1957, 173], свидетельствующую о его глубокой древности. Оно было и остается основным средством обогащения глагольной лексики за счет имен существительных, имен прилагательных, наречий и подражательных слов, хотя преобладающее большинство деривационных аффиксов давно стало непродуктивным и в современном словообразовании фактически не участвует.

Все деривационные аффиксы, охарактеризованные ниже, восходят, по нашему мнению, к праязыку, т.е. имеют общетюркский характер, и, за редким исключением, находят прямые соответствия в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках; производные слова, образованные с их помощью, относятся к наиболее устойчивому слою лексики первой необходимости и имеют широкое распространение во всех древних и современных тюркских языках.

Большинство аффиксов, сохранивших свою продуктивность, отличаются многозначностью, наглядно свидетельствующей о прямой зависимости их деривационных значений от лексического содержания производящей основы. В каждом из своих основных и частных значений они вовлекают в словообразование слова лишь определенного семантического профиля или разряда, образуя, таким образом, строго очерченную стереотипную словообразовательную схему, модель. Соответственно их деривационные значения предстают как содержание не столько самого аффикса, сколько всего данного структурного типа производных слов, т.е. самой словообразовательной формы.

ФОРМА НА *-la*

Морфема *-la/-le*, характеризующаяся в целом большой устойчивостью, является архетипом для всех ее алломорф, возникших на общих основаниях по законам фономорфологии, действующим в отдельных тюркских языках или их группах, в частности, в аз., уйг., тат., башк. *-lə* (**e>ə*), *тув. -na/-ne, -ta/-te, -da/-de,* як. *-laa/-lee, -loo/-löö, -taa/-tee, -too/-töö, -daa/-dee, -doo/-döö, -naa/-nee, -noo/-nöö,* др.-тюрк. *-ly* (МК III, 294). Алломорфы *-ta/-te* и *-da/-de* давно превратились в самостоятельные деривационные аффиксы (см. ниже).

Форма на *-la/-le* обширным пластом широкоупотребительных глаголов представлена не только во всех древних и современных тюркских языках, но и в монгольских и тунгусо-манчжурских языках. Это дает достаточные основания для возведения ее к тюркскому праязыку, если даже она действительно является производной от двух других деривационных форм, как это предполагают некоторые исследователи [см. Кононов 1980, 116; Серебренников 1972, 64 сл.].

Судя по семантическому разнообразию наиболее устойчивого и активно употребляющегося состава общетюркских глаголов типа *aŋla-* 'понимать', *bašla-* 'управлять, возглавлять, начинать', *beklä-* 'закрывать, запирать, заключить', *butarla-* 'терзать, кромсать', *emla-* 'лечить', *atla-* 'идти войной, шагать', *yrla-~jyrla-* 'петь', а также по сфере распространения отыменных глаголов со сходной структурой в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, форма на *-la/-le* прочно утвердилась в качестве основного средства вовлечения в глагольное словообразование имен существительных и отчасти имен прилагательных, наречий и звукоподражательных слов задолго до становления современных тюркских языков. Такое ведущее положение в отыменном словообразовании глагола обусловлено, очевидно, ее необычайной многозначностью. С ее помощью образованы глаголы самого различного профиля и деривационного значения, ср. др.-тюрк. *arzula-* 'хотеть, желать' (*arzu* 'желание, стремление'), *arala-* 'посредничать, примерять' (*ara* 'промежуток, середина'), *azla-* 'находить, считать малым, недостаточным' (*az* 'мало'), *avla-* 'охотиться' (*av* 'охота'), *butla-* 'ударить по ноге' (*but* 'бедро'), *közla-* 'ударить по глазам', *čynla-* 'выяснить причину' (*čyn* 'истина'), *tazla-* 'обозвать паршивым' (*taz* 'парша, плешь, паршивый'), *tašla-* 'бросить' (*taš* 'камень'), *qarla-* 'идти (о снеге), снежить' (*qar* 'снег'), *meŋle-* 'есть головной мозг (овцы)' (*meŋ* 'головной мозг'), *jypla-* 'ходить по канату' (*jyp* 'нить, тесьма') и т.д.

Такое множество глаголов на *-la/-le*, какое зафиксировано в письменных памятниках и в словарях современных тюркских языков, приводит отдельных тюркологов к убеждению, что с помощью афф. *-la/-le* может быть образован глагол от любой именной основы и что его словообразовательные возможности безграничны [см. Дмитриев 1948,; Gabain 1974, 67]. На самом же деле при всей своей высокой продуктивности и многозначности афф. *-la/-le* таким сверхвозможным деривационным свойством не обладал и не обладает. В современных тюркских языках он был и остается основным средством отыменного словообразования глагола. В каждом из них благодаря этому насчитывается ныне примерно от 500—600 до 1000 производных глаголов на *-la/-le*. Быть может, их несколько больше в якутском языке, где форма на *-la/-le* чрезвычайно широко вовлекает в словообразование имена существительные и звукоподражательные слова, сохраняя свою продуктивность во всех своих основных деривационных значениях [см. Харитонов 1954, 94 сл.]. В письменных памятниках представлено глаголов на *-la/-le* в целом гораздо меньше, чем в живых тюркских языках.

Глаголы на *-la/-le* характеризуются семантической и функциональной разнородностью. К тому же они далеко не совпадают по языкам по своему составу, ибо преобладающее их большинство создано на почве живых тюркских языков в исторический период их развития. В целом лишь не очень большая часть носит общетюркский характер, свидетельствующий о ее происхождении еще в период неразделенного состояния наших языков.

Часть глаголов на *-la/-le*, восходящая к отдаленным временам, представляет собой ныне деривационные архаизмы и в современном

словообразовании глагола фактически не участвует. Таковы почти во всех современных языках непереходные глаголы на *-la/-le*, в частности многочисленные непереходные глаголы состояния типа др.-тюрк. *azla-* 'находить, считать малым, недостаточным' (*az* 'мало'), *qyšla-* 'зимовать' (*qyš* 'зима'), *jajla-* 'проводить лето на летовке' (*jaj* 'лето'), *taŋla-* 'удивляться, поражаться' (*taŋ* 'заря'), *buzaγyla-* 'телиться' (*buzaγy* 'теленок'), *qarla-* 'идти (о снеге)' (*qar* 'снег'), *öpkälä-* 'сердиться, гневаться' (*öpkä* 'гнев'), башк. *kënlə-* 'ревновать' (*kën* 'день'), *bilə-* 'владеть' (*bi* 'богач'), *tymavla-* 'заболеть насморком' (*tymav* 'насморк'), *ütlə-* 'крайне объедаться' (*üt* 'желчь'), *jəšenlə* 'сверкать (о молнии)' и т.п., по образцу которых новые глаголы состояния давно не производятся.

Непереходные глаголы состояния стали создаваться при помощи сочетания формы на *-la/-le* с внутриглагольным словообразованием на *-n* и на *-š*, превратившемся впоследствии в самостоятельные отыменные деривационные формы на *-lan* и на *-laš* с общим типовым словообразовательным значением 'приобрести свойство, названное производящей основой'. Сама же форма на *-la/-le* непереходных глаголов состояния стала создаваться в какой-то мере лишь от подражательных основ, ср. др.-тюрк. *čarla-* 'орать, вопить', *kišnä-* 'фыркать (о лошади)', башк. *yγrla-* 'храпеть', *yγžla-* 'шипеть (о жидкости', *görlə-* 'шуметь, галдеть', *göžlə-* 'жужжать', *zyŋla-* 'звенеть, лязгать'.

Во всех тюркских языках резко сократилось и постепенно прекратилось образование непереходных глаголов активного действия типа др.-тюрк. *atla-* 'идти войной', *jaγyla-* 'враждовать, вести войну' (*jaγy* 'война, вражда'), *jypla-* 'ходить по канату' (*jyp* 'нить, тесьма'), *meŋilä-* 'есть головной мозг (овцы)' (*meŋi* 'мозг'), *süla-* 'воевать, вести в поход'.

Прекратилось и стало деривационным архаизмом также образование глаголов от лексических основ глаголов: др.-тюрк. *tapla-* 'почитать, любить, одобрять' (*tap-* 'служить'), башк. *bëklə-* 'загибать' (*bëk-* 'гнуть'), *hyδla-* 'ныть, болеть' (*hyδ-* 'чертить, царапать'), модальных слов: башк. *barla-* 'проверять, устроить проверку' (*bar* 'есть, имеется') и от некоторых архаичных структурных типов производящих основ: др.-тюрк. *botarla-* 'разрывать на части, кромсать', башк. *bitərlə-* 'ругать в лицо, бранить в глаза'.

В современном словообразовании в большинстве тюркских языков практически не участвуют некоторые семантические разряды производящих основ, в свое время широко вовлеченные в него. Таковы, в частности, названия лиц по профессии, ремеслу, должности и чину, названия животных и вообще живых существ, названия частей тела и др. Ср. башк. *bilə-* 'владеть' (*bi* — титул богача), *qөδala-* 'сватать' (*qөδa* 'сват'), *arqala-* 'выгораживать, заступиться' (*arqa* 'спина') и т.п. Не участвуют в нем, конечно, глаголы, производящие основы которых в данном языке в отличие от праязыка в качестве самостоятельной лексемы вовсе не представлены, в частности глаголы типа башк. *hiplə-* 'обновить сруб новым бревном', *ərlə-* 'ругать, порицать', *təyəjenlə-* 'назначать', насчитывающие в каждом из живых языков несколько десятков единиц (в башкирском языке их число достигает 50).

Свертывая создание непереходных глаголов, форма на *-la/-le* давно стала в большинстве тюркских языков основным средством отымен-

ного словообразования переходных глаголов активного действия, которые ранее производились по дробным и весьма разнородным, а впоследствии — по немногим семантически ясно очерченным основным высокопродуктивным моделям, главным образом по следующим наиболее распространенным в современных тюркских языках деривационным моделям:

1) была и остается продуктивной древнейшая модель с типовым значением 'воздействовать, орудовать инструментом, названным производящей основой', по которой образовано в целом множество глаголов типа др.-тюрк. *byčaqla-* 'ударить ножом', *čybyqla-* 'ударить прутом', *qylyčla-* 'ударить саблей', *qamčyla-* 'ударить плетью', *qašyqla-* 'есть ложкой', *tašla-* 'ударить камнем'>'бросить камень'>'бросить', башк. *ajala-* 'расчесывать пух' (*aja* 'особый гребень для этого'), *üteklə-* 'утюжить' (*ütek* 'утюг'), *tormozla-* 'тормозить', *torpedala-* 'торпедировать', *štampala-* 'штамповать'; по сравнению с древним состоянием в современных языках образование глаголов от названий инструментов и приспособлений по данной модели идет на убыль;

2) ныне стала активной тоже очень древняя деривационная модель с типовым значением 'воздействовать средством, материалом, обозначенным производящей основой': общетюрк. *altynla-* 'позолотить', *küymüšle-* 'серебрить', башк. *ayyvla-* 'протравить, обработать ядом' (*ayyv* 'яд'), *gipsla-* 'гипсовать', *huryysla-* 'запечатать сургучом' (*hyryys* 'сургуч'), *bronzala-* 'бронзировать', *gruntla-* 'грунтовать', аз. *asfaltla-* 'асфальтировать', *yyzylla-* 'позолотить' (*yyryl* 'золото'), *grimlə-* 'гримировать', каз. *bombala-* 'бомбить', як. *buoskala-* 'вощить, навощить' (*buosk* 'воск'), чув. *magnitla-* 'намагнитить'; модель зародилась на основе предыдущей модели;

3) на основе предыдущей возникла очень древняя деривационная модель с типовым значением 'возбудить свойство, названное производящей основой', которое выражено названием свойства или признака, т.е. именем существительным: др.-тюрк. *sapla-* 'приделать ручку, рукоятку' (*sap* 'ручка, рукоятка'), *tamγala-* 'таврить, сделать клеймо, тамгу' (*tamγa* 'метка'), *evlə-* 'наделить домохозяйством, женить' (*ev* 'дом'), башк. *biðəklə-* 'украшать' (*biðək* 'узор'), *valsyqla-* 'крошить, превратить в крошки' (*valsyq* 'крошки'), аз. *hačala-* 'раздваивать' (*hača* 'развилка'), *jeddilə-* 'усемерить, увеличить в семь раз' (*jeddi* 'семь'), или именем прилагательным: общетюрк. *alala-* 'сделать пегим, пестрым' (*ala* 'пегий'), башк. *qaraŋyyla-* 'затемнять' (*qaraŋyy* 'темный'), *bolγansyqla-* 'замутить' (*bolγansyq* 'мутный'), тув. *čidigle-* 'обострять' (*čidig* 'острый'), *byžyyla-* 'укреплять' (*byžyy* 'крепкий'), кирг. *teŋde-* 'уравновесить' (*teŋ* 'ровный'), *toluqla-* 'наполнить, дополнить' (*toluq* 'полный'), аз. *kiplə-* 'класть вплотную' (*kip* 'плотный'), *yurula-* 'вытереть досуха (*yuru* 'сухой');

4) в большинстве современных тюркских языков сохранила свою продуктивность древняя модель с типовым деривационным значением 'подвергать тому, что названо производящей основой': др.-тюрк. *bašla-* 'управлять, главенствовать' (*baš* 'голова, вожак, хозяин'), *qonuqla-* 'радушно принимать гостей' (*qonuq* 'гость'), *qyčyla* 'щекотать' (архаич. *qyčy* 'щекотка'), башк. *bayavylla-* 'контролировать, присматривать' (архаич. *bayavyl* надзор, опека, контроль'), *qaravylla-* 'караулить',

yəjeplə- 'обвинять' (*yəjep* 'вина'), *təŋqitlə-* 'критиковать' (*təŋqit* 'критика'), *šeltələ-* 'упрекать' (*šeltə* 'упрек'), *degazatsiala-* 'дегазировать', тув. *bašqyla-* 'преподавать' (*bašqy* 'преподаватель'), *daryala-* 'председательствовать' (*darya* 'председатель'), кирг. *ëčtö-* 'мстить' (*ëč* 'месть');

5) к описанной предыдущей модели близко стоит относительно поздняя деривационная модель с типовым значением 'действовать по основе', вовлекающая в словообразование главным образом имена прилагательные, особенно производные слова на *-siz/-syz:* др.-тюрк. *satyγla-* 'продавать' (*satyγ* 'торговля'), *jabyla-* 'обмануть' (*jaby* 'обман, ложь'), *emle-* 'лечить' (*em* 'лечение'), тув. *xilinčekte-* 'мучить' (*xilinček* 'мука'), *yšta-* 'окуривать' (*yš* 'дым'), башк. *irkələ-* 'нежить' (*irkə* 'неженка, изнеженный'), *irkheδlə-* 'неволить' (*irkheδ* 'невольный, подневольный'), *tynyshyδla-* 'беспокоить' (*tynyshyδ* 'неспокойный'), *maδahyδla-* 'тревожить, волновать, беспокоить' (*maδahyδ* 'беспокойный').

Помимо описанных наиболее распространенных моделей в каждом из тюркских языков есть более частные древние или, напротив, относительно недавно сформировавшиеся модели.

Многие древние модели вообще вышли из употребления. Такова, например, древняя малопродуктивная модель с типовым значением 'бить по той части тела, которую выражает производящая основа': др.-тюрк. *burunla-* 'ударить по носу' (*burun* 'нос'), *töpülä-* 'бить по голове' (*töpü* 'макушка'), *butla-* .ударить по ноге' (*but* 'бедро'), *közlə-* 'бить по глазам' (*köz* 'глаз'). Такова также модель образования переходных глаголов с типовым значением считать таким, как это выражено производящей основой, ср. др.-тюрк. *qaryla-* 'считать старым, старшим' (*qary* 'старый'), *bedükla-* 'считать большим' (*bedük-* 'великий'), *kičiklä-* 'считать малым, умалять' (*kičik* 'маленький') и т.п., по образцам которых новые глаголы ныне создаются крайне редко.

Отдельные модели стали непродуктивными, исчерпав производящие основы, которыми они пользовались. Такова, например, модель с типовым значением 'родить детеныша, названного производящей основой': др.-тюрк. *qulna-* 'ожеребиться' (*qulun* 'жеребенок'), башк. *balala-* 'родить ребенка' (*bala* 'ребенок'), *bərəslə-* 'оягниться, окотиться' (*bərəs* 'ягненок'), тув. *byzaala-* 'отелиться' (*byzaa* 'теленок'), *anajla-* 'оягниться' (*anaj* 'козленок, олененок').

Некоторые модели на *-la/-le* в ходе их исторического развития постепенно заменены другими словообразовательными формами. Таковы, в частности, все модели, по которым ранее производились непереходные глаголы состояния. В своем историческом развитии форма на *-la/-le* претерпела не только функциональные, но и некоторые структурные изменения.

Алломорф *-ša/-še*, возникший из морфемы *-la/-le* на почве древнего чередования *l/š*, перерос во всех тюркских языках в самостоятельную деривационную морфему, которая, однако, давно перестала быть продуктивной, ср. др.-тюрк. *jumša-* 'смягчиться', *qoyša-* 'смягчиться, расшататься', *qurša-* 'завязать, подпоясывать, опоясывать' (МК III, 300) (*qur* 'пояс, кушак' — Там же, 301) 'пролететь со свистом', *oyša-* 'походить, быть похожим', *qovuša* 'полировать', башк. *qapša-* 'ощупывать' (ср. *qap-* 'схватить ртом, взять в рот').

К афф. *-la/-le* восходят, вероятно, и афф. *-na/-ne:* др.-тюрк. *qulna-* 'ожеребиться' (*qulun* 'жеребенок'), *kišna-* 'фыркать', межтюрк. *jyyna-* 'собирать' (*jyy-* 'собирать'), *ayna-* 'валяться' (*ay-* 'падать'), *čajna-* (туркм., тат. *čajnə-*, алт., кирг. *čajna-*, каз., ног. *šajna-*, башк. *səjnə*) 'чавкать' от звукоподражания, кирг. *žajna-* 'рассыпаться' (*jaj-* 'стелить'); тув. *qulunna-* 'ожеребиться' (*qulun-* 'жеребенок'); *-da/-de, -ta/-te,* выступающие в тувинском и некоторых других языках и поныне лишь на правах его алломорфов, образованных на почве ассимилятивного (ср. тат. *kön+ + lər>könnər* 'дни') или диссимилятивного (ср. башк. *at + lar>attar* 'кони') видоизменения инициальной аффиксальной фонемы /l/: др.-тюрк. *alda-* 'обманывать' (*al* 'ложь, обман'), *ündä-* 'звать' (*ün* 'голос'), тув. *malda-* 'ходить за скотом' (*mal* 'скот'), *inekte-* 'ходить за коровой, разыскивая ее' (*inek* 'корова'), кирг. *adymda-* 'шагать' (*adym* 'шаг').

Алломорф *-da/-de,* получивший широкое распространение еще в праязыке, став самостоятельной деривационной морфемой (помимо всех почти тюркских языков, представлен как самостоятельный аффикс, также в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках) [см. Рамстедт 1957, 175], участвовал в образовании глаголов типа башк. *tapta-* 'топтать, наступать' от звукоподражаний и впоследствии слился с финальным тематическим согласным *-l* и *-r*, замыкающими определенный структурный тип звукоподражаний, превратившись в два самостоятельных высокопродуктивных синонимичных деривационных аффикса — *-(y)lda/-(e)lde* и *-(y)rda/-(e)rde,* которые во многих современных тюркских языках и поныне необычайно широко вовлекают в словообразование звукоподражательные и образоподражательные основы: башк. *axylda-* 'охать', *byzylda-* 'стрекотать', *byšylda-* 'шипеть', *byštyrđa-* 'копошиться', *dəberđə-* 'греметь', *sytyrđa-* 'трещать', *lyyyrđa-* 'тараторить', кирг. *kürülde-* 'греметь', *qaŋylda-* 'визжать', *qyrtylda-* 'хрустеть'. Судя по общности подражательных слов типа кирг. *dirilde-* 'дрожать., *čarylda-* 'визжать', в ряде языков форма на *-lda* образована давным-давно.

От формы на *-la/-le* образованы, кроме того, деривационные формы на *-lan/-len, -laš/-leš, -landyr/-lendir, -laštyr/-lešter* во внутриглагольном словообразовании. Из них наиболее древней является первая.

Форма на *-lan*

Производная форма на *-lan/-len* (аз., уйг., тат., башк. *-lən*) еще в самых ранних письменных памятниках зафиксирована как самостоятельное средство отыменного словообразования непереходных глаголов [см. Аманжолов 1969, 55; Кононов 1980, 116]. Она производила и производит главным образом глаголы состояния с объединяющим их типовым деривационным значением 'приобрести свойство, названное производящей основой': др.-тюрк. *uruylan-* 'завязаться, появиться' (о завязи, плодах, зерне) (*uruy* 'семя, косточка, зерно'), *čičkelen-* 'расцвести' (СС) (*čecke* 'цветок'), *küčlən-* 'усилиться' (*küč* 'сила'), *qatyylan-* 'окрепнуть, мужать' (*qatuy* 'твердый'), *jaqrylan-* 'жиреть' (*jaqry* 'жир'), башк. *kerlən-* 'загрязнить' (*ker* 'грязь'), *bašaqlan-* 'выколоситься' (*bašaq* 'колос'), *qyjarlan-* 'завязаться' (об огурцах) (*qyjar* 'огурцы'), *nasarlan-*

'ухудшаться' (*nasar* 'плохой'). На базе сходных глаголов сформировалась частная разновидность модели с типовым значением 'приобрести то, что названо производящей основой': др.-тюрк. *evlən-* 'жениться, приобрести домашнее хозяйство', башк. *taθyllan-* 'приобрести навык, привычку' (*taθyl* 'навык'), *yəδətlən-* 'приобрести привычку, привыкнуть' (*yəδət* 'привычка'), *qorallan-* 'вооружаться' (qoral 'оружие').

Менее продуктивной оказалась тоже древняя модель с типовым значением 'проявлять свойство, названное производящей основой: др.-тюрк. *qatunlan-* (МК III, 223) 'проявлять себя как госпожа' (*qatun* 'госпожа'), *jaγmalan-* (МК III, 220) 'проявлять себя как представитель племени ягма', *qaδγulan-* 'проявлять беспокойство, беспокоиться' (*qaδγu* 'печаль'), башк. *enlən-* 'дурить' (*en* 'бес'), *zarlan-* 'роптать, жаловаться' (архаич. *zar* 'жалоба'). От названий свойств, которые могут быть переносно осмыслены как названия лица, глаголы могут быть образованы по обеим описанным моделям: башк. *aljytlan-* 1) 'поглупеть', 2) 'дурить' (*aljyt* 'дурной, дурень'), *qomhoδlan-* 1) 'стать жадным', 2) 'жадничать' (*qomhoδ* 'жадный, жадина'), *ojathyδlan-* 1) 'стать бессовестным', 2) 'нахальничать, проявлять беззастенчивость' (*ojathyδ* 'бессовестный, нахал').

По отношению к описанным основным моделям особняком стоят многие глаголы типа др.-тюрк. *atlan-* 'сесть на коня' (*at* 'конь'), башк. *arqalan-* 'полагаться' (*arqa* 'спина'), *teδlən-* (*tubyqlan-*) 'встать на колени', (*teδ, tubuq* 'колено').

Форма на *-lan/-len* в описанных двух своих основных значениях синонимична форме на *-laš*, зародившейся гораздо позже ее и отличающейся от нее лишь относительно меньшей продуктивностью и использованием в качестве производящей основы главным образом иноязычных заимствований типа башк. *zakonaš-* 'узакониться'. *sudlaš-* 'сутяжничать' (*sud* 'суд'). В первом своем значении форма на *-lan/-len* обнаруживает полную синонимию с непродуктивными словообразовательными формами *-ad>-aj, -ar, -y* и т.п., которые она постепенно вытеснила во многих тюркских языках, взяв на себя их функцию.

Судя по сфере распространения древнейших глаголов типа *atlan-* 'сесть верхом (на коня)', *čylan-* 'намокнуть' (*čy* 'роса'), форма на *-lan/-len* могла быть представлена в языке-основе, чего нельзя сказать об остальных производных формах от *-la* (*-laš, -lat* и др.).

Форма на *-ad/-ed*

Эта древнейшая из всех деривационных форм, производивших непереходные глаголы состояния с типовым значением 'приобрести свойство, названное производящей основой', была самой продуктивной, пока ее не вытеснила на почве современных тюркских языков описанная выше форма на *-lan/-len:* др.-тюрк. *jegäd-* 'улучшаться' (*jeg* 'хороший'), *küčäd-* 'усиливаться' (*küč* 'сила'), *ulyad-* 'увеличиваться' (*uluγ* 'большой'). В этом значении она оставила в живых тюркских языках в целом значительный и семантически единообразный след: башк. *aδaj-* 'уменьшаться' (*aδ* 'мало'), *vayaj-* 'мельчать' (*vaq* 'мелкий'), *kiŋəj-* 'расширяться'

(*kiŋ* 'широкий'). На почве современных языков не получило развития другое ее значение — 'проявлять свойство по основе', зафиксированное в памятниках: *bašad-* 'предводительствовать, быть во главе' (*baš* 'глава, вожак, хозяин').

Форма на *-ar/-är, -yr/-ir, -r*

Эта древнейшая форма преимущественно выступала в том же значении, что и предыдущие две деривационные формы, ср. др.-тюрк. *qarar-* 'чернеть, темнеть' (*qara* 'черный'), *jušar-* 'зеленеть' (*jaš* 'зеленый, молодой'), *saryar-* 'желтеть' (*saryy* 'желтый'), *tünär* 'темнеть' (*tün* 'ночь'); башк. *ayar-* 'белеть, стать чистым' (*aq* 'белый'), *iðker-* 'устареть, ветшать' (*iðke* 'старый, ветхий'), *jəšər-* 'молодеть, зеленеть' (*jəš* 'молодой'), *qyðqar-* 'укорачиваться' (*qyðqa* 'короткий'). Эта форма в свое время участвовала также в образовании некоторых глаголов чувственного восприятия типа др.-тюрк. *qajγur-* 'беспокоиться'>'печалиться' (*qajγu* 'печаль') и многих глаголов активного действия типа qutur 'беситься, выходить из себя' (*qut* перен. 'достоинство, величие'), *edär-/eδär-* 'идти следом' (*ed/eδ* 'след'), башк. *kimer-* 'глодать' (ср. *kimek* 'мозговая кость'), *qajyr-* 'вывернуть', *qaj-* 'повернуть обратно', *kejer-* 'распялить' (*kej-* 'одевать') и т.д.

Форма на *-yq/-ik*

В рассматриваемом деривационном значении еще менее значительный след оставили остальные синонимичные формы отыменного образования непереходных глаголов состояния с типовым значением 'приобретение свойства, названного производящей основой', в частности форма на *-yq/-ik:* др.-тюрк. *tutyq-* 'ржаветь' (*tut* 'пятно'), башк. *asyq-* 'проголодаться' (*as* 'голодный'). Это древнейшая форма употреблялась, однако, и в других значениях, ср. др.-тюрк. *jerik-* 'оседать, поселиться' (*jer* 'земля'), *tayyq* 'подниматься на гору' (*tay* 'гора'), *antyq-* 'клясться, присягать' (*ant* 'клятва'), *joluq-* 'натолкнуться на кого-л. по пути' (*jol* 'дорога'), *ičik-* 'войти внутрь; подчиняться, покоряться' (*ič* 'внутренность'), *muŋuq-* 'испытывать бедствия, тяготы' (*muŋ* 'забота, нужда, тягота, горе'), башк. *qanyq-* 'пристраститься' (*qan* 'кровь').

Форма на *-qyr/-ker*

Эта древнейшая деривационная форма служила для образования непереходных глаголов активного действия от звукоподражаний и образоподражаний с типовым словообразовательным значением 'произвести действие, напоминающее по звучанию, впечатлению то, что выражает производящая основа': др.-тюрк. *čaqyr-* 'звать', *qyqyr-* 'кричать', *syqyr-* 'свистеть', *qaqyr-* 'харкать', межтюрк. (кирг., тат., башк. и др.) *tükür-* 'плевать', *čučkur-* 'чихать', *üškür-* 'нашептывать заклинание', башк. *aqyr-/baqyr-* 'орать, вопить', *byšqyr-* 'фыркать' (о животных), *kiker-* 'рыгать', *qyšqyr-* 'кричать', *üker-* 'выть', *heŋger-* 'высморкаться', *hyδyyr-* 'свистеть', для выражения различных физиологических процессов-действий, сопровождающихся обычно определенными звуками.

Форма на *-qar/-kär*

С помощью этой древнейшей формы созданы преимущественно переходные глаголы активного действия типа др.-тюрк. *ičkär-* 'вводить' (*ič* 'внутренность'), *közgär-* 'показывать' (*köz* 'глаз'), *köŋülkär-* 'продумать' (Gab., 343) (*köŋül* 'душа'), *suvγar-* 'поить, орошать' (*suv* 'вода'), *qutqar-* 'спасти, освободить (*qut* 'счастье'), *tüpkär-* 'постигать, исследовать' (*tüp* 'основание, низ, корень'), *čγnγar-* 'выяснить истину' (*čγn* 'истина'), тув. *atqar-* 'сажать на коня' (*at* 'конь'), *xepker-* 'одевать' (*xep* 'одежда'), *bašqar-* 'ведать, вести' (*baš* 'голова'). В некоторых случаях форма на *-qar/-kär* служила для образования непереходных глаголов состояния с типовым значением 'приобрести свойство, названное производящей основой': др.-тюрк. *tazγar-* 'покрываться паршой, опаршиветь' (*taz* 'парша'), *sütgar-* 'стать подобным молоку' (*süt* 'молоко'), *küzgär-* 'приближаться' (об осени) (*küz* 'осень').

Оставившая в каждом из живых тюркских языков весьма значительные следы, эта форма давно перешла во внутриглагольное словообразование, но стала непродуктивной.

Форма на *-a/-ä*

Это очень древняя словообразовательная форма представлена не только во всех тюркских, но и в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках [Рамстедт 1957, 178—179]. С ее помощью созданы главным образом переходные глаголы активного действия типа др.-тюрк. *aša-* 'кушать' (*aš* 'еда'), *ata-* 'именовать' (*at* 'имя'), *jaša-* 'жить' (*jaš* 'жизнь'), *küča-* 'принуждать, применить силу' (*küč* 'сила'), *suva-* 'орошать' (*suv* 'вода'), *tila-* 'хотеть' (*til* 'язык'), *örtä-* 'жечь' (*ört* 'огонь'), *ula-* 'связывать, присоединить' (*ul* 'основание, фундамент'), *üstä-* 'увеличить, умножать' (*üst* 'верх'), *qyza-* 'лишить девственности' (*qyz* 'девушка'). башк. *uta* 'полоть' (*ut* 'трава'), которые с точки зрения словообразовательной своей структуры носят в целом самый разнородный характер. В этом отношении единством не отличаются также и непереходные глаголы на *-a/-ä*, ср. др.-тюрк. *tušä-* 'видеть сон' (*tüš* 'сновидение'), *küzä-* 'проводить осень' (*küz* 'осень'), *oγra-* 'идти, направляться' (*oγur* 'время, обстоятельство, причина'), *oqša-* 'быть похожим' (*oγuš* 'род, племя'), *qana-* 'кровоточить' (*qan* 'кровь'), *boša-* 'освобождаться' (*boš* 'свободный').

Глаголов на *-a/-ä* в целом немало, но на почве современных языков эта форма развития не получила.

Форма на *-a/-ä* в башкирском, татарском, киргизском и некоторых других языках легла в основу производной высокопродуктивной деривационной формы на *-(y)ra/-(e)rə-*, представляющей собой сочетание звукоподражаний и образоподражаний на -(у)г/*-(e)r* с афф. *-a/-ä:* башк. *jalt-yra-* 'блестеть, сверкать', *šalt-yra-* 'греметь, звякать, лязгать', *bəlt-erə-* перен. 'раскисать, ветшать', *məlje-rə-* 'дряхлеть', *yldy-ra-* 'истрепаться' (об обуви и т.п.), кирг. *qoŋγu-ra-* 'звенеть' (о колокольчике), *šaŋγy-ra-* 'бренчать, звенеть', *dyŋγy-ra-* 'звенеть'.

Форма на *-y/-i, -u/-ü*

Эта непродуктивная древняя деривационная форма служила для образования непереходных глаголов типа др.-тюрк. *ayry-* 'заболеть' (*ayyr* 'тяжелый, увесистый, опасный'), *juδy-* 'испускать запах' (*juδ* 'запах'), *baju* 'богатеть' (*baj* 'богатый'), *taru-* 'сделаться узким' (*tar* 'узкий'), *keŋü-* 'расширяться' (*keŋ* 'широкий'), *beki-* 'крепнуть' (*bek* 'крепкий'), большинство из которых объединяется типовым значением 'приобрести свойство, названное производящей основой'. В данном деривационном значении форма на *-y/-i* дала немало производных глаголов типа башк. *nyyy-* 'крепнуть' (*nyq* 'крепкий'), *kəme-* 'уменьшаться' (*kəm* 'меньше'), кирг. *žoošu-* 'присмиреть' (*zooš* 'кроткий'), тув. *qyry* 'стареть' (*qyr* 'седой') уже на почве современных тюркских языков.

В данном своем деривационном значении форма на *-y/-i* сходна с непереходными глаголами типа др.-тюрк. *boša-/bošu-* (Gab., 331) 'освободиться', где *-a* представляет собой, очевидно, алломорф более древней морфемы *-u/ü*, к которой восходит, вероятно, и алломорф *-y/-i*. В переходных же глаголах *a/-ä* выделяется как самостоятельная деривационная морфема[55], отмеченная Г. Рамстедтом не только в тюркских, но и в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках [Рамстедт 1957, 179].

Форма на *-qa/-kä*

Эта древняя форма выделяется в составе лишь немногих переходных глаголов активного действия типа туркм. *ysqa-*, узб. *iskä-*, каз. *ieske-* 'нюхать' (др.-тюрк. *juδ* 'запах'), др.-тюрк. *bulγa-* 'перемешивать, смешивать', кирг., узб., тат. и др. *čajqa-* 'полоскать', башк. *tәδqa-* 'прицеливаться', др.-тюрк., тув. *jalγa-* 'лизать'.

Форма на *-ra/-rä*

Эта редкая форма выделяется, во-первых, в составе отдельных этимологически затемненных глаголах типа др.-тюрк. *ög-rä-n-* 'научиться' (*ög* 'разум, мысль'), башк. *quδ-γa-l-* 'тронуться с места', во-вторых, в некоторых отглагольных производных лексемах типа башк. *səsra-* 'брызгаться' (*səs-* 'сеять, рассеивать, распространять'), *iδrə-* 'обмякнуть' (*iδ-* 'мять'), в третьих, в др.-тюрк. *čyŋra-* 'звонить', *kökre-* 'греметь, реветь' (*kök* 'небо'), *sajra-* 'петь, щебетать' (о птицах), связанных с обозначением звучания. По образцу глаголов последнего (третьего) структурного типа, в частности, таких, как др.-тюрк. *müŋru-* 'мычать' на почве отдельных современных языков созданы от звукоподражаний и образоподражаний многие производные лексемы на *-ra/-rä* типа башк. *iŋrə-* 'рыдать', *qaltyra-* 'дрожать', *jaltyra-* 'блестеть, сиять', кирг. *dübürä-* 'тарахтеть', *qyčyra-* 'скрипеть', *qaŋyyra-* 'бренчать, звякать'.

[55] В работе А. Габен [Gabain 1974, 66] *-a/-a, -y/-i, -u/-u* рассмотрены как алломорфы единой морфемы.

Форма на *-(y)t/-(i)t*

Эта древнейшая форма производила глаголы активного действия по двум малопродуктивным моделям: 1) переходные глаголы с типовым значением 'вызвать свойство, названное производящей основой; сделать таким, как выражает она'; др.-тюрк. *berkit-* 'укрепить, прикрепить' (*berk* 'крепкий') *sučit-* 'сделать сладким' (ПДП, 423) (*sučig* 'сладкий'), 2) переходные глаголы с типовым значением 'проявлять свойство по основе': *közät-*, тур. *gözet-* 'присматривать, наблюдать' (*köz-* 'глаз'). Ни в одном из этих деривационных значений форма на *-(y)t* в современных языках развития не получила. Она перешла во внутриглагольное словообразование, где тоже стала непродуктивной: *aryt-* 'очищать' (*ary-* 'очищаться'), *čilat-* 'намочить' (*čilan-* 'намокнуть').

Форма на *-tur/-tür*

В отыменном словообразовании эта форма участвовала мало: др.-тюрк. *qantur-* 'удовлетворять' (*qan* 'кровь') (ПДП, 411), *septür-* 'велеть готовить приданое' (*sep* 'приданое невесты'). Во внутриглагольном словообразовании развития тоже не получила. Оставила редкие следы типа др.-тюрк. *joqadtur-* 'уничтожить' (*joqad-* 'исчезать'), *oltür-* 'убить' (*ol-* 'умереть'), *uqtur-* 'объяснять' (*uq-* 'понимать').

Форма на *-un/-ün*

Эта форма выделяется в редких отыменных глаголах типа др.-тюрк. *bögün-* 'постичь, понять' (*bögü* 'мудрый'), *közün-* 'показаться' (*köz* 'глаз'), тур. *bašyn-* 'противостоять, противиться' (*baš* 'голова'), кирг. *qamyn-* 'заботиться' (иран. *qam* 'забота').

Форма на *-ul/-ül*

Это одна из самых древних деноминальных деривационных форм, производившая непереходные глаголы состояния с типовым значением 'приобрести свойство, названное производящей основой': *čabyl-* 'прославляться' (*čab* 'известность, слава'; *qutul-* 'освободиться' (*qut* 'счастье'), *joqal-* 'пропасть, погибать' (*joq* 'нет'), *tomyl-* 'охладиться' (*tom* 'холод'), тур. *doγrul-* 'выпрямиться' (*doγru* 'прямой'). Эта форма наиболее продуктивной была в чувашском языке: *čerel-* 'выздороветь' (*čere* 'здоровый'), *maqal-* 'тупеть' (*maqa* 'тупой'), *tasal-* 'стать чистым' (*tasa* 'чистый'). Она перешла во внутриглагольное словообразование — ср. др.-тюрк. *tiril-* 'ожить' (архаич. *tir-* 'жить' — Gab., 371), — затем переросла в форму страдательного залога.

Форма на *-š*

Форма на *-š* в отыменном словообразовании оставила лишь рудиментарные редкие следы типа др.-тюрк. *ajaγyš* 'класть ногу свою к ноге другого человека, соприкасаться ногами друг с другом', *suvuš* 'стать водянистым, жидким' (*suv* 'вода'), туркм. *bərkiš-* 'закаляться, окрепнуть' (*berk* 'крепкий'). На базе образований типа *suvuš-*, *berkiš-*, объединяе-

мых значением 'приобрести свойство, названное производящей основой', форма на *-š*, сохраняя это свое деривационное значение, вошла впоследствии в необратимое сочетание с формой на *-la/-le* в качестве неотъемлемого замыкающего элемента новой продуктивной деривационной формы на *-laš/-leš*, ср. башк. *alyθlaš-* 'удалиться' (*alyθ* 'далекий'), *jabajlaš-* 'упроститься' (*jabaj* 'простой'), *kivkenləš-* 'обостриться' (*kiθken* 'ожесточенный, резкий'). В какой-то мере сохраняя данное свое значение, форма на *-š* в древности служила во внутриглагольном словообразовании, но особенно большого развития не получила, ср. др.-тюрк. *quruš-* 'пересохнуть' (*quru-* 'сохнуть'), *bürüš-* 'сморщиться, пересыхая' (*bur* 'сделать складки, сморщить'), *öliš-* 'промокнуть насквозь' (*öli-* 'мокнуть'), *qaqraš-* 'пересохнуть, заскорузнуть' (*qaqra-* 'пересыхать и изменить внешний вид'), *ačyš-* 'прокиснуть, перебродить' (*ačy-* 'киснуть'), *soγuš-* 'холодать' (*soγy-* 'остыть').

Форма на *-sa/-se*

В отыменном словообразовании форма на *-sa/-se* оставила лишь редкие древние следы типа др.-тюрк. *suvsa-* 'жаждать, испытывать жажду' (*suv* 'вода'), *köksä* 'желать возвыситься до неба' (*kök* 'небо'), *ölügsä-* 'желать умереть' (*ölüg* 'смерть'). Она вошла во внутриглагольное словообразование (ср. др.-тюрк. *ölsä-* 'приблизиться к смерти, впадать в бесчувственное состояние'), но и в нем развития не получила.

Форма на *-syra/-sira*

Эта непродуктивная форма выделяется в считанном числе древнетюркских непереходных глаголов состояния в единообразном значении 'лишиться того, что названо производящей основой': *küčsira-* 'лишиться сил, ослабеть' (*küč* 'сила'), *qayansyra-* 'лишиться кагана' (*qayan* 'каган'), *ögsirä* 'лишиться чувств, падать в обморок' (*ög* 'рассудок, разум'). В современных тюркских языках она развития не получила.

СЛОВОСЛОЖЕНИЕ

В словообразовании глагола от других частей речи значительную роль играет детерминативное словосложение, которое осуществляется чаще всего по структурной схеме глагольных словосочетаний, отчасти же по модели двусоставного глагольного предложения. Осуществляется оно двояко: а) по стереотипным образцам, моделям в серийном порядке, б) на базе уникальной лексической сочетаемости спрягаемого глагола с зависимым от него именем в индивидуальном порядке, нередко в виде фразеологической единицы с образным лексическим значением.

В модельном словообразовании в качестве второго компонента, повторяющегося в составе ряда сложных глаголов с единым типовым деривационным значением, ранее выступали главным образом следующие глаголы:

1) *qyl-* (исходное значение 'делать, изготовить, создать, соорудить')

образует глаголы активного действия: 1) переходные в сочетании: а) с наречиями и прилагательными в значении наречия: др.-тюрк. *baz qyl-* 'усмирять, примерять' (*baz* 'снова, опять'), *üküš qyl-* (приумножать' (*üküš* 'много'), *adruq qyl-* 'исказить, сделать иным' (*adruq* 'разный, различный'), *baj qyl-* 'сделать богатым' (*baj* 'богатый'); б) с существительными как с названиями свойства, признака: др.-тюрк. *kiši qyl-* 'сделать человеком' (*kiši* 'человек'), *sub qyl-* 'карать, разорять' (*sub* 'вода'); в) с модальными словами: др.-тюрк. *joq qyl-* 'уничтожить' (*joq* 'нет'); 2) непереходные в сочетании: а) с именами существительными: др.-тюрк. joluγ *qyl-* 'совершить выкуп' (*joluγ* 'выкуп'), *jaš qyl-* 'вредить' (*jaš* 'вред, ущерб, урон'); б) с звукоподражаниями и образоподражаниями: др-тюрк. *šart-sort qyl-* 'хлюпать (по грязи)', *suč qyl-* 'соскользнуть со звоном'; в отыменном словообразовании *qyl-* как служебный глагол был ранее самым продуктивным, но впоследствии во многих языках он стал непродуктивным и постепенно был вытеснен синонимичным служебным глаголом *ət-* и др.;

2) *bol-* (исходное значение 'случиться, иметь место, совершиться, иметься, наличествовать, пребывать') производит непереходные глаголы состояния с типовым значением 'приобрести признак, свойство, названное, производящей основой': 1) предшествующим наречием, прилагательным или модальным словом: др.-тюрк. *joγan bol-* 'стать толстым' (*qalyn bol-* 'стать толстым' *joγan, qalyn* 'толстый'), *uluγ bol-* 'возвыситься' (*uluγ* 'большой, великий, старший'), *tap bol-* 'хватать, быть достаточным' (*tap* 'достаточный'), *tamam bol-* 'закончиться' (ар. *tamam* 'весь, целый, полный'), *kerek bol-* 'понадобиться', *joq bol-* 'умереть, исчезать' (*jog* 'нет', *kerek* 'нужно'); 2) предшествующим именем существительным: *baš bol-* 'возглавлять' (*baš* 'вожак, властелин, хозяин'), *jaš bol-* 'погибать, умирать' (*jaš* 'вред, ущерб'), *at bol-* 'снискать себе имя, приобрести титул' (*at* 'имя'), *tytγun bol-* 'стать пленником, сдаться в плен' (*tutγun* 'плен'), *er bol-, er at bol-* 'стать мужчиной, возмужать' (*er* 'мужчина', *er at* 'мужчины вообще'), *kegi bol-* 'стать врагом' (*kegi* 'враг'), *qaγan bol-* 'стать каганом' (*qaγan* 'каган'); *bol-* по продуктивности занимал второе место после служебного глагола *qyl-*;

3) *tut-* (исходное значение 'держать, поймать') участвует в создании многих непереходных глаголов состояния типа др.-тюрк. *at tut-* 'пользоваться популярностью' (*at* 'имя'), *söz tut-* 'слушаться' (*söz* 'слово'), *kü tut-* 'прославляться' (*kü* 'слава, весть'), *jüz ačyq tut-* 'быть приветливым' (*jüz* 'лицо', *acyq* 'открыто, открытый') и ряда переходных и отдельных непереходных глаголов действия типа др.-тюрк. *berk tut-* 'соблюдать, придерживаться' (*berk* 'крепкий'), *azun tut-* 'править миром' (*azun* 'мир, свет.), *il tut-* 'править, управлять народом' (*il* 'народ'), *ačyγlyγ tut-* 'содержать в довольстве' (*ačyγlyγ* 'благополучный'), *učuz tut-* 'презирать, пренебрегать' (*učuz* 'ничтожный, малый'), *köz qulaq tut-* 'быть на чеку, сосредоточить внимание' (*köz* 'глаз', *qulaq* 'ухо'), пользуясь в качестве производящих основ главным образом именами существительными и наречиями, в том числе именами прилагательными в значении наречия;

4) *kel-* (исходное значение 'придти, приехать сюда, явиться') в сочетании с именами существительными в форме принадлежности или

без нее в осн. падеже создает непереходные глаголы чувственного восприятия типа др.-тюрк. *öpkä kel-* 'сердиться' (*öpkä* 'гнев, раздражение'), *u kel-* 'хотеть спать' (*u* 'сон'), на базе которых возникла глобальная оптативная спрягаемая форма на *-γy kel* с типовым деривационным значением 'хотеть совершения действия или состояния, обозначенного производящей глагольной основой': др.-тюрк. *Men bu qadašymγa baryum kelür örtügün* 'Я сегодня хочу отправиться тайком к своему родственнику' (ДТС, 295); на базе этой необычайно продуктивной оптативной формы в свою очередь возникла на почве отдельных языков сходная во всех отношениях синонимичная форма на *-asy/-äsi kel-*, образующаяся в татарском и некоторых других языках тоже почти от любого глагола: ср. тат. *barasym kilə* и башк. *baryym kilə* 'хочу идти, поехать (туда)'; кирг. *baryym kelbejt* 'мне не хочется идти, ехать', *aldaγysy kelet* 'ему хочется обмануть';

5) *et-* (исходное значение 'делать, сделать, совершить, смастерить, соорудить') образует обычно непереходные глаголы действия типа др.-тюрк. *čerig it-* 'руководить боем, предводительствовать войском' (*čerig* 'войско'), *maγ it-* 'воздать хвалу, хвалить' (*maγ* 'хвала'), *törug it* 'властвовать' (*törig* 'власть, властелин'); на почве отдельных современных языков, в частности, ногайского, гагаузского, татарского и башкирского глагол *it-* стал основным служебным глаголом, с помощью которого ныне производятся сложные отыменные глагольные лексемы и который возглавляет ряд сложившихся высокопродуктивных моделей, имеющих характер словообразовательных ясно очерченных правил[56];

6) *ber-* (исходное значение 'дать') производит в сочетании с именами существительными в осн. падеже глаголы активного действия типа др.-тюрк. *arqa ber-* 'отворачиваться' (*arqa* 'спина'), *bojun ber* 'подчиняться' (*bojun* 'шея'), *arzu ber* 'исполнить желание' (*arzu* 'желание'), *ačγy ber-* 'наградить' (*ačy* 'награда'), *alqyš ber-* 'благославлять' (*alqyš* 'хвала'), *at ber-* 'именовать' (*at* 'имя'), *janut ber-* 'отвечать' (*janut* 'ответ'), *kөŋül ber-* 'предаваться' (*kөŋül* 'душа') и лишь отдельные глаголы состояния типа др.-тюрк. *bayyr ber-* 'быть сердечным' (*bayyr* 'печень'>'душа'); этот малопродуктивный структурный тип сложных глаголов в современных тюркских языках развития не получил;

7) *kör-* (исходное значение 'видеть') в сочетании с наречиями или именами прилагательными создает ряд непереходных глаголов состояния типа др.-тюрк. *jaqšy kör-* 'любить' (*jaqšy* 'хорошо'), *jenik kör-* 'презирать, пренебрегать' (*jenik* 'легко, легкий');

8) *yčγyn-* (исходное значение 'выпускать терять, лишиться') в сочетании с именами существительными в осн. падеже создает ряд непереходных глаголов чувственного восприятия типа др.-тюрк. *kөŋül yčγyn-* 'терять разум, сознание' (*kөŋül* 'душа'), *ög yčγyn-* 'потерять сознание' (*ög* 'разум, рассудок'), *ög kөŋül yčγyn-* 'лишиться рассудка, потерять сознание', *jit yčγyn-* 'исчезать, теряться' (*uč-* 'летать').

В современных тюркских языках перечень глаголов, участвующих

[56] См. об этом более подробно: Юлдашев 1969, 73—74; Покровская 1964, 167; ГНЯ 1973, 217—218.

в серийном создании отыменных сложных глаголов, во многом изменился, но в целом не расширился. Большинство перечисленных глаголов, типа *kör-, ber-, tut-, yčyyn-* и т.п. стало в них давно непродуктивным. Появились некоторые малопродуктивные или непродуктивные относительно новые глаголы, например в башкирском, с помощью которых созданы сложные глаголы за счет других частей речи: *hal-* (исходное значение 'класть'); *syyar-* (исходное значение 'вынести, вывести, выпроводить'), *kil-* (исходное значение 'придти, приехать'), *al-* (исходное значение 'брать'), *qal-* (исходное значение 'оставаться'), *jaha-* (исходное значение 'сделать, смастерить, соорудить'): 1) *av hal-* 'ловить рыбу сетями', *qarmaq hal-* 'удить рыбу', *tamya hal-* 'таврить, клеймить', *boyal hal-* 'арканить', *nalog hal-* 'обложить налогом', *štraf hal-* 'штрафовать'; 2) *tavyš syyar-* 'поднять шум, скандал', *huyyš syyar-* 'учинить драку, бой', *ut syyar-* 'устроить пожар', *zakon syyar-* 'издать закон'; 3) *gyv kil-* 'поднять гвалт, шум', *yyy-zyyy kil-* 'галдеть', *šyr-syr kil* 'шуметь'; 4) *ut al-* 'зажечь огонь, свет', *üs al-* 'отомстить', *qot al-* 'испугать', *yibrət al-* 'подражать достойному примеру'; 5) *huŋŋa qal-* 'опоздать', *kölkägə qal-* 'стать посмешищем', *jökkə qal-* 'забеременеть'; 6) *ataka jaha-* 'атаковать', *deklaratsia jaha-* 'декларировать', *doklad jaha-* 'читать доклад' и т.п. В тюркских языках имеются большие расхождения по составу таких служебных глаголов и, в особенности, по степени их продуктивности.

Еще более значительные расхождения обнаруживаются по составу отыменных сложных глаголов, созданных в индивидуальном порядке (а не по структурному образцу уже существующих слов) и насчитывающих в каждом их современных тюркских языков значительное число. Вместе с тем в живых тюркских языках широкое распространение имеют многие древнейшие сложные глаголы рассматриваемого рода, созданные, очевидно, еще в период нераздельного состояния наших языков, в частности, такие устойчивые лексические единицы, как др.-тюрк. *tyn al-* 'дышать' (*tyn* 'дыхание', *al* 'брать'), *taŋ at-* 'наступать (об утре), рассветать' (*taŋ* 'заря', *at-* 'стрелять'), *qan tök-* 'проливать кровь' (*qan* 'кровь', *tök-* 'лить, проливать'), *oč al-* 'отомстить' (*oč* 'месть', *al-* 'взять'), *köŋül ačyl-* 'улучшаться (о настроении)' (*köŋül* 'душа', *ačyl-* 'открываться'), *köŋül bulyan-* 'тошнить' (*bulyan-* 'мутиться, кружиться'), *qarun ač-* 'проголодаться, чувствовать голод' (*qarun* 'живот', *ač-* 'открывать'), *žan čyq-* 'испускать дух, умереть' (*žan* 'душа', *čyq-* 'выйти'), *köz ačyl-* 'постичь вопреки своему ожиданию "задним умом"' (*köz* 'глаз', *ačyl-* 'открыться'), *jaqyn kel-* 'приближаться, подойти близко' (*jaqun* 'близко, *kel-* 'придти, приехать').

К древнейшему слою тюркской глагольной лексики восходят, вероятно, также и многие межтюркские устойчивые сложные лексические единицы типа др.-тюрк. *adag ur-* 'наступать', *boyuz qury-* 'проголодаться, чувствовать голод', *jaš kel* 'стать пожилым', *ayyzya baq-* 'подчиниться', *at al~at teg-* 'приобрести титул', *baš quryt-* 'лишиться головы', *baš čalyn-* 'подчиниться', *tapyyqa kir-* 'поступить на службу', *öz ket-* 'лишиться чувств', *at arta-* 'опорочить, запятнать свое имя' и т.п., которых в большинстве современных тюркских языков уже нет. К самым отдаленным временам восходит, очевидно, и часть сложных отыменных глаголов рассматриваемого рода, составляющая

достояние лишь одного-двух современных тюркских языков, в частности, такие лексемы, как башк. *avyδ as-* 'разговляться, начать есть в конце дня во время поста', *bala tap-* 'родить', *baš tart-* 'отказаться', *küŋel as-* 'развлекаться', *qul quj-* 'подписаться', *töškə ker-* 'присниться', *huŋya qal-* 'опоздать', *tura kil-* 'попасться', *es boš* 'хандрить' и мн. др.

Создание отыменных глаголов в индивидуальном порядке, как и по образцам уже существующих устойчивых композит, продолжается: ср. относительно позднее неологизмы типа башк. *ucettan tөš-* 'сняться с учета', *rət kit-* 'разладиться', *brakqa syq-* 'быть забракованным', *tavyšqa quj-* 'ставить на голосование', *tormošqa ašyr-* 'осуществить', *xərəkətkə kil-* 'придти в движение', *tərtipkə inder-* 'приводить в порядок', *tupqa tot-* 'бомбить' и т.п.

ВНУТРИГЛАГОЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

АФФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Внутриглагольное аффиксальное словообразование сводилось главным образом к трансформации переходных глаголов в непереходные, и, наоборот, непереходных глаголов в переходные с помощью аффиксов, ставших впоследствии показателями категории залога. Остальные аффиксы внутриглагольного словообразования, характеризовавшиеся малочисленностью, сколько-либо значительной продуктивностью не отличались и почти все постепенно вышли из употребления.

Среди них относительно продуктивным был сложный афф.*-uysa/-igsa,* представляющий собой сочетание имени действия на *-uy/-ig* с формой отыменного оптатива на *-sa/-sä* и выражавший 'желание совершить действие, обозначенное производящей глагольной основой': др.-тюрк. *keŋigsa-* 'хотеть придти, приехать', *satuysa-* 'хотеть торговать', *berigsä-* 'хотеть дать', *biligsä* 'хотеть знать', *turuysa-* 'хотеть стоять, встать' и т.п. Эта древняя форма оптатива постепенно была вытеснена синонимичной аналитической спрягаемой формой на *-yy kel-* и возникшей на ее базе более поздней синонимичной спрягаемой аналитической формой на *-sy kel,* которые в современных тюркских языках широко употребляются и охватывают почти все глагольную лексику, ср. башк. *birgem kilə,* тат. *birəsem kilə* 'хочу дать'; башк *belgeŋ kilhə,* тат. *beləseŋ kilsə* 'если хочешь знать'; кирг. *žegisi kelet* 'ему, ей хочется есть'; *qylyysy kelbejt* 'ему ей не хочется делать'.

По степени продуктивности на втором месте после предыдущей формы может быть поставлена широко распространенная в тюркских языках производная форма выражения эпизодической кратности активного действия на *-yala/gälä, -qala/-kälä*, представляющая тоже сочетание двух аффиксальных морфем (*-ya+la*): др.-тюрк. *sürkila-, sürkülə-* 'преследовать', башк., тат. *alyala-* 'брать время от времени', *baryala-* 'ходить (туда) время от времени', *kilgələ-* 'приходить время от времени', тат. *törtkələ-*, башк. *törtkelə-*, кирг. *türtkile-*, каз. *türtkile-*, узб. *türtkila-* 'подталкивать'.

Менее распространенным в тюркских языках является фономорфо-

логический вариант рассмотренной формы на *-ala/-ele*, возникший в результате отпадения первого согласного морфемы *-yula/-qula, -gile/-küle;* ср., с одной стороны, туркм. *ovqala-* 'крошить, толочь, размельчать' (*ov-* 'тереть, массировать'), с другой — башк. *yvala-*, тат. *uala-*, аз. *ovala-* с тем же значением. Примеры: башк. *qyvala-*, тат. *quala-*, узб. *quvala-*, аз. *yovala-* 'погонять' (*qov-* 'гнать', ср. кирг. *qubala-* 'гнаться'), башк. *hibələ-*, тат. *sibələ-*, кирг., каз. *sebele-*, аз. *səbələ-* 'накрапывать, моросить' (*sep-* 'сыпать, сеять').

Весьма большое распространение в тюркских языках имеет тоже производная малопродуктивная форма выражения кратности активного действия на *-(y)štyr/-(e)štir:* башк., тат. *uqyštyr-* 'почитывать время от времени', *qaraštyr-* 'посматривать, поглядывать', тат. *soraštyr-*, башк. *horaštyr-*, кирг. *suraštyr-*, каз. *surastyr-*, тур. *soruštur-* 'расспрашивать', каз. *salyštyr-* 'сравнивать' (кирг. *čal-* 'рассматривать, разглядывать'), тат. *čayystyr-*, башк. *sayyštyr-* 'сравнивать', тур. *karšilaštur-* 'сопоставлять'.

В современных языках не встречается древнетюркская форма на *tür-/gir,* выражавшая неосуществленную возможность: *syyyr erig süg süsgirdi* (МК II, 189) 'Корова едва не боднула мужчину'.

Не представлена в современных тюркских языках также древнетюркская форма оптатива на *-(y)ysa/-(ü)gsä,* представляющая сочетание имени действия на *-uy/-üg* и формы отыменного словообразования на *-sa/-sä: Ol evkä baryysady* (МК 143_{10}) 'Он захотел идти домой'; *Ol meni körügsädi* (МК III, 334) 'Он захотел увидеть меня'.

Вышла из употребления также древнетюркская симулятивная форма на *-(y)msyn/-(i)msin : ataqymsyn-* 'мнить себя прославленным, знаменитым', *qylymsyn* (Gab., 81) 'делать вид, что что-то делаешь' и т.п.

В современных тюркских языках единичными образованиями представлена форма на *-yq/-ik:* башк. *künek-* 'привыкать' (kün- 'согласиться; привыкать'), *joloq-* 'выдернуть' (др.-тюрк. *jol-* 'ощипывать, снимать перо').

СЛОВОСЛОЖЕНИЕ

В древнетюркских письменных памятниках довольно часто встречаются копулятивные сложные глаголы, представляющие собой паратактическое сочетание двух синонимичных или семантически близких спрягаемых глаголов типа *aša- je-* 'кушать', *aš- üklit-/aš- üste-* 'увеличивать, приумножать', *bul-tap-* 'приобрести, обретать', *buš-tary-* 'сердиться', *bič-kes-* 'резать', *büt-etik-* 'исполняться, осуществляться', *jalvar-ötün-* 'просить, молить', *jap-ört-* 'покрывать', *jaz-bit-* 'писать'. Реже наблюдаются в них копулятивные композиты, составленные из двух антонимичных спрягаемых глаголов типа *kel-bar-* 'общаться'.

В современных тюркских языках этот структурный тип глаголов вышел из употребления. В них, в частности, в башкирском, татарском, киргизском, казахском и некоторых других тюркских языках в сферу копулятивного внутриглагольного словосложения глагола вовлекаются ныне в какой-то мере лишь синонимичные или близкие по значению деепричастия, функционирующие только как обстоятельство образа действия типа башк. *ava-tünə* 'шатаясь, пошатываясь', *bata-*

suma 'погружаясь в грязь', *jügerə-atlaj* 'почти бегом', *kejenep-jahanyp* 'наряжаясь, нарядившись', *etə-törtə* 'толкая', *qasa-bosa* 'прячась', *öndəšməj-tonmaj* 'молча', *hëjləšməj-nitməj* 'даже не поговорив'. Примеры: башк. *Tiδ-tiδ genə tükməj-səsməj hëjlə* 'Рассказывай быстренько, ничего не утаивая'; *Narat štabta tirləp-bešep məsələ sisep ultyra ine* 'Нарат, обливаясь потом, сидел в штабе и решал задачу'.

Сложные глаголы обоих структурных типов характеризуются стилистической маркированностью и входят в состав эмоционально-экспрессивной лексики.

Во внутриглагольном словообразовании очень большое развитие получило детерминативное словосложение, структурно организованное как сочетание зависимого деепричастия со спрягаемым глаголом. Сложные глаголы этого необычайно широко распространенного в тюркских языках структурного типа создавались и создаются довольно часто в индивидуальном порядке на базе уникальной лексической сочетаемости двух глаголов, обозначающих чаще всего последовательное совершение двух действий типа общетюрк. *alyp kel-* (ср. башк., тат. *alyp kil-*, кбалк. *alyp kel-*, ног. *akel-*, туркм. *alyp gel-* и т.д.) 'взяв, придти'>'принести' (*al-* 'взять', *kil-* 'придти'), башк. *baryp kil-* 'сходить туда и вернуться обратно' (*bar-* 'идти туда'), *syyyp kit-* 'уйти' (*syq-* 'выйти', *kit-* 'уйти'), *baryp qajt-* 'сходить, съездить' (букв. 'пойти туда и вернуться обратно'), *qajtyp kit-* 'уйти, уехать домой'. Большинство таких композит создано на почве отдельных тюркских языков или их групп. Но часть глаголов типа аз., тур. *satyp al-*, чув. *sutap il-*, тат., ног. *satyp al-*, кбалк. *satub al-*, башк. *hatyp al-* 'купить' (*sat-* 'продать', *al-* 'взять, получить') создана, вероятно, гораздо раньше.

На базе сходных по структуре сложных глаголов, которыми изобилуют современные тюркские языки[57], еще задолго до зарождения последних сложились многие стереотипные образцы, модели с повторяющимся вторым компонентом и типизированным деривационным значением, мотивированным главным образом вторым компонентом, ср. др.-тюрк. *aly ber-* 'завоевать для кого-то', *qazyany ber-* 'раздобыть, добиться для кого-то', где *ber-* 'дать' в сочетании с предыдущим деепричастием означает совершение активного действия в пользу лица, название которого занимает позицию косвенного дополнения в форме дат. падежа: др.-тюрк. *Qyzyn ertəŋü uluy tören oyluma aly bertim* (БК, 10) 'Его дочь с большими почестями дал в жены своему сыну'; *Tabyač qayanqa elin törüsin aly bermiš* (ДТС, 95) 'Завоевали там кагану народа табгач государственные объединения'. Впоследствии на базе

[57] Ср. башк. *bulyp syq-* 'оказаться', *baδyp in-* 'вторгаться', *baryp syq-* 'пойти, поехать между делом', *bərep syq-* 'пробиться', *kilep tüš-* 'прибыть неожиданно', *halyp jyq-/bərep jyq-* 'свалить ударом', *kerep syq-* 'зайти не надолго и выйти', *tulyp jat-* 'изобиловать чем-л.', *kilep ker-* 'забрести', *saqyryp al-* 'позвать кого-л.', *hajlap al-* 'выбирать', *baryp qajt-* 'съездить, сходить' (букв. 'пойти, поехать туда и вернуться обратно'), *əjləndərep al-* 'окружить', *əjuləndərep tek-* 'перелицевать', *syyyp kit-* 'уйти', *jatyp joqla-* 'лечь спать', *tartyp al-* 'вырвать (из рук)', *əjlənep qajt-* 'вернуться', *qatyp qal-* 'остолбенеть', *əjtep ysqyndyr-* 'ляпнуть', *jajrap jat-* 'раскинуться', *suqajyp ultyr-* 'сидеть на корточках', *tirələp jör-* 'ходить вокруг да около', *kilterep bir-* 'доставить (сюда) и вручить', *birep tor-* 'дать не надолго, дать взаймы', *əjtep jebər-* 'предупредить, известить через кого-нибудь', *kilep cyq-* 'найтись; придти, приехать (как-нибудь)', *totop al-* 'схватить' и т.п. разнородные во всех отношениях композиты.

сходных однотипных композит на почве отдельных тюркских языков возникла широко распространенная в тюркских языках семантически четко очерченная модель на *-p ber-* с тем же типовым деривационным значением и управлением формой косвенного дополнения: ср., с одной стороны, др.-тюрк. *özüp ber-* 'отломить и дать кому-то'> 'отломить для кого-то', с другой — башк. *jaδyp bir-* 'написать для кого-то', *jahap bir-* 'сделать для кого-то', *hanap bir-* 'сосчитать для кого-то'.

Таким же образом появились широко распространенные в тюркских языках древнейшие словосложительные модели на *-p büt-, -p jory* и т.п.: др.-тюрк. *uqup büt-* 'понять, постичь' (букв. 'закончить понимать'), узб. *sotib bit-* 'распродать' (букв. 'закончить продавать'), *jozib bit-* 'закончить писать', башк. *alyp bët-* 'выбрать все, взять, получить все' (букв. 'закончить получать'), *ešlәp bët-* 'сделать, закончить работу, выполнить всю работу', *qarap bët-* 'закончить осмотр, посмотреть все', где выделяется продуктивная модель на *-p büt-* с типовым значением 'завершить действие, выраженное первым глаголом'; др.-тюрк. *süläp jorymazun* 'пусть не занимается войной, не воюет', башк. *uqyp jörë-* 'учиться', *qajtyp jörë-* 'заниматься своей работой, живя дома' и т.п., где тоже выделяется довольно единообразная модель с типовым значением 'заниматься тем, что названо первым глаголом'.

Наряду с моделями рассмотренного рода, представляющими довольно разветвленную систему в каждом из живых тюркских языков, появились словообразовательные модели с повторяющимся первым компонентом типа общетюрк. *alyp kel-* (башк., тат. *alyp kil-*, кбалк. *alyp kel-*, ног. *akel-*) 'принести, доставить сюда' (букв. 'взять и принести, привезти'), *alyp ket-* 'унести', *alyp bar-* 'доставить туда', башк. *alyp qajt-* 'привезти домой', *alyp bir-* 'купить, достать и вручить', *alyp men-* 'доставить наверх', *alyp tөš-* 'взять с собой и спуститься', *alyp ker-* 'принести, занести', *alyp syq-* 'вынести', *qajtyp kit-* 'уйти', *qajtyp ker-* 'приехать', *qajtyp töš-* 'приехать вопреки ожиданиям', *qajtyp kil-* 'вернуться; сходить домой' и т.п.

В целом словообразовательных моделей, производящих в серийном порядке семантически однотипные композиты, в каждом из современных тюркских языков немало. Все они объединяются тем, что в создании нового сложного глагола так или иначе участвуют оба его компонента, причем типовое значение композит мотивируется компонентом, повторяющимся в составе всей серии сложных глаголов. Этот компонент в составе всех композит удерживает часть своего исходного лексического содержания, мотивирует объединяющее их словообразовательное значение.

В составе многих словосложительных моделей в результате их семантического развития и повышения продуктивности второй компонент (как и деепричастный аффикс), претерпел полную или сильную десемантизацию, например: др.-тюрк. *azyp jür-* 'заблудиться, ходить, потеряв дорогу' (*az-* 'сбиваться с пути', *jür-* 'ходить') и *jatyp jürü-* находиться, пребывать' (*jat-* 'лежать', *jürü-* 'ходить'). Поскольку здесь второй компонент в силу своей десемантизации долевого участия в создании новой лексемы не принимает, как это положено при всяком словосложении, здесь он лишен характера производящей основы. В сочетании с

предыдущим десемантизованным деепричастным аффиксом он выделяется здесь по существу на правах необратимого аффиксоподобного сложного форманта *-p jurü-*, неизменно несущего с собой данное словообразовательное значение [см. Юлдашев 1965, 268 сл.; Оралбаева 1971]; в частности, *-p jürü-* в сочетании с предыдущей производящей основой означает, что действие находится, находилось или будет находиться в состоянии совершения и выражет это значение наподобие именного аффикса.

Несколько иной характер носит и само словообразовательное значение — исходное значение глагола не меняется, а лишь видоизменяется, модифицируется, ср., с одной стороны, др.-тюрк. *sülа-* 'воевать', *ud-* 'следовать, идти следом, преследовать', с другой — *udu jory-* 'продолжать, преследовать', *süläp jory-* (Ахм., 126) 'воевать, заниматься этим'. Для выражения только процессуальности обозначаемого действия употреблялась форма на *-a(-u) tur-*, в составе которой глагол tur- 'стоять' десемантизован полностью и выделяется лишь как элемент сложной морфемы *-n tur-:* др.-тюрк. *közi qaraqy jalynaju tegzinü turur* 'Его глаза светятся и вращаются' (ДТС, 586). Значение процессуальности передавалось также морфемами *-y/-i, -u-ü olur:* др.-тюрк. *oyuz bodunuy igidü olurur* 'Он возвышает народ огузов' (ДТС 367).

Таким образом, в данном случае модельное словосложение по существу переросло в аффиксальное словообразование, производимое с помощью сложных формантов *-a/-u, -p tur-, -p oltur-, -p jor-* и т.п.: др.-тюрк. *evir-* 'вращать, переводить' + *ä tur-*>*evirä tur* 'заниматься переводом, переводить'; *ber-* 'давать, дать' + *ä tur-*>*berä tür* 'давать'; *jaŋyyr-* 'звучать, резонировать' + *a tur-*>*jaŋyyra tur* 'звенеть'; туркм. *yajna-* 'кипеть, вскипеть' + *p dur-*>*yajnap dur-* 'кипеть'; *jan-* 'гореть' + + *p dur-*>*janyp dur-* 'гореть в данное время'; *ojna-* 'играть, сыграть, поиграть' + *p jör-*>*ojnap jör-* 'играть, заниматься игрой'; *jaz-* 'писать, написать' + *p jat-*>*jazyp jat-* 'писать в данное время'; башк. *aq-* 'течь' + + *yp jat-(tor)- jat-*>*ayyp jat-(tor-) ultyr-* 'течь', где все названные аналитические формы выражают процессуальность обозначаемого производящей основой действия.

В современных тюркских языках наибольшего развития получили именно аналитические формы, выражающие процессуальность действия, а именно формы на *-p jat, -p tur-, -p otur-*. В отдельных языках они квалифицируются обычно как формы времени, выражающие процессуальность. В хакасском языке форма на *-p čat-* постепенно приобрела даже чисто аффиксальный характер, преобразовавшись в *ča:* хак. *parča-m* '(я) иду'.

Сфера употребления этих форм по языкам не совпадает. В одном языке для выражения процессуальности действия преимущественно употребляются одни из этих форм, в другом — другие, в третьем — лишь форма на *p jat-* (например, в хакасском и казахском).

В тюркских языках обнаруживаются большие различия в составе и отчасти в значениях, а также в сфере употребительности аналитических форм и в степени их грамматикализованности[58]. В целом

[58] Это заметно также по составу служебных глаголов, образующих аналитические формы. См. [Насилов 1978, 146—137].

наибольшее развитие получили они в кыпчакских языках, особенно в казахском, башкирском, татарском языках, наименьшее — в огузских, особенно в турецком и гагаузском языках.

Все это свидетельствует о становлении и развитии большинства аналитических форм, именуемых обычно формами вида, на почве отдельных тюркских языков или их групп уже в историческую эпоху[59]. Но часть таких форм, вероятно, была еще в пратюркском языке, как это позволяет предположить их наличие и типологическая общность в монгольских языках [Насилов 1978, 175 сл.; Чхаидзе 1967, 16а].

Какие именно аналитические формы глагола, трактуемые как формы вида, восходят к праязыку, судить трудно, тем более что они до сих пор не стали предметом специальных изысканий в преобладающем большинстве тюркских языков и все еще совершенно не выявлены сколько-нибудь полно на материале письменных памятников тюркских языков.

ПРИЧАСТИЕ

Наиболее распространенная в тюркологии точка зрения сводится к тому, что причастия восходят к отглагольным именам с синкретичным значением. Последние имели одновременно и значения существительных и значение причастий, выступая в том или ином значении в зависимости от контекста. Такая точка зрения отражает мнение ряда ученых о первоначальной нерасчлененности в тюркских языках имени и глагола. Отождествление именных и глагольных групп на ранних этапах развития тюркских языков нашло наиболее яркое отражение в работах Ж. Дени, К. Грёнбека и др. [см. Deny 1921; Grønbech 1936; Gabain 1940]. Принципы организации классов, групп слов, которые вышеуказанные авторы клали в основу своих подходов как к морфологической, так и к синтаксической структуре в дальнейшем получили развитие на материале конкретных тюркских языков.

Известное положение К. Грёнбека о том, что термины "субъект" и "объект" для тюркской грамматики условны и что строение предложения основано на принципе организации групп [Grønbech 1936], впоследствии было положено в основу теории, согласно которой весь тюркский синтаксис рассматривается как система определений. Автор этой теории, Манди, считает, что основой синтаксической структуры в тюркских языках является принцип предшествующих определений (*the basic principle of preceding qualification*). Принцип предшествующих квалификаторов Манди усматривает в основе любых синтаксических комбинаций (от простейших до сложных). В сущности не имеет никакого значения, к какому грамматическому разряду относятся определяемые слова, а важны только отношения подчинения, важна опорная база, которая распространяется посредством квалификаторов [Mundy 1955, 305].

[59] По мнению Б.А. Серебренникова и Н.З. Гаджиевой, не только аналитические формы вида, но и "составные глаголы в тюркских языках начали появляться в отдельных тюркских языках уже после распада тюркского праязыка" [Серебренников, Гаджиева 1979, 221].

Удельный вес именных образований, характерная для тюркских языков подвижность лексических категорий в их грамматических трансформациях раскрываются В.М. Насиловым [1966, 132, 140].

С теорией первоначально преобладающего именного строя тюркской речи связана и широко распространенная среди тюркологов концепция относительно активизации субъекта действия — теория о посессивной структуре предложения [см. Мещанинов 1940; Поцелуевский 1946; Балакаев 1948].

Сторонники теории именной структуры тюркских языков (заложенной в трудах Ж. Дени, К. Грёнбека, К. Брокельмана [Brockelmann 1954)) склоняются иногда к отождествлению verbum finitum с причастиями. Так, например, Н.А. Баскаков пишет: "Глагол в тубадиалекте, как и в литературном алтайском языке и в других тюркских языках, реализуется в речи в виде особых функциональных форм: имени действия, причастия и деепричастия [Баскаков 1966, 47]. О спряжении причастий и деепричастий говорит и Х.Х. Махмудов [1954, 562—565].

В предлагаемом разделе при сравнительно-историческом анализе категории причастий и деепричастий мы исходим из того состояния тюркских языков, когда уже свершился процесс лексического и грамматического переосмысления причастий, деепричастий в verbum finitum — когда уже существовали грамматические категории имени и глагола.

Тюркологическая литература располагает значительными разработками, связанными с этимологией отдельных причастных и деепричастных форм. Однако трудно сослаться на цельную теорию реконструкции категорий причастий и деепричастий, взятых в их системах. В раннем, среднем и поздием пратюркском состоянии причастия имели иные категориальные свойства.

Древние причастия эпохи раннетюркского праязыкового состояния не имели временной и залоговой дифференциации и скорее были отглагольными прилагательными[60]. Отглагольные прилагательные этого типа обозначали какое-либо свойство, присущее глаголу, например, результативность действия. Древнее отглагольное прилагательное *käsäk* означало 'отрезанный', *bölik* означало 'разделенный' ·, *buzuq* 'испорченный', причем результат мог относиться в равной мере как к плану прошлого, так и к плану настоящего. Такая особенность древних отглагольных прилагательных создавала необычайно благоприятные возможности для их семантического расслоения. Какая-то часть их сохранила свое прежнее значение результативности действия, другая часть субстантивировалась и образовала отглагольные имена существительные: *käsäk* 'отрезанный' превращалось в 'кусок или часть чего-л.', *buzuq* 'испорченный' — 'изъян' и т.д.

Уже на раннем и среднем этапе пратюркского состояния шел процесс семантического расслоения древних отглагольных прилагательных, в результате чего в различные грамматические сферы языка

[60] Такая точка зрения последовательно проводится при сравнительно-историческом анализе причастий в кн. [Серебренников, Гаджиева 1979, 225—233].

попадают отглагольные имена существительные и причастия — этимологические прилагательные со значением результативных причастий.

Этот период характеризуется обилием отглагольных прилагательных с причастным значением. Так называемые ранние причастия не имели еще временной специализации, т.е. были в своем большинстве индифферентны во временном и залоговом отношении.

Показатель *-yq/-ik*

В реликтовом виде сохраняется во всех современных тюркских языках в роли прилагательного с причастным значением или возникших на их базе существительных. Ср. тур. *batyq* 'погруженный' (*bat-* 'погружать'), *qyryq* 'разбитый' (*qyr-* 'разбивать'), *düšük* 'упавший' (*düš-* 'падать'); узб. *buzuq* 'разрушенный' (*buz-* 'разрушать'), *kesik* 'обрезанный' (*kes-* 'резать'); тат. *a°čyq* 'открытый' (*a°č-* 'открывать' *sönük* 'потухший' (*sön-* 'тухнуть'); каз. *žabyq* 'закрытый' (*žab-* 'закрывать'); аз. *soluh* 'увядший' (*sol-* 'увядать'); кирг. *kirtiq* 'надрезанный' (*kir-* 'надрезать'); хак. *pölik* 'часть, отдел' (*pöl-* 'делить'); *ölig* 'мертвый' (*öl-* 'умирать'); як. *sürük* 'письмо' (*sürüj-* 'писать') и т.д. Такого рода отглагольные прилагательные с причастным значением обычно выражают результат действия.

Показатель *-qan/-kän/-yan/-gän*

Его составные элементы — аффиксы отглагольных прилагательных *-q* и *-an*. Первоначально не имели временной и залоговой дифференциации и обозначали результат действия. Его реликты чаще представляют собой имена прилагательные, реже — существительные, ср. тур. *čalyšqan* 'работящий' (*čalyš-* 'работать'), аз. *gudurγan* 'бешеный' (*gudur* 'взбеситься'), тур. *qurgan* 'крепость' (*qur-* 'строить').

Показатель *-qyn/-kin/-yyn/-gin*

Аблаутный вариант *-qan* с аналогичным значением. Реликтовые образования с этим показателем, представленные в современных тюркских языках, свидетельствуют о наличии у него причастного значения. Ср. тур. *qačqyn* 'беглый' (*qač-* 'бежать'), туркм. *učqun* 'искра' (*uč-* 'летать'), аз. *durγun* 'стоячий' (*dur-* 'стоять'), узб. *solgyn* 'увядший' (*sol-* 'увядать').

Показатель *-l/-al*

В современных тюркских языках реликты отглагольных прилагательных на *-l* встречаются редко. Ср. туркм. *gural* 'инструмент' (*gura-* 'строить'), шор *čazal* 'украшение' (*čaza-* 'украшать'), др.-тюрк. *qaqmal* 'сухой' (*qaqma-* 'сохнуть') и т.д. Этимологически с этими отглагольными прилагательными на *-l/-al* связаны, вероятно, причастия на *-yly/-ili*. Ср. аз. *jazyly* 'написанный' (*jaz-* 'писать'), тур. *bükülü* 'скрученный' (*bük-* 'сгибать').

Показатель *-myš/-miš*

Сохранился в современных тюркских языках в составе существительных. Первоначально данный показатель маркировал отглагольное прилагательное, в залоговом и временном отношении был индифферентен и обозначал результат действия. Ср. тат. *ja°zmiš* 'судьба' или 'нечто непредписанное' (*ja°z-* 'писать'), узб. *ütmiš* 'прошлое' (*üt-* 'проходить').

Показатель *-yn/-in*

Сохранился в современных тюркских языках как реликт в отглагольных прилагательных. Ср. аз. *jyyyn* 'куча. (*jyy-* 'собирать'), *g'älin* 'невеста', букв. 'пришедшая' (*g'äl-* 'приходить'); тур. *tütün* 'дым' (*tüt-* 'дымить'), узб. *töjyn* 'сытый' (*toj* 'насыщаться'), башк. *sa°byn* 'покос' (*sab-* 'косить'), каз. *ayyn* 'течение, поток' (*ay-* 'течь') и т.д.

Показатель *-an/-än*

Этот аффикс является аблаутным вариантом афф. *-yn/-in*. Встречается редко. Ср. аз. *ötän* 'прошедший' (*öt-* 'проходить'), *kečän* 'прошлое' (*keč-* 'проходить') и т.д.

Показатель *-ar/-är/-yr/-ir*

Вероятно наиболее древним значением этого отглагольного прилагательного было выражение постоянного динамического признака, ср. аз. *ahar* 'текучий, проточный', *jašar* 'живущий'. Поэтому уже довольно рано отглагольное прилагательное с причастным значением было использовано для создания настояще-будущего времени или аориста. Значение постоянного динамического признака обусловило образование на его базе имен существительных типа тур. *čaylar* 'водопад' (*čayla-* 'журчать'), *gider* 'расход' (*git-* 'уходить'); туркм. *ačar* 'ключ' (*ač-* 'открывать') и т.д.

Показатель *-ar/-yr* был довольно рано использован для создания настояще-будущего времени. В сфере причастий настоящего времени в современных тюркских языках он не является активным.

Показатель *-ty/-ti/-yt/-it/-t*

Отглагольное прилагательное с этим показателем сохранилось только в реликтовых образованиях. Ср. тат. *ja°rty* 'половина' (*jar-* 'раскалывать'). Первоначально *jarty* означало 'нечто расколотое'. Некоторые имена существительные этого типа имели афф. *-nty, -nti*, где *n*, очевидно, имел залоговое значение; ср. узб. *tašlandy* 'подкидыш, подкинутый' (*tašla-* 'бросать'), туркм. *tapyndy* 'найденный' (*tap-* 'находить'), тат. *syyynty* 'выжимки' (*syq-* 'выжимать, жать'), *qa°zynty* 'раскопки' (*qa°z-* 'копать').

Отглагольные прилагательные на *-yt/-it/-t* встречаются очень редко. Ср. аз. *joyurd* 'кислое молоко' (*joyur-* 'замешивать'), тур. *büget* 'перемычка' (*büge-* 'перегораживать'), *do(y)ut* 'месторождение' (*doy-* 'рождаться'), туркм. *ajyrt* 'ответвление' (*ajyr-* 'отделять').

Показатель *-dyq/-tyq*

Аффикс отглагольного прилагательного на *-tyq/-dyq* слагается из двух аффиксов отглагольных прилагательных: *-t* и *-yq*, первоначально обозначавших результат действия. Сохранился только в реликтах. Ср. башк. *ta°byldyq* 'находка' (*ta°p-* 'находить', первоначально 'нечто найденное'), тат. *qa°ldyq* 'остаток' (*qa°l-* 'оставаться'), тур. *bildik* 'знакомый' (первоначально 'познанный').

Показатель *-yš/-iš*

Зарегистрирован в образованиях имен существительных. Ср. аз. *büküš* 'складка, сгиб' (*bük-* 'складывать, гнуть'), кирг. *batyš* 'погруженный' (*bat-* 'погружаться') и т.д. Есть основания полагать, что первоначально отглагольное прилагательное на *-yš/-iš* могло выражать результат действия, и неслучайно афф. *-yš/-iš* входит в состав распространенного в огузских языках причастия на *-myš/-miš*.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ДРЕВНИХ ОТГЛАГОЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ПРИЧАСТИЯ

На более позднем этапе праязыкового состояния наметилась тенденция к превращению отглагольных прилагательных в подлинные причастия. Эта тенденция выразилась и в том, что появились особые причастия, соотнесенные с определенным временным планом. Появились специальные причастия настоящего, прошедшего и будущего времени. Вместе с тем до известной степени сохраняются следы прежней именной индифферентности, однако определенная временная специализация причастий начинает явно преобладать.

Ярким примером сохранения следов временной и видовой недифференцированности является причастие *-qan*, обозначающее наряду с прошедшим иногда и действие, относящееся к настоящему времени. Ср. тув. *kelgen kiži* 'пришедший человек', *byšqan tara:* 'созревший хлеб', но и *bo turgan inek* 'эта стоящая корова', *ol čytqan teve* 'этот лежащий верблюд' [см. Исхаков, Пальмбах 1961, 299][61].

Поскольку причастие содержит признаки глагола и имени прилагательного, то его обычно определяют как "отглагольное имя прилагательное" [Там же, 296; см. также: Дмитриев 1948, 189]. В определенных случаях оно употребляется в значении имени существительного. На этом основании некоторые тюркологи предпочитают термин "причастие" заменять термином "глагольное имя" [Харитонов 1947, 223]. Некоторые исследователи рассматривают глагольные имена как образования, синонимичные причастным формам. Так, например, Н.П. Дыренкова формы на *-gan/-an/-ar* квалифицирует как отглагольные имена — прилагательные и существительные: *bargan* значит и 'ушедший, шедший, уходящий', и 'хождение, уход' [1948, 72, 73; 1940, 141].

[61] Не случайно Н.Ф. Катанов отмечал, что причастие прошедшего времени в тувинском языке заменяет также русское причастие настоящего времени [см. Катанов 1903].

ПРИЧАСТИЯ НАСТОЯЩЕГО, ПРОШЕДШЕГО И БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ

Причастия на *-ar/-er/-yr/-ir/-ur/-ür*

В значении древнего отглагольного прилагательного на *-ar/-yr* содержатся благоприятные условия для последующей его трансформации в причастие настоящего и будущего времени. Оно обозначало какой-либо постоянный признак предмета, часто способность к чему-либо, например, *jazar* 'тот, кто постоянно пишет; пишущий' (*jazar adam* 'пишущий человек; человек, который может писать'). Отношение такого причастия к плану прошлого выражалось только в том, что значение постоянства признака только логически включало план прошлого. Поэтому такое отглагольное прилагательное не могло превращаться в специальное причастие прошедшего времени [Серебренников, Гаджиева 1979, 231].

Реконструируемое в ранее тюркское состояние причастие на **-ar/*-yr* широко представлено как в ранних памятниках древнетюркской письменности, так и во всех живых современных тюркских языках, кроме чувашского. Ср. памятник в честь Кюль-Тегина (28): *Altun, kümüš, isigti, qytaï buŋsyz anča birür tabyač, budun saby süčig ayysy jymšaq ärmis* (ПДП, 34) 'У народа табгач, дающего (нам теперь) без ограничения столько золота, серебра, спирта (или: зерна) и шелка, (всегда) была речь сладкая, а драгоценности мягкие (т.е. роскошные, изнеживающие)'; Кутадгу-билиг (249): *Aχir tägdi Älik turur orduqa* (Там же, 274) 'Наконец достиг лагеря, где обитал Элик'. Ср. туркм. *barar eri* 'его место, куда он будет приходить', *sovulmaz jaz* 'весна, которая не отступит'; *kün batar betke* 'туда, куда зашло солнце' (ГТЯ, 365).

Материал башкирского языка ярко свидетельствует о подвижности границ "причастие — отглагольное прилагательное". В этом смысле характерны такие примеры, как *qajnar hui* 'кипяченая вода' (здесь указывается на свойство этой воды, а не на то, что она начнет какое-либо действие, т.е. будет кипеть [см. Дмитриев 1948, 191]), *ajter hüð* 'говоримое слово. ('живое слово'), *baryr jul* 'дорога, по которой будут ходить/ехать' ('проезжая дорога'). Последний пример отражает старую эпоху в развитии языка, когда не было четкой разницы между формами действительного и страдательного залогов; в самом деле: вместо *äjter hüð* лучше было бы сказать *äjteler hüð*, а вместо *baryr jul – barylyr jul* [Там же]. Ср. еще диалекты сибирских татар: тоб.-ирт. *Ä bir tä kölär jeri juq* 'И совершенно не над чем смеяться', бараб. *Kiši görmäs jertä yrlau gäräk* 'Надо жить там, где никто не видит. (Тум., 67, 68); алт. *keler ajylčy* 'гость, который придет, приедет', *tudunar qabynar neme* 'вещь, употребляемая в хозяйстве, утварь' (Дыр.$_1$, 133, 134).

Форма причастия будущего времени на *-ar* в алтайских языках выражает действие или состояние предмета в будущем (которое наступит, может наступить или должно наступить) или присущее предмету вообще: *parar kizi* 'человек, который пойдет, который может поехать', *kiler a:lčy* 'гость, который может приехать'. По закону аблаута гласный *a* аффикса может переходить в *i: tastir* 'тот, который будет бросать', *kelir čyl*

'будущий год; год, который придет', *ojna:r uruglar* 'дети, которые будут играть, или дети, которые обычно играют' [Дыренкова 1968, 74—75].

По сравнению с теми тюркскими языками, которые кроме причастия на *-r* располагают другим причастием будущего времени (ближайшего, категорического на *-ačaq*), значение причастия будущего времени в тувинском языке отличается большей определенностью и категоричностью: *boda:r* 'тот, кто подумает, (будет думать); тот, кто обычно (всегда) думает (кому свойственно думать)' [Исхаков, Пальмбах 1961, 302—304]. В карачаево-балкарском языке представлена производная причастная от *-r* форма *-aryq:jazar adam* 'пишущий человек; человек, который может писать', *jazaryq adam* 'человек, который должен писать. Ср. туркм. (диал.) *yačmazaq* 'тот, который не побежит'.

Из других производных образований следует выделить формы на *-lyq/-luq* и с уподобительными аффиксами: кбалк. (диал.) *ašarlyq* 'тот, который должен есть', *oqurluq* 'тот, который должен читать' [Щербак 1977, 170—171].

Отрицательная форма от причастия *-ar/-yr* имеет два варианта, один из которых, типа *kӧlmäz*, характерен для карлукско-уйгурских и кыпчакских языков и в то же время не противопоказан огузским, а другой, типа *kӧlmär*, прослеживается главным образом в диалектах огузских языков, например: др.-тюрк. *bilmäz* 'неведающий', *körmäz* 'невидящий', ст.-тур. *süjlämarvän* 'не скажу', алт. *ajdar ajtpas kiži* 'едва говорящий человек., гаг. *unudulmaz* 'незабываемый', тат. (диал.) *almarўm* 'не возьму', шор. *ayar aqpas* 'медленно текущая вода' [Там же].

В преобладающем большинстве тюркских языков масштабы атрибутивного использования причастия на *-ar/-yr* уже давно сокращаются, тогда как употребление его в качестве предиката становится все более распространенным [Там же].

Причастие на *-r* легло в основу распространенной общетюркской[62] формы аориста — настояще-будущего времени.

Показатель формы *-r*, присоединяясь к основам на согласный, дает шесть различных вариантов: два с широким гласным (*-ar/-är*) и четыре с узким (*-yr/-ir/-ur/-ür*), не считая собственно показателя *-r*, выступающего после основ на гласный. Поскольку в большинстве тюркских языков представлены варианты либо с широким, либо с узким гласным, обычно считается, что существует два этимологических типа аффиксов. Нам представляется, что наличие двух типов аффиксов — *-ar/-är* и *-yr/-ir/-ur/-ür* объясняется тем, что в основе их лежат два самостоятельных дуратива — на *-a/-ä* и *-y/-i/-u/-ü*. Одинаковый семантический объем слагаемых показателей привел к тому, что в большинстве тюркских языков эти аффиксы смешались. В некоторых тюркских языках произошла фонетическая дифференциация, сопровождающаяся семантической. Ср.: аз. *-ar/-är* – показатель настоящего-будущего времени, *-yr/-ir* — показатель настоящего времени, гаг. *-r/-ar/-är/-yr/-ir/-ur/-ür* выражает будущее неопределенное (настояще-будущее время), а — *ər/-er* — настоящее время.

[62] Чувашский язык — единственный, в котором нет будущего с показателем *-ar/-vr* Ряд тюркологов считает, что некогда этот показатель был и в чувашском [см., например, Левитская 1976].

В тюркских языках уже на ранних этапах их развития шел процесс субстанцивации формы на *-r*. Отдельные образования превратились в существительные. Ср. башк. *kiler* 'доход', *ilgiƍär* 'путешественник' [Дмитриев 1948, 191—192]. Спорадически фиксируется функционирование формы на *-r* на правах глагольного имени, например: пам. Абу-л-Гази — *Mäniŋ tarixni jaxšy bilürimni išitibtururlar* 'Они прослышали, что я хорошо знаю историю // о моем хорошем знании истории'; башк. *juq hineŋ kilereŋde beldem bit* 'Нет, я ведь знал, что ты придешь'; кирг. *atanyn ačuːsunun keŧɔːri tabigyj nerse ɔmespi* 'Это естественно, что она вызовет гнев отца'; туркм. *Ol jašlar agšamynyŋ axyr bolaryna sabyrsyzlyk bilen garašjardy* 'Она с нетерпением ожидала окончания молодежного вечера' [см. Гаджиева 1973_1, 305]. Ср. также диалекты сибирских татар: тоб.-ирт. *Bal cycarny arbuyn tılär* 'Ту, что выделяет мед, называют оса'; *jelniŋ pasylyryn kötäŧigäntilär* 'Они, вероятно, ждут, когда утихнет ветер'; *Toraya kitirimgä kirgän itim* 'Я заходил перед своим отъездом в город' (Тум. 67—68); алт. *ugaryn ugtym körörin körbödim* 'слыхать то слыхал, но видать не видел' (Дыр.$_1$, 148).

Глагольное имя на *-r* принимает аффиксы пространственных падежей, ср. кбалк. *Axmet ɔlge ŧeterge qar žauːb tebredi* 'К тому времени, когда Ахмат стал подъезжать к селению, пошел снег' [см. Алиев 1959, 64]. Принимая аффиксы местн. и исх. падежей, форма на *-r* функционирует как деепричастие. Форма на *-r* как глагольное имя может принимать послелоги, служебные имена. Ср.: *-r* + служеб. элемент *ärikli:* пам. V в. *Kičä jaruq batur ärikli süŋüsdim* 'Вечером, при закате солнца, я вступил в бой'; *-r* + послелог *bile~bilek ~menen:* кирг. *Kudret kireri menen* 'Как только вошел Кудрет'; тув. *Čer čyryːry bilek, tara: sölünče čorupqannar* 'Они пошли на засеянное поле, как только рассвело' [см. подробнее: Гаджиева 1973_1, 306—308]. В современных тюркских языках наблюдается тенденция к сокращению функционального использования формы на *-r* в качестве глагольного имени.

Во многих тюркских языках дат. падеж глагольного имени на *-r* стал инфинитивом, например, *alurya, alarya* 'чтобы взять', *kälirgä, kälärgä* 'чтобы прийти'. С этим образованием сопоставимо в монгольском языке окончание супина на *-ra/-ura* и *-ryn/-urun* — окончания деепричастия подготовительности (converbum praeparativum) монгольского литературного языка; эти окончания представляют собой формы дат. и инструкт. падежа причастия на *-r: bolura* 'чтобы быть'; *irere* 'чтобы прийти', *alura* 'чтобы взять', *bolurun* 'становясь, стал'. В литературном языке древнейшего периода, как отмечает Г. Рамстедт, это деепричастие употреблялось также в род. падеже: *jaburunqojina* 'после хода (хождения)'.

Любопытно, что окончание *-r* встречается очень часто в отдельных монгольских именах: *andagar* 'клятва, присяга' (*andaga-* 'давать клятву', *anda* 'побратимы', тюрк. *ant*); *önür* 'многочисленный' (о семье) (ср. тюрк. *ön-* 'расти'), монг. *qačir* 'мул', тюрк. *qatyr* 'мул'>тюрк. *qat-* 'смешивать', монг. *bužar* 'грязь' (>тел. *pyjar*)>монг. *buža-* в слове *bužagai* 'грязный' [см. Рамстедт 1957, 85—86]. Подобные отглагольно-именные образования наблюдаются и в тюркских языках, ср. башк. *kiler* 'доход'.

Монгольские слова, чаще всего — прилагательные, с окончаниями *-tur (sajitur), -sar (ǯabsar, hujasar>ösar...., -čar(kökečer* 'синеватый') и

-gir/-gar(*obagir,obagar* 'высокий, острый') Г. Рамстедт предположительно квалифицирует как древние *r*-овые отглагольные образования [Там же].

В тунгусском языке в причастиях со значением будущего времени имеется как *-r*, так и *-ra*. Окончание причастия на *-ri*, употребляющегося как соответствующее существительное, содержит в себе неопределенное местоимение *-i* 'что, что-л.'; ср. онкор.-солон. *χoninmo wār* 'Овцу нужно заколоть, овца (вин. п.) для заклания', *wār χonin* 'та, чтобы закланной быть, овца'.

В гольдском и маньчжурском языках *-ra/-re* встречается в качестве окончания причастия будущего времени: маньчж. *ubade, bisu, bi genere.* 'будь ты здесь, я ухожу', *bi genere de* 'при моем уходе', *genere nijalma* (~*nalma*) 'ходящий (ходок)'.

В корейском языке окончанием причастия будущего времени является *-l/-il/-al.* Причастие на *-r* (совр. южн. кор. *-l*) представляет собой одну из наиболее употребительных форм глагола. Значение его — либо совершенно неограниченное, временное, либо — будущего времени; в последнем случае оно выражает логическую противоположность причастию на *-n*, которое воспринимается как прошедшее совершенное, например: *mɐgil ttä* 'время приема пищи (обеденное время), время для еды, когда едят или поели'; *mɐgil pap* 'рис для еды'; *mɐgil saram* 'человек, который будет есть'; *pol saram* 'тот, который увидит' или 'тот, который будет увиден' (букв. 'видение-человек'); *por-il(pol-il)* 'чтобы видеть, вещь (для видения вещи); надлежащее дело' и т.д. [см. Рамстедт 1957, 86—87].

Причастие на *-an/-än*

История этой причастной формы довольно сложная. Реконструируется уже в раннее пратюркское состояние. Афф. *-an/-än* состоит из двух составных элементов: *-a* и *-n*. Конечный элемент *-n* — аффикс древнего отглагольного прилагательного, обозначавшего результат действия [см. Серебренников, Гаджиева 1979, 231]. Об этом свидетельствуют отглагольные прилагательные на *-yn/-in*, от которых образовались отглагольные имена существительные типа аз. *jyyyn* 'куча' (т.е. 'нечто собранное') (*jyy-* копить, собирать'), *düjün* 'узел, завязка' (*düj-* 'завязывать'); кирг. *äkin* 'посев' (*äk-* 'сеять') [Севортян 1966, 334]; уйг. *aqyn* 'течение, штурмовой отряд' (*aq-* 'литься, течь'), *satyn* 'торговля' (*sat-* 'продавать'), *qačyn* 'отлив (морской)' (*qač-* 'избегать чего-л., убегать'), *bulun* 'военнопленный' (*bul-* 'находить') (Рамст., 91).

Образование с афф. *-n/-in* (например, *aqyn* 'течение', *bulun* 'пленник' и т.д.) Г. Рамстедт называл причастием прошедшего времени [1957, 91], полагая, что в чувашском языке причастие на *-n* продолжает существовать и поныне. В чувашском оно осложнилось в им. падеже кратким конечным гласным, например, *pulnə* 'бывший, ставший' (<*bolun*), *ilnə* 'взявший' (>*alyn*) [Там же, 92].

Достаточных оснований для квалификации отглагольного имени на *-n* как причастия прошедшего времени для общетюркской эпохи нет. Как отмечалось выше, древняя его сущность как отглагольного прилагательного не вызывает сомнений. Однако основная заслуга Рамстедта

состоит в том, что он определил афф. *-gan/-qan* как сложный по своему составу.

Рядом тюркологов было высказано мнение, что образование на *-an* представляет собой результат упрощения первоначального *-gan*. А.М. Щербак объясняет форму на *-an* как результат фонетической трансформации формы *-yan*. Стяжение формы на *-yan* вследствие выпадения *y(g)* происходило в огузских языках. Для карлукско-уйгурских, кыпчакских и других языков формы типа *alan, kälän* не характерны [см. Щербак 1977, 167]. Подобные предположения мы находим и у К. Брокельмана, считавшего, что афф. *-an* возник в результате упрощения геминированных согласных, например: *tikän*<*tikkä* (*tik-* 'колоть') [Brockelmann 1954, 44]. А.Н. Кононов также возводит турецкое причастие на -an к первоначальному *-kan/-ken/-qan/-qen* [Кононов 1956, 251].

Афф. *-n*, осложнившись показателем настоящего времени *-a/-ä*, превратился из нейтрального во временном отношении показателя отглагольного прилагательного на *-n* в показатель причастия настоящего времени, см., например, тат. *bar-a-m* 'я иду'. Образовалось причастие настоящего времени типа *jazan* 'пишуший' [см. Серебренников, Гаджиева 1979, 231].

Вместе с тем форма *-an* в ранний период тюркского праязыка могла выступить и в роли причастия и в роли отглагольного имени. Отглагольное имя на *-an* представлено отдельными реликтовыми образованиями, например, аз. *ilan*, узб. *ilon*, тур., туркм., тат., башк. *jylan*, каз. *žylan*, кирг. *žylan*, хак. *čylan* 'змея' от глагола jyl-/-źyl-'ползти', сохранившегося в некоторых из современных языков (первоначальное значение — 'ползающая'), туркм. *dogan* 'брат' от *dog-* 'рождаться'; ктат. *pičen*, тат. *pečän*, каз. *pišen* 'сено' (*bič-* 'ждать, косить' и т.д.[см. Севортян 1966, 322—323].

Форма на *-an* в ранний период тюркского праязыка, по-видимому, еще не имела четко ограниченных функций. В зависимости от контекста и роли в предложении она могла выступать то в роли отглагольных имен, то в роли причастий.

В эпоху образования отдельных мелких языковых общностей, происходят значительные изменения в области древних отглагольных имен. В кыпчакской языковой общности активизируется отглагольное имя на *-gan/-qan*. Афф. *-an* становится непродуктивным. В огузской языковой общности, напротив, активизируется отглагольное имя на *-an* и становится непродуктивным отглагольное имя на *-gan/-qan*, следы которого нашли свое отражение в деепричастном образовании на *-ken* (типа тур. *alırken* 'когда он берет (возьмет)', распространенном и в огузских языках. Глагольное имя на *-gan* оттесняется к периферии. Причастные функции отглагольного имени на *-an* определяются более четко, хотя временная недифференцированность сохраняется. Отглагольное имя на *-yn-in* также становится непродуктивным, за исключением формы напр. падежа на *-ynča* (см. ниже, "Деепричастие").

Во многих тюркских языках (за исключением огузских) это причастие оказалось неустойчивым и было со временем утрачено. От него сохранились в этих языках реликтовые образования в виде отпричастных имен существительных. Ср. хак. *čylan*, чув. *s'ӑlen*, тат. *jylan* 'змея' от

исчезнувшего глагола *jyl-* 'ползти', тат. *qujan* 'заяц' от *qu-* 'гонять, гнать' и т.д.

Причастие на *-an* во всех огузских языках может соотноситься с планом как настоящего, так и прошедшего времени. В азербайджанском, турецком и гагаузском языках преобладает план настоящего времени. Ср. аз. *g'edän* 'уходящий', *alan* 'берущий', тур. *alan* 'берущий', *jazan* 'пишущий', гаг. *učan* 'летящий' и т.д. В туркменском языке произошло фонетико-грамматическое перераспределение: *-an* — активная форма причастия прошедшего времени, при основах, оканчивающихся на гласные звуки, начальный *-a* афф. *-an* удлиняется, начальный *-e* афф. *-en*, получив удлинение, переходит в *ä*. Ср.: *alan adam* 'взявший человек', *gelen adam* пришедший человек', *oqa:n oglan* 'читавший мальчик', *išlä:n oglan* работавший мальчик'; *Artyq süren evlerinde göz gezdirdi* 'Артык окинул взглядом вспаханное (им) поле' [см. ГТЯ 1970, 354—355].

Для отрицательной формы причастия прошедшего времени используется показатель *-madyq/-medik: Xeniz ugryqmadyq šemal kövsarlap...* '(Легкий) еще не распространившийся ветерок кружась (у кибитки)...' [Там же, 355]. Другую отрицательную форму причастия прошедшего времени — *-ma:n/-mä:n* — авторы туркменской грамматики возводят к полной форме — *-magan, -megen.* В поэзии XVIII—XIX вв. также встречается отрицательная причастная форма прошедшего времени *-majan/-me:n* [Там же].

Значение прошедшего времени у причастной формы *-an* вполне мотивировано его этимологической сущностью, поскольку лежащее в его основе отглагольное прилагательное на *-an/-än* могло обозначать результат действия, ср. туркм. *dogan* 'брат' (первое значение — 'родившийся', отсюда и *gelen* 'пришедший').

Неизвестно, в каком отношении к причастию на *-an/-än* находится чувашское причастие на *-ny*, например: *s'yrny* 'написавший', *ilnə* 'взявший' и т.п. Можно предполагать, что в их основе лежит общий элемент *-n*.

Семантическая дифференциация в туркменском языке выразилась в том, что показателем плана настоящего времени является форма *-jan/-jän, -majan/-mejän.* Ср. туркм. *išlejən* 'работающий', *oqajan* 'читающий', *Men saŋa täze durmuš ugrunda görešjän adamlary görkezejin* 'Я покажу тебе людей, борющихся за новую жизнь' [см. ГТЯ 1970, 363].

Представляет интерес тот факт, что причастие на *-an*, соотнесенное с планом прошедшего времени, легло в основу прошедшего неочевидного в туркменском языке: *gelen adam* 'пришедший человек' и *Sen belki görensiŋ* 'Ты, может быть, видела' [см. Гаджиева 1979, 112].

В крымскотатарском языке *-an* функционирует на правах перфекта, сосуществуя с *-gan: dâjänlär* 'сказали'; *Dahir gälän* 'Дахир пришел'; *Dahir gänä gälgän* 'Дахир опять пришел' (PhTF, 279).

В азербайджанских говорах Дербентского р-на форма на *-an* образует парадигму настоящего-будущего времени: *män g'älänäm* и т.д. 'я прихожу, приду' и т.д.[63]

[63] *Агаев Э.Г.* [Рукописные записи в диалектологической картотеке Института языкознания АН АзССР].

Принимая аффиксы падежей, а также аффиксы принадлежности, форма *-an* функционирует на правах глагольного имени. Глагольное имя на *-an*, формируя объектные конструкции, зарегистрировано преимущественно в туркменском языке: *Me:ŋ dijenimi ət* (фольк.) 'Делай то, что я тебе буду говорить'; *Mən näme üčin olaryŋ dieni bilen bolmadym?* (Сарыханов) 'Почему я не был согласен со сказанным ими?'. Глагольное имя на *-an* оформляется дат. падежом и аффиксом принадлежности: *jaŋqy kitabyŋ əlime düšenine šu jyl dogry qyrx jyl boljar* (Сарыханов) 'Нынче исполняется ровно сорок лет, как давешняя книга попала мне в руки'; субстантивируясь, -an выступает как субъект действия: аз. *Mən sevirəm mənä jarym dejäni* (Вагиф) 'Я люблю то, что мне говорит возлюбленная' [см. подробнее: Гаджиева 1973$_1$, 260—265].

Глагольное имя на *-an*, принимая послелоги или служебные слова, формирует зависимые конструкции, передающие различные временные, пространственные, причинно-следственные отношения; зарегистрированы в огузских языках:

-an + vaqyt: туркм. *Siz arqamda duran vaqtyŋyzda, men adam öŋünde baš əgerinmi?* (Сарыханов) 'Когда Вы стоите за моей спиной, разве я склоню голову перед кем-либо?';

-an + zaman: тур. (диал.) *Mən gälən zaman* (PhTF, 258) 'Когда я прихожу';

-an + jer: аз. *At olmajan jerdä əššäk də atdyr* (посл.) 'Там, где нет лошади, и осел лошадь';

-an + kimi: аз. *O g'älən kimi gälinlär sükütä daldylar* (разг.) 'Как только он вышел, молодые женщины замолчали'.

В туркменском языке глагольное имя на *-an*, часто сочетаясь с послелогом *üčin*, формирует конструкции, передающие причинно-следственные отношения: *ylajta-da yk tarapdan pejda bolany üčin operator onuŋ gelenini dujmandy* (Кербабаев) 'Так как он прибыл с подветренной стороны, оператор не почувствовал его появления'.

Причастие на *-nă*

Для чувашского языка характерно причастие на *-nă*, аналогичное причастиям на *-an* и *-gan* в других тюркских языках; *-nă* реконструируется в более позднее состояние тюркского праязыка, возникнув в период самостоятельной жизни отдельных тюркских языков. Представляется справедливым положение Г. Рамстедта о том, что древнее тюркское причастие на *-n* продолжает существовать и поныне в чувашском языке, хотя в нем оно, как впрочем и многие другие слова, осложнилось в им. падеже кратким конечным гласным, например: *pulnə̂* 'бывший, ставший' (<*bolun*), *janə̂*<*jarnə̂* 'пославший' (<*ydyn*) [см. Рамстедт 1957, 92] и т.д. Н.И. Золотницкий [1877, 578—590] возводит чувашский показатель *-nă(-nĕ)* к тюркскому *-gan*. В.Г. Егоров выводит чув. *-nă(-nĕ)* из тюркской формы *-an* [МГСЧЯ 1957, 221—222]. М. Рясянен рассматривает чув. *-nă* как заимствование из марийского языка [Räsänen 1957, 136]. И.А. Андреев в специальном исследовании, посвященном причастиям в чувашском языке, пишет, что в тюркских языках нет причастной формы, аналогичной чув. *-nă*, однако считает возможным принять точку зрения Г. Рамстедта [Андреев 1961, 80]. Н.И. Ашмарин

высказывал предположение, что афф. *-nă(-nĕ)* восходит к более древнему варианту *-năk (-nĕk)*. Нам представляется, что наличие более сложного варианта, *-năk*, не противоречит гипотезе о том, что в основе этого образования лежит древнее причастие *-n*. Контаминация же синонимичных по значению показателей известна в истории языка. Второй элемент в этом образовании (*-k*) — древнее тюркское причастие на *-q* (этимологически отглагольное прилагательное).

Причастие прошедшего времени на *-nă/-nĕ*, характерное для чувашского языка, функционирует как глагольное имя: *katüša peninĕ kurtăm* 'увидел, как стреляет "катюша"'. В качестве глагольного имени это причастие принимает падежные аффиксы, служебные слова, послелоги, ср. *-nă* + служебное слово *čux (čuxne): Àna saltaka ăsatnă čuxne te...* 'Когда его провожали в солдаты...' [см. Гаджиева 1973[1]].

Причастие на *-qan*

Образованное на основе отглагольного имени (прилагательного) и реконструируемое в раннее пратюркское состояние причастие на *-qan* активизируется в эпоху кыпчакской общности.

В огузских языках, а также в чувашском форма *-qan* представлена отдельными[1] отглагольно-именными образованиями: аз. *jargan* 'овраг' (*jar-* 'рассекать, раскалывать'), тур. *kurgan* 'крепость' (*kur-* 'строить'), аз. *gudurγan* 'бешенный, разъяренный' (*gudur-* 'взбеситься'), чув. *xytkan* 'сухопарый, сухощавый' (*xyt-* 'становиться твердым') [Севортян 1966, 314—316].

Естественно, что *-qan* как показатель отглагольно-именного словообразования представлен в кыпчакских языках. Ср. кирг. *tu:gan* 'родственник, родич' (*tu:* 'родить') [Там же].

Аффикс причастия *-gan/-qan/-γan* этимологически возможно объяснить как сочетание двух аффиксов отглагольных прилагательных: *-q* и *-an*. Возможно, что показатель *-(y)g/-(y)q/-(a)q/-(a)g* на раннем этапе развития тюркского праязыка функционировал как и показатель *-(a)n* на правах не только отглагольного имени прилагательного, но и причастия. Наблюдения показывают, что образования с *-(y)q, -(a)q*, как и с *-n* употреблялись в разных функциях: 1) в функции носителя признака, 2) со значением результата действия, что подтверждается их реликтами в современных тюркских языках. Не случайно В. Банг в прилагательных на *-(a)γ/-(a)q* видел перфектное причастие [см. Bang 1934, 206]. Это же мнение разделял К. Брокельман [Brockelmann 1954, §64].

Нижеприводимые иллюстрации подтверждают, что эти образования в раннем состоянии тюркского праязыка, выступая то в роли причастий, то отглагольных имен (прилагательных), были нейтральны во временном и залоговом отношении. Ср. аз. *batγg* 'впадина' (*bat-* 'погружаться'), *käsik* 'отрезанный' (*käs-* 'резать'), тур. *oturak* 'сидение' (*otur-* 'сидеть'), туркм. *dövek* 'молотьба' (*döv-* 'колотить, молотить'), узб. *jonik* 'горящий, пламенный' (*jon* 'гореть'), кирг *kesek* 'кусок, отре-

[1] См.: *Ашмарин Н.И.* Заметки по грамматике чувашского языка, с. 84. Рукопись (Научный архив Чув НИИ, отд. 4, ед. хр. 142).

зок' (*kes-* 'резать'), каз. *qonaq* 'гость' (*qon-* 'останавливаться на ночлег') [см. Севортян 1966, 201, 202] и т.д.

Широко представленное во всех современных кыпчакских языках и в тюркских памятниках, отражающих черты этих языков, причастие на *-qan* обнаруживает следы временной недифференцированности и нейтральности в залоговом отношении. Ср.: пам. Абу-л-Гази — *Ol vaqtda türkmändin nary tarafynda olturyan illär köb ärdi* (Кон.$_2$, 156) 'В те времена было много илей, обитавших по ту сторону от туркмен'; башк. *Xämzä jäšägän auul* 'Деревня, в которой жил Хамза...'; тат. *Xörmä üskän Jspanija* 'Испания, где растут финики'; ног. *Tamaqlary toq, qajqylary bolmagan balalar* 'Дети, которые были сыты и у которых не было забот'; узб. *Ališer jašagan ujda* 'В доме, в котором жил Алишер'; уйг. *Säjäsij baščisi bolyan monu adäm (niŋ)...* 'Этот человек, являющийся политической главой...'; кирг. *žürögündö buk bolgon pikir* 'тоска, которая накопилась у них в душе'; каз. *ajtqan söz* 'сказанное слово'; алт. *Meniŋ kelgen jolymla* 'путь, которым я ехал' [см. Гаджиева 1973$_1$]; диалекты сибирских татар: томск. *Uqybayan xalyq qara* (Тум., 231) 'необразованный народ темен'; бараб. *palaya saryajyan pabaj* (Там же, 197) 'старик, стосковавшийся по детям'; хак. *axxan* 'текущий, текший'.

Причастие на *-qan* может относиться и к настоящему времени, что является реликтом временной недифференцированности причастий: тоб.-ирт. диал.: *jömay öjgän kiši jarly pulaty* 'человек, рассказывающий сказки, бывает беден'.

Основы, оканчивающиеся на гласные, образуют стяженную форму *a:n, ə:n:* хак. *tasta:n* 'брошенный, бросивший', *söle:n* 'говоривший, сказанный' (Дыр.$_3$, 72—73); тув. *söglə:n sös* 'сказанное слово', *tara:n tara:* (ТРСл, 675) 'посеянный хлеб'; терский диал. кум. языка: *ača:n* 'поевший', *išle:n* 'работавший' [Керимов 1967, 139].

В современных огузских языках, как уже отмечалось, форма на *-qan* обособилась и перешла в разряд существительных и прилагательных, однако в старых памятниках этих языков наблюдается ее функционирование как причастия. Ср. азербайджанские памятники XVI в. (Физули), XVIII в. (Вагиф) и XIX в. (Ашыг Ахмед): *ačylyan* 'открывшийся', *galyan* 'оставшийся' и др. [Гаджиева 1979, 111—112].

Не случайно А.М. Щербак отмечает, что в древнетюркском языке караханидской поры причастия на *-yan* и *-myš* выступали параллельно и, возможно, различались какими-то для нас неуловимыми семантическими оттенками. Но уже в старотурецком языке отдается предпочтение форме на *-myš*, а в староузбекском намечается тенденция к сокращению ее использования за счет интенсификации употребления форм на *-yan* в самых разнообразных функциях [Щербак 1977, 166].

В кыпчакских языках форма на *qan* легла в основу прошедшего результативного времени — перфекта. В тех же кыпчакских языках она функционирует на правах глагольного имени, соотносясь с планом и прошедшего, и настоящего времени и принимая аффиксы принадлежности, а также падежные аффиксы, ср.: пам. Абу-л-Гази *Män bilgänni* (Кон.$_2$, 164) 'то, что знаю я'; тат. *"gazik" jaqynlašyp kilgänen kürde* 'Он увидел, что приближается "газик"'; тув. *Čaj ərtkenin bilbejn qaldym* (ТРСл, 720) 'Я не заметил, как прошло лето'; хак. *Altyn axčalyy abdyrany*

pu atyγžylar alγanyn čox-čos xaryndas sizip saldy 'Брат бедняка сразу догадался, что шкатулку с золотыми деньгами взяли эти стрелки'; алт. *qaryj bergenik körö lö* 'увидев, что стал стар'; кирг. *özübüzdün oquganybyzdy* 'то, что читает каждый из нас'; каз. *Onyң ujqtap otyrγany ja ojlanyp otyrγany... malim emes* 'Неизвестно, спит он или задумался'; кбалк. *Temirni stolga salgany* (МИБД, 52) 'то, что клала на стол железо'; кум. *Seni gelgeniңge sujundum* (Дм.$_2$, 152) 'Я обрадовался тому, что ты пришел'; узб. *qoronγulik эrta tušganga ŭxšab kŭrindi* 'Показалось, что рано наступила темнота'.

Оформление показателя *-qan* в пространственных падежах (ср. местн.) при известной грамматикализации приближает такое образование (ср. *-qanda*) к деепричастию.

Как глагольное имя форма *-qan* во всех кыпчакских языках и в памятниках, отражающих эти языки, активно сочетается со служебными словами и послелогами, круг которых довольно многообразен по отдельным языкам. *-qan* + исх. п. + *ala* (выражает исходный момент совершения действия): алт. *Bis boo kelgenneң ala...* 'С тех пор, как мы сюда приехали...'; *-qan* + *arada/arala* (выражает действие, во время которого происходит другое действие): башк. *bylar bäxäsläškän arala* 'В то время, когда они спорили...'; *-qan* + исх. п. + *beri* (как и *ary*) (имеет пространственно-временное значение): кирг. *Kösöl čoңojgondon beri* 'С тех пор, как Кёсёл подрос'; шор. *kelgeninең peeri* (Дыр.$_2$, 124) 'С тех пор как приехал'.

Для башкирского, кумыкского, крымскотатарского, татарского языков характерна форма глагольного имени в сочетании с послелогом *birle*. Ср. ктат. *dunja bašlanγandan berli* 'С тех пор, как мир стоит'.

Форма глагольного имени в сочетании с разветвленной многообразной системой послелогов и служебных слов может быть реконструирована в более позднее состояние тюркского праязыка.

-gan + *vaqt* + местн. п. (временное значение): каз. *Köšter qauyrt qozyalyan naqytta* 'Когда кочевки спешно тронулись'; уйг. *Män oqup jürgän vaqtyda* (Мал.$_4$, 56) 'Я, когда обучался';

-gan + *zaman* + местн. п. (временное значение): кбалк. *Žangy qyrdyq urgan zamanda* (МИБД 78—79) 'Когда пробивалась молодая трава';

-gan + *kez* + местн. п. (временное значение): каз. *uzaq söjlep otyrγan kezde...* 'Когда долго говорил';

-gan + *mäzgil* + местн. п. (временное значение): уйг. *kün... ketip baryan mäzgildä* 'Когда... солнце садилось';

-gan + *temin* + местн. п. (временное значение): *Aңnap čörgen teminde* (Дыр.$_2$, 8, 9) 'В то время, как он охотился';

-gan + *čaq* + местн. п. (временное значение) зарегистрировано в лобнорском, татарском, ногайском языках: ног. *biz kelgen šaqta* 'Когда мы пришли';

-gan + *tomon* (пространственное значение): узб. *tŏvuš sŝitilgan tomon...* (Кон.$_3$, 384) 'Там, откуда слышался крик...'

После распада тюркского праязыка, в период самостоятельной жизни отдельных тюркских языков количество таких образований увеличивается. Ср. еще *-gan* + *sajyn* (неоднократно повторяющееся действие): кирг. *kün ötkön sajyn* 'по мере того, как шли дни'; тат.

jaqynraq tanyšqan beleškän sajen 'По мере того, как он ближе знакомился' и т.д.

В более позднее время возникла и форма причастия на *-aqan* (учащательный афф. *-a* + *-qan*). Как отмечалось выше, отглагольное прилагательное (имя) на *-aqan*, на базе которого и развилось причастие, соотносится с праязыковым состоянием. Ср. отражение в современных как кыпчакских, так и огузских языках: аз. *buraγan* 'смерч, водоворот' (*bur-* 'закручивать, скручивать'), узб. *qorayon* 'кусачий' (*qor-* 'кусать, хватать'), каз. *qašaγan* 'тот, кто норовит убежать' (*qaš-* 'убегать, избегать'), чув. *věreneken* 'учащийся' (*věren* 'учиться, изучать, привыкать'), як. *ɔtigɔn* 'звучный' от *ɔt* 'говорить' [см. Севортян 1966, 321—322].

Для карлукско-уйгурских и кыпчакских языков, как отмечает А.М. Щербак, по-видимому, не характерна разновидность причастия *-ayan*. Но все же сфера употребления этой формы настолько велика, что едва ли можно сомневаться в ее принадлежности к общетюркскому достоянию. Ср. др.-тюрк. *baraγan* 'идущий' (МК I, 33), ст.-узб. *tutaγan* 'держащий (постоянно)', *čaraγan* 'бегущий', аз. *yačaγan* 'бегущий, бегун', каз. (диал.) *sŭraγan* 'попрошайка', тур. *qačaγan* 'убегающий', туркм. *duraγan* 'стоящий', узб. (диал) *čoraγon* 'бегущий'.

Таким образом, если предположить, что реконструкцию причастий, как и других грамматических категорий, можно осуществлять на раннем, среднем и позднем общетюркском состоянии, то форма на *-aqan* гипотетически соотносится со средним общетюркским состоянием.

Очерчивая границы распространения *-aqan*, отметим, что форма причастия настоящего времени на *-aqan* широко представлена во всех диалектах кумыкского языка. Ср. *Men sata turaγan at* 'лошадь, которую я продаю сейчас' [Дмитриев 1940, 157].

Форма *-agan* в аналогичном значении зарегистрирована лишь в северной части Азербайджана, ближе к границе с Дагестаном, к местам распространения диалектов кумыкского языка. Ср. кубинск. *ürkäγan at*~*hürkän at* [Рустамов 1961, 130] 'ржащая лошадь'. В говорах дербентского р-на форма *-agan/-aqan* образует парадигму спряжения прошедшего и настоящего времени регулярного действия. В аналогичной функции форма *-aqan* зарегистрирована у Махмуда Кашгарского: *Ol evke baraγan ol* 'Он постоянно ходит домой', *ol kiši ol bizke kelegen* 'Тот человек часто к нам приходит' [см. также: Мелиоранский 1900, LIX].

Частота употребления причастной формы *-aqan* повышается в районах распространения кумыкских диалектов. В центральных районах, а также в других маргинальных районах Азербайджана форма *-aqan* в причастном значении не зарегистрирована. То же самое можно сказать и о районах распространения турецких диалектов Восточной Анатолии, где данная изоглосса полностью затухает.

В туркменском языке наблюдается известная историческая тенденция в отношении формы *-aqan* — переход ее из категории причастий в разряд прилагательных (хотя возможен и обратный процесс). Ср. *jatagan mal* '(больше) лежащий (любящий, привыкший лежать) скот', *gezegen adam* '(много) гуляющий (любящий, привыкший гулять) человек',

где *-(a)gan* утратив временное значение, указывает на постоянное качество данного предмета [см. ГТЯ 1970, 357].

Очевидно первоначальными зонами концентрации изоглоссного явления *-aqan* была Средняя Азия и Сибирь — как бы два центра инновации этого явления: ногайский и сибирский (восточносибирский). Возможно даже, что эти центры генетически не связаны, и форма на *-aqan* могла возникнуть в них конвергентным путем, тем более, что форма эта — производная, и два ее структурных элемента — *-a* герундивно-причастный, или показатель дуративный, в сочетании с причастным афф. *-qan*, или уменьшительным показателем *-qan* — могли контаминироваться в различных зонах самостоятельно [см. Дмитриев 1940; Рамстедт 1957; Мелиоранский 1900; Bang 1918$_4$; Севортян 1966]. Ср. еще каз. *ozayan* 'опередивший', урдин. каз. *qazayan* вм. *qazyyš* 'человек, умеющий рыть колодец', *bilegen* вм. *bilgiš* 'знаток', ккалп. диал. *beregen qolum alagan* 'дающая моя рука в то же время является получающей' [Баскаков 1952$_1$, 431]. Ср. еще алт. туба *ärlikke peregen эki qara at(t)y эkelip per – dijt* (МГСЧЯ, 207) 'Приведи и дай те две вороные лошади, которые были даны Эрлику', чув. *Эsir jurlaqan jura* 'Песня, которую вы поете'.

В тувинском, хакасском зарегистрирован вариант *-ygan* как результат фонетической трансформации — аблаута (<*-agan*), тув. *čanygan inek* (Исх., 314) 'корова, постоянно убегающая домой'. Ср. еще тув. *xojuyan* 'пугливый' и хак. *pariyan* 'идущий, уходящий' [см. Щербак 1977, 167] и т.д.

Как отмечалось выше, отглагольно-именные образования на *-n* по своей хронологии уходят далеко вглубь истории. По замечанию Г. Рамстедта, как типологическое образование, относящееся к глагольной парадигме, оно перестало встречаться уже в древнетюркском языке[65], хотя и поныне существует в чувашском (*ilnə̑* 'взявший'<*alyn*) [см. Рамстедт 1957, 92] (в монгольском языке эта форма существует, но примеры ее единичны: *qarin* 'но все-таки, однако же'>*qari-* 'возвращаться' [Там же]). Деепричастие настоящего времени на *-n*~*-an* заимствовано якутским языком из монгольского (бурятского языка или ранее?) и обобщено [Ястремский 1938, 204—207].

В монгольском языке древнего периода имя на *-n* являлось еще весьма распространенным прилагательным, которое в функции сказуемого употреблялось и во мн. числе: *ja'u ugulenči* 'что ты говоришь' [Рамстедт 1957, 92]. В тунгусском языке отглагольное имя на *-n* уже на очень раннем этапе стало совпадать в им. падеже с именем на *-m* потому, что *-m* в исходе конечного слога закономерно давал звук *n*: монг. *qurim* 'званый пир, свадьба', тунг. *kurin*. Древнее причастие на *-n* мы встречаем и в 1 и 2-м лице ед. числа настоящего времени изъявительного наклонения: *wām* 'я убиваю', *wānni* (диал. *wandi, wanri*) 'ты убиваешь, ты убиваешь в данный момент'. Это причастие, оформленное личными аффиксами, употребляется в значении изъявительного наклонения: *gunnen* 'он сказал' [Там же, 93] (ср. чув. *-nə̑*).

[65] Ту же функцию стали выполнять другие синонимичные образования — ср. *-qan* (<*-qa* + *-n*).

В корейском языке имя на *-n*, образованное от глаголов действия, представляет собой причастие прошедшего времени, а от глаголов качественных — причастие настоящего времени, например: *pon* 'видевший' (poda 'чтобы смотреть, видеть'), *pon* 'кажущийся, мнимый' (poda 'появляться, казаться') и т.д. [Там же, 94].

В настоящее время трудно еще решить вопрос, является ли причастие *-n* в тюркских, монгольских, тунгусских и корейском языках результатом генетического родства или типологического сходства этих языков.

Заманчивую параллель дает афф. *-qan*, применяющийся как в тюркских, так и в южнотунгусских языках для образования причастий прошедшего времени. Тюркской составной форме *-qa* + *-n* в гольдском, ольчском и негидальском соответствует причастие прошедшего времени на *-ha, -han*, а в маньчжурском на *-ha*. Имеющаяся здесь вторичная глагольная основа на *-ga*, вероятно, тождественна тому фактитивному образованию на *-ga*, которое принято в монгольском и тунгуском языках [Там же, 134—135].

Причастие на *-tyq, -dyq*

Аффикс *-tyq* этимологически слагается из аффиксов отглагольных прилагательных *-t* и *-(y)-q* [см. Серебренников, Гаджиева 1979, 230] (о других этимологиях см. [Кононов 1980, 121; 1956]). Как заметил В. Ковтич, "на тюркской почве наблюдается как бы соперничество между суффиксами причастий прошедшего совершенного, с одной стороны, *dyq* и *myš*, а с другой — *-qan (-yan)*. Раньше все эти суффиксы выступали параллельно" [1962, 293]. В настоящее время, однако *-dyq* и *-myš* встречаются только в южных регионах, в других же употребляются *-qan (-yan)*. Таким образом, заключает В. Котвич, наступило как бы разделение сфер нормального употребления суффиксов. Можно предполагать, что решающую роль в этой эволюции сыграло именно образование на месте формы причастия с *-dyq* спрягаемого глагола с сокращенным суф. *-dy*. Эта новая форма удержалась во всей тюркской языковой области; одновременно само причастие на *-dyq*, как бы выполнив свою роль, т.е. образовав спрягаемый глагол, отошло в сторону. В подавляющем большинстве языков этот суффикс уступил место своему конкуренту [Там же].

Таким образом, возраст формы на *-dyq* значителен. Причастная форма на *-dyq* зарегистрирована в руниче ских памятниках тюркских языков и является отличительной особенностью языков огузской группы. Ср. *barduq jirdä* (КТб, 24) 'в землях, по которым (он) ходил / в землях, в которые (он) ходил / в землях, исхоженных (им)'; *Közin körmädük qulqaqïn ešidmädïk bodunïmïn* 'Мой народ, который (до того) не видел глазами, не слышал ушами' [см. Кононов 1980, 124—126].

В огузских языках, преимущественно в гагаузском, турецком, туркменском причастие на *-dyq* употребляется нередко в отрицательном аспекте [Щербак 1977, 169]. Ср. тур. *Artyk üč köyde satylmadyk arazi kalmady* (ТН, 48) 'Больше уже в трех деревнях не осталось непроданных земель.; туркм. *Bitmedik jevšanyn düjbinde dogmadyk tovšan jatyr*

'Под невыросшим ёвшаном лежит неродившийся заяц'; тек. *barmadyq jeri ga:lmady* (ОДТЯ, 322) 'Не осталось места, куда бы он не ходил'.

Не только огузские, но и кыпчакские языки сохранили причастную форму на *-dyq*, ср. алт. туба *Mörü, mörü sen d'edık qoj kòrüp saldym – dep ajtqan* 'Волк, волк, я видела овец, которых ты мог бы съесть' [см. Баскаков 1965, 28].

В общетюркскую эпоху причастие и отглагольное имя на *-dyq* было индифферентно во временном и залоговом отношении. Наблюдается тенденция сокращения причастной функции у формы на *-dyq*. Ср. башк. *tašlandyq* 'покинутый, брошенный', тув. *čartyq* 'половина', узб. *qoldiq* 'остаток'. Тенденция к субстантивации причастия на *-dyq* проявилась частично и в более позднее время, в огузских языках. Ср. тур. *tanydyq* 'знакомый' [Щербак 1977, 169].

В тюркологической литературе распространена точка зрения, допускающая связь причастия на *-dyq/-duq* и формы прошедшего категорического на *-dy* [Там же]. Значительным основанием для такой гипотезы является то, что модель полной формы на *-dyq* сохранилась в качестве формы прошедшего категорического в ранних памятниках тюркских языков, ср. Olar *taγga ayduq* 'Они взошли на гору' (МК III, 61). А.М. Щербак связывает форму прошедшего категорического *-dy* не с *-dyq*, а с *-dyy/-duγ*. Однако он признает, что характер наблюдаемой между ними материальной близости и семантические различия причастий *-dyq/-duq* и *dyγ/-duy* пока не ясны [1977].

Как глагольное имя форма на *-dyq* активно функционировала в тюркских памятниках руницческой письменности, это нашло отражение и в современных огузских языках.

Формируя объектные и обстоятельственные конструкции, форма на *-dyq*, согласно природе глагольного имени, продуктивно принимает притяжательные и падежные аффиксы и сочетается с послелогами и служебными именами. Ср. *bunča isig küčig birtükgärü saqïnmatï* (КТб, 10) 'Не думая столько отдавать (табгачам) свой труд и силы...'; *Täŋri küč birtük üčün* (Там же, 12) 'Так как небо дало (ему) силы...' [см. Кононов 1980, 124—126]; аз. *jägin o mänim Peterburgdan gajytdyγymy bilmir* 'Вероятно он не знает, что я вернулся из Петербурга'; *Burada kimsänin siz düšündüjünüz kimi, arvady joxdur* 'Как вы и полагаете, здесь ни у кого нет жены'; тур. *Hayat umulduğundan daha čabuk eski halini aldy* (Кон.$_1$, 448) 'Жизнь вошла в старое русло значительно скорее, чем можно было надеяться'; *Akdenizin pyryl pyryl yšyldyγyny görüyorlardy* 'Они видели, что Средиземное море ослепительно сверкало'; гаг. *Anam benim söledüimi annamady* 'Мать не поняла сказанного мною' и т.д.

Форме на *-dyq* в якутском языке соответствует *-tax*. Этимологическое родство этих форм отмечалось исследователями якутского языка. Как и форма на *-dyq*, якутское образование на *-tax* не выражает определенного понятия времени (см. Ястремский 1938, 45; Харитонов 1947, 228; Убрятова 1960, 3]. Ср. *Min diэtэx kihi* (Хар.$_1$, 227) 'уж такой человек, как я'. Не исключена возможность, пишет В. Котвич, что суф. *dï* и *dïq* имеют соответствия и на монгольской почве. Уже Г. Рамстедт сопоставил тюрк. *-dï* с монгольским суффиксом деепричастия на *-ǯu~-ǯü, -ču~-čü* [1957, 139]. Это сопоставление можно расширить,

учитывая монгольский суффикс прошедшего (неожиданного) времени *-ǯuχuį/-ǯü-küį, -čuχuį/-čükü̂į*, который в "Сокровенном сказании монголов" постоянно выступает в форме *-ǯu'ui/-ču'uį* (ср. монг. *-aǯiyu*, а в литературных текстах (и диалектах) иногда в сокращенной форме *-či/-ǯi* [Там же, 82].

Однако В. Котвич подчеркивает, что данная этимология не бесспорна. — Нет никакого сомнения в том, что *-di* должно было дать на монгольской почве *-ǯi/-či*, но как тогда объяснить возникновение литературной формы *-ǯu/-ču*? [Котвич 1962, 293—294].

В алтаистической литературе есть и другая гипотеза, связывающая тюрк. *-dyq* с монг. *-daγ/-deq* окончанием причастия настоящего времени со значением привычного действия (*nomen usus*). Подкрепляющим фактором этой гипотезы считается наличие в якутском приводимого выше варианта *-tax/-täx/-dax/-däx* [Рамстедт 1957, 139; Котвич 1962, 294].

Однако данную гипотезу нельзя считать окончательно доказанной. Если можно обосновать фонетические соответствия тюркских и монгольских аффиксов, то сложнее обстоит с семантическими оттенками — они у этих аффиксов не совпадают. Тюрк. *-dyq* обозначает прошедшее (несовершенное), а монг. *-daγ/-deg* выражает настоящее время (привычное). Возможность перемещения таких значений еще достаточно не обоснована.

Причастие на *-myš*

Причастная форма на *-myš* (в огузских *-dyq*) больше ориентирована в план прошедшего времени. Первоначальной формой этого аффикса было *-byš/-biš*, который сам по себе является составным, образовавшимся в результате соединения двух аффиксов отглагольных прилагательных: *-m*<*-b* и *-yš, -iš* [см. Серебренников, Гаджиева 1979, 232]. Однако это не единственное предположение [см. Грунина 1976, 12—26; Левитская 1976, 100—101]. А.Н. Кононов полагает, что наиболее вероятным представляется следующее предположение: *-miš(s)*<*-*ba, -*bi* — общий для тунгусо-маньчжурских языков показатель прошедшего совершенного времени, сохранивший в составе форманта якутского прошедшего результативного времени *-bit/-pit/-mit*, который функционально и фонетически соответствует огузско-тюркскому афф. *-mïš(s)* (якутскому *t* в общетюркском соответствует *s*) [Кононов 1980, 123].

Форма *-byt* хронологически, естественно, моложе *-byš*.

Причастие на *-myš* функционирует преимущественно в древнетюркском, староузбекском, команском, современных тюркских огузских языках, где оно легло в основу прошедшего результативного времени — перфекта: *Äčümiz apamyz tutmys jir subi disiz bolmazun tijin, az budunyγ itip jar(atyp)...* (ПДП, 38) 'говоря: пусть не будет без хозяина страна (букв. земля и вода), принадлежавшая нашим предкам, мы, устроив немногочисленный (или азский) народ...'; аз. *Orta boylu, boγazy nazik, garašyn, byγ jeri čoxdan tärlämiš bir g'änǯ* 'Молодой человек среднего роста, с тонкой шеей, брюнет, с уже давно пробившимися усами'.

В современном туркменском языке собственно причастие на *-myš* встречается редко, будучи фактически ограниченным жанром старой классической литературы: *Geçmiš edebijatymyz* 'наша прошлая литература' [ГТЯ 1970, 362].

В языках карлукско-уйгурской и кыпчакской групп причастие на -myš сохранилось почти исключительно в виде обособившихся форм, полностью перешедших в разряд собственно имен. Ср. башк. *tǒrmǒš* 'жизнь', *jimiš* 'фрукт', каз. *qylmys* 'проступок', кирг. *qalmyš* 'остаток', узб. *turmuš* 'жизнь'. В небольших размерах процесс субстантивации и адъективации причастия на *-myš* происходит и в языках огузской группы [Щербак 1977, 169]. Ср. туркм. *geçmiš* 'прошлое', *oqumyš* 'ученый, знахарь', *durmuš* 'жизнь, быт', которые являются изолированными, окаменевшими формами [ГТЯ 1970, 362].

На правах глагольного имени форма на *-myš* принимает аффиксы принадлежности, падежные аффиксы, а также послелоги и служебные имена: ср. уйг. пам. Золотой блеск: *M(ä)n tirilmiš kä siz lär nägülük anča käd qačar siz lär* 'Почему это вы так быстро побежали (испугавшись), что я ожил' (ПДП 154—157); аз. *Gadayan olunmuš waxtda* (разг.) 'в запрещенное время (когда запрещалось)'; як. *D'onum yald'ыыbyttaryn кэппэ ким da үktэттmэt buolta* (Убр., II, 187) 'После того как близкие мои заболели, все перестали приходить'.

В киргизском языке форма на *-myš* кроме многочисленных застывших оборотов (например, *turmuš* 'жизнь, быт'), самостоятельно теперь не употребляется, она соединяется с вспомогательным глаголом *bol-* и выражает действия, выполнение которых носит либо показной, либо частичный характер: *ałimiš bolmaq* 'делает вид (притворяется), что берет' — *žazymyš bolmaq* 'делает вид, что пишет' [Батманов 1940, 61; Юдахин 1940, 171].

В чувашском языке встречаются образования на *-mə̑š ~ məš*, обозначающие действие, которое будто бы нельзя совершить: *pəlmə̑š* 'будто бы не знающий', *ilтməš* 'будто бы не слышащий' [Ашмарин 1898, 326, прим. 1]. Такое значение суффикса в киргизском и чувашском представлено в совершенно исключительных случаях, а поэтому И.А. Батманов склонен даже считать, что он отличается от общетюрк. *-miš* [1940, 61].

В связи с этим большое значение приобретает тот факт, что засвидетельствованные в киргизском сочетании формы на *-miš* с глаголом *bol-*, употребляющиеся для выражения того же семантического оттенка (делать вид, что что-то совершается), известны также в калмыцком языке: *untamyš bolχə* 'притворяться спящим, немного (для виду) заснуть'. Этот оборот необычен и для монгольских языков. В. Котвич полагает, что калмыки заимствовали его непосредственно от киргизов. Вообще суф. *-mīš* на монгольской почве не получил широкого распространения, так что те немногочисленные слова, которые содержат его, вероятно, проникли в монгольский язык непосредственно из тюркских: ср. *ǯemis* ("Мухаддимат аль-адаб" и Houa-yı yi-yu" 1389 г. — *ǯemiš*) 'плоды' соответствует тюрк. (кирг.) *ǯemiš* (*yämiš*) — то же самое, и маньч. *ǯemin* 'доза лекарства'. Основой следует считать тюркскую форму, которая образовалась от глагола *yä-/ǯä-* 'есть' [Котвич 1962, 296].

Опираясь на мнение тюркологов (Н.К. Дмитриева, А.Н. Кононова), пытающихся этимологически сблизить тюрк. *-myš* и монг. *-mat/-mel* (что поддерживает и Г. Рамстедт), В. Котвич предположительно выдвигает в монгольском две соответствующие параллели тюркскому афф. *-myš*: а) *-mat* — старшую форму, которая относится, вероятно, к китайскому периоду (когда тюрк. *š* соответствовало монг. *t*) и еще до сих пор является продуктивной морфемой; б) *-miš* — более позднюю форму, которая возникла в киргизский период (X в.) и сохранилась в многочисленных застывших уже выражениях, а также в специальном сочетании с глаголом *bot*, употребляющемся до сих пор в калмыцком языке [1962, 297].

Причастие на *-ažaq*

Причастие будущего времени с модальным оттенком (чаще долженствования) гипотетически можно возвести к позднему праязыковому состоянию. Лежащий в его основе аффикс отглагольного прилагательного *-čaq/-čäk*, означающий склонность к чему-либо, хронологически гораздо старше и соотносим с ранним периодом праязыка.

Во многих тюркских языках сохранились реликты отглагольно-именных образований: имена на *-(a)žaq*, содержащие оттенок возможности — аз. *janažaq* 'топливо; то, что может гореть', *jatažaq* 'постель; то, на что можно лечь' и т.д.; имена на *-(a)žaq*, означающие склонность к чему-либо; ср. аз. *utanžak kyz* 'застенчивая девушка; девушка, склонная к застенчивости', ног. *maqtanšak* 'хвастливый', *erinšek* 'ленивый', узб. *maqtančoq* 'хвастливый'.

Вероятна связь афф. *-čaq* с афф. *-čaq* прилагательных, обозначающих ослабленное качество, ср. туркм. *jylyžaq* 'тепловатый'. Возможна также связь этого аффикса с афф. *čaq* уменьшительных существительных, ср. алт. *balačaq* 'ребеночек' (*bala* 'ребенок'), хак. *turažax* 'домик' (*tura* 'дом'), ст.-уйг. *qolyčaq* 'ручка' (*qol* 'рука') [Серебренников, Гаджиева 1979, 199] и т.д.

Большой интерес в данном случае представляют пути семантического развития. Первоначальное значение уменьшительности могло быть переосмыслено как значение ослабленного качества. На основе этого значения могло возникнуть модальное значение, поскольку всякое модальное значение имеет оттенок неполноты, несоответствия с действительностью. И уже потом, на базе модального значения развивается значение будущего времени [Там же].

Причастие будущего времени *-ažaq* типично для группы огузских языков и для кумыкского языка. В кыпчакских языках оно распространено главным образом на юге Средней Азии — в узбекском, уйгурском и каракалпакском, а также в западном диалекте казахского языка, ногайском, башкирском, татарском языках. Ср. аз. *Bu vähšilärin jer üzündän silinäžäji g'ünü män säbrsizliklä g'özläjiräm* (h. Мехди)'Я с нетерпением жду дня, когда эти дикари будут стерты с лица земли'; тур. *Salon dolmuštu, iyne atažak jer joktu* (S. Ali) 'Салон был полон, негде было упасть иголке'; туркм. *alžaq adam* 'человек, который возьмет, будет брать'; *oqažaq oglan* (ГТЯ, 364) 'мальчик, который будет читать'; тат. *Beznең ka-*

harmannar baračaq šähär eraq tügel ide inde (А. Расих) 'Город, куда должны были прийти наши герои, был уже недалеко'; пам. Деде Коркуд: *Sen varažaq jirüñ* (Ergin, 472) 'Твое место, куда ты отправишься'.

Форма на *-ažaq* выступает в тех же зарегистрированных языках на правах глагольного имени: ср. аз.*Onun kečäžäjindän danyšmajym* (разг.) 'Что он уедет, не говорить бы мне'; туркм. *Onsoŋ ol öz ətžegini özi biler* (Н. Сарыханов) 'Что он сам будет потом делать, он сам и знает'; тат. *Uŋyš qazanačagyŋny aldan uq sizäm häm čyn küŋeldän qotlyjm* (Г. Кутуй) 'Я уже заранее чувствую, что ты добьешься успеха и искренне приветствую тебя'; кум. *Olany baražayyna inanma* (Дм.$_2$, 159) 'Не верь тому, что они пойдут'.

Характер представленности причастия и глагольного имени на *-ažaq* в тюркских языках позволяет сделать вывод о том, что основной зоной ее инновации были южные районы расселения тюркских народов. Она полностью отсутствует в чувашском, хакасском, тувинском языках.

Представляется затруднительным привести соответствия тюркскому *ažaq* в алтайских языках. Алтаисты связывают элемент *-ča/-čä*, лежащий в основе *-ažaq/-ačaq* и имеющий параллель в монгольском с *-ča/-če, -čaya/-čege*, с самостоятельным словом *čay* 'время, единица времени (тюрк., монг.), мера, единица чего-л. (тюрк.)', весьма распространенного в тюркских и монгольских языках [см. Котвич 1962, 191]. Однако сама связь формы *-ažaq* и самостоятельного слова *čay* представляется недостаточно обоснованной.

Причастие на *-asy*

В основе причастия будущего времени на *-asy* лежит отглагольно-именное образование, в котором *-s* представляет аффиксальный элемент с футуральным или дезидеративным значением и, по-видимому, родствен афф. *-s* дезидеративных глаголов, например чаг. *käligsä* 'хотеть прийти'. Хронологически данная причастная форма довольно ранняя и, очевидно, восстанавливается в раннее состояние праязыка.

Архаичность *-asy* и его составных элементов, в частности *-s*, подтверждается и тем, что *-s* встречается в аффиксах повелительного наклонения (ср. тур. *olsun* 'да будет, пусть будет'), условного наклонения *-sa*, а главное — в составе афф. *-mas* (отрицательная форма 3-го лица наст.-буд. времени).

Границы распространения причастия будущего времени *-asy*, указанные Махмудом Кашгарским в XI в. (у чигилей, ягма, аргу, тухси и уйгуров — *baryu jär* 'место, куда следует идти', *turyu oyur* 'время, когда следует вставать', у огузов и кыпчаков — *barasy jär, turasy oyur* (МК II, 68—70), сохранились в основных чертах вплоть до настоящего времени. Как в огузских, так и в отдельных кыпчакских языках причастие типа *barasy* занимает значительное место, хотя налицо заметное сужение сферы его функционирования, особенно в кыпчакских языках [Щербак 1977, 171].

В тюркском памятнике XI в. Махмуда Кашгарского зарегистрировано употребление *-asy* в причастной функции, аналогичной функции

-ažaq: بو تراسی بیر تکل (МК II, 68) 'Это не место для стоянки'. Эту же функцию *-asy*, идентичную для староосманского языка, отмечает Ж. Дени [Deny 1921, 500]. В современных тюркских языках: аз. *tikiläsi ev* (АДГ I, 212) 'дом, который будет построен'; тур. *čok šašylasy bir šej* (A. Nesin) 'Очень удивительная вещь'; туркм. *Ony indi sorap durasy iš xem jok* (Н. Сарыханов) 'Сейчас уже не стоит и спрашивать об этом'; башк. *kilähe jyl* 'будущий год', *ašahy aš* 'еда, которую будут есть' (Дм., 192).

В чувашском и некоторых диалектах татарского языка афф. *-asy* служит для образования инфинитива, ср., например, чув. *kiles* 'приходить', *pulas* 'быть'.

Как в чувашском, так и других тюркских языках форма *-asy* функционирует на правах глагольного имени, формируя объектные, обстоятельственные конструкции, ср. чув. *Afišäsem Ostrovskij pjesisine lartassi s'inčen pĕlteres'ĕ* (МГСЧЯ, 237) 'Афиша извещает о (предстоящей) постановке пьесы Островского'; *-ac*+служебн. элемент *umĕn: Pĕraxut kiles umĕn pristan' s'ine xalăx numaj pus'tarăncĕ* (Там же, 224) 'Перед самым приходом парохода на пристани скопилось много народу'.

В современных тюркских языках преобладает употребление *-asy* в устойчивых грамматических сочетаниях. Ср. тур. *gidesim jok* 'мне не хочется идти', туркм. *Ondan aryny alasy gäldi* 'ей хотелось отомстить ему', тат. *barasy kilä* 'хочется поехать' [Щербак 1977, 171], *barasym kilä* 'мне хочется пойти, поехать', башк. *alahy kilä* 'ему хочется взять', чув. *s'yvăras kilet* 'мне хочется спать' [Гаджиева 1973$_1$, 317—318] и т.д.

Что касается временной формы, в основе которой лежит причастие *-asy*, то есть основания предполагать, что освоение ее происходило в южных тюркских языках, главным образом в районах распространения азербайджанского, турецкого языков.

Алтаисты соотносят тюрк. *-asy* с монг. *-si*, являющимся окончанием отглагольного имени и чаще всего обозначающим возможность/невозможность какого-либо действия, например: *idesi ügei* 'несъедобный', *idesi* 'кушанье', *darusi* 'надгробный памятник' (<*daru-* 'давить'), *bulusi* 'убежище, сокровище' (<*bulu* 'зарывать') и т.д. [Рамстедт 1957, 82].

Целый ряд причастных аффиксов, соотносимых с ранним состоянием тюркского праязыка, не нашло отражения в современных языках.

Причастие на *-dačy/-däči*

Причастие на *-dačy/-däči*, после основ на *r, l, n -tačy/-täči* этимологически представляет собой сочетание причастных аффиксов *-da/-ta*+*-čy/-či* [Кононов 1980, 127]. В ранних тюркских памятниках используется как причастие настоящего времени: *öltäči bodunïy tigirü* (Tekin, 180: *tirgürü*) *igit(t)im* (КТб, 29) 'Я поднял к жизни обреченный на гибель народ' [Там же]. Как причастие оно сохранилось в некоторых старотюркских языках. Ср. ст.-осм. *öldäči kiši* (PhTF, 172) 'смертная личность'.

Причастие на *-dačy* легло в основу будущего времени, часто осложненного модальными оттенками (долженствования, возможности).

Ср. ст.-осм. *buldačisän* 'ты найдешь' (Там же). Уже в эпоху рунических памятников (VII—IX вв.) шел процесс субстантивации причастия *-dačy* как и многих других причастных форм: *Üküs öltäči anta tirilti* 'Многие, обреченные на смерть, тогда остались в живых', *qušladači* 'тот, кто охотиться на птиц, охотник(и) птицелов(ы)' [Там же].

Такие образования зарегистрированы еще в уйгурском, команском — коман. *qutqardačy* 'спаситель', *tuurdačy* 'создатель', спорадически в алтайском, караимском языках — алт. *aldačy* 'дух смерти', кар. *bild'ači* 'знаток' [Рамстедт 1957, 113].

Существует гипотеза об алтайском происхождении суф. *-ti*, этимологически связанного с отглагольными именами на *-ti* и *-ta*, представленными в монгольских, тунгусо-маньчжурских и корейском языках [Там же, 112—114]. Однако это гнездо отглагольно-именных образований объединяет в названных алтайских языках аффиксы столь разнохарактерные по своей семантике, что трудно установить и преемственность в их семантическом развитии, а также само материальное родство, ср. декларатив (=инфинитив и индикатив) на *-ta* в корейском, супин на *-dā* в тунгусском, имя на *-da* в монгольском и т.д. Поэтому вызывает большие затруднения объяснение *-dačy/-tačy* в масштабе *алтайских языков без предварительных специальных разработок.*

Причастие на *-syq*

Причастие на *-syq/-sik* (<*-s* — дезидеративный и уподобительный афф. +*-q/-k* — афф. отглагольного прилагательного) [Севортян 1966, 221—222; Рамстедт 1957, 146; Баскаков 1953, 60—61], обычно сопоставляемое семантически и генетически с причастием на *-duq/-dük* [Баскаков 1953, 60], ничего общего с названным причастием не имеет [Кононов 1980, 126].

Причастие на *-syq* в своем значении осложнено модальными оттенками долженствования желательности, условности и соотносимо по своей природе с будущим временем, ср. *il tutsïq jir ötükän jïš ermiš* 'Отюкенская чернь являлась, по-видимому, (той) землей, на которой можно созидать эль' [Там же]; *-syq* также подвержено субстантивации, что нашло отражение в тех же ранних тюркоязычных памятниках: *türk bodun... ačsïq ōmäz sen* 'тюркский народ ... ты не ведаешь состояния (ни) голода, (ни) сытости' [Там же, 127].

Причастие на *-sar*

К числу причастий, не нашедших отражения в современных тюркских языках, относится и причастие *-sar/-sär* (<*-sa/-sä*+*-r*), обозначающее возможность, долженствование и т.д. Ср. енисейские памятники, где оно активно функционировало: *erdäm bolsar bodunïγ* 'Народ, который должен быть доблестным'; *atsar alp ertiŋiz utsar küč ertiŋiz* 'Вы были героем, который должен был (метко) стрелять, вы были силой, которая умела побеждать' [Кононов 1980, 128].

В древнеуйгурских текстах причастие на *-sar* легло в основу verbum finitum, а в орхонских памятниках эта форма использовалась как деепричастие [Там же].

Причастие на *-(y)q/-(y)y*

Возможно, что в раннем состоянии тюркского праязыка было отглагольное прилагательное (причастие) на *-(y)q*, однако оно рано стало уступать свои позиции в связи с появляющимися в языке синонимичными образованиями. Во-первых, оно активно подвергалось субстантивации, а во-вторых, стало широко употребляться в составе вторичных форм типа *baryyžaq* 'намеревающийся идти', *körügmä* 'видящий', *jazyyčy* 'пишущий' [Щербак 1977, 164].

А.М. Щербак отмечает, что имя действия на *-(y)q/(u)q/-(y)y/-(u)y* в больше мере, чем другие аналогичные формы, сочетало признаки субстантивного имени действия с признаками причастия, и поэтому к нему восходит много существительных и прилагательных, ср. др.-тюрк. *jaruq/jaruy* 'луч', *buzuq/buzuy* 'обломок', *bitik/bitig* 'письменный документ, книга', ст.-узб. *čapuq* 'порубка, порез', *qorqaq* 'трус', аз. *yorxay* 'трусливый', *ürkäk* 'пугливый', гаг. *kapak* 'крышка', каз. *qajraq* 'точило', тув. *dažyy* 'разлив', тур. *dilɳk* 'желание', *jataq* 'постель', узб. *qujuq* 'густой', як. *xonuq* 'кочевка' [Там же].

Причастие на *-(y)n, -(y)nč'~-(i)nč*

Данное причастие, также претерпело трансформацию — субстантивацию и усложнение, и сфера его употребления значительно сократилась. Одновременно с субстантивацией имени действия на -(y)nč~ *(u)nč*, пишет А.М. Щербак, — начавшейся очень рано, происходило исчезновение самого словообразовательного типа, и потому число соответствующих форм; сохранившихся в современных тюркских языках, невелико, ср. др.-тюрк. *qylynč* 'деяние', *-ynanč/ -ysanč* 'вера', *sökünč* 'брань', аз. *gülünž* 'смешной', *yorxunž* страшный', кум. *süjünč* 'радость', тур. *dajanč* 'опора', узб. *siqinč* 'сжатие' [Щербак 1977, 161].

Глагольное имя действия на *-yy/-gy*, в основе которого лежит показатель *-q/-y* (отглагольное прилагательное-причастие) встречается в манихейских, уйгурских и ранних арабографических текстах, где выполняет разные функции; в частности — *-yu* легло в основу настоящебудущего времени.

В современных тюркских языках, исключая уйгурский, — отмечает А.М. Щербак, — форма на *-yu* встречается преимущественно как реликтовое образование — в виде наименований процессов и состояний, орудий, признаков и т.д.: аз. *bölgü* 'деление', *dujyu* 'чувство', алт. *qapqy* 'крючок', гаг. *byčqy* 'пила', кирг. *külkü* 'смех', тур. *buryu* 'буравчик', др.-тюрк. *qamayu* 'все' [1977, 159—160].

Следы формы на *-yu* обнаруживаются также в одной из разновидностей собирательных числительных [Bang 1919, 37—47]. А.М. Щербак полагает, что древнейшая разновидность афф. *-ab...(-ayu)* представляет собой сочетание двух простых морфологических элементов: афф. *-a*, образующего глагольные основы от имен, и афф. *-yu*, образующего имена действия, ср. *adynayu* 'другой', *qamayu* 'все' [1977, 152]. Н.И. Ашмарин связывает с именем действия на *-yu* чувашскую причастную форму на *-i* [1898, 311].

В ряде тюркских языков имя на *-γu* выступает в сочетании со словами *bar, joq* и глаголом *käl-*, выражая при этом желание/нежелание, намерение/отсутствие намерения совершить действие. Ср. кирг. *baryym joq* 'у меня нет желания идти' и т.д. В древних и современных тюркских языках немало производных морфологических образований, включающих в себя имя действия на *-γu* с аффиксами, послелогами уподобления *-däk, -lyq, -čy, -syz* и т.д.

В. Котвич отмечает, что в монгольском языке известен аналогичный афф. *-γu, -gü*, при помощи которого образуются от глаголов прилагательные, обозначающие состояние или положение, например: *daruγu* 'послушный' (*daru* 'давить, жать'), *soytoγu* 'пьяный' (*soyto-* 'быть пьяным'), *ilegü* 'оставшийся, лучший' (*ile-* 'остаться, быть в избытке') [1962, 298].

ПРИЧАСТИЯ, ВОЗНИКШИЕ В БОЛЕЕ ПОЗДНЕЕ ВРЕМЯ

В тюркских языках возникло немало причастий, которых в тюркском праязыке не было. Они появились в отдельных языковых общностях уже после распада праязыка. Интересно, что новые причастия относятся преимущественно к причастиям настоящего времени. В области причастий прошедшего времени каких-либо особых изменений не наблюдалось.

Причастие на *-učy/-üči*

К новым причастиям настоящего времени относится, например, причастие на *-učy/-üči*, охватывающее довольно большую зону тюркских языков. Образовано это причастие от древнего отглагольного имени на *-γy/-ig* + афф. *-čy/-či*. Это в сущности тот же афф. *-čy/-či*, который мы находим в названиях профессий типа тур. *balykčy* 'рыбак'. Значение 'постоянное занятие чем-л.' было использовано для создания причастия настоящего времени [Серебренников, Гаджиева 1979, 232—233]: аз. *boγuzu bir isti* 'удушающая жара', кбалк. *žazyuču student* 'пишущий студент', ног. *šašuvdy soŋga qaldyruvšy bir kolxoz da bolmavga kerek* 'необходимо, чтобы не было ни одного колхоза, отстающего с севом' (НРСл., 532); тат. *jazučy* 'пишущий'; башк. *jazyvsy;* кирг. *ajzu:ču,* каз. *jazušy;* тур. *Jašlyjdy, ama hič de geriži, tutuzu bir insan deyildi* 'Он был пожилым, но совсем не был отсталым, консервативным человеком'.

В общности сибирских языков развивались своеобразные формы причастий.

Причастие на *-qčy/-uqčy/-ikčy/-ükcü*

Причастие на *-qčy/-yqčy/-ikči/-uqču/-ükču* (*-q* + *-čy*) в тувинском языке обозначает склонность или способность к совершению действия: *potčuqču* 'читающий, читатель, чтец'; *körükču* 'смотрящий, зрительный, зритель' [Исхаков, Пальмбах 1961, 312—313].

Причастие на *-ačy (-a:čy/-ečі(-э:čі)* обозначает действие или состояние, присущее (свойственное) данному лицу, а также и самое лицо, которому свойственно совершать данное действие. В составе его тот же эле-

мент *-čy:* тув. *bižɜ:čі* '(постоянно) пишущий; тот, кому свойственно писать, писарь' от *biži* 'писать' [Исхаков, Пальмбах 1961, 313]; хак. *čöre:či kizi* 'все время ходящий человек', *uza:čy* 'человек, который все время спит' [Дыренкова 1948, 79].

Причастие на *-qalaq*

Эта форма распространена во многих тюркских языках Сибири. Исследователи определяют ее как двухаспектную форму еще не совершенного, ожидаемого (или ожидавшегося) действия; в этом отношении данная причастная форма реликтово отражает временную недифференцированность. Ср. тув. *dušqalaq* 'тот, кто еще не встретился, тот, кто вот-вот встретится', *totqalaq* 'тот, кто еще не насытился, тот, кто вот-вот насытится' [Исхаков, Пальмбах 1961, 310—312].

Причастие на *-qalaq* зарегистрировано в хакасском, шорском, алтайском, наблюдается в киргизском и якутском языках. Ср. хак. *kelgelek kizi* 'еще не пришедший человек', *ajlanyalax aŋčy* 'еще не возвратившийся охотник', *ügrengelek pala* 'еще не учащийся ребенок' [Дыренкова 1948, 310—312], алт. *čyqqalak kün* 'еще не взошедшее солнце', *bargalaq kiži* 'еще не уехавший человек' [Дыренкова 1940, 153].

В диалектах сибирских татар, например барабинском, сохраняется форма *-yalaqta,* приближающаяся по своему значению к деепричастию. Эта же форма зарегистрирована в алтайском языке. Одна из вероятных этимологий формы на *-qalaq* — причастие (или притяжательная форма имени действия) на *-qy/-ki, -qu/-kü, -gy/-gi/-gu/-gü+elek* 'еще не наступивший, еще не совершившийся' [Монгуш 1959, 90].

К тому же разряду поздних производных причастных образований относятся причастия типа тоб. ирт. *-yytaj/-gitäj,* хак. *xadyq/-kedig,* сm.-узб.*-yudäk,* узб. *-gulik* и т.д. Ср. тоб. ирт. *Monta satyb alyytaj öj juq* 'Здесь нет такого дома, который можно было бы купить' [Тумашева 1969, 74].

Довольно широко используется для создания форм причастия настоящего времени причастие на *-qan* от глагола *tur* 'стоять' — *turyan* (в разных фонетических вариантах): туркм. човд. *alatorgan* 'берущий', башк. *alatpryan,* алт. *bara:tqan* 'идущий', *körötön* 'смотрящий', каз. *baratyn* 'идущий', ккалп. диал. *baratyyan* 'идущий' и т.д.

В шорском языке существует причастие настоящего времени, образованное с помощью причастия на *-qan* вспомогательного глагола *čat-(<jat-)* 'лежать', ср. *turčatqan* 'стоящий', а также причастие настоящего времени на *-čan,* например, *ištečen kizi* 'работающий человек' или 'человек, который будет работать'. Происхождение этого аффикса неясно [см. Серебренников, Гаджиева 1979, 233].

ДЕЕПРИЧАСТИЯ

В тюркском праязыке, по крайней мере на его более раннем этапе существования, деепричастий было немного. К наиболее древним можно отнести деепричастия на *-yp/-ip* и *-a/-ä* [Серебренников, Гаджиева 1979, 233].

Трактовка деепричастий в существующих грамматиках тюркских языков не отличается четкостью. Некоторые тюркские деепричастия действительно по смыслу соответствуют русским деепричастиям. Таковы деепричастия на *-qanda, -qač* и др. Однако во многих случаях деепричастия представляют различные локальные характеристики действия. Поэтому приходится называть их деепричастиями условно за неимением более подходящего термина.

В соответствии с особенностями структуры тюркских языков временное соотношение двух действий выражается не столько союзами, сколько использованием падежных значений отглагольных имен существительных. Поэтому в тюркских языках, широко использовавших именно этот способ передачи разновременности двух действий (локальные падежи и др.), подвижны границы между глагольным именем и тем, что мы называем деепричастием.

В тюркологической литературе иногда выдвигается тезис о том, что деепричастия в некоторых языках сохраняют следы склонения и изменения в числе. В качестве примера приводятся тувинские формы *-qaš/-gaš* [см. Дмитриев 1948, 186; Исхаков, Пальмбах 1961, 335] и *-pyša:n.* Сопроводительное деепричастие на *-pyša:n,* — пишут авторы грамматики тувинского языка, — относится к своеобразным грамматическим формам тувинского языка. Оно содержит наряду с деепричастным, также и причастно-именные признаки и еще нагляднее, чем деепричастие прошедшего времени на *-qaš* свидетельствует о том, что деепричастные формы возникли из причастных [Исхаков, Пальмбах 1961, 336]. Следует отдать должное справедливости окончательного вывода авторов тувинской грамматики в отношении формы *-pyša:n* — более правомерно считать ее причастным показателем, хотя в ней уже возникли некоторые деепричастные признаки [Там же].

В тюркологии есть попытка квалифицировать деепричастие как своеобразное глагольное имя [Кононов 1980, 128], очевидно, поскольку оно нередко возникает путем постепенного стирания у формы причастно-именных признаков. Однако это лишь один, правда довольно продуктивный, способ образования относительно новых деепричастий. Вместе с тем это определение не отражает сущности старых деепричастий. Поэтому есть основания поддержать известную квалификацию деепричастий как неличных форм глагола.

Деепричастие на *-yp/ -ip*

Есть основания предполагать, что древнее деепричастие на *-yp-/-ip* существовало уже в раннем состоянии тюркского праязыка. Происхождение афф. *-yp–/-ip* не выяснено. Оно представлено во всех старых и новых тюркских языках, за исключением чувашского, якутского. Как деепричастие *-yp* служит для обозначения временной (чаще предшествующего главному действию), причинной, целевой, условной характеристики действия, что зафиксировано в ранних тюркских памятниках: *tirilip jetmiš er bolmïs* (КТб, 12) 'Когда (они) собрались, (их) стало семьдесят воинов; *Örtčä qïzïp kelti* 'Он пришел, пламенея, как лесной пожар'; *Anï körip anča biliŋ* (КТм, 13) 'Смотря на него (на этот

памятник), так поучайтесь' [см. Кононов 1980, 128—129]; аз. *alyb*, тур. *alyp*, туркм. *alyp*, кум. *alyp*, гаг. *alyp*, кар. *alyp*, кирг. *alyp*, ккапл. *alyp*, каз. *alyp*, алт. *alyp* 'взяв' и т.д.

Оттенки временного соотношения действия, передаваемые деепричастием *-yp*, самые разнообразные в тюркских языках и их памятниках.

Не случайно, что в тюркских грамматиках нередко указывается, что соединительное деепричастие на *-yp* — самое универсальное, выполняющее все функции деепричастных форм, а именно: 1) участвует в образовании сложных и составных глаголов; 2) служит самостоятельным членом предложения (обстоятельством), поясняющим глагол; 3) служит однородным сказуемым в слитном предложении, 4) образует деепричастные обороты, 5) служит сказуемым в составных частях сложного предложения [см. Исхаков, Пальмбах 1961, 313—317]. Ср. еще тув. *Čas düžüp xar эrip, sug šorgalanyp aqyp, oŋgarlarda xö:lbektenip čytqan* (Исх., Пальм., 317) 'Весна наступала, снег таял, вода текла по желобам и скоплялась (букв. образовывала водоемы) в ямах'. Ср. еще башк. *Ul sekretar bulup эšläj* 'Он работает в качестве секретаря' (Дм.$_1$, 187); алт. *d'as kelip qar qajyldy* 'Когда пришла весна, снег растаял'; *ajdyp božotty* 'кончил говорить' (Дыр.$_1$, 133—134).

Г. Рамстедт связывает деепричастие на *-yp* с монгольским афф. *-bai/-bei/-ba/-be*, являющимся окончанием прошедшего времени. Во всяком случае можно констатировать значительное типологическое сходство: тюркское деепричастие на *-yp* лежит в основе прошедшего результативного времени — перфекта.

Деепричастие на *-(y)pan/-(y)pän*

Нередко на правах синонима в тюркских памятниках ранней письменности выступает деепричастие *-pan*. Исследования А.Н. Кононова свидетельствуют, что *-°pan/-°pän* в тюркских руническ их и древнеуйгурских памятниках образуются только от положительных основ и наибольшее распространение получили в "Гадательной книге"; дальнейшее развитие этой формы обнаруживается в древнеуйгурских памятниках (*-°ban/-°bän*) и через них в староузбекском (у А. Навои и других авторов) и в других тюркских языках [Кононов 1980, 128]. Этимологически возможно она слагается из двух синонимичных компонентов: *-p* и *-an* (ср. якутское деепричастие *-an*). Г. Рамстедт объясняет вариант *-pyn/-pan(-ypan/-upan)* как окончание инструкт. падежа [Рамстедт 1957, 122].

Трудно определить, к какому периоду тюркского праязыка относится *-pan* — очевидно, к более позднему по сравнению с *-p* времени. Основной ареал его распространения — ранние тюркские памятники, некоторые старотюркские языки; ср. *Ečim qayan oluripan türk bodunïy jičä itdi* (КТб, 16) 'Мой дядя каган, когда сел/сев (на царство) снова устроил тюркский народ'; *Sü süläpän tört buluŋdaqï bodunïy qop almïs* (КТб, 2) 'Пойдя (на них) войною, они пошли (на них) войною и совсем/целиком покорили народы, жившие по четырем странам (света)'; ст.-осм. *jüzüŋ gözdärübän* (PhTF, 169) 'показав лицо'.

Деепричастие на *-a/-ä*

Следы этого деепричастия обнаруживаются во всех тюркских языках и, как будет показано ниже, есть все основания относить его к раннему состоянию тюркского праязыка.

Формируя деепричастную конструкцию, *-a* передает чаще временные соотношения двух параллельно происходящих действий или причинно-следственных отношений. Деепричастие на *-a* называют "слитным", "попутным", деепричастием настоящего времени, "несовершенным", "третьим" (третьим герундием [см. Исхаков, Пальмбах 1961, 325]. Ср. алт. *kele* 'приходя' (Дыр.[1], 135), тув. *bara* 'идя', *qyla* 'делая' (Исх., Пальм., 325), хак. *para* 'идя туда, уходя', *ajlana* 'возвращаясь', *köre* 'смотря' (Дыр.[3], 81).

В тюркских рунических памятниках деепричастие на *-a* было довольно широко представлено, ср. *toquz erig egirä toqïdï* (КТб, 46) 'Девять воинов он, окружив, разбил' [подробнее см. Кононов 1980, 131]. К современному состоянию функции деепричастия на *-a* сократились. Сегодня оно не относится к числу активных деепричастий. И чаще выступает в парном сочетании. Ср. башк. *ala-ala* 'беря-беря' (т.е. 'часто беря'), туркм. *ala-ala gelšim* 'беря, беря я иду' (ГТЯ, 375). В ряде языков (например, башкирском) оно становится стилистически ограниченным фольклорным жанром или употребляется в отдельных фразеологических оборотах [Дмитриев 1948, 186].

В тюркских языках наблюдается тенденция перехода деепричастия на *-a* (отр. форма *-maj*) в другие части речи: а) в наречия — тув. *baštaj* 'сначала' (*bašta-* 'руководить'), *qoža* 'рядом' (*qoš-* 'присоединять'); б) в послелоги — тув. *čedir* (*<čedire*) 'до, вплоть до' (*čedir-* 'доводить'), *öttür<öttüre* 'через, сквозь' (*öttür-* 'давать проникать') [см. Исхаков, Пальмбах 1961, 33]; алт. *Könökkö toltyra süt sa:dy* 'Надоила ведерко дополна' (Дыр.[1], 135).

Отрицательная форма слитного деепричастия на *a* — *-maj/-baj* — принимает показатель *-(y)n*. Может быть, это древний показатель деепричастия? (ср. як. *an*). Ф.Г. Исхаков и А.А. Пальмбах рассматривают его как древний наречный афф. *-yn:* тув. *olura* 'сидя' — *olurbajn* 'не сидя', *kele* 'приходя' — *kelbejn* 'не приходя' [1961, 324—326].

Основная причина угасания деепричастия на *-a/-maj*, очевидно, состоит в том, что оно в ряде случаев создавало омонимию с другими формами. Во многих языках (в первую очередь, кыпчакских) оно легло в основу образования настоящего времени.

Деепричастие на *-(j)y/-(j)i/-(j)u/-(j)ü*

Очевидно, возникновение этих деепричастий является результатом фонетического развития деепричастия на *-a* (результат аблаута); по меткому замечанию А.Н. Кононова, — это "узкий" аналог деепричастия на *-(j)a* [Кононов 1980, 131], он представлен в тех же языках, что и *-(j)a* и характеризуется тем же семантическим пучком (т.е. обозначая время, образ, цель, причину совершения действия), ср. *türk bodunïŋ ilin törüsın tuta birmis iti birmis* (КТб, 1) 'Они поддерживали и устраивали

эль и тёрю тюркского народа' (Кон.$_5$, 131). Ср. еще тув. *körnü* 'оглядываясь', *ajty* 'указывая' (Исх., Пальм., 324—325).

Г. Рамстедт рассматривает форму деепричастия на *-a* как результат переосмысления, т.е. семантического развития причастия настоящего времени [Рамстедт 1957, 108]. Однако ни в одном из тюркских языков не зафиксирована причастная форма на *-a* в чистом виде, хотя в составных образованиях новых причастий она участвует (ср. *ala torgan* 'он берет'). Алтаисты соотносят тюрк. *-a* с монг. *-a*. Ср. монг. *nɔ̄dā* 'рассматривая, наблюдая' [Там же, 109].

Интересны наблюдения В. Котвича в отношении тюркского деепричастия на *-i*. "Никто до сих пор не обращал внимания на то, — пишет В. Котвич, — что второй вариант суффикса тюркского деепричастия *-i̯* выступает также на монгольской почве, хотя является уже мертвой морфемой" [1962, 305—306]. Речь идет именно о форме причастия настоящего времени, которую, вопреки мнению Г. Рамстедта [1957, 109], указал Б.Я. Владимирцов. Немногочисленные примеры ее употребления можно найти в "Сокровенном сказании монголов": в "Хронике" Салан Сечена, в пекинском издании повести о Гесер-хане и других текстах: *buį boɫuį, ajisuį, oduį, daruį, oɫuį*. Особого внимания заслуживает слово *daruį*, основу которого составляет монгольский глагол *daru-* 'давить, прижимать', и который до сих пор употребляется всюду в функции наречия 'затем, потом'. На тюркской почве ему точно соответствует наречие *basa* 'снова, потом', образованное от глагола *bas-* 'давить, прижимать', при помощи варианта *-a* того же самого деепричастного суффикса. Слово *basa* 'снова, потом' заимствовали монголы, и в монгольском оно стало употребляться еще более широко, чем в тюркском [см. Котвич 1962, 305—306].

ДЕЕПРИЧАСТИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ФОРМОЙ МЕСТНОГО ПАДЕЖА

Деепричастие на *-ganda/-gändä*

Это деепричастие представляет собой форму местн. падежа от причастия на *-gan*. Данная форма не может быть восстановлена в раннем состоянии тюркского праязыка. Ее развитие и активизация связаны с эпохой кыпчакской общности. Показательно, что в ранних тюркских памятниках рунического письма деепричастие на *-ganda* не встречается. Эту форму можно встретить в памятниках уйгурского и арабского письма, в памятниках разговорных кыпчакских языков Codex Cumanicus, документах на половецком языке XVI в. Распространена в современных тюркских языках кыпчакской группы.

Чаще всего данное деепричастие передает действие, во время которого и параллельно которому происходит действие, выраженное в главной части предложения. Соотношение двух действий относится к плоскости прошедшего времени. Вместе с тем в современных тюркских языках сохраняются случаи, когда *-ganda* выражает соотношение двух действий в плоскости настоящего времени, что является реликтом временной недифференцированности формы -gan.

Документы на половец. яз. XVI в.: *bilar anyrnadan (adyrnadan) čyxkanda ǯuhutnuŋ janyndan čyxardy šablasyn sučsuz kunahsyz keldi urdu ustimizga da diradurnu jaralady* (ДПЯ, 128) 'Когда мы выезжали из Адрианополя, он выхватил у одного еврея саблю и ни за что набросился на нас и поранил Дирадура'; башк. *Ular qorohary utyndy sanaga tejäp, bäjläp bötkändä buran jaqšy uq kösägäjne inde* (Г. Хайри) 'Когда они погрузили на сани сухие дрова и привязали их, буран уже значительно усилился'; каз. *Belge šyyyp alyp, šauyp kele žatyp qaraganda – bala körinbedi* (М. Әуэзов) 'Когда выехали на гребень холма и осмотрелись, мальчика не было видно'; алт. *D'ylu salkyn tüškende, kar kajyla beret* 'Когда будет теплый ветер, снег тает' (Дыр.$_1$, 276).

Деепричастие на *-anda/-ändä*

Эта деепричастная форма представляет собой форму местн. падежа от причастия -an и не может быть восстановлена в раннее состояние тюркского праязыка. Ее развитие и активизация связаны с эпохой огузской общности.

Деепричастие *-anda* не характерно для ранних тюркских памятников. Ареал его распространения — тюркские языки огузской группы. Наибольшая частотность употребления этой формы — азербайджанский язык, в других она зарегистрирована спорадически, главным образом в диалектах. Ею обычно передается действие, во время которого и параллельно которому происходит другое действие, выраженное в главной части предложения. Сама форма *-anda* нейтральна в отношении времени. Выражаемый ею временной план зависит от временного плана действия главной части сложного целого. На базе временного соотношения действия, передаваемого деепричастием на *-anda*, развиваются условно-следственные значения. Примеры: аз. *Ayaž synanda budag näjä g'äräk?* (посл.) 'Когда дерево ломается, к чему нужна ветка?'; *Mäktäbdä ušayy olmajanda nä olarki* (Б. Ибрагимов) 'Если бы в школе не было детей, что же было бы?'; тур. *türkmen uruyu ayyzy: jaz ajlary gelende galdyr o lelenim jarpayyndan öo* (A. Caferoğly), 'Когда наступит весна, возьми и поцелуй лист того тюльпана'; туркм. *Mö:ǯök jüzüniŋ uyryno bökčök bolondo, it alkymyndan tutup boyma:ya gi:rišti* (фольк.). 'Когда волк хотел прыгнуть следом за ней, собака схватила его за горло и стала душить'.

ДЕЕПРИЧАСТИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ФОРМОЙ ДРЕВНЕГО ТЕРМИНАТИВА НА *-ča/-čä*

Деепричастие на *-yanča/-ganča/-gänčä/-qanča*

Представляет форму терминатива от причастия на *-qan/-gan*. Не восстанавливается в раннее состояние тюркского праязыка, поскольку развитие и активизация этой формы связаны с эпохой кыпчакской общности. Широко распространена в кыпчакских языках, в особенности алтайском, башкирском, казахском, узбекском, каракалпакском, киргизском, кумыкском, ногайском, татарском, хакасском, шорском.

На базе временного соотношения действий, передаваемого деепричастием на *-qanča,* развиваются и другие обстоятельственные значения (причинно-условные, сравнительные): алт. *taŋ atqanča, d'aš boldy* (Дыр.₁, 138) 'До рассвета шел дождь (пока не занялась заря)'; кирг. *Kerkibaj sözünün ajagyna čykkanča telefon šyŋgyrady* (К. Каимов) 'Не успел Керкибай договорить до конца, как зазвонил телефон'; тат. *baryjm äle min šul sukmak betkänče* (фольк.) 'Пойду-ка я, пока эта тропа не кончится'; ног. *jatyp kalganša atyp kal* (посл.) (НРСл., 473) 'Лучше выстрелить, чем лежать'; узб. *biz ÿjlaganča bÿlmady ku* (разг.) 'Не получилось так, как мы хотели'.

В диалектах татарского языка форма на *-ganča* усложняется элементом *k* — *-gančak.* Ср. средн. диал. *Bez barganča // bargančak däres bašlangan ide* 'Пока мы ходили, начался урок?'.

В языках кыпчакского типа, а также в памятниках, отражающих кыпчакские языки, распространен аблаутный вариант афф. *-qanča/-ganča* — *-gynča/-yynča.* Ср. хорезм. пам. XIV в. *Seniŋ ataŋ ayyr taš astyndan täbrengінčä käräk mänim atam zännätkä kirmiš bolyaj* (Фаз. I, 77) 'Пока твой отец шевелится под тяжелым камнем, мой отец войдет в рай'; кбалк. *Sora sürüf ketib baryanda, zaš da ičlerinde baryant tang atxyncy* (МИБД, 42) 'Затем стали уходить (уходя), гоня стадо, и когда шли, то парень тоже среди стада (внутри) шел, пока не настало утро'; узб. *Opam kelgünčä, men därs tajorladim* (разг.) 'Я приготовил уроки до того, как пришла моя старшая сестра'.

Семантика аблаутного варианта та же, она преимущественно обозначает предел, до которого должно продолжаться действие следующего глагола.

В диалектах сибирских татар распространены фонетические варианты *-yynca/-yyncy/-yanca:* тоб. ирт. *jylnyŋ jylynta qar janyancy jšlejpis* (Тум., 79—80) 'Каждый год мы работали до тех пор, пока не выпадет снег'. В башкирском — вариант *-qansa/-känsä/-yansa/-gänsä: Min kilgänsä kitmäj tor!* (Дм.₁, 256) 'Не уходи, пока я не приду'.

Афф. *-qansa* может быть осложнен элементом *-n.* Ср. тоб. ирт. диал. *Kŏn qunyansyn, jalaŋya cyqtyq* (Тум., 81) 'Когда солнце село, мы вышли в поле'.

Деепричастие на *-ynča/-ynža*

Является аблаутным вариантом формы на *-anča,* представляющим форму древнего терминатива от причастия на *-an.* Деепричастная форма *-ynča* не восстанавливается в раннее состояние тюркского праязыка. Ее развитие и активизация связаны с эпохой огузской общности. Ареал ее распространения — преимущественно тюркские языки огузской группы.

Значение аналогично деепричастной форме, распространенной в кыпчакских языках — *-qanča/-yanca/-yynča/-ginčä:* аз. *Män toylunu käsib sojunča sän dä ožayy, gala* 'Пока я буду резать барашка, ты разожги костер'. В турецком языке значение предела, до которого должно продолжаться действие следующего глагола, сохраняется, если деепричастие образуется от отрицательной основы: *Geje olmajynža julduz görünmez* (разг.) 'Пока не настанет ночь, звезд не видно'. В других

случаях деепричастие на *-ynča* обозначает действие, предшествующее другому действию: *Beni görünže, hemen gülümsedi* (разг.) 'Как только она увидела меня, тотчас же улыбнулась'.

Деепричастие на *-ynča* в отрицательном аспекте — *-majynča* — имеет более широкий ареал распространения, не ограниченный только языками юго-западной группы. Ср. пам. "Codex Cumanicus": *čyqmajynča*; алт. *Sookko toŋbojynča* (*toŋbogončo*), *d'y ludy bilbes* (Дыр.$_1$, 139) 'Пока не померзнешь на морозе, не почувствуешь тепла'; кирг. *Sizdej selki tabylmajynča ɜč kimdi süjböjm žana üjlönböjm* (К. Каимов) 'Пока не найдется такая девушка, как Вы, я никого не полюблю и не женюсь'.

В диалектах азербайджанского и турецкого языков зарегистрирована форма *-ynžax/-ynčax (-ynča/-ynža + x/q):* аз. нух. *Növbä čatynčax g'özdädim* 'Я ждал до тех пор, пока моя очередь не подошла'; тур. (анатол. и румел.) *Bahar gälinžäk 'Als der Frühling kam'* (PhTF, 259); в турецком языке, его диалектах возможен и фонетический вариант *-(y)icek* (Там же, 208). Те же фонетические варианты зарегистрированы в туркменском языке [ГТЯ 1970, 577].

ДЕЕПРИЧАСТИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ДРЕВНИМ КОМИТАТИВОМ НА *-ly/-aly/-äli*

Данные деепричастия представляют собой форму совместн. падежа (комитатива от отглагольного имени на *-a*). Не восстанавливаются в раннее состояние тюркского праязыка, поскольку развитие и активизация деепричастия на *-aly* связаны с эпохой огузской общности. Широко распространены в огузских языках. Ср. тур. *Istanbula geleli* (разг.) 'С тех пор, как он приехал в Стамбул'; туркм. *Poezd duralı, jarym sagat boldy* 'Прошло (уже) полчаса, как стоит поезд' [см. Гаджиева 1973$_1$, 264].

Деепричастную форму на *-aly* следует отличать от деепричастной формы *-ala/-ele/-olo/-ölö*, зарегистрированной в алтайском, хакасском, тувинском языках. Здесь составной элемент *-la/-le* представляет собой частицу [Дыренкова 1940, 137]; *Ojto kelele bis olordy tappadybys* (Дыр.$_1$, 137) 'Возвратясь (придя) назад, мы их не нашли'; тув. *Ačam zavodka ažylda:la čɜ:rbi čyl aškan* (Исх., Пальм., 265) 'Уже прошло более двадцати лет, как мой отец работает на заводе'.

Деепричастие на *-aly* преимущественно указывает на исходный момент совершения действия. Ср. еще аз. *ǯäbhäjä gäläli birinǯi däfä olarak...* (разг.) 'Впервые после прибытия на фронт (букв.: С тех пор, как она прибыла на фронт)...'; тур. *Biz bu eve tašynaly üč aj bile olmady* (A. Nesin) 'Не прошло еще трех месяцев, как мы переехали в этот дом'.

Деепричастие на *-qaly/-yaly/-käli* активно функционировало в эпоху кыпчакской общности и широко представлено в кыпчакских языках; семантика этой формы полностью совпадает с семантикой *-aly*. Этимологически она представляет собой форму комитатива отглагольного имени на *-qa*. Ср. рунич. пам. *türk bodun oluryaly* (Tekin: *qylynyaly*) *türk qayan oluryaly santuŋ balyq(q)a taluj ügüzkä tegmis joq ermis* (Кон.$_5$, 132) 'С тех пор как существует тюркский народ, с тех пор, как сидит

(на царстве) тюркский каган, они (тюрки) никогда не доходили до городов Шаньдуня, до моря-реки (Желтого моря)'; алт. *Men aŋdy atqaly, udaj berdi* (Дыр.$_1$, 140) 'С тех пор, как я убил оленя, прошло много времени'; ккалп. *Men kelgeli ber aj boldy* (разг.) 'С тех пор как я приехал, прошел месяц'; хак. *paryaly* 'с тех пор, как ушел' и т.д.

Деепричастие на *-qanly* синонимично *-qaly(-qan+-ly)*. Ср. кбалк. *bu kitap čyqyanly, men any körmegenme* 'С тех пор, как ты приехал, мне стало лучше'; кум. *saya yašyq bolyanly qalmady qanym qašyk* (Дм., 145) 'С тех пор, как я влюбился в тебя, не осталось во мне и ложки крови'.

С деепричастием на *-aly/-yaly* некоторые исследователи связывают якобы фонетические варианты *-qana/-känä* [см. Deny 1921, 1031] или *-qaťaq/-käläk/-yalaq/-gäläk* (диалекты сибирские и алтайские, тувинский язык, киргизский суффикс-частица *-elek*) [Deny 1921, 930; Катанов 1903, 576—577].

Обычно алтаисты отмечают, что в других алтайских языках нет соответствий тюрк. *-qaly, -ala, -qaťaq*. Вместе с тем, В. Котвич призывает помнить и о маньчжурском окончании деепричастия *-ŋyala/-ŋyolo/-ŋgeťo* 'до того как; прежде чем'. Во всяком случае, элемент *-la* и в окончании данного деепричастия, и в суффиксе монгольско-тунгусского деепричастия *-taťa/-toťo (-tele)* может иметь какую-то связь с подобным же элементом тюркского суффикса [1962, 302].

ДЕЕПРИЧАСТИЯ, ЭТИМОЛОГИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ КОТОРЫХ ЗАТРУДНЕНЫ

Деепричастие на *-dyqča/-dikčä*

Активизация этой формы связана с эпохой огузской общности. Распространена во всех огузских языках; указывает на действие, протекающее одновременно с действием спрягаемого глагола, реже — действие, вслед за которым непосредственно следует действие спрягаемого глагола, ср. аз. *O dämir teštinin janynda oturub xämir joyurdugža nehrä dä čalxalanyr* (разг.) 'В то время, как она, сидя у железной ванны, месила тесто, молоко пахталось'; тур. *šehre jaklaštykča...* (Кон.$_1$, 482) 'по мере того, как я приближался к городу...'; гаг. *o okuduxča* (Д. Карачобан) 'по мере того, как он читал' туркм. *Aŋry gitdigiče*[66] *sazandanyŋ pikiri artjardy* (Н. Сарыханов) 'Чем дальше ехал, тем больше росли мысли музыканта'.

Форма на *-dyqča* зарегистрирована в ряде диалектов кыпчакских языков, в тюркских памятниках, отражающих черты кыпчакских и огузских языков: в ранних произведениях татарской литературы [Гаджиева 1973$_1$, 288—289].

Первый составной компонент афф. *-dyqča* — *-dyq* — аффикс отглагольного имени (см. об этом выше). Второй компонент — *-ča* вряд ли связан с аффиксом терминатива *-ča*. Это — скорее аффикс сравнительных наречий на *-ča* типа тур. *almanča* 'по немецки' [см. Серебренников, Гаджиева 1979, 237].

[66] В туркменском *-dykča* может принимать аффиксы принадлежности

Широкое распространение этой формы деепричастия связано с эпохой кыпчакской общности. Зарегистрирована во всех кыпчакских языках, встречается и в диалектах огузских языков (ср. диалекты азербайджанского, туркменского языка) [Гаджиева 1973₁, 268—269]. Ср. тат. *Bala da bulgač, kyz da tugač, sin ällä nišläden* 'Когда (если) мальчик родится, дочка родится, что бы ты стал делать'; узб. *Kejingi waqtlarda otasi blan orasi buzilib qolgač, faqirlikka tušdi* 'В последнее время, когда отношения с отцом испортились, он обеднел (впал в бедность)'.

Существует мнение, что афф. *-gač* возник из аффикса *-γa(n),* к которому присоединилось слово *čaq* 'время' [Кононов 1960, 148]. Вместе с тем словосочетание "чистая глагольная основа+существительное" для тюркских языков не типично. К. Брокельман в показателе *-č(a)* видит древний падеж *äquativus* [см. Brockelmann 1954, 251] (может быть, правильнее направительный падеж).

В уйгурском языке зафиксирован показатель *-dačqa,* представляющий наглядное слияние двух синонимичных показателей: *Küz päsli bolγačqa jamγurnin bir xilda simildiši däräxlär učidiki yazanlarγa urulup, täšvišlik pičirlaštin däräk bärgändäk bolatti* (Ж. Босаков) 'Поскольку было осеннее время (года), мелко моросил дождь, ударяя по пожелтевшим листьям на концах деревьев, словно давая знать о беспокойном шепоте (шуме)'.

В мишарском диалекте татарского языка и у татар Западной Сибири зарегистрирован цокающий фонетический вариант — *-gac.* Ср. миш. *O:l, katnŷ ülgäc, Iskäj mo:llanŷn sestrasŷn aldŷ* (Шак., 139) 'Когда жена его умерла, он взял сестру Исхай-муллы' и т.д.

В тувинском языке фонетический вариант *-keš,* очевидно, родствен *-gač,* ср. *čitkeš* 'потерявшись' [см. Исхаков, Пальмбах 1961, 332].

В ряде тюркских языков зафиксирован развившийся фонетический вариант *-kas/-gas:* башк. *Min mäktäptän syqqas, qar jaua bašlany* (Дм.₁, 248) 'Как только я вышел из школы, повалил снег'.

В отдельных тюркских языках и их диалектах встречаются сложные контаминированные образования. Ср. алт. *-gažyn,* уйг. *-γačqa,* тат. диал. *-qačtyn,* кар. *-γačok, -kačox* и т.д.

В. Котвич отмечает, что суф. *-qač/-γač* образует формы деепричастия прошедшего времени (*alγač* 'взяв, после того, как взял'); он был известен в чагатайском языке, восточнотуркестанских, а также в сибирских и приволжских диалектах. О. Бётлингк, а вслед за ним и Г. Рамстедт сравнивали этот суффикс с як.*-a:t/-ä:t* и монг. *-γad/-ged,* однако В. Радлов справедливо заметил, что якутский суффикс не имеет ничего общего с *-qač,* поскольку общетюрк. *-č* в якутском соответствует *-s,* а не *-t.* В. Радлов высказал мнение, что як. *-a:t* является континуантом монг. *-γad,* а если принять за основу тюрк. *-qač,* то следует обратить внимание на исследование вопроса о происхождении названных суффиксов. Тунгусский суф. *-ksa~-kso~-kse,* который выражает то же самое, является как бы промежуточной формой, особенно если предположить, что *-ksa* мог иметь вариант *-*kas.* Подобное передвижение гласного для отделения друг от друга двух рядом стоящих согласных характерно для алтайских языков, и тунгусские языки

дают много тому доказательств: суффикс повелительного наклонения 1 л. *-kta>-gita*, 3 л. *-ktin>-gitin* и т.д.

В соответствующих параллельных образованиях других языков мы вправе ожидать того же. Не менее часты явления чередования в исходе слова согласного *č* с *s* в тюркских языках и *t* с *s* — в монгольских. Таким образом, все названные суффиксы (тюрк. *-qač*, монг. *-yad*, як. *-a:t*, тунг. *-ksa*), вероятно, могут быть включены в состав одной группы [см. Котвич 1962, 300—301].

Деепричастие на *-an*

Деепричастие на *-an/-эn/-on/-ön* зарегистрировано в якутском языке. Ср. як. *körэn* 'смотря', *aha:n* 'открывая' и т.д. В его основе, вероятно, лежит древнее общетюркское причастие на *-n*, т.е. то древнейшее причастное образование, которое лежит и в основе рассмотренных нами выше *-gan/-agan/-an*.

В ряде живых диалектов тюркских языков в виде реликтовых образований сохраняется элемент *-(a)n*. В диалектах узбекского языка, у западносибирских татар, а также в диалектах туркменского языка зарегистрирована отрицательная форма деепричастия на *-majyn (-man)*, содержащая элемент *-n*, который лежит в основе афф. *-an*. Ср. бахмал. говор узбекского языка: *barmajyn qojdy* вм. *barmasdan* (Дан., 12) 'перестал ходить', тюм. *üsläre pravlen'jaga cagyryp äjmäjen, min эštä pulamyn* (Тум.$_1$, 116) 'Пока они сами не вызовут меня в правление и не скажут, я буду работать'; туркм. (пословица) *Dok čajkanman, ač dojmaz* 'Пока не взволнуется сытый, голодный не насытится'.

Деепричастие на *-an* прослеживается и в усложненной форме на *-yban*. Очевидно тот же элемент лежит в основе таких усложненных форм как *-gačyn/-gäsen/-dykžan*. Элемент *-n* в вышеприводимых деепричастных образованиях следует отличать от *-n* в деепричастной форме *-madan/-madyn/-matyn*; происхождение последней нельзя считать окончательно выясненным.

Ж. Дени полагает, что староосманская форма مەدین стоит в прямой связи с теперешней безударной формой مەدن [Deny 1921, 943—947].

В памятниках тюркских языков как ранних, так и более поздних, можно встретить деепричастное образование на *-ma(tyn)*. Ср. Кюль-Тегин: *Sabyn almatyn jir saju bardyy* (ПДП, 49) 'Не слушая его слов, ты ходил по разным землям'. Реликты его сохранились в диалектах некоторых тюркских языков.

С.Е. Малов сомневается в положении В.В. Радлова о переходе старой деепричастной формы на *-matyn/-madyn* в новую современную *-majyn* [см. Radloff 1897, 226]. П.М. Мелиоранский сближал формы на *-matyn* в орхонском диалекте с формами на مادین в древних списках Рабгузия. Однако он считал, что если окончание مادین у Рабгузия тождественно مەدن в османском языке и должно быть объяснено как переходн. падеж от второй формы неопределенного наклонения, то сближение его с орхонским *-matyn* делается сомнительным [Мелиоранский 1889, 91; 1900, 37]. В койбальском наречии есть, например, форма *salbin* 'не кладя' [см. Катанов 1903, 66—68],

в качинском — *syndyrbin* 'не ломая' [Там же, 88, 89], в сагайском — *-tyspin* 'не унимая' от глагола *tyspa(b)* [Там же], в языке желтых уйгуров — *synmindro, symindro* 'не сломал' [Radloff 1897, 227]. В урянхайском и карагасском формы типа *polbajyn/polbajn* 'не будучи' Н.Ф. Катанов считает деепричастием на гласный звук или на согласный *j* с окончанием *-yn*, служащим для производства наречий времени [Катанов 1903, 698]. По мнению В. Банга, древняя форма *-madyn* дала теперешнюю *-majyn* и деепричастие на *-ma* [Bang 1923, 129—137].

На онгинском и кошоцайдамских памятниках имеется деепричастие на *-(j)in-täjin* 'говоря' [см. Radloff 1897, 94]. На обелиске Тоньюкука есть формы *bolmajin* 'не будучи' и *täjin* 'говоря' [Там же, 3, 29, 102]. Наряду с ними употребляется и форма *-matin*, например *almatin* 'не беря'.

По мнению Н.Н. Поппе, *-matyn* и *-majyn* — омертвевшие формы твор. падежа: первая от имени на *-m* (ср. *olum* 'сидение', *ölüm* 'смерть'), а вторая от глагола на *-j*. [Мелиоранский 1889, 91]. Всего естественнее объяснить форму на *-matyn* как casus instrumentalis от герундия (в руни ческой письменности) на *-(ma)ty*. Но примеров на этот герундий очень немного, и они допускают и иное их толкование (прошедшее время) [см. Radloff 1897, 81]. А.Н. Самойлович, идя по пути В.В. Радлова, объясняет джагатайское деепричастие مايين как родственное османскому مادن [Самойлович 1916, 65]. С Самойловичем совершенно согласен К. Брокельман [Brockelmann 1916, 26]. С.Е. Малов воздерживается от прямого возведения формы *-majyn* к древней *-madyn* и тур. *-madan*. См. приводимые им староосманские тексты:

اولوم خبری کلمدین اجل یقامز المدین غزائیل
حمله قیلمدین گل دوسته گیده لم گا

'Пока не пришло известие о смерти (до прихода известия, прежде чем...), пока смертный час не схватил нас за ворот и Газраил (ангел смерти) не исполнил (своего) дела (не напал на нас) — приходи, отправимся к другу — приходи' (Из соч. Юнуса Имре — XIV в.) (ПДП, 229).

Нам представляется, что отождествлять образования *-madyn* и *-madan* не следует и по следующим соображениям. В памятниках руни ческого письма встречается форма причастия-деепричастия на *-ty*, которую С.Е. Малов связывает с формой прошедшего времени на *-ty/-dy* и с формой деепричастия (отрицательного) на *-matyn* [Малов 1951, 72][67]. Уже в довольно раннюю общетюркскую эпоху форма на *-dy/-ty* значительно оглаголилась, полновластно закрепив за собой сферу прошедшего категорического времени.

Деепричастие на *-araq*

Зарегистрированная в кыпчакских и огузских языках форма на *-araq* как деепричастие в раннее состояние тюркских языков, очевидно, не может быть восстановлена. Ср. тат. *kitäräk* 'уходя', аз. *oxujarak* 'читая', тур. *dujarak* 'чувствуя', гаг. *kačarak* 'бегая' и т.д.

[67] О деепричастии на *-ty* см. [Ramstedt 1913].

Аффикс деепричастия *-araq/-äräk* в известной мере напоминает аффикс прилагательных усиленного или ослабленного качества *-raq*, ср. тат. *maturraq* 'красивее' и т.д. В узбекском языке афф. *-roq*, соединяясь с деепричастием на *-(j)b*, ослабляет, снижает эффективность или темп действия: *qurqib* 'боясь', *qulibroq gäpirdi* 'говорил, посмеиваясь' [Кононов 1948, 211]. На этом основании можно полагать, что деепричастие типа тур. *okujarak* 'читая' первоначально могло иметь значение 'почитывая'. Позднее значение уменьшительности могло утратиться [см. Серебренников, Гаджиева 1979, 237—238].

ИНФИНИТИВ

Инфинитив, как особая глагольная форма, называет действие, состояние или процесс, без указания на его отношение к лицу и числу или реальной действительности. В тюркских языках инфинитив имеет ограниченное распространение и представлен далеко не во всех современных и древних тюркских языках.

Как отмечает Н.К. Дмитриев [1948, 170], инфинитив имеет сравнительно позднее происхождение, что позволяет сделать вывод о том, что его невозможно отнести к числу древнейших грамматических форм, некогда существовавших в общетюркском языке-основе. Ту же мысль высказывает Б.А. Серебренников и Н.З. Гаджиева [1979, 238]. По всей вероятности, инфинитив стал складываться лишь после распада общетюркского языка-основы на отдельные языки. Подтверждением этого могут служить:

1) факт отсутствия в современных тюркских языках материально единой формы инфинитива, которую можно было бы возвести к одной общетюркской форме инфинитива (праформе);

2) неравномерное развитие формы инфинитива в различных современных тюркских языках, на что в свое время совершенно справедливо указал Н.К. Дмитриев, показав тот большой диапазон, в пределах которого колеблется уровень развития этой формы, от еще не сложившейся формы инфинитива, как в карачаево-балкарском языке, до вполне сложившейся формы инфинитива в языках огузских: азербайджанском, туркменском, турецком [1948, 170]. Причину слабого развития инфинитива следует, по-видимому, искать в специфических чертах структуры тюркских языков, с их многочисленными морфемами, используемыми для образования различных деепричастий и многообразных отглагольных имен с разнообразной семантикой. Уже в языке древнетюркских рунических памятников таких слово- и формообразовательных морфем насчитывают более 10 [Кононов 1980, 80—85]. Среди них также значится и морфема-аффикс *-maq/-mäk*, который, по замечанию А.Н. Кононова, "в тюркских рунических памятниках в качестве показателя имени действия не используется" [Там же, 73]. Это указание позволяет сделать вывод о том, что в эпоху создания орхонских памятников (VII—IX вв.) форма инфинитива еще не успела сложиться.

В современных тюркских языках существуют три формы, кото-

рые соответствуют русской форме инфинитива, как по своим функциям, так и по характеру своей сочетаемости со словами и группами слов определенной семантики и грамматической значимости. Это форма с афф. *-maq/-mäk*, форма с аффиксом сложной структуры *-yrga/-irge* и его алломорфами по отдельным языкам и, наконец, форма на *-ü/-ü*.

Происхождение афф. *-maq/-mäk* еще недостаточно установлено. Из различных теорий его возникновения наиболее убедительной представляется мнение Б.А. Серебренникова и Н.З. Гаджиевой, полагающих, что инфинитив на *-maq/-mäk* представляет собой застывшую форму древнего направительного падежа отглагольного имени на *-ma/-mä* — формы, еще продолжающей бытовать в ряде современных тюркских языков. Такие формы, как тур. *içmek* 'пить', *almak* 'брать', по мнению этих авторов, должны были первоначально обозначать 'для пития', 'для взятия' и т.д., т.е. семантика их носила целевое назначение [Серебренников, Гаджиева 1979, 238].

По своей семантике и функциям афф. *-maq/-mäk* был словообразовательной морфемой, служившей в большей части тюркских языков в разные периоды развития для образования имен действия. Но в тюркских рунических памятниках этот аффикс, по данным А.Н. Кононова [1980, 93], в качестве показателя имени действия не использовался. Он получает распространение в древнеуйгурских памятниках (X—XI вв.), где с его помощью образован ряд имен действия от глагольных основ; ср. *ačmaq* (Suv) 'голод'; *artamaq* (Suv) 'погибель'; *ägidmäk* (QBQ) 'воспитание'; *barmaq* (KB) 'хождение'; *čγqmaq* (KB) 'выхождение'.

В современных языках значение и функции имен на *-maq/-mäk* распределяются различно [см. Севортян 1966, 303].

Имена действия имеют наибольшее распространение в языках юго-западной ветви — азербайджанском, туркменском и турецком, а также в языках Средней Азии, где они образованы от залоговых (вторичных) основ. Семантика производных имен действия достаточно разнообразна и охватывает ряд более частных значений, например: значение орудия, предмета, названного исходной основой, — тур. *çakmak* 'зажигалка', *çak-mak* 'высекать огонь', аз. *čachmaq* 'огниво', *čach-* 'высекать огонь'; значение объекта действия, названного исходной основой, — тур. *ekmek* 'хлеб' (*ek-* 'сеять'), *jemek* 'еда' (*je-* 'есть'), аз. *jemek je-* 'есть' [подробнее см.: Севортян 1966, 303—307].

В других тюркских языках — тувинском, чувашском, якутском — имеется ряд прилагательных, образованных с помощью морфемы *-maq/-mäk:* тув. *qyz-y-maq* 'старательный', *qys-* 'стараться', чув. *švśmak* 'пухлый', як. *kötümäch* 'небрежный'.

Имена действия на *-maq/-mäk* неоднократно встречаются в памятниках древнеуйгурского языка (X—XI вв.); так, в известной поэме Юсуфа Баласагунского "Кутадгу-билиг" они встречаются в сочетании с послелогами *üčün* 'чтобы, ради', *üzä*, выражающим отношения соответствия или сообразности [Малов 1951, 259]:

Tapunmaq üčün käldim, ävdin turup (N 54, W 51_{16})

'Ради (преданной) службы я прибыл сюда из дома' или

'Я прибыл сюда, чтобы служить верой и правдой';

Tonanyp köŋül urdy barmaq üzä
Säfär qadyusy birlä čyqmaq üzä (KB, 11, 48)
'Он оделся и вознамерился отправиться в путь' или
'Он оделся, чтобы отправиться в путешествие, полное горестей'.

В этих примерах (далеко не единственных) имена действия с формой на *-maq* сочетаются с послелогами цели *üčün* и *üzä*, что дает основание видеть в этих сочетаниях зарождение будущей глагольной формы инфинитива, когда именной компонент (предметная сема) этих форм постепенно переосмысливается в процессный (сему действия) в связи с необходимостью совершить какое-то действие (или процесс) для достижения высказанной в сочетании цели. Этот процесс переосмысления имени действия в конечном итоге и привел к образованию семы действия, т.е. к оглаголиванию имени действия, что знаменовало собой превращение его в инфинитив — особую глагольную форму, до этого времени не существующую в структуре тюркских языков огузской и уйгурской ветвей. На основании сказанного представляется вполне последовательным и возможным полагать, что в сочетаниях *tapunmak üčün* 'чтобы служить', *köŋül urdy barmaq üzä* 'проявил склонность (собрался) отправиться в путь (пойти)' и далее *čyqmaq üzä* 'чтобы выйти', сначала *tapunmaq* 'служить', *barmaq* 'идти' и *čyqmaq* 'выходить' были именами действия с предметными семами, что подтверждается их способностью сочетаться с послелогами. Со временем, в процессе развития этих словосочетаний, в связи с целевой установкой сочетания с послелогами в смысловой структуре этих сочетаний активизируется сема процессности, вызванная к жизни той целью, которую предстояло достигнуть в процессе реализации выраженного в сочетании действия. Сема предметности постепенно гаснет, уступая место семе процессности, что в конце концов приводит к усилению в названных именах действия глагольности, о чем в свое время совершенно правильно писал А.А. Потебня [1958, 131—132; 1899, 642—643].

Структура R_{maq}+pp, в которую входят перечисленные ранее послеложные сочетания, продолжает сохраняться в современных тюркских языках (огузской ветви), но ее значение постепенно изменилось от имени действия с предметными семами до имени действия с процессными семами, т.е. превратилось в форму инфинитива, с характерной для нее морфемой *-maq/-mäk*, также выражавшей ранее цель действия [см. Серебренников, Гаджиева 1979, 238]. В современном турецком языке мы находим совершенно такие же сочетания: *Tenis takımı almak için* 'чтобы взять теннисный инвентарь' [Кононов 1956, 317], еще пример: *bende sesimi uzaktan dinlemek için* (*Bu adam*) 'Я бегу, чтобы издалека услышать свой голос'; и наконец, еще пример из газеты: *Başvekil Ismet Paşa Malatyaya gitmek üzre Ankaradan trene binerken, müşür Fevsi Paşaya...* (ТХС, 28) 'Премьер-министр Исмет-паша, садясь в поезд в Анкаре, чтобы поехать в Малатью, обратился к маршалу Февзи-паше...'.

Такой путь возникновения и сложения формы инфинитива в турецком и других языках юго-западной ветви несколько напоминает путь возникновения и становления формы инфинитива в некоторых

индоевропейских языках. А. Мейе [1951, 194] отмечает: "во всех индоевропейских языках инфинитив является новым образованием, позднейшим по отношению к индоевропейской эпохе". В отличие от индоевропейского пути становления инфинитива, который, согласно А. Мейе, имел основную функцию "служить дополнением к другому глаголу или к имени с глагольным значением" [Мейе 1951, 198], тюркский путь становления инфинитива состоял, как уже говорилось выше, в постепенном переосмыслении сочетания N_{maq} + рр, т.е. имени действия на *-maq/-mäk* + *üčün(üzä)* в сочетании, где в имени действия, на *-maq/-mäk* развились процессные семы и, тем самым превратили имя действия в глагольное имя действия, с преобладанием процессно-глагольной семантики.

В процессе становления каждого из перечисленных ранее тюркских языков юго-западной группы сложилась устойчивая сочетаемость этой формы с рядом слов, перечисленных авторами "Грамматики туркменского языка": это модальные слова *gerek* 'нужно, необходимо', *mümkin* 'можно, возможно', *čemeli* 'видимо, вероятно', а также глагол *islemek* 'хотеть' (тур. *istemek*) "которые выражают то или иное отношение субъекта к названному действию" [Баскаков и др. 1970, 334].

Пройдя этап своего становления, новая глагольная форма инфинитива на *-maq/-mäk* стала постепенно расширять круг своей сочетаемости с послелогами, как это можно наблюдать в турецком языке, где эта форма получила возможность сочетаться с рядом новых послелогов: *ile//-la/-le* + слово *beraber// birlikte* с *için, üzere//üzre* с условной частицей *ise//sa, -se;* со словами *suretile, hasabile//cihetile//münasibetile,* со словами *maksadile;* с речением *şöyle dursun* 'не только что' [см. Кононов 1956, 467—470]. В сочетании с перечисленными послелогами и специальными словами, форма на *-maq/-mäk* функционирует в качестве развернутого обстоятельства образа действия, цели, уступительного и т.д. Кроме того, форма на *-maq/-mäk* стала сочетаться с глаголом *istemek* 'хотеть' и с некоторыми другими глаголами, что сближает ее с развитием инфинитива в индоевропейских языках, где форма инфинитива требовала именной формы глагола — дополнения, как например, в древнеанглийском языке: *Hīe cōmon pæt land to sceawienne* (Beowulf) 'Они прибыли, чтобы обозреть ту страну (для обозрения этой страны)'.

Использование глагола *istemek* 'хотеть' создало предпосылку для образования новой модели словосочетания $K^{v} + A^{v}_{inf}$, в котором зависимый компонент А представляет собой форму инфинитива. Развитие и пополнение этой модели новыми глаголами должно было расширить сочетаемость ее компонентов и тем самым укрепить форму инфинитива в системе глагольных форм соответствующего языка. "Лишенная возможности обозначать субъект как не сочетающаяся с аффиксами принадлежности, форма на *-mak* не может в силу этого стать вторым центром предложения; она выполняет любую синтаксическую функцию, свойственную имени, отличаясь от обычного имени тем, что по своей глагольной природе, получает возможность иметь при себе второстепенные, зависимые члены предложения [Кононов" 1956, 467]. Эти новые функции имени действия на *-maq/-mäk*

дали Н'К. Дмитриеву основание для утверждения, что среди современных тюркских языков имеются языки "с твердо установившейся формой инфинитива, это — азербайджанский, туркменский, турецкий и др." [Дмитриев 1948, 170].

Инфинитив второго типа характеризуется афф. *-yrga* и его алломорфами *-irge (orga, örge).* Эта форма представляет собой причастие будущего времени на *-yr/-ir / -or/-ör,* например: башк. *al-yr* 'тот, кто возьмет', *başla- jyr* 'тот, кто начнет', *kel-ir* 'тот, кто придет', *bar-yr* 'тот', кто пойдет', *köl-ör* 'тот, кто будет смеяться'.

Афф. *-ga/-ge* представляет собой аффикс дат. падежа, который, соединившись с аффиксом причастия *-yr/-ir / -or/-ör,* окаменел и образовал сложный аффикс, который со временем приобрел совершенно особый смысл, превратившись в показатель формы глагола. Как отмечает Н.К. Дмитриев [1948, 172], эта форма в дат. падеже первоначально означала цель действия. Это значение цели остается и поныне самым характерным для этой формы.

Ареал распространения этой формы чрезвычайно обширен, она бытует в языках: татарском, башкирском, хакасском, тувинском и якутском. На этой огромной территории форма с *-yrga* и его алломорфами занимает различное положение: в якутском языке, по наблюдениям Е.И. Убрятовой, "дательный падеж безличного склонения причастий на *-ар, -бат, -ыах, -мыах, -мах, -батах* очень часто соответствует русскому инфинитиву и тоже выражает действие, мыслимое как цель. Ср.: як. *Кинилэр хорсун тыыннарын, эр санаалларын кэпсиигэ тыл тийибэт, хоһуйарга хоһоон сиппэт...* 'Об их смелой душе, мужественной мысли рассказать — слово не достигнет, воспеть — подходящее выражение отстает (не находится)' [Убрятова 1950, 172—173]. В этом примере форма *кэпсиигэ тыл* означает 'произносить речь (слово)', так же как и другие сочетания, например, *тыл этэргэ* 'произносить речь'.

Рассматривая различные способы передачи на якутский язык форм русского инфинитива и отмечая, что якутские инфинитивные формы, по-видимому, сохраняют временные и некоторые другие значения (чем и объясняется их многообразие) , Е.И. Убрятова высказывает предположение, что это может быть вызвано тем, что якутский инфинитив "еще находится в процессе формирования и не вполне оторвался от причастных форм" [1950, 174].

Совершенно иная картина наблюдается в хакасском языке. Здесь форма с афф. *-arga/-erge, -rga/-rge,* с аффиксом дат. падежа *-ga/-ge,* представляющая собой окаменевшую форму, получила общее признание и включена, как особая грамматическая форма-компонент морфологической структуры этого языка под названием "неопределенная форма глагола (инфинитив)" [Баскаков 1975$_2$, 173—174].

Как отмечают авторы "Грамматики хакасского языка", форма инфинитива "весьма употребительна" в этом языке, о чем свидетельствует высокая степень сочетаемости этой формы, во-первых, со словами *kirek* 'надо', *čarir* 'можно', *čarabas* 'нельзя', широко распространенными в большинстве тюркских языков, во-вторых, с рядом глаголов различной семантики: *charas* 'стремиться', *küsten* 'стараться', *chyn* 'лю-

бить делать что-л.', *kilis* 'приходиться', *it* 'делать', *tychtan* 'собираться' и т.д. Примеры: *Charsa uzirya kirek* 'Ночью надо спать'; *Anday urožajny pis amyaa teere körbeebis! Örinerge kirek, Pleset salarya kirek!* 'Такого урожая мы не видели до сих пор! Надо радоваться! Надо плясать' (Баск.$_5$, 306—307]. Форма инфинитива в сочетании с *kiräk* 'нужно' широко используется также в безличных предложениях для передачи значения необходимости совершения какого-либо действия, инфинитива в сочетании с *čarir* 'можно' — для передачи значения допустимости или разрешения совершить какое-либо действие, инфинитива в сочетании с *čarabas* 'нельзя' — для передачи значения недопустимости или запрета совершения действия. Например: *mayaa tanḍürügök Tomda polarya kirek* 'Мне послезавтра же надо быть в...' (Там же, 307); *Olyannarnyn közine ĭdi čoochtazarya čarabas* 'При детях так разговаривать нельзя' (Там же, 308).

Форма на *-yrga/-irge* имеет широкую сочетаемость как с модальными словами *kiräk* 'нужно, необходимо', *tijiš* 'должна, должно', *mümkin* 'можно', так и с широким кругом глаголов любой семантики. Ср. *bišjyllykny dürt jylda ütärgä* 'выполнить пятилетку в четыре года'; *ul šulaj äjtirgä mömkin* 'он может так сказать'.

Имя действия, которое во многих случаях соответствует русской форме неопределенного наклонения (инфинитива), можно рассматривать как третий тип инфинитива в тюркских языках. Он оформляется афф. *-ū(-uw)*, прибавляемым к основе древнетюркских глаголов. Афф. *-u(-uw)* восходит к общетюркскому афф. *-x_{γ}*, возникшему из более полной формы древнетюркского афф. *-$x_{\gamma u}$* и его алломорфов *-yï, -gi, -yu, -qu, -qï, -gü, -ki, -kü* [Кононов 1980, 90], перешедшему в языках уйгурской и кыпчакской групп согласно фонетической закономерности в неслоговое *(w)*.

Имя действия на *-ū* распространено в основной массе кыпчакских языков — казахском, киргизском, ногайском, татарском и башкирском. В последних двух языках афф. *-ū* выполняет функции инфинитива параллельно с афф. *-arga/-ärgä* с той только разницей, что афф. *-arga/-ärgä* содержит больше глагольных сем, чем инфинитивы с афф. *-ū*, в которых более интенсивно представлены именные семы. Это свойство формы на *-ū* служит, по всей вероятности, причиной того, что сочетаемость этой формы с глаголами и послелогами значительно более ограничена.

Сопоставление памятников орхонского и древне-уйгурского языков свидетельствует о том, что имена действия на *-yu* были значительно более распространены в уйгурском тексте. При этом, в ряде случаев имя действия на *-yu* принимает афф. дат. падежа *-qa:*

Bajat bärsü küč bu tapuy qylyuqa,
Küdäzsü saŋar öz tapuy baryuqa! (ПДП, 259)
'Да дарует бог силу для совершения этой службы,
Да сохранит он тебя и для прохождения этой службы'

В этих примерах формы *qyuyu+qa* и *baryu+qa*, сохраняя четко семы имени действия "совершения" и "прохождения", в то же время имеют созначение цели "для совершения", "для прохождения".

В других случаях форма на *-yu* сочетается с модальными словами *käräk* 'нужно, надо', что свидетельствует о сложившейся уже у этих форм глагольной семы, поскольку в других языках после *käräk* используется инфинитив с афф. *-irgä/-yrga:*

Tapuγčy jaŋylsa, oqytyu käräk!
Nägükä jaŋylmyšny soryu käräk! (ПДП, 263)
'Если служащий ошибается — нужно (его) вызвать,
Нужно спросить, почему произошла ошибка';
Jazuqy bar ärsä, qyĭnaγu tutup
joq ärsä, miŋ ädgün avytγu käräk! (Там же, 263)
'Если случится проступок, нужно задержать и наказать.
А если нет, то нужно осыпать тысячами благ'.

Рассмотренный выше материал дает основание для следующих выводов.

1. Форма инфинитива в тюркских языках возникла после распада единого общетюркского языка-основы на отдельные ветви и языки. Поэтому существующие в современных тюркских языках формы инфинитива не могут быть возведены к единой форме инфинитива в общетюркскую эпоху.

2. В общетюркскую эпоху сложилось несколько видов имен действия, в которых достаточно отчетливо выступали именные семы.

3. Как и всякое имя, имя действия в общетюркскую эпоху могло сочетаться с послелогами, что характерно и для современных тюркских языков. Отдельные имена действия избирательно сочетались с послелогами *üčün* и *üzä* для выражения цели совершения действия.

4. В процессе развития в ряде тюркских языков сложились модели R_{+maq} + pp, R_{+u} + pp, в которых постепенно развились семы действия, вследствие чего бывшие имена действия постепенно превратились в имена с целевой семантикой. Это имело следствием возникновение в отдельных языках формы инфинитива на *-maq/-mäk* и *-ū/-ü*.

5. Сложившиеся в ряде языков формы инфинитива продолжают, тем не менее, сохранять именные функции, что подтверждается сохранившейся у них способностью изменяться по падежам.

6. Существовавший в общетюркскую эпоху именной строй языка допускал использование разного рода причастий для выражения процессов, воспринимаемых как временные состояния субъекта, в результате чего причастие будущего времени на *-yr/-ir* послужило основой для последующего образования форм настоящего времени в одних и форм будущего времени в других. Причастие же будущего времени со значением предстоящего действия или состояния как цели, стало принимать аффикс дат. п. *-ga/-gä*. В результате сложилась форма инфинитива с афф. *-yrγa/-irγä*, существующая в настоящее время в языках Поволжья и в языках Восточной Сибири.

7. В ныне существующих тюркских языках сложились три группы языков с различными формами инфинитива: а) языки с формой инфинитива на *-maq/-mäk* (азербайджанский, туркменский, турецкий, гагаузский), представляющего собой имя действия на *-maq/-mäk* в форме направ.-цел. падежа; б) языки с формой инфинитива на *-yrγa/*

-ırγa (татарский, башкирский, хакасский, алтайский, якутский); в) языки с инфинитивом на *-ū/-ü* (казахский, каракалпакский, киргизский, частично татарский и башкирский), где наряду с инфинитивом на *-yrγa/-ırγa* существует имя действия на *-ū/-ü*, в котором преобладает значение имени, вследствие чего это имя действия может быть любым членом предложения; г) в якутском языке инфинитив находится еще в процессе становления, на что совершенно справедливо указала Е.И. Убрятова [1950].

ГЛАВА VII
СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

ПОСЛЕЛОГИ

К послелогам относят морфологически неизменяемые слова, стоящие в постпозиции к имени (в том числе именной форме глагола) и обусловливающие падежное оформление этого имени. Послелоги не могут выступать в качестве самостоятельного члена предложения и реализуют свое значение (пространственное, временное, причинное, сравнительное и т.д.) только вместе со значением управляемого слова.

Обычно послелоги классифицируют по управлению тем или иным падежом (падежами). На протяжении истории конкретных тюркских языков послелог может менять управление: например, *taba/tapa* 'к, по направлению к' в текстах XI в. выступает с именем в осн. падеже (*tay tapa* 'по направлению к горе'), а в современных тюркских языках управляет дат. падежом или осн. и дат. (узбекский язык [см. также: Bang 1917$_1$, 48]).

Тюркские послелоги делятся на отыменные и отглагольные, т.е. они восходят к изолированным формам имени, наречиям и деепричастиям. Среди послелогов встречаются заимствования из арабского и других языков.

Лишь незначительная часть послелогов является общетюркскими т.е. распространена во всех или подавляющем большинстве тюркских языков. Многие послелоги имеют ареальное (межгрупповое) распространение, большое число послелогов относится к новообразованиям и встречается лишь в отдельных тюркских языках и диалектах.

Анализ становления и развития послеложной конструкции — задача сравнительно-исторического синтаксиса. К его компетенции относится и выявление факторов, влияющих на модификацию послеложного управления, а также описание трансформаций послеложных конструкций в падежные формы имени. Большинство исследователей отмечает, что послелоги отглагольного происхождения (=деепричастия), как правило, управляют тем же падежом, что и глагольная основа, от которой они образованы [но ср. Исенгалиева 1957, 86].

Послелоги выражают следующие основные виды отношений:

1) пространственные (локальные) отношения: ктат. *taba* 'к, по направлению к', туркм. *sarï* 'к', аз. *doγru* 'к', башк. *ütä* 'сквозь', ккалп. *arï* 'по ту сторону', туркм. *qaršï* 'против', др.-тюрк. *ičrä* 'в' и т.д.;

2) временные (темпоральные) отношения: туркм. *ozal*, тат. *bərən* 'раньше, прежде', ккалп. *soŋ* 'после', туркм. *bä:ri* 'с';

3) комитативные отношения: уйг. *bilän,* ккалп. *birge* 'вместе, с';

4) инхоативно-финитивные отношения: шор, *ala* 'с', кирг. *ǯete,* тат. *tiklǝ,* як. *diĝri* 'до';

5) компаративные отношения: туркм. *jalï,* аз. *kimi* 'как, наподобие';

6) целевые отношения: каз. *bola* 'ради', аз. *öträ* 'ради', тув. *užun* 'для, ради';

7) причинные отношения: кбалк. *sebebli* 'по причине';

8) делиберативные отношения: туркм. *barada,* кирг. *tu:ralu:* 'о, об';

9) аблативные отношения: кткт. *bašqa,* тат. *bütän,* кум. *öŋge,* тув. *öske* 'кроме' и т.д.

ПОСЛЕЛОГИ ОТГЛАГОЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В этой группе послелогов преобладающими являются ареальные, групповые и индивидуальные образования, хотя трансформацию деепричастия в послелог можно считать относительно ранней. Достаточно сослаться на такой общетюркский послелог, как *köre* 'судя по, согласно': узб. *kọrä,* гаг., туркм. *görä,* кум. *göre,* кбалк., ккалп., шор., ног. *köre,* аз., уйг. *körä,* кар. *kör'a, kere,* кирг. *körö,* тат., башк. *kürä,* ктат. *kore,* чув. *kura* 'судя по, согласно' представляют собой деепричастие на *-e* от глагола *kör-* 'видеть'. Послелог встречается в памятнике XIII в. 'Легенда об Огузкагане".

В казахском и каракалпакском языках известен и послелог *köri* 'по сравнению с', управляющий исх. падежом. Этот послелог некоторые исследователи находят и у Махмуда Кашгарского [III, 133] (К. Брокельман читает его как *käri*). Примечательно, что в киргизском языке *körö* управляет исх. падежом, в узбекском *kọrä* полисемантичен и управляет как дат., так и исх. падежами. То же и в уйгурском языке. *Köri* может быть фонетическим вариантом *körä* (ср. *körü* в текстах из Восточного Туркестана).

Та же структурная модель — "деепричастие на *-a/-e*" — лежит в основе следующих послелогов:

др.-тюрк. *oza* 'прежде, раньше', алт. *ozo* 'перед' (ср. уйг. *oza* 'минувший, прошедший', бараб. *ozoq* 'раньше, прежде')~туркм. *ozal* 'до, перед, прежде'<*oza+l;* обычно его считают производным глагола *-oz-* 'опережать' [Gabain 1959$_1$; Gombocz 1905; Brockelmann 1954]; А. Габэн сближает *-l* в *-ozal* с подобным же элементом в *qïzïl* и т.п. или предполагает образование по аналогии к *tükäl* [Gabain 1959$_1$, 109].

кирг. *ǯete, ǯetkire,* алт. *ď etire,* тув. *čedir* 'до'<*ǯet-, ǯetkir-* 'доходить';

туркм. диал. *jaraša,* кирг. *ǯaraša,* узб. *järäšä* 'по, согласно, в соответствии'<*jaraš-* 'соответствовать, подходить';

др.-тюрк. *tapa, taba,* шор. *tebe,* ктат., кбалк., кум., тат., башк. *taba* 'к, по направлению к'; некоторые исследователи [Gabain 1950$_1$, 138] считают этот послелог производным глагола *tap-* 'находить', другие, оспаривая эту точку зрения, полагают, что *tapa* древнее деепричастие от глагола *tap-* 'обращаться к кому-нибудь с почтением' [Bryńjowskyi 1957, 53]; и та и другая этимология не кажутся убедительными; ср. ниже *taban, taman;*

кирг., каз., ккалп., ног., башк. *qaraj* 'по направлению к'<*qara-* 'смотреть';

каз., уйг. *tarta* 'около'<*tart-* 'взвешивать';

тат., башк. *aša* 'через', каз. *asa* 'выше'<*aš-* 'переходить через, превышать' (ср. древнетюркское наречие *aša* 'чрезмерно'<деепричастие);

кар. *ašïra, asïra, ašarï* 'через', хак. *azïra,* шор. *ažïra,* каз. *asïra* 'через, сверх' (ср. тув. *ažïr, ažïldïr* 'через', гаг., тур. *ašïrï*)<*ašïr-* — понудительная форма глагола *aš-* 'переходить через'; в некоторых тюркских языках *ašïrï* выступает как наречие, например, кбалк. *ašïrï* 'чрезмерно, слишком', тур. *aşırı* 'крайне, очень';

гов. тат. ЗС *kicä* 'через' (ср. др.-тюрк. *keče 'jenseits von'* и чув. *kaӳ'a* 'в течение'), алт., шор. *kečire,* хак. *kizire* 'то же'<*keč-* 'переходить' и *kečir-* (фактитив от *keč-*), ср. также тув. *kežir, kežildir* 'через, поперек');

каз. *öte,* башк. *ütä* 'сквозь'<*öt-* 'проникать', ср. др.-тюрк. *ötkürü,* алт. *ötküre* 'через, сквозь'<*ötkür-* (фактитив от *öt-*);

шор., ккалп., каз., алт. *ala,* як. *ïla* 'начиная с'<*al-* 'брать, взять' (ср. башк. *alәp* 'начиная'): алт. *ötkön künneŋ ala* 'со вчерашнего дня'.

Вторая структурная модель — деепричастие на *-ï/-i, -u/-ü,* по сути дела, является разновидностью первой (ср. *ašïra* и *ašïrï*);

др.-тюрк. *ötrü* 'из-за, после', тур. *ötürü,* аз. *ötrü,* туркм. *ötri,* ктат. *otrü* 'из-за, ради, вследствие (по причине)' <*ötür-ü,* т.е. из фактитивной формы глагола *öt-* 'проходить' [Gabain 1950$_1$, 137; Temir 1956];

кирг. *dejre,* кар. *der'a, dere, deri,* ног., кбалк. *deri,* тат. диал. *tärä,* як. *diӈäri* 'до, вплоть до'<*täg-ir-i, täg-ür-ü, täg-ir-ä,* где *tägir-* — фактитив от *täg-* 'доходить, касаться';

др.-тюрк. *utru* 'напротив, навстречу' (ср. др.-тюрк. *utra*), кар. *utru,* як. *utarï* 'против, напротив' (ср. тув. *udur* 'против')<**utur-* 'быть против' [Gabain 1950$_1$, 139; Brockelmann 1954, 168]; этот глагол зафиксирован в виде *udur-* 'встречать' Н.А. Баскаковым в туба-диалекте;

аз., ктат., *doyru,* гаг. *do:ru,* башк. *tura* 'к, по направлению к'<**toyur-,* который, по мнению К. Брокельмана [Brockelmann 1954, 185], сохранился в глаголе *toyruš-* 'бежать на спор', ср. др.-тюрк. *toyruš-* 'спорить, тягаться', *toyrul-* 'выправляться', *toyru-* 'следовать, направляться';

др.-тюрк. *qaršu,* туркм. аз. *qaršï,* каз. *qarsï,* гаг. *qaršï,* тат. *qaršə,* кбалк. *qaršči,* узб. *qarši* 'против'<*qariš-u*<*qariš-* 'встречаться, сходиться для состязания, противостоять друг другу'.

К послелогам-неологизмам относятся *qarap, alïp, bašlap, tartïp,* восходящие к деепричастию на *-p* от соответствующих глаголов.

Не является общепризнанной модель "деепричастие на *-n*". В качестве иллюстрации этой модели можно привести: башк. *taban,* каз., ккалп., уйг., ферг. *taman,* кирг. *taman* (в *kečke taman* 'к вечеру'), узб. *ta°ma°n* 'к, в сторону'; этот послелог нередко интерпретируется как деепричастие на *-n* от той же основы, что и *taba/tapa.* Однако существование таких форм, как ног. *tabayan*<**tabaya, tabatïn,* кум. *tabaq* (*taba+oq? — Л.Л.*), узб. *ta° ma° nya, tamandan,* заставляет усомниться в достоверности подобного объяснения. Быть может, *taba* является именной формой, представленной в словаре Махмуда Кашгарского в выражении: *ol anïӈ tabasï qüldï* 'он поступил ему наперекор'. К *taba*

восходит и послелог *tabaru* (ДТС, 526) с тем же значением, в котором можно видеть как отглагольную: *tab-ar-u*, так и отыменную форму: *taba-ru* [ср. Bang 1917$_1$, 46].

"Деепричастие на *-n*" представлено также в следующих послелогах:

др.-тюрк. *adïn*, як. *atïn* 'кроме'<**ad-* 'быть другим' [Gabain 1950$_1$, 140];

турм., кар., ног., алт., каз., ккалп., кбалк., ктат. *sajïn*, сюг. *se:n*, тат. *sajən*, узб. *sajin*, башк. *hajən* 'еже-'<*sa-* 'считать [Brynjowśkyi 1957; Кононов 1960, 306], сюда же можно отнести шор. *saja*, туркм. *sajï*, др.-тюрк. *saju* и т.д.;

др.-тюрк. *tegin*, тат. диал. *tiŋən* кар. т. *d'ejin'*, кирг. кар. г. *dejin*, каз. *dejən*, ног. *dejim* 'до'<*teg-* 'доходить, достигать' (ср. др.-тюрк. *tegü* 'до, вплоть до', аз. диал. *täx*, гаг. *dan/dän*, *dak/däk* (послелог-аффикс), як. *ti:jä* 'до'<*ti:j-* 'достигать, доходить'.

ПОСЛЕЛОГИ ОТЫМЕННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Послелоги отыменного происхождения разнообразны по структуре. Довольно распространенной является модель "имя+афф. *-lï/-li*".

каз. *arqïlï*, туркм., ккалп. *arqalï*, тат. *arqələ*, башк. *arqərə*<*arqələ*, уйг. *arqiliq*, узб. *a°rqali* 'через, при помощи, посредством'<*arqa* 'опора, поддержка<спина';

тат. *tiklä*, башк. *tiklәm* 'до', кар. *tekli* 'около', тат. диал. *tiŋlə* 'до'<*teŋ+li*, ср. аз. *däk*, туркм. *deŋeč*, др.-тюрк. *teg*, *teginč* 'до';

туркм. *jalï*, узб. устар. *jaŋliy* 'как', (Бор., 141): *jaŋlïy* 'имеющий форму, подобный'<*jaŋ* 'образ, вид';

тат. *čaqlə*, тат. диал. *čaqlə/čiklə*, каз. *šaqtï*, кбалк. *čaqlï*, башк. *saqlə* 'до, с, около'<*čaq* 'мера'+*lï*, ср. кум. *čaqï* 'с (величиной с...)';

туркм. *čenli*, ккалп. *šelli* 'до, по'<*čen* 'мера', ср. туркм. *čen*, аз.*-čan/-čän* 'до'.

По этой модели возникли и новообразования типа: кирг. *sïjaqtu:*, каз. *sijaqtï*, ккалп. *sïjaqlï* 'подобно'<*sïjaq* 'лицо, внешность, подобие' (среди них от заимствованных основ: тат., башк. *xätlə* 'до', тат., башк. *šikəllə*, туркм. *šekilli*, каз. *sïqïllï*, кирг. *sekildü:*, ккалп. *sïqïllï*; кбалк. *šekelli* 'как, подобно').

Большая группа послелогов восходит к наречиям отыменного происхождения, в том числе к реликтовым падежеобразным формам имени.

Послелоги, восходящие к наречиям на *-yaru/-gerü*:

гаг. *ileri*, каз., ккалп. *ilgeri*, башк. *əlgärə*, уйг. ферг. *ilgiri/ilgäri*, кирг. *ilgeri* 'раньше, прежде';

каз., ккалп. *tïsqarï*, кирг. *tïšqarï*, туркм. *dašarï*, узб. *tašqari* 'вне, помимо, сверх' (ср. каз. *tïs*, тат., башк. *təš* 'вне, кроме', сал. *taSi* 'кроме');

шор. *sa:ra*, *sa:rï*, туркм., др.-тюрк., аз. *sarï*, узб. *sari* 'к, по направлению к, в сторону'<**sa+rï* [Bang 1917$_1$, 29; Brockelmann 1954, 171]; ср. чаг. *jaru* 'в направлении к' (РСл III, 131); *jar*, *jaru* 'сторона, направление' (142, 147): *jaru* 'направление, сторона' (Фаз. I, 488), алт. *d'a:r* 'к, по направлению к': *ajïl d'a:r* 'к аулу'; к *jarï*, вероятно, восходит и кар. г.

jar'ïn 'через, посредством', ср. кар. к.т. *jarï* 'направление', тат. диал. *jarə* (в *kič jarə* 'к вечеру'), *bər jarə* 'куда-н.', *jar(ə)* 'место, сторона';

туркм. *aŋrï(q),* кбалк., ног., кирг., алт., ккалп. *arï,* башк. *arə,* шор. *a:ra,* кум. *ärі,* каз. *ärə* 'по ту сторону, с, от'<*a(n)+rï* [Räs., 25b], *an+qaru* [Сев. I, 157];

узб. *nari,* шор. *ne:re, na:ra,* туркм. диал. *nä:ri, nä:ri* 'по ту сторону, с, от', возможно,<др.-тюрк. *ïnaru* 'туда, дальше'<**in-γqr-u* [см. Bang 1917$_1$, 36, примеч. 2];

туркм. *bä:ri,* др.-тюрк., ног., кум., ккалп., кирг., алт., узб., каз., кбалк., сюг., уйг. ферг. *beri,* башк. *birə,* сюг. *ber,* таг. *be:ri,* тув. *be:r,* аз. *bäri* 'с'<**bän-gä-ri* или *bä-ri* (см. раздел "Наречия"); производным от *bäri* является кум., ккалп., ктат. *berli,* тат., башк. *birlə,* тур. диал. *belli* 'с'<**beri-li.*

Послелоги, восходящие к наречиям на *-ra/-rä*:

др.-тюрк., узб. устар., аз., уйг. устар. *ičrä,* тур., туркм. устар. *ičre* 'в, среди'<*ič* 'нутро'+*rä* или **ičir-ä;*

аз. *üzrä,* уйг. *özrä,* тур., таг. *üzerä,* узб. *uzrä* 'по, сообразно, согласно, относительно, на', ср. др.-тюрк. *üzä* 'вверху, сверху', як. *üöhä* 'наверху, вверху на, над', тел. *üzer* 'верх' [Вербицкий 1884, 415];

аз. *sonra,* таг., кбалк. *sora,* туркм., ктат. *soŋra,* узб. *soŋGra* сюг. *soŋqar* 'после'<*soŋ* 'потом'+*ra* [см. Bang 1917$_1$, 10].

В древнетюркском и среднетюркском модель на *-ra/-rä* была представлена еще несколькими образованиями, ныне утраченными: др.-тюрк. *kisrä* 'потом, после'<**ki-si-rä,* где **ki* тот же корень, что в **kin, si* — афф. принадлежности 3-го лица [Bang 1917$_1$, 8] или **kis+rä,* при этом *-s,* возможно, тот же формант, что и в *as* и *üs* [Bang 1917$_1$, 41—42; Temir 1956, 254]; др.-тюрк. *öŋrä* 'пéред' [Gabain 1950$_1$, 146]; ср.-тюрк. *isrä* 'после'<*isrä* 'ниже', которое осознавалось как имя: ср. *ämäl isrä-sindä* 'под надеждами' (ДТС, 214), К. Брокельман [Brockelmann 1954, 177] производил *isrä* от *is* 'след' (<*iz — Л.Л.*), что маловероятно, так как перед сонорным *z* обычно сохраняется.

ПЕРВООБРАЗНЫЕ ПОСЛЕЛОГИ

Среди первообразных послелогов есть послелоги — трансформированные наречия и имена с пространственно-временным значением, есть и такие, источник которых до сих пор остается не выясненным до конца. К первой группе относятся *burun, soŋ, öŋ,* ко второй — *gibi, učun, bilen, kijin, bašqa, öŋge, özge.*

Ктат., уйг., узб., туркм. диал. *burun,* ккалп., каз. *burïn,* кирг., уйг. *murun,* с.-юг. *purïn* 'до, раньше, прежде' восходит к наречию *burun* 'раньше, прежде'. М. Рясянен [Räsänen 1969, 90a] приводит это слово в одной словарной статье с *burun~murun* 'нос'; генетическое тождество *burun* 'раньше' и *burun* 'нос' 'перед' утверждает и Э.В. Севортян [1978, 272]; с *burun* ср. также тув. *murnu* 'передняя часть' [см. еще Brockelmann 1954, 169].

Каз., ккалп., ног., кум., бараб., сал., сюг., кар., ктат., туркм. *soŋ,* башк. *huŋ,* узб. *soŋ,* кар. *son* 'после, затем' возник из *soŋ* 'конец, задняя часть', ср. тув. *soŋ,* тур. *son* 'конец', др.-тюрк. *soŋra-* 'откладывать

на поздние времена', *soŋuq* 'конец'. В. Банг усматривал в *-ŋ* образований типа *soŋ* показатель адессива [Bang 1917$_1$, 51], см. также Рясянен [Räsänen 1969, 428a].

Туркм. *öŋ, öŋinče,* тур. *önže* 'до, раньше, прежде' идентичны *öŋ* 'перед'; от этого же *öŋ* образован старый послелог *öŋdin: ol mändin öŋdin bardï* 'он пришел передо мной' [Brockelmann 1954, 179].

Др.-тюрк. *kebi,* узб., уйг. ферг. *käbi,* туркм. устар., ктат. *kibi,* тур., гаг. *gibi,* ст. осм. *bigi,* тат. *kəbək,* башк. *kəwək,* тат. диал. *kəwə, kijük, kük,* кар., кбалк. *kibik,* аз. *kimi,* туркм. *kimin,* кум. *jimik* 'как подобно' обычно возводят к *kä:p* 'образец, картина'+афф. принадлежности 3-го лица *-i* [см., например, Räsänen 1969, 244b; Deny 1921, 1131, где дана ссылка на О. Бётлингка]. Афф. *-k* в *kibik,* возможно, восходит к усилительной частице *-ük* [см. PhTF, 417].

Послелог *učun* 'для, ради' др.-тюрк., кирг., кбалк., кар., аз., уйг., шор. *üčün,* туркм. *üčï:n,* ног. *üšin,* ккалп. диал. *üčün, učun,* тат. *өčən,* башк. *өsөn,* кар. г. *icin,* як. *ihin,* гаг., тур. *ičin,* ктат. *ičün, čün,* алт., узб., тур. диал., кум. *učun,* тув. *užun, üžün*), как правило, связывают с *uč* 'конец, цель' (ср. кар.), 'причина' (устар. тур.), считая его именем в инстр. падеже или отглагольным именем [Brockelmann 1954, 173; Севортян 1974, 642—643]. М. Рясянен [Räsänen 1969, 169a, 509б] производит *ičün, učun* от *ič* 'нутро' вслед за О. Бётлингком [Böthlingk 1851, §402, 774], без каких-либо комментариев по поводу фонетической эволюции и морфемного состава. В туркменских диалектах наряду с отмеченными Э.В. Севортяном [1974] имеются *üčri, üčri:n, üčürü:n.*

Послелог *bilen/birlen* 'с, вместе с' является общетюркским. Уже в древнетюркских памятниках отмечены такие его варианты, как *birlä, bilä* и *biläп.* Фонетические варианты послелога *bile/bilen* можно распределить в две подгруппы: 1) тув., туркм. *bile,* сал., *pile,* кар. *bi'*a, узб., туркм. *bilen,* уйг. *biläп,* тат. *bəläп,* сюг. *pilen, pulen,* кум. *bulan,* бараб. *pilan,* кар. *bila,* кбалк. *bla,* бараб. *pila/pilä;* шор. *-pa/-pe, -ba/-be, -ma/-me,* чув. *-pa/-pe;* 2) ккалп. *menen/benen/penen,* бараб. *mïnan/minän, man/män,* кирг. *menen,* ног. *man/men, pan/pen, ban/ben,* каз. *men, menen,* башк. *mənän.*

А. Габэн [Gabain 1950$_1$, 140] полагает, что *birlä* и *birläп* — производные (конвербы) от глагола *biril-* 'объединятся'; К. Брокельман [Brockelmann 1954, 183] усматривает в *birlä* числительное *bir*+*ile* (послелог), а в *birläп* еще аффикс инстр. падежа. *Bile* параллельная форма к *birle,* видимо, возникла из *birle.* Г. Рамстедт [1957, 54] считает, что *birlä*<*bir*+*rä,* где *bir* 'один', а *rä* — окончание. В. Котвич [Kotwicz 1936, 50—51] рассматривает *-le/-len* в *bile/bilen* как суффикс комитатива, а *bi* считает местоименным корнем, который в результате народной этимологии позднее смешался с *bir* 'один'.

В тюркских языках юго-западной группы вместо *bile* и т.д. употребителен послелог *ile/le:* аз. *ilä/la/lä,* тур. *ile,* тур. диал. *ile/le/inen* (*inan/ünen/unan/nen/nan,* ср. аз. дманис. *nan/nän*), ктат. *ile/la/le/nen,* гаг. *lan/läп/nan/nän,* узб. книж. поэт. *ilä.*

Генезис *ile* также пока не выяснен. Одни исследователи, например, Г. Вамбери [Vámbéry 1878, 39], В. Банг [Bang 1916, 922], К. Брокельман [Brockelmann 1954, 183] сближают его с глаголом *il-* 'присоединяться',

другие [Мелиоранский 1900, XLI, Räsänen 1969, 171] видят в нем результат фонетической эволюции *birle>bile>ile*. В. Котвич [Kotwicz 1936, 50—51] возводит *ile* к местоименной основе *i* с аффиксом комитатива *-le* (см. послелог *-la/-le, -lo/-lö* в алтайском языке).

В произведениях на староузбекском литературном языке зафиксированы послелоги *ilä, ilän*, старотуркменском — *ile; ilän, ilen* отмечены в Korkut kitabi, Әсрар-наме. *Ile* встречается и в уйгурских диалектах (С.Е. Малов, Г. Ярринг).

Послелог *kejin* характерен главным образом для тюркских языков юго-восточной и отчасти северо-западной групп: узб., ккалп., каз., уйг. ферг., туркм. диал. *kejin*, кирг., уйг. диал. *kijin*, уйг. диал. *kegin/kigin/kein/ke:n/ki:n/ki*. Он известен и в вариантах *kedin, keδin, kejin, ken, kin, kīn* в древнетюркских и среднетюркских памятниках. Послелог восходит к имени со значением 'зад, задняя сторона', которое представлено в др.-тюрк. *kedin* 'сзади (в западном направлении), задний', в алт. *kijin* 'зад, задний, последний', хак. *kizən* 'задний'.

А. Габэн отделяет *kin* от *kidin*, полагая, что первое слово — производное от глагольного корня **ki-* 'быть в конце', который лежит и в основе *ki-d* 'конец' в *kidin* [Gabain 1950$_1$, 141]. В. Банг также выделял в *kidin* корень **kä, *ki*, а *din* считал показателем с аблативным значением [Bang 1917$_1$, 7—8, примеч. 3]. *Kin* получилось из *kidin* через ступень *kijin* путем фонетической эволюции, после того как аблативное значение *-din* было забыто. К. Брокельман [Brockelmann 1954, 167] оспаривает гипотезу В. Банга, ибо уйгурский еще не знал перехода *δ>j*, и полагает, что *kin* — инструменталис от **ki*, родственного *kiδ*. В *kidin* [Там же, 166] он видит застывший аблатив, т.е. *kidin<*kiδdin*. После изменения *δ>j* возникает *kijin*.

Наиболее полно данные, относящиеся к корню **kä, *käd*, представлены у М. Рясянена [Räsänen 1969, 246, a—b], который приводит и монгольские параллели. Круг сравниваемых лексем, на наш взгляд, можно еще расширить. В индексах к словарю Махмуда Кашгарского и в ДТС *kiδ* и *kid* приведены как реальные формы, однако, в тексте словаря зафиксированы лишь производные *kedin, kedingi* и *kediŋä*, подтверждающие реальность *kedin*, но не *ked*. У А. Габэн [Gabain 1950$_1$, 314 словарь] приводится *kid* 'конец, сзади' без ссылки на источник и *kit* на основании *kiδim* в брахми-текстах [Gabain 1954, 92]; у С.Е. Малова (ПДП в словаре) *kid* или *käd* не отмечено. Более надежно, как нам кажется, **ked* засвидетельствовано в монгольских производных *gedreg* 'назад, обратно', *gederge* 'назад, обратно', *gederxe* 'возвращаться', *gederše* 'в обратную сторону' и тюркских *kedirti* 'сзади' (ДТС, 293), *kedki* 'конечный' (Там же), *kedergi, ked'argi* 'в сторону' (кар. г., т.), *kedär* 'в сторону' (саг., койб.), *kedärä* 'прочь, в сторону' (РСл: тел.), *kädäger* 'выгнутый назад', *kädäj-* 'выгибаться', *kädärgi* 'назад, наперекор' (як.<монг.), *kede:r* 'в сторону, в сторону гор' (тув.), *kider* 'запад, в сторону' (хак.).

Та же основа **käd* содержится, по-видимому, в як. *kätäx* 'затылок' [ср. ССТМЯ I, 177, где перечисляются тунгусо-маньчжурские формы]. Формант *-d*, быть может, имел локативное значение (ср. структуру *aldīn* и *kedin*). Основа же **ke/*ki*, помимо *ken* и *keri* 'назад'<**kegeri*, сохранилась в чув. *kaj<käj* 'задняя сторона, запад', хотя последнее

можно интерпретировать и как заимствование из кыпчакских языков [ср. также Иллич-Свитыч 1971, 227—228]. Нередко с *kedin* сближают як. *kälin* 'зад, задняя сторона, запад', которое возводят к **kätin*.

Послелог *bašqa* 'кроме' является общетюркским (туркм., аз., кум. *bašya*, кирг., ктат., гаг., тат., уйг., алт. *bašqa*, узб. *ba°šqa*, ккалп., каз., ног., кар. г. *basqa*, кбалк., кар. т. *bašxa*, тув. *ḫašqa*, шор. *pašqa*). В ДТС это слово не зафиксировано, встречается в чагатайских памятниках. Обычно *bašqa* 'кроме'<'иной, другой, отдельный' возводят к *baš* 'голова', а *-qa* считают аффиксом дат. падежа ([см., например, Räsänen 1969, 65a], где есть ссылка на аналогичное образование в чувашском: *pus'ne*<*pus'ə* 'его голова'+*ne*). Однако такое объяснение генезиса *bašqa* не представляется вполне удовлетворительным: афф. *-qa* едва ли мог выступать в так называемых южных языках, где ожидалось бы *baša*. Правда, *bašqa* могло возникнуть по аналогии к *öŋge* и *özge* 'другой'.

Послелог *öŋge* 'кроме' является межгрупповым (туркм. диал. *öŋŋö/öŋŋe*, кум. *önge*, башк. диал. *üŋge*) и восходит к имени *öŋge* 'иной, другой'; кбалк. *öŋe* 'другой, иной', *öŋe/öŋö* 'другой, инакий' [Вербицкий 1884, 229], тат. диал. *üŋgä* 'по-другому, по-иному', кар. т. *öng'ä, ön'g'a* 'другой', кар. к. *oŋya, onya, öŋge* 'другой, чужой', кар. г. *enge/engi* 'иной, другой', ног. *öŋge* 'то же', каз. *öŋge* 'другой'. К тому же корню **öŋ* восходят др.-тюрк. *öŋin* 'по-другому'<**öŋ* 'быть другим' [Gabain 1950$_1$, 141] и *öŋi* 'то же' [Там же, 137].

Öŋge можно интерпретировать как отглагольное имя на *-ge* от глагольной основы **öŋ-* 'изменяться', сохранившейся в МК в более узком (специализированном) значении 'терять цвет, бледнеть' (возможно, здесь имела место контаминация двух основ *öŋ* 'краска' и *öŋ-* 'линять'<'терять окраску'<'изменять [цвет]').

Послелог *özge* 'кроме' распространен главным образом в кыпчакских языках: уйг. ферг. *özgä*, туркм., кум., кбалк., каз. *özge*, кирг. *özgö*, тув. *öske*, алт. *öskö*. Он восходит к имени *özge* со значением 'другой, иной', например: ккалп. *özge*, др.-тюрк. *özgä*. *Özge* считают формой дат. падежа от *öz* 'сам, свой' [см. например, Brockelmann 1954, 179; Räsänen, 1969, 377b], т.е. 'по-своему'. Возможно, что *özge* является производным тюрк. *öz* 'другой, чужой', сохранившегося в монг. *ö:r*<*öβür* 'другой, иной'<'кроме, помимо'. Основа *öz* в этом значении (а не в значении 'тело, сущность'>'сам') может быть засвидетельствована ср.-тюрк. *ödür-, öδür-* 'выделять, выбирать'. Особенно примечательны парные *ödür-adïr-* 'выделять, выбирать', ср. *adïn* 'другой, кроме'<**ad-* 'отделять, быть другим'.

К послелогам, распространенным в некоторых тюркских языках и имеющим неясное происхождение, относятся:

каз. уйг., *bola*. тат. диал. *bʊla, bala, bəla, bälä*, сал. *vul, vule, pule* 'из-за, ради';

кбалк. *sartïn*, кар. *sortun, sartïn, sarïn*, тат. диал. *sartɯn* 'для, ради, по причине'<*sarï* 'сторона'+*-tïn* — афф. исх. падежа [Deny 1957, 69] или *-ïn* — афф. инстр. падежа;

кирг., туркм. диал., *čejin*, ккалп., каз. *šejən* 'вплоть до, до'; ср. туркм. диал. *čekem, čeki:m* 'до';

кирг. *sïmaq*, тат. *səman/səmaq*, башк. *həmaq* 'подобно, словно' (имя на *-maq/-man* от глагольной основы *sï-* с уподобительным значением); туркм. *jaŋa* 'из-за, ради' (с исх. падежом), 'к' (с дат.-напр. падежом), тур. (редко) *jana* 'в отношении, со стороны'<**jaŋa*. аз. ордуб. *jana* 'из-за', чаг. *jaŋa* 'к', гов. тат. ЗС *jaŋqarə* 'в сторону'; В. Банг полагает, что *jaŋa*<*janqa*<*jan* 'сторона' [Bang 1917$_1$, 10], ср. ст.-осм. *jaŋa* 'сторона'.

ПОСЛЕЛОГИ, ЯВЛЯЮЩИЕСЯ ГРАММАТИЗОВАННЫМИ ФОРМАМИ КАЧЕСТВЕННЫХ ИМЕН

К этой группе принадлежат межгрупповые послелоги *oqšaš* 'словно, как', *jaqïn, jayuq* 'около', *artuq, aslam* 'свыше', *böten* 'кроме'.

В языках северо-восточной группы послелог *oqšaš* управляет осн. падежом: хак. *osxas* (диал. *oxsas*), туба *ošqoš*, шор. *ošqaš/ušqaš/ušquš*, тув. *ïšqaš*; кбалк. *ušaš* требует дат. падежа (ср. еще ккалп. *qusap, qusayan, usayan* — деепричастная и причастная формы глагола *usa-* 'быть похожим'<*oqša-*). Все эти варианты являются производным именем от глагола *oqša-* 'быть похожим' (ср. кирг. *oqšoš* 'похожий', кар.г. *uqsas* 'сходство, подобие, подобный, похожий', кар. т. *uqšaš* 'сходство, подобие', кар. к. *oxšaš* 'сходство, подобие, портрет', *oqšaš* 'то же', ног. *usas* 'похожий, подобный, подобно' и т.д.).

Наречие *jaqïn* стало послелогом в нескольких тюркских языках: туркм. *jaqïn*, хак. *čayïn*, каз. *žaqïn* и уйг. ферг. *jäqin/jeqin* 'около'. То же самое, т.е. ограниченное употребление в качестве послелога, присуще сходному по семантике и близкому по генезису слову *žuwïq* (каз.), *ǯuwuq* (кбалк.) 'около', ср. *jayuq* 'близкий' (ДТС, 225).

Послелог *artuq* 'свыше, больше' отмечен в древнетюркском, туркменском, казахском и якутском (*orduq*). Он возник из наречия 'больше, очень' (см. ДТС 57), а вернее отглагольного имени 'излишек, излишний'<*art-* 'быть в излишке, превышать'.

По значению очень близок к *artuq* послелог *aslam* (ккалп. *aslam*, кар. т. *atlam*, кирг., каз. *astam* 'свыше, больше'), восходящий к *aslam* 'много, в большом количестве' (кум.) 'подавляющий, преобладающий, превосходящий, барыш' (кар., кум., алт., чув.), 'процент' (кар., кум., тат.)<**asla-* (ср. кар. *asla-* 'ссужать деньги под проценты'), генетически связанного с *asïy* 'польза, процент' [см. [Räsänen 1969, 29a; Севортян 1974, 195—196].

Послелог *böten* 'кроме' встречается в каракалпакском, казахском, татарском и башкирском языках. Он восходит к имени *böten* 'чужой, другой' (ср. кирг. *böten* 'чужой, другой, посторонний', тат *bütän*, туркм. диал. *bötön* 'другой, иной', узб. диал. *bötän* 'другой, прочий', ног. *böten* 'особенно, очень'). Этимология *böten* остается неясной [см. Räsänen 1969, 85a].

Группа отыменных послелогов образовалась в результате грамматизации определяемого члена (имени) определительного сочетания. Это имя нередко стоит в одном из пространственных падежей на *-da, -dan, -dïn, -ča* и т.д. Грамматизации подвергаются и отдельные формы пространственных падежей от имен.

К таким послелогам принадлежат:

туркм. *doγrïsïnda*, тат. *turənda*, узб. *toγrisida*, каз. *turasïnda*, *turasïnan*, башк. *turahənda*, *turala*, уйг. *toγustïn/toγasidin*, *toγrıdin* 'о, об, относительно, по поводу' (ср. ккалп. *tuwralï*, кирг. *tu:ralu;* каз. *turalï* 'о, об, про')< *tiγrï* ~*toγru*+*sï*+*da/dan;*

ккалп. *ǰöninde*, каз. *ženənde*, кирг. *ǰönündö* 'о, об, относительно'< *ǰön* 'направление'+*i* (афф. принадлежности 3-го лица)+*de;* ср. также каз. *ženənen* 'насчет';

кирг., туркм. *bojunča*, тат. *bujənča*, уйг. *bojiča*, ккалп., каз. *bojïnša*, башк. *bujânsa* 'по, относительно по, вдоль'<*boj* 'протяжение в пространстве и во времени'+*ï(n)*+*ča* в продольном значении;

башк., кум. *alda* 'раньше, перед', кбалк. *alda*, *alγa*, *allïn*, узб. *a°ldin* 'раньше'<*al* 'перед, передняя часть';

тат., каз. *arqasənda* 'благодаря, по причине'<*arqa-sï-n-da*, *arqa* 'спина, поддержка', ср. башк. диал. *arqala* 'благодаря'.

Послелоги этого структурного типа являются промежуточной ступенью трансформации имен с пространственным (>временным) значением в собственно послелоги типа *üčın*. При такой трансформации имени: 1) исходная именная основа, в разной степени утрачивая лексическое значение, приобретает абстрактно-грамматическое значение; 2) морфологическая структура формы затемняется и она не осознается как член парадигмы; 3) сочетаемость послелога<имени с предшествующим именем становится почти неограниченной, приближающейся к возможностям падежного форманта (аффикса); 4) нередко происходит и фонетическое варьирование послелога, что также приближает его к аффиксу.

Различные образования, включаемые в разряды послелогов и так называемых служебных имен, сочетают в себе, как правило, неполный набор этих четырех признаков. Если, например, в *üčïn*, почти утратившем исходное значение основы, *-in* может быть объяснен только путем специального этимологического анализа, сочетаемость *üčïn* ограничена лишь правилами управления и он представлен в виде целой серии фонетических вариантов (в чувашском это уже падежный аффикс), то *ič* в *ičinde*, *ičinden*, *ičine* часто сохраняет свое лексическое значение, осознается как член падежной парадигмы, лишен способности управлять падежом предшествующего имени. У *üčïn* и *ičinde* неодинаков характер и семантической сочетаемости: у послелога его абстрактное, например, целевое значение сочетается с конкретным значением предшествующего имени или глагола, у *ič* в *ičinde* абстрактное пространственное значение находится в стадии становления и еще не утрачены семантические связи, осознаваемые как полисемия единого слова.

Имена с пространственным (>временным) значением и деепричастные формы глаголов со значением перемещения или нахождения в пространстве и некоторые другие являются основным источником формирования послелогов. Нередко имя и деепричастие становятся послелогами через адвербиальную форму — наречие. Этот процесс можно проиллюстрировать на примере деепричастия *janaša*, образованного от отыменного глагола *janaš-* (<*jan* 'бок, сторона') 'находиться

рядом'. Эта "деепричастная" форма функционирует в большинстве тюркских языков как наречие 'рядом, бок о бок' (в киргизском, каракалпакском, ногайском, башкирском), как наречие и прилагательное в кумыкском (*janaša olturmaq* 'сидеть рядом', *janaša üj* 'соседний дом'), "служебное" имя — в крымскотатарском (*janašasïna, janašasïnda* 'рядом'), послелог — в караимском (галицком) (*janasa* 'около, рядом': *menïm janasa* 'около меня').

Наиболее подвижными в смысле легкости трансформации имя — послелог являются так называемые "служебные имена", т.е. имена с довольно абстрактным пространственно-временным значением. Такая трансформация имен этого типа представляет языковую универсалию: см., например, финно-угорские, монгольские, аварско-андийско-цезские языки.

НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕННЫЕ ИМЕНА С ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

'начало, вершина'>'на, около, у': ног., каз. *bas,* тур., туркм., ктат., кбалк., тат. *baš,* алт. *baš,* хак. *pas,* с.-юг. *paš/vaš,* як. *baha*<*bas* (каз. *quduq basïna* 'у колодца', *žerošaqtïn basïnda* 'у очага', ног. *jürek basïna* 'на сердце', *jaz basïnda* 'в начале лета', сюг. *t'on pa'šta* ('на пеньке', хак. *a:l pazïnzar* 'к селу');

'вершина'>'над, на' : туркм. *depe,* уйг. ферг. *töpä,* узб. *tepä,* каз. *töbe* (каз. *bäzdäŋ töbemäzde* 'над нами', туркм. *dagïŋ depesine* 'на гору', уйг. *tam töpüstä* 'на стене');

'близлежащее место, сторона'>'около, к, до' : кар., кбалк., узб. арх. *qat,* сюг. *q'a't* (сюг. *pyr talejnïŋ qa'tqa* 'до одного озера', кбалк. *školnu qatïnda* 'около школы');

'близлежащее место / бровь'>'около, возле, к'; туркм. *qaš* уйг. ферг. *qaš,* каз., ног., *qas* (ног. *ijttiŋ qasïna* 'к собаке', каз. *botagözdäŋ qasïna* 'возле Ботагоз';

'край / берег'>'у, к' : тув. *qïdïy,* як. *qïï:* (як. *uot qïïntïyar* 'к огню', тув. *xem qïdï:nda* 'у реки');

'бок / сторона'>'у, к, при, около' : туркм. *ja:n* сюг., ног., тат., тур., кар., ктат., гаг., кум. *jan,* каз. *žan,* узб. *ja°n,* тув. *čan,* кбалк. *ǰan,* алт. *d'an* (тат. *anəŋ janəna* 'к нему', каз. *peštäŋ žanï* 'около печки', тув. *zavod čanïnda* 'при заводе', гаг. *punar janïna* 'к колодцу');

'сторона'>'к, в сторону, около, рядом'; тат., кум. *jaq,* каз. *žaq* (тат. *klub jayəna* 'в сторону клуба', кум. *tükenni jayïnda* 'около лавки');

'перед, передняя часть'>'перед' : др.-тюрк., туркм., *öŋ,* гаг., тур. *ön,* ктат. *ög,* чув. *um* (др.-тюрк. *siziŋ öŋüŋüzde* 'перед вами', туркм. *ejwanïŋ öŋünde* 'перед балконом', гаг. *evin önündä* 'перед домом');

'перед, передняя часть'>'перед, к, у' : кум. *al,* туркм. (XVIII—XIX вв.), ног., уйг. ферг., каз. *ald,* тат. *al(d),* узб. *a°ld,* кбалк. *al(lï),* алт., кар. *alïn,* хак. *aln(i),* сюг. (?) *ul'ttirï* (кум. *üjnü aldïnda* 'перед домом', алт. *tura aldïna* 'к дому', ног. *esik aldïnda* 'у двери', тат. *vokzal aldənda* 'перед вокзалом', хак. *körändes alnïnda* 'перед зеркалом'); *ald,* возможно, производ-

ное *a:l* 'лоб>перед' с пространственным детерминативом *d<t;* подробнее см. [Севортян 1974, 124—125];

'конец, задняя сторона'>'за, вслед' : каз. *soŋ* хак. *so:<soŋo* (каз *menəŋ sonïma* 'за мной', хак. *apsaxtïŋ so:ŋža* 'вслед за стариком');

'задняя сторона'>'за, из-за' : алт. *kijin,* хак. *kist(ə),* шор. *kest<*kezini<kezin-i* (шор. *a:l kestinde* 'за улусом', хак. *pözək kürgen kistənen* 'из-за высокого кургана', алт. *ajïl kijininde* 'за айылом';

'зад, задняя сторона'>'за, вслед за' : др.-тюрк., каз., ног., тат., кар., ктат., кум. *art,* тур., гаг. *ard,* сюг. *art, arť,* тув., сюг. *artï<art+ï* (ног. *esik artïna* 'за дверь', *üj artïnda* 'за домом', тат. *ayačlar artəna* 'за деревья', кум. *terekni artïnda* 'за деревом', тув. *day artïnya* 'за горой'); *art< ar+t* (пространственный детерминатив), **ar̂* представлен также в *arqa* 'спина' [см. Севортян, 1974, 179—180];

задняя сторона, внешняя сторона'>'за' : каз., ног., *sïrt* (каз. *qalanïŋ sïrtïna* 'за город');

'зад, спина, задняя сторона'>'сзади' : туркм., кум. *arqa,* тур. *arka,* узб. *a°rqa,* уйг. *a(r)qa,* ср. *art* (узб. *ta°γ a°rqdsiya* 'за гору');

'верх, верхняя сторона'>'на, над, по' : др.-тюрк. *üst/üsk,* кум., гаг., каз., ног., ктат., кар., туркм., шор., алт. *üst,* узб. *ust,* тат. *öst,* кбалк. *üs,* хак. *üst(ü),* тув. *üstü<*üzünü,* сал. *isti* (хак. *ot üstünže* 'по траве', тув. *xo:raj üstünde* 'за городом', тат. *östäl östəndä* 'на столе', хак. *aŋ üstüŋe* 'на зверя', каз. *žol üstənde* 'на дороге'); *üst,* вероятно, восходит к *üz+t* (пространственный детерминатив); с *üz* ср. *üzä* 'наверху' [см. также Севортян 1974, 638—639; Räsänen 1969, 523b];

'низ, нижняя часть'>'под' : туркм., уйг., ктат., каз., ног. *ast,* узб. *a°st* (каз. *təldəŋ astïna* 'под язык', ног. *terektiŋ astïnda* 'под тополем'); с *ast* ср. др.-тюрк. *asra* и *astïn; ast,* возможно,<*as+t* (пространственный детерминатив) [см. также Севортян 1974, 195—196; Räsänen 1969, 28b];

'низ, нижняя сторона'>'под, из-под': др.-тюрк. *al,* тур. гаг., алт. *alt* хак. *alt(ï),* як *alïn,* тув. *aldï<alnï<alïn+ï;* сюг. *aľtïrï* (хак. *uluy pes altïnzar* 'под большую печь', як. *buyul annïttan* 'из-под копны', сюг. *jerniŋ aľtïrya* 'под землю', тув. *seri aldïnya* 'под навесом'); *alt,* вероятно,<*al+t,* где *t* пространственный детерминатив [см. Севортян 1974, 140—141; Räsänen 1969, 18a];

'промежуток'>'между, среди'; общетюрк. — туркм. *a:ra,* др.-тюрк., ног., кум., гаг., тур., хак., каз., кбалк., алт., тув., кар., тат., *ara,* узб. *a°ra,* сал. *arasï* (ног. *awïl ädemleri arasïnda* 'среди жителей аула', кум. *eki awlaqnï arasïnda* 'между двумя полями', хак. *ayas arazïndaŋ* 'из лесу', тув. *ïjaš arazïnda* 'среди деревьев', тат. *ayačlar arasənnan* 'сквозь деревья' (точнее 'между деревьями'), др.-тюрк. *kiši ara* 'среди людей', сал. *qoj arasïna* 'к овцам', алт. *ölöŋ arazïna* 'в траву'); об этимологиях *a:ra* см. [Севортян 1974, 162—163; Räsänen 1969, 22b; Brockelmann 1954, 167];

'середина, центр'>'посреди' : общетюрк. — каз., туркм., тур., кум., кбалк., ктат., ног. *orta,* узб. *o̧rta,* тат. *urta,* як. алт. *orto,* уйг. *ottur,* хак. *ort(ï),* тув. *ortu* (каз. *üjdiŋ ortasïna* 'посреди дома', кум. *awlaqnï ortasïnda* 'посреди поля', ног. *qaraldïdïŋ ortasïnda* 'посреди двора', як. *d'on ortotuyar* 'среди людей', хак. *pu čolnïŋ ortïzïnža* 'по середине этой дороги', тув. *d̂ün ortuzunda* 'посреди ночи'); этимологии *orta* см. [Севортян 1974, 474—476; Räsänen 1969, 365b];

'внутренность, нутро'>'в' : общетюрк. — др.-тюрк., тур., гаг., кбалк., уйг., узб., алт., ктат., туркм., кар. т., кум. *ič*, кар. г. *ic*, каз., ног. *iš*, тат. *əč*, сюг. *šï/hiʒ*, як. *is*, хак. *əst(ə)*, тув. *ižin*<*iš*+*in*, сал. *iči* (кум. *qalanï ičinde* 'в городе', ног. *üjdiŋ išine* 'в дом', тат. *xäsrät əčəndä* 'в печали', сюг. *jüj šïte* 'в доме', як. *xos ihigär* 'в комнате', хак. *ib istinde* 'в доме', тув. *škaf ištinge* 'в шкафу'); об *ič* см. [Севортян 1974, 388—391; Räsänen 1969, 168a—b];

'наружная (внешняя) сторона'>'вне, за, снаружи' : общетюрк. — туркм. *daš*, сюг. *ta's*, як. *tas*, тур. *dïš*, кум., алт., кбалк. *tïš*, чув. *tul*, сал. *tăši*, хак. *tast(ï)*, тув. *d̲aštï*<*daš-ïn-ï* (ср. др.-тюрк. *taštïn* 'вне, кроме') — сюг. *junïŋ ta'sqa* 'снаружи к дому', як. *man taspar* 'около меня', сал. *ojim tăʃinda* 'за моим домом', хак. *qorod tastïna* 'за город', тув. *qaža: d̲aštïnda* 'вне двора'); о *taš* см. [Räsänen 1969, 466a];

'лицо, поверхность'>'на, сторона'>'к, около' : каз., ног. *bet*, тув. *d̲eti*<*d̲et*+*i* (аффикс принадлежности 3-го лица) (каз. *sorpaniŋ betəne* 'на поверхность супа', ног. *üj betke* 'в сторону дома', тув. *d̲aʒïŋ betinge* 'около дома', чув. *man patne* 'ко мне');

'лицо, поверхность'>'на, к, по' : др.-тюрк., туркм. *jüz*, сал. jüzi (туркм. *diwariŋ jüzine* 'к стене', *qajaniŋ jüzinden* 'по скале', ср. тур. *jüzünden* 'из-за', фактически ставшее послелогом);

противоположная сторона'>'напротив, вблизи' : туркм. *du:š*, алт. *tuš*, каз., ног., як. *tus*, тув. *d̲uš* (каз. *qalaniŋ tusïnda* 'вблизи от города'; ног. *özïniŋ tusïnda* 'напротив его самого', тув. *ol bažïŋ d̲užunda* 'напротив того дома', як. *tribuna tuhuyar* 'напротив трибуны'); от *tus* в якутском образовалась уже целая серия послелогов: *tuhuyar* 'ради', *tuhuttan* 'из-за, ради', *tuhunan* 'про, о'; о *tuš* см. [Räsänen 1969, 501b];

'противоположная сторона'>'напротив' : туркм. *qaršï*, ктат. *qaršï*, тур., гаг. *karšï*, узб. *qarši*, ног., кар., каз. *qarsï* (ног. *bizim qarsïmïzya* 'нам навстречу', каз. *bəzdəŋ qarsïmïzda* 'напротив нас'); *qaršï* — деепричастие, подвергшееся субстантивации;

'направление'>'в направлении; по, у, вдоль'; туркм. *uyur (köčäniŋ uyurunda* 'вдоль улицы', *joluŋ uyurunda* 'на дороге'); *uyrundan*<*uyur* 'способ' и т.д. фактически стали послелогами, ср. др.-тюрк. *oyrïnda* 'благодаря'< *oyur* 'обстоятельство, причина', ктат. *oyrunda* 'ради, во имя';

'дно, нижняя часть, основание'>'у, около, под' : туркм. *düjp*, тур. *dib*, сюг., кум., каз., кар., ктат. *tüp*, кар. г. *tip*, кбалк. *tüb* (кум. *tawnu tübüne* 'под гору', каз. *qaqpa tübəndе* 'около ворот', сюг. *so tüpte* 'у кормушки', кар. *tujaxlarï tübünd'an* 'из-под копыт', тур. *ayaʒïn dibinde* 'под деревом');

'дно, основание'>'под' : туркм. диал. *tej*, *tek*, узб., уйг. *täg*, ср. як. *tügäx* 'дно' (уйг. ферг. *a°lma tägigä* 'под яблоней', узб. *stol tägigä* 'под стол');

'основание'>'под, из-под' : хак., алт. *tös*, ср. тув. *d̲ös* корень, основание', др.-тюрк. *töz*, МК: *tüp-töz* (алт. *tajyaniŋ tözinde* 'у тайги', хак. *ayastarniŋ tözineŋ* из-под дерева');

'круг, окрестность'>'вокруг, около'; туркм. *töwerek*, каз. *töŋərek* (каз. *üjdiŋ töŋəregənde* 'около дома');

'окружность'>'вокруг': др.-тюрк. *tägrä*, узб. кн. *tegirä*, чув. *tavra*

(<tägir-) [Gabain 1950ı, 138, 167] — деепричастная форма, позднее превратившаяся в "чистое" имя, *tägräsigä* [Brockelmann 1954, 185]; ср. тат. *tirä* 'окрестность, округа', башк. *tirä-jön*, балк. *tijre* 'окружение, соседство' (туркм. *ǯajïŋ töweregine* 'вокруг дома');

'длина, протяжение'>'по, вдоль' : туркм., каз. *boj*, тат. *buj*, ср. *bojunča* (каз. *özen bojïnda* 'по реке', тат. *säkəbujəna* 'вдоль лавки', туркм. *jap bojunda* 'вдоль канала', тур. *hudut bojunda* 'вдоль границы';

'место'>'вместо, за' : хак., ног., алт., каз. *orïn*, чув. *vïrən* (хак. *anïŋ ornïna* 'вместо нее', ног. *at ornïna* 'за лошадь, вместо лошади', каз. *bes kilonïŋ ornïna* 'вместо пяти килограмм', чув. *aššə vïrnine* 'вместо отца'); об этимологии *orun* см. [Севортян 1974, 477 сл.; Räsänen 1969, 365a].

ЧАСТИЦЫ

Частицы в тюркских языках представляют собой сравнительно новую грамматическую категорию, занимающую промежуточное положение между модальными словами и аффиксами. Имеется явная тенденция к переходу многих частиц в разряд аффиксов. Ряд частиц, как и аффиксы, при присоединении к полнозначным словам теряет фонетическую самостоятельность, подвергаясь ассимиляции, влиянию закона гармонии гласных. Высокая частотность употребления частиц стимулирует их превращение в грамматическую форму. Происходит стирание конца, размывание границ слова. Некоторые частицы из-за этого имеют по нескольку фонетических вариантов. Поэтому вполне заслуживает внимания классификация частиц по структуре: частицы-слова, частицы-аффиксы.

В тюркских языках преобладающим типом являются постпозиционные частицы, возникшие на собственной языковой основе. Препозиционные частицы представляют собой заимствования: *heč-*, *ha-* и т.д. Это говорит о том, что частицы возникают в результате частого употребления определенных слов в качестве второго компонента словосочетания. Частицы формируются за счет знаменательных слов, преимущественно за счет имен, глаголов, изредка — междометий [Петров 1978, 62—64]. Основная масса частиц образовалась в последнее тысячелетие, особенно интенсивно происходит этот процесс в последние два века в связи с широким развитием письменных литературных языков. Многие частицы внешне сохраняют форму знаменательных слов, от которых они произошли (глаголов, местоимений, наречий и т.д.).

Сложным является вопрос о классификации частиц. Обычно классификация проводится по семантическому признаку, но семантика частиц весьма многообразна, и это многообразие, как и количество, все возрастает. Лишь в одном якутском языке зафиксировано более 160 частиц, не повторяющихся в других тюркских языках. Не все частицы еще выявлены, еще окончательно не решен — и не только в тюркологии — вопрос о том, что считать частицей.

Надо полагать, что в пратюркском языке частиц как грамматически оформленной, отдельной части речи еще не было — в функции

частиц выступали различные имена и глаголы. Однако отдельные слова уже выполняли функции частиц в современном ее понимании.

В древнетюркскую эпоху, по-видимому, частицы были более оформлены как часть речи, чем союзы. Об этом свидетельствует достаточно широкое употребление частиц в древнетюркских и среднетюркских памятниках [см., например, Щербак 1961, 191—194]. По-видимому, частицы как часть речи старше союзов. Если на развитие союзов в тюркских языках существенное влияние оказали другие языки, то развитие частиц шло за счет использования внутренних ресурсов самих тюркских языков, хотя имеется некоторое количество и заимствованных частиц.

Как и в других языках мира [см., например, Виноградов 1975, 84—85], в тюркских языках наблюдается тесная связь и взаимодействие между союзами, модальными словами и частицами, а также переход частиц в союзы.

Общетюркской является вопросительная частица *ma*, которая в современных языках имеет от двух до восьми фонетических вариантов, например в алтайском: *ba/be, pa/pe, bo/bö, po/pö.* Такое разнообразие находит объяснение в присущем тюркским языкам чередовании начального *m/b/p*. Есть языки, в которых чередуются все три согласных (хак., шор., каз., ккалп., ног., *ma/ba/pa...*), есть языки, в которых чередуются только два согласных (алт., кирг. *b/p*). И, наконец, есть языки, в которых в начале употребляется только согласный *m-*, это главным образом юго-западные, или огузские языки. По характеру же конечного гласного можно установить два типа тюркских языков: с широкими гласными *a/e* и с узкими гласными *y/i*. К первой группе относятся алтайский, хакасский, шорский, казахский, каракалпакский, ногайский (*ma/me, ba/be, pa/pe*), тофаларский (*be/pe* — не подвергающаяся закону гармонии гласных), тувинский *(be)*. Ко второй группе относятся татарский, башкирский, карачаево балкарский, караимский (иногда с широким гласным — *mo*), азербайджанский, турецкий, туркменский, гагаузский, узбекский, уйгурский (*my/mi)*. В киргизском языке также имеется узкий гласный, однако с начальными согласными *b/p: bi/bü, pi/pü.*

В ряде языков независимо друг от друга происходит дальнейшее развитие этой частицы, она, соединяясь с вопросительным местоимением *ne*, образует новую частицу, выражающую вопросительное значение с оттенком сомнения: тат., башк. *myni*, хак. *bani.*

Надо полагать, что частица *ma* возникла от указательного местоимения *bu/pu/mu* 'это, этот'[1].

В рунических памятниках частица встречается в фонетических вариантах с начальным *m-* и конечными узкими гласными: *Qayan mu qysajyn — tidim* (Тон, 5) 'Не каганом ли (мне его) пожелать, говорил я'; *Bar mu nä* (Тон, 14) 'Есть ли что (сказать)?'. В чувашском, по-видимому, выпал начальный согласный или произошла метатеза — *im.*

Частица *ma* в современных языках превращается в своего рода вопросительный аффикс, подчиняясь законам ассимиляции как гласных, так и согласных.

[1] О тесном взаимоотношении местоимений и частиц см. [Ашнин 1958, 417—433]

Общей для всех тюркских языков является также омоморфная пратюркская частица *ma* со значением отрицания. Во всех соответствующих трудах она рассматривается как аффикс отрицания — обычно при глагольных формах, хотя широко употребляется и при именах. Для этой частицы не имеет значения характер сочетающегося с ней самостоятельного слова — является ли оно глаголом или именем, так же как и для вопросительной частицы *ma*.

Общетюркской является частица *da*, которая послужила основой для возникновения союза *da*. В фонетическом отношении она ничем не отличается от соответствующего союза, имеет те же фонетические варианты. Основным ее значением является усилительно-выделительное, эмоционально-экспрессивное значения, дополнительно сообщаемые знаменательному слову. В этом значении она встречается и в древнетюркских письменных памятниках: *bu altun ja künṭoyušydan-ta künbaṭyš yγača ṭeggän erdi* 'этот золотой лук простирался от востока и до запада' (ЛОК 36, 3; ДТС, 525). Однако в современных языках частица *da* имеет широкий спектр самых разнообразных значений: утвердительное, уступительное, присоединительное, ограничительное, выделительное; она участвует также в образовании неопределенных местоимений, присоединяясь к вопросительным местоимениям.

В хакасском и тувинском языках частица *da* имеет долгий гласный, отражающий промежуточный этап в ее фонетической эволюции — *da:*. В ряде языков сохранена наиболее древняя фонетическая форма частицы — каз., шор. *taγy*, кум., шор. *daγy* и др. Употребительны также сочетания этой древней формы с современной, усеченной: каз. *taγy da*, кум. *daγy da* и др.

Форма *taγy/daγy* являлась, пожалуй, наиболее употребительной частицей в тюркских памятниках. Например, в Кодексе Куманикус отмечено 60 ее употреблений *(daγyn* — пять*)*, что и послужило основанием для ее превращения в союз [Курышжанов 1958$_1$, 59].

В некоторых языках, испытавших сильное влияние славянских языков, имеется омоморфная частица славянского происхождения: кар. *da*, гаг. *da/dä*. Н.К. Дмитриев отмечает, что "славянский союз *da*, по форме совпадающий с турецким энклитическим аффиксом *-da* (звуковой вариант *de*), широко распространен в гагаузской речи; как и славянское *la*, он употребляется в различных значениях (и, а, но'). Таким образом, по-видимому, и надо объяснять появление этого *-da* в начале предложения, что исключается для всех языков системы, кроме крымскотатарского литературного" [Дмитриев 1960, 264]. В караимском *da* появилось в результате перевода текстов библии на караимский с древнееврейского: *da ajtty adonaj* 'и сказал господь' и т.д.

Другие частицы, по-видимому, возникли в различных ареалах и отдельных тюркских языках самостоятельно, независимо друг от друга.

Наиболее распространенными являются следующие (некоторые из них, возможно, являются общетюркскими):

Ограничительная частица *qana/qyna* 'лишь, только'

распространена в кыпчакском ареале, а также в узбекском и уйгурском. В восточнокыпчакских языках и в примыкающем к ним киргизском имеется широкий гласный в первом слоге, во всех других языках — узкий: каз., ккалп., ног., кирг., *qana/yana,* иногда с гласными переднего ряда – *kene/gene;* тат., башк., бараб. *qyna/yyna, kĭnä/gĭnä* – в первых двух имеется по четыре фонетических варианта; чув. *kyna,* уйг. *qina/yina/kinä/ginä,* узб. *kina/gina,* кар. *yyna/kyna.*

В древнетюркских рунических памятниках эта частица имеет форму *qyña — az-qyña türk budun joryjur ärmis* (Тон, 9—10) 'Тюркский народ в небольшом только количестве кочевал' — и сочетается преимущественно со словом *az* 'мало': *uluy irkin az qyña erin tezip bardy* (КТб, 34) 'Великий Иркин бежал с немногими только мужами'. В ряде памятников *qyna/qyja* употребляется в значении уменьшительно-выделительной частицы: *oyulqyja* 'сынок', *qyzqyja* 'дочка' (МК III, 170).

Усилительная частица *qoj* имеет значение (по разным языкам) категоричности, просьбы, пожелания. Распространена (в разных фонетических вариантах) в кыпчакских и примыкающих к ним карлукских языках: каз. ккалп., кирг. *qoj/yoj.* В киргизском в результате фонетического и семантического развития частица превращается в вопросительную *yo,* в гагаузском *ko* 'пусть'; уйг. *qu/yy,* узб. *ku/ju/u* 'ведь'. Частица восходит к глаголу *qoj-* 'перестать, прекратиться, оставить, класть'. Возможно, частица развилась в более позднее время, хотя встречается в руническом памятнике: *Bödkä körigmä bäglär gü jaŋylтačysiz* (КТм, 11) 'Подчиняющиеся простому бéги, вы ведь склонны впадать в ошибку!?'

Ограничительная частица *aq* тоже распространена в определенном регионе, в основном — в кыпчакских языках; начальный гласный в нескольких языках может быть негубным, но в большинстве языков он является огубленным: каз. *aq.* чув. *ah;* ног., бараб., алт., шор. *oq,* башк. *uq.* Употребительна также в древнетюркских памятниках, написанных руническим, арабским и уйгурскими алфавитами: *ol-oq tün budunyn saju ytymyz* (Тон, 42) 'В ту же ночь мы отправили (послов) к каждому народу'; *Emdi-oq ajdym* (МК I, 37) 'Теперь вот(же) я сказал'; *bir-ök oyly erdi bu Aj-toldynyŋ* (КБ, 106) 'Это был единственный сын Ай-толды'; *Isig küčig bärtim-ök, bän özim uzun jälmäg jämä yttym-oq* (Тон, 52) 'Я же отдавал народу свой труд и силу, я же сам направлял дальние военные набеги'.

Частица со значением просьбы, побуждения: тат., кирг., шор., кар. т., кбалк., кум. *čy/či.* ктат., узб., хак. *či,* уйг. *ču,* кар. г., бараб. *cy/ci;* каз., ккалп., ног. *šy/ši.* чув. *ši:* ктат. *šu;* башк. *sy/si.* Она достаточно часто встречается в словаре Махмуда Кашгарского (МК III, 207): *barma-ču* 'не ходи же туда', *kel-čü* 'иди же сюда'. Употребляясь в современной разговорной речи, относится, наряду с *ma, yyna* и др. к числу древнейших частиц.

Частица *a/ä/e* — выражающая побуждение, стремление, желание, усиление эмоциональной окраски речи: туркм., уйг. *a/ä,* гаг., аз., кбалк., тув., *a,* тур. каз. *a/e.* Ее фонетические разновидности: аз., уйг. *hä,* туркм. *ha/hä,* чув. *ha,* каз. *haj, aw,* которая представляет собой, по-видимому, изначальный вариант. Она встречается и в древнетюрк-

ских памятниках: *edgü edgü sen braman-a (Suv)* 'о ты добрейший, брахман'! Подобная частица имеется во многих языках мира, по-видимому, она междометного происхождения.

Усилительная частица 'очень': каз., кирг., ккалп., шор. *eŋ*, туркм., *iŋ, iŋŋän*.

Отрицательная частица 'не': туркм. *däl*, гаг. *dül*, ктат. *degil*, кбалк. *tüjüldü*, кар. т. *tjüwül*, каз. *tügil* — обычно приименное отрицание, в некоторых языках может употребляться и при глаголе, например, тур. *değil* [Кононов 1956, 497][2].

Ограничительная частица 'только, лишь' : алт., шор., хак. *la/le*, тув. *la:* — характерная особенность языков Южной Сибири.

Утвердительная частица 'да, ведь, уже' : каз. *ïje, ja*, тув. *ije*, чув. *ijja*, гаг. *jä/je* — зафиксирована в немногих языках, однако охватывает большую территорию распространения, что говорит, по-видимому, об ее архаичности и, может быть, общетюркском происхождении.

Ряд частиц возник на базе древнего глагола **er-* 'быть, становиться' : каз. *eken* 'оказывается', алт. *ijne* 'ведь', кирг. *imiš*, каз. *mys/mis* 'будто', каз. *emes*, як. *eme*, тув. *ewes* 'не' и др.

Общими для тюркских и монгольских языков является вопросительная — монг., бур. *be* и отрицательная — монг. *büü*, бур. *bü* частицы [Санжеев 1960, 79; ГБЯ 1962, 317—320]. Указанное совпадение, как и совпадение ряда грамматических форм, если и не является прямым доказательством родства монгольских и тюркских языков, то по крайней мере свидетельствуют, во-первых, о древнейших интенсивных контактах и, во-вторых, достаточной архаичности частиц. Эти же частицы в такой же форме существовали в древнекитайском языке. Наличие в языке майя отрицательной частицы *ma* является случайным совпадением, хотя гипотезы о родстве алтайских языков и языков индейцев Америки существуют [Кнорозов 1963, 194].

Итак, древнейшими частицами, зафиксированными в древнетюркских памятниках, являются: *ma, γo, ok, qyna, či*. Они, как и некоторые другие, не отмеченные в древнетюркских памятниках древние частицы, сохранились в более консервативных языках со слабым иноязычным влиянием. Можно предположить, что древнейшими среди всех групп являются отрицательные, вопросительные и усилительные.

СОЮЗЫ

В тюркском праязыке, надо полагать, союзов как оформленной части речи не было. В функции союзных слов выступали слова, относящиеся к разным частям речи. Для агглютинативных языков, каковыми являются тюркские языки, отсутствие союзов как самостоятельной части речи, не ощущается. "Союзы как самостоятельная часть речи для дравидийских языков (так же агглютинативных, — *К.М.*) не характерны, и даже там, где они имеются, их употребле-

[2] Об этимологии этой частицы см. [Мельников 1970, 57—66].

ние подчас остается факультативным" [Андронов 1978, 446]. Примерно такая же картина была и в финно-угорских языках на более ранней ступени их развития. "В общепермском языке союзов, по всей видимости, было очень немного, что является следствием крайне слабо развитого гипотаксиса, поскольку в речи преобладало простое предложение<...> Почти все сочинительные союзы в языке коми являются заимствованиями из русского языка" [Серебренников 1963$_1$, 375].

Разговорная речь, поэзия, особенно в древний период, обходились без союзов. В.М. Насилов отмечал лаконичность и афористичность предложений древнетюркских памятников: "В памятниках, написанных стихотворным размером с рифмованными строками, в произведениях Юсуфа Баласагунского и Ахмеда Югнакского синтаксическая структура каждого предложения несложная" [Насилов 1974, 97].

Трудно найти общие союзы и между такими ближайшими по алтайской гипотезе языками, как тюркские и монгольские. Видимо, в этих языковых группах, при наличии в них общих словообразовательных и словоизменительных аффиксов, развитие союзов происходило в более поздний период, когда контакты между ними ослабли — в период их самостоятельного развития.

В древнетюркских памятниках, особенно рунических, очень мало слов, употребительных в функции союзов. Союзные слова употребляются преимущественно в функции сочинительных союзов. Как отметил В.М. Насилов, "в грамматическом строе орхоно-енисейских памятников союзы не являются сложившейся категорией. Синтаксический строй рассматриваемых текстов исключает как соединительно-сочинительные, так и подчинительные союзы <...> Единственными лексическими средствами, приближающимися к категории союзов, служат частицы *ta* 'и, да, же' и *jeme* 'и, также, еще'" [Насилов В.М. 1960, 44]. Это же отмечалось и другими исследователями древнетюркских памятников [см. Батманов, Арагачи, Бабушкин 1962, 135; Кондратьев 1970, 51].

Союзы не встречаются также в булгароязычных эпиграфических надписях (кроме ар. *wä* [Хакимзянов 1978, 76]). В орхоно-енисейских памятниках употребляются союзные слова: *jana* 'и, еще, также', *tayy* 'и еще', *azu* 'или' (и в тувинском, тофском), *any üčün* 'поэтому' *tıp* 'говоря'; *tijin* 'сказав : *oylyta qayan bolmys ärinč* (КТб, 5) 'и их сыновья стали каганами (правителями)'; *jana birtımız* (КТб, 21) 'и мы отдали', *jana ičikmis* (КТб, 10) 'и они подчинились'; *jolta jämä ölti kük* (Т, 16) 'на пути, возможно, многие еще (и) умерли'; *Azu bu sabymda igid baryu?* (КТм, 10) 'или в моей речи есть какая-нибудь фальшь?, *Bilmädük üčün* (КТб, 24) 'Из-за незнания, непонимания'; *Bäsbalyq any üčün ozdy* (ПДП, 28) 'Поэтому Бесбалык спасся'; *jayuq ärsär, ädgü ayy birür tip anča (inča) bašyurur ärmis* (КТм, 7) 'кто живет близко, тому дают хорошие дары — говоря так, он упорно поучал тебя'.

Древнейшим подчинительным союзом, зафиксированным в древнетюркских памятниках, является общетюрк. *üčün* 'для, ради, из-за (*anyq üčün* 'поэтому, для этого'). Интересно, что в языке дешифрованных

рунических памятников, правда, весьма кратких, европейской части СССР союзы, так же как частицы и наречия, не встречаются [см. Насилов В.М. 1960; Байчоров 1977].

Искусственный, необщенародный характер средневековых литературных тюркских языков Средней Азии и Поволжья проявляется и в особенностях союзов — они в большинстве заимствованные, так же как в современном турецком, азербайджанском и узбекском языках [см. Щербак 1962]. Значительное заимствование союзов из арабского и персидского языков наблюдается в послеисламский период в результате влияния литературного языка и языка привилегированного меньшинства тюркоязычных народов.

Союзы относятся к числу наиболее молодых частей речи в тюркских языках. И поэтому вполне естественно, что они возникают и формируются на базе уже существующих частей речи. Количество союзов зависит от возраста литературных языков. Чем моложе литературный язык, тем моложе союзы как часть речи. "Союзы являются самой молодой из частей речи тувинского языка, которая возникла недавно и непрерывно обогащается. Количество союзов в тувинском языке невелико, и употребляются они довольно редко. Богатство и разнообразие неличных форм глагола, склонение именных форм глагола, использование послелогов и некоторых частиц позволяют в тувинском языке обращаться к союзам реже, чем во многих других языках. Однако дальнейшее развитие тувинского литературного языка, появление обширной переводной (научной, политической и художественной) литературы заставляет все чаще использовать союзы для выражения синтаксических отношений в речи" [Исхаков, Пальмбах 1961, 450]. Это в равной мере относится ко многим тюркским языкам, в особенности к алтайскому, хакасскому, карачаево-балкарскому, ногайскому.

Союзы возникли в тюркских языках главным образом на основе деепричастий, наречий, вопросительных местоимений, условной формы глагола, количественного числительного, обозначающего единицу, частиц [Соколов 1977, 24—29].

В большинстве случаев промежуточной ступенью между знаменательными частями речи и союзами выступают деепричастия, наречия, частицы. Древнейшие из союзов, по-видимому, развились из частиц, которые обычно ставились после имени — компонента однородных членов предложения — и оказывались между двумя знаменательными словами. Таким образом, само положение частицы способствовало развитию их в союзы.

Процесс превращения в союзы вопросительных местоимений через ступень относительных местоимений происходил, видимо, в самое позднее время в результате влияния на многие тюркские языки индоевропейских, в частности, славянских языков. Например, в караимском, гагаузском, более других подверженных славянскому воздействию, почти все вопросительные местоимения употребляются в функции союзных слов [см. Мусаев 1964; Покровская 1964]. Подобное же явление происходило, например, в скандинавских языках, где относительные местоимения также развились из вопросительных

[Стеблин-Каменский 1953, 249], причем развитие новых союзов шло параллельно развитию сложного предложения, что в свою очередь указывает на некоторое типологическое сходство в развитии языков разных систем.

По-видимому, первыми возникли сочинительные союзы, поскольку для подчинительной связи на том этапе развития тюркских языков в них, так же как и в современных, было достаточно средств (деепричастия, причастия, падежи и т.д.). Таким образом, можно допустить, что в тюркских языках подчинительные союзы являются вторичными по отношению к сочинительным.

Подавляющее большинство союзов образовалось в послеисламский период: 1) за счет собственных ресурсов языка — в основном из народно-разговорной речи, из языка фольклора, из устной литературы; 2) за счет заимствований из других языков, главным образом арабского и персидского. Соотношение этих источников колеблется в разных тюркских языках в зависимости от условий их исторического развития.

По структуре союзы в тюркских языках бывают простыми, производными и составными. Наиболее древними являются простые союзы, которые морфологически не членимы. В современных языках широко распространены составные союзы, а также "гибридные союзы — со значением других, очень разнообразных категорий" [Виноградов 1975, 554] : наречий, местоимений, деепричастий, частиц.

Подавляющее большинство союзов в тюркских языках прошло ареальный или индивидуальный путь развития. Этим объясняется крайняя малочисленность общетюркских союзов. Для образования некоторых союзов материалом послужили общие пратюркские элементы, к моменту распада тюркских языков уже подготовленные для перехода в разряд союзов. Именно они имеют общу форму и общее значение в современных тюркских языках и их диалектах.

Союз *da* – наиболее распространенный и широкоупотребительный союз, который имеется во всех современных тюркских языках и который следует считать общетюркским. У него от двух до восьми фонетических вариантов — чередуются начальные согласные *d/t* и конечные гласные: *a/e/ä/o/ö,* например; алт. *da/de/do/dö; ta/te/to/tö* и др.; кирг., бараб., тат., башк., каз., ног., ккалп., кар., ктат., кбалк., кум., туркм., аз., гаг., тур., узб., уйг. *da* с вариантами, чув. *ta* с вариантами, як. *dayany,* хак., тув. *dā* с вариантами.

Во всех языках этот союз представлен прежде всего как сочинительный (соединительный) со значением 'и, также, а также, да, тоже'. Степень употребления данного союза в различных тюркских языках не одинакова. Например, в языках, подвергшихся сильному влиянию арабского и иранских (литературного персидского прежде всего), в функции соединительного союза употребляется преимущественно арабский союз *wa.* Это — огузские и карлукские языки (турецкий, азербайджанский, туркменский, гагаузский, узбекский, уйгурский).

В ряде тюркских языков союз *da,* вступая в сочетание с другими служебными элементами, образует сложные союзы: ктат. *da...da* 'то...то',

чув. *tata* 'и, да', в некоторых языках *da* сочетается с заимствованными служебными элементами: узб. *hamda*, кар. т. *da vale* 'и все-таки' и др.

В тех языках, где этот союз заменен заимствованиями, он имеет определенное, ограниченное значение. Например, в турецком *da* "в отличие от союза *ve* при соединении членов предложения выражает сильный логический акцент, падающий на тот член предложения, за которым следует эта энклитика" [Кононов 1956, 356]. В узбекском он служит для "соединения следующих друг за другом действий" [Кононов 1960, 328]. В "Узбек тили грамматикаси" (т. I, Тошкент 1975) союз *da* не отмечен.

Союз *da* восходит к усилительной частице *taγy/daγy* (которая возникла от глагола *taq* 'присоединять'+форма деепричастия *-i*) [Deny 1921, 265, 670][1], представленной во многих тюркских языках в разных фонетических вариантах: кирг. *daγy* 'еще', як. *daγany*, каз., ккалп., башк. и др. *taγy*, каз. *taγyn*, ккалп. каз. (сложн.) *taγy da* 'и также' и т.д. Промежуточный этап в развитии *daγy>da* представляет собой тув. и хак. *da:*

В древнетюркских памятниках наряду с приведенными вариантами с звонким согласным между гласными употребительна форма с глухим согласным: *taqy* (ДТС, 536) со значениями 'еще, пока, сверх, и, также'; *alalyn ja: taqy qalqan tamya bizgä bolsun bujan* 'возьмем луки и щиты, и пусть тамгой нам будет благодать' (ЛОК 11, 7). Вариант *ta* как союз в древнетюркских памятниках пока не отмечен. Возможно, это свидетельствует о том, что указанное выше фонетическое развитие союза произошло в более позднее время — после XI в. самостоятельно в каждом из тюркских языков. Таким образом, можно предположить, что в пратюркском языке эта общетюркская форма **taqy* имела недифференцированное значение наречия, усилительной частицы и соединительного союза.

Как отмечает Н.З. Гаджиева, рассматриваемый союз представляет собой "яркий пример развития союзной функции на базе усилительной частицы *da*. В процессе образования постпозитивных союзов из усилительных частиц можно условно выделить три этапа: 1) постпозитивная частица, присоединяясь к глаголу или к имени, сохраняет усилительное значение, не имея еще союзного значения; 2) развивается союзное значение при сохранении еще усилительного значения; 3) союзное значение, приобретая разнообразные оттенки, становится ведущим" [1973_2, 31].

Общей чертой союза *da* для всех тюркских языков является его главная — соединительная — функция. Во всех других значениях, которые пока недостаточно изучены, этот союз имеет весьма много различий. Как отмечает С.А. Соколов, в турецком языке (подчас трудно даже строго очертить круг значений *da, de*, и эта союзная частица выступает как бы в функции "сигнала подчинения" вообще, конкретные проявления которого уточняются лишь в контексте" [1977, 27].

Кроме основной — соединительной функции, союз *da* выступает

[1] С.Е. Малов [1951, 426] сравнивает также с монг. *dakin* 'повторно, снова' — деепричастие от *dakiχu*.

как противительный союз 'а, но', как временной, условно-уступительный. Это обусловлено, по-видимому, наряду с другими факторами, и тем, что *ta/taqy* первоначально мог соединять не только однородные понятия, но и разнородные, необъединяемые и противопоставленные.

Таким образом, на базе усилительно-выделительной функции частиц вначале при именах и глаголах, затем и в предложениях наряду со значением соединения развиваются значения противопоставленности двух действий, их обусловленности, временного соотношения, т.е. развиваются функции не только сочинительные, но и подчинительные.

Переход частицы *da* в союз осуществлялся постепенно. "Некоторое время *da* не могла переместиться с занимаемого ею места частицы, т.е., приобретая новые качества, она продолжала примыкать к концу предложения. Этим и объясняются случаи трансформации однородного сказуемого при связующем *da*, занимающем позицию в конце предложения" [Гаджиева 1973_2, 32].

Союз *ja* также является наиболее распространенным в тюркских языках. Принято считать его персидским по происхождению [Кононов 1956, 360]. Основное его значение — разделительное, и он чаще употребляется сдвоенным: *ja...ja* 'или, или же, но'. Он имеется во всех современных тюркских языках, за исключением якутского и тувинского, в различных фонетических вариантах, связанных с изменением как начального согласного, так и конечного гласного: каз., ккалп., кум., тат., аз., тур., туркм., гаг. *ja;* уйг., башк., бараб., *jä;* чув. *je,* узб. *jo,* кирг. *že,* алт. *že,* хак. *če.*

Широко употребительны в современных тюркских языках среднеазиатского и западного ареалов сочетания союза *ja* с союзами: *da, ki;* кум., туркм. *jada,* уйг., каз., ккалп., тат. *jaki,* башк. *jäki* и др. При дальнейшем своем развитии союз *ja,* так же как и союз *da,* соединяется и с другими союзами и словами: тат. *jaisä* (разделительный союз), кар. т. *jemesjä* 'или' (ср. каз. *nemese*), уйг. *ida/idä* (<*ja*+*da*). Распространено в тюркских языках повторное употребление этого союза: ктат., ног., каз. и др. *ja...ja* 'или...или'.

Вполне возможно, что союзы *ja* и *da* имеют общую модель происхождения: *taqy*>*ta/da, jaqa*>*ja* (глагол *jaq-* 'присоединять, примазать'+аффикс деепричастия) с отпадением второго слога.

Другие тюркские союзы имеют региональное распространение, хотя некоторые из них являются весьма древними. Например, союз *jana* в различных фонетических вариантах употребляется в основном в кыпчакских и соседствующих с ними языках: уйг. *jana,* башк. *jänä,* тат. *janä;* каз. *žäne,* кирг. *žana* и др.

По фонетической структуре союзу *jana* близки заимствованные союзы, получившие распространение в ряде языков под влиянием книжного языка: аз. *jä'ni,* уйг. *jäni,* башк. *jäyni,* каз. *jayni* и т.д. Будучи сочинительными союзами, некоторые из них выступают как разделительные (уйгурский) или как пояснительные 'то есть'.

Союз *jana* встречается в языке орхонских надписей, в надписи памятника Бильгекагана (ПДПМиК, 11—25), относящегося к первой половине VIII в. в значении усилительной частицы 'опять, снова' [Айдаров 1966, 49].

Некоторые союзы имеют более ограниченные районы распространения: *a* — противительный союз 'а, но, однако': каз., кирг., тув., кбалк., бараб. *a;* тат., башк. *ä;* более древней формой союза является, по-видимому, союз *al,* который сохранился в этой полной форме в ряде тюркских языков: ккалп., каз., кирг. *al* с тем же значением. Этот союз также имеет генетическое сходство с омоморфной частицей, ср. каз., кирг., ккалп. *al* 'ну, вот'.

На базе союза *a* в некоторых тюркских языках образованы сложные союзы: кирг. *al emi* 'а теперь, что касается' (<*al*+*emi*), алт. *ajsa* 'или', кар. т. *a to* 'но, однако'.

Перечисленные выше союзы относятся к числу наиболее древних, возможно, имеют общий источник и возникли в тюркских языках путем сходного развития. Другие союзы относятся к более позднему времени, по крайней мере после XI—XIII вв. Их происхождение прослеживается весьма прозрачно.

Развитие союзов как отдельной служебной части речи происходит за счет наречий, глаголов, частиц, местоимений и др. частей речи и в большинстве тюркских языков индивидуально. Но в ряде языков развитие сходное.

По-видимому, союзы, возникшие на базе частиц, относятся к наиболее древним: каз., кар., кум., ног. *tek* 'но, только, однако' (восходит к ограничительной частице *tek*); тат., башк. *tik,* чув. *täk/tĕk* имеет значение 'если'. Как нетрудно заметить, союз распространен в основном в кыпчакских языках.

Ряд союзов возник на базе имени числительного: например, посредством сочетания *bir* с другими словами, преимущественно служебными элементами: каз. *bĭrde,* хак. *pirde,* тув. *birde,* чув. *pĕrre* со значением разделительного союза 'то...то', ср. также каз. *bĭrese* 'то', тув. *bireves* 'если'. Отсутствие четко выделенных ареалов этих союзов говорит о самостоятельном их возникновении в разных языках, хотя модель — общая. Употребление слова *bir* в союзной функции в чистом виде отмечено в турецком языке [Соколов 1977, 29]. Другой союз, возникший на базе количественного числительного *bir* имеет строго очерченный среднеазиатский ареал: каз., ккалп. *bĭraq,* уйг. *biraq,* узб., кирг. *biroq* 'но, однако' (сочетание количественного числительного с усилительно-ограничительной частицей *aq*). Дальнейшее развитие этого союза происходит путем присоединения частицы *da/ta:* каз. *bĭraqta,* кирг. *biroqta* 'но, однако же'. Наконец, наибольшее распространение в тюркских языках получил союз, возникший от глагольной основы, образованной от числительного *bir* (*bir*+глаголообразующий афф. *-la*+аффикс деепричастия *-n*[4]): кум. *bulan,* узб. *bilan,* уйг. *bilän,* туркм. *bilen,* кирг., каз. *benen/menen/penen,* тув. *bile,* кбалк. *bla,* каз. *men/ben/pen,* ног. *man/ban/pan/men/ben/pen/;* ктат. *nen/ile,* таг. *lan/län/nan/nän,* тур. *ile/la/le;* алт. *la/le/lo/lö,* хак. *nаŋ/ŋeŋ* — все с соединительным значением 'и'. Широкая распространенность числительного *bir* и возникшего на его основе союза дают возможность предполагать, что первичная форма данного союза, имевшая

[4] Об этимологии см : [Кононов 1956, 314].

вначале функцию послелога, а еще ранее — наречия-деепричастия, является общетюркской и существовала еще в пратюркскую эпоху.

Ряд союзов возник на базе глаголов, которые имели и имеют наибольшую частоту употребления, в том числе глаголы бытия: *bol, er-* и глагол говорения (речи) *de-*. Надо полагать, что эти союзы возникли самостоятельно в каждом из тюркских языков и являются преимущественно подчинительными.

Союзы, возникшие на базе глагола *bol,* имеют форму условного наклонения или форму причастия: ккалп. *bolsa,* уйг. *bolsa* (условно-уступительный союз), туркм. *bolsa* (причинный союз) 'а', тур. *olsun ... olsun* (разделительный), гаг. *ósa/ósajdy* 'или', кирг. *bolbas* 'если', каз. *bolmasa* 'иначе, если не'; уйг. *bolγač* (причинный союз) 'если', тув. *bolγaš* 'и'; як. *bûolbakka* 'если не' (союз, со значением отрицания и противопоставления), *bûollayyna* (союз, выделяющий член предложения); чув. *pulinte, pulsan ta* 'хотя, несмотря на'.

От глагола *er-:* аз. *ikän, isä,* алт. *emeze* 'или, или же', як. *ere:ri* 'но, хотя'.

Союзы, возникшие на базе глагола речи *de-:* кбалк. *deb,* аз. *dejib* 'говоря'; кбалк. *degen,* каз. *degenmen* 'однако'; алт. *deze* 'а', хак. *tizen* 'но, однако', чув. *tese, tesen* 'чтобы'; кирг. *nege deseŋ* 'потому что', гаг. *dein/dejni* 'чтобы' и т.д.

В некоторых тюркских языках в роли союзов и союзных слов употребляются местоимения различных разрядов, причем здесь так же, как при глагольном происхождении дело решает частотность употребления местоимений.

Наиболее употребительным союзным словом является вопросительное местоимение *ne,* которое в тюркских языках, так же как и его соответствия в других языковых группах, в особенности — в индоевропейских языках, превращается сначала в относительное местоимение, затем — в союзное слово и, наконец, приобретает тенденцию к сепаратизации в роли союза.

Ne во всех языках, где оно выполняет функцию союза, является разделительным, преимущественно — сдвоенным при отрицательной форме глагола: каз., кбалк., кум., ккалп., ног., кар., ктат., гаг. *ne...ne* 'ни...ни' (в казахском, карачаево-балкарском,кумыкском и некоторых других имеет также значение 'или... или' — при положительной глагольной форме); тат., чув. *ni...ni,* аз., уйг. *nä...nä* 'ни...ни'.

Немало союзов образовано присоединением союза *ne* к другим словам, и количество подобных союзов в наши дни продолжает расти: кбалк. *neda, neja* 'или', *ne üčün deseŋ* 'потому что', кар. *neginčä* 'до тех пор, пока', кум. *nege dese* 'потому что, так как', ног. ккалп., каз. *nege deseŋ* 'потому что', гаг. *nečinki* 'так как, потому что' и др.

По сравнению с *ne* другое вопросительное местоимение, служащее для обозначения категории человека, — *kim* менее употребительно в функции союза: кар., аз. *kim* 'кто', каз. *kim... sol* 'кто...тот', тур. *kimi... kimi* 'одни...другие' вероятно, в тех языках, которые испытывали сильное влияние персидской литературы и языка, а также литературного "чагатайского" языка. Такими языками являются в основном огузские, карлукские и северокыпчакские (поволжские), в которых *ki,* наряду

с другими союзами, заимствованными из персидского и арабского языков, широко распространен. Новые союзы на базе *ki* также образуются преимущественно в огузских и карлукских языках.

В более позднее время, как результат развития синтаксиса под влиянием переводов, двуязычия и многоязычия и другие вопросительные местоимения развиваются в функции союзных слов и союзов: аз. *hačan,* кбалк. *qalaj,* таг. *nasy* 'как', кбалк. *qačan,* таг. *ačan* 'когда', каз. *kejde* 'иногда' и т.д. Новые союзы образуются также посредством сочетания вопросительных местоимений с другими словами: каз. *qanša...sonša,* кирг. *qanča...ošončo* 'сколько...столько', каз. *qandaj...sondaj,* уйг. *qandaq...šundaq* 'какой... такой' и т.д.

Многочисленные союзы возникли на базе указательных местоимений, причем наибольшее количество восходит к местоимениям, обозначающим "отдаленный предмет" — *ol, sol* 'тот, упомянутый', очень мало союзов образовано на базе *bu.* Самым продуктивным местоимением оказалось *ol,* которое, принимая словообразовательные аффиксы, падежные аффиксы и сочетаясь с разными словами, образует как сочинительные союзы и союзные слова, так и подчинительные. Подобные процессы во многом не повторяются в тюркских языках, что свидетельствует о самостоятельном развитии этих союзов в каждом из тюркских языков: кбалк. *alaj* 'но', хак. *alaj* 'или', як. *onon* 'поэтому, вследствие этого', каз. *sondyqtan* 'поэтому', кирг. *ošonduqtan* 'потому что', як. *ûonna* 'затем, и, еще', хак. *alaj ba* 'или', каз. *alaj da* 'однако' и т.д. В ряде языков образование союзов происходит по единой модели и из одних и тех же компонентов: каз. *öjtkeni,* ккалп. *öjtkeni,* кирг. *antkeni* 'потому что, так как'; в других продолжается древнетюркская традиция: ккалп., каз. *onyn üšin,* кар. *anyn üčün,* аз. *onun üčün,* кбалк. *any üčün,* кум. *onu üčün,* як. *ol ihin* 'поэтому, потому' и т.д. в третьих, происходит дальнейшее осложнение союзов, возникших на базе указательного местоимения: кирг. *ošentkenimenen,* каз. *öjtkenimen* 'несмотря на' и т.д.

Некоторые формы указательного местоимения *ol* в роли союза употреблялись еще в древнетюркских рунических памятниках: *Taj bilgä tutuquy jabyu atady, anta kisrä qanym qayan učdy* (ПДП, 11—12) 'Тай-Бильгя-Тутука он наименовал титулом ябгу, после этого (тогда) мой отец каган скончался'.

ГЛАВА VIII

МИМЕМЫ

Во всех современных и древних тюркских языках имеется особая группа слов, называемых мимемами (звукоподражательными и звукообразными словами). Мимемы имеют лексические и грамматические особенности, поэтому их рассмотрение входит в сравнительно-историческую грамматику тюркских языков. Звукоподражательные и звукообразные слова обладают самостоятельными значениями: они воплощают различные звуковые явления или зрительнообразные представления, возникающие у человека при соприкосновении с миром объективной действительности. По своей структуре мимемы могут быть простыми и сложными.

Звукообразноподражательные слова-мимемы в тюркских языках стали объектом научного исследования сравнительно недавно. Первым, кто обратил внимание на эту интересную лексическую группу и занялся исследованием ее, был Н.И. Ашмарин. В разное время он опубликовал ряд исследований, посвященных подражаниям в чувашском языке [1918; 1925; 1930]. Мимемами тюркских языков юго-западной группы занимался Н.К. Дмитриев [1962]. Его исследования привлекли внимание к этой проблеме специалистов по другим тюркским языкам — туркменскому, каракалпакскому, башкирскому, казахскому, киргизскому, хакасскому, якутскому [см., например, Исхаков 1951, 103—111; Кудайбергенов 1957, 107; ГХЯ 1975, 132—140; Харитонов 1947, 263—269].

Все перечисленные работы представляют синхронное описание довольно большого слоя звукоподражательных слов, и в их числе значительное количество слов производных, преимущественно существительных и глаголов.

По своему лексическому характеру все мимемы делятся на две группы, в зависимости от тех функций, которые они выполняют: 1) звукоподражательные слова, или *сономимемы*, представляющие собой подражание произвольным или непроизвольным выкрикам человека, воспроизводящим различные его действия и состояния — смех, плач, хныкание, испуг и т.д., а также различные звуки живой и неживой природы; 2) образноподражательные слова, или *видеомимемы*, представляющие собой слова, передающие звуками данного языка различные образы действия или состояния человека и природы.

По своей морфологической структуре все мимемы делятся на простые, удвоенные, парные и производные.

Простые мимемы обычно состоят из одного слога, наиболее распространенным типом которого следует считать тип со структурой

CVC. Как свидетельствуют данные тюркских языков и особенно языков юго-западной группы, в мимемах этого типа первым согласным может быть глухой смычный [p] (тур. *puf* — треск), глухой щелевой [f] (тур. *fyš* 'шлеп!', *füf* 'фью!'), глухой дентальный смычный [t] (тур. *tap* — подражание легкому шуму; аз. *tap* — топот, *tyr* — полет птицы), звонкая аффриката [ǯ] (тур. *ǯyz* — шипение сковородки). Кроме этих согласных, в начале простых мимем могут встретиться дентальные щелевые [s], [z], [š], а также заднеязычные — щелевой [χ], смычный [g] и реже и не во всех языках заднеязычный щелевой [γ]. Из гласных в простых мимемах структуры CVC чаще встречаются узкие гласные [i], [y] или [u], значительно реже широкий [a]. Конечным согласным в этих мимемах чаще всего оказываются сонанты [r] и [l] (тур. *ǯar* 'эй, послушай', *tyqyr* 'дзинь-дзинь' — звон пересчитываемых монет, *tyr* — подражание скрипу ногтей). В конечном положении часто встречаются глухие смычные [p], [t] или [k], реже глухие щелевые (тур. *tap* — подражение легкому шуму; *čat* 'шлеп', *šap* 'чмок' (при поцелуе); *fyš* 'шлеп-шлеп' (о туфлях); гаг. *čin* 'динь-динь'; *bul* 'буль-буль', *mäu* 'мяу'; аз. *tap* — топот, *šab* — шлепание; узб. *šap* 'чмок'; хак. *yy* — подражание рыданию; *syyx* — писк цыпленка; *tyŋ* 'динь-дон' (звук колокола); як. *syp* — подражание свисту.

Другим типом подражательных слов является сравнительно мало продуктивный тип со структурой CVCC. Первый согласный в конечном сочетании сонант [r] или [l], реже [n] или [m] (тур. *ǯulk* 'бульк', *qart* — подражение резкому шуму при сильном скоблении; хак. *sart* 'бац'; *pyrt* — подражание треску арбуза.

Удвоенные мимемы состоят из двух простых мимем. Этот тип мимем широко распространен во всех тюркских языках. Образующиеся при этом слова чаще всего входят в разряд существительных: тур. *šypšyp* — шаркание туфель, *ǯyrǯyr* — стрекотание кузнечика, *fyrfyr* — порхание бабочек, *ǯyrǯyr* 'сверчок', гаг. *pampam* 'одуванчик', *bulbul* — булькание воды, *šoršor* — звукоподражание шуму текущей воды, аз. *dyrdyr* 'болтовня', *čaqčaq* 'погремушка', *šypšyp* 'шлепанцы', узб. *dirdir* 'дрожь', *gumbur-gumbur* —рокот голосов, хак *xoox-xoox* — воркование голубя, *miau-miau* — мяукание кошки, *xaax-xaax* — гоготание гусей, як. *n'ir-n'ir* — грохот грома.

В парных мимемах вторая часть слова представляет собой слово-эхо и получает иную огласовку — в ней чаще всего представлен узкий гласный (тур. *lanyyr lunyur* — подражание грубому косноязычному разговору в повышенном тоне).

Н.К. Дмитриев замечает, что во всех (тюркских) языках весьма часто попадаются парные словосочетания типа русских *шуры-муры, тары-бары* и т.д., которые являются "вполне жизненной морфологической категорией, и употребление их не ограничено никакими рамками стиля" [1962, 133]. Это подтверждается текстами орхонских памятников: *Näŋ jylsyy budunqa olurmadym ičrä ašsyz tašra tonsyz jabyz jablaq budunta üzä olurtym* 'Я сел (на царство) над народом, у которого внутри не было пищи, а снаружи — одежды, (над народом) жалким и низким' (ПДП 31, 39) (*jabyz* 'дурной'+*jablaq* 'дурной, плохой').

В древнеуйгурских текстах X—XI вв. мы находим ряд парных сочетаний, относящихся к различным частям речи: к существительным: *Bu borluqqa äkin tudz-a birim alym kälzä, m(ä)n Mysyr bilürmän, Qajymtu bilmäz* 'если за этот виноградник, когда я буду (его) обрабатывать, придутся какие-либо подати и налоги, то я, Мысыр, (это) ведаю, а Кайымту да не ведает' (ПДП, 214, 215) (*birim alym* 'уплата, налоги'); прилагательным: *Ol antaγ ošuqluγ čoqluγ jalynlyγ küčlüg közünlüg ilik qannyŋ* 'У такого превосходного, пламенного и сильного, и старшего из правителей-ханов' (ПДП 173, 179) (*čoqluγ jalynlyγ* 'пламенный, огненный'). Встречаются также и парные глагольные сочетания: *bu öz ün uz untonluγ ury lar öz bolup näčä jaz(y)nt(y)m(y)z jaŋylt(y)m(y)z äzsär* 'в теперешнем существовании, будучи молодыми людьми в длинной (женской) одежде, о сколь (много) мы ошибались и прегрешали' (ПДП, 117, 121) (*jazyn- jaŋyl-* 'ошибаться, погрешать').

Приведенные выше примеры парных сочетаний свидетельствуют о том, что уже в древних тюркских языках существовали модель или несколько моделей образования новых слов указанным выше путем. Эти модели продолжали сохранять свою словообразовательную силу и впоследствии, о чем красноречиво свидетельствуют многочисленные парные сочетания в современных тюркских языках [см., например, 1962, 133—153].

Переход от парных словосочетаний, лишенных экспрессивности или подражательной характеристики, к парным мимемам оказался не столь сложным, поскольку в соответствующих языках сложилась модель образования новых слов. Здесь по сути дела произошло лишь изменение стилистической функции соответствующих моделей и их фонетическое оформление в зависимости от характера воспринимаемого носителями данного языка природного звучащего явления. Так, постепенно стали возникать сначала звукоподражательные, а впоследствии образноподражательные мимемы, состав которых очень четко можно проследить на материале некоторых тюркских языков, например, хакасского: *syyx-saax* — подражание свисту, звуку; *paaj-paaj* 'бай-бай' (припев колыбельной песни); *tylbyr-talbyr tydyr-tadyr* 'тары-бары' (звукоподражание болтовне); *čap-čup* — звукоподражание чавканию свиньи, собаки; *čyyyr-čayyr* 'чирик-чик-чик' (звукоподражание чириканию воробья); *sulbyx-salbyx* 'спустя рукава' (образное подражание состоянию нерадивости) [ГХЯ 1975, 133—144].

Парные словосочетания широко используются как основа для образования новых слов, имен и глаголов: например, тур. *zevzek* 'дурашливый, болтливый'; *zypyr* 'простофиля, дуралей', *fyrfyr* 'бабочка', гаг. *vivik* 'кулик', *lelek* 'аист', аз. *daŋ-duŋ* — звон колокола, *yyr myr* 'бессмыслица' и т.п. Глагольные словосочетания, образованные от подражательных слов, чаще всего обозначают соответствующие процессы. Эти сложные лексические единицы образуются соединением подражательных слов с различными вспомогательными глаголами, при этом, как замечает Н.К. Дмитриев, "употребляясь со вспомогательным глаголом, мимема ставится в позицию арабского масдара (глагольное имя, которое передает свое значение глаголу)" [1962, 66]; ср. тур. *ǰyv ǰyv etmek* 'щебетать'; *čatra patra söǰlemek* 'говорить на ломанном языке'; *čyn čyn ötmek* 'звенеть'. Если же мимема употреб-

ляется при глаголах речи и движения и обозначает качество движения, то приобретает права наречия, ср. тур. *cayyl čayyl aqmaq* 'журчать' (о текущей воде); *qys qys* 'хи-хи!'; *qys qys gülmek* 'хихикать'; *kax kax* 'ха! ха!'; *kax kax gülmek* 'хохотать'; гаг. *xalba etmek* 'хохотать'; хак. *paaj pararya* 'идти бай-бай' (детск. 'идти спать').

В якутском языке, как замечает Л.Н. Харитонов, образные слова наряду с однотипными с ними глаголами имеют широкое употребление, как в устном народном творчестве и художественной литературе, так и в разговорной речи [1947, 267]. Это свидетельствует о том, что категория образных слов в якутском языке является вполне живой, продуктивной категорией. Образные слова превращаются в соответствующие глаголы по той же модели, какая была показана выше для языков юго-западной группы.

В качестве вспомогательных глаголов используются глаголы: як. *gyn* 'делать' (ср. *duk gyn* 'замахнуться'; *djar gyn* 'вздрогнуть'; *ibir gyn* 'шелохнуться'; *sarbas gyn* 'вдруг, внезапно растопырить пальцы; внезапно протянуть руку'; узб. *qylmoq* 'делать' (ср. *yimir sivir qylmoq* 'копошиться', *yuv-yuv qylmoq* 'рокотать'; *dirdir qylmoq* 'дрожать'), тур. *etmek* 'делать' (см. примеры выше). Этот этап развития мимем Н.К. Дмитриев предлагает считать первой стадией развития мимем в тюркских языках [1962, 65]. Однако, на этом процесс развития мимем в тюркских языках не заканчивается. В тюркских языках, например, в турецком, встречаются мимологические комплексы с афф. *-maq/-mek* [Дмитриев 1962, 68—71], которым предшествуют продуктивные глагольные афф. *-da/-de,* образующие глаголы от именных основ, обычно представляющих звуко- или образноподражательные слова. В отдельных случаях, например, в кумыкском языке, используются афф. *-la/-le,* т.е. возникают структуры "К (корень)+*-da/-la*+*-maq*" для твердых основ и "К+*-de/-le*+*-mek*" — для палатальных.

В связи с образованием этих структур были высказаны мнения, что звукоподражательные глаголы возникли из слияния корня с глаголом *demek* 'говорить', что двусложные мимемы принимают глагольный афф. *-da/-de* только в том случае, когда второй их слог представляет структуру С+V+С, что исконный афф. *-la/-le* переходит в *-da/-de,* когда ему предшествуют *t(l)* [см. Дмитриев 1962, 66—68].

Наряду со структурой "К+*-da*+*-maq*" и "К+*-de*+*-mek*" Н.К. Дмитриев обнаружил более простой тип мимологических образований со структурой "К+*-maq*" и "К+*-mek*", который он так же, как и Г.И. Рамстедт, склонен рассматривать как исконный [1972, 71—72]. Глаголы этой структуры послужили основой образования отвлеченных существительных с помощью широко распространенного в турецком языке афф. *-dy/-di/-ty/-ti,* благодаря чему мимемы служат значительным источником "множества образований, представляющих собой широко употребительную форму турецких мимем" [Там же].

Из сказанного выше следует, что во всех тюркских языках подражательные слова и их производные представляют собой вполне живую и продуктивную категорию, образуя значительный слой словарного состава любого тюркского языка, что особенно ясно было показано Н.К. Дмитриевым на языках юго-западной группы и языках северо-восточной группы — якутском и хакасском.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллаев А.З. Об этимологии слов *бела, аяз* // Вопросы тюркологии. Баку, 1971.

Абдуллаев Ф.А. Фонетика хорезмских говоров: Опыт монографического описания огузского и кыпчакского наречий узбекского языка. Ташкент, 1967 (Абд.).

Абдуллаев Э., Мукамбаев Ж. Кыргыз диалектологиясынын очерки. Фрунзе, 1959 (Абд., Мук.).

Абдурахманов Г.А., Шукуров Ш.Ш. Грамматический очерк старотюркского языка XI века // Девону луғотит турк: Индекс-луғат. Тошкент, 1967.

Абдураҳманов Ғ., Шукуров Ш. Ўзбек тилининг тарихий грамматикаси: Морфология ва синтаксис. Тошкент, 1973.

Абсалямов З.З. Наречие в современном башкирском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974.

Аветисян Т.М. Структура слова современного армянского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ереван, 1970.

Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. М.; Л., 1959. Т. 1.

Агазаде Н.Г. Система глагольных наклонений в современном азербайджанском литературном языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1967.

Агазаде Н.Г. Система глагольных наклонений в современном азербайджанском языке. Баку, 1968.

Агламова М.Т. Способы выражения повелительности и желательности в тюркских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1966. АДГ — Азәрбајчан дилинин грамматикасы. Бакы, 1960, 1959. I, II hиссә.

АДДЛ — Азәрбајчан дилинин диалектолоҝи луғәти. Бакы, 1974.

Азизова А.Г. Условный период в современном узбекском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1952.

Азимов П. Префиксация в туркменском языке. Ашхабад, 1947.

Азнабаев Э.М., Псянчин В.Ш. Башкорт телене тарихи морфологияһы. Өфө, 1976.

Азымов П. Түркмен дилинде аффикслериң езара тиркешип гелиш дүзгүнлери. Ашхабад, 1947.

Айдаров Г. Язык орхонского памятника Бильге-Кагана. Алма-Ата, 1966.

Акбаев Ш.Х. К вопросу о происхождении посессивных аффиксов в тюркских языках // Тюркологические исследования. М., 1976.

Алиев У.Б. Вопросы сложного предложения в русском и тюркских языках: (на материале русского, карачаевского, балкарского и киргизского языков). Нальчик, 1959, Ч. II (Ал.).

Алиева Н.Ф., Аракин В.Д., Оглоблин А.К., Сирк Ю.Х. Грамматика индонезийского языка. М., 1972.

Алпаров Г. Об агглютинативной особенности татарского языка // Вестн. науч. о-ва татароведения. Казань, 1927.

Аманжолов А.С. Глагольное управление в языке древне-тюркских памятников. М., 1969 (Аманж.).

Амансарыев Ж. Түркмен диалектологиясы. Ашгабат, 1970 (Аман.)

Андреев И.А. Чувашский язык // ЯН СССР, 1966.

Андреев И.А. Имя существительное // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары, 1957. Ч. I.

Андреев И.А. Причастие долженствования на *-malγ (~-melle)* в чувашском языке // Учен. зап. Чуваш. ГПИ. 1958. Ч. VI.

Андреев И.А. Причастие в чувашском языке. Чебоксары, 1961.

Андреев И.А. К вопросу о выделении категории относительных прилагательных

в тюркских языках // Учен. зап. НИИ при Совете Министров Чуваш. АССР. 1966. Вып 32: Вопр. чувашской лит-ры и яз.

Андреев И.А. К вопросу о выделении частей речи в тюркских языках в свете теории о первичной и вторичной синтаксических функциях // Там же. 1970. Вып. 46.

Андронов М.С. Сравнительная грамматика дравидийских языков. М., 1978.

Аразкулиев С. Гарагалпагыстан АССР-ниң Дөртгүл районындакы түркмен геплешиклери. Ашгабат, 1961.

Артыков Г. Түркмен диалектлериниң эдеби диле гатнатыгы барада // Түркмен сезлейиш медениети боюнча очерклер. Ашгабат, 1980.

Арутюнова Н.Д. Морфология // Общее языкознание: Внутренняя структура языка. М., 1972.

Асаналиев У. Лобнор тилинин грамматикалык кыскача очерки. Фрунзе, 1964 (Асан).

Атаев К. Основной, родительный, винительный падежи в туркменском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1959.

Ахатов Г.Х. Диалект западносибирских татар. Уфа, 1963 (Ах.).

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

Ахматов Т.К. Кыргыз тилинин Талас говору. Фрунзе, 1959.

Ахматов Т.К. Звуковой строй современного киргизского литературного языка: Автореф. дис. .. канд. филол. наук. Фрунзе, 1969.

Ахмедов А. Джужский говор узбекского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1962.

Ахметзянов М.И. Исследование татарских шеджере в источниковедческом и лингвистическом аспектах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1981.

Ахметов М.А. Глагол в языке орхоно-енисейских памятников: (В сравнительном плане с современным башкирским языком). Уфа, 1978 (Ахм.).

[*Ахтямов М.Х., Гарипов Т.М.*] Словообразование существительных // Грамматика современного литературного башкирского языка. М., 1981.

Ашмарин Н.И. Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898. Ч. 1: Учение о звуках (фонетика); Ч. 2: Учение о формах (морфология).

Ашмарин Н.И. Основы чувашской мимологии: (О подражательных словах в чувашском языке). Казань, 1918.

Ашмарин Н.И. Подражание в языках Среднего Поволжья // Изв. Азерб. ун-та им. Ленина Сер. обществ наук. 1925. Т. 2/3, 4/5.

Ашмарин Н.И. К вопросу о происхождении латинского названия свинца: (Мимологический этюд) // Науч.-пед. сб. Вост. пед. ин-та. Казань, 1930. Вып. V.

Ашнин Ф.Д. Принципы дифференциации туркменских указательных местоимений // Тр. Ин-та яз. и лит-ры АН ТССР. 1957. N 2.

Ашнин Ф.Д. Принципы дифференциации турецких указательных местоимений // ВЯ. 1958_1. N 2.

Ашнин Ф.Д. Указательные частицы в тюркских языках // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1958_2. Т. 17. Вып. 5.

Ашнин Ф.Д. К этимологии указательных местоименных прилагательных типа азерб. *белә*, гагауз. *бөлө*, тур, *böyle* и туркм. *бейла* // Пробл. востоковедения (М.). 1959. N 6.

Ашнин Ф.Д. Об этимологии азербайджанских, гагаузских, крымско-татарских и турецких имен типа *bura (бура)* 'это место' // Тюркологические исследования. М.; Л., 1963.

Бабушкин Г.Ф., Дондзе Г.И. Шорский язык // ЯН СССР. 1966.

Байчоров С.Я. Северо-Кавказский ареал древнетюркской рунической письменности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977.

Балакаев М.Б. Активизация субъекта в казахском языке // Изв. АН КазССР. Сер. лингв. 1948. Вып. 5.

Бартольд В.В. Соч. М., 1963. Т. II, ч. 1; 1966. Т. IV.

Баруллин А.Н. Некоторые теоретические проблемы словоизменения турецкого существительного // Проблемы языков Азии и Африки: (Фонетика, морфология, синтаксис, семантика). М., 1979.

Баскаков Н.А. Очерк грамматики уйгурского языка // Баскаков Н.А., Насилов В.М. Уйгурско-русский словарь. М., 1939.

Баскаков Н.А. Ногайский язык и его диалекты. М.; Л., 1940. (Баск.$_1$).

Баскаков Н.А. Причастие *на -ды/-тыв* тюркских языках // Тр. Моск. ин-та востоковедения. 1951. Вып. 6.

Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. М., 1951. Т. I: Материалы по диалектологии: (тексты и словарь); 1952_1. Т. II. Фонетика и морфология (Баск.$_2$).
Баскаков Н.А. О соотношении значений личных и указательных местоимений в тюркских языках // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. 1952_2. Вып. 1.
Баскаков Н.А. К вопросу о происхождении условной формы на *-sa/-se* в тюркских языках // Акад. В.А. Гордлевскому к его 75-летию. М.; Л., 1953.
Баскаков Н.А. Структура слога в тюркских языках // ИСГТЯ. 1955. Ч. I: Фонетика.
Баскаков Н.А. Система спряжения или изменения по лицам слов в тюркских языках // Там же. 1956. Ч. II: Морфология.
[*Баскаков Н.А.*] Примечания // Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание: Морфология. М., 1957.
Баскаков Н.А. Алтайский язык. М., 1958.
Баскаков Н.А. Тюркские языки. М., 1960.
Баскаков Н.А. Предисловие // Котвич В. Исследования по алтайским языкам. М., 1962.
Баскаков Н.А. Очерк грамматики ногайского языка // Ногайско-русский словарь. М., 1963.
Баскаков Н.А. Формы глагола на *-чых//-чик~-чу//-чу* в хакасском, тувинском и киргизском языках // Вопросы тюркологии. Ташкент, 1965.
Баскаков Н.А. Диалект черневых татар (туба-кижи): Грамматический очерк и словарь. М., 1966 (Баск.$_3$).
Баскаков Н.А. Об одном древнем типе структуры сказуемого в сары-югурском языке // Тюркологические исследования. М., 1971_1.
Баскаков Н.А. О категориях наклонения и времени // *Структура и история* тюркских языков. М., 1971_2.
Баскаков Н.А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: Диалект кумандинцев (куманды-кижи). М., 1972 (Баск.$_4$).
Баскаков Н.А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков: Словосочетание и предложение. М., 1975_1.
Баскаков Н.А. Грамматика хакасского языка. М., 1975_2 (Баск.$_5$).
Баскаков Н.А. Происхождение форм повелительно-желательного наклонения в тюркских языках // ВЯ 1975_2. N 1.
Баскаков Н.А. Некоторые аффиксы словообразования функциональных форм глагола, общие для алтайских языков // Пробл. алтаистики и монголоведения. Сер. лингв. М., 1975. Вып. 2.
Баскаков Н.А. Форма прошедшего времени глагола на -суӽ~-ӵи в тюркских языках и ее происхождение // СТ. 1978. N 4.
Баскаков Н.А. Историко-типологическая морфология тюркских языков: (Структура слова и механизм агглютинации). М., 1979.
Баскаков Н.А., Инкижекова-Грекул А.И. Хакасский язык: Фонетическая структура. Словарный состав и грамматический строй // Хакасско-русский словарь М., 1953.
Баскаков Н.А., Гаджиева Н.З., Покровская Л.А., Севортян Э.В. О подготовке Диалектологического атласа тюркских языков Советского Союза // ВЯ. 1966. N 3.
Баскаков Н.А., Хамзаев М.Я., Чарыяров Ч. Грамматика туркменского языка. Ашхабад, 1970. Ч. I: Фонетика и морфология.
Батманов И.А. Употребление падежей в киргизском языке. Фрунзе, 1938.
Батманов И.А. Грамматика киргизского языка. Фрунзе, 1940. Ч. III.
Батманов И.А. Принципы построения описательной грамматики киргизского языка // Тр. ИЯЛ АН КиргССР. 1956. Т. 6.
Батманов И.А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959.
Батманов И.А., Арагачи З.Б., Бабушкин Г.Ф. Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962.
Батыров М. Желательные формы глагола в узбекском языке и их соответствие в русском // Вопр. литературоведения и языкознания. Ташкент, 1966. Кн. 6.
БД — Башкирская диалектология: Говоры юго-востока Башкирии. Уфа, 1963.
БДС — Башкирский диалектологический сборник. Уфа, 1959.
Бекбергенов А. Қарақалпақ тилиндеги санлықлардың сакраменталь мәнилери // Қарақалпақ тили бойынша изертлеўлер. Нөкис, 1971.
Бертагаев Т.А. Об анлауте и некоторых этимологических наблюдениях в алтайских языках // Структура и история тюркских языков. М., 1971.

Бишшев А.Г. "Первичные" долгие гласные в тюркских языках. Уфа, 1963.
Бишшев А.Г. Соответствия *-р//-з* в алтайских языках // Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1965. Т. 1.
Бирюкович Р.М. Строй чулымско-тюркского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1980.
Бирюкович Р.М. Морфология чулымско-тюркского языка. Саратов, 1981 (Бирюк.).
Благова Г.Ф. Тюркский аффиксальный плеоназм в сравнительно-историческом и ареально-лингвистическом освещении // ВЯ. 1968. N 6.
Благова Г.Ф. Тенденции к усложнению тюркского падежного склонения // ВЯ. 1970. N 1.
Благова Г.Ф. Строение форм желательного наклонения в тюркских языках и тенденция к сверхнормальному их усложнению // СТ. 1973. N 1.
Благова Г.Ф. К теории тюркского склонения // СТ. 1978. N 5.
Благова Г.Ф. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении: (Юго-восточный регион). М., 1982.
БН — Бабер-Намэ, или Записки Султана Бабера / Изд. в подлинном тексте Н.И. Ильминским. Казань, 1857.
Бобровников А. Грамматика монгольского языка. Казань, 1849.
Богородицкий В.А. Эволюция окончаний родит. падежа в тюркских диалектах // Вест. науч. о-ва татароведения. 1925. N 3.
Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. 1-е изд. Казань, 1934; 2-е изд. М., 1953.
Бодуэн де Куртенэ И.А. Заметки на полях сочинения В.В. Радлова "Einlettende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen" // Живая старина. 1909. Вып II/III.
Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2-х т. М., 1963.
Болд Л. Особенности уйгуро-уреңхайского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Батор, 1978 (Болд).
Боргояков М.И. Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке. Абакан, 1976.
Боржаков А. Личные местоимения в туркменском языке // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1962_1. N 2.
Боржаков А. Вопросительные местоимения в туркменском языке // Там же. 1962_2. N 6.
Боржаков А. Имя действия на *-асы/-еси* в туркменском языке // Там же. 1970. N 1.
Боровков А.К. Таджикско-узбекское двуязычие и вопрос о взаимовлиянии таджикского и узбекского языков // Учен. зап. ИВ АН СССР. 1952. Вып. IV.
Боровков А.К. Краткий очерк грамматики узбекского языка // Узбекско-русский словарь. М., 1959.
Боровков А.К. "Бада'и ал-лугат": Словарь Тали 'Имани Гератского к сочинениям Алишера Навои. М., 1961 (Бада'и).
Боровков А.К. Лексика Среднеазиатского тефсира XII—XIII вв. М., 1963 (Бор.). (Тефс.).
Бородина М.В. [Реф. на кн.:] Вайнен А. Значение конфигурации карт (Weijnen A. The value of the map configuration. Nijmegen, 1977) // РЖ. 1980. Сер. 6. Языкознание. 1979, N 6.
Брим В.А. Система числительных в германских языках // Языковая проблема по числительным. Л., 1927.
Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869. Т. 1 (Буд.); 1871. Т. 2.
Булатов А.Б. Об исчезнувшей функции аффикса *-ин* в тюркских языках // Проблемы тюркологии и истории русского востоковедения. Казань, 1960.
Будина И.К. История глагольных времен в болгарском языке. М., 1970.
Бурганова Н.Б. О временных формах глагола изъявительного наклонения в заказанском говоре // Материалы по татарской диалектологии. Казань, 1974.
Бурганова Н.Б. Система глагола поэмы Мухамедьяра "Техфэи мэрдан" (XVI в.) // Исследование языка древнеписьменных памятников. Казань, 1980.
Вала М.Н. Употребление падежей в кетском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1970.
Василевич Г.М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1940.
Васильев В.П. Об отношении китайского языка к средне-азиатским // Журн. Мин-ва народ. просвещения. 1872. Ч. CXIII.

Векилов А.П. О склонении личных местоимений в турецких диалектах // Тюркологический сборник — 1976. М., 1978.
Вербицкий В.И. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884.
Вернер Г.К. Енисейские числительные первого десятка // Языки народов Сибири. Кемерово, 1980.
Вернер Г.К., Вернер И.Г. О родовой дифференциации в падежных показателях современных енисейских языков // Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л., 1974.
Виноградов В.А. Сингармонизм и фонология слова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.
Виноградов В.А., Реформатский А.А. Сингармонизм, ударение и просодия слова // ВЯ. 1969. N 1.
Виноградов В.В. Русский язык. М.; Л., 1947.
Виноградов В.В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975.
Винокуров И.П. О.Н. Бётлингк о замене падежей в якутском языке // О.Н. Бётлинг и его труд "О языке якутов". Якутск, 1973.
Владимирцов Б.Я. Остатки причастия настоящего времени в монгольском языке // ДАН-В. 1924. Вып. 2.
Владимирцов Б.Я. Mongolica I // ЭКВ. 1925. Вып. I.
Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Л., 1934.
Владимирцов Б.Я., Поппе Н.Н. Из области вокализма монголо-турецкого праязыка // ДАН-В. 1924. Вып. 2.
ВСОГ — Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР: Стеногр. координац. совещ. по пробл. простого предложения и категории залога. Уфа, 1958.
Гаджиева Н.З. Категория долженствовательного наклонения в азербайджанском языке // Вопросы составления описательных грамматик. М., 1961.
Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973_1.
Гаджиева Н.З. О двух источниках развития союзных сложных предложений в тюркских языках // Ст. 1973_2. N 2.
Гаджиева Н.З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. М., 1975.
Гаджиева Н.З. Тюркоязычные ареалы Кавказа. М., 1979.
ГАзЯ — Грамматика азербайджанского языка. Баку, 1971.
Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка. Йошкар-Ола, 1966. Ч. II: Морфология.
Галяутдинов И.Г. Падежные формы и их функционально-семантическое содержание в языке памятника "Таких-намеи булгар" Т. Ялсыгулова // СТ. 1975. N 4.
Ганиев Ф.А. Фонетическое словообразование в татарском языке. Казань, 1973.
Ганиев Ф.А. Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке. Казань, 1974 (Ган.).
Гарданов Х.Ш. Повелительное наклонение и его стилистическое употребление в современном татарском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1969.
Гарипов Т.М. Башкирское именное словообразование. Уфа, 1959 (Гар.).
ГАЯ — Грамматика алтайского языка. Казань, 1869.
ГБЯ — Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. М., 1962.
Гиганов И. Грамматика татарского языка. СПб., 1801.
ГКБЯ — Грамматика карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1976.
ГНЯ — Грамматика ногайского языка: Фонетика и морфология / Под ред. Н.А. Баскакова. Черкесск, 1973.
Гордлевский В.А. Числительное 50 в турецком языке (к вопросу о счете в тюркских языках) // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1945. Вып. IV N 3/4.
Грунина Э.А. Соотношение форм настоящего и будущего по памятникам турецкого языка *XIII–XVI* вв. // Вопросы тюркской филологии. М., 1966_1.
Грунина Э.А. Форма времени на *-a/-e* по памятникам турецкого языка // Тюркологический сборник. М., 1966_2.
Грунина Э.А. Из истории вопросительных местоимений и их производных в турецком языке // Вопросы тюркологии. Баку, 1971_1.
Грунина Э.А. К истории указательных местоимений в турецком языке // Структура и история тюркских языков. М., 1971_2.

Грунина Э.А. Вопрос о варианте нормы в изучении истории турецкого языка // Вест. МГУ. Сер. 13. Востоковедение, 1971₃, N 1

Грунина Э.А. Индикатив в турецком языке (в сравнительно-историческом освещении): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1975.

Грунина Э.А. К истории семантического развития перфекта *-miš* // СТ. 1976₁ N 1.

Грунина Э.А. О форме настоящего-будущего на *-(°)r* в тюркских языках // Тюркологические исследования. М., 1976₂.

Грунина Э.А. К истории форм *peča* и *peža* в турецком языке // Тюркологический сборник — 1976. М., 1978.

Грунина Э.А. [Рец. на кн.:] Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Глагол). Л., 1981 // ВЯ. 1983. N 2.

Грунина Э.А., Поцелуевский Е.А. [Рец. на кн.:] Кормушин И.В. Системы времен глагола в алтайских языках. М.: Наука, 1984. 86 с. // Сов. тюркология. 1985. N 6.

ГСБЛЯ — Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981.

ГСЯЛЯ — Грамматика современного якутского литературного языка. М., 1982.

ГТЯ — Грамматика туркменского языка. Ашхабад, 1970. Ч. 1: Фонетика и морфология.

Гузев В.Г. Староосманский язык. М., 1979 (Гуз.).

Гулакян Б.С. Некоторые проблемы теоретической фонологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1968.

Гулямов А.Г. Об аффиксе *-daš* // Бюл. АН УзССР. 1947. N 1.

ГХЯ — Грамматика хакасского языка. М., 1975.

Данилова Н.И. О соотношении личных и указательных местоимений в якутском языке // Исследования по якутской грамматике и диалектологии. Якутск, 1979₁.

Данилова Н.И. Из истории изучения местоимений в якутском языке // Там же. 1979₂.

Данияров Х. Бахмальский говор узбекского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955 (Дан.).

Данияров Х. Опыт изучения джекающих диалектов в сравнении с узбекским литературным языком. Ташкент, 1975.

Дёрфер Г. О состоянии исследования халаджской группы языков // ВЯ. 1972. N 1.

Джаббарзаде И.Х. Падежи имен существительных в современном азербайджанском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1959.

Джангидзе В.Т. Дманисский говор казахского диалекта азербайджанского языка. Баку, 1965 (Джан.).

Джафаров С. Лексика современного азербайджанского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1959.

Джафаров С.А О происхождении и образовании личных местоимений в тюркских языках // Учен. зап. Азерб. ун-та. Сер. яз. и лит. 1965. N 3 (на азерб. яз.; рез. на рус.).

Джевдет-заде Х., Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого языка. Л., 1934.

Джикия М.С. Морфологическая структура слова в турецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1975.

Джикия М.С. Структура современного турецкого языка. Тбилиси, 1984.

Джикия С.С. К образованию повелительного наклонения в турецких диалектах Восточной Анатолии // Сообщ. АН ГССР. 1974. Т. 5, N 8.

Джуманазаров Ю. Морфологические особенности хазараспского говора узбекского языка: Автореф дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1961 (Джум.).

Джунисбеков А. Гласные казахского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1969.

Джураев Б. Шахрисябский говор узбекского языка: Автореф. дис. .. канд. филол. наук. М., 1959 (Джур.)

Дмитриев Н.К. Указательные местоимения в османском языке // ДАН-В. 1926₁.

Дмитриев Н.К. К вопросу о значении османской глагольной формы на *-мыш* // ЗКВ. 1926₂, Т. II, вып. 1.

[*Дмитриев Н.К.*] Примечания // Джевдет-заде Х., Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого языка. Л., 1934.

Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. М.; Л., 1940 (Дм.).

Дмитриев Н.К. Об указательных местоимениях в башкирском языке // Тр. Ин-та востоковедения. Москва. 1947. N 4.

Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948 (Дм.₁).

Дмитриев Н.К. Вставка и выпадение гласных и согласных в тюркских языках // ИСГТЯ. 1955_1, Ч. I: Фонетика.
Дмитриев Н.К. Неустойчивое положение сонорных *р, л, и* в тюркских языках // Там же 1955_2.
Дмитриев Н.К. Соответствие *р//з* // Там же. 1955_3.
Дмитриев Н.К. Категория принадлежности // ИСГТЯ. 1956_1. Ч. 2: Морфология.
Дмитриев Н.К. Категория числа // Там же. 1956_2.
Дмитриев Н.К. Турецкий язык. М., 1960.
Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. М., 1962 (Дм.$_2$).
Дмитриев Н.К., Горский С.П. Краткий грамматический очерк чувашского языка // Русско-чувашский словарь. М., 1951.
Доможаков Н.Г. О некоторых особенностях сагайского и хакасского (качинского) диалектов // Зап. Хак. НИИЯЛИ, 1956. Вып. 4.
Дондуков У-Ж.Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ, 1964.
ДПЯ — Документы на половецком языке XVI в. М., 1967.
ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.
Дульзон А.П. Чулымско-тюркский язык // ЯН СССР, 1966.
Дульзон А.П. Кетский язык. Томск, 1968.
Дульзон А.П. Общность глагольных форм индоевропейских языков с урало-алтайскими // Вопросы лингвистики. Томск, 1969. Вып. 2.
Дульзон А.П. Кетско-тюркские параллели в области склонения // СТ. 1971_1. N 1.
Дульзон А.П. Некоторые вопросы методики реконструкции общетюркской системы звуков // СТ. 1971_2. N 2.
Дульзон А.П. Происхождение алтайских показателей множественного числа // СТ. 1972. N 2 (Дульз.)
Дульзон А.П. Пратюркское окончание генитива // Языки и топонимия Сибири. Томск, 1975. Вып. 7.
Дульзон А.П. Пратюркские форманты глагольного лица // Тюркологические исследования. М., 1976.
Дульзон А.П. Пратюркское окончание генитива // UAJb. 1976. Bd. 48.
ДХЯ — Диалекты хакасского языка. Абакан, 1973.
Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка. М.; Л., 1940 (Дыр.$_1$).
Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. М.; Л., 1941 (Дыр.$_2$).
Дыренкова Н.П. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948 (Дыр.$_3$).
Дыренкова Н.П. Тофаларский язык // Тюркологические исследования. М.; Л., 1963.
Дьячковский Н.Д. Звуковой строй якутского языка. Якутск, 1976. Ч. I: Вокализм.
Егоров В.Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары, 1954. Ч. I.
Егоров В.Г. Глагол // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары, 1957. Ч. I.
Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. М.; Л., 1965.
Закиев М.З. [Выступление] // Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР: Стеногр. координац. совещ. по пробл. простого предложения и категории залога. Уфа, 1958.
Закиев М. К вопросу о категории падежа в тюркских языках // Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, 1964.
Залеман К.Г. Легенда про Хаким-Ата // Изв. АН. 1898. Т. IX, N 2.
Зейналлин М.В. Модальность долженствования в башкирском языке // СТ. 1973. N 2.
Зиннатуллина К.З. Залоги глагола в современном татарском литературном языке. Казань, 1969.
Зиятова М.Т. Исследование памятника XIV в. "Китаб ат-тухфат уз-закиййа фил-лугат-ит-туркиййа": Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1972.
Золотницкий Н.И. Особенности чувашского языка, зависящие от изменения и выпуска гортанных согласных звуков // Изв. и учен. зап. Казан. ун-та. 1877. N 2.
Золхоев В.И. Фонология и морфология агглютинативных языков: (Особенности функционирования систем фонем). Новосибирск, 1980.
Ибатов А. Қазақ тіліндегі усімдіктер. Алма-Ата, 1961.

Ибатов А.М. Местоимения в казахском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1962.
Ибатов А. Қазақ тіліндегі усімдіктердің тарихынан. Алма-Ата, 1966.
Иванов А.И. К вопросу о падежах в чувашском языке в связи с изучением специфики его // Учен. зап. НИИ при Совете Министров Чуваш. АССР. 1953. Вып. 8.
Иванов А.И. Склонение и его роль в чувашском языке. I // Там же. 1967. Вып. 34; II // Там же. 1968. Вып. 39.
Иванов С.Н. Очерки по синтаксису узбекского языка: (Форма на *-ган* и ее производные). Л., 1959.
Иванов С.Н. Родословные древо тюрок Абу-л-Гази-хана: Грамматический очерк. Ташкент, 1969 (Ив.).
Иванов С.Н. К истолкованию категории принадлежности // СТ. 1973. N 1.
Изидинова С.Р. Фонетические и морфологические особенности крымскотатарского языка в ареальном освещении: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.
Илич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971.
Исенгалиева В.А. Служебные имена и послелоги в казахском языке. Алма-Ата, 1957.
Исламов М.И. Нухинский диалект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1961.
Исламов М.И. Древние формы личных местоимений в диалектах и говорах азербайджанского языка // СТ. 1972_1. N 3.
Исламов М.И. Некоторые указательные местоимения в диалектах и говорах азербайджанского языка // Изв. АН АзССР. Сер. лит., яз. и иск. 1972_2. N 2 (на азерб. яз.; рез. на рус.).
Исламов М.И. Личные местоимения в диалектах и говорах азербайджанского языка // Учен. зап. Азерб. ун-та. Сер. яз. и лит. 1972_3. N 3 (на азерб. яз.; рез. на рус.) (Исл.).
Исламов М.И. Местоимения в диалектах и говорах азербайджанского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1973.
Искаков А.И. О подражательных словах в казахском языке // Тюркологический сборник I. М.; Л., 1951.
Исхаков Ф.Г. Имя существительное // ИСГТЯ. 1956. Ч. 2.
Исхаков Ф.Г. Имя прилагательное // Там же.
Исхаков Ф.Г. Местоимения // Там же.
Исхаков Ф.Г. Числительное // Там же.
Исхаков Ф.Г. Форма настоящего времени изъявительного наклонения в тувинском языке // Там же.
Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка: Фонетика и морфология. М., 1961 (Исх., Пальм.).
Ишанов К. Повелительное и желательное наклонение в современном казахском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1963.
Ишбулатов Н.З. Диалекты и говоры башкирского языка: (краткие очерки) // Вопросы башкирского языкознания. Уфа, 1972 (Ишб.).
Казем-Бек А. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846.
Калмыкова С.А. Акногайский диалект ногайского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1965 (Калм.).
Канюкова А.С. Чувашская диалектология. Чебоксары, 1965.
Канюкова А.С. Особенности некоторых чувашских говоров Татарской АССР и Куйбышевской области // Материалы по чувашской диалектологии. Чебоксары, 1969. Вып. III.
Каримов К. Категория падежа в языке "Кутадгу билиг": Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1962.
Карпов В.Г. Изъявительное наклонение в хакасском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955.
Катанов Н.Ф. Отчет о поездке в 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии // Учен. зап. Казан. ун-та. 1897.
Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903.
Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.

Кенесбаев С. "Жеті", "уш", "тогыз", "карык" пен байланысты угымдар // Изв. АН КазССР. Сер. филол. 1946. Вып. 4(29).
Керимов И.А. Очерки кумыкской диалектологии. Махачкала, 1967.
Киекбаев Дж.Г. Фонетика башкирского языка: (Опыт описательного сравнительно-исторического исследования): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1959.
Киекбаев Дж. Г. О происхождении некоторых падежных форм в урало-алтайских языках в свете теории определенности—неопределенности // Вопросы методологии и методики лингвистических исследований. Уфа, 1966.
Кнорозов Ю.В. Письменность индейцев майя. Л., 1963.
Кобешавидзе И.Н. К характеристике графики и фонемного состава языка орхоно-енисейских надписей // СТ. 1972. N 2.
Козин С.А. К вопросу о показателях множественности в монгольском языке // Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. 1946. N 69.
Коклянова А.А. Категория времени в современном узбекском языке. М., 1963.
Кондратьев В.Г. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970.
Кондратьев В.Г. О некоторых тенденциях развития грамматического строя тюркских языков // Учен. зап. ЛГУ. 1974. N 374. Сер. востоковед. наук. Вып. 17. Востоковедение.
Кононов А.Н. Грамматика узбекского языка. Ташкент, 1948.
Кононов А.Н. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках // Тюркологический сборник — I. М.; Л., 1951.
Кононов А.Н. Тюркские этимологии // Учен. зап. ЛГУ. 1954. N 179. Сер. востоковед. наук. Вып. 4: История и филология стран Востока.
Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956 (Кон.$_1$).
Кононов А.Н. Родословная тукмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.; Л., 1958 (Кон$_2$).
Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960 (Кон.$_3$).
Кононов А.Н. Опыт реконструкции тюркского деепричастия на *-(°)п, -(°)б, -(°)пан, -(°)бан, -(°)банын(н)* // ВЯ. 1965. N 5.
Кононов А.Н. Показатели собирательности-множественности в тюркских языках. Л., 1969 (Кон$_4$).
Кононов А.Н. О фузии в тюркских языках // Структура и история тюркских языков. М., 1971.
Кононов А.Н. Грамматика тюркских рунических памятников VII—IIX вв. Л., 1980 (Кон.$_5$).
Константинова О.А. Эвенкийский язык. М.; Л., 1964.
Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. М., 1970.
Кормушин И.В. О грамматическом и лексическом в глагольных каузативах // Тюркологический сборник. М., 1966.
Кормушин И.В. Явление фузии в истории алтайских языков и его значение для решения проблемы общности алтайских языков // Проблемы общности алтайских языков. Л., 1971.
Кормушин И.В. Каузативные формы глагола в алтайских языках // Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1978.
Кормушин И.В. Системы времен глагола в алтайских языках. М., 1984.
Корнилов Г.Е. К вопросу о центрально-азиатской прародине тюркских предков чувашей // Учен. зап. НИИ при Совете Министров Чуваш. АССР. 1967. Вып. 36.
Королев А.А. История форм множественного числа имен существительных в ирландском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.
Котвич В. Исследования по алтайским языкам. М., 1962.
Котвич В. Местоимения в алтайских языках // Исследования по монгольской филологии. М., 1978 (Котв.).
КРСл — Киргизско-русский словарь / Сост. К.К. Юдахин. М., 1940; 1965.
ҚТДС — Қазақ тілінің диалектологиялық сөздігі. Алматы, 1969.
Кубрякова Е.С. Словообразование // Общее языкознание: Внутренняя структура языка. М., 1972.
Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа: Автореф. дис.... д-ра филол. наук. М., 1974.

Кудайбергенов С. Подражательные слова в киргизском языке. Фрунзе, 1957.
Кудайбергенов С. Кыргыз тилиндеги ат атоочтор. Фрунзе, 1960.
Кудайбергенов С. Са мучосу // Тюркологические исследования. Фрунзе, 1970.
Кузнецов П.И. Происхождение прошедшего времени на -di и имен действия в тюркских языках Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. М., 1960.
Кузнецов П.И. Бессоюзные придаточные предложения с формой на *-duk* в памятниках орхоно-енисейской письменности // СТ. 1971. В 4.
Кузнецов П.И. Система функциональных форм глагола в современном турецком языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1983.
Курышжанов А. Парадигмы склонения в языке письменного памятника XIII—XIV вв. "Codex Cumanicus" / Вопр. истории и диалектологии каз. языка. Алма-Ата, 1958$_1$. Вып.1.
Курышжанов Ә. "Codex Cumanicus" тіліндегі мекендік ұғымды білдіретін септіктердің мағналары // Там же. 1958$_2$.
Курышжанов А.К. и др. Қуманша-қазақша жиіли к сөздік. Алма-Ата, 1978.
Кучигашева Н.А. Теленгитский диалект алтайского языка // Учен. зап. Горно-Алтайского НИИИЯЛ. 1961. N 4.
Кушева Е.Н., Усманов М.А. К вопросу об общественном строе ванахов // СЭ. 1978. N 6.
Кюннаа А. Показатели множественного числа имен существительных в камасинском языке // Советское финно-угроведение. Тарту, 1967. N 4.
Левитская Л.С. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976 (Левит.).
Мавыев Н. Диалект Арабачи туркменского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1975 (Мав.).
Майтинская К.Е. К происхождению местоименных слов в языках разных систем // ВЯ. 1966. N 1.
Майтинская К.Е. К типологии генетической связи личных и указательных местоимений в языках разных систем // ВЯ. 1968. N 3.
Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. М., 1969.
Макаев Э.А. Вопросы именного склонения в древних германских языках // Тр. Ин-та языкознания АН СССР. М., 1959. Вып. 9: Вопросы германистики..
Макаев Э.А. Структура слова в общеиндоевропейском // Проблемы языкознания. М., 1967.
Максютова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. М., 1976 (Макс.).
Малов С.Е. Материалы по уйгурским наречиям Син-дзяна // Сборник "С.Ф. Ольденбургу". Л., 1934.
Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951 (ПДП).
Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков: Тексты и переводы. М.; Л., 1952 (ЕПТ).
Малов С.Е. Древние и новые тюркские языки // Изв. АН СССР ОЛЯ 1952. Т. II, вып. 2.
Малов С.Е. Уйгурский язык. Хамийское наречие. М.; Л., 1954 (Мал.$_1$).
Малов С.Е. Лобнорский язык. Фрунзе, 1956 (Мал.$_2$).
Малов С.Е. Язык желтых уйгуров. Словарь. Грамматика. Алма-Ата, 1957 (Мал.$_3$).
Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959 (ПДПМиК).
Малов С.Е. Уйгурские наречия Синьцзяна. М., 1961 (Мал.$_4$).
Мамедов Ю.К. Имя существительное в орхоно-енисейских памятниках (в сравнении с азербайджанским языком): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1967.
Марр Н.Я. О числительных: (К постановке генетического вопроса) // Языковедные проблемы по числительным. М., 1927. Ч. 1.
Март-Оол К.Б. Личные местоимения в тувинском языке // Учен. зап. Ленинград. гос. пед. ин-та. 1969. Т. 383.
Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1975.
Матвеев Т.М. Некоторые особенности чувашских числительных // Вопросы чувашского языка, литературы и искусства. Чебоксары, 1960.
Матгозиев А. XIX аср ўзбек тилининг морфологиясы. Тошкент, 1977.
Махкамов Н. Аффиксальный и лексико-аффиксальный плеоназм в узбекском языке. Ташкент, 1983.
Махмудов А.Р. Основы сопоставительной фонетики современного русского и азербайджанского языков и ее теоретическое и практическое значение: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1969.

Махмудов Х.Х. Краткий очерк грамматики казахского языка // Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1954.
Маҳмуд Кошғарий. Девону луғотит турк / Таржимон ва нашрга тайёрловчи С.М. Муталибов. Тошкент, 1960-1963. Т. I—III; Индекс-луғат. 1967 (МК).
Махмутова Л.Т. Опыт исследования тюркских диалектов: Мишарский диалект татарского языка. М., 1978 (Махм.).
МГСЧЯ — Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары, 1957.
Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.
Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.
Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-Тегина // ЗВОРАО. 1889. Т. XII, вып. 2, 3.
Мелиоранский П.М. Краткая грамматика казак-киргизского языка. Оренбург, 1894. Ч. I; СПб., 1897. Ч. II.
Мелиоранский П.М. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900.
Мелиоранский П.М. Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского времени. СПб., 1906.
Мельников Г.П. К этимологии отрицания tegül // СТ. 1970. N 4.
Мельников Г.П. Значения и смыслы простых форм гагаузского глагола настоящего и будущего времени // СТ. 1976. N 5.
Менглиева Г. Некоторые фонетические, морфологические и лексические особенности сакарского диалекта туркменского языка // Вопр. диалектологии тюркских языков. Баку, 1966. Вып. IV.
Меновщиков Г.А. Грамматика языка азиатских эскимосов. М.; Л., 1962. Ч. 1.
Мещанинов И.И. Общее языкознание. Л., 1940.
МИБД — Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору. Нальчик, 1962.
Миржанова С.Ф. Кубалякский говор башкирского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1967.
Мирзаев М.М. Ўзбек тилиниг бухоро группа шевалари. Тошкент, 1969 (Мирз.).
Мирзакаримова У. Морфологические особенности "Кисаси Рабгузи": Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1969.
Михайлов М.С. О форме на *-уап* в турецком языке // Вопросы языка и литературы стран Востока. М., 1958.
Моллова М. К истории тюркского вокализма // ВЯ. 1966. N 2.
Монгуш Д.А. О временных формах в тувинском языке // Учен. зап. Тув. НИИЯЛИ. 1959. Вып. VII.
Монгуш Д.А. Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке. Кызыл, 1963
Мочос В.С. К проблеме развития косвенных наклонений (на материале греческого языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1976.
МТД — Материалы по татарской диалектологии // Учен. зап. Казан. ГПИ. 1962. Вып. 2; 1974. Вып. 3; 1976. Вып. 166.
Муратов С.Н. О тюркских аффиксах *-таш, -даш* и *-турук, -дурук* в свете данных алтайских языков // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.
Мусаев К. Способы выражения принадлежности в караимском языке // Тюркологические исследования. М.; Л., 1963.
Мусаев К.М. Грамматика караимского языка. М., 1964 (Мус.).
Мухамедова З.Б. О некоторых архаических чертах в фонетике туркменского языка // Тюркологические исследования. М., 1976 (Мух.).
МЯ — Языки народов СССР. Л., 1968. Т. 5: Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки.
Наджип Э.Н. Современный уйгурский язык. М., 1960.
[*Наджип*] Хорезми. Мухаббат-наме / Изд. текста, транскрипция, пер. и иссл. Э.Н. Наджипа. М., 1961.
Наджип Э.Н. Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XVI века: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1965.
Наджип Э.Н. Уйгурско-русский словарь. М., 1968 (Наджип).
Наджип Э.Н. Тюркоязычный памятник XIV века "Гулистан" Сейфа Сараи и его язык. Алма-Ата, 1975. Ч. 1, 2.
Насилов В.М. Грамматика уйгурского языка. М., 1940

Насилов В.М. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960.
Насилов В.М. Древнеуйгурский язык. М., 1963.
Насилов В.М. Глагольные имена в их развитии в тюркских языках // Вопросы тюркской филологии. М., 1966.
Насилов В.М. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI—XV вв. М., 1974.
Насилов Д.М. Структура времен индикатива в древнеуйгурском языке: (По памятникам уйгурского письма): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963.
Насилов Д.М. Прошедшее время на *-jüq/-juq* в древнеуйгурском языке и его рефлексы в современных языках // Тюркологический сборник. М., 1966.
Насилов Д.М. Формы выражения способов глагольного действия в алтайских языках: (в связи с проблемой глагольного вида) // Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1978.
Насыров Д.С. Становление каракалпакского общенародного разговорного языка и его диалектная система. Нукус; Казань, 1976 (Нас.).
НГДГАЯ — Нахичеванская группа диалектов и говоров азербайджанского языка. Баку, 1962.
Нигматов Х.Г. Соотношение категории времени и наклонения в тюркском глаголе: (По материалам словаря Махмуда Кашгарского) // СТ. 1970. N 5.
Нигматов Х.Г. Залоги глагола в восточно-тюркском языке XI—XII веков // СТ. 1973. N 1.
Нигматов Х.Г. Соотношение категорий падежа и принадлежности в языке тюркских памятников XI—XII веков // СТ. 1977. N 4.
Нигматов Х.Г. Морфология языка восточно-тюркских памятников XI—XII вв.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1978.
Низомиддинова С. Сонниng нумератив сўзлар билан қўлланиши // Ўзбек тили ва адабиёти масалалари. 1959. N 2.
Никифоров Г.А. Об аффиксе множественного числа *-m*//Тр. ИЯЛИ Якут. фил. АНСССР. 1963. Вып. 4(9).
Новикова К.А. Эвенский язык // Языки народов СССР. М., 1968. Т. 5.
НРСл — Ногайско-русский словарь. М., 1963.
Овсепян Л.С. Система именного склонения среднеармянского литературного языка: Автореф дис. ... канд. филол. наук. Ереван, 1969.
ОДТЯ — Очерк диалектов туркменского языка. Ашхабад, 1970.
Оралбаева Н. Аналитические формы глагола в современном казахском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1971.
Орузбаева Б.О. Формы прошедшего времени в киргизском языке. Фрунзе, 1955.
Орузбаева Б.О. Словообразование в киргизском языке. Фрунзе, 1964 (Оруз.).
Павлов И.П. Хальхи чăваш литература челхи: Морфологи. Шупашкар, 1965.
Павлов И.П. К вопросу о происхождении личных местоимений чувашского языка // Проблемы исторической лексикологии чувашского языка (Тр. Чуваш. НИИ. Вып. 97). Чебоксары, 1980.
Панфилов В.З. Грамматика нивхского языка. М.; Л., 1962. Ч. 1.
Панфилов В.З. Философ кие проблемы языкознания. М., 1977.
Патачакова Д.Ф. Форма повелительно-желательного наклонения в диалектах хакасского языка // Вопросы хакасской филологии. Абакан, 1977.
Пашков Б.К. Маньчжурский язык. М., 1963.
Пенжиев М.П. Хэзирки заман түркмен дилинде санлар. Чәржев, 1962 (Пенж.).
Петров Н.Е. Частицы в якутском языке: Фонетика и морфология. М., 1964; Якутск, 1978.
Покровская Л.А. Грамматика гагаузского языка: Фонетика и морфология. М., 1964.
Поливанов Е.Д. Введение в изучение узбекского языка. Ташкент, 1925.
Поливанов Е.Д. Говор кишлака Кыят-Конграт Шаватского района // Сб. тр. Узб. НИИ культ стр-ва. Ташкент, 1934, Т. I, вып. 2.
Поппе Н.Н. Монгольские числительные: Языковедные проблемы по числительным. Л., 1927_1.
Поппе Н.Н. Указательные и вопросительные местоимения в чувашском языке // Вестн. науч. о-ва татароведения. Казань, 1927_2, N 7.
Поппе Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка. М.; Л., 1937.
Постовалова В.И. Фонологическая структура слога: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Харьков, 1888. Т. 1/2; Харьков, 1899. Т. 3; 2-е изд. М., 1958. Т. 1/2.

Поцелуевский А.П. Проблемы стадиально-сравнительной грамматики тюркских языков // Изв. Туркм. фил. АН СССР. 1946. N 3/4.

Поцелуевский А.П. Происхождение личных и указательных местоимений в тюркских языках: (Материалы к истории туркменского языка). Ашхабад, 1947.

Поцелуевский А.П. К вопросу о происхождении формы настоящего времени в тюркских языках юго-западной группы. Ашхабад, 1948.

Поцелуевский А.П. Избранные труды. Ашхабад, 1975.

Поцелуевский Е.А. Нулевая степень качества и описание значения качественных прилагательных и некоторых сочетаний с ними // Проблемы семантики. М., 1974.

Прик О.Я. Очерк грамматики караимского языка: (крымский диалект). Махачкала, 1976 (Прик).

ПСл — *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка: В 3-х т. М., 1958—1959.

Псянчин В.Ш. История развития форм грамматических категорий именных частей речи башкирского и татарского языков // Вопросы башкирского языкознания Уфа, 1975.

Рагимов М.Ш. Форма *-са, -сэ* в памятнике "Китаби-Деде-Коркуд" // Исследования по грамматике и лексике тюркских языков. Ташкент, 1965.

Рагимов М.Ш. История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1966.

Рагимов М.Ш. Формы выражения настоящих и будущих времен в письменных памятниках азербайджанского языка XIV—XVII вв.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук М., 1967.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий: Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialekte. СПб., 1893—1911. Т. I—IV (РСл). Переиздан фотомеханич. способом: М., 1963 и 's. Gravenhage, 1960.

Рамстедт Г.И. Остатки причастия настоящего времени в монгольском языке // ДАН-В. 1924.

Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание: Морфология. М., 1957 (Рамст.).

Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-УДэ, 1971.

Рассадин В.И. Морфлогия тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978 (Расс.).

Расторгуева В.С. Очерки по таджикской диалектологии. М., 1952, Вып. 2; 1956. Вып. 3; 1961. Вып. 4.

Расторгуева В.С. Южные говоры таджикского языка. Душанбе, 1979. Т. 2. (на тадж. яз.).

Раҳматуллаев Ш. Жамловчи сон ясалишидаги чекланишнинг сабаби ҳақида бир мулаҳаза // Узбек тили ва адабиёти масалалари. 1962. N 2.

Ревзин И.И., Юлдашева Г.Д. Грамматика порядков и ее использование // ВЯ. 1969. N 1.

Реформатский А.А. О соотношении фонетики и грамматики (морфологии) // Вопросы грамматического строя. М., 1955.

Реформатский А.А. Введение в языкознание. М., 1967.

Решетов В.В. Узбекский язык // ЯН СССР. 1966.

Ринчинэ А.И. Учебник монгольского языка / Под ред. Т.Д. Санжеева, М., 1952.

Рона-Таш А. Об особенностях чувашского языка, определяющих его положение в системе родственных языков // Актуальные вопросы чувашского языкознания: Тез. докл. и сообщ. на науч. сес., посвящ. 100-летию со дня рождения В.Г. Егорова. Чебоксары, 1980.

Рустамов А. Некоторые падежные особенности языка Навои // Лингвистический сборник Ташкент. 1971.

Рустамов Р.А. Кубинский диалект. Баку. 1961 (Руст.).

Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.

Рясянен М. Об урало-алтайском языковом родстве // ВЯ. 1968. N 1.

Садвакасов Г. Язык уйгуров Ферганской долины. Алма-Ата, 1976. Вып. 2 (Садв.).

Садыгов А.Ш. Об одном неизученном памятнике азербайджанского языка XVI века // СТ. 1972. N 4.

Самойлович А.Н. Опыт краткой крымско-татарской грамматики. Пг., 1916.

Самойлович А.Н. Краткая учебная грамматика современного османо-турецкого языка. Л., 1925.

Самойлович А.Н. Турецкие числительные и обзор попыток их толкования // Языковедные проблемы по числительным. Л., 1927. Т. 1.
Санжеев Г.Д. Маньчжуро-монгольские языковые параллели // Изв. АН СССР. Отд. гуманит. наук. 1930. N 8.
Санжеев Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка. М.; Л., 1941.
Санжеев Г.Д. Современный монгольский язык. М., 1960.
Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953. Т. 1. То же: Глагол. М., 1963.
Санжеев Г.Д. Старописьменный монгольский язык. М., 1964.
Сагранбаев Н.Т. О категории лица повелительного наклонения // Изв. АН КазССР. Сер. филол. 1954. Вып. 1/2, N 135.
СГГЯ — Сравнительная грамматика германских языков. М., 1963. Т. 3; 1966. Т. 4.
Севортян Э.В. К проблеме частей речи в тюркских языках // Вопросы грамматического строя. М., 1955.
Севортян Э.В. Категория падежа // ИСГТЯ. 1956. Ч. 2.
Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке: Опыт сравнительного исследования. М., 1962.
Севортян Э.В. Из истории прилагательных в тюркских языках // Тюркологические исследования. М.; Л., 1963.
Севортян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке: Опыт сравнительного исследования. М., 1966 (Сев.).
Севортян Э.В. Морфологическое строение слова в связи с другими его характеристиками // Тюркологический сборник. 1971. М., 1972.
Севортян Э.В. [Рец. на кн.:] Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков Л., 1970 // ВЯ. 1973. N 5.
Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974 (Сев. I).
Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву "Б". М., 1978.
Севортян Э.Р. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы "В", "Г" и "Д". М., 1980.
Сепир Э. Введение в изучение речи. М.; Л., 1934.
Сергеев Л.П. Основные особенности моргаушского говора // Материалы по чувашской диалектологии. Чебоксары, 1960. Вып. I.
Сергеев Л.П. Урмарский говор чувашского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1965.
Серебренников Б.А. [Заключ. слово] // Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР: Стеногр. координац. совещ. по пробл. простого предложения и категории залога. Уфа, 1958.
Серебренников Б.А. [Заключ. слово] // Вопросы методов изучения истории тюркских языков. Ашхабад, 1959.
Серебренников Б.А. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960
Серебренников Б.А. О происхождении прошедших времен типа *алганмын* и *алыптын* в казахском языке // Вопросы истории и диалектологии казахского языка. Алма-Ата, 1960. Вып. 3.
Серебренников Б.А. Методы изучения истории языков, применяемые в индоевропеистике и тюркологии // Вопросы методов исследования истории тюркских языков. Ашхабад, 1961.
Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков. М., 1963_1.
Серебренников Б.А. О причинах устойчивости агглютинативного строя // ВЯ. 1963_2. N 1.
Серебренников Б.А. Система времен татарского глагола. Казань, 1963_3.
Серебренников Б.А. О некоторых частных деталях процесса образования аффикса множественного числа *-lar* в тюркских языках // СТ. 1970. N 1.
Серебренников Б.А. К проблеме происхождения притяжательных суффиксов в тюркских и уральских языках // Фонетика. Фонология. Грамматика: К 70-летию А.А. Реформатского. М., 1971_1.
Серебренников Б.А. О некоторых проблемах исторической морфологии тюркских языков // Структура и история тюркских языков. М., 1971_2.

Серебренников Б.А. Тюркологические этюды. 1. К проблеме происхождения двух типов личных глагольных окончаний в тюркских языках. 2. К проблеме происхождения *s* в варианте притяжательного суффикса 3-го лица ед. числа -sy(si) // Вопросы тюркологии. Баку, 1971_3.

Серебренников Б.А. К истории суффикса деноминативных глаголов -la в тюркских языках // СТ. 1972. N 5.

Серебренников Б.А. Методы лингвогеографических исследований // Общее языкознание: Методы лингвистических исследований. М., 1973.

Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974_1.

Серебренников Б.А. Из истории звуков и форм тюркских языков // СТ. 1974_2. N 6.

Серебренников Б.А. Заметки по истории тюркских языков // Тюркологические исследования. М., 1976.

Серебренников Б.А. О некоторых трудных проблемах исторической грамматики тюркских языков // СТ. 1979. N 3.

Серебренников Б.А. Загадка аффиксального аблаута *a:y* в тюркских языках // СТ. 1980. N 3.

Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.

СИГТЯ. Фонетика — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика. М., 1984.

Соколов С.А. Конъюкционализация в турецком языке // СТ. 1977. N 2.

ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975. Т. I; 1977. Т. II.

Стеблин-Каменский М.И. История скандинавских языков. М.; Л., 1953.

Стеблин-Каменский М.И. Древнеисландский язык. М., 1955.

Степанян В.А. Семантико-синтаксическая категория притяжательности в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.

СТЛЯ — Современный татарский литературный язык: Лексикология, фонетика, морфология. М., 1969.

Суник О.П. Общая теория частей речи. М.; Л., 1966.

Суник О.П. Существительное в тунгусо-маньчжурских языках. Л., 1982.

Суюныев Х.И. Личные местоимения в карачаево-балкарском и монгольском языках // Тр. Карачаево-Черкесского НИИ экономики, истории, яз. и лит. 1968. Вып. 5.

Суюнчев Х.И. Об Н-именном и Н-местоименном // Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР: Тез. докл. и сообщ. II Всесоюз. тюркол. конф. Алма-Ата, 1976.

Суюнчев Х.И. К происхождению согласных инициалей падежных аффиксов в тюркских языках // Языкознание: Тез. докл. и сообщ. III Всесоюз. тюркол. конф. Ташкент, 1980.

"Таржумон" — XIV аср ёзма обидаси. Тошкент, 1980.

ТДС — Татар теленең диалектологик сүзлеге. Казан, 1969.

Текин Т. Проблема классификации тюркских языков // Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата, 1980.

Тенишев Э.Р. Указатель грамматических форм к "Дивану тюркских языков" Махмуда Кашгарского // Вопр. казахского и уйгурского языкознания. (Тр. Ин-та языкознания АН КазССР). Алма-Ата, 1963. Т. 3.

Тенишев Э.Р. "Кутадгу билиг" и "Алтун ярук" // СТ. 1970. N 4.

Тенишев Э.Р. К понятию "общетюркское состояние" // СТ. 1971_1. N 2.

Тенишев Э.Р. К истории тюркского условного наклонения // Studia Turcica. Bp., 1971_2.

Тенишев Э.Р. Строй саларского языка. М., 1976_1 (Тен.$_1$).

Тенишев Э.Р. Строй сарыг-югурского языка. М., 1976_2 (Тен.$_2$).

Тенишев Э.Р. О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников // Turcologica. Л., 1976_3.

Тенишев Э.Р. Отражение диалектов в тюркских рунических и уйгурских памятниках // СТ. 1976_4, N 1.

Тенишев Э.Р. Тюркские "один", "два", "три" // Тюркологический сборник 1974. М., 1978.

Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х. Язык желтых уйгуров. М., 1966.

Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. М., 1951.

Тодаева Б.Х. Монгольские языки и диалекты Китая. М., 1960.

Тодаева Б.Х. Дунсянский язык. М., 1961.
Тодаева Б.Х. Баоаньский язык. М., 1964.
Тодаева Б.Х. Монгорский язык; Исследование, тексты, словарь. М., 1973.
Тодаева Б.Х. Опыт лингвистического исследования эпоса // Джангар. Элиста, 1976.
Трофимов М.И. Некоторые фонетические особенности слога в современном уйгурском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1975.
Трофимов М.И. Фонетические процессы в слоге в современном уйгурском языке. Алма-Ата, 1978.
ТРСл — Тувинско-русский словарь / Под ред. А.А. Пальмбаха. М., 1955; Под ред. Э.Р. Тенишева. М., 1968.
Туляков С. Морфологические особенности наманганского говора узбекского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1965.
Тумашева Д.Г. Язык татар Западной Сибири (тюменьский говор) // Учен. зап. Казан. ун-та. 1956. Т. 116. кн. 11. (Тум.$_1$).
Тумашева Д.Г. Хәзерге татар әдәби теле морфологиясе. Казан, 1964.
Тумашева Д.Г. Язык сибирских татар. Казань, 1968. Ч. 2.
Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар. Казань, 1969 (Тум.$_2$).
Тур.-РСл — Турецко-русский словарь. М., 1977.
Туркм.-РСл — Туркменско-русский словарь. М., 1968.
ТХС — Турецкая хрестоматия со словарем. М., 1931.
ТЯ — Языки народов СССР. М., 1966. Т. 2: Тюркские языки.
Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. 1: Простое предложение. М.; Л., 1950 (Убр.).
Убрятова Е.И. Служебное слово *киэ* в якутском языке // Акад. В.А. Гордлевскому к его 75-летию. М., 1953.
Убрятова Е.И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М., 1960.
Убрятова Е.И. Усилительное повторение основы слова в форме зависимого от нее члена предложения в якутском языке // Тюркологические исследования. М.; Л., 1963.
Убрятова Е.И. Задачи сравнительного изучения тюркских языков // Тюркологический сборник — 1970. М., 1970.
Убрятова Е.И. Краткий грамматический очерк якутского языка // Якутско-русский словарь. М., 1972.
Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Сложное предложение. Новосибирск, 1976. Кн. 1,2 (Убр.)
ЎДМ — Ўзбек диалектологиясидан материаллар, I. Тошкент, 1957.
Умаров Э.А. Грамматика староузбекского языка "Мабани ул-лугат" Мирзы Мехдихана: Автореф. дис. ... канд. филол. наук.Ташкент, 1967.
Уртебиев И.Х. Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1963.
Фазылов Э. К истории взаимно-совместного залога // Исследования по грамматике и лексике тюркских языков. Ташкент, 1965$_1$.
Фазылов Э. Материалы по истории узбекского языка // Вопросы тюркологии. Ташкент, 1965$_2$.
Фазылов Э. Староузбекский язык: Хорезмийские памятники XIV века. Ташкент, 1966. Т. I; 1971. Т. II. (Фаз.).
Фазылов Э.И. Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ташкент, 1967.
Фазылов Э.И., Зияева М.Т. "Изысканный дар тюркскому языку: (Грамматический трактат XIV в. на арабском языке)": Введ. лексико-граммат. очерк, пер. глоссарий, граммат. указ. Ташкент, 1978.
Файзуллаева Ш.А. Исследование языка памятника XIV в. "Китāбу булгат ал-муштāл фи лугат ат-турк ва-л-кифчāк" Джамал Ад-Дина ат-Туркй: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1969.
Феоктистов А.П. Категория притяжательности в мордовских языках. Саранск, 1963.
Фомин С.В. Системы счисления. М., 1980.
Хабичев М.А. Местоимение в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1961.
Хабичев М.А. Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971.
Хайрутдинова Т.Х. Говор златоустовских татар: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1980.
Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских бургар. М., 1978 (Хакимз.).

Халмурадов А. Препозитивные словообразовательные элементы в узбекском литературном языке (заимствованные из таджикского и русского языков): Автореф. дис. .. канд. филол. наук. М., 1983.

Ҳамдамов П. Нумеративларнинг қулланишига кўра турлари // Ўзбек тили ва адабиёти масалалари. 1971. N 2.

Харитонов Л.Н. Современный якутский язык: Фонетика и морфология. Якутск, 1947. Ч. I. (Хар.$_1$).

Харитонов Л.Н. Типы глагольной основы в якутском языке. М.; Л., 1954.

Харитонов Л.Н. Залоговые формы глагола в якутском языке. М., 1963 (Хар.$_2$).

Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.

Хәлилов Р., Әлизадә А. Азәрбајчан дилиндә нумератив сөзләр // Материалы научно-технической конф. молодых ученых АН АзССР. Сер. обществ. наук. Баку, 1957. Вып. 1.

Цаплина Р.Ц. Особенности некоторых чувашских говоров Татарской АССР, Куйбышевской области // Материалы чувашской диалектологии. Чебоксары, 1969. вып. III.

Цинциус В.И. Множественное число имени в тунгусо-маньчжурских языках // Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. 1946. Вып. 10.

Цинциус В.И. К этимологии алтайских терминов родства // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.

Чадамба З.Б. Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974 (Чад.).

Чайковская А.И. Тюркская грамматика в арабоязычных филологических трактатах XIII—XIV вв.: (Глагол). Ташкент, 1984.

Чанышев Я.А. К этимологии тюркских числительных первого десятка // Теория и практика этимологических исследований. М., 1985.

Чарыяров Б. Гүнорта-гүнбатар түрки диллерде ишлик заманлары. Ашгабад, 1969.

Чарыяров Б.Ч. Особенности употребления определенного будущего времени в тюркских языках // СТ. 1977. N 2.

Чарыяров М.П. Времена глагола в тюркских языках юго-западной группы: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ашхабад, 1970.

Черкасский М.А. Тюркский вокализм и сингармонизм. М., 1965.

Чернышев В.И. О "стержневых" именах числительных в русском и казахском языках // Изв. АН КазССР. Сер. филол. 1946. N 4(29).

Чечейбаева Н. Имя числительное в киргизском языке: Автореф. дис. .. канд. филол. наук. Фрунзе, 1971.

Чунжекова Е.Н. Имя числительное // Зап. Горно-Алтайского НИИИЯЛ. 1962 N 5 (Чунж.).

Чуркин Т.Я. Опыт изучения чувашских говоров Сундырского района: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1950.

Чхаидзе М.П. Проблема спаренных глаголов: (на материале марийского языка и других языков различных типов): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1967.

Шакирова Р.Ф. Говор татар Красно-Октябрьского района Горьковской области М., 1949.

Шалекенова М.К. Указательные местоимения и их особенности в каракалпакском языке // Вест. Каракалп. фил. АН УзССР. 1969. N 1.

Шалекенова М.К. Местоимения в современном каракалпакском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1970.

Шарипов Х. Узбекские говоры Южной Киргизии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1967.

Шерматов А. Қуйи қашқадарё ўзбек шевалари. Тошкент, 1972 (Шерм.).

Ширәлијев М. Азәрбајчан диалектолокијасынын әсаслары. Баку, 1962. (Шир.).

Шукуров Ш. Настоящие и будущие времена глаголов в письменных памятниках староузбекского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1960.

Шукуров Ш. Наклонения и времена глагола в письменных памятниках узбекского языка в сравнительном освещении: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ташкент, 1974.

Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958. Т. 1.

Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X - XIII вв. из Восточного Туркестана. М.; Л., 1961.

Щербак А.М. Грамматика староузбекского языка. М.; Л., 1962.

Щербак А.М. К вопросу о формах на -га, -ru, -ry в тюркских языках // СТ. 1970_1. N 6.
Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970_2.
Щербак А.М. О некоторых особенностях образования падежных форм в тюркских языках // ВЯ. 1971. N 1.
Щербак А.М. Существовал ли в тюркском праязыке дательно-направительный падеж на -к? // СТ. 1973. N 3.
Щербак А.М. Формы желательного наклонения в тюркских языках // Turcologica. Л., 1976_1.
Щербак А.М. О происхождении условного наклонения в тюркских языках // СТ. 1976_2. N 2.
Щербак А.М. О происхождении прошедшего времени на -di в тюркских языках // Hungaro-Turcica: Studies in honour of J. Németh. Bp., 1976_3.
Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя). Л., 1977 (Щерб.).
Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Глагол). Л., 1981.
Эдельман Дж. И. Дардские языки. М., 1965.
Эрнитс Э. К происхождению числительного 'один' в разных семьях языков // Советское финно-угроведение. 1973. N 3.
ЮГТЯ — Южные говоры таджикского языка. Душанбе, 1979. Т. 2.
Юдахин К.К. Киргизское üč 'пять' // Тр. Ин-та востоковедения. Москва. 1940. N 2.
Юлдашев А.А. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., 1958.
Юлдашев А.А. Глаголы чувственного восприятия // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.
Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965.
Юлдашев А.А. К характеристике тюркских сложных слов // ВЯ. 1969. N 5.
Юлдашев А.А. Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972.
Юлдашев А.А. Лексикализация тюркских грамматических форм // ВЯ. 1976. N 1.
Юлдашев А.А. Историческое развитие взаимного залога // СТ. 1980. N 4.
Юнусалиев Б.М. Киргизская лексикология. Фрунзе, 1959. Ч. I (Юн.).
Юнусов А. Исследование памятника XIV в. "Таржуман туркӣ ва 'ажамӣ ва мугалӣ": Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1973.
ЯЛНС — Языки и литература народов Сибири. Новосибирск, 1970.
ЯН СССР — Языки народов СССР. М., 1966. Т. 2: Тюркские языки.
ЯРСл — Якутско-русский словарь / Под ред. П.А. Слепцова. М., 1972.
Ястремский С.В. Падежные суффиксы в якутском языке. Иркутск, 1898.
Ястремский С.В. Грамматика якутского языка. Иркутск. 1900; М., 1938.
Aalto P. Altaistica II. The Suffixes -lar, -nar, -lär // StO. 1952. 17, 7.
Arat R.R. Kutadgu bilig. Istanbul, 1979. III: Indeks.
Aschnin F.D. Die Demonstrativpronomina im Turkmenischen // ALH. 1962. T. 12. Fasc. 1/2.
Aşnin F.D. Arapçanın جيل 'at' kelimesi İran ve Türk dillerinde: (Oğuz dillerindeki gösterme sıfatlarının etimolojisi üzerine) // XI Türk dil kurultayında okunan bilimsel bildiriler. 1966. Ankara, 1968.
Bang W. Zum auslautenden *n* im Altaischen // T'oung Pao. Leiden, 1895_1, 6.
Bang W. Zur vergleichenden Grammatik der altaischen Sprachen. I. Zum Genitiv-Affix // WZKM. 1895_2. 9.
Bang W. Zu den koktürkischen Inschriften der Mongolei // T'oung Pao. 1896. 7.
Bang W. Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen. I // SBAW. 1916. 22; II // SBAW. 1916. 37; III: Stück: Über das Posessivsuffix *-sï* und einige seiner möglichen Verwandten // SBAW, 1916_1. 51.
Bang W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen. B., 1917_1. I; 1919. II, III; 1921. IV.
Bang W. Turcica // Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaaft. Leipzig, 1917_2. 2.
Bang W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen. I. Über das türkische Interrogativpronomen // ABAW. 1917_3. N 6; 1921. N 2.
Bang W. Zu den türkischen Zeitbestimmungen // Túrán. 1918_1. T 1/2.
Bang W. Beiträge zur türkischen Wortforschung. I // Túrán. 1918_2. N 5; II // Túrán. 1918_3. N 9/10.
Bang W. Monographien zur türkischen Sprachgeschichte. Heidelberg, 1918_4.
Bang W. Das negative Verbum der Türksprachen // SBAW. 1923. 17.
Bang W. Türkische Bruchstücke einer nestorianischen Georgspassion // Muséon. 1926. 39.

Bang W., Gabain A. von. Türkische Turfan-Texte. B., 1929.
Bang W. Türkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut: Siebenter Brief // UJB. 1930. Bd. X, H. 1/2; 1934. Bd. 14. H. 3.
Bang W., Rachmati G.R. Die Legende von Oghuz Qaghan // SBAW. 1932. 25.
Bazin L. Les classes du verbe turc // BSL. 1966. T. 61, fasc. 1.
Benzing J. Tschuwaschische Forschungen. I // ZDMG. 1940. Bd. 94, H. 2; IV // ZDMG. 1942. Bd. 96, H 3.
Benzing J. Die tungusischen Sprachen: Versuch einer vergleichenden Grammatik. Wiesbaden, 1956.
Benzing J. Das Tschuwaschische // PhTF. 1959. Bd. 1.
BN — The Bābar-name / Ed. by A. Beveridge. Leyden; L., 1905.
Böhtlingk O. Kritische Bemerkungen zur zweiten Ausgabe von Kasem-bek's türkisch-tatarischer Grammatik, zum Original und zur deutschen Übersetzung von Dr. J.Th. Zenker // Bul. Acad. Impér. Sciense. СПб., 1848. 5.
Böhtlingk O. Zur türkische-tatarischen Grammatik // Ibid. 1849. 6.
Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten: Grammatik: Text und Wörterbuch. СПб., 1951 (Böhtl.).
Brockelmann C. Zur Grammatik des Osmanisch-Turkischen // ZDMG. 1916. Bd. 70.
Brockelmann C. Ali's Qissa-i-Jûsuf der älteste Vorläufer der osmanischen Literatur // ABAW. Jahr. 1916. Phil.-hist. Kl. 1917. N 5.
Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954.
Brynjoeśkyi M. Ort- und Zeitbezeichnungen im Wolga-tatarischen // UAJb. 1957. 29, 1/2.
Budenz-Album. Bp., 1884.
Caferoğlu A. Türkçede "daš" lâhikası. Istanbul. 1929.
Castrén M.A. Versuch einer burjätischen Sprachlehre. СПб., 1857.
Castrén M.A. Uber die Personalaffixe in der altaischen Sprachen // Castrèn M.A. Nordische Reisen und Forschungen. T. 5. Kleinere Schriften. СПб., 1862.
CC — см. *Grønbech K.*
Clauson G. The Turkish Numerals // JRAS. 1959. Apr.
Deny J. Grammaire de la langue turque. P., 1921.
Deny J. Langues turques, langues mongoles et langues tongouzes // Langues du Monde. P., 1924; 1952.
Deny J. Structure de la langue turque // IX Conf. Inst. linguist. Univ. Paris, Anne 1949. P., 1950.
Deny J. Principes de grammaire turque: ("Turk" de Turquie). P., 1955.
Deny J. L'osmanli moderne et le Turque // PhTF. 1959. Bd. 1.
Deny J. L'Arméno-coman et les "Ephémérides" de Kamieniec: (1604—1613). Wiesbaden, 1957.
DLT — Diwanü lûgat-it-Türk. Ankara, 1939. T. I; 1940. T. II; 1941. T. III.
Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1965. Bd. II.
Doerfer G. Khalaj materials. Bloomington; The Hague, 1971. (Doerf.).
Doerfer G. Der Imperativ im Chaladsch // FUF. 1972. Bd. 29.
Doerfer G. Das Vorosmanische // TDAY-B (1975/1976). 1976.
Doerfer G. Zu türk. bana 'mir', sana 'dir' // CAJ. 1977_1. Bd. 21, H. 3—4.
Doerfer G. Das Bodschnurdi, ein türkischer Dialekt in Chorasan: Ostpersien // Abhandlung zur Erlangung der Doktorwürde der Philos. Fak. I der Universität. Zürich, 1977_2.
Doerfer G. Das Chorasantürkische // TDAY-B (1977). 1978.
Doerfer G., Tezcan S. Wörterbuch des Chaladsch (Dialekt von Charrab) // Bibliotheca Orientalis Hungarica. Bp., 1980. XXVI (Doerfer, Tezcan).
DS — Türkiyede Halk ağzından derleme sözlüğü. Ankara. 1963.
Eckmann J. Chagatay manual. Bloomington, 1966.
Eckmann J. Middle Turkic Glosses of the Ryland's interlinear Koran Translation. Bp., 1976 (Eck.).
Edip K. Urfa ağzı. Istanbul, 1945.
Emre A.C. Türkçede isim temelleri. Istanbul, 1943.
Ergin M. Dede Korkut Kitabi. Ankara, 1963. II: Indeks-gramer (Ergin).
Ettuh. — *Atalay B.* Ettuhfer-üz-zekiyye fil-lugat-it-türkiye. Istanbul, 1945.
Fázsy Sr. Das Bodschnurdi eintürkischer Dialektinchorasan Ostpersien. Göttingen, 1977 (Fázsy).
Fuccani R. Еще раз о числительном "девяносто" // Russian Linguistic. 1983. 7.

Gabain A. von. Türkologie in Polen // Polski Biuletyn Orientalistyczny. W-wa, 1939. T. 2. — Рец. на кн.: Kotwicz W. Les pronoms dans les langues altäiques. Kraków, 1936.
Gabain A. von. Die Natur des Prädikats in den Türksprachen // Körösi Csoma-Archivum, 1940. Bd. III, H. 1.
Gabain A. von. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950_1; Wiesbaden, 1974 (Gab.).
Gabain A. von. Die Pronomina im Alttürkichen // ZDMC. 1950_2. 100.
Gabain A. von. Ein türkmenisches Volksmärchen // UAJb. 1959_1. T. 31.
Gabain A. von. Türkische Turfan-Texte. B., 1954. VIII; 1959_2. X.
Gabain A. von. Charakteristik der Türksprachen // Handbuch der Orientalistik. Abt. 1. Bd. 5. Altaistik. Abschn. 1. Turkologie. Leiden, Köln, 1963.
Gabain A. von. [Рец. на кн.:] Poppe N. Tatar manual descriptive grammar and texts, with a Tatar-English glossary. The Hague, 1963. (Ind. Univ. publ. Uralic and Altaic ser.; Vol. 25) // UAJb. 1966. T. 38.
Gabain A. von. Primäre und sekundare Kasus im Alttürkischen // Studies in General and Oriental linguistics / Presented to Shirô Hattori on the occasion of his 60-th birthday. Tokyo, 1970.
Gombocz Z. Az altaji nyrlvek hangtörtenethez // NyK. 1905. N 35.
[*Gökyay O.Ş.*] Dedem Korkudun Kitabi / Hazırlayan O.Ş. Gökyay. Istanbul, 1973 (Gökyay).
Crønbech K. Der türkische Sprachbau. Kopenhagen, 1936.
Crønbech K. Komanisches Wörterbuch. Kopenhagen, 1942 (CC; KW).
Crønbech V. Forstudier til turkisk Lydhistorie. Köbenhavn, 1902.
Hartmann M. Zur türkischen Dialekthundes // KSz. 1900. T. 1.
Hazai G. Les dialectes turcs du Rhodope // AOH. 1959. T. 9, fasc. 2.
Hazai G. Das Osmanisch-Türkische im XVII. Jahrhundert. Bp., 1973.
Jarring G. An Eastern Turki-English Dictionary. Lund, 1964 (Jar.).
Joki A.J. Die Lehnwörter des Sajan-Samojedischen // MSFOu. 1952. 103.
KB I — Kutadgu bilig. I. Metin / R.R. Arat. Istanbul, 1947.
KB II — Das Kutadgu Bilig. Teil II. Text und Übersetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo / Hrg. W. Radloff. СПб., 1900. Lief. 1.
KB III — Kutatgu Billig. III. Index / R.R. Arat. Istanbul, 1979.
Korkmaz Z. Nevşehir ve Yöresi ağızları. I. Ses bilgisi. Ankara, 1963.
Korkmaz Z. -Asy/-esi gelecek zaman isim füli // TDAY-B. (1968). 1969.
Kotwicz W. Contribution aux études altaique. II // RO. 1930. T. 7.
Kotwicz W. Contributions aux études altaiques. V. N nominal // RO. 1936_1. T. 12.
Kotwicz W. Les pronoms dans les langues altaiques. Kraków, 1936_2.
Kotwicz W. Studia nad językami altajskimi // RO. 1953. T. 16.
Kowalski T. Karaimische Texte im Dialekt von Troki. Kraków, 1929.
Kowalski T. Próba charakterystyki języków tureckich // Mysl karaimska. S.N. Wrocław, 1946. T. 1.
Kraelitz-Greifenhorst F. von. Zur Etymologie des türkischen Zahlwortes iki 'zwei' // WZKM. 1929. 36, 3/4.
KW — см. *Crønbech K.*
Le Coq A. von. Türkische Manichaica aus Chotscho. I // ABAW. 1911_1 Anhang.
Le Coq A. von. Sprichwörter und Lieder aus der Gegend von Turfan, mit einer dort aufgenommenen Wörterlista // Baessler Archiv. Beiheft 1. Leipzig; B., 1911_2 (Le Coq).
Lewicki M. Przyrostki przysłówkowe *-ra~-rä, -ru~-rü, -ri~-ri* w językach altajskich // Collectanca Orientalia. 1938. 15.
Ligeti L. Sur la langue des afchars d'Afghanistan // AOH, 1957. T. 7.
Menges K.H. Das Čagatajische in der persischen Darstellung von Mīrzā Mahdi Xān. Wiesbaden, 1957.
Menges K.H. Die türkischen Sprachen Süd-Sibiriens. III. Tuba (Sojon) und Karagas. 2. Zur Charakteristik einer einzelnen sibirisch-türkischen Gruppe // CAJ. 1959. Vol. V.
[*Menges K.H.*] The Turkic Languages and Peoples: An Introduction to Turkic Studies / K.H. Menges. Wiesbaden, 1968_1.
Menges K.H. Die tungusischen Sprachen // Handbuch der Orientalistuk. Bd. 5. Altaistik. Absch. 3. Tungusologie. Leiden; Köln, 1968_2.
Minorsky V. The Turkish Dialect of the Khalaj // BSOS. 1940. Vol. 10, pt 2.
Mollova M. Parler turc de Florina // Балканско езикознание. София, 1968. 8, 1.

Mundy C.S. Türkich syntax as a system of Qualification // Bul. School Orient. and African stud. L., 1955. Vol. 17.
Munkácsi B. Az altáji nyelvek szamképzése // Budenz-Album. Bp., 1884.
Munkácsi B. [Рец. на кн.:] Bang W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen. I // KSz. 1918/1919. 18.
Németh J. Die türkisch-mongolische Hypothese // ZDMG. 1912. Bd. 75, H. 4.
Németh J. Die Volksnamen quman und qūn // KCsA. 1940. Bd. 3, H. 1.
Patrubany L. A csuvas többszámrol // NyK. 1881—1883. 17.
Pelliot P. L'origine de T'ou-kiue, nom chinois des Turcs // T'oung Pao. 1915. 16.
PhTF — Philologiae Turcicae Fundamenta. Wiesbaden, 1959. Bd. 1.
Poppe N. Türkisch-tschuwaschische vergleichende Studien // Islamica. 1925. Bd. 1, fasc. 4 (Lipsiae).
Poppe N. Plural Suffixes in the Altaic Languages // UAJb. 1952. 24, N 3/4.
Poppe N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Wiesbaden, 1960.
Poppe N. Introduction to altaic Linguistica. Wiesbaden, 1965.
Poppe N. On some Altaic case forms // CAJ. 1977. N 1.
Pritsak O. Stammesnamen und Titulaturen der Altaischen Völker // UAJb. 1952. 24, N 1/2.
Pritsak O. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren // UAJb. 1954. 26.
Pritsak O. Tschuwaschische Pluralsuffixe // Ural-Altaische Bibliothek. V. Studia Altaica. Wiesbaden, 1957.
Pritsak O. Bolgaro-Tschuwaschica // UAJb. 1959. 30.
Pritsak O. Die Herkunft des tschuwaschischen Futurums // Wiener Zeitschrift für die Kunde der Morgenlandes. Wien, 1960. T. 56.
Pritsak O. Das Alttürkische // Handbuch der Orientalistik. Abt. 1. Bd. 5. Altaistik. Abschn. 1. Türkologie. Leiden; Köln, 1963.
Pröhle W. Balkarische Studien // KSz.1914/1915. 15.
Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. СПб., 1897.
Radloff W.W. Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen // Зап. АН Сер. VIII. 1906. Т. 7, N 7.
Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen // Там же. 1908. Т. 8. N 7.
Ramstedt G.J. Über die Konjugation des Khalkha-mongolischen // MSFOu. 1903. T. 19.
Ramstedt G.J. Über mongolische Pronomina // JSFOu. 1906. 23/3.
Ramstedt G.J. Über die Zahlwörter der altaischen Sprachen // Extrait du JSFOu. 1907. 24.
Ramstedt G.J. Zur Verbalstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen // JSFOu. 1912. 28 (Ramst.).
Ramstedt G.J. Zwei uigurische Runen-Inschriften in der Nord-Mongolei // JSFOu. 1913. 30.
Ramstedt G.J. Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen // JSFOu. 1922/1923. 38.
Ramstedt G.J. Die Verneinung in den altaischen Sprachen // MSFOu. 1924. 52.
Ramstedt G.J. Zum türkischen Konditional // FUF. 1946. 29, 1—3.
Ramstedt G.J. Studies in Korean Etymology. Helsinki, 1949.
Ramstedt G.J. Über die Stellung des Koreanischen // JSFOu. 1951_1. N 55.
Ramstedt G.J. Kleine altaistische Beiträge. II. Die Pluralendung mo. *-nar;* tü. *-lar* // JSFOu. 1951_2. N 55.
Ramstedt G.J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. I. Lautlehre. Helsinki, 1957.
Ramstedt G.J., Gränö J.G., Aalto P. Materialen zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei // JSFOu. 1958. N 60.
Räsänen M. Beiträge zur Frage der türkischen Vokalharmonie // JSFOu. 1932. N 45.
Räsänen M. Aus der türkischen Formenlehre // JSFOu. 1939. 7.
Räsänen M. Materialen zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen. Helsinki, 1949.
Räsänen M. Materialen zur Morphologie der türkischen Sprachen // StO. 1957. Bd. 21.
Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969 (Räs.).
Ross D. Dialogues in the Eastern Turki Dialect. L., 1932.
Róna-Tas A., Fodor S. Epigraphica Bulgarica. Szeged, 1979 (Rón.).
Schott W. Versuch über die tatarischen Sprachen. B., 1836.
Schott W. Die lingua Tschuwaschorum. B., 1842.
Schott W. Über das altaische oder finnisch-tatarische sprachgeschlecht. B., 1849.
Schott W. Altaische Studien. B., 1860—1872.

Serebrennikow S.A. Zur Geschichte des Perfekts in den türkischen Sprachen // AOH. 1961. 12, 1—3.
Sinor D. On some Ural-Altaic Plural Suffixes // Asia Major. N.S. 1952. Vol. 2. pt 2.
Stankiewicz E. Unity and variety in the morphonemic patterns of the Slavic declensions // Amer. Contrib. V Intern. congr. Slavists (Sofia, 1963). The Hague, 1963.
Tekin T. A grammar of Orkhon Turkic. Bloomington, 1968 (Tekin).
Tekin Ş. Maitrisimit nom bitig: Die uigurische Übersetzung eines Werkes der buddhistischen Vaibhāṣika-Schule. T. 2. Analytischen und rückläufiger Index. B., 1980.
Telegdi S. Eine türkische Grammatik in arabischer Sprache aus dem XV. Jahrhundert // KCsA. 1937. Ergänzungsband 1, H. 3.
Telegdi Zs. Bemerkungen zu einigen Theorien bezüglich der Wortarten // Acta Linguistica Hungarica. 1958. T. VIII; fasc. 1.
Temir A. Die Konjunktionen und Satzeinleitungen im Alt-Türkischen. I, II // Oriens. Leiden, 1956. Bd. 9. N 1.
TH — Türk hikäyeleri. Sofia, 1956.
Thomsen V. Turcica, études concernant l'interprétation des inscriptions turques de la Mongolie et de la Sibérie // MSFOu. 1916. T. 37.
Tryjarski E. Disctionnaire armeno-kiptchak d'aprés trois des collections viennoises. W-wa, 1968, 1969, 1972. T. 1, fasc. 1—4 (Tryjar.).
TS (Tarama II) — XIII yüzyıldan beri Türkiye Türkçesiyle yazılmış kitaplardan toplanan tanıklarıyle tarama sözlüğü. Ankara, 1963. I; 1972. II.
Vámberi H. Etymologisches Wörterbuch der türko-tatarischen Sprachen. Leipzig, 1878.
Vámbery H. Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Bezihungen... Leipzig, 1885.
Vámbery H. Die geographische Nomenklatur Zentralasien // Petermanns Mitteilungen. 1891. Bd. 37.
Voegelin C.F., Ellinghausen M.E. Turkish Structure // J. Amer. Orient. Soc. Baltimore, 1943. Vol. 63.
Zajączkowski A. Sufiksy imienne i czasownikowe w języku zachodnio karaimskim. Kraków, 1932.
Zajączkowski A. Studja nad językiem staroosmańskim. I. Kraków, 1934 (Zaj. St. I).
Zajączkowski A. Najstarsza Wersja turecka Husrav u Sirin Qutba. III. Slownik. W-wa, 1961 (Zaj. Qutba).

УКАЗАТЕЛЬ АФФИКСОВ

-a/-ä/-e дат., дат.-направ., дат.-пред. п., 35, 42—45, 47, 51, 53, 57, 58, 60, 61, 63—66, 68, 70, 72, 73, 78—80, 83, 89, 91, 96—98, 114, 116, 118, 128, 239, 244, 245
-a/-ä 3 л. ед. ч. 376
-a наст.-буд. вр. 369, 370, 388, 397, 404, 409, 410, 411
-a/-ä/-e нефинит. ф. гл. 257, 328, 331, 332, 336, 410, 432, 450, 460, 471, 474, 475, 478, 492
-a повел. накл., 2 л. ед. ч. 340, 341
-a:/-e соб. числ. 189
-a/-ä/-e множ. 21
-aačy нефинит. ф. гл. 363
-aajabyn повел.-жел. накл., 1 л. ед.ч. 335
-aajabyt повел.-побуд. накл., 1 л. мн.ч. 338
-aal(y) повел.-побуд. накл., 1 л. мн.ч. 338
-abăryn повел.-побуд. накл., 1 л. мн.ч. 338
-ăbyn повел.-жел. накл., 1 л. ед.ч. 335
-ač словообр. сущ. 137
-ačaq нефинит. ф. гл. 450
-ačy/-eči/-ɔ:či нефинит. ф. гл. 470, 474
-ad/-ed словообр. гл. 430
-adžaq нефинит. ф. гл. 327
-ağ/a:g повел.-побуд. накл., 1 л. мн.ч. 338
-ag/-ay нефинит. ф. гл. 456
-agan/-ayan нефинит. ф. гл. 459, 460, 481
-ahy долж.-необх. накл. 357—359
-aj словообр. гя. 331, 430
-aj повел.-побуд. накл., 1 л. ед. ч. 334—336, 338
-ajan повел.-жел. накл., 1 л. ед.ч. 335
-ajaq нефинит. ф. гл. 332
-ajly(lar) повел.-побуд. накл., 1 л. мн.ч. 337
-ajlum повел.-побуд. накл., 1 л. мн.ч. 337
-ajlyq повел.-побуд. накл., 1 л. мн.ч. 337
-ajman/-ajmen повел.-жел. накл., 1 л ед.ч. 335
-ajm(yn) повел.-жел. накл., 1 л. ед.ч. 334—336
-ajn повел.-побуд. накл., 1 л. мн.ч. 336
-ajn/-a:jn повел.-жел. накл., 1 л. ед.ч. 335
-ajny(ŋ) повел.-побуд. накл., мн.ч. 337
-ajum повел.-жел., накл., 1 л. ед.ч. 334
-ajuq повел.-побуд. накл., 1 л. мн.ч. 337, 338
-ajym повел.-побуд., жел. накл., 1 л. ед.ч. 334—336
-ajyn/-a:jyn повел.-побуд., жел. накл., 1 л. ед.ч. 335, 336
-ajyqčy повел.-побуд. накл., 1 л. мн.ч. 338
-ajyx повел.-побул. накл., 1 л. мн.ч. 338
-ak словообр. сущ. 60
-al/-a:l повел.-побуд. накл., 1 л. мн.ч. 338
-al/-l нефинитн. ф. гл. 446, 492
-al словообр. прилаг. 153
-ala/-älä/-ela/-ele/-la/-la/-le собир. числ. 190
-ala словообр. гл. 440
-ala/-ele нефинитиф. ф. гл. 478, 479
-ala/-älä множ. 311
-a:lar повел.-побуд. накл., 2 л. мн.ч. 344
-alar мн.ч. 20
-a:ldar повел.-побуд. накл., 1 л. мн.ч. 338
-aldyrzy-eldirzi собир. числ. 192
-aly нефинитн. ф. гл. 438, 439, 478
-aly/-a:ly повел.-побуд. накл., 1 л. мн.ч. 337
-alym повел.-побуд. накл., 1 л. мн.ч. 338
-a:lyn-älin собир. числ. 191
-alyn(ar) повел.-побуд. накл., 1 л. мн.ч. 337
-a:lyŋar повел.-побуд. накл., 2 л. мн.ч. 344
-alyŋyz повел.-побуд. накл., 1 л. мн.ч. 337
-alys/-alyš повел.-побуд. накл., 1 л. мн.ч. 338
-alyx повел.-побуд. накл., 1 л. мн.ч. 337
-alywys повел.-побуд. накл., 1 л. мн.ч. 337
-am/-a:m 1 л. ед.ч. 396
-am/-a:m повел.-побуд., жел. накл., 1 л. ед.ч. 335, 336
-An направит. п. 101
-An род.п. 251
-a:n прош. вр. 414
-an/-ăn залог 409
-an/-ăn/-en нефинит. ф. гл. 421, 422, 448, 452—456, 473—475, 481
-an/-a:n/-a:ŋ повел.-жел. накл., 1 л. ед.ч. 335—337
-an/-a:n/-en собир. числ. 189, 190
-anča нефинит. ф. гл. 477
-anda/-ändä нефинит. ф. гл. 476, 477
-anlan собир. числ. 191
-any повел.-побуд. накл., 1 л. мн.ч. 337
-aŋ повел.-побуд. накл., 2 л. ед.ч. 340, 341
-a:ŋ/-a:ŋar повел.-побуд. накл., 2 л. мн.ч. 344
-aŋar/-a:ŋar/-aŋnar повел.-побуд. накл., 1 л. мн.ч. 337

-aq нефинит ф гл 456
-aq/-a q повел -побуд 1 л мн ч 338
-aq/-ek словообр прилаг 150
-aqan нефинит ф гл 459, 460
-aqtaɪ/-a qtaɪ повел -побуд накл , 1 л мн ч 338
-aɪ/-aɪ/-eɪ словообр гл 430—433
-ar/-aɪ/-eɪ/-ɪ наст -буд вр 369—371, 379 388, 390, 392—401, 403—411
-aɪ/-aɪ/-ɔɪ/-eɪ/-ɪ нефинит ф гл 326—328 362, 371, 447—451, 454
-ăɪ/-a ɪ повел -побуд накл 2 л 342—345
-aɪ/-a ɪ повел -побуд накл 1 л мн ч 337 341
-aɪ/-eɪ нареч 263
-ar/-eɪ разд числ 193, 195
-aɪ/-aɪ/-er множ 311
-araq/-araq нефинит ф гл 482, 483
-araq словообр прилаг 154
-ardan/-erden разд числ 195
-Arɪ дат напр п 83 97—99 244
-arɪ((ɪ))k сосл накл 367
-arɪɪ(ɪ)k сосл накл 367
-arɪrǰɪ ɪ сосл накл 367
-arɪɪ/-erɪɪ/-arɪɪ/-erɪɪ нареч 264, 265
-arla, an/-arlagan прибл числ 197
-arlap/-arlap/-erlep разд числ 195 197
-arma разд числ 195
-arɪ/-arɪ напр п 83, 98 99
-arɪ разд числ 193
-a rɪŋ повел -побуд накл , 2 л мн ч 343 345
-arɪq/-erɪk словообр прилаг 154
-arǰɪ ɪ сосл накл 367
-av/-ev словообр сущ 14
-asɪ/-esɪ долж -необх накл , 357—359
-asɪŋɪz повел -побуд накл 2 л мн ч 344
-aǩ/eǩ словообр сущ 14
-aǩ взаимн залог 309
-ăǩĕ/-aǩe принадл 3 л 208 11
-at/-at/-et понуд залог 284 285, 409
-au/-au собир числ 189
-aulap/-aulap прибл числ 197
-audaj/-audaj прибл числ 197
-av/-av/-ev собир числ 189, 190
-avlan/-avlan/-evlan/-evlen собир числ 190, 191
-aw/-aw/-ew собир числ 189
-awdan/-ewden разд числ 195
-awlar/-awlap разд числ 195
-azaq(-ažaq) нефинит ф гл 332, 465, 466
-ažaq буд вр 379

-a словообр гл 432, 433
-ajlan собир числ 191
-alɪ/-elɪ собир числ 190
-an 2 л мн ч 338
-a n собир числ 190
-a rɐɪ собир числ 191
-audare прибл числ 196
-avla/-awla собир числ 190

-ə принадл 22
-əhəd принадл 22
-əqəd принадл 23
-əm принадл 23
-ən нефинит ф гл 481
-əŋ принадл 22
-əǩ взаимн залог 309

-b нефинит ф гл 463 483
-baɪ нефинит ф гл 474
-baɪn нефинит ф гл 422
-ban/-ban нефинит ф гл 421, 473
-ban/-ben 1 л ед ч 330
-bavɪ/-bavɪ наст -буд вр отр ф 410
-baɪ/-baɪ наст -буд вр отр ф 410, 411
-be прибл числ 197
-bɪn нефинит ф гл отр 422
-bɪn/-bɪn 1 л ед ч 330
-bɪs/-bɪs 1 л мн ч 32, 330, 331
-bɪš/-bɪš нефинит ф гл 463
-bɪt/ -bɪt(-bvt) прош результ вр 382, 415, 419, 463
-bɪ ǩ прош вр 370, 419
-bɪ ǩaan(ɐa) прош вр 415, 419
-bɪz/-bɪz 1 л мн ч 25, 330, 331, 394
-bɪtlaax прош эпизод 419
-bɪz принадл 1 л мн ч 32

-č словообр сущ 144
-ča простр п 499
-c сосл накл 362
-ča/-če словообр сущ 144
-ča/-ča/-če прод -направ п 79, 80, 83, 88, 101—105, 107
-ča/če сравн -пред , сравн -орган п 35, 39, 40
-ča нареч 256, 257 262, 479
-ča/-če прибл числ 196, 197
-čan нефинит ф гл 471
-čaɪ повел -побуд накл 3 л мн ч 346
-čaq словообр сущ 465
-čaq/-čak нефинит ф гл 465
-ča множ 14
-ččaɪ повел -побуд накл , 3 л 345
-čee сосл накл 366
-čeǩ словообр прилаг 150, 151
-čɪ/-čɪ/-ču/-ču словообр сущ 137, 144—146, 362, 364, 470, 471
-čɪ/-čɪ/-čɪ/-ču прош вр 364, 366, 367
-čɪ/-čɪ нефинит ф гл 467
-čɪ/-čɪ/-ču/-ču сосл накл 362, 363
-čɪ/-čɪ поряд числ 184
-čɪǩ/-čɪq/-čuk/-čuq прош вр 365—367
-čɪk/-čɪq/-čuk/-čuq сосл накл 362, 363 367
-čɪl словообр сущ 144
-čɪn/-čɪn словообр сущ 144
-ču повел -побуд накл , 3 л 346
-čukuɪ сосл накл 362, 367
-čun повел -побуд накл , 3 л 345

-čuq повел -побуд накл , 3 л 423
-čuq колич числ 199
-čuk дробн числ 197
-čɪ повел -побуд накл 184
-čɪl словообр прилаг 151
-čɪq словообр сущ 137
-čɪq словообр прилаг 150
-čɪs сосл накл 362

-d/-t прош вр 376, 384
-dA/-tA местн п 35 43, 58 59, 79, 80, 115, 116, 247 261
-da/-da исх -местн п 108, 115, 116, 244
-da/-de исх п 35 43, 58, 59, 103, 264, 499
-da/-de/-ta/-te словообр глаг 424 429, 520
-da/-ta нефинит ф гл 467
-da/-de/-ta/-te усл накл 351, 352, 355
-dač ɪ/-dač ɪ/-tač ɪ/-tač ɪ нефинит ф гл 467, 468
-daj/-daj сравн п 35
-daj an/-dajan/-taj an/-tajan прибл числ 97
-daj/-daj/-dej нареч 256, 267, 268
-daj/-daj/-taj/-taj прибл числ 197
-dakɪ словообр прилаг 152
-dAn/-tAn исх п 35, 51, 58, 59, 103 107, 108, 115, 116, 247, 251, 263, 264 499
-dap/-dap/-tap/-tap прибл числ 197
-dar/-daɪ/-taɪ/-taɪ усл накл 348, 349, 351, 353—355
-dar/-daɪ/-tar/-tar/-taɪ/-teɪ мн ч 12, 20, 215, 217
-darɪ/-tarï/-darə/-tarə принадл 1 л мн ч 23
-daq словообр сущ 141
-daɤ/-daɤ/-deɤ/-teɤ словообр сущ 143, 146, 147
-daš/-dəš/-taš словообр сущ 146— 148
-daɤ/-daɤ/-taɤ/-taɤ нефинит ф гл 387, 462, 463, 467
-deg нареч 267
-dee/-tee словообр гл 424
-dɪ/-dɪ/-tɪ/-tɪ прош вр 348, 364—370, 373, 375—382, 385, 387, 388, 393, 418, 462
-dɪ/-dɪ/-tɪ/-tɪ нефинит ф гл 354, 355, 385 447, 482
-dɪ/-dɪ/-tɪ/-tɪ словообр сущ 520
-dɪ/-dɪ/-tɪ/-tɪ нареч 257, 262
-dɪk/-dɪq/-tɪk/-tɪq дробн числ 199
-dɪk/-dɪq/-tɪk/-tɪq словообр сущ 138
-dɪk/-dɪq/-dɪk/-tɪk/-tɪq/-tɪk прош вр 366 367, 369, 370, 383, 384
-dɪkča/-dɪqča нефинит ф гл 479, 483
-dIn/-tIn исх п 35 58, 115, 251, 264, 499
-dɪn/-dɪn/-tɪn/-tɪn/-tun нареч 257, 263 264
-dɪŋ/-tɪŋ род п 79
-dɪ ɪ/-tɪ ɪ прощ вр 367
-doo/-doo/-too/-too словообр глаг 424
-dor/-dor/-tor/-tor/-to r/-te r мн ч 20
-doš словообр сущ 146
-duga r порядок числ 188
-duɣ/-dɪɣ/-duk/-dɪk/-duq/-dɪq/-tuq/-tɪq не-финит ф 366, 371, 375, 387, 411, 419, 448, 461—463, 466, 479
-dɪ /-tɪ разд числ 195
-dɪk ǯan нефинит ф гл 481
-dɪm ɪz прош вр , 1 л мн ч 375
-dyn(nar)/-tyn(nar) повел -побуд накл , 3 л 345, 346
-dyr/-dur/-tyr/-tur понуд залог 274, 276, 284, 285, 287, 324
-džce сосл накл 362
-džɣq сосл накл 363

-e словообр прилаг 153
-ě принадл 3 л 208
-eč словообр прилаг 150
-el страд залог 303
-elde словообр гл 429, 440
-elɪ собир числ 190
-elo собир числ 190
-en страд залог 303
-en возвр залог 295
-eŋke словообр прилаг 150
-er/-yr словообр гл 432
-erde/-yrda словообр гл 429
-erge нефинит ф гл 487
-esɪ словообр прилаг 361
-es/-eš словообр сущ 14
-eše принадл 3 л 11
-ešešerden разд числ 195
-eštir словообр гл 440
-ez понуд залог 284

-g/-ɣ вин п 40, 42, 43, 72, 88, 95, 107, 131, 132, 136
-g/-ɣ направ п 106
-g/-ɣ нефинит ф гл 456, 469
-ga/-ga/-ɣa дат п 35, 42, 43, 45, 51—54, 57, 63, 68, 72, 97, 98, 118, 231, 245, 246, 487, 489
-ga приблиз числ 197
-ga/-gaj буд вр 370
-gač(yn) нефинит ф гл 480, 481
-gaj/-gej/-ɣaj нефинит ф гл 334—338, 360, 366, 367
-gan/-yan прош вр 370, 379, 381, 382, 416, 420, 421
-gan/-gan/-gen/-yan нефинит ф гл 88, 326, 360, 387, 416, 420, 421, 446, 448, 453—456, 460, 461, 475, 476, 481
-ganča/-ganča/-yanča/-gančak нефинитн ф гл 476
-ganda/-ganda нефинит ф гл 475
-gaq/-gak словообр прилаг 150
-gar словообр прилаг 432
-gas/-gaš нефинит ф гл 472, 480, 481
-gala/-yala словообр прилаг 439
-gar/-yar принадл , 2 л мн ч 394
-garɪ/-garu направ п 98, 99
-garu нареч 264
-gaseŋ нефинит ф гл 481

-gəz принадл. 22
-ge нефинит. ф. гл. 332
-geč/-ǧyč словообр. прилаг. 150
-gej повел.-побуд., жел. накл. 330, 331, 332, 338, 339, 342
-gen словообр. прилаг. 150
-gen/-γan множ. 17
-ger/-gyr словообр. прилаг. 150
-ger/-γar нареч. 263
-gerü/-γaru нареч. 257, 261, 264, 265
-gi/-gy/-gü/-gu/-γy/(-γī)/-γu нефинит. ф. гл. 282, 329, 333, 437, 439, 469, 470, 488
-gi/-gv/-gü/-gu порядк. числ. 187
-gi/-γ словообр. прилаг. 156
-gil/-γyl множ. 17
-gile/-γula словообр. гл. 440
-gin/-γyn нефинит. ф. гл. 326, 446
-gin/-γyn 2 л. ед.ч. 394
-ginä/-gyna словообр. прилаг. 156
-ginčä/-gynča/-γynča/-γynčy нефинит. ф. гл. 477
-gin/-gun/-gün/-γyn/-γun множ. 16, 17
-gir словообр. гл. 440
-gisi/-γysy долж.-необх. накл. 358, 359, 361
-gitäj/-γutaj/-γudäk нефинит. ф. гл. 471
-gsä/-γsa словообр. гл. 440
-gulik нефинит. ф. гл. 471
-gül понуд. залог 284

-γ принадл. 2 л. ед.ч. 32
-γa вин. п. 116
-γa/-γaj повел.-побуд., жел. накл., 1 л. ед.ч. 330—336, 338—342
-γa нефинит. ф. гл. 332
-γaj сосл. накл. 367
-γajlyq повел.-побуд. накл., 1 л. мн.ч. 337
-γajm/-γajn повел.-побуд. накл., 1 л. мн.ч. 336
-γajmyn повел.-побуд. накл., 1 л. ед.ч. 336
-γajγyγyz повел.-побуд. накл., 2 л. мн.ч. 344
-γajm/-γajn повел.-жел. накл., 1 л. ед.ч. 334—336
-γala нефинит. ф. гл. 332
-γaly нефинит. ф. гл. 347, 478, 479
-γalyŋ повел.-побуд. накл., 1 л. мн.ч. 337
-γalyr нефинит. 373
-γan направ. п. 107
-γar/-γArU дат.-направ., направ. п. 69, 98, 99, 130, 247
-γar инструм. п. 31
-γar нефинит. ф. гл. 333
-γar/-γaz понуд. залог 285
-γuluq нефинит. ф. гл. 342
-γyčy/-γuču словообр. сущ. 363
-γyl нефинит ф. гл. 326
-γyl/-γul повел.-побуд. накл., 2 л. ед.ч. 341, 342, 344
-γyly нефинит. ф. гл. 342
-γyn(a)/-γun повел.-побуд. накл., 2 л. 333, 341, 342, 344
-γyr нефинит. ф. гл. 333
-γyra:R повел.-побуд. накл. 2 л. ед.ч. 343
-γyz принадл., 2 л. мн.ч. 32

-h множ. 310
-ha/-hä/-he усл. накл. 347, 352—355, 449
-haγyz/-haŋyz усл. накл., 2 л. мн.ч. 354
-halar усл. накл., 3 л. мн.ч. 354
-ham усл. накл., 1 л. ед.ч. 353
-haŋ усл. накл., 2 л. ед.ч. 353
-haq усл. накл., 1 л. мн.ч. 354
-hyn(dar) повел.-побуд. накл., 3 л. 345-346

-i род.-вин. п. 57, 66, 68, 70, 72, 73, 118
-i/-y/(-ī)/-u/-ü принадл., 3 л. 22, 23, 32, 50, 104, 113, 204, 206—209
-i/-u/-ū/-ü/-ǖ нефинит. ф. гл. 257, 258, 264, 266, 410, 450, 469, 474, 475, 481, 484, 488—490
-i/-y/-ū/-u словообр. гл. 430, 433
-ig/-ǐy род. п. 72, 236
-igsa/-yysa/-uysa словообр. гл. 439, 440
-iger/-yyar 2 л. мн.ч. 327
-il собир. числ. 189
-ik/-yq/-ük/-uq нефинит. ф. гл. 315, 350, 440, 446, 456, 461, 467
-ik/-yq словообр. гл. 431, 440
-ik/-yq словообр. прилаг. 150, 153
-i:k собир. числ. 192
-ikčy/-yqčy/-uqču/-ükčü нефинит. ф. гл. 469, 470
-ikse/-yqsa жел. накл. 350
-il/-yl/-l возврат. залог. 295, 303, 301, 312, 313
-il/-yl/-ul/-ül/-l страд. залог 274, 303—309
-ilä/-yla/-üle/-ula собир. числ. 190, 191
-ilän собир. числ. 191
-ilemči/-ylamčy/-ülemči/-ulamčy порядк. числ. 186
-ilenči/-ylančy/-ülenči/-ulančy порядк. числ. 186
-im/-ym/-əm/-om/-em/-m 1 л. ед.ч. 22, 331, 376, 394
-im/-ym порядк. числ. 184
-imler разд. числ. 194
-iminči порядк. числ. 187
-imsin/-ymsyn словообр. гл. 440
-imžijäžän порядк. числ. 185
-in/-yn/-ün/-un/-n возвр. залог. 295, 298—302
-in/-yn/-ün/-un/-n страд. залог 303, 304, 399
-in/-yŋ вин. п. 43, 69, 82, 89, 95, 107, 113, 117, 128
-in/-yn/-iŋ/-yŋ/(-īŋ) род. п. 35, 60, 72, 80, 82, 89, 93, 106, 108, 116, 122, 126, 187, 236, 238, 239, 244
-in/-yn/-Un направ. п. 83, 101, 104
-in/yn твор. п. 37, 38, 42, 43, 80, 83, 104
-in/-yn нефинит. ф. гл. 447, 452, 469
-inč/-ynč нефинит. ф. гл. 453, 469

-inč/-ynč/-ünč/-unč порядк. числ. 185
-inčis/-ynčys/-ünčüs/-unčus порядк. числ. 185
-indi/-yndy/-inti порядк. числ. 187
-in/-n/-ŋ 2 л. ед.ч. 376
-iŋ порядк. числ. 187
ip/-yp/-p нефинит. ф. 260, 328, 360, 386, 460, 467, 471, 472, 473
-ir/-yr/-ür/-ur нефинит. ф. гл. 362, 367, 371, 447, 449, 450, 487, 489
-ir/-yr словообр. гл. 431
-ir/-yr/-ür/-ur понуд. залог 284
-ir/-yr/-ür/-ur наст.-буд. вр. 367, 371, 401—404, 406, 409
-irgä/-yrga/-irge/-iryä/-yrya нефинит. ф. гл. 484, 487—490
-is/-ys/-üs/-us порядк. числ. 186
-iš/-yš мн.ч. 345
-iš возвр. залог 295
-iš/-yš/-üš/-uš взаим. залог 309, 310
-iš/-yš нефинит. ф. гл. 333, 448, 452, 463
-iški/ -yšky/-üšku/-ušku/-iški:/-yšky:/-üškü:/ -ušku: порядк. числ. 188
-it/-yt словообр. гл. 434
-it/-yt нефинит. ф. гл. 387, 388, 447
-it/-yt/-üt/-ut понуд. залог 284, 285
-iv словообр. прилаг. 153
-ivis 1 л. мн.ч. 331
-iy нефинит. ф. гл. 350, 439, 470
-iz принадл., 1 л. мн.ч.
-iz/-yz 1 л. мн.ч. 393
-iz/-yz/-üz/-uz понуд. залог. 284

-I вин. п. 35, 40, 47, 60, 68, 72, 75, 79, 80, 83, 94—96, 107, 114, 116, 128, 239
-IbIz принадл., 1 л. мн. ч. 32
-IdA местн. п. 122, 126
-IjA(r) дат. п. 122, 126
-Im род. п. 244, 245
-Im принадл., 1 л. ед.ч. 32, 239
-ImIz принадл. 1 л. мн. ч. 32
-Inda местн. п. 123
-InI вин. п. 128, 129
-InIŋ род. п. 129
-Iŋ принадл., 2 л. ед.ч. 32
-IŋIz принадл., 2 л. мн.ч. 32

-ībīð принадл. 22
-īyīð принадл., мн.ч. 23
-īn нареч. 257
-īŋ принадл. 22
-īz 2 л. мн.ч. 394

-j нефинит. ф. гл. 328, 332
-ja/-je нефинит. ф. гл. 332, 474
-jA дат., дат.-направ., дат.-пред. п. 35, 42, 43, 52, 53, 55, 62, 122, 128
-jan/-jän нефинит. ф. гл. 421, 454
-jar/-jär наст.-буд. вр. 403
-jax/-jex собир. числ. 189
-järi разд. числ. 193
-jb нефинит. ф. гл. 483
-ji вин. п. 32, 53
-ji/-jy/-jü/-ju нефинит. ф. гл. 332, 474
-ji/-ju прош. вр. 367
-jik/-jük нефинит. ф. гл. 366
-jik/-juk сосл. накл. 362
-jintäjin нефинит. ф. гл. 482
-järäk/-jaraq словообр. прилаг. 153, 154
-jyŋyz повел.-побуд. накл., 2 л. мн.ч. 344

-k 1 л. мн.ч. 393
-k/-q нефинит. ф. гл. 456, 468, 469
-k/-q направ. п. 77, 78, 83, 88, 97, 98, 99, 106, 107, 114, 265
-ka/-kaj буд. вр. 370
-ka/-kä/-qa дат., дат.-направ., дат.-пред. п. 35, 42, 43, 51, 53, 64, 68, 72, 77, 79, 80, 88, 97, 98, 107, 114, 116, 246, 247, 288
-kan/-kän/-qan нефинит. ф. гл. 326, 446, 448, 453, 456—461, 471, 476
-kan прош. вр. 370
-kas/-käš нефинит. ф. гл. 480
-kä словообр. гл. 433
-kälä/-qala словообр. гл. 439
-kälä/-qala множ. 311
-käli/-qaly нефинит. ф. гл. 478, 479
-känsä/-qansa/-qansan нефинит. ф. гл. 477
-kär/-qar словообр. гл. 431, 432
-kär/ker понуд. залог, 274, 276, 284, 285, 287
-kär разд. числ. 194, 195
-käri/-qary дат., направ. п. 35, 77, 88, 97—99, 244
-kеč/-qyč словообр. прилаг. 150
-kek/-qaq словообр. прилаг. 150
-ken/-qyn словообр. прилаг. 150
-ker/-qyr словообр. глаг. 313
-ker/-qyr словообр. прилаг. 150
-kerü/-qaru нареч. 264
-kеš/-qaš нефинит. ф. гл. 480, 472
-ki/-qy/(-qī) нефинит. ф. гл. 471, 480
-ki/-ky словообр. прилаг. 149—152, 156
-ki/-ky порядк. числ. 187, 188
-kin/-qyn 2 л. ед.ч. 394
-kin/-qyn/(-qīn) нефинит. ф. гл. 326, 446, 342
-kin/-kün/-qyn множ. 16, 17
-kinä/-qyna словообр. прилаг. 156
-kil/-qyl множ. 17
-ku/-kü порядк. числ. 187
-kü нефинит. ф. гл. 488
-kü/-qu нефинит. ф. гл. 471

-l словообр. гл. 274
-l множ. 311
-la словообр. сущ. 143
-la/-lə/-le словообр. гл. 274, 323, 424—430, 435, 514, 520
-la/-le нареч. 257, 267, 268
-la/-lä/-le мн.ч. 19, 21, 216
-lA совм. п. 79, 80, 83, 88, 105, 106

-la/-le усл. накл. 352
-laa/-lee словообр. гл. 424
-lay словообр. сущ. 141
-layan/-lägän прибл. числ. 197
-lajin нареч. 256, 266, 267
-laî/-lâî/-leî мн.ч. 19
-laj/-lej нареч. 256, 266—269
-laj/-laj прибл. числ. 197
-laju нареч. 266, 267
-laju нефинит. ф. гл. 257
-lamčv/-lemči/-lančv/-lenči порядк. числ. 186
-lan/-lən/-len словообр. гл. 270, 274, 301, 302, 426, 429, 430
-lAn совм. п. 79, 80, 83, 88, 105, 106
-landıı/-lander/-lendı словообр. гл. 274, 429
-lanšv/-lanǯv порядк. числ. 186
-lap/-lap/-lep прибл. числ. 197, 311
-lar/-lar/-ler мн.ч. 12, 15, 16, 18—22, 30, 31, 75, 196, 211, 215—217, 221, 242, 310—315, 330—333, 337, 338, 344, 345, 376, 393, 395
-lar/-lar прибл. числ. 196
-lar/-lar раздел. числ. 194, 195
-lar усл. накл., 3 л. ед.ч. 348, 353
-lar/-ler усл. накл. 348
-lari принадл., 3 л. 205
-ları/-lara принадл. 22
-larnv/-lerni раздел. числ. 195
-larla/-larla приблиз. числ. 196
-larǯa/-larǯa приблиз. числ. 196
-laš/-ləš/-leš словообр. гл. 270, 274, 426, 429, 430, 435, 319
-laš/-laš словообр. сущ. 146, 147
-laštvr/-leštir/-ləšter/-leštei словообр. гл. 274, 429
-lat/-lət/-let словообр. гл. 270, 274, 430
-lata нареч. 256, 268
-lačča приблиз. числ. 196
-laj приблиз. числ. 197
-lak словообр. прилаг. 12, 138
-lan собир. числ. 191
-lav словообр. сущ. 146
-laš взаимн. залог 319
-lda/-lde словообр. гл. 313, 429
-lda/-lda множ. 311
-len множ. 311
-li/-lı совместн. п. 79, 80, 83, 88, 105, 107, 311, 478
-li/-lv словообр. прилаг. 107, 149—152, 206
-lik/-lıq 1 л. мн. 331, 338, 339
-lik/-lıq дробн. числ. 199
-lik/-lvg/-lvq/-luk/-luk множ. 14, 18, 337, 338
-lın/-lın возвр. залог 295
-lıı/-lıı мн.ч. 19
-lo/-lo мн.ч. 19
-loo/-loo словообр. гл. 424
-loı/-loı мн.ч. 19
-luq/-lvq нефинит. ф. гл. 450
-lı словообр. сущ. 132, 140, 141
-lv словообр. гл. 424
-lı раздел. числ. 195
-lvg/-lvy/-lvq/-luq/-lük словообр. сущ. 137—141, 311
-lıy/-lık отн. прилаг. 383
-lvn(nar) повел.-побуд. накл., 3 л. 345
-lvn страд. залог 303
-lvškv(lar) множ. 13
-lıın совм. п. 69

-m принадл. 1 л. 22
-m нефинит. ф. гл. 463
-ma/-ma нефинит. ф. гл. 482, 484
-madan/-madvn/-matvn нефинит. ф. гл. 385, 422, 481, 482
-madvq/-medik нефинит. ф. гл. 454
-magan/-megen нефинит. ф. гл. 454
-maj/-mıj(ča) нефинит. ф. гл. 422, 474
-majan/-mejan/-majvn/ нефинит. ф. гл. 422, 454, 481, 482
-majıb нефинит. ф. гл. 423
-majvnča нефинит. ф. гл. 478
-mak/-maq/-mak/-mek нефинит. ф. гл. 60, 360, 387, 483, 486, 489, 520
-makta наст.-длит. вр. 387
-malı/-meli долж.-необх. накл. 357, 358
-man/-man/-men/-mın 1 л. ед.ч. 330, 335, 394
-man/-man/-ma:n/-me:n нефинит. ф. гл. 454, 481
-mas/-mav наст.-буд. вр. 389, 410, 412, 466
-măš/-məš порядков. числ. 186
-matı нефинит. ф. гл. 422, 482
-madıb нефинит. ф. гл. 423
-mav/-mav наст.-буд. вр. 410
-maz/-maz наст.-буд. вр. 389—396, 410—412
-məš/-măš нефинит. ф. гл. 464
-mčv порядк. числ. 184
-mın/-mvn 1 л. ед.ч. 330, 335
-mınči/-mınǯi порядк. числ. 187
-mine порядк. числ. 186, 187
-mıs/-mys/-miz/-myz 1 л. мн.ч. 330, 331, 338, 339, 438
-miš/-miš нефинит. ф. гл. 360, 447, 464
-miz/-myz принадл. 1 л. мн.ч. 25, 28, 32, 337, 394
-mıı прош. вр. 463
-mvın/-mıın словообр. гл. 440
-mtvl словообр. прилаг. 154
-mvš/ (-miš) прош. вр. 370, 379, 381, 382, 414—420, 463
-myš(-miš) нефинит. ф. гл. 360, 411, 415—419, 447, 457, 461—465

-n/-ŋ род. п. 53, 61, 62, 88, 93, 95, 106
-°n вин. п. 38, 40, 45, 63, 65, 66, 68—70, 82, 89, 107, 113, 116—118, 131, 132, 136
-°n инстр. п. 130, 132, 136, 266
-°n тв. п. 35—39, 80, 88, 104

-°*n* дат п 264
-*n* направ. п. 78, 88, 101, 107
-*n* нефинит ф. гл. 258, 452, 455, 456, 461, 481, 494, 514
-*n* собир. числ. 190
-*n*/-*ŋ* принадл., 2 л ед ч 23—26, 28, 32
-*n* нареч. 261
-*n* 1 л ед.ч. 394
-*n*/-*ŋ* 2 л. ед.ч. 396
-*n* словообр. гл 274
-*na*/-*ŋa* дат п 63, 66, 114
-*na*/-*ne* дат.-вин п 53, 54, 62, 76, 77, 79, 114
-*na*/-*ne* словообр. гл. 424, 429
-*na*/-*ne* усл. накл. 352
-*nă*/-*nĕ*/-*nə*/-*nɜ̆* нефинит. ф гл 422, 455, 456
-*nă* прош. вр 381, 382
-*naa*/-*nee* словообр. глаг. 424
-*nayan*/-*najan* приблиз числ 197
-*năk*/-*nĕk* нефинит. ф. гл 456
-*nAŋ*/-*nIŋ* род. п. 52, 53, 62, 72, 76, 79, 80, 89, 108, 113, 115, 116, 239, 244, 247, 251
-*nan*/-*naŋ* исх. п 79, 251
-*nar*/-*nar*/-*ner*/-*nvr*/-*nir*/-*nor*/-*nor* мн. ч. 20
-*nar*/-*ner* усл накл 348, 353
-*nč* порядк. числ 185, 186, 469
-*nčɪ*/-*nčv*/-*nǯi*/-*nǯv* порядк. числ. 185, 187
-*nčɪs*/-*nčvs*/-*nčus*/-*nčus* порядк числ 185
-*nĕš* порядк. числ. 186
-*nI* вин. п. 35, 40, 52—54, 62, 68, 72, 75, 79, 80, 94, 95, 114, 116, 118, 128, 131, 132, 239, 247
-*ni*/-*nv* род.-вин.п 35, 57
-*nig*/-*nvy* вин. п. 40
-*nvy*/-*nɜ̆ɪ* порядк числ. 185
-*nɪt* порядк. числ. 187
-*noo*/-*noo* словообр. гл. 424
-*ny* нефинит. ф гл 454
-*nɪ* раздел числ. 195
-*nzylyq* порядк числ. 185
-*ŋar*/-*ŋɑɪ*/-*ŋlar* принадл., 2 л. мн.ч. 16
-*ŋiz*/-*ŋyz* принадл., 2 л мн.ч. 28, 32

-*o*/-*ɵ* принадл. 22
-*o*./-*ɵ* собир числ 189
-*oboд*/-*ɵbɵd* принадл. 22
-*oni*/-*oŋ* принадл. 22
-*oyoд*/-*ɵgɵd* принадл., 1 л мн ч. 23
-*ol*/-*ol* страд залог 303
-*olaŋ*/-*olan*/-*oleŋ*/-*o lan*/-*o·lan*/- собир числ. 191
-*on*/-*on* нефинит. ф гл 481
-*onlan*/-*onlen* собир числ 191
-*or*/-*or* наст буд. вр 400, 403, 406
-*or*/-*or* нефинит ф гл. 487
-*orga*/-*orge* нефинит ф. гл. 487
-*olo*/-*olo* нефинит ф гл 487
-*ov*/-*ov*/-*ow*/-*ow* собир числ. 189
-*ovlan*/-*owlan*/-*owlan*/-*olan* собир. числ. 190, 191
-*orik* словообр прилаг. 154

-*p* 1 л. ед.ч 394
-°*pan*/-°*pan* нефинит ф. гл. 421, 473
-*pan*/-*pen*/-*pɪn*/-*pin* 1 л. ед.ч. 330
-*pe* прибл числ. 197
-*pɪs*/-*pys*/-*piz*/-*pyz* 1 л мн ч. 331
-*pit* прош вр 463
-*pɪn* нефинит ф. гл 473
-*pyš* прош. вр. 370
-*pŷa n* нефинит ф. гл. 472

-*s* возвр залог 297
-*r* 2 л. мн ч 394
-*rA*/-*rI*/-*rU* направ. п. 78, 79, 83, 88, 99, 100, 101, 106, 107, 130, 264—266
-*ra*/-*ra*/-*re* нареч 265, 266, 495
-*ra*/-*ra*/-*re*/-*rə* словообр. гл 432, 455
-*rar*/-*rar* мн ч 21
-*rar*/-*rar* раздел. числ 194, 195
-*raq*/-*rak*/-*rek* словообр. прилаг. 153, 154, 483
-*rda*/-*rde* словообр. гл 313, 429
-*rga*/-*rge* нефинит. ф. гл. 487
-*roq* словообр. прилаг 483
-*ru* нареч. 257

-*s* нефинит. ф. гл. 412
-*s*/-*š* множ 310, 324
-*s* 2 л ед ч. 331
-*s* порядк. числ. 186
-*s* побуд накл. 339
-*s*/-*š* словообр. сущ 14
-*s*/-*š* словообр глаг. 434, 435, 468
-*sa*/-*se* усл. накл 144, 344, 346—356, 375, 376, 412, 466
-*sa*/-*se* повел.-побуд. накл 2 л. ед.ч. 340—342
-*sa* повел -побуд накл. 3 л. 346
-*sa*/-*sə* жел. накл. 439, 440
-*sa*/-*se*/-*ša*/-*še* словообр. гл 434, 435, 428
-*sajču*/-*sanču* повел.-побуд накл. 2 л ед.ч. 341
-*sal*/-*sel* словообр. гл. 352
-*sam*/-*səm*/-*sem* мн.ч. 19, 22
-*san*/-*saŋ*/-*san*/-*sen* 2 л. ед ч. 330, 394
-*san*/*sen* словообр. гл. 352
-*sana*/-*saŋa* повел.-побуд. накл., 2 л. ед.ч. 341, 353
-*saŋ*/-*seŋ* словообр прилаг 352
-*santa* повел.-побуд. накл., 2 л. мн.ч. 344, 354
-*saq* усл накл 351
-*saq* словообр. прилаг 352
-*saq*/-*sek* нефинит. ф. гл. 361
-*sar*/-*ser* усл. накл. 325, 350, 351, 354, 355
-*sar*/-*ser*/-*šer* раздел. числ. 194
-*sar*/-*sar*/-*ser* мн.ч. 21
-*sar* словообр. сущ. 352
-*sar* нефинит. ф. гл 468
-*sar* собир. числ. 11
-*sat*/-*set* словообр. глаг. 352

-saɪ/-seɪ нефинит ф гл 352
-sat понуд залог 284
-sA/-se принадл 22
-semer/-semrɪn мн ч 22
sen/ sən мн ч 22
-sI/-sɪ/-su словообр сущ 144
-sI/-su повел -побуд накл 2 л ед ч 339—341 345—348
-sI/-sy усл накл 354, 355, 347
-sIk словообр сущ 361
-sIk/-sɪq нефинит ф гл 468
-sIlaɪ/-sIleɪ 2 л мн ч 330, 394
-sIn повел -побуд накл 333, 345, 346, 360, 412
-sIn/-sɪn/ ŝɪn/-sɪŋ/-sɪŋ 2 л ед ч 330, 394
-sIra/-sɪra словообр гл 435
-sIz/-sɪz 2 л мн ч 330, 394
-sIz/-syz словообр прилаг 149 151 152, 206 428, 361
-sI/-sU принадл 3 л 23, 32, 50, 74, 205—207, 384, 411
-sI(n)dA местн п 122, 123, 126
-sIjA дат п 122, 126
-sInI вин п 127—129
-sInIŋ род п 129
-sunɪ/-sɪnɪ повел -побуд накл , 3 л 345—347
-sul(laɪ)/-ŝun(naɪ) повел -побуд накл 3 л 345—346, 360
-sɪ словообр прилаг 206
-sɪŋɪz/-sɪnɪz/-sɪŋɪz 2 л мн ч 392, 394

-š взаимн залог 271, 274, 309—323
-š побуд залог 339, 399
-š принадл , 3 л 11, 208
-šaq/-šak/-šek словообр прилаг 150
-šaɪ/-šer множ 311
-šar/-šar/-šer раздел числ 193—195
-šarlap/-šerlep раздел числ 193—195
-s 'arɪ/-s'arɪ раздел числ 193
-šə принадл 3 л 11, 208
-šI/-šɪ словообр сущ 144
-šky/-šky/šku/-šku/-škɪ /-ŝkɪ /-šku /-šku порядк числ 188
-škɪ словообр сущ 13
-štɪr/-štyr словообр гл 440
-šyl словообр прилаг 154

-t местн п 264
-t нефинит ф гл 383, 447, 461
-t понуд залог 274, 276, 287, 304
-t словообр гл 434
-ta сравнит п 69
-ta/-ta мн ч 20
-ta принадл , 3 л 11
-ta прош вр 376
-ta словообр сущ 147
-taaɪar частн п 69
-tač/-tača приблиз числ 196
-tadan/-tadan/-tadɪn/-tadɪn раздел числ 195
-tar/-ter усл накл 348—355
-tax прош вр 383
-tala раздел числ 195
-teŋ эдессив 261
-ter/-tr/-tur/-tur/-tuz понуд залог 284, 304
-tIk/-tIq нареч 262
-tIn/-tɪn возвр залог 295
-tIr/-tɪr/-tur/-tur нареч 263
-tur/-tɪr мн ч 20
-tIjAr дат п 122, 126
-to/-to мн ч 20
-tur/-tur словообр глаг 434, 440

-u — повел накл , 2 л ед ч 340, 341
-u наст -буд вр 388
-u /u собир числ 189
-učɪ/-učɪ нефинит ф гл 470
-u нефинит ф гл 439, 440, 469
-ul словообр гл 434
-um повел -жел накл , 1 л ед ч 335
-un/-un словообр глаг 434
-uo/-uo собир числ 189
-uq словообр сущ 311
-urɪrjɪk сосл накл 367
-uš словообр сущ 14
-uuču/-uuču словообр прилаг 363
-uu нефинит ф гл 329, 333, 488

-ulan собир числ 191
-una мн ч 20
-ur нареч 449, 450
-us взаимн залог 310

-qa нефинит ф гл 478
-qa повел -побуд накл 331, 335, 336
-qa/-qaj/-kej жел накл 330, 331—333
-qa словообр гл 433
-qa словообр сущ 331
-qač(qa) нефинит ф гл 472, 481
-qalaq нефинит ф гл 471
-qanča нефинит ф гл 476, 477
-qanda нефинит ф гл 472
-qar/-qyr нефинит ф гл 333
-qar/-qaz понуд залог 274, 276, 284, 285, 287
-qara дат напр п 95
-qev нефинит ф гл 470
-qen нефинит ф гл 453
-qul нефинит ф гл 326
-qula словообр глаг 440
-qɪl(a)/-q)n(a) повел -побуд накл 341
-qɪr повел -побуд накл , 2 л ед ч 341
-qɪr множ 18

-van 1 л ед ч 396
-vuz 1 л ед ч 396

-xadyq нефинит ф гл 471
-xɪl/-xun нефинит ф гл 341

-*y* 3 л 74, 376
-*ɨ* наст -буд вр 396, 388
-*ɨ* повел -побуд накл , 2 л ед ч 340, 341
-*ya* собир числ 189
-*yač* нефинит ф гл 480
-*yaxʲ/-ɨaxyn/-yaxtyb ɨ* повел -побуд накл , 1 л мн ч 338
-*vaxtyn(nar)* повел -побуд накл 3 л 345—347
-*yb(an)* нефинит ф гл 373, 421, 422, 481
-*ybys* 1 л мн ч 331
-*yč* словообр прилаг 150
-*yg/-yj* нефинитн ф гл 446, 456, 460 470
-*yj* словообр сущ 333, 350, 383 469
-*yyar* 2 л мн ч 331
-*ɨk* нефинит ф гл 383
-*yl* словообр прилаг 154
-*y l* повел -побуд накл , 1 л 338
-*ylda* словообр гл 429
-*yldym/-ylt(ym)* словообр прилаг 154
-*ymtyl* словообр прилаг 154
-*yn/-yn* 2 л ед ч 331—376
-*yna* повел -побуд накл , 1 л мн ч 337
-*ynča(q)/-ynča(x)/-ɨnǰa(q)/-ɨnǰa(ɤ)* нефинит ф гл 477, 478
-*ynın* нефинит ф гл 453
-*ynzyłyq̊* порядк числ 185
-*ynqy* словообр. прилаг 159
-*yr* повел -побуд накл 343
-*yra* словообр глаг 429, 432
-*ys* нефинит ф гл 329
-*ysar* нефинит ф гл 363
-*yš* возвр залог 295
-*yšē* принадл , 3 л 208
-*yštyr* словообр глаг 400
-*yyhy* долж -необх накл 357—359

-*za/-ze/-zı/-zy* усл накл 347—349, 352—355
-*za* мн ч 21
-*zaar/-zayar* усл накл , 2 л мн ч 354
-*zyyar* повел -побуд накл 2 л мн ч
-*zar* 2 л мн ч 330, 394
-*zar/-zar/-zer* мн ч 20
-*za/-ze/-zo/-zo* мн ч 21
-*zı/-žy/-žu* словообр сущ 144
-*zın/-zyn* 2 л ед ч 330, 331
-*zır* понуд залог 284
-*zy* принадл , 3 л 11

-*ǯ/-ǰı* сосл накл 362
-*ǯA* направ -прод п 103
-*ǯa/-ǯak/-ǯek/-ǯık/-ǯyq* словообр прилаг 156
-*ǯasma* нареч 256
-*ǯe* сравн -огран п 40
-*žık/-žyq/-žuq/ ǯk/-ǯyq/-ǯyx* прош вр 365, 366
-*ǯı/-ǯy/ -ǯu* прош вр 367, 378, 416
-*žyq/-žuq/-ǯk/-ǯyq/-ǯuk/-ǯuq* сосл накл 362

-*ǰ* словообр прилаг 149
-*ǰukuj* сосл накл 362

-*daj/-daj* приблиз числ 197
-*das/-daš* словообр сущ 142
-*dayan/-daqan* приблиз числ 192

* * *

-*a* дат п 75, 116
-*a* дат -направ п 35 43
-*ан* инстр п 54
-*ар* нефинит ф гл 487

-*бат* нефинит ф гл 487
-*батах* нефинит ф гл 487
-*биз* принадл 1 л мн ч 31
-*быз* принадл 1 л мн ч 31

-*га* дат п 66
-*гə* дат п 116
-*гə* дат -направ п 35, 43

-*ɤ* принадл 2 л ед ч 31
-*ɤar* направ п 130
-*ɤ'из* принадл 2 л мн ч 31
-*ɤыз* принадл 2 л мн ч 31

-*да* дат -направ п 35
-*да* местн п 43
-*дан* дат -направ п 35
-*дə* мести п 43
-*дə* дат -направ п 35
-*дəн* дат -направ п 35

-*ен* инстр п 54

-*ə* дат п 116
-*ə* дат -направ п 35, 43

-*зар* направ п 130

-*и* вин п 35, 40, 51, 116
-*и* принадл 3 л мн ч 31, 32
-*ибиз* принадл 1 л мн ч 31
-*иɤ'* принадл 2 л ед ч 31
-*иɤ'из* принадл 2 л мн ч 31
-*им* принадл 1 л ед ч 31
-*ин* род , оруд п 75
-*ин* тв п 38
-*иң* род п 35, 116
-*иң* принадл 2 л ед ч 31
иңиз принадл 2 л мн ч 31

-*иɤ* вин п 116
-*ін* твор п 36
-*ің* род п 116

-*ка* дат -направ п 43
-*ке* дат п 51

-*ка* дат п 43, 51

-*қа* дат. п. 51, 116
-*қа* дат.-направ. п. 35

-*лар* мн.ч. 30, 50
-*лӑ* сл.-обр. прилаг. 151
-*ларча* сравн.-огранич. п. 39
-*лӑх* сл.-обр. прилаг. 151
-*лӗ* сл.-обр. прилаг. 151
-*лех* сл.-обр. прилаг. 151
-*лы* сл.-обр. прилаг. 145
-*лын* совм. п. 130

-*м* принадл. 1 л. ед.ч. 31, 32
-*ма* дат. п. 66
-*мыах* нефинит. ф. гл. 487

-*ң* принадл. 2 л. ед.ч. 31, 32
-*ңиз* принадл. 2 л. мн.ч. 31
-*ңыз* принадл. 2 л. мн.ч. 31

-*ра* направ. п. 130
-*ри* слово обр. прилаг. 151

-*сӑр* слово- обр. прилаг. 151
-*сӗр* слово обр. прилаг. 151
-*си* принадл. 3 л. ед ч. 31
-*сы* принадл. 3 л. ед. ч. 31

-*та* местн. п. 43
-*та* дат.-направ. п. 35
-*тан* дат -направ. п. 35
-*тах* нефинит. ф. гл. 487
-*тә* местн. п. 43
-*тә* дат.-направ. п. 35
-*тән* дат.-направ. п. 35
-*ти* слово обр. прилаг. 151

-*хи* слово обр. прилаг. 151

-*чӑ* сравн.-огранич. п. 39
-*часĭна* сравн.-огранич. п. 39
-*чи* слово обр. прилаг. 151

-*ы* вин. п. 35, 40, 51, 116
-*ы* принадл. 3 л. мн.ч. 31
-*ыах* нефинит. ф. гл. 487
-*ыбыз* принадл. 1 л. мн.ч. 31
-*ыг* вин. п. 40
-*ыҥ* принадл. 2 л. ед.ч. 31
-*ыҫыз* принадл. 2 л. мн.ч. 31
-*ым* принадл. 1 л. ед. ч. 31
-*ын* род. п. 75
-*ын* тв. п. 38
-*ын* оруд. п. 75
-*ыҥ* род. п. 35, 116
-*ыҥ* принадл. 2 л. ед.ч. 31
-*ыңыз* принадл. 2 л. мн.ч. 31

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Введение 5

Глава I

Имя существительное 10
Категория числа 10
Категория принадлежности 22
Категория падежа 22
Склонение и число. Взаимодействие категорий принадлежности и падежа в системе склонения 30
О количестве реконструируемых падежей 35
Именная, посессивно-именная и местоименная парадигмы как структурные разновидности склонения 43
О структуре именных основ и падежных словоформ, строении слога, особенностях слогоделения и действии сингармонизма 46
Классифицирующие признаки склонения и его структурные параметры 57
Классификация типов и подтипов склонения 59
О принципах реконструкции типовых моделей ранне- и позднепратюркского склонения 71
Раннепратюркское склонение имен 77
Основные направления внутренней перестройки древнейшей системы раннепратюркского склонения 106
Позднепратюркское склонение имен 108
Склонение имен после распада пратюркского языка 117
О соотношении "вставного" *-N-* посессивно-именной парадигмы 3-го лица и местоименного основообразующего *-N*. Реконструкция.. 118
К истории развития тюркского склонения в хронологически обозримые периоды 130
Словообразование существительных 137

Глава II

Имя прилагательное 148
Общая характеристика 148
Качественные и относительные прилагательные 150
Сравнительное изучение прилагательных 156

Глава III

Имя числительное 162
Количественные числительные 162
Названия единиц 162
Названия десятков 171
Названия высших разрядов 177
Числительные других разрядов 178
Система счета (счисления) 179
Порядковые числительные 184
Собирательные числительные 188
Штучные числительные 193
Разделительные числительные 193
Приблизительные числительные ... 196
Дробные числительные 198
Нумеративы 200

Глава IV

Местоимение 202
Личные и лично-указательные местоимения 202
Склонение личных и указательных местоимений 210
Фонологическая структура личных и лично-указательных местоимений в современных тюркских языках 211
Фонологическая структура личных и лично-указательных местоимений в раннепратюркском

и позднепратюркском языковых состояниях ... 219
Парадигматическое моделирование личных и лично-указательных местоимений и реконструкция их косвенных основ ... 222
Склонение личных и лично-указательных местоимений в раннепратюркском ... 235
Перестройка склонения личных местоимений к моменту становления позднепратюркского языка ... 241
Склонение личных и лично-указательных местоимений в позднепратюркском ... 245
Развитие местоименного склонения в период после распада позднепратюркского языка ... 246

Глава V

Наречие ... 256
Первообразные наречия ... 259
Производные наречия ... 261

Глава VI

Глагол ... 269
Категория залога ... 269
Основной залог ... 281
Понудительный залог ... 284
Возвратный залог ... 295
Страдательный залог ... 303
Взаимный залог ... 309
Категория наклонения ... 324
Желательное наклонение ... 330
Повелительно-побудительное наклонение ... 333
Условное наклонение ... 347
Долженствовательно-необходимостное наклонение ... 356
Сослагательное наклонение ... 362
Категория времени ... 368
Прошедшее на *-dy* ... 373
Времена сферы настоящего и будущего ... 388
Перфект ... 412
К реконструкции ядра темпоральной системы в пратюркском ... 423
Словообразование глаголов ... 423
Аффиксальное словообразование ... 424
Словосложение ... 435
Внутриглагольное словообразование ... 439
Причастие ... 444
Превращение древних отглагольных прилагательных в причастия ... 448
Причастия настоящего, прошедшего и будущего времени ... 449
Причастия, возникшие в более позднее время ... 470
Деепричастия ... 471
Деепричастия, связанные с формой местного падежа ... 475
Деепричастия, связанные с формой древнего терминатива на *-ča/-ča* ... 476
Деепричастия, связанные с древним комитативом на *-ly/-aly/-alı* ... 478
Деепричастия, этимология и реконструкция которых затруднены ... 479
Инфинитив ... 483

Глава VII

Служебные части речи ... 491
Послелоги ... 491
Послелоги отглагольного происхождения ... 492
Послелоги отыменного происхождения ... 494
Первообразные послелоги ... 495
Послелоги, являющиеся грамматизованными формами качественных имен ... 499
Наиболее распространенные имена с пространственно-временным значением ... 501
Частицы ... 504
Союзы ... 508

Глава VIII

Мимемы ... 517

Литература ... 521

Принятые сокращения ... 543
Издания ... 543
Памятники ... 543
Языки, диалекты, говоры ... 544

Указатель аффиксов (*Е.М. Напольнова, О.Н. Буль*) ... 549